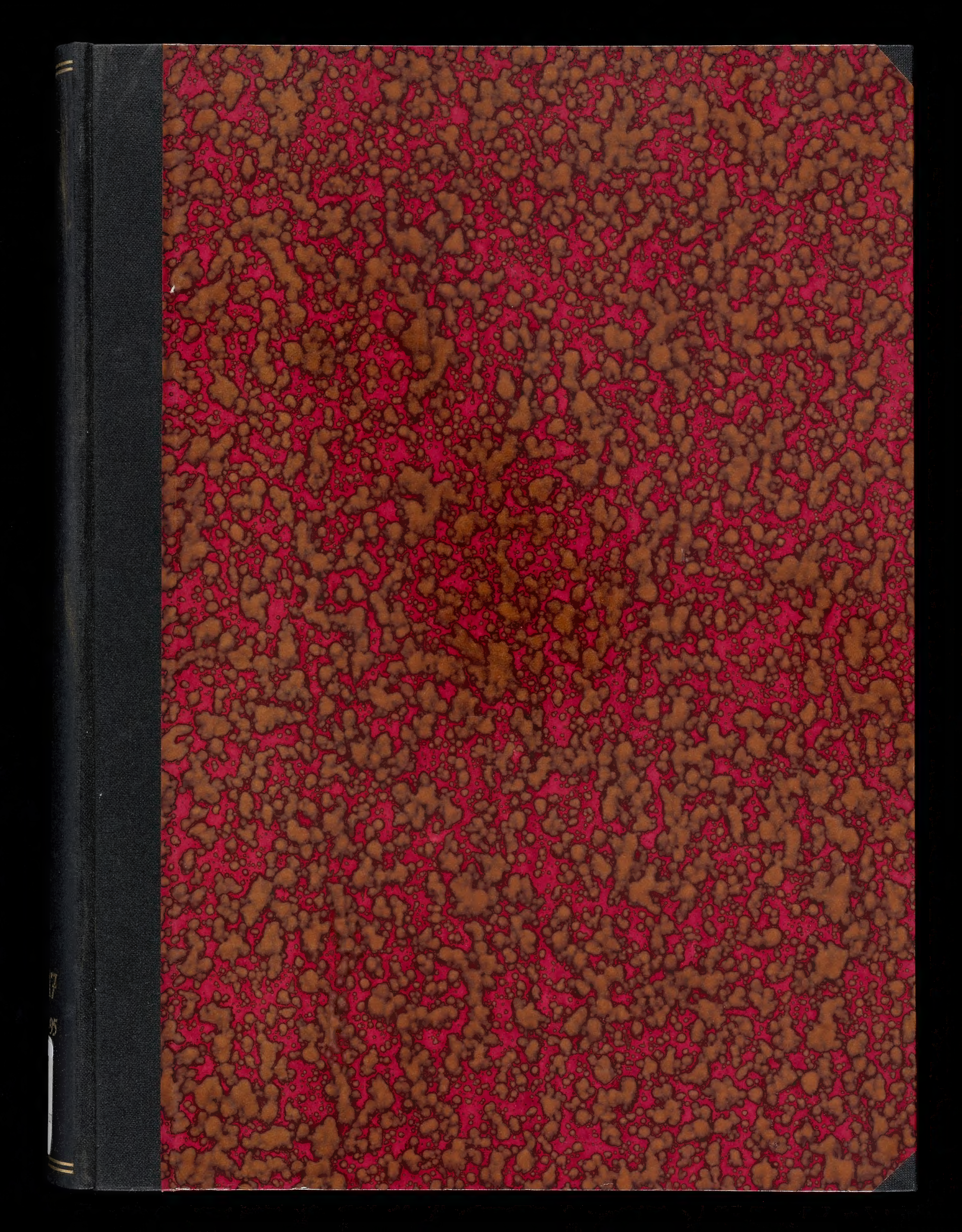


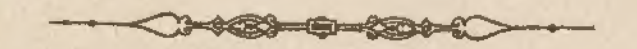
THE GETTY CENTER LIBRARY
Why ask for the moon
when we have the stars?
AS

Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie publiés par la Commission Impériale Archéologique. № 15, formant la 3-e et dernière livraison du 1-er volume des Antiquités Sibériennes (les deux premières ont paru en 1888 et 1891). St.-Pétersbourg, 1894. 163 pages 4°, avec 8 planches et 59 vignettes.

Sommaire.

La première partie de cette livraison (pages 81—132) contient la description des objets en bronze et en fer, comme faux, faucilles, marteaux, ciseaux, lissoires et pointes de fourreaux, flèches et lances, ainsi que quelques pierres à aiguiser, appartenant, pour la plupart, à *M-r I. Lopatine* et trouvés au gouvernement de Iénisseïsk. Ce travail est dû à la plume de *M-r W. Radloff*, membre de l'Académie Impériale des Sciences à St.-Pétersbourg.

Le supplément (pages 53—146) reproduit: 1) des renseignements, tant imprimés que manuscrits, sur différentes sortes d'antiquités sibériennes explorées pendant le XVIII siècle par les géodesistes *Loujine* et *Chichkoff* (pages 53, 140—146) et le commissaire des mines à Nertchinsk *Bourtzoff* (pages 54); 2) des rapports officiels de *G. F. Müller* et *I. G. Gmélin* (pag. 55—126); 3) des notes complémentaires puisées dans des lettres de *N. C. Witsen* (pag. 127—135, avec des remarques de *M-r Smirnoff* pag. 135—137), dans l'itinéraire de *Messerchmidt* (pag. 137—139), et dans les archives de l'Académie Impériale des Sciences à St.-Pétersbourg (pag. 146).



Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie publiés par la Commission Impériale Archéologique. № 15, formant la 3-e et dernière livraison du I-er volume des Antiquités Sibériennes. (Les deux premières ont paru en 1888 et 1891.) St.-Pétersbourg. 1894. 158 pages 4°, avec 5 planches et 58 vignettes.

Sommaire.

La première partie de cette livraison (pages 1—121) contient la description des [illegible]

[illegible]

[illegible]

СИБИРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

В. В. РАДЛОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ КАРТОЮ, 22 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И 109 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

См. Матеріалы по археологіи Россіи №№ 3, 5, 15.

Содержаніе 1-го тома.

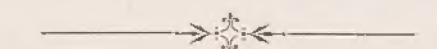
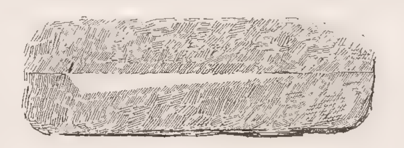


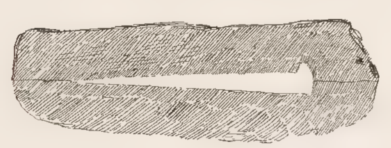
Таблица XV.

1. Коса изъ красной мѣди, найденная около села Перевознаго, Минусинскаго округа. Она представляетъ простѣйшій типъ мѣдныхъ косъ. Форма для отливки ея состояла, повидимому, изъ двухъ половинъ; въ нижней имѣлось двугранное углубленіе, одна грань котораго соотвѣтствовала изображенной на рисункѣ поверхности косы, а другая, значительно болѣе узкая — обуху косы; обѣ грани прилегали другъ къ другу подъ тупымъ угломъ. Верхняя половина формы представляла гладкую плоскость, налагавшуюся на углубленіе въ видѣ крышки. Прилаг. политипажъ представляетъ перпендикулярный разрѣзъ формы. Въ широкомъ концѣ углубленія было сдѣлано круглое возвышеніе въ 4 миллиметра въ діаметрѣ, доходившее до плоскости крышки. О формѣ для отливки этой косы можно судить очень точно, такъ



какъ послѣдняя, повидимому, не была въ употребленіи и послѣ отливки не подвергалась никакой очисткѣ. Доказывается это яснѣе всего краями описываемой косы: по наружному краю обуха находятся неровности, происшедшія отъ того, что крышка не совсѣмъ плотно прилегала къ верхнему краю углубленія; тѣ-же неровности замѣтны и вокругъ отверстія на задней части косы. Самое отверстіе доказываетъ, что возвышеніе въ углубленіи не было правильно: на днѣ оно было гораздо шире, на верху только внутренняя его часть доходила до крышки. Лезвее косы образуетъ не совсѣмъ правильную линію, что опять-таки происходитъ отъ неплотнаго прилеганія крышки. Повидимому, оно находится въ томъ-же состояніи, въ какомъ вышло изъ формы. Нигдѣ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ искусственнаго заостренія. Рисунокъ даетъ очень вѣрное понятіе о состояніи поверхности косы. Темныя полосы на остромъ концѣ поверхности нисколько не измѣнились отъ вліянія сырости, а покрылись довольно ровной темно-зеленой патиной; неправильности на широкомъ концѣ косы происходятъ отъ выступающихъ пятенъ свѣтло-зеленой окиси. Лезвее косы продолжается отъ ея остраго конца почти до мѣста, находящагося противъ отверстія, такъ что употреблявшій эту косу никакъ не могъ держать ее прямо рукою; поэтому я того мнѣнія, что къ заднему концу косы прикрѣплялась деревянная рукоятка. Слѣдуетъ еще замѣтить, что обѣ широкія стороны косы не образуютъ совершенно ровныхъ плоскостей, а слегка согнуты къ лицевой сторонѣ, образуя дугу высотой до 3 милл. (Коллекція Лопатина, № 26).

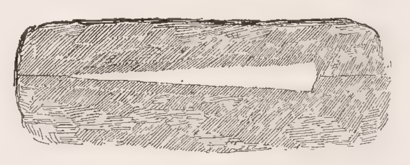
2. Коса изъ красной мѣди такого-же типа, какъ предыдущая, съ тою лишь разницею, что обухъ ея, почти такой-же толщины, какъ у 1-й, образуется узкою, выходящею съ лицевой стороны косы, гранью, такъ что лицевая сторона представляетъ вогнутую поверхность. Прилагаемый политипажъ представляетъ видъ перпендикулярнаго разрѣза формы для отливки этой косы. Такъ какъ задняя сторона косы такая-же, какъ у № 1-го, т. е. совершенно ровная, то коса эта съ самаго начала была уже гораздо тоньше и легче, чѣмъ предыдущая. Первоначально она и величиной и фигурой была, вѣроятно, совершенно тождественна съ ней, но со временемъ отъ долгаго употребленія уменьшилась. Расплюснутый, недалеко отъ остраго конца косы, обухъ доказываетъ, что лезвее его было также притуплено и впослѣдствіи заострено ударами молотка, а узкая полоса по лезвею свидѣтельствуетъ, что оно, кромѣ того, было заострено на оселкѣ. Изъ уцѣлѣвшаго куска косы видно, что она подвергалась многократному завастриванію до тѣхъ поръ, пока осталась только узкая полоска у обуха. Здѣсь видно, однако, что лезвее заострялось не все, а лишь до точки, лежащей на ½ сантим. впереди отверстія. За этой точкой, какъ видно, намѣренно выточена треугольная выемка, служившая, вѣроятно, для прикрѣпленія ремня, которымъ привязывалась рукоятка. Коса эта нѣсколько лучшей работы, чѣмъ № 1; обухъ, хотя и не образуетъ совершенно правильной кривой, все-таки, кажется, былъ очищенъ послѣ отливки. Отверстіе въ задней половинѣ косы больше и правильнѣе, оборотная сторона слегка притерта. Обѣ поверхности покрыты довольно ровной темной патиной. Неправильности на лицевой сторонѣ (показанныя на рисункѣ) происходятъ, по моему мнѣнію, отъ ударовъ молоткомъ, которымъ она многократно подвергалась при завастриваніяхъ. Найдена на пашнѣ около сел. Бейскаго, на правой сторонѣ р. Абакана, недалеко отъ г. Минусинска. (Коллекція Лопатина, № 85).



3. Мѣдная коса точно такого-же типа, какъ предыдущая, только несравненно лучшей работы. Оборотная сторона совершенно гладка и, повидимому, тщательно отшлифована; такимъ-же образомъ грань, образующая совершенно круглый обухъ, правильно шлифована послѣ отливки, такъ что всѣ неправильности уничтожены; лицевая сторона также гладко вычищена. Вслѣдствіе всего этого коса сдѣлалась гораздо тоньше предыдущихъ и похожа на наши желѣзныя косы. Хотя по формѣ и величинѣ она сначала, вѣроятно, была тождественна съ № 1, но вслѣдствіе частыхъ завастриваній доведена до крайнихъ предѣловъ употребленія; на задней сторонѣ остались только узкій край, окружающій отверстіе, и не болѣе половины обуха. Выемка на задней части лезвея указываетъ и здѣсь на укрѣп-

леніе рукоятки. Часть обуха у остраго конца косы также приплюснута ударами молотка, а на лезвеѣ ясно видны слѣды затачиванія на оселкѣ. Оборотная сторона покрыта черной патиной, лицевая же сторона—тонкимъ слоемъ бурой окиси, непрочно соединенной съ мѣдью, такъ какъ мѣстами она отскочила вслѣдствіе ударовъ, нанесенныхъ косѣ послѣ нахожденія. Форма выемокъ на широкомъ концѣ косъ 2-й и 3-й даетъ намъ право предполагать, что рукоятка прикрѣплялась къ косамъ указаннымъ на прилаг. къ этому § политипажѣ способомъ. Задній конецъ косы былъ вставленъ въ расщепленную круглую палку и закрѣпленъ ремнемъ, проведеннымъ черезъ отверстіе. Слѣдуетъ указать еще на то обстоятельство, что тѣло этихъ двухъ косъ такъ-же дугообразно изогнуто въ лицевую сторону, какъ у № 1-го. И эта коса найдена у сел. Бейскаго, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 27).

4. Коса или скорѣе серпъ изъ золотистой бронзы другого типа. По срединѣ обуха замѣтны слѣды тонкаго паза, указывающаго на то, что углубленія, соотвѣтствующія двумъ сторонамъ серпа, были въ обоихъ половинахъ формы (см. прилаг. политипажъ). По виду эта коса отличается отъ предыдущихъ бо́льшей кривизной обуха и узкостью задняго конца. Ширина послѣдняго не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ сантим.; онъ толще и обѣ плоскія стороны его почти параллельны другъ другу; на немъ имѣется правильное треугольное отверстіе, основаніе котораго лежитъ невдалекѣ отъ задняго края. Боковыя стороны задней части серпа нѣсколько расходятся, такъ что эта послѣдняя образуетъ правильную трапецію, непараллельныя стороны которой равны по длинѣ 4 сант. Отсюда обухъ образуетъ крутой изгибъ, полого опускающійся лишь у остраго конца серпа. Первоначальную форму лезвея теперь, конечно, нельзя опредѣлить, такъ какъ оно, повидимому, было долго въ употребленіи и значительная часть его сточена, по кажется, что оно образовало всегда дугообразную линію, какъ и теперь. Лицевая сторона вычищена такъ-же, какъ и у предшествовавшихъ косъ, и не носитъ на себѣ слѣдовъ заостренія, а на оборотной сторонѣ еще и теперь замѣтна широкая (болѣе $1\frac{1}{2}$ сант.), вдавленная ударами молотка, полоса, наружный край которой отточенъ на оселкѣ. Отдѣлка косы довольно изящна. Всѣ края, обухъ, задній конецъ и треугольное отверстіе тщательно закруглены и зачищены, а лицевая сторона даже полирована, и такъ какъ обѣ стороны его равномѣрно покрыты хорошей темнозеленой патиной, то очевидно, что углубленія на срединѣ лицевой стороны и вокругъ треугольнаго отверстія произошли отъ ошибки въ формѣ при отливкѣ серпа; углубленія по возможности сглажены, но окончательно уничтожить ихъ нельзя было безъ ущерба для прочности серпа, который и безъ того уже былъ довольно тонокъ и легокъ. Неровности на лицевой сторонѣ у остраго конца произведены ударами остраго инструмента уже послѣ нахожденія. У серпа этого также замѣтенъ легкій изгибъ всего тѣла на лицевую сторону, какъ и у косъ ранѣе описанныхъ. Найденъ на пашнѣ въ 2—3 верст. отъ дер. Бережковой, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 97).



5. Серпъ изъ красной мѣди, очень хорошей работы. По типу подходитъ къ серпу № 4, но болѣе дугообразенъ. Обухъ образуетъ почти часть дуги круга; по срединѣ его замѣтны слѣды паза, указывающаго на то, что углубленія имѣлись въ обѣихъ половинахъ формы. Обѣ поверх-

ности его гладки, края тщательно отшлифованы. Форма задняго конца такая-же, какъ и у предыдущаго, только отверстіе меньше и совершенно круглое. Къ внутреннему краю отверстія примыкаетъ крестообразное углубленіе, продольная часть котораго шире поперечной. Получено оно было при самой отливкѣ въ формѣ и только часть его, прилегающая къ отверстію, и поперечная часть слегка зачищены острымъ инструментомъ. Кажется, что крестъ этотъ представляетъ «тамгу» (знакъ собственности) лица, заказавшаго серпъ. Еслибы мастера ставили свои знаки, то послѣдніе встрѣчались бы чаще на инструментахъ такого рода. Серпъ этотъ былъ въ употребленіи, но не долго. Послѣднее доказывается правильностью остраго конца, а на то, что онъ вообще былъ въ употребленіи, указываютъ слѣды оттачиванія оселкомъ, видимые на лицевой сторонѣ, и зарубина на задней части лезвея, происшедшая отъ удара ея о камень во время работы. Зарубина эта была впослѣдствіи исправлена при помощи молотка. Обѣ стороны серпа покрыты равномѣрно довольно хорошей патиной, защитившей металлъ отъ дальнѣйшаго вліянія сырости. Незначительность отверстія не позволяетъ предполагать, чтобы къ этому серпу прикрѣплялась рукоятка. Черезъ отверстія можно протянуть тонкій ремешекъ не болѣе одного раза, чего было бы вовсе недостаточно для закрѣпленія рукоятки, а такъ какъ задній конецъ со всѣхъ сторонъ хорошо зачищенъ и закругленъ и вполнѣ удобно держится рукой, то я думаю, что серпъ употреблялся безъ рукоятки. Такому его употребленію способствовалъ и значительный изгибъ лезвея. Если захватить лѣвой рукой пучекъ стеблей хлѣбнаго растенія, то срѣзать его было бы не трудно, держа серпъ въ правой рукѣ и нанося ударъ въ косвенномъ направленіи слѣва на право. Серпъ этотъ ясно доказываетъ, что имъ жали хлѣбъ, а не траву; для кошенія послѣдней понадобился бы инструментъ гораздо большихъ размѣровъ и вѣса. Изгибъ въ лицевую сторону всего тѣла серпа замѣтенъ и здѣсь. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, на берегу р. Сида, притока Енисея съ правой стороны. (Коллекція Лопатина, № 88). Въ Минусинскомъ музеѣ находятся два серпа такого-же типа; они найдены у р. Малой Минусы и въ Тумнѣ, Ачинскаго округа. Лезвее послѣдняго нѣсколько прямѣе, похоже на фиг. 4. (Ср. *Martin*, Les antiquités de l'âge de bronze de la Sibérie, pl. 10, f. 9 и 10).

6. Серпъ изъ красной мѣди, похожій на предыдущій. Сравнительно съ серпами фиг. 4 и 5, онъ отличается особенной тяжестью и прочностью работы. Широкій конецъ его, длиною до 5 сант., образуетъ ясно рукоятку, края которой тупы и тщательно закруглены, такъ что она очень удобно держится рукой; отверстіе продолговато и такъ узко, что черезъ него едва можно продѣть 2 раза тонкій ремешекъ, чего, конечно, недостаточно для закрѣпленія деревянной рукоятки. Лезвее почти такой-же формы и величины, какъ у серпа фиг. 5. Обѣ поверхности его гладки, завастриваніе производилось съ лицевой стороны, гдѣ и видны слѣды ударовъ молоткомъ и точенія на оселкѣ. Обухъ очень широкъ и коротокъ. Рукоятка совершенно прямая, а тѣло серпа за ней изогнуто на лицевую сторону значительно больше, чѣмъ у предыдущихъ. Этотъ серпъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ употреблялся такъ, какъ я указалъ для серпа фиг. 5. Размѣры его и длина рукоятки, повидимому, указываютъ на то обстоятельство, что онъ употреблялся взрослымъ мужчиной, между тѣмъ какъ серпы фиг. 4 и 5 предназначались для мальчиковъ и женщинъ, что̀ подтверждается меньшими размѣрами ихъ и короткостью рукоятокъ, вовсе неудобныхъ для держанія въ рукѣ взрослаго, и вполнѣ подходящихъ къ рукамъ женщинъ и дѣтей. Серпъ былъ покрытъ ровной темной патиной, но по нахожденіи его она была счищена. Работа грубѣе, чѣмъ у

предыдущихъ. Найденъ на пашнѣ у села Тесинскаго, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 106). Въ Минусинскомъ музеѣ серпъ такого-же типа, лезвее котораго сильно уменьшилось отъ долгаго употребленія. (Ср. *Martin*, l. l. pl. 10, fig. 8); онъ найденъ въ селѣ Потрошиловѣ.

7. Серпъ изъ красной мѣди такого-же типа, какъ предыдущій. Обухъ менѣе загнутъ, рукоятка длиннѣе и очень удобна для держанія въ рукѣ, отверстіе въ рукояткѣ продолговато, всѣ края зачищены, а стороны отшлифованы. Рукоятка надломлена, но изломъ новый. По срединѣ лицевой стороны была ошибка въ формѣ, давшая натекъ металла, который тщательно зачищенъ впослѣдствіи; здѣсь-же примыкаетъ къ обуху тавро (тамга), состоящее изъ раздѣленнаго на 2 равныя половины прямоугольника, полученнаго при отливкѣ серпа, и тщательно очищеннаго впослѣдствіи, что̀ особенно замѣтно по угламъ. Серпъ этотъ въ употребленіи былъ не долго, такъ какъ острый его конецъ успѣлъ сохранить свою первоначальную форму, но все-таки онъ былъ уже нѣсколько разъ заостренъ, на что указываютъ слѣды ударовъ молоткомъ и царапины оселка на лицевой его сторонѣ. Часть лезвея, примыкающая къ рукояткѣ, нѣсколько повреждена послѣ нахожденія и оскоблена острымъ инструментомъ; здѣсь край лезвея выдавался вѣроятно, какъ у серпа фиг. 6. Употреблялся онъ при работѣ такъ-же, какъ и серпъ фиг. 5. Изгибъ всего тѣла серпа на лицевую сторону здѣсь меньше, чѣмъ у предыдущаго. Онъ былъ покрытъ равномѣрной патиной. Найденъ вблизи сел. Бейскаго, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 93). Въ Минусинскомъ музеѣ находятся 4 серпа такого-же типа. (Ср. *Martin*, ibid. pl. 10, fig. 4—7).

8. Самый большой и крѣпкій изъ серповъ красной мѣди, описанныхъ до сихъ поръ. Форма, въ которой онъ отлитъ, была сдѣлана очень грубо, что̀ ясно замѣчается даже теперь, хотя послѣ отливки онъ былъ тщательно зачищенъ, а края обуха и рукоятки закруглены. Такъ, на верхней части обуха видны нѣкоторыя неправильности, ямки и бугорокъ металла, приклепанный ударами молотка; на лицевой сторонѣ — углубленіе, происшедшее отъ пузыря въ металлѣ, обѣ плоскія стороны не гладки и на многихъ мѣстахъ видны слѣды счищенныхъ выпуклинъ. Лезвее образуетъ правильную дугу и съ лицевой стороны носитъ слѣды ударовъ молоткомъ и точенія на оселкѣ. Боковой изгибъ тѣла значительнѣе, чѣмъ у всѣхъ предыдущихъ серповъ. Здѣсь ясно можно видѣть, что изгибъ этотъ полученъ не въ формѣ, а по выходѣ изъ нея проковкой на круглой наковальнѣ, причемъ къ послѣдней была обращена лицевая сторона серпа, а удары молоткомъ наносились на оборотную сторону. Найденъ близь деревни Тесинской, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 82).

9. Серпъ изъ красной мѣди такого-же типа, съ очень удобной рукояткой. Онъ не только поврежденъ на остромъ концѣ (конецъ отломанъ послѣ нахожденія), но волнообразное, совершенно закругленное лезвее его показываетъ, что отлитіе серпа не удалось. Это обстоятельство даетъ возможность заключить, что форма при отливкѣ такихъ серповъ ставилась нѣсколько наклонно, обухомъ внизъ, и что отверстіе для литья расплавленнаго металла находилось у остраго конца, который лежалъ выше рукоятки. Только такимъ положеніемъ формы и можно объяснить то обстоятельство, что рукоятка и обухъ отлиты совершенно правильно, конецъ же и лезвее не удались, вѣроятно, потому что металлъ или остылъ или его взято было мало. Такіе неудавшіеся серпы всетаки иногда были заостряемы, какъ на это указываютъ другіе серпы въ коллекціи г. Лопатина, но этотъ серпъ не былъ въ употребленіи. Замѣчательно, что рукоятка и

здѣсь зачищена. Можно думать, что серпъ намѣревались пустить въ употребленіе и только впослѣдствіи убѣдились, въ томъ, что окончательное исправленіе его невозможно. Слѣдуетъ еще упомянуть, что серпъ этотъ послѣ нахожденія былъ положенъ острымъ концомъ въ огонь, такъ что находящаяся на немъ зеленоватая патина выгорѣла, обнаживъ металлъ, а средина почернѣла. Найденъ близь сел. Бейскаго, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 99). Такая-же неправильность острія видна на серпѣ Минусинскаго музея. (Ср. *Martin*, pl. 10, fig. 6). Тамъ-же находится серпъ съ тамгою, состоящею изъ двухъ отдѣльныхъ круговъ. (См. *Martin*, pl. 10, fig. 3).

10. Маленькій серпъ изъ красной мѣди, по формѣ и величинѣ близкій къ фиг. 4. Рукоятка его у́же и не такъ правильна. Вмѣсто отверстія, въ концѣ ея находится крючекъ для привязыванія ремня. Сама рукоятка такъ мала, что и дѣтская рука не могла бы держать ее, поэтому можно предположить, что серпъ держали за обухъ, налагая большой палецъ правой руки ниже края обуха на лицевую сторону, а остальными пальцами захватывали рукоятку и серпъ съ оборотной стороны. О длинѣ и первоначальной формѣ лезвея теперь нельзя судить, такъ какъ серпъ этотъ, повидимому, долго былъ въ употребленіи и частыми завастриваніями очень уменьшенъ; слѣды послѣднихъ видны на обѣихъ его сторонахъ. Форма была сдѣлана тщательно, серпъ гладко отшлифованъ, пазъ на обухѣ едва замѣтенъ. До нахожденія онъ былъ покрытъ хорошей патиной, но впослѣдствіи вычищенъ, такъ что теперь на многихъ мѣстахъ видна блестящая поверхность мѣди. Найденъ вблизи дер. Корелки на р. Чулымѣ. (Коллекція Лопатина, № 105).

11. Очень маленькій серпъ изъ красной мѣди довольно грубой работы. Онъ представляетъ образецъ серпа съ неудавшимся лезвеемъ (какъ на № 9), но всетаки заточеннаго. Что неправильная форма лезвея произошла здѣсь не отъ долгаго употребленія, а именно отъ затачиванія съ цѣлью исправленія неровностей, полученныхъ при отливкѣ, доказываетъ глубокая зазубрина по срединѣ его, имѣющая въ самой глубокой своей части тупой закругленный край. Чтобы уничтожить волнообразную линію лезвея, мастеръ принужденъ былъ сточить почти треть серпа, но всетаки не могъ уничтожить глубокую выемку по срединѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ употребленіе серпа сдѣлалось бы невозможнымъ. Только желаніе указать на способъ исправленія серповъ, неудачно отлитыхъ, побудило меня изобразить въ атласѣ и этотъ, ничѣмъ другимъ не отличающійся серпъ. Найденъ онъ на пашнѣ около села Большая Инья, Тесинской волости, недалеко отъ г. Минусинска. (Коллекція Лопатина, № 90).

12. Самый большой (изо всей коллекціи Лопатина) серпъ изъ красной мѣди; формою своей онъ нѣсколько отличается отъ всѣхъ описанныхъ выше серповъ. Обухъ его образуетъ правильную дугу и въ средней своей части въ два раза толще, чѣмъ на остромъ концѣ и рукояткѣ; онъ гладко зачищенъ и закругленъ, такъ что пазъ на немъ едва замѣтенъ. Рукоятка длинна, постепенно расширяется и удобна для держанія мужской рукой; вмѣсто отверстія, въ концѣ ея имѣется со стороны обуха глубокая вырѣзка, къ которой пригнута узкая полоска со стороны края у лезвея, что вмѣстѣ образуетъ крючекъ, удобный для привязыванія ремня. Лезвее оказывается неудавшимся при отливкѣ, поэтому заостреніе его по всей линіи не удалось и въ трехъ мѣстахъ видны глубокія зазубрины съ закругленными краями. Задняя сторона лезвея, изображенная на рисункѣ, показываетъ слѣды ударовъ молоткомъ, что даетъ поводъ думать, что заостреніе лезвея было произведено не точеніемъ, а проковкой (отбивкой) послѣ отливки. Лицевая

и оборотная стороны не гладки, какъ у другихъ серповъ (описанныхъ выше): на нихъ видны ряды параллельныхъ обуху, кривыхъ неглубокихъ бороздъ, бывшихъ, повидимому, и въ формѣ. Такихъ бороздъ съ каждой стороны имѣется по 7. Несомнѣнно, что онѣ сдѣланы ради украшенія (можетъ быть подражаніе годичнымъ слоямъ дерева). Тѣло серпа погнуто на лицевую сторону и только у остраго конца едва замѣтно. Величина его указываетъ на то, что онъ могъ употребляться и на кошеніе травы; для этого можно было прикрѣпить къ нему и рукоятку. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что послѣдняя здѣсь тоньше, чѣмъ у другихъ серповъ. Серпъ этотъ покрытъ прекрасной блестящей темнозеленой патиной, вездѣ сохранившейся. Найденъ на пашнѣ около сел. Шушинскаго, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 87).

Въ Минусинскомъ музеѣ три серпа, нѣсколько отличающіеся отъ серповъ коллекціи Лопатина: 1) серпъ меньшаго размѣра, почти прямой (*Martin*, pl. 10, fig. 14), найденный въ Сабинскѣ; 2) серпъ очень узкій, образующій правильную дугу, рукоятка его совершенно незамѣтно переходитъ въ лезвее (Martin, pl. 10, fig, 15), найденный въ дер. Изынжулѣ; 3) серпъ очень маленькій такого-же типа, но меньше и прямѣе предыдущаго. На заднемъ концѣ находится, какъ видно изъ рисунка, значительное квадратное утолщеніе, а въ серединѣ его вмѣсто отверстія круглое углубленіе. (*Martin*, pl. 10, fig. 12) Мартинъ отмѣчаетъ: la place du trou est marquée, mais la faucille n'est pas encore perforée. Такое примѣчаніе указываетъ какъ-будто на то, что по мнѣнію г. Мартина маленькія отверстія въ рукояткахъ серповъ просверливались впослѣдствіи, но я полагаю, что мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ ошибками отливки.

На этой-же таблицѣ я помѣщаю еще нѣсколько новыхъ типовъ кинжаловъ и ножей, поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію по окончаніи II-го выпуска «Сибирскихъ древностей».

13. Рукоятка кинжала изъ красной мѣди. Форма для отливки была изготовлена очень тщательно и правильно, и по вынутіи изъ формы кинжалъ былъ хорошо зачищенъ, но, вѣроятно, металлъ былъ нечистъ или плохо расплавленъ, такъ какъ по всей поверхности рукоятки видны рябины, происшедшія отъ маленькихъ пузырьковъ въ расплавленномъ металлѣ, очистить которые не было возможности. Рукоятка эта представляетъ слегка утолщенную по срединѣ и нѣсколько расширяющуюся къ клинку полосу мѣди съ тщательно закругленными краями, но въ общемъ слишкомъ тонкую по величинѣ кинжала, такъ что при сильномъ ударѣ она могла погнуться. Между клинкомъ и рукояткой былъ широкій эфесъ, но о формѣ его теперь судить нельзя. На противуположномъ концѣ рукоятки сдѣлана круглая шляпка, прекрасно отлитая, совершенно правильной и изящной формы; снаружи она гладко отшлифована, внутри же зачищена лишь по краямъ. Рукоятка подъ самой шляпкой нѣсколько расширена, такъ что дѣлитъ послѣднюю пополамъ, примыкая не только ко дну, но и къ краямъ ея.

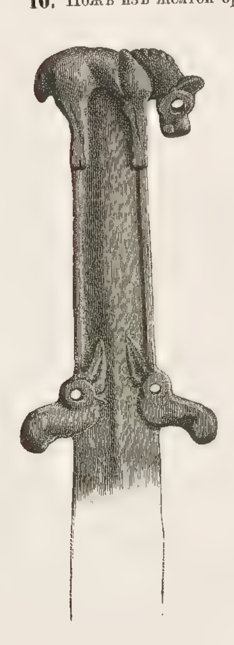
На самомъ верху шляпки находится маленькая плоскость, происшедшая отъ зачищеннаго слѣда паза, полученнаго при отливкѣ. По своей формѣ эта рукоятка похожа на ручку кинжала Табл. X, рис. 4, а шляпка — на такое-же украшеніе № 15 на той-же таблицѣ. Найдена при пахаціи у деревни Терехино, въ 35 в. отъ Красноярска, на р. Есауловкѣ, впадающей въ Енисей справа. (Коллекція Лопатина, № 18).

14. Ножъ изъ красной мѣди совершенно новаго типа. Съ одной стороны онъ представляетъ ровную плоскость, между тѣмъ какъ на другой сторонѣ имѣетъ видъ, изображенный на

рисункѣ. Изъ этого видно, что форма для него была сдѣлана по образцу формъ для косъ 1—3, т. е. только въ одной половинѣ формы было сдѣлано углубленіе, соотвѣтствующее ножу, а другая половина была гладка и налагалась на первую въ видѣ крышки. Въ поперечномъ разрѣзѣ клинокъ ножа имѣетъ видъ тупоугольнаго треугольника, въ которомъ двѣ длинныя стороны образовавали лезвее, а короткая — обухъ ножа. Острый конецъ ножа отломанъ и общая форма клинка показываетъ, что послѣдній былъ, по крайней мѣрѣ, на половину длиннѣе оставшагося куска. Къ рукояткѣ тупой уголъ клинка закругляется и незамѣтно переходитъ въ плоскую, на одной сторонѣ закругленную рукоятку. Между рукояткой и лезвеемъ выдается нѣсколько закругленный выступъ, полого спускающійся къ первой. Конецъ рукоятки также отломанъ, такъ что судить о формѣ его и общей длинѣ рукоятки теперь нельзя. Мѣсто нахожденія точно не указано. На ярлычкѣ значится только Енисейская губ. (Коллекція Лопатина, № 77).

15. Клинокъ кинжала изъ красной мѣди, который былъ вѣроятно вставленъ въ деревянную рукоятку. По формѣ онъ совершенно тождественъ съ клинкомъ, изображеннымъ на Табл. X, рис. 14. Мѣдные кинжалы безъ рукоятокъ встрѣчаются очень рѣдко. Кромѣ указанныхъ здѣсь кинжаловъ этого рода, я нигдѣ не слыхалъ объ ихъ нахожденіи. Мѣсто находки этого клинка точно не обозначено, говорится только о Красноярскомъ окр. (Коллекція Лопатина, № 62).

16. Ножъ изъ желтой бронзы, совершенно отличный по типу отъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ. Рукоятка имѣетъ видъ круглаго, слегка веретенообразнаго столбика, во всей длинѣ котораго проходитъ продолговатое отверстіе. Повидимому, по выходѣ ножа изъ формы, это отверстіе не было сквознымъ, а тонкой стѣнкой раздѣлялось пополамъ; въ настоящее время эта стѣнка пробита въ двухъ мѣстахъ, такъ что отъ нея остался только маленькій кусочекъ. Для чего могло служить это отверстіе, непонятно: для продѣванія ремня оно слишкомъ велико, а для украшенія — некрасиво. Переходъ рукоятки въ клинокъ довольно постепененъ. Самый клинокъ совершенно походитъ на наши бритвенные ножи. Лезвее оканчивается не остріемъ, а кажется какъ-бы обрубленнымъ. Обухъ прямой, ровный, тщательно отшлифованный. Лезвее заострено съ обѣихъ сторонъ на оселкѣ, тупой же конецъ не носитъ на себѣ слѣдовъ заостренія. Отсутствіе какихъ-бы то ни было царапинъ на лезвеѣ даетъ поводъ думать, что ножъ этотъ не употреблялся для рѣзанія твердыхъ предметовъ. Употребленіе его нѣсколько загадочно. Можно, пожалуй, думать, что онъ служилъ для бритья или для соскабливанья шерсти при выдѣлкѣ шкуръ; доказательствомъ этого служитъ его тупой конецъ. Онъ былъ покрытъ прекрасной темнозеленой патиной, но послѣ нахожденія вычищенъ, такъ что отъ патины остались только слѣды на рукояткѣ. Найденъ на пашнѣ около дер. Кардачина, Красноярскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 75). Изображеніе этого ножа уже было помѣщено на Табл. VI, а короткое описаніе его на стр. 38. Но онъ изо-



браженъ здѣсь еще разъ, такъ какъ замѣчательная его форма требовала болѣе точнаго воспроизведенія.

17. Кинжалъ изъ золотистой бронзы, по общей формѣ соотвѣтствующій кинжаламъ, изображеннымъ на Табл. X, рис. 1—4. Рукоятка его изображена на прилагаемомъ политипажѣ (стран. 88) въ натуральную величину. Она образуется ровной широкой пластинкой, края которой окаймлены двумя хорошо закругленными возвышеніями. Эфесъ образуютъ двѣ лошадиныя головы, выступающія по обѣ стороны края клинка. Изображенія этихъ головъ крайне характерны. Глаза образованы двумя круглыми дырочками, а уши обращены къ серединѣ рукоятки. Наружный ея конецъ украшенъ изображеніемъ лошади, ноги которой упираются въ крайнія возвышенія рукоятки, а голова и хвостъ выступаютъ по обѣ ея стороны. О мѣстонахожденіи кинжала извѣстно только, что онъ доставленъ изъ Енисейской губ. (Коллекція гр. А. А. Бобринскаго).

Общее обозрѣніе таблицы XV.

Кромѣ ножей и кинжаловъ, показанныхъ на этой таблицѣ (рис. 13—17), здѣсь изображены еще косы и серпы. №№ 1, 2, 3 и 12, я считаю косами. Причины, побудившія меня къ такому предположенію, высказаны мною при описаніи ихъ. Остальные предметы я считаю серпами. Косъ и серповъ находится въ коллекціи г. Лопатина очень много и мною выбраны здѣсь только типичные образцы. Значительное число ихъ находилъ и я самъ во время моего путешествія по Абаканской степи. Косы и серпы въ коллекціи г. Лопатина собраны имъ въ разныхъ мѣстахъ Минусинскаго, Красноярскаго и Ачинскаго округовъ. Это ясно указываетъ на широкое распространеніе земледѣлія у народовъ, обитавшихъ бассейнъ верхняго Енисея. Такое предположеніе поддерживается и нахожденіемъ многочисленныхъ древнихъ арычныхъ системъ, встрѣченныхъ мною въ различныхъ мѣстахъ Абаканской степи по р.р. Таштыпъ, Иса и Аскысъ. Форма серповъ показываетъ намъ, что эти древніе земледѣльцы жали хлѣбъ серпами безъ рукоятокъ, и что работой этой занимались мужчины, женщины и дѣти (см. описаніе фиг. 5 и 6). Серпами, которыми жали женщины и дѣти, я считаю фиг. 4, 5, 10 и 11, серпами же, употреблявшимися мужчинами — фиг. 6, 7, 8 и 9. Серпы съ изображеніемъ знака ихъ собственниковъ — фиг. 5, 7 и 9. Серпы, не вполнѣ удавшіеся при отливкѣ — фиг. 9, 11 и 12. Послѣдніе два указываютъ на болѣе или менѣе удачное исправленіе ошибокъ.

Таблица XVI.

1. Изображенный здѣсь молотокъ изъ красной мѣди представляетъ самую простую форму боевыхъ молотковъ, найденныхъ въ Енисейской губ. Онъ образованъ круглымъ столбикомъ (толщиною въ $1\frac{1}{2}$ сант.), заостреннымъ на одномъ концѣ и закругленнымъ на другомъ. На трети общей длины отъ закругленнаго конца столбикъ расширяется на двое и въ этомъ мѣстѣ имѣетъ овальное отверстіе для вставки деревянной рукоятки. Короткая ось его равна толщинѣ столбика, а длинная вдвое больше. Вѣсъ всего молотка, по обозначенію Мессершмидта = только 6 драхмамъ. Слабость столбика и рукоятки доказываетъ, что молотокъ этотъ не могъ быть употребленъ въ дѣло, а представляетъ собой лишь дѣтскую игрушку или подражаніе оружію взрослыхъ, точно также, какъ нѣкоторые ножи и кинжалы, по незначительности своихъ размѣровъ, могли служить лишь игрушками дѣтей. Я привожу этотъ молотокъ на первомъ мѣстѣ только потому, что вижу въ немъ образецъ простѣйшей формы боевыхъ молотковъ, употреблявшихся взрослыми людьми. Найденъ Мессершмидтомъ на Енисеѣ и весьма характерно изображенъ въ его атласѣ.

2. Молотокъ изъ красной мѣди, также изъ атласа Мессершмидта. И онъ настолько слабъ, что его можно считать только дѣтской игрушкой. Столбикъ, образующій молотокъ, толще и длиннѣе чѣмъ у перваго. Задній конецъ его также закругленъ, а передній, начиная отъ отверстія для рукоятки — четырехгранный. Круглое отверстіе находится въ кольцеобразномъ утолщеніи столбика, почти втрое превышающемъ послѣднюю по ширинѣ. Подобный-же молотокъ, найденный въ Сабинскѣ, Минусинскаго окр. находится въ Минусинскомъ музеѣ. (*Martin*, l. l., pl. 8, fig. 11).

3. Простѣйшая форма боевыхъ молотковъ взрослыхъ людей. Онъ состоитъ изъ крѣпкаго, закругленнаго со всѣхъ сторонъ кольца, изъ котораго выходитъ спереди толстый цилиндрическій носокъ, заканчивающійся остріемъ, а сзади — постепенно утолщающійся цилиндръ съ округленнымъ концомъ. Правильность формы обоихъ концовъ молотка доказываетъ, что онъ не служилъ рабочимъ инструментомъ, а употреблялся какъ оружіе. Найденъ въ Минусинскомъ окр. Находится въ Минусинскомъ Музеѣ и изображенъ въ атласѣ г. Клеменца на Табл. XIV, рис. № 12, и въ соч. *Martin'a* (pl. 8, fig. 13), гдѣ мѣстомъ его нахожденія значится Городокъ.

4. Боевой молотокъ изъ красной мѣди. Тѣло молотка образуетъ длинный прочный цилиндръ, спереди переходящій въ шестигранный заостренный конецъ, а сзади заканчивающійся плос-

костью. Къ цилиндру примыкаетъ трубка для рукоятки (длиною въ 4 сант.), верхній конецъ которой закрытъ плоскостью съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ. Рукоятка закрѣплялась въ этой трубкѣ при помощи мѣднаго гвоздя, на что указываютъ 2 дырочки въ бокахъ трубки; на заднемъ выступѣ молотка продолговатое отверстіе для продѣванія ремня, которымъ молотокъ, вѣроятно, привязывался къ поясу. Найденъ Мессершмидтомъ на верхнемъ Енисеѣ. Молотки такого-же типа находятся въ Минусинскомъ музеѣ (см. *Martin*, pl. 8, fig. 4, 5, 6, 7).

5. Молотокъ изъ красной мѣди, довольно простой работы. Онъ образуется крѣпкою, съуживающеюся кверху трубкою, отъ которой впередъ идетъ цилиндрическій носокъ, нѣсколько расширяющійся у четырехграннаго заостреннаго конца, а назадъ—также утолщающійся къ концу цилиндръ, ограниченный круглою плоскостью. Въ этой части молотка имѣется продолговатое отверстіе, черезъ которое могъ быть продѣтъ довольно толстый ремень до 1 сант. шириной. Трубка для вставки рукоятки въ верхней своей части открыта, такъ что конецъ рукоятки могъ выставляться наружу; съ боковъ трубки — 2 дырочки, продѣланныя одна противъ другой, что̀ позволяло гвоздь, которымъ закрѣплялась рукоятка, заклепать съ обѣихъ сторонъ. Ни острый конецъ молотка, ни его обухъ не носятъ на себѣ слѣдовъ работы или порчи отъ ударовъ о твердые предметы: они сохранились въ томъ видѣ, какъ вышли изъ рукъ мастера. Слѣдовъ паза почти нигдѣ не замѣтно, всѣ они тщательно зачищены, а самый молотокъ отшлифованъ; только въ углахъ, образуемыхъ трубкою и обѣими половинами молотка, можно видѣть эти слѣды очень ясно. Изъ этого можно заключить, что форма для отливки молотка состояла изъ двухъ тождественныхъ половинъ. Весь молотокъ покрытъ сплошной некрасивой патиной. Найденъ въ верхнемъ слоѣ земли около села Бастени, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 170). Подобные-же молотки находятся въ Минусинскомъ музеѣ (см. *Martin*, pl. 8, № 4—8).

6. Боевой молотокъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы. По общей формѣ своей онъ представляетъ какъ-бы соединеніе молотка № 1, съ вставленной въ его отверстіе трубкой. Конецъ носа былъ когда-то острый и четырехгранный, но послѣ находки молотка такъ иззубренъ, что вполнѣ ясно опредѣлить его первоначальную форму невозможно. Задній выступъ, постепенно расширяясь, переходитъ въ совершенно круглый конецъ. И задній выступъ и носъ наклонены нѣсколько внизъ, такъ что образуютъ между собой тупой уголъ. Въ углу между нижней стороной носа и трубочкой находится украшеніе, не ясно различимое, но по моему мнѣнію, представляющее головку птицы. Трубочка для вставки рукоятки нѣсколько съуживается кверху; снизу она кругла, сверху слегка угловата. Весь молотокъ тщательно отшлифованъ и нигдѣ не показываетъ ни малѣйшей неправильности. Пазъ отъ неплотнаго прилеганія половинокъ формы замѣтенъ только на задней части трубки и въ углахъ при началѣ носа и задняго выступа. Верхній край трубки нѣсколько поврежденъ; на немъ замѣтно, кромѣ того, 6 неглубокихъ зарубокъ. Молотокъ этотъ покрытъ блестящей темно-зеленой патиной, способствовавшей его прекрасному сохраненію (вѣсъ = 282 gr.). Найденъ около села Шувахва, Красноярскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 134). Въ Минусинскомъ музеѣ находится молотокъ такого-же вида, но меньшаго размѣра. Острый конецъ этого молотка плоскій (см. *Martin*, pl. 8, fig. 10).

7. Боевой молотокъ изъ красноватой бронзы, меньшаго размѣра (вѣсъ = только 187 gr.). Трубка для укрѣпленія рукоятки не меньше, чѣмъ у предыдущаго молотка, стѣнки ея довольно

толсты, но не вездѣ одинаковы, у верхняго края гораздо толще, чѣмъ у нижняго, такъ что діаметръ верхняго отверстія менѣе половины діаметра нижняго; въ стѣнкахъ трубки имѣются два отверстія, лежащія другъ противъ друга, причемъ одно изъ нихъ больше другого. Носъ и задній выступъ молотка очень неправильны; они образуютъ между собой тупой уголъ, такъ какъ носъ значительно наклоненъ внизъ, а задній выступъ соединяется съ трубкой подъ прямымъ угломъ. Задній выступъ четырехгранный, къ концу нѣсколько расширяющійся, и заканчивается прямоугольною плоскостью. Носъ у основанія толще, чѣмъ по срединѣ, и шестигранный; къ срединѣ грани переходятъ въ круглый столбикъ, который потомъ опять расширяется и заканчивается четырехграннымъ остріемъ. По обѣ стороны трубки, въ срединѣ между основаніями носа и задняго выступа, находятся 2 квадратныя возвышенія съ тремя бороздками на каждомъ. По отливкѣ молотокъ былъ только зачищенъ, но не отшлифованъ, отчего вся поверхность его довольно шероховата и груба. Пазъ отъ неплотнаго прилеганія половинокъ формы замѣтенъ не только на трубкѣ, но и по всей длинѣ верхней и нижней плоскостей носа и задняго выступа. За исключеніемъ носа, который былъ очищенъ послѣ насадки, весь молотокъ покрытъ некрасивой грязновато-темной патиной. Найденъ вблизи г. Минусинска. (Колл. Лопатина, № 169).

8. Боевой молотокъ изъ красной мѣди (вѣсъ 307 gr.), отличающійся нѣсколько отъ предыдущихъ молотковъ, между тѣмъ какъ у тѣхъ трубочка казалась какъ-будто продѣтой сквозь кольцо, связывающее задній выступъ и носокъ, здѣсь трубочка оказывается какъ-бы прикрѣпленною къ нижней сторонѣ молотка; сверху же къ ней прикрѣплена гайка. Тѣло молотка имѣетъ видъ шестигранной призмы, сзади оканчивающейся плоскостью, а спереди — четырехграннымъ остріемъ. Въ стѣнкахъ цилиндрической трубки для рукоятки имѣются два лежащія другъ противъ друга отверстія для гвоздя. Въ углу между трубочкой и носомъ какъ-бы вдѣланъ закругленный клинъ, поддерживающій носъ. Сверху молотка надъ трубочкой находится закругленная продолговатая пластинка съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ. Въ заднемъ выступѣ продѣлано узкое продолговатое отверстіе для ремня. Молотокъ тщательно отшлифованъ, такъ что нигдѣ не осталось и слѣдовъ паза формы. Весь онъ покрытъ темной некрасивой патиной и только на краяхъ послѣдняя счищена послѣ находки молотка. На заднемъ выступѣ нигдѣ не видно слѣдовъ поврежденія, конецъ же носа погнутъ сильными ударами молотка уже послѣ находки молотка. Удары, повидимому, были наносимы въ нижнюю часть конца, отчего весь носокъ помимо конца погнутъ нѣсколько вверхъ. Нельзя думать, что это поврежденіе было сдѣлано во время употребленія молотка, т. е. при нанесеніи сильнаго удара носкомъ о какую-нибудь твердую поверхность, потому что въ этомъ случаѣ конецъ не могъ бы такъ сильно погнуться и въ такомъ направленіи; наконецъ трубочка не могла бы выдержать столь сильнаго удара и потерпѣла бы поврежденіе въ мѣстѣ соединенія съ носомъ. Отдѣлку этого молотка нельзя назвать хорошей. Форма была сдѣлана грубо, слѣды чего можно видѣть на сторонѣ молотка, неизображенной на рисункѣ. Найденъ въ курганѣ, на правомъ берегу р. Тубы, недалеко отъ с. Кавказскаго, Тесинской волости, Минусинскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 172).

9. Боевой молотокъ изъ желтой бронзы, прекрасной работы. Трубочка образуетъ правильный, нѣсколько съуживающійся кверху, цилиндръ. Носъ шестигранный, конецъ его ограниченъ также 6-ю ромбами, сходящимися въ одной точкѣ. Задній выступъ имѣетъ клинообразную форму и соединяется съ носомъ широкой толстой полоской, съ двухъ сторонъ облегающей тру-

бочку. Тотчасъ-же у трубочки молотка тщательно округленное кольцо. Вся поверхность молотка хорошо отшлифована и нигдѣ не показываетъ ни малѣйшихъ неправильностей; всѣ углы и края остры и гладки. Онъ купленъ мной въ Тесинской волости, на правомъ берегу Енисея, недалеко отъ Минусинска, и находится теперь въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ. Такого типа молотки находятся въ Минусинскомъ музеѣ (см. Martin, pl. 8, № 1 и 2), но по краямъ задней части находятся возвышенная полоса и въ серединѣ продолговатое отверстіе для проведенія ремня.

10. Боевой молотокъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, по общей формѣ своей похожій на предыдущій. Задній выступъ образуетъ также клинъ, только на каждой сторонѣ его находятся три желобообразныя борозды; 4 рубчатые валика, раздѣляющіе борозды, на концѣ выступа скошены одной плоскостью, такъ что лезвее послѣдняго кажется образованнымъ изъ ряда треугольниковъ, соприкасающихся основаніями. На обѣихъ сторонахъ два наружные валика доходятъ лишь до половины трубочки, а два внутренніе до основанія носа. Носъ молотка восьмигранный; по всѣмъ гранямъ его проходятъ неглубокіе желобки, доходящіе лишь до того мѣста, гдѣ носъ заостряется въ четырехгранный конецъ. Три ребра 4-хъ граней по обѣимъ сторонамъ носа проходятъ до половины трубочки и попадаютъ въ желобки между валиками задняго выступа, отчего на самой срединѣ трубочки образуются 7 возвышеній. Въ углу между трубочкой и носомъ находится подпорка въ видѣ птичьей головки, носъ которой отломанъ. Трубочка овальная, съ нѣсколько сплюснутыми у носа боками, вверху уже, чѣмъ внизу, и выдается впередъ на 1 сант.; въ бокахъ ея пробиты другъ противъ друга два отверстія для гвоздя, закрѣпляющаго рукоятку. На заднемъ краѣ нижней части трубочки имѣется треугольное ушко съ круглой дырочкой для продѣванія ремня. Молотокъ этотъ хорошо отлитъ и тщательно отшлифованъ. Онъ нѣсколько вычищенъ послѣ нахожденія, но всетаки позволяетъ ясно видѣть, что темная патина, мѣстами покрывающая его, происходитъ отъ окисленія тонкаго слоя олова, которымъ былъ покрытъ молотокъ. Вѣсъ его равенъ 279 gr. Найденъ на пашнѣ около деревни Пермяковой, на р. Канѣ, въ Канскомъ округѣ. (Коллекція Лопатина, № 179).

11. Боевой молотокъ изъ красной мѣди, такого-же типа, но болѣе грубой работы. Задній выступъ очень широкъ и содержитъ 4 продольныя углубленія и 5 рубчатыхъ валиковъ; самый верхній изъ этихъ валиковъ охватываетъ колечкомъ верхній конецъ трубочки, два средніе проходятъ по ней и переходятъ въ узкую среднюю грань носа, а остальные доходятъ только до мѣста соединенія трубочки съ заднимъ выступомъ. Носъ шестигранный, постепенно съуживающійся къ концу, причемъ 2 среднія грани его очень узки и не доходятъ до конца, который поэтому является четырехграннымъ. Трубочка длинная, кверху съуживающаяся; у нижняго края ея назади круглое ушко съ отверстіемъ для ремня. Форма этого молотка, повидимому, была грубо сдѣлана, но онъ хорошо отлитъ и довольно тщательно зачищенъ и отшлифованъ. Онъ былъ покрытъ свѣтло-зеленой патиной, которая теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очищена. Вѣсъ = 314 gr. Найденъ при пахaніи земли, недалеко отъ г. Канска, около сел. Ануарь, Канскаго округа. (Коллекція Лопатина, № 173).

12. Молотокъ такого-же типа, но настолько слабый, что его можно считать игрушкой. Носъ, идущій отъ трубки, круглый, постепенно заостряющійся и на концѣ слегка загнутый. Задній выступъ походитъ на выступы молотковъ 10-го и 11-го, только сравнительно шире и

содержитъ 6 рубчатыхъ валиковъ и 5 желобковъ. Онъ купленъ мною въ Юской степи, Ачинскаго округа.

13. Мѣдный боевой молотокъ, очень дурной работы. Поверхности его очень ровны. Онъ сильно пострадалъ отъ сырости, такъ что первоначальную его форму опредѣлить нельзя. Трубка его широка и коротка, съ толстыми стѣнками; задній выступъ круглый, слегка заостренный на концѣ, носикъ такой-же толщины, какъ задній выступъ, но вдвое длиннѣе его и на концѣ только слегка заостренъ. Неровное возвышеніе, идущее по трубочкѣ отъ задняго выступа до носка, показываетъ, что здѣсь была кольцеобразная полоска, какъ у фиг. 6-й на этой-же таблицѣ. Этотъ молотокъ находился въ коллекціи г. Александрова въ Красноярскѣ и найденъ на правомъ берегу Енисея у деревни Товгашино (или Ладейской).

14. Большой боевой молотокъ изъ красноватой бронзы, вѣсомъ въ 778 gr. Онъ находится въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ вышелъ изъ формы, т. е. не подвергался ни малѣйшему исправленію и въ этомъ отношеніи крайне поучителенъ. Выдающійся вокругъ всего молотка пазъ (на рисункѣ 14 в. представленъ этотъ молотокъ сверху и на немъ отчетливо виденъ этотъ пазъ) ясно доказываетъ, что обѣ половинки формы были совершенно одинаковы; при отливкѣ форму ставили нѣсколько наклонно, такъ что задній выступъ занималъ болѣе низкое положеніе, чѣмъ носъ; отверстіе для литья находилось въ носовой части формы, на что указываетъ кусокъ металла въ концѣ носа. Трубка для вставки рукоятки продолговата, съуживается къ верхнему концу и обведена у послѣдняго колечкомъ; верхній край стороны, противуположной изображенной на рисункѣ, отчасти выломанъ, а у нижняго края той-же стороны маленькая дырочка, происшедшая случайно при отливкѣ. Отсутствіе двухъ обычныхъ отверстій для закрѣпленія рукоятки указываетъ, что эти послѣднія у остальныхъ молотковъ пробиты послѣ ихъ отливки. И носъ и задній выступъ представляютъ четыреугольный стволъ, носовой конецъ котораго заостренъ 4-мя гранями еще въ формѣ, конецъ же задняго выступа отрубленъ послѣ находки молотка. Послѣ находки его, погнуты и обѣ половины молотка, какъ оно видно на рисункѣ 14 в. Такое погнутіе ясно доказываетъ, что молотокъ этотъ могъ служить только оружіемъ, а не инструментомъ для какой-нибудь другой цѣли; при ударахъ носомъ или заднимъ выступомъ въ твердое тѣло, оба они должны были погнуться, какъ мы видимъ это теперь. Вѣроятно нашедшій этотъ молотокъ вставилъ въ него рукоятку и нанесъ имъ нѣсколько ударовъ, его изогнувшихъ. Весь молотокъ покрытъ некрасивой черной ржавчиной. Найденъ при паханіи земли около дер. Терехино, въ 35 верст. отъ Красноярска, на р. Есауловкѣ, впадающей въ Енисей справа. На ярлыкѣ помѣтка, что поврежденія сдѣланы деревенскимъ кузнецомъ. (Колл. Лопатина, № 171).

Общее обозрѣніе таблицы XVI.

На этой таблицѣ изображены различныя формы молотковъ, которые я считаю боевыми молотками, т. е. оружіемъ. Причины, побуждающія меня къ этому, высказаны мною въ разныхъ мѣстахъ описанія отдѣльныхъ фигуръ, но не лишне будетъ повторить ихъ здѣсь: 1) Носы всѣхъ молотковъ, за исключеніемъ одного, который впрочемъ былъ поврежденъ послѣ находки, остались совершенно неповрежденными и острые концы нигдѣ не притуплены ударами о твердое тѣло. 2) Всѣ носики слишкомъ слабы для того, чтобы вынести подобные удары. 3) Концы носковъ заострены правильными гранями, что было бы совершенно непонятно, если бы приходилось дѣйствовать только самымъ кончикомъ носа. 4) Задніе выступы также нигдѣ не показываютъ никакихъ измѣненій, которыя, конечно, не замедлили бы оказаться, еслибы молоткомъ работали, и 5) Концы заднихъ выступовъ разнообразны по формѣ и большею частію совершенно негодны для какой бы то нибыло работы. Употреблялись эти молотки, по моему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ: молотокъ насаживался на довольно длинную деревянную рукоятку и закрѣплялся на ней при помощи мѣднаго гвоздя, вбитаго въ отверстіе трубочки. Черезъ отверстіе въ заднемъ выступѣ, или черезъ ушко трубочки, продѣвался ремень, которымъ инструментъ привязывался къ поясу. Удары наносились только острымъ концомъ, главнымъ образомъ въ направленіи сверху внизъ, такъ что тяжесть всего молотка сосредоточивалась въ ударѣ носа. Удары эти могли быть довольно сильными, такъ какъ средній вѣсъ молотковъ ровняется 300 gr.

Всѣ молотки, изображенные на этой таблицѣ, одинаковаго устройства; разница между ними состоитъ только въ болѣе или менѣе изящной формѣ, въ большей или меньшей тщательности отдѣлки и наконецъ въ величинѣ. Самые слабые изъ нихъ №№ 1, 2, 12 и 13, которые я считаю дѣтскими игрушками. №№ 3, 7 вѣроятно, употреблялись очень молодыми людьми; остальные же служили оружіемъ взрослыхъ мужчинъ.

Въ коллекціи г. Лопатина находятся только боевые молотки изъ бронзы или мѣди. Въ Минусинскомъ музеѣ есть молотокъ такого-же типа изъ желѣза. Онъ изображенъ въ соч. Martin'a на 8 табл., подъ № 12, а въ описаніи подъ № 9, мѣстомъ нахожденія указанъ Oujour, Минусинскаго округа.

Другой боевой молотокъ изъ мѣди совершенно новаго типа изображенъ у г. Martin'a на той-же таблицѣ № 9, а въ описаніи подъ № 10 значится: Hache d'armes terminée en un oiseau (perroquet?) Lame ronde. Ornement semblable à une tête d'oiseau dans le coin entre la lame et la donille. Sans trou de rivet L. 19, 3 cт. Kolmakowa.

Таблица XVII.

1. Боевой молотъ изъ золотистой бронзы, богато-украшенный. Онъ прекрасно отлитъ и тщательно отшлифованъ. Носъ его четырехгранный, постепенно съуживающійся въ острый четырехгранный-же конецъ. Грани нѣсколько закруглены и ребро каждыхъ двухъ граней, охватывая трубочку, доходитъ до основанія задняго выступа. Трубочка нѣсколько съуживается кверху, съ ушкомъ сзади нижняго края для продѣванія ремня. Задній выступъ замѣненъ изображеніемъ каменнаго барана, очень характерно представленнаго въ тотъ моментъ, когда онъ собирается прыгнуть со скалы. Голова его съ сквознымъ отверстіемъ вмѣсто глазъ, рога, грудь, спина и задняя часть тѣла исполнены круглымъ горельефомъ, а нижняя часть тѣла и конечности — барельефомъ; рога стоятъ отдѣльно и имѣютъ характерные поперечные рубцы, ротъ и ноздри тщательно обозначены; на переднихъ лопаткахъ и на бедрахъ изображены круги съ точкою въ центрѣ; между этими кругами случайно пробиты два маленькія отверстія. Барельефное изображеніе ногъ очень характерно, обозначены даже копыта. Носъ и трубочка также украшены орнаментаціей, сдѣланной уже въ самой формѣ и впослѣдствіи нѣсколько зачищенной острымъ инструментомъ. Отъ основанія задняго выступа почти до конца носа по обѣ стороны ребръ, окаймляющихъ трубочку, проведены на каждой 2 параллельныя бороздки, связанныя между собой зигзагообразной линіей. Верхній край трубочки заканчивается гладкой кольцеобразной полоской, подъ которой вырѣзанъ рядъ мелкихъ рубчиковъ. По обѣимъ сторонамъ нижней части трубочки вырѣзаны четыреугольные щиты, поверхность которыхъ покрыта рѣшетчатымъ узоромъ изъ 30 пересѣкающихся между собой подъ острымъ угломъ бороздокъ. Вѣситъ этотъ молотокъ (по величинѣ не уступающій большимъ молоткамъ предыдущей таблицы) только 237 gr. Такое явленіе меня удивило и при тщательномъ разсмотрѣніи я нашелъ, что отъ внутренней стороны трубочки вглубь носа, а также и въ глубину задняго выступа, имѣются углубленія. Первое изъ нихъ не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ сант., углубленіе же въ заднемъ выступѣ болѣе 3 сант., такъ что вся нижняя часть изображенія барана — полая. Въ бокахъ трубочки и здѣсь имѣются два отверстія для прикрѣпленія рукоятки. Многіе слѣды, равнымъ образомъ какъ и характерная темная ржавчина, которою покрытъ теперь молотокъ, указываютъ, что онъ былъ покрытъ тонкимъ слоемъ олова. Найденъ при пахапіи земли около деревни Елани, въ 12 верст. отъ г. Красноярска по тракту въ Москву. (Коллекція Лопатина, № 168).

2. Обломокъ мѣднаго молотка. Сохранились только часть трубочки, основанiе клина и изображенiе барана на верхнемъ выступѣ. Положенiе этого барана такое-же, какъ и на № 1, но онъ, какъ видно изъ рисунка, исполненъ менѣе изящно. Вся фигура сдѣлана круглымъ горельефомъ; голова нѣсколько безобразна, такъ какъ глаза помѣщены надъ нею. Нижняя часть тѣла и положенiе ногъ довольно характерны. Изъ атласа Мессершмидта.

3. Такой-же обломокъ молотка изъ атласа Мессершмидта; изображенiе каменнаго барана, исполненное круглымъ горельефомъ, болѣе характерно.

4. Маленькiй молотокъ изъ мѣди, довольно простой работы. Изъ длинной, значительно съуживающейся кверху, трубочки выходитъ довольно слабый четырехгранный клинъ съ заостреннымъ концемъ. Верхнiй выступъ изображаетъ каменнаго барана съ короткими рогами и длинными ногами, близко сходящимися между собою, такъ что между обѣими парами ногъ и животомъ образуется треугольное отверстiе. Изображенiе барана нельзя назвать характернымъ. Мѣстомъ находки въ атласѣ Мессершмидта, изъ котораго взятъ этотъ молотокъ, названа Абаканская степь.

5. Молотокъ, почти тождественный съ предыдущимъ, только меньше и слабѣе его. Нижнiй конецъ настолько тонокъ, что этотъ молотокъ слѣдуетъ считать игрушкой. Изъ атласа Мессершмидта. Мѣсто нахожденiя — Абаканская степь.

6. Такой-же молотокъ (изъ атласа Палласа), отличающiйся отъ предыдущаго тѣмъ, что два барана ясно отдѣлены другъ отъ друга и соприкасаются лишь хвостами.

7. Мѣдный молотокъ довольно простой работы (изъ атласа Мессершмидта). Верхнiй выступъ изображаетъ двухъ каменныхъ барановъ, соединенныхъ между собою, какъ показано на рисункѣ.

8. Боевой молотокъ изъ золотистой бронзы, особеннаго типа. Молотокъ этотъ большого размѣра и значительно тяжелѣе другихъ молотковъ. Тѣло молотка образуетъ четырехгранный клинъ и формою своей напоминаетъ толстое лезвiе кинжала. Верхнiй и нижнiй края его заострены, даже заднiй край первоначально образовало острiе. Теперь верхнiй край у клина и задняя часть нѣсколько притуплена и, кажется, это сдѣлано только послѣ нахожденiя. Трубочка крѣпче и длинѣе, чѣмъ у остальныхъ молотковъ. У нижняго края трубки круглыя отверстiя для прикрѣпленiя довольно толстой рукоятки. Въ углу между клиномъ и трубкой изображена голова хищной птицы, довольно характерно очерченной. Молотокъ этотъ принадлежитъ къ коллекцiи г. Савенкова (№ 14) и на ярлычкѣ мѣстомъ находки значится Канскiй округъ.

9. Боевой молотокъ изъ золотистой бронзы, совершенно новаго типа. Клинообразное острiе его шире и крѣпче, чѣмъ у всѣхъ описанныхъ выше молотковъ и какъ-бы охватываетъ трубочку; конецъ его образуетъ прямую линiю и на столько закругленъ, что заставляетъ считать этотъ молотокъ не рабочимъ инструментомъ, а оружiемъ. Верхнiй выступъ состоитъ какъ-бы изъ трехъ листьевъ, положенныхъ другъ на друга такимъ образомъ, что среднiй изъ нихъ значительно выдается. По ширинѣ онъ равняется клину и отъ основанiя къ концу постепенно расширяется. На наружномъ краѣ его замѣтны слѣды ударовъ молоткомъ, нанесенныхъ очевидно послѣ находки. Трубочка образуетъ продолговатый овалъ и какъ-бы проходитъ сквозь тѣло молотка. На бокахъ нижней части ея пробиты два отверстiя для гвоздя, закрѣплявшаго

рукоятку. Молотокъ этотъ тщательно отшлифованъ со всѣхъ сторонъ. Ни одинъ изъ молотковъ, описанныхъ выше, не можетъ сравниться съ нимъ по изяществу работы. Послѣ полировки онъ былъ покрытъ тонкимъ слоемъ олова, на что указываютъ слѣды этого металла и характерная темная патина, которой онъ покрытъ. Найденъ около села Елани, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 133).

10. Боевой молотокъ меньшей величины, чѣмъ предыдущій. По общей своей формѣ онъ образуетъ среднее между молотками Табл. XVI и только-что описаннымъ. Остріе его широкое, клинообразное, какъ у № 9, но упирается въ трубочку, а не охватываетъ ея; верхній выступъ представляетъ цилиндръ, конецъ котораго образуетъ круглая пластинка въ видѣ шляпки, въ діаметрѣ своемъ въ 2 раза больше діаметра самого выступа. Трубочка цилиндрическая на обѣихъ краяхъ окаймлена широкими кольцами. Отъ основанія верхняго выступа по трубочкѣ и клину проходитъ валикъ, служащій какъ-бы подпорой острія. Отдѣлка этого молотка, на сколько можно судить по рисунку, очень изящна. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, хранится въ Минусинскомъ музеѣ и изображенъ въ атласѣ Клеменца на Табл. II, рис. 5.

11. Боевой молотокъ, похожій по общей своей формѣ на наши большіе молотки; въ немъ носъ и трубочка слились въ одно цѣлое, такъ что онъ представляетъ широкій сзади клинъ, въ которомъ находится овальное отверстіе для вставки рукоятки. Задній выступъ образованъ широкой короткой призмой съ волнообразнымъ утолщеніемъ на концѣ, состоящимъ какъ-бы изъ двухъ соединенныхъ между собою шляпокъ; отъ выступа вдоль по клину идутъ, не доходя однако до конца клина, два параллельныя желобообразныя углубленія, а въ бокахъ его, на мѣстѣ отверстія для рукоятки, пробиты 2 дырочки для закрѣпленія послѣдней. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ и находится въ Минусинскомъ музеѣ. Изображенъ въ атласѣ Клеменца (Табл. II, рис. 4). У *Мартина* (l. l.) этотъ молотъ изображенъ на Табл. 7-й, фиг. 3; мѣстомъ находки значится Grand Télék.

12. Боевой молотокъ такого-же типа, только стѣнки клинообразнаго острія гладки. Его можно было-бы считать рабочимъ инструментомъ, если-бы украшеніе на обухѣ не исключало возможности такого предположенія. Украшеніе это состоитъ изъ тонкой закругленной дужки, концами упирающейся въ обухъ и по срединѣ подпертой короткой круглой палочкой, и настолько слабо, что не выдержало-бы легкаго удара обухомъ. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, находится въ Минусинскомъ музеѣ и изображенъ въ атласѣ Клеменца (Табл. II, рис. 3). У *Martin'a*, Pl. VII, fig. 6, мѣстомъ находки обозначена сѣверо-восточная часть Минусинскаго округа. На той-же таблицѣ подъ № 5 изображенъ у него еще другой молотокъ точно такой-же формы, только нѣсколько большій, найденный недалеко отъ устья р. Абакана.

13. Боевой молотокъ такого-же типа, но нѣсколько большій предыдущаго. По широкимъ сторонамъ его проходятъ вдоль глубокое желобообразное углубленіе, по срединѣ котораго пробиты дыры для закрѣпленія рукоятки. Украшеніе обуха такъ-же слабо, какъ и у предыдущаго молотка; оно образуется 4-мя короткими закругленными палочками, выходящими изъ обуха и поддерживающими круглую продолговатую шляпку. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, хранится въ Минусинскомъ музеѣ и изображенъ въ атласѣ Клеменца (Табл. II, рис. 2).

14. Большой боевой молотокъ того-же типа. Вмѣсто углубленія, находящагося на сторонахъ предшествующаго молотка, здѣсь имѣется четыреугольный прорѣзъ, по срединѣ котораго проходитъ трубочка для рукоятки. Верхній выступъ образованъ украшеніемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ птичьихъ головъ, связанныхъ между собою въ видѣ арабеска. Найденъ въ Минусинскомъ округѣ, хранится теперь въ Минусинскомъ музеѣ и изображенъ въ атласѣ Клеменца (Табл. II, рис. 1). У *Martin'a* (l. l.), Pl. 7, № 1, мѣстомъ находки значится дер. Юдина. На той-же таблицѣ, подъ № 2, изображенъ молотокъ изъ красной мѣди, найд. въ улусѣ Нурилковѣ и образующій какъ-бы средній типъ между молотками на Табл. XVI и молотками Табл. XVII, фиг. 11—14. Тѣло молотка такой-же формы, какъ и у указанныхъ молотковъ на Таблицѣ XVII; по срединѣ его находится крѣпкая трубочка для вставки рукоятки. Верхній выступъ образуетъ полукругъ съ круглымъ отверстіемъ и съ выемкой у верхняго конца трубочки; по наружному краю выступа и вокругъ отверстія находится тонкая возвышенная полоса.

15. Какое-то оружіе, вродѣ кистеня. Оно состоитъ изъ длинной, нѣсколько расширяющейся книзу, трубочки, на верхнемъ концѣ которой находится шарикъ съ 4-мя короткими цилиндрическими выступами по срединѣ; трубочка украшена 18-ю колечками, шарикъ же гладкій, и безъ всякихъ украшеній, внутри полый; на верхушкѣ его круглое отверстіе. Стѣнки шарика довольно толсты; края выступовъ закруглены. Сдѣлано это оружіе изъ красной мѣди, очищено послѣ отлитія, отличается изящной работой и покрыто некрасивой грязноватой патиной. Вѣсъ равняется 194 gr. Насаженное на палку, оно служило для нанесенія ударовъ. Найдено при паханіи земли недалеко отъ дер. Аёшки, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 173). Такое-же оружіе, найденное въ дер. Юдинѣ, Минусинскаго округа, находится и въ Минусинскомъ музеѣ (см. *Martin*, l. l., Pl. 32, № 12).

Общее обозрѣніе таблицы XVII.

На этой таблицѣ мы видимъ боевые молотки различныхъ формъ. №№ 1—7 представляютъ боевые молотки типа предыдущей таблицы, именно такіе, у которыхъ верхніе выступы обращены въ изображеніе каменныхъ барановъ. №№ 4 и 5 — дѣтскіе молотки съ очень простыми изображеніями. На №№ 2 и 3 — изображенія болѣе выработаны, а на № 1 прекрасно исполненное изображеніе. №№ 6 и 7 представляютъ украшенія, составленныя изъ двухъ, соединенныхъ между собою барановъ. Орнаментаціей покрытъ только молотокъ № 1. Начиная съ № 8 идутъ молотки уже другого типа, имѣющіе сходство съ нашими рабочими молотками. Между ними №№ 8 и 9 образуютъ какъ-бы переходъ отъ одного типа къ другому. Простѣйшей же формой 2-го типа является молотокъ, изображенный подъ № 11; его можно было-бы считать рабочимъ инструментомъ, если бы украшеніе на обухѣ не устраняло такого предположенія. Дальнѣйшее развитіе этого типа мы видимъ на №№ 12, 13 и 14. Послѣдній изъ нихъ можно считать наиболѣе сложнымъ по формѣ украшенія. № 15 представляетъ другое оружіе для нанесенія ударовъ, встрѣчающееся очень рѣдко; сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ найдены только два экземпляра его.

Таблица XVIII.

1. Долото изъ золотистой бронзы. Верхній конецъ трубки его четырехгранный, съ сильно закругленными углами, при чемъ 2 стороны у́же другихъ. Въ трубку вставлялась деревянная колодка, закрѣплявшаяся гвоздемъ, проведеннымъ сквозь отверстія въ широкихъ стѣнкахъ трубки; одно изъ этихъ отверстій по ошибкѣ при литьѣ получило неправильную удлиненную форму. Стѣнки трубки толсты и прочны, такъ что могли выдерживать сильные удары по колодкѣ. Тулье долота, въ которое прямо переходитъ трубка, состоитъ изъ массивной четырехгранной полосы, двѣ широкія стороны которой представляютъ удлиненные равнобедренные треугольники, а узкія стороны до конца сохраняютъ форму прямоугольниковъ, такъ что остріе шириной не больше сантиметра. Такое устройство долота понятно: меньшая ширина треугольныхъ сторонъ сдѣлала бы его слабымъ и, не будучи въ состояніи выдерживать сильные удары на колодку при обработкѣ твердаго дерева, согнулось бы или сломалось, при такомъ же устройствѣ могло выносить какіе угодно удары. Для той-же цѣли инструментъ этотъ отлитъ изъ золотистой бронзы, какъ матерьяла гораздо болѣе твердаго, чѣмъ красная мѣдь, изъ которой сдѣлана бо̀льшая часть рабочихъ инструментовъ. Послѣ отливки долото было тщательно очищено и отшлифовано, такъ что незначительные слѣды паза формы замѣтны только по рединѣ узкихъ боковъ трубочки; лезвее долота заточено на оселкѣ. Найдено на пашнѣ около села Улазы на правомъ берегу Енисея, нѣсколько выше села Новоселова (Коллекція Лопатина, № 156). Такое-же долото найдено въ Бѣлоярскѣ и находится въ Минусинскомъ музеѣ (*Martin*, Pl. 9, fig. 19).

2. Долото изъ красноватой бронзы, такой-же величины, какъ предыдущее. Трубка для вставки колодки немного больше и стѣнки ея еще прочнѣе; она совершенно кругла и по бокамъ ясно видны слѣды паза. На противуположныхъ пазу бокахъ — двѣ дырочки для закрѣпленія колодки; верхній край ея кольцеобразно утолщенъ и носитъ на себѣ слѣды продолжительныхъ ударовъ молоткомъ, изъ чего можно заключить, что долотомъ нѣкоторое время пользовались безъ колодки. Начало широкихъ треугольныхъ сторонъ у этого долота въ два раза шире трубочки, узкія же стороны прямоугольны. Послѣ отливки оно отшлифовано, а на лезвеѣ видны слѣды точенія на оселкѣ. Покрыто оно темно-зеленой некрасивой патиной. Найдено на р. Сыдѣ, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 159).

3. Долото такой-же формы изъ золотистой бронзы. Трубка совершенно такая-же, какъ у № 1, только лучше зачищена послѣ отливки; на верхнемъ краѣ узкое кольцеобразное утолщеніе. На немъ не видно слѣдовъ ударовъ, такъ что долотомъ этимъ работали при посредствѣ вставленной въ него деревянной колодки. Боковыя отверстія продолговаты и носятъ на себѣ слѣды заклёпки. Тѣло долота по ширинѣ равно трубкѣ, но ўже ея; узкія стороны не совсѣмъ симметричны и остріе нѣсколько расширено, соотвѣтственно чему въ углахъ широкихъ сторонъ замѣтны небольшія углубленія. Это показываетъ, что конецъ долота былъ оттянутъ ударами молотка по узкимъ сторонамъ и потомъ заточенъ на оселкѣ. Все долото такъ тщательно зачищено послѣ отливки, что слѣдовъ паза формы нигдѣ не замѣтно. Оно покрыто равномѣрнымъ слоемъ гладкой и блестящей темно-зеленой патины. Мѣстонахожденіе на ярлычкѣ въ точности не указано, отмѣченъ только Минусинскій округъ (Коллекція Лопатина, № 160).

4. Долото изъ золотистой бронзы, очень крѣпкое. Трубка его такой-же величины, какъ у предыдущаго, а тѣло — шире и короче. Наружный край трубки кольцеобразно утолщенъ и нѣсколько неровенъ. Стѣнки трубки очень толсты; въ нихъ только одно маленькое отверстіе для гвоздя. Внизу трубка круто расширяется почти въ два раза, слегка сплюснута съ боковъ и срѣзана прямой линіей, за которой начинается уже тѣло долота, ограниченное съ широкихъ сторонъ двумя острыми равнобедренными треугольниками, одинаково длинныя стороны которыхъ слегка выпуклы, а съ узкихъ—двумя длинными прямоугольниками. Долото это въ употребленіи было, кажется, не долго и конецъ его нигдѣ не показываетъ слѣдовъ вторичнаго заостренія. Поэтому оно и изображено съ двухъ сторонъ: a) боковая широкая сторона, b) лицевая узкая. Послѣ отливки оно было тщательно зачищено и отшлифовано, отчего пазъ замѣтенъ только слегка на трубкѣ ея, у верхняго края, и нѣсколько выше самого тѣла долота. Оно было покрыто матовой темно-зеленой патиной, но послѣ находки его, по видимому, со всѣхъ сторонъ очищено. Найдено у села Ишимскаго, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 158).

5. Долото изъ красноватой бронзы. Его первоначальная форма была тождественна съ № 1, но я помѣщаю его здѣсь потому, что оно показываетъ, какимъ образомъ измѣняется форма этихъ долотъ отъ долгаго употребленія частыми заостриваніями. Верхній край трубочки сильно разбитъ и сплюснутъ ударами молотка. Острый конецъ также носитъ слѣды ударовъ, въ видѣ зазубринъ; кромѣ того, онъ былъ согнутъ и самый конецъ отсѣченъ. Отсутствіе темно-зеленой патины на всѣхъ этихъ мѣстахъ, ровнымъ слоемъ покрывающей остальную поверхность долота, доказываетъ, что послѣднія поврежденія сдѣланы послѣ находки. Измѣненія, происшедшія отъ долгаго употребленія молотка, заключаются въ томъ, что тѣло долота уменьшилось на $^1/_3$, а лицевыя стороны утратили симметричность. Ясно видно, что каждый разъ по затупленіи долото оттягивалось ударами молотка и затачивалось. Цѣлый рядъ такихъ оттягиваній и сдѣлалъ то, что тѣло долота стало тоньше, а лицевыя стороны не вполнѣ симметричными. Найдено на пашнѣ, въ 2—3 верст. отъ деревни Бережковой, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 166).

6. Очень маленькое долото изъ золотистой бронзы, совершенно новаго типа. Оно представляетъ съуживающуюся трубку съ желобообразнымъ концомъ. Верхній край трубки слегка кольцеобразно утолщенъ. Отверстіе въ боку трубки такъ мало, что и маленькій гвоздикъ черезъ него пробить нельзя, чего вѣроятно и не было сдѣлано. Лезвее долота желобовидно, стѣнки его до-

вольно толсты и сзади нѣсколько закруглены, такъ что острый конецъ очень коротокъ. Причина такого устройства острія понятна: при относительной мягкости бронзы, тонкое длинное остріе при долбленіи гнулось-бы и требовало-бы безпрестанныхъ исправленій. Употреблялось оно для продалбливанія круглыхъ дыръ въ доскахъ, или для долбленія посуды. Оно исполнено довольно тщательно и послѣ отливки хорошо отшлифовано. Пазъ слегка замѣтенъ только по бокамъ трубки. Слѣдуетъ еще упомянуть, что внутренній край трубки нѣсколько пригнутъ внутрь, а наружный носитъ на себѣ слѣды ударовъ молотка, такъ что, повидимому, этимъ долотомъ работали, не вставляя въ него колодки, а такъ какъ лезвее правильно и носитъ лишь незначительные слѣды затачиванія, то можно думать, что оно въ употребленіи было не долго. Покрыто ровной гладкой патиной, которая нѣсколько стерта послѣ находки на остріѣ и верхнемъ краѣ трубочки. Найдено въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 48).

7. Очень маленькое долото изъ золотистой бронзы, изящной работы. Оно образовано съуживающейся книзу трубочкой, переходящей въ цилиндръ, обѣ плоскости котораго срѣзаны такъ, что образуется острый клинъ. Остріе его не болѣе $1/2$ сант. ширины и показываетъ ясные слѣды затачиванія на оселкѣ. Верхній круглый край трубочки внутри гладокъ, отверстіе же по бокамъ ея носитъ на себѣ слѣды заклёпки штифтика, которымъ закрѣплялась колодка. Безъ послѣдней долотомъ работать было нельзя, такъ какъ трубочка слишкомъ коротка, чтобы ее можно было держать рукой непосредственно. Весь инструментъ теперь покрытъ ровной и блестящей, очень красивой темно-зеленой патиной. Долото это еще тѣмъ интересно, что даетъ понятіе о способѣ приготовленія формы для отливки подобныхъ инструментовъ. Трубка его не образуетъ круглой поверхности, а состоитъ изъ 13 граней, ясно показывающихъ, что для полученія ихъ была вырѣзана деревянная модель и затѣмъ вдавлена въ мягкую глину. Найдено на пашнѣ около села Заледѣева, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 43).

8. Долото изъ золотистой бронзы съ раструбомъ, типа № 6. Оно нѣсколько толще и длиннѣе, но также служило для мелкихъ работъ. Верхній край трубочки раздавленъ ударами молотка, такъ что слегка даже загнутъ внутрь. Длина трубки такова, что позволяла работать долотомъ и безъ рукоятки. Желобообразный раструбъ этого долота вдвое длинѣе, чѣмъ у № 6. Лезвее сильными ударами молотка попорчено послѣ находки до того, что не даетъ понятія о его первоначальной формѣ. Найдено около села Серебрянки, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 51).

9. Долото изъ красной мѣди, съ раструбомъ и круглымъ лезвеемъ для выдалбливанія крупныхъ деревянныхъ предметовъ; по общей своей формѣ оно соотвѣтствуетъ типу долотъ №№ 6 и 8 и отличается только размѣрами. Трубка съуживается книзу и гладко отшлифована. Желобообразный раструбъ равенъ одной трети всей длины долота; внизу онъ нѣсколько расширяется и лезвее образуетъ довольно плоскую дугообразную линію. Отверстіе въ боку трубки носитъ на себѣ ясные слѣды заклепки гвоздя, которымъ закрѣплялась колодка. Верхній край трубки гладокъ внутри и нигдѣ не показываетъ признаковъ ударовъ молоткомъ. Лезвее нѣсколько загнуто назадъ и носитъ слѣды многократнаго затачиванія оселкомъ, на задней же сторонѣ замѣтны сильные удары молоткомъ, такъ что, повидимому, долото, притупившись, было сперва оттянуто молоткомъ и затѣмъ уже заточено. Отсюда можно заключить, что этимъ долотомъ обрабатывали разные

предметы, вродѣ корытъ, лодокъ (?) и т. д. Найдено въ глиняномъ горшкѣ, въ яру, подмытомъ р. Енисеемъ, въ двухъ верстахъ отъ села Перевозинскаго, на лѣвомъ берегу Енисея, въ Абаканской волости, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 157).

10. Долото изъ красной мѣди такого-же типа. Трубка его гладко отшлифована и со всѣхъ сторонъ равномѣрно закруглена; верхній край ея кольцеобразно утолщенъ и на немъ не видно слѣдовъ отъ ударовъ молоткомъ, такъ что этимъ долотомъ работали, вставляя въ трубку деревянную рукоятку. Боковыя отверстія продолговаты и расширены, а края ихъ показываютъ признаки заклепки штифтиковъ, которыми закрѣплялась колодка. Раструбъ долота желобообразенъ и тщательно отшлифованъ; лезвее его дугообразно, круто заострено и заточено на оселкѣ на столько правильно, что нельзя предполагать, чтобы имъ долго работали. Сдѣлано оно очень прочно, такъ что было въ состояніи выдержать сильные удары молоткомъ и потому могло служить для выдалбливанія большихъ предметовъ. Найдено въ размытомъ яру р. Енисея, недалеко отъ села Базаиха, въ 6 верст. отъ г. Красноярска, на правомъ берегу Енисея (Коллекція Лопатина, № 153).

11. Долото такого-же типа изъ красноватой бронзы. Оно почти тождествено съ предыдущимъ и отличается отъ него только менѣе тщательной шлифовкой да тѣмъ, что было долго въ употребленіи и потому потерпѣло значительныя измѣненія въ своей нижней части. Боковыя отверстія малы и не показываютъ признаковъ заклепки штифтовъ; верхній край трубки сильно разбитъ и выбитъ внутрь, что̀ ясно указываетъ на то, что этимъ долотомъ работали безъ колодки, а прямо ударяя молоткомъ по трубкѣ. Желобообразный раструбъ его широкъ и не глубокъ, а лезвее образуетъ довольно плоскую дугу и сильно зазубрено; обѣ стороны были отшлифованы и заточены послѣ послѣдней работы. Долото это можетъ служить примѣромъ, какъ сильно измѣнялось лезвее, пока считали возможнымъ исправлять его ударами молотка и точеніемъ на оселкѣ. Долото было покрыто довольно ровной темно-зеленой патиной, которая послѣ находки его стерта на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Найдено около дер. Быскарской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 155).

12. Инструментъ изъ красной мѣди. Онъ довольно хорошо отлитъ и очищенъ, но не шлифованъ, по крайней мѣрѣ пазъ отъ формы очень замѣтенъ. Состоитъ изъ длинной, съуживающейся къ одному концу, трубки съ толстыми стѣнками, заканчивающейся тупымъ, закругленнымъ въ видѣ полукруга, клиномъ, выгнутымъ въ сторону (см. № 12 b). Одна сторона этого клина какъ-бы срѣзана подъ угломъ въ 45° и образуетъ плоскость, составленную изъ полукруга и полуэллипсиса. Только передній край этой плоскости (полукругъ) острый, но не заточенный для рѣзанія, задній же край постепенно переходитъ въ цилиндрическую поверхность трубки. Вся поверхность эта не носитъ на себѣ слѣдовъ тренія по твердому тѣлу и край ея нигдѣ не имѣетъ никакихъ зазубринъ. Это даетъ намъ поводъ думать, что инструментъ этотъ употребляли для лощенія, или выглаживанія кожи. Вставивъ въ трубку рукоятку, легко было производить эту работу. Рукоятка, повидимому, не закрѣплялась гвоздикомъ, такъ какъ отверстіе, имѣющееся въ бокахъ трубки, пробито слишкомъ низко и прошло бы сквозь самый конецъ рукоятки, что̀ мало могло помочь ея укрѣпленію (Коллекція Лопатина, безъ №). У *Martin'a*, Pl. 9, №№ 24—25, изображены два лощила совершенно такой-же формы, найденныя въ деревн. Каптыревской и

Калской Минусинскаго округа; на той-же таблицѣ, подъ №№ 26 и 27, два такіе-же инструмента, иной формы, описанныя *Мартиномъ* слѣдующимъ образомъ: № 26 Lissoir en bronze, à douille rhomboïde à coins arrondis. Trou de rivet. La partie servant de lissoir est entièrement usée «Grande Inya» (т. е. Большая Иня). № 27 Lissoir en bronze à douille ovale. Trou de rivet. Anach (т. е. село Анашенское).

13. Маленькій инструментъ изъ золотистой бронзы, изящной работы. По формѣ своей онъ нѣсколько похожъ на нижнюю часть предыдущаго инструмента (лощило). Внутри онъ полый и, повидимому, его надѣвали на большой палецъ такимъ образомъ, что нижняя плоскость приходилась на внутреннюю часть большого пальца; краемъ этого инструмента и его нижнею плоскостью могли лощить кожу и выравнивать швы. Особенно для послѣдней работы онъ былъ бы очень удобенъ. Однако полость его на столько велика, что употреблять его могла только большая мужская рука, между тѣмъ какъ вышеупомянутыя работы производились, вѣроятно, по большей части женщинами. Кромѣ того, онъ сдѣланъ изъ лучшей бронзы и до того аккуратно отшлифованъ и полированъ, что нельзя и думать, чтобы на изготовленіе рабочаго инструмента употребляли столько труда. На верхнемъ краѣ его находится кольцеобразная, тщательно закругленная полоска, на срединѣ которой имѣется маленькое ушко для продѣванія тонкаго ремешка. Поверхность его ограничена 15-ю гранями; изъ нихъ 14 окружаютъ какъ-бы ноготь большого пальца, а 15-ая, самая широкая, соотвѣтствующая внутренней сторонѣ большого пальца, образуетъ и заднюю сторону инструмента и дно его. Весь рисунокъ граней несомнѣнно доказываетъ, что форма для отливки этого инструмента была получена отъ вдавленія въ мягкую глину деревянной, аккуратно сдѣланной модели. Вся его поверхность отшлифована самымъ тщательнымъ образомъ, особенно нижняя плоскость. Теперь онъ покрытъ прекрасной темно-зеленой блестящей патиной, на которой не замѣтно никакихъ поврежденій. Тщательная полировка нижней плоскости показываетъ, что это не лощило. Не ошибаюсь, кажется, предполагая, что инструментъ этотъ надѣвался на большой палецъ правой руки при стрѣльбѣ изъ лука, для держанія тетивы. Для этой цѣли китайцы и монголы теперь надѣваютъ на этотъ палецъ округленное кольцо изъ отшлифованнаго камня. Здѣсь тетива могла очень удобно скользить по гладкой поверхности, не теряя ни малѣйшей части своей силы отъ тренія. Можетъ быть ремнемъ, продѣтымъ черезъ ушко, инструментъ этотъ при употребленіи привязывался ниже сустава пальца. Найденъ около села Овсянки, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 97).

14. Наконечникъ деревянныхъ ноженъ мѣднаго кинжала, сдѣланный изъ красноватой бронзы. Такихъ наконечниковъ находится въ коллекціи г. Лопатина значительное число и на ярлычкахъ они названы наконечниками копій. Такое обозначеніе однакоже неправильно, потому что наружные края всѣхъ ихъ закруглены, такъ что нанести ими ударъ, съ цѣлью ранить человѣка или звѣря, совершенно невозможно. Этотъ наконечникъ имѣетъ теперь такой видъ, въ какомъ онъ изображенъ на таблицѣ подъ № 14 b, т. е. три узкія полоски, выходящія съ боковъ и одной изъ сторонъ, изогнуты послѣ находки; если ихъ выпрямить, то получается первоначальный видъ, изображенный на фиг. 14 a, и тогда ясно можно видѣть, что боковыя полоски прилегали къ бокамъ ноженъ и закрѣплялись въ нихъ при помощи штифтиковъ, имѣющихся на концѣ каждаго изъ нихъ, а третья полоска прилегала къ лицевой сторонѣ ноженъ и закрѣплялась при помощи гвоздя, для котораго здѣсь имѣется широкое круглое отверстіе. Конецъ кинжала доходилъ только

до этого гвоздя. Ширина наконечника даетъ поводъ думать, что онъ былъ надѣтъ на ножны кинжала, а не ножа. Такой наконечникъ долженъ былъ служить не только украшеніемъ, но и противовѣсомъ тяжелой рукоятки кинжала, заставляя ножны висѣть въ отвѣсномъ положеніи. Подобныя деревянныя ножны, составленныя изъ двухъ половинокъ, я находилъ въ курганахъ южнаго Алтая. Этотъ наконечникъ найденъ около села Кавказскаго, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 95).

15. Такой-же наконечникъ изъ красной бронзы, тщательно отшлифованный. Въ нижней его части есть поврежденіе, происшедшее отъ ошибки въ формѣ, отверстіе, которое впослѣдствіи было заклепано красною мѣдью. Внутренняя головка заклепки раздавлена твердой (металлической) палочкой, всунутой въ наконечникъ въ то время, какъ по верхней части ея наносили удары молоткомъ; этотъ край заклепки зачищенъ настолько тщательно, что почти не замѣтенъ, и различается главнымъ образомъ лишь цвѣтомъ патины, черной на заклепкѣ и темно-зеленой на остальной поверхности. Внутренній же конецъ заклепки оставленъ такимъ, какимъ онъ вышелъ послѣ заклепыванія. Наконечникъ этотъ представляетъ почти цилиндрическую, съуживающуюся книзу, трубку съ довольно толстыми стѣнками. Нижній конецъ массивенъ и имѣетъ форму треугольника, съ дугообразнымъ остріемъ, которое тупо и такъ правильно, что могло служить только украшеніемъ. Въ бокахъ 2 дырочки для гвоздя, при помощи котораго наконечникъ прикрѣплялся къ деревяннымъ ножнамъ. Форма отверстія для ноженъ доказываетъ, что ножны были почти круглы, не широки и могли вмѣщать въ себѣ или узкій толстый кинжалъ или большой ножъ. Найденъ около села Сыда, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 93). Такой-же наконечникъ, только болѣе грубой работы, найденъ въ деревнѣ Восточной и находится въ Минусинскомъ музеѣ. См. *Martin*, Pl. 32, № 22.

16. Наконечникъ для той-же цѣли, изъ красноватой бронзы. Онъ гораздо проще предыдущихъ, но довольно изященъ по формѣ и работѣ, и образуетъ сильно сплюснутую трубку съ округленными на верхнемъ концѣ боками, на которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ паза отъ литья. Нижній конецъ, также плоскій, нѣсколько шире трубки; край его закругленъ, такъ что весь наконечникъ похожъ нѣсколько на лопатку. Стѣнки его довольно толсты, боковыя отверстія неправильной формы. Въ верхнемъ краѣ трубки, который образуетъ гладкую плоскость, находятся три дырочки различной глубины; въ нихъ свободно входитъ толстая булавка и онѣ идутъ не перпендикулярно къ плоскости края, но значительно наклонены вбокъ. Въ нихъ, вѣроятно, были тонкіе мѣдные штифтики, находящіеся на концахъ мѣднаго украшенія, прикрѣпленнаго къ нижнему краю деревянныхъ ноженъ. Стѣнки наконечника толсты и потому онъ такъ тяжелъ, что могъ служить противовѣсомъ для рукоятки кинжала. Найденъ на пашнѣ около села Байкалова, на правомъ берегу Енисея, противъ села Усть-Ерба, Абаканской волости, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 66). Въ Минусинскомъ музеѣ такой-же наконечникъ, найд. въ сел. Куртакъ. См. *Martin*, Pl. 32, № 24.

17. Такой-же наконечникъ изъ красной мѣди, только гораздо тоньше и легче. Послѣ находки онъ былъ погнутъ и стѣнки его сильно сплюснуты. Онъ покрытъ некрасивой темной патиной, поверхность его шероховата и показываетъ, что на ней зачистили только крупныя не-

ровности. Найденъ при пахаціи около села Овсянки, въ 22 верст. отъ Красноярска, на правомъ берегу Енисея (Коллекція Лопатина, № 18).

18. Прекрасный наконечникъ такого-же типа, изъ золотистой бронзы, очень крѣпкій и тяжелый; поверхность его была тщательно отшлифована и покрыта теперь блестящей, темно-зеленой патиной. Открытый конецъ его почти совершенно круглъ; въ бокахъ, недалеко отъ края, двѣ правильныя, лежащія другъ противъ друга, дырочки для гвоздя, закрѣплявшаго наконечникъ на ножнахъ. Полость наконечника показываетъ, что конецъ ноженъ былъ круглый, срѣзанный двумя пересѣкающимися плоскостями. Форма открытаго конца наконечника не позволяетъ думать, чтобы въ ножнахъ помѣщался широкій кинжалъ; скорѣе можно предположить, что въ нихъ помѣщались вмѣстѣ два ножа съ острыми концами. Найденъ около села Шуперя, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 92). Такія-же ножны найдены мной въ могилѣ на южномъ Алтаѣ.

Общее обозрѣніе таблицы XVIII.

На таблицѣ этой представлены главные образцы долотъ, употреблявшихся для выдалбливанія деревянныхъ предмстовъ. Они раздѣляются на двѣ главныя группы: 1) долота съ прямымъ остріемъ (рис. 1—5 и 7) и 2) долота съ дугообразнымъ остріемъ (рис. 6 и 8—11). Самыми типичными долотами перваго рода могутъ служить долота №№ 2 и 4. Рис. 4[a] лучше всего показываетъ толщину тѣла инструмента, а рис. 4[b] его остріе. Рис. 5 представляетъ измѣненіе этихъ инструментовъ долговременнымъ употребленіемъ. Во всѣ эти долота, по большей части, были вставлены деревянныя колодочки, но нѣкоторыя употреблялись и безъ нихъ (см. № 4). Долото № 7, хотя въ общемъ сходно съ долотомъ 2-го типа, но имѣетъ прямое остріе, какъ долота №№ 1—5, и отличается еще изяществомъ формы и твердостью металла, такъ что оно, вѣроятно, употреблялось для болѣе нѣжныхъ работъ. Лучшимъ образчикомъ второго типа могутъ служить долота №№ 9 и 10. Они служили, главнымъ образомъ, для выдалбливанія круглыхъ дыръ и углубленій. По размѣрамъ они раздѣляются на два разряда — крупные (№№ 9, 10 и 11) и мелкіе (№№ 6 и 8). И эти долота употреблялись большей частью съ деревянной колодочкой, но долото № 10 показываетъ, что иногда ими работали и безъ колодочки.

Кромѣ долотъ на XVIII-ой таблицѣ изображены инструментъ, который я принимаю за гладило или лощило для сглаживанія кожи и для тисненія на ней различныхъ узоровъ (рис. 12[a] и 12[b]), и орудіе (№ 13[a] и 13[b]), похожее на гладило по формѣ, но которое, по моему мнѣнію, надѣвалось на большой палецъ правой руки и служило при спускѣ тетивы. Наконецъ на этой-же таблицѣ изображены наконечники ноженъ кинжаловъ (рис. 14—16) и ножей (рис. 17 и 18). Изяществомъ работы отличаются №№ 14, 15 и 18. Слѣдуетъ еще сказать относительно № 15, что здѣсь представляется примѣръ исправленія ошибки въ отливкѣ при шлифованіи. Въ коллекціи Минусинскаго музея находятся три другіе типа наконечниковъ ноженъ: 1) маленькій наконечникъ конусо-образной формы съ острымъ нижнимъ концомъ, найденный въ Городкѣ; см. *Martin*, Pl. 32, № 20; 2) продолговатые наконечники съуживающіеся къ нижнему концу и закругленные болѣе плоскимъ нижнемъ краемъ (*Martin*, Pl. 32, №№ 21, 23, 25). На первомъ изъ нихъ (№ 21), найденномъ въ Байкаловѣ, находится украшеніе изъ наклонныхъ параллельныхъ линій. У второго (№ 23), найденнаго въ Колмаковѣ, боковыя отверстія правильны, но относительно очень велики, и на нижнемъ концѣ находится возвышенная короткая грань; у третьяго (№ 25), найденнаго въ селѣ Комскомъ, нижній конецъ сильно сплюснутъ и правильно закругленъ; 3) маленькій наконечникъ формы полукруга; по серединѣ отвѣснаго радіуса круглое отверстіе для прикрѣпленія штифтика, а справа отъ него углубленіе, по формѣ своей похожее на птичій клювъ. См. *Martin*, Pl. 32, фиг. 26. Наконечникъ этотъ найденъ въ Минусинскомъ округѣ, дер. Бѣллыкской.

Таблица XIX.

1. Наконечникъ ноженъ такого-же типа, какъ № 18 на Табл. XVIII, только значительно крѣпче и тяжелѣе. Онъ отлитъ изъ красноватой бронзы, очень изященъ по формѣ и тщательно отшлифованъ. Послѣ находки онъ такъ былъ очищенъ, что не осталось и слѣда патины. Форма отверстія его показываетъ, что въ ножнахъ, къ которымъ онъ былъ прикрѣпленъ, не могъ помѣщаться кинжалъ, а скорѣе вставлялись —два ножика. Найденъ при нахапіи земли въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 17).

2. Такой-же наконечникъ новаго типа. Онъ состоитъ изъ овальной цилиндрической трубки, длиною въ 2 сант., соединенной съ четырехгранной пирамидой, вершина которой нѣсколько расширена и переходитъ потомъ въ острый четырехгранный конецъ. Углы пирамиды и конецъ закруглены, повидимому, нарочно; это доказываетъ, что наконечникъ служилъ только украшеніемъ. По нѣкоторымъ частямъ поверхности его ясно видно, что онъ былъ прекрасной работы и тщательно отшлифованъ, но теперь во многихъ мѣстахъ замѣтны поврежденія, происшедшія отъ ударовъ, нанесенныхъ послѣ находки. Почти черная глянцевитая патина осталась только на одномъ его боку, на остальной поверхности она счищена, острый же конецъ очищенъ на столько, что производитъ впечатлѣніе позолоты. Найденъ вблизи гор. Красноярска (Коллекція Лопатина, № 94).

3. Наконечникъ ноженъ такого-же типа, изъ золотистой бронзы. Трубка его въ верхнемъ концѣ вдвое шире, чѣмъ у предыдущаго; къ ней присоединяется полая шестигранная пирамида съ нѣсколько утолщеннымъ и потомъ снова заостреннымъ концомъ. Поверхность его очень тщательно отшлифована и покрыта теперь глянцевитой патиной, которая отчасти удалена послѣ находки. Дыра для прикрѣпленія къ ножнамъ съ одной стороны правильна, съ другой нѣсколько неправильна. У верхняго края трубки имѣется углубленный, несимметричный орнаментъ, вышедшій прямо изъ формы и впослѣдствіи слегка зачищенный острымъ инструментомъ. Наконечникъ этотъ на таблицѣ изображенъ съ двухъ сторонъ (3^a и 3^b). На одной сторонѣ (рис. 3^a) орнаментъ состоитъ изъ ломанной линіи, образующей 3 угла въ 60°. Вершина средняго угла доходитъ почти до верхняго края трубки, вершины же боковыхъ угловъ обращены внизъ. Въ углахъ, кромѣ того, помѣщены линіи параллельныя ихъ сторонамъ. На другой сторонѣ (рис.

3b) справа 4 линіи, образующія 4 входящіе другъ въ друга угла въ 60°, обращенные вершинами внизъ, а слѣва—довольно ясное изображеніе рыбы, обращенной головою вверхъ. Найденъ этотъ наконечникъ около села Коркина, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 91).

4. Наконечникъ стрѣлы изъ красной мѣди. По своей формѣ онъ болѣе похожъ на наконечникъ копья, но для этого слишкомъ малъ. Онъ представляетъ треугольную пластинку, заостренную съ обѣихъ сторонъ; по срединѣ ихъ проходятъ двѣ нѣсколько возвышенныя грани, слегка расширяющіяся къ основанію треугольника и переходящія въ короткую плоскую ножку, которая вставлялась въ древко стрѣлы. Послѣ отливки наконечникъ отшлифованъ и заточенъ. Конецъ его теперь нѣсколько закругленъ и доказываетъ этимъ, что онъ былъ въ употребленіи. Онъ на столько тяжелъ, что для далекой стрѣльбы не годился, но имъ можно было убить большого звѣря, такъ какъ онъ легко могъ прорѣзать толстую кожу. Найденъ около села Торгашина, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 98).

5. Наконечникъ стрѣлы изъ красной мѣди такой-же формы, только значительно тяжелѣе и больше; обѣ стороны его гладки и не имѣютъ срединныхъ граней. Его можно бы было считать наконечникомъ копья, еслибы ножка его была длиннѣе и толще, потому что при этомъ условіи она могла-бы, не погнувшись, выносить удары, наносимые рукой; въ теперешнемъ же состояніи его можно было употреблять лишь при стрѣльбѣ изъ лука, такъ какъ только при помощи этого послѣдняго можно было нанести ударъ, направленный по оси стрѣлы. Поэтому я думаю, что это наконечникъ боевой стрѣлы, которую можно было употреблять и на охотѣ за крупнымъ звѣремъ. Онъ покрытъ некрасивой патиной и на одномъ концѣ показываетъ значительное поврежденіе. Найденъ около сел. Солонцы, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 99).

6. Наконечникъ копья изъ красноватой бронзы, довольно красивой работы. Цѣлъ только верхній конецъ его и потому объ общей формѣ его нельзя судить, но, вѣроятно, онъ былъ такой-же, какъ наконечникъ, изображенный подъ № 9. По срединѣ его проходитъ толстая, съуживающаяся къ верху, граненная полоска, отъ которой въ обѣ стороны идетъ лезвее, носящее по краямъ слѣды оттягиванія молоткомъ на наковальнѣ и затачиванія на оселкѣ; нижній конецъ средней полосы отрубленъ и боковыя лезвія отломаны, поэтому о способѣ прикрѣпленія его къ древку судить нельзя. Покрытъ онъ ровной темно-зеленой патиной, и такъ какъ патина имѣется также на изломахъ, то слѣдуетъ думать, что изломъ произведенъ до находки. Найденъ на пашнѣ около села Бейскаго, на правомъ берегу Абакана, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 12).

7. Наконечникъ копья изъ красной мѣди такого-же типа, но грубой работы. Конецъ его нѣсколько поврежденъ, но все-таки видно, что и у этого наконечника, какъ у № 9, средняя граненная полоска доходитъ только до половины наконечника и отъ нея идетъ лезвее въ два раза болѣе длинное, чѣмъ средняя полоска. Два нижніе конца лезвея (они оба обломаны), вѣроятно, вбивались въ древко. Найденъ въ Красноярскомъ округѣ (Колл. Лопатина, безъ №). Такіе-же наконечники копій, но безъ возвышенной средней грани, находятся въ Минусинскомъ музеѣ (*Martin*, Pl. 25, № 2 и 4); первый найденъ въ Узунъюлѣ, а второй около Игрыша.

8. Большой наконечникъ копья такого-же типа, изъ красной мѣди, грубой работы. Острія лезвея сильно повреждены и нижніе концы его отбиты, какъ у предыдущаго. Верхушка копья, не смотря на значительную толщину срединной полоски, согнута нѣсколько въ сторону; на нижней части этой полоски сдѣланы три поперечныя углубленія. Найденъ въ Красноярскомъ округѣ, около села Терехина (Коллекція Лопатина, № 89). Подобный-же наконечникъ найденъ въ Саянскѣ и изображенъ у *Martin*'а, Pl. 25, № 6.

9. Единственный наконечникъ копья этого типа, оставшійся цѣлымъ. Онъ гораздо меньше предыдущихъ, отлитъ изъ красноватой бронзы и довольно хорошей работы. Форма нижнихъ концовъ лезвея его позволяетъ намъ ясно представить себѣ, какъ прикрѣплялись наконечники такого типа къ древку. Конецъ древка, на которомъ закрѣплялся наконечникъ, былъ такой-же толщины, какъ и тотъ, за который его держали рукой, но онъ не былъ срѣзанъ ровной плоскостью, а имѣлъ небольшой выступъ. На этотъ выступъ и надѣвался наконечникъ, концы же лезвея забивались въ древко. Такое закрѣпленіе наконечника дозволяло только верхнему его концу входить въ тѣло до конца средней полоски; мнѣ кажется, что эти копья употреблялись только въ борьбѣ съ человѣкомъ, такъ какъ удары ихъ для крупнаго звѣря не могли быть смертельными. Можетъ быть, ими желали только сдѣлать противника негоднымъ для продолженія борьбы, а не убить его, какъ это дѣлается еще и теперь у киргизовъ при барантахъ. Въ этомъ случаѣ они употребляютъ, главнымъ образомъ, длинные батики, чтобы свалить противника съ лошади, но не убить его, такъ какъ за каждое убійство приходится при разсчетѣ, во время перемирія, платить «кунь» (= 100 лошадямъ), между тѣмъ какъ за раны не платится ничего. Это, конечно, только предположеніе и, можетъ быть, означенныя орудія представляютъ древнія формы копій, а другіе наконечники, изображенные на слѣдующихъ рисункахъ, суть дальнѣйшія улучшенія этого оружія. Найденъ этотъ наконечникъ въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 100).

10. Наконечникъ копья другого типа изъ золотистой бронзы, прекрасной работы. Хотя верхній конецъ его отломанъ и половина нижняго конца также выломана, но первоначальная его форма ясна. Наконечникъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ конической трубки, надѣвавшейся на древко, и изъ лезвея; въ бокахъ нижней части трубки имѣются два круглыя отверстія, черезъ которыя проходилъ мѣдный гвоздь для укрѣпленія древка. На краю одного изъ отверстій видны слѣды заклепыванія гвоздя; выше этого отверстія по трубкѣ находятся четыре кольцеобразныя возвышенія; къ нимъ, на одной сторонѣ, примыкаетъ круглое ушко для ремешка, которымъ, можетъ быть, это оружіе привязывалось къ сѣдлу. Затѣмъ трубка переходитъ въ три высокія грани, изъ которыхъ средняя проходитъ черезъ всю длину лезвея, а боковыя лишь до трети его длины; эти полоски должны предохранять широкое и нѣсколько тонкое лезвее отъ погнутія или излома при ударахъ. Лезвее имѣетъ листообразную форму и заточено на оселкѣ по всему краю; это даетъ поводъ предполагать, что имъ не только кололи, но и рубили, иначе не нужно было затачивать часть края, примыкающаго къ трубкѣ. Найденъ около села Куртака, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 86).

11. Наконечникъ копья такого-же типа, только меньшаго размѣра. Онъ прекрасно отлитъ изъ желтой, очень твердой бронзы и тщательно отшлифованъ. Послѣ шлифовки онъ былъ по-

крытъ тонкимъ слоемъ олова, и потому теперь его покрываетъ слой сѣрой блестящей патины. Трубка для вставки древка образуетъ правильный конусъ, вершина котораго доходитъ до половины лезвея; съ половины длины трубки проходятъ до конца ея два острыя ребра, плоскости которыхъ перпендикулярны къ плоскости лезвея. Лезвее здѣсь также листообразно и по всему краю заточено на оселкѣ, такъ что имъ возможно было не только колоть, но и рубить. Прикрѣплялся наконечникъ къ древку такъ-же, какъ и предыдущій. Благодаря тонкому слою олова, наконечникъ этотъ сохранился почти въ своемъ первоначальномъ видѣ и только на одномъ ребрѣ и сбоку трубки отскобленъ металлъ, а на краю трубки сдѣланы двѣ вырѣзки послѣ находки наконечника. Найденъ онъ около села Заледѣева, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 87).

12. Наконечникъ копья съ трубкою для древка, но другого типа. Онъ отлитъ изъ красноватой бронзы и очень хорошей работы. Трубка образуетъ длинный конецъ, который проходитъ черезъ всю длину наконечника; съ половины его до вершины проходитъ едва замѣтное ребро. Стѣнки трубки вдвое толще, чѣмъ у предыдущихъ наконечниковъ, почему онъ значительно тяжелѣе послѣднихъ. Лезвее и здѣсь имѣетъ листообразную форму, съ той только разницей, что оно у́же и не доходитъ до конца трубки лишь на $1\frac{1}{2}$ сантим. Край трубки неправиленъ и, повидимому, обрубленъ послѣ находки; можно предположить, что раньше трубка была длиннѣе; на это, между прочимъ, указываетъ и то обстоятельство, что въ имѣющейся части трубки нѣтъ боковыхъ отверстій для гвоздя. Послѣ же нахожденія, повидимому, согнута верхушка наконечника. Весь наконечникъ сохранился довольно хорошо и теперь еще покрытъ черной, но некрасивой патиной. Найденъ на пашнѣ близь деревни Анашенской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 11). Въ Минусинскомъ музеѣ находится такой-же наконечникъ (*Martin*, Pl. 25, № 3), найденный въ Коковскомъ улусѣ. Лезвее наконечника съ длинной трубочкой (см. Табл. XIX, рис. 11) по формѣ своей похожъ на фиг. 12. (Ср. *Martin*, Pl. 25, № 3).

13. Мундштукъ отъ удилъ изъ красноватой бронзы, не особенно гладко отшлифованный. Онъ состоитъ изъ круглаго валика въ 2 сантим. длиною, на обоихъ концахъ котораго придѣлано по одной короткой поперечной трубочкѣ. За одной изъ нихъ идетъ плоская, нѣсколько расширяющаяся къ свободному закругленному концу, полоска. Черезъ трубочки проходили концы дугообразной палочки, заклепывавшіяся внѣ трубочекъ; круглая палочка проходила сквозь кольцо удилъ, а дугообразная палочка не позволяла мундштуку вываливаться изъ него, такъ что мундштукъ стоялъ перпендикулярно ко рту лошади; внѣшнія полосы были закруглены, чтобы не прорѣзать губы лошади. Весь мундштукъ покрытъ толстымъ слоемъ свѣтло-зеленой некрасивой патины. Найденъ на полѣ близь дер. Кальской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 35). Подобный-же мундштукъ изображенъ въ атласѣ *Martin*'а, Pl. 28, № 19, но онъ гораздо изящнѣе и боковыя плоскости листообразны, съ пятью выемками по краямъ и съ отверстіемъ, изображающимъ клювъ хищной птицы; найденъ этотъ мундштукъ въ Быскарѣ.

14. Мундштукъ изъ красноватой бронзы, гладко полированный. Онъ состоитъ изъ круглаго валика, согнутаго на концахъ, имѣющихъ закругленныя головки; по срединѣ валика два утолщенія съ сквозными отверстіями для прикрѣпленія дужки, задерживавшей мундштукъ на кольцѣ удилъ. Средняя часть мундштука носитъ слѣды тренія послѣднихъ объ кольцо. Онъ покрытъ свѣтлой, но неравномѣрной патиной. Найденъ въ Канскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 36).

15. Такой-же мундштукъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы. Образующій его валикъ правильно закругленъ и одинаковой толщины; по срединѣ его имѣются два шарообразныя утолщенія съ цилиндрическими дырами въ нихъ. Края дыръ тщательно закруглены; по срединѣ валика, между утолщеніями, видны ясные слѣды тренія о кольцо удилъ. На концахъ валика имѣются головки, какъ-бы составленныя изъ двухъ, сложенныхъ основаніями, сегментовъ шара. Весь мундштукъ одинаково покрытъ блестящей темно-зеленой патиной, типичной для золотистой бронзы. Найденъ въ Канскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 27).

16. Мундштукъ такого-же типа, изъ золотистой бронзы. Онъ образуетъ такой-же круглый валикъ, верхній конецъ котораго гораздо длиннѣе нижняго и значительно тоньше. На обоихъ концахъ нѣтъ утолщеній. Верхній конецъ изогнутъ въ бокъ, и изгибъ этотъ, кажется, былъ полученъ въ формѣ, нижній же конецъ, совершенно прямой, оканчивается нѣсколько закругленной плоскостью. Утолщенія по срединѣ, въ которыхъ продѣланы отверстія, менѣе правильны, чѣмъ у предыдущаго. Между ними видны ясные слѣды тренія о кольцо удилъ. Весь мундштукъ покрытъ блестящей темно-зеленой патиной. Найденъ на пашнѣ около села Худоногова, Частоостровской волости, Красноярскаго округа, на р. Енисеѣ (Коллекція Лопатина, № 25).

17. Мундштукъ такого-же типа изъ золотистой бронзы, очень тщательно отшлифованный. Онъ короче предыдущаго и по срединѣ, между отверстіями, почти вдвое толще, чѣмъ на концахъ. И здѣсь также видны слѣды тренія о кольцо удилъ. Цилиндрическія отверстія продѣланы въ правильныхъ шарообразныхъ утолщеніяхъ. Къ концамъ валикъ съуживается и на одномъ изъ нихъ круглая головка, а на другомъ небольшое утолщеніе, происшедшее, вѣроятно, отъ неправильнаго отлитія головки. Найденъ вблизи деревни Ирджи, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 26).

18. Мундштукъ изъ золотистой бронзы, совершенно другого типа. Онъ состоитъ изъ согнутой подъ тупымъ угломъ четырехграннаго валика, въ сгибѣ котораго имѣется круглое отверстіе. Такія-же отверстія имѣются и на концахъ. На одномъ боку мундштука, нѣсколько выше средняго отверстія, замѣтны слѣды тренія о кольцо удилъ; это даетъ поводъ думать, что черезъ среднее отверстіе и одно изъ боковыхъ была продѣта дугообразная палочка, другая-же половина, не показывающая слѣдовъ тренія, торчала надъ концомъ удила. Для чего продѣлано еще боковое отверстіе, опредѣлить не берусь. Мундштукъ этотъ былъ покрытъ тонкимъ слоемъ олова, вслѣдствіе чего прекрасно сохранился, и отличается теперь блестящей сѣроватой патиной, характерной для луженыхъ бронзовыхъ вещей. Найденъ близь дер. Кальской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 34). Мундштуки такого-же типа, но менѣе изящной работы, найденные въ селахъ Анашенскомъ и Абаканскомъ, изображены у *Martin'a*, Pl. 28, №№ 23 и 25.

19. Мундштукъ изъ золотистой бронзы, прекрасной работы, тщательно отшлифованный и отполированный. Онъ образованъ согнутымъ въ видѣ S круглымъ валикомъ, нѣсколько утолщеннымъ по срединѣ, гдѣ имѣется овальное отверстіе. На концахъ валика находятся поперечныя трубочки, которыя также отшлифованы и внутри имѣютъ острые края. Къ одной изъ нихъ прикрѣплена круглая пуговка, поперечникъ которой нѣсколько длиннѣе трубочки. По обѣ стороны трубочки замѣтны слѣды тренія о кольца удилъ, такъ что мундштукъ этотъ, вѣроятно, прикрѣплялся къ удиламъ такимъ-же образомъ, какъ предыдущій. Онъ покрытъ весь блестящей

темно-зеленой патиной. Найденъ на пашнѣ, въ окрестностяхъ села Новоселовскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 33). Такой-же мундштукъ находится въ Минусинскомъ музеѣ (*Martin*, Pl. 28, № 20); онъ вылитъ изъ красной мѣди и найденъ около дер. Юдиной.

20. Мундштукъ совершенно особой формы, изъ красной мѣди, довольно хорошей работы. Онъ имѣетъ видъ плоскаго валика, нѣсколько расширяющагося къ одному концу. Края его тщательно округлены. На узкомъ концѣ валика находится цилиндрическая трубочка, которая по длинѣ вдвое больше ширины валика; трубочка залита свинцомъ, такъ что въ ней осталось только маленькое отверстіе. Не вдалекѣ отъ нея — вторая трубочка, одинаковая по величинѣ съ первой, но не залитая свинцомъ. Покрытъ этотъ мундштукъ некрасивой зеленой патиной, на многихъ мѣстахъ стертой послѣ находки мундштука. Прикрѣпленіе его не ясно; слѣдовъ тренія объ удила нигдѣ не замѣтно. Найденъ на пашнѣ дер. Анашенской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 38).

Общее обозрѣніе таблицы XIX.

На рис. 1—3 представлены 2 типа наконечниковъ ноженъ кинжаловъ. Первый типъ сходенъ съ наконечниками, изображенными на табл. XVIII. Второй типъ (см. рис. 2 и 3) похожъ нѣсколько на наконечникъ копья, почему и обозначенъ таковымъ на ярлычкахъ г. Лопатина. Но такое обозначеніе ошибочно, такъ какъ остріе слишкомъ мало для того, чтобы ихъ можно было употреблять какъ оружіе; кромѣ того, всѣ края ихъ закруглены и притуплены. Обращаю особое вниманіе на изображеніе рыбы (рис. 3 b), которое очень характерно и крайне рѣдко встрѣчается на предметахъ бронзовыхъ, находимыхъ въ верховьяхъ Енисея. Трудно опредѣлить, что обозначало это изображеніе. Рис. 4 и 5 изображаютъ вставлявшіеся въ древко наконечники стрѣлъ съ листообразными лезвеями, подобными лезвеямъ копій, почему я и помѣстилъ ихъ рядомъ съ послѣдними. На рис. 6—12 представлены наконечники копій двухъ типовъ. Наконечники, вставлявшіеся концами въ древко копій, имѣютъ ланцетообразную форму. Способъ укрѣпленія ихъ очень непроченъ; онъ изложенъ мною при описаніи № 9, лучше всего сохранившагося. Рис. 10—12 представляютъ наконечники съ трубочками для насаживанія на древко. Одни изъ нихъ имѣютъ широкое листообразное лезвее (рис. 11), другія—узкое (рис. 12). Рис. 13—20 изображаютъ рядъ мундштуковъ, т. е. боковыхъ валиковъ, прикрѣплявшихся къ кольцамъ удилъ. Всѣ они прикрѣплялись посредствомъ дугообразныхъ валиковъ, проходившихъ черезъ два отверстія. Цѣлыхъ бронзовыхъ удилъ съ мундштукомъ до сихъ поръ не найдено, но цѣлый рядъ желѣзныхъ удилъ, имѣющихся у насъ изъ киргизскихъ могилъ на Абаканѣ, ясно указываетъ именно на описанное выше устройство бронзовыхъ удилъ. Причина отпаденія дугообразныхъ валиковъ ясна. У желѣзныхъ удилъ эти послѣдніе были прикованы и потому сохранились, между тѣмъ какъ мѣдные были только заклепаны и потому легко могли отвалиться, когда края заклепокъ проржавѣли. Формы погнутыхъ валиковъ этихъ мундштуковъ очень разнообразны. Въ Минусинскомъ музеѣ находятся еще валики, по формѣ своей отличающіяся отъ изображенныхъ на этой таблицѣ подъ №№ 14—17. Ср. атласъ *Martin*'а, Pl. 28, №№ 16—18, и №№ 20, 21, 24.

Таблица XX.

1. Удила изъ красноватой мѣди простой работы, но вычищенныя послѣ отливки. Пазы формы видны довольно ясно. Удила состоятъ изъ двухъ не вполнѣ равныхъ половинъ; каждая же изъ этихъ послѣднихъ образована двумя толстыми кольцами неодинаковой величины, связанными между собою круглымъ валикомъ. Одинъ изъ валиковъ немного согнутъ ударомъ молотка и нѣсколько толще другого; оба кольца этого валика лежатъ въ одной плоскости и пазъ формы проходитъ по окружностямъ обоихъ колецъ и по длинѣ валика. У другой половины малое кольцо стоитъ перпендикулярно къ большому и пазъ проходитъ также, какъ и у первой половины, только по большому кольцу, длинѣ валика и по малому кольцу лишь до половины его, остальная же часть неправильно изогнута и не показываетъ слѣдовъ паза. Оба маленькія кольца входятъ одно въ другое. Удила эти покрыты некрасивой темной патиной, характерной для красной мѣди. Найдены на пашнѣ около села Сорокина, на правомъ берегу Енисея, въ Абаканской волости, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 116).

2. Удила такого-же типа изъ красной бронзы, грубой работы. Внѣшнія кольца гораздо больше, чѣмъ у предыдущихъ удилъ, валики, соединяющіе кольца, не ровны, пазы едва замѣтны, кольца неправильны и маленькое перпендикулярно поставленное кольцо толще, чѣмъ другое. На внутреннихъ краяхъ наружной части большихъ колецъ замѣтны слѣды тренія отъ ремня. Найдены при паханіи у дер. Красная-Горка, на р. Березовкѣ, въ 25 в. отъ г. Красноярска (Коллекція Лопатина, № 107).

3. Удила изъ красной мѣди такого-же типа. Они составлены изъ двухъ половинъ отъ разныхъ удилъ. Та половина, у которой кольца поставлены въ разныхъ плоскостяхъ, массивнѣе и лучше по работѣ, чѣмъ другая половина, валики толще и короче, пазы нѣсколько отшлифованы, но вокругъ ясно видны кольца. У другой половины валикъ неправиленъ и носитъ глубокіе слѣды отъ тренія въ зубахъ лошади; наружный край большого кольца также значительно стертъ, такъ что уже съ перваго взгляда замѣтно, что эта половина была гораздо больше въ употребленіи, чѣмъ первая. На это-же указываетъ и то обстоятельство, что внѣшній край малаго кольца весь былъ перетертъ. Для составленія удилъ изъ описанныхъ половинъ, обѣ половины соединили маленькими кольцами одну съ другой и затѣмъ перетертое кольцо облили расплавленною мѣдью,

такъ что эта послѣдняя образовала вокругъ его попорченной части короткую неправильную трубку, которая въ настоящее время можетъ слегка двигаться въ обѣ стороны. Удила эти представляютъ единственный образецъ удилъ съ подобнымъ исправленіемъ, которыя мнѣ встрѣчались. Найдены на пашнѣ около села Усть-Ерба, на лѣвомъ берегу Енисея, въ Абаканской волости, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 113).

4. Удила изъ красной мѣди, довольно хорошей работы. Валики ихъ длиннѣе и правильнѣе и слегка утолщены у внѣшнихъ колецъ. Маленькое кольцо у одной половины удилъ отломано, у другой же перетерто на столько, что въ одномъ мѣстѣ отъ него осталась только незначительная полоска мѣди. Наружныя кольца продолговаты; въ началѣ они представляютъ какъ-бы расширеніе валика, въ которомъ продѣланы круглыя, правильныя, съ острыми внѣшними краями, отверстія; затѣмъ слѣдуетъ кольцо, представляющее очень правильный кругъ. Снаружи колецъ слѣды паза удалены, внутри же они замѣтны, а въ углахъ вовсе не зачищены. На валикахъ замѣтны слѣды отъ тренія зубами лошади. Я думаю, что въ круглыя отверстія передъ кольцами продѣвались дуги для прикрѣпленія мундштуковъ. Эти удила покрыты некрасивой свѣтло-зеленой патиной. Найдены они около дер. Кривой, на правомъ берегу Енисея, въ 17 в. отъ Минусинска (Коллекція Лопатина, № 131).

5. Удила изъ красной мѣди, очень грубой работы. Валики неодинаковой длины сильно изгрызаны, внутреннія кольца также неровны и по внѣшнимъ краямъ почти совсѣмъ перетерты. Внѣшнія кольца имѣютъ своеобразную форму: валикъ переходитъ въ кольцо, но только до половины круга, затѣмъ обѣ половины кольца идутъ въ видѣ прямыхъ короткихъ валиковъ и связываются между собой такимъ-же поперечнымъ валикомъ, вокругъ котораго закрѣплялся ремень. Ясные слѣды пазовъ видны только по наружнымъ и внутреннимъ краямъ внѣшнихъ колецъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что положеніе внутреннихъ колецъ къ внѣшнимъ неправильно: они образуютъ тупые углы. При неправильности валиковъ не видно, имѣли-ли кольца такое положеніе при отливкѣ, или получили его, благодаря долгому употребленію. Удила эти были покрыты черной некрасивой патиной, которая послѣ находки ихъ была почти вездѣ стерта. Найдены около села Шушенскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 125).

6. Удила изъ красной мѣди, очень грубой работы. Положеніе колецъ правильно; палочки неровны. Внѣшнія кольца почти треугольны, при чемъ вверху треугольника имѣется перегородка, отдѣляющая круглое отверстіе на вершинѣ треугольника. Треугольники очень неправильны: у одного основаніе дугообразно и перегородка прямая, у другого одна изъ боковыхъ сторонъ выходитъ далѣе основанія, такъ какъ общая форма внѣшняго края походитъ на кольцо (рис. 5). Внѣшній край маленькаго кольца у той половины кольца, которая лежитъ въ одной плоскости, почти перетертъ и внѣшнее кольцо согнуто наружу, между тѣмъ какъ у другой половины это кольцо вогнуто во внутрь. Колечки показываютъ слѣды обгрызанія зубами, а на внѣшнихъ краяхъ замѣтны слѣды тренія ремнями. Темная некрасивая патина совершенно удалена послѣ находки удилъ. Найдены на пашнѣ около села Бейскаго, на правой сторонѣ Абакана, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 127).

7. Удила такого-же типа, изъ красной мѣди, болѣе тщательной работы, чѣмъ предыдущія; они отшлифованы по отливкѣ и слѣды паза почти совершенно удалены, кромѣ внутреннихъ сто-

ронъ колецъ, гдѣ они видны совершенно ясно. Они очень недолго были въ употребленіи, такъ какъ нигдѣ на нихъ не замѣтно слѣдовъ перетиранія зубами или ремнями. Внутреннія кольца правильны, но валикъ между кольцами, лежащими въ перпендикулярныхъ другъ къ другу плоскостяхъ, изогнутъ, повидимому, нарочно ударами молотка. Другой, болѣе короткій валикъ также сильно изогнутъ. У внѣшнихъ треугольныхъ колецъ основаніе образуетъ дугообразный валикъ и перегородки такой-же формы. У одного треугольника боковыя стороны образуютъ слегка изогнутую по срединѣ линію, такъ что вершина представляетъ маленькое круглое кольцо, къ которому присоединяется продолговатое овальное кольцо. Удила неравномѣрно покрыты некрасивой свѣтло-зеленой патиной. Найдены при паханіи у села Злобина, на р. Березовкѣ, Вознесенской волости, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 133).

8. Удила изъ красной мѣди, такого-же типа. Та половина ихъ, у которой оба кольца лежатъ въ одной плоскости, слабѣе, чѣмъ другая. Здѣсь внѣшнее кольцо образуетъ правильный треугольникъ съ острыми углами у основанія. Вершина представляетъ правильное круглое маленькое кольцо. Другая половина гораздо толще, валикъ значительно длиннѣе и на внѣшнемъ концѣ маленькое кольцо, изъ котораго перпендикулярно къ длинному валику выходятъ два валика, лежащіе въ одной линіи и связанные другъ съ другомъ полукруглой дужкой. Я того мнѣнія, что здѣсь вторая половина прилита впослѣдствіи при помощи формы отъ другихъ удилъ. Обѣ половины удилъ равномѣрно изогнуты, пазы тщательно зачищены. Удила покрыты некрасивой свѣтло-зеленой патиной. Найдены около с. Дрокино, въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 130).

9. Удила такого-же типа, изъ красной мѣди, грубой работы. Валики одинаковой длины и совершенно прямые. Внутреннія кольца правильно поставлены, но сильно потерты; на валикахъ видны ясные слѣды обгрызанія. Внѣшнія кольца также одинаковы и представляютъ треугольники съ выгнутыми основаніями; перегородки въ нихъ параллельны основаніямъ. Основанія треугольниковъ носятъ на себѣ ясные слѣды тренія ремнемъ. Удила были покрыты свѣтло-зеленой патиной, но вычищены послѣ находки. Найдены на пашнѣ около села Койскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 122).

10. Удила изъ красной мѣди, новаго типа, очень хорошей работы. Кольца поставлены совершенно правильно; валики коротки, прямы и хорошо закруглены; нѣкоторыя неправильности на нихъ произошли отъ грызенія зубами. Внутреннія кольца крѣпки, внѣшнія прекрасной формы, тщательно вычищены и полированы внутри и снаружи, такъ что пазовъ нигдѣ не замѣтно. Каждое внѣшнее кольцо состоитъ изъ правильнаго круга, изъ котораго въ началѣ наружнаго края выходятъ два валика, соединенные дугообразнымъ валикомъ; эта внѣшняя приставка имѣетъ форму основанія съ нижнею частью сторонъ равнобедреннаго треугольника. Видно, что эта форма внѣшнихъ колецъ произошла отъ увеличенія маленькаго кольца въ удилахъ вышеописаннаго типа. Удила эти вычищены послѣ находки ихъ, такъ что свѣтло-зеленая патина, покрывавшая ихъ, осталась только внутри большихъ колецъ. Ясно видные слѣды тренія показываютъ, что ремни продѣвались черезъ приставку къ внѣшнимъ кольцамъ. Найдены около села Ужуръ, въ Ачинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 123).

11. Удила изъ красной мѣди, такого-же типа, довольно хорошей работы. Они прочнѣе всѣхъ удилъ въ богатой коллекціи г. Лопатина. Валики вдвое толще обыкновенныхъ и внутреннія кольца также очень толсты, внѣшнія же кольца больше и довольно правильно отлиты; къ нимъ приставлены прямоугольники, короткія стороны которыхъ являются тангенсами къ большимъ кругамъ. Внѣшніе края приставокъ тщательно округлены; слѣдовъ тренія ремнемъ или обгрызанія зубами на нихъ не замѣтно; это даетъ поводъ предполагать, что удила были въ употребленіи недолго. Патина вычищена послѣ находки удилъ. Найдены они на пашнѣ около села Койскаго, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 121).

12. Удила изъ красной мѣди, почти столь-же прочныя, какъ предыдущія. Положеніе колецъ очень правильно, валики коротки, а внутреннія кольца такъ толсты, что свободные промежутки въ нихъ весьма незначительны. Внѣшнія кольца представляютъ правильные эллипсы, короткія оси которыхъ расположены по длинѣ валиковъ; къ наружнымъ краямъ ихъ какъ-будто прикрѣплена еще часть дуги эллипса, отчего получается серповидное отверстіе для продѣванія ремней. Удила эти хорошо отлиты и очищены на столько, что пазъ едва замѣтенъ; патина свѣтло-зеленаго цвѣта сохранилась только на одной сторонѣ ихъ, съ другой же счищена послѣ нахожденія. Найдены около селенія Перевозинскаго, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 132).

13. Удила такого-же типа, изъ красной мѣди, прекрасной работы; форма ихъ очень правильна. Послѣ отливки они тщательно отшлифованы и отполированы. Валики нѣсколько длиннѣе и прямѣе, чѣмъ у предыдущихъ, и со всѣхъ сторонъ тщательно закруглены. Внутреннія кольца менѣе прочны и одно изъ нихъ нѣсколько перетерто. Внѣшнія кольца толсты, съ острыми краями, и къ нимъ приставлены нижнія части треугольниковъ, основаніями наружу. Удила покрыты темно-зеленой патиной, которая стерта только на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Найдены около села Сыда, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 124).

Общее обозрѣніе таблицы XX.

На этой таблицѣ изображены 4 типа удилъ. Всѣ они отлиты изъ красной мѣди; каждый экземпляръ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, которыя такъ искусно отлиты, что внутреннія (маленькія) кольца охватили другъ друга, отчего на одной половинѣ два кольца лежатъ въ одной плоскости, а на другой — въ плоскостяхъ перпендикулярныхъ другъ къ другу; только у № 5 кольца въ обѣихъ половинахъ лежатъ подъ тупыми углами. У № 3 внутреннія кольца не съ самаго начала отлиты другъ въ другѣ, а одно изъ нихъ вставлено впослѣдствіи и замкнуто приливкой изъ мѣди. Различные типы удилъ характеризуются только формой внѣшнихъ колецъ:

а) Простыя удила, въ которыхъ эти кольца представляютъ обыкновенныя кольца бо́льшаго (рис. 2) или меньшаго размѣра (рис. 1 и 3);

б) Удила, въ которыхъ кольца не круглы, а имѣютъ форму пряжекъ (рис. 5);

в) Удила съ сложными внѣшними кольцами, состоящими либо изъ двухъ круговъ (рис. 4), либо изъ треугольниковъ съ перегородкой (рис. 6, 7, 8 и 9), и наконецъ

г) Удила, у большихъ колецъ которыхъ имѣется еще отверстіе для продѣванія ремня (рис. 10, 11, 12 и 13).

Въ Минусинскомъ музеѣ находятся удила указанныхъ здѣсь трехъ типовъ (см. *Martin*, Pl. 28, №№ 1—6 и 8—13); кромѣ того два другіе типа, помѣщенные на той-же таблицѣ атласа *Martin*'а, подъ №№ 14 и 7. Подъ № 14 изображены удила, у которыхъ наружныя кольца меньше внутреннихъ. Валики, на сколько можно судить по рисунку, очень крѣпки и нѣсколько угловаты. Я полагаю, что ремни не прикрѣплялись къ внѣшнимъ кольцамъ, а что въ послѣднія, для прикрѣпленія ремней и мундштуковъ, были вставлены еще другія кольца. Подъ № 7 у *Martin*'а изображены очень крѣпкія удила, у которыхъ наружные концы валиковъ переходятъ въ широкія концы цилиндрической формы съ четыреугольными приставками для прикрѣпленія ремня. Здѣсь широкія кольца перпендикулярны къ внѣшнимъ приставкамъ и, безъ сомнѣнія, служили для прикрѣпленія довольно толстыхъ мундштуковъ. Мѣстомъ нахожденія значится у № 14 дер. Курганчикова, а у № 7 деревня Быскарь.

Таблица XXI.

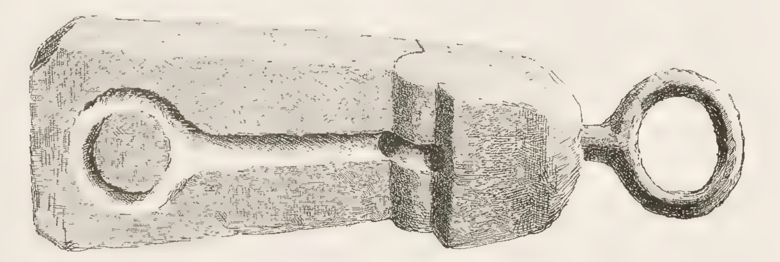
1. Удила изъ красной мѣди, типа **в** (см. Общ. обозр. табл. XX), отличающіеся правильностью формы внѣшнихъ колецъ; они представляютъ совершенно правильные треугольники съ дугообразными перегородками въ вершинѣ, ограничивающими правильныя круглыя отверстія. Внѣшнія стороны основанія внутри округлены, а снаружи плоски, остальныя же стороны, на оборотъ, плоски внутри и закруглены снаружи; круглыя же отверстія до того тщательно зачищены, что въ нихъ, вѣроятно, были укрѣплены мундштуки. Вообще удила эти отличаются изяществомъ формы и аккуратной полировкой; слѣды паза замѣтны только внутри одного изъ треугольниковъ. Валики показываютъ ясные слѣды грызенія и одно изъ маленькихъ колецъ почти совершенно перетерто. Слѣды тренія замѣтны и на основаніяхъ треугольниковъ, такъ что можно думать, что удила эти въ употребленіи были довольно долго. Вся поверхность ихъ покрыта темной патиной. Найдены около села Сорокина, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 131).

2. Удила такого-же типа, довольно грубой работы, съ различными внѣшними кольцами. Не смотря на это, одинаковость металла, размѣровъ валиковъ и внутреннихъ колецъ доказываетъ, что они не представляютъ соединенія двухъ различныхъ удилъ, какъ удила на Табл. XX, рис. 8, но что обѣ половины были отлиты въ одно время, неправильность же ихъ произошла отъ небрежности мастера. Это и побудило меня изобразить ихъ на этой таблицѣ. Найдены въ Новоселовской волости, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 134).

3. Удила изъ красноватой бронзы, очень красивой работы и тщательно отполированныя. Валики правильно округлены и сравнительно очень тонки, внѣшнія кольца — квадратныя, а внутри ихъ имѣются маленькія кольца; всѣ края тщательно закруглены и зачищены. Они покрыты блестящей темно-зеленой патиной. Найдены около села Большая-Иня, въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 130).

4. На этомъ рисункѣ изображены единственныя удила изъ красной мѣди, сохранившіяся въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ формы, т. е. не подвергавшіеся очисткѣ послѣ отливки. Они крайне важны для выясненія, какимъ образомъ отливались удила вообще. Разсматривая пазы отъ формы, сохранившіеся весьма отчетливо на обѣихъ половинахъ удилъ, уже съ пер-

ваго-же взгляда ясно, что та половина, у которой оба кольца лежатъ въ одной плоскости, отлита отдѣльно отъ другой, въ особой формѣ, состоявшей изъ двухъ тождественныхъ половинъ, при чемъ отверстіе для литья находилось на внѣшнемъ краѣ большого кольца. Видно, что обѣ половины формы, сложенныя и связанныя, ставились отвѣсно, такъ что внѣшній край большого кольца находился на верху. Формовка второй половины удилъ (отъ маленькаго кольца) ничѣмъ не отличается отъ первой половины, т. е. для отлитія имѣлись двѣ симметричныя половины накладывавшіяся одна на другую, на что ясно указываетъ слѣдъ паза, идущій по всей окружности внѣшняго кольца и вдоль валика, до маленькаго кольца, гдѣ онъ и обрывается. На маленькомъ же кольцѣ слѣды паза замѣтны уже совсѣмъ въ иныхъ направленіяхъ, чѣмъ на томъ-же кольцѣ первой половины: они идутъ отъ конца паза валика по узкому краю кольца до половины его, гдѣ и встрѣчаются другъ съ другомъ. На другой же половинѣ кольца вовсе не видно этихъ слѣдовъ. Это обстоятельство даетъ право думать, что для отливки второй половины въ распоряженіи мастера находилась форма, состоявшая изъ 3-хъ частей, при чемъ въ одну изъ нихъ была вмазана первая половина удилъ. Мнѣ кажется, что поступали такимъ образомъ (см. прилаг. политипажъ): маленькое кольцо готовой половины удилъ залѣпляли глиной и придавали ему форму полу-



цилиндра, по которому продѣлывали желобокъ, соотвѣтствовавшій половинѣ будущаго маленькаго кольца; этотъ желобокъ проходилъ по всей поверхности полуцилиндра и оба конца его соединялись дырочкой, пробитой въ глинѣ, наполнявшей внутренность уже готоваго маленькаго кольца. Двѣ готовыя формы соотвѣтственно также имѣли углубленія для будущаго колечка и при накладываніи на нихъ 3-й части формы совпадали съ этой послѣдней. Что въ данномъ случаѣ поступали именно такъ, а не иначе, это доказываетъ и то обстоятельство, что колечко 2-й половины удилъ имѣетъ не строго круглую форму, а слегка угловатую; оно именно является составленнымъ изъ сильно искривленной дуги и дуги менѣе кривой, при чемъ послѣдняя какъ разъ соотвѣтствуетъ той части полости въ формѣ, которая проходила черезъ глину, наполнявшую кольцо первой половины. Весьма вѣроятно, что послѣ изготовленія формы, она, для приданія ей большей прочности, была прокалена, и только затѣмъ уже въ нее вылили расплавленный металлъ. По охлажденіи формы разбивались, и удила получались въ томъ видѣ, въ какомъ они изображены здѣсь на рисункѣ. Литникъ здѣсь находился, повидимому, на одномъ изъ спаевъ несимметричной части формы съ одной изъ симметричныхъ ея частей. Полагаю, что всѣ удила отливались такимъ образомъ. На это указываетъ опять-таки то обстоятельство, что у всѣхъ маленькія кольца, лежащія не въ одной плоскости съ внѣшнимъ большимъ, имѣютъ неправильную форму, т. е.

прямую линію вмѣсто кривой на внѣшней своей части, и боковыя утолщенія, соотвѣтствующія спайкѣ несимметричной части формы съ симметричными. Описанныя здѣсь удила найдены около села Чистоостровскаго, въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 127).

5. Отломанный конецъ валика изъ красной мѣди, прикрѣплявшійся къ мундштуку. Онъ отличается отъ валиковъ, изображенныхъ на предыдущей таблицѣ, тѣмъ, что концы его согнуты крючкомъ. На рисункѣ я возстановилъ первоначальную его форму. Послѣ отливки онъ тщательно былъ очищенъ съ наружной стороны, на внутренней же сторонѣ виденъ пазъ, зачищенный только слегка. Онъ покрытъ темной патиной, кое-гдѣ вычищенной послѣ находки. Найденъ около села Юдина, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина).

6 и **7.** Маленькіе, очень крѣпкіе клинья, употреблявшіеся, вѣроятно, на расщепленіе дерева. Форма ихъ совершенно одинакова. Верхняя половина клина четырехгранная, неправильной формы, съ гладкими широкими боковыми плоскостями. Нижняя плоскость ровна отъ одного конца до другого, но нѣсколько расширяется къ нижнему концу. Верхняя плоскость параллельна нижней только до половины, потомъ она пересѣкается подъ тупымъ угломъ плоскостью, которая на нижнемъ концѣ образуетъ съ нижней плоскостью заостренное лезвее, такъ что клинья эти имѣютъ видъ маленькихъ молотковъ. Наружный видъ плоскостей указываетъ на то, что клинья не были отлиты въ такомъ видѣ, а были выкованы молоткомъ послѣ отливки. Точно опредѣлить ихъ употребленіе не возможно, хотя лезвія ихъ довольно остры, но для рѣзанія они не могли служить по своей неправильности; точно также нельзя предполагать, что ихъ употребляли какъ долота: противъ этого говоритъ то обстоятельство, что тупые концы ихъ закруглены и нигдѣ не выказываютъ слѣдовъ сильныхъ ударовъ. Можно предположить только, что ихъ вставляли въ готовую щель, чтобы расщепать дерево. № 6 — изображенъ съ широкой стороны, № 7 — съ узкой. Оба принадлежатъ къ коллекціи г. Лопатина и только № 6 снабженъ ярлычкомъ за № 129, на которомъ обозначено мѣсто нахожденія (село Бейское, на правой сторонѣ Абакана, недалеко отъ Минусинска).

8. Боевой молотокъ изъ красной мѣди, довольно грубой работы. По наружному виду онъ подходитъ къ молоткамъ Табл. XVII, рис. 11—13, но не помѣщенъ на ней, такъ какъ полученъ мною уже послѣ составленія этой таблицы. Ближе всего онъ подходитъ къ № 12, но значительно крѣпче его. На обухѣ его, повидимому, должно было находиться украшеніе, но оно не удалось и было счищено послѣ отливки. Это доказывается неправильностью формы обуха, на сторонѣ котораго, изображенной на этомъ рисункѣ, находится сквозное неправильное отверстіе. Такъ-же неправильно, благодаря неудачѣ при литьѣ, отверстіе для гвоздя, закрѣпляющаго рукоятку. Передняя часть молотка отлита довольно хорошо, хотя ея боковыя поверхности и не гладки. Отверстіе для рукоятки длинно и узко, такъ что занимаетъ болѣе трети всей длины молотка. Пазы на бокахъ сглажены ударами молотка (Коллекція Лопатина, № 9). Мѣсто нахожденія не обозначено.

9. Инструментъ изъ красноватой бронзы, назначеніе котораго непонятно. Фиг. 9 a изображаетъ видъ его сбоку, фиг. же 9 b — видъ съ внутренней стороны. Онъ состоитъ изъ рукоятки и сильно изогнутаго лезвея. Рукоятку образуетъ довольно толстая полоска, расширяю-

щаяся къ свободному концу въ треугольникъ, неправильно очерченный; у краевъ ея приклепаны два гвоздика, посредствомъ которыхъ придерживалась деревянная рукоятка. Длинная полоса рукоятки постепенно переходитъ въ ланцетообразное тонкое обоюдоострое лезвее, снаружи плоское, а внутри имѣющее небольшое продольное утолщеніе. Кромѣ того, это лезвее сильно согнуто, какъ показываетъ фиг. 9. По формѣ своей инструментъ этотъ могъ быть употребляемъ для вырѣзыванія и очистки круглой деревянной посуды, но онъ слишкомъ слабъ для этой цѣли; далѣе онъ могъ служить для скобленія тѣхъ-же предметовъ или кожи, но тогда непонятенъ способъ укрѣпленія ручки, которая при такомъ устройствѣ не могла выдерживать сильное давленіе съ боку. Не служилъ-ли онъ для выскабливанія котловъ? Въ такомъ случаѣ боковое укрѣпленіе рукоятки понятно: оно не мѣшало-бы тому, чтобы всё лезвее касалось круглыхъ стѣнокъ котла. Найденъ этотъ инструментъ около с. Перевознаго, Минусинскаго окр. (Коллекція Лопатина, № 52).

10. Инструментъ изъ красной мѣди, представляющій ланцетообразную, нѣсколько согнутую полоску, узкій конецъ которой постепенно переходитъ въ крючекъ съ зазубриной. Полоска снаружи гладка и плоска, съ внутренней же стороны имѣетъ значительное возвышеніе по длинѣ, дѣлающее ее очень прочной. На верхнемъ свободномъ концѣ имѣется отверстіе съ продѣтымъ въ него массивнымъ кольцомъ. Если держать инструментъ за это кольцо, то онъ виситъ въ положеніи, показанномъ на рисункѣ. Видно, что къ кольцу привязывался тонкій ремень, или шнурокъ, на крючекъ надѣвалась рыбка или мясо и въ такомъ видѣ онъ опускался въ рѣку, какъ удочка, для ловли крупной рыбы. Найденъ у села Тесинскаго, на правомъ берегу Енисея, недалеко отъ Минусинска (Коллекція Лопатина, № 150).

11. Набалдашникъ изъ красноватой бронзы. Насаженный на палку, онъ могъ служить боевымъ цѣлямъ, какъ такой-же набалдашникъ, изображенный на Табл. XVII, рис. 15. Онъ состоитъ изъ крѣпкаго, съуживающагося кверху цилиндра; нижній конецъ его украшенъ 8-ю поперечными бороздками, придающими ему видъ рога антилопы. Нижній край отломанъ, такъ что нельзя судить о его формѣ и длинѣ. На 2-й бороздкѣ имѣется круглое отверстіе для закрѣпленія рукоятки штифтикомъ. На противуположной сторонѣ есть отверстіе, симметричное первому, но вся часть отъ него до низа выломана. Верхняя половина цилиндра гладка и переходитъ въ изображеніе головы каменнаго козла. Не смотря на нѣкоторую схематичность контуровъ, она довольно характерна; лобъ плоскій, носъ нѣсколько выдается впередъ, ноздри — теперь попорчены, очертанія глазъ и рта не видны. На нижней части морды имѣется выступающій подъ острымъ угломъ брусокъ, изображающій бороду. По обѣимъ сторонамъ головы ясно видны изображенія ушей; тотчасъ-же за ушами выходятъ рога, концы которыхъ соединяются съ цилиндромъ; рога образуютъ вмѣстѣ массивную дугу, могущую выдерживать сильные удары. Боковыя и нижняя поверхности роговъ гладки; на верху оба рога раздѣлены глубокой бороздой. Кромѣ того, каждый рогъ украшенъ небольшими зарубками. Набалдашникъ этотъ могъ служить украшеніемъ палки или посоха, но, кажется, слишкомъ тяжелъ для этой цѣли; поэтому я думаю, что онъ употреблялся какъ оружіе. Круглое отверстіе, имѣющееся на верхней части цилиндра, повидимому, случайное, такъ какъ оно находится только на одной сторонѣ. Послѣ отливки набалдашникъ былъ тщательно зачищенъ и теперь покрытъ некрасивой темной патиной. Найденъ около села Большаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 96).

12. Обломокъ какого-то непонятнаго инструмента изъ красной мѣди, можетъ быть, большой иглы, употребляемой для плетенья или тканія. Онъ представляетъ продолговатое ушко, сквозь которое продѣвался ремень или шнурокъ. Ушко образовано двумя четырехгранными дугообразными полосками. Одинъ конецъ ушка оканчивается плоскостью и, повидимому, такъ уже полученъ изъ формы, другой конецъ длиннѣе и переходитъ въ четырехгранный стволикъ, по толщинѣ равный одной изъ дужекъ ушка; боковыя стороны ушка отшлифованы, пазовыя же стороны почти совершенно не зачищены. Найденъ у дер. Байковой, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, ярлычекъ поврежденъ и № неизвѣстенъ).

13—34. Здѣсь изображены 20 различныхъ типовъ мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ. Изъ коллекціи Лопатина мнѣ переданы только 3 наконечника, изображ. подъ №№ 24, 27 и 34; первый найденъ на полѣ у с. Долгова (?), Красноярскаго округа (№ 101), второй у села Установа, того-же округа (№ 103), третій около села Замятина, того-же округа (№ 102). Остальныя стрѣлы взяты изъ фотографическаго атласа Минусинскаго музея и найдены въ различныхъ мѣстностяхъ Минусинскаго округа. Мѣстонахожденія этихъ стрѣлъ указаны въ атласѣ *Мартина* (Описаніе Табл. 26): № 13, 15 и 32 — Кальская дер., № 14 и 16 — Бейское село, № 17 — Утинская дер., № 18 — село Анашенское, № 19 и 31 — Саянская стан., № 20 — дер. Кривошеина, № 21 — База (?), № 22 — дер. Каптыревская, № 23 и 26 — Луговское село, № 25 — Иджинская дер., № 28 — дер. Тюпинская, № 29 — Самодуровка (?), № 30 — село Кавказское, № 33 — Батинскій улусъ. Стрѣлы эти очень малы и легки, и потому не могли мѣшать деревяннымъ древкамъ, къ которымъ прикрѣплялись, пролетать по прямой линіи значительныя пространства. По общей своей формѣ онѣ раздѣляются на двугранныя и трехгранныя. Послѣдніе образуютъ либо трехгранныя пирамиды съ гладкими сторонами (рис. 33), либо пирамиды, у которыхъ только вершина ограничена гладкими гранями, тогда какъ внизу на граняхъ имѣются или значительныя углубленія (рис. 13, 16, 20, 21, 24), или же къ круглому стержню прикрѣплены три треугольныя крыла, сходящіяся на вершинѣ наконечника (рис. 15, 25, 26, 27 и 29). Двугранные наконечники имѣютъ въ серединѣ круглое утолщеніе, образующее тѣло наконечника и придающее ему прочность; отъ него и отходятъ въ обѣ стороны лезвія различныхъ формъ, или ланцетовидныя (рис. 14, 17 и 23), или сердцевидныя (рис. 18, 30 и 31), или же треугольныя (рис. 34). Выдающіяся лезвія двугранныхъ и трехгранныхъ стрѣлъ на основаніи или закруглены (рис. 14, 17, 18, 19, 20, 30, 31), или оканчиваются прямыми линіями (рис. 16, 21, 33), или же имѣютъ болѣе или менѣе длинныя зазубрины (рис. 13, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 32, 34). Способъ прикрѣпленія наконечниковъ къ древку двоякій: или стержень наконечниковъ имѣетъ коническую пустоту, въ которую вставлялось заостренное древко, т. е. такъ, какъ прикрѣплялись копья, изобр. на Табл. XIX, фиг. 10, 11, 12, 14, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31 (нѣкоторые изъ этихъ наконечниковъ прикрѣплялись штифтикомъ, что доказывается отверстіями въ стержняхъ, напримѣръ на рис. 25 и 30), или же наконечники имѣютъ стержень, переходящій затѣмъ въ круглый острый конецъ (либо въ граненную пластинку), который вбивался въ древко (рис. 13, 15, 22, 24, 27, 33 и 34). Мѣдныя стрѣлы, которыя я имѣлъ въ рукахъ, и три стрѣлы изъ коллекціи Лопатина, сдѣланы изъ твердой золотистой бронзы, т. е. самаго твердаго матеріала, какой только имѣлся у людей, употреблявшихъ мѣдныя орудія. Это и понятно: стрѣлы изъ красной мѣди легко притупились-бы и сдѣлались-бы негодными къ упот-

ребленію. Лезвія у наконечника № 24 тщательно отшлифованы и заострены до самаго конца, между тѣмъ какъ наконечникъ № 34, повидимому, не былъ еще въ употребленіи и находится въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ формы. Различіе въ формѣ наконечниковъ объясняется различіемъ цѣлей, для которыхъ они назначались. Такъ напр. наконечники подъ №№ 14 и 17 навѣрное употреблялись для стрѣльбы по мелкимъ пушнымъ звѣрямъ и незначительные размѣры острія дѣлали маленькую рану, не портившую мѣха; наконечники подъ №№ 15, 16, 18, 20 и 22, употреблялись для убиванія птицъ; наконечники подъ №№ 28, 30 и 35, употреблялись на охотѣ за крупнымъ звѣремъ, между тѣмъ какъ наконечники съ большими зазубринами (№№ 13, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и 34) можно считать боевыми стрѣлами, которыми имѣли въ виду нанести непріятелю по возможности тяжелыя раны.

Общее обозрѣніе таблицы XXI.

На этой таблицѣ представлены различные предметы, отчасти не помѣщенные на предшествовавшихъ таблицахъ, такъ какъ они были доставлены мнѣ послѣ составленія послѣднихъ. Рис. 1—3 изображаютъ новыя формы конскихъ удилъ; рис. 4—удила, не бывшія въ употребленіи и потому давшія намъ возможность описать процесъ отливки удилъ вообще; рис. 5—одну изъ формъ мундштуковъ, изображенныхъ на Табл. XIX, рис. 13—19; рис. 8—боевой молотокъ, представляющій простѣйшую форму молотковъ такого-же типа, изображенныхъ на Табл. XVII, рис. 1—13; рис. 9—12—новые типы инструментовъ. Рис. 9 изображаетъ инструментъ для отскабливанія котловъ; рис. 10—крючекъ для ловли рыбы; рис. 11—набалдашникъ палки, употреблявшійся какъ оружіе; рис. 12—ушко большой иглы; наконецъ рис. 13—34 различные типы наконечниковъ стрѣлъ. Отъ описанія каждой стрѣлы я отказался, такъ какъ только три изъ нихъ имѣлъ въ рукахъ (фиг. 24, 27 и 34), а съ остальныхъ у меня были только рисунки. Здѣсь достаточно было указать главныя черты различія ихъ, на сколько это дозволяютъ рисунки.

Таблица XXII.

1. Оселокъ изъ красной яшмы, очень тщательно отшлифованный. Онъ представляетъ длинный брусокъ, округленный со всѣхъ сторонъ. На одномъ концѣ его изображеніе головы барана. Ротъ, ноздри и уши ясно и характерно намѣчены и выказываютъ большое искусство въ шлифовкѣ камней; глаза едва намѣчены. Оселокъ этотъ очевидно не былъ въ употребленіи, по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно слѣдовъ оттачиванія на немъ металлическихъ предметовъ. Украшеніе на немъ позволяетъ думать, что его носили на поясѣ, но, такъ какъ закрѣпить ремнемъ его было невозможно, то я полагаю, что его носили въ ножнахъ, изъ которыхъ высовывался только украшенный конецъ. Ровность и твердость матеріала указываютъ на то, что на немъ предполагалось оттачивать только инструменты лучшаго качества, т. е. бронзовые. На ярлыкѣ значится, что онъ найденъ въ Минусинскомъ округѣ и полученъ Лопатинымъ отъ Мартьянова (Коллекція Лопатина, № 139).

2. Оселокъ изъ зеленовато-чернаго глинистаго сланца, очень мелкозернистаго и плотнаго. Онъ имѣетъ видъ правильной шлифованной восьми-сторонней призмы съ 4-мя широкими и 4-мя узкими сторонами, при чемъ двугранные углы ея слегка закруглены. Верхній конецъ оселка отломанъ, а нижній закругленъ; не смотря на то, что оселокъ былъ въ употребленіи, слѣды точенія едва замѣтны. Это и понятно, такъ какъ глинистый сланецъ очень твердъ, сравнительно съ мѣдью и бронзой. Хотя верхній конецъ отломанъ, но можно предположить, что на немъ было просверлено отверстіе для продѣванія ремня, которымъ оселокъ прикрѣплялся къ поясу. Найденъ около села Базаихи, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 145).

3. Оселокъ изъ брекчіевиднаго туфа зеленовато-сѣраго цвѣта съ темными крапинами. Онъ также представляетъ тщательно отшлифованный брусокъ, который сперва былъ восьмигранный, но, благодаря долгому употребленію, углы совершенно закруглились, отчего онъ сдѣлался почти совершенно круглымъ. Нижній конецъ оселка отломанъ и на немъ еще теперь видна отчасти неправильная поверхность камня при изломѣ. На верхнемъ концѣ просверлено большое круглое отверстіе; кромѣ того, на этомъ-же концѣ у прежняго излома имѣется слѣдъ старой дыры, позволяющій заключить, что первоначально оселокъ былъ длиннѣе и, когда первоначальный верхній

край обломился (можетъ быть при просверленіи дыры), то изломъ былъ снова зашлифованъ, а дыру просверлили вторично ниже. На одной сторонѣ подъ дырой круглое углубленіе, показывающее, что сперва хотѣли было просверлить дыру ниже и, не окончивъ этой работы, по неизвѣстной причинѣ, принялись за сверленіе въ другомъ мѣстѣ. Найденъ у села Подмысы, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 137).

4. Верхній конецъ оселка изъ красноватой яшмы. Оселокъ этотъ имѣлъ раньше форму плоской четырехгранной призмы. У верхняго края ея, на широкой сторонѣ, имѣется тщательно просверленная дыра. Узкія стороны показываютъ что оселокъ этотъ толще въ серединѣ. Найденъ на пашняхъ около села Изыкчуля, Ачинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 140).

5. Маленькій оселокъ изъ сильно-вывѣтрившагося ортоклазоваго порфира, темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми крапинами. Онъ прекрасно отшлифованъ. Верхній край образуетъ квадратъ, а нижній прямоугольникъ, узкія стороны котораго равняются сторонамъ квадрата верхняго основанія. Такимъ образомъ весь оселокъ представляетъ призму, у которой двѣ стороны узкіе прямоугольники, а другія двѣ — трапеціи. Двугранные углы вездѣ закруглены. Слабые слѣды точенія видны только на одной изъ широкихъ сторонъ. Нѣсколько ниже верхняго края находится большая круглая дыра, діаметръ которой такъ значителенъ, что на верхнемъ краѣ оселка и съ боковъ его остались довольно тонкія стѣнки. Найденъ въ Красноярскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 141).

6. Оселокъ изъ весьма мелкозернистаго глинистаго сланца, съ одной стороны зеленовато-сѣраго, съ другой — красноватаго цвѣта. Онъ представляетъ четырехгранную плитку, края которой слегка закруглены и носятъ на себѣ ясные слѣды точенія, позволяющіе думать, что инструменты оттачивали широкими сторонами оселка, водя этимъ послѣднимъ по оружію, а не на оборотъ. Верхній конецъ снабженъ дырой, ось которой не перпендикулярна къ плоскостямъ оселка, а нѣсколько наклонна къ нимъ; кромѣ того видно, что ее сверлили не съ одной только стороны, а съ обѣихъ. По моему мнѣнію, дыру невозможно было сверлить послѣ изготовленія оселка, такъ какъ стѣнки его не выдержали бы давленія сверла. Я полагаю, что сначала шлифовали широкія стороны оселка, для чего подъискивали подходящую по толщинѣ плитку сланца, затѣмъ просверливали отверстіе и только по окончаніи этой работы приступали къ отдѣлкѣ боковъ. Найденъ при паханіи около дер. Злобиной, на лѣвомъ берегу р. Березовой, въ 22 верст. отъ Красноярска (Коллекція Лопатина, № 147).

7. Большой оселокъ изъ зеленовато-сѣраго глинистаго сланца съ темно-зелеными жилками. По формѣ своей онъ представляетъ широкую плитку съ узкими параллельными боками. Неправильное закругленіе на верхнемъ и нижнемъ концахъ произошло отъ формы взятаго для оселка камня, имѣвшаго, какъ и всѣ вообще плитки сланцевъ, параллелепипедальную форму. Ясные слѣды точенія видны только на бокахъ нижней половины оселка, между тѣмъ какъ широкія стороны совершенно ровны и на нихъ нигдѣ нѣтъ углубленій отъ точенія. Это показываетъ, что и этотъ оселокъ при работѣ употреблялся такъ-же, какъ оселокъ № 6. Дыра на верхнемъ концѣ оселка просверлена точно такимъ-же образомъ. Найденъ при паханіи около дер. Сабинской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 134).

8. Оселокъ изъ темно-сѣраго глинистаго сланца. Онъ имѣетъ видъ четырехгранной призмы, со сторонами почти равно-великими. На нижнемъ концѣ, и особенно на краяхъ, ясно видны слѣды употребленія его въ дѣло, доказывающіе одинаковость пріема точенія. На верхнемъ концѣ, довольно далеко отъ края, просверлена круглая дыра, при чемъ съ обѣихъ сторонъ ее окружаютъ неглубокія углубленія, также круглыя, но болѣе широкія. Это обстоятельство подтверждаетъ высказанное выше мнѣніе, что дыры просверливались послѣ отшлифовки широкихъ плоскостей, а узкія плоскости — послѣ изготовленія дыры. Найденъ на пашнѣ около села Иркутскаго, Погорѣльской волости, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 138).

9. Большой оселокъ изъ темной, красновато-коричневой яшмы. По формѣ похожъ на № 7, но правильнѣе. Боковыя стороны совершенно параллельны другъ другу, нижній край прямой, а верхній закругленъ. На нижнемъ концѣ съ боковъ и по краямъ замѣтны незначительные слѣды точенія. Дыра на верхнемъ краѣ съ одной стороны гораздо шире, чѣмъ съ другой, и расположена не по срединѣ, а нѣсколько ближе къ одной сторонѣ, что опять-таки свидѣтельствуетъ о томъ, что она просверлена до отшлифовки боковыхъ сторонъ и верхняго края. Найденъ при паханіи въ верховьѣ р. Биджи, впадающей въ Енисей слѣва (Коллекція Лопатина, № 136).

10. Оселокъ изъ глинистаго сланца, на одной сторонѣ зеленовато-сѣраго, на другой темнозелено-сѣраго цвѣта. Онъ представляетъ небольшую четырехгранную призму, къ низу нѣсколько съуживающуюся и сильно закругленную. Слабые слѣды точенія замѣтны только на углахъ нижней части оселка. Верхній край отломанъ, но на немъ замѣтна стѣнка бывшаго здѣсь отверстія. Способъ просверленія дыры тотъ-же, что указанъ и раньше, т. е. сверлили дыру съ двухъ сторонъ. Найденъ при паханіи около села Стараго Заледѣева, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 142).

11. Оселокъ изъ мелкозернистаго зеленоватаго песчаника. Онъ представляетъ трапецовидную плитку; бока и нижній край его сильно округлены; слѣдовъ точенія не замѣтно. Верхній конецъ отломанъ, но на немъ еще слѣдъ дыры, окруженной широкимъ, нѣсколько углубленнымъ кольцомъ. Найденъ въ окрестностяхъ деревни Бородиной, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 144).

12. Оселокъ изъ красноватой яшмы, нѣсколько болѣе свѣтлой, чѣмъ № 9. Онъ представляетъ длинную, четырехгранную призму съ двумя широкими и двумя узкими сторонами, двугранные углы которой нѣсколько закруглены. На нижнемъ концѣ едва замѣтны слѣды точенія; на верхнемъ концѣ круглая дыра. Найденъ при паханіи у дер. Сабинской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 135).

13. Какой-то непонятный камень, приготовленный изъ діаллагоновой породы, динамически измѣненной въ баститовую и змѣевиковую массу. Порода эта очень мягка и инструментъ, сдѣланный изъ нея, оселкомъ быть не могъ. По формѣ онъ представляетъ четырехгранную призму съ выпуклыми боками. По одной изъ широкихъ ея сторонъ вдоль проходитъ желобообразное углубленіе, занимающее $\frac{1}{3}$ поверхности. Одна изъ остальныхъ третей покрыта орнаментомъ, представляющимъ рядъ треугольниковъ, разбитыхъ 6—8 линіями параллельными одной изъ сторонъ. Нижняя и боковыя стороны гладки. Мнѣ кажется, что этотъ инструментъ употреблялся

для полированія отшлифованныхъ оселками мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій. Плоскими сторонами можно было полировать плоскіе предметы, а на желобообразномъ углубленіи предметы округленные, напр. кольца, обухи молотковъ, удила и т. д. Дугообразная изогнутость желоба сдѣлана съ тою цѣлью, чтобы съ одинаковымъ успѣхомъ полировать на немъ и такіе предметы, которые меньше самого инструмента. Найденъ на пашнѣ около села Медвѣдева, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 146).

14. Игла изъ красной мѣди, четырехсторонняя, съ очень тонкимъ нижнимъ концомъ. Верхній конецъ значительно толще, съ одной стороны закругленъ, а съ другой (какъ это ясно видно черезъ лупу) обломанъ. Слѣдовъ ушка не замѣтно. Острый конецъ тонокъ и слабъ, такъ что могъ служить только для шитья тканей. Удивительно, какъ могли шить ткани иглой безъ ушка. Въ одной могилѣ на р. Юсъ, я нашелъ 10 такихъ иголъ различной величины; всѣ онѣ по виду такія-же, какъ эта, и ни одна изъ нихъ не имѣла ушка. Толстые концы были закруглены и на нѣкоторыхъ имѣлись поперечные желобки. Можетъ быть, нитка привязывалась къ этому концу. Игла, изображенная на нашемъ рисункѣ, найдена близь дер. Анашкиной, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 29).

15. Такая-же игла изъ красной мѣди, четырехгранная, какъ предыдущая, съ очень острымъ концемъ, который теперь изогнутъ нѣсколько вбокъ, но неровность изгиба показываетъ, что послѣдній произошелъ впослѣдствіи и, можетъ быть, даже послѣ нахожденія. Противуположный острію плоскій конецъ ясно указываетъ на то, что игла вставлялась въ деревянную рукоятку и такимъ образомъ представляла собою шило, которымъ можно было стачивать тонкую кожу, такъ какъ для толстой оно было бы слишкомъ слабо. Найдена близь села Усть-Абаканскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 149).

16. Игла или шило изъ золотистой бронзы. Инструментъ этотъ на верхнемъ концѣ гораздо толще, чѣмъ предыдущіе; нижній конецъ очень острый и весь четырехгранный. Углы верхняго края закруглены, а на верхушкѣ его имѣется маленькій кружокъ съ изломомъ, что даетъ поводъ предполагать, что здѣсь былъ или штифтикъ, для вставки въ деревянную рукоятку, или круглая головка. Игла покрыта темно-зеленой некрасивой патиной. Найдена близь дер. Бейской, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 29).

17. Игла изъ красноватой бронзы, четырехгранная, очень хорошо сохранившаяся. На остромъ концѣ ея видны слѣды вторичнаго заваствриванія. Верхній конецъ менѣе толстъ, чѣмъ у предыдущихъ и, кажется, слегка сломанъ; онъ, вѣроятно, вставлялся въ деревянную рукоятку. Найдена въ верхнемъ слоѣ земли близь села Бати, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 58).

18. Игла изъ золотистой бронзы, четырехгранная и вообще похожая на предыдущія иглы. На верхнемъ концѣ она съуживается и переходитъ въ тонкую круглую шейку, на концѣ которой круглая шарообразная головка. Къ шейкѣ нельзя было привязать нитку, такъ какъ она слишкомъ длинна. Я полагаю, что она употреблялась какъ шило, но что ее, держа за головку, втыкали только до половины въ матерію. Послѣ находки эта игла подверглась нѣкоторому поврежденію. Найдена она около дер. Яновой, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 19).

19. Игла совершенно такого-же типа изъ золотистой бронзы. Шейка на верхнемъ концѣ сломана, какъ видно, послѣ нахожденія. Головка нѣсколько другой формы, на нижней сторонѣ плоская. Острый конецъ отломанъ и самая игла изогнута. Найдена въ Минусинскомъ округѣ (Коллекція Лопатина, № 26).

20. Шило четырехгранное, такого-же типа, изъ золотистой бронзы, съ очень острымъ концомъ, но гораздо длиннѣе предыдущей иглы. Верхушка образована круглой шейкой, нѣсколько болѣе тонкой у ея основанія, чѣмъ шило, и заканчивающейся круглой шляпкой, съ довольно острымъ краемъ. Шило это очень удобно держать рукой и можно было употреблять для шитья матерій и тонкой кожи, такъ какъ для болѣе грубыхъ работъ потребовалось-бы болѣе массивное остріе. Отдѣлка шила не дурна, шейка и головка тщательно отшлифованы, а грани самаго шила правильнаго рисунка. Найдено около села Бейскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 105).

21. Шило такого-же типа, изъ золотистой бронзы, нѣсколько меньше предыдущаго. Оно также тщательно отшлифовано. Шейка тонкая и круглая, а головка образована двумя круглыми пластинками, раздѣленными глубокимъ желобкомъ. Головка и шейка очень хорошо отшлифованы. Нижній конецъ сильно изогнутъ и отломанъ послѣ нахожденія, на что ясно указываетъ характеръ самаго излома. Найдена близь дер. Анашкиной, Минусинскаго окр. (Коллекція Лопатина № 78).

22. Большое шило изъ золотистой бронзы, замѣчательно хорошей работы. По формѣ оно представляетъ четырехгранное шило съ очень тонкимъ остріемъ, которымъ можно было проткнуть только ткань или мягкую кожу. Съ половины общей длины его, грани переходятъ въ цилиндрическую поверхность, заканчивающуюся круглой головкой, насквозь прорѣзанной 6-ю продолговатыми дырами. Теперь оно покрыто блестящей темно-зеленой патиной. Найдено у дер. Сухой, Заледѣевской волости, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 20).

23. Инструментъ изъ золотистой бронзы для протыканія болѣе грубыхъ тканей и кожи. По формѣ онъ похожъ на шило предыдущаго типа, т. е. представляетъ четырехгранное шило съ острымъ концомъ (послѣдній былъ отломанъ еще до нахожденія шила, такъ какъ блестящая патина, покрывающая весь инструментъ, закрываетъ и мѣсто излома). Грани его слегка желобчаты. Съ половины длины углы граней нѣсколько закругляются и переходятъ наконецъ въ цилиндръ, заканчивающійся круглой пуговицеобразной шляпкой съ острымъ краемъ. Отдѣлка этого шила очень тщательна. Найдено около сел. Новоселовскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 109).

24. Шило изъ золотистой бронзы, очень изящной работы, тщательно отшлифованное. Общая форма его такая-же, какъ у предыдущаго, съ той только разницей, что цилиндрическая часть шила здѣсь крѣпче и длиннѣе и нѣсколько расширяется въ мѣстѣ перехода въ четырехгранный конецъ, который, вѣроятно, былъ длиннѣе верхней части; о прежней длинѣ ея теперь судить нельзя, такъ какъ конецъ обломанъ (послѣ нахожденія, какъ то доказываетъ свѣжесть излома). Шило это заканчивается круглой плоской головкой и съ боку цилиндрической части имѣетъ ушко, образованное какъ-бы проволокой, идущей отъ наружнаго края головки къ

тѣлу шила и спускающейся потомъ по немъ на одинъ сантиметръ. Проволока эта отлита вмѣстѣ съ шиломъ, а не приставлена къ нему впослѣдствіи. Найдено около села Сыди, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 17).

25. Инструментъ изъ золотистой бронзы для протыканія твердыхъ предметовъ (дерева, кожи). Очень изящной работы и покрытъ блестящей темно-зеленой патиной. По общей формѣ онъ сходенъ съ № 23. Цилиндрическая часть нѣсколько тоньше, расширяется кверху и заканчивается пустой грушевидной головкой, искусно отлитой; верхъ головки плоскій и имѣетъ отверстіе, въ діаметрѣ равное прорѣзу цилиндрической части шила. Кромѣ того въ ней, на бокахъ ея продолговатыхъ отверстій, находилась, вѣроятно, погремушка. Нижній конецъ отрубленъ послѣ нахожденія и потому о прежней длинѣ его теперь судить нельзя. Найдено около села Коркина, Красноярскаго округа (Коллекція Лопатина, № 108).

26. Такой-же инструментъ изъ красной мѣди, хорошо отлитый, но плохо отшлифованный. Поверхность его теперь очень шероховата и неровна, но это можно приписать вліянію сырости. Послѣ нахожденія онъ былъ вычищенъ. Верхняя цилиндрическая часть его заканчивается не головкой, а закругленнымъ со всѣхъ сторонъ кольцомъ, плоскость котораго лежитъ по діагонали квадратнаго перерѣза нижняго конца инструмента. Можно думать, что кольцо предназначалось для вставки въ него стержня, чтобы пользоваться инструментомъ какъ буравчикомъ, хотя для такой цѣли кольцо нѣсколько слабо. Но, можетъ быть, кольцо захватывали пальцами, т. е. указательный палецъ вставляли въ кольцо, а большимъ придерживали его, и такимъ образомъ пользовались для буренія небольшихъ дыръ въ деревѣ; при такомъ употребленіи настоящая толщина кольца должна была быть вполнѣ достаточной. Найденъ на пашнѣ около села Шунерскаго, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 21).

27. Очень слабое и тонкое шило изъ красноватой бронзы, довольно грубой работы, но послѣ отливки, повидимому, тщательно отшлифованное. Верхняя часть его теперь покрыта блестящей свѣтло-зеленой патиной, а съ нижней части патина удалена. Головка имѣетъ форму обыкновенной шляпки гвоздя, но не вполнѣ кругла. Внизу ея есть слѣдъ ушка, отливка котораго не удалась; вмѣсто него теперь имѣется только боковое утолщеніе. Цилиндрическая часть шила вверху и внизу нѣсколько утолщена. Найдено при паханіи около села Саянская станица, на р. Енисеѣ, Минусинскаго округа (Коллекція Лопатина, № 23).

28. Большой кинжалъ изъ красной мѣди, доставленный мнѣ уже по составленіи предшествующихъ таблицъ. Онъ такъ великъ, что его можно считать короткимъ мечемъ. Ручка отъ лезвея не отдѣлена эфесомъ. Лезвее не изящно по формѣ, обоюдоостро и по срединѣ обѣихъ сторонъ имѣетъ невысокое ребро, идущее отъ рукоятки до низу; въ верхней части оно сильно расширено. Края лезвея оттянуты молоткомъ и заточены на оселкѣ. Ручка плоская. Объ общей длинѣ ея судить теперь нельзя, такъ какъ свободный конецъ ея отломанъ. На обоихъ выдающихся бокахъ лезвея имѣется утолщеніе, переходящее изгибами въ боковые края рукоятки, и внутри ихъ на каждой сторонѣ находится по 7 треугольныхъ углубленій. Остальная часть рукоятки гладка. Оружіе это употреблялось, главнымъ образомъ, для нанесенія рѣжущихъ, а не колющихъ ударовъ. На это указываетъ то обстоятельство, что лезвія выточены до самаго осно-

ванія, чего у колющихъ кинжаловъ не наблюдается. Черная патина, покрывавшая его, счищена послѣ нахожденія. Найденъ у дер. Базаихи, Красноярскаго округа (Коллекція Савенкова, № 4).

Общее обозрѣніе таблицы XXII.

На этой таблицѣ изображены различные типы оселковъ (рис. 1—12). Оселки эти, какъ предметы первой необходимости домашняго обихода, носились на поясѣ. Это и понятно: ножи и другія орудія изъ мѣди и бронзы скоро притуплялись, слѣдовательно надобность прибѣгать къ оселкамъ встрѣчалась очень часто и люди, употреблявшіе инструменты, должны были имѣть оселокъ всегда при себѣ, для чего и подвѣшивали его къ поясу. Помимо спеціальной цѣли, оселки должны были также играть роль украшеній, и потому имъ придавали болѣе или менѣе изящныя формы. Носились они на ремняхъ и для этой цѣли снабжены отверстіями, сквозь которыя продѣвался ремень (рис. 3—12). Нѣкоторые оселки, какъ это явствуетъ изъ рис. 1, носились въ футлярахъ. Дѣлались оселки изъ различныхъ, болѣе или менѣе твердыхъ, но безъ исключенія очень зернистыхъ, породъ, потому что такими оселками легче всего исправлялись недостатки оружія, безъ особаго вреда для инструментовъ, и сами оселки страдали всего менѣе. Г. *Чернышевъ* былъ такъ обязателенъ, что изслѣдовалъ главныя породы камней, употреблявшіяся для этой цѣли, и его опредѣленія указаны мною при описаніи отдѣльныхъ оселковъ. Употреблялись слѣдующія породы: 1) мелкозернистый песчаникъ; 2) глинистый сланецъ; 3) брекчіевидный туфъ; 4) ортоклазовый порфиръ и 5) красная яшма. № 13 представляетъ, повидимому, оселокъ для полировки предметовъ изъ мѣди и бронзы. Рис. 14—27 изображаютъ различные типы иголъ, шилъ и буравчиковъ (?), сдѣланныхъ большею частью изъ бронзы, такъ какъ для такихъ цѣлей требовался болѣе прочный матеріалъ. Одни употреблялись съ рукояткой (рис. 15—17), другіе безъ рукоятки (рис. 18—27). Наконецъ рис. 28 изображаетъ новую, не встрѣчавшуюся ранѣе, форму кинжала.

См. стр. 132.

Дополненiе. Послѣ отпечатанiя предыдущихъ страницъ мнѣ были переданы фотографическiе снимки съ нѣкоторыхъ, найденныхъ въ Минусинскомъ округѣ мѣдныхъ удилъ, находящихся въ музеѣ Томскаго Университета. Изъ нихъ слѣдующiя заслуживаютъ особаго вниманiя.

1) Удила изъ бронзы съ боковыми костыльками. См. рисун., помѣщенный на стр. 131, въ $^1/_2$ нат. вел. Это единственный, сколько мнѣ извѣстно, экземпляръ мѣдныхъ удилъ съ мундштукомъ, который сохранился вполнѣ. Боковые костыльки этихъ удилъ совершенно тождественны съ мундштукомъ, изображеннымъ на Табл. XIX, фиг. 18. При описанiи послѣдняго я высказалъ предположенiе, что для прикрѣпленiя его къ боковому кольцу удилъ мѣдная дужка была проведена черезъ среднее и одно изъ боковыхъ отверстiй. Прилагаемый рисунокъ доказываетъ, что прикрѣпленiе было сдѣлано другимъ способомъ. На концахъ обѣихъ половинъ не было колецъ, а находятся круглыя шляпки такой-же формы, какъ на концахъ костыльковъ. Такое устройство мундштука очень замѣчательно. Во первыхъ непонятно, какимъ образомъ могли отливать эти удила (сколько видно изъ фотографiи, шляпки на наружныхъ концахъ удилъ были отлиты, а не кованы). По моему мнѣнiю, сначала отливали удила, такимъ-же способомъ, какъ указано при описанiи № 4 на Табл. XXI, а потомъ наружные концы обкладывали слоемъ глины и влагали ихъ въ формы для отлитiя костыльковъ, такъ что отливка этихъ удилъ происходила въ четыре прiема. Еще труднѣе объяснить себѣ способъ прикрѣпленiя повода къ удиламъ. Промежутокъ между шляпкою и костылькомъ такъ незначителенъ, что невозможно было привязать ремни. По этому остается только предположить, что чрезъ боковыя отверстiя костыльковъ были проведены дугообразныя проволоки, къ которымъ прикрѣплялись ремни. Этимъ и объяснялось бы, почему костыльки не прямые, а образуютъ тупой уголъ. По Прибавленiю къ катал. археол. музея Томскаго Университета (Томскъ, 1890) удила эти значатся подъ № 3007. Тамъ-же указано, что они покрыты блестящей темно-зеленой патиной. Найдены на пашняхъ въ долинѣ р. Камышты (притока Абакана).

2) Мундштукъ почти тождественный съ № 9 Табл. XX. Только шляпка на одномъ концѣ гораздо меньше. Въ томъ-же каталогѣ онъ значится подъ № 3014, но мѣсто находки не указано. См. прил. рис. въ нат. вел.

3) Удила изъ красной мѣди, которыя, какъ № 8 на Табл. XX, составлены изъ неровныхъ частей. Одна половина похожа на № 5 Табл. XX, а у другой, на наружномъ концѣ находятся маленькiй кружокъ и равнобедренный треугольникъ для укрѣпленiя ремня. Эти удила въ томъ-же каталогѣ значатся подъ № 3012. Мѣсто находки неизвѣстно. См. прил. рисун. въ $^1/_2$ нат. вел.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

XIII.

Изъ указа 12-го августа 1723 года объ отправленіи геодезиста Лужина и сына боярскаго Буткѣева для отысканія идола на горѣ, называемой Сазанъ, и пр. [1]).

Указъ его величества императора и самодержца всероссійского изъ тоболской губернской канцеляріи въ Енисейскую правинцію управителю. Сего 723 году, іюня 18 дня, въ отпискѣ въ Тоболескъ въ губернскую канцелярію, за рукою геодезиста Ѳедора Лужина, написано: по его де императорского величества указу, велѣно ему ѣхать въ Иркуцкую правинцію и той правинцы въ городы и въ уѣзды и для описанія рѣкъ, и дана де ему изъ губернской канцеляріи инструкцыя, за подписаніемъ ближнего столника и сибирского губернатора князя Алексѣя Михайловича Черкаского съ товарыщи [2]). Да въ той же де инструкціи написано: посланъ съ нимъ изъ Тоболска кузнецкой сынъ боярской Иванъ Буткѣевъ, а написанъ онъ Буткѣевъ, что онъ былъ при Гагаринѣ и осматривалъ мѣста и вершины, и камень, и урочища; и описать чертежъ ему Лужину, а имянно въ сторонѣ Оки рѣки [3]) на высокой каменной горѣ, имянуемомъ на россійскомъ языкѣ Сазанъ камень, а на мунгалскомъ языкѣ Табунъ Мандука, и искать идола, которой на той горѣ есть; и ежели найдется, тотъ идолъ написать на бумагѣ съ подлинною мѣрою, по частямъ, переднею и заднею сторону. И оной де выпеписанной Буткѣевъ въ сказкѣ своей сказалъ и подъ смертною казнью оному Лужину, что де онъ при бывшемъ губернаторѣ князѣ Гагаринѣ въ такую землю не бывалъ, и такихъ мѣстъ и вершинъ и Оки рѣки и высокой каменной горы и идола не знаетъ, а былъ де онъ за своею нуждою, въ 721 году, по выписи изъ таможни, отпущенъ въ Соецкую землю чрезъ хребетъ; а какъ де имъ имяна тѣмъ камнямъ и рѣкамъ, того де онъ не знаетъ. А онъ де Лужинъ поѣхалъ въ Иркуцкую правинцію и той правинціи въ городы и въ уѣзды противъ данной ему инструкціи и для описанія рѣкъ и протчего, а оной де Буткѣевъ оставленъ въ Кузнецку [4])...

---

1) Указъ этотъ напечатанъ цѣликомъ въ изданныхъ Археогр. Коммиссіею «Памятникахъ Сибирской Исторіи XVIII вѣка», кн. II (Спб. 1885 г.), стр. 417—420. (Ред.).

2) Инструкція эта, какъ видно дальше изъ того-же указа, дана была Лужину изъ Тобольской Губ. Канцеляріи 26 ноября 1722 года. (Ред.).

3) Лѣвый притокъ Верхней Тунгузки, впадающей въ Енисей справа, въ Иркутской губерніи. (Ред.).

4) Далѣе изъ указа видно, что повелѣно было, «Буткѣеву учинить наказаніе, вмѣсто кнута бить батоги нещадно за то, что онъ производилъ бездѣлные отговорки, не хотя ѣхать для оного отправленія; и буде онъ Буткѣевъ остался въ Кузнецку — выслать его въ Иркуцкъ ко оному геодезисту Лужину, за карауломъ, немедленно, и велѣть ему ѣхать съ нимъ Лужинымъ, по прежде данной имъ инструкціи, въ самой скорости». Все это однакоже ни къ чему не привело. Изъ двухъ донесеній Лужина (февр. и марта 1725 г.), напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1839 г., часть XXI, Отд. VII, стр. 2—4, видно, что Буткѣевъ ѣздилъ съ нимъ долгое время, но ничего ему не показалъ, и былъ сданъ имъ подъ караулъ въ Иркутскую Канцелярію. За тѣмъ Лужинымъ посланы были (какъ онъ доноситъ Иркутской Канцеляріи, капитану-поручику Измайлову), «два человѣка школьниковъ, да два человѣка служилыхъ людей, да толмачь, въ Мунгальскую землицу для описанія Батура-Бучи, и ѣздили и описали, и рисунокъ съ него сняли и объ ономъ Батурѣ-Бучи въ Тобольскую Губернскую Канцелярію писалъ же. И нынѣ какъ Ваше Благородіе благоволитъ, извольте у меня съ онаго Батура-Бучи рисунокъ принять съ роспискою; а иного никакого не нашелъ».

На 2-мъ полулистѣ мартовскаго донесенія написана резолюція Воеводы Иркутской Провинціи, Лейбъ-Гвардіи Капитанъ-Поручика Михаила Петровича Измайлова: «присланнаго Лужинымъ подъ карауломъ Ивана Буткѣева велѣно отослать обратно къ нему же Лужину, потому что въ Иркутской Канцеляріи колодниковъ держать не велѣно, и притомъ же Буткѣевъ присланъ былъ къ Лужину не изъ Иркутской, а изъ Тобольской Канцеляріи, рисунокъ же съ идола отослать подъ роспискою въ Тобольскую же Канцелярію, снявъ съ него копію».

Снимка съ этого рисунка Редакція Журнала Мин. Нар. Просв. не приложила, а ограничилась слѣдующею замѣткою: Идолъ — каменный и повидимому грубой работы, въ 20 вершковъ вышины; покрытъ былъ «крышкою прутеною». Онъ представляетъ собою обтесаный кусокъ камня, съ шарообразною выпуклостію вмѣсто рукъ и плечъ, съ большою головою, и (если рисунокъ вѣрно сдѣланъ), съ длиннымъ, вовсе не монгольскимъ лицемъ и продолговатымъ носомъ. «Оной же Батуръ-Бачи» — сказано въ припискѣ. — «стоитъ по лѣву сторону рѣки Урги, а повыше рѣки Иги; а стоитъ онъ на ровномъ мѣстѣ, а гора отъ него разстояніемъ 40 саженъ, а стоитъ онъ лицемъ межъ Югомъ и Востокомъ». (Ред.).

XIV.

Изъ дѣла Кабинета Его Императорскаго Величества, о пріискѣ старинныхъ курьезныхъ вещей, 1727 года[1]).

Копія.

Его Превосходителству отъ артилеріи Генералъ Маіору Вилму Івановичу Генинну[2]).

Доношеніе.

Сего 727 года Марта 23-го дня в присланномъ указе отъ вашего превосходителства на серебряные заводы ко мнѣ написано: По имянному де Ея Императорского Величества указу велѣно вашему превосходителству имѣть старание в пріискѣ всякихъ подземелныхъ старинныхъ куриезныхъ вещей и мамонтовъ целые роги і зубья, такожъ камения середолику, хрусталю и протчихъ всякихъ цвѣтовъ куриезныхъ вещей. И по оному указу велено намъ в здешнихъ краяхъ в пріискѣ і в покупкѣ остяцкихъ, тунгуских и татарскихъ идоловъ и протчихъ чуцкихъ стариныхъ куриезныхъ і всякихъ подземелныхъ вещеи золотыхъ серебряныхъ медныхъ каменныхъ и костяныхъ, такожъ костей и мамонтова целого зубья, каменьевъ середолику, хрусталю и протчихъ цвѣтовъ і всякия подземные каменные уроды неотложное старание и оные покупать на здешние заводские денги на счетъ Кабинета прислать с писмѣннымъ известиемъ въ Екатерининъ Бурхъ к вашему превосходителству с посланнымъ отъ вашего превосходителства Олонецкого Баталиона с салдатомъ Іваномъ Истоминымъ, такожъ прислать с нимъ подлинную ведомость о здешнемъ заводскомъ состояніи. И по тому Ея Императорского Величества указу с выше показанного числа какъ в аргунску такъ і в нерчинскомъ уезде чрезъ руских людей и чрезъ иноземцовъ в сысканіи показанныхъ вещей старались и найтить не могли, но для лутчаго пріисканія іюня 19 числа сего 727 года с купѣцкими людми впопутно в китайскую землю в городъ Наунъ для показанныхъ вещей посылано денегъ по согласному приговору в Бергъ-Амтѣ и с совѣту салдата Івана Истомина, которой о томже имѣетъ отъ вашего превосходителства инструкцию, с купѣцкимъ человѣкомъ чердынцомъ Василіемъ Юргановымъ двѣсти рублевъ да десять лошадей, дабы такихъ вещеи какъ можно наспросилъ и купилъ. И оной купѣцъ по возвращеніі своемъ доношениемъ объявилъ, что такихъ вещей и тамо наспросить не могъ. И показанные денги и лошади у него купца в Бергъ-Амтъ возвращены сего ноября 20 числа 727 года.

И сего жъ 727 года в разныхъ числехъ, какъ чрезъ людей такожъ и сами в пріискѣ камешковъ снискание имели в степи в близости далая озера и усть каилара реки и набрано разныхъ видовъ камешковъ чрезъ купѣцкого человѣка Івана Бобровского тысяча сто пездесятъ да чрезъ нерчинского жителя Якима Лоншакова семъ сотъ, да нашего пріиску три тысячи двѣсти тритцать, всего пять тысячь девяносто камнеи и оные камешки посылаю при семъ до вашего превосходителства, и ежели кто впреть такие камешки принесетъ, принимать ли и жалованя имъ давать ли.

О семъ доноситъ нерчинскихъ серебряныхъ заводовъ Камисаръ *Бурцовъ*.

Съ подлиннымъ читалъ *Архипъ Звѣревъ*.

---

1) По 2-му столу Горнаго Отд. Опись № $^1/_{487}$, разрядъ № I, дѣло № 55, связка № 2078. Это распоряженіе является подтвержденіемъ двухъ извѣстныхъ указовъ отъ 21-го дек. 1716 и 13-го февр. 1718 г. (Полн. Собр. Зак. т. V, №№ 3054 и 3159). См. статью (кажется пок. П. С. Савельева): «Историч. очеркъ мѣръ, принятыхъ въ Россіи для сохраненія и изслѣдованія древностей», напеч. въ Журн. общеполезн. свѣдѣній за 1853 годъ, № 5, стр. 180—181, и статью И. Данилова: «Правительств. распоряженія относительно отечеств. древностей», напечат. въ Вѣстн. археол. и исторіи, издав. Археолог. Институтомъ. Вып. VI (1886 г.), стр. 5—6. (Ред.).

2) Завѣдывавшему въ то время уральскими и сибирскими горными заводами. (Ред.).

Копия с резолющi.

Августа 22 дня 1728 году № 502 (по изложенiи указа) и по тому дѣ указу оныхъ вещей чрезъ многое старание сыскать нѣ могли токмо дѣ в 727-мъ году какъ чрезъ людѣй такъ и самъ онъ Бурцовъ в прiискѣ камѣшковъ трудъ имѣлъ в степи близь далая озера и усть Кайлара реки и набрано разныхъ видовъ пять тысячь девяноста камнѣй которые дѣ посланы к нѣму Генѣралу Лейтенанту, приговорили: понѣже оные камушки в дву ящикахъ отъ оного Генѣрала Лейтенанта присланы в Бергъ Колегию при доношенiи в которомъ хотя самые хорошие и нѣимѣется однако и оное Бергъ-Колегия приемлетъ за благо и понѣже искание камнѣй и стариныхъ куриозныхъ вещей нѣ одного времѣни требуетъ но надобно посылать для оного чашче i в разные места а свѣрхъ того и указами публиковать дабы таковые вещи ежели кто сыщетъ приносили в Бергъ-Амтъ за которые платить тѣмъ сыскатѣлемъ денги по усмотрению дабы ихъ к такому прiиску впредь приучить и другимъ придать охоту и что в прiискѣ будѣтъ присылать оные в Бергъ Колегию и о томъ в Нерчинской Бергъ-Амтъ послать указъ.

Подлинной за подписаниемъ Бергъ Колегii *Герасимъ Домашневъ.*

XV.

Изъ сочиненій академиковъ Г. Ф. Миллера и І. Г. Гмелина.

Отсылая желающихъ ближе ознакомиться съ жизнью и научными трудами «отца Сибирской исторіи», Г. Ф. Миллера (род. въ 1705, ум. въ 1783 г.), къ статьямъ Бюшинга (Beiträge zur Lebensgesch. merkwürd. Personen, Th. III, 1—140), П. П. Пекарскаго (Истор. Импер. Акад. Наукъ, т. I, 308—430), А. Н. Пыпина (Русск. Этнографія, т. I, 142—146, и IV, 339—347) и Л. Стиды (Allgem. Deutsche Biographie, Bd. XXII, 547—553), мы ограничимся здѣсь только нѣсколькими замѣтками относительно матеріаловъ по археологіи Сибири, собранныхъ Миллеромъ во время извѣстной Беринговой 2-й Камчатской экспедиціи, въ которой онъ принималъ участіе съ 1733 по 1743 годъ.

Въ числѣ указаній, которыя даны были членамъ экспедиціи, заключается инструкція «для описанія исторіи народовъ тѣхъ сирѣчь, которые народы Господину Капитану Берингу на пути въ Камчатку ѣдучи и случитися будутъ изслѣдовать, примѣчать и записывать подобаетъ». Въ § 9-мъ этой инструкціи сказано: «всѣ и всякаго рода каменія или разваленыя зданія или палаты, старые гробы или кладьбищи, статуи, сосуды скудельныя или глиняныя, ветхія и новыя, идолы или болваны, славнѣйшихъ градовъ виды и положеніе мѣста крѣпости и протчая иныя нарисовать прилежно долженъ, а иныя ежели можно будетъ и сюда привести подобаетъ» (см. дѣло бывшей Канцеляріи Импер. Акад. Наукъ, № 2331).

О добросовѣстномъ выполненіи Миллеромъ этого § инструкціи свидѣтельствуютъ какъ изданныя уже археологическія изслѣдованія его, изъ которыхъ нѣкоторыя, по трудности пріобрѣтенія ихъ, перепечатаны здѣсь почти цѣликомъ, а изъ другихъ сообщаются извлеченія, такъ и множество помѣщенныхъ ниже замѣтокъ, почерпнутыхъ нами изъ рукописныхъ трудовъ его, хранящихся частью въ Московскомъ Главн. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ, частью въ Архивѣ Импер. Акад. Наукъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ никто не позаботился о составленіи систематическихъ описей и указателей рукописямъ его, такъ что желающему отыскать въ нихъ нужные ему матеріалы приходится терять массу времени на просмотръ многочисленныхъ фоліантовъ, по которымъ они разбросаны. Рисунки, которые, по порученію Миллера, были сняты съ различныхъ сибирскихъ древностей состоявшими при экспедиціи рисовальщиками Люрсеніусомъ и Беркганомъ, повидимому, большею частью утеряны. По крайней мѣрѣ намъ, не смотря на всѣ наши продолжительные поиски, удалось отыскать въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ только 16 рисунковъ; копіи съ нѣкоторыхъ изъ нихъ нами помѣщены ниже.

О спутникѣ Миллера въ Сибирскомъ путешествіи І. Г. Гмелинѣ (род. въ 1709, ум. въ 1755 г.) см. соч. П. И. Пекарскаго (Исторія Имп. Акад. Наукъ, Т. I, стр. 431—457), А. Н. Пыпина (Ист. Русск. Этнографіи, Т. I, 104—105, IV, 224—234) и Allgem. Deutsche Biographie T. IX, 269—270. Помѣщенныя ниже въ переводѣ свѣдѣнія Гмелина о видѣнныхъ имъ сибирскихъ древностяхъ извлечены изъ его извѣстнаго сочиненія: Reise durch Sibirien von dem Iahre 1733—1743. (Vol. 1—4. Göttingen, 1751—1752), содержаніе котораго, какъ уже замѣтилъ Пыпинъ (l. l. IV, 230) «осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ» (Ред.).

а) Изъ «Историческихъ замѣчаній» Миллера (рукоп. Архива Конференціи Импер. Акад. Наукъ, № 73), съ извлеченіями и рисунками изъ его изслѣдованія «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis» [1]).

Стр. 10—11. Узнавъ что развалины древняго города Сибирь, который, какъ столица древнихъ сибирскихъ владыкъ, далъ имя цѣлой странѣ, находятся неподалеку отсюда (т. е. отъ Тобольска), я отправился туда сухимъ путемъ съ сотоварищемъ своимъ Гмелиномъ (15 мая 1734 г.) и замѣтилъ слѣдующее: Въ 17 верстахъ [2]) отъ Тобольска, на ЮВ., въ Иртышъ съ В. впадаетъ рѣчка *Сибирка*. Она беретъ начало въ болотѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ устья своего, и во многихъ мѣстахъ не шире двухъ шаговъ, а при самомъ устьѣ едва-ли шире 6 саж. Восточный берегъ Иртыша, пересѣкаемый рѣчкою Сибиркою, здѣсь и повсюду почти гористъ и обрывистъ, вышиною болѣе 20 саж. Древняя столица сибирскихъ царей лежала на правомъ или сѣверномъ берегу Сибирки. Въ настоящее время тамъ, кромѣ остатковъ вала и кое-гдѣ ямъ, которыя, по словамъ жителей Тобольска, были погребами, ничего не видно.... Изъ архива Тобольской губернской канцеляріи я узналъ, что мѣсто древняго города Русскими нѣкогда называлось «Старое Городище» и что 90 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, тамъ существовалъ селитряный заводъ, который иногда въ одинъ годъ давалъ болѣе 1000 фунтовъ селитры, иногда же едва четвертую часть этого количества. Вслѣдствіе этого черезъ 8 лѣтъ работы опять были прекращены, такъ какъ расходы превышали доходъ...

Стр. 34—35. 28-го мая я увидѣлъ при входѣ въ Губернаторскую Канцелярію два камня, изъ которыхъ одинъ, бо́льшій, изображаетъ барана, а другой, меньшій, нѣсколько напоминаетъ фигуру медвѣдя. Разспрашивая, откуда они привезены сюда, я узналъ, что Мессершмидтъ, совершая свое ученое сибирское путешествіе, оставилъ ихъ здѣсь до полученія Высочайшаго указа о доставкѣ ихъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, что фигура барана совершенно одинакова съ рисункомъ, который Страленбергъ издалъ въ своемъ сочиненіи на Табл. XXI, подъ литер. *B* [3]), сообщая на стр. 419, что въ его время этотъ камень находился въ Красноярскѣ и почитался жителями того

---

1) «Историческія замѣчанія» (Observationes historicae) составляютъ часть донесеній (на латинск. яз.), которыя Миллеръ, во время своей поѣздки въ Сибирь и по Сибири, посылалъ въ Правительствующій Сенатъ и въ Импер. Акад. Наукъ. Изъ перечня, находящагося въ Миллеровой рукописи № 249 (тетр. 9-я) Моск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, видно, что такія «Observationes» имъ отправлены были: 1) 1733 года, 4 октября, на 9 листахъ, содержавшихъ, между прочимъ, разныя надгробныя надписи, найд. въ Новгородѣ и Торжкѣ; 2) 1734 года, 13 февраля, на 21 листѣ, содерж. (пунктъ 3-й) надгробныя надписи, найд. въ церквахъ въ Угличѣ и Нижнемъ Новгородѣ, и пунктъ 8-й) описаніе древняго татарскаго зеркала и рисунки какъ этого зеркала, такъ и нѣсколькихъ татарскихъ монетъ, (см. Матер. для Исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. II, 408); 3) 1734 года, 1 сентября, на 14 листахъ, въ томъ числѣ (пунктъ 2-й) древнія армянскія и арабскія надгробныя надписи изъ развалинъ г. Булгара, съ переводомъ, рисунки древняго монгольскаго зеркала, разныхъ куфическихъ монетъ и нѣсколькихъ могильныхъ древностей; 4) 1735 года, 20 мая, на 25½ листахъ, содержащихъ, между прочимъ, описаніе нѣсколькихъ древнихъ и новыхъ китайскихъ монетъ, развалинъ древн. города Сибири, замѣтки о двухъ каменныхъ изваяніяхъ медвѣдя и барана (съ рисункомъ), описаніе развалинъ Семи Палатъ, Калбасунской башни, могилъ по Иртышу, развалинъ Аблайкита и нѣсколькихъ зданій между Семипалатинскомъ и Устькаменогорскою крѣпостью, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ древностяхъ, найд. въ могилахъ приобскихъ, описаніе каменныхъ изваяній при р. Томи и видъ писаннаго камня на берегу той-же рѣки; 5) 1736 года, 24 мая, на 27 листахъ, содержащихъ описаніе писаницы на берегу Енисея (съ рисункомъ), разныхъ древностей, найд. въ могилахъ Красноярскихъ, Нерчинскихъ и Селенгинскихъ, католоrъ предметовъ, собр. въ 1730 году и отправленныхъ въ Правит. Сенатъ для Импер. Кунсткамеры, и 3 рисунка съ разныхъ могильныхъ древностей; 6) 1743 года, 3 октября, рисунки древностей, найденныхъ въ могилахъ при р. Оби и Иртышѣ. Изъ этихъ 6 статей намъ удалось найти только 4-ю и 5-ю въ рукоп. Архива Конференціи Импер. Акад. Наукъ № 73 (fol.), изъ которой нами и переведены сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія подъ литер. а.— Изслѣдованіе Миллера De scriptis Tanguticis etc. напечатано въ X томѣ Commentar. Acad. Sc. Imper. Petropolit. T. X (1738, 4⁰), стр. 420—468, съ 9 табл. (Ред.).

2) У Гмелина (Reise durch Sibirien, I, 151), сказано 18 верстъ и упоминаются только остатки вала. См. также Матеріалы для исторіи Импер. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 348—349, гдѣ между прочимъ сказано, что городище «съ сухопутной стороны на очень небольшомъ пространствѣ было окружено трямя земляными валами», что «слѣдовъ каменныхъ зданій не видно» и что «Кучумъ жилъ, должно быть, въ деревянныхъ шалашахъ или въ шатрахъ». (Ред.).

3) См. выше, *Прилож.*, стр. 40, прим. 2-е, и стр. 49.

края, какъ идолъ. Хотя рисунокъ съ одного камня уже изданъ, но я поручилъ рисовальщику Люрсеніусу срисовать оба камня, и полагаю, что было бы не безполезно зимнимъ путемъ, когда перевозка не дорого стоитъ и вмѣсто 2-хъ лошадей достаточно впрягать одну, перевезти оба камня въ Петербургъ въ Кунтскамеру.

Стр. 65 70 содержатъ описаніе Калбасунской башни и Семи Палатъ, вошедшее въ Миллерово изслѣдованіе «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis» (стр. 431—439), изъ котораго мы помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ слѣдующее извлеченіе:

«Проѣзжая лѣтомъ 1734 г. по этимъ мѣстамъ, я услышалъ въ Ямышевскомъ острогѣ много интереснаго про эту такъ называемую башню. Но такъ какъ мнѣ изъ этого острога, въ который я пріѣхалъ водою, надлежало ѣхать далѣе сухимъ путемъ по восточному берегу Иртыша, слѣдовательно самому нельзя было осмотрѣть эти развалины, то я отправилъ туда рисовальщика, которому поручилъ срисовать ихъ, отмѣтить все заслуживающее вниманія, и обо всемъ доложить мнѣ словесно и письменно... Онъ нашелъ тамъ (въ 1/2 верстѣ отъ берега) зданіе такой искусной постройки, какую въ этой мѣстности и среди столь невѣжественныхъ людей нельзя было ожидать. Одна стѣна обрушилась. Вслѣдствіе этого онъ могъ изобразить не только внѣшній видъ зданія, но и внутреннее его устройство (см. прилаг. рис.). Нѣкоторые изъ солдатъ нашего конвоя, сопровождавшаго насъ изъ Ямышевскаго острога на случай отра-

женія весьма часто происходящихъ здѣсь киргизъ-кайсацкихъ набѣговъ (немалую часть этого конвоя я отправилъ съ рисовальщикомъ) говорили, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта «башня», такъ они называютъ это зданіе, была цѣла и снизу имѣла совершенно четыреугольную форму, что всѣ стѣны ея были одинаковаго объема, а покрывавшій ее сводъ снаружи состоялъ изъ 20 угловъ, изъ которыхъ по счету рисовальщика уцѣлѣло 12. Стѣны до свода были вышиною приблизительно въ 4 сажени, толщиною въ 3 фута. Съ наружней стороны ихъ видны концы деревянныхъ балокъ, вставкою которыхъ, безъ сомнѣнія, хотѣли укрѣпить стѣны. Внутри въ каждой стѣнѣ 3 углубленія въ родѣ нишъ, въ которыхъ, можетъ быть, стояли идолы, какъ у насъ ставятся статуи. Стѣны внутри, судя по нѣкоторымъ остаткамъ, были выбѣлены какимъ-то составомъ. Сверху, около свода, видны два окна съ 2-хъ противуположныхъ сторонъ. Справа, около подошвы, находится еще одно окно. Кромѣ того, на самой верхней части свода видно отверстіе, по видимому, также служившее окномъ. Дверь была съ той стороны, которая обрушилась. Вся постройка состоитъ изъ жженнаго ярко краснаго кирпича (рисовальщикъ привезъ съ собою образчикъ его), сдѣланнаго изъ такой глины (похожей на bolus armena), какую спутникъ мой Гмелинъ находилъ въ той мѣстности по берегу рѣки. Были-ли гдѣ-нибудь видны идолы и священныя письмена, я не узналъ. Находившіеся при капищѣ жрецы, можетъ быть, успѣли перенести ихъ въ другое мѣсто. Отъ Ямышевскаго острога до Калбасунской башни сухимъ путемъ около 90 верстъ. На географической картѣ Витзена она значится, но помѣщена слишкомъ далеко отъ Иртыша, и упоминается такимъ образомъ: «*Калбасинъ или Кабалакумъ — каменное, но уже обрушившееся зданіе*» [1]).

---

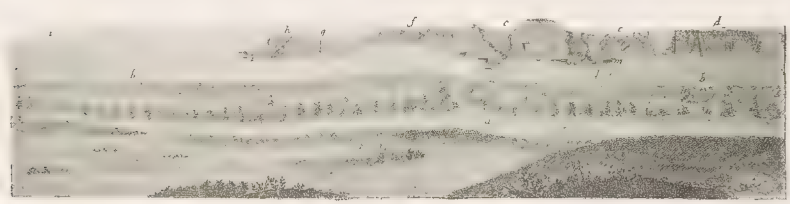
1) Срав. К. Риттера: Землевѣд. Азіи (Спб. 1860), III, стр. 138—139, и Матер. для истор. Импер. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 354—355 (Ред.).

«Такъ называемыя *«Семь Палатъ»* лежатъ на восточн. берегу Иртыша... Калмыки называютъ ихъ *Дарханъ-Зорджинъ-Китъ*, говоря, что зданія эти построилъ нѣкій жрецъ *Дарханъ-Зорджи*, который и пребывалъ въ нихъ. Когда это было, они не знаютъ. Въ Тюмени, древнѣйшемъ городѣ Сибири, я нашелъ въ архивѣ грамоту царя Михаила Ѳеодоровича отъ 25 окт. 7125 (=1616) г., въ которой эти зданія упомянуты подъ именемъ «каменныхъ мечетей». Къ этому времени они, можетъ быть, и относятся. Судя по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, они едва-ли могутъ быть древнѣе. Я не придавалъ бы имъ даже такой древности, если бы въ пользу ея не говорила упомянутая грамота. Вотъ что объ этихъ строеніяхъ говоритъ Витзенъ (Noord en Oost-Tartary, изд. 1-е, ч. II, стр. 483; изд. 2-е, стр. 774): *«неподалеку отъ Ланкараги, на западномъ берегу Иртыша, находится мѣсто, на которомъ стоятъ семь зданій, извѣстныя подъ именемъ семи елей (dennebootnen): столько именно деревъ насажено передъ тѣми зданіями; другіе же принимаютъ Ланкарагу и это мѣсто за одно и тоже»*. Эти слова не должны вводить насъ въ заблужденіе, такъ какъ семь палатъ, о которыхъ идетъ рѣчь, лежатъ, какъ я уже сказалъ выше, не на западномъ, а на восточномъ берегу Иртыша, преданіе же о семи еляхъ относится къ другому мѣсту (приблизительно на 40 верстъ ниже Семипалатной крѣпости), гдѣ, если-бы мы захотѣли держаться разсказа Витзена, слѣдовало бы искать другія семь зданій. Но я удостовѣрился въ томъ, что кромѣ тѣхъ 7 палатъ, о которыхъ выше сказано, нѣтъ другихъ, ни при семи еляхъ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Откуда же взялась такая путаница? Разскажу вкратцѣ въ чемъ дѣло. Вмѣсто *Ланкарага* слѣдуетъ читать *Долонъ-Карагай*, что̀ значитъ семь сосенъ (pinus), Бельгійцы же называютъ сосну denneboom т. е. елью (abies). Такимъ образомъ Витзенова Lankaraga есть тоже, что 7 елей, т. е. мѣстность, находящаяся на какой-то восточной рѣчкѣ. Рѣчка эта на Витзеновой картѣ названа *Iencuiia* или *Felcula*, Сибиряками же называется *Долонка*. Она впадаетъ съ З. въ Иртышъ и при ней нѣкогда видны были 7 сосенъ. Послѣднія, говорятъ, были срублены, когда Русскія войска, пытавшіяся пробраться въ Малую Бухарію, въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья рѣчки, на восточномъ берегу Иртыша, построили *«Долонскую крѣпость»*, вскорѣ послѣ того опять уничтоженную, такъ какъ въ ней, благодаря близости Семипалатинской крѣпости, не оказалось никакой надобности. Между тѣмъ мѣсто это еще до сихъ поръ у Калмыковъ и Татаръ называется *Долонъ-Карагай*. Вотъ почему его, благодаря числу 7, которое мы встрѣчаемъ и тутъ и тамъ, ошибочно стали смѣшивать съ Семью Палатами. Разорены были эти зданія, по моему мнѣнію, около 1660—1670 годовъ, когда, какъ я узналъ изъ сибирскихъ архивовъ, страшная междоусобная война нанесла калмыцкому господству множество пораженій. Съ тѣхъ поръ часто могло случаться, что Русскіе входили въ разоренныя капища и уносили съ собой письмена и идолы, находившіеся тамъ въ значительномъ количествѣ, но, можетъ быть (какъ это обыкновенно бываетъ съ простымъ народомъ), не заботились о сохраненіи вещей, не доставлявшихъ барыша. До Бухгольцовскаго похода (первой попытки пробраться въ Бухарію, начавшейся въ 1714 году) ничего про нихъ не было слышно и никто о найденныхъ въ Сибири неизвѣстныхъ письменахъ не упоминалъ. Тѣ, которыя впервыя Сибирскимъ воеводою поднесены были Петру Великому, по общепринятому мнѣнію, добыты оттуда. Сообщу все, что видѣлъ своими глазами, когда изъ Семипалатной крѣпости отправился къ этимъ развалинамъ.

Лежатъ онѣ на возвышенной и безплодной, по природѣ своей, *степи*, неподалеку отъ берега рѣки Иртыша, которая въ этомъ мѣстѣ съ СВЮВ. направляется къ СЗЮЗ. Самое названіе показываетъ, что всѣхъ зданій 7, но это слѣдуетъ понимать такъ, что двѣ комнаты одного и того-же зданія, раздѣленныя стѣною, не будучи соединены между собою дверью, принимаются за два разныя строенія. Одно изъ зданій отстоитъ отъ прочихъ почти на полверсты. Большая часть ихъ построена изъ сырцевого кирпича, какъ это дѣлается во всей Бухаріи. Только одно строеніе, бывшее, кажется, главнымъ, на полвысоты (нижній этажъ) состоитъ изъ плитняка (lapis scissilis), вырытаго, повидимому, въ той-же мѣстности. По крайней мѣрѣ, слѣды его ясно видны мѣстами по обрывамъ берега. Зданія имѣютъ всѣ четыреугольную, нѣкоторыя продолговатую форму. Величина зданій различна, но ни одно изъ нихъ не превышаетъ 15 обыкновенныхъ шаговъ; стѣны рѣдко толще 2 футовъ. Одно зданіе (ради приданія ему большей прочности, какъ полагаю) по четыремъ угламъ поддерживается колоннами изъ того-же сырцевого кирпича. Одно возвышается на подобіе пирамиды, постепенно съуживаясь. Одно раздѣлено на 3 комнаты. Одно, отстоящее, какъ я сказалъ, на $^1/_2$ версты, меньше остальныхъ, но выше ихъ, почему и называется башней, построенной для караульныхъ. Они уже почти всѣ обрушились или грозятъ скорымъ разрушеніемъ, что̀ иначе и быть не могло вслѣдствіе матеріала, изъ котораго они возведены. Нужно удивляться, какъ они при такомъ способѣ постройки еще простояли столько времени, т. е. болѣе столѣтія. Крыши, если только можно положиться на нѣкоторые остатки ихъ, повидимому, состояли изъ древесныхъ сучьевъ. Двери обращены лицомъ къ рѣкѣ, за исключеніемъ того зданія, которое раздѣлено на двѣ комнаты. Такъ какъ эти комнаты со стороны, обращенной къ рѣкѣ, нераздѣльны, то дверь одной изъ нихъ была съ противоположной стороны. Въ каждой стѣнѣ одно окно, расположенное по срединѣ ея, и, большею частью, довольно узкое. Сводовъ надъ дверями и окнами нѣтъ никакихъ. Верхнюю кладку камней или кирпичей поддерживаютъ деревянныя балки, положенныя поперекъ. Внутри, мѣстами, по стѣнамъ видны остатки живописи, которые, на сколько можно разглядѣть ихъ, изображаютъ людей, частью стоящихъ, частью сидящихъ, животныхъ, драконовъ, птицъ и, преимущественно, цвѣты, съ переплетающимися между собою стебельками и листьями; намалеваны они безъ всякаго искусства, безъ обозначенія свѣта и тѣни, самыми простыми красками и очень грубою кистью. Въ трехъ зданіяхъ лежитъ большое количество свалившихся деревянныхъ колоннъ, мѣстами разукрашенныхъ цвѣтами, рѣзныхъ деревянныхъ изображеній животныхъ (львовъ и драконовъ), сидящихъ на колоннахъ, которыми, повидимому, подпирались верхнія стропила (или потолки?). Одну изъ такихъ фигуръ я отправилъ въ Императорскую Кунсткамеру (см. прил. рис. на стр. 59). Въ томъ зданіи, которое построено изъ плитняка, въ одномъ

углу находятся остатки какого-то возвышенія (выдающагося на 2 слишкомъ сажени надъ почвою и поддерживаемаго столбами), подъ которымъ остатки живописи сохранились лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому-ли, что это мѣсто пользовалось бо́льшимъ почетомъ, или потому, что оно было нѣсколько болѣе защищено отъ вліянія воздуха [1]). Тамъ-же припрятаны были рукописи, отъ которыхъ однакоже до нашего времени дошло лишь очень немного маленькихъ листочковъ, до такой степени истрепанныхъ и изъѣденныхъ, что кажутся письменами, издавна сдѣлавшимися жертвою червей и гніенія. Врядъ-ли они еще были цѣлы уже въ то время, когда изъ Сибири были привезены первыя рукописи.

Жители упомянутаго выше близь-лежащаго острога утверждаютъ, что, сколько они помнятъ, тамъ никакихъ цѣльныхъ листовъ найдено не было, и говорятъ, что всѣ листы добыты изъ Аблайкитскихъ развалинъ... Кромѣ того, возлѣ бо́льшихъ зданій лежитъ огромный, продолговатый камень (вродѣ надгробныхъ [2]), на верхней части котораго изваяно человѣческое лицо. Прежде, говорятъ, онъ стоялъ прямо, но затѣмъ, не знаю по какому случаю, былъ разломанъ на двѣ части, изъ которыхъ каждая была длиною почти въ сажень. По близости видна была могильная яма, изъ которой, по словамъ нашихъ проводниковъ, нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пріѣздомъ, было вырыто нѣсколько унцій золота [3]). Хоронили-ли здѣсь калмыцкіе жрецы своихъ покойниковъ, или эта могила сооружена болѣе древними обитателями этихъ мѣстъ, трудно рѣшить. Я готовъ предпочесть послѣднее, какъ потому, что у калмыковъ не принято хоронить покойниковъ столь близко отъ жилищъ, такъ и потому, что тамъ повсюду множество древнихъ могильныхъ холмовъ, которые во всякомъ случаѣ не новѣйшаго происхожденія, а сходны съ нашею могилою въ томъ отношеніи, что часто снабжали раскапывателей ихъ массою золота и серебра.



На прилагаемомъ планѣ, снятомъ на мѣстѣ съ развалинъ этихъ зданій, значатся подъ нижеслѣдующими литерами: *a)* рѣка Иртышъ; *b)* восточный берегъ его, на которомъ мѣстами проглядываетъ плитнякъ; *c)* зданіе между остальными, повидимому, главное, нижняя часть котораго выстроена изъ плитняка, а верхняя изъ сырцевого кирпича; оно большею частью обрушилось; сверху проглядываютъ остатки крыши изъ сучьевъ; *d)* зданіе, подпертое по 4-мъ угламъ колоннами; *e)* зданіе, возвышающееся въ видѣ пирамиды; *f)* очень обрушившееся зданіе, раздѣленное на 3 комнаты; *g-h)* двѣ, почти совершенно обрушившіяся комнаты, прилегающія другъ къ другу одной стѣной; *i)* зданіе отстоящее отъ остальныхъ почти на $^1/_2$ версты и внутри все наполненное своими развалинами, такъ

---

1) Гмелинъ (Reise I, стр. 216—217) говоритъ между прочимъ: «Шесть строеній находились всѣ одно неподалеку отъ другого; бо́льшая часть ихъ состояла лишь изъ 4-хъ стѣнъ. Два строенія стѣнами, соединявшимися однакоже между собою, дѣлились какъ-бы на камеры. Одно было четыреугольное, съ колонною на каждомъ углу; ближайшее къ нему имѣло видъ пирамиды; остальныя были продолговато-четыреугольной формы. Въ одномъ были еще видны рѣзные деревянные идолы въ формѣ медвѣдей. Въ другомъ нижній этажъ сложенъ былъ изъ шиферныхъ плитъ, а верхній изъ сырцевыхъ окрашенныхъ кирпичей. Стѣны его по большей части были расписаны по гипсу человѣческими фигурами, плохой работы. Кромѣ того время все исказило. Въ этомъ-же самомъ строеніи въ каждой стѣнѣ (за исключеніемъ той, въ которой была дверь) находилось по окну. Въ томъ зданіи, въ которомъ стояли идолы, было только по одному окну, потому что со стороны входа и противоположной стороны не было оконъ. А остальныя строенія вовсе не имѣли оконъ и всѣ, кромѣ вышеупомянутаго, возведены изъ простыхъ, окрашенныхъ камней. Входы во всѣ зданія были со стороны рѣки, за исключеніемъ одного строенія, въ которомъ входъ, повидимому, былъ со степной стороны. Сводовъ совсѣмъ не видно, перемычка же подъ дверями покоится на простой доскѣ... На поверхности почвы, на которой стоятъ строенія, мы нашли кое-гдѣ небольшіе куски плохого фаянса (Porzellan).

2) У Гмелина (Reise I, 217) «каменный столбъ» (steinerne Säule).

3) По словамъ Гмелина (Reise I, 217), 17 золотниковъ золота, которое, судя по разсказамъ, было довольно свѣтлаго цвѣта.

какъ, по разсказамъ, оно прежде возвышалось въ родѣ башни; *l)* надгробная плита, разломанная на двѣ части; *m)* раскрытая могила, въ которой найдено нѣсколько унцій золота [1]).

Другія развалины подобныхъ зданій замѣтны въ 20 слишкомъ верстахъ отъ предыдущихъ, на томъ-же берегу Иртыша, въ 37 верстахъ отъ Семипалатинской крѣпости, по лѣвую сторону большой дороги, ведущей въ Устькаменогорскую крѣпость. Въ то время, когда я проѣзжалъ мимо нихъ, они почти сравнялись съ землей и я съ трудомъ могъ замѣтить, что одно зданіе было раздѣлено на 6 четыреугольныхъ комнатъ. Разсказывали, что 20 лѣтъ тому назадъ стѣны были выше одного локтя и что въ то время, по близости отъ развалинъ, видны были слѣды земледѣлія. Мы же тамъ замѣтили только рвы, проводимые для орошенія полей. По словамъ Витзена «отъ этихъ зданій (т. е. отъ Семи палатъ) вверхъ по Иртышу живетъ калмыцкій жрецъ, который построилъ себѣ два, довольно большія, кирпичныя зданія, снаружи покрытыя известью; онъ содержитъ при себѣ Бухарцевъ и живетъ землепашествомъ: тамъ растутъ пшеница, ячмень, горохъ и другіе злаки. Бухарцы, состоящіе при немъ, покинули свою собственную родину и поселились на этомъ мѣстѣ [2]).

Стр. 72—74. Когда мы 11 августа (1734 г.) прибыли въ Устькаменогорскъ, то первою моею заботою было составленіе плана этого города и прилегающей къ нему мѣстности..., а второю — вскрытіе нѣскольких, неразрытыхъ еще въ окрестностяхъ этого мѣста, могилъ древнихъ обитателей края, въ надеждѣ, что мнѣ удастся найти памятники древности, могущіе пролить больше свѣта на исторію этихъ странъ. Послѣдній трудъ не увѣнчался однакоже успѣхомъ: употребивъ 2 дня на раскопку этихъ могилъ, лежащихъ въ 5-ти или 6-ти верстахъ по ту сторону р. *Ульбы*, я нашелъ только всего обломокъ какой-то желѣзной стрѣлы, сильно попорченной ржавчиною [3]).

Такія могилы встрѣчаются чрезвычайно часто по всему пути, начиная съ полдороги между г. Тарой и Омскимъ острогомъ, до самаго этого мѣста, по обоимъ берегамъ Иртыша. Но между ними попадается очень мало могилъ еще не разрытыхъ и не разграбленныхъ, и чѣмъ ближе могилы къ городамъ, острогамъ, къ главной проѣзжей дорогѣ и берегу Иртыша, особенно восточному, тѣмъ такихъ непотревоженныхъ могилъ меньше. До Семипалатинскаго острога мнѣ на восточномъ берегу не удалось увидѣть ни одной нетронутой могилы. Я долженъ впрочемъ сознаться, что при поѣздкѣ своей никогда не уклонялся далеко отъ рѣки или проѣзжей дороги. Тѣ же изъ нашихъ, которые отъ Ямышевскаго острога до Семипалатинскаго поѣхали водою, верстахъ въ 100 ниже послѣдняго мѣста нашли 7 могилъ, и вынужденные пробыть тамъ 2 дня въ ожиданіи подмоги изъ этого мѣста, занялись раскопкою ихъ, но потерпѣли такую-же неудачу, какъ я. Ѣдучи сухимъ путемъ къ Устькаменогорскому острогу, я увидѣлъ между рѣками *Шульбой* и *Ульбой* курганъ, въ которомъ, судя по величинѣ и внѣшнему виду его, схоронено было особенно важное лицо, но на раскопку этого кургана у меня не было свободнаго времени. На одномъ лишь западномъ берегу повсюду, говорятъ, уцѣлѣло множество кургановъ. Объяснить это слѣдуетъ тѣмъ, что вслѣдствіе опасности, угрожавшей курганщикамъ со стороны казаковъ, никто не рѣшался пробраться туда. Встрѣчаются же курганы не только въ степяхъ, но и на вершинахъ высочайшихъ горъ. Въ этомъ я убѣдился самъ въ окрест-

---

1) О буддійскихъ древностяхъ, найденныхъ въ 1857 году при нивеллировкѣ мѣста, находящагося между бывшею Семипалатинскою крѣпостью и берегомъ рѣки Семипалатинки, см. Зап. Импер. Русск. Географ. Общ. за 1861 годъ, кн. I, Изслѣдов. и Матеріалы, стр. 118—119, и Извѣстія Импер. Археолог. Общ. Т. II (1861), стр. 202—219. (Ред.).

2) См. К. Риттера, Землевѣд. Азіи III, стр. 139—142, и Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ, Т. VI, стр. 335. (Ред.).

3) У Гмелина (Reise I, 241—242) мы находимъ объ этой раскопкѣ слѣдующую замѣтку: «13 авг. 1734 г. проф. Миллеръ принялся за нѣкоторыя, еще нераскрытыя могилы въ этихъ мѣстахъ. Онъ хотѣлъ осмотрѣть внутреннее состояніе ихъ и нашелъ слѣдующее. Покойникъ лежалъ просто въ землѣ, головою на В. Кости всѣ находились въ своемъ естественномъ положеніи, но сильно истлѣли. Кромѣ этихъ костей, онъ нашелъ между ними нѣсколько мелкихъ заржавленныхъ кусочковъ желѣза, о первоначальномъ употребленіи которыхъ, однакоже, нельзя составить себѣ понятіе, потому что они очень пострадали отъ ржавчины. Могильная яма была наполнена голышами, какіе встрѣчаются по берегамъ тамошнихъ рѣкъ и рѣчекъ».

Подъ 10—11 сент. 1734 г., описывая путь между деревнею Калтиракъ и погостомъ Ильинскимъ, Гмелинъ (I, 271) замѣчаетъ: «Мы видѣли, какъ уже прежде, разные курганы; дальше влѣво, недалеко отъ Багатской деревни, говорятъ, находится рядомъ необыкновенное количество такихъ кургановъ. Съ виду они похожи на вышеупомянутые, но въ нихъ рѣдко встрѣчаютъ золото, а находятъ только серебро, мѣдь и желѣзо».

ности этого острога, взобравшись для обзора прилегающей къ нему мѣстности на самую высокую гору, находящуюся здѣсь на восточномъ берегу Иртыша. Около остроговъ Ямышевскаго, Желѣзинскаго (Schelesiense) и Омскаго, гдѣ чисто песчаная почва, встрѣчаются курганы, на видъ песчаные, вышиною никакъ не болѣе 2-хъ футовъ. Полагаю, что сначала они были выше и что, можетъ быть, вслѣдствіе чрезвычайно свирѣпствующихъ здѣсь вѣтровъ и бурей, большая часть холмовъ опять развѣяна. Около Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго остроговъ, гдѣ почти вся степь богата голышами, и близъ каменистыхъ горъ, отъ которыхъ послѣдній острогъ получилъ свое названіе, могилы либо вымощены сверху, на одинаковомъ съ почвою уровнѣ, голышами или добытыми изъ скалъ камнями, либо обставлены въ кружокъ такими-же камнями, на футъ вышиною, либо (но рѣже) покрыты кучею такихъ камней. Иногда видны поставленные стоймя камни вокругъ мощенной настилки и кружка, вышиною въ 1 или 2 фута, иногда же неподалеку отъ могилъ, на В., стоятъ отдѣльныя глыбы камня, нерѣдко превышающія ростъ человѣческій. Надписей или изображеній на нихъ я никогда не встрѣчалъ, за исключеніемъ одного случая, упомянутаго мною въ описаніи такъ называемыхъ Семи Палатъ. Тамъ, гдѣ мѣстность изобилуетъ камнями, могилы внутри на локоть глубины, а иногда вплоть до покойника, наполнены, въ перемежку съ землею, голышами или каменными глыбами или плитами. Довольно часто въ нихъ встрѣчаются и пласты соли изъ такъ называемыхъ горькихъ озеръ, которыхъ въ этихъ степяхъ очень много, особенно вокругъ остроговъ Ямышевскаго и Желѣзинскаго, гдѣ, по отсутствію камня, кромѣ земли и этихъ соляныхъ пластовъ, ничего не выкапываютъ. Въ описаніи Семи Палатъ я сказалъ, что и внутри этого укрѣпленія замѣтилъ нѣсколько могилъ, обложенныхъ сырцевымъ кирпичемъ. Къ этому я прибавлю съ чужихъ словъ, что встрѣчаются также, но рѣже, сложенные изъ жженнаго кирпича и плитъ своды, подъ которыми покойники лежатъ какъ въ комнатѣ. Покойники, отъ которыхъ уцѣлѣли однѣ только кости, притомъ сильно истлѣвшія, лежатъ на глубинѣ 1—3 локтей, головою всегда на В., безъ всякаго слѣда того, чтобы они нѣкогда были положены въ особый гробъ. Вмѣсто этого довольно часто находили остатки шелковыхъ и бумажныхъ тканей (reliquiae pannorum sericorum et xylinorum), въ которыя они были завернуты. По такимъ-же остаткамъ видно, что народъ былъ очень богатъ, потому что иногда они состоятъ изъ расплющеннаго на тонкія пластинки чистѣйшаго золота, котораго курганщики нерѣдко находили въ одномъ курганѣ до 1 фунта вѣсомъ. Другія драгоцѣнности, добытыя изъ этихъ могилъ, заключаются въ серьгахъ, запястьяхъ и кольцахъ золотыхъ, въ искусно отлитыхъ изъ золота и серебра изображеніяхъ животныхъ, и особенно въ разныхъ сдѣланныхъ изъ серебра, на половину смѣшеннаго съ мѣдью, конскихъ украшеніяхъ, которыя не очень дорого продаются въ здѣшнихъ мѣстахъ. Драгоцѣнные камни встрѣчались рѣдко. Мечи же, стрѣлы и другія издѣлія изъ мѣди и желѣза, хотя и были находимы часто, но, къ великому ущербу историческаго знанія, не обращали на себя вниманія находчиковъ, такъ что мнѣ не удалось видѣть никакихъ такихъ вещей. Отсюда становится яснымъ, почему, не смотря на давнишнее посѣщеніе Сибиряками этихъ могилъ, публикѣ доселѣ не были извѣстны ближайшія обстоятельства дѣла, которыя мною здѣсь записаны.

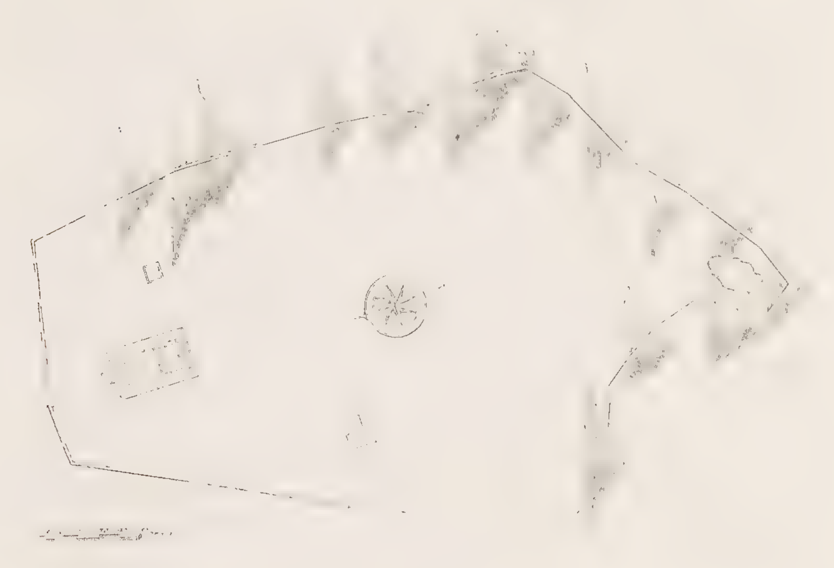
Стр. 74—82 содержатъ описаніе Аблайкитскихъ развалинъ, вошедшее въ печатное изслѣдованіе De scriptis Tanguticis (стр. 441—452). Извлекаемъ изъ послѣдняго слѣдующія данныя [1]):

«Аблайкитъ у Сибиряковъ называется городомъ, потому что окруженъ стѣнами (см. планъ его на стр. 62)... Калмыки произносятъ *Аблаинкитъ*, что значитъ *Аблаево капище*. Аблай же былъ главою калмыцкаго рода *Хошотъ*, жилъ около половины предыдущаго столѣтія, но во время междоусобной войны калмыцкой, въ 1671 году былъ прогнанъ изъ этихъ мѣстъ и направился въ мѣстность, лежащую между Яикомъ и Волгой. Здѣсь онъ взятъ былъ въ плѣнъ Торгоутами или Волжскими Калмыками (вслѣдствіе частыхъ нападеній, которыя онъ дѣлалъ на нихъ) и выданъ Русскимъ, которые увели его въ Астрахань, гдѣ онъ и умеръ въ глубокой старости. Считаю нелишнимъ привести слова Витзена, упоминающаго о зданіяхъ, построенныхъ Аблаемъ. «*Въ той мѣстности* (т. е. при Иртышѣ) *изъ скалъ вытекаетъ рѣчка Беска, при которой князь Аблай велѣлъ построить два каменныя зданія и укрѣпилъ ихъ стѣнами*, *выбравъ*

---

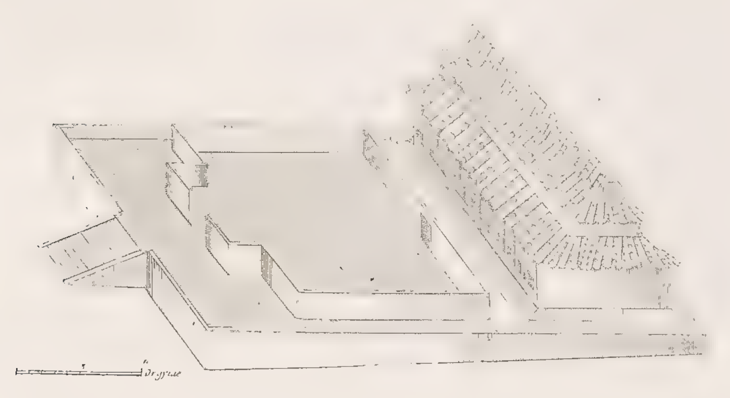
1) Изданные Миллеромъ планъ и детали Аблайкитскихъ зданій (см. ниже стр. 62, 63, 64 и 66) изготовлены по рисункамъ геодезиста Вас. Шишкова, о которыхъ см. соч. Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время (Москва, 1861 г.), стр. 439 и 704 (Ред.).

мѣсто между скалъ и отправивъ туда мастеровъ изъ Китая». Не знаю, почему авторъ, упоминая здѣсь рѣчку Беску, на географической картѣ своей помѣстилъ Аблайкитскія зданія при рѣчкѣ Карбугѣ. Въ двухъ именно мѣстахъ онъ при ней помѣстилъ слова *Ablaische Sterkten*, т. е. Аблайскія укрѣпленія, а при устьѣ ея отмѣтилъ: *Boerchoe het hof van Prins Ablai*, т. е. Бурху, дворъ князя Аблая (вмѣсто Бурху слѣдуетъ, по моему мнѣнію, читать Ургу, что̀ на калмыцкомъ языкѣ означаетъ ставку княжескую). Беска на той картѣ впадаетъ въ Иртышъ выше Карбуги, но при ней (Бескѣ) не показано ни зданій, ни жилищъ. У Русскихъ эта рѣчка, вслѣдствіе близости Аблайкитскихъ развалинъ, извѣстна подъ тѣмъ-же именемъ *Аблайкитъ*. Въ 8 верстахъ выше Усткаменогорской крѣпости она впадаетъ



въ Иртышъ... Переправившись черезъ Иртышъ (со стороны крѣпости), верстъ черезъ 20 приходишь къ означенной рѣчкѣ; на лѣвомъ или западномъ берегу ея нѣкогда стоялъ могильный холмъ, который за нѣсколько лѣтъ до насъ былъ раскопанъ и далъ около фунта тонкихъ золо̀тыхъ листочковъ, какими у древнихъ окутывали знатныхъ покойниковъ. Вотъ почему мѣстность эта получила названіе *Золотухи...* Всего отъ Усткаменогорской крѣпости до развалинъ верстъ 80... Мѣстность представляетъ красивую равнину, которую съ С. и З. замыкаютъ высокія скалы. Скалы же, чрезъ которыя проведены стѣны, мѣстами сами замѣняютъ стѣны, мѣстами доставили камень для сооруженія стѣнъ, мѣстами окружаютъ озеро, доставлявшее жителямъ воду; вслѣдствіе этого окружность мѣстности похожа на пятиугольникъ. Самыя стѣны вышиною въ $1^1/_2$ сажени, толщиною въ $3^1/_2$ локтя. Ворота южной стороны украшены колоннами изъ жженнаго кирпича, на которыхъ, какъ и на воротахъ восточныхъ, покоились своды изъ такого-же кирпича, со временемъ обрушившіеся. Стѣны же повсюду сохранились. Входящимъ чрезъ южныя ворота тотчасъ бросаются въ глаза два зданія, построенныя на возвышеніи, которое въ видѣ четыреугольника на $1^1/_2$ саж. возвышается надъ материкомъ, снаружи покрыто обожженнымъ кирпичемъ, внутри наполнено землей, а сверху окружено кирпичными стѣнками въ полроста человѣческаго. Съ Юга на возвышеніе ведетъ крыльцо, также кирпичное. Взойдя на него, входишь въ первое зданіе, странной постройки (см. рисунокъ на стр. 63), которое, по моему мнѣнію, служило сѣнями слѣдующаго затѣмъ второго зданія. Кирпичныя стѣны, покрытыя составомъ изъ бѣловатой извести, возвышаются на $1^1/_2$ сажени. Полъ выстланъ кирпичемъ. Кирпичи въ этихъ развалинахъ всѣ одинаковы и хотя жженные, но цвѣта не краснаго, а пепельнаго, внутри же, если переломить ихъ, черноватаго. Въ двухъ углахъ находятся двѣ крошечныя, круглыя плавильныя печи, сверху и снизу оканчивающіяся узенькими трубами, съ отверстіями, въ которыя вставлялись мѣхи; за исключеніемъ верхнихъ частей, служившихъ для выхода дома, онѣ хорошо сохранились. На Шишковскомъ рисункѣ ихъ не было, но мы прибавили ихъ въ должныхъ мѣстахъ. Вѣроятно жрецы плавили тамъ металлы и приготовляли лекарства. Тамошняя горная цѣпь изобилуетъ подземными богатствами, такъ что нѣтъ

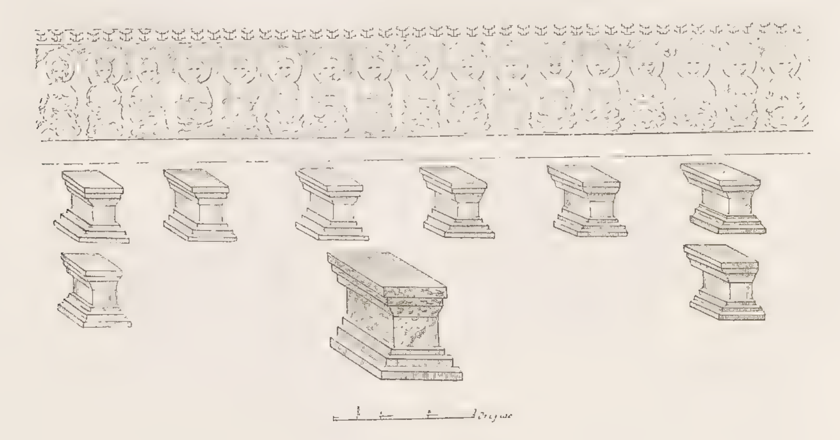
повода сомнѣваться въ знакомствѣ этихъ людей съ химіей и медициной, тѣмъ болѣе, что мы сами имѣли случай видѣть немаловажные образчики этого искусства. Кромѣ указаннаго, въ той комнатѣ или передней ничего нѣтъ, ни оконъ, ни крыши. Если же мѣстами и проглядываютъ кое-какіе слѣды крыши, то они казались какъ-бы перегорѣвшими. Впрочемъ, судя по отсутствію оконъ, это были, можетъ быть, и не остатки крыши, а остатки верхней дере-



вянной стѣны, выведенной надъ кирпичною стѣною. Если же существовала крыша, то она была не обычнаго устройства, потому что чрезъ нее въ комнату должны были проникать лучи свѣта.

Второе зданіе, которое (какъ я сказалъ уже выше) построено на томъ-же возвышеніи, также состоитъ изъ одной комнаты, четыреугольной и болѣе щегольской, переполненной идолами, рисунками и священными письменами. Это было само святилище, въ которомъ жрецы священнодѣйствовали. Входъ въ него со стороны перваго зданія или сѣней; онъ прикрытъ створчатою дверью и такъ устроенъ, что открывъ дверь, свободно можно видѣть святилище. По каждую сторону створокъ наши насчитали по 6 оконъ, на рисункѣ же Шишкова значатся ихъ десять. И въ другихъ мѣстахъ счетъ оконъ у него не сходится съ нашимъ. Но такое разногласіе незначительно и неважно. Стѣны, вышиною въ 5 локтей, состоятъ изъ жженнаго кирпича, а потомъ на сажень изъ деревянныхъ брусьевъ, которые постепенно соединяются въ крышу. По срединѣ стоитъ четыреугольный пьедесталъ, вышиною въ $3^1/_2$ локтя, расписанный разными цвѣточными орнаментами; на немъ нѣкогда стоялъ идолъ, изображавшій стоящаго и растопырившаго голыя ноги человѣка, съ обнаженною головою, по китайскому обычаю облаченнаго въ двойную одежду, одну длинную, другую короткую. Величиною, особенно головы своей, отличавшейся, какъ говорятъ, исполинскою чудовищностью, онъ нѣсколько превышалъ обыкновенный ростъ человѣческій. Наши нашли его разбитымъ на множество мелкихъ кусковъ, тогда какъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ цѣлъ. Поврежденію идолъ подвергся или по невѣжеству, или по неумѣстному усердію солдатъ, изъ сосѣдней крѣпости, часто посѣщающихъ эту мѣстность ради охоты. Изъ доставленныхъ мнѣ остатковъ я могъ заключить, что внутренность идола состояла изъ древесныхъ вѣтвей, которыя сначала были обмазаны глиной, а потомъ, по приданіи ему должнаго наружнаго вида, онъ сверху былъ окрашенъ болѣе чистою бѣлою известью (на подобіе триполитанской; она мѣстами встрѣчается по берегамъ Иртыша), безъ малѣйшихъ, впрочемъ, слѣдовъ живописи или окраски. Шестнадцать другихъ идоловъ, такого-же вида и устройства, но меньшихъ размѣровъ, находились вдоль стѣнъ восточной, сѣверной и западной; они стояли на меньшихъ подставкахъ, но къ сожалѣнію подверглись той-же участи, какой подвергся первый, такъ что уцѣлѣли только однѣ подставки, вышиною въ 2 локтя. Стѣны отъ самой подошвы до крыши разукрашены разными изображеніями, изъ которыхъ фигуры на восточной и западной стѣнахъ отличаются какъ величиною, такъ и формою тѣла. Что касается двухъ фигуръ на восточной стѣнѣ, то одна изображаетъ мужчину, другая женщину; на западной стѣнѣ фигуры женскія. Всѣ онѣ изображены прямо стоящими. Мужскія фигуры особенно обращаютъ на себя вниманіе множествомъ головъ и рукъ (у разныхъ идолопоклонниковъ это самый обычный способъ изображенія божествъ). Изъ двухъ фигуръ на западной стѣнѣ, у одной 4 головы и 21 руки, у другой 2 головы и 8 рукъ. Первая, кромѣ того, правою ногою наступаетъ на волоса другого человѣка, поверженнаго къ ногамъ ея, и смотритъ на двухъ другихъ, припавшихъ на колѣна, людей. У третьей мужской фигуры, изображенной съ противоположной стороны, также 2 головы и 4 руки; двумя руками она обнимаетъ находящуюся возлѣ нея женщину, цѣлуя ее одними устами, и тѣсно прижавъ ноги къ ногамъ; другая же голова и остальныя двѣ руки ея находятся въ прямомъ и естественномъ положеніи. Наконецъ на сѣверной стѣнѣ изображенъ цѣлый рядъ сидящихъ женщинъ, съ подогнутыми къ лону

ногами; ихъ груди, руки и подошвы ногъ обнажены; у однихъ цвѣтъ тѣла натуральный, у другихъ пурпуровый, у нѣкоторыхъ грязноватый, у иныхъ зеленоватый. Не смотря на различное положеніе рукъ, онѣ вообще очень сходны между собою. Какъ эти фигуры, такъ и подставки изображены на прилагаемомъ рисункѣ Шишкова. Кромѣ того и



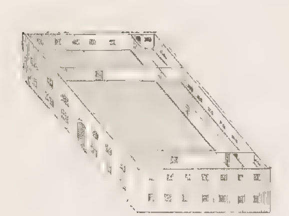
весь потолокъ былъ украшенъ такими изображеніями женщинъ, нарисованными на четыреугольныхъ планкахъ въ 1 локоть величиною; хотя бо́льшая часть ихъ въ то время уже была сорвана и унесена, но ихъ, по словамъ нашихъ людей, оставалось еще нѣсколько сотъ; изъ нихъ мнѣ были привезены 4, изъ которыхъ 3 различнаго вида фигуры, какъ образчики, изображены на прилагаемомъ рисункѣ (см. стр. 65, fig. 1, 2, 3). Такъ какъ рисунокъ Шишкова, изображающій весь потолокъ, не совсѣмъ точно передаетъ каждую отдѣльную фигуру, то мы сочли излишнимъ включить его сюда. Всѣ эти картины нарисованы подобнымъ-же образомъ, какъ рисунки въ развалинахъ Семи Палатъ. Водяныя краски, изъ которыхъ употреблены въ дѣло только главнѣйшія, нанесены почти безъ всякаго обозначенія свѣта и тѣни. Заслуживаетъ вниманія, что на большей части картинъ, фигуры, особенно головы, окружены свѣтовыми лучами или тамъ называемымъ нимбомъ, которымъ, какъ извѣстно, и Римляне окружали нѣкогда свои божества, и у насъ украшаютъ изображенія святыхъ.

Въ той-же комнатѣ, у сѣверной стѣны, стоялъ значительной величины шкафъ, со многими выдвижными ящиками, въ которыхъ хранилось священное собраніе тангутскихъ и монгольскихъ рукописей. Съ тѣхъ поръ какъ нечестивыя руки опрокинули его, онѣ (т. е. рукописи эти) лежатъ разбросанными по всей комнатѣ, и хотя въ теченіи стольхихъ лѣтъ при всякомъ случаѣ сильно растаскивались русскими солдатами и охотниками, въ наше же время въ иртышскихъ острогахъ употреблялись для завертыванія товаровъ и заклейки оконъ, а наконецъ и нашими были увезены въ значительномъ количествѣ, все-таки, какъ говорятъ, осталось тамъ столько, что ихъ едва-ли можно бы было увезти на 10 лошадяхъ. Тангутскія рукописи, писанныя на голубой и черноватой бумагѣ золотыми и серебряными буквами, въ родѣ тѣхъ, которыя безсмертной памяти Императоромъ были посланы заграницу, теперь встрѣчаются уже не очень часто. Иноземный характеръ бумаги и письменъ всегда привлекалъ къ себѣ любителей, изъ оставшагося же количества наши увезли бо́льшую часть. Чаще встрѣчаются рукописи, написанныя на простой бѣлой бумагѣ, черными, рѣже красными, либо въ перемежку красными и черными, прописными или четыреугольными буквами. Встрѣчаются также листы, исписанные болѣе мелкою скорописью (Тангуты называютъ ее *шар*), очень похожіе на тотъ, который изданъ Страленбергомъ (табл. I, стр. 312). Есть еще тангутскіе листы изъ болѣе тонкой бумаги, которые съ лицевой стороны покрыты четыреугольными письменами, а съ оборотной стороны приклеены къ другимъ листамъ. Монгольскихъ же печатныхъ листовъ совсѣмъ не открыто, хотя и найдены монгольскія печатныя доски, о которыхъ упоминаетъ и Страленбергъ, сдѣлавъ однакоже изъ нихъ неправильное заключеніе, что всѣ добытые изъ такихъ капищъ листы, какъ тунгутскіе, такъ и монгольскіе и калмыцкіе, печатаны. Дошедшіе до меня монгольскіе и калмыцкіе листы большею частью писаны на простой бѣлой бумагѣ черными, или (что встрѣчается рѣже) въ перемежку красными и черными, либо цѣликомъ красными буквами. Писанныхъ, по тунгутскому способу, на черной бумагѣ золотыми буквами я видѣлъ немного. Книги изъ березовой коры (такихъ я добылъ оттуда три, писанныя на калмыцкомъ языкѣ), хотя и не принадлежатъ къ числу обычныхъ, но и не могутъ считаться особенно

рѣдкими. Онѣ указываютъ только на неимѣніе бумаги; точно такъ намъ извѣстно, что въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири Русскіе, за отсутствіемъ бумаги, иногда употребляли березовую кору. Очень рѣдки изображенія божествъ, писанныя на бумагѣ; наши не нашли ни одного, но мнѣ удалось купить одинъ экземпляръ у солдата Устькаменогорской крѣпости, добывшаго его уже прежде. Изображена на черной бумагѣ писанная золотомъ богиня, въ 3 квадр. дюйма

величиною, съ подогнутыми къ лону ногами, сидящая на подушкѣ, правую руку опустившая на колѣна, а въ лѣвой держащая сердцевидную или тому подобную фигуру. Лицо и остальныя обнаженныя части тѣла сплошь покрыты золотомъ. О нимбахъ, окружающихъ какъ это, такъ и другія изображенія, я упомянулъ уже выше. Сбоку какія-то тангутскія письмена, съ монгольскимъ переводомъ. См. на томъ-же рис. fig. 4.

Возлѣ восточныхъ стѣнныхъ воротъ построено другое зданіе, въ которомъ, кажется, жили жрецы. Оно состоитъ изъ 1 большой комнаты и нѣсколькихъ отдѣльныхъ помѣщеній по бокамъ (см. рисунокъ на стр. 66)... Стѣны здѣсь, какъ и въ прочихъ зданіяхъ, кирпичныя, безъ всякихъ украшеній живописныхъ, покрытыя бѣловатымъ глинистымъ составомъ. Вотъ все что отъ него уцѣлѣло. Деревянная перекрышка, нѣкогда существовавшая, какъ говорятъ, надъ кирпичною кладкою, уже много лѣтъ тому назадъ обрушилась. Въ окнахъ не сохранилось слѣдовъ ни стекла, ни слюды,



можетъ быть, потому, что по бухарскому и китайскому обычаю, они были покрыты бумагой или перепонкой. Говорятъ, что сдѣланные изъ китайскаго шелка ковры, которыми они были украшены въ этомъ и въ предыдущемъ зданіи, сильно пострадавъ уже отъ времени, увезены первыми находчиками. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что эти три, описанныя нами, зданія такъ построены, что дверями обращены на югъ. Такого расположенія дверей Калмыки и Монголы, по унаслѣдованному отъ предковъ обычаю, строго придерживаются при постройкѣ не только священныхъ, но и остальныхъ своихъ зданій, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Рубруквисъ (Cap. II). Въ Семи Палатахъ оно однакоже не соблюдено.

Наконецъ уцѣлѣли еще развалины какого-то меньшаго зданія на З. отъ двухъ первыхъ. Стѣны его едва выше полуроста человѣческаго; по срединѣ видны слѣды очага, заставляющіе думать, что это была кухня, но такъ какъ оно построено ближе къ капищу, чѣмъ къ жилымъ зданіямъ, то, вѣроятно, имѣло еще другое назначеніе, служивъ, можетъ быть, для добыванія огня на куренія, совершавшіяся въ честь идоловъ. Остальное пространство внутри стѣнъ ничѣмъ не застроено и на немъ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ зданій, которыя нѣкогда могли тамъ быть. Проводя однакоже стѣны такого объема, князь Аблай, можетъ быть, имѣлъ въ виду устройство безопаснаго мѣста, гдѣ бы ему, въ случаѣ войны, можно было устроить лагерь и укрыться отъ внезапнаго вторженія непріятелей. У Аблая былъ старшій братъ Учурту Тайша, который первый изъ Калмыковъ въ 1672 году присвоилъ себѣ почести ханскія. Для жрецовъ своихъ онъ также построилъ капище, которое лежитъ на 5 дней пути къ З. отъ Аблайкита и еще въ наше время извѣстно подъ именемъ *Учурту-ханъ-китъ*. Оно было разрушено главою дзюнгарскаго племени Галданомъ, за котораго Учурту-ханъ выдалъ дочь свою замужъ и который впослѣдствіи, свергнувъ тестя съ престола въ 1676 году, назвался Бушухту-ханомъ. Желая искупить нанесенное богамъ оскорбленіе, или передать потомству память о самомъ себѣ, онъ на разстояніи 6 дней пути отъ Аблайкита, на ЮЗ., близь озера Зайсана, построилъ другое капище, названное *Бушухту-ханъ-китъ*. Во время продолжительной и тяжкой войны, которую онъ велъ съ Монголами, казаки, вторгнувшись въ его владѣнія, въ 1689 году разорили, говорятъ, это капище. Хотя всѣ эти мѣста близки отъ Сибири, но врядъ-ли кто изъ жителей ея видѣлъ ихъ. По крайней мѣрѣ я не нашелъ никого, кто бы могъ сообщить мнѣ о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. То, что я узналъ, мнѣ разсказали Калмыки» [1]).

Стр. 85. На Колыванскихъ заводахъ я воспользовался случаемъ купить нѣсколько древностей, нѣкогда добытыхъ изъ могилъ. Я тщательно описалъ ихъ съ тѣмъ чтобы включить ихъ въ мои замѣтки. Первыя 4 фигуры сдѣланы изъ бронзы и, повидимому, служили идолами; 5-я и 6-я фигуры такого-же рода идолы, но золотые; 7-я, 8-я, 9-я и 10-я — разныя серьги, также золотыя; 11-я золотой брактеатъ, а 12-й предметъ — серебряная монета съ украшеніями съ обѣихъ сторонъ.

Стр. 92—94. Спутникъ мой Гмелинъ, при своей поѣздкѣ водою, воспользовался случаемъ посѣтить скалу, извѣстную по множеству изображенныхъ на ней животныхъ (впрочемъ съ одной части ея рисунокъ изданъ уже, но не совсѣмъ точно, Страленбергомъ) и распорядился снятіемъ съ нея и съ прилегающей къ ней мѣстности на одномъ листѣ. Кромѣ того онъ сообщилъ мнѣ то, что̀, по его мнѣнію, болѣе всего заслуживало вниманія относительно скалы и изображеній; свѣдѣнія эти заключаются въ слѣдующемъ.

Скала, которая по изсѣченнымъ на ней фигурамъ, названа Писаннымъ Камнемъ, лежитъ на восточномъ берегу р. Томи, въ 16 верстахъ ниже Верхотомскаго острога; по близости выше ея, въ Томь впадаетъ рѣчка, при устьѣ которой находится необитаемая Русскими деревушка. Оба, т. е. рѣчка и селеніе, называются Писанными. Рѣка Томь, которая большею частью своею течетъ на С., по странѣ, лежащей между С. и З., здѣсь почти поворачиваетъ на З. Скала, на которой изображены фигуры, вышиной около 10 сажень, обращена лицомъ къ рѣкѣ; она состоитъ изъ плитняка тальковой породы, внутри зеленоватой, снаружи грязноватой, кое-гдѣ пересѣкаемой жилами другого болѣе мягкаго, пластующагося камня, состоящаго изъ талька и кварца. Самая нижняя часть скалы, покрытая изображеніями, возвышается надъ поверхностью рѣки сажени на двѣ и имѣетъ внизу

---

1) Свѣдѣнія, которыя Гмелинъ (Reise I, 232—237) сообщаетъ объ Аблайкитскихъ развалинахъ, не содержатъ ничего такого, что бы не заключалось уже въ замѣткахъ Миллера. См. также Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 355—357, и К. Риттера: Землевѣд. Азіи, III, стр. 127—138. (Ред.).

соприкасающійся съ водою рѣки выступъ, на который взобраться довольно трудно, и съ котораго прекрасно видна главная часть фигуръ. Фигуры тамъ поднимаются какъ-бы на одной доскѣ вверхъ, сажени на 3, среднее же пространство занимаетъ одна изъ вышеупомянутыхъ жилокъ, идущихъ горизонтально. Вблизи на право, на такомъ-же разстояніи отъ поверхности рѣки, видно другое поле съ фигурами, имѣющее лишь $1/3$ вышины перваго поля и простирающееся съ первымъ на 7 саж. въ ширину. Оттуда черезъ щели между тою и другою переднею частью писанной скалы очень трудный проходъ къ болѣе отдаленному углу верхней части, который совершенно такимъ-же образомъ, какъ переднія стѣны, украшенъ фигурами и также обращенъ къ Ю. Фигуры изсѣчены какимъ-то рѣзцомъ такъ, что внутренній зеленоватый цвѣтъ камня довольно ясно обрисовываетъ очертанія ихъ. Бо́льшая часть изображаетъ оленей, сернъ (capreolos), лосей (alces), коней и другихъ животныхъ этихъ странъ, нѣкоторыя также фигуры человѣческія, но всѣ онѣ выражены только наружными очертаніями и довольно грубо. Болѣе другихъ замѣчательны на правой нижней части фигура человѣка, голова котораго окружена лучами; на верхней передней части два человѣка, держащіе другъ друга за руки; въ болѣе отдаленномъ углу — человѣкъ со стадомъ животныхъ, привязанныхъ одно къ другому веревкою; въ одномъ мѣстѣ — рыба, какой мнѣ нигдѣ болѣе не удавалось видѣть. Въ нижней части многія фигуры, вслѣдствіе чьей-то шалости, сильно обезображены; нерѣдко къ старымъ фигурамъ прибавлены новыя. Въ верхней же части и упомянутомъ дальнемъ углу, куда никто проникнуть не могъ или по трудности пути лишь немногіе рѣшались пробраться, все уцѣлѣло и не осквернено. Рисовальщикъ старался воспроизвести только древнія очертанія, которыя легко отличить отъ новѣйшихъ [1]).

---

1) Самъ Гмелинъ (Reise I, 303—306) сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Послѣ обѣда (2 окт. 1734 г.) въ 2 часа я снова отправился въ путь (изъ Сосновскаго острога) и вечеромъ въ 6 часовъ прибылъ къ «Писанному камню». Онъ лежитъ на правомъ берегу (Томи), у самой рѣки, и получилъ свое названіе отъ нѣкоторыхъ, вырѣзанныхъ на немъ фигуръ. Я приказалъ принести изъ лежащей на этой горѣ, по близости, деревни большія лучины и, зажегши ихъ, сталъ карабкаться на скалу. Но увидѣвъ, что на ней вырѣзано очень много, чего въ ночной темнотѣ нельзя было ясно разобрать, я пропочевалъ тамъ до слѣдующаго утра. Съ разсвѣтомъ я опять отправился на то мѣсто, гдѣ находились изображенія. Скала, на которой они вырѣзаны, состоитъ изъ зеленаго известковатаго шифера, который къ З., примѣрно подъ 60-мъ градусомъ, спускается въ глубину и мѣстами пересѣкается поперекъ еще болѣе известковатымъ шиферомъ, смѣшаннымъ съ кварцомъ. Вышина скалы, по моему разсчету, не болѣе 10 саж. Мѣсто, на которомъ находятся изображенія, нѣсколько выдается впередъ и обращено прямо на Ю. Пространство отъ этого мѣста до подошвы скалы, доходящей до самой воды, имѣетъ приблизительно 2 саж. вышины. Дорога къ фигурамъ довольно затруднительна, и чтобы добраться до нихъ, нужно взбираться по нѣкоторымъ выступамъ, находящимся тамъ въ скалѣ. Передъ самими фигурами, скала снизу выдается на добрую полусажень, такъ что тамъ можно спокойно стоять и удобно разсматривать фигуры. Та часть скалы, на которой больше всего разныхъ фигуръ, въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество. На ней, какъ и на остальныхъ частяхъ, вырѣзаны острымъ орудіемъ очертанія разныхъ мѣстныхъ животныхъ, какъ-то оленей, козуль, лошадей и лосей, да нѣсколькихъ человѣческихъ фигуръ и рыбы. Видавшій китайскіе рисунки можетъ составить себѣ лучшее понятіе объ этихъ изображеніяхъ. Стѣну, о которой я здѣсь говорю, вышеупомянутый, смѣшанный съ бѣлымъ кварцемъ, шиферъ, раздѣляетъ, благодаря уже самой природѣ, на двѣ части, верхнюю и нижнюю, и не трудно замѣтить, что каменотесы или тѣ, которые нѣкогда распоряжались работою, соображались съ этимъ обстоятельствомъ, потому что изображенія на верхней стѣнѣ — которыя, вслѣдствіе того, что до нихъ нельзя добраться иначе, какъ устроивши предварительно лѣса, или спустившись сверху на канатахъ, сохранились очень хорошо — совершенно отличаются отъ изображеній на нижней стѣнѣ. Обѣ стѣны вмѣстѣ вышиною въ 3 сажени. На лѣво отъ этой стѣны находится другое мѣсто, которое гораздо меньше выдается впередъ и на $2/3$ ниже предыдущаго; на немъ точно такія-же фигуры. Пространство отъ крайняго конца этой стѣны до крайняго конца вышеупомянутой стѣны составляетъ 7 саж. Между этими двумя стѣнами, какъ-бы въ углу скалы, но въ томъ-же самомъ направленіи, на вышинѣ 2-хъ саж., находится еще третья стѣна, до которой нельзя добраться иначе, какъ черезъ щель, образовавшуюся между слоями шифера; благодаря трудности доступа къ ней, она до сихъ поръ была посѣщаема лишь немногими и, вслѣдствіе этого, также сохранилась весьма хорошо. На ней изображены привязанныя другъ къ другу животныя, сопровождаемыя человѣкомъ. Въ настоящее время при разсмотрѣніи такихъ остатковъ старины большую выгоду представляетъ то обстоятельство, что шиферъ, на которомъ вырѣзаны изображенія, снаружи на видъ желтоватъ, а внутри темнозеленаго цвѣта. Это даетъ возможность еще хорошо видѣть очертанія фигуръ, такъ какъ они другого цвѣта, чѣмъ остальная часть шифера. Къ сожалѣнію, многіе неблагонамѣренные люди мѣстами расцарапали фигуры и отъ себя прибавили другія новыя изображенія, которыя, однакоже,

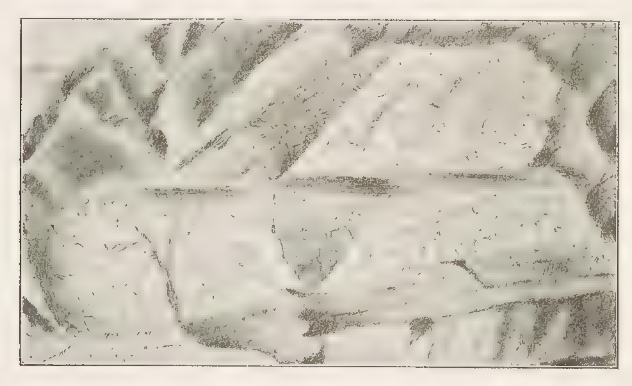
Стр. 912—914. Другая, украшенная фигурами скала, извѣстная подъ именемъ «Писаннаго камня», лежитъ верстахъ въ 8 ниже устья р. Бирюсы и въ 40 верст. выше г. Красноярска, на восточномъ берегу Енисея. Нижняя часть ея, прикасающаяся къ рѣкѣ, вышиною до верхушки въ 5 саж., шириною около 10 саж. Низъ скалы выдается больше, чѣмъ остальная ея часть; эта выдающаяся часть вышиною въ сажень и устроена такъ, какъ обыкновенно бываютъ скалы отъ природы. Остальная часть на 3 саж. возвышается перпендикулярно надъ горизонтомъ; издали кажется, что она покрыта повсюду бѣлою краскою, гладка и что плоскость эта почти параллельна рѣкѣ. На верхней части плоскости видны начертанныя красною краскою фигуры, изъ которыхъ двѣ обращаютъ на себя вниманіе проходящихъ тѣмъ, что еще сохранили первоначальную красоту свою. Одна изъ нихъ, занимающая самое возвышенное мѣсто, изображаетъ человѣка, верхомъ на конѣ, а другая—двухъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый держитъ одну руку на груди. Остальныя фигуры издали не ясно видны и, смотря по воображенію глядящихъ на нихъ, одному кажутся крестами, другому идолами и пр. Желая подробнѣе осмотрѣть все, я приказалъ принести лѣстницы и, близко разглядѣвъ фигуры, довольно ясно увидѣлъ, что и остальныя фигуры, нѣсколько пострадавшія отъ времени, изображаютъ почти тоже самое, что показываютъ фигуры, которыя издали ясно видны. Увидѣлъ я также, что не вся верхняя скала, а только та часть, которая покрыта изображеніями и простирается въ вышину на 1 саж., а въ ширину на $2^1/_2$ локтя, отличается бѣлымъ цвѣтомъ, остальная же скала кое-гдѣ украшена лишь бѣлыми жилками или пятнами и похожа на искусственной мраморъ. Я распо-

---

при внимательномъ разсмотрѣніи, легко отличить отъ старыхъ. Я приказалъ срисовать только тѣ фигуры, которыя несомнѣнно вырѣзаны древними, остальное же, въ избѣжаніе путаницы, пропускать. Въ такихъ мѣстахъ, въ которыя всякій можетъ пробраться безъ особеннаго труда, очертанія фигуръ на рисункѣ часто отчетливѣе, чѣмъ они являются въ подлинникѣ, но я допустилъ это только тамъ, гдѣ былъ увѣренъ въ этихъ очертаніяхъ. Напротивъ, на рисункѣ окажутся нѣкоторыя неясныя мѣста, потому что и на оригиналѣ я никакъ не могъ розыскать что-нибудь толковое».

Въ примѣчаніи Гмелинъ добавляетъ, что онъ рисунокъ «передалъ проф. Миллеру, которому поручено было собираніе историческихъ матеріаловъ и который, вѣроятно, въ свое время издастъ его».

Довольно плохой рисунокъ этотъ, снятый художникомъ Беркганомъ, сохранился въ Миллеровскихъ бумагахъ, хранящихся въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Прилагаемый здѣсь цинкографич. снимокъ съ него

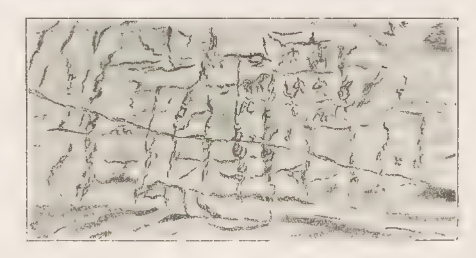


воспроизводитъ только ту часть скалы, на которой находятся изображенія. См. еще Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 362; соч. Страленберга: Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, стр. 337—340 (перевед. во 2-мъ выпускѣ Сибир. древн., изд. Импер. Археол. Комм. въ 1891 году, стр. 30 и 35—36) и помѣщенную въ Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1857 г. (Кн. XII, стр. 111—181) статью Гр. Спасскаго: О достопримѣчат. памятн. Сибирскихъ древностей, стр. 143—144, табл. III, и стр. 177 (Ред.).

рядился изготовленіемъ точнѣйшаго рисунка какъ всей скалы, такъ и всѣхъ находящихся на ней фигуръ и жилокъ, и потомъ оба рисунка соединилъ на одномъ листѣ съ тѣмъ, чтобы все появилось въ естественномъ своемъ видѣ [1]). Не прилагаю объясненія фигуръ, такъ какъ рисунокъ можетъ замѣнить описаніе, а замѣчу только, что бѣлая краска, покрывающая гладкую часть скалы, легко стирается, что гипсъ, которымъ скала слегка обмазана, служитъ фономъ изображенныхъ на ней фигуръ, цвѣтъ фигуръ совершенно похожъ на жженную охру, но что ни онъ, ни бѣлая окраска всей стѣны не есть натуральный цвѣтъ камня этой скалы. Вся скала состоитъ изъ снаружи грязноватаго, внутри свѣтло-краснаго камня, сильно испещреннаго черными точками и мелкими бѣлыми частичками, такъ что въ камнѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы придать фигурамъ темно-красный, а остальной стѣнѣ бѣлый цвѣтъ. Вотъ все что мнѣ сообщилъ Гмелинъ [2]).

Эта-же замѣтка Гмелина и вышеприведенное извѣстіе его о «писанномъ камнѣ» на берегу Томи (см. стр. 67) почти буквально повторены Миллеромъ въ рукописной (на латинскомъ языкѣ) статьѣ De rupibus pictis hinc inde per Sibiriam exstantibus, которая заключается въ хранящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ связкѣ Миллеровскихъ рукописей, подъ № 347 (тетрадь 9-я). Въ этой статьѣ Миллеръ сначала подробно обсуждаетъ свѣдѣнія, которыя Витзенъ (Noord en Oost Tartarye, изд. 2-е, стр. 759 и слѣд.) и Страленбергъ (Das Nord- und Ostl. Theil v. Europa u. Asia, p. 364; см. 2-й вып. Сибир. древн., стр. 35) сообщаютъ о писаницахъ на берегу р. Ирбити, близь Верхотурья, на берегу Пыжмы и на горѣ Итикъ, а за тѣмъ, по случаю двухъ вышеприведенныхъ замѣтокъ Гмелина о писанныхъ камняхъ на бер. Томи и Енисея, говоритъ отъ себя слѣдующее:

«Къ описаніямъ Гмелина я прибавлю два замѣчанія, изъ которыхъ одно касается самихъ фигуръ, а другое — способа, какъ онѣ нарисованы или изсѣчены на скалахъ. Изъ вышесказаннаго и изъ приложенныхъ рисунковъ видно, что тутъ нѣтъ ничего такого, чего бы нельзя было понять безъ всякаго символическаго толкованія, и такъ какъ всѣ фигуры почти одинаковаго характера, да однѣ и тѣже часто повторяются безъ всякой примѣси другихъ элементовъ, то это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь особомъ родѣ письменъ; такимъ образомъ и подозрѣніе Страленберга относительно ирбитскихъ надписей также не подтверждается... Высказывая свое предположеніе о томъ, какимъ способомъ фигуры начертаны или изсѣчены на скалахъ, онъ (Страленбергъ) перечисляетъ затрудненія, которымъ подвергались рабочіе, выполнявшіе это дѣло, и приходитъ къ тому заключенію, что они либо спускались либо взбирались вверхъ посредствомъ вколоченныхъ въ скалу клиньевъ (см. выше стр. 32). Сильное, право, беретъ меня сомнѣніе, чтобы на такое немудреное дѣло было употреблено столько труда. Какой здравомыслящій человѣкъ сталъ бы такъ дѣйствовать, когда не было

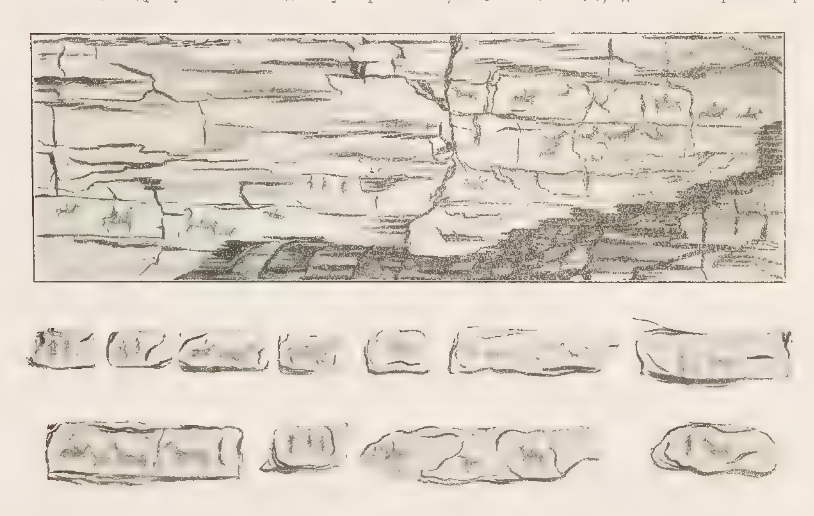


1) Рисунокъ этотъ, исполненный Люрсеніусомъ, хранится въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Прилагаемая цинкографія воспроизводитъ только часть его, а именно ту половину скалы, на которой видны изображенія (Ред.).

2) Въ описаніи своего путешествія Гмелинъ (Reise I, 378—379) сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Около полудня (5 февр. 1735 г.) мы доѣхали до Писаннаго камня, небольшой скалы на правомъ берегу Енисея, возвышающейся надъ рѣкою не болѣе 7 саж. Хотя изображенія на ней довольно видны были и съ рѣки, но я приказалъ принести туда лѣстницу, доходившую до крайняго конца изображеній, желая разглядѣть все на столько ясно, чтобы не ошибиться относительно настоящаго ихъ состоянія. Въ томъ мѣстѣ, на которомъ помѣщены фигуры, скала какъ-будто обтесана, и смотрящій на нее легко можетъ замѣтить, что отъ природы ни одна скала не имѣетъ такого вида. На этомъ обтесанномъ мѣстѣ видны нѣсколько красныхъ фигуръ, вся же скала, на которой изображены фигуры, какъ бы окрашена гипсомъ, такъ что красныя фигуры находятся на бѣломъ полѣ. Но этотъ бѣлый фонъ большею частью отвалился и только мѣстами отъ него уцѣлѣло нѣсколько пятенъ и жилокъ. Красныя фигуры также намалеваны на такой бѣлой загрунтовкѣ и гдѣ эта красная краска не жженная охра, тамъ она все-же очень похожа на нее. Фигуры изображаютъ людей и животныхъ. Лучше всего сохранилась одна фигура, изображающая всадника на конѣ. Полагаю, что прежде на этой скалѣ было больше фигуръ, но что онѣ въ теченіи времени обвалились вмѣстѣ съ бѣлой загрунтовкой. Да и остальныя фигуры мѣстами довольно изуродованы. Рисовка фигуръ такая-же, какъ на писанномъ камнѣ между Кузнецкомъ и Томскомъ и какъ ее нѣкогда мужикъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать. Стѣна же, на которой нарисованы фигуры, обращена съ З. на С., и идетъ почти по направленію рѣки».

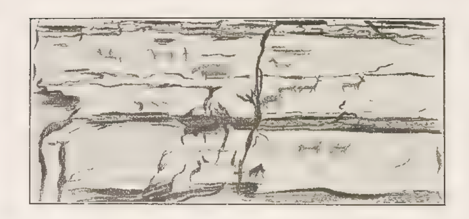
на то никакой надобности и тоже самое можно было сдѣлать гораздо легче. Къ ирбитской скалѣ, если бы захотѣлъ, я могъ бы пробраться безъ затрудненія, а что скала на р. Томи была устроена точно такъ-же, это ясно видно какъ изъ Гмелинова описанія, такъ и изъ приложеннаго рисунка. Только о енисейской скалѣ не видно, могли-ли рабочіе добраться до верхней ея части безъ помощи лѣстницъ. Самъ Гмелинъ и рисовальщикъ, снимая рисунокъ со скалы, пользовались лѣстницею. Но лѣстницу легко сдѣлать и приставить, хотя бы и зимою, такъ какъ снѣгъ, котораго тамъ, впрочемъ, обыкновенно бываетъ не очень много, нисколько этому не мѣшаетъ. Вотъ почему мы снисходительно отнесемся и къ Страленберговымъ Мекритамъ, при помощи которыхъ означенный трудъ никакъ не могъ быть исполненъ. Подобная-же скала находится на *Тунгузкѣ*, которая въ верхней своей части называется *Ангарой*... Она лежитъ на правомъ берегу ея, въ 13 верстахъ ниже устья р. Чадобца (Tschadobes) и въ 17 верстахъ ниже устья р. Муры. Но ни по числу, ни по разнообразію фигуръ, она далеко не можетъ быть приравнена къ вышеописаннымъ скаламъ. Когда я, проѣзжая мимо нея, разсматривалъ ее, то могъ замѣтить на ней только фигуру всадника, почему и не счелъ нужнымъ снять съ нея рисунокъ.

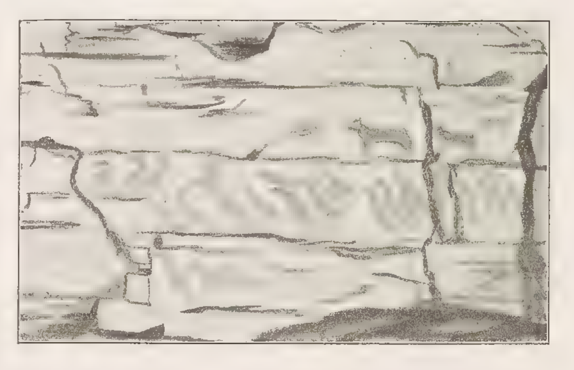
Наконецъ есть нѣсколько украшенныхъ фигурами скалъ на правомъ или восточномъ берегу р. Лены, между г. Верхоленскомъ и дер. Качегой [1]) (въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности одна, называемая «писаннымъ камнемъ», верстахъ въ 36 ниже Верхоленска). На нихъ видны разныя изображенія людей и животныхъ, вырѣзанныя на красноватомъ песчаномъ камнѣ. Со всѣхъ этихъ изображеній, пока они мнѣ были извѣстны только по слуху и пока я самъ еще не добрался до нихъ, я приказалъ снять рисунки, но когда мнѣ удалось увидѣть ихъ собственными глазами, мнѣ стало жаль потраченнаго на рисовку труда, да и теперь не считаю нужнымъ издавать ихъ. Въ видѣ образца, однакоже, и слѣдуя принятому порядку, прилагаю нѣсколько рисунковъ [2]), по которымъ любители такихъ вещей разсудятъ, могутъ-ли онѣ принести имъ какую-нибудь пользу. Это родина Бурятъ, у которыхъ также существуетъ подмѣченный мною у Вогуловъ обычай почитать священныя скалы: каждая скала этого рода называется ими *Aiechu-tscholò*, т. е. «*заставляющая вздрогнуть скала*» (extremiscenda rupes), и пользуется такимъ благоговѣніемъ, что обвиненныя въ преступленіи лица, желающія доказать свою невинность, прибѣгаютъ къ подобной скалѣ и обхватываютъ ее обѣими руками, будучи твердо убѣждены въ томъ, что если ложно поклянутся, то непремѣнно умрутъ. Такая «заставляющая вздрогнуть скала» находится у озера Байкала, къ З. отъ того мѣста, гдѣ вытекаетъ рѣка Ангара.



1) Не Качуга-ли, нынѣшнее село Качугское? (Ред.).

2) Рисунковъ этихъ въ рукописи не оказалось, но между рисунками Люрсеніуса, хранящимися въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, намъ удалось найти 4 листка (подъ №№ 145, 146, 148 и 149) снимковъ съ нѣсколькихъ «*писаницъ*» находящихся по берегамъ Лены, между Верхоленскомъ и дер. Качегой (вѣроятно Качугою). Съ этихъ листковъ и воспроизведены помѣщенные здѣсь цинкографическіе снимки (Ред.).





Изъ другихъ скалъ этого рода находятся одна въ верховьяхъ рѣки Иркута, другая на восточномъ берегу р. Лены, въ 14 верстахъ выше Верхоленска, третья на томъ-же берегу, въ 16 верстахъ ниже *Писанной скалы*. По внѣшнему виду онѣ обѣщаютъ нѣчто особенное, и на несвѣдущій народъ легко могли производить такое впечатлѣніе, что предпочитались простымъ скаламъ, потому что высоки и обрывисты, мѣстами расчленены или какъ-бы раздѣлены на колонны. Но ни на одной нѣтъ фигуръ, и ни одна изъ нихъ не *«писанный камень»*, который Бурятамъ замѣнялъ бы *«заставляющую вздрогнуть скалу»*.

Указаніе дальнѣйшихъ мѣстъ, въ которыхъ, судя по разсказамъ другихъ, находятся подобныя-же писанныя на скалахъ изображенія, строгіе критики могли бы вмѣнить мнѣ въ вину и въ случаѣ если бы я сообщилъ ложныя свѣдѣнія, имѣли бы право замѣтить мнѣ, что я впадаю въ туже ошибку, въ которую впалъ Страленбергъ. Не хочу однакоже умолчать, что по словамъ одного, заслуживающаго довѣрія, человѣка, въ горахъ рѣкъ Темника и Джиды, впадающихъ съ З. въ Селенгу, на крутыхъ и обнаженныхъ скалахъ, кое-гдѣ замѣтны фигуры животныхъ и другія изображенія, встрѣчающіяся на «писанныхъ» скалахъ. Узналъ я это только тогда, когда уже успѣлъ совершить предначертанный путь по всѣмъ Забайкальскимъ мѣстностямъ. Такимъ образомъ мнѣ не только самому не удалось видѣть тѣ мѣста, но и нельзя было отправить туда кого-нибудь изъ нашихъ спутниковъ. Я счелъ однакоже нужнымъ указать эти мѣста съ тѣмъ, чтобы они могли подать поводъ къ будущему, можетъ быть, отысканію ихъ другими.

Всѣмъ мною сказаннымъ опровергается мнѣніе Страленберга (см. выше стр. 38), приписывающаго начертаніе большей части изображеній на скалахъ военачальникамъ *Тимурбека* или самому *Тимуру* на томъ основаніи, что Petis de la Croix (Hist. de Timurbec, T. II, p. 69) со словъ Шерефеддина говоритъ: «Les Emirs... traverserent la rivière pour graver leurs armes et leurs chiffres rougis au feu sur les pins de ces bois, ce qu'ils ne firent qu'afin que l'on vit dans le temps à venir des marques de la venue de l'Armée de Timur», а въ другомъ мѣстѣ (ibid. p. 81): «Timur... ordonna aux soldats d'y porter des pierres, et en un moment il y fit élever un Obelisque... et les Sculpteurs habiles y graverent la date de l'an et du jour que Timur y passoit à la tète de son Armée». Если бы мы даже согласились, что Шерефеддинъ, а за нимъ и Пети де ла Круа ошиблись, не зная настоящаго вида памятниковъ, воздвигнутыхъ Тимуромъ или его военачальниками, то все-таки никакъ нельзя бы было понять, какимъ это образомъ на памятникахъ, сооруженныхъ по повелѣнію государя или военною силою, нѣтъ никакихъ воинскихъ данныхъ. Ожидаешь изображеній людей въ военномъ вооруженіи, а встрѣчаешь главнымъ образомъ безоружныхъ, предающихся болѣе охотѣ, чѣмъ войнѣ. Памятникамъ, сооруженнымъ солдатами, болѣе къ лицу битвы и скопища воиновъ, чѣмъ мирныя занятія и стада животныхъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что нигдѣ о Тимурѣ не говорится, чтобы онъ предпринималъ походъ въ Сибирь, да и въ предѣлахъ Сибири нѣтъ ничего такого, что могло бы быть приписано Тимуру. Полагаю, что такіе памятники, если они дѣйствительно существуютъ, слѣдуетъ искать въ степяхъ на З. отъ Иртыша, около источниковъ Тоболя и далѣе на рѣкахъ Iemum (не Эмба-ли? Ред.) и Яикѣ, или въ степяхъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, т. е. такихъ странахъ, которыя нѣкогда принадлежали къ кипчацкому царству и вслѣдствіе опасностей, грозящихъ со стороны разбойничьихъ казаковъ, еще не достаточно изслѣдованы.

Но, опровергая мнѣнія и предположенія другихъ, считаю справедливымъ попытаться высказать свой собственный взглядъ на происхожденіе «писанныхъ камней»... По всей Сибири, въ мѣстностяхъ, весьма далеко отстоящихъ одна отъ другой, встрѣчаются почти такого-же рода памятники. Слѣдуетъ-ли, однакоже, изъ этого вывести заключеніе, что всѣ происхожденіемъ своимъ обязаны одному и тому-же народу? Гдѣ мы отыщемъ такой многочисленный народъ, владѣвшій всею Сибирью и повсюду по ней проходившій? Пришлось бы остановиться на Монголахъ и Татарахъ, которые въ началѣ XIII вѣка христ. лѣтосчисленія, возвысились при Чингисханѣ и, до перенесенія Кублаемъ столицы въ Китай, владѣли всею южною Сибирью. Но они уже имѣли свои письмена и были знакомы съ разными искусствами, такъ что трудно понять, почему они тутъ вздумали прибѣгнуть къ столь грубому изображенію фигуръ. Не отрицаю, что настоящія надписи (о нихъ будетъ сказано ниже), встрѣчающіяся въ степяхъ южной Сибири, должны быть приписаны этому народу, но онѣ-то, вслѣдствіе крайняго несходства ихъ съ другими памятниками древности, и убѣждаютъ меня, что изображенія на «писанныхъ камняхъ» обязаны своимъ происхожденіемъ инымъ народамъ. Если ихъ приписать грубому народу, преданному охотѣ, то, право, не знаю, почему ихъ пріурочивать къ столь отдаленному времени. Въ самихъ произведеніяхъ нѣтъ никакого признака древности и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первымъ обладателямъ этого края, а не нынѣшнимъ обитателямъ ея.

Вспомнивъ разсказъ Витзена о томъ, что «Вогулы и другіе язычники въ окрестностяхъ Ирбитской скалы приносили богамъ жертвы», я основываю на немъ слѣдующее предположеніе, правдоподобіе котораго предоставляю оспаривать другимъ. Языческая религія нѣкогда во всей Сибири была одна и таже. Грубый и невѣжественный народъ обыкновенно почитаетъ волшебниковъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависитъ всяческое счастіе и несчастіе. Ихъ указаніямъ слѣдуютъ вожди народа, предпринимая какое-нибудь важное дѣло; больные совѣтуются съ ними при болѣе серьезныхъ болѣзняхъ своихъ и при содѣйствіи волшебниковъ приносятъ подземнымъ богамъ жертвы за здравіе свое. Прегрѣшенія народа, по мнѣнію ихъ, могутъ быть искуплены, если священнослужители будутъ содѣйствовать этому своею службою или, скорѣе, своимъ искусствомъ. Когда предстоитъ подобность въ предсказаніи будущаго, къ кому всего удобнѣе обратиться, какъ не къ тому, который находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ надземными и подземными богами? Чтобы снискать себѣ больше уваженія, или подкрѣпить свои предсказанія, кудесники нерѣдко творятъ чудеса; такими, конечно, послѣднія кажутся невѣжественному народу, для меня же, который часто присутствовалъ при этомъ, они являлись пошлыми и жалкими и никакъ не могутъ быть приравнены даже къ штукамъ, ежедневно продѣлываемымъ нашими странствующими фокусниками. Этихъ священнослужителей своихъ Татары называютъ *камъ*, Тунгузы *шаманъ*, Монголы и Буряты *бэ*, а другіе народы еще иначе. Русскіе усвоили себѣ тунгузское названіе; вслѣдствіе этого нѣкоторые писатели стали думать, что людей такого рода Остяки, Самоѣды и др. также называютъ *шаманами*, и сравниваютъ послѣднихъ съ *саманеянами* Индіи, которыхъ, говорятъ, изгнали и истребили *брамины*.

Нужно сознаться, что между сибирскими *шаманами*, отличающимися полнѣйшимъ невѣжествомъ въ дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ, и индійскими *саманеянами*, славившимися своими знаніями и любовью къ искусству, слишкомъ большая разница. Но это не мѣшаетъ намъ не только допустить догадку знаменитаго мужа, но даже, какъ она того вполнѣ заслуживаетъ, постараться развить ее. Изгнанные изъ своихъ прежнихъ обиталищъ, разсѣянные по странамъ монгольскимъ, и загнанные въ самую Сибирь, *саманеяне* мало по малу, можно думать, уклонились отъ мудрости предковъ своихъ, такъ что у потомковъ и учениковъ ихъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ ея. Впрочемъ, между тѣми и другими есть нѣкоторое сходство въ томъ отношеніи, что *саманеяне* не воздавали никакой почести высшему божеству, творцу вселенной, а *шаманы* также рѣдко приносятъ жертвы верховнымъ божествамъ и болѣе взываютъ о помощи къ низшимъ богамъ, стараясь умилостивить ихъ жертвоприношеніями, чтобы они не вредили имъ и народу ихъ. Если религія браминовъ изъ Индіи разошлась по землямъ тибетскимъ, китайскимъ, монгольскимъ, калмыцкимъ и сибирскимъ, то почему мы не можемъ допустить, что шаманство, которое древнѣе браминства, такимъ-же образомъ проникло въ Сибирь? Оно распространилось до такой степени, что проникло даже къ Лапландцамъ и многимъ народамъ сѣверной Америки. Это могло случиться не иначе, какъ съ теченіемъ времени и съ переходомъ шаманства отъ одного народа къ другому, если мы не захотимъ допустить, что такое превратное ученіе самою природою привито и какъ-бы прирождено всѣмъ этимъ народамъ. Но возвратимся къ нашимъ изображеніямъ и писанымъ камнямъ.

Шефферъ въ своей «Lapponia illustrata» сообщилъ, какъ извѣстно, свѣдѣнія о лапландскихъ волшебныхъ бубнахъ (имъ изданы и рисунки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ), украшенныхъ разными чертами и фигурами, которыя немногимъ отличаются отъ нашихъ. У сибирскихъ народовъ я видѣлъ волшебные бубны точно такого-же рода (срав. Strahlenberg, tab. VI). Если, слѣдовательно, разсказъ Витзена о Вогулахъ, имѣвшихъ обыкновеніе приносить жертвы у ирбитской скалы, вѣренъ, то мы, можетъ быть, не ошибаемся, принимая изображенія на ней и на другихъ подобныхъ скалахъ за *волшебныя*. Но насъ не должно вводить въ обманъ это слово: оно относится къ извѣстному сокровенному значенію фигуръ, а никакъ не къ разуму язычниковъ, потому что это изрѣченіе не можетъ совмѣщаться съ тупостью ихъ духа. Въ бубнахъ нѣтъ ничего волшебнаго, а они употребляются только для волшебныхъ жестикуляцій, и фигуры на нихъ сочинены еще болѣе тупыми людьми и грубѣйшими идолопоклонниками, для обманыванія простого народа, и притомъ не по соображеніямъ искусства, или по тщательномъ обсужденіи, почему лучше было нарисовать такую, а не иную фигуру, но совершенно случайно, какъ что пришло въ голову. Я убѣжденъ, пока мнѣ не представятъ лучшаго довода, что тоже самое должно сказать о писанныхъ камняхъ. Правда, что встрѣчаются

писанные камни и тамъ, гдѣ не происходитъ священнодѣйствія, и что есть священныя скалы безъ изображеній, но, можетъ быть, у самихъ язычниковъ исчезла память о нѣкоторыхъ священныхъ скалахъ, которыя въ древности пользовались почетомъ. Какъ волшебные бубны не всѣ украшены фигурами, такъ и священная скала можетъ быть безъ изображеній. Гдѣ суевѣріе пустило такіе глубокіе корни, тамъ немудрено, что неоднократно отыскиваются новые предметы поклоненія, при которыхъ прежніе забываются и, какъ устарѣвшіе, теряютъ свою цѣну».

Стр. 918—921. О памятникахъ древности татарской, найденныхъ въ могильныхъ холмахъ близь Абаканскаго и Саянскаго остроговъ (De monumentis antiquitatis Tataricae circa Abakanense et Sajanense munimenta in tumulis sepulcralibus repertis). Съѣздивъ въ прошедшемъ году на Иртышъ, я, какъ по свѣдѣніямъ другихъ лицъ, такъ и на основаніи собственныхъ наблюденій, сообщилъ описаніе могильныхъ холмовъ, которые часто встрѣчаются въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ этой рѣкѣ. Путешествуя затѣмъ по рудникамъ колыванскимъ и по степямъ, лежащимъ между Иртышомъ и Обью, я замѣтилъ, что эти мѣста отличаются такимъ-же обиліемъ кургановъ, услышалъ, что въ нихъ находятъ такія-же вещи, какъ на Иртышѣ, и успѣлъ купить нѣсколько предметовъ, описаніе и изображеніе которыхъ помѣстилъ, гдѣ слѣдуетъ. За Обью, въ Кузнецкомъ округѣ, уже почти вовсе не упоминалось объ этихъ предметахъ древности, и хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ курганы въ небольшомъ количествѣ и были вскрыты, но они не дали копавшимъ такихъ сокровищъ, какъ курганы между Обью и Иртышомъ. Причину этому слѣдуетъ приписать слишкомъ большому обилію тамъ лѣсовъ и горъ. Въ такихъ мѣстахъ селятся только низшіе слои людей, не одаренные никакими благами судьбы, тогда какъ высшіе классы народа избираютъ себѣ равнины. Округи Томскій и Енисейскій, по которымъ я потомъ проѣзжалъ, слишкомъ близки къ сѣверу, такъ что народъ тотъ, нелюбившій, кажется, холода, врядъ-ли селился бы тамъ. Въ Красноярскѣ же снова дошли до меня слухи и о множествѣ кургановъ, нѣкогда вскрытыхъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Абаканскому и Саянскому острогамъ, и о привезенныхъ оттуда вещахъ. При дальнѣйшихъ разспросахъ я понялъ изъ разсказовъ разныхъ людей, что здѣсь курганы совершенно другого рода, чѣмъ тѣ, которые находятся на Иртышѣ. Въ здѣшнихъ курганахъ найдено столько золота и серебра, что, по словамъ красноярскаго воеводы, лѣтъ 12 или 15 тому назадъ, когда онъ впервые прибылъ въ Сибирь, золотникъ чистаго золота въ Красноярскѣ и Енисейскѣ продавался по 90 копѣекъ [1]). Мнѣ не привелось увидѣть ничего такого, за исключеніемъ а) серебрянаго круга (находившагося у означеннаго красноярскаго воеводы и служившаго для подачи на столъ кушанья) чеканной работы (ex cellato opere; von getriebener Arbeit) и искусной отдѣлки, украшеннаго изображеніемъ такихъ птицъ, какія у насъ обыкновенно рисуются подъ названіемъ грифовъ, и б) маленькаго серебрянаго позолоченнаго и тонкой чеканки сосуда, въ видѣ погребальной урны, но съ болѣе широкой шейкой. Такія, добытыя нѣкогда копателями и скупщиками вещи, которыя не были удобны для домашняго употребленія, тотчасъ переплавлялись ими въ другія формы. Этимъ причиняется неисправимый ущербъ мѣстной исторіи, которая могла бы надѣяться добыть себѣ изъ нихъ нѣкоторое разъясненіе. Къ счастью, люди не отнеслись столь жестоко къ найденнымъ ими мѣднымъ вещамъ, которыя не отличались такою-же цѣнностью [2]). Вслѣдствіе этого, мнѣ у нѣкоторыхъ красноярскихъ жителей удалось купить нѣсколько

---

1) Обуявшая тогдашнихъ кладоискателей страсть «бугрованія», т. е. добыванія изъ кургановъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, побудила ихъ даже отправляться съ этою цѣлью за предѣлы Сибири «на мѣста или бугры, гдѣ напредь сего имѣлись Зюнгорскія кладбища». Но въ виду того, что при этомъ бугрованіи «браны были въ полонъ люди и лошади, изъ коихъ иныя и до смерти при тѣхъ буграхъ убиваны», въ 1764 году состоялся указъ «дабы никто подъ жестокимъ наказаніемъ въ степь для бугрованія не ѣздилъ». Полн. Собр. Зап. т. XVI, № 12199. См. также Пуцилло: Указатель дѣламъ и рукописямъ относящимся до Сибири, хранящ. въ Москов. Главн. Арх. Мин. Иностр. Д. (Москва, 1879, 8⁰), стр. 86 «Дѣло (5 Янв. 1764 г.) по запросу изъ Сената о Зюнгорскихъ кладбищахъ и не было-ли запрещенія оныя рыть для сысканія кладовъ».

2) Гмелинъ (Reise I, 367—372) сообщаетъ по этому предмету слѣдующее: «Красноярскъ прежде былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ можно было пріобрѣсти изрядное множество древностей, да и теперь еще въ этомъ отношеніи заслуживаетъ предпочтенія передъ другими мѣстностями. Древности же, которыя тамъ имѣются, выкопаны изъ древнихъ могилъ, встрѣчающихся въ немаломъ количествѣ близь Абаканска и Саянска. Въ прежнее время тамъ находили

мѣдныхъ вещей, вырытыхъ нѣкогда въ упомянутыхъ абаканскихъ и саянскихъ мѣстностяхъ. Главнѣйшія изъ этихъ вещей въ натуральной величинѣ изображены на 3-хъ таблицахъ [1]). На первой таблицѣ помѣщены разнаго рода животныя, которымъ, полагаю я, нѣкогда поклонялись какъ идоламъ, напр. серны (rupicaprae) съ бараньими рогами, по монгольски называемыя аргали (я пріобрѣлъ два экземпляра, отлитые изъ желтой мѣди, aurichalcum), стоящія на маленькихъ колокольчикахъ; у красноярскаго воеводы я видѣлъ два другіе экземпляра точно такого-же вида, съ тою только разницею, что подъ ногами они оканчиваются гвоздемъ, втыкавшимся въ деревянную подставку. Остальныя фигуры изображаютъ трехъ оленей, съ чрезвычайно грубо исполненными рогами, двухъ меньшихъ сернъ, стоящихъ на одной подставкѣ, и животное въ родѣ лошади, у котораго однако уже съ самаго начала не было хвоста и почему-то не доставало головы; все это сдѣлано изъ мѣдныхъ пластинокъ. На второй таблицѣ изображены два канделябра, обломокъ какой-то вещицы, на которомъ сидитъ неизвѣстной формы животное, и двѣ части какого-то плоскаго и круглаго украшенія, (у меня нѣсколько экземпляровъ) на одной изъ которыхъ ушко по срединѣ, а на другой съ краю. Наконецъ третья таблица даетъ рисунки разныхъ кинжаловъ, ножей и молотовъ. Замѣчательно, что у народа, предававшаго эти вещи землѣ вмѣстѣ съ тѣлами покойниковъ, мѣдь употреблялась и на такіе предметы, на которые мы употребляемъ только лучшее желѣзо и сталь. Отсюда можно предположить, что здѣсь или находилась въ изобиліи мѣдь, или былъ недостатокъ въ желѣзѣ; въ пользу перваго предположенія говоритъ богатая жила мѣди, недавно открытая въ цѣпи Саянскихъ горъ. Страленбергъ къ своему историко-географическому сочиненію о Россіи и Сибири приложилъ хорографическую карту мѣстности, близь Абаканскаго острога, замѣчательной обиліемъ кургановъ. Мѣстность эта Татарами называется Кöпöнъ Карагай и нѣкогда была очень богата по части добыванія этихъ памятниковъ татарской древности. Однакоже не только къ З., но и къ В. отъ Енисея, почти всѣ равнины, не покрытыя лѣсами, до самаго подножія Саянскихъ горъ, изобилуютъ курганами. Въ объясненіе упомянутой хорографической карты, приложенной къ соч. Страленберга, вкрались нѣкоторыя ошибки въ произношеніи собственныхъ именъ. Такъ рѣки Кокса и Тесь, съ З. впадающія въ Енисей, у него ошибочно названы Koktzaga и Ktiesch (см. выше стр. 34). Русская деревня, лежащая выше Абакана, получила свое названіе отъ рѣки Биры и зовется не Birr, а Bira или Birska (т. е. Бирская). Селенія, которыя онъ называетъ Arintzische Tatar-Iurten, принадлежатъ не Аринамъ, а Яринскимъ Татарамъ. При этомъ случаѣ считаю не лишнимъ исправить замѣчаніе Страленберга относительно сожженія труповъ у этого народа. Какъ я уже замѣтилъ на Иртышѣ, такъ и здѣсь, въ Красноярскомъ округѣ, въ курганахъ человѣческія кости повсюду находятся въ естественномъ положеніи своемъ, головою на З.; это ясно доказываетъ, что трупосожженія здѣсь не существовало.

На стр. 921—939 говорится о тангутскихъ и монгольскихъ рукописяхъ, найденныхъ при р. Енисеѣ. Бóльшая часть этой статьи вошла въ вышеупомянутое печатное изслѣдованіе Миллера: De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis; поэтому ограничиваемся лишь сообщеніемъ въ переводѣ слѣдующихъ извлеченій изъ рукописи:

столько золота, что, по словамъ красноярскихъ жителей, золотникъ золота можно было купить за полтину. Серебро находили также очень часто. Мѣди же находятъ вдоволь еще и по сіе время. По части серебряныхъ сосудовъ я видѣлъ у нынѣшняго воеводы родъ подноса и маленькій горшечекъ; оба были позолочены. На подносѣ видны были фигуры чеканной работы, почти похожія на изображенія птицы грифа. Изъ мѣди встрѣчаются ножи, небольшіе молотки различной отдѣлки, наборы отъ конской сбруи и т. п. Находятъ также нерѣдко вещи, сдѣланныя изъ кокого-то сплава въ родѣ колокольной мѣди (Glockenspeise) и изъ китайскаго поддѣльнаго серебра. Изъ перваго отлиты большею частью степные бараны (Argali), либо на полой подставкѣ, либо на остромъ клинѣ, который можетъ быть воткнутъ въ другую вещь. Тѣ и другіе, вѣроятно, служили идолами у народовъ, къ которымъ они относятся. Изъ поддѣльнаго серебра встрѣчаются разные сосуды, при покупкѣ которыхъ иные были обмануты и замѣтили поддѣлку уже впослѣдствіи. Желѣзныхъ издѣлій пока еще не видѣли ни малѣйшаго слѣда, хотя желѣзной руды въ этихъ мѣстахъ немало».

1) Таблицъ этихъ въ рукописи не оказалось. Ниже мы помѣщаемъ рисунки съ нѣкоторыхъ изъ пріобрѣтенныхъ Миллеромъ въ Красноярскѣ вещей, хранящихся нынѣ въ Императ. Эрмитажѣ. (Ред.).

Лѣтомъ 1717 года[1]) изъ Красноярска дѣти боярскіе Андрей Еремѣевъ и Иванъ Нашивошниковъ, съ толмачемъ и казацкимъ конвоемъ, на лодкахъ отправлены были вверхъ по Енисею для разныхъ географическихъ развѣдокъ и выбора мѣстъ, удобныхъ для постройки крѣпостей и остроговъ. По совершеніи пути своего они, возвратясь въ Красноярскъ, кромѣ переданныхъ ими въ Канцелярію карты географической и письменнаго донесенія обо всемъ замѣчательномъ, видѣнномъ ими на Енисеѣ, привезли съ собою еще нѣсколько листовъ расписанной золотыми и серебряными буквами синей и черной бумаги, которые они, будучи на охотѣ для пріисканія себѣ пищи, нашли въ большомъ количествѣ въ одной славившейся каменными идолами пещерѣ, близь западнаго берега Енисея, въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья рѣки Кемчика.

Нѣсколько лѣтъ раньше, въ 1711 году, казацкій сотникъ Ѳедоръ Кольцовъ, посланный изъ Красноярска къ монгольскому князю Гунбеку, для переговоровъ о нѣсколькихъ бѣглыхъ ясачникахъ, отыскивая ставку его, случайно добрались до Теси (вытекающей изъ озера Саншинъ-Далаи и впадающей въ другое озеро, называемое просто Далай), увидѣлъ на берегу ея нѣсколько разрушенныхъ зданій и, войдя въ нихъ, нашелъ тамъ такое-же множество рукописей, но, сколько я знаю, никакихъ образчиковъ ихъ оттуда привезено не было.

Такая неслыханная новость не могла не удивить всѣхъ, такъ какъ въ то время еще не были открыты ни Семь Палатъ, ни Аблайкитскія развалины. Вотъ почему Мессершмидту, прибывшему въ Красноярскъ въ 1722 году, дѣло это не могло долго остаться неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ поселился у вышеупомянутаго Ив. Нашивошникова. Бо́льшая часть листовъ успѣла пойти мальчикамъ на хлопушки. Замѣтивъ это, Мессе́ршмидтъ упросилъ хозяина уступить ему остальные и безъ особаго труда, съ разрѣшенія тогдашняго красноярскаго воеводы, добылъ ихъ. Но эти переданные Мессершмидту листы были привезены не изъ зданій на р. Теси, а изъ Енисейской пещеры... Засвидѣтельствовано это мнѣ самимъ Ив. Нашивошниковымъ, который еще находится въ живыхъ, и переданнымъ мнѣ письменнымъ удостовѣреніемъ его, что дѣло было именно такъ, какъ я сказалъ.

Случай получить ближайшія свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ зданіяхъ и пещерѣ доставилъ знаменитый графъ Савва Владиславовичъ (Рагузинскій), который, отправясь въ 1726 году въ Китай посломъ, для установленія границъ между русско-сибирскимъ и китайско-монгольскимъ государствами, и желая разузнать все, что заслуживаетъ вниманія въ предѣлахъ монгольскихъ, предписалъ красноярскому воеводѣ послать толковаго человѣка для подробнаго осмотра и описанія пещеры, разузнать у живущихъ по близости людей исторію ея и привезти съ собою идолы и образчики листовъ. Получивъ это предписаніе, воевода немедленно отправилъ казака Якова Терскаго съ нѣсколькими товарищами, которые уже раньше посѣщали верховья Енисея, и приказалъ имъ, подъ видомъ отыскиванія невѣрныхъ бѣглыхъ ясачниковъ, и разспросовъ о томъ, не попались-ли они въ руки Монголовъ или Китайцевъ, разспросить обо всемъ, что посолъ желалъ знать. Пока они совершали свой путь, воевода собралъ описанія Енисейской пещеры и зданій на Теси у тѣхъ лицъ, которыя либо находились при первой поѣздкѣ Андрея Еремѣева и Ивана Нашивошникова, либо по другимъ дѣламъ бывали въ означенныхъ мѣстностяхъ. Описанія эти онъ сообщилъ послу, а по возвращеніи Як. Терскаго съ товарищами изъ означенной поѣздки, отправилъ послу какъ составленное Терскимъ описаніе пещеры, такъ и привезенные имъ образцы рукописей. Со словъ различныхъ людей онъ составилъ еще географическую карту р. Енисея и прилегающихъ земель, въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ послу. Какъ ни грубо исполнена эта карта, но она не безполезна, потому что на ней помѣщены описанія нѣсколькихъ мѣстностей... Пещера, равно какъ и зданія, нѣкогда, безъ сомнѣнія, были посвящены далайламскому служенію. Это видно изъ найденныхъ тамъ тангутскихъ рукописей; судя по другимъ, описаннымъ мною развалинамъ на Иртышѣ, въ зданіяхъ жили жрецы. Впослѣдствіи они (зданія), благодаря суевѣрію народа, были брошены и оставлены безъ употребленія. Калмыцкій купецъ, съ которымъ я часто бесѣдовалъ въ Томскѣ, ска-

1) Ниже (стр. 76) значится 1716-й годъ (Ред.).

залъ мнѣ, что у народа его и у Монголовъ существуетъ слѣдующій обычай: если такія священныя мѣста опустошаются войною или другимъ общественнымъ бѣдствіемъ, заставляющимъ жрецовъ обратиться въ бѣгство, то въ этихъ святыняхъ уже никогда болѣе нельзя ни жить, ни священнодѣйствовать, и рукописи, застигнутыя такою судьбою, остаются на мѣстѣ нетронутыми и предоставляются тлѣнію. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также, почему брошены были рукописи въ развалинахъ Аблайкитскихъ. Не будь такого препятствія, что̀ могло бы помѣшать Калмыкамъ на Иртышѣ и Монголамъ въ Енисейскихъ земляхъ увезти всѣ рукописи?

Для бо́льшаго подтвержденія всего сказаннаго, привожу здѣсь точныя копіи съ упомянутыхъ выше подлинныхъ документовъ изъ архива Красноярской канцеляріи [1]).

I) 1726 году Маія дня въ Красноярской воеводской Канцеляріи конные казаки Дмитрей Івановъ сынъ Шаровъ, Іванъ Григорьевъ сынъ Волченковъ по присяжной должности, подъ опасеніемъ смертныя казни, сказали: въ прошломъ де 716 году посыланы они Дмитрей и Іванъ были съ Красноярскими съ дѣтми боярскими Андреемъ Еремѣевымъ, Іваномъ Нашивошниковымъ да служилыми людьми Іваномъ Волховицкимъ съ товарищи вверхъ по Енисею рѣкѣ лодками для рїсованія чертежу, и по выходѣ Саянскаго камени, на лѣвой сторонѣ Енисея рѣки, близь рѣки Чакулъ здѣлана въ каменной горѣ пещера, у которой съ приходу по обѣ стороны той пещеры выбиты изъ камени въ стѣнѣ по одному болвану мужеска полу, стоящіе при саблехъ, да повыше тѣхъ болвановъ надъ пещерою выбитъ же одинъ болванъ сидящей, въ той же пещерѣ въ заднѣй стѣнѣ выбитыхъ два болвана стоящіе, да повыше тѣхъ болвановъ надними выбитъ же одинъ болванъ сидящей, и въ той де пещерѣ татарскіе писма множество, а котораго языка того они не вѣдаютъ и въ той же де пещерѣ лукъ съ стрѣлами и рускаго хлѣба ячмени малое число, и въ прошломъ де 721 году онъ же де Дмитрей посланъ былъ изъ Абаканска для провѣдыванія воинскихъ вѣдомостей и у помянутой пещеры былъ же и которой де былъ назадъ дверями одинъ болванъ сидящей и тотъ де сколотъ съ камени и увезенъ, а оная де пещера изъ синя сѣраго крѣпкаго камени и знатно что помянутые болваны выбиты снастями, а по другую де сторону рѣки Чакулъ кочуютъ Мунгальскаго владѣльца вановъ дарга Бешперекъ съ улусными людьми съ киштымы подъ китайскимъ владѣніемъ, а буде они Дмитрей стоварищи въ сей скаскѣ сказали ложно и за ложную бы ихъ скаску указала бы Ея Імператорское Величество учинить смертную казнь.

II) Сего 726 году въ присланномъ отъ вашего сіятельства (т. е. графа Саввы Владиславовича) писмѣ по времени велѣно послать нарочно человѣка искуснаго тайнымъ или явнымъ образомъ для подлиннаго описательства, есть де по ту сторону Саянскаго камени натуральное капище въ степи, въ которомъ ї̈долъ или болванъ каменный сидящій на столѣ аки на престолѣ, которому ї̈долу многіе тамошніе народы кланяются и приносятъ жертву разными вещьми и имѣютъ его въ великомъ почтеніи и сколь онъ великъ и какова вида мужеска или женска званія, коликъ величиною и какова напримѣръ времени молодъ или старъ, и какимъ именемъ его называютъ и по вышеозначенному вашего сіятельства писму посланы были изъ Красноярска Красноярскіе разныхъ чиновъ люди, Яковъ Терской, Іванъ Потылицынъ, Дмитрей Шаровъ, Іванъ Поповъ, да Красноярской же подгородной Каченской Татаринъ Тонокъ Сторгулинъ за Саянской камень для збору доимочного ясаку и для осмотра и провѣдыванія и описанія палатъ и пещеры и взятья изъ оныхъ палатъ и пещеры писемъ и болвановъ. И сего же 726 году іюля 17 дня Красноярскіе разныхъ чиновъ люди Яковъ Терской, Іванъ Потылицынъ, Дмитрей Шаровъ, Іванъ Поповъ да Красноярской же иноземецъ Татаринъ Тонокъ Сторгулинъ подали въ Красноярску в воеводской Канцеляріи доѣздъ, а въ доѣздѣ ихъ написано: По указу де Ея Імператорскаго Величества Самодержицы всероссійской посыланы де они были Яковъ съ товарищи изъ Красноярска земской Канторы за Саянской камень для недобору

1) Всѣхъ донесеній въ Миллеровской рукописи 6; изъ нихъ 2 имѣютъ только чисто географическое значеніе и потому здѣсь не помѣщаются; въ остальныхъ 4-хъ донесеніяхъ нами пропущено также лишь то, что не относится прямо къ древностямъ (Ред.).

ясашной казны, да имъ же де велѣно по словесному моему приказу ѣхать вверхъ по Енисею рѣкѣ до Мунгальской границы до рѣчки Чжакула до выдѣланной пещеры и до Татарскаго капища и до рѣки Теси до полатъ, которые называются лозоновы, въ которыхъ есть татарскіе болваны и писма, для взятья оныхъ болвановъ и писемъ. И по вышеозначенному де Ея Імператорскаго Величества указу и по приказу де моему онъ Терской съ товарищи ѣхали къ вышеупомянутымъ мѣстамъ для взятья писемъ и болвановъ... и не доѣхавъ де за одинъ день до рѣки Теси... и они де Яковъ съ товарищи жили на томъ мѣстѣ четыре дни и въ то число послали отъ себя тайно двухъ человѣкъ къ вышеозначенной пещерѣ или капищу на джанкулъ рѣчку, Івана Пойлова да Татарина Тонока Сторгулина, для осмотру и провѣдыванія оной пещеры и взятья изъ пещеры писемъ и болвановъ, и они помянутые Пойловъ и Сторгулинъ къ вышеозначенной пещерѣ ѣздили, которая выдѣлана въ утесѣ изъ крѣпкова дикова каменю знатно что снастьми, и у оной пещеры съ приходу на обѣихъ сторонахъ выбиты у той пещеры на камени два болвана стоящіе подобны человѣку, а мѣрою оные болваны въ вышину по полтора аршина, а впирину въ плечахъ семь вершковъ, а выбиты оные болваны изъ камени только означено по полтора вершка, по правую сторону съ приходу оной болванъ подперся рукою подпоясъ, а другую руку приложилъ къ грудямъ, а на лѣвой сторонѣ означенной болванъ правую руку приложилъ къ грудямъ же, а лѣвую руку опустилъ, а у онаго болвана, которой на правой сторонѣ, лицо знатно что снастьми сколото, а во оной пещерѣ мѣрою въ ширину двѣ стѣны полтора аршина безъ вершка, а двѣ стѣны по одному аршину съ четвертью, а въ вышину оная пещера полтора аршина. Въ той же пещерѣ въ задней стѣнѣ выбитъ каменной одинъ болванъ сидящей въ вышину мѣрою оной болванъ одинъ аршинъ, а сидитъ оной болванъ подобно какъ бы на стулѣ, которой стулъ въ той же стѣнѣ выбитъ и значится на трехъ каменныхъ ножкахъ. Лицо у онаго сѣдящаго болвана знатно что сколото же, да у того же сѣдящего по обѣ стороны выбиты же каменные два болвана, а мѣрою въ вышину оные болваны по одному аршину съ четвертью въ ширину въ плечахъ все трое сидящіе и стоящіе по семи вершковъ, а какъ войти во оную пещеру на лѣвой сторонѣ у стоящаго болвана лице сколотожъ, а на правой сторонѣ выбитъ болванъ каменной подобной женской персонѣ и подперся тростью или сулемою или другимъ какимъ ружьемъ, а оныхъ болвановъ никоторыми дѣлы взять не было возможно понеже де выкованы въ стѣнѣ изъ камени только на полтора вершка, а во оной же пещерѣ лежатъ писма многое число, в томъ числѣ много драныхъ, в той же пещерѣ стрѣлъ ломаныхъ малое число, а надъ пещерою выбито на камени подобно какъ бы кіотъ в вышину и поперегъ по полу аршину а въ глубину вершка на полтора: и про вышеписанныхъ сѣдящаго и стоящихъ болвановъ у тамошнихъ народовъ они же Яковъ съ товарищи спрашивали, какимъ именемъ ихъ называютъ и какое натуральное капище или молбище отъ тамошнихъ народовъ бывало, и нынѣ молбище есть ли, и тамошніе же народы сказали имъ Терскому съ товарищи, во оную же пещеру жертвы они тамошніе народы никакой не приносятъ и молбища никакого небываетъ, и какъ оныхъ болвановъ или ідоловъ называютъ того же имъ Терскому съ товарищи не сказалъ никто, и отъ тамошнихъ народовъ не увѣдомились, а оная де пещера и болваны изъ стари, и кто оную пещеру дѣлалъ никто про нея не помнитъ и не знаетъ, а что въ прежней скаскѣ Красноярской казакъ Дмитрей Шаровъ сказалъ будто надъ пещерою выбитъ же сѣдящей болванъ, въ которомъ мѣстѣ выбито будто кіотъ, и въ томъ мѣстѣ нынѣ ничего нѣтъ, и противъ той пещеры ниже камени въ самой близости на степи татарское кладбище и многое число могилъ, и они де Пойловъ и Сторгулинъ взявъ изъ оной пещеры нѣсколько татарскаго писма цѣлыхъ листовъ, и пріѣхали съ тѣми писмами къ означеннымъ товарищамъ своимъ, и поѣхали де они все возвратъ до Красноярска... И противъ доѣзду вышеозначеннаго Терскаго съ товарищи въ помянутой пещерѣ и въ ней сѣдящему и стоящимъ болванамъ при указательствѣ означеннаго Пойлова и Сторгулина въ Красноярской Канцеляріи сочиненъ рісунокъ и вышеобъявленныя татарскія писма, которые въ оной пещерѣ взяты и писаны татарскимъ разнымъ писмомъ, и оной рісунокъ и татарскіе писма запечатавъ въ пакетъ и послалъ до вашего сіятельства.

Подлинное писмо за рукою Капітана и воеводы
Дмитрея Щетнева.

Изъ Красноярска 726-го году іуля 18 дня.

III) 1726 году Маія дня въ Красноярску въ воеводской Канцеляріи Красноярской конной казакъ Григорей Бегуновъ подъ опасеніемъ смертной казни сказалъ: въ прошломъ де 711 году посыланъ онъ Григорей былъ изъ Красноярска съ сотникомъ Ѳедоромъ Кольцовымъ съ товарищи съ листомъ для сыску бѣглыхъ Красноярскаго присудства абаканскаго острогу ясашныхъ иноземцевъ, которые бѣжали изъ Кайбальской землицы въ Мунгальскую землицу… и наѣхали на берегу Теси рѣки на каменя на дикомъ построены палаты каменные изъ сырого кирпича, съ начала входу палата двоежилая одно жило въ исподи а другое на верху и сквозь нижную палату проходъ изъ дверей въ двери и въ той палатѣ написано красками на доскахъ и выолифлено будто подобно человѣка персонѣ и пріставлены тѣ писаные доски на лавкѣ промежъ оконъ, а въ верхнихъ де палатахъ они Григорей не были, а по выходѣ другихъ дверей сени кладены кирпичомъ же и въ тѣхъ сѣняхъ забранъ досками деревянными къ каменной стѣнѣ чуланъ и въ томъ чуланѣ писменные листы, а позади сеней другіе палаты низкіе объ одномъ жильѣ и во оныхъ палатахъ ничего нѣтъ, а Ѳедоръ де Кольцовъ, съ которымъ онъ Григорей посыланъ былъ и оной Ѳедоръ въ прошлыхъ годѣхъ умре…

IV) 1735 году Февраля 17 дня города Красноярска Красноярской сынъ боярской Іванъ Нашивошниковъ будучи въ городѣ Красноярску господамъ профессорамъ сказалъ: въ прошломъ де 717 году по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Імператорскаго Величества посыланъ былъ я изъ Красноярска вверхъ по Енисею рѣкѣ водянымъ путемъ въ легкихъ лодкахъ за Саянской камень для провѣданія пороговъ и переборовъ и будучи выше Кемчуга рѣки за Саянскимъ каменемъ на рѣчкѣ Чжакулѣ и нашелъ въ каменной пещерѣ татарскихъ писемъ на синей бумагѣ многое число и взялъ я изъ тѣхъ писемъ листовъ съ дватцать и привезъ съ собою въ городъ Красноярскъ, а когда прибылъ въ городъ Красноярскъ дохтуръ Господинъ Мессершмидъ и тѣхъ писемъ потребовалъ у меня и тѣ писма объявилъ я Красноярскому воеводѣ господину Зубову и оной воевода тѣ писма мнѣжъ велѣлъ отнести ко оному дохтуру и оной дохтуръ тѣ писма у меня принялъ, въ томъ и скаску далъ за рукою.

Примѣчаніе. Въ своемъ печатномъ изслѣдованіи (De scriptis Tanguticis, стр. 452—460) Миллеръ говоритъ слѣдующее: «Такія-же святилища находятся на берегахъ Енисея и Теси, въ ближайшихъ къ Сибири монгольскихъ земляхъ, а именно: языческая пещера, изсѣченная въ скалѣ, и зданія, похожія на Аблайкитскія. Они не разъ посѣщались русскими поселенцами Сибири, и изъ перваго мѣста также добыты рукописи, а потому мѣстности эти болѣе извѣстны. Находясь въ первый разъ, въ 1735 году, въ Красноярскѣ, я не только засталъ тамъ въ живыхъ людей, посѣтившихъ упомянутыя мѣста, но и нашелъ въ тамошнемъ архивѣ письменныя донесенія, содержавшія довольно подробныя описанія тѣхъ мѣстъ. Считаю нелишнимъ привести изъ нихъ нѣкоторыя данныя, какъ для поясненія извѣстія Страленберга о тангутскихъ письменахъ, найденныхъ имъ на Енисеѣ, такъ и для исправленія того описанія мѣстности, которое Мессершмидтъ сообщилъ пок. Байеру. Издавая написанный скорописью тангутскій листокъ, Страленбергъ (стр. 312 и слѣд.) говоритъ, что этотъ листокъ и множество другихъ, подобныхъ-же листковъ, были найдены *въ часовнѣ* при р. Енисеѣ, близъ рѣчки Кемчика. Читающій это можетъ усомниться въ правдивости того, что мною сказано о рукописяхъ, добытыхъ изъ Семи Палатъ и Аблайкитскихъ развалинъ. Тамъ (т. е. у Страленберга) о нихъ вовсе не упоминается, что̀ автору могло бы быть вмѣнено въ вину, если бы онъ на географической картѣ своей при р. Енисеѣ не приписалъ нѣсколькихъ словъ, очевидно доказывающихъ, что ему небезизвѣстно было настоящее происхожденіе рукописей. Но онъ ошибается, говоря, что онѣ найдены въ каменной или деревянной часовнѣ, тогда какъ онѣ отысканы, какъ я сказалъ, въ пещерѣ, изсѣченной въ скалѣ. Ошибается онъ также, утверждая, что *всѣ* найденные тамъ листы тангутскіе, монгольскіе и калмыцкіе, *печатаны.* Притомъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ, говоря вслѣдъ затѣмъ, что представленный имъ тангутскій листъ *рукописный.*

Пок. Мессершмидтъ, возвратясь въ 1728 году изъ своего ученаго сибирскаго путешествія, привезъ тангутскія и древнія монгольскія рукописи, взятыя изъ той-же самой пещеры. Добылъ онъ ихъ въ Красноярскѣ, отъ одного изъ тамошнихъ жителей, захватившаго ихъ съ собою при посѣщеніи пещеры. Страленбергъ, сопровождавшій въ то время Мессершмидта, привезъ съ собою нѣсколько листковъ, уступленныхъ ему послѣднимъ. Не могу объяснить себѣ, почему онъ не зналъ настоящаго мѣста или вида пещеры. Что Мессершмидту все было хорошо извѣстно, объ этомъ свидѣтельствуетъ его дневникъ (отчасти въ рукописи хранящійся въ нашей Академіи), въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее: *1722 года 19-го февраля, въ дер. Медвѣдевой* (въ Красноярскомъ уѣздѣ, при р. Енисеѣ), *хозяинъ мой и другіе жители этой деревни разсказывали, что при р. Енисеѣ, на полдня пути выше рѣки Кемчика, при устьѣ рѣчки Джакулъ, существуетъ пещера, въ которой находятся разныя любопытныя вещи, особенно идолы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, и много рукописей».* Когда именно Мессершмидтъ получилъ въ Красноярскѣ

рукописи, объ этомъ дневникъ молчитъ. Сообщенное мною здѣсь свѣдѣніе передалъ мнѣ тотъ самый человѣкъ, который вручилъ Мессершмидту рукописи. Скажу теперь, что̀ мнѣ извѣстно объ этой енисейской пещерѣ.

Верстахъ въ 10 выше устья рѣки Кемчика, составляющаго въ томъ мѣстѣ границу между царствомъ Русскимъ и имперіей Монголо-Китайской, въ Енисей впадаетъ съ З. рѣчка Джакулъ или Чакулъ; въ 2-хъ верстахъ ниже ея и въ 3-хъ верстахъ отъ западнаго берега Енисея, въ скалѣ видна упомянутая пещера. Знаменитая цѣпь Саянскихъ горъ здѣсь съ юга начинаетъ спускаться въ равнину, покрытую множествомъ древнихъ могильныхъ холмовъ, изъ которыхъ немалое количество, въ видѣ наваленныхъ въ кучи камней, находится и передъ самой пещерой. Послѣдняя входомъ своимъ обращена къ Енисею. Входъ такъ узокъ и низокъ, что человѣкъ можетъ войти не иначе, какъ согнувшись. Внутри объемъ пещеры не болѣе кубической сажени; половина ея, лежащая позади входа, высѣчена въ скалѣ такъ, что человѣкъ, стоящій въ пещерѣ прямо, глядящимъ на него снаружи виденъ только на половину своего роста. По всему видно, что пещера дѣло не самой природы, а рукъ человѣческихъ. Снаружи по обѣ стороны входа изсѣчена въ скалѣ человѣческая фигура или идолъ барельефомъ, величиною едва-ли болѣе полуроста человѣческаго. Фигура справа подноситъ правую руку къ груди, а въ лѣвой держитъ палку или мечъ (?); фигура съ лѣвой стороны правую руку приложила къ бедру, а лѣвую къ груди [1]). Кромѣ того, снаружи, надъ входомъ, находилось въ нишѣ другое каменное изображеніе сидящаго съ поджатыми ногами человѣка, которое въ 1721 году сосѣдними людьми, не знаю почему, увезено. Въ самой пещерѣ, на противуположной входу стѣнѣ, стоятъ 3 высѣченные въ скалѣ идола, такого-же рода, какъ первые два, и такой-же величины. Средняя фигура, вся нагая, съ опущенными на лоно руками, сидитъ на треножникѣ, поджавъ подъ себя ноги. Фигура съ правой стороны, облаченная до колѣнъ въ тунику, лѣвую руку держитъ на груди, а правую опустила внизъ. Фигура же съ лѣвой стороны, въ тогѣ, доходящей до ступицъ, и съ шапкою на головѣ, лѣвую руку опустила, а правую положила на грудь. Съ этой пещеры и съ находящихся тамъ идоловъ одинъ изъ Красноярцевъ снялъ рисунокъ, который при семъ прилагаю (De script. Tangut. Tab. VII).

1) Гмелинъ (Reise III, 323—324) сообщаетъ слѣдующее: «На пространствѣ, лежащемъ между двумя рѣчками (Барга и Кокса) стоятъ двѣ мужскія фигуры, обращенныя лицомъ другъ къ другу, каждая въ круглой китайской шляпѣ, съ книгою въ рукѣ, черными усами и красными губами. У ногъ той и другой фигуры лежитъ, говорятъ, большой левъ, хвостомъ ударяющій въ спину ту фигуру, у ногъ которой онъ находится; возлѣ него лежитъ будто-бы еще другой маленькій левъ. Выше устья Барги находится, говорятъ, гора *Онгонъ-Кая*, а ниже крутая скала,

По всей пещерѣ лежатъ листы рукописные, которые, какъ видно по образцамъ, привезеннымъ въ Петербургъ пок. Мессершмидтомъ, и по листу, изданному Страленбергомъ, очень сходны съ аблайкитскими. Говорятъ, что ихъ и теперь тамъ еще много, но бо̀льшая часть погнила. Найденные между рукописями стрѣлы, лукъ и небольшой запасъ ячменя, по моему мнѣнію, не относятся къ исторіи пещеры; остатки эти скорѣе можно приписать охотникамъ, которые, бродя, можетъ быть, по сосѣдству, вслѣдствіе застигшей ихъ бури, или ради ночевки, забрались въ пещеру и по безпечности своей забыли ихъ тамъ. О соорудителѣ этого языческаго памятника ничего не умѣю сказать. Разсказываютъ, что сосѣдніе обитатели ежегодно приходятъ туда и приносятъ идоламъ жертвы. Что у язычниковъ существуетъ обычай высѣкать въ скалахъ капища, это доказывается двумя извѣстіями въ соч. Дюгальда (T. IV, стр. 444 и 454).

О рѣкѣ Теси и находящихся при ней зданіяхъ Красноярцы сообщаютъ слѣдующее: вытекаетъ она изъ озера *Саншинъ-Далай* и къ З. впадаетъ въ другое озеро, которое Монголы зовутъ просто *Далай*, Саянскіе же Татары называютъ *Алакъ-Куль*, т. е. *разноцвѣтнымъ*. По сосѣдству, съ ЮВ. течетъ рѣка Хараталь, впадающая въ Селенгу. Оттуда къ С. недалеко до источниковъ Енисея. Къ Ю. же, на 4 или на 5 дней пути отъ Теси, находятся источники верхняго Иртыша, впадающаго двумя устьями въ Зайсанское озеро. Вдоль Енисея слѣдовали тѣ, которые нѣкогда направлялись къ р. Теси, держась восточнаго берега ея до сліянія двухъ рѣкъ *Улу-кемъ* и *Бей-кемъ*, образующихъ рѣку Енисей. Переправясь чрезъ устья ихъ, они, по безплоднымъ и пустыннымъ полямъ, прямымъ путемъ добрались до Теси. На правомъ берегу рѣки, почти на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ озеръ, находятся два зданія, лежащія на нѣсколько возвышенномъ скалистомъ мѣстѣ и построенныя изъ сырцевого кирпича. Одно состоитъ изъ двухъ этажей; наши побывали только въ нижнемъ и замѣтили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изображенія, писанныя на балкахъ и покрытыя лакомъ. Съ задней стороны находятся какъ-бы сѣни (а въ нихъ забранный досками чуланъ, въ которомъ лежатъ рукописи) и дверь, ведущая въ прилегающую комнату. Я впрочемъ не слышалъ, чтобы изъ этихъ рукописей какія-нибудь были привезены въ Красноярскъ. Другое ближайшее отъ него зданіе одноэтажное, безъ всякихъ украшеній и вещей. Говорятъ, что между этими зданіями и озеромъ Саншинъ, на лѣвомъ берегу Теси, находится еще другое зданіе, которое однакоже никому изъ нашихъ видѣть не удалось. Впрочемъ, это такая мѣстность, въ которой постоянно происходили войны между Калмыками и Монголами, и такъ какъ она лежитъ почти на границѣ владѣній тѣхъ и другихъ, то съ западной стороны означенной рѣки Китайцы, покровительствовавшіе Монголамъ, содержали постоянные караулы; на южномъ берегу озера Саншинъ Китайцы построили даже огороженное палисадомъ укрѣпленіе, которое охраняли нѣсколько тысячъ гарнизонныхъ солдатъ. Основателемъ этихъ зданій считается монгольскій князь Алтынъ-Хановъ сынъ Лоозанъ, который пребывалъ въ тѣхъ мѣстахъ и княжилъ съ 1660 до 1680 года, а въ 1690 году былъ свергнутъ княземъ калмыцкимъ Бушухту-ханомъ. Поэтому они по монгольски называются *Лоозанъ-китъ*, а по русски «Лозановы палаты». По постройкѣ врядъ-ли кто приметъ ихъ за болѣе древнія, да и новѣйшими ихъ не станетъ считать тотъ, кто знакомъ съ исторіей этихъ народовъ. Кто послѣ Лоозана сталъ-бы строить такія зданія въ странѣ, подверженной постояннымъ войнамъ? Послѣ всего сказаннаго обратимся къ Байерову описанію этихъ мѣстъ. До Байера дошли смутные толки о Семи Палатахъ и потому онъ обратился къ возвратившемуся тогда изъ Сибири Мессершмидту (привезшему съ собою такого-же рода рукописи, какъ тѣ прежнія, которыя считались привезенными изъ Семи Палатъ) съ вопросомъ, гдѣ же находится это мѣсто. Тотъ, говорятъ, показалъ слѣдующее: «*лежитъ оно при р. Иртышѣ, недалеко отъ ея источниковъ и отъ озера Sangin Dalai*» (см. Предисловіе къ Museum Sinicum p. 109). Такую топографическую путаницу, по моему мнѣнію, никакъ нельзя приписать человѣку, который въ теченіи 9 лѣтъ вдоволь изъѣздилъ Сибирь. Хотя онъ на Иртышѣ былъ не далѣе города Тары, но все-таки отъ мѣстныхъ жителей легко могъ узнать, что Семь Палатъ не лежатъ при источникахъ этой рѣки. Страленбергъ, содержавшійся въ плѣну, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи столько пособій, какъ Мессершмидтъ, и самъ также не видѣвшій ни Семи Палатъ, ни Аблайкита, отвелъ имъ однакоже на своей картѣ правильныя мѣста. Почему онъ припуталъ озеро Sangin, тождественное съ озеромъ Саншиномъ, изъ котораго вытекаетъ Тесь? О земляхъ монгольскихъ онъ составилъ себѣ на столько ясное понятіе, что не могъ не знать Теси и настоящаго положенія озера Саншинъ и источниковъ Иртыша. Въ дневникѣ его значится: *1722 года, 6-го марта, въ Красноярскъ одинъ калмыцкій переводчикъ, изъ мѣстности, лежащей близъ озера Зайсана, хорошо знакомый съ землями монгольскими, разсказывалъ*

въ которой выдолблена пещера; въ пещерѣ, будто-бы стоитъ каменный столъ, а на столѣ сидитъ царь или ханъ или другой какой-нибудь властитель, у ногъ котораго въ каменномъ ящикѣ лежатъ очень много рукописей. Возлѣ этого властителя, съ той и другой стороны, стоитъ, говорятъ, мужская фигура съ обнаженной саблей; у входа же справа и слѣва стоитъ также по человѣку, одинъ съ копьемъ, другой съ обнаженной саблей. См. G. F. Müller, De scriptis Tanguticis etc. стр. 454 и 455, гдѣ описаніе пещеры и помѣщенный на табл. VII рисунокъ ея совершенно не сходятся съ моимъ описаніемъ, и гдѣ вовсе не говорится о Баргѣ, а упоминается Джакулъ. Записавъ у себя сообщаемое здѣсь описаніе, я вѣроятно забылъ показать свою замѣтку проф. Миллеру. Когда же онъ приступилъ къ печатанію означеннаго сочиненія своего, я, должно быть, не вспомнилъ, что отмѣтилъ у себя кое-что по этому предмету. Но я имѣю поводъ полагаться болѣе на его описаніе, чѣмъ на мое, такъ какъ сообщаемый имъ рисунокъ вѣроятно снятъ на самомъ мѣстѣ. Рѣшеніе же вопроса, какъ ученымъ слѣдуетъ относиться къ упомянутымъ львамъ выше устья Барги, я предоставляю читателю. Извѣстіе это остается на совѣсти лица, сообщившаго мнѣ его».

ему, что источники Иртыша отстоятъ на 4 дня пути къ югу отъ рѣки Ktiesch (чит. Тесь), *оканчивающейся двумя озерами, изъ которыхъ одно, къ З., называется* Sangin, *другое же къ В.*, Saukin, *а оба зовутся еще Dalai, т. е. моремъ.* Къ этому переводчикъ добавилъ, что *Sankin Dalai значитъ вѣтряное море* (more ventosum), *а другое озеро получило названіе Sangin отъ лежащаго по близости святилища.* Мессершмидтъ написалъ *Sangin* вмѣсто *Sanschin*, подражая французскому произношенію буквъ, для выраженія *мягкаго sch* или русскаго *ж.* Имя это Монголы и Калмыки часто даютъ людямъ. Такимъ образомъ могло случиться, что какой-нибудь жрецъ, по имени *Саншинъ*, построивъ себѣ то зданіе, которое, какъ я сказалъ, лежитъ ближе къ озеру Саншинъ, назвалъ его *Саншинъ-китъ*, вслѣдствіе чего и озеро было названо тѣмъ-же именемъ. Что Мессершмидтъ, при обращенномъ къ нему вопросѣ Байера относительно Семи Палатъ, упомянулъ объ этомъ озерѣ и объ источникахъ Иртыша, это я объясняю себѣ такъ: Мессершмидтъ прежде всего разсказалъ про енисейскую языческую пещеру, изъ которой добыты привезенныя имъ рукописи; при этомъ онъ вѣроятно упомянулъ также о зданіи, лежащемъ на р. Теси, близъ озера Саншинъ, и содержащемъ подобную-же кучу рукописей, и сказалъ, что на нѣсколько дней пути оттуда беретъ начало Иртышъ, при которомъ находятся Семь Палатъ. Байеръ же, недостаточно знакомый съ географіей тѣхъ странъ, повидимому, иное изъ разсказаннаго ему забылъ, а иное неправильно понялъ, подъ вліяніемъ прежняго ошибочнаго убѣжденія, что Семь Палатъ единственное мѣсто, въ которомъ найдены тангутскія рукописи...

Стр. 948—956. О древнихъ памятникахъ въ округахъ Селенгинскомъ и Нерчинскомъ (De monumentis antiquitatis in territoriis Selengiensi et Nertschiensi reperiundis). Часто уже я говорилъ о древнихъ памятникахъ, разсѣянныхъ по Сибири. Перечисливъ разныя развалины древнихъ городовъ и укрѣпленій въ географическомъ описаніи р. Иртыша и въ описаніяхъ округовъ Томскаго, Кузнецкаго и Красноярскаго, я описалъ могильные холмы, съ относящимися къ нимъ предметами, на Иртышѣ и близъ Красноярска, и упомянулъ въ исторіи мѣдныхъ заводовъ Полевскихъ о древнихъ рудныхъ копяхъ. Кромѣ того Гмелинъ въ исторіи мѣдныхъ заводовъ Колыванскихъ упомянулъ о древнихъ копяхъ Алтайскаго хребта. Преслѣдую нить и разскажу то, что изъ заслуживающаго по этой части вниманія я или самъ видѣлъ или узналъ отъ другихъ въ округахъ Нерчинскомъ и Селенгинскомъ.

Первое мѣсто по справедливости должно быть отведено городамъ и древнимъ укрѣпленіямъ, которые я видѣлъ въ приаргунскихъ земляхъ. Пограничнымъ и торговымъ городомъ является *Цурухайту*, лежащій на западномъ берегу Аргуни, въ 161 верстѣ выше *Аргунскаго* острога и верстъ на 10 ниже средняго устья р. *Кайлара*, изъ котораго *Аргунь* беретъ свое начало. Въ 12 по крайней мѣрѣ верстахъ ниже этого города въ *Аргунь* съ В. впадаетъ р. *Ганъ*, а въ верстѣ, если не меньше, ниже *Гана*, съ той-же стороны въ *Аргунь* впадаетъ р. *Хаулъ*, которая недалеко отъ устья своего принимаетъ другую рѣку *Дербулъ*, выходящую изъ мѣстности, лежащей по срединѣ между сѣверомъ и востокомъ. Ганъ и Хаулъ устьями своими близки другъ къ другу, источниками же своими далеко расходятся одинъ отъ другого. Мѣстность, лежащая между ними, ровна. Единственная небольшая гора, или скорѣе холмъ, возвышается на одинаковомъ почти разстояніи отъ той и другой рѣки, верстахъ въ 10 отъ Аргуни. У южной подошвы этой горы находятся остатки древняго укрѣпленія, наиболѣе замѣчательные между остальными памятниками древности въ этихъ мѣстахъ.

27-го іюля (1735 г.) я отправился для осмотра этого укрѣпленія съ сотоварищемъ своимъ Гмелиномъ, рисовальщикомъ Люрсеніусомъ и переводчикомъ Яхонтовымъ, взявъ еще съ собою изъ гарнизонныхъ солдатъ этого города человѣка, хорошо знавшаго дорогу туда. Добравшись по лѣвой или западной сторонѣ *Аргуни* до устья р. *Гана*, мы на лодкѣ переправились черезъ рѣку, и затѣмъ остальную часть дороги прошли по прямой линіи. Я взялъ съ собою рисовальщика, чтобы снять видъ съ города, но, ознакомившись съ мѣстомъ, измѣнилъ свое намѣреніе, полагая, что одинъ планъ достаточно разъяснитъ все дѣло.

Укрѣпленіе окружено валомъ (вышиною въ ростъ человѣческій), обнимающимъ четыреугольное пространство приблизительно въ 300 саж., и рвомъ. По срединѣ каждой линіи вала — ворота, къ которымъ можно пройти не прямо, а сбоку, такъ какъ они защищены полукруглою насыпью, которая съ другой стороны соединяется съ валомъ. По угламъ, а кое-гдѣ и по протяженію вала, находятся выступы, нѣсколько похожіе на наши бастіоны [1]).

---

1) По Гмелину (Reise II, 93) съ каждой стороны укрѣпленія по 6 такихъ круглыхъ выступовъ (Rondele) земляныхъ.

Стороны вала и ворота соотвѣтствуютъ четыремъ странамъ свѣта, конечно, не вполнѣ точно, если ихъ провѣрить по компасу. Прибѣгнувъ къ магнитной стрѣлкѣ, я замѣтилъ слѣдующія направленія, діаметрально противоположныя воротамъ: ВСВ, ЮЮВ, ЗЮЗ и ССЗ. Я счелъ нужнымъ обратить вниманіе на это съ тѣмъ, чтобы кто-нибудь, слѣдуя обычной ошибкѣ лицъ, по описаніямъ которыхъ китайскіе и прочіе восточные города въ точности соотвѣтствуютъ главнымъ странамъ свѣта, не подумалъ, что они построены по направленію магнитной стрѣлки. Точно также и ворота не расположены ровно по срединѣ линіи вала, такъ что мѣстами есть, можетъ быть, разница на нѣсколько аршинъ. Равнымъ образомъ, при точномъ измѣреніи сторонъ вала, я нашелъ, что восточная и западная стороны на 10 саж. длиннѣе остальныхъ.

По срединѣ пространства, огражденнаго упомянутымъ валомъ, находится другой четыреугольный валъ, одинаковой съ первымъ вышины, длиною съ С. на Ю. въ 80, шириною съ В. на З. въ 40 саж. [1]). Надъ укрѣпленіемъ какъ-бы построено другое укрѣпленіе, въ родѣ нашихъ цитаделей [2]). Въ этомъ (меньшемъ) валѣ 4 воротъ, соотвѣтствующихъ, на сколько возможно, воротамъ большого вала. Вокругъ него также обведенъ ровъ. Но, говоря о рвахъ, я разумѣю только остатки ихъ. Половина пространства, занимаемаго этою цитаделью, ближайшая къ С., болѣе возвышена и на видъ похожа на воткнутый въ подставку крестъ, одинаковой съ валомъ вышины. На этомъ болѣе возвышенномъ мѣстѣ, кое-гдѣ на оконечностяхъ, 4 четыреугольные и 1 круглый камни, шириною каждый около $^1/_2$ локтя, такъ скрѣплены землею, что поверхности ихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу. На углу цитадели, между В. и С., также видно такое четыреугольное мѣсто, но меньшей вышины, чѣмъ первое [3]).

Кромѣ того, подобное-же сооруженіе находится внутри пространства внѣшняго вала, у восточныхъ воротъ. Оно окружено овальнымъ валомъ, длиною (отъ С. къ Ю.) въ 55, шириною въ 35 саж. Ворота въ немъ видны только одни съ Ю. Съ С. къ валу примыкаетъ четыреугольный бастіонъ. Средину пространства занимаетъ четыреугольное возвышеніе, длиною съ В. на З. въ 14, шириною въ 12 арш. Съ С. и В. другія такія возвышенности, но меньшія и не столь выдающіяся, одна квадратная, другая круглая. Неподалеку отъ этого вала на В. находится яма, имѣющая видъ давно обвалившагося колодца [4]). Другая подобная-же яма находится въ 30 саж. отъ восточныхъ воротъ средней четы-

---

1) У Гмелина (Reise II, 93) сказано: 34 саж. ширины.

2) «Внутри его (т. е. этого 2-го укрѣпленія) находится по срединѣ почти четыреугольное возвышеніе, заканчивающееся другимъ вѣнкообразнымъ возвышеніемъ, конецъ котораго обращенъ къ воротамъ сѣверо-сѣверо-восточной стороны». Gmelin (Reise II, 93).

3) «Въ углу между сѣв.-сѣв.-западною и вост.-сѣв.-восточною сторонами этого вала видно еще одно небольшое четыреугольное возвышеніе» (тамъ же).

4) «Съ вост.-сѣв.-восточной стороны, на разстояніи 30 саж., прямо противъ входа, довольно глубокая круглая яма, имѣющая такой видъ, какъ-будто тамъ стояло дерево. На противоположной сторонѣ, на разстояніи 60 саж., противъ входа, точно такое-же мѣсто. Между этимъ мѣстомъ и зап.-южной стороной большого вала находится также маленькое укрѣпленіе, которое состоитъ изъ овальнаго вала, длиною въ поперечникѣ въ 36 саж., шириною въ поперечникѣ въ 44 саж.; съ юго-юго-восточной стороны этого вала входъ, а съ противоположной круглый выступъ (Rondel). По срединѣ находится небольшое четыреугольное возвышеніе, и затѣмъ, между нимъ и вост.-сѣв.-восточной да сѣв.-сѣв.-западной сторонами, еще два подобныя-же, но совершенно маленькія возвышенія. Это укрѣпленіе, можетъ быть, заставило устроить входъ на зап.-юго западной сторонѣ большого вала не по срединѣ, а нѣсколько ближе къ юго-юго-восточной сторонѣ. Всѣ входы большого вала были укрѣплены чѣмъ-то въ родѣ круглыхъ выступовъ (mit einer Art-Rondele). На маленькомъ укрѣпленіи видны были нѣсколько, отчасти четыреугольныхъ, отчасти круглыхъ, отесанныхъ камней, похожихъ на подножія колоннъ, но стоявшихъ въ землѣ, надъ которою едва возвышались, и расположенныхъ такъ безобразно и такъ близко одинъ отъ другого, что никакъ нельзя предположить, чтобы на нихъ стояли колонны или какое-нибудь строеніе. Если бы таковыя дѣйствительно тутъ нѣкогда существовали, то отъ нихъ непремѣнно уцѣлѣли бы кое-какіе остатки. Мѣстами, внѣ вала, находился, кажется, ровъ, въ другихъ же мѣстахъ его не было видно, такъ что трудно угадать, естественное-ли углубленіе означенный ровъ или нѣтъ. Если онъ искусственный, то ровная площадь въ другихъ мѣстахъ образовалась, должно быть, съ теченіемъ времени. Такимъ-же образомъ находившіяся внутри большого вала, особенно на сѣв.-сѣв.-западной сторонѣ, небольшія четыреугольныя возвышенія, раздѣлявшіяся въ свою очередь на разныя части, заставляли думать, что тамъ нѣкогда стояли дома. Но гдѣ же остатки этихъ строеній?» (Gmelin, Reise II, 93).

реугольной цитадели на В. Кромѣ того, мѣстами въ землѣ видны неглубокіе ровики четыреугольной формы. Все остальное ровно.

Возвратившись, по осмотрѣ этихъ древнихъ остатковъ, въ г. *Цурухайту*, я узналъ отъ живущихъ въ верховьяхъ Аргуни Тунгусахъ, что нѣсколько такихъ древнихъ укрѣпленій находится между городомъ *Цурухайту* и верховьями Аргуни. Такъ какъ я уже прежде, для изслѣдованій географическихъ и историческихъ, рѣшился предпринять путешествіе до крайнихъ предѣловъ Русскаго государства, то послѣднее извѣстіе придало мнѣ не мало силы и желанія осуществить мое намѣреніе. Мнѣ удалось увидѣть на этомъ пути цѣлыя четыре укрѣпленія, хотя и не одинаковыя съ первымъ, но все-таки уже потому не безинтересныя, что описанія ихъ могутъ послужить къ общей пользѣ.

Три первыя укрѣпленія лежатъ на западномъ берегу *Аргуни*. Первое отстоитъ отъ г. *Цурухайту* верстъ на 60, второе на 12 верстъ отъ перваго, третье всего на 3 версты отъ второго. Эти три укрѣпленія встрѣчаются ѣдущимъ сухимъ путемъ вверхъ по западному берегу Аргуни. Четвертое укрѣпленіе лежитъ въ 3-хъ верстахъ отъ третьяго по правую сторону дороги. Мѣстность гориста, но отличается довольно обширными долинами. Нѣтъ въ этихъ мѣстахъ ни одной горы и ни одной долины, которыя бы ни были надѣлены особыми именами. По сосѣдству каждаго изъ трехъ первыхъ укрѣпленій къ Аргуни прилегаютъ долины, изъ которыхъ нижняя у перваго укрѣпленія называется *Караганáту*, средняя у второго укрѣпленія — *Кайлáссуту*, и верхняя у третьяго укрѣпленія — *Уртуй*. Четвертое укрѣпленіе лежитъ въ самой долинѣ *Уртуй*. Отсюда до пограничной горы *Абагайту*, занимающей западный берегъ *Аргуни* отъ средняго устья р. *Кайлара*, мы насчитали около 20 верстъ [1]).

У всѣхъ укрѣпленій одна общая черта та, что они состоятъ изъ четыреугольнаго вала, одинаковой вышины съ укрѣпленіемъ за-аргунскимъ, но меньшаго объема и безъ возвышеній надъ остальною поверхностью. Первое укрѣпленіе содержитъ 18, второе 12, третье 15, четвертое 50 квадр. саж. Вокругъ всѣхъ видны слѣды рвовъ. Воротъ въ каждомъ не болѣе одниxъ. Въ первомъ укрѣпленіи ворота обращены къ ЮВ., во второмъ къ ЮЮВ., въ третьемъ къ ЮВ., въ четвертомъ къ Ю. Слѣдуетъ замѣтить, что ворота эти всѣ выходятъ къ Аргуни. Особенность четвертаго укрѣпленія заключается въ томъ, что по срединѣ трехъ сторонъ вала, гдѣ нѣтъ воротъ, снаружи находятся такіе-же выступы, какіе я замѣтилъ на укрѣпленіи по ту сторону Аргуни, и что, не смотря на далекое разстояніе его отъ Аргуни и на отсутствіе воды въ другихъ мѣстахъ, нигдѣ тамъ не видно слѣдовъ колодца. Но почва въ тѣхъ мѣстностяхъ такого свойства, что повсюду встрѣчается почти много, но непостоянно бьющихъ ключей, которые въ иной годъ даютъ воды въ достаточномъ количествѣ, въ иной же совсѣмъ высыхаютъ. По этому кажется довольно вѣроятнымъ, что нѣкогда тутъ по близости находился обильный водою ключъ, котораго теперь уже болѣе нѣтъ.

Кромѣ того, въ этихъ аргунскихъ мѣстностяхъ видѣнъ тянущійся по прямой линіи валъ, который, конечно, не менѣе заслуживаетъ вниманія. Достигли мы этого вала не задолго до того, какъ

---

1) «Около 2-хъ верстъ внизъ по Аргуни, мы проѣхали (27 іюля 1735 г.) мимо стариннаго четыреугольнаго землянаго вала, имѣвшаго 18 саж. въ квадратѣ и входъ съ рѣчной стороны на ЮЗ. Еще верстъ 6 далѣе внизъ намъ пришлось переѣхать черезъ валъ, проведенный поперекъ степи, безъ всякихъ другихъ укрѣпленій. Вечеромъ мы прибыли къ Кайласутинскому караулу, проѣхавъ за версту передъ тѣмъ мимо четыреугольнаго вала, 12 саж. въ квадратѣ, устроеннаго возлѣ самой рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ шириною отъ 40 до 50 саж. У этого вала входъ съ ЮВ... Желая воспользоваться временемъ, мы предложили указать намъ и остальныя укрѣпленія этой мѣстности, которыхъ мы еще не видѣли. Проѣхавъ верхомъ около версты на 3., мы прибыли къ четыреугольному валу, 15 саж. въ квадратѣ, со входомъ на ЮВ., но довольно далеко отъ рѣки. Оттуда мы проѣхали версты 2 къ С. и насупротивъ Уртуйской долины встрѣтили другой четыреугольный валъ, 50 саж. въ квадратѣ, со входомъ прямо на Ю. Всѣ такіе валы, какъ по тунгузски, такъ и по монгольски, называются *киримами*. Кромѣ вала на нихъ нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Хотя у большей части валовъ мы находили нѣсколько довольно глубокихъ ямъ, но, по словамъ нашихъ проводниковъ, ямы эти вырыли Тунгусы, для храненія въ нихъ мяса или другихъ своихъ вещей, такъ какъ возвышеннымъ частямъ, гдѣ находились валы, Аргунь не угрожала своими наводненіями». (Gmelin, Reise II, 97—98).

добрались до перваго укрѣпленія со стороны долины *Караганату*. По пути пришлось перебраться черезъ него и нѣсколько верстъ ѣхать вдоль его. Я замѣтилъ его направленіе отъ ЗЮЗ. на ВЮВ. Онъ непрерываясь тянется чрезъ долины и горы и не выше 1 локтя, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, особенно въ гористыхъ, такъ низокъ, что едва замѣтны слѣды его, благодаря, какъ я полагаю, силѣ вѣтровъ и дождей, которымъ онъ подвергался въ теченіи долгаго времени. Живущіе въ этихъ мѣстахъ Тунгусы разсказывали, что этотъ валъ беретъ начало свое въ земляхъ монгольскихъ, *близъ источниковъ Онона*, потомъ заходитъ за р. *Олзу*, впадающую въ озеро *Тарей*, далѣе на В. отъ озера *Тарей* доходитъ до русскихъ предѣловъ и наконецъ, перейдя за Аргунь, недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы добрались до вала, на Ю. отъ выше упомянутаго укрѣпленія за-аргунскаго, тянется неизвѣстно до какихъ мѣстъ.

Старался я узнать, но безуспѣшно, не сохранилось-ли у этого-же самаго народа какое-нибудь преданіе объ исторіи этихъ укрѣпленій и вала. Никакого особаго названія онъ не носитъ. Все это у Тунгусовъ и Монголовъ извѣстно подъ общимъ названіемъ *Керимъ*. Тѣже Монголы знаменитую Китайскую стѣну также называютъ *Керимъ*, но съ прибавкою эпитета *Цаганъ* (т. е. Бѣлый) *Керимъ*. Упомянутыя укрѣпленія скорѣе, кажется, служили лагерною стоянкою (гдѣ древніе властители этихъ странъ, проводившіе кочевую жизнь подъ шатромъ, собирались только вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ), чѣмъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ укрѣпленія по ту сторону Аргуни находилось, кажется мнѣ, мѣстопребываніе князя или вождей его, а небольшіе ровики въ томъ-же укрѣпленіи, по моему мнѣнію, составляли между семьями межи жилищъ ихъ, такъ что упомянутый валъ, вѣроятно, служилъ границей между различными народами.

Мессершмидтъ въ рукописномъ дневникѣ своихъ поѣздокъ по Сибири упоминаетъ о развалинахъ какой-то древней крѣпостцы при рѣчкѣ *Уруленгуй*, впадающей въ Аргунь. Но я долженъ сознаться, что хотя мнѣ при поѣздкахъ къ Аргунскимъ серебрянымъ заводамъ, а оттуда къ г. *Цурухайту* и затѣмъ обратно къ соленому озеру Нерчинскаго округа, трижды пришлось переправляться черезъ рѣчку *Уруленгуй* въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ переѣзжалъ черезъ нее, но я тщетно у различныхъ людей, какъ Русскихъ, такъ и Тунгусовъ, спрашивалъ о тѣхъ развалинахъ. Впрочемъ это не покажется намъ страннымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что путешествующимъ простой народъ нерѣдко имѣетъ обыкновеніе навязывать небылицы, коль скоро они не хотятъ сами воочію осматривать все: вѣдь издали глаза могутъ ошибаться и принимать что-нибудь за укрѣпленіе, что̀ на самомъ дѣлѣ нечто иное, какъ скала, вышедшая изъ обычной своей формы. Но почему Мессершмидтъ ни слова не говоритъ ни объ одномъ изъ укрѣпленій, видѣнныхъ мною на Аргуни, тогда какъ, судя по дневнику, онъ ѣхалъ тѣмъ-же самымъ путемъ?

Абульгази въ Исторіи Татаръ (стр. 101 франц. изд.) упоминаетъ о 4-хъ лежащихъ между *Селенгой* и *Икаръ-Мураномъ* городахъ, слѣды которыхъ я съ своей стороны отыскивалъ на земляхъ, прилегающихъ къ рѣкамъ *Ингодѣ* и *Чикою* (въ своей исторіи серебряныхъ заводовъ Аргунскихъ, я довольно ясно, кажется, доказалъ, что подъ именемъ р. *Икаръ-Муранъ* должно разумѣть *Ононъ*, *Шилку* и *Амуръ*), но ничего узнать о нихъ не могъ. Можетъ быть, они лежатъ внѣ предѣловъ Русской имперіи, на земляхъ Монгольскихъ. О древнемъ городѣ *Алакзинѣ*, лежавшемъ по *Абульгазію*, на *Икаръ-Муранѣ*, а по Страленбергу близъ *Аргуни*, да о сотни другихъ укрѣпленій, которыя Изебрандъ видѣлъ на пути своемъ отъ Нерчинска къ Аргунскому укрѣпленію, также говорено мною въ упомянутой исторіи заводовъ, такъ что считаю излишнимъ повторять эти мелочи.

Далѣе, между памятниками древности заслуживаютъ вниманія могильные курганы. При переѣздѣ изъ *Красноярска* въ *Иркутскъ* и оттуда въ *Селенгинскъ* я не только самъ не видѣлъ ихъ, но и у жителей ничего не слышалъ о нихъ. Приписываю это гористой и изобилующей лѣсами мѣстности, которой, какъ уже упоминалъ въ Красноярскѣ, древніе поселенцы не жаловали. Но какъ только я вступилъ на *Нерчинскую* землю, такъ я замѣтилъ безчисленное множество кургановъ на берегу

р. *Уды*, впадающей въ *Селенгу*, и при р. *Шилкѣ* [1]), тамъ, гдѣ территорія не покрыта горами, въ особенности же на равнинахъ между *Онономъ* и *Аргунью* [2]).

По наружному виду это не холмъ, накиданный изъ земли, не куча камней, не кругъ изъ каменныхъ глыбъ, не настилка изъ голышей, какъ курганы по р. Иртышу, имѣющіе, какъ я говорилъ, подобную внѣшнюю форму, или какъ курганы въ верховьяхъ Енисея, упомянутые мною со словъ другихъ. Такимъ образомъ я собственно неправильно назвалъ бы ихъ курганами, если бы слово это не вошло въ столь общее употребленіе, что почти не допускаетъ другого, равнаго ему. Эти курганы, окруженные большими каменными глыбами, величиною въ ростъ человѣка, имѣютъ четыреугольную фигуру, продолговатую съ В. на З. Если я говорю съ В. на З., то это не слѣдуетъ принимать въ строгомъ смыслѣ: при провѣркѣ по компасу почти всегда оказывалось нѣкоторое уклоненіе отъ настоящаго В. и З. Глыбы, положенныя съ В., какъ вышиною, такъ и шириною, превосходятъ остальныя. Внутренняя емкость кургановъ, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ сажень въ длину и полсажени въ ширину, часто же бываетъ и больше. Надписей никогда нѣтъ. Очень рѣдко они встрѣчаются вскрытыми. Разспрашивалъ я, отчего это происходитъ, и получилъ въ отвѣтъ, что приходили курганщики, но никакихъ сокровищъ не нашли и потому напрасную работу продолжать не захотѣли. Извѣстіе это меня не устрашило, такъ какъ я надѣялся, что если въ этихъ курганахъ и не зарыты золотыя и серебряныя вещи, за которыми сибирскіе курганщики только и гоняются, то въ нихъ должны быть мѣдныя и желѣзныя издѣлія, которыя могутъ служить къ разъясненію исторіи древнихъ поселенцевъ. По-этому я тотчасъ-же рѣшился приняться за раскопку при первомъ удобномъ случаѣ. На пути въ *Нерчинскъ* не хватило на это досуга, а при поѣздкѣ изъ *Нерчинска* къ серебрянымъ заводамъ Аргунскимъ я не могъ осуществить свое намѣреніе за отсутствіемъ русскихъ поселенцевъ и неимѣніемъ землекопныхъ орудій.

Предвидя, что это неудобство встрѣтится и въ послѣдствіи, мы порѣшили съ Гмелинымъ, одного изъ бывшихъ при насъ студентовъ, Горланова, отправить изъ Аргунскихъ заводовъ обратно къ *Шилкѣ* и поручить ему, пока мы съѣздимъ къ верховьямъ р. Аргуни, заняться раскопками близь деревни *Городище*, гдѣ я замѣтилъ большое количество такихъ кургановъ. Мы снабдили этого студента такими инструкціями и указаніями, которыя, какъ я надѣялся, будутъ достаточны на всякій случай. Но надежда моя обманула меня: когда Горлановъ, по окончаніи нами поѣздки по землямъ Аргунскимъ и Ононскимъ, опять присоединился къ намъ въ Читѣ, то онъ сообщилъ намъ, что раскопалъ 15 могилъ, но не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ поломанной кости, которую и привезъ съ собою и которую Гмелинъ призналъ за часть человѣческаго черепа. Горлановъ объяснилъ намъ, что, прокопавъ землю вглубь на $1^1/_2$ локтя, онъ нашелъ землю до того плотною, что не сомнѣвался въ томъ, что дошелъ уже до дна могилы, и потому счелъ излишнимъ продолжать раскопку. Вслѣдствіе этого у меня вновь появилось желаніе убѣдиться самому, въ чемъ дѣло [3]).

---

1) Гмелинъ (Reise II, 7) говоритъ: «Отсюда (т. е. отъ р. Уды) мы проѣхали (30 мая 1735 г., по направленію къ Колпинному озеру) по жалкой степи и встрѣтили на ней нѣсколько неразрытыхъ могилъ, вокругъ которыхъ стояли большіе торчмя поставленные камни» и затѣмъ (тамъ-же, стр. 31, 14—15 іюня 1735 г.): «профессоръ Миллеръ отсюда (изъ Нижняго городища на Шилкѣ) на лошадяхъ переправился черезъ рѣку на лѣвый берегъ Шилки и видѣлъ тамъ до 50 могилъ, оставшихся отъ древнихъ жителей и кругомъ обставленныхъ большими глыбами камня, которыя здѣсь называются маяками».

2) «Начиная съ Онона (10 авг. 1735 г.) мы встрѣчали очень много прекрасныхъ, обставленныхъ большими, торчмя стоявшими камнями, могилъ, которыя, если ихъ въ одномъ мѣстѣ много, издали похожи на укрѣпленіе» (Gmelin, Reise II, 122).

3) «16-го іюля 1735 г. мы отправили студента Горланова черезъ Нерчинскъ въ дер. Городище, около которой, какъ я уже замѣтилъ выше, по другую сторону рѣки, находилось много неразрытыхъ могилъ. Отъ вскрытія нѣкоторыхъ изъ этихъ могилъ мы ожидали значительнаго разъясненія по той части древней исторіи, которая относится къ прежнимъ обитателямъ этихъ мѣстностей. По-этому мы поручили ему вскрыть добрую долю этихъ могилъ и самымъ тщательнымъ образомъ описать внутреннее ихъ состояніе, а по окончаніи работы ожидать насъ въ Читинскѣ». (Gmelin, Reise II, 69).

Отправившись изъ *Еравинскаго* острога въ Удинскъ, мы взяли съ собою все нужное для такой работы. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ р. *Уды*, въ мѣстности, гдѣ намъ пришлось расположиться для отдыха и пастьбы лошадей, мы встрѣтили около 10 кургановъ, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Я приказалъ вскрыть 2 кургана: одинъ изъ нихъ былъ окруженъ огромными глыбами камня, другой по наружному виду нѣсколько меньше. Прокопавъ въ послѣднемъ насыпь на $^1/_4$ локтя, мы нашли нѣкоторыя части лошадинаго остова, а затѣмъ наткнулись на каменную глыбу въ родѣ тѣхъ, которыя стоятъ вокругъ кургановъ. Она лежала горизонтально и представляла такую массу, что 4 человѣка не были въ состояніи поднять ее; пришлось молоткомъ разбить ее на куски, чтобы она тяжестью своею не препятствовала дальнѣйшей работѣ. По устраненіи этихъ препятствій, вскорѣ появились человѣческія кости, изъ которыхъ намъ однакоже не удалось собрать необходимое для составленія цѣлаго скелета, не смотря на все наше, употребленное при раскопкѣ, стараніе, не оставить чего-нибудь неизслѣдованнымъ. Кромѣ того, естественное положеніе костей было нарушено. Несомнѣнно было только то, какъ мы замѣтили, что какъ человѣческія, такъ и лошадиныя кости, принадлежащія къ верхней части тѣла, въ особенности голова, встрѣчались съ В., нижнія же кости, особенно ноги, съ З. Въ другомъ курганѣ человѣческія кости находились въ такомъ-же точно видѣ. Лошадиныхъ же костей въ немъ нигдѣ не найдено и доступъ къ костямъ не былъ закрытъ каменной глыбой. На Иртышѣ я не встрѣтилъ такого поврежденія костей. Разломанныя кости еще нѣсколько бѣлѣли и для перелома требовалось усиліе: сами собою, отъ легкаго къ нимъ прикосновенія, онѣ не могли крошиться. Вотъ весь плодъ нашихъ трудовъ: намъ достались только однѣ кости [1]).

«Поѣздка его не имѣла однакоже того исхода, на который мы надѣялись. Донесеніе его гласило, что по порученію его разрыто 15 могилъ различнаго наружнаго вида, но что онъ въ нихъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ человѣческихъ скелетовъ, а встрѣтилъ лишь нѣсколько лошадиныхъ костей» (тамъ-же, стр. 122—123).

1) «За 4 версты до прибытія нашего въ Шибету-Хадда (16 авг. 1735 г.) мы увидѣли въ степи очень много древнихъ могилъ. Въ виду плачевнаго исхода произведенной уже незадолго передъ тѣмъ раскопки такихъ могилъ близь дер. Городище, заставившаго насъ скорѣе усомниться въ тщательности и осторожности посланнаго нами туда лица (т. е. Горланова), чѣмъ провѣрить правдивость его донесенія, мы въ Еравнѣ запаслись лопатами съ тѣмъ, чтобы самимъ, гдѣ окажется удобнымъ, заняться этимъ дѣломъ. Мѣсто это мы выбрали потому, что оно находилось недалеко отъ пункта, на которомъ хотѣли остановиться для кормовки. Могилы, подобно всѣмъ остальнымъ могиламъ въ этихъ мѣстностяхъ, имѣли форму продолговатаго четыреугольника, обставленнаго со всѣхъ сторонъ большими булыгами. Самыя большія могилы были не длиннѣе 3 саж. и не шире 1 саж. Съ восточной стороны преимущественно стояли 2 очень большіе камня, вышиною и шириною превосходившіе остальные. Могилы въ длину обращены были приблизительно съ В. на З., но при изслѣдованіи ихъ по компасу оказывалось, что такое направленіе рѣдко соблюдено было въ точности. Мы приказали вскрыть двѣ могилы, одну, обставленную довольно низкими камнями, и другую, которая, вслѣдствіе величины камней, имѣла болѣе щегольской видъ. Въ той и другой съ самого-же начала встрѣтились большія затрудненія, потому что онѣ были завалены камнями. При извлеченіи такихъ камней изъ щеголеватой могилы, кое-гдѣ стали показываться лошадиныя кости, но ихъ было найдено такъ мало, что для составленія полнаго лошадинаго скелета недоставало болѣе 19 частей. Кости, принадлежавшія къ верхнимъ частямъ тѣла, оказались въ восточномъ, а нижнія кости въ западномъ концѣ могилы. Изъ-подъ этихъ костей, лежавшихъ почти на самомъ верху, пришлось еще около аршина вглубь выбирать камни, а въ концѣ восточной части лежалъ поперекъ могилы огромный камень, съ извлеченіемъ котораго пришлось много возиться. Нельзя было управиться съ нимъ иначе, какъ разбивъ его на куски, которые затѣмъ вынимались по частямъ. Подъ этими камнями находился слой земли, приблизительно въ 2 дюйма, а подъ нимъ оказались человѣческія кости взрослаго мужчины, также въ такомъ положеніи, что кости верхней части тѣла лежали къ В., остальныя же кости къ З. Впрочемъ совершенно точно опредѣлить положеніе нельзя было, потому что скелетъ лежалъ нѣсколько вкось на лѣвомъ боку, плечевыя кости (Armbeine) и маленькія трубчатыя кости руки (Armröhren) находились плотно рядомъ, но оконечностями своими доходили до бедренныхъ костей (Hüftbeine). До полнаго скелета, однакоже, опять недоставало многаго. Отъ кистей рукъ уцѣлѣло лишь нѣсколько костей; реберъ и позвонковъ недоставало много, плечевыхъ костей вовсе не было. Все это, можетъ быть, слѣдуетъ приписать гніенію, вслѣдствіе котораго тонкія и ломкія кости истлѣли. Впрочемъ уцѣлѣвшія кости были еще очень свѣжи и крѣпки. Отъ головы не осталось ни малѣйшаго слѣда; не оказалось даже ни одного зуба, который вѣдь не легко подвергается тлѣнію. Мы не щадили трудовъ и продолжали копать еще глубже подъ остальными костями до тѣхъ поръ, пока ясно можно было видѣть, что земля лежала слоями и мы, слѣдовательно, вполнѣ убѣдились въ томъ, что она прежде тамъ никогда не раскапывалась. Найти же больше ничего не удалось. Въ другой

Древнія рудныя копи этихъ странъ также должны быть причислены къ памятникамъ древности и подлежали бы здѣсь разсмотрѣнію, если бы это уже не было сдѣлано отчасти мною въ исторіи серебряныхъ заводовъ Аргунскихъ, и подробнѣе Гмелинымъ въ соображеніяхъ его о горномъ дѣлѣ древнихъ обитателей Аргунскаго края. Прибавлю тутъ только то, что я узналъ на Аргунскихъ заводахъ. Когда поля обнажаются отъ травъ, то замѣчаются слѣды тропинки, идущей отъ древнихъ копей до описаннаго нами выше укрѣпленія по ту сторону Аргуни.

Мнѣ остается еще упомянуть о тѣхъ памятникахъ древности, которыя мнѣ самому не удалось видѣть, но о которыхъ мнѣ сообщилъ человѣкъ, заслуживающій довѣрія. Въ гористыхъ мѣстностяхъ рѣкъ *Кемника* и *Джиды*, впадающихъ съ З. въ *Селенгу*, на обрывистыхъ скалахъ часто видны изображенія животныхъ и иныя фигуры, хорошо извѣстныя въ другихъ мѣстахъ по «писаннымъ камнямъ». Такъ какъ я узналъ объ этомъ лишь въ *Удинскѣ*, по окончаніи Нерчинскаго путешествія, когда мы уже собирались возвратиться изъ Забайкалья въ Иркутскъ, то я очень жалѣю, что мнѣ не удалось ни самому посѣтить тѣ мѣста, ни послать туда кого-нибудь изъ нашихъ спутниковъ.

Впрочемъ предположенія мои о происхожденіи всѣхъ этихъ памятниковъ я изложилъ въ неоднократно упомянутой исторіи заводовъ и впредь, если найдется время, разовью ихъ еще подробнѣе.

б) Изъ Миллерова рукописнаго описанія Сибирскаго путешествія его [1], съ дополненіями изъ печатнаго изданія путешествія Гмелина [2].

Глава III, листы 57—58. Чтобы географическое описаніе и измѣреніе рѣки Иртыша упущено не было, то назначили мы (т. е. Миллеръ и Гмелинъ, поѣхавшіе изъ Ямышевской крѣпости въ Семипалатинскую сухимъ путемъ) потребныхъ къ тому людей на суднѣ ѣхать водою, причемъ я (Миллеръ) живописцу Люрсеніусу наказалъ здѣлать чертежъ и описаніе оному древнему и уже развалившемуся строенію, о которомъ, будучи я въ Ямышевской крѣпости, получилъ извѣстіе, что оно состоитъ на западномъ берегу рѣки Иртыша, куда намъ сухимъ путемъ доѣхать не можно было [3]... Люрсеніусъ съ геодезистомъ Ивановымъ и съ студентами іюля 19 дня (1734 г.) рано по утру къ Семипалатной крѣпости на ономъ (суднѣ) отправился и въ бытность свою на пути старинное и уже развалившееся строеніе, которое называется Калбасунскою башнею, и отъ Ямышевской крѣпости находится въ 90 верстахъ, обстоятельно описалъ и исправно срисовано (см. въ Коментаріяхъ Санктпетербургской Академіи Наукъ въ части X, на стр. 431)... 26 іюля (мы) пріѣхали

могилѣ не оказалось лошадиныхъ костей, а человѣческія кости найдены на глубинѣ около $^{3}/_{4}$ арш., въ такомъ-же точно положеніи и опять въ такомъ-же странномъ видѣ, что различныхъ костей скелета недоставало; отъ головы не осталось нималѣйшаго слѣда. Большого камня поперекъ могилы здѣсь не было». (Gmelin, Reise II, 133—136).

1) Описаніе это, въ видѣ подробнаго дневника, на нѣмецкомъ языкѣ (Reise einiger Glieder der kais. Akademie der Wissenschaften durch Sibirien. Beschrieben von G. F. M.), хранится въ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе неполныхъ, экземплярахъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ (рукоп. подъ №№ 517, 518, 519, 526, I и др.) и дѣлится на слѣдующія 14 главъ: I) Поводъ и приготовленія къ путешествію; II) отъ С.-Петербурга до Тобольска; III) отъ Тобольска до Томска; IV) отъ Томска до Иркутска; V) отъ Иркутска, чрезъ Байкальское озеро и обратно въ Иркутскъ; VI) изъ Иркутска въ Якутскъ; VII) изъ Якутска въ Иркутскъ; VIII) изъ Иркутска въ Енисейскъ; IX) изъ Енисейска въ Мангазею и обратно, вверхъ по Енисею въ Красноярскъ; X) къ верховьямъ Енисея и обратно въ Красноярскъ; XI) изъ Красноярска въ Тобольскъ; XII) изъ Тобольска въ мѣстности къ югу отъ р. Туры; XIII) изъ Тюмени въ Пелымъ, Туринскъ и Верхотурье; XIV) изъ Верхотурья въ С.-Петербургъ. Нельзя не пожалѣть, что это Описаніе до сихъ поръ не издано. Есть и русскій современный переводъ первыхъ 6-ти главъ этого дневника: «Описаніе путешествія, которое Импер. Академіи Наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли. Сочинено Г. Ф. Миллеромъ» (хранится въ архивѣ Конференціи Импер. Акад. Наукъ подъ № 141; см. Пекарскаго, Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 309 и 427). Изъ этого стариннаго перевода извлечены свѣдѣнія, помѣщенныя здѣсь на стр. 87—91; (остальныя статьи переведены нами по нѣмецкой рукописи № 526, I). Краткое описаніе этого путешествія заключается также въ Миллеровой исторіи Имп. Акад. Наукъ; см. Матер. для исторіи этой Академіи, т. VI, стр. 279—287, 340—366 и 393—442.

2) Reise durch Sibirien von dem Iahre 1733 bis 1743. Göttingen 1751—1752, 4 тома in 8.

3) См. Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, VI, 354.

въ Семипалатную крѣпость, которая отъ Ямышевской крѣпости въ $228^1/_2$ верстахъ находится [1]). На другой день ѣздили мы къ стариннымъ развалинамъ такъ называемыхъ семи палатъ, по которымъ и крѣпости дано званіе. Сіи семь палатъ наипаче славны по обрѣтеннымъ прежде сего въ оныхъ тангутскимъ письмамъ; архитектурною работою онѣ очень плохи и не имѣютъ весьма ничего такого, что подъ великолѣпнымъ именемъ *палатъ* разумѣется, какъ по зделанному онымъ проспекту и по моему описанію явствуетъ (см. тамъ-же, на стр. 432 и далѣе). Онѣ стоятъ отъ крѣпости въ 15 верстахъ вверхъ по Иртышу, недалеко отъ восточнаго берега помянутой рѣки [2]).

Глава III, листы 59—60. Августа 8 дня (1734 г.), отъѣхавши отъ Семипалатной крѣпости 37 верстъ, видѣли мы въ пути своемъ старинные остатки домоваго строенія, которое на чистой степи изъ нежженыхъ кирпичей зделано было, а нынѣ почти съ землею сравнялось. Притомъ видны были слѣды каналовъ, каковые Бухарцы при своихъ пашняхъ обыкновенно дѣлаютъ [3]). И такъ по сему заключить надлежитъ, что во время калмыцкаго владѣнія нѣсколько бухарскихъ семей тутъ свое жительство имѣли [4]).

Глава III, листы 60—61. Я принялъ уже давно намѣреніе, ежели гдѣ на старинныхъ кладбищахъ, которыми тамошнія степи наполнены, найдутся еще нераскопанныя могилы, оныя раскапывать и счастія своего отвѣдывать, не найдется ли тамъ драгоцѣнныхъ вещей и другихъ диковинъ, каковыхъ прежде сего весьма много на кладбищахъ выкапывано было. Какъ ѣдучи подлѣ рѣки Ульбы, разстояніемъ отъ Устькаменогорской крѣпости верстъ съ 5 или съ 6, многія такія кладбища примѣтилъ, то открылъ я свое намѣреніе коменданту той крѣпости, но онъ меня увѣрялъ, что надежда моя есть напрасная, потому что тамошніе жители надъ могилами нарочные знаки имѣли, по которымъ они распознавали, находятся ли въ могилахъ какія драгоцѣнныя вещи, и что сіи могилы, которыя я видѣлъ, конечно раскопываны были, ежели только надѣяться можно было, что въ нихъ что нибудь драгоцѣннаго находилось. Однако августа 12 дня отправился я туда рано по утру съ нѣкоторымъ числомъ работниковъ и приказалъ копать и отвѣдывалъ своего счастія въ томъ въ другой разъ по два дня, токмо не получилъ себѣ въ награжденіе ничего, кромѣ одного стариннаго и заржавѣлаго кибиря (?) или стрѣловаго копьеца; да и живописцу Люрсеніусу,

1) Во время пребыванія своего въ Семипалатной крѣпости, Миллеръ отыскалъ тамъ у капитана Ивана Башмакова того серебрянаго маральчика (сибирскаго оленя), который въ 1735 году былъ доставленъ сперва въ Москву въ «Контору Правительствующаго Сената» (см. дѣло Архива бывшей Канцел. Имп. Акад. Наукъ, № 815), оттуда былъ пересланъ въ Кунсткамеру, а теперь хранится въ Импер. Эрмитажѣ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ во 2-мъ томѣ Матеріаловъ для исторіи Импер. Акад. Наукъ (стр. 827) «этотъ маральчикъ, вѣсомъ въ $^3/_4$ фунта, у котораго рожки, спинка и копытца вызолочены были, найденъ енисейскаго полку капраломъ Иваномъ Бундинымъ съ солдатами, близь рѣки *Бахмарты* (не Бухтармы ли?), на Бугровой осыпи». Въ настоящее время у маральчика недостаетъ роговъ и потому прилагаемый политипажъ (въ $^2/_3$ натур. вел.) сдѣланъ съ стариннаго рисунка, помѣщеннаго на одной изъ таблицъ, которыя Императорская Академія Наукъ въ прошломъ столѣтіи предполагала издать при описаніи Кунсткамеры (Ред.).

2) Ср. Матеріалы для исторіи Импер. Акад. Наукъ, VI, стр. 355.

3) По словамъ Гмелина (Reise I, 225—226) это строеніе нѣкогда состояло изъ 6 комнатъ, и прежде около него находились еще другія зданія (глиняныя), всѣ уничтоженныя непогодами.

4) Ср. Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ, VI, стр. 439.

которой, будучи между Семипалатною и Устькаменогорскою крѣпостями, въ пути разрывалъ таковыя же могилы, равная же была неудача [1]).

Глава III, листы 62—64. Я и г. докторъ Гмелинъ съ общаго совѣта положили на томъ, чтобъ выбравъ кого изъ нашей свиты, послать къ Аблайкиту, дабы сочинить обстоятельное оному мѣсту описаніе и, буде найдутся тамъ какія письма и другія достопамятныя вещи, оныя оттуда привести, а сами мы намѣреніе положили между тѣмъ свои дѣла въ Устькаменогорской крѣпости привести къ окончанію, чтобъ въ продолженіи нашего пути не учинилось какой остановки. Тогда все дѣло состояло только въ томъ, чтобъ было намъ кого туда отправить. И хотя мы думали, что всѣми мѣрами полезнѣе послать туда котораго нибудь живописца съ студентомъ, дабы какъ исправной чертежъ, такъ и обстоятельное оному городу описаніе получить можно было; однако для вышеписанной опасности (т. е. происходившихъ въ то время нападеній Киргизъ-Кайсаковъ) не имѣли мы никого изъ сихъ обрѣтающихся при насъ столь нужныхъ людей къ воспріятію сего пути отважить. Ко отправленію сего дѣла по нуждѣ казался намъ способнымъ тамошней крѣпости писарь, которой хотя никакимъ наукамъ не учился, однако отъ природы былъ не глупъ, которому надлежало только дать обстоятельную инструкцію о всемъ томъ, что при таковыхъ описаніяхъ наблюдать должно. Къ исполненію сего дѣла выпросили мы онаго писаря тамошней крѣпости у коменданта, которой намъ далъ его безъ всякихъ отговорокъ, а чтобы намъ на сочиняемое имъ описаніе тѣмъ благонадежнѣе положится можно было, то дали мы ему изъ обыкновеннаго нашего конвоя капрала да двухъ человѣкъ солдатъ съ такимъ приказомъ, чтобы все прилѣжно примѣчать, дабы и о самыхъ малѣйшихъ того мѣста обстоятельствахъ точное извѣстіе имѣть можно было, а въ случаѣ для защищенія отъ непріятельскаго нападенія дано имъ для конвоя 30 человѣкъ исправно вооруженныхъ и добрыхъ лошадей подъ собою имѣющихъ солдатъ. Сверхъ сего дали мы имъ еще 6 заводныхъ лошадей для привозу на оныхъ писемъ и другихъ вещей. Такимъ образомъ отправленные отъ насъ къ Аблайкиту люди выѣхали изъ Устькаменогорской крѣпости августа 12 дня въ вечеру, и понеже они во всю ту ночь ѣхали, то прибыли они ко Аблайкиту 13 дня въ полдни, и какъ для описанія такъ и для своски въ кипы всего того, что тамъ найдено было, пробыли они до полудня слѣдующаго дня, а потомъ 15 числа рано по утру въ Устькаменогорскую крѣпость возвратились. Чрезъ сіе отправленіе, кромѣ обстоятельнаго описанія всему строенію и лежащей туда дорогѣ, получилъ я великое множество тангутскихъ и старинныхъ мунгальскихъ писемъ, картинъ и печатныхъ станковъ, которыя всѣ послалъ я въ Императорскую Кунсткамеру. По прошествіи двухъ лѣтъ послѣ насъ, изъ посыланныхъ отъ тайнаго совѣтника господина Татищева въ Сибирь для сочиненія спеціальной ландкарты геодезистовъ, былъ тамъ одинъ и здѣлалъ аблайкитскому строенію планъ и

---

1) См. тамъ-же, стр. 355—357. Гмелинъ (Reise I, стр. 229—230) сообщаетъ слѣдующее: «10-го авг. (1734 г.) мы отправились (отъ р. Убы) далѣе и, перебравшись, съ большимъ затрудненіемъ, черезъ нѣсколько большихъ горъ, прибыли къ рѣчкѣ Березовкѣ, находящейся въ 25 верст. отъ послѣдней станціи. Какъ по всему пути вдоль Иртыша, такъ и на этихъ горахъ, мы встрѣтили множество могилъ, которыя слѣдуетъ считать остатками пребывавшихъ здѣсь нѣкогда Калмыковъ либо Бухарцевъ. Но между видѣнными нами до сихъ поръ могилами, едва-ли была хоть одна, которая не оказалась бы разрытой. Обитателямъ этихъ мѣстностей, раскапывавшимъ могилы, послѣднія доставляли богатую добычу, потому что въ нихъ находили золото и серебро, иногда въ большомъ количествѣ. По случаю Ирбитской ярмарки я упомянулъ (I, 132) о продававшемся на ней могильномъ серебрѣ. Все такое серебро найдено въ подобныхъ-же гробницахъ. Найденныя же вещи заключаются въ конскихъ уборахъ, большихъ печатяхъ (Inusiegel), браслетахъ, а иногда и въ идолахъ. Не всѣ, однакоже, находимые предметы сдѣланы изъ серебра или золота. Многіе изъ нихъ изъ желѣза или желтой и красной мѣди. Въ одной могилѣ между Ямышевскимъ острогомъ и Семипалатинскомъ живописецъ Люрсеніусъ нашелъ нѣсколько маленькихъ четыреугольныхъ и пирамидально заостренныхъ желѣзныхъ долотъ (Meissel). Но лица, раскапывающія здѣшнія могилы, обыкновенно, къ великому ущербу исторіи, сплавляютъ золото и серебро, а мѣдь и желѣзо бросаютъ. Ближе къ Устькаменогорской крѣпости успѣло еще пока уцѣлѣть нѣсколько могилъ; изъ нихъ нѣкоторыя кругомъ огорожены торчмя поставленными камнями, изъ встрѣчающихся по близости оттуда породъ, какъ-то булыгъ, шиферныхъ плитъ и т. д. Кромѣ того мѣсто, гдѣ лежитъ покойникъ, наполнено камнями и землею. Нѣкоторыя же могилы не обставлены каменною оградою а только наполнены камнями. Мы охотно осмотрѣли бы внутренность этихъ могилъ, но обстоятельства тогдашнія не позволяли намъ заняться этимъ».

фасадъ, и по сему все то, чего въ нашемъ описаніи недоставало, дополнено (см. Санктпетерб. Акад. Наукъ Коммент. въ части X, на стр. 440 и далѣе).

Глава IV, листы 75—77. Обрѣтающіяся при рѣкѣ Енисѣѣ повыше Красноярска пещеры съ находящимся въ той странѣ камнемъ, который испещренъ разными фигурами, были господину доктору Гмелину и мнѣ общимъ поводомъ къ нашему туда отправленію для осмотру оныхъ. Въ исполненіе сего намѣренія послали мы туда напередъ генваря 29 дня (1735 г.) студента Крашенинникова съ 30 человѣками работниковъ, которые по требованію нашему изъ городской канцеляріи даны были, чтобъ занесенныя снѣгомъ дороги и проходы въ пещеры разчистить, а къ камню бы здѣлать способную лѣстницу, либо какія подвязки, чтобъ изображенныя на немъ фигуры точно разсмотрѣть можно было. Какъ мы послѣ сего на третей день туда ѣхать хотѣли, то приключившаяся мнѣ болѣзнь въ произведеніи моего намѣренія была препятствіемъ. И такъ господинъ докторъ Гмелинъ съ живописцомъ поѣхалъ туда февраля 4 дня передъ свѣтомъ одинъ и прибылъ къ первой пещерѣ, что въ лѣвомъ гористомъ по рѣкѣ Енисѣю берегу въ 22 верстахъ отъ Красноярска пониже деревни Овсянки, по которой она и названа Овсянскою пещерою. Оттуда отъѣхавши 28 верстъ, прибылъ къ находящемуся на лѣвомъ берегу и фигурами распестренному камню, а отъ камня отправившись далѣе въ верхъ, переѣхалъ 8 верстъ до устья рѣчки Бирюсы, гдѣ она съ лѣвой стороны въ Енисѣй впала. По оной рѣчкѣ неподалеку въ низу и въ верху находятся разныя пещеры, въ которыя онъ входилъ и усмотрѣлъ, что онъ къ симъ пещерамъ не напрасно съѣздилъ [1]).

Глава IV, листъ 77 [2]). Я отъ части по архивнымъ извѣстіямъ, отъ части же по изустному объявленію разныхъ красноярскихъ жителей учинилъ нѣкоторыя достопамятныя изобрѣтенія о находящейся въ верхнихъ мѣстахъ Енисея рѣки идольской пещерѣ и о таковомъ же строеніи при рѣкѣ Тесѣ на мунгальской степи, причемъ въ обоихъ мѣстахъ такъ какъ въ семи палатахъ и въ Аблайкитѣ найдены тангутскія письма, изъ которыхъ нѣкоторыя покойной докторъ Мессершмидтъ получивши у красноярскаго жителя съ собою въ Санктперетербургъ привезъ (см. въ Коммент. Санктпетерб. Акад. Наукъ, въ ч. X, на стр. 452 и далѣе).

Глава V, листъ 98. Попадалось мнѣ вездѣ по степямъ Нерчинскаго уѣзда множество старинныхъ могилъ прежнихъ жителей тоя страны, которыя россійскими людьми не такъ, какъ на степяхъ иртышскихъ, перерыты были, потому что оны такія могилы, затѣмъ, что въ нихъ богатства никакого не было, не раскапывали. А понеже мнѣ до скрытаго въ землѣ сокровища нужды не было, но токмо хотѣлъ я подлинно знать внутреннее могилъ состояніе, того ради уже давно я желаніе имѣлъ, чтобъ нѣкоторыя могилы раскопать, но за недостаткомъ потребныхъ къ тому снастей, оныя не раскопаны остались. Такъ пришла мнѣ на память находящаяся отъ Нерчинска въ 50 верстахъ слобода Городище, потому что, ѣдучи мимо, на сѣверномъ берегу рѣки Шилки, на окруженной горами полянѣ, видѣлъ я великое множество таковыхъ старинныхъ могилъ. Тамъ работники были въ близости и можно ихъ было изъ слободы взять съ лопатами и съ другими потребными къ тому снастями. Для исполненія сего намѣренія послали мы въ помянутое городище студента Горланова съ обстоятельною инструкціею. По окончаніи порученнаго дѣла приказали мы ему въ Читинскъ быть и тамъ насъ дожидаться. А что онъ при разрываніи могилъ нашолъ, о томъ подлинно сказать нечего, токмо что произведенныя имъ изслѣдованія по моему желанію совершенно исполнены не были, и того ради я на обратномъ пути между Еравною и Удинскомъ еще могилы съ двѣ раскопать велѣлъ [3]).

Глава V, листъ 100. По своемъ въ Цурухайтуйскую слободу пріѣздѣ тотчасъ получилъ я извѣстіе о нѣкоторомъ старинномъ нежиломъ городѣ, находящемся отъ другаго Аргуня рѣки берегу

1) См. Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 362.
2) См. тамъ-же, стр. 394—395.
3) См. тамъ-же, стр. 406.

въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторонѣ Китайскаго владѣнія. Для осмотру сего города, взявши мы съ собою изъ тамошняго гарнизону одного человѣка въ проводники, на другой день на разсвѣтѣ туда верхомъ отправились и, переѣхавши по берегу рѣки Аргуня въ низъ около 12 верстъ, черезъ помянутую рѣку переправились, гдѣ съ восточной стороны въ нее рѣка Ганъ впала, и отъ того мѣста до вышеозначеннаго стариннаго города, которой мы видѣть желали, еще верстъ съ 10 ѣхать осталось. Сей городъ стоитъ на чистомъ и ровномъ мѣстѣ, между Ганомъ и Хауломъ рѣками, и состоитъ только изъ одного землянаго валу, а строенія слѣдовъ никакихъ не видно. Мы пробыли тамъ нѣсколько часовъ для сочиненія тому мѣсту плана и, отправившись оттуда назадъ, пріѣхали еще до вечера опять въ Цурухайтуйскую слободу. Таковыхъ старинныхъ городовъ или паче шанцовъ видѣли мы потомъ еще болѣе по сю сторону границъ въ россійскомъ владѣніи, ѣдучи 28 іюля (1739 г.) далѣе въ верхъ по Аргуню, токмо что величиною противъ тѣхъ, которые мы видали, не будутъ.

Гл. VIII (по нѣм. рукоп. № 526, I), листъ 128. Когда мы 20-го авг. (1739 г.) послѣ обѣда, отъѣхали 98 верстъ отъ монастыря (Кашиношиверскаго), то проводникъ мой указалъ на правомъ берегу Тунгузки скалу, которая, по нѣкоторымъ нарисованнымъ на ней красною краскою, фигурамъ, называется «Писаннымъ камнемъ». Положеніе этой скалы вѣрнѣе всего обозначить указаніемъ, что вслѣдъ за нею въ Тунгузку впадаетъ рѣчка Агалѣева, а выше ея версты на 2 въ Тунгузку вливается Медвѣжій ручей; я вылѣзъ и увидѣлъ, что это такого-же рода скала, какъ другія, которыя носятъ такое-же названіе. Но на ней были изображены только два всадника на коняхъ; вышина, на которой они находились на отвѣсной скалѣ, показывала, что лица, нарисовавшія эти фигуры, могли забраться такъ высоко не иначе, какъ при помощи лѣстницъ, изготовленныхъ для этой именно цѣли. Такъ какъ въ этомъ и заключались всѣ достопримѣчательности скалы, то мнѣ не хотѣлось терять время на рисовку ея (см. также рукоп. № 518, подъ 20-мъ авг. 1739 г.).

Гл. X (тамъ-же, л. 182). Первою мѣстностью, на которую направлены были мои планы, служили верховья этой рѣки (Юсъ=Чулымъ), такъ какъ г. Мессершмидтъ, посѣтивъ этотъ край въ 1722 году, между сліяніемъ Бѣлаго и Чернаго Юсовъ, составляющихъ двѣ вѣтви, на которыя она дѣлится при началѣ своемъ, нашелъ древнее каменное изваяніе, которое мнѣ хотѣлось сравнить со снятымъ имъ съ него рисункомъ, собравъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, если окажется возможность, отъ тамошнихъ татаръ свѣдѣнія о происхожденіи его (т. е. этого изваянія)... 29-го авг. (1739 г.), около полудня, мы выѣхали изъ Соксу и проночевали у ручья Учура, черезъ которой приказали перекинуть мостъ [1]). Въ слѣдующій полдень мы прибыли къ очень прозрачному журчащему ключу, запасшись предварительно, верстъ за 10, по совѣту нашихъ проводниковъ, дровами, которыя повезли съ собою на телѣгѣ... Татары называютъ этотъ ключъ Карасу, т. е. Черной Водой. Отъ Соксу до него было верстъ 50... Въ той мѣстности, гдѣ мы запаслись дровами, находились древнія могилы прежнихъ обитателей этого края, т. е. татаръ Чингизханова царства. Оттуда къ югу, повсюду на степныхъ равнинахъ, такія могилы стали встрѣчаться все чаще и чаще. Онѣ со всѣхъ сторонъ, большею частью въ видѣ четыреугольника, огорожены большими, торчмя поставленными каменными плитами, которыя тамъ называются «маяками». Отправившись, во время заготовки обѣда, къ означенному ключу, я нашелъ въ травѣ два камня отъ ручного жернова (нѣсколько болѣе фута или $^{1}/_{2}$ аршина въ поперечникѣ); показавъ ихъ своимъ татарскимъ возницамъ, я спросилъ ихъ, употреб-

---

1) «По дорогѣ между рѣкою и озеромъ Учуромъ видно было множество древнихъ, вѣроятно, татарскихъ могилъ, обыкновенно представлявшихъ каждая большой продолговатый четыреугольникъ, обставленный торчмя стоявшими плитами, которыя, однакоже, поставлены были довольно далеко одна отъ другой. Пространство внутри четыреугольника у нѣкоторыхъ могилъ было совершенно плоское, у иныхъ же имѣло видъ холма. Внѣ четыреугольника, на разстояніи 3—4 саж. отъ него, стоялъ иногда большой камень, обращенный прямо къ срединѣ могилы и нѣсколько наклоненный къ ней, т. е. на ЮВ. Къ этой странѣ свѣта обращены были и четыреугольники, слѣдовательно и всѣ могилы. Мы вскрыли (29—30 авг. 1739 г.) нѣкоторыя изъ нихъ и нашли иныя еще въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ, вѣроятно, находились въ то время, когда онѣ были сооружены» (Gmelin, Reise III, 273—274).

ляютъ-ли они такіе жернова. Они отвѣтили, что ихъ ручные жернова больше этихъ камней, и полагали, что послѣдніе принадлежали тѣмъ-же прежнимъ обитателямъ, которыми поставлены маяки [1]). Но не пользовались-ли ими киргизы, которые еще въ началѣ нынѣшняго (18-го) столѣтія жили въ этомъ краѣ и калмыками переселены въ калмыцкія земли?

Въ 25 верстахъ отъ Карасу мы переѣхали (31 авг. 1739 г.) черезъ рѣчку Печижъ, впадающую въ Черный Юсъ на версту отъ этого мѣста. Чтобы добраться до татарскихъ селеній, мы проѣхали 10 верстъ вверхъ вдоль Чернаго Юса, выславъ впередъ людей, которымъ поручено было изготовить плотъ для нашего переѣзда. Но насталъ вечеръ и пришлось переночевать тамъ. Жившій здѣсь татаринъ помнилъ еще, что уже прежде тутъ былъ человѣкъ (д-ръ Мессершмидтъ), осматривавшій ту древнюю статую, про которую мы разспрашивали. Онъ обѣщалъ проводить насъ къ ней. Но мы сперва занялись переправкою черезъ рѣку нашихъ повозокъ, и уже послѣ обѣда отправились къ статуѣ, стоящей въ 4 верстахъ оттуда на ЮВ., среди горъ, въ долинѣ. Татары называютъ ее *хозен-кыз*, т. е. «заячьей дѣвой», изъ которой г. Мессершмидтъ хотѣлъ сдѣлать Діану. Но она такъ мало похожа на Діану, что не содержитъ даже признаковъ женскаго существа, а скорѣе, кажется, изображаетъ мужчину съ усами и съ оружіемъ на боку [2]). Я сообщилъ проводнику мои сомнѣнія относительно того, почему изображенную на этомъ камнѣ фигуру не могу признать за женщину, но онъ не съумѣлъ мнѣ отвѣтить на это. Живущіе на Бѣломъ Юсѣ татары, къ которымъ мы пріѣхали на слѣдующій день, говорили, что имя *хозен* (какъ они слышали отъ старыхъ людей) дано статуи на томъ основаніи, что у нея губы и носъ раздвоены, какъ у зайца. Этого, однакоже, никто изъ насъ не замѣтилъ. Можетъ быть, такая расщелина образовалась постепенно, въ теченіи долгаго времени. Это показываетъ только, какъ легко могутъ ошибаться любители миѳологическихъ толкованій. По моему мнѣнію, ни у одного народа нельзя искать греческихъ и римскихъ божествъ менѣе, чѣмъ у прежнихъ и нынѣшнихъ татаръ. Насмотрѣвшись вдоволь на статую и снявъ съ нея рисунокъ, мы вернулись къ нашей стоянкѣ... На слѣдующій день, послѣ обѣда, мы прибыли къ рѣчкѣ Toium (Тоимъ?), которая чрезъ озеро Bülu (Вилію?) впадаетъ въ Бѣлый Юсъ и замѣчательна тѣмъ, что неподалеку отъ того мѣста, въ которомъ мы перебрались черезъ нее, на

---

1) «На день пути отъ того мѣста, гдѣ мы переѣхали черезъ Тоюмъ, стоитъ, говорятъ, вверхъ по этой рѣчкѣ, большой жерновъ, прислоненный къ дереву. Нынѣшніе татары считаютъ его также остаткомъ татарской древности» (Gmelin, Reise III, 278—279).

2) Въ рукоп. № 517, II (тетр. 3) подъ 31 авг. (1739 г.) сообщается объ этой статуѣ еще слѣдующее: «она изсѣчена четырехгранной изъ песчаника, вверху красноватаго, внизу бѣлаго, и изображаетъ человѣческую фигуру, отъ головы до пояса барельефомъ, очень дурно исполненнымъ, съ плохой пропорціональностью членовъ, и безъ ногъ, которыя замѣняетъ четыреугольный обрубокъ. Вышиною она въ $1^{3}/_{4}$ арш., шириною и толщиною въ 6 квадр. вершковъ. Голова по отношенію къ остальному тѣлу такъ велика, что составляетъ $^{1}/_{4}$ всей вышины и почти такъ широка, какъ тѣло съ плечами, но не прикрѣплена къ корпусу, а наставлена только на плечи и снимается. Глаза, носъ, ротъ и щеки очень мало выдаются на плоскости. Надъ верхней губой, по обѣ стороны къ щекамъ, возвышается что то похожее на усы. Ушей нѣтъ. На головѣ шапка, которая отъ темени идетъ вверхъ, а къ спинѣ оканчивается острымъ угломъ. Руки тѣсно прилегаютъ къ тѣлу. Правой рукой она держитъ маленькій сосудъ въ видѣ погребальной урны, а лѣвой — саблю или сѣкиру, рукоятка или клинокъ которой виситъ внизъ на томъ-же лѣвомъ боку. На тѣлѣ поясъ, украшенный четыреугольными пластинками (въ родѣ поясовъ брацкой работы съ украшенными серебромъ бляшками), особенно ясно видными на лѣвомъ боку. Съ правой стороны на поясѣ виситъ круглый кошелекъ, изсѣченный также барельефомъ».

У Гмелина (Reise III, 275—276) сказано: «мы отправились верхомъ (31 авг. 1739 г. отъ Чернаго-Юса) къ очень славящейся въ этихъ мѣстахъ каменной статуѣ, которая, говорятъ, осталась отъ татаръ, обитавшихъ нѣкогда этотъ край. Она извѣстна подъ татарскимъ названіемъ Chosain Kiss и лежитъ при дорогѣ въ степи, верстахъ въ двухъ отъ рѣки. Это собственно только обломокъ, вышиною въ $^{3}/_{4}$ человѣческаго роста, съ длиннымъ плоскимъ лицомъ, плоскимъ носомъ, усами и съ чѣмъ-то вродѣ шапки на головѣ. Лобъ сильно вдавленъ. Голова не связана съ остальнымъ тѣломъ, а можетъ быть снимаема по усмотрѣнію. На тѣлѣ поясъ брацкой работы, на которомъ съ лѣвой стороны виситъ сабля, а съ другой кошелекъ, вѣроятно табачный кисетъ. Видны также двѣ руки, изъ которыхъ лѣвая обращена къ ефесу сабли, а правая держитъ нѣчто въ родѣ горшечка. Изваяна статуя очень плохо и такъ грубо, что въ настоящее время врядъ-ли нашелся бы ваятель, который не устыдился-бы такой работы. Мы велѣли срисовать это изображеніе, чтобы имѣть памятникъ древняго татарскаго ваянія».

ровной степи, стояла каменная статуя, перевезенная 3 года тому назадъ (по распоряженію воеводы) въ Красноярскъ, гдѣ она находится по сіе время. По возвращеніи нашемъ въ Красноярскъ я видѣлъ ее и велѣлъ снять съ нея рисунокъ [1]). Разсказываютъ еще о двухъ жерновахъ, которые при этомъ ручьѣ, на день отъ нашего пути, были прислонены къ дереву и, какъ говорятъ, такъ велики, что врядъ-ли можно считать ихъ ручными...

4-го сент. (1739 г.) утромъ мы спустились по Биру внизъ до его впаденія въ Уйбатъ, что̀ составляло верстъ 10. Въ этой мѣстности Мессершмидтъ нашелъ каменный памятникъ, съ котораго, вслѣдствіе находившейся на немъ неизвѣстной надписи, велѣлъ снять рисунокъ. Г. Страленбергъ, бывшій иногда спутникомъ г. Мессершмидта, получилъ копію съ рисунка и издалъ ее по возвращеніи своемъ изъ Сибири (стр. 409, табл. V) [2]), а г. проф. Байеръ помѣстилъ снимокъ съ Мессершмидтова оригинала и соображенія свои въ Комментаріяхъ С.-Петерб. Акад. Наукъ (т. II, стр. 474, табл. XXVIII). Оба рисунка однакоже во многомъ несходны между собою. Можно, пожалуй, предположить, что находившійся при г. Мессершмидтѣ рисовальщикъ (г. Страленбергъ называетъ его шведскимъ мальчикомъ), возвратясь съ нимъ (изъ Сибири), изготовилъ Страленбергскій снимокъ впослѣдствіи, по первому своему эскизу, который, можетъ быть, оставилъ у себя, и что Мессершмидтовъ рисунокъ, отдѣланный на-чисто, тотчасъ послѣ перваго наброска, лучше Страленбергскаго.

Но можно также допустить, что рисовальщикъ ошибся, какъ въ первый, такъ и во второй разъ. Вотъ почему прежде всего необходимо было устранить эти сомнѣнія личнымъ осмотромъ статуи и снятіемъ съ нея новаго рисунка, изготовленнаго самымъ тщательнымъ образомъ. Я сталъ разспрашивать нашихъ татарскихъ возницъ о мѣстности, въ которой находится этотъ камень, но никто не могъ мнѣ указать ее. Они увѣряли, что никогда ничего не слышали о такомъ камнѣ съ надписью. Я приписалъ это обстоятельство отдаленности ихъ родины, такъ какъ они жили на рѣкѣ Юсѣ. Затѣмъ намъ пришлось запастись новыми возницами и взять ихъ изъ сагайскихъ татаръ Кузнецкаго округа, изъ которыхъ нѣкоторые, прежде жившіе около этихъ мѣстъ, теперь жили верстъ за 20 дальше вверхъ на Уйбатѣ. Когда они явились на нашъ зовъ, то я разсчитывалъ, что отъ нихъ мнѣ навѣрное удастся узнать мѣсто нахожденія столь замѣчательнаго памятника. Но и они ничего не могли сообщить мнѣ, говоря, что въ степи очень много камней, что они не находятъ въ нихъ ничего замѣчательнаго и по своему невѣжеству не обращаютъ вниманія на то, отличается-ли чѣмъ-нибудь одинъ камень отъ другого и находятся-ли на нѣкоторыхъ камняхъ надписи, въ которыхъ впрочемъ они сами ничего не смыслятъ. Я сталъ уже сомнѣваться въ томъ, та-ли эта мѣстность, но на нее прямо указывали и Hodegeticum г. Мессершмидта (при мнѣ была копія съ него) и свидѣтельства какъ г. Страленберга, упоминающаго рѣчку Бей (Вее), такъ и проф. Байера, называющаго, со словъ г. Мессершмидта, рѣчки Бей и Нонахъ (собственно Нина), противъ устьевъ которыхъ долженъ находиться этотъ камень. Обѣ рѣчки находятся отсюда въ небольшомъ разстояніи внизъ отъ Уйбата. Въ татарахъ, которые во всемъ выказывали полнѣйшую готовность служить намъ, нельзя было предполагать притворство. Приходилось ждать, не удастся-ли мнѣ при дальнѣйшемъ пути получить объ этомъ свѣдѣнія отъ другихъ татаръ, или разспросить тѣхъ, которые водили туда г. Мессершмидта. Самому, безъ ближайшаго указанія, въ обширной степи, какъ-бы усѣянной безконечнымъ множествомъ такихъ камней, отыскать настоящій не было никакой надежды... У Нины (впадающей въ Уйбатъ) добрались мы до горы, на средней высотѣ которой, въ особой скалѣ, находится маленькая, по-видимому не естественная, а искусственно сдѣланная человѣческими руками, пещера, и внутри послѣдней — изваянная изъ краснаго песчаника фигура, вышиной въ аршинъ, нѣсколько по-

---

1) «Она изображаетъ мужскую фигуру, которая, какъ Хозенъ-кызъ, въ правой рукѣ держитъ передъ грудью горшечекъ, а лѣвою придерживаетъ саблю. Голова, при перевозкѣ статуи изъ степи въ Красноярскъ, отбита вслѣдствіе паденія, что и показано на рисункѣ» (Рукоп. Миллера, № 517, II, тетр. 3).

2) См. выше стр. 31.

хожая на стоящаго медвѣдя [1]). Татары, указавшіе намъ эту фигуру, ничего болѣе не умѣли сообщить о ней... Каменный медвѣдь былъ срисованъ въ самой пещерѣ съ тѣмъ, чтобы о немъ не могли составлять себѣ представленіе болѣе выгодное, чѣмъ онъ заслуживалъ...

Тамъ-же, л. 192. Разсказывали про скалу «Куртуякъ-ташъ» на Ашкысѣ (=Аскызъ или Аскышъ), что тамъ можно видѣть каменныя изваянія, которымъ татары, по старинному обыкновенію, поклоняются. Чтобы ознакомиться и съ этимъ родомъ языческаго суевѣрія, я въ слѣдующее утро (7 сент. 1739 г.) отправился туда съ г. Гмелинымъ и живописцемъ и нашелъ тамъ [2]) искомое на разстояніи 8 верстъ отъ рѣки вверхъ (на СЗ.). На половинѣ подъема высокой горы оказалась столпообразная скала, а въ послѣдней небольшая плоская пещера съ стоявшимъ въ ней плоскимъ камнемъ алебастровой породы, неправильныя выпуклости котораго одно только испорченное воображеніе татаръ могло принять за изображеніе старухи. Этотъ-то камень они и называютъ «Куртуякъ»; слово это значитъ и старикъ и старуха, но служитъ и вообще для обозначенія каменной статуи. Рядомъ стояло «дитя старухи» (какъ увѣряли татары), небольшой бѣлый песчаникъ, на которомъ можно было, да и то съ трудомъ, замѣтить только голову и туловище человѣка, но другихъ членовъ не видно [3]). Съ такого малозамѣчательнаго предмета не стоило даже снимать рисунокъ. Мы возвратились и послѣ обѣда поѣхали верстъ за 25 на Ю.-и ЮЮЗ. къ ручью Тюэ (Тея?), такъ какъ Мессершмидтъ въ своемъ Hodegeticum'ѣ упоминаетъ о находящемся въ этой мѣстности другомъ «куртуякѣ» или, какъ онъ добавляетъ, монгольскомъ изваяніи, и мнѣ также хотѣлось осмотрѣть его... Когда мы прибыли къ ручью, близь устья котораго, верстахъ въ 5, жили бельтирскіе татары, принадлежащіе также къ Кузнецкому округу, то никто не зналъ тамъ, чтобы по близости находились такого рода памятники. Намъ совѣтовали вернуться опять почти къ самому Ашкысу, вдоль теченія Абакана, держась на версту или на двѣ отъ этой рѣки, и увѣряли насъ, что мы на этомъ пути найдемъ нѣсколько «куртуяковъ». Такъ это и случилось, когда мы на слѣдующій день вернулись по указанной намъ бельтирами дорогѣ. Прежде всего, въ 6-ти верстахъ отъ Тюэ и въ 2-хъ отъ берега Абакана, мы встрѣтили три, стоявшія одна за другой [4]) съ С. на Ю., каменныя плиты, въ 1—$1^1/_2$ саж. вышины, 1—$1^1/_2$ арш. ширины и

---

1) «Половина лѣвой стороны головы оторвана вкось. Передняя сторона обращена къ югу» (рукоп. № 517, II).

У Гмелина (Reise III, 280) мы находимъ по этому предмету такую замѣтку: «Переѣхавъ черезъ Уйбатъ, затѣмъ 10 верстъ далѣе черезъ рѣчку Бе(й), а еще 10 верстъ дильше черезъ рѣчку Нину, мы прибыли вслѣдъ затѣмъ къ Кузнецкимъ татарамъ, которые называютъ себя Сагаями... Дорога шла большею частью по совершенно ровной степи, на которой мы опять встрѣтили множество древнихъ могилъ. За нѣсколько верстъ до прибытія нашего къ Нинѣ, мы проѣхали мимо каменнаго идола, вышиною приблизительно въ локоть, изображавшій сидящаго на заднихъ лапахъ медвѣдя. Можетъ быть, ради усиленія святости его, онъ помѣщенъ въ нишѣ, вѣроятно также искусственно вырубленной въ скалѣ. Изваянъ онъ былъ почти въ такомъ-же вкусѣ, какъ Chosain-Kiss». См. также К. Риттера, Землевѣд. Азіи III, 515.

2) «На лѣвомъ берегу Аскыша, между горами, мы нашли кругловато-продолговатую скалу, въ нѣсколько саж. вышины, какъ-бы выдолбленную къ сторонѣ рѣки» (Gmelin, Reise III, 283).

3) «Передъ скалою на горѣ лежитъ на землѣ множество разныхъ, собранныхъ изъ рѣки, камней особаго вида и цвѣта, изъ которыхъ большая часть имѣетъ нѣкоторое сходство съ конемъ или какимъ-либо другимъ животнымъ, и такъ какъ на нихъ голова, шея и тѣло одинаково замѣтны, то, кажется, почитатели статуи нѣсколько постарались придать камнямъ такой видъ. Кромѣ того, передъ куртуякомъ, между нѣкоторыми скалами натыкано нѣсколько кустовъ, на которые навѣшаны разныя тряпки холщевыя, китайчатыя, кожаныя и др., обыкновенно привязываемыя проѣзжающими татарами изъ благочестія» (рукоп. Миллера, № 517, II).

Такія-же данныя мы находимъ и у Гмелина (Reise III, 284—285). См. еще К. Риттера, Землевѣд. Азіи III, 507—508.

4) «На 2 саж. одна за другой, обращенныя плоскими сторонами на Ю. и на С. Такого рода камни, которые ставились древними татарскими народами, вѣроятно, либо въ воспоминаніе извѣстныхъ событій, либо для другихъ указаній и примѣтъ, мы встрѣчали уже неоднократно въ прежнихъ степяхъ, то въ одиночку, то по два въ рядъ, но ни разу пока еще не видѣли камней съ изображеніями и письменами. Здѣсь же на сѣверномъ изъ этихъ 3 камней, внизу на южной плоской сторонѣ его, мы увидѣли вырѣзанныя фигуры, изображавшія, кажется, письмена, а на восточномъ краѣ того-же камня, внизу, на одной вышинѣ съ письменами, изсѣчено было человѣческое лицо въ профиль, обращенное лбомъ къ землѣ. Это заставляетъ думать, что если, можетъ быть, камень вставленъ вверхъ ногами, то и пись-

$^1/_4$ арш. толщины; на одной изъ нихъ вырѣзаны были разныя фигуры и, между прочимъ, на краю, человѣческое лицо внизъ головою. Неподалеку оттуда къ В. видны были разные курганы, среди которыхъ три особенно выдавались своею величиною. Они также были обставлены, въ видѣ четыреугольника, подобными плитами; на послѣднихъ [1]) вырѣзаны были фигуры, между которыми наиболѣе замѣтны были всадникъ на конѣ и 5 двойныхъ крестовъ. При одной маленькой и низенькой могилѣ, на З. отъ большихъ кургановъ, стоялъ небольшой камень [2]), на которомъ видно было человѣческое лицо съ длинными волосами. Камень этотъ назывался «кичикъ куртуякъ», т. е. «маленькій куртуякъ», въ отличіе отъ «улукъ куртуякъ», или такъ называемой большой каменной статуи (кругомъ отесанной и нѣсколько заостренной книзу, въ человѣческій ростъ, съ большимъ широкимъ лицомъ и высокою, остроконечною шапкою, безъ всякаго обозначенія членовъ тѣла), которую мы встрѣтили на 6 верстъ дальше (къ В.) и въ 1 верстѣ отъ берега Абакана [3]). Полагаю, что это таже самая статуя, о которой говоритъ г. Мессершмидтъ. Но угадать, почему онъ ее принялъ за монгольскую, не такъ-то легко. Не хотѣлъ-ли онъ этимъ сказать, что она относится къ тому времени, когда монголы и татары были еще соединены подъ однимъ скипетромъ? И я не прочь предположить это. Но въ такомъ случаѣ я не нахожу достаточнаго основанія, почему прочія статуи этого края также не могутъ быть названы монгольскими. По осмотрѣ всего и снятіи рисунковъ, мы могли вернуться въ нашу прежнюю стоянку на р. Ашкысѣ...

Тамъ-же, листъ 197-ой. 20-го сентября [4]) мы покинули эту мѣстность (Ирбинскіе желѣзные рудники) и, проѣхавъ верстъ 25, переночевали у ручья Шушъ, впадающаго оттуда верстахъ въ 30 въ Тубу. Разсказывали, что г. Мессершмидтъ, путешествуя по этому краю, увезъ отсюда два каменныя изваянія, въ видѣ маленькихъ львовъ, стоявшія на западномъ берегу ручья Шушъ, въ 5 верстахъ отъ его устья, и отослалъ ихъ въ Тобольскъ. Такимъ-же образомъ онъ поступилъ, говорятъ, съ каменнымъ изображеніемъ барана, стоявшимъ на горѣ Кызыль Чабога, насупротивъ устья Абакана. Изъ этихъ изображеній я видѣлъ барана и одного изъ львовъ въ Тобольскѣ, гдѣ

мена должны читаться въ обратномъ видѣ... На рисункѣ, который я велѣлъ сдѣлать съ камня, письмена воспроизведены на столько точно, на сколько они видны были на оригиналѣ». (Рукоп. Миллера, № 517, II).

1) «На одной такой плитѣ (въ $2^1/_2$ арш. выш. и $1^1/_2$ арш. шир.), стоявшей у восточнаго и самаго большого кургана, на южной поверхности ея, вырѣзаны были разныя фигуры, между прочимъ всадникъ на конѣ, и не мало разныхъ крестовъ, которые, по всей видимости, были современны сооруженію плиты. Съ нея я также велѣлъ снять рисунокъ» (рукоп. № 517, II).

2) «Вышиною и шириною приблизительно въ 1 аршинъ, къ Ю. отъ могилы. На немъ, на сѣверной поверхности его, обращенной къ могилѣ, изображено было человѣч. лицо съ длинными волосами. Съ него также снятъ рисунокъ» (тамъ-же).

3) «Это совершенно круглая статуя въ человѣч. ростъ, какъ показано на сдѣланномъ съ нея рисункѣ. Ротъ внутри былъ окрашенъ красною краскою и, кромѣ того, обмазанъ жиромъ. Татары сообщили намъ, что дѣлаютъ это изъ благодарности и благочестія, послѣ удачной охоты на оленей, козуль и лосей, полагая, что куртуякъ относится съ участіемъ къ тѣмъ, которые совершаютъ ему это жертвоприношеніе; красная же краска происходитъ отъ китайскаго табака, который они изъ уваженія втираютъ ему въ ротъ вмѣстѣ съ жиромъ. На землѣ при этомъ куртуякѣ лежало множество рѣчныхъ разныхъ цвѣтовъ голышей, принесенныхъ сюда также татарами изъ благочестія. Между этими камнями не было только такихъ фигурчатыхъ, какъ у куртуяка на Ашкысѣ» (тамъ-же).

Гмелинъ (Reise III, 286—287) сообщаетъ слѣдующее: «у одной изъ могилъ на камнѣ было изсѣчено лицо. Весь камень менѣе локтя вышиной и потому называется *Kitschikurtujak*. Тамъ-же мѣстами встрѣчаются длинные камни, нѣсколько болѣе сажени вышиной, на которыхъ нацарапаны письмена, кресты, круги, лошади и разное другое, но все это сдѣлано такъ грубо и безобразно, а иное и такъ неясно, что трудно сказать, что именно изображено. Затѣмъ мы отправились (верхомъ) далѣе внизъ по берегу Абакана и, проѣхавъ 8 верстъ, недалеко отъ Абакана, встрѣтили опять, какъ и по всей этой степи, множество могилъ. При одной изъ нихъ также на камнѣ изсѣчена была, повидимому, женская голова съ очень высокой шапкой. Камень этотъ называется *Большимъ Куртуякомъ*. Онъ болѣе чѣмъ вдвое выше предыдущаго. Губы были обмазаны жиромъ, что проѣзжающіе мимо татары часто дѣлаютъ изъ уваженія, благоговѣнія и любви къ этому камню».

4) Подъ 17-мъ сентябремъ (1739 г.) Миллеръ (рукоп. № 517, II) упоминаетъ еще о лежащемъ на Енисеѣ «Каменномъ островѣ», на которомъ находятся древніе курганы и маяки.

они служатъ украшеніемъ крыльца губернской канцеляріи. По моему мнѣнію, они не представляютъ ничего такого, что̀-бы заслуживало столь дальней перевозки. Но все-таки я велѣлъ снять съ нихъ рисунки, не желая, чтобы другіе полагались на одно только мое сужденіе.

Тамъ-же, л. 198—205. Отъ одного изъ жителей Абаканскаго острога, сопровождавшаго г. Мессершмидта при его путешествіяхъ въ качествѣ казака, мнѣ удалось получить (22—24 сент. 1739 г.) достовѣрное свѣдѣніе о томъ каменномъ памятникѣ съ надписью, о которомъ я тщетно разспрашивалъ сагайскихъ татаръ на р. Уйбатѣ [1]). Онъ предложилъ мнѣ проводить меня туда и я съ благодарностью принялъ его предложеніе. Но когда я сталъ спрашивать про ту статую, которую и г. Мессершмидтъ (Comm. Acad. Scient. Tom. II, p. 474, Tab. 29) и г. Страленбергъ (p. 357, 411. Tab. II и XII) видѣлъ въ этихъ мѣстахъ, между рѣчками Тесью и Ербой, то не нашлось никого, кто бы могъ сказать о ней хоть что-нибудь [2]). Удивился я этому не мало. Описанная г. Страленбергомъ мѣстность, изображенная имъ на особой картѣ [3]), всякому была извѣстна. Знали, что тамъ находилось безчисленное множество древнихъ кургановъ и могилъ, которые мало по малу были раскопаны. Одного только того кургана, на которомъ (по его словамъ) стояла статуя, никто не видѣлъ. Между тѣмъ я не могъ сомнѣваться въ томъ, что во времена г. Мессершмидта курганъ этотъ еще существовалъ, и потому полагалъ, что съ тѣхъ поръ онъ, подобно остальнымъ, разрытъ, и что статуя, можетъ быть, лежитъ еще около него на землѣ. Ближайшія свѣдѣнія объ этомъ я надѣялся собрать при поѣздкѣ въ Коксинскіе рудники и къ памятнику на Уйбатѣ. Отдохнувъ съ Гмелинымъ нѣсколько дней въ Абаканскѣ, мы 25-го сентября утромъ опять отправились въ путь, въ сопровожденіи живописца, нѣсколькихъ солдатъ и слугъ, да необходимыхъ проводниковъ. Прежде всего мы должны были переправиться черезъ Енисей, что̀ и сдѣлали верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ ниже острога, занявшись этимъ до обѣда. Гмелинъ поѣхалъ прямо вверхъ по Коксѣ, я же повернулъ направо къ древнимъ могиламъ [4]), а такъ какъ я, желая поскорѣе опять нагнать своего спутника, поѣхалъ верхомъ, то менѣе, чѣмъ черезъ часъ, уже очутился на рѣчкѣ Теси, не смотря на то, что до нея отъ мѣста переправы считается верстъ 10—12. Рѣчка эта исчезаетъ тамъ въ поросшемъ камышемъ болотѣ, и предположеніе, что она потомъ снова появляется и впадаетъ въ Енисей, неправильно. Небольшой круглый сосновый лѣсокъ на берегу Енисея татары, благодаря формѣ которую онъ имѣетъ издали, сравниваютъ съ копной сѣна и потому называютъ «кёпёнъ-карагай» или правильнѣе «кёпёнъ-карагасъ» (виденъ онъ отсюда версты за 3 или 4). Поэтому и мѣстность, въ которой находятся древнія могилы, носитъ у татаръ тоже самое названіе. Могилы лежатъ очень близко отъ Теси. До Ербы же верстъ 50. Нигдѣ, пожалуй, нѣтъ на одномъ мѣстѣ столько могилъ, какъ здѣсь. Нельзя почти отличить одну отъ другой и такъ какъ онѣ всѣ копаны и очень перерыты, то ихъ покрываетъ такая масса щебня, что по нимъ можно пробираться [5]) только съ трудомъ. Могу увѣрить,

---

1) «Этотъ казакъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Месссершмидтъ снималъ рисунокъ съ камня, и вспомнилъ, что это мѣсто находится на сѣв. берегу Уйбата, въ нѣсколькихъ верстахъ выше впаденія рѣчки Бей въ Уйбатъ» (тамъ-же).

2) «Я разспрашивалъ Абаканцевъ про мѣстность на зап. сторонѣ Енисея, нѣсколько ниже Абаканска, между рѣчками Тесью и Ербой, гдѣ, среди множества могилъ, Страленбергъ видѣлъ, какъ говоритъ, каменную статую старца съ начертанными на ней неизвѣстными письменами. И хотя я разспрашивалъ множество людей, которые отлично знали тѣ мѣста, часто посѣщали тамошнія могилы и сами вскрыли многія изъ нихъ, но все-таки не могъ ничего разузнать про эту статую. Меня даже увѣряли и мнѣ предлагали письменно засвидѣтельствовать, подъ страхомъ смертной казни, что какъ теперь тамъ нѣтъ статуи, такъ и прежде никогда ея тамъ не было» (ibid.).

3) См. выше, стр. 26, 34, 40, 41 и 50.

4) «Я засталъ здѣсь множество древнихъ могилъ, которыя всѣ были разрыты, но не причисляются къ кёпенскимъ могиламъ» (рукоп. № 517, II).

5) «Тутъ большое количество могилъ, которыя всѣ лежатъ очень близко одна отъ другой и не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ рисункомъ Страленберга. Кромѣ нихъ, въ степи кое-гдѣ разбросано еще нѣсколько отдѣльныхъ могилъ, но всѣ онѣ копаны и такъ перерыты, что изъ-за вырытыхъ изъ нихъ и разбросанныхъ повсюду камней, которыми могилы были покрыты и внутри выложены, почти нельзя свободно сдѣлать ни одного шага. Эта

что я не щадилъ труда разглядѣть, не удастся-ли гдѣ-нибудь найти слѣдовъ кургана, который величиной или множествомъ окружавшихъ его каменныхъ плитъ отличался бы отъ другихъ. Искалъ я самъ, да кромѣ того заставилъ живописца, проводника, солдатъ и слугъ искать, не окажется-ли гдѣ опрокинутая статуя. Но ничего мы тамъ не нашли. Надгробная плита, на которой вырѣзано было нѣсколько рядовъ оленей и лисицъ, не могла считаться особенною замѣчательностью. Можетъ быть, при разрытіи кургана статуя была засыпана, какъ мы вправѣ ожидать этого отъ невнимательности людей, хлопочущихъ только о своимъ барышахъ. Но такъ какъ статуя и ранѣе не была замѣчена жителями Абаканска, то она, можетъ быть, не стояла на такомъ видномъ мѣстѣ, какое указываетъ г. Страленбергъ. Одно лишь не подлежитъ сомнѣнію: въ настоящее время тамъ нѣтъ болѣе ничего такого [1]). Такимъ образомъ нужно удовольствоваться рисункомъ, который издали проф. Байеръ и г. Страленбергъ. Иначе пришлось бы еще сильнѣе оплакивать потерю столь древняго памятника, ради находившейся на оборотной сторонѣ статуи надписи, совершенно сходной съ надписью на памятникѣ уйбатскомъ [2])... На полпути, но нѣсколько ближе къ Уйбату, чѣмъ къ Коксинскимъ рудникамъ [3]), я встрѣтилъ въ степи чрезвычайно много большихъ кургановъ, между которыми одинъ, направо отъ дороги, возбудилъ во мнѣ желаніе узнать настоящую величину его. Я смѣрилъ подошву его, которая обставлена была, въ видѣ четвероугольника, двойнымъ рядомъ большихъ каменныхъ плитъ и имѣла въ длину, съ С. на Ю., 100, а въ ширину 80 шаговъ. Вышина его съ сѣверной стороны, которая была выше и круче другихъ, составляла около 50 шаговъ, такъ что отвѣсную вышину его можно считать, по крайней мѣрѣ, въ 10 саж. Поразительнѣе всего мнѣ показались огромные камни, окружавшіе его. Нѣкоторые изъ нихъ торчали надъ поверхностью земли болѣе чѣмъ на 2 саж. и при этомъ были такой-же ширины, а толщиною въ 1 арш. Сколько труда стоило, слѣдовательно, привезти ихъ сюда, такъ какъ по близости нигдѣ нѣтъ скалистыхъ горъ. Это обстоятельство, которое я имѣлъ случай наблюдать во многихъ мѣстахъ, могло бы, по моему мнѣнію, служить доказательствомъ важнаго значенія, могущества и богатства бывшаго татарскаго царства, если бы исторія, кромѣ того, не сохранила намъ о томъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ.

мѣстность болѣе всѣхъ другихъ извѣстна по могиламъ, давшимъ, какъ говорятъ, самую богатую добычу. Изъ окружавшихъ могилы плитъ многія опрокинуты или сдвинуты съ прежняго своего мѣста» (ibid.).

У Гмелина (Reise III, 308—310) мы находимъ о Кёпёнъ-Карагаѣ слѣдующую замѣтку: «Какъ тамъ, такъ и дальше къ р. Теси, множество древнихъ могилъ, издавна придавшихъ этой мѣстности не малое значеніе, конечно не изъ-за татарскихъ костей или праха ихъ, которыхъ никто, кромѣ развѣ самихъ татаръ, не считаетъ священными, равно какъ не изъ-за совершающихся будто-бы чудесъ, и не изъ-за тамошней небезопасности, но вслѣдствіе татарскихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя тамъ находятъ въ довольно значительномъ количествѣ. Какой-то бродяга, нѣкогда проживавшій довольно долго въ Селенгинскѣ, а теперь лѣтъ 30 живущій въ здѣшнихъ мѣстахъ, извѣстенъ тутъ всякому подъ именемъ Селенги и считается большимъ почитателемъ этихъ остатковъ древности. Всѣ 30 лѣтъ онъ провелъ среди здѣшнихъ могилъ и устроилъ себѣ тутъ землянку, въ которой живетъ одинъ изъ года въ годъ, отлучаясь развѣ только въ такихъ случаяхъ, когда у него иногда является желаніе промѣнять въ кабакѣ кое-что изъ своихъ находокъ на влажный товаръ. И днемъ и ночью онъ не разлучается съ лопатой и киркой, при помощи которыхъ дѣлаетъ всѣ свои открытія. Кирка служитъ ему для подниманія большихъ камней, а лопата для выгребанія лежащихъ въ могилахъ земли и золы. Копаетъ онъ безпрерывно и, какъ говорятъ, уже нашелъ очень большія сокровища, но не зарываетъ ихъ снова, опасаясь, можетъ быть, что послѣ него явится другой Селенга, которому они причинятъ столько-же труда, какъ ему самому. Въ томъ, что онъ найденное не можетъ долго держать при себѣ, татары видятъ наказаніе его за нарушеніе покоя ихъ предковъ. Онъ же напротивъ думаетъ, что христіанину грѣшно сохранять древности татаръ. Лѣтъ 10 тому назадъ у него засохла и онѣмѣла лѣвая рука. Тогда татары стали говорить ему, что это божье наказаніе за то, что онъ не даетъ покоя предкамъ ихъ. Но онъ не обращаетъ на это никакого вниманія, лопату свою привязываетъ къ рукѣ и грудью вдавливаетъ ее въ землю, увѣряя даже, что грудь и онѣмѣвшая рука служатъ ему лучше одной здоровой руки».

1) «Страленбергово описаніе здѣшнихъ могилъ вообще совершенно неправильно и приходится почти сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли онъ видѣлъ ихъ, потому что человѣку, лично видѣвшему мѣсто, невозможно надѣлать столько ошибокъ, развѣ что ему хотѣлось умышленно обмануть людей» (рукоп. № 517, II).

2) Памятникъ этотъ опять отысканъ финляндскою экспедиціею. См. Inscriptions de l'Iénissei (Helsingfors, 1889), стр. 12 (Ред.).

3) «Въ 6 верст. отъ послѣдней разсохи р. Коксы и верст. въ 12 отъ р. Бичьи (Биджи?), по обѣ стороны дороги» (ibid.).

На двухъ изъ самыхъ большихъ камней этихъ [1]) вырѣзаны были, какъ на абаканскихъ, изображенія людей, животныхъ, круговъ съ поперечными чертами и крестовъ, заслуживавшія снятія съ нихъ рисунковъ. Но на этотъ разъ мнѣ пришлось торопиться, и я отложилъ эту работу до возвратнаго пути; между тѣмъ при вторичномъ посѣщеніи мѣстности, непогода помѣшала мнѣ заняться этимъ. Курганъ этотъ, впрочемъ, подобно большой части остальныхъ, былъ разрытъ; разсказывали, что 12 человѣкъ работало на немъ въ теченіи 6 недѣль и, не смотря на то, что прорыли его въ глубину на 12 саж. до самаго материка, все-таки не нашли въ немъ никакихъ драгоцѣнностей. 27-го сентября, съ разсвѣтомъ, я отправилъ своего проводника искать неоднократно-упомянутый памятникъ, составлявшій тогда конечную цѣль моего путешествія. Ему понадобилось на это нѣсколько времени, но наконецъ онъ нашелъ его. Отъ моего ночлега, насупротивъ ручья Бей, мнѣ пришлось проѣхать 5 верстъ вверхъ по Уйбату, прежде, чѣмъ я также прибылъ туда. Памятникъ находился на сѣверной сторонѣ этой рѣки, неподалеку отъ берега, на небольшомъ естественномъ холмѣ. Но онъ уже не стоялъ на немъ вертикально, а лежалъ на землѣ, можетъ быть, вслѣдствіе того, что нѣкоторые люди, принявъ этотъ холмъ за могильный, разрыли его ради корысти, которую еще болѣе разжигалъ стоявшій на немъ камень. Другая перемѣна, происшедшая съ камнемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ срисованъ г. Мессершмидтомъ, заключалась въ томъ, что изъ находящейся на немъ надписи многое исчезло [2]). Можетъ быть, нѣкоторыя неясныя черты Мессершмидтъ нѣсколько подправилъ на своемъ рисункѣ, основываясь на сходствѣ ихъ съ прочими буквами. Но я не хотѣлъ послѣдовать его примѣру и велѣлъ снять съ камня рисунокъ (см. стр. 99, рис. а) въ томъ видѣ, въ какомъ видѣлъ его передъ собою [3]), и смѣло могу сказать, что рисунокъ исполненъ такъ точно, какъ только вообще можно изобразить неизвѣстныя письмена; каждую черту я сравнивалъ съ оригиналомъ... 1-го октября [4]) мы уѣхали (изъ Абаканска) [5]). Гмелину очень хотѣлось еще осмотрѣть древнія кёпёнъ-карагайскія могилы. Я же былъ радъ новому свидѣтелю того, что мои тамошніе поиски не по моей винѣ оказались неудачными.

---

1) «На 2-хъ изъ самыхъ большихъ камней, стоявшихъ на восточной сторонѣ, у сѣверо-восточнаго угла, на поверхности, обращенной къ могилѣ» (ibid.).

2) «По наружному виду этотъ камень похожъ на остальные надгробія и памятники, но только нѣсколько мягче и, какъ кажется, песчаный. Первоначально, судя по виднымъ еще доселѣ слѣдамъ, онъ возвышался надъ землею приблизительно на 1 саж., а въ землю былъ вкопанъ также на 1 арш., и въ этой части не обтесанъ. Шириною онъ вверху въ $^1/_2$ арш., а внизу почти въ 1 арш., толщиною въ 3 вершка. Фигура, впрочемъ, равно какъ вырѣзанныя на камнѣ письмена, видны на рисункѣ, съ которымъ довольно близко сходится рисунокъ Мессершмидта, съ тою только разницею, что у Мессершмидта нѣкоторыя буквы, очень ясно видныя на камнѣ, пропущены; нѣкоторыя же черты, большею частію стершіяся, мною нарочно опущены... На обратномъ пути мы подъ вечеръ прибыли къ большому кургану, гдѣ, какъ выше было сказано, находились 2 плиты, съ которыхъ мнѣ также хотѣлось имѣть рисунки. Но настала такая вьюга и непогода, что совершенно стемнѣло, проночевать же тамъ я не могъ рѣшиться изъ-за бывшихъ со мною людей, такъ какъ по близости не было ни дровъ, ни воды. Притомъ у меня уже были рисунки съ точно такихъ-же камней и фигуръ, снятые на Абаканѣ, и потому я двинулся дальше, чтобы добраться до Коксы» (ibid.).

3) Прилагаемый цинкографическій политипажъ (см. стр. 99) исполненъ по копіи, хранящейся въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. См. также Klaproth. Mémoires relatifs à l'Asie, I, 158—159. Pl. II. Въ послѣдній разъ уйбатскій памятникъ изданъ г. Аспелиномъ. Inscriptions de l'Iénissei, стр. 4 (Ред.).

4) Подъ 29 сент. въ отчетѣ Миллера (рукоп. № 517, II) значится еще слѣдующее: «уже въ первую бытность нашу въ Красноярскѣ мы слышали о старинномъ укрѣпленіи на горѣ Уньюкъ (?) близъ Абаканска, и потому теперь отправились туда на лошадяхъ, чтобы лично осмотрѣть его. Гора Уньюкъ, лежащая на вост. берегу Енисея, въ 6 верст. ниже Абаканска, очень крута, особенно съ рѣчной стороны, и состоитъ тамъ изъ оторванной скалы; подъемъ со стороны Абаканска на нее также очень труденъ. Другая же сторона полога; у подошвы ея, въ 10 верст. отъ Абаканска, съ В. впадаетъ въ Енисей р. Сыда. Старинное укрѣпленіе на ней состоитъ изъ двойного рва и земляного вала; внутренній валъ беретъ начало близъ Енисея, на верху горы со стороны Абаканска, и полукругомъ опять примыкаетъ къ Енисею съ той стороны, гдѣ гора отлога, по направленію къ Сыдѣ, у подножія горы; наружный валъ идетъ саженъ на 50 къ В. отъ перваго, съ вершины горы по прямой линіи внизъ до подошвы ея. Внутренній валъ вышиною въ человѣческій ростъ, наружный ниже. Рвы идутъ около валовъ съ наружной или сухопутной стороны и земля изъ нихъ выброшена на валы. На верху горы хорошая степная почва, такъ что, по всей вѣроятности, казаки этого укрѣпленія въ военное время уходили туда со своимъ скотомъ».

5) «За отсутствіемъ повозокъ, на плотахъ, внизъ по Енисею» (тамъ-же).

Такимъ образомъ я съ нимъ и съ обоими живописцами отправился туда на лодкѣ... Верховыя лошади, ожидавшія насъ, вслѣдствіе нашего распоряженія, на берегу, насупротивъ Кёпёнъ-Карагая, доставили насъ на мѣсто. Мы застали тамъ старика, который жилъ въ подземной лачугѣ, около могилъ и кормился раскапываніемъ ихъ [1]). Не смотря на такое ремесло свое, которымъ занимался уже

а б б[1]

1) «Мы проѣхали верхомъ (1 окт. 1739 г.) мимо Кёпёнъ-Карагая къ могиламъ, о которыхъ я выше говорилъ, и застали тамъ вышеупомянутаго Селенгу съ его лопатой и киркой. Всѣ тамошнія могилы, или, по крайней мѣрѣ, бóльшая часть ихъ, сильно перерыты. Говорятъ, что ихъ стали раскапывать лѣтъ 20 тому назадъ и съ того времени извлекли изъ нихъ большія сокровища. Въ настоящее время рады, если при разбрасываніи выкопанной земли иногда еще находятъ въ ней кусочекъ золота или серебра. Между большими камнями, поставленными вокругъ нѣкоторыхъ могилъ, мы нашли одинъ, на которомъ нацарапаны были изображенія оленей и лисицъ. Рисовка была почти въ такомъ-же родѣ какъ та, которую мы встрѣчали на неоднократно уже упомянутыхъ расписныхъ скалахъ, оставшихся отъ древнихъ татаръ». Gmelin (Reise III, 326).

20 лѣтъ, онъ однакоже также ничего не зналъ про стоявшую тутъ нѣкогда статую (о которой говоритъ Страленбергъ). Предоставляю каждому угадать сомнѣнія, которыя во мнѣ возбудило это извѣстіе. Если на гравюрѣ, изображающей въ Петербургскихъ Комментаріяхъ уйбатскій памятникъ и эту мнимую статую, цифры, которыя должны были стоять при первомъ, помѣщены у второй и, на оборотъ, цыфры второй поставлены у перваго, то это ошибка, явствующая сама собою изъ сообщенныхъ мною здѣсь свѣдѣній. Вѣдь издателю чужихъ наблюденій нетрудно ошибиться въ такихъ мелочахъ; послѣднія однакоже для потомства не маловажны, потому что влекутъ за собою путаницу или (что въ этомъ случаѣ одно и тоже) смѣшеніе мѣстностей, которое будущаго путешественника можетъ вовлечь въ ошибку или заставить принять одно за другое [1]... Мнѣ разсказывали, что около соленаго озера Ачикъ-куль прежде стояла древняя каменная статуя, которую, года 3 тому назадъ, вмѣстѣ съ статуей при ручьѣ Тоюмѣ, отвезли въ Красноярскъ. Впослѣдствіи я видѣлъ ее въ Красноярскѣ и приказалъ снять съ нея рисунокъ [2]). Она замѣчательнѣе всѣхъ другихъ тѣмъ, что у нея на спинѣ находится надпись, начертанія которой совершенно сходны съ письменами на уйбатскомъ памятникѣ (см. стр. 99, рис. б[1]). Сначала я думалъ, что это, пожалуй, та самая статуя, которую тщетно искалъ въ Кёпёнъ-Карагаѣ, что Мессершмидтъ, можетъ быть по ошибкѣ, свой рисунокъ пріурочилъ къ другой мѣстности, и что Страленберга нельзя считать очевидцемъ, потому что онъ, получивъ, вѣроятно, рисунокъ статуи отъ того-же самаго шведскаго мальчика, который сообщилъ ему надпись съ уйбатскаго памятника, на основаніи приблизительнаго разсказа его-же пріурочилъ свой рисунокъ къ мѣстности Кёпёнъ-Карагай. Но всѣ эти предположенія рухнули, какъ только я самую статую сталъ свѣрять съ рисунками Мессершмидта и Страленберга. Съ этимъ безъ сомнѣнія, согласится всякій, кто сравнитъ ихъ съ моимъ рисункомъ... Мнѣ хотѣлось осмотрѣть еще расписанную скалу, находящуюся въ 8 верстахъ отъ р. Бирюсы, внизъ, на правомъ берегу, но послѣдній былъ такъ крутъ, что къ нему никакъ нельзя было подобраться.

Глава XII, л. 60-й. Что касается Царева кургана, то онъ мнѣ не показался такимъ большимъ, какъ другіе курганы въ степи р. Енисея. Но онъ имѣетъ ту особенность, что окруженъ не только землянымъ валомъ, который нѣкогда, вѣроятно, былъ очень высокъ, но и двойнымъ рвомъ съ внѣшней и внутренней стороны вала. Вотъ почему его называютъ Царевымъ городищемъ. Царевымъ же курганомъ зовутъ его потому, что подъ нимъ, полагаютъ, схороненъ ханъ [3]).

---

1) «Я велѣлъ снять рисунокъ съ одной изъ плитъ, на которой были изображены олени и лисицы, и мы вернулись къ нашимъ плотамъ» (тамъ-же).

2) «Она вышиною въ человѣческій ростъ и изображаетъ, кажется, женщину» (тамъ-же). См. стр. 99, рис. б и б[1].

3) Подъ 24 сент. 1741 г. (рукоп. № 517, II) сказано: «Царевъ курганъ, большой древній могильный холмъ близъ Курганской деревни. Разсказываютъ, что подъ нимъ схороненъ татарскій ханъ, нѣкогда по русски называвшійся царемъ, или, по крайней мѣрѣ, ханскій царевичъ. Но я тщетно разспрашивалъ какъ русскихъ, такъ и татаръ, на чемъ такое преданіе основано, и полагаю, что поводомъ къ этому послужила необычайная величина кургана; по крайней мѣрѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ такихъ кургановъ мало. Гораздо болѣе заслуживалъ бы такого названія тотъ большой курганъ въ степи Енисейской и Абаканской, на пути изъ Абаканска къ рѣчкѣ Нинѣ, о которомъ говорится въ описаніи моего путешествія осенью 1739 года (см. стр. 97). Онъ несомнѣнно больше здѣшняго: вышина Абаканскаго кургана около 12 саж., вышина же здѣшняго только около 6—8 саж. Но здѣшній отличается отъ Абаканскаго тѣмъ, что весь окруженъ какъ землянымъ валомъ, который нѣкогда былъ очень высокъ, такъ и двойнымъ рвомъ, по сю и по ту сторону вала. Послѣднее обстоятельство подало поводъ сравнить этотъ курганъ съ укрѣпленіемъ и назвать его Царевымъ городищемъ. Я смѣрилъ шагами окружность его по наружному рву и насчиталъ 430 шаговъ. Трудно описать, въ сколькихъ мѣстахъ сверху и со всѣхъ сторонъ онъ раскопанъ и перерытъ. Говорятъ, что князь Василій Алексѣевичъ Мещерскій, будучи комендантомъ въ Шадринскѣ, копалъ его съ 500 человѣкъ, частью драгуновъ, частью крестьянъ, и углубился въ него на столько, что наконецъ выступила вода, но не нашелъ въ немъ ни малѣйшихъ драгоцѣнностей. Внѣшній видъ породилъ предразсудокъ, что большой курганъ по сокровищамъ своимъ долженъ имѣть преимущество предъ малымъ. Какъ вышеупомянутый Абаканскій курганъ, такъ и здѣшній, доказали однакоже, что это не всегда такъ бываетъ. Въ настоящее время на курганѣ устроены маяки, которые зажигаются въ случаѣ приближенія кочующихъ непріятельскихъ отрядовъ, чтобы извѣщать о томъ нижеслѣдующую слободу Царевокурганскую; съ этою-же цѣлью на немъ постоянно содержится караулъ. Подобный-же, окруженный валомъ

Тамъ-же, листъ 263-ій. Слышалъ я о старинной татарской крѣпости, находящейся въ 6 верстахъ отъ Исетскаго острога, вверхъ по Исети, при р. Юрумъ (Ирюмъ?). Я отправился туда 2-го октября (1741 г.), но не нашелъ тамъ ничего такого, что бы не встрѣчалось при всѣхъ подобныхъ старинныхъ укрѣпленіяхъ, т. е. мѣстность отчасти уже отъ природы была укрѣплена, отчасти же съ той стороны, съ которой къ ней былъ свободный доступъ, была обведена валомъ и рвомъ.

Въ путешествіи Гмелина мы находимъ еще нижеслѣдующія замѣтки о сибирскихъ древностяхъ.

(Gmelin, Reise, III, 311—319) «Спутникъ мой (Миллеръ) верхомъ осмотрѣлъ Кёпёнъ-Карагайскія могилы, но не всѣ; онъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ много данныхъ по этой части, а сопровождавшій его человѣкъ, уже нѣсколько лѣтъ занимавшійся раскопкою могилъ, передалъ мнѣ еще множество общихъ наблюденій, мало по малу сдѣланныхъ имъ при этихъ работахъ. Изъ всего этого я отмѣтилъ у себя слѣдующее [1]). Нѣкоторыя могилы имѣютъ очень величественный видъ и потому называются *маяками*. Онѣ со всѣхъ сторонъ окружены торчмя поставленными, продолговато-четыреугольными камнями и занимаютъ большое пространство. Отъ стѣнокъ къ срединѣ навалена куча лежащихъ камней, а внутри помѣщена могила, обставленная вертикальными плитами. Глубина такой могилы не велика и отъ поверхности земли до трупа рѣдко бываетъ больше 1 саж. Лежащій по срединѣ остовъ большею частью нетронутъ (ganz), но рѣдко *всѣ* кости его цѣлы; изъ нихъ обыкновенно лучше всѣхъ прочихъ сохранены бедреныя и берцовыя кости, которыя, по большей части, обыкновенной величины. Иногда же, говорятъ, встрѣчаются также кости необычайныхъ размѣровъ.

и рвомъ, курганъ, почти такой-же величины, находится, говорятъ, въ 7 верстахъ отъ Утятской слободы, лежащей отсюда вверхъ при Тоболѣ; на немъ такимъ-же образомъ поставлены маяки и содержится караулъ. Его также много копали, но ничего въ немъ не находили. Называется онъ Бабьимъ-бугромъ по находящемуся близь него озеру, которое, вслѣдствіе водящихся на немъ пеликановъ (баба птица), зовутъ Бабьимъ озеромъ. Прочіе курганы въ этихъ мѣстностяхъ большею частью очень малы и невзрачны; они состоятъ изъ накиданной въ кучу земли и при нихъ нѣтъ никакихъ надгробій и каменныхъ памятниковъ».

Въ другой рукописи (№ 506) на русскомъ языкѣ, содержащей «географическое описаніе Сибири», въ главѣ 11-й (о Ялуторовскомъ острогѣ и о принадлежащемъ къ нему дистриктѣ) Миллеръ говоритъ въ § 16: «Впрочемъ званіе сіе Царевъ Курганъ значитъ старинной большой кладбищный холмъ и находится отъ слободы въ 6 верстахъ къ З., о которомъ сказываютъ, яко бы тамъ тогдашней Татарской ханъ или по крайней мѣрѣ ханской сынъ погребенъ. Помянутый курганъ вышиною около 8 саженъ. При корени со всѣхъ сторонъ находится круглой земляной валъ, который прежде сего, конечно, былъ весьма высокъ, и какъ со внутренней, такъ и со внѣшней стороны кругомъ выкопаны рвы. Въ окружности около внѣшняго (рва) 430 шаговъ считается. И по разсужденію сего послѣдняго обстоятельства, сей курганъ сравненъ съ стариннымъ городкомъ и на русскомъ языкѣ названъ царскимъ городищемъ, и оттуда вышеписанная слобода двойнымъ именемъ называется. Но понеже въ такихъ кладбищныхъ холмахъ въ полуденныхъ мѣстахъ Сибири находилось много дорогихъ вещей, которыя вмѣстѣ съ тѣлами въ землю зарывалися, а послѣ подлые люди въ прошедшіе годы оныя старинныя могилы разрывали, того ради видно и на семъ мѣстѣ, что оно во многихъ мѣстахъ какъ въ верху, такъ и въ низу, раскопано. Но сказываютъ, что никогда тамъ особливыхъ дорогихъ вещей не находилось, чѣмъ оное преосужденіе опровергается, яко бы въ большихъ курганахъ предъ прочими малыми болѣе сокровища было». См. также Sammlung Russ. Gesch. Bd. VI, стр. 367, гдѣ о Царевомъ курганѣ сообщается еще слѣдующее: «Татары разсказываютъ, что курганъ насыпанъ однѣми лишь дѣвицами, приносившими землю въ подолахъ своихъ, и потому называютъ его *Кызынъ-тура*, т. е. *Дѣвичьимъ городомъ* или укрѣпленіемъ. Слѣдовательно они также полагаютъ, что въ курганѣ этомъ нѣкогда жилъ кто-то».

1) Между бумагами Миллера, хранящимися въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (въ картонѣ № 365, II, тетр. 17), находится рукописная (на нѣм. языкѣ) статья: «*О древнихъ могилахъ въ степи р. Енисея*», большею частью до того тождественная съ помѣщаемою выше выпискою изъ описанія путешествія Гмелина (III, 311—319), что она очевидно написана также послѣднимъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она содержитъ нѣсколько такихъ данныхъ, которыхъ въ печатной замѣткѣ нѣтъ. Такимъ образомъ рукописная статья либо первоначальная редакція замѣтки Гмелина объ означенныхъ могилахъ, при печатаніи нѣсколько измѣненная имъ самимъ или по указаніямъ Миллера, либо, напротивъ, позднѣйшая редакція, т. е. списокъ съ передѣланной впослѣдствіи печатной статьи. За отсутствіемъ даты на рукописи, вопросъ этотъ пока остается неразрѣшеннымъ. На всякій случай мы сочли нелишнимъ указать въ примѣчаніяхъ главнѣйшіе варіанты (Ред.).

Кромѣ остова, лежащаго по срединѣ могильнаго помѣщенія, въ каждомъ углу встрѣчались, впрочемъ не во всѣхъ могилахъ, а только иногда, либо еще скелетъ [1]), либо пепелъ его. Татары [2]), занимающіеся раскопкою этихъ могилъ—они въ здѣшнихъ мѣстахъ называются курганщиками—имѣютъ уже свои примѣты по этой части: они раскапываютъ углы могилы не болѣе какъ на 1 локоть въ глубину и только тогда продолжаютъ копать глубже, когда замѣчаютъ, что земля очень тверда, и когда встрѣчаютъ торчмя поставленныя плиты, такъ какъ при этихъ примѣтахъ находятъ или остовъ или пепелъ отъ него. Въ противномъ же случаѣ, т. е. когда этихъ примѣтъ не оказывается и земля рыхла, они, на основаніи давняго опыта, выводятъ изъ этого заключеніе, что въ могилахъ ничего нѣтъ. Иные утверждаютъ, что и по бокамъ этихъ могилъ иногда встрѣчаются остовы, изъ которыхъ одни сожжены, другіе же цѣлы. Слышалъ я еще отъ кого-то, что онъ однажды внѣ большихъ вертикальныхъ плитъ, но тутъ-же рядомъ съ ними, нашелъ 2 мѣдныя, въ видѣ крыльевъ, пластины, на которыхъ изображены были медвѣжьи фигуры [3]). Въ могилахъ этого рода (т. е. маякахъ) рѣдко находятъ что-нибудь другое, кромѣ золота и серебра, частью въ видѣ сосудовъ, частью въ видѣ поясовъ, серегъ и браслетовъ. На серьгахъ очень часто бываетъ большая буса (Perle), серьги же и браслеты всегда золотые. Находятъ иногда пояса, на которыхъ снизу кожа, а сверху сѣрый [4]) бархатъ, съ лежащими на немъ четыреугольными [5]) пластинками, вѣсомъ каждая въ 7—8 золотниковъ. Пластинки эти, вѣроятно (когда поясъ еще былъ цѣлъ и не сгнилъ), были нашиты на бархатъ. Изъ сосудовъ рѣже всего встрѣчаются блюда; чаще всего попадаются серебряные круглые горшечки, съ крышкой и безъ крыши. Они большею частью гладки, но на нѣкоторыхъ находятся рѣзныя (ausgeschnittene) фигуры [6]). Иные позолочены, другіе изъ чистаго золота. При цѣлыхъ остовахъ сосуды всегда стоятъ возлѣ головы. Находятъ также глиняные горшечки, нѣкоторые въ видѣ тигелей, но снизу плоскіе, другіе же въ родѣ большихъ китайскихъ сосудовъ съ узкимъ горломъ [7]). Эти послѣдніе сдѣланы изъ очень плотной и хорошей глины. Нѣкоторые, на сколько могу судить по описанію ихъ, покрыты глазурью. Находили даже, говорятъ, куски фаянса; таковые замѣтилъ я также среди мусора въ развалинахъ Семи Палатъ на Иртышѣ [8]). Въ изголовьѣ остова нерѣдко встрѣчается съ правой стороны лошадиная голова, мордою воткнутая въ землю, часто съ удилами во рту, а именно съ желѣзнымъ мунштукомъ (Stangenzaum), въ родѣ нѣмецкихъ удилъ. Уздечные ремни обыкновенно украшены серебряными шишечками [9]) (Puckeln). Попадаются также лошадиныя головы безъ удилъ. Случается еще, что возлѣ черепа (человѣческаго?) лежитъ черепъ бараньей головы, иногда покрытый тонкою, какъ мишура, золотою пластинкою. Остовы лежатъ головою на С. Иногда встрѣчаются стремена; они всегда желѣзныя и по виду своему совершенно похожи на стремена нѣмецкихъ сѣделъ. Нѣкоторыя стремена покрыты толстыми серебряными бляшками, которыя, повидимому, какъ-бы примазаны (angeküttet) къ нимъ [10]). Одинъ изъ раскапывателей этихъ могилъ увѣрялъ меня, что онъ однажды въ очень богатой могилѣ нашелъ желѣзный ножъ китайской формы съ припаянной къ клинку золотой змѣйкой. За исключеніемъ сосудовъ, всегда разставленныхъ

---

1) Въ рукоп. сказано: «либо одинъ или нѣсколько скелетовъ...».
2) По рукописи просто: «люди» (die Leute).
3) Въ рукоп. сказано: «Иногда остовы встрѣчаются и внѣ маяковъ, но рядомъ-же съ ними. Въ такихъ мѣстахъ земля покрыта плоскими камнями». За тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ: «одинъ увѣряетъ, что онъ рядомъ съ маяками нашелъ мѣдныя пластинки съ изображеніемъ крылатыхъ медвѣдей».
4) По рукописи: «зеленый».
5) Въ рукоп. прибавлено еще: «серебряными».
6) По рукописи: «рѣзныя или чеканныя» (ausgegrabene oder getriebene).
7) По рукописи: «Находятъ также маленькіе круглые глиняные горшечки, снизу плоскіе, съ соразмѣрнымъ тульемъ и небольшимъ загибомъ, величиною въ туловище круглой англійской бутылки, другіе же глиняные горшки въ $1/2$ арш. вышины съ не очень большимъ брюшкомъ и узкимъ горломъ».
8) См. выше стр. 59, прим. 1-е.
9) По рукописи: «пластинками» (Platten).
10) Въ рукописи прибавлено: «и легко отдѣляются отъ желѣза».

вокругъ изголовья, все остальное лежитъ въ ногахъ (скелета) съ лѣвой стороны. При сожженныхъ костяхъ золото нерѣдко въ видѣ маленькихъ слитковъ перемѣшано съ костями, часто же лежитъ на лѣвой или восточной сторонѣ могилы, вмѣстѣ съ другими вещами.

Есть еще другой родъ могилъ, назыв. *сланцами* (по русски сланцемъ называютъ камень, выламываемый тонкими слоями), потому что такія могилы сплошь покрыты горизонтально лежащими плитами, по бокамъ же не видно ни одного вертикально стоящаго камня [1]). Подъ плитами слой земли, не толще ладони, а подъ этимъ слоемъ мѣстами встрѣчаются могилы, обставленныя вертикальными плитами, которыя вышиною около $1^1/_2$ локтя. Въ такихъ могилахъ обыкновенно находятъ жженныя кости; иногда, однакоже, попадались и цѣльные остовы. Вышеупомянутый Селенга держался болѣе этого рода могилъ, чѣмъ другихъ, какъ потому, что находилъ въ нихъ много золота и серебра, притомъ большею частью въ слиткахъ, такъ и потому, что ему приходилось гораздо меньше трудиться надъ раскопкою. Находятъ въ нихъ также, впрочемъ очень рѣдко, сосуды, равно какъ глиняные горшки и стремена, послѣднія притомъ болѣе въ могилахъ съ сожженными костями. По словамъ этихъ людей (курганщиковъ), иногда, въ видѣ большой рѣдкости, встрѣчались кости, сложенныя въ простомъ горшкѣ.

Третьяго рода могилы извѣстны подъ названіемъ *земляныхъ кургановъ*. Въ нихъ бываетъ по 1, по 2 и даже по 3 могилы. Курганъ такого рода со всѣхъ сторонъ обставленъ на большомъ разстояніи очень высокими булыгами (Feldsteine); иногда, говорятъ, на немъ лежатъ 1 или 2 жернова. Могилы обыкновенно глубиною въ 2—4 саж., но встрѣчались нѣкоторыя, какъ разсказываютъ, и въ 12 саж. глубины. Люди, разрывающіе эти курганы, полагаютъ, что при устройствѣ могилы, въ каждомъ углу ея вколачивались деревянные столбы, между которыми и клали покойника. Столбы потомъ соединялись поперечными балками, на которыя настилали берёсту, на послѣднюю же насыпали землю и такимъ образомъ придавали холму наружный видъ его. Люди эти увѣряютъ, что при раскопкѣ находили явные слѣды и признаки всего этого. Въ такія могилы клались цѣльные трупы; во многихъ найдены гробы изъ лиственичнаго дерева, скрѣпленные желѣзными гвоздями и содержавшіе въ себѣ остовы. Но какъ въ гробахъ, такъ и въ землѣ, никогда не встрѣчали ни малѣйшаго слѣда серебра [2]), а находили много тонкихъ четыреугольныхъ золотыхъ пластинокъ, значительно толще мишуры [3]), которыми, повидимому, обкладывалось все тѣло, иногда же, говорятъ, покрывалось и лицо. Въ этихъ могилахъ попадаются также изображенія степныхъ барановъ (wilde Schafe), отлитыя иныя изъ колокольнаго сплава (Glockenspeise), другія изъ мѣди и позолоченныя, мѣдные подсвѣч-

---

1) Въ рукописи объ этихъ «могилахъ-сланцахъ» сказано: «онѣ сверху покрыты плитами, иногда же также со всѣхъ сторонъ обставлены образующими четыреугольникъ каменными маяками, которые однакоже гораздо меньше и ниже, чѣмъ у предыдущихъ могилъ. Иногда же онѣ бываютъ и безъ нихъ (маяковъ). Пространство, занимаемое ими, очень узко, но часто на немъ расположено много могилъ очень близко одна отъ другой, и маяки составляютъ общую ограду (ихъ). Въ Кёпёнъ-Карагаѣ большая часть могилъ — *сланцы*. Сначала на нихъ не обращали вниманія, потому что онѣ снаружи не имѣютъ такого величественнаго вида, какъ предыдущія. Впослѣдствіи же нашли, что онѣ содержатъ не меньше, а пожалуй еще больше сокровищъ, чѣмъ всѣ остальныя. Плиты, величиною приблизительно въ 1 квадр. арш., лежатъ всѣ горизонтально, на одномъ уровнѣ съ поверхностью земли. Поднявъ плиты, стоитъ только подъ ними пошарить въ землѣ, ладони на двѣ вглубь, чтобы тотчасъ-же обнаружить могилы, обставленныя въ четыреугольникъ вертикальными плитами, величиною въ 1 или $1^1/_2$ квадр. аршина. Такой-же величины плитами могила прикрыта сверху. Въ могилахъ этихъ обыкновенно встрѣчаются жженныя кости; въ нѣкоторыхъ же, снаружи совершенно сходныхъ съ прочими, находили и цѣльные остовы. Сожженныя кости ничѣмъ не покрыты. По крайней мѣрѣ не найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-нибудь, во что бы онѣ, какъ можно было предполагать, были завернуты. Иногда, хотя и рѣдко, ихъ находили, говорятъ, въ простыхъ глиняныхъ горшкахъ. Подъ костями, въ перемежку съ ними, лежатъ схороненныя тутъ-же драгоцѣнности. Послѣднія большею частью заключаются въ золотыхъ и серебряныхъ слиткахъ. Такому превращенію они подвергались при сожиганіи труповъ, а до того, вѣроятно, служили сосудами или разными тѣльными украшеніями. Весьма рѣдко, однакоже, находили, говорятъ, и цѣльные сосуды, равно какъ глиняные горшки и (желѣзныя) стремена».

2) Въ рукоп. сказано: «ни сосудовъ, ни тѣльныхъ украшеній изъ серебра».

3) Въ рукописи: «толщиною въ обухъ тонкаго (клинка) ножа».

ники, иногда же мѣдные ножи, пластины [1]) въ родѣ тѣхъ, какія сибирскіе шаманы носятъ на своихъ служебныхъ нарядахъ, и небольшіе обрывки шелковой матеріи.

Четвертаго рода могилы называются *творильными* [2]) *курганами*. Почему онѣ такъ названы, этого объяснить я не умѣю. Пространство въ 4 или 5 квадр. саж. окружено торчмя поставленными плитами, которыя однакоже почти на 1 саж. ушли въ землю [3]), такъ что надъ поверхностью земли рѣдко видно что-нибудь изъ нихъ. Посреди этихъ плитъ помѣщена могила, находящаяся почти на томъ уровнѣ, до котораго доходятъ вглубь плиты. По бокамъ еще никогда не замѣчали могилъ. Между плитами и настоящею могилою, въ которой лежитъ остовъ, очень рѣдко встрѣчаются камни: большею частью все наполнено землею. Могилы иногда обложены камнями, иногда нѣтъ. Въ нихъ находятся только цѣльные остовы. Чаще всего такія могилы попадаются по берегамъ Абакана ниже Таштыпа [4]). Простой народъ относится къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ, потому что, большею частью, въ нихъ находятъ только мѣдь, главнымъ образомъ мѣдные молотки и наконечники копій, да маленькіе глиняные горшки въ родѣ тигелей. Правда, что около головы иногда, говорятъ, попадаются золотыя бляшки, но онѣ такъ малы и тонки, что не вознаграждали большого труда, употреблявшагося на раскопку. Желающій, чтобы его послѣ смерти не тревожили, изъ всего сказаннаго можетъ вывести заключеніе, какъ ему слѣдуетъ распорядиться въ этомъ отношеніи. Онъ могъ бы, пожалуй, отказаться также отъ мѣдныхъ издѣлій и золота.

Пятый родъ называется *киргизскими могилами* потому, вѣроятно, что ихъ считаютъ могилами киргизовъ, которые принимались всѣ за простой народъ, въ родѣ казаковъ. Эти могилы, начиная отъ остова вверхъ до самой поверхности, наполнены землею, съ примѣсью камней [5]) и нѣсколько выдаются надъ землею, такъ что похожи на маленькіе холмы. Находятъ въ нихъ только остатки сапоговъ и наконечники стрѣлъ. Слѣдовательно къ нимъ также примѣнимы соображенія, случайно высказанныя при предыдущемъ родѣ могилъ. Но какъ естествоиспытатели при своихъ изслѣдованіяхъ не любятъ оставлять безъ вниманія случайное обстоятельство, замѣченное ими въ природѣ, не сопоставивъ его съ другими, и не выводить, гдѣ это оказывается возможнымъ, нѣкоторые общіе законы, такъ и я увидѣлъ, что гробокапатели также подмѣтили нѣкоторыя общія правила, которыхъ древніе татары придерживались, по крайней мѣрѣ въ этой мѣстности, при погребеніи своихъ покойниковъ. Во-первыхъ, они хоронили бѣдняковъ близь лѣсовъ, а богачей на открытыхъ приглядныхъ поляхъ; приглядными же казались имъ тѣ поля, которыя имѣли передъ собою открытый видъ, особенно на рѣки. Во-вторыхъ, чѣмъ ближе Абаканъ къ Енисею, тѣмъ богаче были лица, которыхъ тамъ хоронили, а чѣмъ далѣе онъ отстоялъ отъ него, тѣмъ бѣднѣе были погребавшіеся тамъ люди» [6]).

(Reise, III, 475—476) «На 1 версту и 180 саж. выше рѣчки *Sjok-jul*, на крутой скалѣ, возвышающейся у самой рѣки, на кругломъ выступѣ, имѣвшемъ около 1 аршина въ квадратѣ, неподалеку отъ подошвы скалы, нарисовано было красною краскою изображеніе татарскихъ волшебныхъ бубенъ

---

1) Вмѣсто «Messerplatten», (т. е. ножевые клинки), какъ, вѣроятно по случайному недоразумѣнію, напечатано въ нѣмецкомъ подлинникѣ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, читать «Messer, Platten», такъ какъ и въ рукописи сказано: «Мѣдныя круглыя пластины, которыя, кажется, были прикрѣплены къ шаманскимъ платьямъ, также встрѣчаются въ этихъ могилахъ». Объ остальныхъ, находимыхъ въ нихъ предметахъ, въ рукописи значится: «Мѣдные предметы домашняго быта, какъ то: подсвѣчники, ножи, кинжалы, молотки, кирки и т. п., встрѣчаются тамъ чаще всего, равно какъ литыя фигуры изъ желтой мѣди, изображающія различныхъ животныхъ, но чаще всего степныхъ барановъ (Argali)». Ред.

2) Въ Землевѣдѣніи К. Риттера (V, стр. 388), вѣроятно по ошибкѣ, напечатано «творитными». (Ред.).

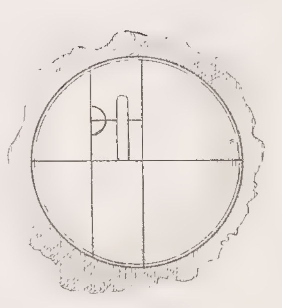
3) Въ рукописи еще прибавлено: «онѣ стоятъ близко одна отъ другой и поверхностью своею обращены не къ югу, какъ это всегда бываетъ у маяковъ, а къ самой могилѣ... Сверху могилы обсыпаны или вымощены простыми камнями».

4) По рукописи: «въ верховьяхъ р. Абакана, недалеко отъ тайги».

5) По рукописи: «вся могила наполнена камнями, да и сверху еще на нее накиданъ небольшой каменный холмъ».

6) См. также К. Риттера, Землевѣд. Азіи, V, стр. 385—389.

такой величины, какъ камень (см. прилаг. рисунокъ). Камень, на которомъ оно было нарисовано, черноватаго цвѣта и очень твердъ, съ примѣсью весьма тонкихъ шпатовыхъ листочковъ; въ мѣстахъ, расписанныхъ краскою, онъ, повидимому, сперва былъ покрытъ очень тонкимъ слоемъ бѣлой замазки, на которую затѣмъ нанесена краска, въ настоящее время весьма блѣдная, въ родѣ кирпичнаго цвѣта, и такая шероховатая, какъ пчелиная сота».

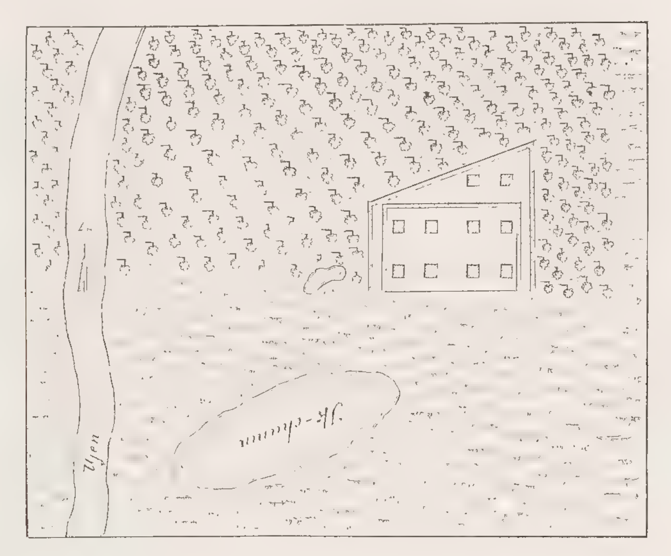


(Reise, III, 489) «На южномъ берегу Маны (прав. притока Енисея), въ 3-хъ верст. ниже рѣчки Сосновки, опять оказался раскрашенный камень, но до такой степени поврежденный непогодами, что почти всѣ изображенія стерлись; видны были только нѣсколько уродливыхъ очертаній деревъ и нѣсколько кружковъ».

(Reise, III, 537—538) «У подножія горы (въ 5 верст. отъ калмыцкихъ юртъ на Тузъюлѣ) течетъ р. Хаштатъ по тому-же самому направленію, по которому тянется гора. На южномъ берегу этой рѣчки, насупротивъ горы, находится четыреугольное, окруженное рвомъ, возвышеніе, шаговъ 70 въ квадратѣ, въ настоящее время совершенно заросшее. Въ углу, который образуютъ западная и сѣверная стороны возвышенія, видны остатки плавильной печи, т. е. кирпичи и шлаки. Кое-гдѣ встрѣчались углубленія, гдѣ, кажется, стояли нѣкогда строенія. Мѣстами выглядывалъ кусокъ гнилой балки. Мѣсто это довольно выгодно расположено для устройства на немъ укрѣпленія: съ сѣв. стороны течетъ, какъ было сказано, рѣчка Хаштатъ, впадающая, въ 3-хъ верстахъ оттуда, въ Тузъюлъ, а съ западной стороны болото, которое очень затруднило бы доступъ».

(Reise, IV, 80—83) «На возвышеніи, на которомъ расположено Абаханское зимовье на Оби, видны еще нѣкоторыя разрытыя могилы древнихъ татаръ. Да и по пути сюда по обѣ стороны дороги встрѣтилось нѣсколько, отчасти раскопанныхъ, отчасти нерытыхъ могилъ; послѣднія представляли собою маленькіе круглые холмики, изъ одной земли, вѣроятно потому, что по близости не было камней... Какъ на нижнемъ, такъ и на верхнемъ концѣ сосноваго лѣса Икъ-Карагай (на р. Ujen) находятся остатки стариннаго укрѣпленія, сѣв. и южной сторонами обращенные къ Оби; изъ нихъ сѣверная часть, говорятъ, самая большая... Мнѣ сообщали, что одно укрѣпленіе похоже на другое и что нижнее больше (верхняго). Я рѣшился въ тотъ-же день (5 іюня 1741 г.) вечеромъ отправиться въ верхнее укрѣпленіе, лежащее насупротивъ зимовья. Проѣхавъ верхомъ отъ послѣдняго версты 3 по направленію къ упомянутому Икъ-Карагаю, черезъ который пришлось еще около $^1/_2$ версты пробираться съ трудомъ (за отсутствіемъ дороги и множества лежавшихъ по пути деревъ), я добрался наконецъ до остатковъ южнаго укрѣпленія, которые съ восточной, сѣверной и большей части западной стороны окружены вышеупомянутымъ лѣсомъ. Эти остатки представляютъ продолговатый четыреугольникъ, короткія стороны котораго параллельны р. Оби и длиною въ 13 саж., длинныя же имѣютъ протяженіе въ 20 саж. Съ южной стороны крутой спускъ, а съ трехъ остальныхъ сторонъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, проведенъ ровъ, который еще въ настоящее время глубиною около 1 арш. Восточная и западная стороны, кромѣ того, обведены другимъ рвомъ, въ $^1/_2$ аршина глубины, который нѣсколько шире внутренняго рва. Оба рва, вмѣстѣ съ тою полосою земли, которая между ними, занимаютъ на каждой сторонѣ пространство въ 4 саж. Отъ сѣв. угла наружнаго западнаго рва идетъ еще одинъ ровъ, такой-же глубины, на ВСВ., къ которому наружный восточный ровъ проведенъ по прямой линіи. Оба рва на восточной и западной сторонахъ съ южныхъ концовъ своихъ спускаются нѣсколько внизъ. По срединѣ пространства, обнимаемаго внутреннимъ рвомъ, находятся остатки 8 строеній, расположенныхъ почти на одной линіи. Остатки эти заключаются въ маленькихъ четыреугольныхъ углубленіяхъ, особенно замѣтныхъ по бокамъ такихъ мѣстъ. Внутри треугольника сѣверной стороны видны еще 2 мѣста подобнаго-же рода. Приблизительно въ 300 саженяхъ на ЮЮЗ. отъ того укрѣпленія находится озеро, около 40 саж. длиною и 15 саж. шириною, называемое

Икъ-Ханинъ, а въ 100 саж. на З. крошечное безъименное озеро и отъ него еще версты на $1^1/_2$ далѣе на З. рѣка *Ujen*, текущая тамъ съ Обью въ совершенно одинаковомъ направленіи. Наконецъ, саженяхъ въ 300 оттуда на ЮЮВ., находится начало р. Абаханъ-су, которое однакоже изъ-за лѣса нельзя было видѣть. Сообщаемый мною здѣсь планъ изображаетъ все укрѣпленіе въ настоящей



соразмѣрности всѣхъ его частей, лежащія же по близости мѣстности означены мною по глазомѣру, въ томъ видѣ, какъ я рисовалъ ихъ изъ укрѣпленія. Замѣчу при этомъ, что при составленіи плана я, ради сбереженія мѣста на бумагѣ, не обращалъ вниманія на разстояніе одного мѣста отъ другого».

(Reise, IV, 87) «Отъ татарской деревни Ор-аулъ (или Орскіе юрты) до рѣки Ujen опять нерѣдко встрѣчались древнія татарскія могилы».

(Reise, IV, 125—126) «На возвышенности, на которой я стоялъ на сѣв. берегу Оби, было нѣсколько древнихъ могилъ, а на южной сторонѣ, по которой я ѣхалъ сюда отъ *Каинскаго прохода*, находилось множество такихъ могилъ; нѣкоторыя изъ нихъ были значительной вышины, въ видѣ холмовъ, состоявшихъ изъ одной земли. Мѣстности, на которыхъ расположены такія могилы, всегда возвышенны».

в) Изъ рукописной инструкціи, составленной Миллеромъ для адъюнкта Фишера [1]).

Пятый параграфъ этой инструкціи, предлагавшій собирать и описывать встрѣчающіяся мѣстами древности, развитъ подробнѣе въ слѣдующихъ 100 статьяхъ (fol. 24—36):

---

1) Инструкція эта заключается въ хранящейся въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ рукописи на нѣмецкомъ языкѣ (212 стр. in fol.) подъ № 526, I: Instruction was zu geographischer und historischer Beschreibung erfordert wird für den Hrn. Adjunctum Io. Eberh. Fischer (als er an meiner Stelle nach Sibirien geschickt wurde), и содер-

1) Главнѣйшая цѣль при изслѣдованіи древностей этого края должна, конечно, заключаться въ томъ, чтобы онѣ послужили къ разъясненію древней исторіи обитателей его, чего и можно смѣло ожидать отъ различныхъ древностей, встрѣчающихся въ Сибири. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ принято описывать и другіе, относящіеся сюда предметы, не ради пользы, а ради курьозности ихъ, да то, что можетъ быть перевозимо, собирать и хранить въ кунсткамерахъ и со всего снимать рисунки, то и на все это необходимо обращать вниманіе.

2) Древности же такъ разнородны и изслѣдованія, которымъ онѣ должны быть подвергаемы, такъ различны, что для тщательнаго изученія и описанія ихъ необходимо нѣсколько болѣе подробное руководство.

3) Мѣстами, особенно въ степяхъ, встрѣчаются старинныя укрѣпленія, окруженныя землянымъ валомъ. Изъ нихъ одни четыреугольны, другія круглы, нѣкоторыя выведены въ видѣ дуги по направленію къ защищенной природою возвышенности. Все это такія древнія сооруженія, что теперешніе языческіе обитатели не хотятъ признать ихъ за произведенія своихъ предковъ, а приписываютъ ихъ народу, который до нихъ жилъ въ этихъ мѣстностяхъ и которымъ принадлежитъ также большая часть остальныхъ сибирскихъ древностей.

4) При этихъ укрѣпленіяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе, главнымъ образомъ, на естественное положеніе ихъ, на величину занимаемаго ими пространства, на вышину вала, глубину находящагося за нимъ рва, расположеніе ихъ по отношенію къ странѣ свѣта и на мѣстность, съ которой устроенъ входъ.

5) Кромѣ того важны еще нѣкоторыя случайныя обстоятельства, которыя встрѣчаются не у всякаго такого укрѣпленія и замѣчены мною въ одномъ только мѣстѣ, по ту сторону Аргуни, въ китайской области: тамъ на валахъ находился родъ бастіоновъ; у всякой стороны укрѣпленія былъ свой входъ, для прикрытія котораго устроены были небольшіе наружные верки въ видѣ дуги; по срединѣ нѣкоторыхъ выдающихся мѣстъ поставлены были разныя фигуры(?); въ большомъ наружномъ окопѣ по срединѣ находился еще маленькій фортъ, и видны были какъ слѣды колодезя, такъ и родъ бороздъ, прежнее употребленіе и пользу которыхъ нельзя понять.

6) Другой родъ старинныхъ укрѣпленій находится на Иртышѣ, но они не того-же самаго времени, какъ предыдущіе, а сооружены татарскимъ ха̀номъ Кучумомъ, жившимъ во время завоеванія Сибири, и другими важнѣйшими его приверженцами.

7) На Оби и Иртышѣ, при разныхъ впадающихъ въ нихъ рѣкахъ, у остяковъ и вогуловъ, на значительныхъ возвышенностяхъ, также много старинныхъ укрѣпленій, которыя не могутъ быть причислены къ первымъ, а служили прежде этимъ народамъ убѣжищемъ во время непріятельскихъ набѣговъ татаръ и самоѣдовъ.

8) Еще менѣе могутъ быть причислены къ первому разряду древностей развалины строеній, при Иртышѣ, извѣстныя подъ названіемъ Семи-Палатъ и Аблайкита. Память о сооруженіи этихъ

житъ слѣдующіе 6 главныхъ параграфовъ (подраздѣляющихся каждый на нѣсколько статей) и 4 приложенія: § 1) о веденіи журнала (20 статей); § 2) о географич. описаніи (75 ст.); § 3) о теперешнемъ состояніи городовъ и подвѣдомственныхъ имъ земель (38 ст.); § 4) о просмотрѣ архивовъ и описаніи сибирской исторіи (22 ст.); § 5) *объ описаніи древностей* (100 ст.); § 6) объ описаніи нравовъ и обычаевъ народовъ (923 ст.). Приложенія: 1) о ландкартахъ (63 ст.); 2) *о рисункахъ* (30 ст.); 3) *о собираніи различныхъ предметовъ для Императорской Кунсткамеры* (16 ст.); 4) словарь, по которому должно собирать матеріалы для языковъ и нарѣчій народовъ. — «Принялся я опять за Фишерову инструкцію (говоритъ Миллеръ въ своемъ «Описаніи путешествія»), которую писалъ сообразно тѣмъ надеждамъ, которыя считалъ себя вправѣ возлагать на г. Фишера. Я не хотѣлъ, чтобы ему, какъ мнѣ, лишь собственнымъ опытомъ пришлось добиться того, что ему слѣдовало дѣлать въ Сибири, и потому написалъ ему все до послѣднихъ мелочей, точно такъ, какъ будто мнѣ самому нужно было представить перечень всѣхъ совершенныхъ мною до сихъ поръ работъ. Въ особенности же я указалъ на все, что ему еще слѣдовало сдѣлать по такимъ предметамъ, которые мнѣ самому не представлялся случай выполнить» (рукоп. № 526, I, листъ 223, verso). Къ сожалѣнію, Фишеръ не съумѣлъ не только воспользоваться этой инструкціей, но и вообще извлечь пользу изъ своего Сибирска̀го путешествія. См. Пыпина, Исторія Русской этнографіи, т. IV, стр. 348—350.—Копія 6-го § и 4-хъ приложеній Миллеровой инструкціи находится также во 2-мъ отдѣленіи библіотеки Импер. Акад. Наукъ, въ рукоп. № $^{3}/_{388}$, поступившей въ нее съ бумагами пок. Шёгрена (Ред.).

зданій очень свѣжа, въ калмыцкихъ и монгольскихъ степяхъ еще много такихъ строеній, да одно было построено даже въ настоящее время.

9) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, въ верховьяхъ Оби, на башкирской границѣ, находится старинное полуразвалившееся зданіе, которое я не знаю къ какому отнести времени. Не могу также сказать, позволятъ-ли мнѣ посѣтить его условія моего путешествія и ненадежность тамошнихъ мѣстъ.

10) Строенія этого рода и укрѣпленія послѣдней категоріи можно, пожалуй, причислить къ древностямъ новѣйшаго времени. Но не подлежитъ сомнѣнію, что они не менѣе первыхъ заслуживаютъ описанія, и если возможно будетъ узнать происхожденіе ихъ, то это послужитъ только въ пользу изученія связи сибирской исторіи.

11) По этой причинѣ не слѣдуетъ оставить безъ вниманія и рукописи, найденныя въ развалинахъ Семи Палатъ и Аблайкита, равно какъ въ одной пещерѣ на Енисеѣ, по ту сторону пограничной линіи.

12) Въ Нерчинской степи виденъ земляной валъ, который, говорятъ, тянется по прямой линіи изъ Монголіи чрезъ Аргунь до Амура.

13) Затѣмъ въ степяхъ, болѣе всего въ красноярскомъ округѣ, встрѣчаются каменныя статуи, изображающія какъ людей, такъ и животныхъ, и служащія тамошнимъ языческимъ народамъ предметами поклоненія. Къ этой категоріи относится каменный баранъ, изображенный въ соч. Срталенберга [1]). Всѣ тѣ, которыя мнѣ извѣстны, списаны мною и срисованы. Если окажутся еще нѣкоторыя, то необходимо удостовѣриться въ томъ, обращены-ли онѣ лицомъ на Ю.

14) У одной такой статуи, стоявшей нѣкогда при соленомъ озерѣ на З. отъ Енисея, а теперь находящейся въ Красноярскѣ, имѣется на спинѣ неизвѣстная надпись [2]).

15) У такъ называемыхъ Семи Палатъ лежитъ большая развалившаяся статуя съ человѣческимъ лицомъ, при которой въ могилѣ нашли, говорятъ, 17 золотниковъ золота [3]).

16) Страленбергова статуя, находившаяся, по его словамъ, близь Абаканска, между рѣчками Тесью и Ербою, и украшенная, какъ онъ говоритъ, надписью [4]), заслуживаетъ, чтобы ее отыскали и удостовѣрили существованіе ея, такъ какъ я, не смотря на всѣ принятыя мѣры, не могъ въ тѣхъ мѣстахъ получить о ней нималѣйшихъ свѣдѣній.

17) Кромѣ того, въ степяхъ мѣстами, особенно на З. отъ Енисея, встрѣчаются большіе, вертикально стоящіе, каменные памятники, изъ которыхъ большая часть совершенно гладки, немногіе же украшены фигурами и, кажется, начертаніями, имѣвшими, можетъ быть, опредѣленное значеніе, а на одномъ, сколько извѣстно, находится надпись изъ какихъ-то буквъ.

18) Послѣдній есть тотъ самый камень при р. Уйбатѣ, который срисованъ Мессершмидтомъ и изображенъ на гравюрахъ, изданныхъ проф. Байеромъ и г. Страленбергомъ. Я велѣлъ снять съ него новый рисунокъ [5]). Замѣчательно, что буквы надписи на вышеупомянутой красноярской статуи тождественны съ буквами на этомъ каменномъ памятникѣ. Если бы удалось найти еще нѣсколько такихъ надписей, то, можетъ быть, со временемъ неизвѣстныя и утерянныя письмена поддались бы разбору.

19) Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія ни изображеній, ни письменъ столь древняго происхожденія. Какими маловажными они бы ни казались, но съ нихъ необходимо дѣлать снимки, чтобы со временемъ можно было сопоставить всѣ древности такого рода и вывести изъ нихъ заключеніе.

20) Сюда относятся и расписанныя изображеніями людей и животныхъ естественныя скалы по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ напр. на Томи, между Томскомъ и Кузнецкомъ, на Енисеѣ,

---

1) См. выше, стр. 49, 56 и 95.
2) См. выше, стр. 99—100.
3) См. стр. 59.
4) См. выше, стр. 34, 40—41, 96—97.
5) См. стр. 98—99.

ниже Красноярска, на Тунгузкѣ, повыше Мурскаго порога, на Ленѣ, между Верхоленскомъ и Тутурской слободкой [1]).

21) Хотя я и слышалъ, что въ Селенгинскомъ краѣ, въ степи между рѣками Джидой и Кемникомъ (Темникомъ?), на скалахъ и камняхъ разныя фигуры, но мнѣ неизвѣстны ближайшія обстоятельства, такъ какъ ни мнѣ, ни кому-либо изъ нашихъ спутниковъ, не привелось быть въ тѣхъ мѣстахъ.

22) Объ изображеніяхъ, выжженныхъ красною краскою на скалахъ при рѣкахъ Ирбити и Пышмѣ, можно справиться у Страленберга [2]).

23) По его-же словамъ, на горѣ Итикъ [3]), между Иртышомъ и Ишимомъ, находится пирамида, на которой еще видны письмена. Если только возможно будетъ, я еще самъ намѣренъ осмотрѣть всѣ эти мѣста, но если бы мнѣ это не удалось сдѣлать, то предлагаю обратить на нихъ ближайшее вниманіе.

24) Исбрандъ пишетъ о старинныхъ жерновахъ и телѣжныхъ колесахъ, найденныхъ около Аргуни; хотя я и получилъ подверждение этого извѣстія, но не нашелъ никого, кто бы могъ описать наружность этихъ вещей. Необходимо имѣть это въ виду, чтобы была возможность сравнить старинные предметы съ нынѣшними вещами различныхъ народовъ.

25) Въ красноярскихъ степяхъ я нашелъ два старые камня отъ небольшого жернова, которые и сохранилъ, какъ доказательство. Изъ той-же степи мнѣ извѣстно, что будто-бы у рѣки Тоюмъ, близь Бѣлаго Юса, стоятъ два большіе жернова, прислоненные къ дереву [4]).

26) Въ уральскихъ, саянскихъ, нерчинскихъ и аргунскихъ горахъ, да и доселѣ вездѣ, гдѣ въ Сибири извѣстны мѣдныя и серебряныя руды, встрѣчались не только слѣды древнихъ шурфовъ и рудниковъ, но и остатки плавильныхъ печей и трейбгердовъ, въ которыхъ древніе обитатели плавили и очищали руды.

27) Древнія могилы въ степяхъ иртышскихъ, красноярскихъ и нерчинскихъ могли бы дать больше всего матеріаловъ для разъясненія древней исторіи и быта прежнихъ жителей этихъ мѣстностей, если бы тѣ вещи и орудія, которыя корысть побудила извлечь изъ нихъ, не были непростительно растрачены, такъ что въ настоящее время приходится довольствоваться почти однимъ только созерцаніемъ этихъ, большею частью разоренныхъ, хранилищъ столькихъ драгоцѣнностей и рѣдкостей, да воспоминаніемъ о томъ, что въ нихъ было найдено.

28) Если со временемъ южныя части Сибири, выше р. Тобола и на западной сторонѣ Иртыша, гдѣ бóльшая часть могилъ еще не разрыта, удалось бы оградить отъ всѣхъ опасностей и непрія-

---

1) См. стр. 67—71.

2) См. выше, стр. 38, 40, 42—47. Изображеніямъ на утесахъ ирбитскихъ Миллеръ, имѣвшій потомъ возможность лично осмотрѣть ихъ, посвятилъ подробное замѣчаніе въ своемъ изслѣдованіи о сибирскихъ писаницахъ (см. выше, стр. 69) и опровергнулъ въ немъ всѣ домыслы о нихъ Витзена, Купера и Страленберга. Относительно начертаній на берегу Пышмы или Пыжмы Миллеръ говоритъ (въ томъ-же изслѣдованіи) слѣдующее: «при р. Пышмѣ ничего такого не встрѣчается и въ той мѣстности вообще нѣтъ скалъ. Сколько я (при посѣщеніи рѣки этой въ различныхъ мѣстахъ) ни разспрашивалъ объ этомъ живущихъ тамъ Русскихъ и Татаръ, нигдѣ я не могъ получить свѣдѣнія о скалѣ съ какими бы то ни было изображеніями. Поэтому думаю, что онъ (Страленбергъ) былъ введенъ въ заблужденіе ложнымъ разсказомъ и доставленными ему вымышленными начертаніями, какихъ, сколько мнѣ извѣстно, нельзя отыскать, кажется, во всей Сибири. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить ошибочное его мнѣніе, что татарское названіе *пышма* соотвѣтствуетъ русскому слову *письмо*» (Ред.).

3) См. выше, стр. 40. О пирамидѣ на горѣ Итикъ Миллеръ въ своемъ изслѣдованіи о сибирскихъ писаницахъ (см. предыдущее примѣчаніе) говоритъ слѣдующее: «Когда я сталъ разспрашивать объ этомъ живущихъ при р. Тоболѣ Татаръ, которые изъ-за охоты посѣщаютъ мѣстность при р. Ишимѣ до горы Итикъ и далѣе, то они отвѣтили мнѣ, что на вершинѣ этой горы находится значительной величины озеро, но нѣтъ ни пирамиды, ни другого памятника, украшеннаго письменами. Гора эта, лежащая на В. отъ р. Ишима, очень высока и недоступна; на нее ведетъ входъ только съ западной стороны, да и тотъ довольно затруднителенъ. Вокругъ же лежатъ меньшія горы, изъ которыхъ нѣкоторыя носятъ особыя названія» (Ред.).

4) См. выше, стр. 91 и 93.

тельскихъ вторженій Киргизъ-Кайсаковъ, то еще можно будетъ надѣюсь, открыть многое, что̀ послужитъ въ пользу нашего намѣренія. Весьма желателенъ однакоже при этомъ тщательный надзоръ, чтобы снова не погибло неоцѣнимое сокровище столь многихъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ.

29) Внѣшній видъ могилъ въ разныхъ мѣстностяхъ различенъ. Даже въ одной и той-же мѣстности встрѣчаются могилы, на столько отличающіяся одна отъ другой, что ихъ можно приписать совершенно различнымъ народностямъ.

30) На Иртышѣ я замѣтилъ могилы, изъ которыхъ однѣ насыпаны изъ кучъ земли и песку, другія вымощены голышами, нѣкоторыя окружены вѣнкомъ изъ насыпныхъ камней, иныя совершенно покрыты кучами камней.

31) Нѣкоторыя могилы обставлены, съ четырехъ сторонъ, четыреугольными плоскими каменными плитами, около 1 арш. вышины, которыя впрочемъ рѣдко со всѣхъ сторонъ размѣщены на одинаковомъ разстояніи и въ одинаковомъ количествѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такого рода торчмя поставленныя плиты, превышающія ростъ человѣка, видны отдѣльно на восточной сторонѣ могилы.

32) Я встрѣчалъ тамъ вскрытыя могилы, которыя внутри были выложены сырцевыми кирпичами, въ видѣ свода, а изъ разспросовъ я узналъ, что встрѣчались также подобные подземные могильные своды изъ обожженныхъ кирпичей и простыхъ булыжниковъ (rauhe Felsensteine).

33) Въ верхнихъ красноярскихъ степяхъ, по обѣ стороны Енисея, но болѣе на западной сторонѣ, гдѣ встрѣчается безчисленное множество такихъ древнихъ могилъ, это различіе еще болѣе бросается въ глаза.

34) Одинъ родъ могилъ состоитъ изъ большихъ и малыхъ круглыхъ земляныхъ холмовъ, обставленныхъ въ четыреугольникъ большими, торчмя стоящими, булыгами. По русски они называются «*земляными курганами*» [1]).

35) Другого рода могилы вровень съ поверхностью земли покрыты или вымощены камнями, но также обставлены въ четыреугольникъ значительно большими булыгами, и называются «*каменными курганами*» или «*каменными маяками*» [2]).

36) Третьяго рода могилы на поверхности земли покрыты плоскими и тонкими камнями, которые раскалываются какъ шиферъ и по-русски называются плитами. Иногда же онѣ обставлены торчмя стоящими булыгами. Такія могилы, по роду ихъ покрытія, называются «*сланцами*» [3]).

37) Могилы четвертаго рода также обставлены подобными колотыми плитами, какими покрыты предыдущія, и такъ какъ эти плиты, лишь немного выдающіяся надъ поверхностью земли, стоятъ плотно одна возлѣ другой, образуя какъ-бы четыре стѣны, то такія могилы называются «*творильными*» [4]).

38) Есть, правда, въ красноярскихъ степяхъ еще одинъ родъ могилъ, которыя называются «*киргизскими*» [5]), но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ древними могилами, потому что народъ, которымъ онѣ сооружены, еще въ свѣжей памяти и такъ извѣстенъ, что пособій для (изученія быта) его нечего отыскивать въ могилахъ.

39) Торчмя стоящіе камни, которыми обставлены могилы первыхъ трехъ родовъ въ красноярскихъ степяхъ, иногда такой поразительной величины, что трудно понять, какимъ образомъ народъ, жившій въ степяхъ и вѣроятно ничего не знавшій о механическихъ приспособленіяхъ, могъ вырубать, перевозить и воздвигать подобные камни.

40) Тамъ-же эти самые камни плоскими сторонами своими постоянно обращены въ извѣстную страну свѣта, тогда какъ на Иртышѣ камни со всѣхъ боковъ плоскими сторонами своими повернуты

---

1) См. выше, стр. 103.
2) См. выше, стр. 101—103.
3) См. выше, стр. 103.
4) См. выше, стр. 104.
5) См. выше, стр. 104.

къ могилѣ. При устройствѣ самыхъ могилъ также постоянно соблюдались извѣстныя направленія, которыя однакоже въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаковы.

41) Кромѣ обычныхъ надгробныхъ камней у нѣкоторыхъ кургановъ въ красноярскихъ степяхъ помѣщены по четыремъ сторонамъ отдѣльно стоящіе спереди камни, о которыхъ трудно сказать, какое они имѣютъ значеніе.

42) Какъ на этихъ, такъ и на вышеупомянутыхъ могильныхъ камняхъ, видны иногда, хотя и рѣдко, изображенія и начертанія такого-же рода, какъ на указанныхъ выше каменныхъ памятникахъ. На одномъ только я нашелъ вырѣзаннымъ человѣческое лицо [1]).

43) У одного кургана (въ степи между Абаканскомъ и рѣкою Уйбатомъ), вышина котораго, по моему измѣренію, составляла 50, а окружность по подошвѣ 350 шаговъ (это самый большой курганъ, видѣнный тамъ какъ мною, такъ и другими), я замѣтилъ подобные-же камни съ вырѣзанными на нихъ фигурами, съ которыхъ случайности моего путешествія не позволили мнѣ снять рисунки [2]). По-этому было бы полезно срисовать ихъ при удобномъ случаѣ.

44) Страленбергъ разсказываетъ про треугольныя могилы [3]), но мнѣ не привелось ни видѣть ихъ, ни слышать, чтобы таковыя существовали. Поэтому слѣдуетъ навести дальнѣйшія справки о нихъ, равно какъ о прочихъ обстоятельствахъ, которыя онъ сообщаетъ относительно могилъ, такъ какъ, по моимъ наблюденіямъ, свѣдѣнія его очень расходятся съ истиною.

45) Могилы въ нерчинскихъ степяхъ сходны съ могилами первой категоріи въ красноярскихъ степяхъ, съ тою только разницею, что большіе торчмя стоящіе камни большею частью поставлены очень близко одинъ отъ другого и не обращены, какъ на Иртышѣ, къ могилѣ [4]).

46) Рѣдко тамъ можно встрѣтить могилу, прикрытую кучею камней, хотя мнѣ и извѣстенъ одинъ примѣръ такого рода у аргунскихъ серебряныхъ рудниковъ, гдѣ подобная могила была разорена по случаю розыскиванія въ ней руды.

47) Положеніе по отношенію къ странамъ свѣта могилъ и камней, которые разставлены вокругъ нихъ четыреугольникомъ, длина и ширина этихъ четыреугольниковъ, величина и высота кургановъ, вышина, ширина и толщина камней, все это такія обстоятельства, которыя обращаютъ на себя вниманіе, особенно при наружномъ осмотрѣ могилъ, такъ какъ бо́льшая часть всего этого въ извѣстной мѣстности обыкновенно является въ одинаковомъ видѣ.

48) На большіе торчмя поставленные могильные камни слѣдуетъ также обращать вниманіе и разспрашивать, находятся-ли по близости такія скалистыя горы и мѣстности, изъ которыхъ они могли быть взяты, и не привезены-ли они издалека.

49) Чтобы имѣть возможность точно судить о содержимомъ могилъ, лучше всего, конечно, самому велѣть вскрыть много могилъ въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно тамъ, гдѣ есть надежда найти, кромѣ костей, еще другія зарытыя въ землю рѣдкости.

50) Для этого въ населенныхъ мѣстахъ необходимо запасаться достаточнымъ количествомъ рабочихъ и потребными для работы инструментами, какъ-то: лопатами и кирками, такъ какъ могилы въ степяхъ большею частью находятся далеко отъ русскихъ селеній.

51) Если на это (т. е. на раскопки) не окажется ни времени, ни случая, то необходимо, по крайней мѣрѣ, усердно отмѣчать все, что можно узнать изъ разсказовъ людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе долговременнымъ раскапываніемъ могилъ.

52) Въ верховьяхъ рѣки Тоболя, въ деревняхъ, лежащихъ при р. Ишимѣ, въ Тарѣ, въ укрѣпленіяхъ вверхъ по Иртышу, на колыванскихъ заводахъ Демидова, въ большей части деревень при р. Оби, ровно какъ въ округахъ томскомъ и кузнецкомъ, да въ Абаканскѣ, въ красноярскомъ округѣ, жители могутъ сообщить объ этомъ наилучшія и самыя подробныя свѣдѣнія.

---

1) См. выше, стр. 95.
2) См. выше, стр. 97—98.
3) См. выше, стр. 34.
4) См. выше, стр. 85.

53) Обстоятельства, на которыя слѣдуетъ обращать вниманіе, какъ при собственномъ изслѣдованіи могилъ, такъ и при разспросахъ о нихъ, заключаются въ слѣдующемъ:

54) Найдены-ли въ могилѣ одно или нѣсколько различныхъ мѣстъ погребенія?

55) Встрѣчались-ли могилы и за чертою могильныхъ камней?

56) Обложено-ли мѣсто, въ которомъ схороненъ покойникъ, камнемъ, въ какомъ именно видѣ и какими камнями, или оно обставлено и покрыто плитами, или просто вырыто въ землѣ?

57) Плотно-ли утрамбована земля надъ мѣстомъ погребенія, или она только насыпана?

58) Какъ глубоко въ землѣ находятся мѣста погребенія, считая опять отъ поверхности земли, такъ что при насыпныхъ курганахъ слѣдуетъ вычитать вышину кургановъ?

59) Находятся-ли слѣды гроба, и видно-ли, что покойникъ былъ положенъ между досокъ или столбовъ, былъ-ли онъ чѣмъ-нибудь покрытъ или во что-нибудь завернутъ?

60) Есть-ли признаки, что всѣ покойники схоронены въ цѣлости и нельзя-ли по плотности и положенію нѣкоторыхъ костей предположить, что покойникъ сперва былъ сожженъ и потомъ только схоронены кости?

61) Найдены-ли кости сожженныхъ покойниковъ въ сосудахъ или просто въ землѣ?

62) Въ какую страну свѣта обращена голова у несожженныхъ покойниковъ?

63) Всѣ-ли кости лежали въ естественномъ положеніи и всегда-ли находимы были всѣ кости одного и того-же человѣческаго остова, или иногда нѣкоторыхъ костей недостаетъ?

64) На сколько кости пострадали отъ времени, хрупки-ли онѣ и какого цвѣта?

65) Зарыты-ли съ покойниками цѣлые остовы коней и овецъ, либо части или, по крайней мѣрѣ, головы ихъ, гдѣ они лежатъ и въ какомъ положеніи?

66) Какія вещи и орудія и изъ какого металла встрѣчаются въ могилахъ, какъ при погребенныхъ, такъ и при сожженныхъ остовахъ?

67) Лежатъ-ли эти предметы въ головахъ или въ ногахъ, и съ которой обыкновенно стороны?

68) Въ иртышскихъ степяхъ иногда находили множество тонкихъ чеканныхъ золотыхъ листковъ, въ которыя покойники, повидимому были завернуты.

69) Къ числу самыхъ обыкновенныхъ могильныхъ вещей, сдѣланныхъ изъ драгоцѣннаго металла, т. е. золота, принадлежатъ серьги, простыя кольца, шейные и ручные обручи и пояса.

70) Находили-ли также драгоцѣнные камни и бусы и на какихъ именно уборахъ?

71) Въ какомъ видѣ бываетъ то золото и серебро, которое находятъ при сожженныхъ костяхъ: состоитъ-ли оно всегда изъ сплавившихся кусковъ, или оно, по крайней мѣрѣ, слегка расплавилось; встрѣчаются-ли также цѣльныя вещи?

72) Нерѣдко изъ могилъ извлекали литыя вещицы изъ золота, серебра, да изъ желтой и красной мѣди, изображающія различныя фигуры людей и животныхъ.

73) Относительно большихъ металлическихъ бляхъ съ изображеніями и надписями, встрѣчавшихся довольно часто въ могилахъ на Иртышѣ, необходимо разузнать, не находили-ли въ одной и той-же могилѣ нѣсколько бляхъ и не видно-ли слѣдовъ прикрѣпленія ихъ ремнями къ одеждѣ.

74) Вмѣсто нихъ въ красноярскихъ степяхъ въ могилахъ находятъ много круглыхъ и небольшихъ бляхъ изъ красной мѣди безъ изображеній и надписей.

75) Не встрѣчаются-ли драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя монеты и что̀ на послѣднихъ выбито? Мнѣ до сихъ поръ не удалось найти такія, на которыхъ были-бы письмена.

76) Встрѣчалось-ли въ могилахъ оружіе, какъ то: сабли, кинжалы, сѣкиры, ножи и стрѣлы, и изъ какого металла? Особенность красноярскихъ степей заключается въ томъ, что все тамошнее оружіе этого рода изъ мѣди.

77) Встрѣчается-ли домашняя посуда, какъ-то: котлы, горшки, блюда, тарелки, подсвѣчники и т. д., и изъ какого металла?

78) Видна-ли на серебряныхъ сосудахъ позолота?

79) Встрѣчаются-ли шахматы?

80) Попадались-ли глиняные горшки и кувшины, какой они формы, придѣланы-ли къ нимъ ручки и глазурованы-ли они?

81) Находятся-ли на металлическихъ и глиняныхъ сосудахъ, блюдахъ и горшкахъ вырѣзанныя вглубь, либо рельефныя фигуры людей, животныхъ и растеній?

82) Встрѣчались-ли когда-нибудь цѣльные сосуды или черепки фаянсовые?

83) Встрѣчаются-ли иногда остатки шелковыхъ или шерстяныхъ тканей, особенно же бархата, равно какъ кожи отъ сѣделъ или уздечекъ?

84) Въ могилахъ на Иртышѣ часто попадаются серебряныя украшенія отъ сѣделъ, уздечекъ и другихъ конскихъ уборовъ.

85) Въ могилахъ красноярскихъ степей находятъ желѣзныя стремена и удила; это впрочемъ единственныя желѣзныя вещи, которыя тамъ встрѣчаются.

86) Въ той могилѣ при аргунскихъ серебряныхъ рудникахъ, которая, какъ я выше замѣтилъ, была раскрыта по случаю отыскиванія руды, найдены двѣ литыя металлическія, красиво обработанныя вещицы въ видѣ большихъ разновѣсовъ, съ придѣланными сверху ручками; на нихъ видны были отчетливо исполненныя рельефныя надписи, которыя не могли быть прочтены лицами, знавшими китайскій и манджурскій языки.

87) Находили-ли иногда могильныя вещи за предѣлами могильныхъ камней, и какія именно?

88) Нѣтъ-ли у людей, занимающихся раскапываніемъ могилъ, извѣстныхъ примѣтъ, по которымъ они узнаютъ, что могила содержитъ драгоцѣнности, и въ чемъ заключаются эти примѣты? Увѣряли, что тѣ могилы, которыя до сихъ поръ еще не разрыты, особенно всѣ могилы Нерчинскаго края, вовсе не содержатъ такихъ вещей, почему никто и не хочетъ заниматься раскапываніемъ ихъ.

89) Замѣчалось-ли постоянно, что могилы, лежащія ближе другихъ къ лѣсамъ, самыя бѣдныя, а тѣ, которыя находятся далеко въ степи, содержатъ наибольшее количество драгоцѣнностей?

90) Иногда и внѣ могилъ встрѣчаются въ землѣ и на ней металлическія и каменныя древности, которыя не менѣе другихъ заслуживаютъ вниманія.

91) Сюда относятся сѣкиры древнихъ или такъ называемыя громовыя стрѣлы, да каменные наконечники стрѣлъ и долота, сдѣланныя изъ агатовъ и яшмы. Недавно такія вещи нашли въ Киренскомъ острогѣ, на берегу Лены, при копаніи земли, и въ Красноярскѣ на степи.

92) Недавно близь Енисейска найденъ камень, имѣющій длинную и плоскую овальную фигуру, съ двумя заостренными концами; на одномъ боку его небольшое ушко, а на другомъ два ушка, на одинаковомъ разстояніи отъ средняго, но не на заостренныхъ концахъ.

93) Въ пермскомъ краѣ иногда находятъ древнія арабскія монеты куфическаго чекана; по сосѣдству (съ Сибирью) это также слѣдуетъ принять въ соображеніе.

94) Въ прежнее время у остяковъ на Оби находили металлическіе идолы, которые, по всей вѣроятности, много лѣтъ тому назадъ привезены къ нимъ изъ другихъ мѣстностей и, можетъ быть, изъ Пермскаго края.

95) Металлическая прорѣзная фигура, найденная, говорятъ, въ Мангазейскомъ краѣ у самоѣдовъ, но не знаю гдѣ именно, также, можетъ быть, подобнаго происхожденія.

96) Самоѣдскій идолъ «юнетта», который по-русски называется «палванъ» (болванъ), т. е. кентавръ, тоже, безъ сомнѣнія, одна изъ такихъ древностей.

97) Юракскіе самоѣды на р. Тазѣ иногда въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ да неподалеку отъ Ледовитаго океана и отъ Тазскаго залива, находятъ, говорятъ, серебряные сосуды красивой отдѣлки. Но я еще не увѣренъ въ томъ, что это дѣйствительно древности: легко можетъ быть, что они принадлежали Русскимъ и затеряны ими здѣсь въ то время, когда еще существовалъ городъ Мангазея на р. Тазѣ и, при тогдашнемъ судоходствѣ по Тазскому заливу, суда часто выбрасывались на берегъ или претерпѣвали крушеніе и неоднократно грабились юраками.

98) У монголовъ существуетъ преданіе, что на островѣ Олхонѣ, на Байкальскомъ озерѣ, на горѣ находятся треножникъ и большой котелъ, въ которомъ будто-бы лежитъ лошадиная голова. Вещи

эти, по ихъ словамъ, чингисхановы [1]). Въ иркутской области я неоднократно разспрашивалъ про это, но ни отъ кого не могъ получить подтвержденія этого разсказа. Если-бы дѣйствительно оказалось что-нибудь въ этомъ родѣ, то при случаѣ стоило-бы осмотрѣть.

99) Слѣдуетъ, на сколько возможно, тщательно собирать, скупать и отдавать въ царскую кунсткамеру всякія древности, которыя или отыскиваются, или еще находятся кое-гдѣ у частныхъ лицъ, изъ какого-бы то металла или камня ни были эти вещи. Да и глиняные сосуды не слѣдуетъ при этомъ оставлять безъ вниманія.

100) Необходимо также собирать свѣдѣнія о сосѣднихъ странахъ и государствахъ, какія у нихъ находятъ древности; таковыя слѣдуетъ описывать по разспросамъ, а вещи, которыя можно добыть, также собирать и скупать для царской кунсткамеры.

Приложеніе II. О рисункахъ.

6) Относительно древностей могу только сказать вообще, что со всѣхъ, которыя удастся увидѣть или пріобрѣсти, слѣдуетъ снимать рисунки. Обойтись можно безъ рисунковъ только съ находящихся въ красноярскихъ степяхъ статуй, каменныхъ памятниковъ и надгробій, украшенныхъ изображеніями, равно какъ съ расписанныхъ скалъ на Томи, Енисеѣ и Ленѣ, потому что съ нихъ уже сняты рисунки по моему распоряженію.

7) Въ главѣ о древностяхъ, въ пунктѣ 43-мъ, говорится о большомъ, не имѣющемъ равнаго себѣ, курганѣ между Абаканскомъ и Уйбатомъ. При немъ остались нерисованными два надгробные камня съ фигурами; этотъ пробѣлъ при случаѣ необходимо пополнить.

8) Не снято также рисунка съ расписанной скалы на Тунгузкѣ, такъ какъ она не представляетъ ничего особеннаго.

9) Если бы представился случай посѣтить мѣстности по рѣкамъ Джидѣ и Кемнику (Темнику?), въ Селенгинскомъ краѣ, то слѣдовало бы снять рисунки съ вырѣзанныхъ тамъ на камняхъ фигуръ, о которыхъ говорится въ 21-мъ пунктѣ главы о древностяхъ.

Приложеніе III. О собираніи различныхъ вещей для Императорской кунсткамеры.

Сюда относятся: 1) различныя удобно-перевозимыя древности, въ особенности могильныя, и другія небольшія, находимыя мѣстами, вещицы. По моему мнѣнію, не мѣшало бы даже переслать въ Петербургъ, въ царскую кунсткамеру, каменный памятникъ на Уйбатѣ, украшенный неизвѣстною надписью, да каменную статую, съ подобною-же надписью, находящуюся въ Красноярскѣ. Я же не сдѣлалъ этого только потому, что безъ Высочайшаго повелѣнія не осмѣливался расходовать на это деньги [2]).

---

1) Объ этомъ Миллеръ говоритъ и въ Описаніи Сибирскаго царства; см. ниже, стр. 115.

2) При этомъ случаѣ считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь также составленную Миллеромъ инстуркцію «управителямъ барона Строганова о собираніи манускриптовъ, рѣдкостей и пр.» (рукоп. Московск. Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, № 412, тетр. 12).

«Господина барона Александра Сергѣевича Строганова управителямъ и прикащикамъ, живущимъ въ Москвѣ, въ Твери, въ Нижнемъ, въ Казани, въ Новомъ Усоліи, въ Чусовскихъ городкахъ, на Бѣлимбаевскомъ заводѣ и пр.

1. Ежели попадаются вамъ купить старые русскіе книги, писменные и печатные, каково бы содержанія ни были, то оные купить по настоящей цѣнѣ, какъ возможно, и безъ чего продавецъ не отдаетъ, а паче стараніе имѣть, чтобы достать письменные лѣтописцы, хронографы, степенные книги, и прочіе историческіе сочиненія о Россіи, о Татарахъ, и о сосѣдственныхъ государствахъ.

2. Старатся купить для меня всякіе древности, золотые, серебряные, мѣдные, желѣзные, глиняные и другіе вещи, которые въ прежнихъ годахъ въ могилахъ найдены, не выключая ни чего, и не жалѣя на то денегъ, хотя за такіе вещи платить и дороже того, какъ истинная ихъ цѣна по весу значитъ.

г) Изъ «Описанія Сибирскаго царства» (2-е изд.). Спб. 1787 г. [1]).

Стр. 2—3. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 111—113). Въ южныхъ странахъ Сибири, находящіяся въ великомъ множествѣ древности доказываютъ, что исторія Чингисъ-Хана и нѣкоторыхъ его потомковъ съ исторіею Сибирскою не малое сообщеніе имѣетъ; ибо изъ нихъ явно есть, что хотя въ тѣхъ странахъ и не главное мѣсто Монархіи было, однако многія принадлежащія туда знатныя поколѣнія жительство свое тамъ имѣли. Сколько не видно слѣдовъ на разныхъ мѣстахъ по степямъ городковъ? Коликое множество въ память поставленныхъ каменныхъ маяковъ, болвановъ, старинныхъ могилъ и другихъ принадлежащихъ къ тому вещей на всѣхъ мѣстахъ не находится? Какихъ дорогихъ вещей, золотыхъ и серебреныхъ, изъ могилъ не выкопано? Откуда можно было имъ произойти, какъ только отъ прежнихъ Татаръ [2]); понеже извѣстно, что всѣ сокровища изъ Китая, Персіи, Россіи, Польши, Богеміи, Венгріи имъ достались?... Мунгалы сказываютъ, что Чингисъ-Ханъ съ своимь кочевьемъ доходилъ иногда и до озера Байкала, къ чему въ доказательство объявляютъ, будто на находящемся на озерѣ Байкалѣ островѣ Олхонѣ стоитъ на горѣ его Чингисъ-Хановъ таганъ, а на немъ большой котелъ, въ которомъ лежитъ лошадиная голова, токмо я о семъ послѣднемъ у кочующихъ въ тамошней сторонѣ при оз. Байкалѣ и на помянутомъ острову Бурятовъ или брацкихъ людей никакого извѣстія въ подтвержденіе не получилъ... Первыя завоеванныя Чингисомъ мѣста, а именно Китай и Тангутъ лежатъ неподалеку оттуда (т. е. отъ озера Байкала), къ томужъ и убожество тамошнихъ могилъ есть свидѣтельствомъ, что прежніе владѣльцы оныя земли жили еще въ природ-

---

3. Домагатся достать купить или выписать откуды можно всякіе турецкіе, персидскіе, бухарскіе, китайскіе, тангутскіе, индостанскіе и прочихъ азіяцкихъ странъ денги, золотые, серебряные и мѣдные, при чемъ бы каждой монетѣ цѣна на русскіе денги означены были.

4. Звѣри, птицы, рыбы, коихъ здѣсь нѣтъ, достать ловить, и изъ звѣрей, птицъ и болшихъ рыбъ дѣлать чучелы, а не болшіе рыбы, также и маленкіе птицы, охранять и прислать въ водкѣ.

5. Съ всякихъ травъ, которые въ тамошнихъ странахъ ростутъ, собирать сѣмена, и которые кореніями розплодятся, съ тѣхъ взять коренія, и приписать каждому сѣмени и коренію имя по русски или татарски, ежели довѣдатся можно, а паче наблюдать тѣ травы и коренья, которые отъ тамошнихъ жителей въ лѣкарство употребляются, въ чемъ обрѣтающіе въ каждомъ мѣстѣ лѣкаря, лѣкарки и травники извѣстіе подавать могутъ.

6. Особливо старатся о рудахъ и минералахъ всѣхъ заводовъ казенныхъ и партикулярныхъ въ московской, нижегородской, казанской, оренбургской и сибирской губерніяхъ, чтобы отъ каждаго рудника достать по куску, съ объявленіемъ, по колику содержится въ центнерѣ той руды какого металла, а сверхъ рудъ и прочіе минерали потребны, яко соль, сѣра горучая, купоросъ, селитръ, нашатиръ, краски, глина и песокъ особливаго вида и цвѣта, также и всякіе окаменѣлые вещи какого бы званія и виду ни были.

7. Ѣдущимъ изъ Перміи за торговыми и другими промыслами въ Астрахань, въ Оренбургъ, въ Сибирь и на Китайскую границу приказывать о всѣмъ вышеписанномъ на крѣпко, и обнадеживать за ихъ стараніе дѣйствительнымъ награжденіемъ, а которые ѣздятъ до Китайской границы тѣ бы домагались достать и всякіе китайскіе куріозные вещи какого бы званія ни были.

8. Что кто получитъ вышеписанныхъ вещей, оное прислать къ господину барону не мешкавъ, не ожидая болшихъ посылокъ, и быть увѣреннымъ, что издержанные на покупку такихъ вещей денги приняты будутъ въ щетъ, и сверхъ того сами управители и прикащики награждены будутъ отъ господина Барона особливымъ жалованіемъ».

Въ томъ-же портфелѣ Миллеровскихъ рукописей (тетрадь № 5) находится инструкція на франц. языкѣ, данная г. совѣтнику Веревкину относительно собиранія рѣдкихъ, древнихъ и натуральныхъ вещей для кабинета барона Строганова.

Въ этой инструкціи говорится также о собираніи рукописей по исторіи общей и частной (особенно Казани), рукописей татарскихъ, свѣдѣній о развалинахъ Болгаръ, могильныхъ древностей и монетъ. Между прочимъ упоминается еще нѣкто Кудрявцевъ въ Казани, имѣвшій собраніе монетъ, найденныхъ въ могилахъ татарскихъ, «medailles antiques trouvées dans des tombeaux tatares» (Ред.).

1) Описаніе это (первыя 5 главъ Сибирской исторіи) — старинный русскій переводъ нѣмецкаго текста, помѣщеннаго въ Миллеровыхъ Samml. Russ. Gesch. Bd. VI. St. Petersburg, 1761 (Ред.).

2) «Что Татары сперва тѣми мѣстами владѣли, оное явствуетъ наипаче изъ Татарскихъ исторій (*Абулгази* часть 2, гл. 9, стран. 104 и далѣе), при чемъ и находящіеся многіе остатки древностей довольное о томъ свидѣтельство подаютъ, потому что Тунгусы и Дауры согласно объявляютъ, что оныя древности произошли не отъ ихъ предковъ». Тамъ-же, стр. 24 (= Samml. Russ. Gesch. VI, 153).

номъ безпорочіи, и о дорогихъ вещахъ и сокровищахъ мало знали, а какъ досталось уже имъ такое богатство изъ Китая и Тангута, то они жилища свои далѣе къ западу распространили.

Стр. 8—9, примѣч. Въ Куперовыхъ письмахъ на стр. 107 написано: Mr. Witsen ne doute point, que les characteres trouvez en Siberie ne soient Chinois; car son miroir trouvé dans un tombeau temoigne, que ce dernier peuple y a été il y a plus de 1800 ans, et ies histoires témoignent, que les Chinois ont occupé il a plus de Mille ans la Siberie et le pays voisin, qu'ils y ont envoyé des colonies, et qu'il y a encore au milien de ce pays un village, dont le nom est Kitaeskaia, la Chine étant appelleé Kitai... Однако такія доказательства неосновательны. Ибо первое, что касается до найденнаго въ Сибири въ могилѣ Китайскаго зеркала, которому было 1800 лѣтъ, то не слѣдуетъ, чтобъ оное въ то время, когда его здѣлали, въ землю закопано было. Я самъ досталъ въ Сибири Китайскую монету дѣланную въ осьмомъ вѣку отъ Р. Х., которая найдена тамъ въ могилѣ недалеко отъ р. Оби. О томъ разсуждаю я такъ, что Татара при владѣніи Чингиса, Октая, Мангу и Коблая Хана такія вещи изъ Китая получили, которыя потомъ съ ихъ хозяевами въ могилы кладены были. Второе доказательство изъ Китайской исторіи требуетъ большаго изъясненія, нежели чтобъ оное здѣсь такъ просто приписать; а имя Китайской деревни совсѣмъ неосновательно.

Стр. 32. При слободѣ, называемой Орлово городище, стоящей у рѣки Ишима, весьма ясные слѣды и остатки стариннаго города видны. (Въ Samml. Russ. Gesch. VI этой замѣтки нѣтъ).

Стр. 35. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 175—179). Тюмень. Остатки прежней Татарской столицы тамъ и теперь видны, а оные состоятъ въ небольшомъ укрѣпленіи между двумя буераками рѣчки Тюменки, текущей сквозь городъ въ рѣку Туру... У тамошнихъ Татаръ болѣе ни о чемъ не увѣдомился, какъ только что они старинную Татарскую крѣпость, также и состроенный при старинной крѣпости городъ Тюмень называютъ Чимги или Цимги-Тура.

Стр. 39. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 182). На Панииномъ бугрѣ (противъ Тобольска) никакихъ слѣдовъ бывшаго городка (Бицинтура) болѣе не видно.

Стр. 43. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 189—190). Внизу р. Иртыша и у Оби находятся многіе старинные (остяцкіе) городки, которые по большой части укрѣплены отъ натуры безъ человѣческихъ трудовъ.

Стр. 51. (=Samml. Russ. Gesch. IV, 207). Обдорскій городокъ, древнее Остяцкое мѣстечко, что нынѣ Русской острогъ въ Березовскомъ уѣздѣ недалеко отъ устья рѣки Оби.

Стр. 88. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 263). Тарханской городокъ или острогъ (по Татарски Тарханъ-Калла), недалеко вверхъ отъ устья рѣки Туры при рѣкѣ Тоболѣ на восточной сторонѣ оныя.

Стр. 94. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 276). Карачинской городокъ или Карачинской улусъ, на правомъ берегу Тобола, верстахъ въ 16-ти отъ впаденія его въ Иртышъ.

Стр. 97. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 351). Чандырской городокъ. А нынѣ подъ симъ именемъ находится послѣдняя Кошуцкой волости деревня (при р. Тавдѣ?).

Стр. 98. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 353). Табаринской городокъ, при устьѣ рѣчки Иксы.

Стр. 107. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 291). Абалакъ, или по Татарскому произношенію Ебалакъ, бывшій Татарской городокъ на восточномъ высокомъ берегу р. Иртыша, въ 5 верстахъ выше Ханскаго столичнаго города Сибири... Явлутура, Татарской городокъ бывшей при р. Тоболѣ, гдѣ въ послѣдующіе годы Ялуторовской острогъ построенъ.

Стр. 108—109. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 294—296). Городъ *Сибиръ*. Остатки сего столичнаго города[1]) (ежели такое мѣсто, какъ сіе по видимому было, званіемъ города почтить можно), еще и по нынѣ видны. Восточной высокой берегъ рѣки Иртыша имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину, и оной берегъ почти вездѣ, гдѣ рѣка подлѣ горъ течетъ, отъ оной подмывается: отъчего въ томъ мѣстѣ нѣкоторая часть горы отвалилась, такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоитъ почти перпендикулярно. По верхней сторонѣ находится глубокой буеракъ, въ которомъ течетъ маленькая рѣчка, и оная на Россійскомъ языкѣ по городу называется Сибирка, а Татаре сію рѣчку именемъ не называютъ... Понеже оная сторона весьма крута, то на томъ мѣстѣ и всходу нѣтъ. Съ третьей или съ полевой стороны есть долина, помалу глубже становится, и съ буеракомъ, въ которомъ рѣчка Сибирка течетъ, соединяется. Развѣ отсюда можно было на то мѣсто, гдѣ городъ былъ, подняться, но понеже и тутъ еще нарочито круто, то оное бы требовало не малаго затрудненія. Одна четвертая нижняя сторона по теченію рѣки Иртыша немного полога, такъ что съ той стороны и всходъ былъ, какъ и теперь сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто для смотрѣнія онаго изъ Тобольска выѣдетъ. Оно видится съ дороги на небольшой круглой горкѣ, которая въ разныхъ уступахъ укрѣплена тройнымъ валомъ съ находящимися при томъ рвами, изъ которыхъ одинъ валъ другаго выше, а сіи валы окружаютъ городское мѣсто только съ приходу и съ стороны долины, понеже прочія обѣ стороны отъ рѣки Иртыша и отъ буерака никакого укрѣпленія не требуютъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ валы и рвы за многопрошедшимъ временемъ такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно. Внутреннее пространство кругловато и поперегъ не болѣе 50 саженъ содержитъ. По сему заключить должно, что тамъ кромѣ Хана и его фамиліи и служителей немногимъ другимъ знатнымъ Татарамъ жить можно было, развѣ тогда оное мѣсто гораздо пространнѣе было, какъ и увѣряютъ, что нѣсколько земли, а много ли или мало, того не извѣстно, съ рѣчной стороны отъ подмыванія осыпалось. Отъ дворовъ или отъ другаго какого строенія никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только, что по разнымъ мѣстамъ отъ неравности земли разсуждать можно, что какое нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ построены были либо деревянные, либо по Бухарскому обыкновенію изъ нежженыхъ кирпичей, по тому что съ того времени вовсе пропали. Нѣкоторыя мѣста предъ другими глубже, которыя, можетъ быть, вмѣсто погребовъ служили. Въ послѣднія времена окольные Россійскіе жители, ищущіи закопанныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глубокія ямы покопали, и нѣкоторые недаромъ трудились[2]).

Стр. 123. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 320—321). Туртасское городище (упоминаемое въ описаніи похода Ермака), на р. Туртасѣ, впадающей въ Иртышъ, старинная Татарская крѣпость, которую я во время моего чрезъ тѣ мѣста путешествія хотя и не запримѣтилъ: однакожъ объ оной сомнѣваться не хочу; ибо статься можетъ, что по прошествіи столь многихъ лѣтъ, слѣды уже нынѣ не такъ видны, какъ въ то время были... (Неподалеку оттуда) небольшой городокъ на горѣ называемой *Кошельвашъ*, а по Русски *Кошелево городище*.

Стр. 126—127. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 326). При устьѣ р. Демьянки, гдѣ нынѣ находится село Демьянской ямъ, никакихъ слѣдовъ стараго укрѣпленія не видно... Ниже Демьянскаго

---

1) «Въ 16 верстахъ вверхъ отъ Тобольска. Обыкновенно думаютъ, что Сибирь есть Татарское званіе того мѣста, которое будто значитъ главной городъ или столицу: однакожъ сіе мнѣніе неосновательно. Подлинное Татарское имя сей старинной крѣпости есть Искеръ, которымъ именемъ Татаре еще и по нынѣ оную называютъ... Въ Тобольскомъ лѣтописцѣ сей городъ называется Кашликъ; но сіе имя, сколько я слышалъ, ни у единаго народа не употребительно» (тамъ-же, стр. 38 = Samml. Russ. Gesch. VI, 180)... «На Саусканскомъ мысу Восточнаго берега рѣки Иртыша, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже города Сибири, изъ давныхъ временъ находится Татарское кладбище, на которомъ, какъ сказываютъ, и прежніе Ханы мертвыя тѣла своихъ фамилій погребали» (тамъ-же, стр. 111 = Samml. Russ. Gesch. VI, 301).

2) См. выше, стр. 56.

(яма) въ 30 верстахъ, по восточную сторону рѣки Иртыша на горѣ видны остатки нѣкотораго стараго Остяцкаго городка. Слѣдовательно весьма вѣроятно, что тотъ былъ прежней Демьянской городокъ. Остяки называютъ сіе мѣсто *Чукасъ*... Остяцкое мѣстечко *Рачево городище*, гдѣ стоялъ славной идолъ Рача, по которому оно и прозвано... и которой чаятельно въ послѣдующія времена либо при (впадающей въ Иртышъ) рѣчкѣ Рачевкѣ, либо въ названной по ней деревнѣ обрѣтался.

Стр. 128. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 329). Не въ дальнемъ разстояніи выше Остяцкихъ Цынгальскихъ юртъ на западномъ берегу рѣки Иртыша большая высокая гора находится. Остяки мнѣ повѣствовали, что сія гора въ древнія времена имъ отъ непріятельскихъ нападеній служила убѣжищемъ, и что на верху оной видны слѣды прежняго стараго укрѣпленія (Цынгальское городище).

Стр. 129. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 331). Колпуховъ городокъ (на Иртышѣ), а нынѣ на томъ мѣстѣ есть только деревня Колпуховскіе юрты.

Стр. 131, 134 и **198.** (=Samml. Russ. Gesch. VI, 335, 345 и 397). Всѣ Кодскіе городки и волости по Оби рѣкѣ, почти отъ устья рѣки Иртыша до межи Березовскаго уѣзда, по большой части были подчинены Остякамъ.

Стр. 134—135. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 345—347). Въ древнія времена на рѣкѣ Казымѣ (впадающей съ В. въ Обь) былъ нарочитой Остяцкой городокъ, котораго остатки и по нынѣ подъ именемъ Казымскаго городища извѣстны... Древней Казымской городокъ отстоитъ отъ устья рѣки Казыма на 150 верстъ... А понеже еще другая есть впадающая въ рѣку Обь рѣка подъ именемъ Назимъ (или по свойственному Остяцкому произношенію Мозимъ), которая выше рѣки Иртыша съ сѣверной стороны устье имѣетъ; а на оной не въ дальнемъ разстояніи отъ р. Оби нѣкотораго стариннаго Остяцкаго городка слѣды видны... того ради по моему мнѣнію сіе мѣстечко за объявленной въ лѣтописцахъ Назымской городокъ почитать надлежитъ... Впрочемъ имя Назымскаго городка нынѣ уже не въ употребленіи. Остяки называютъ оной Янгъ-Вашъ, т. е. Клинъ городокъ, по тому, что оной находится на высокой острой горѣ, которую по внѣшнему виду клину уподобляютъ.

Стр. 135—136. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 348—350). Лабутинской городокъ и Чандырской городокъ по р. Тавдѣ.

Стр. 142—143. Около устья рѣки Вагая, гдѣ р. Иртышъ течетъ къ востоку... на полуденной сторонѣ (Ермаковой) перекопи (по Татарски Тескерь) не въ дальнемъ разстояніи есть на равномъ низкомъ лугу бугоръ, которой безъ всякаго сомнѣнія не натурою здѣланъ, но наносною землею насыпанъ. Онъ весьма крутъ, и въ вышину простирается на 10 саженъ, а на верху его есть плоское мѣсто поперегъ на 30 саженъ. Сей бугоръ тамошніе Руские жители называютъ Царевымъ городищемъ, знатно что по его величинѣ, понеже по ихъ мнѣнію такое великое дѣло не инымъ кѣмъ произведено, какъ знатнымъ Княземъ или Ханомъ, которой на семъ бугрѣ имѣлъ свое жилище. А у Татаръ о семъ болѣе въ повѣстяхъ ничего не находится, какъ что вышеупомянутой бугоръ здѣланъ дѣвками, которыя землю наносили въ своихъ подолахъ. Того ради оной и называютъ Кысымъ-тура, т. е. дѣвичей городокъ, по чему явствуетъ, что по ихъ мнѣнію также на семъ бугрѣ кто нибудь имѣлъ жительство. Тѣмъ же именемъ Кысымъ-тура называютъ они и то мѣсто, что на восточномъ высокомъ берегу рѣки Иртыша въ двухъ верстахъ выше стараго города Сибири находится, гдѣ нынѣ стоитъ Преображенское село принадлежащее къ Тобольскимъ Митрополичьимъ вотчинамъ. А въ причину того званія объявляютъ, что тамъ въ древнія времена погребена дочь нѣкотораго Хана, которая любовникомъ своимъ туда увезена и изнасилована была: а какъ посланные за ними въ погоню ихъ настигли и застали обѣихъ въ сквернодѣйствіи, то они помянутую Ханову дочь и съ любовникомъ ея, также и съ лошадью, на которой уѣхали, убили, и на томъ мѣстѣ закопали въ землю [1]).

---

1) См. выше, стр. 100—101.

Стр. 145. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 371). Позади Бегишевскаго озера (на восточн. берегу Иртыша) или при ономъ на горѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Руская деревня Игнатьева, былъ Татарской городокъ, котораго остатки еще и понынѣ видны.

Стр. 148. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 376). Куллара (бывшая татарская крѣпостца) на западномъ берегу Иртыша, при озерѣ Аусаклу, гдѣ нынѣ находится Татарская зимняя деревня Кулларъ-аулъ.

Стр. 157—158. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 395). Старое городище на сѣв.-восточномъ берегу р. Оби, противъ устья р. Иртыша... Остяки называютъ сіе мѣсто *Рушъ-вашъ*, т. е. *Руской городокъ*... Иной тамъ въ близости есть старинной Остяцкой городокъ на высокомъ берегу противъ середняго большаго устья р. Иртыша, которой отъ Остяковъ называется *Гуланъ-вашъ*, т. е. *восточной городокъ*, и онаго остатки прежняго виднѣе.

Стр. 162—164. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 404—405). Вогульскіе городки: *Кунъ-Аутъ* или *Кунъ-Аватъ* (при р. Куноватъ, впадающей съ В. въ Обь) значитъ на Остяцкомъ языкѣ *высокой мысъ*, гдѣ старинной городокъ былъ, и имя того городка по прямому *Кунъ-Аутъ-вашъ* произносится. А Рускіе оной называютъ испорченнымъ Остяцкимъ произношеніемъ *Куноватъ* или *Куновацкое старое городище*. Теперь только слѣды онаго видны, которые находятся по сѣв. сторону нѣкотораго большаго озера, сквозь которое р. Куноватъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Оби рѣки теченіе свое имѣетъ... *Ляпинъ* при р. Сигвѣ, впадающей съ С. въ Созву, разстояніемъ около 30 верстъ отъ устья оныя, при малой рѣчкѣ имянуемой Ляпина, по Вогульски Лопингъ-Соимъ, по которой и бывшей тамъ городокъ названъ былъ *Лопингъ* или *Лопынгъ-ушъ*... Имя *Юильской городокъ* въ тамошней странѣ по двумъ мѣстамъ памятно. А именно въ верьху при р. Сигвѣ былъ Вогульской городокъ, которой въ прежнія времена такъ назывался, также и прежней Остяцкой городокъ при рѣкѣ Казимѣ именовался тѣмже званіемъ... Однакожъ при рѣкѣ Созвѣ былъ еще иной Вогульской городокъ по Вогульски называемый *Елъ-ушъ*, изъ котораго званія по неправильному произношенію легко здѣлаться могло имя *Юилъ* или *Юильской*: только мнѣ кажется сіе не такъ вѣроятно... *Березовымъ городкомъ* назывался прежде тотъ Остяцкой городокъ, вмѣсто котораго по томъ городъ Березовъ построенъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше города есть при рѣкѣ Созвѣ высокой мысъ Пудовальной называемой. На ономъ по сказкѣ тамошнихъ жителей былъ старинной городокъ. А по слѣдамъ, которые тамъ видны были на томъ мысу, два городка: только не извѣстно, въ обоихъ ли въ одно время, или сперьва въ одномъ, а по томъ въ другомъ жительство имѣлось. Остяки назвали оной городокъ *Сугмутъ-вашъ*, а Вогуличи *Халъ-ушъ*. И понеже *Сугмутъ* и *Халъ* на помянутыхъ языкахъ значатъ *березу*, то сіе къ Россійскому именованію города Березова причину подало.

Стр. 205. Остяцкой городокъ Вой-карра стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Оби въ 18 верстахъ ниже Асъ-пугля [1]).

Стр. 232—233. (=Samml. Russ. Gesch. VI, 473). Съ восточную сторону на высокомъ берегу р. Иртыша есть мѣсто въ 40 верстахъ ниже Чернолуцкой слободы, гдѣ прежде сего былъ Татарской городокъ, котораго остатки на Рускомъ языкѣ называются Черное городище (=Черный городокъ).

д) Изъ «Сибирской исторіи» Миллера [2]).

Samml. Russ. Gesch. VIII, стр. 41. Муалымскій городокъ, остяцкое укрѣпленіе при устьѣ Иртыша (=Ежем. Соч. 1764, январь, стр. 36). См. также «Описаніе Сибирскаго царства», стр. 166.

---

1) Асъ-пуглъ, по Русски Аспукольскія юрты, находятся на лѣв. берегу р. Оби, въ разстояніи 130 верстъ отъ Березова въ низъ по рѣкѣ. (Тамъ-же, стр. 200).

2) Она составляетъ продолженіе (главы 6—8) «Описанія Сибирскаго царства» и напечатана на нѣмецкомъ языкѣ въ 8-мъ томѣ Samml. Russ. Gesch., а въ русскомъ переводѣ въ Ежемѣс Сочин. за январь — іюнь 1764 года (Ред.).

Тамъ-же, стр. 88. Семь Палатъ въ то время (въ началѣ XVII стол.) назывались «Каменными мечетями» (=Ежем. Соч. 1764, февр., стр. 132).

Тамъ-же, стр. 103. Урнуково или Урлюково или Орликово городище на р. Кети (=Ежем. Соч. 1764, мартъ, стр. 203).

Тамъ-же, стр. 112—114. Городище, на восточн. берегу Енисея, въ 26 верстахъ вверхъ отъ Енисейска. Можетъ быть Марково городище? (=Ежем. Соч. 1764, мартъ, стр. 211).

Тамъ-же, стр. 224—225. Зубаръ-тура или Чубарово городище, татарская крѣпостца на южномъ берегу р. Ницы, въ 68 верстахъ отъ впаденія ея въ Тоболь (=Ежем. Соч. 1764, іюнь, стр. 487).

Тамъ-же, стр. 276—277, 297, 307, 310, 311. Старинные татарскіе городки: Тояновъ (близь Томска, на островѣ р. Томи), Евачинъ (на той-же рѣкѣ), Ишкеневъ (при устьѣ Томи), Безъименный (на р. Оби въ такъ-называемой Кривой Лукѣ), Чацкій (на западномъ берегу Оби, на пути изъ Томска въ Тару), Мурзинъ, Кинырскій (при р. Турѣ, 13 верстъ ниже устья рѣки Ницы). О послѣднемъ городкѣ см. Ежемѣс. Соч. за 1764 г., стр. 6 и 117.

e) Изъ Миллерова «Изъясненія о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ» [1]).

Древніе могилы, кои находятъ въ южныхъ странахъ Россіи и Сибири, различнаго бываютъ виду, хотя большая часть оныхъ вѣроятнымъ образомъ происходитъ отъ одного народа. На иныхъ здѣлана изъ земли насыпь чрезмѣрной вышины, а на другихъ токмо малая, и почти съ землею равная. Нѣкоторые вокругъ въ круглую фигуру, но по большой части четвероугольную, большими прямо стоящими дикими камнями обкладены; другіе же токмо малою камней кучею покрыты, и вѣнцомъ изъ дикихъ камней украшены. Иные внутри кирпичемъ выкладены, а иногда и сводомъ здѣланы, другіе же находятся просто въ голой землѣ. Нѣкоторые глубиною нѣсколько саженъ, на противъ того при взведенныхъ на подобіе холма могилахъ примѣчено, что сей народъ въ такомъ случаѣ удовольствовался дѣлать токмо насыпь изъ земли. При всемъ томъ особливаго удивленія достойны превеликіе дикіе камни, коими нѣкоторые могилы обкладены, и притомъ въ такихъ странахъ, въ коихъ по близости не видно никакихъ каменныхъ горъ, изъ которыхъ бы оные камни брать можно было, такъ что сіи камни съ неописаннымъ трудомъ изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ привозить надлежало. Вообще находятся сіи могилы нигдѣ больше, какъ въ разныхъ степяхъ, бывшихъ обитаемыхъ народомъ, котораго пропитаніе въ скотоводствѣ и звѣриной ловлѣ, кажется, состояло. На могильныхъ камняхъ высечены иногда нѣкоторые фигуры, какъ то человѣческіе лица и знаки крестовъ, или другіе тому подобные черты, кои можетъ быть ничего не значили; а нѣтъ порядочныхъ надписей, ни на извѣстныхъ, ниже неизвѣстныхъ языкахъ и буквахъ, хотя на нѣкоторыхъ другихъ камняхъ и статуяхъ въ степи по сю сторону рѣки Енисея стоящихъ надписи усмотрѣны, но ихъ изъяснить было еще не можно. Сіи суть наружные признаки, различность могилъ изъявляющіе. По внутреннему ихъ состоянію, или паче по находимымъ въ нихъ вещамъ, разнятся они въ слѣдующемъ.

Во многихъ могилахъ найдены человѣческія кости, а въ нѣкоторыхъ и лошадиныя, въ такомъ положеніи, изъ котораго заключить можно, что тѣла прежде не были сожигаемы; въ другихъ же усмотрѣны слѣды учиненнаго предъ погребеніемъ разрушенія тѣла, отъ части въ неисправномъ положеніи костей, а отъ части въ томъ, что многихъ костей недостаетъ, и что нѣкоторые въ пепелъ превращены были. Горшковъ, или урновъ, въ кои другіе древніе народы обыкновенно схороняли

---

1) Напечатано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ и Извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ за декабрь 1764 года, стр. 483—515, «по случаю небольшаго изъ *Сибири* привезеннаго золотаго кувшинчика, изрядною резбою украшеннаго». Нѣмецкій текстъ этого изслѣдованія напечатанъ въ 8-мъ томѣ St.-Petersb. Journal и во 2-мъ томѣ соч. Haygold's Beylagen z. Neuveränderten Russland (1770), стр. 193—208.

пепелъ умершихъ, здѣсь не находится; но остатки тѣлъ по сожженіи, или и самыя цѣлыя тѣла, въ тонкіе золотые листы обвернуты, и такъ землѣ преданы. Не рѣдко нахаживали много тѣлъ, въ одной могилѣ, или курганѣ, въ знакъ, что на томъ мѣстѣ либо происходило сраженіе, или что нѣкоторые фамиліи имѣли одинъ курганъ, и не было употребительно, для каждаго покойника дѣлать особливую могилу.

Когда я упомянулъ о костяхъ лошадиныхъ, кои въ сихъ могилахъ найдены вмѣстѣ съ человѣческими: то оное есть доказательствомъ особливаго суевѣрія, наблюдаемаго еще и нынѣ нѣкоторыми восточными народами. Многіе такъ думаютъ, да и Магометовъ рай, кажется, на томъ же основанъ, что отшедшіе души на томъ свѣту, такъ какъ на семъ, одинакою жизнію наслаждаются. На такой конецъ знатному человѣку потребна та лошадь, на которой онъ ѣздилъ, надобна ему милая его жена, и любимой его служитель. Потому Индіянка ввергаетъ себя въ пламя; и у Якутовъ въ то время, какъ они учинились Россійскими подданными, было еще такое обыкновеніе, чтобъ убивать вѣрныхъ служителей у могилы господина, и вмѣстѣ закапывать, что продолжалось какъ то мнѣ извѣстно изъ тамошнихъ архивныхъ писемъ, до тѣхъ поръ, пока такихъ суевѣрныхъ, яко дерскихъ убійцовъ, къ отвѣту позвали, и наказывали дѣйствительно. Для того же за всегда украшали покойниковъ по своимъ достаткамъ, мущинѣ саблю, и обоему полу разную посуду и драгоцѣнности, кои имъ въ дальной ѣздѣ можетъ быть понадобятся, клали въ могилу. Нынѣ хотя никто такъ глупо не разсуждаетъ, что сіи вещи покойнику потребны; ибо довольно знаютъ, что все остается въ могилѣ: однако за тѣмъ не отстаютъ отъ прежняго своего обыкновенія. То суть души лошадей, женъ, служителей, украшеній, мечей, сосудовъ и драгоцѣнностей (ибо всякая вещь по сей Философіи имѣетъ свою душу) кои посвящаются покойнику. Сіе древнее мнѣніе по всей его обширности содержали и содѣлатели сихъ могилъ. Великіе драгоцѣнности изъ злата и сребра, въ прежнія времена, изъ тѣхъ могилъ, о коихъ здѣсь говорится, взятые, видѣть можно въ Императорской кунсткамерѣ при Академіи Наукъ. Видя оные изумятся должно, и едва ли кто, кромѣ показанной мною причины закапыванія, другой открыть можетъ.

Но въ семъ, а именно: въ изобиліи или недостаткѣ драгоцѣнностей, кои въ могилахъ нѣкоторыхъ странъ найдены, и можетъ быть еще найдутся при дальнѣйшемъ исканіи, состоитъ особливая естественная разность между оными. Богатые могилы доказываютъ знатность погребенныхъ особъ и богатство того народа. Скуднымъ и простымъ людямъ никакихъ драгоцѣнностей въ могилу класть было не можно, и когда въ большой странѣ всѣ могилы скудны: то сіе есть доказательствомъ о бѣдности всего народа. Самые богатые могилы найдены при Волгѣ, Тоболѣ, Иртышѣ и до рѣки Оби: посредственные въ степяхъ рѣки Енисея; а самые бѣдные по ту сторону озера Байкала. Не слѣдуетъ изъ того, что во оныхъ странахъ жили народы со всѣмъ различные. Сія разность доказываетъ токмо разное состояніе одного и тогоже народа, которой сперва былъ бѣденъ, а потомъ нарочито разбогатѣлъ, и по всѣмъ симъ странамъ, хотя въ разные времена, живалъ, что изъяснить Исторія намъ помогаетъ.

Однако примѣченое при нѣкоторыхъ могилахъ, въ верьхней странѣ рѣки Енисея, обстоятельство, дѣлаетъ въ томъ изъятіе. Вмѣсто золотыхъ и серебреныхъ украшеній и сосудовъ, кои находятъ въ другихъ могилахъ, здѣсь все состояло изъ красной мѣди, какъ то: мѣдные ножи, кинжалы, стрѣлы и все то къ чему впротчемъ желѣзо гораздо удобнѣе. И такъ народъ похоронившей тамъ своихъ покойниковъ, можетъ быть еще не зналъ употребленія желѣза. Слѣдовательно сіи могилы гораздо старѣе протчихъ. Имѣвшій случай въ 1735 году купить въ Красноярскѣ не малое число сихъ мѣдныхъ вещей, кои по возвратномъ моемъ прибытіи отдалъ я въ Императорскую кунсткамеру, заключалъ я по сему примѣту, что въ тамошнихъ странахъ должно быть множеству мѣдной руды. И дѣйствительно нашли оную въ Саянскихъ горахъ, искавъ по старымъ шурфамъ и ямамъ, изъ коихъ прежніе жители сихъ странъ мѣдную руду добывали. Также и въ равной степи около рѣки Абакана нашли мѣдную руду, и вскорѣ потомъ при рѣчкѣ Лугазѣ мѣдной заводъ построили, отъ котораго нѣсколько лѣтъ хорошіе были доходы. Хотя послѣ руда сія уменьшилась, однако я уповаю, что то происходило отъ нерадѣнія, искать новыя рудныя мѣста. Ибо состояніе рудъ въ Са-

бири, кои всѣ находятся гнѣздами, требуетъ, чтобъ непрерывно искали новые ямы. Подобную догадку основалъ я тогда на имени Алтайскихъ горъ, потому что Алта на Мунгальскомъ и Калмыцкомъ языкахъ значитъ золото, изъ чего заключалъ я, что въ оныхъ горахъ должно быть золото, которая моя догадка послѣ того при Колыванскихъ Воскресенскихъ заводахъ довольно и подтвердилась.

Въ Исторіи ничего яснаго не содержится о томъ народѣ, которой погребалъ тамъ своихъ покойниковъ, и употреблялъ мѣдныя оружія и снасти вмѣсто желѣзныхъ. Но то вѣроятно, что надписи съ неизвѣстными литерами, о коихъ выше мною сказано, что они въ сихъ же странахъ найдены, сему же народу приписаны быть должны. Пришло мнѣ на мысль, что были то Уйгуры или Игуры, отъ коихъ Чингисъ-Ханъ, сей великой основатель Татарской и Мунгальской монархіи, когда его народъ не зналъ еще грамотѣ, принялъ грамоту. Въ самомъ дѣлѣ Уйгуры должны быть старой и политичной народъ, когда грамота была имъ такъ собственна, что они буквъ себѣ отъ другихъ народовъ не занимали, но паче въ томъ отъ всѣхъ протчихъ разнились. Неизвѣстные надписи суть сего рода. Есть ли мы будемъ думать, что сія была та грамота, которую Чингисъ отъ нихъ принялъ, то либо онъ паки отставилъ оную, или его послѣдователи въ правленіи оную переменили на другую. Ибо нынѣшняя Мунгальская грамота ясно показываетъ Сирское свое происхожденіе. Но и сія нѣкоимъ образомъ Уйгурейскою назваться можетъ, потому что Нѣсторіянской секты Христіяне, или проповѣдники вѣры, изъ Сиріи пришедшіе, находились между Уйгурами, и свою грамоту Мунгаламъ сообщили. Сверьхъ того слово Уйгуръ, или Югюръ, на Мунгальскомъ языкѣ всякаго пришельца значитъ.

Съ большею подлинностію о Татарахъ Чингисъ-Хана и ближнихъ его послѣдователей утверждать можно, что всѣ протчіе старинные могилы, какъ въ Россіи, такъ въ Сибири, отъ нихъ происходятъ. Чингисъ основалъ свое государствованіе въ началѣ 13 столѣтія. Какъ Мунгалы, такъ и Татары, коихъ соединилъ онъ подъ свою державу, были тогда народъ бѣдной, которой по степямъ рѣкъ Селенги, Толы, Орхона, Онона, странствовалъ, и до озера Байкала иногда распространялся. Изъ сего видно, для чего въ тамошнихъ могилахъ толь мало драгоцѣнностей находится. Сіе обстоятельсто, какъ получаетъ свѣтъ изъ Исторіи, такъ и взаимно ей самой сообщаетъ. Но какъ могилы Селенгинскихъ и Нерчинскихъ степей съ тогдашнею скудостію народа совершенно сходствуютъ, то опять не трудно показать, откуда достались Татарамъ великія въ протчихъ могилахъ найденныя сокровища.

Чингисъ положилъ начало завоеванія Китая, которое внукъ его Коблай столь щастливо привелъ въ совершенство, что онъ въ 1281 году основалъ тамъ новое царское колено, которое подъ именемъ Юенъ до 1369 года продолжалось. Въ Китаѣ добыли Татара первыя свои сокровища. Однако тѣмъ еще не были они довольны, но похитили почти всю Азію и большую часть Европы, почему богатство ихъ непрерывно увеличивалось. Въ 1224 году пришли они въ перьвой разъ въ Россію, и при рѣкѣ Калкѣ достопамятную выиграли побѣду. Говорить о томъ не нужно, какъ они въ 1237 по 1240 годъ привели всю Россію въ порабощеніе. Хотя они повсюду разсѣялись, такъ что воевавшіе въ Азіи имѣли токмо общее имя съ пошедшими въ Европу, однако глава фамиліи, или определенной къ тому отъ своего предка, былъ отъ всѣхъ признаваемъ за всеобщаго государя; слѣдовательно въ главной его станъ стѣкалась большая часть добычи отъ толь многихъ земель и народовъ. При семъ кажется мнѣ вѣроятнымъ, что оной главной станъ около половины 13 столѣтія былъ въ стѣпи около рѣки Иртыша, и что принадлежащіе къ нему ближніе народы подъ ихъ властителями, всѣ страны между Яикомъ и Обью кочевьями своими наполняли. Я говорю здѣсь о томъ времени, когда Римскіе проповѣдники и посланники Карпинъ и Рубрукисъ и другіе туда ѣздили. Въ ихъ пути описаніяхъ Яикъ есть послѣдняя рѣка, о которой они упоминаютъ. Естьлибъ они и чрезъ Иртышъ переходили, тобъ они и о сей рѣкѣ объявили. Но какъ они того не учинили, то я изъ того заключаю, что они главной станъ Хановъ, къ коимъ были посланы, застали еще на сей сторонѣ рѣки Иртыша. Сіе же самое показываетъ и причину великихъ сокровищъ, кои въ тамошнихъ могилахъ найдены.

Къ дѣланію оныхъ драгоцѣнностей употребляли Татара Европейскихъ серебрениковъ. Ибо Рубрукисъ упоминаетъ о Французскомъ серебреникѣ Гильомѣ, которой для Хана Мангу весьма

искусную работу здѣлалъ. Баты, завоеватель Россіи, Польши, Силезіи, Венгріи, не могъ имѣть недостатка въ такихъ художникахъ. Да и сказываютъ, что самые лучшіе вещи, что до работы касается, найдены въ могилахъ около рѣки Волги, которые можетъ быть и въ богатствѣ ни мало протчимъ не уступали. Имя, Золотая орда, коимъ прозванъ главной станъ владѣвшихъ Россіею Татарскихъ Хановъ, не на иномъ чемъ, какъ на богатствѣ оныхъ Татаръ, основано было.

Говорю я о могилахъ Золотой орды токмо по чаянію, для того, что открытіе оныхъ въ толь отдаленныхъ временахъ учинилось, что никто того не запомнитъ. Есть ли драгоцѣнности Императорской кунсткамеры онымъ странамъ приписываютъ, то чинится сіе токмо по одной вѣроятности, а доказать онаго не можно. Съ могилами при рѣкахъ Иртыша, Тоболя, Оби, Енисея учинилось тому противное. Сіи свободно разсматривать возможно уже стало съ начала нынѣшняго столѣтія, когда Калмыки и Киргизы, кои набѣгами своими оные страны безпрестанно обезпокоивали, оттуда удалились. Еще многихъ людей засталъ я въ Сибири, кормившихся прежде такою работою; но въ мое время никто больше на сей промыслъ не ходилъ, потому что всѣ могилы, въ коихъ сокровища найти надежду имѣли, были уже разрыты. Не инако какъ люди ватагами ходя на соболиной промыселъ, такъ и здѣсь великими партіями собрались, чтобъ раздѣлить между собою работу, и тѣмъ скорѣе управиться съ многими курганами. Къ томужъ еще и по отходѣ Калмыкъ страна между Обью и Иртышемъ отъ разъѣзжающихъ Киргисъ-Казаковъ находилась въ опасности. А на западную сторону Иртыша по то время, какъ я былъ въ Сибири, еще никто ходить несмѣлъ, потому что тамъ Киргисъ-Казаки почти непрестанно разъѣжжали, и не такъ еще, какъ нынѣ, крѣпостями ограждены были. Можетъ быть что въ оныхъ странахъ откроютъ впредь еще многіе драгоцѣнности.

Не могъ я провѣдать, какіе то признаки богатыхъ могилъ. Но думалось мнѣ, что тѣ люди справедливо говорили, которые о находящихся на восточной сторонѣ Иртыша и еще неразрытыхъ могилахъ мало добраго предсказывали. Ибо самъ я то извѣдалъ въ близости Усткаменогорской крѣпости разрывая многіе такіе могилы, чтобъ усмотрѣть внутреннее ихъ состояніе и положеніе костей, а другіе между Ямышевскою и Семипалатною крѣпостями разрыты были нѣкоторыми изъ нашей свиты; но намъ драгоцѣнностей ничего, ниже малѣйшей цѣны достойнаго, не досталось. Все найденное состояло токмо въ малыхъ и худыхъ желѣзныхъ вещахъ, кои такъ перержавели, что едва узнать было можно, къ чему они служили. Въ Нерчинскъ ѣхавши усмотрѣлъ я на берегу рѣки Шилки, при деревнѣ Городище называемой, много древнихъ кургановъ вмѣстѣ, по чему я вознамѣрился на возвратномъ пути, получивъ свободное къ тому время, разрыть нѣкоторые изъ оныхъ. Но случилось, что я за другою нужнѣйшею ѣздою туда не возвратился. Для того послалъ я туда одного изъ нашихъ Студентовъ, чтобъ то здѣлалъ. Онъ толь же мало достойныхъ вещей, да и ни человѣческихъ костей, но токмо лошадиныя, въ могилахъ нашелъ, изъ чего заключить можно, что тамъ зарытъ былъ токмо пепелъ сожженныхъ тѣлъ, въ которомъ остатки человѣческихъ костей чрезъ толь долгое время могли изчезнуть, какъ напротивъ того оставшіяся отъ несожженныхъ, но у могилы убитыхъ, лошадей кости долѣе въ цѣлости пребывали.

А хотя я самъ не былъ такъ щастливъ, чтобъ найти какіе рѣдкости въ старинныхъ могилахъ, однако въ бытность мою на Колывано-Воскресенскомъ заводѣ удалось мнѣ купить нѣкоторые вещи изъ золота, кои я потому, что онѣ весьма достопамятны, по возвращеніи моемъ изъ Сибири отдалъ въ Императорскую кунсткамеру. Между оными находился человѣкъ на лошади сидящей, нарочито чисто выдѣланной [1]). Притомъ были и нѣкоторые деньги, на лицѣ разцвѣтшую

1) См. прилаг. рисунокъ въ натур. величину. Оригиналъ хранится въ Импер. Эрмитажѣ (Ред.).

розу представляющія, но безъ надписи. Сіе доказываетъ, что народъ, которой чеканилъ сіи деньги, не зналъ еще грамотѣ. По крайней мѣрѣ они старѣе, нежели введеніе магометанскаго закона у Татаръ. Ибо съ симъ Татаре и Арапскую грамоту приняли, и на своихъ деньгахъ употреблять начали.

Могильное золото рѣдко бываетъ чисто, но всегда имѣетъ примѣсь серебра, а серебро часто бываетъ смѣшено пополамъ съ мѣдью. Кажется, что Татаръ тѣмъ обманывали Европейскіе серебреники, потому что они могли уповать, что Татаре такого обмана не узнаютъ.

Сожалѣнія достойно, что толь многія золотыя и серебряныя вещи, незнающими людьми, коимъ оно въ руки попалися, растоплены бывали. Однако можно изъ тѣхъ, которые хранятся въ Императорской кунсткамерѣ, о многихъ обстоятельствахъ до древнихъ Татаръ касающихся, получить еще нѣкоторое понятіе.

ж) Изъ «Росписи проспектамъ, рисункамъ изъ описанія народовъ и древностей, планамъ и ландкартамъ, которыя г. проф. Миллеръ Сентября 13 дня сего 1735 года въ архивъ отдалъ» [1]).

Рисунки древностямъ.

1. Монгальская печать съ нѣсколькими старыми монетами.
2. Разные монсты.
3. Медаліонъ.
4—8. Всякіе золотые, серебреные и мѣдные украшеніи и сосуды (въ нѣм. рукоп. Zierrathen und Geräthe, das in Gräbern gefunden worden).
9—11. Старые метальные идолы.
12. Идольскіе вѣщи (idolatrische Sachen).
13—14. Каменные идолы.
15—19. Гробовыя камни на память (въ нѣм. оригиналѣ Grab- und Gedächtniss-Säulen).
20—22. Писанные камни при р. Томѣ, Енисеѣ и Ірбитѣ.
23—31. Верхоленскіе писанные камни.
32. Верхоленскій писанной (чит. шаманской) камень [2]).

з) Изъ перечня рукописей, рисунковъ и ландкартъ, сданныхъ проф. Миллеромъ Исторической Конференціи съ 5-го до 12 мая 1748 года [3]).

Перечень плановъ, видовъ и другихъ рисунковъ и ландкартъ.

125. Рисунокъ идола въ пещерѣ.
126. » двухъ каменныхъ идоловъ.
127. » тоже.
128. » человѣческой статуи и двухъ надписей.
129. » двухъ человѣческихъ статуй.
130. » двухъ другихъ такихъ статуй.
131. » двухъ надгробныхъ камней.

---

1) Подлинникъ этой росписи, на нѣмецкомъ языкѣ, находится въ рукописи Миллера № 249 (тетр. 9-я), хранящейся въ Московск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, сообщаемый же выше современный русскій переводъ росписи — въ дѣлѣ Камчатской Экспедиціи, № 813, хранящемся въ Архивѣ Конференціи Импер. Акад. Наукъ (Ред.).

2) См. ниже, стр. 125, № 151 (Ред.).

3) Переведено нами съ нѣмецкаго оригинала, заключающагося въ той-же рукописи Миллера № 249 (тетр. 9-я), которая упомянута въ предыдущемъ примѣчаніи (Ред.).

132. Рисунокъ надгробныхъ камней съ фигурами.
133. » Калбасунской башни.
134. » тоже.
135. » развалинъ Семи Палатъ.
136. » тоже.
137. » писаннаго камня на берегу р. Томи.
138. » тоже [1]).
139. » писаннаго камня на берегу Енисея.
140. » тоже [2]).
141. » писаннаго камня на берегу р. Ирбити [3]).
142—150. » писанныхъ камней на берегу р. Лены [4]).
151. » шаманскаго камня на берегу р. Лены.
152. » металлическаго идола въ видѣ дракона.
153. » тоже.
154. » тоже съ задней стороны.
155. » тоже.
156. » другого металлическаго идола въ видѣ человѣческой фигуры.
157. » тоже.
158. » семи могильныхъ идоловъ въ видѣ различныхъ животныхъ.
159. » тоже.
160. » разныхъ могильныхъ древностей золотыхъ, серебряныхъ и металлическихъ.
161. » тоже.
162. » серебряныхъ могильныхъ древностей.
163. » тоже.
164. » мѣдныхъ могильныхъ древностей.
165. » тоже.
166. » разныхъ мѣдныхъ могильныхъ орудій.
167. » тоже.
168. » монгольскаго зеркала и разныхъ другихъ куфическихъ монетъ.
169. » тоже.
170. » медальона и разныхъ старинныхъ монетъ.
171. » тоже.
172. » куфическаго медальона въ Соликамскѣ.
173. » древнихъ китайскихъ монетъ.

и) Изъ перечня рукописей, древностей и другихъ рѣдкостей, пріобрѣтенныхъ Миллеромъ въ Сибири и проданныхъ имъ Кунсткамерѣ [5]).

«Роспись рукописнымъ книгамъ, древностямъ и другимъ куріозамъ, которыя мы въ Сибири за свои денги купили, однакоже, ежели соблаговолено будетъ взять оныя въ Кунсткамеру, то уступаемъ за нижеслѣдующую цѣну».

1) Хранится въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. См. выше, стр. 68 (Ред.).
2) Хранится тамъ-же. См. выше, стр. 69 (Ред.).
3) Хранится въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (Ред.).
4) Снимки съ №№ 143, 146, 148 и 149, хранящихся тамъ-же, помѣщены выше, стр. 70—71 (Ред.).
5) Подлинникъ на нѣмецк. языкѣ находится также въ вышеупомянутой рукописи № 249 (тетр. 9-я). Помѣщаемый же здѣсь современный русскій переводъ взятъ нами изъ дѣла Камчатской Экспедиціи № 812, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Импер. Акад. Наукъ. Ограничиваемся сообщеніемъ перечня древностей (Ред.).

Рыцарь [1]) на конѣ, олень и нѣсколько колецъ и серегъ золотыхъ, изъ старинныхъ могилъ изъ степи между Иртышемъ и Обью, вѣсомъ $9^5/_8$ золотниковъ, по 250 коп. за золотникъ. . . . . 24 р. 50 к.

Разныя могильныя древности серебряныя, изъ показанной степи, вѣсомъ 1 фунтъ $13^1/_2$ золотниковъ, по 12 коп. золотникъ . . . . 13 » 14 »

33 [2]) Татарскихъ и Брахманскихъ серебряныхъ денегъ, по 50 коп. каждая монета. 16 » 50 »

Одна золотая да 5 серебряныхъ могильныхъ монетъ . . . . 3 » — »

5 мѣдныхъ идоловъ представляющихъ оленей, изъ которыхъ четыре стоятъ на пьедесталахъ колоколамъ подобныхъ, изъ могилъ въ степи Енисея рѣки [3]) . . . . 4 » — »

Всякія мѣдныя могильныя древности изъ оной же степи, вѣсомъ 18 фунтовъ, по 40 коп. фунтъ. . . . . 7 р. 20 к.

Пара желѣзныхъ стременъ и муштукъ отъ узды, яко особливая диковинка, которая въ тѣхъ-же ямахъ при Енисеѣ рѣкѣ найдены. . . . . — » 50 »

1) Читай «всадникъ» (Reuter, какъ значится въ нѣмецк. подлинникѣ). См. выше, стр. 123 (Ред.).

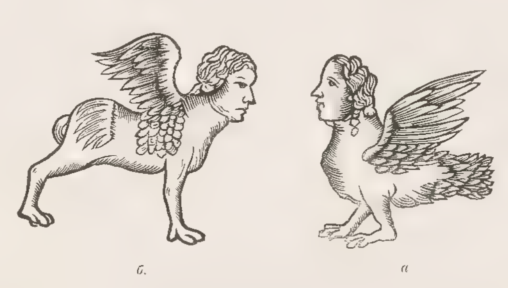
2) Въ нѣмецк. подлинникѣ значится только 32 монеты, оцѣненныя въ 16 р. (Ред.).

3) См. прилаг. 4 рисунка, въ $^1/_2$ нат. велич. Оригиналы находятся въ Импер. Эрмитажѣ. Ср. выше стр. 74 (Ред.).

Дополненія и поправки.

Къ стр. 3—5. О трудахъ Витзена по изслѣдованію Сибири см. также А. Н. Пыпина, Ист. Русск. Этногр., т. IV, стр. 213—214. Во 2-мъ томѣ изданной Гебгардомъ біографіи Витзена [1]) между прочимъ помѣщены 83 письма послѣдняго къ девентерскому бургомистру Гизберту Куперу (1690—1716 гг.) по разнымъ научнымъ вопросамъ [2]). Извлекаемъ изъ этихъ писемъ (въ переводѣ Э. И. Ваншейдта) замѣчанія Витзена о сибирскихъ древностяхъ и, кромѣ того, прилагаемъ здѣсь снимки съ относящихся къ нимъ рисунковъ изъ 3-го изданія его сочиненія «Noord-en Oost-Tartarye» [3]), 1785 года, а именно 4 таблицы (изъ нихъ 3 нумерованы и 1 подъ лит. О) въ $^3/_4$ оригиналовъ (см. стр. 130—133), а остальные рисунки въ натуральную величину (см. стр. 127, 128 и 129).

№ 18 (письмо отъ 12 авг. 1703 г.), стр. 303—304. «Въ настоящее военное время я иногда не могу не думать о моемъ любимомъ занятіи. Мнѣ прислали изъ Сибири золотое изображеніе индюшки, пѣтуха или курицы съ распущенными крыльями и съ человѣческой головой, найденное въ землѣ подъ холмомъ, въ склепѣ или погребѣ, гдѣ было разбросано много человѣческихъ костей [4]). Мнѣ оно кажется чѣмъ-то вродѣ находимыхъ подъ землею, при покойникахъ, египетскихъ идоловъ, какихъ мы не мало видали. Я прошу Васъ объ этомъ подумать и сказать мнѣ Ваше высокоцѣнное мнѣніе; мнѣ помнится, что у Кирхера я видѣлъ подобныя изображенія»... Сбоку еще приписано: «Птица съ большимъ хвостомъ, лицо и волоса какъ бы человѣчьи, лапы птичьи; вся фигура величиною въ 2 дюйма».



№ 20 (отъ 8 дек. 1704 г.), стр. 305. «При семъ (слѣдуютъ) два снимка съ блюдца, найденнаго въ Сибири, глубоко въ землѣ, въ гробницѣ. Я считаю его китайскимъ и послалъ его прямо въ Батавію для истолкованія. Оттуда мнѣ моремъ еще отправили чашу изъ драгоцѣннаго и очень твердаго камня, которая также найдена въ Сибири въ могилѣ, съ золотой или серебряной крышкой и дномъ, но судьбѣ угодно было, чтобы именно это судно было перехвачено дюнкирхенценами. Вслѣдствіе этого я лишился не только этой весьма красивой чаши, но и многихъ документовъ изъ провинцій (van die gewesten) и многихъ рѣдкостей, собранныхъ для меня съ большимъ трудомъ»...

---

1) J. F. Gebhard: Het leven van Mr. Nic. Corn. Witsen (1614—1717), Utrecht, 1881—1882. Vol. 1—2, 8⁰.

2) По словамъ Гебгарда (l. l. I, 425), въ Амстердамской университетской библіотекѣ находятся 4 толстые тома, содержащіе собственноручныя письма Витзена къ Куперу и нѣкоторыя копіи съ писемъ Купера къ Витзену.

3) Это 3-е изданіе (1785 г.) отличается отъ 2-го (1705 г.) тѣмъ, что къ цѣликомъ перепечатанному изъ послѣдняго тексту прибавлены «Введеніе» (Inleiding) въ 25 страницъ, подписанное P. Boddaert'омъ, карта Россійскихъ владѣній въ Европѣ и Азіи (Kaart van het Russisch Gebeiden in Europa en Asie), гравированное на мѣди, «Посвященіе (Dedication) Витзеномъ сочиненія своего Петру Великому, и до 100 гравиров. также на мѣди таблицъ рисунковъ (eene meenigte Afbeeldingen, какъ сказано на заглавномъ листѣ), которыхъ нѣтъ ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ изданіи (Ред.).

4) Помѣщенный здѣсь подъ лит. *а* рисунокъ съ этой фигуры значится во 2-мъ и 3-мъ изд. соч. Витзена на стр. 749. См. выше Прилож., стр. 4. Оттуда-же взятъ прилаг. рисунокъ (лит. *б*) съ упомянутаго тамъ-же (стр. 4) чеканнаго золотого изображенія четвероногаго животнаго съ человѣческой головой и распущенными крыльями (Ред.).

№ 21 (отъ 20 окт. 1705 г.), стр. 306—307. «Китайское зеркало или блюдцо большая древность и свѣдущіе китайцы говорятъ, что оно сдѣлано болѣе весемнадцати столѣтій тому назадъ [1]). Простые китайцы въ Батавіи не могли прочесть на немъ надпись, но одинъ ученый между ними разобралъ ее; она (по словамъ его) гласитъ слѣдующее:

Богъ чистъ, ясенъ и непороченъ во всемъ своемъ существѣ, Богъ прекрасенъ, какъ прозрачная и свѣтлая вода; кто любимъ царемъ или княземъ и употребляетъ (умъ) на многія дѣла, тотъ долженъ смотрѣть на него какъ на своего Бога, остерегаясь обижать другихъ. Когда онъ такъ будетъ поступать, то съ нимъ будетъ то, что бываетъ съ прибывающей и убывающей водой, но когда царь кого возведетъ и видитъ, что поведеніе его хорошее, то онъ радуется въ своемъ сердцѣ, великомъ, какъ цѣлое море. Боишься своего господина, когда творишь зло, но когда живешь хорошо и праведно, то сердце всегда радостно и прекрасно, подобно солнечному блеску, и тогда будешь почитаться людьми какъ Богъ на землѣ, ибо нѣтъ никого равнаго Богу» [2]).

№ 32 (отъ 4-го нояб. 1705 г.), стр. 308—310. «Много лѣтъ тому назадъ въ Сибири, близъ Тобольска, Тюмени, Верхотурья (въ подлинникѣ Cergoturia), и въ другихъ мѣстахъ на ровной степи были вскрыты курганы, сначала случайно, а впослѣдствіи умышленно, и въ нихъ были найдены склепы, внизу покрытые мелкимъ пескомъ, и, какъ мнѣ кажется, также деревомъ; стѣны ихъ были покрыты селитрой. Находились тамъ остатки покойниковъ, со всякаго рода утварью, ушными привѣсками, браслетами, идолами, цѣпочками и металлическими кубками, серебряными и мѣдными. Сначала крестьяне сохраняли это въ тайнѣ, но затѣмъ воеводы тамошніе, изъ московитовъ, стали собирать эти вещи и, не находя въ нихъ ничего рѣдкого, расплавляли ихъ, ради цѣнности матеріала. Образцы, привезенные мнѣ оттуда вѣрнымъ пріятелемъ, которому привелось присутствовать при разрытіи одного кургана и извлечены вмѣстѣ съ зеркаломъ, изображены на приложенныхъ снимкахъ. Зеркало я отправилъ (сперва) въ Римъ и въ другія мѣста съ цѣлью узнать отъ отцовъ іезуитовъ не могутъ-ли они истолковать письмена. Не нашлось, однако, никого, кто могъ бы это сдѣлать; даже жившіе много

1) Прилаг. рисунокъ взятъ изъ соч. Витзена «Noord-en Oost Tartarye» (3-е изд.), стр. 750. На подлинномъ рисункѣ значится по голландски: «Изображеніе оборотной стороны древняго стального зеркала, найденнаго близъ Верхотурья, въ Сибири». См. выше, стр. 4.

2) См. тоже изданіе сочиненія Витзена, стр. 750, гдѣ помѣщена и китайская транскрипція. По нашему мнѣнію, надпись состоитъ изъ такъ называемаго квадратнаго монгольскаго письма, введеннаго въ Китаѣ въ концѣ XIII-го столѣтія. См. статьи В. В. Григорьева въ Journ. Asiat. за 1861 годъ, т. I, стр. 522—558, и въ Труд. Вост. Отд. Имп. Русскаго Арх. Общ. Т. XVI, стр. 1—5 (Ред.).

лѣтъ въ Китаѣ сознались, что они не въ состояніи прочесть надпись; полагали только, что это испорченный китайскій языкъ. Тогда я послалъ ее въ Батавію, гдѣ имѣется болѣе 10000 китайцевъ, но такъ какъ никто изъ нихъ не понялъ (надписи), то она была переслана въ Китай съ цѣлью показать ученымъ китайцамъ, дабы они попытались дать объясненіе. Какъ оказалось, блюдо было сдѣлано восемьнадцать столѣтій тому назадъ и несомнѣнно, что это древній китайскій языкъ, теперь по большей части неизвѣстный».

№ 34 (отъ 10 сент. 1710 г.), стр. 327—328. «У меня также подъ руками небольшія найденныя въ сибирскихъ могилахъ золотыя изображенія змѣй, единорога и т. п. [1]), какъ тутъ видно; ясно, что у древнихъ существовалъ обычай вмѣстѣ съ умершими предавать землѣ такіе предметы, которые покойникамъ были дороги (при жизни)».

№ 35 (безъ даты), стр. 328—329. «Не подлежитъ сомнѣнію, что изображенные на пересланномъ Вамъ рисункѣ предметы найдены въ Сибири въ подземной гробницѣ или, правильнѣе, въ одной изъ земляныхъ могилъ, устройство которыхъ мнѣ извѣстно; онѣ принадлежали одному изъ моихъ друзей въ Москвѣ, который вслѣдствіе бѣдственнаго своего положенія расплавилъ ихъ. Тобольскій воевода при разговорѣ со мной сообщилъ мнѣ, что у него былъ ефесъ шпаги, который онъ велѣлъ сдѣлать изъ древнихъ серебряныхъ предметовъ, найденныхъ въ такихъ-же могилахъ (см. выше, стр. 4), ибо русскіе не любятъ древностей... Находимая въ этихъ могилахъ утварь могла быть занесена сюда китайцами, которые при Чингизханѣ или ранѣе прибыли въ эти мѣстности, такъ какъ извѣстно, что китайскія полчища или войска были тамъ. Я не думаю, чтобы нынѣшніе обитатели Сибири имѣли понятіе объ единорогахъ. Они (обитатели) грубы и дики, но я могу указать на остатки цѣлыхъ городовъ и построекъ въ дебряхъ, гдѣ теперь нѣтъ ни людей, ни домовъ, а находятся только дикіе звѣри и покинутые остатки зданій».

№ 36 (отъ 5 дек. 1710 г.) стр. 331. «Развалины разрушенныхъ городовъ въ дикой Татаріи заслуживаютъ, чтобъ ихъ изслѣдовали. Лежатъ они вдали отъ людей и, судя по формѣ нѣкоторыхъ остатковъ, зданія были построены китайскими мастерами».

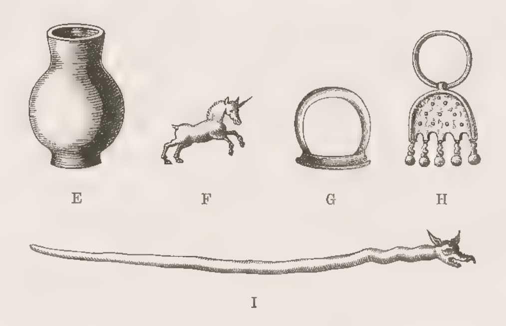
№ 48 (безъ даты), стр. 354. «Прилагаемыя письмена [2]), находящіяся на одной скалѣ въ Сибири, истолкованы однимъ французомъ въ Утрехтѣ, по имени Шевалье, но сомнѣваюсь въ правильности чтенія».

№ 55 (отъ 17 сент. 1713 г.), стр. 369. «Сибирскія письмена я посылалъ въ Батавію и теперь получилъ обратно, но наши батавскіе китайцы не имѣютъ понятія о нихъ и не могутъ прочесть ихъ; это весьма возможно въ виду того, что они бѣглецы и выселились съ береговъ и береговыхъ острововъ Китая, такъ какъ они отказываются брить свои волосы по татарскому обычаю».

---

1) Прилаг. рисунки значатся подъ литер. E, F, G, H, I въ 3-мъ изданіи соч. **Витзена** на особой ненумерованной таблицѣ, приложенной къ стр. 750. На подлинной таблицѣ значится слѣдующее объясненіе этихъ изображеній: «E) Мѣдный сосудъ, найденный въ Сибири подъ землей. F) Золотой единорогъ. G) Золотое кольцо. H) Золотая серьга. I) Золотое шейное или ручное украшеніе съ дракономъ. Четыре послѣднія вещи сдѣланы изъ хорошаго золота и также найдены въ Сибири подъ землею» (Ред.).

2) Вѣроятно тѣ, которыя изображены въ 3-мъ изданіи соч. его на трехъ таблицахъ, приложенныхъ къ стр. 758, и соотвѣтствуютъ письменамъ, изображеннымъ въ соч. Страленберга (см. выше, стр. 42—47).



№ 58 (отъ 1-го іюня 1714 г.), стр. 389. «Находятъ-ли въ странѣ, граничащей съ Туркестаномъ, могилы, въ которыхъ погребены монгольскіе властелины или князья, мнѣ неизвѣстно, но достовѣрно то, что въ Сибири и въ Великой Татаріи встрѣчается безчисленное множество гробницъ подъ курганами, гдѣ еще и теперь, рядомъ съ трупами, большею частью уже истлѣвшими, находятъ разную драгоцѣнную утварь изъ золота и серебра. Изъ Тобольска мнѣ были посланы браслеты, серьги, идолы и др., все изъ чистаго золота, вѣсомъ въ $1^1/_2$ фунта, на которыхъ изображены драконы и божества, но къ моему несчастью лицо, которому это было передано, предательски, изъ-за значительной цѣнности, продало серебро, такъ что оно, вѣроятно, расплавлено и я лишился его. Впрочемъ съ другой стороны для меня теперь опять находятся въ дорогѣ нѣсколько изображеній божковъ, драконовъ и т. д., изъ золота и бронзы (metall), которыя, надѣюсь, будутъ лучше доставлены, но ранѣе новаго года не могутъ прибыть сюда. По нимъ навѣрно можно будетъ узнать, какіе народы тамъ жили въ древнія времена».

I

На подлинномъ рисункѣ значится по голландски: «Татарскіе золотые идолы языческіе, недавно добытые, вмѣстѣ съ нѣкоторыми золотыми-же тѣльными украшеніями, изъ древнихъ могилъ въ Сибири».

№ 59 (отъ 15 іюня 1714 г.), стр. 394. «Наконецъ-то я получилъ золотые предметы, извлеченные изъ древнихъ могилъ сибирскихъ, въ томъ числѣ два идола, почти похожіе на тѣ, съ которыхъ я раньше посылалъ рисунки, но все-таки нѣсколько иначе».

«Мнѣ прислали изъ Сибири 1 золотую и 3 серебряныя монеты, добытыя тамъ изъ древнихъ могилъ; посылаю ихъ Вамъ при семъ и прошу возвратить мнѣ ихъ съ посланнымъ [1])»...

№ 61 (отъ 18-го сент. 1714 г.), стр. 405—412. Золотые предметы, о которыхъ я Вамъ писалъ, наконецъ въ моихъ рукахъ. Это два, три идола, почти такой-же формы, какъ прежніе, которые Вы видѣли, затѣмъ браслеты, шейныя кольца, изрядное количество серегъ различнаго вида [2]), большой идолъ, вѣсомъ въ сто гульденовъ золота, изображающій собачью голову съ змѣинымъ хвостомъ [3]), затѣмъ оселъ и левъ, да еще двѣ толстыя и тяжелыя золотыя фигуры

На подлинномъ рисункѣ значится по голландски: «Золотыя татарскія головныя украшенія, найденныя въ сибирскихъ могильныхъ холмахъ».

---

1) По всей вѣроятности, тѣ 4 восточныя монеты (1 золот. харезмшахская XIII столѣтія, 1 серебряная джагатайская 733 года гиджры=1332—1333 г. по Р. Х., и 2 серебряныя золотоордынскія монеты XIV вѣка), которыя изображены на табл. подъ лит. О (см. стр. 133).

2) См. табл. II-ю, на этой-же страницѣ (Ред.).

3) Вѣроятно п. 4 на табл. I-й. См. стр. 130 (Ред.).

въ родѣ фантастическихъ существъ [1]), сосудъ для питья [2]) и т. д. Если Богу будетъ угодно, я прикажу снять съ нихъ рисунки, которые Вы въ свое время получите. Московиты и сибиряки, находящіе эти предметы подъ курганами, выбрасываютъ все, что не золото и не серебро, и не обращаютъ вниманія на письмена. Однако я ожидаю присылки моремъ желѣзной бляхи съ буквами и надписью. Подобнаго рода бляхи были мнѣ посланы уже прежде, но онѣ попали въ руки морскихъ пиратовъ или разбойниковъ и мародеровъ на сушѣ. Удивительно, какъ искусно и красиво устроены эти могилы, а особенно удивительно то, что въ странѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются, почти вовсе нѣтъ жителей и тѣ, которые тамъ живутъ, бѣдные, дикіе и очень злые язычники, неумѣющіе ни читать, ни писать, и ничего не знающіе объ обработкѣ золота, серебра и желѣза и мѣди. Каковы же тогда были тѣ цивилизованные люди, которые хоронили эти рѣдкости! Китайскіе

III

На подлинномъ рисункѣ значится по голландски: «Золотыя украшенія, вырытыя изъ древнихъ татарскихъ могилъ въ Сибири».

1) Срав. табл. 1, на стр. 130. См. примѣч. къ письму № 72 (Ред.).

2) См. табл. подъ лит. О, на стр. 133. Или на этой таблицѣ изображенъ тотъ сосудъ, о которомъ Витзенъ говоритъ въ своемъ соч. Noord en Oost-Tartarye (см. выше, стр. 4), или въ письмѣ говорится о мѣдномъ сосудѣ, изображенномъ выше (стр. 129) подъ лит. Е. (Ред.).

писатели, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ ничего не сообщаютъ, а московиты болѣе полутораста лѣтъ вовсе не знали страны. Отдѣлка золотыхъ предметовъ такъ искусна и толкова, что я сомнѣваюсь, чтобы въ Европѣ можно было исполнить ее лучше. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ эти вещи, благодаря моей бдительности и обѣщаніямъ богатыхъ наградъ, были сохранены и доставлены мнѣ въ цѣлости, ибо тамъ обыкновенно все, что сдѣлано изъ золота и серебра, немедленно расплавляютъ, но такъ какъ сверхъ стоимости вещей я обѣщалъ еще вознагражденіе за «фасонъ», то онѣ мнѣ и достались. Мѣдь, желѣзо и другіе металлы были выброшены... Въ числѣ золотыхъ рѣдкостей, происходящихъ изъ сибирскихъ могилъ, находятся также разныя красивыя серьги, которыя, я полагаю, носили какъ женщины, такъ и мужчины».

№ 66 (отъ 10-го янв. 1715 г.), стр. 425 и 427. «Мѣсто находки сибирскихъ рѣдкостей приблизительно подъ 60-мъ градусомъ сѣверной широты. Обитатели этого края грубые язычники, живущіе охотой и рыбной ловлей, но лѣтъ полтораста тому назадъ московиты направили туда поселенцевъ, которые обрабатываютъ тамъ землю, сѣютъ хлѣбъ и кое-гдѣ построили даже укрѣпленія. Наконецъ-то съ послѣднимъ кораблемъ изъ Архангельска мнѣ достав-

O

Сибирскія древности. XVIII

лены двѣ римскія монеты [1]), извѣстныя уже мнѣ, а еще лучше Вамъ. Ничего особеннаго я въ нихъ не вижу, за исключеніемъ того, что онѣ изъ Тобольска, столицы Сибири, но какъ онѣ туда попали, мнѣ неизвѣстно.

Кромѣ этого мнѣ прислали круглое металлическое блюдце, найденное въ Сибири въ могилѣ, такой-же формы, какъ то, которое я уже имѣю. На немъ видны древнія китайскія письмена, которымъ я приписываю болѣе тысячи лѣтъ, ибо они въ родѣ тѣхъ замѣчательныхъ письменъ, которыя Вы видѣли и которымъ болѣе восемьнадцати столѣтій. Они будутъ Вамъ доставлены въ снимкѣ и я ихъ перешлю въ Батавію для истолкованія».

№ 67 (отъ 26 февр. 1715 г.), стр. 428. «При семъ посылаю также копію съ китайскихъ (если не ошибаюсь) письменъ на металлическомъ зеркалѣ, доставленномъ мнѣ изъ Сибири съ послѣднимъ кораблемъ изъ Архангельска и добытомъ тамъ (въ Сибири) глубоко изъ земли. Содержаніе (надписи) мнѣ не понятно, но я намѣренъ ее послать въ Батавію для истолкованія и затѣмъ издать, послѣ сдѣланнаго истолкованія. Я согласенъ, чтобы ученые люди разсмотрѣли ее, но не желаю, чтобы кто-нибудь другой раньше меня и подъ другимъ именемъ, безъ моего вѣдома, или не называя моего имени, выпустилъ въ свѣтъ или опубликовалъ, такъ какъ добыть эти предметы мнѣ стоило много денегъ и труда. Идолы я теперь передалъ рисовальщику и снимки съ нихъ по изготовленіи Вамъ будутъ доставлены».

№ 72 (отъ 4 сент. 1715 г.), стр. 437. «Наконецъ посылаю Вамъ при семъ изображенія сибирскихъ древностей [2]). На таблицѣ № 1 помѣщены фигуры, которыя я считаю идолами, двѣ остальныя, какъ Вы изволите видѣть, я посылаю на Ваше усмотрѣніе и намѣреваюсь включить ихъ въ мое сочиненіе. Если Вы соблаговолите дать Ваше мнѣніе и высказать, что Вы о нихъ думаете, мнѣ будетъ весьма пріятно, но я не желалъ бы, чтобы другіе ученые воспользовались этимъ для опубликованія. Я ожидаю еще больше подобныхъ предметовъ, въ томъ числѣ золотую серьгу, въ которую въ видѣ драгоцѣнности вдѣланъ зубъ человѣческій, вродѣ того, какъ здѣсь вставляютъ алмазы въ женскія серьги, но, высокоблагородный сударь и многолѣтній другъ, я чувствую большую слабость и много ежедневныхъ превратностей мѣшаютъ мнѣ продолжать сочиненіе о Татаріи и другія работы, такъ что я не знаю, когда все это увидитъ свѣтъ».

№ 79 (отъ 1-го іюня 1716 г.), стр. 454—455. «При этомъ случаѣ не могу не упомянуть, что послѣ прошлаго года мнѣ изъ Сибири опять было прислано нѣсколько золотыхъ украшеній, найденныхъ въ могилахъ, въ томъ числѣ двѣ серьги, подъ которыми, вмѣсто драгоцѣнныхъ камней, какъ то алмазовъ, яхонтовъ и др., подвѣшены оправленные золотомъ два человѣческіе зуба [3]). Неизвѣстно, принадлежатъ-ли эти зубы мужчинѣ или женщинѣ, но я полагаю, что это женскіе зубы, потому что, они, судя по замѣчаемымъ на нихъ поврежденіямъ, должны быть отъ пожилаго лица, да кромѣ того не велики, а у женщинъ зубы обыкновенно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у мужчинъ. Было-ли это положено въ могилу или сохранено, можетъ быть, при жизни, изъ привязанности либо какъ воспоминаніе, я не знаю, но не могу вдоволь надивиться тому, что столь рѣдкіе золотые предметы были схоронены въ землѣ. И какой это былъ народъ, такъ какъ теперь ничего тамъ не найдешь, кромѣ дикихъ варваровъ и грубыхъ язычниковъ, которые никакихъ ремеслъ не знаютъ, не умѣютъ ни читать, ни писать, и не вѣдаютъ ни о золотыхъ, ни о другихъ драгоцѣнныхъ предметахъ и даже о томъ, что происходило лѣтъ 50 или 60 тому назадъ. Въ свое время съ послѣдней присылки я велю снять рисунки и доставлю ихъ вамъ».

---

1) На табл. подъ лит. О (стр. 133) изображены 3 римскія монеты: а) импер. Августа (Cohen, I, p. 71, № 272), б) Нерона (Ibid., p. 205, № 247) и в) Гальбы (Ibid., p. 228, № 101). Опредѣлены Ю. Б. Иверсеномъ (Ред.).

2) Это, вѣроятно, тѣ три нумерованныя таблицы, которыя приложены къ 3-му изданію соч. Витзена и воспроизведены здѣсь на стр. 130—132 (Ред.).

3) См. рисун. на таблицѣ подъ лит. О на стр. 133 (Ред.).

Примѣчаніе. Я. И. Смирновъ, занявшійся, по нашей просьбѣ, сличеніемъ вышеозначенныхъ рисунковъ Витзена съ сибирскими древностями Императорскаго Эрмитажа, сообщилъ намъ по этому поводу нѣсколько интересныхъ соображеній, изъ которыхъ извлекаемъ слѣдующія замѣчанія:

«Золотыя Сибирскія вещи Витзена были присланы ему въ Голландію въ началѣ XVIII вѣка, гдѣ и исполнены съ нихъ прекраснымъ рисовальщикомъ 4 таблицы, приложенныя къ 3-му изданію его сочиненія въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ. Высокое достоинство этихъ рисунковъ становится особенно разительно при сравненіи ихъ съ таблицами предполагавшагося Академіей Наукъ въ прошедшемъ столѣтіи изданія «Monumenta Sibiriae» [1]); эти изображенія золотыхъ вещей изъ Сибири, хранившихся въ то время въ Кунсткамерѣ, столь грубы и неточны, что иногда лишь съ трудомъ и гаданіями можно узнать на нихъ сохранившіяся вещи этого собранія (поступившаго въ 1859 году въ Императорскій Эрмитажъ), тогда какъ на таблицахъ Витзена точнѣйшимъ образомъ передается даже число шариковъ филиграни.

Признавъ точность четырехъ таблицъ, изданныхъ въ соч. Витзена, и сравнивъ ихъ съ наличными сибирскими вещами Императорскаго Эрмитажа, мы пришли къ убѣжденію, что въ числѣ послѣднихъ нѣтъ вещей, принадлежавшихъ Витзену; такимъ образомъ слова прим. 2-го на 3-й стр. Приложеній «нѣкоторыя изъ вещей, изображенныхъ у Витзена, находятся въ настоящее время въ Императорскомъ Эрмитажѣ», кажутся намъ подлежащими исправленію въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ общее сходство многихъ изъ нихъ съ Эрмитажными указываетъ лишь на принадлежность тѣхъ и другихъ къ одному времени и одной области, но не на тождественность ихъ, признанію которой препятствуетъ разница въ деталяхъ вещей Витзена и Эрмитажа.

Такъ большая золотая серьга, изображенная у Витзена на табл. II-й, подъ лит. C., представляетъ ближайшее сходство съ эрмитажной серьгой № 997, но въ деталяхъ обнаруживаетъ нѣкоторую разницу, сказывающуюся въ отсутствіи трехъ пирамидокъ шариковъ на нижнемъ кольцѣ; кромѣ того, попорчены филигранные городки (треугольники) на поверхности конической части. Сходство общей формы и величины дѣлаютъ возможнымъ предположеніе о происхожденіи обѣихъ серегъ (витзеновской и эрмитажной) изъ одной пары, такъ какъ разница въ мелкихъ деталяхъ замѣчается иногда въ парныхъ ушныхъ уборахъ, напр. въ золотыхъ привѣскахъ, найденныхъ въ 1893 году близъ колоніи Михаэльсфельдъ, Кубанской области.

Серьга, изображенная у Витзена на той-же табл. II-й, подъ лит. I—F, рядомъ (на право), почти тождественна съ эрмитажными серьгами № 1020, но послѣднія составляютъ пару и потому, помимо незначительной разницы съ витзеновской, исключаютъ возможность происхожденія ихъ изъ той-же самой могилы, что̀ и витзеновская. Нижняя часть сломанной серьги, изображенная на той-же таблицѣ подъ лит. D, орнаментаціей своею дутыми шариками и камнями въ филиграновой оправѣ представляетъ близкое сходство съ эрмитажными серьгами №№ 1014—1016; другая цѣлая серьга того-же типа, изображенная въ нижнемъ ряду крайнею справа, близко подходя къ эрмитажной парѣ № 1015, отличается отъ нея присутствіемъ особой подвѣски на цѣпочкѣ.

Серьга на табл. О направо представляетъ явную аналогію двумъ серьгамъ эрмитажнымъ, въ которыхъ вставлены зубы. Фигурка двугорбаго верблюда на той-же таблицѣ подобной себѣ въ наличныхъ вещахъ Эрмитажа не имѣетъ, но на одной изъ таблицъ несостоявшагося академическаго изданія (въ правомъ нижнемъ углу) находится также изображеніе маленькой фигурки двугорбаго верблюда. Крайняя грубость рисунка не позволяетъ заключить о томъ, не составляли-ли эти двѣ фигурки пару, но, повидимому, онѣ разнились и величиной и типомъ.

Итакъ, ни одна изъ этихъ вещей не можетъ быть признана тожественною съ какою-либо вещью Эрмитажа, сходство же между ними объясняется принадлежностью тѣхъ и другихъ къ одному и тому-же отдѣлу древностей; но мало того: иныя изъ витзеновскихъ вещей могли происходить даже изъ тѣхъ-же самыхъ могилъ, что̀ и эрмитажныя.

Это съ несомнѣнностью можетъ быть доказано относительно двухъ золотыхъ, очевидно парныхъ, бляхъ Витзена (рис. 4 на табл. I-й) и Эрмитажа (№ 1016 [2]). Тожественность содержанія и композиціи обѣихъ бляхъ не оставляетъ сомнѣнія въ принадлежности ихъ къ одной парѣ, подобной цѣлому ряду паръ подобныхъ бляхъ эрмитажнаго собранія и одной парѣ Витзена (на той-же таблицѣ, рис. 1 и 2), разница же въ деталяхъ, помимо обратнаго направленія композиціи, доказываетъ, что бляха, изображенная на таблицѣ Витзена, будучи нарисована въ оборотную сторону, отнюдь не можетъ быть той-же самой бляхой, которая находится нынѣ въ Эрмитажѣ. Рисунокъ Витзена и бляха Эрмитажа разнятся двумя поломками второй передъ переднею лапой звѣря и подъ нею, а также отверстіемъ въ фонѣ между верхними извивами змѣи, но самая существенная разница ихъ состоитъ въ томъ, что на эрмитажной бляхѣ на серединѣ змѣинаго туловища, передъ мордою звѣря, утвержденъ шпенекъ и рядомъ съ нимъ прорѣзано въ фонѣ композиціи отверстіе для пропусканія въ него снизу ремня, надѣвавшагося прорѣзкой на этотъ шпенекъ: такимъ образомъ способъ застежки этой пары бляхъ былъ совершенно такой-же, какъ и всѣхъ остальныхъ (см. напр. витзеновскую пару рис. 1—2 и эрмитажную въ Русскихъ Древностяхъ III, рис. 69—70). Къ указанному выше предположенію о томъ, что рисунокъ Витзена представляетъ лишь обратный рисунокъ эрмитажной бляхи съ опу-

1) См. объ этомъ предпріятіи соч. Бакмейстера: Опытъ о Библіотекѣ и Кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной С.-Петерб. Импер. Акад. Наукъ. (Спб. 1779 г.), стр. 126—127 (Ред.).

2) См. рисунокъ ея въ Русскихъ Древностяхъ, изд. гр. Толстымъ и проф. Кондаковымъ, III, рис. 68.

щеніемъ указанныхъ детальныхъ разницъ, могъ бы дать основаніе рисунокъ эрмитажной бляхи въ академическомъ изданіи, гдѣ бляха эта дѣйствительно изображена обратно, т. е. въ томъ-же направленіи, какъ и рисунокъ Витзена — расширеніемъ вправо, но ошибочность академическаго рисунка, тожество изображенной на немъ бляхи съ эрмитажной и невозможность считать этотъ рисунокъ сдѣланнымъ съ витзеновской бляхи удостовѣряется ясно видимымъ шпенькомъ, который бываетъ обыкновенно лишь на правыхъ бляхахъ, какова эрмитажная, и котораго по аналогіи съ прочими парными бляхами нельзя предполагать на лѣвой (витзеновской). Считать же академическій рисунокъ болѣе вѣрнымъ изображеніемъ бывшей ранѣе у Витзена, затѣмъ перешедшей въ Кунсткамеру и нынѣ утерявшейся лѣвой бляхи со шпенькомъ препятствуетъ шпенекъ на правой сохранившейся бляхѣ Эрмитажа, такъ какъ аналогія всѣхъ остальныхъ паръ не допускаетъ возможности двухъ шпеньковъ на двухъ парныхъ бляхахъ. Итакъ, рисунокъ Витзена несомнѣнно есть точный рисунокъ принадлежавшей Витзену лѣвой бляхи изъ той самой пары, правая бляха которой находится нынѣ въ Эрмитажѣ.

Отсюда можно заключить, что эрмитажная бляха № 1061 найдена вмѣстѣ съ витзеновской, что она (какъ, вѣроятно, и еще какія-либо вещи эрмитажной сибирской коллекціи) не была обязана сохраненіемъ своимъ указу 16 февраля 1721 г. (см. выше Приложеніе XI), а хранилась гдѣ-то уже ранѣе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и что поэтому едва-ли можно ожидать найдти какія-либо данныя о мѣстѣ ея находки въ бумагахъ, если таковыми сопровождалась присылка золотыхъ вещей изъ Сибири съ 1721 года въ Бергъ и Мануфактуръ Коллегію и передача ихъ оттуда въ 1726 году въ Кунсткамеру. Скорѣе, кажется, можно ждать нахожденія такихъ указаній гдѣ-либо въ бумагахъ Витзена, изъ которыхъ узнаемъ напр. происхожденіе монетъ, изображенныхъ на таблицѣ подъ лит. О.

Двѣ золотыя статуэтки въ текстѣ 2-го и 3-го изданій книги Витзена на стр. 749 (см. выше, стр. 127), изображены столь грубо, что при сравненіи ихъ съ витзеновскими таблицами древностей становится очевиднымъ, что оба эти рисунка сдѣланы другимъ, менѣе опытнымъ рисовальщикомъ. Одна изъ этихъ фигурокъ — четвероногое съ крыльями и человѣческой головою — принадлежала самому Витзену (см. стр. 749 и Приложеніе I, стр. 4); поэтому приходится сожалѣть, что рисунокъ съ этой фигурки не вошелъ въ одну изъ четырехъ таблицъ, гдѣ она изображена была бы гораздо лучше, такъ что позволяла бы дѣлать заключеніе о ея стилѣ. Теперь же приходится довольствоваться лишь догадками о томъ, что̀ это были за фигурки: своими формами онѣ напоминаютъ прежде всего древности Средней Азіи, гдѣ находимъ многочисленныя изображенія съ человѣческими головами и крылатыхъ быковъ и птицъ.

Изъ числа первыхъ къ витзеновской фигуркѣ, безбородостью человѣческихъ лицъ и размѣрами «два пальца шириной», ближе всего подходитъ бронзовая фигурка изъ Вана, находящаяся въ Эрмитажѣ; тѣ перья, которыя видимъ мы на крестцѣ чудовища Витзена, могутъ, кажется, объясняться какъ неумѣлая передача завитой въ ряды локоновъ шерсти, какую находимъ весьма часто на подобныхъ изображеніяхъ, напр. на быкахъ въ воротахъ Персепольскаго дворца (см. Perrot et Chipiez, V, pl. VII).

Другая статуэтка — птица съ человѣческой головой — могла представлять подобіе извѣстнаго ряда бронзовыхъ фигурокъ въ видѣ парящихъ птицъ съ человѣческой часто безбородою головою, находимыхъ какъ въ Ванѣ, такъ и въ Греціи и Италіи (см. о нихъ Perrot et Chipiez, II, p. 584 и 734; кромѣ исчисленныхъ у Perrot есть еще такія-же фигуры въ Константинопольскомъ Музеѣ и въ музеѣ армянской семинаріи въ Іерусалимѣ. Эрмитажный экземпляръ изображенъ у Perrot на рис. 281).

Впрочемъ эти фигурки могутъ относиться и къ болѣе позднимъ временамъ, такъ какъ подобныя фантастическія существа встрѣчаются довольно часто и въ индійскомъ искусствѣ, начиная съ древнѣйшихъ его памятниковъ вѣка III до Р. Х. [1]). Если первая догадка наша справедлива, то эти фигурки Витзена пришлось бы считать древнѣйшими изъ всѣхъ сибирскихъ древностей его, такъ какъ основаній для отнесенія остальныхъ къ VII—VI вв. до Р. Х. мы не видимъ, ибо несомнѣнное и давно отмѣченное сходство золотыхъ сибирскихъ вещей съ вещами Новочеркасскаго клада указываетъ на позднее сравнительно время ихъ. Что не всѣ древности Витзена относятся къ одному періоду, это ясно при первомъ взглядѣ на четыре таблицы Витзена: если древнѣйшими по справедливости считать вещи такъ называемаго «сибирскаго» типа, т. е. съ причудливымъ звѣринымъ орнаментомъ, то явно отличающіяся отъ нихъ своею орнаментаціей бляшки (12 и 14) и пряжки (13 и 13) на таблицѣ II-й слѣдуетъ считать болѣе поздними и орнаментику ихъ можно сравнивать съ орнаментами знаменитыхъ золотыхъ вещей изъ клада Nagy Szent Miklós въ Венгріи (см. Hampel, Der Goldfund von Nagy Szent Miklós. Budapest. 1885, рис. 27—29. 31).

Серебряная чашка съ изображеніемъ охотничьей сцены внутри ея, найденная близъ Самарова (см. Приложеніе I, стр. 3—4, и табл. подъ лит. О), судя по описанію Витзена, должна принадлежать къ ряду серебряныхъ блюдъ греческихъ (III—VI вѣковъ по Р. Х.) и сассанидскихъ, находимыхъ столь часто по обѣ стороны Урала. Нагота центральной фигуры со щитомъ указываетъ, по первому взгляду, на античное происхожденіе сосуда, но, судя по замѣчанію Витзена, — что вслѣдствіе наложенія позолоты рисунокъ сталъ неяснымъ, — изображеніе было начерчено, а не исполнено рельефомъ, какъ то обыкновенно бываетъ на античныхъ блюдахъ; да и самая форма чашки ближе къ сассанидскимъ. Остается и третья возможность, что эта чашка носила лишь грубые «чудскіе» рисунки; но тогда едва-ли возможна «нагая фигура со щитомъ». Узорное колечко чашки этой близко къ ручкамъ чашекъ вышеупомянутаго венгерскаго

---

1) См. A. Grünwedel, Buddhistische Kunst in Indien. Berlin. 1893, стр. 42 и слѣд., рис. 10, 12, 15.

клада (см. Hampel, рис. 30—32). Круглая выпуклая бляшка 8 на табл. III-й, судя по буквамъ на ней, происхожденія арабскаго.

Наконецъ еще къ болѣе позднему времени относятся древности, изображенныя на таблицѣ, приложенной въ соч. Витзена къ стр. 750: единорогъ подъ лит. F, своими формами и позой ясно указываетъ на принадлежность его къ извѣстной композиціи англійскаго герба, льва и единорога, композиціи столь часто являющейся на произведеніяхъ русскаго искусства XVI—XVII вѣковъ; къ позднимъ-же временамъ относится, судя по формѣ ея, и серьга подъ лит. H.

Такимъ образомъ коллекція сибирскихъ древностей Витзена представляла столь-же пестрый составъ, какъ и коллекція Кунсткамеры. Но это собраніе было совершенно особое и никогда въ Кунсткамеру не поступало. Поэтому остается надежда отыскать эти драгоцѣнныя древности гдѣ-либо въ голландскихъ собраніяхъ, если только онѣ въ теченіе двухъ столѣтій не погибли безвозвратно [1]).

Я. Смирновъ.

С.-Петербургъ,
24 февраля 1894 года.

Къ стр. 5, строка 7-я сверху. Вмѣсто словъ (не *Тура* ли?) слѣдуетъ читать: (вѣроятно Irbit).

Къ стр. 5—20. Извлеченія изъ дневника Мессершмидта помѣщены въ соч. В. В. Радлова: Aus. Sibirien. Leipzig. 1884. 8⁰. Bd. II, pag. 76—77, 92—94. Мессершмидтовы снимки съ древнихъ сибирскихъ надписей находятся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. Акад. Наукъ (Dorn, Das Asiat. Mus., стр. 121). О привезенныхъ имъ изъ Сибири «рѣдкостяхъ» (Seltenheiten) Г. Ф. Миллеръ (Матер. для ист. Имп. Акад. Наукъ, VI, стр. 151) говоритъ, что онѣ, равно какъ и собранные Мессершмидтомъ предметы по части естествознанія (Naturalien), «*превзошли всякія ожиданія. Но къ сожалѣнію, бо́льшая часть ихъ погибла при несчастномъ пожарѣ*» (въ 1747 году).

При освидѣтельствованіи въ 1728 году привезенныхъ Мессершмидтомъ коллекцій «проф. Беэръ (Th. S. Bayer), усмотрѣвъ *удивительные антиквитеты*, токмо требовалъ, чтобъ съ нимъ имѣлъ согласіе помянутый докторъ Мессершмидтъ, для истолкованія нѣкоторыхъ вещей» (Матер. для истор. Имп. Акад. Наукъ, I, стр. 347, 349). «Со многихъ его, доктора Мессершмидта, плантовъ и *куріозныхъ вещей* грыдоровальщикъ Унфорцагтъ снималъ копіи» (ibid., стр. 375). См. также А. Н. Пыпина: Исторія русской этнографіи, IV, стр. 219—220).

Въ русскомъ отдѣленіи Библіотеки Импер. Акад. Наукъ находятся два однородные экземпляра сборника копій (частью нумерованныхъ, частью ненумерованныхъ) съ переписки, веденной Мессершмидтомъ съ ноября 1718 по сентябрь 1728 года съ разными лицами и учрежденіями [2]). Извлекаемъ изъ этого сборника только нѣкоторыя данныя, относящіяся къ неудачнымъ попыткамъ Мессершмидта розыскать сибирскія древности оффиціальнымъ путемъ.

Въ рапортахъ отъ 27-го и 28-го мая и отъ 7-го іюня 1720 года (копіи подъ №№ 32, 33, 36), поданныхъ сибирскому губернатору князю Алексѣю Михаил. Черкаскому, Мессершмидтъ

---

1) Изъ вышеупомянутаго сочиненія Гебгарда видно, что всѣ собранныя Витзеномъ коллекціи, по смерти его, были распроданы съ публичнаго торга. На запросъ нашъ, не поступили-ли сибирскія древности Витзена въ одинъ изъ мѣстныхъ музеевъ, директоръ королевскаго нидерландскаго музея древностей въ Лейденѣ (W. Pleyte) сообщилъ намъ, между прочимъ, слѣдующее: «сибирскія древности, упомянутыя въ Noord en Oost Tartarye, не находятся въ коллекціяхъ нашего края. Къ сожалѣнію, не могу ни сказать вамъ, что̀ сталось съ этими древностями, ни назвать вамъ какое-либо другое сочиненіе (кромѣ Гебгардова), въ которомъ бы говорилось о нихъ. Если мнѣ удастся найти указаніе по этому предмету, я сообщу вамъ замѣтку» (Ред.).

2) По каталогу Соколова эти двѣ рукописи значатся подъ № 102 (въ 198 листовъ) и № 116 (въ 162 листа). Въ первой (№ 102), доходящей до сент. 1728 года, недостаетъ копій за №№ 266—326 и находятся пробѣлы между №№ 341—364, 379—411 и 457—487; послѣдніе листы (158—198), безъ нумеров. копій содержатъ препирательства Мессершмидта съ Акад. Наукъ, о которыхъ см. Матер. для исторіи Акад. Наукъ, т. I, стр. 296, 297, 347—349, 374—375, 382—384, 391—392, и т. VI, стр. 150—152. Въ другой рукоп. (№ 116), въ которой всего 449 нумерованныхъ копій, доходящихъ до 19 іюня 1727 года, недостаетъ №№ 13—14, 16, 18, 47, 51, 52, 56, 57, 81—83, 151, 165, 166, 220, 226—230, 329—335, 343—355 и 403, 415 (Ред.).

заявляетъ, что по полученному отъ архіатера Блюментроста меморіалу, ему (Мессершмидту) указано: «любопытности, которые въ сибирской губерніи обрящутся, въ оглядание взяти... Аще что тому подобныя къ древности принадлежащия вещи якобы языческия шейтаны, великия мамонтовы кости, древния калмыцкия і татарския писма і ихъ праотческия писмена, такожде каменныя і кружечныя могилныя образы і устроения тѣмъ же азъ оныя по обрѣтеніи списалъ і рисунокъ прислать могу» (стр. 39—40 и 43).

Въ доношеніи, поданномъ въ Томскую приказную палату комменданту В. Е. Козлову, 18-го апр. 1721 года (№ 61), Мессершмидтъ пишетъ: «по указу Царского величества велѣно мнѣ въ сибирской Губерніи і во всѣхъ городахъ приіскивать потребныхъ травъ і цвѣтовъ коренья і всякой птицы и проч... такожъ могилныхъ всякихъ древнихъ вещей шейтаны мѣдныя і желѣзныя і литыя образцы человѣческия і звѣриныя і калмыцкия глухия зеркала подписмомъ і велѣно о томъ въ городѣхъ і въ уѣздехъ публиковать въ народъ указомъ і буде кто такие травы і коренья і цвѣты и древния вещи могильныя и все вышеобъявленное чтобъ приносили і объявляли мнѣ и буде изъ техъ вещей явитца что погребное і за тѣ могилныя вещи дана будетъ плата немалая. Указъ этотъ въ Томскѣ прибитъ і во весь томской уѣздъ по острогамъ куды надлежало посланы указы великого Государя Апрѣля 20 дня 1721 году».

По просьбѣ Мессершмидта, упомянутымъ комендантомъ В. Е. Козловымъ въ маѣ 1721 г. отпущены были изъ Томска «в чауской острогъ і в присутствующия къ тому острогу въ деревни, і въ кузнецкой присудъ, для покупки древнихъ найденныхъ вещей, шведския плѣнники Яганъ Цейнеръ да Питеръ»... (№ 63).

Отъ того-же Козлова въ Томскѣ 14-го іюня 1721 года, Мессершмидтъ получилъ, между прочимъ, «могильну денгу медну китайскую» (№ 73).

Въ Красноярскѣ Мессершмидтъ 19 іюня 1723 года пишетъ тамошнему воеводѣ и капитану Дмитрію Козмичу Шетневу: «Такожъ благоволите о чемъ вашему благородию въ прошедшихъ числахъ мой толмачъ доносилъ на словахъ Петръ Крацъ, которые у меня были привезены для признавания вещей три звѣря каменные, бараны изъ тубинской степи на постояломъ моемъ дворѣ Ілы Нашивошникова, чтобъ тѣхъ каменныхъ барановъ свѣсти на старые урочища, іли положить гдѣ въ сохранение въ маломъ городѣ въ артилерной анбаръ; а нынѣ мнѣ по вѣдомости что оные каменные бараны лежатъ середи улицы на перекресткѣ у покровской церкви, а я о вышеозначенныхъ каменныхъ баранахъ писалъ въ питербургъ вышеозначенному президенту (т. е. Блюментросту) і что оные бараны до Его Імператорского величества указа были свезены въ удобное мѣсто въ сохраненіе» (№ 119).

Въ промеморіи отъ 21 апр. 1725 года (№ 259) Мессершмидтъ сообщаетъ Канцеляріи Иркутской провинціи, между прочимъ: «По указу Его Императорскаго Величества и по данной намъ инструкцы изъ Санктъ Питеръ Бурха, изъ Медицинскаго Ѳакултета, отъ Господина Архиатера, Президента Блюментроста, писано въ Санктъ Питеръ Бурхе Августа 7 дня 1723 году, а ко мнѣ получено въ Иркутскѣ Генваря 23 дня 1724 году: повелѣно намъ изыскать всякихъ антиквитетовъ или старыхъ куриезныхъ вещей, и въ пути нашемъ за моремъ и въ Нерчинскъ никакихъ антиквитетовъ или старыхъ куриезныхъ вещей ни въ какихъ мѣстахъ не сыскалось: и ежели въ Канцелярию Иркутской Провинцыі обретаютца, въ присылку изо всей Иркутской Провинцыі изъ дистриктовъ, какіе антиквитеты или старые куриезные вещи, чтобъ повѣлено было, Его Императорского Величества Указомъ, оные антиквитеты и старые куриезные вещиі, изволитъ показать намъ, чтобы мнѣ можно было репортовать къ Его Императорскаго Величества, что мнѣ въ Иркутской провинціи показано или непоказано» (см. также рукоп. № 116, стр. 194).

На это 12 Мая 1725 г. (№ 262) послѣдовалъ отъ Канцеляріи такой отвѣтъ: «по справке противъ пометы на той промѣморія, въ канцеляріи Иркуцкой провинцыі, въ земской конторѣ, антиквитетовъ или старыхъ куриезныхъ вещей никакихъ не обрѣтаетца». Не смотря на это, Мессершмидтъ 15 мая 1725 г. (№ 263) снова обратился въ Иркутскую Канцелярію съ просьбою: «ежели въ здѣшнемъ дистриктѣ отъ Иркутска до Енисейска путемъ нашимъ внизъ по Ангарѣ обретатца будутъ

какие старые курнезные вещіі, также и всякие звери про обиходъ Его Императорскаго Величества, изволить путѣмъ нашимъ внизъ по Ангаре до Енисейска указать житѣлямъ иноземцамъ, чтобъ вышеупомянутые вещи и звѣри мнѣ вручили». Вслѣдствіе этого 26 мая 1725 года (№ 269) Иркутская канцелярія постановила: «Іркутскоі Правинцы внизъ по Ангарѣ рекѣ въ дистрикты і въ слободы земскимъ і подчиненнымъ камисарамъ послать ізъ земской канторы прочетноі указъ въ которомъ написать, чтобъ всякого чина люди по прибытиі ево доктора объявляли антиквитеты или старые какие такожъ і другие удивителные всякие вещи і тотъ указъ для объявления въ народъ послать промеморіі съ темъ докторомъ і земскимъ і подчиненнымъ камисарамъ по полученіі сего указа и объявленіи всякихъ удивителныхъ вещей ему доктору чинить по сему указу во всемъ непрѣменно».

Распоряженіе это не увѣнчалось, однакоже, успѣхомъ, потому что въ промеморіі отъ 17 іюля 1725 года, поданной Мессершмидтомъ (№ 277), онъ пишетъ: «въ пути моемъ отъ Нерчинска до Енисейска оныхъ антиквитетовъ или старыхъ куриезныхъ вещей нигде не обретено» и потому проситъ: «ежели въ канцеляріі і земской канторе обретаютца въ присылке изо всей енисѣйской правинцыи какия антиквитите или старые курьезныя вещи, да благоволитъ показать намъ, чтобы мнѣ можно было репортовать, что въ енисѣйской провинцыи показано или непоказано. Да ежели отъ Енисейска до Тоболска путемъ моимъ внизъ по кете і по обе рѣкамъ обретатца будутъ какие старые курьезные вещи также и всякие звери про обиходъ ея величества государыни императрицы, изволите путемъ моимъ показать жителемъ и иноземцомъ, чтобы выше помянутыя вещи и звѣри мнѣ вручили».

Но и енисейская контора 30 іюля 1725 года (№ 280) увѣдомила его, что «противъ требования вашего въ енисейской земской канторѣ антиквититовъ и старыхъ куриезныхъ вещей никакихъ не обрѣтаетца».

Къ стр. 23. См. также излеченія изъ Записокъ Вебера въ Русск. Архивѣ за 1872 годъ стр. 1419—1420.

Къ стр. 24—25. Въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Импер. Акад. Наукъ находится небольшая рукопись въ 149 страницъ in 4⁰ (по каталогу Соколова, изд. въ 1818 г., стр. 46, № 65), подъ заглавіемъ «Примѣчанія на книгу учиненную господиномъ Стралембергомъ (sic) имянуемую северной (и) восточной страны Европы и Азіи, печатанной (въ) 1730-мъ году въ Стокголме»[1]. Авторъ (В. Н. Татищевъ?) говоритъ на стр. 22—25: «что онъ (Страленбергъ) стр. 3 въ примѣчаніи о древнихъ разореніяхъ показываетъ, оное весма правилно, что не малыхъ каменныхъ зданій остатки еще въ степяхъ находятся, яко Семи-Полатная крепость, имя свое отъ 7 древнихъ полатъ получила. Вверхъ Иртыша въ степи въ западную сторону найденъ великой домъ или церковь съ оградою каменною, исъ котораго многое число писемъ взято, о чемъ и сей издатель стр. 312 описуетъ, такожъ и на реке Ори еще есть каменное зданіе, гдѣ прошлаго 1735 году, по указу Ея Імператорскаго Величества крепость Оренъ Бургъ заложена. И таковыхъ по извѣстіямъ немало въ пустыхъ степяхъ находится, но чтобъ оные были жилища и строения татарскіе, оному верить невозможно, ибо видимо, что татара нигде городовъ не строили, но построеные разоряя оставляли какъ то вышеобъявленные и по волге при Ахтубе именуемой Шери-Сарай, такожъ за Камою Болгары великія зданія разорены и оставлены, а сами татары въ степяхъ или бездѣлныхъ строеніяхъ жили, но паче мню, что древніе Роксоляне словянскаго народа жившіе за Днестръ перешедъ, оные оставили или сарматскаго народа владѣтели которыхъ остатки Мордва, Черемиса, Чуваша суть, остяки и пр., или бухарскіе оныхъ строители и жители были, которое, если прилежно поискать въ бухарскихъ и персид-

---

1) Въ той-же библіотекѣ (см. каталогъ Соколова, стр. 32, № 131) находится рукописный русскій переводъ соч. Страленберга: Историческое и Географическое описаніе о древнемъ и новомъ состояніи Полуночно-Восточной части Европы и Азіи, пачеже Имперіи Россійской, соч. Страленбергомъ и напечатанное въ Штокголмѣ 1730. Срав. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 585. О другихъ рукоп. русскихъ переводахъ соч. Страленберга см. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи I, 852 и II, 978, 1154.

скихъ исторіяхъ, мню, что подлинное извѣстие открытся можетъ, о чемъ со обѣщаніемъ доволнаго награжденія бухарамъ заказалъ. О татарскихъ же строеніяхъ доказуютъ намъ главны ихъ городы Казань и Астрахань, въ которыхъ чрезъ сколко сотъ лѣтъ въ немалой славе и богатствѣ пребывая, почитай ничего каменнаго строенія не имѣли, а что имѣли токмо для храненія сокровищъ самые造 бездѣлныя строенія, вышеобъявленныя же весма инаго состоянія, ибо имѣютъ различныя украшенія, гзымзы и протчая, которые во многихъ местахъ ценинными великими досками были украшены, такожъ находятся сосуды глиненые преизрядной муравленой работы съ резбами, чего татары нигде не имѣютъ».

«Стр. 312 (Страленбергъ) показуетъ, якобы писма старинные, которые Его Величество Петръ I въ Францію изволилъ объявить, найдены въ калмытской степи, по правую и левую сторону Иртыша, въ древнихъ строеніяхъ и гробовыхъ курганахъ, весма неправилно, оные бо взяты все изъ одной божницы древней, стоясчей на западной стороне Иртыша, где обитаютъ Кайсаки, а не Калмыки, которому строенію въ 1721-мъ (году) зделанная модель деревянная и положенію ландъкарта, надеюся, что купно съ библіотекою Его Величества находится въ академіи наукъ (тамъ-же, стр. 131—132).

Къ стр. 32. «Вм. Батсамска чит. Бочанка» (тамъ-же, стр. 20).

Къ стр. 37. Подъ городомъ Япанциномъ слѣдуетъ разумѣть *Туринскъ*. См. соч. Витзена, Noord en Ooost-Tartarye (3-е изд.), въ которомъ на рисункѣ, прилож. къ стр. 763, изображенъ видъ г. Туринска съ надписью «Turynskoy of Iapanczyn, и на стр. 823 и 830 сказано, что изъ Верхотурья лѣтомъ можно проѣхать (по Турѣ) на кораблѣ въ городъ Japansin (также Japhanim) или Pansin. См. тамъ-же, стр. 800 (Turinsko, anders Japansin of Japantzin) и 816—817 (Turin of Jepantschin)».

Къ стр. 40. «Стр. 368 (Страленбергъ) описуетъ характеры при реке Пышме найденые, табл. 17 и 18, оные видимо, что русскіе, но такъ смятно изображены, что разобрать неможно и на последней внизу видится написано годъ 160, которое по нынешнему исчисленію 1652, однакожъ, не зная, кто въ начертаніи оныхъ погрешилъ, велелъ паки живописцу внятно списать, чтоже онъ хочетъ сказать, якобы Пышма река имела имя отъ оной горы и будто на неметскомъ значитъ (Schrifen), оное неправо, ибо порусски имело названо быть (письма); которое слово (пышма) остятское есть и значитъ лесная или лесистая». (См. упомянутую академ. рукопись № 65, стр. 140—141).

Къ стр. 58—60. Въ Samml. Russ. Gesch. Bd. IV, стр. 255—256, Миллеръ говоритъ: «не смотря на упоминаніе Семи Палатъ въ грамотѣ 1616 года, о нихъ собственно ничего не знали до осени 1717 года, когда подполковникъ Ступинъ, занимавшійся въ то время постройкою Ямышевскаго острога, отправилъ туда водою капрала съ 14 солдатами и писцомъ, которые и привезли первое обстоятельное извѣстіе объ этихъ зданіяхъ. Тамъ найдены первыя тангутскія рукописи, объясненіемъ которыхъ въ слѣдующіе годы занимались различные ученые, въ особенности же Фурмоны въ Парижѣ».

Къ примѣчанію на стр. 61. О посылкѣ Татищевымъ геодезиста Вас. Шишкова, въ 1735 году, въ Томскъ и Красноярскъ» для описи тамошнихъ мѣстъ и положенія на ландкарту, *а паче, чтобы старался о древностяхъ обстоятельно увѣдать, описать и гдѣ возможно сознаменовать*», и о томъ, что Шишковъ «весьма ревностно описывалъ и куріознымъ мѣстамъ учинилъ чертежи», см. Матер. для исторіи Имп. Акад. Наукъ, Т. III, стр. 508—509, 541, 560—561, 669—670 и 776. Считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь изъ находящейся въ русскомъ отдѣленіи Библіотеки Импер. Акад. Наукъ рукописи № 117 (по каталогу Соколова) составленныя Шишковымъ «описи» развалинъ Аблайкитскаго монастыря (стр. 7—8) и Семи Палатъ (стр. 8—9).

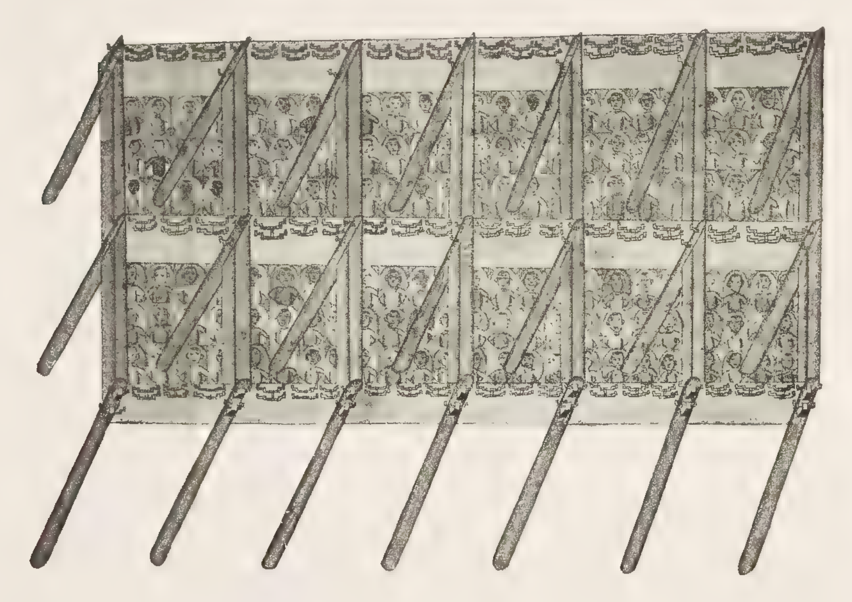
«Опись аблакетскимъ полатамъ, которые стоятъ на степи отъ крепости усть-каменогорской напримеръ шездесятъ верстъ».

«Оные полаты стоятъ между горъ каменныхъ отъ речки аблакету отъ правой стараны две версты, а кемъ построены і хто жилъ неизвестно, и у оныхъ полатъ бутъ набученъ сверхъ земли две съ половиною сажени, а по краямъ кладено кирпичемъ, въ средине мелкой камень. Въ длину того буту 38, въ ширинѣ 20 саженъ, и на томъ буту построены две полаты, а кругомъ палатъ перилы вышиною 2 аршина, а вверху для красы ставлены кирпичи на ребро и онымъ полатамъ ширины по 16 саженъ, а длины первой 15, другой 10 саженъ и у одной полаты верхъ изломанъ і сozженъ, а вышины оной полаты $2^1/_2$ сажени, а другой полаты верхъ целъ и крыто снизу деревянные стойки і столбы і решетины і къ решетинамъ прибиваны доски гвоздемъ и крыто черепицами, которые здѣланы изъ белой глины, такожъ і кирпичь исъ той же глины и очинь черепицы и кирпичи крепки, а въ техъ полатахъ вместо связей ставлены столбы деревянные и окладены кирпичемъ і въ полатѣ верхъ на столбахъ, которые і выкрашены красной краскою, на иныхъ и змеи написаны і на техъ столбахъ верхъ обложенъ и изрешечено, а между решетинъ на доскахъ написаны мужские персоны разными красками, да въ той полатѣ по стенамъ вымазано белой глиной і по той глинѣ писаны по стенамъ женские персоны разныхъ же красокъ, да предъ стенамъ на полу зделаны каменные якобы омбоны, и сказывали, что на техъ анбонахъ были глиненые болваны, которые ныне изломаны, да вмѣсто подзоровъ въ ыныхъ местахъ писаны на холстахъ всякие звери и скоты, птицы и разные травы. Да въ той полате сыскалось бумаги иностранного письма доволно, которой изодрано много и згнило. Въ той же полате на стене восточной усмотренъ образъ женскія персоны, которой отменно отъ другихъ писанъ на полотнѣ и наклѣенъ къ доскамъ; около его видно, что были рамы резные золочены и разными краски расписаны, но все обломаны и оной ідолъ хотя съ трудомъ снятъ, токмо во многихъ местахъ отъ мокроты уже полинялъ и погнилъ. Полы въ полатахъ кирпичные, кирпичь длиною 10, шириною 6, толщиною $1^1/_2$ вершекъ, а кладены толщиною те полаты въ аршинъ, а у нижней полаты зделано съ прихода съ крыльца якобы сени каменные жъ на томъ же буту длиною 8, шириною 6 саженъ, а въ техъ сеняхъ зделаны были по обеимъ сторонамъ по две печки, а какие того познать нелзя, ибо оные изломаны. Да еще третья полата въ техъ 100 саженъ каменныхъ жъ въ два жилья внизу і вверху по 5 покоевъ, а толщина кладена въ сажень, а верхъ изломанъ и сozженъ. Да еще противъ перьвыхъ полатъ зделана невысокая изъ дикова камня, вышины $^1/_2$ сажени, одне ворота, а по видимому, что тутъ варены яствы и по признакамъ, что въ вышеписанныхъ полатахъ было богомолие. Да отъ техъ же полатъ на гору 270 саженъ озерко длины 25, поперекъ 15 саженъ, которое между горъ каменныхъ зъ двухъ сторонъ высокия каменыя притесы, да зъ двухъ ниские мѣста и камышъ и въ томъ озерке вода скусна и студена. А теченіе исъ того озерка не имѣется, а кругомъ техъ полатъ обведенъ зъ дву сторонъ полуденной і восточной по равному месту городъ каменной изъ дикова серова камня зъ двумя воротами противъ полатъ; ширина же ворота по 3 сажени, а толщины оной городъ кладенъ $1^1/_2$, вышины $2^1/_2$ сажени, а съ сѣверную и западную кладено по горамъ высокимъ стена жъ невысоко. Да въ томъ же городе находятся превеликия кучи костей всякихъ зверей и скотовъ. И вышеписаннымъ полатамъ зделаны чертежи, которые чертежи и найденные писма да две персоны мужеска и женска при семъ объявляю».

Къ этой статьѣ въ рукописи приложены 4 таблицы акварельныхъ рисунковъ, каждая въ $10^1/_2$ вершковъ длины и $6^1/_2$ вершк. ширины. На первой, вошедшей въ уменьшенномъ видѣ и безъ красокъ въ изслѣдованіе Миллера (см. выше стр. 64), значится: «Проѳиль въ аблакетской полате на стенахъ якобы іконостасъ а предъ стеною зделаны каменные якобы омбоны и на нихъ были глиняные болваны. Сочиненъ 1737 году июня 25 дня. Геодезистъ Василеі Шишковъ». На второй таблицѣ, съ которой здѣсь прилагается уменьшенный цинкографическій снимокъ (см. стр. 142), помѣщена такая надпись: «Прошпектъ верху въ аблакетской палате на столбахъ і изрешечено а между решетинъ на доскахъ мужския персоны. Сочинілъ Василей Шишковъ. 1737 году, іюня 25 дня. Копировалъ геодезіи прапорщикъ Норовъ». Съ третьей таблицы помѣщены снимки у Миллера (см. выше стр. 63 и 66); она изображаетъ «Прошпектъ аблакетскимъ полатамъ каковы ныне оные імеютца. Сочиненъ 1737 году июня 25 дня. Геодезистъ Василей Шишковъ». Четвертая таблица, также вошедшая въ соч. Миллера (см. выше стр. 62) содержитъ «Планъ аблакетскимъ полатамъ и

кругомъ ихъ крепости (каменной» съ указаніемъ полатъ, воротъ, якобы поварни, горъ, крѣпости и озерка между горъ). «Сочиненъ 1737 году июня 25 дня. Геодезистъ Василеі Шишковъ» 1).

Въ той-же рукописи (на стр. 8—9) помѣщена еще слѣдующая «Опись семи полатамъ, которые отъ семиполатной крепости 10 верстъ на реке Иртыше на правой стороне».



«Оные кладены на земле ізъ дикова камня синева плитняга вышины $1\frac{1}{2}$ саженъ, і тутъ былъ верхъ деревянной, а по тому верху, на той же полате, кладено кирпичей необозженыхъ, которые все полаты і розвалились, а кирпичь деланъ ісъ красной глины съ пескомъ, і у той полаты стены длины по 5 саженъ да есче знать по стенамъ что написаны такие-жъ личины, какъ въ облакетскихъ полатахъ, а кладена толсчиною въ 2 аршіна. А кирпичь въ длину 9, въ ширину 4, въ толщіну $1\frac{1}{2}$ вершекъ. А другіе все полаты ізломаны, і для того окуратно описать нельзя. Подлинная опись за рукою геодезиста Василья Шишкова».

Въ другой рукописи той-же библіотеки (№ 19, по каталогу Соколова) находится описаніе Томскаго и Кузнецкаго уѣздовъ, составленное геодезіи поручикомъ Иваномъ Шишковымъ въ 1739—1743 годахъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросные пункты программы, разосланной В. Н. Татищевымъ по случаю предложенія его «о сочиненіи исторіи и географіи Россійской» 1). Пунктами 103—107 этой программы предложены были, какъ извѣстно, и вопросы о мѣстныхъ древностяхъ, а именно:

103. «Нѣтъ-ли гдѣ въ уѣздѣ какихъ признаковъ и видовъ, гдѣ напредь сего городы или знатные строеніи были и нѣтъ-ли извѣстія, какъ именованы, когда и кѣмъ разорены».

104. «Не находится-ль гдѣ въ степяхъ и пустыняхъ каменныхъ болвановъ или камней съ над-

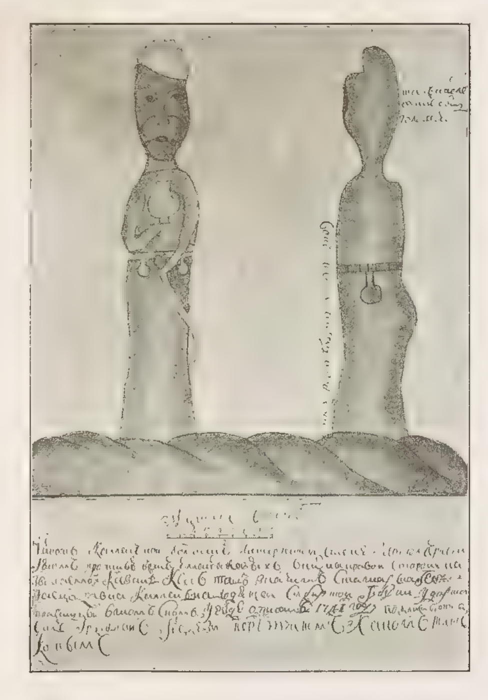
1) См. соч. Н. Попова: В. Н. Татищевъ и его время, стр. 663—696.

писями, или какими-либо начертаніи, которое елико возможно искусному живописцу надлежитъ назнаменовать и описавъ ево мѣру и цвѣтъ, притомъ же сообщить».

105. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ древнихъ могилахъ находятся старинные вещи и ко изъясненію гисторія весма полезные и паче такіе, на которыхъ какое либо начертаніе или подпись различными фигурами изображенное, оное на мѣдныхъ, желѣзныхъ, каменныхъ или глиняныхъ вещахъ, ежели сыщется, надлежитъ прилѣжно хранить, понеже и за глиняное заплатится не меньше, какъ за серебро».

106. «Особливо находятся горшки и кувшины въ гробахъ, на которыхъ надписи есть, да когда ихъ откопавъ скоро вынять, то онъ истрескается или развалится, того ради оные откопавъ, надобно не скоро вынимать, провѣтрять на томъ мѣстѣ, а потомъ вынять, поставивъ чтобъ отъ солнца высохъ, и тако можетъ далѣе везти и вручить воеводѣ, а воеводы чтобъ благоволили оные, чрезъ живописца или другаго искуснаго на бумагу срисовать, академіи сообщить, по которымъ достойное награжденіе обрѣтшему живописцу академія пришлетъ безъ умедленія».

107. «Золотые же, сребряные и мѣдные вещи, яко идолы, звѣри и протчіе вещи, если токмо фигуры своей не повреждены, хотя и надписи не имѣютъ, надлежитъ по тягости металла покупать и деньги безобидно платя присылать въ академію; если же и на золотѣ явится подпись или работа хорошая, то и сверхъ достоинства золота или сребра безобидно отъ академіи и повѣренныхъ отъ оной заплачено будетъ, и о томъ такимъ гробоискателемъ надлежитъ объявить, чтобъ знали и невѣдѣніемъ такихъ вещей не портили или за страхъ, что у нихъ даромъ отымутъ, не таили. И господамъ воеводамъ и прочимъ управителемъ въ томъ для пользы отечества поступать со всякою прилѣжностію и храненіемъ, чтобъ такіе сокровища таить никто не опасался».



Къ своему донесенію Ив. Шипковъ присоединилъ на 10 листахъ нѣсколько акварельныхъ рисунковъ съ описанныхъ имъ древностей. Рисунки эти, какъ онъ самъ откровенно сознается, «не весма исправны», и потому мы ограничиваемся приложеніемъ здѣсь лишь одного уменьшеннаго въ половину, цинкографическаго снимка съ упомянутой ниже и изображенной у него (на оборотѣ 98-го листа) каменной бабы «Казанъ-Кысъ-Ташъ», за Чернымъ Юсомъ.

По Томскому уѣзду Ив. Шипковъ даетъ о древностяхъ слѣдующія свѣдѣнія (листы 26—29):

103. «По известию отъ канцеляріи Томского ведомства въ уезде никакихъ ізвестныхъ признаковъ и видовъ, где напредъ сего городы или знатныи строеніи были, непоказано, а по усмотрению

во время описания въ томскомъ уезде въ разныхъ местахъ находятся неболшие горотки круглые и четвероуголные, кругомъ рвы и неболшие валы и видно, внутри были ямы и признавается, что подобны тому строению, какъ нынѣ иноземцы здешние имеютъ земляные юрты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ слуху изве(с)тно, что жили татара и кыргысцы; такожъ находятца въ называемой кыргыской степи и въ протчихъ мѣстахъ доволно бугровъ или старинныхъ могилъ, а какіе люди жили, о томъ неизвестно и признать невозможно; оные бугры отъ русскихъ людей и для добычь розрыты».

104. «По известию отъ канцеляр(і)и въ томскомъ уезде въ степяхъ и пустыняхъ каменныхъ болвановъ и камней съ надписми и начертанми нѣимѣется. По усмотрению во время описания въ кыргыской степи ставленыхъ болшихъ плитами каменъ есть доволное число отъ речки бережу къ реке июсу и по обѣ стороны оной реки июса и впадающихъ въ нѣя, такожъ и по разнымъ озерамъ по болшему і малому божию, по белому и протчимъ, инде подобны строению на четыре угла, по угламъ оные каменье инде и по стенамъ въ некоторыхъ местахъ оныхъ весма доволно, какъ едущему отъ дали видится подобно стоящимъ тамо людямъ, некоторые находятца вышиною 4 аршина, шириною 1 аршинъ 2 и 3 вершка, толшиною 3-хъ вершковъ и болши; оные крепкие серые есть и красноватыи, изъ некоторыхъ делаютъ нынѣ неболшие жернова, а протчие есть оныхъ менше и находятся жъ два болвана 1) за рекою чернымъ июсомъ называемой казанъ кысъ ташъ, значитъ заицъ девка камень, а какъ оной зделанъ при семъ прилагается рисунокъ [1]), у оного камня сказываютъ бывало отъ идолопоклонниковъ богомолье и приношения жертвы, какъ видно и нынѣ, хотя въ техъ мѣстахъ живутъ и кочуютъ новокрещеные татара, изъ нихъ некоторые суеверятъ и до днесь отъ несмотрения духовенства, ибо отъ нихъ смотрение весма слабое, до того камня протоптана дорога и вымазанъ у оного болвана ротъ саломъ, смѣшавъ съ красною глиною и кругомъ оного камня въ близости весма дорога уторена; голова у оного болвана до шеі сымается. 2) Подобенъ болвану жъ камень стоитъ между озеръ болшаго божия и потапова [2]) отъ болшей старой красноярской дороги едучи отъ Томска хъ Красноярску на левой стороне куртоякташъ, значитъ старая баба; камень таковъ и доднесь кругомъ ево некоторые новокрѣщеные ездятъ и суеверятъ, ибо видно, что верхомъ езжено и дорога протоптана, а какъ здѣланъ, при семъ же прилагаю рисунокъ. Хотя жъ оные рисунки будутъ невесма исправны, покорнейше прошу не погневатся, ибо въ живописи искуства не имею. Оные болваны изъ крепкаго сераго камня; по реке Томи ниже устья речки писаной внизъ на правой стороне въ 300 саженяхъ каменъ серой съ синя крепкой, на которомъ начерчено разныхъ ѳигуръ, а имянно вверху два болвана на подобие человеку, подъ ними зверь схожъ мало на лва; оной левъ ухватилъ одного болвана за ногу; такожъ доволно начерчено зверей разныхъ: лосей і оленей, козъ, оное видно, что выбито или резано. Такожъ подписи въ четырехъ мѣстахъ русские кто на томъ мѣсте былъ и въ которомъ году. И сколко возможно оныхъ фигуръ срисовано и предлагаю при семъ [3]). И по тому камню вышеписанная речка звание имеетъ, и слышно у того камня отъ идолопоклонниковъ прежде принашивалась жертва. На оной же рекѣ томѣ внизъ на правой сторонѣ мало выше деревни стрелной камень серой крепкой, называемой стрелной, потому слышно прежние народы на него стреливали, ибо вышиною протчихъ превосходитъ. По оной же рекѣ внизъ направой сторонѣ въ каменныхъ горахъ находятся щели или разселины, какъ есть и въ вышеписанномъ стрелномъ камне, вышине горы отъ западной стороны длиною въ гору 7 саженъ, потомъ очень уско, люди просты называютъ пещерами, въ нихъ доволно зверей сурковъ, въ вышинѣ камня гнезды сокольи. Есть и внизъ на левой стороне такожъ реки Томи выши острова хотомскаго въ каменной горе щели жъ въ горе въ 2-хъ мѣстахъ,

---

1) См. рис. на стр. 143 (Ред.).

2) На рисункѣ (онъ помѣщенъ въ рукописи на лиц. стор. 97-го листа) это озеро названо «Потапколъ» (Ред.).

3) Этотъ рисунокъ помѣщенъ въ рукописи на оборотѣ 95-го и лицевой сторонѣ 96-го листа; подъ нимъ написано: «Симъ начертаниемъ на реке томе, внизъ на правой стороне ка камне, называемомъ писаномъ, оныхъ начертанії доволно, изъ оныхъ часть срисована і прилагается при семъ. Сочиненъ 1740 году маия дня. Вышеписанъныя начертанії лицемъ на западъ; описания геодезіи порутчика Івана Шишкова. Съ подлиннаго рисовалъ інженернаго корпуса кондукторъ Яковъ Карманал.евъ 1745 году, марта 28 дня».

одна сверху въ глубь 4 саженъ какъ провалъ, потомужъ поидетъ на двоя — къ востоку 3 сажени, къ северу 2 сажени, сие неписано (sic), токмо весма уска. 2) Въ камень недалеко, жители называютъ пещерами жъ. О ставленныхъ каменьяхъ, что на кыргыской степи слышно отъ слуха вышеписанные каменья до кыргиского владения ставлены мунгалдами, которые жителства имеютъ въ вершинѣ реки Енисея за границей въ китайскомъ владѣніи, писменныхъ известій мы нигдѣ о томъ не видали».

105. «По извѣстію отъ канцелярыі, въ городе томске и въ древнихъ могилахъ старинныхъ вещей и протчего не имѣется. По усмотренію во время описанія, въ здешнихъ мѣстахъ хотя могилъ и доволно, однакожъ отъ русскихъ людей уже все разрыты для добычь, а въ далнихъ местахъ можетъ что и находятся, однако намъ не объявляютъ. Мы достали чрезъ некоторыхъ здесь жителей чинжалъ или ножъ медной, на верху черна зделано подобно две звѣриные головы, у котораго немного отломлено конца, некоторые объявляютъ и признаваютъ, съ того ножа у техъ жителей давалась жертва. Такожъ имею два камня сережныхъ называемые агатъ, объявляютъ оной чинжалъ и каменье сысканы на вершинѣ реки Оби, и бугровые железные стрѣмена, которые насечены съ серебромъ, кость зеленая, на которой подобно двумъ личинамъ вырезана, была на трости или палкѣ, камень изъ стекла, по немъ полосы красные и желтые, зъ дырою, которой объявляютъ былъ на колѣ(?)».

106. «Горшковъ и кувшиновъ съ натписьми и протчимъ не объявляютъ».

107. «Во время описанія, чрезъ некоторыхъ медного идола неболшаго получилъ, которой прилагаю при семъ, а болши не сыскалось».

О древностяхъ Кузнецкаго уѣзда (листъ 75-й) Ив. Шишковъ сообщаетъ слѣдующее:

103. «Въ уезде томъ такие признаки, гдѣ напредь сего неболшие городки бывали, находятся въ разныхъ местахъ, однакожъ видно, что оные были не знатные, ибо положениемъ весма малы, такожъ по степямъ доволно находятся старинныхъ могилъ, а какъ те мѣста именовались и когда и кемъ раззорены, известия не имеется».

104. «Въ томъ уезде въ степяхъ каменные болваны находятся, а именно въ сагайской степи по реке абакану и впадающия въ него речки и ставленые каменныі, которые вышиною въ 2 аршина, а некоторые находятся и выше инде на подобие строения на 4 угла, такожъ въ некоторыхъ местахъ оныхъ весма доволножъ, какъ едущему отдали видятся на подобие такъ стоящимъ людямъ или иному чему животному, а болваны находятця въ той же степи, которымъ живущие татари идолопоклонники поклоняются: (1) куртоякъ ташъ на реке абакане внизъ на левой стороне между речекъ Исъ и Акъсыса, (2) два камня куртоякъ таша на рекежъ абакане внизъ на левой стороне и на речке Исъ внизъ на левой же стороне, (3) на речке Аксысе внизъ на левой стороне впадающей въ реку Абаканъ, внизъ съ левой стороны каменья подъ горою каменнею подъ низомъ камни на подобие столба: (1) куртоякташъ, (2) сынъ, (3) алташъ (sic) и протчие каменья, (4) на реке Томе внизъ на правой сторонѣ камень удивителной на подобие столба, которому жители идолопоклоннические народы поклоняются, а каковъ имянно елико возможно срисованъ и сообщенъ при семъ» [1]).

---

1) Рисунки эти значатся у него на листахъ 90, 91 и 92. Подпись къ камню куртоякъ-ташу, изображенному на лицевой сторонѣ 90-го листа въ лицо и въ профиль, гласитъ: «Каменъ Куртоякъ-ташъ, стоящеи въ кузнецкомъ уезде въ сагайской степи между стоящимъ же каменьями на реке обакане внизъ на левой староне между речекъ ісъ і аксыса надъ поѣмъными озерами. Описываны 1742 году іюля 4 дня, рисовалъ і списывалъ геодезіі порутчикъ Іванъ Шишковъ».

Къ двумъ камнямъ куртоякъ-ташамъ, изображеннымъ на оборотѣ 90-го листа, приписано: «2 камня куртоякъ ташъ, значитъ старуха каменъ, стоящеи въ кузнецкомъ уезде въ сагайской степи между стоящими камъннями на реке абакане внизъ на левой стороне і на реке ісъ внизъ на левой же стороне. Описаны 1742 году іюня 4».

На лицев. сторонѣ 91-го листа изображены: а) лежащая на берегу рѣки «Аксысъ» гора съ надписью: «гора вышиною 15 сажень, называемая по каменному болвану куртаякташъ»; б) стоящій на этой горѣ слѣва «каменъ надгорою камъменною на подобіе столба вышиною $8^1/_2$ сажени, шириною столбъ 6 сажнъ, толщиною $2^1/_6$ сажени»; в) шесть обломковъ каменныхъ, изъ которыхъ на одномъ значится цифра I, а сверху приписано «бокового болвана», на одномъ цифра 2, на двухъ 3 и на двухъ, украшенныхъ зелеными, красными и бѣлыми полосками, цифра 4. Въ особой рамкѣ значится: «Въ кузнецкомъ уезде въ сагайской степи каменеи стоящии на речке аксысе внисъ на левой стороне. I. Куртоякташъ, значитъ старуха каменъ. 2. Сынъ значитъ маралъ. 3. Алташъ (sic) значитъ лошать каменъ. 4. Кам-

105. «Въ здѣшнихъ местахъ, въ древнихъ могилахъ старинные вещи дивныя и ко изъясненію гисторіи весма полезные находились, а нынѣ такихъ вещей не находится для того, что те древние могилы уже въ прошедшихъ годехъ все разрыты».

106. «Горшковъ и кувшиновъ прежде находилось доволно, которые отъ незнанія утрачены, а нынѣ не находится».

107. «Золотыхъ, сребреныхъ и медныхъ вещей, яко идоловъ, зверей и протчего, никто не объявляетъ».

Къ стр. 73—94. Въ одномъ изъ хранящихся въ Архивѣ Импер. Акад. Наукъ донесеній, присланныхъ ей Миллеромъ во время его путешествія по Сибири (см. выше, стр. 56, примѣч. 1-е), находится коротенькая замѣтка о томъ, что въ архивѣ г. Тары онъ нашелъ дѣло 1721 года, № 151, содержавшее «Указъ коликое число всякаго золота могильнаго и другихъ курганныхъ вещей въ покупкѣ въ казну было и о присылкѣ того золота и вещей въ Тобольскъ; при ономъ указѣ отписка о посылкѣ въ Тобольскъ золота Тарскимъ служилымъ человѣкомъ Ѳедоромъ Мясниковымъ».

По справкѣ, наведенной въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи, въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа за 1721 и послѣдующіе годы, никакихъ свѣдѣній по этому предмету не оказалось.

Бакмейстеръ (Опытъ о Библіотекѣ и Кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Санктпетерб. Импер. Акад. Наукъ; переводъ В. Костыгова. Спб. 1779 года) говоритъ, между прочимъ (стр. 117), что въ 1726 г. въ Кунсткамеру поступило отъ двора «драгоцѣннѣйшее собраніе изъ чистаго золота вещей, въ числѣ которыхъ находилось до 250 (предметовъ) вынятыхъ въ Сибири изъ гробовъ Татаръ, обладавшихъ прежде сею страною. Дабы имѣть точное понятіе о важности сего прибытка, довольно сказать, что вѣсу всего золота было 74 фунта [1]).

Въ томъ-же году отъ гофъ-интенданта П. И. Мошкова были потребованы въ Кунсткамеру хранившіеся въ зимнемъ домѣ императрицы «идолы, привезенные изъ Сибири». См. Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ, I, 204.

«1743 года, Марта 18. По указу Ея И. В. академія наукъ, по промеморіи Сибирскаго приказа, при которой присланы посланныя изъ Сибири изъ давныхъ лѣтъ куріозныя костяныя вещи для содержанія съ такими-же вещами куріозными, въ кунстъ-камеру, а какія именно тѣ вещи, о томъ при оной промеморіи приложенъ реэстръ, — приказали: изъ оныхъ вещей, которыя подлежатъ въ кунстъ-камеру, тѣ отдать туда, а которыя подлежатъ въ библіотеку, тѣ по томужъ отдать съ росписками, о чемъ къ унтеръ-библіотекарю Тауберту и Семену Бухвостову послать указы». Подписали: Андрей Нартовъ и Секретарь Сергѣй Волчковъ. См. Матер. для исторіи Импер. Акад. Наукъ, V, 604.

Къ стр. 113. Вмѣсто двухъ словъ «палванъ» (болванъ) слѣдуетъ читать: «полканъ».

нижъ (съ) синими и бѣловатыми полосами, которыхъ числомъ до 10, а коньковъ синихъ красноватыхъ до 25, которыя стоятъ близь куртаякъ-таша. Описываны 1742 (года) іюня 23 дня. Рисовалъ і описывалъ геодези порутчикъ Іванъ Шишковъ. Съ подлинъного рисовалъ кандукторъ Яковъ Корманалеевъ 1745 году марта 28 дня».

На лицев. сторонѣ 92-го листа изображены «гора Кунякты» и стоящій на ней «Каменъ Кунякты, имеющеся въ сибирской губерни въ удорской правинъцы въ кузнецкомъ уезде». Подъ изображеніемъ приписано: «Оной каменъ і горы съ татарскаго значитъ берестенная кашка (?), стоящеи на реке Томи внизъ на правой стороне, ниже устья речки Мрасы противъ юртъ Іштегечевыхъ. Оной каменъ скипящей изъ песку съ небольшимъ камешникомъ; подъ исподомъ дикой серой каменъ, такожъ и на верху каменя якобы наломанныя плиты и гора пещаная поросла травой и лесомъ. Около камня скипящеи дресва подъчушевана красной умрой (sic), каменье красной, которому татары томъския, мраскыя съ протчими ідолопоклонники імеютъ поклонение. Срисованъ 1743 году августа дня. Описывалъ и рисовалъ геодезіи порутчикъ Иванъ Шишковъ».

1) Въ числѣ этихъ вещей находились, вѣроятно, и тѣ «богатыя золотыя бугровыя Сибирскія вещи», которыя въ 1715 году А. Н. Демидовымъ поднесены были императрицѣ Екатеринѣ I-й, по случаю рожденія царевича Петра Петровича. См. Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, ч. IX (1789 г.), стр. 443 (Ред.).

ОПЕЧАТКИ

а) **Въ 1-й части текста.**

Стран.	1	сверху	строка	13	вмѣсто	уѣзда	читай	округа
»	2	»	»	2	»	на шеѣ	»	шея
»	6	снизу	»	3	»	Быскыръ	»	Быскаръ
»	23	сверху	»	13	»	Корековой	»	Корелковой
»	25	снизу	»	8	»	Балкаловой	»	Байкаловой
»	28	»	»	10	»	Кучунекъ	»	Кугунекъ
»	28	»	»	13	»	упореблять	»	употреблять
»	29	»	»	15	»	Балкаловой	»	Байкаловой
»	33	сверху	»	13	»	Кучунекъ	»	Кугунекъ
»	43	»	»	1	»	Свѣтолобовой	»	Свѣтлолобовой
»	43	снизу	»	13	»	Аксыса	»	Аскыса
»	55	»	»	2	»	уѣзда	»	округа
»	80	сверху	»	13	»	Городчинскаго	»	Городчанскаго
»	84	снизу	»	20	»	Сида	»	Сыда
»	91	»	»	5	»	Шуваква	»	Шувачва
»	91	»	»	20	»	Бастени	»	Батени
»	94	»	»	1	»	Юской	»	Юсской
»	97	»	»	14	»	притуплена	»	притуплены
»	104	сверху	»	1	»	Калской	»	Кальской
»	121	»	»	3	»	Чистоостровскаго	»	Частоостровскаго
»	123	»	»	17	»	Луговское	»	Лугав кое

б) **Въ Приложеніяхъ.**

Стран.	5	снизу	строка	10	вмѣсто	illibi	читай	illiti
»	7	»	»	6, 8, 12	»	marchafitâ	»	marchasitâ
»	8	сверху	»	10, 22	»	marchafitâ	»	marchasitâ
»	8	снизу	»	2	»	sepulcharalibus	»	sepulchralibus
»	16	сверху	»	17	»	изъ, подъ	»	изъ-подъ
»	17	снизу	»	8	»	Селинча	»	Селинга
»	19	»	»	4	»	зелотника	»	золотника
»	49	»	»	13	»	значающуюся	»	значащуюся
»	51	»	»	5	»	Джаликъ	»	Джалинъ
»	56	»	»	11	»	катологъ	»	каталогъ
»	72	сверху	»	14	»	ея	»	его
»	77	»	»	26	»	сулемою	»	сулицею
»	78	снизу	»	4	»	уѣздѣ	»	округѣ
»	87	сверху	»	9	»	Кемника	»	Темника
»	116	»	»	5	»	ies	»	les
»	116	»	»	7	»	milieu	»	milieu

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Римскія цифры обозначаютъ страницы предисловія, арабскія простыя—страницы первой части текста, а напечатанныя жирнымъ шрифтомъ—страницы второй части или приложеній.

XV.

½

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ, Мойка 19 Спб

XVI.

1/2

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19. Спб

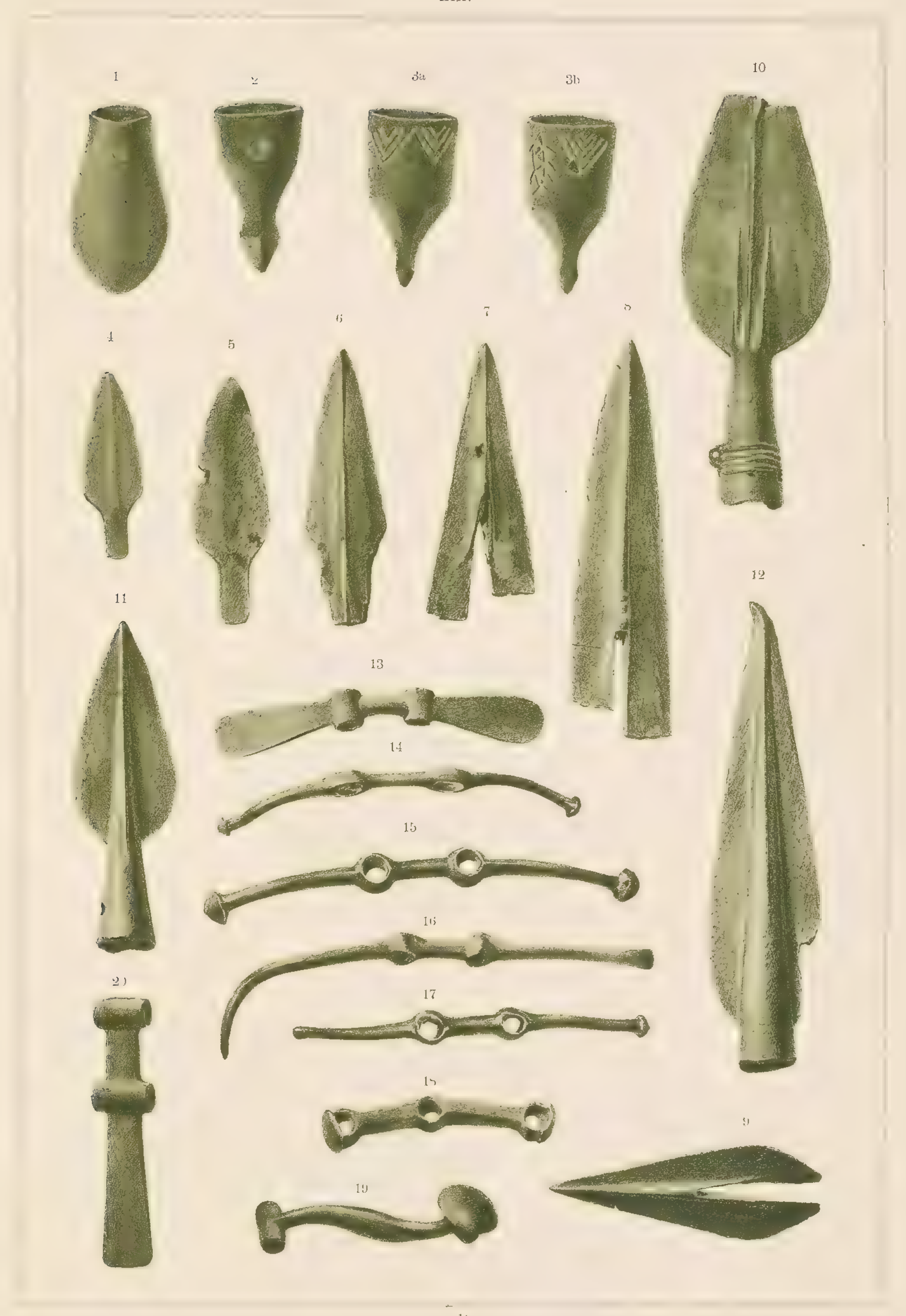
1/2

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19. СпБ

XVIII.

½

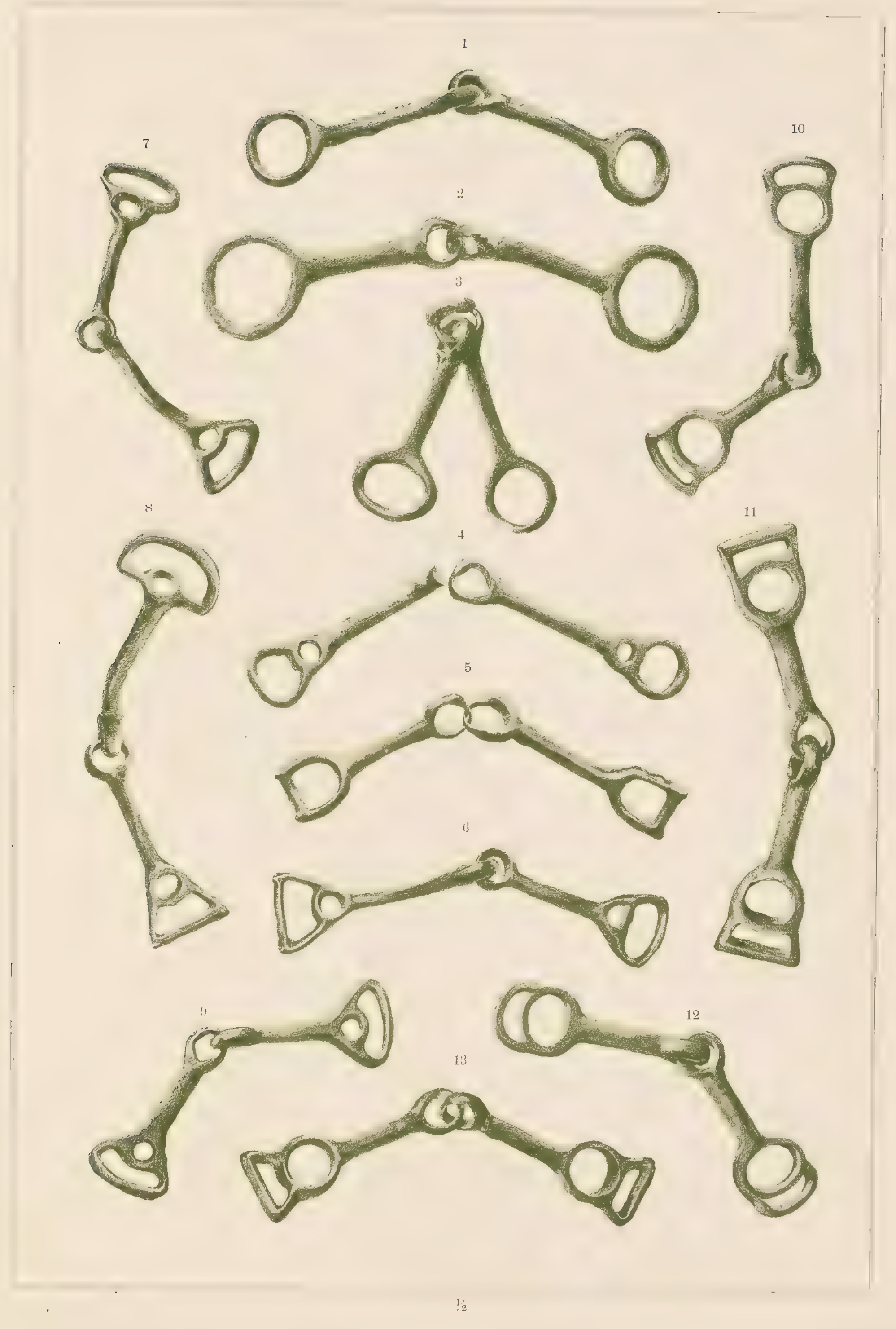
Худож фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19 Спб.



1/2

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ, Мйщ. 19. Спб

XX.



½

Худож. фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19. Спб

½

Худож фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19. Спб

XXII.

½

Худож фототипія А. И. Вильборгъ, Мѣщ. 19. Спб

Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie publiés par la Commission Impériale Archéologique. № 16. Antiquités de la Russie Transcaspienne: Ruines de l'ancienne Merv. Etude de M-r V. Joukovsky, prof. de l'Université de St.-Pétersbourg. St.-Pétersbourg, 1894. 216 pages 4°, avec copie d'un fragment manuscrit, 39 vignettes, insérées dans le texte, et 8 planches.

Sommaire.

A. Préface (p. 1—2).

B. Esquisse historique de Merv contenant les données suivantes: I. Renseignements puisés dans le Zendavesta; les inscriptions cunéiformes, et les auteurs classiques, chinois et syriaques (p. 3 — 8). — II. Mort de Iezdiguerd. Conquête de Merv par les Arabes. El-Hakam Ghifari et Boureïda Aslami. Abou-Mouslim. Mamoun. Renseignements donnés par les voyageurs Ibn Khordadbeh, Yakoubi, Koudama, Ibn-el-Fakih, Istakhri, Ibn Haoukal et Moukaddasi (p. 9—26).—III. Merv pendant le règne des Seldjoukides: Alparslan, Mélikchah, Saudjar. Dévastations produites par les Ghouzzes. Description de Merv d'après Idrisi et Ahmed Tousi. Les Kharezmchahs et leurs serviteurs-bâtisseurs. Renseignements sur Merv de Yakout et Sam'ani. Destruction de Merv par les Mongols. Données puisées dans les travaux de Zakaria Kazwini, Dimechki, Aboulféda et Hamdoullah Kazwini (p. 27—61).—IV. Restauration de Merv pendant le règne de Chahrokh, d'après Hafizi-Abrou et Abd-er-Rezzak Samarkandi. Les Timourides. Description de Merv donnée par Asfizari. Les Cheïbanides et les Séfévides. Descriptions de Merv données par Ahmed Razi et Hadji-Khalfa. Nadir-Chah (p. 62—83).—V. Décadence de Merv pendant le règne de Chah-Mourad, émir de Boukhara, d'après Abdoul-Kerim Boukhari et Mohammed Mir-Ali-Boukhari. L'émir Khaïder. Description de Merv par Habaïdoullah-Amir. Déplacement de Merv sur d'autres localités (p. 83—94).

C. Revue historique des ruines de l'ancienne Merv jusqu'à l'année 1890, d'après les ouvrages de Fraser (1821), Burnes (1832), Abbot (1840), Conolly (1840), Wolff (1831

et 1844), la carte d'un officier persan (1850—1859), les renseignements de M-r O'Donovan (1879—1881) et du général A. Komaroff (1888), alors commandant en chef de la Russie Transcaspienne (p. 95—110). Les ruines en 1890. Emplacements connus sons les noms de Guiaour-Kala, Sultan-Kala avec le mausolée du sultan Sandjar et les tombeaux des «prédicateurs» (ou «bienfaiteurs»), Baïram-Ali-Khan-Kala. Glacières et tours. Monuments: Mohammed Khanapïa, Pehlevan-Ahmedi-Zamtchi, Kyz-Bibi, Kyz-Kala, Khodja-Yousoup, Cham-Kala (p. 111—173). Localités situées le long du Mourghab. Sultan-Bend, Tcharvakh, Baba-Ghamber, Imam-Baba, Talkhatan-Baba. Excurison à Samarkand et à Boukhara. Essai d'une fouille à Giaour-Kala. Inscriptions sépulcrales conservées dans les dépots du domaine Impérial de Mourghab (p. 173—199).

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая. 40.

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 16.

—

ДРЕВНОСТИ ЗАКАСПІЙСКАГО КРАЯ.

РАЗВАЛИНЫ СТАРАГО МЕРВА.

В. А. ЖУКОВСКАГО,

ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета.

съ 1 снимкомъ съ рукописи, 39 рисунками въ текстѣ и VIII таблицами картъ, надгробныхъ надписей и орнамента.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40).
1894.

Напечатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весною 1890 года Императорская Археологическая Коммиссія предложила мнѣ «заняться постепеннымъ археологическимъ изслѣдованіемъ Закаспійской Области, поручивъ на первый разъ обратить главное вниманіе на тщательное изученіе мервскихъ развалинъ и ближайшихъ къ нимъ окрестностей по обоимъ берегамъ Мургаба. Кромѣ подробнаго описанія этихъ развалинъ Коммиссія желала получить также планы и фотографическіе снимки со всѣхъ тѣхъ памятниковъ древности (остатковъ мечетей, дворцовъ, надгробій и т. д.), которые или въ архитектурномъ отношеніи, или по орнаментамъ и надписямъ своимъ обратятъ на себя вниманіе....» Принявъ столь лестное предложеніе Коммиссіи не безъ нѣкотораго колебанія, такъ какъ до этого времени я никогда не занимался строго археологическими изысканіями и былъ въ нихъ новичкомъ, я провелъ три мѣсяца — Іюнь, Іюль и Августъ — 1890 года въ Закаспійскомъ краѣ, преимущественно въ указанномъ мнѣ районѣ Стараго Мерва, встрѣчая при своихъ разъѣздахъ и работахъ вниманіе, предупредительность и гостепріимство со стороны всѣхъ лицъ, съ которыми приходилось вступать въ сношенія, почему на первой же страницѣ позволяю себѣ выразить благодарность А. Н. Куропаткину, Н. Н. Левашову, кн. А. И. Бебутову, И. И. Поклевскому-Козеллъ, гр. М. Л. Муравьеву, К. А. Завишѣ, Л. А. Черноглазову, А. К. Данилову и А. В. Комарову, снабдившему меня передъ поѣздкой весьма многими полезными свѣдѣніями.

При посильномъ содѣйствіи этихъ лицъ была болѣе или менѣе успѣшно рѣшена моя задача на развалинахъ Стараго Мерва. Прежде чѣмъ вступить въ эти развалины и ввести въ нихъ читателя, я для пользы дѣла считаю необходимымъ обратиться къ прошлому страны, въ которой онѣ находятся, возвратиться къ тому времени, когда на безжизненныхъ почти нынѣ мервскихъ равнинахъ текла бойкая жизнь политическая и торговая, когда вмѣсто безмолвныхъ нынѣ кургановъ, грудъ кирпича, остововъ зданій и стѣнъ на нихъ были раскинуты многолюдные и цвѣтущіе города и селенія. Мѣстность Мерва, жизнь котораго, историческими судьбами прерывавшаяся и возобновлявшаяся, теряется въ сумракѣ вѣковъ, была свидѣтельницею столь многихъ и разнообразныхъ событій, что безъ историческаго очерка настоящій видъ ея будетъ совсѣмъ непонятенъ.

Такой очеркъ, ниже предлагаемый, неодинаково полонъ во всѣхъ отдѣлахъ, отчасти благодаря неравномѣрно сохранившемуся и доступному мнѣ историческому матеріалу, отчасти — роду моихъ спеціальныхъ познаній и занятій. Древнѣйшія свѣдѣнія о Мервѣ изъ литературы

классической, какъ сферы моей неполной компетентности, и нѣкоторыя основанныя на нихъ предположенія всецѣло заимствованы мною изъ брошюры Guthe, Zur Geschichte und Geographie der Landschaft Margiane, des heutigen Merw. Hannover. 1856. Самостоятельная работа въ очеркѣ начинается съ того времени, когда главнѣйшимъ матеріаломъ являются мусульманскіе писатели—арабскіе, персидскіе и турецкіе путешественники, географы, космографы и историки, изданные и рукописные, хранящіеся въ нашихъ богатыхъ книгохранилищахъ Публичной Библіотеки, Азіятскаго Музея Академіи Наукъ, С.-Петербургскаго Университета и Учебнаго Отдѣленія Восточныхъ Языковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; изъ нихъ я постарался извлечь все самое существенное для уразумѣнія безмолвныхъ мервскихъ — въ обширномъ значеніи этого слова—руинъ. При этихъ извлеченіяхъ неоднократно приходилось сожалѣть о томъ, что до нашего времени не дошла ни одна изъ арабскихъ «лѣтописей Мерва», а ихъ, какъ мы знаемъ, было нѣсколько [1]).

اخبار مرو «Извѣстія о Мервѣ», соч. Абул-Хусейнъ-Ахмедъ-ибнъ-Сайяръ-ал-Мервези, умершаго въ 268 г. Г. = 881 г. по Р. Х.

تاريخ مرو «Лѣтопись Мерва», соч. Абу-Салихъ-Ахмедъ-ибнъ-Абд-ал-Меликъ-ал-Нейсабури, умершаго въ 470 г. Г. = 1078.

تاريخ مرو «Лѣтопись Мерва», соч. Абу-Мухаммедъ-Абд-ал-Джаббаръ-ибнъ-Мухаммедъ-ал-Хараки, умершаго въ 553 г. Т. = 1158.

تاريخ مدينة مرو «Лѣтопись города Мерва», соч. Абу-Са'дъ-Абд-ал-Керимъ-ибнъ-Аби-Бекръ-Мухаммедъ-ал-Сам'ани, умершаго въ 562 г. Г. = 1166.

تاريخ مرو «Лѣтопись Мерва», соч. Меджд-ал-Динъ-Абу-Тахиръ-Мухаммедъ-ибнъ-Я'кубъ-ал-Фирузабади, умершаго въ 817 г. Г. = 1415.

Кромѣ того упомянутый сейчасъ Сам'ани въ другомъ своемъ трудѣ, كتاب الانساب «Книга родословій» [2]), неоднократно упоминаетъ, какъ я замѣтилъ при чтеніи, «лѣтопись Мерва», составленную Абу-Зер'а-ал-М.сихи [3]) и другую—Ибнъ-Аби-Ми'дана [4]).

Лѣтописи эти давно уже составляютъ предметъ ученыхъ поисковъ и неизвѣстно, суждено ли имъ быть открытыми. Будемъ надѣяться, что утвердительный отвѣтъ на это дастъ когда нибудь Бухара.....

[1]) *Френъ*, Нѣкоторыя указанія, взятыя большею частію изъ историческо-географической литературы Арабовъ, Персовъ и Турокъ, преимущественно для нашихъ чиновниковъ и путешественниковъ въ Азіи. СПБ. 1845 (Indications bibliographiques etc.), №№ 34, 109, 120, 126, 186. Ср. *Wüstenfeld*, Die Literatur der Erdbeschreibung bei den Arabern (въ Lüdde und Berghaus Zeitschrift, I), стр. 27, 38, 42, 43, 60.

[2]) Единственная у насъ рукопись Азіятскаго Музея № 543*a*, описанная *Бар. В. Р. Розеномъ* въ его «Notices sommaires», № 196.

[3]) Такъ чаще пишетъ рукопись Сам'ани— ابو ذرعة المسيحى, напр. листъ 37*a* s. v. البارانى, листъ 44*a* s. v. البجوارى, л. 65*b* s. v. البنيرقانى, л, 369*a* s. v. الكشميهنى и т. д.; иногда же—*С.б.хи* السبخى, л. 28*a* s. v. الافشيرقانى или *С.н.джи*— السنجى, л. 31*a* s. v. الاندرابى. Правильное чтеніе этой нисбы самымъ трудомъ не устанавливается. У Якута — معجم البلدان въ изданіи Вюстенфельда, I, 522 она является въ формѣ ابو زرعة · السنجى —*Синджи*, у *Barbier de Meynard*, Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse, стр. 87—*Sakhi*.

[4]) Напр. листъ 381*b* s. v. ابن ابى معدان : اللينى

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МЕРВА.

I.

Древнѣйшія свѣдѣнія о Мервѣ—Зендавесты, клинообразныхъ надписей, классическихъ писателей, китайскихъ и сирійскихъ.

Древнѣйшіе памятники, въ которыхъ упоминается Мервъ, суть священныя книги Персовъ и клинообразныя надписи ахеменидскихъ государей. Въ первыхъ (первый фаргардъ Вендидада) онъ является подъ именемъ «Моуру», какъ третье мѣсто изобилія, созданное Ормуздомъ для жительства, и называется могучимъ, священнымъ, чистымъ [1]).

Извѣстная бехистунская надпись Дарія, представляющая столь обильный и важный географическій матеріалъ, говоритъ о Мервѣ въ формѣ «Маргушъ»,—не какъ о самостоятельной области его обширныхъ владѣній: съ достовѣрностью можно утверждать, что Мервъ въ это время былъ подчиненъ сатрапу Бактріи, которому одному Дарій поручаетъ усмиреніе мервскаго бунта, поднятаго нѣкіимъ Фрада, да и самое возстаніе описывается какъ нѣчто совершившееся въ самой Бактріи [2]).

Формы «Моуру» и «Маргушъ» и ихъ значеніе, такъ или иначе породившія названіе «Мервъ», подъ которымъ городъ и область извѣстны въ литературѣ, вызывали разныя толкованія. Бюрнуфъ, l. c., сближаетъ зендское *моуру* (изъ моурум) съ санскр. *мару*, значащимъ «пустыня, лишенная воды» [3]), что какъ то не соотвѣтствуетъ мѣсту благодати, прославленному, какъ увидимъ, классиками за плодородіе.

Раулинсонъ [4]), исходя изъ формы клинообразныхъ надписей и классическаго названія рѣки Margus (нынѣшній Мургабъ), производитъ названіе города отъ персидскаго *мардж* или *марз* (مرج или مرز, зенд. *marega*)—«граница, страна», такъ какъ въ очень давнія времена рѣка Мургабъ была арійской границей на западѣ, такъ что позднѣйшее *в* въ Марв, Мерв соотвѣтствуетъ старому *г*. Подобный переходъ наблюдается и у армянскихъ писателей—Лазаря Парпеци (V в.)—*Марвиротъ*, у Себеоса (VII в.)—*Маргъ*, *Маргротъ*. Въ армянской географіи

1) *Anquetil du Perron*, Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre, I, p. 2, 265. *E. Burnouf*, Commentaire sur le Jaçna, notes et éclairc., CIII—CV. *J Darmesteter*, Le Zend-Avesta въ Annales du Musée Guimet, vol. XXII, 8 и XXIII, p. XCV. *Его же.* The Zend-Avesta, 6 въ изд. *Max Müller*, The sacred books of the East, vol. IV.

2) *Benfey*. Die persischen Keilinschriften, Lpz. 1847, 14, 18, 29, 32. *Kossowicz*, Inscriptiones palaeo-persicae (interpretatio et commentarii), 29, 39.

3) Сравн. *Spiegel*, Commentar über das Avesta, I, 20.

4) Proceedings of the Royal Geographical Society, VII (1887), 578.

VII в., приписывавшейся Моисею Хоренскому, въ разныхъ спискахъ ея, Мервъ называется Мрумъ [1]), Мервъ и Амръ [2]). Мнѣнія мусульманскихъ писателей относительно словопроизводства Мервъ и Мургабъ будутъ сообщены ниже, каждаго въ отдѣльности. Въ старинныхъ русскихъ документахъ Мервъ называется Мавромъ [3]), Марія (?) [4]); у Киргизовъ, а за ними у русскихъ оренбургскаго края, торгующихъ съ Азіей, извѣстенъ подъ именемъ Мары, у Бухарцевъ — Мавера [5]), у Турокъ—Меру [6]), у Туркменовъ—Маръ [7]).

Возвратимся къ исторіи.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Мервѣ, относящіяся впрочемъ ко времени гораздо болѣе позднему, чѣмъ эпоха Дарія, мы почерпаемъ изъ древнихъ классическихъ писателей, которые знали о Мервѣ—Маргіанѣ, какъ отдѣльной области.

Какъ и теперь, Мервъ былъ окруженъ пустынею, что извѣстно Страбону, который пріурочиваетъ Маргіану къ сѣверу отъ Аріи и Маргуса, хвалитъ ея плодородіе и орошеніе. Антіохъ Сотеръ, по свидѣтельству его, такъ былъ пораженъ плодородіемъ этой равнины, что приказалъ обнести ее стѣною, имѣвшею 1500 стадій въ окружности, и посреди ея основалъ городъ Антіохію. Земля здѣсь очень винодѣльна; нѣкоторыя виноградныя лозы такъ толсты, что два человѣка едва ихъ обхватываютъ, и виноградныя кисти имѣютъ до двухъ локтей длины [8]).

Страбонъ нарочито выдвигаетъ равнину *πεδίον*, лежащую среди пустыни, очевидно, въ противоположность другимъ гористымъ частямъ мѣстности. Эту то равнину Антіохъ Сотеръ и укрѣпилъ въ защиту противъ разбойничьихъ Скиѳовъ валомъ въ 40 приблизительно географи-

---

1) *К. П. Паткановъ*, Армянская Географія VII вѣка по Р. Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому, стр. 74, 75, прим. 4.

2) *Arsène Soukry*, Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Ven. 1881, 53, 54.

3) Напр. у Пазухина. *Кобеко*, Старорусское извѣстіе о Мервѣ. Запис. Восточ. Отд. Императорскаго Рус. Археол. Общ., III, 115—119.

4) *Н. И. Веселовскій*, Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей, I, 286 (Труды Восточн. Отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общ., т. XX).

5) *В. В. Григорьевъ*, О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы Шемса Бухари (Ученыя Записки Казанскаго Университета за 1861 г.), кн. I, 100.

6) *О'Донованъ*. Merw and its surroundings въ Proceed. of the Roy. Geogr. Soc., IV (1882), стр. 348.

7) *Vambery*, The Geographical Nomenclature of the disputed country between Merv and Herat (Proceed. of the Roy. Geogr. Soc., VII (1885), 591 и сл.), 595. Туркменская форма Маръ, по словамъ Вамбери, доказываетъ (?!), что тюркское населеніе существовало вокругъ Мерва въ очень отдаленное время; по моему, не доказываетъ и не можетъ доказывать, потому что самая туркменская форма вымышлена Вамбери благодаря совсѣмъ невѣрному транскрибированію и исправленію «Kale-i-Mour или Mor» (у Лессара) въ «Kala-i-Mar» и قلعه مار (ibid., 594): правильная восточная транскрипція будетъ قلعهٔ مور. Столь же сомнительна теперь форма «Merou» у Турокъ по О'Доновану: во время поѣздки въ Закаспійскій край я всюду слышалъ только مور Мауръ, Моуръ, Меуръ — среди Бухарцевъ, Туркменовъ и мервскихъ выходцевъ разныхъ мѣстъ,—Самарканда, Бухары, Мешхеда и деревни Шадиче, между Сарахсомъ и Мешхедомъ. Въ турецко-джагатайскомъ книжномъ языкѣ Мервъ называется *Мару*, напр. *И. Н. Березинъ*, Библіотека восточныхъ историковъ. I. Шейбаніада, стр. 73, 75, 76 (сочиненіе писано въ Бухарѣ); но въ джагатайской передѣлкѣ, по порученію Шейбани-Хана, عجايب المخلوقات нѣкоего *Бинаи* удержана форма «Мервъ». Рукоп. Публ. Библ. колл. Ханыкова, № 108, pass. Ср. Mélanges asiatiques, II, 446.

8) *Ханыковъ*, Иранъ Риттера, стр. 447. Strabo, XI, 10, p. 516 Cas.: Παραπλησία (τῇ Ἀρίᾳ) δ' ἐστὶ καὶ ἡ Μαργιανή· ἐρημίαις δὲ περιέχεται τὸ πεδίον. Θαυμάσας δὲ τὴν εὐφυΐαν ὁ Σωτὴρ Ἀντίοχος, τείχει περιέβαλε κύκλον ἔχοντι χιλίων καὶ πεντακοσίων σταδίων· πόλιν δὲ ἔκτισεν, Ἀντιόχειαν· εὐάμπελος δὲ καὶ αὕτη ἡ γῆ· φασι γοῦν τὸν πυθμένα εὑρίσκεσθαι πολλάκις δυσὶν ἀνδράσι περιληπτόν· τὸν δὲ βότρυν δίπηχυν.

ческихъ миль въ окружности. Невозможно здѣсь видѣть ничего другаго, кромѣ нашего Мерва, оазиса туркменской пустыни, въ особенности, когда мы читаемъ у Абботта [1]), что равнина эта простирается на 60 англійскихъ миль въ длину и на 40 въ ширину,—что даетъ окружность около 44 географическихъ миль: поразительное согласіе.

Въ противоположность ясному свѣдѣнію Страбона, свидѣтельство Плинія представляетъ много трудностей. Онъ говоритъ (VI, 46): Sequitur regio Margiane apricitatis inclutae, sola in eo tractu vitifera, undique inclusa montibus amoenis, ambitu stadiorum MD, difficilis aditu propter harenosas solitudines per 120 m. p. et ipsa contra Parthiae tractum sita, in qua Alexander Alexandriam condiderat. Qua diruta a barbaris Antiochus Seleuci filius eodem loco restituit Syrianam; interfluente Margo, qui corrivatur in Zothale; is maluerat illam Antiochiam appellari. Urbis amplitudo circumitur stadiis LXX....»

Solinus polyhistor. cp. 48, выписывая это мѣсто изъ Плинія, разнится только въ слѣдѣющемъ: «Regionis hujus amoenitatem Alexander M. usque adeo miratus est, ut ibi primum Alexandriam conderet: quam mox a barbaris excisam Antiochus Seleuci filius reformavit et de nuncupatione domus suae dixit Seleuciam».

Затѣмъ тоже самое почти читаемъ у Martianus Capella, l. VI: «Regionis praedictae amoenitatem Alexander M. delegerat et ibi primo nominis sui condiderat civitatem, quae excisa est et ab Antiocho Seleuci filio reparata cum nomine patris ejusdem....»

Очевидно, что въ приведенныхъ выше словахъ Плиній не особенно ясно говоритъ одновременно о нашемъ собственномъ Мервѣ и мѣстности нынѣшнихъ нашихъ пограничныхъ афганскихъ предгорій, потому что если окружность въ 1500 стадій относить къ Мерву, то будутъ непонятны amoeni montes; если же видѣть въ послѣднихъ гористую часть Маргіаны, именно гдѣ Мургабъ, близъ стараго Мерверруда, выходитъ на равнину, то «1500 стадій» останутся безъ должнаго объясненія. Положеніе Антіохіи-Мерва «interfluente Margo, qui corrivatur in Zothale» до нельзя загадочно, если въ темномъ словѣ «Zothale» не искать одного изъ многочисленныхъ каналовъ, на которые искусственно дѣлился Margus—Мургабъ до самаго послѣдняго времени и которые по величинѣ своей нисколько не уступали рѣкамъ естественнаго образованія, такъ что у арабскихъ писателей назывались прямо نهر — рѣкою. Конечно, это одна изъ конъектуръ, и гидрографія окрестностей Мерва въ тѣ отдаленныя времена могла быть совершенно иная, и Мургабъ самый тогда могъ течь значительно далѣе на сѣверъ «до харезмскихъ песковъ», какъ говоритъ одинъ персидскій писатель времени Шахроха [2]): если теперь необитаема полоса между Мервомъ и Аму-Дарьей, то въ древности мы знаемъ о существованіи на ней городовъ: Птолемей, приводя рядъ городовъ въ Маргіанѣ, пять изъ нихъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ Антіохіи—Ariaca, Sena, Aratha, Argadina, Jasonium. Остатки старорѣчій на этомъ пространствѣ замѣтилъ Абботтъ на пути своемъ между Мервомъ и Хивою.

---

[1]) *James Abbott,* Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscou and St. Petersburgh (Third edition) Lond. 1884, I, 53.

[2]) Срав. также *Обручевъ,* Закаспійская низменность. Записки Императорскаго Русск. Географ. Общ. по общей географіи, XX, 3, стр. 58.

Что касается основанной Александромъ Македонскимъ въ Маргіанѣ Александріи, которая съ теченіемъ времени была разрушена варварами и возобновлена подъ именемъ Селевкіи (такъ нужно читать съ Solinus и Martianus'омъ вмѣсто Плиніевой «Syrianam») Антіохомъ въ честь его отца—въ отличіе отъ Антіохіи,—то ее слѣдуетъ искать близь Мерверруда: стратегическая важность этого пункта могла навести Александра на мысль основать здѣсь колонію, которая была бы ключемъ къ горной дорогѣ на Александріи въ Аріи—'Αλεξανδρία 'Αρείων—нынѣшній Хератъ.

Строго говоря, во время македонской эпохи плодородный оазисъ Мерва не упоминается, но говорится только о землѣ Mardi съ протекающею по ней рѣкой Epardus (Арріанъ IV, 6, 12), которая подобно Арейосу (р. Херата) и Етимандру (Хильмендъ) пропадаетъ въ пескѣ. Въ землю этихъ Мардовъ Александръ сдѣлалъ вторженіе по возвращеніи изъ Пареіи и Гирканіи. Отожествленіе Margus съ Epardus, впервые высказанное Бёрнсомъ и за нимъ усвоенное Риттеромъ, нуждается въ большей опредѣлительности.

Приводили Александра Македонскаго въ Мервъ нѣкоторые ученые и толкователи классическихъ писателей, основываясь на неправильномъ пониманіи одного мѣста Курція. Послѣдній, описавъ зимнюю остановку Александра въ Заріаспѣ (Бальхъ), говоритъ: «Itaque exercitu aucto, ad ea, quae defectione turbata erant, componenda processit, interfectisque consternationis auctoribus, quarto die ad flumen Oxum perventum est.... Superatis deinde amnibus Ocho et Oxo, ad urbem Marginiam pervenit: circa eam VI oppidis condendis electa sedes est. Duo ad meridiem versus; quatuor, spectantia orientem, modicis inter se spatiis distabant, ne procul repetendum esset mutuum auxilium. Haec omnia sita sunt in editis collibus». (Curt. lib. VII, X).

Меннъ, принимая Заріаспу за Пайкендъ, ведетъ Александра, переправивъ его чрезъ Аму-Дарью у Чарджуя, на Мерви Шахиджанъ, для того чтобы овладѣть страною и обезпечить ближайшіе проходы въ Иранъ, и при вѣсти о возстаніи въ Согдіанѣ вновь заставляетъ его перейти Аму-Дарью у Кирки [1].

Къ такому толкованію присоединяется и Droysen, считая занятіе и колонизацію нашего Мерва дѣломъ особаго похода, предпринятаго изъ Заріаспы, упомянуть о которомъ забылъ Арріанъ [2].

Допустимъ, что Александръ ходилъ изъ Бактры на Мервъ,—безразлично какой, нашъ Мервъ или Мерверрудъ. Зачѣмъ ему было идти сначала къ Аму-Дарьѣ, слѣдовать по ней до Чарджуя и затѣмъ съ трудомъ двигаться по безводнымъ пустынямъ къ Мерву, когда у него была болѣе короткая и не столь утомительная дорога по сѣверному склону горъ и потомъ вдоль по теченію Маргуса?

Насколько труденъ переходъ отъ Чарджуя до Мерва, мы видимъ изъ исторіи Надира, который возвращался въ 1739 году съ Аму-Дарьи черезъ Мервъ въ Келатъ и потерялъ массу вьючнаго скота и людей [3]. Прошедшій этимъ же самымъ путемъ Бёрнсъ полагаетъ [4], что

[1]) Meletemata historica, Bonn 1839, p. 90, 95.

[2]) Geschichte des Hellenismus, (1843) II, 608, 617; (втор. изд. 1877) I. 2, 69.

[3]) *Khojeh Abdulkurreem* Memoirs etc, trans. by *Fr. Gladwin*. Calcutta 1788, p. 59.

[4]) *A. Burnes*, Travels into Bokhara, Lond. 1844, III, 25—27 (русскій переводъ по порученію Голубкова. Москва 1848—1850. III, 37—40).

въ этихъ мѣстахъ можетъ счастливо проходить только легкая кавалерія, а Александръ Македонскій, какъ мы видѣли, двигался «aucto exercitu».

Курціева Marginia болѣе чѣмъ сомнительная Маргіана; не съ большимъ ли правомъ на вѣроятіе слѣдуетъ въ ней усматривать Maracanda—Самаркандъ, и, читая вмѣсто «Ocho et Oxo» Oxo et Ocho, вести Александра черезъ Аму-Дарью и воды Шахрисабза близъ нынѣшняго Карши къ Самарканду въ долину Зарафшана, древняго Политиметуса, которая тянется съ запада на востокъ: въ окружности Самарканда можно съ удобствомъ расположить для его защиты шесть городовъ именно in editis collibus?

Насколько бы правдоподобны ни были эти соображенія и поправки, нельзя не признать, что у насъ ни отъ писателей классической древности, ни отъ позднѣйшихъ историковъ и ихъ толкователей нѣтъ точныхъ, неопровержимыхъ, не вызывающихъ сомнѣнія указаній на то, чтобы великій македонскій завоеватель былъ въ мѣстности интересующаго насъ города, и построеніе Мерва имъ, какъ увидимъ ниже, у персидскихъ и арабскихъ историковъ и географовъ должно быть отнесено, конечно, къ числу легендъ [1]).

Положеніе Мерва въ дни грекобактрійскаго владычества, къ сожалѣнію, остается въ полнѣйшей неизвѣстности, если не прибѣгать къ разнаго рода догадкамъ.

Совершенно новый свѣтъ на нашу область, въ которой древніе хвалили только необычайное плодородіе, проливаютъ источники китайскіе: оказывается, что Мервъ былъ промежуточнымъ пунктомъ европейско-китайскихъ торговыхъ сношеній, начало которыхъ относится къ весьма и весьма давнему времени — еще М. Антонинъ снарядилъ въ 166 году изъ Рима посольство въ Китай, но оно потерпѣло неудачу.

Для нашей цѣли небезъинтересны замѣтки генерала Бэйцю (Peikiu), котораго въ 607 г. государь Янъ-ди (Yangti) послалъ въ Ганджоу, большой городъ на западной границѣ Китая, для сбора свѣдѣній о западныхъ странахъ. Его «Сборникъ свѣдѣній о земляхъ чужестранцевъ» въ трехъ книгахъ съ картою, къ сожалѣнію, пропалъ, но сохранившееся предисловіе даетъ свѣдѣнія о трехъ западныхъ торговыхъ путяхъ. Первый — сѣверный шелъ черезъ Алтай въ Константинополь; второй—южный черезъ Баміанскій проходъ въ Кабулъ и Индію; третій — средній пролегалъ по слѣдующимъ мѣстамъ: по Тянь-Шаню, черезъ Турфанъ, Кара-Шаръ, Кучэ, по ущелью Терекъ на западъ отъ Кашгара, черезъ земли Ферганы и Осрушны на древніе рынки Согдіаны, Самаркандъ и Бухару; отсюда на юго-западъ черезъ Мервъ (Му) въ Персію (Бо-сы). Изъ Китая на западъ шли караваны, нагруженные, главнымъ образомъ, шелкомъ [2]).

---

[1]) Ср. *Th. Noeldeke*, Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans, 24 и сл.

[2]) См. *Neumann*, Handelsstrassen von China nach dem Westen въ Asiatische Studien, I, 187 и сл. *Ritter*. Asien, V, 563. Срав. также *Abel Rémusat*, Remarques sur l'extension de l'empire chinois въ Mém. de l'Acad. des Inscr. VIII (1827), 121. О третьемъ пути спеціально см. *Abel Rémusat*, Nouv. mélang. asiat., I, 200. *Klaproth*, Magasin asiat., I, 120. *Ritter*, Asien, V, 570, 650. *Richthofen*, China, I, 530. Срав. также *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, I, 14.

Кромѣ сказаннаго въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются упоминанія о Мервѣ (Му). Онъ лежитъ въ 200 ли, т. е. 10 географическихъ миляхъ. на западъ отъ р. Оксуса—разстояніе по крайней мѣрѣ въ три раза менѣе дѣйствительнаго—и въ 500 ли на югозападъ отъ Бухары. Главный городъ Мервъ имѣетъ 3 ли въ квадратѣ, 2000 солдатъ и въ началѣ VII вѣка платитъ дань Китаю. См. *Taithsing* въ Magas. asiat. I, 122. Такъ какъ Маргіана за это время принадлежала Сасанидамъ, то показаніе китайское понять чрезвычайно трудно. *Риттеръ*, Erdkunde, VII, 657 въ этой дани видитъ подарки хозяевъ каравановъ китайскимъ властямъ.

Но не одна торговля проходила черезъ Мервъ,—чрезъ него проникали въ глубь средней и восточной Азіи приблизительно тѣми же путями, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, культура и духъ христіанскаго ученія благодаря несторіанамъ, которые уже въ началѣ IV вѣка по Р. Х. имѣли въ Мервѣ епископскую метрополію. Въ Epitome canonum synodicorum Эбедіесу, ч. VIII, гл. 15 читаемъ [1]: «Causa primatus sedium inter se ex prioritate temporum desumitur, quibus earum fundatores Patriarchae vixerunt. Quare hunc inter se ordinem temporis habent... Metropolitanam postmodum dignitatem sexta sedes Persidis, tum septima Maruae a Jaballaha legitime acceperunt. Octavam vero sedem Jesujabus Gadalensis Hulunae (h. e. Halavanae) constituit, Heriae vero et Samarcandae et Sinarum metropolitas creavit Saliba-Zacha. Ajunt vero quidam, Achaeum et Silam illos constituisse: sed ordine Sinensem antecedunt metropolitae Heriae et Indiae et Sinensis Samarcandensem. Упоминается первый мервскій епископъ около 334 года [2]) и потомъ съ 410 по 988 [3]). Въ 660 году, стало быть, въ первое время господства ислама въ этихъ странахъ, несторіане жалуются на упадокъ вѣры: Adiabenus alter Jesujabus qui ab anno 650 ad annum 660 Nestorianis praefuit.... Marvanitas Chorasanae incolas dolet ob sacerdotum defectum interruptamque, quam olim habuerant, praesulum cum sede Seleuciensi communionem a christiana religione defecisse.

Исламъ, надвигавшійся побѣдоносно на востокъ съ поразительной быстротою, ослабилъ въ Мервѣ христіанство,—конецъ ему, судя по приведенному 988 году, былъ положенъ Газневидами и Сельджуками.

Несторіанамъ обязаны мы нижеслѣдующей коротенькой, правда, замѣткой о Мервѣ. Авторъ одной сирійской хроники средины VII вѣка, сообщая о дѣятельности митрополита мервскаго Иліи, между прочимъ говоритъ: «Мервъ собственно есть рѣка; ея именемъ называется городъ и область. Говорятъ, что внутренность его имѣетъ 12 парасанговъ и на пространствѣ, окруженномъ наружными стѣнами, лежитъ много городовъ, замковъ, пшеничныхъ и ячменныхъ полей, садовъ и парковъ. Городъ построенъ Александромъ, сыномъ Филиппа, и названъ Александріей» [4]).

Мы вынуждены были пройти почти полнымъ молчаніемъ эпоху Арсакидовъ и Сасанидовъ, такъ какъ въ лѣтописяхъ о нихъ, занятыхъ болѣе дѣлами на западѣ, нежели на востокѣ, интересныхъ для насъ свѣдѣній не находится [5]). Этотъ значительный пробѣлъ вознаграждается обиліемъ, полнотою и непрерывностью извѣстій мусульманскихъ писателей объ обстоятельствахъ Мерва, начиная съ половины VII вѣка по Р. Х.

---

[1]) *Assemanus*, Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana, III, pars I, p. 346. Срав. замѣчанія *Henry Rawlinson*'a въ Proceed. of the Roy. Geogr. Soc., VII (188)5, p. 578, 579.

[2]) *Д. Хвольсонъ*, Предварительныя замѣтки о найденныхъ въ Семирѣченской области сирійскихъ надгробныхъ надписяхъ. Зап. Вост. Отд. Императ. Рус. Арх. Общ. I, стр. 106.

[3]) Ср. *Assemanus*, Bibliotheca, III, p. 2, p. DCCLXIII.

[4]) Die von *Guidi* herausgegebene syrische Chronik. Uebersetzt und commentiert von *Th. Noeldeke*, стр. 39 отдѣльнаго оттиска изъ Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch. in Wien (philos.-histor. Classe), Band CXXVIII. Переводчикъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту говоритъ: «Можетъ быть, по существу описаніе это вѣрно. Весь оазисъ былъ обнесенъ валомъ въ защиту отъ разбойничьихъ обитателей пустыни. Можно было бы 12 парасанговъ считать за протяженіе въ длину, а всю площадь принимать равною квадрату 12; но достаточно, если принять ихъ за окружность. Естественно, мы имѣемъ здѣсь лишь приблизительный разсчетъ».

[5]) См. однако *Henry Rawlinson*, l. c.

II.

Смерть Ездиджерда и завоеваніе Мерва Арабами. Ал-Хакамъ Гифари и Бурейда Аслами. Абу-Муслимъ. Мамунъ. Свѣдѣнія о Мервѣ путешественниковъ—Ибнъ-Хордадбеха, Я'куби, Кудамы, Ибн-ал-Факиха, Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Мукаддаси.

Въ Мервѣ былъ окончательно низвергнутъ тронъ Сасанидовъ: послѣдній государь этой династіи, Ездиджердъ III, проигравъ Арабамъ сраженія при Кадесіи въ 636 году и при Нехавендѣ въ 642 г., влачилъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свое уже жалкое существованіе. Онъ бѣжалъ сначала въ Сеистанъ, а потомъ въ Хорасанъ, и появился въ городѣ Мервѣ [1]). Начальникъ послѣдняго, Магуе, предалъ его, по предварительному уговору, туркестанскому владѣтелю и открылъ городскія ворота. Ездиджердъ, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, покинулъ городъ и скрывался нѣсколько дней въ небольшомъ разстояніи на мельницѣ; отнесшійся къ нему сначала дружелюбно мельникъ, потомъ, прельщенный богатыми царскими одеждами, умертвилъ его и, ограбивъ, трупъ бросилъ въ рѣку. По одному изъ многочисленныхъ преданій о подробностяхъ смерти этого государя, мервскіе христіане извлекли его и положили въ саванѣ во гробъ, который былъ отправленъ для погребенія въ Истахръ-Персеполисъ, усыпальницу предковъ Ездиджерда. Это было въ 651 году [2]). Роковая историческая мельница находилась на рѣкѣ Мургабѣ, Заркѣ, Зарикѣ—по разнымъ источникамъ,—что въ сущности, какъ увидимъ ниже, одно и тоже.

Въ томъ же году назначенный Османомъ въ правители Хорасана Абдаллахъ-ибнъ-Амиръ, завоевывая городъ за городомъ, самолично подчинилъ Хератъ. Мервскій мерзебанъ [3]) предложилъ тогда мирную сдачу города. Ибнъ-Амиръ отрядилъ Хатемъ-ибнъ-Номана Бахили, съ которымъ мерзебанъ и заключилъ условіе: Мервъ будетъ платить 2,200,000 дирхемовъ (франковъ), а по другимъ свѣдѣніямъ, 1,000,000 дирхемовъ и 200,000 джерибовъ пшеницы и ячменя, а по нѣкоторымъ разсказамъ, 1,000,000 дирхемовъ и 100,000 унцій пшеницы и ячменя [4]); при этомъ въ раскладку налога Арабы не вмѣшивались: она была всецѣло предоставлена самимъ мервцамъ. Весь Мервъ, т. е. вся область съ окружающими главный городъ селеніями, сдался добровольно мирно, за исключеніемъ мѣстечка Синджъ, которое взято было силою. Съ этого момента Мервъ на довольно долгое время составляетъ часть халифата; обусловленный налогъ,

---

[1]) Легенда приводитъ Ездиджерда въ Мервъ съ 1000 всадниковъ, 1000 музыкантовъ на цимбалахъ, 1000 хлѣбопековъ и 1000 мастеровъ сладостей. Когда онъ былъ убитъ, всадники ушли въ Бальхъ, музыканты въ Хератъ, мастера сладостей въ Исфаханъ, а хлѣбопеки остались въ Мервѣ и выдѣлывали разнаго рода хлѣбныя печенья. См. *de Goeje,* Bibl. geograph. arab. V. Compendium libri Kitâb al-boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî, стр. 262.

[2]) *Ibn-el-Athiri* chronicon, quod perfectissimum inscribitur, ed. *Tornberg*, III, 92 и сл.; *Beladsori,* Liber expugnationis regionum (ed. *de Goeje),* ٣١٥. Ср. также разсказъ Фирдоуси. *Mohl,* Le livre des rois, Par. 1878, VII, 379 и сл. и *Хафизи-Абру*, рукоп. Публ. Библ. V. 3. 12, листъ 138*a*.

[3]) До появленія Арабовъ Хорасанъ въ общемъ подчинялся *испехбед*'у, и имѣлъ четырехъ *мерзебан*'овъ въ Мервѣ, Бальхѣ, Хератѣ и Мавераннахрѣ. *Ибнъ-Хордадбехъ,* 18 (*de Goeje*, Bibl. geograph. arabic., VI).

[4]) 1 джерибъ=384 мудд'амъ; 1 муддъ=2 ритлямъ (фунтамъ) и $1^1/_3$ ритлю; 1 ритль=12 унціямъ (ока). Объ этихъ мѣрахъ см. статьи *M. H. Sauvaire* въ Journal of the Royal Asiatic Society, IX (1877), 296; X (1878), 255, 259.

по сообщенію Белазори, въ тѣ дни вносился не наличными деньгами, а натурою—слугами и служанками, вьючнымъ скотомъ и товарами, и продолжалось это до Езида, сына Муавіи (679—683), который сумму натуральной повинности обратилъ въ деньги [1]).

Мервъ становится однимъ изъ большихъ городовъ Хорасана, иногда прямо областнымъ, и видитъ въ стѣнахъ своихъ цѣлый длинный рядъ областныхъ (*вали*) и городскихъ (*амилъ*) правителей; значеніе его увеличивалось еще тѣмъ, что, находясь въ самыхъ восточныхъ предѣлахъ тогдашняго Хорасана, онъ былъ естественнымъ базисомъ, откуда Арабы распространяли свое владычество въ глубь Туркестана: изъ него извѣстные Мухаллабъ и Кутейба, ставленники Хаджаджа, ходили воевать Пайкендъ, Бухару, Самаркандъ. Такое исключительное положеніе Мерва имѣлось, несомнѣнно, въ виду халифами при выборѣ и назначеніи лицъ, которые должны были вершить мервскія дѣла.

Для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности приводить здѣсь полный погодный перечень такихъ людей [2]),—достаточно останавливаться и упоминать о тѣхъ изъ нихъ, имя которыхъ тѣсно связано почему либо или съ выдающимися моментами въ исторіи Мерва, или съ остатками его въ наше время.

Въ 665 году Зіядъ, назначенный Муавіей въ правители Хорасана, раздѣлилъ послѣдній на четыре округа—Мервъ, Нишабуръ, Мерверрудъ-Фараябъ-Талаканъ, Хератъ-Бадгисъ-Бушенджъ—и въ Мервъ отправилъ Ал-Хакамъ б. Амръ-ал-Гифари. Онъ былъ изъ числа сподвижниковъ пророка Мухаммеда, съ которымъ оставался до самой смерти его; затѣмъ поселился въ Басрѣ. Назначеніе его въ Мервъ состоялось при совершенно исключительныхъ условіяхъ: Зіядъ приказалъ привратнику позвать ал-Хакама, разумѣя сына Абу-л-Аси-ал-Сакафи, привратникъ же, выйдя, встрѣтилъ Ал-Хакама Гифари и позвалъ его. Увидѣвъ его, Зіядъ сказалъ: «Я не хотѣлъ тебя, но захотѣлъ тебя Богъ», и назначилъ его, какъ мужа честнаго и добродѣтельнаго.

Онъ совершилъ походъ въ Тохаристанъ и, сломивъ непокорныхъ жителей силою, возвратился съ богатой добычею и большимъ количествомъ плѣнныхъ. Переходилъ онъ и Оксусъ, но безъ успѣха, оказавшись лишь первымъ мусульманиномъ, совершившимъ молитву въ Трансоксіанѣ: разсказываютъ, что вольноотпущенный ал-Хакама зачерпнулъ въ Оксусѣ воды щитомъ своимъ и передалъ ему,—ал-Хакамъ выпилъ, совершилъ омовеніе и исполнилъ молитву въ два колѣнопреклоненія.

Въ дни правленія своего онъ получилъ отъ Зіяда письмо, въ которомъ значилось: «Приказалъ мнѣ повелитель правовѣрныхъ Муавія собирать для него «желтое» и «бѣлое», поэтому не одѣляй народъ ни золотомъ, ни серебромъ». Ал-Хакамъ отвѣтилъ, что «онъ позналъ книгу божію (Коранъ) ранѣе письма Муавіи», и, уклонившись отъ исполненія приказа, продолжалъ дѣлить деньги между народомъ.

[1]) *Beladsori*, ۴۰٥

[2]) Желающіе могутъ ихъ найти между прочимъ въ: *Hamzae Ispahanensis* Annalium Libri X, ed. Gottwaldt, II, 167 и сл.; *Jakûbi*, 295 и сл. (*de Goeje*, Bibl. geograph. arab., VII); *Хафизи-Абру*, рук. Импер. Публ. Библ. № 290 по каталогу Дорна, листъ 168*b* и сл.

Скончался въ Мервѣ въ 670 году со словами: «Господи! если есть у меня предъ тобою заслуги, то пріими меня къ себѣ» [1]).

Въ слѣдующемъ 671 году Зіядъ поставилъ въ хорасанскіе начальники Реби-ибнъ-Зіядъ-ал-Хариси и съ нимъ переселилъ пятьдесятъ тысячъ семей изъ Басры и Куфы въ Хорасанъ. Въ числѣ этихъ переселенцевъ находился Бурейда-ибнъ-ал-Хусейбъ-ал-Аслами [2]). Онъ принадлежалъ къ сподвижникамъ — «асхаб'»амъ Мухаммеда: принялъ исламъ во время бѣгства пророка, участвовалъ при Худейбійѣ, при присягѣ Мухаммеду «подъ деревомъ» (*бай'атъ ал-ризванъ*) и по кончинѣ его жилъ въ Free Мединѣ, затѣмъ въ Басрѣ, гдѣ выстроилъ себѣ домъ, и наконецъ въ Мервѣ. Его и ал-Хакама, о которомъ сейчасъ была рѣчь, Мухаммедъ называлъ «очесами жителей востока». Появленіе Бурейды въ Мервѣ объясняется, согласно преданію съ его словъ, слѣдующею рѣчью Мухаммеда: «О Бурейда! Послѣ смерти моей будутъ посылаемы различныя экспедиціи. Когда онѣ будутъ посылаемы, быть тебѣ въ экспедиціи на востокъ, затѣмъ быть тебѣ въ экспедиціи въ Хорасанъ, затѣмъ быть тебѣ въ экспедиціи въ землю, которая зовется Мервомъ; когда ты прибудешь въ нее, остановись въ главномъ городѣ: его построилъ «Двурогій» (Александръ Македонскій) и совершилъ въ немъ молитву Ездра; текутъ въ немъ рѣки въ изобиліи и надъ каждою рѣкою ангелъ, обнажившій мечъ свой для удаленія бѣдствій отъ жителей до дня воскресенія мертвыхъ» [3]).

Бурейда, послѣдній изъ асхабовъ, умершихъ въ Хорасанѣ, скончался въ Мервѣ въ 681 году и въ немъ же похороненъ [4]).

Къ концу столѣтія, какъ въ Мервѣ погребена была сасанидская династія, а съ нею и религія Зароастра, въ Мервѣ же раздался кличъ аббасидской пропаганды, рѣшившей участь династіи омейядскихъ халифовъ. Въ 745 году въ Хорасанѣ появился девятнадцатилѣтній юноша Абу-Муслимъ, посланный главою аббасидовъ Ибрагимъ б. Мухаммедомъ съ большими полномочіями для верховнаго руководства дѣлами партіи; спустя одинъ годъ онъ выступилъ открыто противникомъ омейядскаго правительства въ лицѣ Насръ б. Сайяра, правителя Хорасана, овладѣлъ нѣсколькими городами въ этой области, умертвивъ ихъ начальниковъ, и въ 747 году побѣдоносно вступилъ въ самый Мервъ, занялъ «домъ правленія» и отъ себя уже назначилъ въ различныя подчиненныя мѣста чиновниковъ. Отсюда, какъ извѣстно, движеніе въ пользу Аббасидовъ, искусно подготовленное и находившееся въ умѣлыхъ, энергичныхъ рукахъ, пошло быстро и съ большимъ успѣхомъ на западъ, и въ 749 году, съ убіеніемъ Мервана, Аббасиды оказались полновластными хозяевами халифата.

---

[1]) См. о немъ: *Beladsori*, ٣١. ; *Ibn-el-Athir*, III, 377, 380, 391; *Ibn Hajar*, A biographical dictionary (Bibl. Ind.), I, 711; *Ибн-ал-Асиръ*, أسد الغابة فى معرفة الصحابة (изд. Булакское), II, 36; *Jakûbi*, 296 (въ Bibl. geograph. arabic. ed. *de Goeje*, VII).

[2]) *Beladsori*, ٣١.

[3]) *Ибн-ал-Факихъ*, 316; *Мукаддаси*, 299 (Bibl. geograph. arab., III); *Якутъ*, IV, 507; *Закарія Казвини* (изд. Вюстенфельда), II, 305

[4]) *Ibn Hajar*, l. c., I, 296; *Nawawi*, The biographical dictionary, 173; *Ибнъ-Кутейба*, Kitâb al-Ma'ârif, (изд. Вюстенфельда) 153; *Ибн-ал-Асиръ*, أسد الغابة, I, 175.

Эпизодъ Насръ б. Сайяра, Абу-Муслима и ихъ борьбы впервые въ исторіи говоритъ намъ о нѣкоторыхъ селеніяхъ и деревняхъ вблизи Мерва, равно о названіяхъ отдѣльныхъ частей самаго города. Замокъ правителя Насра находился на рѣкѣ Маджанъ; въ городскую цитадель была проведена вода; въ городѣ были ворота «Мерверрудскія» и другія, носившія названіе «Балинъ»; существовала мечеть нѣкоего Іяда.

Подходя со стороны Нишабура къ Мерву, Абу-Муслимъ остановился въ мѣстечкѣ Фенинъ, отсюда перешелъ въ Сефиденджъ; здѣсь были подняты знамена, присланныя Ибрагимомъ, и приверженцы его облеклись въ черныя одежды; здѣсь же присоединилось къ Абу-Муслиму большое число изъ жителей деревни Хурмузферрэ; Абу-Муслимъ укрѣпилъ Сефиденджъ и отсюда послалъ роковое письмо къ Насру, на которое, какъ самъ онъ выразился, «не было отвѣта»; первая стычка между ними произошла въ селеніи Алинъ; затѣмъ, когда разныя арабскія племена въ Хорасанѣ поднялись противъ Абу-Муслима, онъ перешелъ съ лагеремъ своимъ изъ Сефиденджа въ Махуванъ и окружилъ его рвомъ, въ которомъ устроилъ двое воротъ; но такъ какъ Махуванъ, сравнительно съ другими селеніями, лежалъ на каналѣ, питавшемъ ихъ водою, ниже, то Абу-Муслимъ, боясь быть лишеннымъ воды, перенесъ стоянку свою въ Алинъ; лагерь Насра въ это время былъ расположенъ на каналѣ Іяда; населеніе деревень Белашджирдъ и Тусанъ примкнуло къ Абу-Муслиму; утвердившись въ Алинѣ, Абу-Муслимъ приказалъ своимъ единомышленникамъ занять Джиренджъ и окопаться рвомъ: это былъ пунктъ, откуда можно было прекратить подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Насру со стороны Мерверруда, Бальха и Тохаристана; перейдя затѣмъ на нѣкоторое время изъ Алина опять въ Махуванъ, Абу-Муслимъ выдѣлилъ въ Мервъ передовой отрядъ, начальникъ котораго, вступивъ въ городъ, занялъ «дворецъ Бухарахудатовъ»; вслѣдъ за нимъ двинулся самъ, овладѣлъ «домомъ правленія» и весь Мервъ имѣлъ въ своей власти [1]).

Въ 808 году Харунъ-ал-Рашидъ, славный аббасидскій государь, передъ самою смертію своею отправилъ въ Мервъ своего втораго сына, Мамуна. Вскорѣ между нимъ и братомъ его, Аминомъ, возгорѣлась вражда, окончившаяся смертію—убіеніемъ послѣдняго. Мамунъ, не покидая назначеннаго ему города, поставилъ во главѣ вооруженныхъ силъ способнаго и преданнаго начальника, Тахиръ б. Хусейна, который завоевалъ для него Багдадъ и умертвилъ халифа въ 813 году. Новый властелинъ продолжалъ однако пребывать въ Хорасанѣ-Мервѣ до 817 года, такъ что въ теченіе 3—4 лѣтъ Мервъ былъ до нѣкоторой степени столичнымъ городомъ. Чрезъ три года Мамунъ, въ награду за оказанную ему немаловажную услугу, далъ Тахиру и его потомству намѣстничество Хорасана, почти съ неограниченною властью; не ограничившись этимъ, Тахиръ выбросилъ изъ хутбы пятничныхъ молитвенныхъ собраній имя Мамуна, замѣнивъ его своимъ: это было началомъ самостоятельности Тахиридовъ, каковою въ дѣйствительности пользовались преемники Тахира, хотя и назначались халифами только въ «областные правители»,—подчиненность ихъ багдадскому двору выражалась лишь въ уплатѣ ежегодной дани. При Тахиридахъ Мервъ лишается своего недавняго значенія, такъ какъ их резиденціею становится городъ Нишабуръ.

---

[1]) *Ибн-ал-Асиръ*, V, 202, 231, 261—263, 272, 273, 279, 281, 282, 289. *Табари*, Annales, ed. *de Goeje*, II, *3*, 1952, 1953, 1955, 1956, 1964, 1965, 1967, 1968, 1970, 1984, 1985, 1987, 1990.

Во время, сейчасъ указанное, съ именемъ Мерва неразрывно связано на первый взглядъ ничего особеннаго не представляющее обстоятельство, на самомъ же дѣлѣ имѣющее первостепенное значеніе въ послѣдующей духовной жизни Персіи: въ Мервѣ изъ устъ мервца впервые послѣ долгаго перерыва, вызваннаго вторженіемъ Арабовъ, зазвучалъ персидскій стихъ, предвѣстникъ близкаго возрожденія персидской литературы, и стихъ этотъ хвалебный, привѣтственный былъ обращенъ къ Мамуну, когда онъ съ большою торжественностью вступалъ въ Мервъ, чтобы управлять имъ. Скромный ученый Аббасъ между прочимъ сказалъ сыну Харуна:

«Счастіемъ вознесъ ты главу свою до звѣздъ Малой Медвѣдицы,
«На милости и щедроты раскрылъ ты въ мірѣ обѣ руки.
«Ты такъ же приличествуешь власти халифской, какъ глазу зрачекъ,
«Ты такъ же необходимъ вѣрѣ Господа, какъ два глаза лицу.
«Никто до меня не говорилъ такихъ стиховъ,
«Потому что отъ такого рода пѣснопѣній далекъ персидскій языкъ.
«Но для того я и сказалъ тебѣ эту пѣсню, чтобы языкъ этотъ
«Въ хвалѣ твоей высокой особы и славословіи обрѣлъ красу и убранство» [1].

Тахириды открыли собою рядъ самостоятельныхъ династій кратковременныхъ, быстро смѣнявшихъ на страницахъ исторіи одна другую. За ними Хорасаномъ владѣли Саффариды, Саманиды, Газневиды и наконецъ хутба раздается въ честь Сельджуковъ, при которыхъ Мервъ достигаетъ наибольшаго разцвѣта и благосостоянія.

Въ довольно скудный періодъ чисто историческихъ свѣдѣній о нашемъ городѣ изъ временъ владычества названныхъ династій мы займемся изложеніемъ сообщеній о Мервѣ арабскихъ географовъ и путешественниковъ, такъ какъ къ этому именно времени относятся ихъ труды.

Древнѣйшимъ изъ такихъ авторовъ будетъ Ибнъ-Хордадбехъ съ его географическимъ сочиненіемъ «Книга путей по государствамъ», составленіе котораго предполагается около 846 года и которымъ не пользовался рѣдкій изъ послѣдующихъ географовъ. Ибнъ-Хордадбехъ говоритъ о Мервѣ съ двумя рѣками Разикъ и Маджанъ какъ городѣ, красота котораго пережила многіе вѣка, нисколько не поддавшись губительному дѣйствію времени.

Особенно любопытны въ этомъ трудѣ сообщенные дорожники. Мервъ лежалъ на большой дорогѣ въ Багдадъ, отъ котораго онъ отстоялъ всего на 375 фарсаховъ [2]), черезъ Сарахсъ и Нишабуръ; путь изъ Мерва шелъ на Януджирдъ (Джануджирдъ, Гануджирдъ) 5 фарсаховъ; на Данданаканъ 5 фар.;—на Талистана 6 фар.;—на Уштурмагакъ 6 фар.;—на Касръ-ал-Надджаръ 5 фар.;—на Сарахсъ 3 фар.: всего до Сарахса 30 фар. [3]) въ 6 стоянокъ.

---

1) *Н. Ethé*, Rûdagî's Vorläufer und Zeitgenossen, 37 (въ Morgenländische Forschungen, 33—68). *Его же*, Die höfische und romantische Poesie der Perser, 8 (въ Samml. gemeinverst. wissensch. Vorträge, herausg. von Virchow и Holtzendorff, 2 Serie, VII).

2) Въ переводѣ на нашу мѣру мы будемъ принимать фарсахъ равнымъ 6—7 верстамъ. Въ Персіи фарсахъ=150 веревкамъ (طناب), а каждая веревка = 50 аршинамъ исфаханскимъ (75 рус. арш.) или 80 аршинамъ законнымъ (ذراع شرعى). *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس, II, 325.

3) Тоже разстояніе даетъ и извѣстный персидскій путешественникъ *Насири-Хосровъ*, проѣхавшій изъ Мерва въ Сарахсъ въ 1046 году. См. *Ch. Schefer*, Relation du voyage de Nassiri Khosrau, p. 6.

Изъ Мерва идутъ, независимо отъ этой, двѣ дороги, — одна черезъ Амоль въ Шашъ и земли Турокъ, другая въ Бальхъ и Тохаристанъ.

Дорога первая: изъ Мерва въ Кушмаханъ 5 фар.;—въ ал-Дивабъ 6 фар.;—въ ал-Мансафъ («полпути») 6 фар.;—въ ал-Ахса 8 фар.,—въ Биръ Османъ («колодецъ Османа») 3 фар.;—въ Амоль 8 фар.: всего до Амоля 36 фар. въ 6 стоянокъ.

Дорога вторая: изъ Мерва въ Фазъ 7 фар.;—въ Махди-абадъ 6 фар.;—въ Яхъя-абадъ (Бахиръ-абадъ) 7 фар.;—въ ал-Каринайнъ 5 фар.;—въ Асадъ-абадъ, на рѣкѣ (Мургабѣ), 7 фар.;—въ Хаузанъ, на рѣкѣ, 6 фар.;—въ Касръ-ал-Ахнафъ-ибнъ-Кайсъ, на рѣкѣ, 4 фар.;—въ Марваррудъ 5 фар.;—въ Арасканъ 5 фар.;—въ ал-Асрабъ 7 фар.;—въ Канджъ-абадъ 6 фар.;—въ ал-Талаканъ 6 фар.;—въ Кансаджабъ (?) 5 фар.;—въ Аргинъ 5 фар.;—въ Касръ-Хутъ 5 фар.;—въ ал-Фараябъ 5 фар.;—въ ал-Ка῾, въ округѣ Джузаджанъ, 9 фар.;—въ ал-Шабурканъ 9 фар.;—въ ал-Сидра, въ округѣ Бальхъ, 6 фар.;—въ Даста-Кирдъ 5 фар.; въ ал-Гуръ 4 фар.;—въ Бальхъ 3 фар.: всего до Бальха 126 фар. въ 22 стоянки.

Ибнъ-Хордадбехъ же приводитъ данныя, по которымъ мы можемъ догадываться о матеріальномъ благосостояніи Мерва въ ряду другихъ городовъ Хорасанской области,—именно роспись налоговъ, которые въ 835 году Абдаллахъ-ибнъ-Тахиръ долженъ былъ платить въ халифскую казну съ подчиненныхъ ему областей. Весь налогъ Хорасана и Трансоксіаны былъ исчисленъ въ 44,846,000 дирхемовъ, изъ нихъ на долю Мерва приходилось 1,147,000 дирхемовъ—въ томъ числѣ недоимокъ 67,144 дирхема и 3 данек᾿а и налогъ «болотный» въ 48,669$^{8}/_{15}$ дирхемовъ: такою суммою Мервъ занимаетъ въ росписи второе послѣ Нишабура-столицы мѣсто [1]).

Современникъ Ибнъ-Хордадбеха Ахмедъ б. Аби-Я῾кубъ-ал-Я῾куби оставилъ краткую географію подъ именемъ «Книга странъ», написанную въ 891 году. Въ ней Мерву отведены слѣдующія строки: «Изъ Сарахса въ Мервъ шесть станцій; первая изъ нихъ Уштурмегакъ, затѣмъ Талистанэ, потомъ ал-Денданеканъ, затѣмъ Генугирдъ,—помѣстье рода Али б. Хишамъ б. Феррехусрау. Станціи эти находятся въ безводной пустынѣ и въ каждой изъ нихъ есть крѣпость, гдѣ защищаются жители ихъ отъ Турокъ, такъ какъ они часто нападаютъ на нѣкоторыя изъ этихъ станцій. Затѣмъ Мервъ. Онъ самый большой изъ городовъ Хорасана; покорилъ его Хатемъ б. ал-Номанъ-ал-Бахили по приказу Абдаллахъ б. Амира въ халифство Османа и говорятъ, что ал-Ахнефъ б. Кайсъ находился при его завоеваніи: было это въ 31 (651) году. Жители его—сановитые изъ персидскихъ дихкановъ и въ немъ же арабскія племена Аздъ и Темимъ и другія.

Мервъ былъ мѣстопребываніемъ правителей Хорасана; первый, кто поселился въ немъ, былъ Мамунъ, а потомъ управлявшіе Хорасаномъ послѣ (него), пока Абдаллахъ б. Тахиръ не перешелъ въ Нишабуръ. Жители Мерва пьютъ изъ текущихъ источниковъ. Налогъ его входитъ въ налогъ съ Хорасана. Въ немъ превосходно выдѣлываются платья, славящіяся между

[1]) *De Goeje,* Bibliotheca geographorum arabicorum. Pars sexta. Kitâb al-masâlik wa' l-mamâlik auctore Abu῾-l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdbeh. Accedunt excerpta e Kitâb al-kharâdj auctore Kodâma ibn Dja῾far, стр. ٢٤, ٢٥, ٢٢, ٢٦ (18, 19, 23, 25). О налогѣ срав. *A. v. Kremer*, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, I, 320, 331, 376. По *Ибн-ал-Асиру,* вся дань Абдаллахъ б. Тахира въ день смерти его простиралась до 48,000,000 дирхемовъ. VII, 9.

одеждами Хорасана. Къ Мерву принадлежатъ селенія: Заркъ, -р-м К-л-б-къ, Саусеканъ и Джерарэ. Отъ Мерва до Амоля шесть станцій; первая изъ нихъ Кушмахенъ, откуда идетъ кушмахенскій изюмъ; прочія станціи лежатъ въ пустынѣ и суть укрѣпленныя мѣста».

Что касается налога съ Хорасана, сейчасъ упомянутаго, то, по словамъ Я'куби, онъ равнялся 40,000,000 дирхемовъ [1]).

Къ 928 году относится сочиненіе Абул-Фараджъ-Кудамы «Книга о податяхъ», въ которомъ исчислены всѣ почтовые пути халифата. Описываемыя Кудамой дороги изъ Мерва въ общемъ почти совпадаютъ съ дорожниками Ибнъ-Хордадбеха, новымъ въ его сообщеніяхъ являются только подробности объ отдѣльныхъ станціяхъ.

Путь на Сарахсъ, по большой дорогѣ въ Багдадъ, ни общимъ протяженіемъ, ни числомъ и наименованіемъ станцій и ихъ взаимнымъ разстояніемъ не разнится отъ пути Ибнъ-Хордадбеха; поэтому мы прямо переходимъ къ дорогамъ, ведущимъ изъ Мерва въ Шашъ черезъ Амоль и въ Бальхъ.

Дорога первая: изъ Мерва въ Кушмихенъ, большую деревню на пути въ пустыню, которая простирается до земель Гуззовъ, 5 фар.;—въ ал-Диванъ, почтовую станцію, 6 фар.;—въ ал-Тахмаладжъ, почтовую станцію, 2 фар.;—въ ал-Мансафъ («полпути»), почтовую станцію, 4 фар.;—въ ал-Ахса, почтовую станцію, 8 фар.;—въ Нахръ Османъ («рѣка Османа»), почтовую станцію, 3 фар.;—въ ал-Укайръ, почтовую станцію, 3 фар.;—въ городъ Амоль 5 фар.: всего до Амоля 36 фарсаховъ въ 8 стоянокъ.

Дорога вторая: изъ Мерва въ деревню Фазъ 7 фар.;—въ Мехди-абадъ черезъ пустыню 6 фар.;—въ Яхъя-абадъ, въ срединѣ равнины,—здѣсь почтовая станція и каравансерай, 7 фар.;—въ ал-Каринейнъ, 5 фар.;—деревня эта лежитъ въ пустынѣ, на высокомъ холмѣ, на берегу рѣки. Жители ея огнепоклонники и живутъ отдачею въ наемъ ословъ, на которыхъ они совершаютъ путешествія по всѣмъ направленіямъ. Ихъ называютъ *Торкунъ*. Изъ Каринейнъ въ Асадъ-абадъ 7 фар.;—въ Хаузанъ 5 фар.;—въ Касръ-ал-Ахнефъ, именемъ обязанную ал-Ахнефу б. Кайсъ деревню, на рѣкѣ, 4 фар.; въ городъ верхній Мервъ (Мерверрудъ) 5 фар. Затѣмъ, минуя этотъ городъ, ѣдутъ до мѣста, которое называется Амръ, на холмѣ при входѣ въ лощину, 1 фар.; изъ Мерверруда въ Арасканъ 5 фар.; въ ал-Асрабъ, небольшое мѣстечко въ лощинѣ, съ домами-землянками, вырытыми въ горѣ, 7 фар.;—въ Кенджъ-абадъ, деревню округа Талаканъ, 6 фар.;—въ Талаканъ 6 фар.;—въ Касханъ (Кансаджабъ), большую деревню между двухъ холмовъ, 5 фар.; въ Аргинъ, цвѣтущую деревню, 5 фар.: по рѣкѣ Мерва (Мургабъ) 1 фар., затѣмъ по песчаному холму, не представляющему трудностей для ѣзды, послѣ того по горамъ; часть дороги каменистая; на сказанномъ холмѣ источникъ, обложенный камнемъ; весь путь не труденъ, 4 фар.;—въ Касръ-Хутъ, деревню цвѣтущую, многонаселенную, первый округъ ал-Фараябъ, 5 фар.;—въ городъ ал-Фараябъ около 2 фар.;—въ ал-Ка', черезъ пустыню, которая называется пустынею ал-Ка', 5 фар., а болѣе длинный путь по подъемамъ и спускамъ 9 фар.; ал-Ка' расположена въ равнинѣ и станція удобная: въ ней есть колодцы и каравансераи; при-

---

[1]) *De Goeje*, Bibl. geogr. arab. Pars septima. Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh et Kitâb-al-Boldân auctore Ahmed ibn Abî Jakûb ibn Wâdhih al-kâtib al-Jakûbî, edit. secunda, 279, 308. *Kremer*, l. c., 364.

надлежитъ къ округу Джузаджанъ;—въ ал-Шабурканъ, мѣсто многонаселенное, округа Джузаджанъ, имѣющее каѳедру, расположенное въ равнинѣ, 9 фар.;—въ ал-Сидрэ[1]), округа Бальхъ, 6 фар. Мѣсто это прежде было голой пустынею, тамъ была только почтовая станція и караван-сераи, но когда насталъ годъ землетрясенія въ Хорасанѣ въ окрестностяхъ Мерва и въ Тохаристанѣ, именно 203 (818) [2]), отъ землетрясенія появился около дерева источникъ, и сталъ большимъ, и потекла вода его по равнинѣ, или пустынѣ, простирающейся до Мерва и Амоля, изобилующей пескомъ и голышами. Около дерева образовалась деревня съ большими посѣвами и растительностью. Изъ ал-Сидрэ въ ал-Дестеджирдэ, деревню съ большимъ населеніемъ и изобилующую водою, 5 фар.;—въ ал-Удъ (ал-Гуръ), большое селеніе, 4 фар.;—въ городъ Бальхъ, по населеннымъ мѣстамъ, 3 фар.: всего отъ Мерва въ Бальхъ 118 или 122 фарсаха (менѣе, чѣмъ у Ибнъ-Хордадбеха, на 8 или 4 фар.) въ 22 стоянки.

Что касается извѣстнаго налога Абдаллахъ б. Тахира 835 года, то Кудама, сравнительно съ двумя предшествующими источниками, приводитъ общую сумму его съ Хорасана и Трансоксіаны менѣе, именно 38,000,000 дирхемовъ, включая въ неё стоимость плѣнныхъ, военной добычи и повинность натуральную—тканями и пр. [3]).

Компилятивный, безсистемный трудъ Ибн-ал-Факиха Хамаданскаго, написанный, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, около 902 года, подъ заглавіемъ «Книга странъ» представляетъ въ добавленіе къ уже сказанному кое что существенно новое. Въ данныхъ о разстояніи Мерва отъ различныхъ городовъ, о дорогахъ, изъ него ведущихъ (на Сарахсъ, Амоль, Бальхъ), о красотѣ Мерва съ его рѣками Разикъ и Маджанъ Ибн-ал-Факихъ дословно повторяетъ Ибнъ-Хордадбеха; но за то онъ впервые объясняетъ названіе нашего Мерва «Шахджанъ» какъ излюбленное царю мѣсто, «царская душа», названіе, нужно замѣтить, придаваемое ему въ отличіе отъ Мерверруда [4]). Изъ мѣстнаго производства отмѣчены мервскія ткани и

---

[1]) Проѣзжавшій черезъ это мѣсто въ 1052 году *Насири-Хосровъ* называетъ его «Сэ-дэрэ»—سه دره, что значитъ «три долины». См. *Ch. Schefer*, Relation du voyage de Nassiri Khosrau, pp. 263 и ٩٦. Путешественникъ упоминаетъ тамъ каравансерай.

[2]) *Ибн-ал-Асиръ*, VI, 252: «И были въ Хорасанѣ землетрясенія великія и продолжались 70 дней; и было наисильнѣйшее въ Бальхѣ, Джузджанѣ, Фараябѣ, Талаканѣ и Мавераннахрѣ; и разрушились города, и разсыпались зданія и погибло при этомъ много народа».

[3]) *De Goeje*, Bibl. geogr. arab., VI, ٢٠١, ٢٠٢, ٢٠٩, ٢٣٣ (155, 160, 161, 185). *Kremer*, l. c., 364.

[4]) Названіе «Шахджанъ», встрѣчающееся, правда, безъ объясненія еще у Ибнъ-Хордадбеха, является нерѣдко въ совершенно иной формѣ «Шахджеханъ», т. е. царь міра, не только въ западной литературѣ, у нѣкоторыхъ путешественниковъ, но и въ восточной, у авторовъ чрезвычайно начитанныхъ, серьезныхъ, заслуживающихъ довѣрія. Такъ извѣстный продолжатель Мирхондовой исторіи *Риза-Кули-Ханъ*, трудами котораго намъ придется пользоваться неоднократно, говоритъ: «Мервъ лежитъ въ четвертомъ климатѣ въ разстояніи трехъ (?!) фарсаховъ отъ Аму-Дарьи. Его старинная стѣна построена Тахмурасомъ, «ловцемъ злыхъ духовъ», внукомъ иранскаго государя Кеюмерса; послѣ разрушенія его поправилъ Александръ и устроилъ городъ, названный «Мервъ Джалусъ» مرو جالوس, который и сталъ извѣстенъ подъ именемъ Мерва. Султанъ Меликъ-Шахъ Сельджукскій возвелъ въ этомъ городѣ новую стѣну, и такъ какъ султана прозывали Шахиджеханъ, то и городъ этотъ, приписавъ ему, прозвали Мервъ Шахиджеханъ,— среди же простаго народа онъ извѣстенъ подъ именемъ Шахиджанъ». (См. روضة الصفا, X, 165). Недосмотръ Риза-Кули-Хана тѣмъ болѣе непонятенъ, что онъ въ данномъ случаѣ почти рабски слѣдуетъ изложенію *Мухаммедъ-Садика Мервези* въ его исторіи Фатхъ-Али-Шаха—تاریخ جهان آرا—, гдѣ сказано, что Мервъ отстоитъ отъ Аму-Дарьи на 30 фарсаховъ, Александръ Македонскій построилъ въ немъ городъ большой и стѣну высокую, который назвалъ М.рджалинусъ,—отъ частаго употребленія городъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Мерва. Меликъ-Шахъ, по прозвищу

одежды, выдѣланныя изъ «мульхамъ», высшихъ сортовъ; матеріи эти выдѣлывались, какъ извѣстно, съ такимъ совершенствомъ, что «мервскими» назывались не только тѣ, которыя дѣйствительно шли съ мервскихъ станковъ, но всякія тонкой работы и изящества восточныя ткани [1]). Говоритъ также Ибн-ал-Факихъ о мервскихъ вьючныхъ, верховыхъ верблюдахъ (или стременахъ) и сушеномъ виноградѣ изъ деревни Кушмейхенъ.

Среди мелочей, которыми изобилуетъ «Книга странъ», разнаго рода разсказовъ, легендъ и слуховъ [2]) нельзя нѣкоторымъ отказать въ извѣстной долѣ интереса и пройти ихъ молчаніемъ.

Строителемъ Мерва называется Александръ «Двурогій», а городской цитадели—Техумертъ (Тахмурасъ), третій послѣ Кеюмерса и Хушенга легендарный властелинъ Персіи, отличавшійся мудростію, обучившій народъ свой прясть пряжу изъ овечьей шерсти, дѣлать одежды и ткать ковры [3]). Строительныя работы были произведены при помощи 1000 человѣкъ, для которыхъ былъ разбитъ рынокъ, на которомъ продавались съѣстные припасы и напитки. Нуждающійся рабочій, получая деньги, покупалъ пищу и все необходимое на рынкѣ, возвращая такимъ образомъ полученное хозяину; когда по окончаніи постройки были сведены счеты, то оказалось, что всѣ расходы ограничились тысячею дирхемовъ [4]).

По разсказамъ, въ городѣ было удивительной постройки зданіе, называвшееся «Кей мерзебанъ», которое въ глазахъ жителей обладало чудодѣйственною силою; со временемъ оно разрушилось [5]).

Мамунъ говорилъ, что въ Мервѣ знатный и простой бѣднякъ равны относительно трехъ вещей: «дынь сорта «баренгъ» (цвѣтной), холодной, ледяной воды и мягкаго хлопка». Дыни и хлопокъ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно славились въ Мервѣ, и Ибн-ал-Факихъ, говоря вообще о хорасанскихъ дыняхъ, сообщаетъ, что онѣ, благодаря необыкновенному вкусу, сладости и аромату, въ былое время доставлялись ко двору халифовъ въ мѣдныхъ котлахъ [6]).

Шахиджеханъ, построилъ другой городъ и стѣну, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ «Мервъ Шахиджанъ». См. рукоп. Публ. Библ. V. 3. 23, л. 83*b*. Въ другомъ сочиненіи — سفارت نامهٔ خوارزم, стр. 109, — Риза-Кули-Ханъ избѣгаетъ этихъ неточностей и говоритъ, что городъ «называютъ Мервъ Шахджанъ т. е. душа царя, погречески Александръ назвалъ его М.р.джанусъ». Есть наконецъ и такое мнѣніе, неосновательное, что «Шахиджанъ» есть арабизованное перс. «шахіянъ» т. е. царскій (?), котораго придерживается компиляторъ XVI в. *Синахизадэ*. См. рук. Учебн. Отд. Вост. Яз. № 69, стр. 274, по каталогу *Бар. Розена* (Collections scientifiques, I, 35).

[1]) О матеріяхъ «мервскихъ», «мульхамъ» и «шахиджанскихъ» см. *Dozy*, Supplément aux dictionnaires arabes I. 717; II. 522, 585. *Его-же*, Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes, 33, 113. Срав. также *W. Heyd*, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, II, 673.

[2]) Разсказываетъ Ибн-ал-Факихъ (321) и про такой, слышанный имъ, случай. Въ Мервѣ однажды разрушилась крѣпость; изъ нея попадали черепа, которые и разбились,—зубы изъ нихъ вывалились. Эти зубы были взвѣшены, и оказалось, что каждый вѣсилъ два мена или четыре ритля. (Разсказъ этотъ встрѣчается у *Закаріи Казвини*, II, 305, съ тою разницею, что у послѣдняго рушится не крѣпость, а «столбъ въ крѣпости»). Нѣчто подобное отмѣтилъ въ своей лѣтописи *Хамза Исфаханскій* подъ 305 (918) годомъ (время Насръ-ибнъ-Ахмеда Саманида), а именно: нѣсколько человѣкъ, проходя у городской мервской стѣны, напали на провалъ; удаливъ съ него битый кирпичъ, они проникли въ помѣщеніе, въ которомъ нашли сто головъ въ цѣпяхъ; въ ухѣ каждой головы была записка съ именемъ лица, которому голова принадлежала при жизни. О такой находкѣ изъ Мерва было отправлено Султану донесеніе. Hamzae Ispahanensis Annalium libri X, ed. *Gottwaldt*, I, 192; II, 147.

[3]) Le livre des rois par *Firdousi*, trad. par *J. Mohl*, (1876) I, 29.

[4]) Легенда эта повторяется весьма многими, напр. *Мукаддаси*, 299; *Якутомъ*, IV, 508; *Закаріей Казвини*, II, 305: *Ахмедомъ Туси*, ниже.

[5]) Это несомнѣнно то самое зданіе, о которомъ съ нѣкоторыми подробностями говорятъ ниже *Ахмедъ Туси* и *Закарія Казвини*.

[6]) *De Goeje*, Bibl. geogr. arab. Pars quinta. Compendium libri Kitâb al-boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî, 227, 254, 319, 322.

Въ половинѣ X-го вѣка путешествовалъ по востоку Абу-Исхакъ-Ибрагимъ-ал-Фариси-ал-Истахри, который видѣнное имъ изложилъ около 951 года въ «Книгѣ путей государствъ». Онъ первый оставилъ описаніе самаго города Мерва, столь подробное и обстоятельное, что ближайше за нимъ слѣдовавшіе путешественники мало что могли прибавить къ нему. Истахри говоритъ:

«Мервъ извѣстенъ подъ названіемъ «Мервъ ал-Шахиджанъ» и по постройкѣ древній. Говорятъ, что цитадель въ немъ построена Тахмурасомъ, а *старинный* городъ «Двурогимъ». Лежитъ онъ въ мѣстности ровной, удаленной отъ горъ,—въ ней горъ не видно и нѣтъ въ ближайшихъ предѣлахъ; земля солончаковая, изобилующая песками. Зданія города изъ глины и въ немъ три мечети для пятничныхъ собраній: первая мечеть, въ которой состоялось собраніе,—построенная внутри города въ началѣ ислама; съ развитіемъ послѣдняго была построена мечеть, извѣстная подъ именемъ «старой мечети», у «городскихъ воротъ»; въ ней совершаютъ молитвы «люди хадиса»: собранія въ первой мечети были оставлены, и она извѣстна подъ названіемъ «мечети Бени-Маханъ». Затѣмъ возведена была мечеть, которая находится на (рѣкѣ, каналѣ) Маджанъ. Говорятъ, что мечеть эта, базаръ и домъ правленія построены Абу-Муслимомъ. Домъ правленія находится позади этой мечети, и въ этомъ домѣ куполообразное зданіе, которое построилъ Абу-Муслимъ и засѣдалъ въ немъ, и до настоящаго времени засѣдаютъ въ немъ правители Мерва. Это куполообразное зданіе изъ обожженнаго кирпича; величина его 55 локтей и изнутри виденъ способъ постройки крыши; въ зданіи этомъ четыре двери, каждая ведетъ къ портику, вышиною въ....., а передъ каждымъ портикомъ четыреугольная площадка. Цитадель по величинѣ подобна городу, только она разрушена; она возвышена и, несмотря на возвышеніе, въ нее проведены подземные каналы воды, которая течетъ до нашихъ дней: на ней разводятся дынныя бахчи, овощи и пр. Что касается базаровъ, то въ старину они были у «городскихъ воротъ», сбоку отъ «старой мечети» и во дни Абу-Муслима перенесены на Маджанъ. Мервскіе базары одни изъ самыхъ чистыхъ. Праздничное мѣсто молитвы находится въ кварталѣ «Расъ-ал-мейданъ» въ околоткѣ Абу-Джахма, и окружаютъ это мѣсто со всѣхъ сторонъ зданія и постройки и лежитъ оно между каналовъ Хурмузферрэ и Маджанъ. Четверти, на которыя дѣлится городъ, имѣютъ опредѣленныя границы; у этихъ четвертей есть извѣстные каналы. Изъ нихъ—каналъ «Хурмузферрэ», на которомъ находится много городскихъ построекъ; онъ въ направленіи Сарахса: въ мѣстѣ, въ которое прямо вступаетъ входящій отъ Сарахса; здѣсь много строеній, каковыя возвелъ ал-Хусейнъ б. Тахиръ,—сюда же онъ хотѣлъ перенесть базаръ и домъ правленія. Изъ этого канала беретъ воду кварталъ «Расъ-ал-Шабай», въ которомъ расположены дома славнаго шейха Абу-л-Фазль-Мухаммедъ б. Убейдаллаха [1]). Затѣмъ каналъ, извѣстный подъ названіемъ «ал-Маджанъ»; на немъ на-

[1]) Извѣстный саманидскій везирь, переводчикъ на персидскій языкъ Калилы и Димны и исторіи Табари. По свѣдѣніямъ, которыми располагалъ *Сам'ани,* Книга родословій, л. 63*a*, одинъ изъ предковъ его явился въ Мервъ въ войскахъ Кутейбы, который правилъ Хорасаномъ съ 86 (705) по 96 (714) годъ, и основался ниже селенія Биласджирдъ въ мѣстечкѣ Бал'аманъ — بلعمان , откуда и родъ его получилъ прозваніе Бал'ами.

ходятся домъ правленія, новая соборная мечеть, тюрьма, а также домъ рода Абу-л-Неджма, вольноотпущенника рода Абу-Муайтъ [1]); это домъ, въ которомъ есть куполообразное зданіе: въ немъ приверженцы Аббасидовъ красили въ черный цвѣтъ платья; это куполообразное зданіе существуетъ до нашихъ дней. Далѣе каналъ, извѣстный подъ именемъ «ал-Разикъ», который течетъ у «городскихъ воротъ»; изъ этого канала горожане берутъ воду, отводя её въ цистерны въ городѣ; на этомъ каналѣ «старая мечеть», а въ нижней его части палаты рода Халидъ б. Ахмедъ б. Хаммада, который былъ правителемъ Бухары. Наконецъ каналъ, извѣстный подъ названіемъ «Асʿади-ал-Хурасани», доставляющій воду кварталамъ «Бабъ Се(и)нджанъ», «Бени-Маханъ» и другимъ; на этомъ каналѣ были домá мерзебана мервскаго. Вотъ каналы, на которыхъ расположены городскіе кварталы и постройки. Эти зданія и эти четыре канала окружаетъ стѣна; другая стѣна окружаетъ самый городъ и пригороды его; она охватываетъ всѣ городскіе поселки и называется «ал-Рай»,—слѣды этой стѣны видны еще до настоящаго времени. Внутренній городъ имѣетъ четверо воротъ, каковы: ворота, называемыя «городскими», прилегающія къ соборной мечети, ворота «Сенджанъ», ворота «Балинъ» [2]) и ворота «Дер-Мушканъ» [3]); изъ послѣднихъ выходятъ въ Трансоксіану, и около нихъ находился дворецъ и лагерь Мамуна во дни пребыванія его въ Мервѣ до тѣхъ поръ, пока не перешла въ его руки халифская власть. Мервъ имѣетъ большую рѣку, отъ которой отдѣляются всѣ сказанные каналы и каналы поселковъ; начало ея за Баміаномъ и извѣстна она подъ именемъ «Мергабъ», т. е. рѣки Мерва. Есть нѣкоторые, которые утверждаютъ, что рѣка эта по имени относится къ мѣсту, откуда она вытекаетъ, которое называется «мергабъ»; другіе говорятъ, что «мергъ» значитъ «болото». Рѣка эта протекаетъ у Мерверруда и на ней лежатъ поля жителей; граница этой рѣки въ области Мерва — (селеніе) Кукинъ, между Хузаномъ и ал-Каринейномъ: Хузанъ принадлежитъ къ Мерверруду, ал-Каринейнъ—къ Мерву. Раздѣленіе этой рѣки начинается у деревни Заркъ, гдѣ водораздѣлъ Мерва. И устроены для каждаго квартала и улицы изъ этой рѣки малыя рѣки (каналы), на которыхъ деревянныя доски, а въ нихъ сквозныя отверстія, которыми люди уравниваются при полученіи ихъ доли воды. И когда вода увеличивается, беретъ каждый пользующійся свою долю изъ избытка, и также точно, когда вода убавляется (получаетъ менѣе). И управляетъ этою водою отдѣльный начальникъ, и онъ выше «начальника охраны». И сказали мнѣ, что онъ содержитъ на этой водѣ болѣе десяти тысячъ человѣкъ,—у каждаго изъ нихъ на этой водѣ районъ. Мервъ былъ лагеремъ мусульманъ въ первое время ислама, и въ немъ досталось мусульманамъ царство персидское, такъ какъ Ездиджердъ, царь персидскій, былъ убитъ въ мельницѣ (у деревни) Заркъ [4]); изъ него же началась пропаганда Аббасидовъ и въ домѣ рода Абу-л-Неджма

1) Абу-л-Неджмъ-Имранъ б. Исмаилъ-ал-Муайти былъ изъ потомковъ клиентовъ Укба б. Аби-Муайта, одного изъ аббасидскихъ вождей въ Мервѣ. *Самʿани*, л. 415*b*.

2) Ворота эти, по всей вѣроятности, назывались по имени селенія Балинъ, которое хотя и не упоминается въ арабскихъ географическихъ словаряхъ, но называется *Табари*, II, *3*, 1952, 1965, какъ одна изъ стоянокъ Абу-Муслима, при подступленіи его къ Мерву.

3) Или «Дер-Мишканъ»: чтеніе предположительное, такъ какъ въ текстѣ безъ гласныхъ در مشكان.

4) Извѣстно, что переводчикъ сокращеннаго Истахри пробовалъ, благодаря неправильному чтенію ورق вм. زرق, усмотрѣть здѣсь «бумажную мельницу» и распространяться о писчебумажномъ производствѣ въ Мервѣ. *Mordtmann*, Das Buch der Länder von Schach Ebu Ishak el Farsi el Istachri, 171, прим. 210.

ал-Муайти были выкрашены въ черный цвѣтъ платья, въ которыя облеклись приверженцы Аббасидовъ; въ немъ перешла къ Мамуну халифская власть и онъ одолѣлъ брата своего Мухаммедъ б. Зубейдэ.

Изъ Мерва вышло большинство вождей халифата, секретарей въ Иракѣ, правителей Хорасана, а также многіе выдающіеся законовѣды и знаменитые словесники. Если бы мы въ книгѣ нашей не держались извѣстныхъ границъ, и еслибы то, поясненіе чего мы оставили, не было извѣстно изъ разсказовъ и книгъ, мы написали бы о разныхъ классахъ людей и прочемъ, о чемъ упомянули вкратцѣ. Во дни Персовъ эти люди среди всѣхъ странъ Абрашехра (Нишапура) выдавались дарованіями и образованіемъ, такъ что врачъ, извѣстный подъ именемъ Барзуе, превосходилъ прочихъ персидскихъ врачей, и музыкантъ по имени Барбудъ превосходилъ другихъ, занимавшихся пѣніемъ и музыкой. Мервъ, далѣе, лучшій изъ городовъ Хорасана относительно съѣстныхъ припасовъ; хлѣбъ въ Мервѣ таковъ, что болѣе чистаго и пріятнаго на вкусъ хлѣба нѣтъ въ Хорасанѣ, а сухіе плоды Мерва — виноградъ (изюмъ) и пр. предпочитаются таковымъ изъ другихъ мѣстъ; славится изобиліемъ ихъ Хератъ, много ихъ въ другихъ мѣстахъ, но вкусомъ и достоинствомъ превосходятъ (всѣ) мервскіе. На отмѣнность мервскихъ плодовъ указываетъ то, что дыни рѣжутся ломтями и вывозятся въ Иракъ, и я не знаю, возможно ли это въ какомъ другомъ городѣ [1]). Мервъ чистотою, красотою расположенія, планировкою зданій и кварталовъ между каналовъ и древесныхъ насажденій, обособленностью разныхъ ремесленниковъ на базарахъ превосходитъ прочіе города Хорасана.

Въ пустынѣ Мерва произрастаетъ «уштургазъ» [2]), который вывозится въ другія страны; вывозится также шелкъ и въ большомъ количествѣ сырецъ. Мнѣ говорили, что родина шелка Джорджанъ и Табаристанъ, только принесенъ онъ туда въ древности изъ Мерва, и теперь еще везутъ въ Табаристанъ сѣмена шелковичныхъ червей [3]); собирается въ Мервѣ самый мягкій «мервскій» хлопокъ и выдѣлываются хорошія «мервскія» ткани, которыя вывозятся въ разныя страны.

Въ Мервѣ (области) есть каѳедры старыя и новыя: въ городѣ Мервѣ двѣ каѳедры и по одной каѳедрѣ въ Кушмейхенѣ, Хурмузферрэ, Синджѣ, Джиренджѣ, ал-Денданеканѣ, ал-Каринейнѣ, Башанѣ, Харакѣ, ал-Саусаканѣ: это каѳедры, о которыхъ я знаю».

Истахри даетъ слѣдующія разстоянія Мерва отъ различныхъ городовъ: до Сарахса 5 (варіантъ 6) стоянокъ; до Амоля, на берегу Джейхуна, 6 стоянокъ; до Мерверруда 6 стоянокъ; до Херата 12 стоянокъ; до Абиверда 6 стоянокъ. Отъ Мерва до городовъ, находящихся въ его же

---

[1]) Возможность этого въ Харезмѣ засвидѣтельствована Ибнъ-Батутой. Харезмская дыня, по разсказамъ этого путешественника, не имѣетъ себѣ равной, — дыни Бухары и Исфахана уступаютъ ей. Удивительно, что её рѣжутъ на куски, сушатъ на солнцѣ, укладываютъ въ корзины и вывозятъ въ Индію и Китай. Изъ сушеныхъ плодовъ—это самый вкусный. Проживая въ Дели, Ибнъ-Батута пользовался прибытіемъ путешественниковъ, чтобы покупать у нихъ харезмскія сушеныя дыни. Les voyages d'Ibn Batoutah, III, 15.

[2]) «Уштургазъ», то-же что «уштурхаръ»—alhagi camelorum, растеніе, выдѣляющее манну. По словамъ *Закаріи Казвини*, عجايب المخلوقات I, 272, оно полезно отъ перемежающейся лихорадки и способствуетъ сваренію пищи въ желудкѣ.

[3]) Къ вопросу о шелковомъ производствѣ въ Мервѣ отмѣтимъ небезъинтересную замѣтку Сам'ани о томъ, что тамъ былъ знаменитый домъ ученыхъ «Дивекушъ», которые такъ назывались потому, что занимались шелкомъ и выдѣлкою его; они раскрывали коконъ и убивали находившагося въ немъ червя на солнцѣ: коконный червь по персидски называется «диве». См. л. 175*b* s. v. الديوكش.

области: въ Кушмейхенъ 1 стоянка; влѣво отъ Кушмейхена въ разстояніи около одного фарсаха лежитъ Хурмузферрэ,—черезъ него дорога въ пустыню С-фанэ [1]), которая тянется до Харезма; Башанъ на одинъ фарсахъ ранѣе Хурмузферрэ, на той же дорогѣ; Синджъ въ одной стоянкѣ отъ Мерва, между дорогъ на Сарахсъ и Мерв (ерруд?)ъ;— Джиренджъ въ шести фарсахахъ отъ города, на одинъ фарсахъ ранѣе Зарка, на рѣкѣ; М-рур-мъ по этой же дорогѣ въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, на рѣкѣ;—ал-Денданеканъ въ одномъ (варіантъ 2, вѣрнѣе) переходѣ отъ Мерва, по дорогѣ въ Сарахсъ;—ал-Каринейнъ въ четырехъ переходахъ отъ Мерва, на рѣкѣ мервской;—Харакъ около трехъ фарсаховъ отъ города, между дорогъ на Сарахсъ и Абивердъ;—Саусаканъ въ направленіи Харака, только далѣе послѣдняго на одинъ фарсахъ приблизительно [2]).

Въ 372 году Г. (982 по Р. Х.) составлено было на *персидскомъ языкѣ* сочиненіе «Границы міра» — حدود العالم —, въ которомъ о Мервѣ и принадлежащихъ къ нему городахъ сообщается слѣдующее [3]):

(л. 20*a*) مرو شهری بزرکست و اندر قدیم نشست میر خراسان آنجا بوذی و اکنون ببخارا نشیند و جائی با نعمتست و خرم و اورا قهندزست وآنرا طهمورث کرده است و اندر وی کوشکهای بسیارست و آن جای خسروان بوذه است و اندر همه خراسان شهری نیست از نهاذ بازار وی نیکو و خراجشان بر آبست و از وی پنبه نیك و اشترغاز و فلاته و سرکه و آبکامه و جامهای قزین و ملحم خیزذ شنك عبادی شهریست با ناحیت بسیار و آباذان و با نعمت دندانقان (л. 20*b*) شهرکیست اندر [وی] حصاری مقدار پانصد کام درازاء اوست اندرمیان بیابان و بیرون از وی منزلکاه کاروانست کشمیهن مسفری ماشان سوسنقان شابرنجی زرق این شهرکهای اند خرد وبزرك همه از عمل مرواست وکشت و برز این همه ناحیتها بر آب روذ مروست...... پرکدر برکران روذ مرو نهاذه است و اورا قهندزاست استوار و اندر وی کبرکانند و ایشانرا به آفریذیان خوانند کیرنك شهریست خرد ✡

«Мервъ—городъ большой и въ старину въ немъ было мѣстопребываніе правителя Хорасана, а теперь онъ живетъ въ Бухарѣ; мѣсто благодатное и пріятное; въ немъ есть цитадель,—её построилъ Тахмурасъ; въ немъ много дворцовъ и онъ былъ мѣстомъ хосроевъ; и во всемъ Хорасанѣ нѣтъ ни одного города, лучше его по положенію базаровъ; налогъ ихъ (жителей)-по (количеству употребляемой) воды; изъ него идутъ: прекрасный хлопокъ, уштургазъ, «фелятэ» [4]), уксусъ, «абкамэ» [5]), сырцовыя шелковыя платья и «мульхамъ». Шинкъ-Аббади [6])—городъ съ многими окрестностями, цвѣтущій и благодатный. Денданеканъ—городокъ; [въ немъ] крѣпость; длина

[1]) Названіе пустыни этой *de Goeje*, Bibl. geogr. arab., IV, 425 (Addenda), предлагаетъ читать «Сифае» или «Сипае» (سيفايه ، سيبايه) и ссылается на трудъ свой Das alte Bett des Oxus, 95.

[2]) *De Goeje*, Bibl. geogr. arab. Pars prima. Viae regnorum auctore Abu Ishâk al-Fârisî al-Istakhrî, 258—263, 282—285. Персидскій переводъ Истахри *Ибн-ал-Саведжи* никакихъ существенныхъ отступленій не представляетъ. См. рук. Азіат. Музея № 603 *c*, л. 91 *a*—92 *a*; № 603 *cc*, л. 222 *a*—226 *a*; рук. библ. Универ. № 281, л. 69 *a*—69 *b*.

[3]) Единственный извѣстный экземпляръ этого драгоцѣннѣйшаго памятника персидской литературы принадлежитъ нашему ревностному изслѣдователю бабизма, *А. Г. Туманскому*, съ разрѣшенія котораго я и печатаю нижеслѣдующее извлеченіе. Авторъ труда, написаннаго для какого то князя, окончательно не выясненъ; при дальнѣйшихъ ссылкахъ я буду называть сочиненіе это «саманидской географіей».

[4]) Родъ сладости, которая варится на овечьемъ молокѣ.

[5]) Родъ соуса или приправы, которая приготовляется изъ молока, сыворотки, сѣмянъ лѣсной руты, дрожжей и уксуса.

[6]) У *Якута* (ниже, подъ словомъ «Аббадъ») «Шинкъ-Аббадъ», у *Сам'ани* — «Ших-ал-Аббади» (но можно читать и «Шиндж-ал-Аббади»); у *Мукаддаси* (ниже) «Сингъ-Аббади» (съ варіантомъ Ш-н-джъ — شنج).

его около 500 шаговъ; посрединѣ пустыни, и внѣ его—мѣсто остановки каравановъ. Кушмейхенъ, Масфара, Башанъ [1]), Саусаканъ [1]), Шабринджи [2]), Заркъ—городки незначительные и большіе, всѣ мервскаго округа и земледѣліе всѣхъ этихъ мѣстъ на водѣ мервской рѣки. Б.р.к.дизъ [3]) лежитъ на берегу мервской рѣки; въ немъ есть крѣпкая цитадель и живутъ въ немъ огнепоклонники,—ихъ называютъ «Бих-афериэи». Гиренгъ—городъ небольшой».

Современникъ Истахри, багдадскій купецъ Ибнъ-Хаукаль, путешествовавшій между 943 и 973 годами и воспользовавшійся трудомъ Истахри, въ своей «Книгѣ путей и государствъ» повторяетъ его почти дословно, только въ сокращенномъ видѣ, въ описаніи Мерва, Мургаба, идущихъ отъ него каналовъ и пр. Онъ не упоминаетъ о большой стѣнѣ, окружавшей Мервъ и его пригороды, и о распредѣленіи воды выражается въ такихъ словахъ: «...На каналахъ деревянныя доски, въ которыхъ установленнаго размѣра отверстія, такъ что никто не можетъ увеличить или уменьшить ихъ; и приходитъ каждый день вода жителей въ извѣстномъ количествѣ. Когда потокъ увеличивается, жителей постигаетъ избытокъ, а когда уменьшается, (воду) всѣмъ уменьшаютъ, и не бываетъ предпочтенія одному передъ другимъ. (Доски эти поставлены въ селеніи Бухшабъ, которое находится на разстояніи половины фарсаха отъ города) [4]).

Изъ городовъ, прилежащихъ къ Мерву, мы находимъ новыя данныя у Ибнъ-Хаукаля относительно Кушмейхена:—онъ лежитъ въ одномъ переходѣ отъ Мерва, въ самыхъ пескахъ; въ немъ есть каѳедра, другими словами, соборная мечеть, протекаетъ большая рѣка, много плодовъ, деревьевъ, небольшой, но въ исправномъ видѣ, базаръ, караван-сераи и бани; затѣмъ ал-Денданеканъ помѣщенъ отъ Мерва въ разстояніи двухъ переходовъ, а не одного, какъ у Истахри.

Во время Ибнъ-Хаукаля, по его же словамъ, при владѣвшемъ Трансоксіаной и Хорасаномъ саманидскомъ князѣ Мансуръ б. Нухѣ налогъ съ этихъ провинцій простирался до 20,000,000 дирхемовъ, изъ которыхъ на долю Мерва приходилось 900,000 дирхемовъ [5]).

Рядъ приведенныхъ нами писателей, предшествовавшихъ династіи Сельджуковъ, замыкаетъ замѣчательнѣйшій арабскій географъ-путешественникъ Мукаддаси съ трудомъ своимъ

---

[1]) Читаю съ другими авторами.

[2]) У *Якута* и *Сам'ани*—«Шабринджъ».

[3]) Читаю съ *Сам'ани* (ниже, подъ словомъ «Карнейнъ»); въ другомъ мѣстѣ рукописи, л. 10 *a*, гдѣ упомянуты мѣста по Мургабу, это селеніе названо برکدر.

[4]) Послѣдняя фраза, заключенная мною въ скобки, находится не въ самомъ текстѣ, а въ разночтеніяхъ, подъ строкою.

[5]) *De Goeje,* Bibl. geogr. arab. Pars secunda. Viae et regna auctore Abu'l-Kâsim Ibn Haukal, 314—316, 331, 333, 334, 342, 343. Если мы сравнимъ налогъ Мерва при Саманидахъ, о которомъ говоритъ Ибнъ-Хаукаль, съ налогомъ Мерва при завоеваніи его Арабами и при Тахиридахъ (выше, стр. 9, 14), то замѣтимъ его постепенное уменьшеніе. Оно объясняется, по крайней мѣрѣ въ болѣе раннее время, переходомъ въ исламъ жителей—иновѣрцевъ. При подчиненіи Арабамъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Хорасанѣ, въ томъ числѣ и Мерва, былъ заключенъ миръ, обусловленный ежегоднымъ взносомъ установленной суммы «мировой»—наличными деньгами или натурой, въ составъ которой между прочимъ входилъ подушный оброкъ — جزية — съ каждаго совершеннолѣтняго мужчины; въ самую первую пору не избавлялись отъ него даже принимавшіе исламъ. Затѣмъ подушная подать стала повинностью предпочтительно иновѣрцевъ, которые, какъ и правовѣрные, несли еще тягость поземельнаго налога — خراج. Роспись такого поземельнаго налога составилъ и для Мерва на основаніи новыхъ предписаній Насръ б. Сайяръ, правитель Хорасана, и онъ же вновь распредѣлилъ «мировую» дань. Со времени Омейядовъ доходы Мерва, несчитая поземельнаго налога, восходили до 100,000 дирхемовъ. См. *G. Van Vloten,* Recherches sur la Domination arabe, le Chiitisme et les Croyances messianiques sous le Khalifat des Omayades. Amsterdam 1894 (Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeeling Letterkunde. Deel I. № 3), стр. 21, 71, 72.

«Лучшее изъ дѣленій для познанія климатовъ (земныхъ поясовъ)», писаннымъ въ 985 году. Мервъ, по его словамъ, лежитъ въ равнинѣ, удаленной отъ горъ; *старый* городъ на холмѣ, въ срединѣ его мечеть, которая въ древности была соборной, вокругъ нея немногочисленныя жилища. У воротъ пригорода [1]) расположены постройки и небольшой базаръ; въ пригородѣ двѣ мечети,—одна изъ нихъ у «городскихъ воротъ», другая въ ряду мѣнялъ [2]), въ ней главенствуютъ послѣдователи Абу-Ханифы. Эта мечеть и все, что вокругъ нея, построено Абу-Муслимомъ, героемъ аббасидской династіи [3]). Городъ имѣетъ чистыѐ базары. «Я полагаю, что изящество жителей и ихъ иракскія манеры есть слѣдствіе пребыванія у нихъ халифа (Мамуна): они заимствовали иракскіе обычаи отъ прислуги и свиты его, но Богъ лучше знаетъ». Мервъ всего болѣе похожъ на городъ Рамлу въ Палестинѣ. Въ городѣ четверо воротъ: «городскія ворота», прилегающія къ соборной мечети, «ворота Синджанъ» съ другой стороны, «ворота Балинъ» и «ворота Дермушканъ», при которыхъ былъ дворецъ ал-Мамуна. Кремль въ городѣ въ развалинахъ, подняться къ нему трудно, войти можно только съ особымъ проводникомъ. Вода проникаетъ въ городъ и орошаетъ весь пригородъ. У жителей есть чистые бассейны со входами. Часть города снабжена проточными каналами.

Орошеніе Мерва Мукаддаси описываетъ съ большими подробностями. «Рѣка двухъ Мервовъ» беретъ начало въ горной мѣстности Гуръ и течетъ къ верхнему Мерву (т. е. Мерверруду), а потомъ поворачиваетъ къ нижнему (т. е. Мервъ Шахиджану); выйдя изъ перваго приблизительно на одинъ переходъ, она течетъ по большой долинѣ и удивительно запирается съ двухъ сторонъ деревомъ, и вода задерживается, пока не сравняется съ мѣстомъ, черезъ которое переливается (т. е. съ запрудой) [4]). Затѣмъ тянется къ Мерву. И надъ нею начальникъ болѣе сильный, чѣмъ «начальникъ охраны»; подъ рукою у него 10,000 человѣкъ, получающихъ жалованіе; и на ней сторожа, которые оберегаютъ ее, чтобы вода не перелилась (т. е. чтобы плотину не прорвало). И не увидишь ты болѣе совершеннаго и искуснаго распредѣленія воды [5]). И разсказываютъ про того, который распредѣляетъ ее, что онъ сказалъ: «я не оставлю ни капли справедливости, чтобы не употребить ее въ дѣло въ этомъ, кромѣ того, чего я сдѣлать не въ состояніи». И водружена доска, вдоль которой прорѣзъ, а поперегъ знаки: когда вода поднимается и достигаетъ высота ея на доскѣ шестидесяти дѣленій [6]), годъ будетъ урожайный, люди радуются этому и

[1]) Я оставилъ буквальный переводъ باب الربض, хотя при такомъ переводѣ описаніе Мукаддаси для меня мало понятно: я склоненъ скорѣе принимать ربض въ значеніи обыкновеннаго مدينة, тогда باب الربض будетъ просто «городскія ворота»— باب المدينة, какъ называетъ ихъ Мукаддаси въ другомъ мѣстѣ, и другіе частію уже приведенные путешественники.

[2]) Кромѣ Мукаддаси, о мечети, находившейся у «начала ряда мѣнялъ»—راس الصيارفة, говоритъ только *Сам'ани*, Книга родословій, л. 31 *a* s. v. الاندغى.

[3]) Въ варіантѣ константинопольской рукописи говорится, что мечеть эту забросилъ Абу-Муслимъ за то, что съ каѳедры ея раздавались проклятія Али, и построилъ другую мечеть посрединѣ города; та же была наполнена соромъ до времени Мамуна, который приказалъ поправить её.

[4]) Это можетъ также значить: «пока не сравняется высота воды съ высотою (воды во время) половодья».

[5]) Не слѣдуетъ ли этому особенному совершенству мервскаго орошенія приписать и то незначительное обстоятельство, что каналъ, прорытый въ Басрѣ Беширъ б. Убейдаллахомъ, былъ названъ *по имени Мургаба мервскаго* Мургабомъ? *Beladsori,* 364; *Якутъ,* IV, 499, s. v. مرغاب.

[6]) شعيرة — мѣра, равная шести или семи діаметрамъ волоска изъ хвоста мула, или столькимъ же ячменнымъ зернамъ, сложеннымъ бочкàми.

поднимается количество (выдаваемой воды), а когда бываетъ шесть дѣленій, бываетъ годъ безплодный. И мѣсто ихъ водомѣра находится въ одномъ фарсахѣ отъ города, и сдѣлано на подобіе круглаго бассейна. И когда главный управляющій соразмѣрялъ это, отправлялъ наскоро гонца нарочито въ водяное управленіе, и отсюда посылали гонцовъ ко всѣмъ управляющимъ рѣчныхъ каналовъ и они раздѣляли воду сообразно съ этимъ количествомъ. На мѣстѣ, о которомъ мы упомянули выше, находятся четыреста водолазовъ, которые ночью и днемъ наблюдаютъ за нею (водою) и, когда имъ нужно войти въ воду въ сильный холодъ, они намазываютъ тѣла свои воскомъ. И на обязанности каждаго изъ этихъ людей лежитъ заготовлять каждый день въ извѣстномъ количествѣ дерево и хворостъ на время нужды. И плотину прорвало, когда я находился въ Нишапурѣ, и люди были близки къ вынужденному выселенію, и на нее были истрачены громадныя деньги.

Отъ Мургаба по городу растекаются четыре главныхъ канала. Первый—каналъ ал-Заркъ, течетъ у «городскихъ воротъ» со стороны пригорода, входитъ въ городъ и раздѣляется въ немногочисленныя глубокія цистерны; второй каналъ —Ас´ади, изъ него пользуются водой жители квартала у «воротъ Синджанъ» и Миремаханъ; третій каналъ—Хурмузферрэ, со стороны Сарахса, питаетъ одинъ конецъ города и помѣстья; четвертый —каналъ ал-Маджанъ, пересѣкаетъ городъ, расходится по базарамъ, и выходитъ къ началу города нѣсколькими каналами; на немъ въ городѣ мосты, которые ведутъ на главную улицу. Жители имѣютъ крытые и открытые бассейны съ лѣстницами и дверцами, которыя въ нихъ со стороны канала открываются по мѣрѣ надобности. Есть также прѣсные колодцы. «И если мы вполнѣ охватимъ изложеніе каналовъ и источниковъ питья, удлинится (отъ этого) книга, и по истинѣ отъ этого скука».

Совершенство орошенія нисколько не мѣшаетъ Мукаддаси неоднократно заявлять о недостаткѣ воды въ Мервѣ вообще; недостатокъ этотъ особенно сильно ощущался жителями мѣстъ, гдѣ были расположены помѣстья султанскія, вотъ почему въ старину жители не допускали султанскихъ людей покупать земельныя угодья. Примѣнительно къ этому путешественникъ нашъ передаетъ слышанный имъ разсказъ объ одной женщинѣ, которая выгнала изъ Мерва Мамуна. Явившись къ нему, она сказала: «Ты раззорилъ Мервъ: онъ не выноситъ, чтобы помѣстьями въ немъ владѣли знатные». Мамунъ будто бы удалился.

Общая характеристика города въ устахъ Мукаддаси такова: «Мервъ, извѣстный подъ именемъ «Мервъ Шахиджанъ», столица процвѣтающая, съ здоровымъ климатомъ, изящная, блестящая, просторная, мало населенная; въ ней кушанья вкусны, опрятно приготовляются; жилища красивы, высоки; по своей красотѣ дома точно кайма по обѣимъ сторонамъ города. Шейхи замѣчательны, умы ихъ высоки; обѣ мечети соборныя изъ камня, въ нихъ нѣтъ дерева, ни навѣса. Каждую ночь въ засѣданіи сборищъ благочестивыхъ, воздержанныхъ людей выступаетъ проповѣдникъ-факихъ, равный Абу-Ханифѣ. Училищамъ и каждому учителю съѣстной пай. Базары красивы; развѣ ты не видишь, какъ ряды ихъ тѣснятся при верхней соборной мечети со всѣхъ сторонъ? И тамъ славный дворецъ, блестящій, при которомъ портикъ героя династіи благородной (Аббасидовъ, т. е. Абу-Муслима). Не спрашивай о баняхъ Мерва, о кушаньѣ харисэ, о хлѣбѣ, объ умѣ, о мужествѣ жителей, ибо они извѣстны; но спроси о водѣ ихъ, о заработкѣ ихъ и о добродѣтеляхъ ихъ, ибо они хромаютъ; и спроси о хитрости ихъ и смутахъ,—у меня

объ этомъ списокъ: извѣстія вѣрныя, написанныя чистымъ арабскимъ языкомъ:—я (правдивъ, я) не изъ тѣхъ, которые ѣдятъ лепешку посредствомъ своего знанія (продаютъ знаніе), я стремлюсь къ раю и желаю отвѣтить на благосклонный призывъ Бога.

Такъ Мервъ былъ бы превосходный городъ, если бы въ немъ не было мало населенія; онъ обезлюдѣлъ, исключая немногихъ жилищъ [1]). Треть пригорода его разрушена, точно древнія развалины; жилища обветшали; жители допустили крыши упасть. Безнравственность явная; смуты ихъ извѣстны. Заработки у нихъ трудны и у большинства изъ нихъ скудны. Нѣтъ щедрости и нѣтъ чистыхъ котловъ; глина ихъ не обладаетъ вязкостью, лѣтомъ изсушающая жара. При соборной мечети канцеляріи податей и полицейскихъ. Рѣка ихъ то и дѣло производитъ наводненіе (т. е. портится мургабская плотина, о которой шла рѣчь выше)».

Изъ городовъ, принадлежащихъ къ области Мерва, Мукаддаси неоднократно называетъ слѣдующіе: Гиренгъ (Джиренджъ)—большой городъ на обоихъ берегахъ рѣки, соединенныхъ мостомъ; отъ главнаго теченія отдѣляются два рукава, на которыхъ есть мельницы, и которые пересѣкаютъ городъ; соборная мечеть находится въ трети города (?), у бока ея каравансерай, а между ними минаретъ.

Синджъ—населенъ, соборная мечеть на краю базара, а за нею рѣка, а надъ рѣкой садъ, рядомъ съ которымъ виноградникъ рода ал-Мусаффа.

Харакъ—его соборная мечеть внѣ базара; жители берутъ воду изъ рукава рѣки около передней части мечети.

Башанъ—его соборная мечеть въ «ряду ювелировъ» [2]); воду пьютъ изъ рукава рѣки.

Денданеканъ—городъ небольшой, укрѣпленный, съ одними воротами. Бани и караульни (каравансераи, рабаты) расположены внѣ его; красивъ по положенію; въ немъ красивая соборная мечеть и (еще) одна мечеть.

Безъ ближайшихъ опредѣленій указаны: Хурмузферрэ, Саусаканъ, С-х-бэ и Сингъ-Аббади.

Въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва Мукаддаси отмѣтилъ «рабатъ (каравансерай), въ которомъ находится небольшая могила; говорятъ, что это — могила головы Хусейна, сына Али».

Мервъ изобилуетъ хлѣбомъ, виноградомъ; вывозятся изъ него платья изъ «мульхамъ» — матеріи, сырцовыя и шелковыя покрывала, хлопокъ, кордвы, сыръ, сѣмена овощей, употребляемыхъ для приправъ, кунжутное масло и мѣдь. Далѣе Мукаддаси отмѣчаетъ «уштургазъ» и мервскія большія дыни и отличаетъ вообще, какъ хорасанскіе—безподобный хлѣбъ, уступающій по достоинству только хлѣбу Рамлы въ Палестинѣ, кушанье харисэ (толченая пшеница съ рубленнымъ мясомъ) и сортъ дынь, который называется «ал-шакъ» (или ал-сафъ).

Не забылъ упомянуть Мукаддаси и о налогѣ хорасанскомъ, найдя его въ нѣкоторыхъ книгахъ: онъ простирался до 44,800,943 дирхемовъ, 20 верховыхъ животныхъ, 2,000 овецъ, 1,012 головъ невольниковъ, и 1,300 штукъ плащей и желѣзныхъ клинковъ [3]).

---

[1]) Это не мѣшаетъ Мукаддаси, въ другомъ мѣстѣ, называть городъ Мервъ «матерью городовъ» и говорить, что «онъ равенъ міру», стр. 294, 295.

[2]) Вѣроятно, эту мечеть مسجد الصاغة имѣетъ ввиду *Сам'ани*, Книга родословій, л. 46*b* s. v. البديسى.

[3]) Къ какому собственно времени налогъ этотъ можетъ быть пріуроченъ, я не знаю: Мукаддаси называетъ его اصل خراج. Въ варіантѣ константинопольской рукописи говорится, что собственно налогъ небольшой, но онъ увеличился потому, что эмиръ, по разнымъ обстоятельствамъ, за годъ задолжалъ и долгъ этотъ такъ и остался. Налогъ Мерва былъ 1,132,184 дирхема.

Въ Хорасанѣ вообще преобладаетъ ханефитскій толкъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ; къ числу послѣднихъ относятся принадлежащіе къ Мерву города Синджъ и Денданеканъ, гдѣ главенствуютъ шафіиты, и въ самомъ Мервѣ одна изъ двухъ мечетей была шафіитская.

Дорожники, указанные Мукаддаси, слѣдующіе:

Изъ Мерва въ Фазъ 1 стоянка (караванная, а не почтовая, какъ у Ибнъ-Хордадбеха и Кудамы);—въ Мехди-абадъ 1 стоянка;—въ Бахирабадъ 1 ст.;—въ ал-Каринейнъ 1 ст.;—въ Асадъ-абадъ 1 ст.;—въ Хаузанъ 1 ст.;—въ Касръ-Ахнефъ 2 ст.;—въ Араскенъ 1 ст.;—въ ал-Асрабъ 1 ст.;—въ Генджъ-абадъ 1 ст.;—въ ал-Талаканъ 1 ст.;—въ К-с-ханъ 1 ст.;—въ Яхудійе (т. е. Мейменэ) 1 ст.;—въ ал-Ка' 1 ст.;—въ Ашбурканъ 1 ст.;—въ ал-Сидрэ 1 ст.;—въ ал-Дестеджирдэ 1 ст.;—въ Бальхъ ½ стоянки: всего 18½ стоянокъ.

Изъ Мерва въ Джеруджирдъ (очевидно, Дженуджирдъ) 1 стоянка;—въ ал-Денданеканъ 1 ст.;—въ Телистанэ 1 ст.;—въ Уштурмегакъ 1 ст.;—въ Сарахсъ 1 ст.: всего 5 стоянокъ.

Изъ Мерва въ Кушмейхенъ 1 ст.;—въ Рабатъ ал-Хадидъ 1 ст.;—въ Рабатъ Н-с-р-къ 1 ст.;—въ Джуббъ Хаммадъ 1 ст.;—въ Рабатъ Барисъ 1 ст.;—въ Амоль 1 ст. (отъ послѣдняго до Аму-Дарьи ½ фарсаха): всего 6 стоянокъ [1]).

Мукаддаси свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, объ упадкѣ Мерва, точнѣе сказать, его «обветшаніи»: оно относится главнымъ образомъ къ внѣшнему виду города и причины его понятны.

Какъ уже выше было упомянуто, Мервъ въ это время не былъ областнымъ городомъ, резиденціей династіи, уступая, какъ таковымъ, мѣсто Нишапуру, Бухарѣ и Газнѣ, которые предпочтительно обстраивались, украшались и разростались. Не слѣдуетъ думать, чтобы эта эпоха простыхъ правителей прошла окончательно безслѣдно для нашего города: есть историческое указаніе на то, что въ 919 году въ Мервѣ была возведена стѣна Ахмедъ-ибнъ-Сахлемъ, намѣстникомъ Амръ-ибнъ-Лейса Саффаридскаго, когда онъ, дѣйствуя противъ Насръ-ибнъ-Ахмеда Саманида, укрѣпился въ Мервѣ, но былъ разбитъ, вызванный на одну стоянку къ Мерверруду хитростью [2]). Чтó это была за стѣна, возведена-ли новая, или только исправлена старая, остается по краткости извѣстія недостаточно выясненнымъ.

---

[1]) *De Goeje*, Bibl. geograph. arabic. Pars tertia. Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokaddasi, стр. 298, 299, 310, 311, 312, 323, 324, 326, 330, 331, 333, 340, 347, 348.

Нѣкоторые дорожники изъ приведенныхъ до сихъ поръ арабскихъ путешественниковъ и причины разногласій въ нихъ разобраны и объяснены *Sprenger*'омъ, Post-und Reiserouten des Orients, стр. 16, 41, 42, 43, въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, III, 3. Для нѣкоторой наглядности при пользованіи арабскими свѣдѣніями о Мервѣ окружавшихъ его городахъ и шедшихъ изъ него дорогахъ, приложены нами три карты, взятыя изъ названнаго сочиненія Sprenger'а (см. табл. I, II и III). Карты составлены на основаніи Бируни, умершаго въ 430 (1038) году, и автора «Книга долготъ», неизвѣстнаго по имени и времени; Sprenger, l. c., XXIV и XXV, полагаетъ, что онъ жилъ послѣ 734 (1333) года.

[2]) *Ибн-ал-Асиръ*, VIII, 88.

III.

Мервъ при Сельджукахъ. Альпъ-Арсланъ, Меликъ-Шахъ, Санджаръ. Раззоръ Гузовъ. Описаніе Мерва у Идриси, Ахмеда Туси. Харезмшахи и ихъ слуги-строители. Свѣдѣнія о Мервѣ Якута и Сам'ани. Разрушеніе Мерва Монголами. Свѣдѣнія Казвини Закаріи, Димешки, Абуль-Фиды, Казвини Хамдаллаха.

За время Сельджуковъ Мервъ становится ихъ столицей, увеличивается, богатѣетъ и къ концу этой династіи дѣлается цвѣтущимъ: первая «хутба» въ честь Даудъ-Джагри-Бека Сельджукскаго, въ которой онъ именовался «царемъ царей», раздалась въ мервскихъ мечетяхъ въ 1036 году [1]).

Съ именами государей именно этой династіи и ихъ сановниковъ связывается благолѣпіе города, многіе его памятники и постройки не только въ послѣдующихъ описаніяхъ Мерва у различныхъ путешественниковъ, географовъ и космографовъ, но даже въ многочисленныхъ легендахъ, живущихъ до настоящаго времени на мѣстѣ въ устахъ народа. Какъ часто въ приведенныхъ уже нами описаніяхъ встрѣчается имя хорасанскаго героя, Абу-Муслима, такъ въ описаніяхъ послѣдующихъ все выдающееся въ Мервѣ за опредѣленный періодъ времени приписывается Сельджукамъ.

Въ трудахъ чисто историческаго содержанія, по самому характеру ихъ написанія, можно лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣтить прямыя указанія на единичные, частные случаи дѣятельности сельджукскихъ государей въ этомъ направленіи, и намъ остается только самимъ по общему [2]) судить о частномъ, безъ особенной боязни впасть въ ошибку.

Великій и могущественный Альпъ-Арсланъ избираетъ мѣстомъ своего погребенія Мервъ. Какъ извѣстно, онъ палъ въ 1072 году отъ кинжала убійцы на берегахъ Оксуса, въ походѣ его въ Трансоксіану, но трупъ его былъ перевезенъ въ Мервъ и похороненъ около его отца, Дауда [3]) и дяди, Тогруль-Бека, въ училищѣ [4]). На могилѣ его, *какъ полагали*, находилась

[1]) *Ибн-ал-Асиръ*, IX, 327.

[2]) Что Мервъ былъ предметомъ особыхъ попеченій сельджукскихъ государей, можно видѣть и изъ слѣдующихъ словъ сельджукскаго фермана о назначеніи въ Мервъ «мустауфи». «Такъ какъ Мервъ—мѣсто утвержденія царственнаго трона, мѣсто водруженія государственнаго знамени и мѣсто нисшествія на «домъ Сельджуковъ» (божественной) помощи и поддержки, вниманіе ума нашего на упорядоченіе дѣлъ этой земли обращается болѣе, чѣмъ на другія области государства, и жители Мерва и подданные, близкіе къ нему и далекіе, постоянно стоятъ подъ взоромъ нашей заботливости и подъ сѣнію благоволенія нашей думы. Государственныя должности (въ Мервѣ) поручаемъ мы такимъ лицамъ, которые соперниковъ и ровней превосходятъ достоинствами и выдающимися талантами, выказали достохвальныя качества въ занятіяхъ важными дѣлами, стали опытными и наученными въ различныхъ перемѣнахъ судьбы, получили полнѣйшее знакомство съ тонкостями дѣлъ и отмѣчены пробнымъ камнемъ благихъ начинаній»... См. рук. Учебн. Отд. Вост. Языковъ № 26, листъ 9*b*, по каталогу *Бар. Розена* (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, III, стр. 146).

[3]) *Хафизи-Абру*, рук. Публ. Библ. № 290, листъ 198*b*; *M. Th. Houtsma*, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. II, p. 48.

[4]) *Ибнъ-Халликанъ*, وفيات الاعيان (каир. изд.) II, 67, 65. Не это ли училище называлось въ Мервѣ «сельджукскимъ», какъ значится въ одномъ ферманѣ приведеннаго сборника Учебн. Отд. Вост. Яз., листъ 60*b*, مدرسهٔ منسوبست (т. е. Сельджуковъ) مروكه بخاندان ما, имѣвшее вакфенныя земли? Въ «Описаніи бухарскихъ надгробій и могилъ» — كتاب ملازاده —рук. Универ. № 947, листъ 63*b*, сообщается слѣдующее: («Въ Бухарѣ) въ небольшомъ разстояніи отъ соборной мечети на востокъ находится небольшое куполообразное зданіе и въ немъ могила. Нѣкоторые изъ простыхъ полагаютъ, что это могила Арсланъ-Хана Гази; на самомъ же дѣлѣ это не такъ, потому что скончался онъ

надпись, которая гласила: «Всѣ вы, видѣвшіе величіе вознесеннаго до небесъ Альпъ-Арслана! Ступайте въ Мервъ и узрите его погребеннаго во прахѣ» [1]).

Исторія съ царствованіемъ Альпъ-Арслана и преемника его Меликъ-Шаха нераздѣльно сливаетъ Низам-ал-Мулька, ихъ везиря, одну изъ замѣчательнѣйшихъ личностей мусульманскаго Востока; его домъ всегда былъ полонъ учеными, законовѣдами, благотворителями. Въ постоянныхъ заботахъ о просвѣщеніи онъ построилъ школы и семинаріи въ Исфаханѣ, Нишабурѣ, Хератѣ, Бальхѣ, Багдадѣ, гдѣ въ честь его академія называлась «Низамійе», и тратилъ большія суммы денегъ на ихъ содержаніе [2]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, разводя питомники науки и знанія въ различныхъ областяхъ, онъ дѣлалъ то-же и въ Мервѣ, гдѣ собственно началась его служебная дѣятельность.

Также точно трудно допустить, чтобы султанъ Меликъ-Шахъ, который вообще исправлялъ дороги, мосты, караульни въ пустынныхъ мѣстахъ (рабатъ), прорывалъ каналы, пришедшіе въ плохое состояніе, поправилъ соборную мечеть даже въ отдаленномъ Багдадѣ, который онъ посѣтилъ три раза, устроилъ водоемы по дорогѣ въ Мекку, возвелъ «городъ» въ Исфаханѣ, воздвигъ колонны изъ роговъ—трофеевъ охоты [3]) на пути въ Мекку и въ Трансоксіанѣ [4]),—чтобы онъ этихъ мѣръ народнаго благосостоянія и безопасности не осуществлялъ въ Мервѣ, мѣстѣ погребенія его предковъ, и сопредѣльныхъ съ нимъ мѣстностяхъ.

И дѣйствительно, ему, какъ увидимъ ниже, приписывается возведеніе въ Мервѣ городской стѣны [5]).

Служившій въ канцеляріи Меликъ-Шаха по финансовому вѣдомству (мустауфи) Шереф-ал-Мулькъ-Абу-Са'дъ-Мухаммедъ б. Мансуръ-ал-Харезми, скончавшійся въ Исфаханѣ въ 1100 году, потратившій около 100,000 динаровъ на разнаго рода постройки, возведшій между прочимъ часовню надъ могилою Абу-Ханифы [6]), въ Мервѣ выстроилъ медресэ для ханефитскаго толка [7]).

Послѣ смерти Меликъ-Шаха братъ его Арсланъ-Аргунъ, мутившій противъ Баркіярока, осадилъ въ 486 (1093) году Мервъ и разрушилъ въ немъ ворота и городскую стѣну; такое же разрушеніе произвелъ онъ и въ 489 (1095) году [8]).

въ Бальхѣ въ 1129 — 1130 году и тѣло его изъ Бальха перевезли въ Мервъ и погребли въ медресэ (училищѣ), *которое онъ самъ построилъ»*. Въ этомъ сообщеніи невѣрность года и мѣста кончины Альпъ-Арслана очевидна. На основаніи одного мѣста въ زبدة التواريخ *Хафизи-Абру*, рук. Публ. Библ. V. 3. 12, л. 247*a*, гдѣ говорится о погребеніи въ Мервѣ правнука Меликъ-Шаха, Абу-л-Фатхъ-Дауда, позволительно думать, что могила Альпъ-Арслана была въ Мервѣ во *дворцѣ* — دولتخانه, въ *куполообразномъ зданіи* — قبه, въ *соборной мечети* — جامع.

[1]) *D'Herbelot*, Bibliothèque orientale, I, 203; *Deguignes*, Histoire des Huns, II, 213 (въ нѣмецкомъ переводѣ II, 230); *Malcolm*, Histoire de la Perse, II, 73.

[2]) *Ибн-ал-Асиръ*, X, 141; *Мирхондъ*, Historia Seldschukidarum, ed. Vullers, стр. 121.

[3]) Обычай, унаслѣдованный отъ древнеперсидскихъ монарховъ. О подобныхъ постройкахъ см. *Якутъ*, IV, 645 s. v. منارة الحوافر; IV. 648 s. v. منارة القرون и *Barbier de Meynard*, Dictionnaire géographique... de la Perse, 542.

[4]) *Ибн-ал-Асиръ*, X, 144; *Мирхондъ*, l. c., 108.

[5]) Срав. также выше, стр. 16 примѣч. 4.

[6]) По свѣдѣніямъ другихъ, часовня возведена Альпъ-Арсланомъ Сельджукскимъ. *Ибнъ-Халликанъ*, وفيات الاعيان (каир. изд.), II, 67.

[7]) *Ибн-ал-Асиръ*, X, 223.

[8]) *Хафизи-Абру*, рукоп. Публ. Библ. № 290, л. 20*a*.

Изъ Сельджуковъ особенно любилъ Мервъ султанъ Санджаръ, этотъ второй Александръ Македонскій нашей области, распространившій могущество своей династіи до предѣловъ Яксарта и Инда.

Громадныя богатства, собранныя имъ во время походовъ, можно думать, были употреблены имъ на украшеніе столицы. Стоитъ вспомнить о двукратномъ овладѣніи Санджара Газною, полною сокровищъ, вывезенныхъ Махмудомъ Газневидскимъ изъ Индіи.

Въ 1114 году султанъ отправился въ Газну послѣ смерти Ала-ал-Доуле для возстановленія на тронѣ Бехрама, противъ Арсланъ-Шаха, сына Ала-ал-Доуле. На хутбѣ стали съ этихъ поръ упоминать Санджара какъ «мелик'»а (царя), а Бехрама, какъ «султана»; до этого времени хутба въ честь Сельджуковъ не читалась, и Меликъ-Шахъ при всей своей силѣ и могуществѣ не помышлялъ объ этомъ. Приверженцы Санджара получили громадныя богатства какъ отъ Бехрама, такъ и его подданныхъ. Серебряныя доски, вставленныя въ стѣнахъ, окружавшихъ палаты царскія, каналы для воды, проведенной въ сады, выложенные серебромъ,—были ободраны и разграблены, такъ что грабежъ этотъ остановилъ Санджаръ. Послѣднему, между прочимъ, досталось: пять вѣнцовъ,—цѣна одного изъ нихъ превышала 2,000,000 динаровъ,—1,300 штукъ драгоцѣнныхъ изукрашенныхъ камнями вещей и 17 троновъ изъ золота и серебра.

Въ 1134 году, когда этотъ Бехрамъ-Шахъ отказалъ въ покорности Санджару, послѣдній вторично овладѣлъ Газной и всѣми ея сокровищами [1]).

Подъ конецъ долгаго и славнаго царствованія Санджаръ потерпѣлъ жестокій ударъ, имѣвшій для него роковыя послѣдствія.

Въ 1153 году онъ пошелъ на тюркское племя Гузовъ, которое перестало платить ежегодную дань въ 24,000 барановъ, но былъ на голову разбитъ и самъ попался въ плѣнъ; Гузы дошли до Мерва, который стали требовать себѣ въ надѣлъ; Санджаръ съ гордостью отвѣтилъ: «Мервъ — столица и ничьимъ надѣломъ быть не можетъ». Послѣ такого отказа Гузы предали Мервъ ужасающему, неслыханному грабежу, сопровождая его убійствами и безчинствами [2]). Историко-географъ Хафизи-Абру говоритъ объ этомъ такъ [3]): «Гузы разграбили Мервъ, который былъ столицею со временъ Джагри-Бека и былъ наполненъ сокровищами и кладами эмировъ и царей, государственныхъ вельможъ и сановниковъ. Грабежъ производили непрерывно три дня: въ первый день грабили золотыя вещи, мѣдныя, шелки; во второй день—посуду мѣдную, бронзовую (желтой мѣди), ковры и вазы; на третій день въ городѣ ничего не осталось, кромѣ набивки отъ шелковыхъ постелей, ваты, глиняныхъ горшковъ,

[1]) *Ибн-ал-Асиръ*, X, 353; XI, 17. *Хафизи-Абру*, рук. Пуб. Библ. № 209, л. 202*b*. Не въ одинъ ли изъ этихъ походовъ султанъ Санджаръ хотѣлъ вывезти изъ Газны «копье о трехъ зубьяхъ», نيزهٔ سه شاخ, извѣстное подъ названіемъ «копья Махмуда Газневидскаго», которое стояло воткнутымъ въ землю на одной изъ площадей Газны, и которое поднять оказалось не въ силахъ ни одно вьючное животное? См. *Асфизари*, روضات الجنات, рук. библ. Универ. № 558, л. 90*a*.

[2]) *Ибн-ал-Асиръ*, XI, 118.

[3]) Рукоп. Публ. Библ. № 290 (по каталогу *Дорна*), листъ 209*a*. Свидѣтельство Хафизи-Абру есть почти дословная выписка изъ сочиненія *Мухаммедъ-ибнъ-Али-Равенди* راحة الصدور وآية السرور, изъ котораго отрывокъ о царствованіи Санджара изданъ въ текстѣ и переводѣ *Schefer*'омъ въ его Nouveaux mélanges orientaux (II sér. XIX vol. Publications de l'école des langues orientales vivantes), 1—47. См. стр. 26, 43.

стекла, простыхъ жбановъ и чановъ, дверей и дерева, — и это все они забрали. Большую часть горожанъ они полонили. Послѣ этого грабежа они прибѣгли къ разнаго рода пыткамъ и мученіямъ, и жители показывали спрятанное. Ни на поверхности земли, ни подъ землею ничего не оставили, и направились въ Нишабуръ».

Санджара Гузы увели плѣнникомъ за Оксусъ, гдѣ онъ томился около трехъ лѣтъ; въ 1156 году ему удалось бѣжать изъ плѣна, но свободой онъ наслаждался недолго: раззореніе страны такъ на него повліяло, что отъ горя (а по нѣкоторымъ источникамъ, отъ коликъ въ желудкѣ) онъ въ 1157 году [1]) скончался и былъ погребенъ въ Мервѣ въ куполообразномъ зданіи, которое самъ построилъ и назвалъ «домомъ будущей жизни» [2]).

За три года до смерти Санджара для короля Сициліи Рожера II Абу-Абдаллахъ-Мухаммедъ-ал-Идриси окончилъ свой трудъ по землеописанію подъ заглавіемъ «Услажденіе желающаго странствовать по странамъ свѣта». Его показанія относительно Мерва страдаютъ нѣкоторою неточностью и требуютъ поправокъ [3]). Онъ знаетъ два города съ именемъ Мерва, Мервъ Шахиджанъ и Мерверрудъ, но роли обоихъ Идриси перемѣшалъ, потому что, по его мнѣнію, Мерверрудъ — болѣе значительный. Описавъ область Бальха, онъ говоритъ: «Земля эта граничитъ на западѣ съ Мерверрудомъ, провинціей весьма цвѣтущей и многонаселенной, столица которой — Мерверрудъ, городъ древній, болѣе значительный, чѣмъ Бушенджъ (*Bousih*), и расположенный въ равнинѣ, въ большомъ разстояніи отъ горъ; почва тамъ плодородная, но песчаная».

Первая половина описанія этого относится, естественно, къ Мерверруду и взята, очевидно, изъ Истахри; тогда какъ вторая — къ Мервъ Шахиджану, который лежитъ вдали отъ горъ, чего никакъ нельзя сказать про Мерверрудъ. Все дальнѣйшее изложеніе Идриси находится подъ большимъ вліяніемъ труда Истахри. «Дома въ немъ выстроены изъ глины и на разстояніи полета стрѣлы отъ рѣки; въ немъ три большихъ мечети и крѣпость, построенная на возвышеніи; вода многочисленными каналами проведена въ городъ, который имѣетъ четверо воротъ. Рѣка, омывающая стѣны Мерва, — значительная, и отъ нея отводятъ каналы, служащіе для орошенія. Рѣка эта называется Мургабъ, беретъ начало на сѣверѣ въ горахъ Баміана, затѣмъ течетъ къ Мерву. На берегахъ ея — деревни, постройка которыхъ насколько прочна,

---

[1]) Хронограммою года смерти его служатъ слова «Государь Мерва» — شاه مرو: (300+1+5) + (40+200+6) -552 г. Гиджры или 1157 г. по Р. Х. См. *Гаффари*, نگارستان, рук. Универ. библ. № 95, л. 116*a* и *Хондэмиръ*, حبيب السير, II, 185.

[2]) Такъ говорятъ *Ибн-ал-Асиръ*, XI, 146 и *Хафизи-Абру*, № 290, листъ 210*a*; *Хафизи-Абру* въ «сокращенной редакціи» زبدة التواريخ называетъ также могилу Санджара دار الاخرة, рукоп. Аз. Музея, № 565*b*, л. 207*a*. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ источниковъ для исторіи Сельджуковъ, именно у *Бондари*, на основаніи Имад-ал-Дина Исфаханскаго, разсказывается, что султанъ Санджаръ приказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ-любимцевъ, Ихтіар ал-Динъ Джаухаръ-ал-Таджи, построить въ Мервѣ высокое куполообразное зданіе, въ которомъ была бы для него могила съ возложенною на ней предназначенною для него надгробною плитою. См. *M. Th. Houtsma*, Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. II, p. 274. Срав. также ниже, у Якута. *Равенди*, l. c., 30, 47, мѣстомъ погребенія Санджара называетъ имъ же построенный въ Мервѣ дворецъ (دولت خانه); во «дворцѣ» же помѣщаетъ могилу Санджара и *Хафизи-Абру* въ زبدة التواريخ, рукоп. Пуб. Библ. V. 3. 12, л. 138*a*.

[3]) См. Géographie d'Édrisi, traduite par *A. Jaubert*, I, 466—468. Имена собственныя мѣстъ возстановлены на основаніи предшествующихъ географовъ, а чтенія Идриси въ переводѣ Жобера заключены нами въ скобки.

настолько изящна, много красивыхъ селеній и замковъ-крѣпостей. Климатъ Мерва здоровый и умѣренный. Ибнъ-Хаукаль разсказываетъ, что тутъ сушатъ дыни въ кускахъ для вывоза [1]. Изъ этой мѣстности вывозится большое количество шелка и шелковыхъ охлопковъ, равно какъ высшаго качества хлопка, извѣстнаго подъ именемъ мервскаго и чрезвычайно мягкаго,— изъ него выдѣлываются различныя ткани, предназначенныя для вывоза».

Затѣмъ Идриси перечисляетъ зависящіе отъ Мерва города. Кушмейхенъ (*Kechmehin*) [2], мѣсто, расположенное на одинъ день отъ Мерва, на берегахъ рѣки, съ садами, виноградниками, базарами, каравансераями и банями. Хурмузферрэ (*Hormuz Cawah*) на одинъ фарсахъ влѣво отъ Кушмейхена, черезъ пустыню Сифае (*Senca*) на дорогѣ, которая ведетъ въ Харезмъ; это городъ средней величины съ различными зданіями и базарами, которые посѣщаются путешественниками. Синджъ (*Mesiha*), подобный предшествующему городу, лежитъ на одинъ день на западъ отъ Мерва и окруженъ пахотью и садами. Джиренджъ (*Djirenah*), небольшой, очень торговый городъ, въ 9 миляхъ отъ Мерва и въ трехъ миляхъ отъ Зарка (*Dorac*), лежитъ на берегахъ рѣки. Денданеканъ (*Dendalcan*), красивый городъ въ двухъ дняхъ отъ Мерва, по дорогѣ въ Сарахсъ; это мѣсто укрѣпленное, окруженное стѣнами, въ немъ есть базары, каравансераи, бани и большая мечеть. Каринейнъ (*Gazneïn*), городъ тоже укрѣпленный, богатый, имѣетъ базаръ, большую мечеть, проточную воду и сады. Отъ него до Мерва считаютъ четыре дня. Башанъ (*Nachan*), красивый городъ съ прочно построенными базарами, большою мечетью, каравансераямя и банями; лежитъ въ трехъ миляхъ отъ Хурмузферрэ. Саусаканъ (*Sarmacan*), городъ значительный, цвѣтущій и богатый, земли котораго орошаются проточными водами; лежитъ влѣво отъ Харака (*Dorac*) и далѣе отъ Мерва, чѣмъ послѣдній, на 3 мили; Харакъ же расположенъ на берегахъ рѣки въ 12 миляхъ отъ Мерва въ направленіи Сарахса и Абиверда.

Упоминаемыя затѣмъ Идриси два селенія—Касръ-Ахнефъ (*Cassr Akhif*) и Дизе (*Derah*)— никакого отношенія къ Мервъ Шахиджану не имѣютъ и принадлежатъ къ области дѣйствительнаго Мерверруда.

Разстоянія у Идриси отмѣчены слѣдующія: отъ Мерва до Сарахса 5 дней;—до Амоля, на берегу Джейхуна, 6 дней;—до Мерверруда 6 дней;—до Херата 12 дней [3].

Султанъ Санджаръ былъ послѣднимъ могущественнымъ представителемъ сельджукской династіи, которая, продержавшись еще около сорока лѣтъ послѣ его смерти, быстрыми шагами шла къ упадку и существовала скорѣе номинально. Въ дѣйствительности страною распоряжались Харезмшахи, которымъ дорогу въ Хорасанъ открыли сами же Сельджуки: Махмудъ, племянникъ Санджара, которому народъ присягнулъ послѣ плѣна послѣдняго, пригласилъ харезмшаха Атсиза на помощь противъ Гузовъ. Съ этого времени, строго говоря, они не покидаютъ Хорасана.

Въ 1172 году Султанъ-Шахъ прямо овладѣваетъ Мервомъ; по смерти его въ 1193 году Текешъ назначаетъ въ него правителемъ своего старшаго сына, Меликъ-Шаха; въ томъ же году

---

[1]) Собственно, Идриси и Ибнъ-Хаукаль говорятъ только о томъ, что дыни рѣжутся на куски (يقدد), а о сушкѣ ихъ не упоминаютъ.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ у Идриси, II, 187, этотъ Кушмейхенъ названъ «*Kechmech*».

[3]) Géographie d'Édrisi, II, 183, 471.

убиваетъ послѣдняго Сельджукида, Тогрула III; въ 1217 году Ала-ал-Динъ-Мухаммедъ, сынъ Текеша, приказываетъ прекратить существовавшую до сихъ поръ хутбу въ честь багдадскихъ халифовъ во многихъ мѣстахъ и между прочимъ въ Мервѣ, и сохраняетъ полное верховенство надъ Хорасаномъ до появленія Монголовъ [1]).

Въ честь послѣдняго Сельджукида въ Персіи, стало быть, не позже сказаннаго 1193 г., Ахмедъ-Туси написалъ космографію на персидскомъ языкѣ подъ названіемъ «Чудеса сотворенныхъ вещей» — عجایب المخلوقات, въ которой о Мервѣ говоритъ слѣдующее [2]) مرورا بنا کرد طهمورث بهزار مرد و بازاری نهاد از ان طعام هر شب هر مردی را درمی بدادی بطعام ندادی رور دیکر هزار درم با خزینهٔ ملك امدی بنای مروی [وی] بیش از هزار درم خرج برفت و قهندرز را [قهندزرا] در انجا بنا کرد و بهندوستان شهری بکرد نام ان اوق بر سر کوهی کویند مرورا بنا کرد خمسانا [خمانا] بنت اردشیر بن اسفندیار حکایت ابو اسحاق طالقانی کوید روزی از قهندرز کنی [قهندز رکنی] بیفتاد کله سر ادمی در ان بوذ یك دندان وی بر کشیدند دو من بوذ بچهار صذ و در مرو خانه بوذ نام وی کی مرزبان بر جهار صورت بنا کرده دو مرد و دو زن و در اندرون صورتها عجایب کرده کس ندانست که ان جیست قومی بر ان دعوی کردند که ملك ماست انرا باز شکافتند محطی [قحط باز] بدید امذ و محنتها متواتر شد و اهل مرورا ببخل منسوب کند قال ثمامه انّ دیك المرو تسلب الحبّ عن الدجاجه و بدانك اهل مرو قومی اند پاك دین و نماز بپای دارند و اهل دین باشند و شهر مرورا قبّة الاسلام خوانند در ولایت خراسان و برامکه کی سخی‌تر خلق بوذند ار مرو بوذند و مفاخران شهر اکر عبدالله بن المبارك بود که تمام است [بود تمامت] انجا علت رشته بود جنانك بدهستان نعوذ بالله منها ✡

«Мервъ построилъ Тахмурасъ при помощи тысячи человѣкъ, и поставилъ базаръ пищевыхъ продуктовъ: каждый вечеръ каждому человѣку давалъ одинъ дирхемъ, давалъ на пищу; на слѣдующій день въ царскую казну поступала тысяча дирхемовъ;—на постройку Мерва болѣе тысячи дирхемовъ израсходовано не было. И кремль тамъ построилъ. И въ Индостанѣ основалъ городъ, по имени Укъ, на вершинѣ горы. Говорятъ (другіе), что Мервъ построила Хумай [3]), дочь Ардешира, сына Исфендіяра. Разсказъ. Абу-Исхакъ-Талакани говоритъ: «однажды въ кремлѣ рухнулъ столпъ, въ немъ была человѣческая голова; одинъ зубъ изъ нея свѣсили, оказался въ два мена, въ четыреста (дирхемовъ)» [4]). И въ Мервѣ былъ домъ, имя которому «кей мерзебанъ»; онъ былъ построенъ на четырехъ фигурахъ—два мужчины и двѣ женщины—и внутри фигуръ сдѣланы были чудеса; никто не зналъ, что это такое. Народъ заявлялъ, что это—нашъ царь. Его (домъ) разобрали, появилась засуха-голодъ, и бѣдствія стали слѣдовать одно за другимъ. Жителямъ Мерва приписываютъ (особенную) скупость; Сумама [5]) сказалъ: «подлинно, пѣтухъ въ Мервѣ отнимаетъ зерно у своей курицы». И знай,

1) *Ибн-ал-Асиръ,* XI, 248; XII, 67, 70, 207. *Мирхондъ,* Histoire des sultans du Kharezm (Chrestomathies orientales Par. 1842), 10, 14, 19, 21. *Джувейни,* تاریخ جهانکشا, рук. Универс. № 172, л. 117*a*, 117*b*.

2) Текстъ безъ малѣйшаго измѣненія печатается по выпискѣ изъ готской рукописи № 35 каталога *W. Pertsch*'a, Die persischen Handschriften der herzog. Biblioth. zu Gotha, листъ 68*a*, любезно сообщенной мнѣ его составителемъ. Рукопись Учеб. Отд. Вост. Яз. № 24 по каталолу *Бар. В. Р. Розена,* л. 197*b*, представляетъ крайне испорченный текстъ, изъ котораго взяты только сносныя разночтенія, заключенныя въ скобки.

3) Между прочимъ и на основаніи Якута, ниже; текстъ, очевидно, не вѣренъ.

4) Такая точно мѣра существуетъ и теперь въ Персіи: менъ въ 400 дирхемовъ называется «шахскимъ меномъ» и равенъ двумъ менамъ табризскимъ или 13 фунтамъ; при такомъ исчисленіи зубъ вѣсилъ 26 фун.

5) Вь текстѣ очевидная описка.

что жители Мерва—народъ чистовѣрный и молитвы исполняютъ строго и религіозны. И городъ Мервъ прозываютъ въ области хорасанской «куполомъ ислама». И Бармекиды, которые были самые щедрые люди, были изъ Мерва.... [1]) Тамъ бываетъ болѣзнь «ришта» (волосатикъ), какъ въ Дихистанѣ. Сохрани насъ, Господи, отъ нея!»

Владычество надъ Мервомъ харезмшаховъ, прошедшее въ его предѣлахъ не безъ волненій и взаимныхъ раздоровъ, поддерживаемыхъ гурійскими султанами, въ общемъ было благотворное,—особенно, кажется, царствованіе Текеша, который, развязавшись съ соперникомъ, своимъ братомъ Султанъ-Шахомъ, приложилъ не мало похвальныхъ усилій къ приведенію мѣстъ, разрушенныхъ и опустошенныхъ, въ жилой видъ и вообще выказалъ не мало заботъ о подданныхъ [2]). Забытъ былъ раззоръ Гузовъ и ко времени Чингизъ-Хана Мервъ вновь процвѣтаетъ.

Самимъ харезмшахамъ подражали ихъ слуги-везири.

Низам-ал-Мулькъ Масʼудъ б. Али, везирь Текеша, убитый, какъ и другой знаменитый Низам-ал-Мулькъ, ассасинами въ 1199 году, построилъ въ Мервѣ мечеть для шафіитскаго толка, которая высотою превосходила мечеть ханефитскую; но шейх-ал-исламъ, глава ханбалитовъ, подстрекнулъ чернь народную сжечь ее. Въ это дѣло вмѣшался самъ харезмшахъ и всѣхъ причастныхъ къ этому варварству оштрафовалъ на большую сумму денегъ, каковую они и уплатили [3]).

Извѣстно также, что въ Хорасанѣ было много вакфовъ-мечетей, медресэ для шафіитскаго толка, пристанищъ по дорогамъ, которыя были построены гурійскимъ султаномъ Гіяс-ал-Диномъ [4]), тѣмъ самымъ, который въ 1200 году овладѣлъ Мервомъ и, прогнавъ намѣстника Мухаммеда, сына Текеша Харезмшаха, отдалъ его двоюродному брату, Хинду-Хану [5]). Весьма возможно, что вакфы эти были также если не въ самомъ Мервѣ, то въ прилежащихъ къ нему мѣстахъ.

При Ала-ал-Динъ-Мухаммедѣ въ Мервѣ три года (1216—1219) провелъ знаменитый Шихаб-ал-Динъ-Абу-Абдаллахъ-Якутъ-ал-Хамави, составитель большаго географическаго словаря подъ заглавіемъ «Алфавитный реестръ странъ». Въ этомъ трудѣ онъ говоритъ о Мервѣ слѣдующее [6]).

Мервъ Шахиджанъ—названіе великаго Мерва, славнѣйшаго изъ городовъ Хорасана и столицы его. Отъ Мерва до: Нишапура 70 фарсаховъ, Сарахса 30 фарс., Бальха 122 фарс. или 22 стоянки; до Мерверруда [7]) 5 дней, до Несы [8]) 5 дней, до Бухары [9]) 12 стоянокъ. Слово «Мервъ» по арабски значитъ «бѣловатый кремень», которымъ высѣкаютъ огонь, но названіе города должно

[1]) Слѣдующая въ текстѣ фраза непонятна; названный въ ней Абдаллахъ б. ал-Мубаракъ, согласно *Якуту*, IV, 509, дѣйствительно происходилъ изъ Мерва.

[2]) *Мирхондъ*, l. c., 24. *Джувейни*, l. c., л. 119*a*.

[3]) *Ибн-ал-Асиръ*, XII, 104. Срав. ниже *Джувейни*, при описаніи погрома Мерва Монголами., стр. 51.

[4]) *Ибн-ал-Асиръ*, XII, 118.

[5]) *Ибн-ал-Асиръ*, XII, 108.

[6]) См. его معجم البلدان изд. *Вюстенфельда*, IV, 507. *Barbier de Meynard*, Dictionnaire géographique de la Perse, 526. *Wüstenfeld*, Jâcût's Reisen, 476 (въ Zeitschrift der deutsch. morgenländ. Gesellschaft, XVIII, 397—493). Срав. также *Schefer*, Sefer Nameh, Appendice, 269—276, гдѣ въ описаніи Мерва авторъ главнымъ образомъ основывается на Мукаддаси и Якутѣ. Нижеслѣдующія извлеченія изъ Якута—не всегда буквальный переводъ.

[7]) S. v. مرو الرود, IV, 506.

[8]) S. v. نسا, IV, 776.

[9]) S. v. بخارا, I, 517.

быть иностраннаго происхожденія, да и не видѣлъ я никогда въ этой странѣ такого рода камня. Что касается слова «шахиджанъ», то по персидски оно значитъ «душа царя»; городъ этотъ такъ опредѣляется по причинѣ его величины и важности для нихъ... Птолемей въ книгѣ своей «Малхама» говоритъ, что городъ Мервъ-ал-Р.ка лежитъ въ пятомъ поясѣ, подъ 67° долготы и 40° широты... на самомъ же дѣлѣ Мервъ принадлежитъ къ четвертому поясу, долгота 84¹/₃°, широта 37° 35′... Полагаютъ, что цитадель Мерва построена Тахмурасомъ-царемъ..., по другому же преданію Хумай, дочь Ардешира, сына Исфендіяра, вступивъ на тронъ, приказала возвести стѣну, которая окружаетъ Мервъ... Ни одинъ другой городъ не можетъ похвастаться происхожденіемъ изъ него такого большаго количества ученыхъ и всякаго рода знаменитыхъ и важныхъ людей. Султанъ Санджаръ, сынъ Меликъ-Шаха, Сельджукидъ, властелинъ большаго царства, предпочиталъ Мервъ всѣмъ прочимъ городамъ: въ немъ была его обычная резиденція и въ немъ онъ умеръ. Могила его находится въ большомъ куполообразномъ зданіи, раздѣленномъ отъ соборной мечети рѣшетчатымъ окномъ; надъ нимъ возвышается куполъ голубаго цвѣта, который виденъ на разстояніи одного дня пути. Мнѣ говорили, что памятникъ этотъ возвелъ послѣ смерти султана одинъ изъ слугъ его, который сдѣлалъ также богатое пожертвованіе на содержаніе чтецовъ Корана и стражи. Я покинулъ Мервъ въ 1219 году; онъ былъ тогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Двѣ большія мечети въ немъ, изъ которыхъ одна принадлежала Шафіитамъ, а другая Ханефитамъ, находились въ одной общей оградѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, которыя я провелъ въ этомъ городѣ, я замѣтилъ въ немъ только одну болѣзнь,—мединскаго червя, которая свирѣпствуетъ тамъ ежегодно съ силою и избѣжать которой трудно. Еслибы не нашествіе Татаръ и бѣдствія, которыя отъ этого приключились, я окончилъ бы жизнь мою въ Мервѣ: такъ я былъ прельщенъ нѣжностью, доброжелательностью и вѣжливостью его жителей, и очарованъ заключавшимися въ немъ книжными богатствами по части основныхъ наукъ. Мервъ во время моего отъѣзда имѣлъ десять библіотекъ-вакфовъ, болѣе богатыхъ отборными сочиненіями, чѣмъ библіотеки любаго другаго города. Я назову два книгохранилища, принадлежавшія соборной мечети: одно называлось «Азизійе» въ честь основателя его Азиз-ал-Динъ-Абу-Бекръ-Атикъ-ал-Зинджани (Рейхани) или Атикъ б. Абу-Бекръ, состоявшаго кравчимъ у султана Санджара. Человѣкъ этотъ, начавшій съ продажи фруктовъ и ароматическихъ травъ на мервскомъ базарѣ, достигъ степени перваго кравчаго султана и пользовался большимъ довѣріемъ при дворѣ. Библіотека эта заключала около двѣнадцати тысячъ томовъ. Другая была «Кемалійе»,—происхожденіе этого названія мнѣ неизвѣстно. Библіотека Шереф-ал-Мулька, мустауфія Абу-Са'дъ-Мухаммедъ б. Мансура, въ его медресэ; мустауфи этотъ скончался въ 1100 году и былъ ханефитскаго толка. Библіотека Низам-ал-Мулькъ-ал-Хасанъ б. Исхака въ устроенномъ имъ медресэ. Двѣ библіотеки принадлежали фамиліи Сам'ани. Книгохранилище въ медресэ, по имени «'Амидійе» (Омарійе). Библіотека Меджд-ал-Мулька, одного изъ везирей позднѣйшаго времени. Библіотека «Хатунійе» (Ханумійе) въ медресэ того же имени. Наконецъ библіотека «Домайрійе» въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей; изъ нея было легко получать: въ моемъ домѣ оттуда всегда было 200 томовъ и болѣе, безъ всякаго залога, цѣнностью въ 200 динаровъ [1]). Въ

[1]) У *Barbier de Meynard,* l. c.. 530, исчисленіе библіотекъ неполно, а замѣтка о послѣдней совершенно вѣрна: «elle ne renfermait que deux mille volumes, mais infiniment précieux et valant au moins 200 dinars chacun».

этихъ различныхъ библіотекахъ я проводилъ почти все мое время, забывая въ сладости изысканій и мою родину, и мою семью: тамъ я собралъ почти всѣ матеріалы для составленія этой книги и другихъ моихъ писаній... Въ Мервѣ посѣщаютъ могилы четырехъ сподвижниковъ пророка, а именно: Бурейда б. ал-Хусейба, ал-Хакамъ б. Амръ-ал-Гифари и Сулеймана, сына Бурейды; послѣднее надгробіе находится въ сосѣдней деревнѣ, по имени Фени или Фенинъ; надъ могилой водружено знамя; всѣ ихъ я видѣлъ. Имя четвертаго сподвижника я позабылъ. Что касается мервскихъ поселковъ, то они значительнѣе городовъ; чаще всего мнѣ приходилось слышать, что знаменитые мужи Мерва происходятъ изъ такихъ поселковъ.

«Алфавитный реестръ странъ» содержитъ разнообразнѣйшія свѣдѣнія обо всѣхъ частяхъ извѣстнаго въ то время Арабамъ міра, и для описанія области Мерва даетъ самый обильный матеріалъ въ видѣ именъ мѣстностей и городовъ съ историческими замѣтками о нихъ, опредѣленіемъ ихъ положенія и извѣстіями касательно торговли ихъ, произведеній и пр.

Этотъ матеріалъ Якута мы расположимъ въ порядкѣ русскаго алфавита, сопоставляя его съ «Книгой родословій» ал-Самʹани [1]).

ʹАббадъ Я., III, 599: Деревня около Мерва. Жители называютъ его **Шинкъ-Аббадъ**, а традиціонисты **Синджъ-ʹАббадъ.** Его не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ селеніемъ Синджъ. Аббадъ около четырехъ фарсаховъ отъ Мерва. С., л. 283*a*: Большая деревня въ Мервѣ, которая называется **Шихъ-ал-ʹАббади**—شيخ العبادى.

ʹАбданъ. Я., III, 603: Одна изъ деревень Мерва. С., л. 283*b*: Извѣстная деревня въ Мервѣ, въ двухъ фарсахахъ отъ него; это—**Рикенджъ-Абданъ**—ريكنج عبدان.

Абринакъ и **Абринэ.** Я., I, 89: Деревня въ Мервѣ. С., л. 3*b*... **Ибринакъ** и **Ибринэ.**

Алинъ. Я., I, 66. С., л. 2*a*: Одна изъ деревень Мерва на нижнемъ теченіи рѣки Харекан [2]).

Анбаръ. Я., I, 369: Поселеніе въ верхней части Мерва. С., л. 30*b*.... оно видно, если выйти изъ городскихъ воротъ.

Андаганъ. Я., I, 374. С., л. 31*a*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва, въ верхней части области.

Андакъ. Я., I, 371. С., л. 31*a*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Андерабэ. Я., I, 373: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва; султанъ Санджаръ, сынъ

---

[1]) Извѣстно, что трудъ этотъ—одинъ изъ главныхъ источниковъ Якута. Рукопись Азіят. Музея, № 543*a*. При сопоставленіи, ссылки на Я. и С. стоятъ рядомъ, если слѣдующія за ссылками сообщенія ихъ о той или другой мѣстности тожественны; при полномъ разногласіи приводятся отдѣльно свѣдѣнія каждаго; при разногласіи частномъ, пополненіи Якута Самʹаниʹемъ, словамъ послѣдняго предшествуетъ многоточіе. Восточная транскрипція именъ мѣстъ введена мною только въ извлеченіяхъ изъ Самʹани, когда онъ дополняетъ Якута; притомъ погрѣшности рукописи въ именахъ, произношеніе которыхъ устанавливаетъ С., мною оставлены безъ вниманія:—я вездѣ ставлю правильное чтеніе; имена же, чтеніе которыхъ не оправдывается ни трудомъ С., ни таковымъ же Я., я оставляю въ такомъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ рукопись.

Выраженія Я. и С. اعلى البلد и اسفل البلد я передаю разно: или «верхняя и нижняя часть области» (относительно теченія Мургаба, какъ у Мукаддаси нашъ Мервъ названъ «нижнимъ», а Мерверрудъ — «верхнимъ»); или «высокая, возвышенная и низкая часть области» (сообразно съ орографіей мѣстности; такъ понимали Якута Wüstenfeld, Barbier de Meynard и современный персидскій компиляторъ, Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ). Отъ такого разнообразнаго пониманія и передачи сказанныхъ выраженій положеніе мѣстъ, какъ увидимъ ниже, нисколько не измѣняется.

[2]) Срав. также *Табари*, II, *3*, 1968.

Меликъ-Шаха, Сельджукидъ, построилъ здѣсь дворцы и много другихъ зданій. Когда я здѣсь проходилъ, памятники эти и самая деревня лежали въ развалинахъ. С., л. 31*a*: Деревня въ Мервѣ; въ ней стояло войско [1].

Анкулканъ. Я., I, 392. С., л. 32*b*: Деревня въ Мервѣ.

Арва. Я., I, 227. С., л. 12*b*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Арзанкъ-абадъ. Я., I, 205: Деревня въ Мервъ Шахиджанѣ.

Арсабендъ. Я., I, 207. С., л. 11*a*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Аштахастъ. Я., I, 276: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 21*a*.... **Уштахастъ**.

Бабанъ. Я., I, 437: Кварталъ въ нижней части Мерва. С., л. 35*a*: Большой кварталъ въ нижней части Мерва; его называютъ **Бай-Бабанъ**.

Бабъ-Каранъ. Я., I, 446: Деревня въ Мервѣ. С., л. 35*b*: Деревня въ верхней части области Мерва.

Бабъ-Ширъ. Я., I, 445: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва. С., 35*b*.... около Дервазека — دروازق.

Бабъ-Шуристанъ. Я., I, 445: Кварталъ въ Мервѣ.

Багъ. Я., I, 473. С., л. 39*b*: Деревня въ Мервѣ; она называется также **Багъ-у-Берзенъ**; въ двухъ фарсахахъ отъ города.

Багнабадъ. Я., I, 474: Деревня около Мерва.

Баджехустъ. Я., I, 453: Большая деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 36*a*.... **Баджхустъ**—въ четырехъ фарсахахъ.

Базъ. Я., I, 466. С., л. 38*a*: Деревня въ семи фарсахахъ отъ Мерва. Срав. Фазъ.

Бала. Я., I, 477: Деревня въ Мервѣ. Персы называютъ ее **Кувала**.

Балаканъ. Я., I, 479. С., л. 40*b*: Деревня въ Мервѣ, теперь разрушившаяся; протекающая по сосѣдству рѣка сохранила названіе рѣки Балаканъ.

Баранъ. Я., I, 462: Деревня въ Мервѣ, называемая также **Дизе-Баранъ**. С., л. 37*a*.... **Дезе-Баранъ**.

Барнабадъ. Я., I, 464. С., л. 38*a*: Кварталъ въ Мервѣ у «Бабъ-Шаристанъ».

Бахджерміянъ и **Багджерміянъ**. Я., I, 522: Деревня въ Мервѣ, около Андерабэ. Тутъ стояли бальхскія войска. С., л. 45*b*.... **Бахджерманъ** и **Багджерманъ** — بجرمان, بغجرمان

Бахиръ-абадъ. Я., I, 512: Деревня въ Мервѣ.

Башанъ. См. Фашанъ.

Беджваръ. Я., I, 497. С., л. 44*a*: Большой кварталъ въ нижней части города Мерва. Его называютъ такъ потому, что въ началѣ его улицы находится водораздѣлъ.

Бедисъ. Я., I, 531: Деревня въ Мервѣ. С., л. 46*b*.... въ пяти фарсахахъ отъ него.

Бекирдъ. Я., I, 705. С., л. 62*a*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Белашджирдъ. Я., I, 708: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, по преданію

[1]) Султанъ Санджаръ, возвращаясь изъ плѣна у Гузовъ, передъ Мервомъ остановился въ Андерабэ. *Равенди*, l. c., 30, 47. Въ этомъ же селеніи онъ былъ и захваченъ въ плѣнъ Гузами, согласно показанію рукоп. Публ. Библ. № IV. 2. 31, листъ 161*a* (рукопись дважды пишетъ ошибочно ابدرانه).

построенная Белашемъ, сыномъ Фируза, однимъ изъ древнихъ царей Персіи. С. отдѣльно не называетъ, но упоминаетъ подъ словомъ «Бал'ами» — البلعمى въ формѣ Бе(и)ласджирдъ—بلاسجرد (л. 63*a*).

Белджанъ. Я., I, 712. С., л. 62*a*: Деревня въ Мервѣ, около Кемсана.

Белкіянъ. Я., I, 729: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва. С., л. 63*a* ... въ нѣсколькихъ фарсахахъ.

Бемланъ. Я., I, 737. С., л. 64*a*: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва.

Бенирèканъ. Я., I, 749: Деревня въ Мервѣ. С., л. 65*a*.... **Бенирканъ**.

Бенсареканъ. Я., I, 746: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва; народъ называетъ ее **Кусар.канъ**. С., л. 65*a*.... между Арсабендомъ и Навшемъ بين ارسابند والنوش; называютъ ее **Кур.сабанъ**— كورسابان.

Берареджанъ. Я., I, 534: По персидски слово это значитъ «душа брата». Это большое поселеніе на верхней части рѣки Маджанъ въ Мервѣ. С., л. 47*a*: **Беразжданъ** или **Беразканъ**— برازجان, برازقان—большой кварталъ на верхней части Маджана въ Мервѣ.

Берваджанъ. См. Ферваджанъ.

Берванджирдъ. Я., I, 597. С., л. 52*b*: Большая деревня въ Мервѣ, у песковъ; теперь она въ развалинахъ.

Берзенъ. Я., I, 563: Деревня въ Мервѣ, соединяющаяся съ Бермаканомъ. С., л. 50*a*..... съ Бузмаканомъ (л. 54*a* s. v.). Другая деревня въ Мервѣ называется **Багъ-у-Берзенъ**. Обѣ онѣ близки и отъ города въ двухъ фарсахахъ.

Бермаканъ [1]). Я., I, 594: Деревня въ Мервъ Шахиджанѣ.

Бесинэ. Я., I, 627. С., л. 56*b*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Бехаръ. Я., I, 767. С., л. 68*a*: Деревня въ Мервѣ, называемая также **Бехаринъ**.

Бешбакъ и **Бешбэ**. Я., I, 628: Деревня въ Мервѣ. С., л. 56*b*.... въ пяти фарсахахъ отъ него.

Бейсанъ. Я., I, 789. С., л. 70*a*: Деревня въ Мервъ Шахиджанѣ.

Биманъ. Я., I, 799: Деревня въ Мервѣ. С., л. 71*a*.... около Худджана — خوجان.

Буенэ. Я., I, 766: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва; называется также **Буененъ**. С., л. 67*b*.... **Буенджъ**.

Бузенджирдъ. Я., I, 756. С., л. 66*b*: Деревня въ Мервѣ, въ сторонѣ пустыни.

Бузеншахъ. Я., I, 757: Деревня въ Мервѣ; теперь разрушена, въ старину была въ четырехъ фарсахахъ. С., л. 67*a*.... въ четырехъ фарсахахъ отъ города; старинная разрушилась, и народъ переселился во вновь построенную; я въ ней провелъ нѣсколько ночей.

Бузмаканъ. Я., I, 605. С., л. 54*a*: Деревня въ Мервѣ.

Бузнанъ. Я., I, 605. С., л. 54*a*: Деревня въ Мервѣ, столь близкая къ городу, что превратилась въ кварталъ его. Теперь въ развалинахъ.

Бунанъ. Я., I, 741: Деревня въ Мервъ Шахиджанѣ.

Бундуканъ. Я., I, 744: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 64*b*.... я въ ней провелъ двѣ ночи.

[1]) Несомнѣнно, то-же, что у Я. и С. ниже «Бузмаканъ».

Бурзъ. Я., I, 562. С., л. 50*a*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва, около Кемсана.

Бурсанджирдъ. Я., I, 565. С., л. 50*b*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Бустеканъ. См. Фустеканъ.

Бутакъ и **Бутэ**. Я., I, 755. С., л. 65*b*: Деревня около Мерва.

Бушанъ. Я., I, 628: Деревня въ Мервѣ. С., л. 56*b*.... въ верхней части области, около Андагана; отъ города, говорятъ, въ двухъ фарсахахъ.

Бушваденъ. Я., I, 635. С., л. 57*b*: Деревня въ Мервѣ, въ верхней части области, въ пяти фарсахахъ отъ города.

Гавляканъ. Я., III, 827: Деревня въ Мервѣ, въ пяти фарсахахъ отъ города.

Газанъ. Я., III, 797: Деревня въ окрестностяхъ Мерва. С., л. 307*b*: Я не знаю въ Мервѣ деревни съ такимъ именемъ, но знаю Гаркъ.

Галатанъ. Я., III, 808: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 310*a*.... **Гултанъ**—въ верхней части мервской области.

Галхабаканъ. См. Джалахбаканъ.

Гаркъ. Я., III, 787: Деревня въ Мервѣ. С., 307*a*.... въ трехъ фарсахахъ отъ города; (s. v. الغرقى , л. 307*b*) въ нижней части области; стѣна ея разрушилась и остались посѣвы.

Генугирдъ.
Герира.
Губанъ.
Гулахтуджанъ.
Гулашгирдъ.
Гулберъ.
Гулферъ.
Гулхабаканъ.
Гурабадъ.
} См. ниже подъ Дж.

Гуріянъ. Я., III, 824: Деревня въ Мервѣ.

Дареканъ. Я., II, 523: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва. С., л. 160*b*.... въ ней останавливались пилигримы, когда выступали изъ Мерва.

Далгатанъ. Я., II, 583. С., л. 168*a*: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Денданеканъ. Я., II, 610: Небольшой городъ въ области Мервъ Шахиджана, отъ котораго онъ отстоитъ на десять фарсаховъ, въ пескахъ между Мервомъ и Сарахсомъ. Теперь онъ разрушенъ; отъ него остался только каравансерай и минаретъ. Когда я проходилъ черезъ него, можно было видѣть лишь крѣпкую стѣну и остатки красивыхъ зданій, которыя указывали на то, что это былъ городъ; его занесъ песокъ и принудилъ жителей выселиться... Онъ былъ разрушенъ тюркскими ордами Гузовъ въ 1158 году: здѣсь засѣла и укрѣпилась хорасанская армія; часть гарнизона и жителей были перебиты, прочіе разсѣялись. С. л. 169*b*: Городокъ въ десяти фарсахахъ отъ Мерва [1]).

Дервазенъ. Я., II, 570: Старинная деревня въ Мервѣ, въ одномъ фарсахѣ; здѣсь

[1]) *Сам'ани*, говоря о происходившемъ изъ Денданекана славномъ проповѣдникѣ Мансуръ б. Амаръ б. Кесиръ ал-Сулами, замѣчаетъ: «мечеть его въ пескахъ до настоящаго времени извѣстна».

стояло войско исламское въ первое время по прибытіи въ Мервъ для его завоеванія. Около Дивекана [1]). Она собственно **Дервазэ Мас.р.дж.станъ**. С., л. 166*b*..... около Д.р.канъ — درقان ее называютъ **Дервазекъ Мас.р.х.санъ** — ماسرخسان، ماسرحسان.

Дериджэ. Я., II, 572: Большая деревня въ двухъ миляхъ отъ Мерва. С., л. 166*b*: **Дериджекъ**—деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва.

Дерсинанъ. Я., II, 567. С., л. 166*a*: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, въ верхней части области.

Дестеджирдъ. Я., II, 573. С., л. 167*a*: Двѣ деревни въ Мервѣ.

Джаверсэ. Я., II, 11: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва; тамъ находится могила Абдаллахъ б. Бурейда б. ал-Хусейба. С., л. 86*b*.... жители Мерва и окрестностей собираются туда въ ночь «книги живота».

Джаганъ. См. Саганъ.

Джалахбаканъ или **Галхабаканъ**. Я., II, 98; IV, 299: Деревня въ Мервѣ.

Джассинъ. Я., II, 84. С., л. 94*b*: Кварталъ въ городѣ Мервѣ; исчезъ и превратился въ кладбище; на немъ похоронены нѣкоторые сподвижники пророка; кладбище называютъ «тануръ-геранъ», т. е. мастера печей [2]). С.... въ верхней части города. Я.... Тамъ видѣлъ я могилу Бурейда б. ал-Хусейбъ-ал-Аслами и ал-Хакамъ б. Амръ-ал-Гифари.

Дженуджирдъ. Я., II, 133: Большая деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва, первая остановка каравановъ по дорогѣ въ Нишабуръ. Персы ее называютъ **Генугирдъ**. Я проходилъ черезъ нее въ 1217 году; насколько помню, она имѣла большой базаръ, прекрасные дома, большую мечеть, сады и виноградники. С., л. 99*b*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва, по дорогѣ въ Сарахсъ.

Джерира или **Герира**. Я., II, 67: Деревня въ Мервѣ. С., л. 92*b*.... въ четырехъ фарсахахъ отъ города.

Джиремезданъ. Я., II, 175: Деревня въ Мервѣ. С., л. 107*b*.... **Джуйремезданъ**.

Джирнахджиръ. Я., II, 175: Деревня въ Мервѣ, давно уже разрушившаяся; я полагаю, что это та-же, что «Ширнахаширъ».

Джиренджъ. Я., II, 175: Небольшой городокъ въ окрестностяхъ Мерва; на обѣихъ сторонахъ мервской рѣки, черезъ которую перекинутъ большой мостъ; у моста расположены нѣкоторые рынки. Я видѣлъ его передъ вторженіемъ Татаръ, въ 1216 году; онъ былъ въ состояніи процвѣтанія и достатка; его населеніе было многочисленно, дома, зданія общественныя и базары высоки, просторны и хорошо построены. Онъ лежитъ въ 10 фарсахахъ отъ Мерва по дорогѣ,

---

[1]) Такое чтеніе совсѣмъ непонятно, потому что Дивеканъ, по опредѣленію Якута, II, 715,—деревня въ Хератѣ. Якутъ въ данномъ случаѣ ссылается на Сам'ани, но наша рукопись имени «Дивеканъ» не содержитъ. Не слѣдуетъ ли чтеніе обоихъ авторовъ измѣнить въ «Ривеканъ» (см. это слово ниже), что всетаки относительно разстоянія будетъ ближе къ дѣйствительности.

[2]) ...صارت مقبرة دفن بها بعض الصحابة يقال لها تنوركران У *Барбье де Мейнаръ*, l. c., 163, неправильный переводъ: «...quelques compagnons du Prophète, *surnommés* fabricants de réchauds, y ont été enterrés». *Сам'ани* часто выражается прямо: «такой то погребенъ на *Тануртеранъ*», напр. s. v. الغفارى, л. 310*a*: قبره مشهور بيزار سيوا[ر] كران ...(т. е. بتنوركران), или s. v. اللوكرى, л. 380*a*... ودفن سوركران...

которая ведетъ въ Хератъ, Мерверрудъ и Пенчдэ. С., л. 107*b*: Большая деревня въ верхней части Мерва; посрединѣ ея протекаетъ мервская рѣка; она похожа на Багдадъ.

Джиханъ. Я., II, 172. С., л. 107*a*: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Джишебуръ. Я., II, 178. С., л. 108*a*: Деревня въ Мервѣ.

Джіясеръ. Я., II, 169: Деревня въ Мервѣ; ея персидское названіе **С.рикбарэ**, которое арабизировали въ Джіясеръ. С., л. 107*a*.... **С.р.к.арэ**—سرکاره.

Джубакъ. Я., II, 142: Такъ называется мѣсто въ Мервѣ, на которомъ продаютъ зелень; оно по персидски называется «джубэ» [1]. С., л. 102*a*.... и овощи, и потомъ разносятъ по лавкамъ зеленщиковъ и бакалейщиковъ; такое мѣсто называется собственно «джубэ» — جوبه — а по арабски «джубакъ».

Джубанъ или **Губанъ**. Я., II, 139: Деревня въ Мервѣ. С., л. 101*b*.... въ верхней части области, около Джиренджа.

Джубаръ или **Джуибаръ**. Я., II, 139 163. С. л. 101*b*: Деревня въ Мервѣ.

Джулахтуджанъ или **Гулахтуджанъ**. Я., II, 98; IV, 299: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 95*b*, 370*b*.... большая, въ верхней части области; въ ней прелестная мечеть. **Юлахтуджанъ**— يلختجان.

Джулашджирдъ или **Гулашгирдъ**. Я., IV, 297: Деревня въ Мервѣ. С., л. 376*a*.... въ двухъ фарсахахъ отъ него.

Джулфаръ и **Джулферъ**. Я., II, 104: Деревня въ Мервѣ; жители ее называютъ **Гулферъ**. С., л. 96*a*.... **Гулберъ**, въ двухъ фарсахахъ отъ города.

Джулхабаканъ или **Гулхабаканъ**. С., л. 370*b*: Деревня въ Мервѣ — جلجباقان, كلجباقان. Ср. выше Джалахбаканъ.

Джундефарканъ. Я., II, 129. С., л. 99*a*: Деревня въ Мервѣ; ее называютъ **Джунфарканъ**.

Джурабадъ. Я., II, 44. С., л. 90*a*: Деревня въ Мервѣ; жители называютъ **Гурабадъ**.

Джурджесаръ. Я., II, 55: Деревня въ Мервѣ. С., л. 91*a*.... **Джурджусаръ**.

Джурмихенъ. Я., II, 65. С., л. 92*a*: Деревня въ Мервѣ, въ верхней части области.

Диванъ. Я., II, 715. С., 175*b*: Улица въ Мервѣ.

Дизакъ. Я., II, 572: Нѣсколько деревень въ Мервѣ, каковы: **Дизакъ-Хафсъ**, **Дизакъ-Ширазадъ**, **Дизакъ-Баранъ**, **Дизакъ-Мискинъ**. С., л. 166*b*.... **Дезакъ**, **Дезакъ-Хафсъ**, **Дезакъ-Баранъ** и **Дезакъ-Мискинъ**.

Динемезданъ. С., II, 714. С., л. 175*a*: Деревня въ Мервѣ.

Дишанъ. Я., II, 711: Деревня въ Мервѣ.

Дубзенъ, правильнѣе **Дубзендъ**. Я., II, 546. С., л. 163*b*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва, около Кемсана.

Дулябъ. С., л. 191*b*: Селеніе между Б.р.к.дизомъ и Джиренджемъ بين برك ديز وجيرنج.

Дурбиканъ. Я., II, 564. С., л. 165*b*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва.

Загинданъ. Я., II, 935. С., л. 201*b*: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва, около Синджа.

[1] *Barbier de Meynard*, l. c., 173, не совсѣмъ вѣрно передаетъ слова Якута. «...endroit où l'on cultive le légume nommé en persan djoubeh».

Зарикъ. Я., II, 929: Нѣкоторые называютъ такъ рѣку, протекающую въ Мервѣ, но это ошибка; настоящее названіе этой рѣки Разикъ: такое произношеніе я слышалъ у мѣстныхъ жителей.

Заріянъ. Я., II, 907. С. л. 195*a*: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва.

Заркъ. Я., II, 925. С., л. 200*a*: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва, въ высокой части области. Въ этой деревнѣ былъ убитъ Ездиджердъ, послѣдній царь персидскій.

Зебуе. Я., II, 915: Деревня въ Мервѣ. С., л. 197*b*.... въ двухъ фарсахахъ отъ города; у моего дѣда было тамъ помѣстье.

Зевалаканджъ. Я., II, 953: Кварталъ въ мервской деревнѣ Синджъ. С., л. 204*b*: **Зувалканджъ**—кварталъ въ Мервской деревнѣ ал-Ш.хъ— الشّخ; — у насъ тамъ помѣстье.

Зенданъ. Я., II, 950: Деревня въ Мервѣ.

Зерджинъ. Я., II, 923. С., л. 199*b*: Названіе большаго квартала въ Мервѣ.

Зеремъ. Я., II, 924: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва, около Кемсана. Въ настоящее время разрушена; остались только ея поля. С., л. 199*b*.... **Зерезмъ**.

Зулахъ. Я., II, 959. С., л. 205*a*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Зумулкъ. Я., II, 944. С., л. 202*b*: Деревня въ Мервѣ, по сосѣдству съ Синджемъ; въ настоящее время разрушена.

Зурракъ. Я., II, 925: Деревня въ Мервѣ.

Ибринакъ. См. Абринакъ.

Исфесъ. Я., I, 248: Деревня въ Мервѣ, около Фаза; называется также **Исбесъ** и **.л.к.нъ**. С., л. 18*a*.... въ болѣе возвышенной части области; **М.б.съ**—مبس и **Ал.ф.нъ** آلفن.

Ифширеканъ. Я., I, 330: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 28*a*.... около Нешка— نشك, въ болѣе возвышенной части области.

Казэ. Я., IV, 226: Деревня въ Мервѣ. С., л. 358*b*.... около Фирьянана.

Каляхсанъ. Я., IV, 229: Деревня въ Мервѣ.

Каринейнъ. Я., IV, 80: Деревня въ пятнадцати фарсахахъ отъ Мерва,—и на такомъ же разстояніи отъ Мерверруда; названа такъ потому, что присоединялась то къ первому, то къ послѣднему. С., л. 340*b*..... городокъ; собственно названіе его **Б. р. к. дизъ** [1]).

Кеваль. Я., IV, 315: Извѣстная рѣка области Мервъ Шахиджана, орошающая селенія, какъ Хафсъ-абадъ и др.; поэтому ее называетъ **Кеваль-Хафсъ-абадъ**.

Кемсанъ. Я., IV, 305: Деревня въ Мервѣ. С., л. 371*b*.... въ пяти фарсахахъ отъ

1) Въ рукописи совсѣмъ отчетливо начертаніе بركديز (варіанты его: تركدير, s. v. الروذبارى л. 191*b*, يركديز s. v. اللوكرى л. 380*a*; даже برقدر s. v. الابرينقى) — не можетъ быть Б.р.к.динъ, какъ читаетъ пользовавшійся Сам'ани позднѣйшій компиляторъ *Мухаммедъ Сипахизадэ* († 997 — 1588) въ трудѣ اوضح المسالك الى معرفة البلدان و المالك, стр. 236 рукоп. Учебн. Отдѣл. Вост. Яз. № 69 по каталогу *Бар. В. Р. Розена* (Collections scientifiques.. I, 35). *Якуту*, IV, 370 s. v. لوكر, извѣстно селеніе بركدز—*Баркдизъ* (у *Вюстенфельда*, Jâcût's Reisen, 479, Berkadaz), независимое отъ Каринейна, лежавшее на западномъ берегу Мургаба, противъ Левкера—на восточномъ. *Сам'ани*, л. 3*b* s. v. الابرينقى, говоритъ однако вторично, что Б.р.к.дизъ есть настоящее имя Каринейна: .... توفى بالقرنين يقال لها برقدر بليدة على طرف وادى مرو ...... «....умеръ въ Каринейнѣ, который зовется Б.р.к.дизъ, городкѣ на берегу мервской рѣки....»

города; она была одною изъ самыхъ значительныхъ деревень, — въ ней прекрасная мечеть, прочный базаръ. Разрушена въ 1153 году Гузами.

Кенджеканъ. Я., IV, 308: Деревня въ Мервѣ, въ болѣе высокой части области. Въ настоящее время разрушена. С., л. 372*b*.... **Кенджуканъ.**

Куи-Исхаки-Кусэ. С. л. 374*a*: Кварталъ (или улица) въ Мервѣ, существующій до настоящаго времени, названъ по имени передатчика Абу-Я'кубъ-Исхакъ б. Мансуръ б. Бехрамъ-ал-Темими, по прозвищу Куседжъ. Кварталъ этотъ расположенъ въ мѣстѣ, если миновать кварталъ Кар..к.ли—كركلى—влѣво при спускѣ на нижнюю часть канала Маджанъ. Выше воротѣ въ этомъ кварталѣ находится мечеть, въ которой обычно молился Куседжъ, и я часто сидѣлъ въ этой мечети, когда приходилъ къ имаму ал-Махувани.

Кушмейхенъ. Я., IV, 278: Большая деревня въ Мервѣ, въ сторонѣ пустыни, въ концѣ мервской области, при направленіи къ Амолю на Джейхунѣ. Ее разрушили пески. С., л. 369*a*: **Кушмихенъ** — деревня въ Мервѣ, въ пяти фарсахахъ отъ него, въ пескахъ, когда выходишь въ Трансоксіану; деревня старинная; ее постигло разрушеніе [1]).

Лакемаланъ. Я., IV, 342: Селеніе въ Мервѣ; издавна извѣстны недомысліе и ограниченность его жителей. С., л. 365*b*.... **Лакумаланъ**—въ пяти фарсахахъ отъ города.

Линъ. Я., IV, 375. Селеніе въ Мервѣ. С., л. 381*b*: Я не знаю такой деревни и думаю, что это—Алинъ (съ долгимъ *А*).

Маберсамъ. Я., IV, 378: Деревня въ Мервѣ, въ четырехъ фарсахахъ отъ города. Теперь ее называютъ Мимсамъ. С., л. 382*a*.... **Мабирсамъ.**

Маджанъ. Я., IV, 378: Рѣка, которая когда то пересѣкала Мервъ. См. Машанъ.

Маланъ. Я., IV, 396: Деревня въ Мервѣ.

Ма'маранъ. Я., IV, 578. С., л. 415*a*: Деревня въ Мервѣ.

Манаканъ. Я., IV, 399. С., л. 387*b*: Названіе большаго квартала въ мервской деревнѣ Синджъ.

Масти. Я., IV, 393: Деревня въ Мервѣ; Сам'ани говоритъ, что Масти деревня въ Бухарѣ.

Масфара. Я., IV, 529: Большая деревня въ Мервѣ, въ крайнихъ его предѣлахъ, по дорогѣ въ Харезмъ; изъ нея вступаютъ въ пески. Первоначально она называлась Хармузферрэ. (См. ниже.)

Махи-абадъ. Я., IV, 407: Большой кварталъ у мервскихъ воротъ; похожъ на деревню, которая отдѣляется отъ восточной стѣны. С., л. 388*a*: Большой кварталъ въ возвышенной части Мерва; похожъ на отдѣльную деревню.

---

[1]) Селеніе это существуетъ и понынѣ и на картахъ называется *Кишманъ*. Проѣхавшій черезъ него въ 1882 году *П. М. Лессаръ*, направляясь изъ Мерва въ Бухару, говоритъ о немъ слѣдующее:... «Здѣсь развалины нѣсколькихъ укрѣпленій и отдѣльныхъ кирпичныхъ домовъ, разбросанныхъ на весьма большой площади; развалины очень древнія: многое уже обратилось въ бугры, поросшіе травою. Только отъ одной калы, судя по воротамъ и способу постройки, не текинской, сохранились довольно хорошо стѣны и часть весьма высокой башни, видной издалека. Башня была построена изъ глины и обложена сырцомъ со всѣхъ сторонъ; теперь эта наружная отдѣлка обваливается большими глыбами...» См. «Замѣтки о Закаспійскомъ краѣ и сопредѣльныхъ странахъ» въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XX (1884), вып. I, стр. 79. *Сам'ани* говоритъ о неоднократномъ посѣщеніи имъ въ Кушмейхенѣ могилы одного предатчика хадисовъ, «находившейся противъ холмика въ пескахъ».

Махіянъ. Я., IV, 407: Деревня около двухъ фарсаховъ отъ Мерва. С., л. 388*a*.... въ трехъ фарсахахъ.

Маханъ, Махуванъ, Я., IV, 379, 380. Большая деревня въ Мервѣ; въ ней есть мечеть и минаретъ. С., л. 382*b*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Машанъ. Я., IV, 395: Каналъ, протекавшій по срединѣ города Мерва; на немъ былъ расположенъ кварталъ (того же имени). Жители Мерва произносятъ **Маджанъ.**

Мединэ. Я., IV, 454. С., л. 397*b*: Названіе внутренняго города Мерва въ отличіе отъ пригородовъ. (По рукописи Якута, которою пользовался Barbier de Meynard, *Мединэ муарра* называется внутренній центральный кварталъ Мерва (l. c., 520).

Мергабъ. Я., IV, 499: Рѣка въ Мервѣ.

Месусъ. Я., IV, 533: Деревня въ Мервѣ. С., л. 408*b*.... **Месвесъ**—въ семи фарсахахъ отъ города.

Милаканъ —ميلاقان. С., л. 427*b*: Деревня въ Мервѣ, около селенія Шихъ — الشيخ.

Мирмаханъ. Я., IV, 714: Деревня въ Мервѣ. С., л. 426*a*.... извѣстная деревня, соединяющаяся съ внутреннимъ городомъ, недалеко отъ города Дервазека.

Михребананъ. Я., IV, 698: Деревня въ Мервѣ. (По Сам'ани, л. 423*b*, эта деревня въ Исфаханѣ.)

Михребендекшай. Я., IV, 698. С., л. 423*b*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва.

Михриджанъ. Я., IV, 700. С., л. 423*b*: Деревня въ Мервѣ.

Мугнанъ. Я. IV, 585: Деревня въ Мервѣ.

Мулджаканъ. Я., IV, 630: Деревня въ Мервѣ; старинная, извѣстная, въ двухъ фарсахахъ отъ города. С., л. 419*b*.... **Мулджуканъ.**

Мурейнъ. Я., IV, 516: Деревня въ Мервѣ, называется **Мурейнъ-д.с.тъ** С., л. 404*a*..... **Муринъ**—въ двухъ фарсахахъ отъ города; **Муринъ-д.ш.тъ** — مرين دشت.

Навджъ или **Навшъ.** Я., IV, 823: Названіе нѣсколькихъ деревень въ Мервѣ, каковы: **Навшъ-бае**, иначе называемая **Навшъ-Кунар канъ**; сосѣдняя съ ней **Навшъ-Ферахинанъ** и **Навшъ-Мухладанъ.** С., л. 445*a*.... **Навджъ** или **Навсъ.... Навсъ-Мухладанъ** около '.р.г.р.мъ — عرغرم.

Наренабадъ. Я., IV, 728: Деревня въ Мервѣ. С., л. 428*a*.... Я не знаю такой деревни; спрашивалъ многихъ ученыхъ, и они тоже не знаютъ: можетъ быть, она была, но разрушилась и исчезла.

Нафканъ. Я., IV, 732: Деревня въ Мервѣ. С., л. 428*b*.... въ шести фарсахахъ отъ города, въ болѣе возвышенной части, около Кемсана.

Немекбанъ. Я. IV, 814: Деревня въ Мервѣ, въ предѣлахъ пустыни, около Синджъ-'Аббада. С., л. 443*a*.... около Синджа.

Нешкъ или **Нешкъ-'Аббадъ.** Я., IV, 784: Деревня въ Мервѣ; такъ ее называютъ жители послѣдняго, а традиціонисты именуютъ **Синджъ-'Аббадъ.** С., л. 436*b*: **Нешкъ**—деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва.

Рабадъ. Я., II, 750, 751: Окружности города, предмѣстья вообще: былъ также мервскій Рабадъ.

Разикъ. Я., II, 777: Рѣка, которая протекаетъ въ Мервѣ, около которой находится могила Бурейды ал-Аслами. На ней былъ большой кварталъ, гдѣ нѣкогда находился домъ Ахмедъ б. Ханбала; кварталъ этотъ необитаемъ теперь и лежитъ внѣ города. На берегахъ Разика въ мельницѣ былъ убитъ Ездиджердъ. С., л. 185*a*.... на этой рѣкѣ большая деревня, называемая Разикъ, въ которой живутъ везири Сельджуковъ.

Рамашахъ. Я., II, 736: Деревня въ Мервѣ. С. л. 236*b* s. v. السينانى.... недалеко отъ Шиха — شيخ.

Резабадъ. Я., II, 775. С., л. 184*a*: Названіе улицы (или квартала) въ Мервѣ.

Ривеканъ. Я., II, 891: Деревня въ Мервѣ. С., л. 194*b*.... около Зулаха, такъ что ее называютъ кварталомъ послѣдней.

Ризамъ. Я., II, 775: Кварталъ въ Мервѣ, называемый **Хаузъ-Ризамъ** («Бассейнъ Ризама»), по имени Ризамъ б. Аби-Ризамъ-ал-Мутавви, который ходилъ походами вмѣстѣ съ Абдаллахъ-б. Мубарекомъ. С., л. 184*b*.... подъ этимъ названіемъ кварталъ этотъ извѣстенъ и въ настоящее время; ранѣе на его мѣстѣ были посѣвы, и устроилъ тутъ Ризамъ бассейнъ въ мечети.

Рикенджъ или **Рикензъ**. Я., II, 888. С., л. 194*a*: Деревня въ Мервѣ, называемая также **Рикенджъ-Абданъ**.

Рудбаръ. Я., II, 831. С., л. 191*b*: Деревня въ Мервѣ; между Баркдизомъ и Джиренджемъ.

Рухханъ Я., II, 769: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 183*b*.... **Раханъ**.

Сабиръ. Я., III, 359. С., л. 255*b*: Извѣстная улица въ кварталѣ Сельма, въ болѣе возвышенной части Мерва.

Саганъ. Я., III, 362: Деревня въ Мервѣ, называется также **Джаганъ-Кухъ**. С., л. 256*a*.... около Н.с.фана — نسفان; она связывается съ К.рэ и говорятъ **К.рэ-у-Саганъ** — كره و صاغان.

Садака. Я., III, 376. С., л. 258*b*: Предмѣстье въ Мервѣ, по имени Абу-л-Фазль-Садака-ал-Мервези.

Сакидунджъ. Я., III, 104: Деревня въ Мервѣ. См. ниже Сифеденджъ.

Санваджирдъ. Я., III, 23: Нѣсколько деревень около Мерва. С., л. 210*a*.... **Сануваджирдъ**, въ пяти фарсахахъ отъ города.

Санканъ и **Саниканъ**. Я., III, 23, 364: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 210*a*, 256*b*.... **Санеканъ**.

Сасанъ. Я., III, 11: Внѣшній кварталъ въ Мервѣ, у воротъ «Фирузи» — درب الفيروزية. С., л. 208*b*.... у мѣста молитвы, «муселла».

Сасенджирдъ. Я., III, 11: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, у песковъ. С., 208*b*.... я былъ въ ней не одинъ разъ.

Саусаканъ. Я., III, 190: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, въ направленіи пустыни. С., л. 231*a*.... ее называютъ **Шавешканъ** — شاوشكان.

Сахрабадъ. Я., III, 371: Деревня въ Мервѣ. С., л. 258*a*.... названа по имени Сахръ б. Абдаллахъ б. Бурейда б. ал-Хусейбъ-ал-Аслами.

Седиверъ. Я., III, 62: Деревня въ Мервѣ. С., л. 215*a*.... въ ней могила Реби б. Анаса.

Сельмананъ. Я., III, 121: Деревня въ Мервѣ. С., л. 220*b*.... въ трехъ фарсахахъ отъ города.

Синджъ. Я., III, 161: Названіе двухъ деревень въ Мервѣ, — первая Синджъ-Аббадъ.

Вторая одна изъ самыхъ значительныхъ деревень въ Мервъ Шахиджанѣ; лежитъ на берегахъ рѣки, на которыхъ стоятъ ея дома; имѣетъ около одного фарсаха въ длину, въ ширину незначительна; стала порядочнымъ городомъ. Мусульмане взяли его силою, тогда какъ Мервъ сдался добровольно. Отъ Мерва отстоитъ на четыре фарсаха. Когда Гузы овладѣли Хорасаномъ и завоевывали города и Мервъ, они на цѣлый мѣсяцъ были остановлены передъ Синджемъ, въ который вошли только послѣ капитуляціи въ 1155 году. С., л. 228*a*: Деревня въ Мервѣ, въ семи фарсахахъ отъ него; въ ней есть соборная мечеть и базаръ; говорятъ, что длина ея фарсахъ. Гузы осаждали крѣпость ея цѣлый мѣсяцъ и не могли овладѣть ею; принуждены были осаждать нѣсколько разъ и только въ 1155 году овладѣли въ силу мира; я былъ при этомъ посредникомъ. Въ Синджѣ въ кварталѣ, называемомъ Б.з.нъ— بزن, находится могила Даудъ-Сулейманъ б. Са'ида ал-Синджи, ученаго, поэта и передатчика, умершаго въ 870 году. Я приказалъ жителямъ этой деревни поправить его могилу; я написалъ на *обожженномъ кирпичѣ* имя его, годъ смерти и отправилъ въ деревню для возложенія на могилу. Въ той же деревнѣ около мечети, въ кварталѣ Н.саджъ— نساج, была могила Абу-л-Аббасъ-Ахмедъ б. Мухаммедъ б. Сераджа ал-Синджи, передатчика, умершаго послѣ 1009 года; ее я посѣтилъ нѣсколько разъ.

Синанъ. Я., III, 220: Деревня въ Мервѣ. С. л. 236*b*.... въ пяти фарсахахъ отъ города и въ одномъ фарсахѣ отъ деревни Синджъ; я проходилъ черезъ нее не одинъ разъ.

Сенджанъ и **Синджанъ**. Я., III, 161: Деревня у воротъ города Мерва, которыя называются «Деръ-Сенганъ» («сенджанскими»). С., л. 227*b*.... **Сенджанъ**; въ ней стояло войско исламское по прибытіи въ Мервъ.

Сирвъ. Я., III, 87: Деревня въ Мервѣ.

Сифеденджъ. Я., III, 217: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 235*b*.... **Сикадэнджъ**—въ трехъ фарсахахъ [1]).

Сувейка-ал-Согдъ. Я., III, 200: Мѣсто въ Мервѣ, на рѣкѣ Разикъ. С., л. 231*b*.... **Сувейка-ал-С.'.дъ** — سويقة الصعد.

Сукунданъ. Я., III, 108: Деревня въ Мервѣ. С., л. 219*b*..... въ пяти фарсахахъ отъ города, около Синджа.

Тахаранъ. Я., III, 518: Кварталъ, я думаю, въ Мервѣ.

Тахшъ. Я., III, 518. С., л. 273*b*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Тайсафунъ. Я., III, 570: Деревня въ Мервѣ. С., л. 279*b*..... въ двухъ фарсахахъ отъ него.

Тиліянъ. Я., I, 873. С., л. 77*a*: Деревня въ Мервѣ.

Тирканъ. Я., I, 905: Деревня въ Мервѣ.

Тувикъ. Я., I, 901: Мѣсто въ Мервѣ. С., л. 80*b* ... извѣстный кварталъ; говорятъ, что первое кладбище, на которомъ стали хоронить въ Мервѣ мусульманъ, было въ Тувикѣ.

Тудъ, **Тузъ** или **Тусъ**. Я., I, 888, 891: Деревня въ Мервѣ. С., л. 79*b*.... въ пяти фарсахахъ отъ него; я былъ въ ней нѣсколько разъ и провелъ въ ней нѣсколько ночей.

---

[1]) *К* и *Ф* въ наименованіи этого поселенія часто чередуются у одного и того же писателя. *Табари*, II, *3*, 1952*e*, гдѣ приведено довольно много разночтеній.

Турканъ. Я., I, 83b: Деревня въ Мервѣ. С., л. 74*b*.... я провелъ въ ней двѣ ночи въ то время, когда Гузы остановились въ крѣпости Фашанѣ для войны: меня вызвали для заключенія перемирія.

Тусанъ. Я., III, 559. С., л. 277*a*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Тухаранъ-Бихъ. Я., I, 827: Предмѣстье въ Мервѣ, въ началѣ канала Маджанъ. Кварталъ этотъ называется теперь **Тухаранъ-Садъ**. С., л. 73*a*.... извѣстное предмѣстье... **Тухаранъ-баръ** — تخارانبار.

Уштахастъ. См. Аштахастъ.

Уштурджъ. Я., I, 276. С., л. 21*b*: Деревня въ болѣе возвышенной части Мерва. Ее называютъ **Уштурджъ-Бала**, т. е. верхній Уштурджъ (Я.), что заставляетъ предполагать существованіе деревни съ именемъ «Нижній Уштурджъ».

Фазъ. Я., III, 841: Городъ въ мервской области.

Фарсабадъ. Я., III, 873: Деревня въ Мервѣ. С., л. 320*a*.... **Фурсабадъ** — въ двухъ фарсахахъ отъ города.

Фашанъ. Я., III, 844: Я проходилъ черезъ эту деревню, лежащую недалеко отъ Мерва. С., л. 315*b*.... ее называютъ также **Башанъ**.

Фелагирдъ. Я., III, 908: Деревня въ Мервѣ.

Фелананъ. Я.. III, 908: Деревня въ Мервѣ.

Фендевинъ. Я., III, 919: Деревня въ окрестностяхъ Мерва.

Фенджеканъ. Я., III, 918: Деревня въ Мервѣ. С., л. 326*b*.... **Фунджеканъ**—въ двухъ фарсахахъ отъ него, около Навшъ-Кунар.кана.

Фенинъ. Я., III, 921: Жители произносятъ также **Фени**. Деревня очень населенная и цвѣтущая въ Мервѣ. Я былъ въ ней. Тамъ находится могила Сулейманъ б. Бурэйда б. ал-Хусейба, сподвижника пророка. С., л. 327*a*.... въ трехъ фарсахахъ отъ города. Сулейманъ былъ судьею Мерва при Мухаллабѣ [1]); могила его много посѣщается.

Фераганъ. Я., III, 865: Деревня въ Мервѣ.

Ферахинанъ. Я., III, 867: Деревня въ Мервѣ. С., л. 318*b*.... **Фурахинанъ**—въ четырехъ фарсахахъ отъ него.

Ферваджанъ. Я., III, 885: Деревня въ Мервѣ. С., л. 322*a*.... въ одномъ фарсахѣ отъ него; ее называютъ **Берваджанъ**.

Фернабадъ. Я., III, 884. С., л. 321*b*: Большая, цвѣтущая деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва.

Ферхадджирдъ. Я., III, 887: Деревня въ Мервѣ. С., л. 322*a*.... въ нѣсколькихъ фарсахахъ отъ него.

Фиманъ. Я., III, 933: Деревня недалеко отъ города Мерва.

Фирънанъ. Я., III, 889: Деревня въ Мервѣ. С., л. 322*b*.... около Баджхуста; теперь деревня эта разрушилась и въ ней осталась только могила передатчика Абу-Абд-ал-Рахмана, которую посѣщаютъ и вокругъ которой ходятъ люди. Я тоже посѣщалъ ее неоднократно.

---

1) Мухаллабъ правилъ Хорасаномъ четыре года съ 78 (697)—82 (701) г.

Фундинъ. Я., III, 920: Деревня въ Мервѣ. С., л. 326*b*.... старинная, въ пяти фарсахахъ.

Фустуканъ. Я., III, 893: Деревня въ Мервѣ, которая жителями называется также **Бустуканъ.**

Футакъ. Я., III, 921: Деревня въ Мервѣ.

Хабакъ. Я., II, 397: Деревня въ Мервѣ, около Джиренджа. С., л. 139*a*.... въ шести фарсахахъ отъ города; я былъ въ ней нѣсколько разъ.

Хавраканъ. Я., IV. 995: Деревня въ Мервѣ. С., л. 464*a*.... **Хурканъ**—въ семи фарсахахъ отъ города, около Шяха—شيخ

Халидабадъ — خالداباذ. С., л. 138*a*: Деревня въ Мервѣ, около Кух.ха— كوخج; въ настоящее время разрушена.

Хамкабадъ или **Химкабадъ.** Я., II, 470: Деревня въ Мервѣ, около Кеваль-Хафсабада; её называютъ **Хинкабадъ.** С., л. 153*a*: **Химкабадъ** или **Хинкабадъ**, въ сторонѣ рѣки Кеваль-Хафсабадъ.

Харакъ, по персидски **Харэ.** Я., II, 425: Большая деревня въ Мервѣ, цвѣтущая, изобилующая деревьями. С., л. 144*b*.... въ трехъ фарсахахъ отъ города; въ ней прочная стѣна и большая красивая мечеть.

Хартатъ или **Харта.** Я., II, 423: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва, въ пескахъ. С., л. 144*a*.... около Шавана —شاوان.

Хафсабадъ. Я., II, 295: Значительная деревня въ Мервѣ, дающая собою названіе большой рѣкѣ Кеваль, которая протекаетъ по близости. С., л. 124*b*: Деревня въ Мервѣ.

Хеферферъ. Я., IV, 978: Деревня въ Мервѣ.

Хефтеджирдъ. Я., IV, 977: Деревня въ Мервѣ.

Хуббинъ. Я., II, 201. С., л. 113*a*: Кварталъ въ Мервѣ, по простонародному произношенію, а собственно кварталъ **Хуббанъ б. Джебеле.**

Худджанъ. Я., II, 488. С., л. 156*a*. Деревня въ Мервѣ; жители называютъ ее **Хадджанъ.**

Хурмузгандъ. Я., IV 968. С., л. 461*a*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва.

Хурмузферрэ. Я., IV. 968. С., л. 461*a*: Деревня въ сторонѣ пустыни, по дорогѣ въ Харезмъ, въ крайнихъ предѣлахъ мервской области. Теперь она называется **Мусфарра.** Когда мусульмане пришли въ Мервъ, въ деревнѣ этой начальникомъ былъ Хурмузъ; онъ бѣжалъ. Арабы сказали: «хурмузъ фарра», т. е. Хурмузъ бѣжалъ,—и выраженіе это осталось названіемъ деревни.

Хусрабадъ. Я., II, 441: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Хусравшахъ. Я., II, 443. С., л. 147*b*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Шабай. Я., III, 225: Деревня въ Мервѣ.

Шаберабадъ. Я., III, 225. С., л. 237*a*: Деревня въ пяти фарсахахъ отъ Мерва.

Шабесэ. Я., III, 226: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Шабринджъ. Я., III, 225. С., л. 237*a*: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва, въ пескахъ.

Шабуртезэ. Я., III, 226. С., л. 237*a*: Деревня въ Мервѣ.

Шаванъ. Я., III, 245: Деревня въ шести фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 240*b*.... я въ ней провелъ двѣ ночи.

Шавешабадъ. Я., III, 245: Деревня въ Мервѣ.

Шавешканъ. Я., III, 245: Деревня въ четырехъ фарсахахъ отъ Мерва, цвѣтущая, многонаселенная; я проходилъ черезъ эту мѣстность; тамъ выдѣлываютъ отличнаго качества шелкъ. Срав. Саусаканъ.

Шафсакъ. С., л. 239*a*: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва.

Шеваль. Я., III, 332: Деревня въ трехъ фарсахахъ отъ Мерва, въ сторонѣ Фашана. С., л. 250*b*... богатая; у насъ тамъ помѣстье.

Шеклянъ. Я., III, 311. С., л. 248*b*: Деревня въ одномъ фарсахѣ отъ Мерва.

Шемиранъ. Я., III, 324: Деревня въ Мервѣ. С., л. 249*a*... въ восьми фарсахахъ отъ города; ее разрушили и разграбили Гузы, и въ такомъ положеніи она оставалась нѣкоторое время, потомъ жители опять ее заселили.

Шемихенъ. Я., III, 325: Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Мерва. С., л. 249*b*... на нижней части канала Ас'ади (Ср. Истахри и Мукаддаси, выше, стр. 10, 24).

Шехмиль. Я., III, 345: Деревня въ Мервѣ.

Шиджъ. С., л. 253*a*: Деревня по дорогѣ въ пустыню, въ пяти фарсахахъ отъ города Мерва; около М.м.сэ—ممسه: это смежныя деревни. Я., III, 358: **Ши**, деревня въ Мервѣ.

Шикъ. С., л. 248*a*: Деревня въ Мервѣ, въ двухъ фарсахахъ отъ него; её называютъ **Шикъ-ну**—«Новый Шикъ».

Ширнахаджиръ, Ширнахаширъ. Я., III, 352: Деревня въ Мервѣ. С., л. 254*b*.. **Ширнахджиръ, Ширнахширъ**, въ трехъ фарсахахъ отъ города, въ пескахъ; она разрушена.

Энбаръ. См. Анбаръ.

Эндерабэ. См. Андерабэ.

Эрва. См. Арва.

Эрсабендъ. См. Арсабендъ.

Юлахтуджанъ. См. Джулахтуджанъ.

Черезъ годъ послѣ того, какъ Якутъ покинулъ Мервъ, надъ нимъ разразилась ужасающая, роковая гроза Монголовъ въ лицѣ сына Чингизова, Тули-Хана, отправленнаго послѣ взятія Бальха на покореніе Хорасана съ 80,000 войска. Подъ ударами дикихъ кочевниковъ Мервъ пересталъ существовать на цѣлыя столѣтія; и надо сознаться, что тяжести и силѣ монгольскихъ ужасовъ въ весьма значительной степени содѣйствовали всеобщая паника передъ варварскими ордами, личныя вожделѣнія отдѣльныхъ сановниковъ, партійные происки и раздоры, отсутствіе единодушія и строго обдуманнаго плана защиты.

Предоставимъ говорить о паденіи Мерва во всѣхъ подробностяхъ историку Джувейни [1]) и пользовавшемуся послѣднимъ, какъ главнымъ источникомъ для даннаго времени, Мирхонду [2]).

При появленіи Монголовъ весь Хорасанъ находился въ цвѣтущемъ состояніи, особенно же Мервъ, который былъ нѣкогда столичнымъ городомъ султана Санджара, прибѣжищемъ малаго и

[1]) См. Исторію *Джувейни* تاريخ جهانكشا, рукопись С.-Петербургскаго Университета № 172, листъ 59*a*—66*a*.

[2]) См. Vie de Djenghiz-Khan, par *Mirkhond*; texte persan (въ Chrestomaties orientales), Paris 1841, p. 144—153. Срав. также مقدمه въ ظفر نامه *Шереф-ал-Дина Езди*, рукоп. Азіят. Музея, № 568, стр. 108—112. *D'Ohsson*, Histoire des Mongols, I, 280 и сл..

великаго; площадь его выдѣлялась изъ странъ хорасанскихъ, и птица безопасности и благополучія летала во всѣхъ сторонахъ его и концахъ; количество населенія его соперничало съ каплями весенняго дождя, а земля соревновала съ небомъ; помѣщики по изобилію благъ равнялись съ царями и начальниками своего времени, съ вельможами и властелинами мірскими.

Харезмшахъ Мухаммедъ отстранилъ отъ должности мервскаго губернатора Муджир-ал-Мулькъ (Меджд-ал-Мулькъ)-Шереф-ал-Динъ-Музаффара за проступокъ его дяди, и поставилъ на его мѣсто Беха-ал-Мулька, сына Наджиб-ал-Дина. Меджир-ал-Мулькъ остался въ свитѣ Мухаммеда до времени бѣгства его черезъ Термедъ.

Скоро въ Мервѣ распространилось извѣстіе объ охватившей окрестное населеніе паникѣ и появленіи чужеземнаго войска, а затѣмъ появилось и султанское посланіе, предлагавшее: войскамъ и людямъ дѣла сосредоточиться для защиты въ крѣпостяхъ, землевладѣльцамъ же и тѣмъ, которые почему либо не въ состояніи сдвинуться съ мѣста, остаться и, когда прійдутъ Монголы, встрѣтить ихъ съ почтеніемъ, сдѣлать денежный взносъ, принять отъ нихъ начальника и согласоваться съ ихъ приказами.

Народомъ овладѣли страхъ и недоумѣніе. Беха-ал-Мулькъ, послѣ совѣщанія со своими приближенными, пришелъ къ заключенію, что ни одна изъ близъ лежащихъ къ Мерву крѣпостей не можетъ оказать должнаго сопротивленія, почему и направились въ крѣпость Базеръ [1]): часть людей однако разсѣялась въ разныя стороны, а часть осталась въ Мервѣ, гдѣ Беха-ал-Мулькъ оставилъ за себя какого-то малоизвѣстнаго человѣка, который выражалъ желаніе подчиниться Монголамъ; въ этомъ замыслѣ ему потворствовалъ мервскій шейх-ал-исламъ Шемс-ал-Динъ-Хариси. Въ это время къ предѣламъ Мерва (Меручака) подошли Джебэ-Нойонъ и Субудай. Сказанный замѣститель и шейх-ал-исламъ послали къ нимъ посланца и выразили покорность, судья же, сейиды и вельможи отъ этого воздержались. Спѣшившіе монгольскіе военачальники удовольствовались «малымъ угощеніемъ» и прошли мимо Мерва. Вдругъ появляется вожатый султана Мухаммеда, нѣкій Бука, врывается въ городъ и овладѣваетъ имъ; около него въ самое короткое время собирается масса народа: державшіе сторону его Туркмены тѣхъ мѣстъ, населеніе города, отказавшееся подчиниться Монголамъ, разбѣжавшіеся въ разныя стороны солдаты султана Мухаммеда, стекшіеся въ Мервъ. Бука объявилъ себя начальникомъ. Въ это же самое время появился около Мерва, послѣ гибели султана, старый правитель Муджир-ал-Мулькъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, и остановился въ саду Махи-абадъ, у воротъ, выходившихъ на каналъ Маджанъ. Къ нему сошлись нѣкоторые изъ начальниковъ. Бука однако не пускалъ его въ городъ; онъ же до поры до времени боялся дѣйствовать силою, опасаясь возмущенія черни. Когда около него собралось достаточно силы, онъ бросился въ городъ: войска мервскія и Туркмены тотчасъ же подчинились ему и оставили Бука—всего въ количествѣ 70—80,000 человѣкъ. Муджир-ал-Мулькъ въ своихъ мечта-

1) Чтеніе предположительное, такъ какъ у Мирхонда, l. c., 145, стоитъ имя мѣста بازر, чтеніе и положеніе котораго не опредѣляется ни Якутомъ, ни Сам'ани. Въ другихъ историческихъ сочиненіяхъ, рукописныхъ, чаще встрѣчается начертаніе— يارز — «Яр.зъ»; такъ у *Хафизи-Абру*, рук. Публ. Библ. № 290, л. 223*b* и *Асфизари*, рук. библ. Универ. № 588, л. 233*a*. Послѣдній авторъ ставитъ мѣсто «Яр.зъ» рядомъ съ Несой — ولايت يارز و نسا—, изъ чего позволительно заключить, что крѣпость Яр.зъ находилась на западъ отъ Мерва.

ніяхъ шелъ однако далѣе простаго градоначальства,—онъ думалъ о султанской власти, основываясь на томъ, что мать его, бывшая сначала въ султанскомъ харемѣ, во время выхода за его отца была уже имъ беременна. Шейх-ал-исламъ продолжалъ держать сторону Монголовъ и тайно переписывался съ кадіемъ Сарахса, своимъ родственникомъ, интригуя противъ Муджир-ал-Мулька: въ одно изъ пятничныхъ собраній въ мечети онъ даже съ каѳедры громогласно поносилъ противниковъ Монголовъ. Муджир-ал-Мулькъ, еще ранѣе извѣщенный о такомъ его образѣ дѣйствій, въ уваженіе къ его учености и почету, которымъ онъ пользовался среди народа, медлилъ безъ явныхъ доказательствъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Наконецъ удалось перехватить письмо его къ кадію Сарахса; на шейх-ал-ислама напали и, изрѣзавъ его на куски, выбросили на городскую площадь. Беха-ал-Мулькъ, бывшій въ крѣпости Базеръ, бѣжалъ въ Мазандеранъ къ Монголамъ, разсказалъ имъ о дѣйствительномъ положеніи Мерва, вызвался подчинить его и вносить въ монгольскую казну ежегодно съ каждаго дома одно бумажное платье. Монголамъ это понравилось, и они отправили съ нимъ къ Мерву 7,000 человѣкъ. Лишь дойдя до Шахристана, Беха-ал-Мулькъ узналъ о своемъ соперникѣ и послалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что если ранѣе между нимъ и Муджир-ал-Мулькомъ были непріятности изъ-за должности правителя Мерва, то теперь этому положенъ конецъ: отвратить Монголовъ невозможно, остается только подчиниться; «къ Мерву вмѣстѣ со мною подошли 7,000 отборныхъ монгольскихъ воиновъ и 10,000 всякаго сброда, о чемъ и извѣщаю: оставь упорство и не подвергай себя и населенія гибели». По прочтеніи такого письма, Муджир-ал-Мулькъ и приближенные его сначала пали духомъ, но потомъ рѣшили, что полагаться на одни слова соперника будетъ опрометчивостью: слѣдуетъ навести точныя справки. Прибывшихъ гонцевъ Муджир-ал-Мулькъ убилъ, а противъ Беха-ал-Мулька выслалъ 2,500 турецкихъ всадниковъ. Прослышавъ объ этомъ, Беха-ал-Мулькъ и Монголы возвратились изъ подъ Сарахса; приспѣшники Беха-ал-Мулька разбѣжались, самого его Монголы заключили въ оковы и, прійдя въ Тусъ, умертвили. Войско же Муджир-ал-Мулька пошло въ Сарахсъ и казнило кадія Шемс-ал-Дина за то, что онъ подчинился Монголамъ (Джебэ и Субудаю), доставилъ имъ съѣстные припасы, принялъ деревянную скрижаль Чингиза на покорность и сдѣлался правителемъ области. Послѣ этого слухи о Монголахъ затихли, и правитель Мерва съ приближенными предались жизни веселой и безпечной. Тѣмъ временемъ прибылъ начальникъ города Амуе, Ихтіяр-ал-Динъ, съ новыми слухами о Монголахъ, объ осадѣ ими крѣпостей, появленіи ихъ уже въ Амуе и намѣреніи идти далѣе. Ихтіяр-ал-Динъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и ласками. За нимъ слѣдомъ появилось 800 человѣкъ Монголовъ, съ которыми вступили въ бой подоспѣвшіе изъ Харезма съ 2,000—10,000 человѣкъ Шейхъ-Ханъ и Огулъ-Хаджибъ; 60 Монголовъ было взято въ плѣнъ и приведено въ городъ. Шейхъ-Ханъ и Огулъ отправились затѣмъ въ Дестеджирдъ и, заключивъ союзъ съ Турками, пришедшими съ Ихтіяр-ал-Диномъ, задумали самостоятельно овладѣть Мервомъ, но Муджир-ал-Мулькъ, прознавъ про ихъ замыслы, принялъ мѣры предосторожности и они, отчаявшись достичь намѣченной цѣли, расположились по Мургабу и взялись за грабежъ деревень и окрестностей Мерва, накидываясь на все, что только попадалось имъ на глаза. При такомъ положеніи дѣлъ появляется Тули-Ханъ: пройдя Сарахсъ, Несу, Абивердъ и

другіе города Хорасана, ему покорившіеся, и собравъ еще около 70,000 всякаго сброда, онъ всѣ силы направилъ къ Мерву. Въ видѣ передоваго отряда онъ отправилъ 400 всадниковъ, которые, дойдя до рядовъ турецкихъ войскъ, засѣли въ засаду. Когда ночью Турки задумали идти на грабежъ городскихъ окрестностей, Монголы ударили и произвели страшный переполохъ: тѣ не узнавали своихъ, въ смятеніи бросались въ рѣку и пускались въ бѣгство; Монголы завладѣли всей ихъ добычей и награбленнымъ: однихъ четвероногихъ, кромѣ барановъ, было 60,000 головъ. Это было въ 1221 году. На другой день подошелъ съ ратью Тули-Ханъ и самолично съ 500 избранными обошелъ городъ, начиная съ воротъ «Фирузи», и въ теченіе шести дней все смотрѣлъ на валъ, стѣну, ровъ и городскіе минареты, сомнѣваясь при такихъ мервскихъ твердыняхъ въ успѣхѣ. На седьмой день, стянувъ войска, подошелъ къ «городскимъ воротамъ» (Дервазе-и-Шахристанъ) и началъ войну. Жители сдѣлали двѣ вылазки—первую въ количествѣ 200 человѣкъ—изъ двухъ разныхъ воротъ, но обѣ окончились плачевно; Монголы безо всякаго труда опять загнали смѣльчаковъ въ ворота, и кольцомъ обложили городъ, такъ что ни входъ въ него, ни выходъ былъ невозможенъ; ночью всюду стояла стража. Муджир-ал-Мулькъ видѣлъ единственное спасеніе въ покорности: онъ отправилъ къ Тули-Хану посломъ для переговоровъ извѣстнаго мервскаго имама Джемал-ал-Дина, прося пощады [1]). Тули-Ханъ отвѣтилъ обѣщаніями и завѣреніями, послѣ которыхъ Муджир-ал-Мулькъ пошелъ на поклонъ самъ, съ богатыми подарками изъ серебра, всякой всячины и скота—лошадей, верблюдовъ, муловъ и барановъ. Освѣдомившись о положеніи города, Тули-Ханъ потребовалъ списокъ богачей; Муджир-ал-Мулькъ указалъ 200 человѣкъ: ихъ привели и выпытывали о сокровищахъ и драгоцѣнныхъ вещахъ. Затѣмъ войско вступило въ городъ и четверо сутокъ выгоняло жителей въ поле, безжалостно разлучая мужа съ женой, дѣтей съ родителями; все было раздѣлено между солдатами и убито,—исключеніе составили заранѣе намѣченные 400 избранныхъ и нѣсколько младенцевъ мужескаго и женскаго пола, которые были уведены въ плѣнъ [2]). Говорятъ, что на долю каждаго воина досталось 300—400 человѣкъ. За ночь было столько убито, что возвышались горы труповъ и кровь текла рѣкою. Послѣ того Тули-Ханъ приказалъ сломать стѣну и разрушить крѣпость; подожгли также «максуру» въ мечети послѣдователей Абу-Ханифы;—это было какъ бы возмездіемъ за пожарище шафійтской мечети, построенной нѣкогда везиремъ Текеша, Шемс-ал-Динъ-Мас'удомъ [3]). Покончивши съ грабежемъ и раззоромъ, Монголы одного изъ мервскихъ вельможъ, эмира Зія-ал-Дина, поставили правителемъ народа, который несомнѣнно долженъ былъ собраться

[1]) *Хафизи-Абру* въ своемъ историко-географическомъ сочиненіи, излагая паденіе Мерва при Монголахъ почти дословно по *Джувейни*, въ этомъ мѣстѣ сообщетъ слѣдующія подробности. Отправившійся въ станъ Тули-Хана Джелял-ал-Динъ съ факихами и старцами за пощаду города и жителей предложилъ: 200,000 динаровъ деньгами, 30,000 харваровъ хлѣба, 100 головъ лошадей хорошаго хода и 100 турецкихъ и индійскихъ невольниковъ; кромѣ того обязывались вносить Монголамъ извѣстную сумму денегъ въ годъ и принять отъ нихъ начальника. Тули-Ханъ принялъ посла ласково. Послѣ этого поѣхалъ къ Монголамъ самъ Муджир-ал-Мулькъ, но его при входѣ остановили и потребовали 300,000 динаровъ въ подарокъ Тули-Хану и 100,000 динаровъ—его эмирамъ. Эту сумму Муджир-ал-Мулькъ перевелъ на четырехсотъ мервскихъ богачей, которые до уплаты были подвергнуты пыткамъ и мукамъ. См. рук. № 290 Императорской Публ. Библ., листъ 224*b* (по *Dorn*, Catalogue etc. Срав. *Bar. V. Rosen*, Collections scientifiques, III, стр. 111). См. также у *Асфизари*, въ описаніи Херата, рук. Унив. Библ. № 588, листъ 49*b*.

[2]) По *Хафизи-Абру*, l. c., пощадили только 40 человѣкъ ремесленниковъ, а именно: желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ, мастеровъ стрѣлъ, луковъ и кирпичей.

[3]) Ср. выше, стр. 33.

изъ разныхъ уголковъ; полицейскимъ (градоначальникомъ) былъ назначенъ Бармасъ. Попрятавшійся людъ сталъ мало-по-малу выходить изъ укромныхъ мѣстъ, и собралось его около 50,000 человѣкъ. Монголы, шедшіе за Тули-Ханомъ, претендуя на свою долю въ человѣкоубійствѣ, хитростію выманили народъ въ поле: попросили, чтобы каждый житель вынесъ имъ подолъ пшеницы. Началась рѣзня уцѣлѣвшихъ отъ перваго побоища; рѣзня эта увеличилась Табеси, отдѣлившимся отъ Джебе-Нойона, который билъ и рѣзалъ всѣхъ попадавшихся ему. Одинъ изъ почтенныхъ въ Мервѣ сейидовъ Изз-ал-Динъ-Несабэ съ помощниками впродолженіе тринадцати сутокъ считалъ убитыхъ; оказалось, что погибло, не считая жителей предмѣстій и деревень, 1,300,000 съ лишкомъ человѣкъ.

Стало извѣстно, что въ Сарахсѣ сынъ казненнаго Шемс-ал-Дина поднялъ мятежъ; Зія-ал-Динъ отправился для подавленія его. Бармасъ направился въ Бухару. Народъ, полагая, что послѣдній, узнавъ что либо, пустился въ бѣгство, сейчасъ же заволновался; Бармасъ повернулъ къ Мерву, но жители его не пустили, и онъ мстя сталъ творить всякія безчинства въ виду города. Возвратившійся изъ Сарахса Зія-ал-Динъ взялся за исправленіе городскихъ стѣнъ и крѣпости, но вотъ появляется одинъ изъ приспѣшниковъ султана, Куштегинъ, и начинаетъ осаду. Зія-ал-Динъ съ Монголами, не видя пользы въ сопротивленіи, удалился въ крѣпость Мерагу, а Куштегинъ вступилъ въ городъ и началъ поправки и посѣвы. Населеніе однако тайно пригласило Зія-ал-Дина, и онъ, снисходя къ просьбѣ, появился передъ городомъ. Куштегинъ схватилъ его и требовалъ добра, но, ничего не получивъ, счелъ для укрѣпленія собственной силы необходимымъ умертвить его. Узнавъ о движеніи Караджа-Нойона, Куштегинъ двинулся противъ него съ 1,000 человѣкъ, и въ мѣстечкѣ Сенджебестъ, между Нишабуромъ и Сарахсомъ, былъ разбитъ. Дня черезъ три-четыре къ Мерву подошли около 200 всадниковъ монгольскихъ, и повели осаду, и дали знать объ этомъ въ Нахшабъ эмирамъ Бартаю и Кабаю, присовокупивъ, что дешевизна мервской жизни вновь собрала въ городъ много народа. Бартай явился съ 5,000 воиновъ и начальникомъ, по имени Акъ-Меликъ. Окружили городъ и стали жителей, какъ верблюдовъ, десятками связывать на веревки и избивать: погибло около 100,000. Селенія и городскія предмѣстья, кварталы были отданы на грабежъ солдатамъ: зданія, дворцы, мечети рушились безпощадно. Эмиры монгольскіе съ войскомъ удалились, оставивъ въ Мервѣ Акъ-Мелика на случай—избивать населеніе, если таковое объявится. Прибѣгая ко всякаго рода хитростямъ, напр. возглашенію мусульманскаго призыва къ молитвѣ, Акъ-Меликъ 41 сутки губилъ остатки населенія. Послѣ этого рѣзня нѣсколько затихла, жители деревень и разбѣжавшіеся соединились въ количествѣ 10,000 человѣкъ вокругъ нѣкоего Арслана, который и правилъ въ Мервѣ около шести мѣсяцевъ, но появленіе сначала Караджа-Нойона съ тысячнымъ отрядомъ, а потомъ Хутухту-Нойона съ 100,000 войска уничтожило и эту послѣднюю горсть. Сорокъ дней лилась человѣческая кровь, травились запасы, никому и ничему не давалось пощады и отъ Мерва — «души царской» — осталось около двѣнадцати индійцевъ почти дѣтскаго возраста, а по другому преданію уцѣлѣло всего четыре души. Такъ Мервъ пересталъ существовать.

Арабскій историкъ Ибн-ал-Асиръ говоритъ [1]), что, овладѣвъ городомъ, Монголы зажгли

[1]) XII, 255, 256.

его и предали пламени надгробіе султана Санджара, разрывъ въ поискахъ сокровищъ могилу его, и что въ Мервѣ убито было обоего пола 700,000 человѣкъ.

Если даже предположить, что приведенныя цифры погибшихъ нѣсколько преувеличены, и подъ ними не нужно понимать исключительно населеніе мервское, но считать и бѣжавшихъ отъ монгольскихъ ужасовъ изъ Бальха и другихъ городовъ и искавшихъ твердаго оплота въ Мервѣ [1]), все же нельзя отрицать, что во время появленія Монголовъ Мервъ былъ громаднѣйшимъ, богатымъ, цвѣтущимъ городомъ, и ударъ, ему нанесенный, былъ столь тяжкимъ, что оправиться отъ него въ скоромъ времени онъ никоимъ образомъ не могъ: возрожденіе Мерва изъ пепла и развалинъ свершилось почти черезъ 200 лѣтъ.

Понятно, почему за это время молчитъ исторія о собственномъ *городѣ* Мервѣ; подъ этимъ именемъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ въ эпоху Ильхановъ въ Персіи, нужно разумѣть мервскую *область* и ближайшія къ развалинамъ стараго города селенія [2]). Городъ Мервъ не упоминается даже въ различныхъ маршрутахъ Тамерлана, «желѣзнаго хромца». Этотъ завоеватель обыкновенно ходилъ изъ Самарканда въ Хорасанъ, переправляясь черезъ Аму-Дарью у Термеда, по дорогѣ на Бальхъ. Такъ, въ первый походъ въ Хорасанъ 1380 года онъ очутился въ Хератѣ черезъ Андахудъ и Мерверрудъ; тѣмъ же путемъ черезъ Бальхъ шелъ онъ въ 1384 году въ Мазандеранъ на Сарахсъ, Абивердъ, Несу и т. д. [3]).

При слѣдованіи же въ Персію черезъ Амоль (Чарджуй) на Аму-Дарьѣ—обычный путь изъ Бухары—Тамерланъ обыкновенно выходилъ на уцѣлѣвшій отъ погрома Монголовъ Маханъ, минуя собственный Мервъ: такъ было въ 1381 и 1391 годахъ [4]). Не былъ ли въ это время Маханъ областнымъ пунктомъ? На это, какъ будто, намекаетъ, какъ увидимъ ниже, Хафизи-Абру, говоря о его особенной величинѣ и процвѣтаніи. Правителемъ этого пункта въ «Тузукат»'ахъ самого Тимура названъ Мубарекъ-Шахъ Сиджзи, который совѣтуетъ Тимуру подчинить *область* Мервъ Шахиджана (подъ 763—1361 годомъ).

Къ этой безжизненной для Мерва порѣ относятся описанія его у нѣкоторыхъ арабскихъ и персидскихъ географовъ и космографовъ.

Во второй части космографическаго труда Закарія б. Мухаммеда ал-Казвини († 1283 г.), носящей названіе «Достопамятности странъ», значится [5]): «Мервъ одинъ изъ славнѣйшихъ и древнѣйшихъ городовъ въ Хорасанѣ, самый богатый, самый красивый. Возвелъ его Александръ Македонскій; крѣпость древнѣе самого города,—ее, какъ говорятъ, построилъ Тахмурасъ.... Городъ изобилуетъ хлѣбомъ и запасами; жители его отличаются кротостью, мягкостью, хорошимъ обращеніемъ. Онъ былъ столицею сельджукскихъ государей, отъ которыхъ въ немъ остались памятники.

Разсказываютъ, что въ Мервѣ былъ большой домъ, вышиною въ ростъ, который съ четырехъ сторонъ былъ изукрашенъ четырьмя деревянными фигурами, которыя изображали двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. И утверждали нѣкоторые, что этотъ домъ—домъ ихъ царя;

---

[1]) По словамъ того же Ибн-ал-Асира, *защитниковъ* Мерва изъ Арабовъ, Турокъ и бѣглецовъ разныхъ мѣстъ набралось свыше 200,000 человѣкъ. XII, 255.

[2]) См. напр. *Хафизи-Абру*, рук. Публ. Библ. № 290, л. 233*a*; *Hammer-Purgstall*, Geschichte der Ilchane, I, 97.

[3]) *Cherefeddin Ali*, Histoire de Timur-Bec, traduite en françois par *Petis de la Croix*, Par. 1723, I, 314, 388 и сл.

[4]) Ibid., I, 339; II, 139 и сл.; рук. Публ. Библ. № 290 *Хафизи-Абру*, л. 282*b*.

[5]) Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el Cazwini's Kosmographie, herausgegeben von *F. Wüstenfeld*, II, 305. 306.

поэтому его разрушили и воспользовались его деревомъ: тогда Мервъ и окружающія селенія постигли голодъ, бѣдствія и засуха; жители узнали, что этотъ домъ былъ талисманомъ для отвращенія несчастій [1]). Въ городѣ нѣтъ никакихъ недостатковъ, кромѣ того, что жители сильно страдаютъ отъ «мединскаго червя».

Мервскую рѣку Казвини въ первой части труда своего, озаглавленной «Чудеса сотворенныхъ и диковинки существующихъ вещей», называетъ Разикъ [2]), говоритъ, что водою ея пользуются для посѣвовъ и огородовъ, что на ней расположены мельницы, и затѣмъ разсказываетъ извѣстную исторію гибели Ездиджерда въ одной мельницѣ на Разикѣ.

Шемс-ал-Динъ-Абу-Абдаллахъ-Мухаммедъ-ал-Димешки († 1327 г.) въ своемъ трудѣ «Избранное вѣка касательно чудесъ суши и моря» разсказываетъ [3]), что Мервъ Шахиджанъ городъ старинный, построенъ Тахмурасомъ; былъ до такой степени великъ, что Монголы истребили въ немъ 700,000 мужчинъ и женщинъ. Рѣка Мерва вытекаетъ изъ Баміанскихъ горъ, и, миновавъ Мерверрудъ, впадаетъ въ озеро Зерэ, въ 7 фарсаховъ длины и 10 ширины. Между обоими Мервами шесть стоянокъ. Изъ извѣстныхъ городовъ къ Мерву принадлежатъ: Ризэ (чит. Заркъ), на обѣихъ сторонахъ рѣки, черезъ которую перекинутъ большой мостъ; — С-б-хъ (чит. Синджъ), Кушмейхенъ, Гуранъ, Анбаръ, Ардаскенъ, Багшуръ, Амоль.

Въ сочиненіи Абу-л-Фиды «Распредѣленіе странъ», оконченномъ въ 1321 году и основанномъ во многомъ на трудахъ предшественниковъ, мы находимъ лишь повтореніе свѣдѣній, сообщенныхъ ранѣе.

Мервъ Шахиджанъ былъ городомъ Мамуна, когда онъ пребывалъ въ Хорасанѣ. Въ Мервѣ большая рѣка, начало которой за Баміаномъ; отъ нея отдѣляются каналы, идущіе въ городъ; рѣка извѣстна подъ именемъ Мургаба. Въ Мервѣ убитъ Ездиджердъ, послѣдній государь персидскій; оттуда проявилась власть Аббасидовъ, и въ домѣ одного, по имени Абу-л-Неджмъ-ал-Муайти, красили первыя черныя платья. Въ немъ Мамуну досталась халифская власть; изъ него вышли секретари халифата и много ученыхъ; такъ было и при Персахъ: изъ него происходилъ врачъ Барзуе. Изъ Мерва вывозится въ большомъ количествѣ шелкъ и хлопокъ. Изъ деревень и городовъ Мерва: Саганъ или Джаганъ;—Кушмейхенъ въ пяти фарсахахъ, по дорогѣ въ пустыню; въ немъ хорошаго качества виноградъ (изюмъ), который вывозится въ разныя мѣста.

Болѣе частныя свѣдѣнія о самомъ городѣ, помѣщенныя Абул-Фидой на одной изъ его таблицъ,—повтореніе въ самыхъ короткихъ словахъ Ибнъ-Хаукаля; въ концѣ ихъ значится, что между Мервомъ, Нишабуромъ, Хератомъ, Бальхомъ и Бухарой 12 дней пути [4]).

Само собою разумѣется, что свѣдѣнія Абу-л-Фиды никоимъ образомъ не относятся къ Мерву его времени, и Риттеръ понялъ ихъ совершенно невѣрно.... [5]) «Орды Чингиза превратили эту мѣстность», говоритъ онъ, «подобно Бальху и Херату, въ кучу развалинъ. Послѣ

1) Это то самое зданіе, о которомъ выше говорили *Ибн-ал-Факихъ* и *Ахмедъ Туси*, называя его کی مرزبان, стр. 17, 32.

2) Kosmographie, I, 179. Вюстенфельдомъ принято чтеніе «Рузейкъ».

3) *Mehren*, Cosmographie de Chems-ed-din ed-Dimichqui, St.-Pét. 1866, стр. 224.

4) Géographie d'*Aboulféda*, texte arabe, ed. *Reinaud*, стр. 446, 457.

5) *Н. В. Ханыковъ*, Иранъ К. Риттера, стр. 450.

этого погрома Мервь, должно быть, снова оправилась, такъ какъ Абуль-Фида упоминаетъ объ ней, какъ о чистенькомъ городкѣ, окруженномъ садами».

Что во время Абу-л-Фиды не могло еще быть и рѣчи о «чистенькомъ городкѣ, окруженномъ садами», на мѣстахъ Мерва, доказательствомъ можетъ служить категоричное заявленіе что «Мервъ, какъ и Бальхъ лежитъ въ развалинахъ», заявленіе извѣстнаго путешественника Ибнъ-Батуты († 1377 г.) [1], который видѣлъ мѣстность собственными глазами.

Наконецъ въ трудѣ персидскаго космографа Хамдаллаха Казвинскаго «Услада сердецъ», составленномъ въ 1339 году, о Мервѣ сообщается слѣдующее [2]: «Крѣпость Мерва построилъ Тахмурасъ, а городъ возвелъ Александръ Македонскій и сдѣлалъ столицею хорасанской области. Абу-Муслимъ-пропагандистъ построилъ въ немъ соборную мечеть, а около нея «домъ правленія»: въ немъ куполообразное зданіе въ 55 локтей и съ каждой стороны отъ него портикъ въ 30×60 локтей. Халифъ Мамунъ, въ бытность правителемъ Хорасана, столицею имѣлъ Мервъ. Саффариды пребывали въ Нишабурѣ; а когда власть перешла къ Сельджукамъ, то Джагри-Бекъ вновь сдѣлалъ Мервъ столичнымъ городомъ. Стѣну его вывелъ султанъ Меликъ-Шахъ,—окружность ея 12,300 шаговъ. Хлѣбъ въ этой области родится очень хорошо. Говорятъ, что если посѣять зерна одинъ менъ, то въ первый годъ урожай даетъ сто меновъ, а на другой годъ, какъ его сожнутъ и обсыплется зерно, оно само по себѣ даетъ тридцать меновъ, и въ третій годъ десять меновъ. Воздухъ въ немъ гнилостный и болѣзней много, въ особенности «ришта». Вода въ немъ изъ мервской рѣки («Мерврудъ»); есть водопроводы. Почва солончаковая (лесъ ?), по каковой причинѣ въ немъ бываетъ хорошій урожай.

Мервъ—мѣсто движущагося песка, такъ какъ по близости къ нему песокъ по большей части движущійся. Изъ плодовъ мервскихъ хороши—дыни, виноградъ и груши; въ сушеномъ видѣ ихъ вывозятъ отсюда во многія области. Жители здѣшніе въ прежнее время были воинственны, теперь городъ этотъ разрушенъ. Изъ него вышло много великихъ и знаменитыхъ людей: во времена хосроевъ врачъ Барзуе, Бузурджмихръ, пѣвецъ-музыкантъ Барбутъ. Изъ него же Абу-Муслимъ» [3].

Мервская рѣка, говоритъ Хамдаллахъ, — собственно Мургабъ, обыкновенно называется Разикъ, такъ какъ дѣлятъ ее на каналы у деревни Разикъ. Вытекаетъ она изъ горъ Бадагиса и, миновавъ Мерверрудъ и нѣкоторые города Хорасана, доходитъ до Мерва. Длина ея 30 фарсаховъ.

Тотъ же Хамдаллахъ Казвинскій сохранилъ намъ два дорожника изъ Мерва, изъ которыхъ одинъ доселѣ совершенно неизвѣстный. Въ виду того, что трудъ «Услада сердецъ» не изданъ, мы приводимъ сказанные дорожники по пяти манускриптамъ Азіятскаго Музея, двумъ—С.-Петербугскаго Университета и тремъ—Публичной Библіотеки со всѣми варіантами въ текстѣ, расположивъ рукописи въ порядкѣ ихъ сказаннаго мѣстонахожденія и древности.

---

[1]) Les voyages d'Ibn Batoutah, III, 63.

[2]) Рукопись Азіят. Музея نزهة القلوب № 603*b*, листъ 147*b*, 160*b*.

[3]) Описаніе Хамдаллаха Казвинскаго почти цѣликомъ повторено въ زينة المجالس соч. *Медджи* (Меджд-ал-Динъ-Мухаммедъ-ал-Хусейни), фасль 2-й джузва 9-го, s. v. بلوك مرو شاهجان.

№ 603*bbc*, безъ года, очень старая.	№ 603 *bba*. 1034 г. Г.	№ 603*bb*. 1070 г. Г.	№ 603*bbb*, безъ года, новая.	№ 603*b*. 1242 г. Г.
				Дорога изъ Хе
Листъ 238*b*.	л. 164*a*.	л. 266*a*.	л. 268*a*.	л. 152*b*.
Сегабадъ سكاباد	Сегабадъ	Х . н . кабадъ هنكاباد	Сегабадъ	Хенгамабадъ
5 фарсаховъ.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	هنكام آباد 5 ф.
Бадагисъ بادغيس	Бадагисъ	Бадагисъ	Бадагисъ	Бадагисъ
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Тунъ تون	Тунъ	Тунъ	Тунъ	Тунъ
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ
مرغزار دره 5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Махи Шуръ	. х . ръ-Шуръ	Шуръ شور	. л . хи Шуръ	Шуръ شور
ماهى شور 8 ф.	بحز شور 6 ф.	8 ф.	بلحى شور 8 ф.	8 ф.
Лус . ръ لوسر	Т . р . ширъ ترشير	Лус . рудъ لوسرود	Лус . рудъ لوسرود	Лус . рудъ لوسرود
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерверрудъ
مرو الرود 4 ф.	5 ф.	4 ф.	4 ф.	4 ф.
			Всего отъ Херата	
Не указано (37)	37 (выходитъ 36)	не указано (37)	37 ф.	не указано (37)
Касръ Ахнефъ Кайсъ	Касаба Ахнефъ Кайсъ	Касаба Ахнефъ Кайсъ	Касръ Ахнефъ Кайсъ	Касаба Ахнефъ Кайсъ
قصر احنف قيس	قصبه احنف قيس			
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Хурабъ [2]) خوراب	Хуаратъ خوارات	Хуратъ خوراط	Хуратъ حورات	Хуратъ خوراط
4 ф.	4 ф.	4 ф.	4 ф.	4 ф.
Асадабадъ اسداباد	Ас . рабадъ اسراباد	Асадабадъ	Асадабадъ	Асадабадъ
6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.
К . рси [3]) قرسى	К . р . ши قرشى	. . д . си قدسى	М . мадъ ? عماد	К . д . си قدسى
7 ф.	7 ф.	7 ф.	6 ф.	7 ф.
. х . абадъ [4]) يحاباد	Х . бабадъ حباباد	Яхъябадъ يحاباد	не названо	Яхъябадъ
5 ф.	5 ф.	5 ф.		5 ф.
Мехдиабадъ	не названо	Мехдиабадъ	не названо	Мехдиабадъ
مهدى اباد 7 ф.		7 ф.		7 ф.

[1]) Вторую часть ея, отъ Мерверруда, срав. съ приведенными выше дорожниками Ибнъ-Хордадбеха, Кудамы и Мукаддаси, стр. 14, 15, 26.
[2]) У Ибнъ-Хордадбеха, Кудамы и Мукаддаси «Хаузанъ». *Сам'ани*, л. 156*b*, читаетъ «Хузанъ».
[3]) У Ибнъ-Хордадбеха, Кудамы и Мукаддаси «Карнейнъ».
[4]) У Мукаддаси «Бахиръ-абадъ».

№ 304, безъ года.	№ 171, 1095 г. Г.	№ V. 5. 10, 1062 г. Г.	№ IV. I. 33, 1063 г. Г.	№ IV. I. 34, безъ года, нестарая.
рата въ Мервъ [1].				
листъ 299*a*.	листъ 243*b*.	листъ 327*b*.	листъ 190*a*.	листъ 291*b*.
Сегабадъ سكاباد	Хенгамабадъ	Сегабадъ سكاباد	Сенгабадъ سنكاباد	Сѐгабадъ سكاباد
5 ф.	هنكاماباد 5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Бадагисъ بادغس	Бадагисъ بادغيس	Бадагисъ بادغيس	Бадагисъ بادغيس	Бадагисъ بادغيش
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Тунъ	Тунъ	не названо	Тунъ	Тунъ
5 ф.	5 ф.		5 ф.	5 ф.
Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дерэ	Маргзаръ Дз . ръ	Маргзаръ Дерэ
5 ф.	5 ф.	5 ф.	مرغزار ذر 5 ф.	5 ф.
. ' и Шуръ نعى شور	Шуръ شور	Шуръ شور	Шуръ	Бахръ Шуръ
8 ф.	8 ф.	8 ф.	8 ф.	بحر شور 8 ф.
Лусирудъ لوسيرود	Лус . рудъ لوسرود	Лурудъ لورود	Лус . рудъ لوسرود	не названо
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	
Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерверрудъ	Мерв (еррудъ)
4 ф.	4 ф.	4 ф.	4 ф.	9 ф.
до Мерверруда:				
37 ф.	не указано (37 ф.)	37 ф. (выходитъ 32)	не указано (37 ф.)	37 ф.
Касаба Аҳнефъ Кайсъ	Касаба Ахнефъ Кайсъ	Касаба Асифъ	Касаба Ахнефъ Кайсъ	Касаба Ахнефъ б. Кайсъ
		قصبه اصف		قصبه احنف بن قيس
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.
Хурабъ حوراب	Хуратъ خوراط	Хура . ъ	Хуратъ	Хуратъ
4 ф.	4 ф.	حوراب 4 ф.	خوراط 4 ф.	خورات 4 ф.
Асадабадъ	Асадабадъ اسدآباد	Астерабадъ	Асадабадъ	Асадабадъ
6 ф.	6 ф.	استراباد 6 ф.	6 ф.	6 ф.
. р . ши فرشى	К . д . си	Х . р . си	К . д . си	К . р . ши
7 ф.	7 ф.	خرسى 7 ф.	قدسى 7 ф.	قرشى 7 ф.
. ха . адъ لحاباد	Яхъябадъ يحياباد	Яхъя-абадъ	Т . хъябадъ	Т . хтабадъ
5 ф.	5 ф.	يحيى اباد 5 ф.	تحياباد 5 ф.	تحتاباد 5 ф.
Мехдиабадъ	Мехдиабадъ	Мехдиабадъ	Мехдиабадъ	Мехдиабадъ
7 ф.	7 ф.	7 ф.	مهدياباد 7 ф.	مهدى آباد 7 ф.

Каръ [1]) قار.	не названо	Гаръ غار	не названо	Каръ قار
6 ф.		6 ф.		6 ф.
Мервъ مرو	Мервъ	Мервъ	Мервъ	Мервъ
7 ф.	7 ф.	7 ф.	7 ф.	7 ф.
			Всего отъ Мервер	
47 ф.	48 ф. (34)	не указано (17 ф.)	47 ф. (28)	не указано (47 ф.)
			Всего отъ Хе	
84 ф.	84 ф.	84 ф.	84 ф.	84 ф.
		Дорога изъ Мерва въ сто		
Листъ 239*a*.	л. 164*a*.	л. 266*a*.	л. 268*a*.	л. 152*b*.
Деревня С. ф. ри	Деревня Байкара	Деревня М. к. ри	Деревня М... ри	Деревня М. к. ри
دیه سفری 5 ф.	دیه بیقرا 5 ф.	ده مقری 5 ф.	ده معری 5 ф.	ده مقری 5 ф.
Абданъ К. ф. джъ	Аванъ Гянджъ	Абданъ Гянджъ	Абданъ К. ф. хъ	Абданъ Гянджъ
آب دان کفج 2 ф.	اوان کنج 2 ф.	آبدان کنج 10 ф.	آبدان کفح 2 ф.	ابدان کنج 2 ф.
Рабатъ Суранъ	Рабатъ Суваранъ	Рабатъ Суранъ	Рабатъ Суранъ	Рабатъ Суранъ
رباط سوران 8 ф.	رباط سواران 8 ф.	رباط سوران 8 ф.	رباط سوران 8 ф.	رباط سوران 8 ф.
Чахъ Хакъ	не названо	Чахъ Хакъ	Чахъ Хакъ	Чахъ Хакъ
چاه خاك 5 ф.		5 ф.	5 ф.	5 ф.
Чахъ Хаси	не названо	Чахъ Сахиби	Чахъ Хаси	Чахъ Сахиби
چاه خاصی 7 ф.		چاه صاحبی 5 ф.	چاه خاصی 7 ф.	چاه صاحبی 7 ф.
Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ
چاه هرون 7 ф.	چاه هرون 7 ф.	چاه هارون 7 ф.	چاه هارون 7 ф.	چاه هارون 7 ф.
Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Бушакиръ	Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Нушагирдъ
رباط نوشاکرد 7 ф.	رباط بوشاکر 7 ф.	?	7 ф.	7 ф.
			Въ этомъ переходѣ около 2000	
Ш. кабадъ	Сегабадъ	Сегабадъ	Сегабадъ	Сегабадъ
شکاباد 7 ф.	سکاباد 7 ф.	7 ф.	7 ф.	7 ф.
Рабатъ Тахири	Рабатъ Тахири	Рабатъ Тахири	Рабатъ Тахири	Рабатъ Тахири
رباط طاهری 6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.	6 ф.
Рабатъ Буд. нэ	Рабатъ Нурiе	Рабатъ Будинэ	Рабатъ Буд. нэ	Рабатъ Будинэ
رباط بودنه 5 ф.	رباط نوریه 5 ф.	رباط بودینه 5 ф.	رباط بودنه 5 ф.	رباط بودینه 5 ф.

[1]) У Ибнъ-Хордадбеха, Кудамы и Мукаддаси «Фазъ».
[2]) Срав. этотъ дорожникъ съ приведеннымъ ниже, стр. 81, изъ «Джиханъ-Нума» *Хаджи-Хальфы*.

Фазъ فاز	Каръ قار	Харъ	Фаръ	Харъ
6 ф.	6 ф.	حار 6 ф.	فار 6 ф.	خار 6 ф.
Мервъ	Мервъ	Мервъ	Мервъ	Мервъ
7 ф.	7 ф.	7 ф.	7 ф.	7 ф.

руда до Мерва:

48 ф. (47)	не указано (47 ф.)	48 ф. (47)	не указано (47 ф)	48 ф. (47)

рата до Мерва:

84 ф.	84 ф.	84 ф. (79)	84 ф.	84 ф.

лицу Харезма, Ургенджъ [2]).

листъ 299*b*.	листъ 243*b*.	листъ 328*a*.	листъ 190*a*.	листъ 291*b*.
Деревня С. к. ри	Деревня М. к. ри	Деревня С. г. ри	Деревня М. к. ри	Деревня С. н. к. ри
ديه سقرى 5 ф.	ده مقرى 5 ф.	ديه صغرى 5 ф.	ديهى مقرى 5 ф.	ديه سنقرى 5 ф.
Абданъ Гянджъ	Абданъ Гянджъ	Абданъ Гянджъ	Абданъ Гянджъ	Абданъ Гянджъ
2 ф.	10 ф.	2 ф.	2 ф.	2 ф.
Рабатъ Суранъ	Рабатъ Суранъ	Рабатъ Сузанъ	Рабатъ Суранъ	Рабатъ Суранъ
رباط سوران 8 ф.	8 ф.	رباط سوزان 8 ф.	8 ф.	8 ф.
не названо	Чахъ Хакъ	не названо	Чахъ Хакъ	Чахъ Хакъ
	5 ф.		5 ф.	5 ф.
не названо	Чахъ Сахиби	не названо	Чахъ Сахиби	Чахъ Сахиби
	5 ф.		5 ф.	7 ф.
Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ	Чахъ Пеженъ	Чахъ Харунъ	Чахъ Харунъ
7 ф.	7 ф.	چاه پژن 8 ф.	7 ф.	7 ф.
Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Нусакиръ	Рабатъ Нушагирдъ	Рабатъ Нушагирдъ
7 ф.	7 ф	رباط نوساكر 7 ф.	7 ф.	7 ф.

шаговъ движущагося песку.

Сенгабадъ سنكاباد	Сегабадъ سكاباد	Сегабадъ	Сегабадъ	Сегабадъ
7 ф.	7 ф	سك آباد 7 ф.	7 ф.	7 ф.
Тахири طاهرى	Рабатъ Тахири	Тахиръ	Рабатъ Тахири	Рабатъ Тахири
6 ф.	رباط طاهرى 6 ф.	طاهر 6 ф.	6 ф.	? (указано 36 ф.)
·а; уд. нэ نانودنه	Рабатъ Будинэ	Рабатъ Нубе	Рабатъ Будинэ	Рабатъ Будъ
5 ф.	رباط بودينه 5 ф.	رباط نوبه 5 ф.	رباط بودينه 5 ф.	رباط بود 9 ф.

Городъ Д.р.ганъ [1]) شهر درغان 9 ф.	Гор. Д.р.ханъ شهر درخان 9 ф.	Гор. Д.р.'анъ شهر درعان 9 ф.	Гор. Д.р.ганъ شهر درغان 9 ф.	Гор. Д.р.ганъ شهر درغان 9 ф.
Городъ Джигрбендъ [2]) شهر حعرىىد 7 ф.	Гор. Худбидъ شهر خوديىد 7 ф.	Гор. Хурбендъ شهر حوربند 7 ф.	Джигрбендъ حعرىىد 7 ф.	Гор. Хурбендъ شهر حوربند 7 ф.
Рабатъ Деханъ Ширъ («Львиная пасть») رباط دهان شير 5 ф.	Рабатъ Деханъ Ширъ 7 ф.	Рабатъ Деханъ Ширъ 5 ф.	Рабатъ Деханъ Ширъ 5 ф.	Рабатъ Деханъ Ширъ 5 ф.

Въ этомъ мѣстѣ сходятся близко двѣ горы; рѣка Джейхунъ

С.д.уръ [4]) سدبور 4 ф.	С.д.буръ سدبور 4 ф.	С.динуръ سدى نور 4 ф.	С.д.нуръ سد نور 4 ф.	С.динуръ سدى نور 4 ф.
Городъ Хезарасфъ [5]) شهر هزاراسف 10 ф.	Г. Хезараспъ شهر هزاراسب 10 ф.	Г. Хезараспъ 10 ф.	Г. Хезарасфъ 10 ф.	Г. Хезараспъ 10 ф.
З.р.д.къ زردق 8 ф.	Деревня Азракъ ديه ازرق 9 ф.	Дер. Д.з.д.къ ديه دزدق 9 ф.	Дер. З.р.д.къ ده زردق 9 ф.	Дер. Д.з.д.къ ده دزدق 9 ф.
Р.х.ш.минъ [6]) رحشمين 7 ф.	не названо.	Р.х.ш.минъ رحشمين 7 ф.	З.х.с.минъ زحسمين 7 ф.	Р.х.ш.минъ رحشمين 7 ф.
Андера..нъ [7]) اندراسان 6 ф.	Деревня Абда.янъ ديه ابدايان 6 ф.	Андерабъ اندراب 6 ф.	Андера..анъ اندراسان 6 ф.	Андерабъ اندراب 6 ф.
Городъ Нураванъ [8]) شهر نوراوان 2 ф.	Пураванъ پوراوان 10 ф.	Гор. Пуръ شهر پور 2 ф.	Гор. .ураванъ شهر ىوراوان 2 ф.	Гор. Пуръ شهر پور 2 ф.

Столичный городъ

Всего по этой дорогѣ

124 ф. (по счету 123).	124 ф. (115)	124 ф. (123)	124 ф.	124 ф. (122)

---

[1]) У Мукаддаси, стр. 287, «Дарганъ».

[2]) Читаю съ Мукаддаси, ibid. См. варіанты его *d*.

[3]) Это то, что у Мукаддаси называется «мѣстомъ суженія рѣки» مضيق النهر. *Sprenger,* Die Post-und Reiserouten des Orients, 33.

[4]) Срав. «Седферъ» у Мукаддаси, стр. 287 и вар. *l*.

[5]) Ѣздившій въ 1851—2 году въ Хиву посломъ отъ персидскаго шаха Риза-Кули-Ханъ опредѣляетъ дорогу изъ Мерва въ Хезараспъ
Ханъ этою дорогою не проходилъ. См. Relation de l'ambassade au Kharezm de Riza Qouly Khan, trad. par *Ch. Schefer,* p. 125, 172.

[6]) *De Goeje* въ изданіи Мукаддаси, ibid., вар. *e*, предлагаетъ чтеніе «Рахушмисенъ» со ссылкою на трудъ свой «Das alte Bett des

[7]) Срав. у Мукаддаси, ibid., اندراستان и у Истахри, 302, اندرستان.

[8]) Срав. у Мукаддаси, ibid., и Истахри, 299, نوزوار.

Городъ Д . р . ганъ	Городъ Д . р . ганъ	Городъ Д . р . 'анъ	Городъ Д . р . ганъ	Городъ Д . р . ганъ
شهر درغان 9 ф.	9 ф.	شهر درغان 9 ф.	9 ф.	9 ф.
Городъ Хун . дъ	Городъ Хурбендъ	Городъ Дж . ' . рбендъ	Городъ Хурбендъ	Городъ Хур . . . дъ
شهر حوند 7 ф.	شهر خوربند 7 ф.	شهر جعربند 7 ф.	شهر حوربند 7 ф.	شهر حورىىد 7 ф.
Рабатъ Деханъ Ширъ	Рабатъ Деханъ Ширъ	Рабатъ Деханъ Ширъ	Рабатъ Деханъ Ширъ	Рабатъ Деханъ Ширъ
5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.	5 ф.

Аму-Дарья) при всей своей величинѣ проходитъ между нихъ [3]).

С . д . .	С . динуръ	Сэ-рахъ	С . динуръ	Луръ
سدىف 4 ф.	سدى نور 4 ф.	سه راه 4 ф.	سدى نور 4 ф.	لور 4 ф.
Хезараспъ	Г. Хезараспъ	Хезарсафъ	Гор. Хезараспъ	Гор. Хезараспъ
10 ф.	10 ф.	هزارصف 10 ф.	10 ф.	10 ф.
Деревня Аздакъ	Деревня Д . з . д . къ	Деревня Арванъ	Деревня Д . зукъ	Деревня Аздакъ
ديه ازدق 9 ф.	ده دزدق 9 ф.	ديه ارزن 9 ф.	ده دزوق 9 ф.	ديه ازدق 9 ф.
Х . ш . м . нъ	Р . х . ш . минъ	не названо	Р . х . ш . минъ	Р . х . с . пъ
حشمس 7 ф.	رحشمين 7 ф.		رحشمين 7 ф.	رحسس 7 ф.
Андераніянъ	Андерабъ	не названо	Андерабъ	А . д . р . . анъ
اندرانيان 6 ф.	اندرآب 6 ф.		اندراب 6 ф.	اندرسان 6 ф.
Городъ . ураванъ	Городъ Пуръ	не названо	Городъ Пуръ	Городъ Буранъ
شهر نوراوان 2 ф.	شهر پور 2 ф.		شهر پور 2 ф.	شهر بوران 2 ф.

Ургенджъ, 6 фарсаховъ.

от ъ М е р в а д о У р г е н д ж а:

124 ф. (106+?)	124 ф.	124 ф. (92+?)	124 ф. (122)	124 ф. (122+?)

ъ 10—12 дней, и говорятъ, что на пути мало воды текучей, но въ пустынѣ выкопаны колодцы, извѣстные жителямъ. Самъ Риза-Кули-

Oxus», стр. 101.

IV.

Возобновленіе Мерва при Шахрохѣ по Хафизи-Абру и Абд-ал-Реззаку Самаркандскому. Тимуриды. Описаніе Мерва Асфизари. Шейбаниды, Сефевиды. Описаніе Мерва Ахмеда Рейскаго и Хаджи-Хальфы. Надиръ-Шахъ.

Возрожденіе Мерва связано съ именемъ сына Тимурова, Шахроха, который въ 1396 г. былъ назначенъ въ правители Хорасана [1]). Вѣроятно, его близкое и непосредственное знакомство со страною породили въ головѣ планъ обновленія мервскихъ пепелищъ, который онъ привелъ въ исполненіе по восшествіи уже на престолъ, между 1407 и 1409 годами. Рѣчь объ этомъ предоставимъ современнику Шахроха, Хафизи-Абру, который въ своемъ безъименномъ историко-географическомъ трудѣ говоритъ о возрожденіи нашего города съ необыкновенною обстоятельностью [2]).

[л. 160a] مرو از شهرهای قدیم خراسانست در هامونی افتاده چنانچه از هیچ طرف کوه ننماید قهندز آن طهمورث بنا
نهاده است و ربض شهر مقداری (مقدار) یکفرسنك در یکفرسنك اسکندر رومی ساخته زمین مرو شوره‌ناك و ریك
بوم است زراعت خوب آید * و شهر مرو (* اما) از مرور زمان و طوارق حدثان مدت (مدتی) مدیداست که مدروس
و مطموس گشته (بود) و سبب خرابی آن از تواریخ چنان معلوم میشود که بوقت توجه پادشاه جهانگیر جنگیز خان
بممالك ایران چون از معبر ترمد (ترمذ) عبور فرمود مدت سی و هفت روز متعاقب بر در شهر بلخ جنك کردند
تا آنزمان که شهر بگرفت و (om.) چون شهر بلخ مسخر گردانید مجموع مردمرا بقتل آورد وبجهت آنکه در میان (بامیان)
بسون بوا که فرزند جغتای بود و محبوب‌ترین احفاد پادشاه جهانگیر جنگیز خان بقتل رسیده بود و (om.) مزاج
جنگیز خان از مردم این دیار بغایت در غضب بود شاهزاده تولی خان را با مقدار هشتاد هزار مرد به تسخیر بلاد خراسان
نامزد فرمود و وصیت کرد که از اهالی (آن) مواضع تیغ دریغ ندارند و از بچهٔ گهواره تا پیرصدساله همه را بقتل
رسانند و (om.) تولی خان در اواسط ربیع الاول سنهٔ ست عشر وستمایه هجریه از حدود طالقان عازم استخلاص خراسان
گشته اول بشهر مرو رسید و در آن تاریخ بلاد خراسان در غایت معموری بود به تخصیص شهر مرو که مدتها تختگاه
سلطان سنجر بود و (om.) در آن ایام شهر مرو شاهجان میخوانده‌اند و سه مسجد جمعهٔ بزرك در مرو بوده‌است که روز
جمعه هر سه مسجد پر خلق میشده (میشد) و (om.) در شهر مرو نود هزار مرد (om.) سپاهی بود و (om.) بجنك پیش
آمدند آخرالامر تولی خان شهر مسخر گردانید و (om.) مردمرا چند روز بصحرا می آوردند و مردانرا از عورتان جدا میکردند
ومجموع را بقتل آوردند و شهر خراب کردند در تاریخ جهانگشای میگوید (میگویند) چند روز شمار کشتگان کردند
بیرون آنچه بشماره (درشماره) در (om.) نیامده بود وقاصر (ad. قلم) کشته صد وسی تومن و کسری در قلم آمده که بقتل

[1]) *Cherefeddin Ali*, Histoire de Timur-Bec, II, 411 и сл.

[2]) Въ виду сравнительной рѣдкости списковъ этого сочиненія и его необыкновенной важности я печатаю необходимое извлеченіе и въ текстѣ по двумъ рукописямъ;— въ основу положено чтеніе рукоп. Императорской Публичной Библіотеки № 290 (по каталогу Дорна), въ скобки заключены варіанты изъ рукописи Британскаго Музея въ Лондонѣ № Or. 1577, f. 183*a* (*Rieu*, Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, I, 421*b*): сличеніе произвелъ для меня магистрантъ С.-Петербургскаго Университета *П. М. Меліоранскій,* за что приношу ему великую благодарность. Русскій переводъ сдѣланъ по сводному тексту.

رسیده بود شهری که بصدهٔ (بصدور) جهان آراسته بود در حادثهٔ مذکور مسکن ضباع وصباع شد از درختان آن (او) شاخی (شاخی بادان) و از قصور آن (او) کاخی آبادان نماند موضع بدان صفت قاعا صفصفا گشت سخت (سخط) آفرید گار دمار از آن قوم (و دیار) بر آورد بمرتبهٔ که قریب دویست سال نه رهگذری را سایهٔ که یکدم در آن آرام گیرد و نه مقیم را همسایهٔ که با او سرگذشت حوادث ایام گوید و کدام مقیم تا زمانی که تاریخ هجریه بهشتصد و دوازده رسید فیض عنایت نامتناهی الهی داعیهٔ عمارت و آبادانی او در خاطر خطیر حضرت سلطنت شعاری خلد الله تعالی ملکه پیدا آورد و (om.) نظر عنایت خسروانه بر آن دیار افگند فرمان فرموده تا از اطراف و اکناف ممالك ترك و تازيك وضيع و شريف روی بدان مهم آوردند و (om.) آب مرو که از نهر مرغاب است وبند آن (آن را) آب برده بود و جویها انباشته شده فرمان شد که جویها را پك (باز) کنند و بندرا (بندهارا) به بندند تا زمینهائی که چون دل عاشقان خراب و چون روی کار هنرمندان بی آب بود (.ad و) چون * عذار خوبان (*عذار عذاری) بهائی یابد و چون خط شاهدان برگ و نوائی گیرد و مواضعی که مسکن طبا (ظبا) و ارانب و منزل ضباع [л. 160b] و ثعالب گشته بود منبت و معرس (مغرس) درختان ریان و (.ad مبیت و) معرس مرغان خوش الحان گردید (گردد) و (.ad از) غیر ذی ذرع را (زرع را) حدایق ذات بهجت گردانید چون این بند بسته شد و این آب بروی (تا روی) کار آن دیار آمد از اطراف و اکناف مردم بتمدن و توطن آن راغب و مایل شدند و بازارها معمور گردانیدند و (.om) مساجد با رونق شد و حمامات (.ad و خانات) نبیاد نهادند در ایام دولت میمونش خانقاهات و مدارس و اربطه و قناطیر ساخته و پرداخته شد عرض نهر مرو که بتجدید باز کرده اند در اوایل نهر بیست گز گرفته اند و در آخر (اواخر) بپانزده گز رسیده است و عمق آن در مواضعی که پشتها در راه بود بسی گز رسیده و مواضعی که زمین همواراست و (om.) هیچ جائی از پنج گز کمتر نیست و (.om) طول آن از سربند مرغاب تا دروازهٔ شهر که بدروازهٔ (دروازهٔ) علمدار (.ad گویند) که قبر بریده (.ad و حکم است) و ایشانرا (ایشان) علمدار (علمداران) حضرت رسالت علیه افضل الصلوات و اکمل التحیات بوده اند و آن دروازه را بسبب آن دروازهٔ علمدار خواندند (خوانند) دوازده فرسنگ است و تفصیل آن اینست از نهر مرغاب تا کوی (کوسه) ریك (ربك) سرح اکثر ابن مواضع پشتهاست و بزحمت بسیار باز کرده اند از کوی (کوسه) ریك (ربك) سرخ تا (تا) جوی ترکك (نو) که در قدیم بریده بوده اند (بودند) اما (.ad باتمام) نرسانیده اند (نرسانیده) تا مواضعی (موضعی) که بجمال الدین معلق معروفست واز درخت پده تا بپشتهٔ که بر یمین نهر است و میل بر سر پشته نهاده اند و از جمال الدین معلق تا درخت پده که جوی کهنه بریك می آید (переставляетъ правильно) و از موضع میل تا قریهٔ (آمر؟) کیرنك (کمرنك) که از قری معتبر مشهور مرو بوده و از کیرنك (کمرنك) تا کالاکو (کالازی که) نو بریده اند و معروفست بکالار امیر عمر و از کالار امیر عمر تا سربخشاب تا بلوکات مرو (که آب بلوکات مرو) آنجا قسمت میشود و آن موضع به پنج آب معروفست * از قدیم آن دورا رزلب می گفتند (* .om) از پنج آب تا کوشکك (کوشك) ساغرچی که درین (آن) ایام هنوز بعضی از عمارات (عمارت) قدیمی آن ظاهر بود و از کوشکك (کوشك) ساغرچی تا گنبذ دولاب (.ad که مشهور است) و از گنبذ دولاب تا موضعی (بموضعی) که بچهل کوشك معروفست و از چهل کوشك تا دروازهٔ علمدار که شهربند مرو است و از شهر (نهر) تا پایان (بایان) آنکه آب بریك در مرود (.ad و) مصیب (.ad آن آب) آمویه است خرابست (بسیارست) اما در قدیم معمور بوده و حالا هنوز عمارت بدانجا نرسیده است (نرسیده) و این آب مرغاب اصلش از کوه بامیان است و گویند آب مرو و بلخ و هرات و سجستان هر چار ازین کوه میخیزد و آن کوه بسیار کشیده (کشنده) و آنچه منبع این آبهاست از جورکانان (.ad تا) بحد کابل بکشد و بسیار کوههای بلند درین کوهست وکوتل (.ad که به) هندوکش که (.om) معروفست درین کوهست

و درغاله ایست نزدیك بامیان که آنرا سنجاب (سخاب) خوانند چشمه‌سار بسیار دارد و اکثر سال در زیر برف باشد و (om.) چون هوا گرم شود و (om.) در گداز آید از آنجا آب بسیار روان شود اصل مرغاب آن آبست پس به (om.) بحر روان رسد و بغرجستان در آید و (om.) در غرجستان (ad. در آید و از غرجستان) از هر درغاله آبی بدین رود پیوندد و تا بدرهٔ سکان (سنکان) از حساب غرجستان باشد بعد از آن بحدود بادغیس رسد و بر شمال بادغیس گذرد و در قدیم اول معموری مرو قریهٔ تلقن (بلقن) بوده از (و) پایانش (ad. سفری) چون آب بشهر مرو رسیدی در میان شهر گذشتی و از دروازهٔ کشمیهن برون رفتی و آنچه (بعد از آن هرچه) زیاده آمدی تا بریك خوارزم برسیدی و بده عندق (عمدق) بندی کرده بوده اندکه [л. 161a] آنرا مرو کهنه (کهن) خواندندی و حالا چنان گویند که هرگاه باد سخت آید و ریك ببرد و (om.) نشان دیوارها و بناها پدید (ad. آید) چنانکه توان دانست که درین مواضع آبادانی بوده است و در قدیم میرابی (آمیرابی) مرو از کارهای معتبر خراسان بوده است یك نوبت (کرت) بعد از زمان سلطان سنجر در تاریخ سنهٔ ثمان و خمسین و خمسمایه رود مرغاب بندرا شکسته و (om.) هر چند کوشش میکردند نمی توانستند بست و (om.) سه سال (ad. آب) از مرو بیفتاد و اکثر مردم جلا شدند و خرابی تمام باحوال ایشان * راه یافت (om.*) تا باز خوارزمشاه کسان فرستادند و بندرا بستند و (om.) در زمان سلطان سنجر چنان گویند که دوازده هزار نام‌بردار بمحافظت جوی و عمل آن مشغول بودند و باقیء (ad. مردم) مرو مؤنت ایشان مرتب میداشتند و (om.) در وجه تسمیهٔ مرغاب بعضی گویند مرواب بوده است بکثرت استعمال عامه مرغاب گفتند و بعضی گویند این آب بر درغالهای غرجستان میگذرد و (om.) چنانچه تقریر افتاد و (om.) در آن کوه مرغی (مَرْغ که) عبارتست از پرگره (برکوه) بسیاراست بآن اعتبار این را مرغاب خوانند خربزه در زمین مرو خوب می آید چنانکه خشك کنند و آنرا قاق گویند و از آب خربزه دوشاب سازند وگندم مرو نیز از همه مواضع خوبتر بود و نان او سفیدتر و خوشتر واشترغاز بهمهٔ جهان از بیابان مرو برند بوزرجمهر حکیم که ملازم انوشیروان بوده است گویند از مرو بوده است و ابومسلم صاحب الدعوة از مرو خروج کرد و وطن ابومسلم در ماخان بود و در زمان او ماخان از مرو بغلبه زیادت شد و مامون در مرو بود که خلافت بوی رسید در زمان سلطان سنجر مرو در غایت غلبه و نهایت معموری رسیده بود در آخر دولت او غزان خرابی بسیار کردند این زمان امید چنانست که از آنزمانی که در زمان سلطان سنجر بوده معمورتر شود انشاء الله تعالی ماخان و بابات (باباب) از توابع مرواست ماخان موضع نشستن ابومسلم (ad. بوده) است و درین مدت از مرو همین ماخان معمور بود مزارع بسیار دارد * و غلهٔ خوب آید و خربزهٔ بسیار حاصل شود (* خربزه و غله خوب آید) ☆

«Мервъ изъ старинныхъ городовъ Хорасана; лежитъ въ равнинѣ и горы ни съ какой стороны не видны. Крѣпость въ немъ возвелъ Тахмурасъ, а самый городъ на пространствѣ одного квадратнаго фарсаха построилъ Александръ Македонскій. Почва въ Мервѣ солончакъ и песокъ; посѣвы хороши. Вслѣдствіе напастей и превратностей судьбы городъ Мервъ стертъ и уничтоженъ уже очень давно; причина разрушеній его изъ исторій выясняется такъ. Когда міродержавный государь Чингизъ-Ханъ отправился въ области иранскія и переправился (черезъ Аму) у Термеда, то 37 дней безостановочно воевалъ подъ стѣнами города Бальха, пока не взялъ его. Овладѣвъ городомъ, убилъ всѣхъ жителей. При осадѣ города Баміана палъ сынъ Джагатаевъ, Мутугэнъ [1]), любимѣйшій внукъ міродержавнаго государя

[1]) Въ текстѣ имя не ясно; я поставилъ его по Рашид-ал-Дину, въ пер. *И. Н. Березина*: Труды Вост. Отд. Императ. Русскаго Археолог. Общ., XV, стр. 76.

Чингизъ-Хана; послѣднiй до крайности былъ раздраженъ на жителей этихъ странъ, почему и назначилъ царевича Тули-Хана съ 80,000 мужей на покоренiе городовъ Хорасана, и завѣщалъ не щадить жителей и избивать всѣхъ отъ ребенка въ колыбели до столѣтняго старца. Тули-Ханъ въ среднихъ числахъ мѣсяца Ребiя перваго года 616 Г. (1219) изъ подъ Талакана отправился на покоренiе Хорасана и прибылъ сначала къ Мерву. Въ то время города хорасанскiе находились въ крайней степени процвѣтанiя, особливо Мервъ, который долгое время былъ столицею султана Санджара. Въ тѣ дни Мервъ называли «царской душей» (Шахджанъ), и въ немъ было три большихъ соборныхъ мечети, которыя по пятницамъ наполнялись народомъ. Въ сказанномъ городѣ было 90,000 воиновъ; они вышли на войну. Въ концѣ концевъ Тули-Ханъ покорилъ городъ, и въ теченiе нѣсколькихъ дней жителей выводили въ поле и отдѣляли мужчинъ отъ женщинъ; всѣхъ избили и городъ разрушили. Въ исторiи «Джихангуша (соч. Джувейни)» сказано, что убитыхъ считали нѣсколько дней и записано было 1.300,000 кромѣ тѣхъ, которые въ счетъ не попали. Городъ, который былъ изукрашенъ... [1]), при сказанномъ бѣдствiи сталъ обителью гiенъ и хищныхъ звѣрей [2]) и отъ деревъ его не осталось въ цѣлости ни одной вѣтки, а отъ дворцовъ его ни одного бельведера. Столь славный пунктъ превратился въ ровное и гладкое мѣсто. Гнѣвный Создатель до такой степени постигъ народъ тотъ, что около 200 лѣтъ ни для какого путника не было тѣни, въ которой онъ отдохнулъ бы хоть минуту, а у жителя не было сосѣда, которому онъ могъ бы разсказать о происшествiяхъ ударовъ судьбы. Да и какой (тамъ) житель до наступленiя 812 года Гиджры (1409 по Р. Х.)!? Благодать безконечной милости божеской вложила во всепроницающiй умъ Его Величества султанской властью облеченнаго (Шахроха) намѣренiе заселить и обновить эту область,—и на нее палъ взоръ хосройской заботливости. Они приказъ приказали, чтобы со всѣхъ сторонъ и концевъ государства Турки и Таджики, низкiе и знатные, обратились къ тому важному дѣлу. Повелѣно было запрудить плотину на мервской рѣкѣ, т. е. Мургабѣ, которую снесла вода и прочистить каналы, которые были занесены, дабы зéмли, которыя были разрушены, какъ сердце влюбленныхъ, и лишены воды, какъ посѣвы людей добродѣтельныхъ, получили блескъ, какъ ланиты красавицъ, и свѣжесть, какъ первый пушекъ (на щекахъ) прелестницъ; чтобы мѣста, которыя были жилищемъ молодыхъ ланей и зайцевъ и логовомъ гiенъ и лисицъ, стали мѣстомъ роста и произростанiя сочныхъ деревьевъ и мѣстомъ прiюта и отдохновенiя сладкозвучныхъ птахъ; чтобы, наконецъ, земли, лишенныя зелени, превратились въ восхитительные сады. Когда плотина была возведена и вода стала дѣйствовать въ той области, со всѣхъ сторонъ и концевъ народъ выразилъ желанiе и стремленiе поселиться и основаться въ ней. Обстроили базары, заблистали мечети, заложили бани и караван-сераи. Во дни его (Шахроха) благополучной державы были устроены и заведены—монастыри (ханкахи), училища, караульни и мосты.

Ширину мервской рѣки (т. е. главнаго канала), которую вновь открыли, въ началѣ (т. е. у плотины) взяли въ 20 метровъ, а въ концѣ она дошла до 15 метровъ; глубина ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на дорогѣ были холмы, достигла 30 метровъ, въ мѣстахъ же, гдѣ земля ровная,

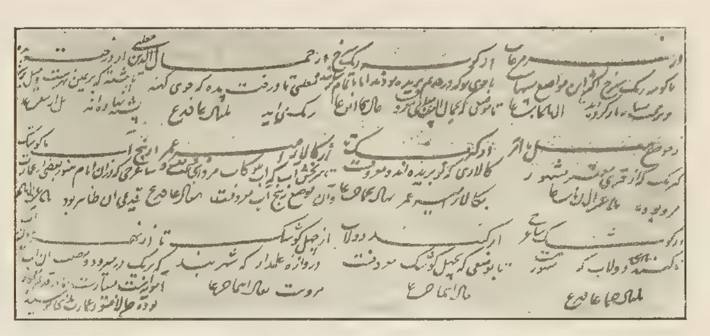
---

[1]) Я не понимаю этого выраженiя: بصدهٔ (بصدور) جهان آراسته بود.

[2]) Несомнѣнно, въ текстѣ описка вмѣсто سباع.

нигдѣ не менѣе 5 метровъ. Длина рѣки отъ плотины мургабской до городскихъ воротъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «воротъ знаменосца», у которыхъ находится могила Бурейды и Хакама, знаменосцевъ пророка, — чистѣйшія за него молитвы и совершеннѣйшія ему привѣтствія! — двѣнадцать фарсаховъ. Подробности этого таковы [1]): отъ рѣки Мургаба до «Куи (гушеи)-риги-сурхъ—Дороги (угла) краснаго песка»: большая часть этихъ мѣстъ—холмы и прорыли (ихъ) съ большимъ трудомъ [3,360 метровъ?]; отъ «Куи (гушеи)-риги-сурхъ» новымъ каналомъ, который прорѣзали еще въ старину, но не довели до конца, до мѣста, которое извѣстно подъ назва-

[1]) Сличеніе петербургской рукописи Хафизи-Абру съ лондонской показало, что послѣдняя въ нижеслѣдующемъ описаніи направленія мервскаго канала отъ плотины до города заключаетъ въ одиннадцати пунктахъ добавленія, писанныя цифрами *дивани*, какъ называлъ ихъ покойный оріенталистъ Кремеръ, которыя употреблялись въ восточномъ счетоводствѣ. Здѣсь онѣ, очевидно, введены для показанія протяженія, разстоянія, что подтверждается и словомъ ذرع— «локоть (=метръ)», которое нѣсколько разъ читается послѣ такихъ цифръ. Такъ какъ цифры, малѣйшая неточность въ начертаніи которыхъ существенно измѣняетъ ихъ значеніе, были скопированы г. Меліоранскимъ отъ руки и въ такой копіи не были достаточно надежны, а между тѣмъ разборъ ихъ въ значительной степени увеличивалъ цѣнность сообщеній Хафизи-Абру, то я обратился къ содѣйствію моего уважаемаго коллеги *С. Θ. Ольденбурга*, приватъ-доцента С.-Петербургскаго Университета, бывшаго въ Лондонѣ, для снятія съ соотвѣтствующаго мѣста лондонской рукописи фотографіи. С. Θ. Ольденбургъ со свойственною ему готовностью исполнилъ мою просьбу и выслалъ мнѣ нѣсколько снимковъ въ натуральную величину,—за что выражаю ему глубочайшую признательность. Одинъ изъ этихъ снимковъ воспроизведенъ здѣсь цинкографіей.



Что касается самыхъ цифръ, то я долженъ сознаться, что мнѣ лично не удалось разобрать ихъ вполнѣ. Не помогли мнѣ ни прекраснѣйшій для этого матеріалъ въ видѣ извѣстныхъ статей *Кремера* о бюджетахъ халифата («Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Hârûn alraschîd» въ Verhandlungen des VII internationalen Orientalisten-Congresses и «Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919) въ Denkschriften der philos.—histor. Classe der Kaiserl. Akademie der Wissensch. Bd. XXXVI), къ которымъ приложены таблицы съ подобнаго рода цифрами, ни нѣсколько подлинниковъ рукописей исторіи Вассафа (напр. Библ. Универс. № 4 и Азіат. Музея № 567), изъ которой между прочимъ взяты эти таблицы Кремеромъ, ни, наконецъ, цифры персидскаго счетоводства и торговли, до нынѣ употребляемыя въ Персіи и называемыя *рукуми* или *сайяки*, во многомъ съ цифрами *дивани* схожія: дѣло въ томъ, что сравнивая однородныя цифровыя данныя въ разныхъ рукописяхъ Вассафа, между прочимъ и воспроизведенныхъ у Кремера, я убѣдился, что каждая рукопись имѣетъ свои характерныя особенности въ начертаніи отдѣльныхъ цифръ. Поэтому, предполагаемое мною значеніе цифръ въ лондонскомъ текстѣ Хафизи-Абру я рѣшился помѣстить только въ переводѣ текста, заключивъ цифры въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ прямыя скобки и снабдивъ ихъ вопросительнымъ знакомъ. Замѣчу, что, согласно сдѣланному уже мною выше на стр. 13 второму примѣчанію, 12 фарсаховъ, или сумма всѣхъ отдѣльныхъ разстояній въ локтяхъ (= метрахъ = исфаханскихъ аршинахъ), должны равняться 90,000 локтей или около этого. При моемъ чтеніи цифръ получается сумма въ 104,742 локтя (метра).

ніемъ «Джемал-ал-Динъ-Муайти» [1]) [5,662 метра?]; отъ «Джемал-ал-Динъ-Муайти» до «Дирахти педэ—Дерева ивы», гдѣ старая рѣка идетъ въ пески [3,000 метровъ?]; отъ «Дирахти педэ» до холма, который находится на правой сторонѣ рѣки, и на вершинѣ холма поставили столбъ [30,110 метровъ?]; отъ мѣста столба до деревни Гиренгъ (Джиренджъ), которая была одною изъ значительныхъ и извѣстныхъ деревень Мерва [13,660 метровъ?]; отъ Гиренга до рытвины, которую вновь прорыли, и извѣстна она подъ именемъ «Калари-Эмиръ-Омаръ — Рытвины Эмира Омара» [8,650 метровъ?]; отъ «Калари-Эмиръ-Омаръ» до «Бахшабъ—Водораздѣла», гдѣ раздѣляется вода мервскихъ волостей; это мѣсто извѣстно подъ названіемъ «Пенджаба—Пятиводія (пятирѣчія)»; изстари—эти два (?) называли Р.р.л.бъ [7,000 метровъ?]; отъ «Пенджабъ» до «Кушки-сагырчи—Павильона кравчаго»; въ настоящее время нѣкоторыя изъ его старинныхъ зданій еще видны [13,300 метровъ?]; отъ «Кушки-сагырчи» до «Гумбези-дулабъ — Купола колеснаго колодца», который извѣстенъ [3,500 метровъ?]; отъ «Гумбези-дулабъ» до мѣста, которое извѣстно подъ названіемъ «Чихиль-кушкъ—Сорока павильоновъ» [9,250 метровъ?]; отъ «Чихиль-кушкъ» до «Дервазеи-аламдаръ—Воротъ знаменосца», которыя принадлежатъ уже къ городу Мерву [9,250 метровъ?]; отъ города до предѣловъ, гдѣ вода уходитъ въ пески и достигаетъ Аму-Дарьи,—разрушено, но въ старину было обстроено; туда не дошло еще исправленіе.

Начало этой рѣки Мургаба въ горахъ Баміана. Говорятъ, что воды Мерва, Бальха, Херата и Седжестана—всѣ четыре вытекаютъ изъ этихъ горъ. Горы эти тянутся на большомъ разстояніи, а источники этихъ водъ (т. е. горы) простираются отъ Джузджанана до предѣловъ Кабула; и въ этой горной цѣпи много высокихъ горъ и въ ней находится вершина, извѣстная подъ названіемъ Хиндукушъ. Недалеко отъ Баміана находится ущеліе, называемое Синджабъ; оно имѣетъ много источниковъ и большую часть года находится подъ снѣгомъ. Когда воздухъ становится теплымъ, онъ начинаетъ таять, и изъ него истекаетъ много воды,—начало Мургаба и есть эта вода. Затѣмъ она превращается въ рѣку и входитъ въ предѣлы Гарджистана. Въ Гарджистанѣ къ этой рѣкѣ присоединяются воды изъ каждаго ущелья, и до ущелья Сеганъ она считается принадлежащею къ предѣламъ Гарджистана; затѣмъ она достигаетъ предѣловъ Бадагиса и проходитъ по сѣверной части его. Въ старину начальнымъ пунктомъ заселенной (культурной) полосы Мерва была деревня Т.л.к.нъ [2]), а конечнымъ — С.ф.ри [3]). Когда вода доходила до города Мерва, она проходила по срединѣ города и выходила наружу чрезъ ворота «Кушмейхенъ» и затѣмъ все, что было излишкомъ, доходило до харезмскихъ песковъ. Въ деревнѣ 'н.д.къ (Андакъ? [4]) была устроена плотина, которую называли «Старымъ Мервомъ—Мерви-кухнэ». И теперь, говорятъ, когда бываетъ сильный вѣтеръ и сноситъ песокъ, обнаруживаются слѣды стѣнъ и построекъ, такъ что можно узнать, что въ этихъ мѣстахъ было по-

[1]) Въ текстѣ собственно М.'.л.ти; поправка въ чтеніи этого имени введена на основаніи Истахри. См. выше, стр. 19.

[2]) Срав. селеніе «Кукинъ» у Истахри, выше, стр. 19.

[3]) Срав. первую стоянку по дорогѣ изъ Мерва въ Ургенджъ въ дорожникѣ Хамдаллаха Казвинскаго, выше, стр. 58, 59.

[4]) См. у Якута и Самани, выше, стр. 35.

селеніе. Въ древности завѣдываніе водою Мерва было однимъ изъ важныхъ дѣлъ хорасанской области. Послѣ времени султана Санджара, въ 558 (1162) году, Мургабъ сорвалъ плотину; сколько ни старались, не могли запрудить, и рѣка три года уклонялась отъ Мерва и большая часть населенія выселилась и положенію жителей приключилось полное разстройство, пока Харезмшахъ не послалъ людей и плотину запрудили. Говорятъ, что во время султана Санджара охраною рѣки и дѣломъ на ней занято было 12,000 работниковъ, которыхъ содержалъ Мервъ. Касательно имени «Маргабъ» нѣкоторые говорятъ, что оно было «Мервабъ», но вслѣдствіе частаго простонароднаго употребленія стали называть «Маргабъ». Другіе же утверждаютъ, что рѣка эта проходитъ по ущельямъ Гарджистана, какъ было изложено, а въ тѣхъ горахъ много (травы) *марг*'а (agrostis linearis)—что значитъ «очень завитой»—во вниманіе къ этому рѣку именуютъ Маргабъ»[1]).

Дыни въ Мервѣ ростутъ прекрасно; ихъ сушатъ и въ такомъ видѣ называютъ «какъ»; изъ сока дыннаго дѣлаютъ вареный сокъ. Пшеница мервская также лучше всѣхъ мѣстъ, и хлѣбъ бѣлѣе и пріятнѣе на вкусъ. «Уштургазъ» съ мервскихъ полей развозятъ по всему свѣту. Бузурджмихръ-мудрецъ, состоявшій при Анушірванѣ, говорятъ, былъ изъ Мерва; изъ Мерва вышелъ и Абу-Муслимъ, пропагандистъ Аббасидовъ; родина его была въ Маханѣ, который въ его время по величинѣ превосходилъ Мервъ; въ Мервѣ былъ Мамунъ, когда ему досталась халифская власть. Во время султана Санджара Мервъ достигъ крайней степени благосостоянія и процвѣтанія; подъ конецъ его царствованія большія раззоренія произвели Гузы. Въ настоящее время, можно надѣяться, городъ станетъ еще болѣе цвѣтущимъ, чѣмъ при султанѣ Санджарѣ,—если угодно Богу! Къ Мерву принадлежатъ: Маханъ и .а.атъ (.а.абъ). Маханъ былъ мѣстомъ пребыванія Абу-Муслима и въ настоящее время въ Мервѣ заселенъ тотъ-же Маханъ. Онъ имѣетъ много посѣвовъ; хлѣбъ ростетъ хорошо и дыня даетъ обильный урожай».

Тотъ-же Хафизи-Абру въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ: حالاکه [л. 28 *a*] تاریخ هجری بهشتصد و بیست و یك رسیده است شهر مرو معمور شده است معموری آن روی در زیادتی دارد باغات و بستان بسیار بنیاد کرده‌اند و مساجد و مدارس و خوانق و رباط و حمامات و اسواق و بعضی باتمام رسیده و بعضی میرسد ... Мервъ началъ заселяться и «въ текущемъ 821 (1518) году Г. городъ сталъ заселенъ и заселеніе это увеличивается. Засадили много садовъ и огородовъ; построили мечети,

[1]) Хафизи-Абру послѣдній мусульманскій писатель, самостоятельно толкующій значеніе слова «Маргабъ», какъ мервской рѣки. Нигдѣ въ восточной литературѣ даже у персовъ, собственно говоря, не было попытки (насколько мы) видѣли въ восточномъ словопроизводствѣ до XVI вѣка) читать это названіе рѣки, какъ усвоено нами, «Мургабъ» и сближать его съ персидскимъ словомъ *мург*— مرغ —«птица»; изъ этого можно заключить, что въ «Мургабъ» звукъ *у* вмѣсто первоначальнаго *е* (Мервабъ) и *а* (Маргабъ) появился сравнительно недавно, можетъ быть въ позднѣйшій (сефевидскій) періодъ персидскаго владѣнія областью Мерва. Замѣтимъ при этомъ, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ словарей персидскихъ на первомъ мѣстѣ ставятъ всетаки чтеніе «Маргабъ», а потомъ уже «Мургабъ»; напр. برهان جامع, составленный послѣ 1250 г. Г. (1834 по Р. Х.): مرغاب چو چرخاب و سرخاب. Скептически относятся къ слову *мург* въ названіи рѣки и западные ученые,—см. *Spiegel*, Commentar über das Avesta, I, 20. Поэтому намъ кажется, что для того, чтобы находить въ Мургабѣ «птичью рѣку» (Vogelfluss), какъ это сдѣлалъ *Риттеръ* (Asien VIII, 235 Иранъ, въ переводѣ Ханыкова, 456) или сближать съ *Мюрг 'абомъ* народъ ксерксовыхъ войскъ, *Амюргіевъ*, какъ это сдѣлалъ *В. В. Григорьевъ*, О скиѳскомъ народѣ Сакахъ, стр. 58,—нѣтъ достаточно прочныхъ основаній.

училища, ханкахи, караульни (караваннсераи), бани, базары: часть уже окончена, часть оканчивается».

Другой историкъ, также современникъ Шахроха, Абд-ал-Реззакъ Самаркандскій, въ трудѣ своемъ «Мѣсто восхода двухъ счастливыхъ звѣздъ и мѣсто соединенія двухъ морей», въ добавленіе къ сказанному, сообщаетъ имена лицъ, которымъ поручено было завѣдываніе работами обновленія Мерва. Для этого Шахрохъ назначилъ: изъ эмировъ Ала-ал-Динъ-Алика-Кукелташа и Мусу, и правительственнаго чиновника, Эмиръ-Али-Шеани. «И дѣло, которое примѣрно государь не можетъ сдѣлать въ одинъ годъ съ войскомъ и ратью, окончено было въ короткій срокъ и легкими средствами... Въ первый годъ земледѣліемъ въ Мервѣ занималось 500 семействъ работниковъ».

Говоря о предѣльномъ пунктѣ канала мервскаго—«Воротахъ знаменосца», Абд-ал-Реззакъ также замѣчаетъ, что у нихъ «находится могила Бурейды и Хакама, знаменосцевъ пророка» [1]).

Такимъ образомъ Мервъ, пролежавшій въ развалинахъ 194 года, снова призванъ былъ къ жизни, которая и потекла въ немъ обычнымъ порядкомъ. Быстро обстроившись, онъ привлекалъ на себя вниманіе султановъ-тимуридовъ, которые по причинѣ мягкой и пріятной погоды зимою въ Мервѣ и богатой охоты [2]) въ его окрестностяхъ перебирались въ него изъ Херата со всѣмъ дворомъ и проводили въ немъ зимніе мѣсяцы. Такъ, зимуетъ въ немъ уже въ 1420 году и охотится Шахрохъ, въ 1463 и 1467 годахъ—султанъ Абу-Саидъ [3]).

Въ 1454 году Абуль-Касимъ-Баберъ вручилъ управленіе Мервомъ, Махановъ и Джамомъ правнуку Тимура, Мирза-Санджару (сыну Мирза-Ахмеда, внуку Мирза-Омара), который ранѣе этого былъ правителемъ Фарса, былъ человѣкъ способный и неоднократно заявлявшій себя въ трудныя минуты вѣрностью, преданностью и умѣніемъ вліять на высшихъ государственныхъ сановниковъ. Когда по смерти Бабера въ 1456 году на его мѣсто вступилъ одиннадцатилѣтній Мирза-Джемал-ал-Динъ-Шахъ-Махмудъ, въ Мервъ отправленъ былъ для приглашенія Мирза-Санджара ко двору Пиръ-Каввамъ, который скоро возвратился и заявилъ, что Санджаръ задумываетъ самостоятельность и никому подчиняться не желаетъ.

Въ слѣдующемъ годъ Хорасаномъ овладѣваетъ сынъ Кара-Юсуфа, Мирза-Джиханъ-Шахъ, воспользовавшійся неурядицами, наступившими послѣ смерти Бабера и несогласіемъ его эмировъ. Къ нему направились со всѣхъ сторонъ послы съ поздравленіями и приличествующими

[1]) مطلع السعدين, рук. Униве рс. № 157, л. 184*a*. Отмѣтимъ при этомъ, что *Quatremère*, давшій въ Notices et Extraits, XIV, большія извлеченія изъ этого труда преимущественно въ переводѣ, мѣсто, которое въ нашей рукописи читается: ...تا دروازهٔ علمدارکه مقبرهٔ بریده و حکم علمداران رسول اند..., понялъ не совсѣмъ правильно: «...jusqu'à la porte d'Alemdar où se trouvait *un tombeau creusé* pour le porte-drapeau de l'Apôtre de dieu...», стр. 170. О возобновленіи Мерва см. также у *Фасыха*, مجمل فصيحی, рук. Аз. Муз. № 581*a*, л. 400*a* подъ 810 (1407) годомъ.

[2]) Есть и болѣе раннія историческія указанія на то, что Мервъ славился охотою. Одинъ изъ сыновей харезмшаха Текеша, страстный охотникъ Насир-ал-Динъ-Меликъ-Шахъ, бывшій правителемъ Нишабура, въ 1193 году упросилъ отца дать ему Мервъ. Скоро однако онъ заболѣлъ вслѣдствіе гнилостности мервскаго воздуха и перебрался въ Нишабуръ. Но въ 1196 году, назначенный въ хорасанскіе правители, онъ изъ за страсти къ охотѣ опять переѣзжаетъ въ Мервъ, вопреки предупрежденіямъ Текеша, что климатъ Мерва не благопріятствуетъ его здоровью. На этотъ разъ однако страсть свела Меликъ-Шаха въ могилу. См. *Mirkhond*, Histoire des sultans du Kharezm, стр. 27, 29, 34.

[3]) *Абд-ал-Реззакъ Самаркандскій*, مطلع السعدين, л. 214*a*, 333*b*, 338*a*.

дарами; снарядилъ таковыхъ-же изъ Мерва и Мирза-Санджаръ съ выраженіемъ вѣрности и радости.

Въ 1457 году до султана Абу-Саида, замѣнившаго Джиханъ-Шаха, дошло извѣстіе, что Мирза-Санджаръ въ совокупности съ другими лицами (Мирза-Ала-ал-Доулэ и Мирза-Султанъ-Ибрагимъ) задумываетъ мятежную войну. Сообщники сошлись подъ Сарахсомъ, увѣренные въ успѣхѣ. Абу-Саидъ двинулъ противъ нихъ войска и разбилъ ихъ: самъ Санджаръ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; приказано было умертвить его,—голова, какъ трофей, была доставлена въ Хератъ[1]).

Къ этому же времени относится начало исторіи праправнука Тимура, Султанъ-Хусейнъ-Мирзы, тѣсно связанное съ городомъ Мервомъ и его ближайшими окрестностями[2]).

Освобожденный по настоянію матери изъ долгаго заключенія, по приказу Султанъ-Абу-Саида въ цитадели Самарканда, Султанъ-Хусейнъ-Мирза примкнулъ къ Абуль-Касимъ-Баберу, при которомъ состоялъ до его смерти, а затѣмъ перешелъ къ Мирза-Санджару, бывшему, какъ выше сказано, правителемъ Мервъ Шахиджана. Женившись на дочери его, Биге-Султанъ-Бигумъ, онъ довольно долгое время жилъ съ нимъ въ Мервѣ въ большихъ ладахъ, какъ сынъ съ отцемъ, но потомъ отношенія ихъ стали враждебными по причинамъ, въ исторіи невыясненнымъ. Въ 861 (1456) году Мирза-Санджаръ отправился по дѣламъ въ Мешхедъ, а въ Мервѣ оставилъ своимъ замѣстителемъ Султанъ-Хусейнъ-Мирзу. Между нимъ и мервскими вельможами начались недоразумѣнія, окончившіяся открытымъ мятежемъ. Воспользовавшись отъѣздомъ временнаго правителя на охоту, мятежники привели въ оборонительное состояніе городскія башни и ворота, и Султанъ-Хусейнъ-Мирза, послѣ неудачной стычки подъ стѣнами города, вынужденъ былъ покинуть Мервъ и отошелъ съ горстью приверженцевъ къ Бенди-Султанъ (Султанбендъ) — بند سلطان. Возвратившійся къ мѣсту своего служенія Мирза-Санджаръ послалъ противъ него войско; въ сраженіи, происшедшемъ между Мервомъ и Талхатаномъ — ميان مرو و تلحتان[3]), Султанъ-Хусейнъ-Мирза былъ разбитъ, отступилъ по направленію къ Меручаку и провелъ пятнадцать дней между Пендждэ (Пендэ) и Баркташемъ — ميان پنج ده و بركتاش[4]); отсюда перешелъ въ мѣсто Ахтэ-Ахуръ — موضع آخته اخور[5]); сюда на него двинулся изъ Бальха Султанъ-Абу-Саидъ, — Султанъ-Хусейнъ-Мирза перешелъ на станцію Баба-Камберъ — منزل بابا قنبر, и далѣе въ Маханъ — ماخان. Мирза-Санджаръ не оставлялъ его въ покоѣ, и Султанъ-Хусейнъ-Мирза, выжидая поворота счастія, зиму скрывался отъ него

---

[1]) *Абд-ал-Реззакъ Самаркандскій*, л. 295*a*, 304*a*, 306*b*, 307*a*, 313*b*, 314*a*, 315*a*, 317*b*, 318*a*.

[2]) Изложено по *Хондэмиру*, حبيب السير, рукоп. Публ. Библ. III. 2. 19, л. 5*b*—7a. Въ инвентарномъ спискѣ рукопись эта названа «исторіей Султанъ-Хусейнъ-Мирзы неизвѣстнаго автора»; въ дѣйствительности она составляетъ часть, именно вторую половину третьяго «джузва» третьей части, съ нѣкоторымъ дефектомъ, названнаго сочиненія. См. также литограф. изданіе حبيب السير 1271 г. Г. въ Теґеранѣ, III, стр. 241 и сл; روضة الصفا (*Мирхонда* и его продолжателей — *Хондэмира* (VII ч.) и *Риза-Кули-Хана* (VIII—X), изд. Тегеранское 1274 г. Г.), VII, стр. 3 и сл.; рукоп. Публ. Библ. IV. 2. 31 неизвѣстнаго автора (на первомъ листѣ я читаю تاريخ السلاطين), л. 346*a*.

[3]) Литогр. изд., стр. 242: ميان مروى وبلخيان ; روضة الصفا, l. c.: ميان مرو و سيستان.

[4]) روضة الصفا : ميان پنج ده تركتاش ; рук. IV. 2. 31: ما بين پنج و بركتاش.

[5]) روضة الصفا : موضع اخته اقور ; рук. IV. 2. 31: احبه احور.

въ пустынѣ между Мервомъ и Хивою. Съ наступленіемъ весны онъ съ зимнихъ стоянокъ передвинулся въ Кокъ-Гумбезъ Мерва — كوك كنبذ مرو и, промысливъ черезъ своихъ приближенныхъ лошадей въ Баятѣ — بايات [1]), направился въ Теджень — طژن.

Въ 1470 году въ Мервѣ поднялъ мятежъ сынъ Султанъ-Абу-Саида, Мирза-Улугъ-Бекъ, противъ Султанъ-Хусейнъ-Мирзы; послѣдній вынужденъ былъ двинуться съ войскомъ, но мятежникъ, при одномъ извѣстіи объ этомъ походѣ, обратился въ бѣгство; Султанъ-Хусейнъ-Мирза, дойдя до Мерва, остался въ немъ на зиму [2]).

Такія же точно причины привели Султанъ-Хусейнъ-Мирзу и въ 1498 году. Сынъ его, Абу-л-Мухсинъ-Мирза, правитель мервскій, по предварительному уговору съ Мухаммедъ-Хусейнъ-Мирзой, начальникомъ Несы и Абиверда, взбунтовался. Въ Хератѣ думали сначала подѣйствовать на непокорныхъ увѣщаніями: отправили въ Мервъ посольство съ эмиромъ Каввам-ал-Динъ-Хусейнъ-Сари во главѣ; оно не достигло желаемыхъ результатовъ, и пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе строгимъ и дѣйствительнымъ,—къ вооруженной силѣ. Абу-л-Мухсинъ-Мирза, провѣдавъ о такомъ рѣшеніи, привелъ въ надлежащее для обороны состояніе стѣны и крѣпость Мерва, въ которомъ задумалъ защищаться. Подошедшія войска Султана повели осаду, которая длилась отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ сынъ примирился съ отцемъ [3]).

Султанъ-Хусейнъ-Мирза отличался необыкновенной заботливостью въ отношеніи народа, пониманіемъ его нуждъ, которыя онъ всячески старался облегчить. Поэтому въ его время подданные съ необыкновеннымъ рвеніемъ занимались земледѣліемъ, «такъ что на мѣстахъ солончаковыхъ и каменистыхъ не осталось точки, которая не была бы превращена въ поля и сады; сколько въ пустыняхъ ни было мертвыхъ, безплодныхъ земель, всѣ были вызваны къ жизни проведеніемъ каналовъ и водопроводовъ. Между прочимъ отъ Мургаба до Мервъ Шахиджана было около тридцати фарсаховъ безплодной пустыни и отъ Сарахса до Мерва около двадцати пяти фарсаховъ: эти полосы были засѣяны и заселены, такъ что слились въ одну» [4]).

При томъ же государѣ Муин-ал-Динъ-Асфизари окончилъ въ 1491 году трудъ подъ заглавіемъ «Райскіе сады касательно описанія города Херата», въ которомъ сообщаетъ любопытныя данныя между прочимъ и о Мервѣ... «Еще, говоритъ онъ [5]), къ славнымъ городамъ и важнымъ областямъ Хорасана принадлежитъ Мервъ Шахиджанъ. Онъ былъ столицею султана Санджара Сельджукскаго и состоитъ изъ двухъ городовъ,—стараго и новаго. *Старый* построилъ сказанный султанъ Санджаръ, теперь онъ разрушенъ и здѣсь находится куполъ

---

1) روضة الصفا; стр. 4: پاياب. Литограф. изд. *Хондэмира*, стр. 242: پايان. Срав. выше, стр. 68, у *Хафизи-Абру*.

2) *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, تاريخ منتظم ناصرى (изд. въ Тегеранѣ въ 1298 г. Г. и сл.), II, 75 подъ 875 (1470) годомъ; روضة الصفا, VII, стр. 13.

3) روضة الصفا, VII, стр. 39. Срав. *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس (издан. въ Тегеранѣ въ 1301 г. Г. и сл.), II, 290.

4) См. сочиненіе *Асфизари*, روضات الجنات فى اوصاف مدينة هرات, рукоп. Унив. Библ. № 588, листъ 264*a*.

5) См. *Асфизари*, листъ 48*a*—50*a*.

надгробія его: это одна изъ величайшихъ построекъ царствъ вселенной и до такой степени прочна, что порча не можетъ коснуться ея. Второй—*новый* Мервъ, который построилъ покойный государь Мирза-Санджаръ, какъ и сказалъ въ одной одѣ Миръ-Али-Ширъ:

«Сердце старика и юноши оживляется любовью,
(Подобно тому какъ) строитель стараго Мерва—Санджаръ и новаго также Санджаръ».

Это городъ большой и богатый, посѣвы и урожаи въ немъ безъ границъ и предѣловъ. Рѣка Мургабъ здѣсь прекращается. Городъ имѣетъ много округовъ и волостей. Количество хлѣба и хлопка, которое здѣсь родится, не родится ни въ одной области; большая часть хлѣбныхъ и бумажныхъ припасовъ Херата идетъ изъ здѣшнихъ урожаевъ хлѣба и хлопка. Въ Мервѣ зимуютъ хорасанскіе султаны по причинѣ богатой охоты и пріятности зимней погоды. Тутъ много родится дынь необыкновенно сладкихъ и нѣжныхъ; зимою, когда тамъ стоитъ на квартирахъ большое войско, ослиный вьюкъ (харваръ) дынь стоитъ двѣ деньги и менѣе. Дыни до такой степени хороши и пріятны, что, несмотря на извѣстныя дыни изъ мѣстечекъ Ленгери-Эмиръ-Гіясъ [1]) и Ф. л. бенданъ فلبندان , государь и нѣкоторые вельможи хератскіе приказываютъ привозить дыни изъ Мерва, до котораго отъ Херата считается 60 фарсаховъ. Одинъ менъ хлѣба, посѣянный въ этой землѣ, иногда даетъ сто меновъ, и посѣвъ до крайности легокъ: только и нужно, чтобы зерно было скрыто, чтобы его не съѣло животное. Округовъ и волостей Мервъ имѣетъ много, каковы Маханъ, Талхатанъ и др. Отсюда вышелъ Абу-Муслимъ... Овладѣвъ Хорасаномъ, онъ построилъ въ Мервѣ соборную мечеть и по двумъ сторонамъ отъ нея базары... Въ былое время населенность и процвѣтаніе Мерва выходили изъ границъ. Такъ, когда Тули-Ханъ осадилъ его, въ немъ было 90,000 воиновъ... Разсказываютъ, что Тули-Ханъ, подойдя къ Мерву, шесть дней ходилъ вокругъ города, какъ вода во рву, и изумлялся крѣпости башенъ и цитадели, твердой стѣнѣ, глубокому и широкому рву и надежнымъ, высокимъ галлереямъ. Потомъ приказалъ окружить городъ, съ каждой стороны по 10,000 человѣкъ, и заполнилъ ровъ жженымъ кирпичемъ, деревьями и хворостомъ, такъ что къ стѣнѣ и крѣпости легко шли пѣхотинцы и всадники...»

При наслѣдникахъ Султанъ-Хусейнъ-Мирзы въ 1507 году Хератомъ овладѣлъ основатель узбекской династіи Мухаммедъ-Ханъ-Шейбани, повелѣвъ именовать себя въ хутбахъ «имамомъ своего времени и замѣстителемъ всемилосердаго Господа»: весь Хорасанъ оказался въ его власти и онъ подѣлилъ его между своими сыновьями и эмирами, — Мервъ достался въ управленіе Реисъ-Бехадуру [2]).

Прошло послѣ этого три года, и Шейбани погибъ въ Мервѣ, уступивъ верховенство надъ Хорасаномъ Персіи, въ лицѣ сефевидскаго государя Шахъ-Исмаила. Не входя здѣсь

---

[1]) Извѣстная деревня въ Бадагисѣ. См. *Хафизи-Абру*, рук. Публ. Библ. № 290, л. 152*a*; جهان نما *Хаджи-Хальфы* (конст. изд.), стр. 314. Сравн. مطلع السعدين , рук. Унив. № 157, л. 316*a*.

[2]) روضة الصفا , VII, стр. 62, 64; *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, تاريخ منتظم ناصرى , II, 90.

въ подробности возникновенія между ними вражды и соперничества, замѣтимъ [1]), что Шейбани, при приближеніи персидскихъ войскъ, покинулъ Хератъ и засѣлъ въ Мервѣ, въ ожиданіи помощи изъ Туркестана; онъ собралъ въ крѣпость пригородныхъ жителей и городъ привелъ въ сильно оборонительное положеніе: укрѣпилъ стѣны и башни, изъ которыхъ каждую поручилъ особому начальнику. Узнавъ о приближеніи войска Шахъ-Исмаила, который подступалъ черезъ Мешхедъ и Сарахсъ, Шейбани выслалъ въ деревню Тахиръ-абадъ передовой отрядъ; Персы разбили его и гнали до города, который обложили и повели осаду. Семь дней прошли въ безплодныхъ усиліяхъ: Шейбани ограничивался небольшими стычками и уклонялся отъ сраженія. Исмаилъ, убѣдившись, что противникъ думаетъ затянуть время, рѣшилъ хитростью вызвать его на бой подальше отъ крѣпости. Для этого онъ отступилъ отъ Мерва на три фарсаха къ мѣстечку, которое въ нашихъ источникахъ называется разно—«мервскимъ Махмудъ-абадомъ [2]), Махмудовой деревней [3]), Махмудовымъ мѣстомъ [4])». Отсюда онъ отправилъ къ Шейбани-Хану письмо, въ которомъ извѣщалъ его, что онъ уходитъ на зимнія стоянки въ разныя мѣста Хорасана (а по другимъ свѣдѣніямъ, что дѣла въ Адербайджанѣ отвлекаютъ его отъ осады Мерва), и что для рѣшительной битвы онъ пріидетъ по веснѣ. Затѣмъ Исмаилъ самъ со всѣмъ лагеремъ отошелъ къ селенію Талхатанъ [5]), а въ Махмудъ-абадѣ оставилъ только одинъ отрядъ въ 300 человѣкъ, подъ начальствомъ Эмиръ-Бека Мосули, которому велѣлъ занять мостъ черезъ «Махмудову рѣку (каналъ)», обратиться въ притворное бѣгство, какъ только покажутся войска Узбековъ, завлечь ихъ за рѣку, разрушить сказанный мостъ и тѣмъ закрыть Шейбани путь къ отступленію: бой окажется безъисходнымъ. Хитрость Шахъ-Исмаила удалась вполнѣ: Шейбани, полагая, что Персы, отчаявшись въ успѣхѣ осады, постыдно

---

[1]) Изложено по: *Хондэмиру*, حبيب السير, III, 4, 355; روضة الصفا, VIII, 12; *Хасану Хаки*, рук. Публ. Библ. № 287 по катал. *Дорна*, احسن التواريخ, л. 104*a*; *Будакъ-Мунши Казвинскому*, جواهر الاخبار, рукоп. Публ. Библ. № 288 по катал. *Дорна*, л. 52*b* (пагинація сдѣлана невѣрно, съ конца); по исторіи Сефевидовъ *Тахиръ-Вахида*, рук. Аз. Муз. № 574*b*, л. 10*b*; рукоп. Аз. Муз. № 567*aa* подъ заглавіемъ احسن القصص و دافع الغصص, л. 285*b*; исторіи Шахъ-Исмаила Сефевидскаго, рук. Публ. Библ. № 301 по катал. *Дорна*, л. 199*b*; *Мухаммедъ-Хасанъ-Хану*, تاريخ منتظم ناصرى, II, 92.

[2]) روضة الصفا, VIII, 12.

[3]) *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, تاريخ منتظم ناصرى. II, 92.

[4]) Надгробная надпись Шейбани по слѣпку, находящемуся въ распоряженіи проф. *Н. И. Веселовскаго*.

[5]) Въ этомъ названіи мною сдѣлано исправленіе,—въ источникахъ оно собственно названо: у Хондэмира и Будакъ-Мунши—Т. л. ханъ— تلخان, а въ одной рук. Аз. Муз. № 574 *agf* подъ заглавіемъ مسخر البلاد (извлеченіе изъ عبدالله نامه), авторъ которой *Мухаммедъ-Яръ*, очевидно, излагаетъ по Хондэмиру—Т. л. х. а— تلخا. Едва ли въ этихъ словахъ можетъ скрываться другое имя, кромѣ существующаго до нынѣ «Талхатанъ», тѣмъ болѣе, что и географическое положеніе этого пункта вполнѣ подходяще: мы видѣли, что сюда попалъ Исмаилъ, перейдя «Махмудову рѣку», а послѣдняя по названной рукописи Публ. Библ. № 301 была въ направленіи къ Херату, т. е. отъ Мерва на югъ; затѣмъ, по تاريخ رشيدى, рук. Унив. № 272, л. 111*b*, Исмаилъ и Шейбани, направляясь изъ Мерва, сначала шли «перерѣзанными мѣстами»— جايهاى شكسته, а потомъ достигли «ровнаго мѣста» — هموارى, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и нынѣшнему характеру мѣстности между Мервомъ и Талхатаномъ. Въ одномъ позднѣйшемъ компилятивномъ трудѣ мѣсто, на которомъ произошло сраженіе, названо прямо «*Равниною* Махмудъ-абада» جلگۀ محمود آباد. См. گنج دانش соч. *Мухаммедъ-Таки-Хана* (изд. въ Тегеранѣ въ 1305 г. Г.), стр. 472.

отступили, съ войскомъ пустился ихъ преслѣдовать, не дождавшись, вопреки совѣтамъ приближенныхъ, помощи, и перешелъ «Махмудову рѣку»; съ другой стороны изъ-подъ Талхатана придвинулся Шахъ-Исмаилъ,—произошло сраженіе, въ которомъ Шейбани былъ на голову разбитъ и убитъ [1]). Исмаилъ послѣ побѣды вступилъ въ Мервъ, ключи отъ котораго ему передалъ везирь Шейбани, Ходжа-Махмудъ-Сурхъ. Находившіяся въ Мервѣ богатства Шейбани и его вельможъ Исмаилъ раздѣлилъ между своими эмирами и солдатами, изъ головъ убитыхъ сложилъ колонны, оказалъ всякія милости жителямъ Мерва [2]), вручилъ управленіе городомъ Дедэ-Беку и удалился въ Хератъ.

Побѣда эта имѣла самыя серьезныя послѣдствія: весь Хорасанъ, а стало быть и Мервъ, отошелъ къ Персіи, за которою и оставался до самаго послѣдняго времени; по всему Хорасану распространилось шіитство; въ хутбахъ и монетномъ чеканѣ стали упоминаться имена персидскихъ государей съ шіитскими формулами [3]).

Этотъ персидско-сефевидскій періодъ владѣнія Хорасаномъ довольно глухъ относительно исторіи Мерва: случайно, и то большими скачками, попадаются въ хроникахъ персидскихъ коротенькія замѣтки о назначеніи туда управителей. Такъ, въ 1515 году во главѣ управленія Хорасаномъ отъ предѣловъ Семнана до Аму-Дарьи Шахъ-Исмаилъ поставилъ сына своего, Тахмаспа [4]).

Доставившія столько тяжелыхъ хлопотъ сефевидскимъ государямъ настойчивыя вторженія въ Хорасанъ Узбековъ подъ главенствомъ Убейдаллахъ-Хана, племянника Шейбани, мстившаго за его кровь, Абдаллахъ-Хана и сына его, Абд-ал-Мумина, направляемыя по преимуществу на города Хератъ и Мешхедъ, затрогивали иногда непосредственно и Мервъ; они всегда ложились тяжелымъ бременемъ на область, такъ какъ сопровождались грабежами, убійствами, иногда безкормицею и голодомъ осаждаемыхъ городовъ.

Въ 1529 году Убейдаллахъ-Ханъ, при четвертомъ вторженіи въ Хорасанъ, спасаясь отъ Тахмаспа, бѣжалъ въ Мервъ, въ надеждѣ здѣсь дождаться помощи изъ Туркестана (отъ Абу-Саида, сына Кучумъ-Хана); обманувшись въ этомъ, онъ принужденъ былъ покинуть городъ и удалился за Аму.

---

[1]) Хронограммою его смерти, какъ извѣстно изъ «Исторіи Сейидъ-Раким'а» (подъ 916 годомъ Г.), служатъ слова کلاه سرخ —«красная шапка». Названное сочиненіе جواهر الاخبار приводитъ еще двѣ хронограммы: 1) فتح شاه دين پناه — «побѣда шаха—прибѣжища вѣры» и 2) هلاك خرس —«гибель медвѣдя».

[2]) Есть персидскія, но не персами очевидно писанныя исторіи, въ которыхъ находимъ указанія, прямо противоположныя этому, а именно: Исмаилъ, вступивъ въ Мервъ, разрушилъ крѣпостную стѣну и башни и произвелъ страшную рѣзню жителей. См. تاريخ مقيم خانى, рук. Унив. № 848, л. 15*b*; عبد الله نامه, рук. Азіят. Муз. № 574 *age*, л. 31*b*. Наконецъ, не могу пройти молчаніемъ приписки на поляхъ «саманидской географіи», принадлежащей *А. Г. Туманскому*. Приписка находится на листѣ 20*a* (гдѣ идетъ рѣчь между прочимъ и о Мервѣ), сдѣлана другою рукою, позднѣйшимъ почеркомъ; къ какому времени относится, сказать невозможно. Изъ этой приписки узнаемъ, что Исмаилъ-Шахъ, избивая въ Мервѣ народъ въ 916 г. Г., погубилъ около 70,000 человѣкъ; изъ головъ ихъ сложилъ колонны въ 60 локтей (вышины?). Послѣ этого начался въ городѣ голодъ, жители выселились и никого не осталось. Въ 932 г. Г. (1525) тамъ безчинствовалъ Убейдаллахъ. Послѣ голода, разграбленія и увода населенія, *Мервцевъ* не осталось, и тѣ, которые *теперь* (?) тамъ живутъ,—*не чистые Мервцы*.

[3]) روضة الصفا, l. c.

[4]) روضة الصفا, VIII, 16; تاريخ منتظم ناصرى, II, 96.

Въ 1536 году въ Мервъ, по пути въ Хератъ, съ войскомъ зашелъ Шахъ-Тахмаспъ [1].

Въ 1566 (974) году, при Шахъ-Тахмаспѣ, приходилъ воевать Мервъ Абдаллахъ-Ханъ, какъ говоритъ его спеціальный историкъ и современникъ Хафизи-Танишъ [2],—это было въ тотъ самый годъ, какъ Абдаллахъ-Ханъ, вторгшись въ Хорасанъ, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство подъ крѣпостью Турбетомъ.

Перейдя съ войскомъ черезъ Аму-Дарью, Абдаллахъ-Ханъ самъ остановился въ Чарджуѣ, а начальниковъ — Эмиръ-Джанали, Эмиръ-Незера, Султанъ-Яръ-Би, Эмиръ-Тарума, Эмиръ-Таниша, Эмиръ-Джангельди и Эмиръ-Куль-Баба — съ поспѣшностью выслалъ подъ Мервъ, чтобы они напали на городъ въ расплохъ, не узнанные жителями. Пройдя черезъ «Равнину верблюжьяго молока» — جول شیر شتر , — начальники остановились въ мѣстѣ «Миражъ» — سراب [3], и составили родъ совѣта, на которомъ образовались двѣ противныя партіи—Султанъ-Яръ-Би и Эмиръ-Незера. Послѣдній хорошо зналъ дороги этихъ мѣстъ и прежде всѣхъ въ ту ночь дошелъ до города и отважно овладѣлъ *воротами, которыя были расположены съ сѣверной стороны города и извѣстны подъ именемъ воротъ Пехлеванъ-Ахмеда*, и проникъ уже въ *первый затворъ* — دربند اول , — какъ жители всполошились и выгнали его изъ города, причемъ онъ былъ раненъ въ руку. Между тѣмъ Султанъ-Яръ-Би, заблудившись, вышелъ къ *воротамъ Мухаммеда Табризскаго* [4]*), которыя были расположены съ западной стороны города*, и «хотѣлъ уже заложить огонь подъ ворота» [5]), но былъ смертельно раненъ. На слѣдующій день явился самъ Абдаллахъ-Ханъ и расположился по городскому рву. Ночью былъ сдѣланъ приступъ, но неудачно: Абдаллахъ долженъ быть отступить; также неудачна была вторая подобная попытка на другой день. Абдаллахъ во гнѣвѣ отдалъ приказъ всеобщаго приступа, но эмиры его, опасаясь за успѣшный исходъ, посовѣтовали отправиться на Мургабъ, сломать плотину и недостаткомъ воды принудить мервцевъ покориться. Абдаллахъ одобрилъ этотъ планъ: избытокъ людей своихъ отправилъ за Аму, а самъ двинулся на Мургабъ, разрушилъ плотину [6] и побѣдоносно возвратился въ Бухару.

При Шахъ-Аббасѣ I Великомъ, около 1592 года, мы видимъ Мервъ на самый короткій срокъ во власти Абдаллахъ-Хана. Правитель Мерва—Нуръ-Мухаммедъ-Ханъ, изъ рода Шей-

---

[1] روضة الصفا , VIII, 23, 29.

[2] Рукопись Азіятскаго Музея № 574*age* عبد الله نامه или شرفنامهٔ شاهی , листъ 127*a*. Этотъ походъ Абдаллахъ-Хана, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, замолчанъ въ общихъ персидскихъ исторіяхъ روضة الصفا и تاريخ منتظم ناصرى .

[3] مسخر البلاد , рук. Аз. Муз. № 574 *agf*, л. 151*a*: «Выходъ» — سرداب .

[4] Ibid., л. 151*b*: «Старика Мухаммеда» — محمد پير .

[5] خواست آتش در زير دروازه گذارد . Выраженіе фигуральное: никоимъ образомъ не должно думать, что здѣсь рѣчь идетъ о подкопѣ.

[6] Это разрушеніе плотины засвидѣтельствовано еще, насколько мнѣ извѣстно, только *Хасаномъ Хаки*, авторомъ احسن التواريخ , рукоп. Публ. Библ. № 287 по каталогу *Дорна*, л. 12*a* (пагинація сдѣлана невѣрно: по восточному выходитъ съ конца); о завоеваніи Мерва и вообще о походѣ на него въ этой исторіи не говорится ни слова, и плотину Абдаллахъ разрушаетъ въ бѣгствѣ изъ-подъ Турбета въ Бухару.

бани[1]), не считалъ себя въ силахъ противиться Хаджимъ-Хану Хивинскому, союзнику Шахъ-Аббаса противъ Узбековъ, перешелъ на сторону Абдаллахъ-Хана и передалъ ему Мервъ Шахиджанъ подъ условіемъ, что онъ ему гарантируетъ управленіе Несою; Абдаллахъ-Хану осуществить этого не удалось, такъ какъ при слухѣ о приближеніи войска Аббаса онъ бѣжалъ во свояси [2]).

Годомъ позже этого Аминъ-Ахмедъ Рейскій окончилъ свой біографическій трудъ «Семь климатовъ», матеріалъ въ которомъ расположенъ въ географическомъ порядкѣ. Въ немъ помѣщена нижеслѣдующая замѣтка о Мервѣ, не содержащая, кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, ничего новаго [3]).

«Мервъ Шахиджанъ принадлежитъ къ числу славныхъ городовъ Хорасана. Нѣкоторые того мнѣнія, что городъ этотъ построилъ Александръ, а другіе считаютъ его за созданіе Шапуръ-Зуль-актафа, — но вѣрно то, что къ обоснованію его приложилъ усилія Тахмурасъ. Мервъ долгое время былъ столицею султана Санджара; въ силу превратностей судьбы его побѣдили сбродныя войска (Гузовъ) и въ продолженіе трехъ сутокъ грабили городъ и въ поискахъ скрытыхъ сокровищъ хватали знатныхъ и вельможъ и подвергали ихъ мученіямъ и истязаніямъ..... Мервъ постигло большое разореніе. Послѣ этого онъ сталъ постепенно поправляться, и съ разныхъ сторонъ собрался народъ. Во время Чингизъ-Хана онъ такъ былъ разрушенъ, что до первоначальнаго состоянія уже не доходилъ. Авторъ сочиненія «Другъ біографій» (Хондэміръ) разсказываетъ, что когда Чингизъ-Ханъ покончилъ рѣзню и грабежъ въ Бальхѣ, то послалъ младшаго сына своего, Тули-Хана, съ 80,000 всадниковъ въ Хорасанъ. Тули-Ханъ прежде всего отправился въ Мервъ и осадилъ его. Муджир-ал-Мулькъ, эміръ султана Мухаммедъ-Харезмшаха, другого исхода кромѣ покорности не имѣлъ: съ многочисленными подарками отправился въ лагерь Тули-Хана. Послѣ этого солдаты четыре дня выгоняли жителей Мерва въ поля. Пощадили 400 юношей и дѣвицъ, остальныхъ же подѣлили между солдатами, такъ что каждому монголу досталось 400 человѣкъ и каждый умертвилъ долю свою. Сейидъ Изз-ал-Динъ-Несабэ съ нѣсколькими писцами пересчитывалъ убитыхъ тринадцать сутокъ, — было сосчитано 1,300,000 съ лишкомъ; въ живыхъ осталось четыре души. Въ такомъ разрушенномъ видѣ оставался Мервъ до времени Шахроха, когда появилось населеніе. Султанъ (Мирза) Санджаръ въ заселеніи его выказалъ много старанія: онъ построилъ «новый городъ», въ которомъ сталъ жить народъ. Теперь Мервъ состоитъ изъ двухъ городовъ,—стараго и новаго, какъ сказалъ Миръ-Али-Ширъ стихъ:

[1]) Нуръ-Мухаммедъ-Ханъ б. Абу-л-Мухаммедъ б. Динъ-Мухаммедъ-Ханъ б. Увейсъ-Ханъ выставляется наслѣдственнымъ владѣтелемъ Мерва, Несы и Абиверда. Онъ доводится внукомъ Шейбаниду Динъ-Мухаммедъ-Ханъ б. Увейсъ-Хану, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Алп-Султаномъ, перешелъ въ 1536 г. на службу къ Шахъ-Тахмаспу; послѣдній и вручилъ имъ въ управленіе сказанныя области, оставшіяся за ихъ потомками. روضة الصفا, VIII, 31; تاريخ منتظم ناصرى, II, 111.

[2]) Исторія Аббаса Великаго *Искендера Мунши*, تاريخ عالم آراى عباسى, рукоп. Университ. № 169, л. 40*b*. روضة الصفا, VIII, 108.

[3]) هفت اقليم, рукоп. Азіат. Музея № 603*bc*, л. 197*b*. Эта замѣтка почти цѣликомъ была переведена *Schefer*'омъ въ Relation de l'ambassade au Kharezm de Risa Qouly Khan, стр. 171 прим. 1.

«Сердце старика и юноши оживляется любовью,
(Подобно тому какъ) строитель стараго Мерва—Санджаръ и новаго также Санджаръ».

Мервъ лежитъ въ равнинѣ и имѣетъ много волостей; вода въ немъ изъ Мерврудa, т. е. Мургаба. Мургабъ въ Мервѣ оканчивается. Изъ плодовъ хороши и произростаютъ въ изобиліи виноградъ и дыни. Климатъ въ Мервѣ дурной и болѣзненность большая. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть муха, величиною съ осу; во избѣжаніе мученій, ею причиняемыхъ, жители на три лѣтнихъ мѣсяца перебираются въ болѣе прохладныя мѣста».

Абдаллахъ не только не успѣлъ, но и не хотѣлъ хлопотать за Нуръ-Мухаммедъ-Хана: вражда его, правителя Ургенджа и Хаджимъ-Хана, владѣтеля хивинскаго, была ему на руку, такъ какъ полное обладаніе Хорасаномъ и Хивою входило въ его планы. Нуръ-Мухаммедъ, потерявъ надежду на поддержку Абдаллаха, возвратился въ Мервъ; онъ опасался также и Абд-ал-Мумина, который началъ враждовать съ своимъ отцомъ и дѣйствовать помимо его воли въ Хорасанѣ: въ 1593 году онъ двинулся на Мервъ и Абивердъ. Приверженцы Нуръ-Мухаммеда, Узбеки и Туркмены, опасаясь раззора и грабежа, измѣнили своему старому правителю, передались и вручили ключи отъ крѣпостей Абд-ал-Мумину, который такимъ образомъ овладѣлъ Несою, Абивердомъ, Мервомъ, Багбадомъ и др. Нуръ-Мухаммедъ отправился тогда искать поддержки къ Шахъ-Аббасу, который принялъ его съ большимъ почетомъ [1]).

Въ 1595 году обострившіяся отношенія отца къ сыну нѣсколько сглаживаются: Абдаллахъ, переправившись черезъ Аму у Чарджуя, пришелъ въ Мервъ охотиться; прибылъ туда-же и Абд-ал-Муминъ, и свиданіе ихъ произошло въ «Царскомъ саду». Отсюда оба отправились въ Хератъ.

Наслѣдовавшій Абд-ал-Мумину Динъ-Мухаммедъ-Ханъ послалъ въ Мервъ своего младшаго брата, Велимъ-Хана, съ приказомъ чеканить монету съ его именемъ. Противъ Динъ-Мухаммеда выступилъ Шахъ-Аббасъ и въ Мервъ отрядилъ войско съ Будакъ-Ханомъ во главѣ, которому сопутствовалъ и Нуръ-Мухаммедъ-Ханъ, для возстановленія послѣдняго въ его «наслѣдственныхъ» владѣніяхъ—Мервѣ, Несѣ и Абивердѣ. Населеніе встрѣтило въ Мервѣ съ большою радостію Нуръ-Мухаммеда, который сталъ чеканить монету съ именемъ Шахъ-Аббаса и упоминать его въ хутбахъ [2]).

Въ 1600 году Шахъ-Аббасъ изъ Мешхеда отправился въ Хератъ и, не видѣвшись давно съ Нуръ-Мухаммедомъ, приглашалъ его неоднократно письмами, но Нуръ-Мухаммедъ, несмотря на милостивое отношеніе къ нему шаха [3]) и громадную оказанную ему услугу, отвѣчалъ

[1]) *Искендеръ-Мунши*, л. 47*b*.

[2]) *Искендеръ-Мунши*, л. 93*b*, 99*a*, 108*b*. روضة الصفا, VIII; 126—133.

[3]) Шахъ-Аббасъ въ письмѣ своемъ къ Абд-ал-Мумину, въ отвѣтъ на задорное посланіе его послѣ взятія Мешхеда въ 997 (1588) году, называетъ Нуръ-Мухаммедъ-Хана своимъ «старшимъ братомъ» (برادر ارشد) и «эссенціей фамиліи Чингизидовъ» (خلاصهٔ دودمان جنگیزی). *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس, II, 317; تاریخ منتظم ناصری, II, 161.

отказомъ, послѣдовавъ наущеніямъ своего везиря и мервскаго судьи. Аббасъ, усматривая въ такомъ поступкѣ признаки лицемѣрія и непокорности, объявилъ противъ него походъ. Нуръ-Мухаммедъ, перебѣгая изъ города въ городъ, заперся наконецъ въ Мервѣ, войдя въ него ночью черезъ *ворота, обращенныя въ сторону Ургенджа*, и былъ въ немъ осажденъ. Весьма скоро однако онъ раскаялся въ своемъ безразсудствѣ и сдался шаху. Какъ разъ въ пятницу Аббасъ вступилъ въ Мервъ. Въ соборной мечети были толпы народа; прочитали хутбу съ именами шіитскихъ имамовъ: «со времени шаха Исмаила прошло въ общемъ 80—90 лѣтъ, какъ въ городѣ Мервѣ такая хутба не читалась». Мервцы ужасно боялись преслѣдованій со стороны Персовъ изъ-за религіозной розни, но были успокоены: приказомъ шахскимъ не велѣно было на этой почвѣ затѣвать никакихъ споровъ и чинить обидъ и каждому толку— суннитамъ и шіитамъ—была предоставлена полная свобода по своему отправлять моленія. Жителямъ города и крѣпости была дана пощада: солдатамъ и состоявшимъ на жалованьѣ приказано было сложить оружіе и разойтись, не находиться болѣе въ крѣпости, а крестьянамъ предложено было спокойно заниматься земледѣліемъ. Затѣмъ шахъ обратилъ вниманіе на защиту города. Вокругъ крѣпости при помощи войскъ выкопали глубокій ровъ, поправили въ ней стѣны и башни, снабдили её военными припасами и снарядами. Нуръ-Мухаммедъ былъ смѣщенъ и отправленъ на жительство въ Ширазъ, гдѣ ему на содержаніе предписано было выдавать по одному табризскому туману въ день; въ ссылкѣ онъ скончался въ 1612 году [1]).

Во главѣ управленія Мервомъ былъ поставленъ Бекташъ-Ханъ, который оставался въ должности до самой смерти въ 1609 году; его замѣнилъ начальникъ одного рода Каджарскаго племени, Михрабъ-Ханъ, правившій до 1622 года.

Въ 1612 году онъ принималъ съ большими почестями въ Мервѣ Вели-Мухаммедъ-Хана Узбекскаго, брата Имамъ-Кули-Хана, просить противъ котораго помощи онъ въ третій разъ явился въ Иранъ, направляясь въ Исфаханъ къ Шахъ-Аббасу; заходилъ онъ въ Мервъ и на обратномъ пути, и Михрабъ-Ханъ оказалъ ему неменьшій почетъ, и на помощь далъ отрядъ, сопровождавшій его до Чарджуя. На ряду съ этимъ приходилось Михрабъ-Хану приходить въ столкновеніе съ Узбеками, какъ напр. въ 1617 году, при вторженіи Имамъ-Кули-Хана [2]).

Въ годъ воцаренія шаха Сефи (1628) на Мервъ было сдѣлано нападеніе Хивинцами въ лицѣ Исфендіяръ-Хана, брата Абуль-Гази, но оно легко было отражено мѣстнымъ правителемъ, Ашуръ-Ханъ-Чекени, который въ должности этой слѣдовалъ непосредственно за Михрабъ-Ханомъ [3]).

---

[1]) *Искендеръ-Мунши*, л. 128*b*, 226*b*, 255*b*; روضة الصفا, VIII, 134, 170. تاريخ منتظم ناصرى, II, 171, подъ 1021 г. Г. По словамъ *Мухаммедъ-Садика Мервези*, تاريخ جهان آرا, рук. Публ. Библ. V. 3. 23, л. 84*a*, Шахъ-Аббасъ, отнявъ у Нуръ-Мухаммеда Мервъ, вывелъ въ него разныя племена изъ другихъ мѣстъ Хорасана, Адербайджана Гянджи и изъ Каджаровъ поселилъ тамъ родъ Иззэддинлу — عزالدينلو.

[2]) *Искендеръ-Мунши*, л. 243*a*, 246*b*, 290*b*, 333*b*. تاريخ منتظم ناصرى, II, 169, подъ 1017 г. Г. *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس, II, 327, 331. (Прахъ Михрабъ-Хана, скончавшагося въ Мервѣ, перевезенъ въ Мешхедъ.)

[3]) روضة الصفا, VIII, 182. تاريخ منتظم ناصرى, II, 179.

Въ 1632 году Узбеки вновь врываются въ Хорасанъ подъ начальствомъ Имамъ-Кули-Хана, разсчитывая овладѣть Меручакомъ и Мервомъ. Шахъ-Сефи назначилъ тогда въ Хорасанъ Халафъ-Бека, а въ Мервъ, за смертію Ашуръ-Хана,—Муртеза-Кули-Хана, сына Михрабъ-Хана, «въ виду того, что большая часть мервскихъ войскъ была изъ племени Каджаръ, рода Михрабъ-Хана». Тотъ немедленно отправился къ мѣсту назначенія, но тѣмъ временемъ Узбеки успѣли уже овладѣть Мервомъ и Меручакомъ, и Муртеза-Кули-Ханъ остался въ Мешхедѣ. Двинуты были войска, за которыми слѣдомъ шелъ самъ шахъ.

Нѣкій Ахмедъ-Султанъ-Чекени, желая отличиться въ глазахъ шаха и загладить свои проступки, взялъ проводника и пробрался къ Мерву по неизвѣстной дорогѣ; въ полночь подошелъ къ крѣпости черезъ ряды осаждавшихъ, и оповѣстилъ осажденныхъ, которые открыли передъ нимъ и горстью спутниковъ его ворота. Такая отважная выходка побудила Муртеза-Кули-Хана также двинуться изъ Мешхеда: о своемъ рѣшеніи онъ послалъ въ Мервъ гонца, но на дорогѣ и гонецъ этотъ, и самъ Муртеза-Кули-Ханъ попались въ плѣнъ Узбекамъ, такъ какъ проводникъ повелъ его обычнымъ путемъ; его отвели въ Бухару. Имамъ-Кули-Ханъ, доводившійся Муртеза-Кули-Хану сводным братомъ по матери, принялъ его съ большимъ почетомъ и отправилъ обратно въ Мервъ [1]), а Узбекамъ воспретилъ дальнѣйшую осаду этого города.

По возвращеніи изъ плѣна, Муртеза-Кули-Ханъ былъ вторично назначенъ шахомъ Сефи правителемъ Мерва, которымъ и оставался, вѣроятно, до 1644 года, когда на такую же должность былъ переведенъ въ Мешхедъ, а потомъ назначенъ сипехсаларомъ [2]).

Во время его правленія Имамъ-Кули-Ханъ предпринялъ хаджъ въ Мекку черезъ иранскія владѣнія въ 1640 году, и объ этомъ докладывалъ шаху Муртеза-Кули-Ханъ; шахъ Сефи назначилъ ему на путевыя издержки 1000 тумановъ деньгами и 500 тумановъ матеріями [3]).

Черезъ пять лѣтъ, стало быть, уже при Шахъ-Аббасѣ II, Недиръ-Мухаммедъ-Ханъ, братъ Имамъ-Кули-Хана, оставленный послѣднимъ въ качествѣ намѣстника, провозгласилъ независимость; послѣ нѣкоторыхъ неудачъ онъ бѣжалъ въ Бальхъ, искалъ помощи въ Индіи у Шахджихана, а когда это оказалось безполезнымъ, появился въ Мервѣ. Начальникъ города, Али-Кули-Ханъ, неоднократно докладывалъ о немъ Аббасу II, и онъ, назначивъ ему 1000 тумановъ на издержки, пригласилъ его въ Исфаханъ; при этомъ правителямъ городовъ предписано было дѣлать ему всюду торжественныя встрѣчи и оказывать всякія услуги, а при возвращеніи черезъ Хорасанъ и военную помощь, чтобы добиться ему утраченной самостоятельности въ Туркестанѣ [4]).

Къ этому времени относится послѣднее большое описаніе Мерва въ географическомъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ нимъ возвращены были на родину выведенные изъ Мерва въ Бухару жители, которые и принялись за земледѣліе. См. рук. Публ. Библ. № 303 по каталогу *Дорна* (Продолженіе исторіи عالم آرا), л. 50*b*—53*b*.

[2]) روضة الصفا, VIII, 186, 194. تاريخ منتظم ناصرى, II, 182 подъ 1042 г. Г. مطلع الشمس, II, 332, 333.

[3]) روضة الصفا, VIII, 192. تاريخ منتظم ناصرى, II, 190 подъ 1050 г. Г.

[4]) روضة الصفا, VIII, 193. تاريخ منتظم ناصرى, II, 193 подъ 1055 г. Г.

сочиненіи «Міроуказатель» извѣстнаго турецкаго библіографа, Хаджи-Хальфы († 1658). Его свѣдѣнія основываются на показаніяхъ древнихъ арабскихъ географовъ въ весьма незначительной части и на сочиненіяхъ «Услада сердецъ» Хамдаллаха Казвинскаго и «Райскіе сады» Асфизари главнымъ образомъ.

Хаджи-Хальфа говоритъ [1]): Мервъ Шахиджанъ старинный городъ, лежитъ въ равнинѣ вдали отъ горъ. Говорятъ, что строитель его «Двурогій», а по «Усладѣ сердецъ» построилъ его Тахмурасъ, а Александръ Македонскій сдѣлалъ его столицею. Потомъ Абу-Муслимъ построилъ въ немъ соборную мечеть, а около нея высокій, художественно отдѣланный «домъ правленія»: куполообразное зданіе въ 50 локтей, а по четыремъ сторонамъ по двери, отъ которыхъ идутъ портики въ 30 локтей ширины и 60 локтей длины. Въ немъ пребывалъ халифъ Мамунъ, будучи хорасанскимъ правителемъ; потомъ были въ немъ Саффариды и изъ Сельджуковъ Джагаръ-Бекъ, внукъ его султанъ Санджаръ и Меликъ-Шахъ; послѣдній вокругъ всего города вывелъ стѣну въ 12,300 саженъ («куладжъ»). Воздухъ въ немъ гнилостный, почему жители въ немъ болѣзненны; особенно распространена болѣзнь «ришта». Вода въ Мервѣ изъ Мерврудa, который называютъ также рѣкою Мургабомъ. Такъ какъ почва здѣсь солончаковая, то хлѣбъ и шелкъ родится въ изобиліи и даетъ хорошіе сборы. Посѣвъ приноситъ урожай въ самъ-сотъ. Изъ мервскихъ фруктовъ хороши—виноградъ, дыня и груша; въ сушеномъ видѣ они вывозятся въ отдаленныя мѣста. Изъ Мерва вышло много извѣстныхъ мужей... между прочими Абу-Муслимъ Хорасанскій и одинъ изъ сподвижниковъ Мухаммеда, Бурейда-ибн-ал-Хусейбъ... Муин-ал-Динъ (Асфизари) говоритъ, что Мервъ состоитъ изъ двухъ городовъ: одинъ старый, который построилъ Меликъ-Шахъ (?); теперь онъ разрушенъ и въ немъ находится его надгробіе,—зданіе чрезвычайно крѣпкое и прочное.

Другой городъ—новый, который возвелъ Мирза-Санджаръ. Во время Санджара Сельджукскаго Мервъ былъ сильно разрушенъ, но потомъ постепенно обстроился. Когда Чингизъ-Ханъ покончилъ рѣзню и грабежъ въ Бальхѣ, онъ отправилъ сына своего Тули-Хана съ 60,000 войска въ Мервъ; тотъ осадилъ его. Послѣ битвы (осады?), длившейся 22 дня, мервскій начальникъ Муджир-ал-Мулькъ, одинъ изъ эмировъ султана Мухаммедъ-Харезмшаха, выйдя съ большими подарками, подчинился. Четыре дня жителей выгоняли въ поле; пощадили 400 человѣкъ, остальныхъ раздѣлили между монгольскими войсками: на каждаго пришлось по 400 человѣкъ, ихъ перебили; было избито нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, осталось въ живыхъ только четверо... Мервъ оставался разрушеннымъ до султана Шахроха, во время котораго собрался народъ. Мирза-Санджаръ, выказавъ стараніе въ заселеніи Мерва, построилъ новый городъ и теперь два города—старый и новый. Миръ-Али-Ширъ сказалъ стихъ:

«Сердце старика и юноши оживляется любовью,
(Подобно тому какъ) строитель стараго Мерва — Санджаръ и новаго также Санджаръ».

Въ Мервѣ много волостей, каковы: Маханъ, Талхатанъ.

1) جهان نما (изд. Констант. 1145 г. Г.), стр. 316.

Въ «Путяхъ» (т. е. «Книгѣ путей государствъ» Истахри) говорится, что цитадель стариннаго города возвелъ Тахмурасъ, а самый городъ — Александръ; въ немъ три мечети: одна, построенная въ первое время ислама; вторая—«старая мечеть»; третья—мечеть Хаманъ (чит. Маханъ). По четвертямъ, на которыя дѣлится городъ, протекаетъ нѣсколько каналовъ: каналъ Хурмузкара — هرمزفره (чит. Хурмузферрэ), каналъ Маханъ — ماهان (чит. Маджанъ); онъ течетъ передъ новою соборною мечетью и на немъ находятся «домъ правленія» и тюрьма; каналъ Зарикъ (чит. Разикъ) протекаетъ передъ «городскими воротами», вода изъ него отводится въ цистерны; на этомъ каналѣ помѣщается старая мечеть, и на немъ же большая часть кварталовъ и построекъ города. Въ Мервѣ четверо воротъ: ворота городскія и соборной мечети, ворота Шейханъ (чит. Синджанъ), ворота Б.ръ (بر) [1]) и ворота Мушканъ,—это хорасанскія ворота, здѣсь находился дворецъ Мамуна. Всѣ эти каналы отводятся изъ большой рѣки, которая называется Мерверрудъ или Мургабъ: при деревнѣ Раунакъ — رونق (чит. Разикъ) въ каждую мѣстность отдѣляется малый каналъ...

Хаджи-Хальфа сообщаетъ также разстоянія Мерва отъ разныхъ городовъ и дорожники, причемъ иногда впадаетъ въ противорѣчіе, можетъ быть, потому, что смѣшиваетъ «протяженіе дневнаго пути» съ «остановкою» (مرحله и منزل).

Отъ Мерва до:—Сарахса 6 стоянокъ;—Амоля, на берегу Аму, 6 стоянокъ;—Херата 11, 12 стоянокъ, 12 дневныхъ переходовъ;—Абиверда 3, 6 стоянокъ, 3 дневныхъ перехода;—до Бальха 11 стоянокъ; — Нишабура 12 дневныхъ переходовъ (?); — до Бухары 12 дневныхъ переходовъ [2]).

Дорога изъ Херата въ Мервъ [3]): Сегабадъ 5 фарсаховъ; — Бадагисъ 5 фар.; — Б.рэшуръ بعره شور 8 фар.;—Тунъ 5 фар.;—Маргзаръ-дерэ 5 фар.;—Бус.рудъ 5 фар.;—Мерверрудъ 4 фар. Всего отъ Херата до Мерверруда 37 фарсаховъ. Далѣе: — Касаба Ахнефъ 5 фар.; — Хурабъ 4 фар.; — Асадабадъ 6 фар.; — Фарши فرشى 7 фар.; — Х.табадъ حتاباد 5 фар.;—Мехдиабадъ 7 фар.;—Фарисъ فارس 6 фар.;—городъ Мервъ 7 фар. Всего отъ Мерверруда до Мерва 47 фарсаховъ.

Дорога изъ Мерва въ Ургенджъ [4]): деревня С.к.ри سقرى 5 фарсаховъ;—Абданъ Гянджъ 2 фар.;—Рабатъ Суранъ 8 фар.;—Чахъ Бирунъ 8 фар.;—Рабатъ Нушагеръ 7 фар. (въ этомъ переходѣ около 2000 саженъ («куладжъ») движущагося песку);—Сенгабадъ 7 фар.;—Тахири 6 фар.; — Рабатъ Будъ 10 фар.; — Дарганъ 10 фар.; — Х.ф.рбендъ 7 фар.; — Рабатъ Деханъ-Ширъ 5 фар.,—здѣсь между двухъ горъ образуется тѣснина, черезъ которую Аму проходитъ съ страшнымъ шумомъ и громомъ; — С.н.д.буръ سندبور 4 фар.; — Хезараспъ — 10 фар.; — деревня Азракъ 10 фар.;—Мар.х.с.минъ مارحسمين 7 фар.;—Андераб.нанъ 6 фар.; — Сураванъ 2 фар.;—городъ Ургенджъ 6 фар.; всего отъ Мерва до Ургенджа по этой дорогѣ 124 фарсаха (по счету выходитъ только 120).

За время послѣднихъ Сефевидовъ вниманіе персидскихъ лѣтописцевъ всецѣло почти

---

[1]) У арабскихъ путешественниковъ, какъ мы видѣли выше, стр. 19, 23, ворота эти называются «Балинъ».

[2]) *Хаджи-Хальфа*, стр. 329, 330, 318.

[3]) Ibid., 329.

[4]) Ibid., стр. 347. Дорожникъ этотъ разобранъ *Sprenger*'омъ, Post-und Reiserouten, 33. Срав. выше, стр. 58, 59 такой-же дорожникъ у Хамдаллаха Казвинскаго.

поглощено событіями афганскаго нашествія и Мервомъ они не интересуются [1]). Городъ этотъ вновь упоминается подъ 1740 годомъ, когда черезъ него прошелъ Надиръ-Шахъ, возвращаясь изъ покоренныхъ имъ Бухары и Хивы, и этотъ проходъ обошелся мервскому правителю довольно дорого. Въ запискахъ Ходжа-Абд-ал-Керима, состоявшаго при Надирѣ во время его возвращенія изъ Индіи въ Персію, мы находимъ по этому поводу нижеслѣдующія подробности. Надиръ извѣстилъ управителя Мервъ Шахиджана, что послѣ подчиненія Хивы онъ пойдетъ въ Мешхедъ по дорогѣ Мервъ—Келатъ. Такъ какъ отъ береговъ Аму-Дарьи до предѣловъ Мерва песчаная пустыня, то войско не можетъ проходить болѣе 10—11 фарсаховъ въ день, и онъ на переходъ отъ Чарджуя до Мерва употребитъ четыре дня. Для перваго дня воды хватитъ изъ Аму; на второй остановкѣ хотя и есть большое водовмѣстилище, подъ названіемъ Абисаръ, но изъ опасенія, что его окажется недостаточно для столь большой арміи, мервскій правитель долженъ приказать вырыть около тридцати колодцевъ, которые вообще употребляются въ песчаныхъ мѣстахъ и дѣлаются слѣдующимъ образомъ: внутрь выкопаннаго колодца по величинѣ его діаметра опускается деревянный срубъ, наполненный соломою и травою, которая и мѣшаетъ осыпаться въ него песку. На третьей стоянкѣ такихъ колодцевъ приказано было выкопать 80. Для четвертаго дня Надиръ велѣлъ вырыть большой водоемъ и наполнить его водою при помощи канала въ три фарсаха длины изъ мервской рѣки (Мургаба). Послѣдній переходъ былъ въ пятнадцать фарсаховъ. Кромѣ того тому-же правителю предписано было: заготовить возможно большее количество бурдюковъ для воды на мулахъ и лошадяхъ и, наполнивъ ихъ водою изъ новаго резервуара, выслать на 5 фарсаховъ впередъ, чтобы войска при движеніи могли утолять жажду. Эти наказы, говоритъ Ходжа-Абд-ал-Керимъ, правитель Мерва исполнилъ въ точности.

Несмотря однако на такія мѣропріятія, переходъ изъ Чарджуя въ Мервъ былъ очень утомителенъ: при движеніи погибло много людей и скота. Въ Мервѣ Надиръ пробылъ десять дней и потомъ уже направился въ родной городъ Келатъ. «Мервъ долженъ былъ быть красивымъ городомъ, судя по его развалинамъ, но теперь онъ въ такомъ-же точно положеніи, какъ Хератъ», замѣчаетъ тотъ-же писатель [2]).

При подчиненіи Хивы Надиръ освободилъ много персидскихъ и русскихъ плѣнниковъ, всего до 12,000 человѣкъ (въ крѣпости самой Хивы было найдено таковыхъ 4,000 человѣкъ); имъ были даны лошади, вьючныя животныя, припасы для возвращенія на родину. Русскимъ дано было позволеніе идти, куда имъ угодно; изъ персидскихъ же хорасанскихъ плѣнниковъ часть была возвращена родственникамъ, у кого таковые нашлись; часть же поселена въ мѣстечкѣ «Чешмеи-Халиджанъ», въ четырехъ фарсахахъ разстоянія отъ города Абиверда; къ

[1]) При предпослѣднемъ Сефевидѣ, т. е. Шахъ-Сулейманѣ, въ «украинномъ кызылбашскомъ городѣ *Маврѣ*» прожилъ съ декабря 1672 по мартъ 1673 г. Борисъ Пазухинъ, русскій посолъ къ бухарскому Абд-ал-Азизъ-Хану; начальникъ города Зейнеръ-Ханъ встрѣтилъ его гостепріимно; «постоялый дворъ отведенъ былъ Борису съ товарищи въ узбецкомъ саду». *Д. Кобеко*, Старорусское извѣстіе о Мервѣ, въ Зап. Восточн. Отдѣл. Императорскаго Русскаго Археолог. Общ., III, 115—119. Какое правильное имя кроется въ исковерканномъ «Зейнеръ-Ханѣ», я сказать не могу, такъ какъ во время, близкое къ указаннымъ годамъ, мервскій правитель въ персидскихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не упоминается.

[2]) См. The memoirs of *Khojeh Abdulkurreem*, translated by *Francis Gladwin*, Calcutta, 1788, стр. 51 и сл., 69.

ней было присоединено большинство выведенныхъ изъ Хивы 4,000 хивинцевъ. Новое поселеніе названо было «Хейва-Абадъ» [1]).

Управленіе Хорасаномъ Надиръ вручилъ Насраллахъ-Мирзѣ, но кто при немъ стоялъ во главѣ Мерва, неизвѣстно [2]).

Въ 1742 году въ Мервѣ останавливается съ войскомъ этотъ Насраллахъ-Мирза, посланный Надиромъ для подавленія вспыхнувшаго мятежа въ Хивѣ; и отсюда-же, по принесеніи бунтовщиками повинной, проситъ за нихъ предъ Надиромъ: послѣдній назначилъ въ Харезмъ, по просьбѣ самихъ Узбековъ, Ильбарсова сына, Абу-л-Мухаммеда.

Послѣ 1750 года, когда, со смертію Надира, на одномъ изъ обломковъ его владѣній подняли голову и Афганцы, Мервомъ овладѣлъ афганскій Ахмедъ-Ханъ [3]). Это подчиненіе однако было непрочное, такъ сказать, временное, мимолетное: Мервъ продолжалъ оставаться въ зависимости отъ Персіи, при ставленникѣ которой, ставленникѣ родовомъ, мы и застаемъ городъ черезъ сорокъ лѣтъ въ моментъ его почти послѣдняго существованія. Ударъ былъ нанесенъ Бухарою и мервскій вопросъ былъ, кажется, разрѣшенъ на почвѣ религіозной розни суннитовъ и шіитовъ. Слово о событіяхъ этихъ дней предоставимъ современнику — Абд-ал-Кериму Бухари.

V.

Паденіе Мерва при Шахъ-Мурадѣ Бухарскомъ по свѣдѣніямъ Абд-ал-Керима Бухари и Мухаммедъ-Миръ-Али-Бухари. Эмиръ-Хайдеръ. Описаніе Мерва Габайдулла-Амирова. Перенесеніе Мерва на новыя мѣста.

Въ Бухарѣ въ это время властвовалъ Шахъ-Мурадъ-Би (онъ же Масумъ, Бекджанъ,) сынъ Даніяль-Би, а въ Мервѣ Байрамъ-Али-Ханъ изъ рода Каджаровъ Иззэддинлу [4]), которые, какъ мы видѣли, стали править въ Мервѣ со времени Аббаса I,—мать его была Туркменка изъ племени Салоръ. Байрамъ-Али, при жизни Даніяль-Би, находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; послѣдній въ письмахъ именовалъ его даже «мой сынъ». Узнавъ о

[1]) روضة الصفا, VIII, 230. تاريخ منتظم ناصرى, II, 285 подъ 1153 г. Г. Geschichte des Nadir Schah von *Mirsa Mohammed Mahadi Khan Masanderani* übers. von *Jones* (Greifswald 1773), стр. 337. Названіе мѣста, при которомъ былъ построенъ Хейва-Абадъ, установлено мною по تاريخ نادرى, рук. Унив. № 96, л. 164*b*,— چشمهٔ خليجان, въ переводѣ же *Jones*'а, l. c.,—«Tschescheme Gelengiah».

[2]) تاريخ منتظم ناصرى, II, 287 подъ 1155 годомъ Г. *Jones*, l. c., 356, 357.

[3]) *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس, II, стр. 346.

[4]) Байрамъ-Али-Ханъ былъ поставленъ во главѣ управленія областью съ согласія вельможъ Каджарскаго племени послѣ распаденія Надировой державы. *Мухаммедъ-Садикъ-Мервези*, l. c., л. 84*a*.

смерти Даніяля, Байрамъ-Али оправилъ въ Бухару пословъ съ богатыми подарками и письмомъ соболѣзнованія, а въ Мервѣ велѣлъ читать Коранъ, раздавалъ воду и жизненные припасы за упокой души его. «Это былъ мой отецъ, говорилъ Байрамъ-Али, и старался жить со мною въ мирѣ».

Походъ на Мервъ былъ предметомъ постоянныхъ заботъ Мурадъ-Би и онъ старался отдѣлаться отъ Байрамъ-Али. Наконецъ данъ былъ сигналъ враждебныхъ дѣйствій. Мурадъ приказалъ отряду Туркменовъ съ береговъ Аму и 2,000 узбекскихъ всадниковъ отправиться на грабежъ Мерва. Въ это время Байрамъ-Али управлялъ городомъ уже три года. Количество его всадниковъ достигало 5,000 человѣкъ, да располагалъ онъ еще 3,000—4,000 Туркменовъ-грабителей и разбойниковъ, и съ этими силами билъ и бралъ въ полонъ всѣхъ, кто на него нападалъ, «какъ волкъ, который врывается въ стадо барановъ». На Туркменовъ онъ наводилъ ужасный страхъ и «такого героя среди Персовъ еще не рождалось». Шахъ-Мурадъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ расположился въ Чарджуѣ лагеремъ, чтобы отсюда напасть на Мервъ съ 6,000 всадниковъ.

Одинъ Туркменъ, шпіонъ Байрамъ-Али, отправился въ Мервъ и сообщилъ о прибытіи Шахъ-Мурада въ Чарджуй. Послѣдній однако оставался въ этомъ городѣ только одну ночь: оставивъ тамъ войско, самъ онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, возвратился въ Бухару. Другой лазутчикъ, сопутствовавшій Мураду, доведя его до дворца, поспѣшилъ въ Мервъ и объявилъ, что Шахъ-Мурадъ по недостатку мужества возвратился во свояси. Этотъ лазутчикъ былъ человѣкъ, внушавшій полное довѣріе: Байрамъ-Али, положившись на его слова, почувствовалъ себя спокойнѣе. Между тѣмъ Шахъ-Мурадъ, исполнивъ во дворцѣ у себя публичную вечернюю молитву, возвратился, удваивая переходы, въ Чарджуй, а отсюда послѣ форсированнаго марша ночью появился въ окрестностяхъ Мерва. 4,000 всадниковъ онъ, пользуясь мѣстностью, скрылъ въ засадѣ, а 1,000 пустилъ впередъ на грабежъ.

Вѣсть объ этомъ вторженіи дошла до Байрамъ-Али въ полночь.

Онъ отправился тотчасъ-же. Мать пробовала остановить его, говоря, что она видѣла про него дурной сонъ, что не слѣдуетъ пускаться въ путь ранѣе зари. Байрамъ-Али, не внимая просьбамъ, велѣлъ трубить и во главѣ 150 легковооруженныхъ всадниковъ направился пресѣчь дорогу изъ Бухары,—прочіе его воины пошли по другому направленію.

На разсвѣтѣ Байрамъ-Али натолкнулся на непріятельскихъ мародеровъ: онъ билъ всѣхъ встрѣчавшихся. При этомъ взяли въ плѣнъ зятя Шахъ-Мурада, Кара-Ходжу. Отведенный, по собственной просьбѣ, къ Байрамъ-Али, онъ сказалъ: «Я одна изъ большихъ особъ Бухары, я зять Шахъ-Мурада, вѣрьте моимъ словамъ».—«Что ты имѣешь сказать?» спросилъ Байрамъ-Али.—«Не ходите впередъ; Шахъ-Мурадъ помѣстилъ противъ Васъ въ засаду 6,000 смѣлыхъ всадниковъ, вы же малочисленны; дай Богъ, чтобы вы не погибли. Теперь я плѣнникъ въ вашихъ рукахъ и даю вамъ доказательство добраго расположенія».

Просьбы и мольбы несчастнаго ходжы были оставлены безъ вниманія. «Ты лжешь», сказалъ ему Байрамъ-Али, «Шахъ-Мурадъ совсѣмъ не приходилъ», и ударомъ сабли отрубилъ ходжѣ голову.

Байрамъ-Али пустился преслѣдовать бѣглецовъ; вдругъ съ шести сторонъ появились

всадники и окружили его: самъ онъ былъ сраженъ пулею [1]), 150 всадниковъ его попросили пощады и были взяты въ плѣнъ. Голова Байрамъ-Али была отрублена и отправлена въ Бухару, гдѣ въ теченіе недѣли была выставлена на мѣстѣ казней [2]).

Всѣ окрестности Мерва были опустошены; головы убитыхъ всадниковъ сложены у подножія висѣлицы; трупъ Байрамъ-Али возвращенъ его матери. Взятіе Мервъ Шахиджана произошло въ 1785 году. Былъ заключенъ призрачный миръ и Шахъ-Мурадъ возвратился въ Бухару.

Байрамъ-Али имѣлъ трехъ сыновей: старшій, Мухаммедъ-Хусейнъ, человѣкъ умный и знающій, жилъ въ Мешхедѣ; второй—Мухаммедъ-Керимъ-Ханъ и третій—Мехди-Ханъ находились въ Мервѣ. Отцу наслѣдовалъ Мухаммедъ-Керимъ.

При взятіи Мерва семь знатныхъ жителей были захвачены въ плѣнъ и уведены въ Бухару, гдѣ Шахъ-Мурадъ предложилъ имъ исповѣдывать исламъ по суннитскому толку. Они приняли это предложеніе и настойчиво просили позволенія возвратиться въ Мервъ, чтобы посовѣтовать Мухаммедъ-Керимъ-Хану передать городъ Шахъ-Мураду. «Мы будемъ вамъ покорны, и вы будете смотрѣть на насъ, какъ на своихъ подданныхъ», сказали они. Шахъ-Мурадъ велѣлъ дать этимъ семи вельможамъ, начальникамъ племени, почетныя одежды и отправилъ ихъ въ Мервъ.

По прибытіи они созвали родственниковъ и членовъ племени и сказали: «Мы не можемъ сопротивляться Узбекамъ, лучше намъ подчиниться и избавить семьи наши, дѣтей и страну отъ бѣдствій; у насъ нѣтъ силъ, помощи ждать неоткуда, денегъ тоже нѣтъ совсѣмъ...»

Горожане, казалось, были расположены послѣдовать ихъ словамъ, но они съ такими-же совѣтами обратились къ Мухаммедъ-Керимъ-Хану. Послѣдній посовѣтовался съ везиремъ Мухаммедъ-Кули-Ханомъ. «Эти семь вельможъ, сказалъ везирь, были въ плѣну въ Бухарѣ; опасеніе за жизнь побудило ихъ послѣдовать суннитскому толку, они содѣйствовали интересамъ Шахъ-Мурада и теперь склоняютъ населеніе на дурной путь. Лучше сегодня же отдѣлаться отъ нихъ, чтобы уничтожить всякій поводъ къ смутамъ и безпорядкамъ. Керимъ-Ханъ согласился съ мнѣніемъ Мухаммедъ-Кули-Хана. Однажды приказано было позвать вельможъ, чтобы покончить переговоры; они, не подозрѣвая никакихъ дурныхъ замысловъ, явились въ пріемную залу Керимъ-Хана. Долго говорили; Керимъ-Ханъ подъ какимъ-то предлогомъ удалился; шайка вооруженныхъ кинжалами и саблями людей ворвалась изъ ком-

---

[1]) *Мухаммедъ-Садикъ-Мервези* говоритъ, l. c., л. 84*b*, что *онъ самъ находился въ Мервѣ*, когда былъ убитъ Байрамъ-Али-Ханъ, и свидѣтельствуетъ, что смерть его страшно подѣйствовала на народъ и произвела удручающее впечатлѣніе. Его преемникомъ Каджарскіе вельможи выбрали его сына, Мухаммедъ-Хусейна, а другаго сына, Мехди-Хана, отправили за помощью въ Кабулъ. Ibid., л. 85*a*.

[2]) По источникамъ *Малькольма,* которыхъ онъ къ сожалѣнію не называетъ, Байрамъ-Али убитъ на берегу Аму-Дарьи. Histoire de la Perse, III, 334 *Мирза-Шемсъ-Бухари* увѣряетъ, что Байрамъ-Али по взятіи въ плѣнъ былъ отвезенъ въ Бухару и здѣсь кончилъ жизнь на висѣлицѣ. Это извѣстіе Мирза-Шемсъ подтверждаетъ сочиненною въ Бухарѣ хронограммою: سر غلام برید و بزیر دار نهاد «отрубилъ молодцу голову и положилъ у висѣлицы» (=1200). Ученый переводчикъ Мирза-Шемса, *В. В. Григорьевъ,* переводилъ иначе: «отрубите молодцу голову и пусть она будетъ положена подъ висѣлицу», сопровождая переводъ этотъ невозможнымъ примѣчаніемъ: «نهاد есть старинная форма повелительнаго отъ نهادن». Ученыя Записки Казанс. Универс. за 1861 г., I, 83.

наты, гдѣ она была спрятана, и въ одну минуту перерѣзала семерыхъ вельможъ; дома ихъ были отданы на грабежъ.

По прошествіи нѣкотораго времени населеніе Мерва, утомленное Мухаммедъ-Керимъ-Ханомъ, призвало брата его, жившаго въ Мешхедѣ, Хаджи-Мухаммедъ-Хусейна, который немедленно же явился. Онъ былъ очень огорченъ избіеніемъ «семи» и погубилъ Мухаммедъ-Кули-Хана, по наущенію котораго было совершено это преступленіе. Хаджи-Мухаммедъ снарядилъ посла въ Афганистанъ къ Тимуръ-Шаху просить помощи.

Шахъ-Мурадъ вторично двинулъ на Мервъ войско. Городъ былъ сильно укрѣпленъ и окруженъ глубокимъ рвомъ; овладѣть имъ въ короткое время было трудно. На рѣкѣ была плотина, выстроенная въ старину изъ камня, связаннаго горной смолой и гидравлическою известью. Плотина эта—постройки султана Санджара: её защищаетъ сильная крѣпость, почему овладѣть ею не легко.

Шахъ-Мурадъ, пограбивъ окрестности города, хотѣлъ уже удалиться въ Бухару, какъ начальникъ плотиннаго замка, мстя Хаджи-Мухаммедъ-Хусейну за женщину, отнятую у него силою, послалъ черезъ купцовъ Шахъ-Мураду письмо, въ которомъ предлагалъ ему передать зàмокъ, охранявшій плотину. Новость эта доставила ему большую радость. Въ сопровожденіи 4,000 всадниковъ Мурадъ появился у плотины. Начальникъ вышелъ къ нему навстрѣчу и передалъ крѣпость. Эмиръ приказалъ ломать запруды; въ нѣсколько часовъ плотина была разрушена и Мервъ оказался лишеннымъ воды [1]). Мурадъ приказалъ вывести жившихъ въ крѣпости въ Бухару, а самую крѣпость срылъ. Плотина эта находится въ разстояніи двѣнадцати фарсаховъ отъ Мерва. Недостатокъ воды не позволилъ жителямъ ни обрабатывать, ни засѣвать полей. Наступила засуха, а за нею не замедлилъ появиться и голодъ.

Тимуръ-Шахъ прислалъ для защиты Мерва 5,000 всадниковъ подъ начальствомъ Лешкери-Ханъ-Бердурани; доставлены были также изъ Херата запасы зерномъ. Мѣры эти продлили сопротивленіе, но несчастные горожане всетаки находились въ ужасномъ положеніи.

Пока афганскій военачальникъ находился въ Мервѣ, Мурадъ воздерживался отъ дѣйствій; но скоро между союзниками наступилъ раздоръ. Лешкери-Ханъ, возмущенный грубостью Хаджи-Мухаммедъ-Хусейна, который въ запальчивости убилъ его сына за любовную связь съ его сестрою-вдовою, вывелъ изъ Мерва афганскихъ солдатъ и предложилъ мервцамъ переселиться въ Хератъ: за нимъ ушло болѣе 2,000 семействъ.

Положеніе мервскихъ горожанъ становилось все болѣе тягостнымъ. Хаджи-Мухаммедъ-Хусейнъ, узнавъ, что братъ его Мухаммедъ-Керимъ изъ Мешхеда задумываетъ перебраться въ Бухару, рѣшилъ опередить его. Онъ поспѣшилъ отправить въ Бухару нѣсколько знатныхъ особъ, чтобы просить милости и засвидѣтельствовать покорность. Обрадованный Шахъ-Мурадъ благосклонно принялъ пословъ и одарилъ ихъ подарками. Послы возвратились въ Мервъ и Хаджи-Мухаммедъ-Хусейнъ направился въ Бухару съ блестящими дарами, сопровождаемый именитыми горожанами. Шахъ-Мурадъ выслалъ имъ на два дня пути торжественную встрѣчу

---

[1]) По свѣдѣніямъ *Мухаммедъ-Садика Мервези*, l. c., л. 85*a*, Мурадъ разрушилъ плотину на Мургабѣ уже послѣ прибытія изъ Афганистана помощи; разрушить плотину удалось ему благодаря подкупу охранявшихъ ее.

и съ почетомъ ввелъ въ городъ. Хаджи-Мухаммедъ-Хусейна помѣстили въ Чехарбагѣ; онъ думалъ, что ему будетъ возвращено управленіе Мервомъ, но прошло нѣсколько дней и Шахъ-Мурадъ предложилъ ему и нѣкоторымъ именитымъ мервцамъ вызвать ихъ семьи въ Бухару. Хаджи-Мухаммедъ-Хусейнъ поневолѣ согласился и отписалъ въ Мервъ, чтобы семья его выѣхала, не вселивъ ни въ комъ подозрѣнія.

Въ это время прибылъ изъ Мешхеда въ Бухару Мухаммедъ-Керимъ-Ханъ и былъ принятъ съ почестями.

Шахъ-Мурадъ тайно отправилъ 5,000 всадниковъ, которымъ приказалъ вступать въ Мервъ потысячно, послѣ отъѣзда изъ города семейства Хаджи-Мухаммедъ-Хусейна; имъ же онъ предписалъ выселить изъ города 5,000 семействъ, а также родственниковъ и слугъ Мухаммедъ-Хусейна, Керимъ-Хана и именитыхъ горожанъ. Посланныя войска должны были составить мервскій гарнизонъ; черезъ нѣсколько дней приказано было выселить еще 2,000 семействъ, такъ чтобы всего въ городѣ не оставалось болѣе 2,000—3,000 семей.

Когда посланные съ письмомъ Хаджи-Мухаммедъ-Хусейна прибыли въ Мервъ, въ Бухару отправили семейства Байрамъ-Али-Хана, Хаджи-Хусейнъ-Хана, Мухаммедъ-Керимъ-Хана и Мехди-Хана. Войска вступили въ городъ отрядами въ тысячу человѣкъ безо всякаго сопротивленія. Жители, согласно предписанію, были выселены въ Бухару и въ Мервѣ осталось только 3,000 семей суннитовъ и 2,000 семей шіитовъ.

Общее количество выведенныхъ въ Бухару простирается приблизительно до 17,000 семействъ. Такимъ образомъ Шахъ-Мурадъ сталъ господиномъ мервской провинціи, которая лишилась своего стариннаго благосостоянія. Плотина, которая снабжала городъ и мѣстность водою, была возстановлена. Правителями Мерва Шахъ-Мурадъ назначилъ своихъ братьевъ, Омаръ-Би и Фазиль-Би; они два года мирно управляли, но потомъ, поддавшись внушеніямъ Туркменовъ, возмутились. Шахъ-Мурадъ двинулъ войска, но городомъ овладѣть не могъ; вторично разрушилъ плотину и возвратился въ Бухару.

Омаръ-Би задумалъ вымогать съ жителей деньги и взять къ себѣ на жалованье Туркменовъ. Горожане, провѣдавъ о такомъ намѣреніи, собрались въ количествѣ тысячи человѣкъ и осадили замокъ (цитадель), въ которомъ жили Омаръ-Би и Фазиль-Би, закрывъ предварительно городскія ворота, чтобы не пропустить Туркменовъ; захватили 300 Бухарцевъ, военныхъ и гражданскихъ, судью и завѣдующаго полиціею. Омаръ-Би не могъ сопротивляться; онъ попросилъ пощады и позволенія удалиться съ дѣтьми и Фазиль-Би черезъ ворота цитадели, которыя открывались снаружи города. Жители исполнили его просьбу: Омаръ съ братомъ и и семействомъ отправились черезъ пустыню въ Шахрисабзъ.

Послѣ отъѣзда ихъ, мервскіе горожане снарядили въ Бухару гонца съ письмомъ, въ которомъ извѣщали, что правители ихъ бѣжали.

Въ отвѣтъ на это Мурадъ отправилъ въ Мервъ 5,000 всадниковъ, подъ начальствомъ Мухаммедъ-Эмина Сипехсалара, и городскимъ начальникомъ назначилъ Бедель-Мирзу, а въ слѣдующемъ году замѣнилъ его своимъ сыномъ, Динъ-Насиръ-Бекомъ. Плотина мервская была возстановлена.

Къ переселенцамъ изъ Мерва Шахъ-Мурадъ относился хорошо и къ семейству Байрамъ-

Али-Хана, такъ что они, довольные условіями, перешли въ суннитскій толкъ. Мервцы въ Бухарѣ ввели новые обычаи.

Хаджи-Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ и Керимъ-Ханъ бѣжали въ Персію [1]), но дѣти ихъ и внуки остались въ Бухарѣ [2]).

Другой писатель, мало извѣстный, Мухаммедъ-Миръ-Али-Бухари, авторъ «Исторіи Султанъ-Сейидъ-Эмиръ-Насраллаха», о паденіи Мерва при Шахъ-Мурадѣ разсказываетъ нѣсколько иначе.

Въ Бухару пришло извѣстіе изъ Чарджуя, что управитель Мерва, Байрамъ-Али-Ханъ, съ головорѣзами и негодными Персами приказалъ грабить на дорогѣ мусульманскихъ купцовъ-суннитовъ; много торговаго люда остановилось поэтому въ Чарджуѣ. При одномъ только слухѣ Шахъ-Мурадъ счелъ своимъ священнымъ долгомъ идти на Мервъ войною. Онъ собралъ улемовъ и эмировъ и учинилъ совѣтъ. Мурадъ сказалъ: «что посовѣтуете мнѣ, о улемы и эмиры? Мервскіе Персы ограбили мусульманскихъ купцовъ и отняли у нихъ добро. Что вы посовѣтуете? Если мы въ войнѣ съ ними умремъ, мы мученики за вѣру, если постараемся— бойцы. Я счелъ своимъ долгомъ воевать». Улемы отвѣтили, что они желаютъ сдѣлаться бойцами за вѣру и послѣдуютъ всюду за шахомъ. Приказано было собраться войскамъ; по всѣмъ селеніямъ приказано было глашатаямъ объявить, чтобы выходилъ всякій, желающій борьбы: собралось къ высокому стремени много народа. Двинулись, перешли Аму у Чарджуя и, не останавливаясь, отправились въ Мервъ. Персы, услышавъ о движеніи войска, преградили путь. На утро завязалась битва, въ которой участвовалъ и ободрялъ войска самъ Мурадъ-Би. Байрамъ-Али-Ханъ попался въ руки враговъ; его привели къ Мураду, который пробовалъ убѣдить его сдѣлаться суннитомъ, братомъ его и другомъ. Тотъ отказался; ему отрубили голову и отправили въ Бухару. Потомъ Бухарцы подошли и стали противъ мервскихъ воротъ. Сынъ Байрамъ-Али-Хана, Хаджи-Ханъ, засыпалъ ворота землею и защищалъ пушками замки и стѣну крѣпости [3]). Мурадъ видѣлъ, что взять городъ невозможно; собралъ совѣтъ. Рѣшено было, что успѣхъ возможенъ только тогда, если осушить воду; эмиры посовѣтовали Мураду возвратиться и для окончательныхъ разсчетовъ прійти еще разъ. Мурадъ удалился въ Бухару. При второмъ походѣ онъ направился уже прямо къ плотинѣ на Мургабѣ, и сталъ съ войскомъ противъ охранявшей ее крѣпости. Отдохнувъ три дня, онъ на четвертый велѣлъ открыть пушки; осада продолжалась два—три дня; наконецъ осажденные покинули

---

[1]) Хаджи-Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ скончался въ Тегеранѣ въ 1818 году и погребенъ въ Неджефѣ. Онъ былъ почитаемъ и уважаемъ при дворѣ и имѣлъ титулъ «гордость государства» — فخر الدوله. Памятью о немъ служитъ до сихъ поръ существующее въ Тегеранѣ устроенное имъ и обезпеченное «училище мервское» مدرسهٔ مروى. См. *Ибнъ-Неджефъ-Кули-Абд-ал-Реззакъ*, исторія Фатхъ-Али-Шаха, مآثر سلطانيه, стр. 339. *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, تاريخ منتظم ناصرى, III, 119.

[2]) См. Historie de l'Asie Centrale... par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par *Charles Schefer*, стр. 128—145. Нелишнимъ будетъ отмѣтить, что авторъ (стр. 8, 173) даетъ слѣдующія разстоянія Мерва отъ разныхъ городовъ: отъ—Бухары 50 фарсаховъ;—Херата, Мешхеда, Харезма (Ургенджъ) 60 фарсаховъ;—Бальха 80 фарс.;—Андахуда 40 фарс.

[3]) Авторъ говоритъ, что городскія стѣны были настолько толсты, чтъ по нимъ могла вокругъ города ѣздить колесница عراده.

крѣпость. Туркменамъ приказано было принести 1,000 лопатъ, 1,000 большихъ и 1,000 малыхъ топоровъ; войско со словами: «Господь великъ!» ринулось, стало ломать плотину и выпустило воду. Мѣсяцъ она держалась въ самомъ Мервѣ, но потомъ изсякла; у жителей не хватило силъ сопротивляться и Хаджи-Ханъ сдался. Его со многими другими переселили въ Бухару; въ Мервѣ Мурадъ оставилъ своего брата, Омаръ-Кушбеги, и обѣщалъ, что въ слѣдующій разъ, какъ онъ прійдетъ, починитъ плотину. Отъ Омара скоро одинъ за другимъ стали поступать доклады, что жители Мерва разбѣгаются отъ безводія. Мурадъ появился въ Мервѣ и отсюда пошелъ къ плотинѣ; во всѣ стороны были разосланы оповѣщенія, чтобы собирался народъ и несъ орудія, необходимыя для исправленія. Уровень воды понизили, спустивъ ее въ другомъ мѣстѣ, и плотину запрудили. Въ крѣпости Мурадъ оставилъ своихъ людей и возвратился въ Мервъ; исправивъ въ немъ мечети, училища, назначилъ судью и съ спокойнымъ сердцемъ удалился въ Бухару. Затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, узнавъ, что Омаръ въ Мервѣ непокорствуетъ, онъ двинулся, отнялъ у него городъ и оставилъ тамъ своего сына, Динъ-Ніяза, съ вельможами [1]).

Крутая расправа бухарскаго эмира съ Мервомъ произвела не особенно хорошее впечатлѣніе на персидскаго шаха Ага-Мухаммеда, династіи Каджарской, и служила косвенною причиною появленія его въ Хорасанѣ съ войскомъ въ 1795 году. Находясь въ Мешхедѣ, онъ отправилъ Шахъ-Мураду письмо, въ которомъ замѣчалъ, что «нѣтъ нужды излагать старыя исторіи сефевидскихъ государей, начиная съ Исмаилъ-Шаха и современниковъ Мухаммедъ-Хана Шейбани и другихъ до Надиръ-Шаха Афшарскаго и Абуль-Хейра Узбека: мы знаемъ, да и вы также знаете, что̀ случилось; всѣмъ извѣстно, что Мервъ Шахиджанъ, Бальхъ, Кабулъ, Кандахаръ и Сеистанъ составляли часть владѣній иранскихъ падишаховъ: что̀ вамъ теперь приключилось, что вы овладѣли Бальхомъ и Мервомъ и простерли руку на убіеніе Байрамъ-Али-Хана, родомъ Иззэддинлу нашего высокаго каджарскаго племени? Возобновленіе старинной вражды Ирана и Турана не доставитъ вамъ никакой пользы. Результаты временъ Тура и Пешенга, Афрасіяба и Кейхосрова извѣстны и о нихъ слышали. Играть съ хвостомъ льва не дѣло мудрыхъ людей, и щекотать ухо тигра—не въ правилахъ умныхъ и разсудочныхъ.... Міръ весь происходитъ отъ Адама и Евы, и если роду туранскихъ государей прилично хвастаться славою и свойственно гордиться величіемъ, то вѣдь и наша вѣтвь отъ того-же самаго корня: родъ Каджаръ-Нойона не ниже Манкыта, — племя наше славное и достойное даже выше Салдуса, Джелаира и Узбека. Слѣдуетъ воздать хвалу Господу мірохранителю, что владѣнія Турана и Ирана, Византіи и Россіи, Чина и Мачина Хатая, Хотана и Индостана онъ даровалъ великимъ домамъ турецкимъ. Поэтому лучше, чтобы каждый довольствовался своими владѣніями, не ставилъ ногъ за назначенныя границы, возвратился бы къ своему наслѣдственному тронному мѣсту и «училищу» [2]) и не изощрялся бы въ недружелюбіи и безмѣрныхъ притязаніяхъ; тогда и мы въ свою очередь удовольствуемся старинными предѣлами и границами Ирана и не пойдемъ за черту Оксуса....»

[1]) См. рукопись Императорской Публичной Библіотеки № 81 коллекціи Ханыкова, تاريخ سلطان سيد امير نصرالله, листы 13*а*,—21*б*, 31*а*. На первой страницѣ рукопись эта названа «Султанской исторіей» تاريخ سلطانى.

[2]) Намекъ на святошество Шахъ-Мурада и его особенное расположеніе къ мулламъ.

Когда Шахъ Мурадъ получилъ это удручающее письмо, онъ позвалъ къ себѣ Мухаммедъ-Хусейнъ-Хана, сына Байрамъ-Али-Хана, посовѣтовалъ ему быть покорнымъ шаху персидскому, а самъ въ страхѣ, съ трепетомъ сердца, удалился въ Бухару [1]).

Такъ говоритъ одинъ персидскій лѣтописецъ; другой же прибавляетъ [2]), что Ага-Мухаммедъ-Шахъ предложилъ или возвратить всѣхъ мервскихъ плѣнниковъ, или готовиться къ войнѣ; Мурадъ предпочелъ послѣднее, но дѣла съ русскими отвлекли персидскаго государя изъ Хорасана въ Адербайджанъ [3]), и угроза, кажется, осталась только угрозою; другихъ мѣръ принято не было: во главѣ управленія «всѣмъ» Хорасаномъ былъ поставленъ Мухаммедъ-Вели-Мирза съ 10,000 всадниковъ [4]), но о Мервѣ въ частности никакихъ свѣдѣній нѣтъ,—онъ продолжалъ оставаться въ рукахъ Бухарцевъ.

Послѣ смерти Мурада въ 1799 году ему наслѣдовалъ сынъ его, Эмиръ-Хайдеръ, который изъ подозрѣнія вырѣзалъ самымъ безжалостнымъ образомъ около тринадцати человѣкъ сыновей и родственниковъ Байрамъ-Али-Хана [5]).

Подозрѣніе распространилъ онъ и на брата своего Динъ-Насиръ-Бека (Насир-ал-Динъ-Турэ у персидскихъ историковъ), котораго вызвалъ въ Бухару изъ Мерва и на первыхъ порахъ обласкалъ его и съ почетомъ вновь водворилъ въ управляемомъ имъ городѣ. Дальнѣйшія приглашенія Динъ-Насиръ отклонялъ и, изъ страха предъ братомъ, завелъ сношенія съ персидскимъ правительствомъ [6]). Въ 1804 году онъ черезъ посредство хорасанскаго правителя обратился за помощью къ Фатхъ-Али-Шаху, который отнесся къ нему чрезвычайно милостиво: назвалъ его своимъ сыномъ, послалъ ему въ подарокъ драгоцѣнный вѣнецъ, а Мухаммедъ-Вели-Мирзѣ приказалъ оказать ему поддержку [7]). Черезъ три года Динъ-Насиръ-Бекъ съ семействомъ и 1,000 домовъ Мервцевъ окончательно переселился въ Персію. Эмиръ-Хайдеръ косо смотрѣлъ на связи брата съ Персіею и, двинувъ противъ него войска, разрушилъ плотину на Мургабѣ, вслѣдствіе чего жизнь въ Мервѣ сдѣлалась до крайности тяжелой. Динъ-Насиръ неоднократно сообщалъ объ этомъ Мухаммедъ-Вели-Мирзѣ; наконецъ по приказу Фатхъ-Али-Шаха въ Мервъ былъ отправленъ Мухаммедъ-Ханъ, хорасанскій «наибъ», который и доставилъ въ Мешхедъ Динъ-Насира со сказанными выходцами; ему назначена была приличествующая его положенію пенсія, титулъ «Эмиръ-Динъ-Насиръ-Мирза», и онъ долгое время жилъ въ Мешхедѣ; въ 1829 году отправился путешествовать въ Константинополь, оттуда въ Россію, гдѣ и

---

[1]) روضة الصفا, IX, 116.

[2]) تاريخ منتظم ناصرى, III, 61. Ср. также *Malcolm*, Histoire de la Perse, III, 418, по которому письмо Ага-Мухаммедъ-Хана было адресовано въ Бухару на имя Абуль-Гази-Хана, а отвѣтилъ на него циркулярнымъ письмомъ къ хорасанскимъ начальникамъ Мурадъ, называя шаха «оскопленнымъ ханомъ», или «скопцомъ-ханомъ» — آخته خان. По свидѣтельству *Мухаммедъ-Садика Мервези*, l. c., л. 85*a*, Мухаммедъ-Шахъ въ письмѣ къ Мураду требовалъ не только возврата плѣнниковъ, но и починки разрушенной имъ мургабской плотины.

[3]) Русскіе вступили тогда въ предѣлы Персіи подъ начальствомъ гр. Зубова.

[4]) روضة الصفا, IX, 117. تاريخ منتظم ناصرى, III, 61.

[5]) *Mir Abdoul Kerim Boukhary*, p. 157.

[6]) Ibid., p. 158.

[7]) مآثر سلطانيه, стр. 121. روضة الصفا, IX, 166. تاريخ منتظم ناصرى, III, 82.

скончался [1]). О походѣ Эмиръ-Хайдера на Мервъ и положеніи послѣдняго говоритъ и Бар. Мейендорфъ, бывшій въ Бухарѣ при посольствѣ Негри въ 1820 году, слѣдующее [2]): «... Сынъ Мурада, Эмиръ-Хайдеръ, основательно опасаясь вліянія, какимъ пользовался въ Мервѣ братъ его, Насиръ-Бекъ, губернаторъ этого города, повелѣлъ переселить всѣхъ жителей его, въ числѣ 25,000, въ Бухару [3]). Насиръ-Бекъ бѣжалъ въ Мешхедъ въ Персію, а Мервъ превратился въ пустыню. Ханъ Эмиръ-Хайдеръ содержитъ въ Мервѣ гарнизонъ отъ 400 до 500 человѣкъ, который смѣняется три раза въ годъ. На Мервъ смотрятъ какъ на мѣсто ссылки, такъ какъ туда отправляютъ преступниковъ, которыхъ не хотятъ наказывать смертною казнью; городъ этотъ, не считая гарнизона, имѣетъ 500 жителей; окрестности снова начинаютъ воздѣлываться. Къ городу проведено только небольшое количество оросительныхъ каналовъ изъ Мургаба, рѣки протекающей въ двадцати верстахъ отъ Мерва и теряющейся, вѣроятно, въ пескахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ него. Не желая допустить Мервъ къ новому заселенію, дабы жители его, пользуясь изолированнымъ положеніемъ, не могли вернуть свою независимость, ханъ бухарскій не позволяетъ туда проводить много каналовъ воды» [4]).

Въ «Запискахъ Мирзы Шемса Бухари» отношенія Миръ-Хайдера и Динъ-Насиръ-Бека изложены такъ. По воцареніи Миръ-Хайдеръ повелъ бесѣду съ Хакимомъ-Кушбиги: «...желанія мои удовлетворены, но остается еще нѣчто, а именно то, что братья мои Динъ-Насиръ-Бикъ и Миръ-Хусейнъ-Бикъ сидятъ одинъ въ Мервѣ, другой въ Самаркандѣ. Въ настоящее время, конечно, кольцо покорности въ ушахъ у нихъ держится крѣпко, и ни тотъ ни другой изъ повиновенія мнѣ не выходятъ; да можетъ прійти пора, когда возстанутъ они на меня. Не худо подумать объ отвращеніи этого заранѣе... Пошлю-ка къ народу и служилымъ людямъ Мерва и Самарканда граматы такого содержанія, чтобы они, схвативъ Динъ-Насиръ-Бика и Хусейнъ-Бика, представили ихъ ко мнѣ, и что за это награжу я ихъ царскою милостію моею такъ, что вѣкъ свой будутъ дивиться и благодарить, а если не исполнятъ этой воли моей, такъ пойду на нихъ со многимъ войскомъ, города ихъ поберу и съ землею сравняю, имущество отдамъ на разграбленіе, жителей, мужчинъ и женщинъ, перерѣжу. Хакимъ-Кушбиги изготовилъ граматы такого содержанія, и отправилъ по назначенію... Жители Мерва, по полученіи письма, сами принесли его къ Динъ-Насиръ-Бику,—ради того, что заботливъ онъ былъ о народѣ и добръ до служилыхъ людей, — говоря: «всѣ мы жизнью и имуществомъ своимъ

---

[1]) روضة الصفا, IX, 184. تاريخ منتظم ناصرى, III, 91.

[2]) *Baron de Meyendorff*, Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820, стр. 155.

[3]) *Ханыковъ,* Описаніе Бухарскаго ханства (1843), стр. 70, 71, говоритъ о переселеніи изъ Мерва только 4,000 семействъ при Эмиръ-Сеидѣ (Хайдерѣ) въ окрестности Самарканда: эмиръ этимъ хотѣлъ обезопасить и ослабить городъ, стоящій такъ далеко отъ центра ханства. Всѣ переселенцы сдѣлались суннитами, но въ душѣ «шіи», ненавидятъ бухарцевъ и всегда рады будутъ какому нибудь политическому перевороту, могущему подавить власть Узбековъ. Отъ нихъ идетъ персидское племя въ Бухарѣ.

[4]) Кажется, на трудѣ *Бар. Мейендорфа* основаны отчасти свѣдѣнія о Мервѣ, помѣщенныя въ «Новѣйшемъ описаніи Великой Бухаріи» (Азіятскій Вѣстникъ, Апрѣль, 1825, стр. 240). «Марвъ, укрѣпленный городъ. Въ немъ два градоначальника и до 1,000 гарнизона, коего половина чрезъ каждые три мѣсяца смѣняется изъ Бухаріи. Земля здѣсь, по недостатку воды, вовсе безплодна. Сказываютъ, будто бы Ханъ не позволяетъ провести туда воду для того чтобы жители, пришедъ въ лучшее состояніе, не сдѣлались непокорными. Жители онаго суть Таджики, которые переведены сюда изъ Бухаріи за 25 лѣтъ предъ симъ, по взятіи его у Персіянъ, на мѣсто природныхъ жителей, переселенныхъ въ Бухарію. Изъ двухъ градоначальниковъ одинъ Узбекъ, а другой Калмыкъ. Они получаютъ жалованья чрезъ каждые три мѣсяца по 1,000 бухарскихъ червонцевъ (т. е. около 15,000 руб. асс.)».

*

готовы жертвовать за нашего царевича; что ни прикажетъ онъ, все съ радостью исполнимъ». Обнадеженный выказанною жителями преданностью, Динъ-Насиръ-Бикъ написалъ и послалъ къ Миръ-Хайдеру такое письмо: «По кончинѣ родителя нашего, области ему принадлежавшія слѣдовало бы, какъ общее наслѣдіе, раздѣлить между братьями поровну; вмѣсто того вы все захватили себѣ. Осталась въ рукахъ моихъ землица, и ту хотите вы отнять; но люди сами своими же руками не отдаютъ своего достоянія, а отстаиваютъ его не жалѣя головы». Отдавая Мервъ въ управленіе Динъ-Насиръ-Беку, эмиръ Шахъ-Мурадъ оставилъ ему до десяти тысячъ человѣкъ добраго войска изъ бековъ и бекзадэ бухарскихъ: послѣдствіемъ было то, что изъ одной семьи отецъ былъ въ Бухарѣ, а сынъ въ Мервѣ, изъ другой отецъ жилъ въ Мервѣ, а сынъ въ Бухарѣ. Прочитавъ письмо Динъ-Насиръ-Бика, Миръ-Хайдеръ распалился гнѣвомъ, собралъ многочисленное войско и пошелъ на Мервъ. Съ немалою силою тоже вышелъ на встрѣчу и Динъ-Насиръ-Бикъ. Дней двадцать происходили между ними кровопролитныя сшибки, много головъ пало съ обѣихъ сторонъ и Миръ-Хайдеръ долженъ былъ возвратиться безуспѣшно въ Бухару. Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно два-три раза ходилъ войною на Мервъ и, побившись съ Динъ-Насиръ-Бикомъ, опять удалялся въ Бухару. По истеченіи трехъ лѣтъ предпринялъ новый походъ, но послѣ нѣсколькихъ сшибокъ съ мервскимъ войскомъ, прибѣгнулъ къ хитрости: притворился разбитымъ и показалъ тылъ непріятелю. Войско Динъ-Насиръ-Бика пустилось преслѣдовать бѣгущихъ; но на пути между Мервомъ и Чегарджуемъ эмиръ остановился, окружилъ преслѣдовавшій его отрядъ въ 5,000—6,000 человѣкъ, истребилъ его и, велѣвъ отрѣзать головы всѣмъ убитымъ, сложилъ изъ нихъ пирамиду невдалекѣ отъ Чегарджуя: мѣсто это и теперь извѣстно подъ именемъ «Келлэ - Менарэ» (пирамида изъ череповъ). Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Мервъ до Динъ-Насиръ-Бика, онъ посадилъ на аргамаковъ двухъ женъ своихъ, двухъ-трехъ малолѣтнихъ дѣтей, и, взявъ съ собою человѣкъ пятьдесятъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ людей, поскакалъ во весь духъ къ Мешхеду, куда и добрался въ шесть дней Миръ-Хайдеръ, получивъ въ Чегарджуѣ извѣстіе о бѣгствѣ Динъ-Насиръ-Бика, вернулся къ Мерву и вступилъ въ оный безпрепятственно. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько дней, правителемъ города поставилъ военачальника Елкапъ - бія, значительную часть жителей выселилъ, затѣмъ возвратился съ торжествомъ побѣдителя въ Бухару» [1]).

Въ первый годъ воцаренія Эмиръ-Хайдера черезъ Мервъ проѣзжалъ Габайдулла-Амировъ, оставившій между прочимъ и о немъ любопытныя замѣтки [2]). «Перешедъ границу Бухаріи, Амировъ рѣшился отправиться въ Персидской городъ *Мавру* [3]), въ древности называемой *Шаги-джаганъ*, до котораго отъ Чарчжюя считаютъ обыкновенною верховою ѣздою 9 и 10 сутокъ, или до 400 верстъ. На песчаномъ пути, ведущемъ къ сему городу, встрѣчаются только два колодезя; въ 5 верстахъ отъ Мавры песокъ оканчивается и на черной плодородной землѣ растутъ деревья, годныя для строеній. Вокругъ же самаго города находятся многіе хорошіе

---

[1]) *В. В. Григорьевъ,* О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы Шемса Бухари (Въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета за 1861 годъ, кн. I и II), I, 8—11.

[2]) См. «Странствованіе Габайдулла Амирова по Азіи», въ Азіятскомъ Вѣстникѣ, Январь, 1825, стр. 27—31.

[3]) Въ примѣчаніи, принадлежащемъ издателю «Странствованія», Г. С. (Григорію Спасскому), сказано что... «нынѣ, по причинѣ претерпѣнныхъ имъ различныхъ переворотовъ, имѣетъ жителей не болѣе 3,000 человѣкъ».

сады, орошаемые водопроводами, прорытыми изъ рѣки *Бянди-Султанъ*. Городъ сей обведенъ стѣною, глиняною, или изъ необожженаго кирпича, имѣющею вышины примѣрно 4 сажени, толщины 4 аршина, а въ окружности до 6 верстъ, и трои ворота. Въ кремлѣ, а по названію жителей *Арысъ*, существуетъ дворецъ Хана, по имени *Байрамъ-Алія*. Жители Мавры суть Персіяне; они очень ласковы, обходительны, гостепріимны и справедливы; росту высокаго, крѣпки и небезобразны. Одѣваются чисто: платье носятъ изъ тонкихъ суконъ и шелковыхъ тканей, дѣлаемыхъ на лучшихъ Персидскихъ и Индѣйскихъ фабрикахъ. Пищу употребляютъ почти ту-же самую, какъ и вообще Магометане, приправляя оную для лучшаго вкуса различною зеленью и душистыми пряными кореньями. Они живутъ въ глиняныхъ мазанкахъ. Для ѣзды употребляютъ, какъ и Бухарцы, верблюдовъ, ишаковъ и частію лошадей, запрягая ихъ въ одноколки. Щеголяютъ аргамаками.

Сюда пріѣзжаютъ для торговли Индѣйцы, Персіяне, Бухарцы и Хивинцы. Она производится безъ малѣйшаго притѣсненія; товары, кромѣ обыкновенныхъ Азіятскихъ, доходятъ сюда частію и Россійскіе. Важнѣйшій и достойный замѣчанія предметъ торговли составляютъ драгоцѣнные камни, привозимые изъ стариннаго персидскаго города *Машада*... Торгуютъ въ Маврѣ въ трехъ караванъ-сараяхъ, построенныхъ изъ кирпича. Пошлина берется такъ называемая *сорока-властительная* по $2^{1}/_{2}$ копѣйки съ рубля. Сей городъ тому назадъ 15 лѣтъ завоеванъ Бухарцами. Ханъ-Байрямъ-Алій убитъ, а на мѣсто его вступилъ братъ Хана Бухарскаго Мирхайдара. Здѣсь въ обращеніи серебряная монета, называемая рупея.

Проживши въ Маврѣ нѣсколько времени, отправился онъ въ верхъ по водопроводамъ, къ рѣкѣ Бянди Султанъ. Рѣка сія прежде имѣла теченіе низкимъ мѣстомъ, въ крутыхъ однакоже берегахъ; но при построеніи города Мавры, находящагося отъ оной въ отдаленности, по многотрудной работѣ, въ 50 отъ него верстахъ была запружена, раздѣлена по полямъ на многіе каналы и проведена чрезъ гору въ самой городъ; а чтобы скопленная вода не была съ непріятельской стороны, то сдѣланная плотина была разрушена [1]). При всемъ томъ Бухарцамъ удалось однажды, посредствомъ остановленія воды, овладѣть симъ городомъ. Съ того времени на сказанной горѣ выстроена крѣпость, охраняемая 500 человѣками войска.

Обозрѣвъ рѣку Бянди-Султанъ, Амировъ шелъ 20 дней по берегамъ оной и ручьямъ, мѣстами открытыми. По обѣимъ сторонамъ сей рѣки кочуютъ Трухменцы и Аймакцы; наконецъ прибылъ онъ въ городъ *Гиратъ*...».

Такимъ образомъ Эмиръ-Хайдеръ въ значительной степени способствовалъ запустѣнію Мерва, который изъ города превратился въ простой незначительный пунктъ съ населеніемъ въ 1,000 человѣкъ, половина которыхъ была гарнизономъ; послѣднее разрушеніе мургабской плотины, о которомъ говорятъ только персидскіе лѣтописцы, безъ сомнѣнія увеличивало обезлюдѣніе стараго

[1]) Признаюсь, слова Амирова въ изложеніи Азіятскаго Вѣстника совсѣмъ непонятны. Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ свѣдѣнія Амирова напечатаны были изъ записокъ *Генса* въ приложеніяхъ къ статьѣ *П. И. Небольсина*, Очерки торговли Россіи въ Средней Азіи (въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. X, (1855). Здѣсь, на стр. 356, непонятный оборотъ Амирова переданъ такъ:... «а чтобы плотина рѣки не была съ непріятельской стороны разрушена, то здѣсь на горѣ выстроена крѣпость, въ которой находится 500 челов. войска». Ibid., стр. 355, находящійся внутри города Мерва кремль названъ правильно «Аркъ», а не «Арысъ», какъ въ Азіятскомъ Вѣстникѣ. Въ тѣхъ же приложеніяхъ, въ «трактѣ изъ Россіи чрезъ Бухарію до Калькутты», стр. 371, разстояніе «Бянди-Султанъ» отъ «Мавры» опредѣлено въ 40 верстъ, или 1 день.

города и вызывало къ дѣятельности, жизни и заселенію новыя мѣста, такъ какъ воды Мургаба, лишенныя преграды, должны были уклониться отъ мѣста плотины только на западъ,—гдѣ и слѣдуетъ искать впослѣдствіи «мервскія» поселенія и къ нимъ относить послѣдующія историческія событія.

Этотъ вопросъ о перенесеніи Мерва со старыхъ мѣстъ на новыя въ точности разрѣшенъ быть не можетъ, по извѣстнымъ мнѣ матеріаламъ: это должно было произойти между 1820—1840 гг. и выясняется изъ сопоставленія показаній различныхъ европейскихъ путешественниковъ.

Если за время Фрезера (1821 г.) и Бёрнса (1832 г.) мы можемъ только догадываться о такомъ перемѣщеніи, то Абботтъ (1840 г.) говоритъ уже о Мервѣ на берегу Мургаба въ отдаленіи отъ стараго города совершенно опредѣленно: мѣсто, которое называлось Мервомъ, лежало на берегу Мургаба и состояло изъ сотни кибитокъ; только пройдя черезъ мургабскій каналъ Абботтъ увидѣлъ на восточномъ горизонтѣ развалины стараго города. Этотъ Мервъ времени Абботта приходится какъ разъ на *мѣстахъ* нынѣшняго Новаго Мерва.

На основаніи сказаннаго, я рѣшаюсь упомянутыя событія въ Мервѣ при Эмиръ-Хайдерѣ относить къ самому послѣднему моменту существованія «Стараго Мерва» и ими заключить предлагаемый историческій очеркъ.

Дѣлаю это безъ всякаго опасенія нарушить желаемую полноту его: если въ вопросѣ о времени перенесенія Мерва на новое мѣсто въ дѣйствительности окажется неточность въ нѣсколько лѣтъ, то существеннаго значенія для нашей цѣли она имѣть не можетъ: мы видѣли, что съ конца прошлаго столѣтія въ Мервѣ все настойчиво направлено только къ разрушенію,—созидательной дѣятельности не было, а стало быть и памятниковъ какихъ-либо, до нынѣ уцѣлѣвшихъ, въ то время появиться не могло.

Оставляя *городъ* Старый Мервъ съ его исторіей, переходимъ къ его *развалинамъ*.

РАЗВАЛИНЫ СТАРАГО МЕРВА.

I.

Историческій обзоръ развалинъ до 1890 года на основаніи Фрезера (1821 г.), Бёрнса (1832 г.), Абботта (1840 г.), Конолли (1840 г.), Вольфа (1831 и 1844 гг.), карты персидскаго инженера (пятидесятыхъ годовъ), О'Донована (1879—1881 гг.) и А. В. Комарова (1888 г.).

Прежде чѣмъ повести рѣчь о развалинахъ Стараго Мерва, каковыми я ихъ нашелъ лѣтомъ 1890 года, считаю необходимымъ сдѣлать историческій обзоръ ихъ, воспользовавшись, хотя и скудными, свѣдѣніями у различныхъ, большею частію европейскихъ, путешественниковъ; почти всѣ они проѣзжали, случайно или нарочно, черезъ эти развалины съ цѣлями политическими, топографическою стороною дѣла занимались мало, и никто изъ нихъ не интересовался дѣйствительною исторіей, а тѣмъ болѣе археологіей Мерва,—вотъ почему въ описаніяхъ ихъ путешествій, иногда чрезвычайне важныхъ и любопытныхъ, замѣтки археологическаго, такъ сказать, характера—вещь просто случайная.

Фрезеръ (1821 г.) самъ въ Мервѣ не былъ и писалъ о немъ по разспросамъ,—со словъ почтеннаго муллы, уроженца этого мѣста, жившаго тамъ принца и различныхъ купцовъ и путешественниковъ, проѣзжавшихъ черезъ его развалины. По этимъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, Мервъ находится въ 60 фарсахахъ разстоянія отъ большихъ рынковъ—Хивы или Ургенджа, Бухары, Бальха, Херата и Мешхеда. Особенное плодородіе, благодаря поливной системѣ изъ Мургаба, шло на 12—14 миль въ окружности. Изъ зданій осталась большая красивая мечеть съ медресе, построенная Тимуръ-Шахомъ, мавзолей султана Санджара, прекрасный арсеналъ, — все изъ жженаго кирпича; красивый сводчатый базаръ и гробница славнаго богатыря, который бросалъ вѣсъ въ 40 меновъ (около 6—7 пудовъ) за 10 или 12 фарсаховъ. Относительно могилы Альпъ-Арслана съ извѣстной надписью на надгробной плитѣ [1]), о которой разспрашивалъ Фрезеръ, никто не могъ дать никакихъ указаній [2]).

Замѣтимъ, что на картѣ, приложенной къ труду Фрезера, Мервъ, или Меру-Шахджеханъ, обозначенъ на лѣвомъ берегу Мургаба, а въ 15 англійскихъ миляхъ отъ него (около 23 верстъ)—Гяуръ-Кала (*Gubr-Kila*) по дорогѣ — Мервъ, Репетекъ (*Rufa-Tuk*), Келте-Мунаръ (*Kulta-*

---

[1]) См. выше, стр. 27, 28.

[2]) *Fraser*, Narrative of a journey into Khorasan, in the years 1821 and 1822. Appendix, 55. Тамъ-же, стр. 120, помѣщенъ путь одного мервскаго купца изъ Херата въ Бухару; въ числѣ остановокъ Мервъ не названъ, но указанъ въ 15 фарсахахъ отъ Херата Чарбагъ, среди пустыни, съ каменнымъ каравансераемъ,—имя, съ которымъ мы встрѣтимся ниже.

Moonar), Чарджуй. Гяуръ-Кала, какъ увидимъ ниже, — названіе одного изъ старомервскихъ городищъ [1]).

Лѣтъ черезъ десять позлѣ Фрезера мѣстность Мерва посѣтилъ капитанъ остъ-индской службы, Александръ Бёрнсъ. По его словамъ, путешественникъ можетъ съ развалинъ мервскаго замка обозрѣвать окружность въ 30 миль, покрытую покинутыми деревнями и разрушенными валами. Здѣсь ему показывали мѣстные жители на «мерви-меканъ», какъ на городъ, построенный Греками. Въ мервскія развалины Бёрнсъ вступилъ, направляясь изъ Бухары, между стоянками Учъ-Куй и Ходжа-Абдулла. Выйдя изъ Учъ-Куй около полудня, путешественники въ пору захожденія солнца увидѣли себя между развалинами укрѣпленій и деревень, теперь совершенно покинутыхъ: развалины эти стояли группами на обширной равнинѣ и служили памятниками дѣятельности и древняго образованія жителей знаменитаго царства Мерва. Сдѣлавъ еще одинъ переходъ по равнинѣ, усѣянной развалинами, достигли около девяти часовъ слѣдующаго утра обширнаго туркменскаго стана-*оба*, недалеко отъ береговъ Мургаба. Мѣсто это называлось Ходжа - Абдулла [2]). Пройдя миль 12 по теченію Мургаба, Бёрнсъ переправился черсзъ рѣку у Алиша. Такъ какъ это было въ окрестностяхъ Мерва, то многіе подъѣзжали къ рѣкѣ и говорили, что они видятъ возвышенный холмъ, на которомъ стоитъ разрушенный мервскій замокъ, но Бёрнсъ тщетно искалъ его глазами. Тутъ ему разсказывали о геройскихъ подвигахъ какого то Байрамъ-Хана и его семисотеннаго отряда отборныхъ воиновъ, затворившихся въ Мервѣ и храбро отражавшихъ оружіе бухарскихъ Узбековъ, пока Шахъ-Мурадъ не одолѣлъ ихъ. Бёрнсъ слышалъ, что Мургабъ выше города Мерва былъ запруженъ плотиною, что давало возможность отводить большую часть его водъ для орошенія округа. Лѣтъ сорокъ пять тому назадъ плотина разрушена Шахъ-Мурадомъ и орошаетъ теперь только мѣста, прилежащія къ рѣкѣ. Туркмены постоянныхъ поселеній не имѣютъ, землю воздѣлываютъ при помощи искусственнаго орошенія... [3]).

Какъ легко можно усмотрѣть, показанія Бёрнса довольно общаго характера, а свѣдѣнія, собранныя имъ на мѣстѣ, не отличаются особенною свѣжестью: окончательное разрушеніе мургабской плотины и связанное съ нимъ паденіе Мерва онъ приписываетъ Шахъ-Мураду и ничего не знаетъ о пагубной дѣятельности Эмиръ-Хайдера. Что касается «возвышеннаго холма, на которомъ стоитъ разрушенный мервскій замокъ», то къ *старому* Мерву онъ никакого отношенія не имѣетъ, и его слѣдуетъ искать между нынѣшнимъ Мервомъ, ранѣе Коушутъ-Ханъ-

[1]) Судя по этой картѣ, «Меру-Шахджеханъ» долженъ быть *новымъ* Мервомъ.

[2]) На другой сторонѣ рѣки Мургаба, которую переходили въ бродъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ это время былъ расположенъ станъ хивинскаго хана, Аллахъ-Кули, который ежегодно съ 8—9,000 человѣкъ уходилъ въ Персію, грабилъ пограничныхъ беззащитныхъ поселянъ и уводилъ ихъ невольниками въ Хиву; вторженія эти носили характеръ священной войны ревностнаго суннита противъ шіитовъ. Лѣтомъ 1832 года онъ двинулся на Мервъ, наложилъ на туркменское племя Теке контрибуцію, въ Мервѣ и Сарахсѣ учредилъ таможни для взиманія пошлинъ съ каравановъ. Этотъ походъ былъ чрезвычайно труденъ: отъ Хивы до Мерва считается 15 переходовъ; при каждомъ привалѣ рыли колодцы, шли верблюды съ водою и припасами,—ихъ погибло 2,000 головъ. См. *A. Burnes*, Travels into Bokhara, London 1844, II, 24, 385 и русскій переводъ *Борнсъ*, «Путешествіе въ Бухару», Москва 1849 — 1850, III, 36, 501; также путешествіе въ Хиву *Базинера* въ *Baer* und *Helmersen*, Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches, XV, 254.

[3]) *A. Burnes*, Travels into Bokhara, II, 23, 24, 35, 37, 258—260; въ русскомъ переводѣ, III, 34, 35, 50, 51, 53, 356—358. Срав. также статью «Ibn Haukul's account of Khorasan» въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, XXIII (1853), стр. 172.

Кала, и Порсу-Калой: старый Мервъ остался у Бёрнса влѣво, судя по пути, отмѣченному на его картѣ.

Болѣе частныя свѣдѣнія мы находимъ у Абботта (James Abbott), который въ качествѣ англійскаго посланника ѣхалъ изъ Херата въ Хиву для освобожденія русскихъ плѣнныхъ и посѣтилъ Мервъ въ 1840 году. Современный ему Мервъ состоялъ изъ тысячи жалкихъ, низкихъ лачугъ на Мургабѣ, гдѣ содержался базаръ. Черная палатка Халифэ (Абд-ал-Рахмана) стояла на берегу малаго канала, который былъ отведенъ изъ главнаго. Мервскій правитель со стороны Хивы, владѣнія которой на югъ въ это время доходили до Калаи-Мовръ, жилъ въ глиняной крѣпости, въ черной палаткѣ, которая стояла въ огорожѣ. Его звали Ніязъ-Мухаммедъ-Бай [1]). Старый Мервъ расположенъ въ двадцати миляхъ отъ новаго и былъ построенъ огнепоклонниками, отъ которыхъ осталась крѣпость, называемая Калаи-Гебръ [2]). Покинувъ «новый» Мервъ и перейдя сырой Мургабскій каналъ въ направленіи ВСВ, Абботтъ увидѣлъ на восточномъ горизонтѣ развалины стараго города, среди которыхъ особенно выдавались мечеть и валы. Ему говорили, что городъ сталъ менѣе Херата, т. е. что окружность его не превышаетъ четырехъ миль,—это могло относиться только къ городу за послѣднее время его существованія: окружность всей площади развалинъ Абботтъ считаетъ въ восемь разъ больше, изъ чего не слѣдуетъ однако, по его мнѣнію, заключать, чтобы пространство это заселено было и застроено въ одно время все сплошь. На сѣверъ отъ стараго города, ему говорили, существуетъ могила героя Альпъ-Арслана. За послѣднія 60 лѣтъ безпорядковъ и анархіи старая мургабская плотина снесена, почему старый городъ сталъ необитаемъ; не помогла возрожденію его и хивинская поправка плотины, которая вновь стала дѣйствовать: только въ ближайшихъ къ ней мѣстахъ Туркмены занимаются посѣвами хлѣба и овощей и вывозятъ ихъ на югъ, къ Кушку: по крайней мѣрѣ Абботтъ у Калаи-Мовръ встрѣтилъ 6—7 каравановъ съ зерномъ. Мервскіе доходы путешественникъ исчисляетъ въ 21,000 фунт. стерлинговъ, а мервскую равнину опредѣляетъ въ 60×40 миль или 2,400 квадр. миль [3]).

Неизвѣстному автору статьи «The country between Bamian and Khiva», помѣщенной въ Calcutta Review, XV (1851), p. 1—36, обязаны мы выдержками изъ рукописныхъ замѣтокъ АртураКонолли, погибшаго вмѣстѣ съ Стоддартомъ въ Бухарѣ, которыя онъ велъ во время его спеціальной миссіи въ Коканъ въ 1840—41 году [4]). Кое-что въ этихъ выдержкахъ касается Мерва. Конолли изъ современнаго ему города Мерва, «если только онъ можетъ быть такъ названъ», посѣтилъ развалины старыхъ обиталищъ. Это—двойной городъ, а въ разстояніи мили съ четвертью находится третій: здѣсь въ цитадели остались валы двухъ

[1]) Онъ же названъ правителемъ Мерва и у *Г. И. Данилевскаго* въ его «Описаніи Хивинскаго Ханства», составленномъ въ 1843 году. *Мерва*, сказано тамъ, «въ 478 верстахъ на ю.-в. отъ Хивы, и состоитъ изъ одного дома (?), принадлежащаго хивинскому чиновнику Ніязъ-Магомедъ-Баю, который управляетъ Туркменами». Записки Императорскаго Русскаго Географ. Общ., кн. V (1851), стр. 114.

[2]) Такъ понимаю я и передаю Абботтово «Кёллятъ-Гёбба—Kullat Ghubbah».

[3]) *James Abbott*, Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St.-Petersburgh. (Third edition) London 1884, I, 18, 48, 51, 52—54. Тѣмъ же путемъ, какъ и Абботъ, проѣхалъ въ Хиву въ 1840 г. капит. *Шекспиръ*, путешествіе котораго «Narrative of a journey from Heraut to Orenbourg in 1840» напечатано въ Blackwood's Edinburgh Magazine, June 1842, 691—720. О развалинахъ Мерва онъ однако не говоритъ ни слова.

[4]) Letters and journals of Captain Arthur Conolly, Bengal Cavalry, on a special mission to Kokand in 1840—1841.

громадныхъ бастіоновъ; путешественникъ могъ въѣхать на вершину болѣе высокаго и оттуда смотрѣть на *четыре* укрѣпленные города, стоящіе среди опустошенныхъ полей, садовъ, каналовъ и замковъ различныхъ временъ, развалины которыхъ простирались до горизонта, видимаго съ этого возвышенія. Остатки нѣкоторыхъ памятниковъ, очевидно, въ первомъ старомъ двойномъ городѣ, Конолли описываетъ довольно обстоятельно; такъ, онъ видѣлъ тамъ сводчатыя ворота изъ жженаго кирпича, которыя находились въ срединѣ западной крѣпостной стѣны, въ 700 ярдовъ длины, передъ которыми находился ровъ; черезъ ворота онъ вошелъ въ улицу лавокъ, которая пролегала посрединѣ покинутаго города; красныя кирпичныя стѣны ихъ съ обѣихъ сторонъ, а за ними большое количество домовъ до подножія возобновленной городской стѣны, были необыкновенно хорошо сохранившимися; хорошая съ двумя куполами общественная баня была въ такомъ хорошемъ состояніи сохранности, что незначительнаго ремонта было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать ее годною къ употребленію.

Такъ какъ Конолли вступилъ въ двойной городъ черезъ западныя ворота, то все сказанное имъ сейчасъ о памятникахъ относится, очевидно, къ западной половинѣ двойнаго городища. Остается пожалѣть, что записки Конолли не изданы полностію [1]).

Дважды черезъ Мервъ проходилъ Dr. Вольфъ въ 1831 и въ 1844 гг., направляясь черезъ Мешхедъ въ Бухару на освобожденіе Стоддарта и Конолли. Описаніе его относится ко второму путешествію. Вблизи новаго Мерва вступилъ онъ въ развалины крѣпкаго города, называемаго «Султанъ-Санджаръ»; въ этомъ мѣстѣ находятъ монеты съ арабскими надписями временъ султана Санджара, о богатствахъ котораго, серебряномъ тронѣ и золотомъ вѣнцѣ Туркмены передаютъ удивительныя вещи, равно какъ и о его подвигахъ, каковые составляютъ богатый матеріалъ для разсказовъ дервишей. Упоминаетъ Вольфъ о простомъ туркменскомъ училищѣ, въ которомъ сыновья халифэ Абд-ал-Рахмана обучали дѣтей арабскому и персидскому языкамъ, и полагаетъ, что это то самое, которое основано было Низам-ал-Мулькомъ при Альпъ-Арсланѣ [2]). Конечно, такое отожествленіе есть увлеченіе Вольфа подъ вліяніемъ общеизвѣстныхъ свѣдѣній о высокой культурѣ, царившей въ этомъ краѣ въ отдаленныя времена: мы только что видѣли, что халифэ Абд-ал-Рахманъ жилъ не на развалинахъ Стараго Мерва.

Весьма наглядное представленіе о мервскихъ развалинахъ даетъ дорожная карта неизвѣстнаго персидскаго инженера изъ Мешхеда въ Бухару и изъ Бухары въ Бальхъ съ планомъ Бухары и ея окрестностей. Карта эта была привезена въ Константинополь генераломъ персидской службы Семино и доставлена въ Парижъ въ Географическое Общество, въ которомъ онъ состоялъ корреспондентомъ изъ Персіи; съ оригинала въ 5 метровъ 75 сантиметровъ длины и 22 сантиметра ширины сдѣланъ эскизъ въ $\frac{1}{16}$, который съ объясненіями текста Garcin de Tassy напечатанъ въ Bulletin de la société de géographie. Quatrième série, IV, 221—235,

[1]) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», Февраль 1893, стр. 626, было сообщено, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ архива иностраннаго департамента въ Калькуттѣ извлечены были два интересные документа, которые пролежали въ пыли архива болѣе пятидесяти лѣтъ. Эти документы—изложенные въ (двухъ) письмахъ отчеты англійскаго политическаго агента Конолли о его миссіи въ Центральную Азію. Къ сожалѣнію не указано, гдѣ напечатаны эти документы, которыми я могъ пользоваться только въ извлеченіяхъ.

[2]) *Dr. Wolff*'s Sendung nach Bokhara. Aus dem engl. von *Dr. Ed. Amthor*. Bd. 1 und 2. Leipzig. 1846, I, 132, 136, 259.

подъ заглавіемъ: «Notice sur une carte routière de Meschhed à Bokhara et de Bokhara à Balkh suivie d'un plan de Bokhara et de ses environs, par un ingénieur persan, d'après la traduction de M. Garcin de Tassy. Par M. Sedillot».

Копія съ этого эскиза прилагается на таблицѣ III.

Въ объяснительномъ къ эскизу текстѣ (стр. 224 — 225) между прочимъ сказано: «Кромѣ извѣстныхъ двухъ Мервовъ—Шахджиганъ (чит. Шахджанъ) и Мерверрудъ—авторъ карты называетъ еще новый Мервъ, Мервъ Мухаммеда Хурганджи (مرو محمد خورگنجی), который онъ помѣщаетъ въ двухъ фарсангахъ отъ стараго и который сталъ очень цвѣтущимъ послѣ разрушенія Мерва Шахджиганъ. Тамъ замѣчается крѣпость, построенная Мухаммедомъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи дворецъ и мечеть халифа Абд-ал-Рахмана. Оба города раздѣлены рѣкою, черезъ которую сдѣланъ мостъ, и которая, образуемая однимъ рукавомъ Мургаба, теряется въ пескахъ. Старый Мервъ покинутъ, но время не разрушило стѣнъ, окружавшихъ городъ, и надгробія Шахъ-Джеханъ. Въ 500 шагахъ есть другой городъ—султана Санджара, гдѣ находится его могила, устроенное имъ училище, крѣпость изъ жженаго кирпича, находящаяся въ срединѣ, и многочисленныя башни. Еще далѣе къ сѣверу возвышается громадная крѣпость, въ настоящее время безъ назначенія. Всѣ эти зданія входили въ составъ Мерва столь славнаго въ средніе вѣка. Населеніе перешло въ Мервъ Хурганджи».

Такимъ образомъ, карта эта констатируетъ существованіе, независимо отъ новаго ургенджскаго, т. е. хивинскаго, Мерва, трехъ старыхъ городовъ,—изъ нихъ средній султана Санджара,—двухъ надгробій, одного училища, не говоря о мелкихъ постройкахъ—башняхъ.

Остается пожалѣть, что эскизъ «воспроизведенъ приблизительно, а дѣлавшій его при работѣ ограничивался самыми полезными указаніями» (стр. 234, 235): при такихъ оговоркахъ издателя весьма можетъ быть, что на оригиналѣ карты отмѣчены памятники, не попавшіе въ эскизъ; жаль также, что изъ пояснительнаго прибавленія къ картѣ не видно, въ какой мѣрѣ принадлежитъ оно составителю карты, инженеру, и въ какой переводчику ея, Garcin de Tassy.

Для разъясненія этихъ вопросовъ я обратился въ Географическое Общество въ Парижѣ, чрезъ посредство помощника библіотекаря Общества, г. Лемозова, съ просьбою навести справку, хранится ли до настоящаго времени въ архивѣ оригиналъ карты, намѣреваясь, въ случаѣ его существованія, выписать его установленнымъ порядкомъ для пользованія въ Петербургѣ; но г. Лемозовъ, по порученію секретаря Общества, г. Монуара, увѣдомилъ меня, что оригинала въ архивѣ нѣтъ,—по всей вѣроятности, онъ взятъ по напечатаніи обратно «самимъ авторомъ или наслѣдниками генерала Семино». Позволяю себѣ выразить душевную признательность г.г. Лемозову и Монуару за ту любезную готовность, съ которою они дали мнѣ желаемыя разъясненія.

Въ виду большаго для нашей цѣли интереса этой карты, хотя бы только схематической и не вполнѣ точной, нелишнимъ будетъ хотя приблизительно опредѣлить время, къ которому относится ея составленіе. Вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, сводится къ тому, кто могъ быть Мухаммедъ-Бекъ Ургенджскій, когда онъ могъ построить крѣпость новаго Мерва, равно какъ—что за личность халифэ Абд-ал-Рахманъ, домъ и мечеть котораго нанесены на карту?

Риза-Кули-Ханъ въ своемъ описаніи путешествія въ Хиву говоритъ [1]), что въ Мервѣ (новомъ) построилъ крѣпость хивинскій ханъ Аллахъ-Кули, вооружилъ ее нѣсколькими пушками и назначилъ туда въ правители дядю своего перваго министра. Жители Мерва возмутились противъ него, убили его и овладѣли крѣпостью и пушками. Dr. Вольфъ также говоритъ (I, 250, 251) о назначеніи за нѣсколько лѣтъ до 1844 года хивинскимъ ханомъ въ Мервъ правителя, который жилъ въ замкѣ съ 600 Хивинцами; его умертвили мервскіе Туркмены, такъ что каждую минуту ожидали нападенія Хивы. Имени этого правителя, «дяди перваго министра», я въ трудѣ о путешествіи Риза-Кули-Хана нигдѣ не нашелъ, но сына его тотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу называетъ Ніязъ-Мухаммедъ-Бай: не перепуталъ ли Риза-Кули-Ханъ въ данномъ случаѣ собственныя имена, и не есть ли Ніязъ-Мухаммедъ-Бай именно правитель Мерва, посланный Аллахъ-Куліемъ?

Что это дѣйствительно такъ, видно изъ указаннаго мѣста исторіи روضة الصفا , гдѣ этотъ мервскій правитель названъ «Ніязъ-Мухаммедъ-Бай».

Такъ называетъ мервскаго правителя, какъ мы уже видѣли, и Абботтъ, посѣтившій его.

Что касается халифэ Абд-ал-Рахмана, то это былъ мѣстный глава туркменскаго племени Теке, избранный въ правители Мервцами послѣ убіенія Ніязъ-Мухаммедъ-Бая, имѣвшій большое вліяніе на народъ [2]) и пользовавшійся большимъ уваженіемъ со стороны правителей Хивы, Бухары, Кокана и даже китайскаго въ Яркендѣ, посылавшихъ ему подарки. Онъ бралъ подъ свое покровительство проходящіе черезъ Мервъ караваны и оказывалъ дружелюбный пріемъ путешественникамъ. Его застали Абботтъ и Вольфъ, при обоихъ поѣздкахъ черезъ Мервъ; послѣдній говоритъ о немъ особенно много лестныхъ подробностей [3]). Онъ носилъ титулъ «хазретъ»—Величества, и Туркмены оказывали ему вполнѣ царскія почести; шіитовъ не долюбливалъ и грабежъ ихъ считалъ дѣломъ болѣе богоугоднымъ, нежели пилигримство въ Мекку. Это нисколько не помѣшало ему, во избѣжаніе постоянныхъ столкновеній съ Хивою, войти въ прямыя сношенія съ Персіей. Въ 1852 году онъ снарядилъ посольство съ сыномъ своимъ Рахманъ-Вирди во главѣ въ Мешхедъ къ хорасанскому губернатору Хисам-ал-Сальтанэ (Султанъ-Мурадъ-Мирза), которое било челомъ персидскому государю и просило назначить въ Мервъ правителя. Въ отвѣтъ на такое заявленіе въ Мервъ былъ отправленъ Аббасъ-Кули-Ханъ Дереджези съ 150 всадниками [4]).

Такимъ образомъ, Мухаммедъ-Бекъ Ургенджскій, который по моему несомнѣнно есть Ніязъ-Мухаммедъ-Бай, и халифэ Абд-ал-Рахманъ — дѣятели одновременные сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ этого столѣтія, къ каковой порѣ должно быть отнесено и составленіе нашей карты старомервскихъ развалинъ; напечатана она была въ бюллетеняхъ парижскаго Географическаго Общества, стало быть, вскорѣ послѣ ея составленія.

[1]) Relation de l'ambassade au Kharezm, p. 159, 219. Срав. также его روضة الصفاى ناصرى , X, 166.

[2]) Подтверждаетъ это и *Shakespear*, l. c., 697.

[3]) *Wolff*'s Sendung nach Bokhara I, 251, 252 и др.

[4]) *Риза-Кули-Ханъ*, روضة الصفاى ناصرى , X, 165; *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ*, مطلع الشمس , II, 367; تاريخ منتظم ناصرى , III, 225.

Въ 1881 году появился большой трудъ Марвина «Merv, the Queen of the World», въ которомъ онъ ничего не говоритъ своего о развалинахъ Мерва и только мимоходомъ роняетъ о нихъ самыя коротенькія замѣтки словами Бёрнса и Abботта. Молчатъ о мервскихъ руинахъ и другіе, позднѣйшіе труды Марвина, напр. The Russians at Merv and Herat. Lond. 1883. Reconnoitring Central Asia. Lond. 1884.

За два года до подчиненія Мерва русской власти въ англійскомъ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ О'Донованъ сдѣлалъ 27 Марта 1882 года докладъ подъ заглавіемъ «Мервъ и его окрестности,» изъ котораго мы узнаемъ [1]), что въ Мервѣ онъ посѣтилъ развалины славнаго Александрова города и мусульманскаго. Развалины лежатъ въ 25 миляхъ на востокъ отъ центральнаго мѣста того времени (т. е. Геокъ-Тепе, на Мургабѣ); онѣ окончательно покинуты, но указываютъ на слѣды очень высокой степени цивилизаціи. Старинный фортъ—«Фортъ Невѣрныхъ», какъ называютъ его Туркмены, безъ сомнѣнія, есть тотъ самый, на который обратилъ вниманіе Александръ, когда проходилъ по этимъ мѣстамъ, и не очень далеко отъ валовъ обширное разрушенное земляное сооруженіе, донынѣ называемое крѣпостью Искендера, гдѣ помѣщалась, предполагается, его армія. Въ настоящее время крѣпость похожа на громадную желѣзнодорожную насыпь, идущую вокругъ четыреугольника съ каждою стороною въ 900 ярдовъ; въ срединѣ слѣды домовъ, битой глиняной посуды и ломанныхъ кирпичей [2]). Городъ этотъ былъ разрушенъ въ 606 году и Арабы построили при Омарѣ, четвертомъ (!) халифѣ послѣ Мухаммеда, городъ, извѣстный подъ именемъ «Султанъ-Санджаръ». Городъ «Султанъ-Санджаръ», башни котораго понынѣ существуютъ, около 600 ярдовъ въ квадратѣ; пространство его представляетъ массу развалинъ, битаго кирпича; но посрединѣ стоитъ тщательно построенное высокое надгробіе, подъ которымъ, предполагается, лежатъ кости султана Санджара. Туркмены считаютъ его святымъ. Въ двухъ миляхъ отъ него находятся двѣ большія кучи камня и кирпича, которыя, по разсказамъ сопровождавшихъ О'Донована Туркменовъ, водружены надъ остатками враговъ султана Санджара; всякій, кто имѣлъ заряженное ружье, разряжалъ его въ эти кучи, а неимѣвшій бросалъ въ нихъ съ силою камни. Кто погребенныя здѣсь лица, осталось неизвѣстнымъ. На юго-западъ лежитъ новѣйшій (изъ старыхъ) городъ Мервъ, который существовалъ 99 лѣтъ тому назадъ, но былъ разрушенъ основателемъ нынѣшней бухарской династіи. Его защищалъ Байрамъ-Али, имя котораго онъ и удержалъ съ тѣхъ поръ. Въ настоящее время онъ груда развалинъ: здѣсь есть остатки бань, дворцовъ, обсыпавшихся стѣнъ, но никакой жизни, только змѣи и шакалы. Таковы остатки Мерва — три абсолютныя развалины. Плотина на Мургабѣ была при О'Донованѣ мрачной пустыней развалинъ, необитаемой даже бродячими Туркменами.

Тотъ-же О'Донованъ въ большомъ, изданномъ имъ въ 1882 году сочиненіи «The

[1]) «Merv and its surroundings» въ Proceedings of the Royal Geographical Society. Vol. IV (1882), p. 348, 349.

[2]) При докладѣ О'Донованъ демонстрировалъ кирпичъ голубой глазури и бронзовую лампу, «въ тотъ періодъ (Александра?) поврежденную и починенную золотомъ, а потомъ, можетъ быть, во время Чингизъ-Хана — листовымъ желѣзомъ».

Merv Oasis» посвятилъ во второмъ томѣ его страницы 239—253 подробному описанію мервскихъ городищъ и нѣкоторыхъ памятниковъ [1]).

... Мы отправились, говоритъ онъ, на развалины старыхъ городовъ, центръ которыхъ находился почти прямо на востокъ (отъ Юсупъ-Ханъ-ова), немного, можетъ быть, на сѣверъ. Проѣхавъ полчаса по мѣстамъ очень обводненнымъ, мы добрались до восточной границы обработыванія земли. Мѣстность слегка поднялась: поверхность ея стала выше настоящей ирригаціонной системы. Здѣсь мы достигли до громадной пустыни разрушенныхъ зданій, которыя образовывали передъ нами полукружіе на сѣверѣ и югѣ. Между нами и купольчатыми зданіями тянулся непрерывной линіей въ четыре или пять миль поясъ разрушенныхъ стѣнъ и разбитыхъ домовъ,—очевидно, остатки прежнихъ пригородныхъ помѣстій и садовъ. Поясъ этотъ, идущій прямо на сѣверъ и югъ, былъ около полу-мили въ ширину. Даже теперь питаемые скудными дождями и еще болѣе скудною влагою самой земли сады представляли остатки прежней зелени, задушенной массою развалинъ. Кишащія со всѣхъ сторонъ змѣи, и, кромѣ ихъ, черные орлы, ястребы и коршуны были единственныя живыя существа, которыя можно было видѣть. За этою цѣпью разрушенныхъ стѣнъ и зданій, въ разстояніи четверти мили передъ нами стояла громадная передовая линія Байрамъ-Али, позднѣйшаго изъ трехъ городовъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь носилъ названіе Мерва. Этотъ фронтъ былъ линіей разрушенной стѣны, 200 ярдовъ въ длину, фланкированной по сторонамъ круглыми башнями и имѣющей большія защищенныя ворота въ центрѣ. Стѣна, 15 футовъ въ вышину, кромѣ того укрѣплена была наружнымъ рвомъ, который проходилъ подъ ворота сводчатымъ кирпичнымъ ходомъ, въ настоящее время заваленнымъ грудою битаго матеріала. Стѣны эти частію изъ обожженнаго кирпича, частію изъ сырца и въ очень хорошемъ состояніи сохранности. Пройдя подъ низкія сводчатыя ворота, мы очутились въ четыреугольникѣ, полнѣйшей пустынѣ развалинъ. То, что было когда-то улицею, пересѣкавшею четыреугольникъ, теперь по бокамъ было обставлено остатками кирпичныхъ домовъ. Въ южной сторонѣ его и ближе къ восточному краю были сводчатыя остатки обширныхъ бань. Первый, или западный четыреугольникъ, былъ, очевидно, позднѣйшимъ прибавленіемъ и предназначенъ для помѣщенія карагановъ, которые посѣщали это мѣсто. Собственный городъ Байрамъ-Али примыкаетъ къ нему. Это—четыреугольное огороженное пространство, 200 ярдовъ съ востока на западъ и 250 съ сѣвера на югъ. Западная стѣна его—общая обоимъ четыреугольникамъ. Стѣны его однако выше, чѣмъ въ другомъ, въ силу того, что онъ возведенъ на нѣкоторомъ возвышеніи въ 6 или 8 футовъ вышины. Войдя въ него черезъ ворота, подобныя первымъ, но болѣе широкія и болѣе солидныхъ размѣровъ, мы опять очутились посрединѣ полныхъ развалинъ. Ближе къ центру находятся довольно хорошо сохранившіеся остатки мечети, куполъ которой господствуетъ надъ группой развалинъ. Дворъ ея—хорошо построенная изъ кирпича обитель, и къ самой мечети примыкаетъ обширное зданіе, вѣроятно, жилище для муллъ. Въ сѣверо-восточномъ углѣ (города) кир-

[1]) Замѣчу вообще, что описаніе О'Донована далеко не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности и приложенному, имъ самимъ составленному (весьма невѣрно), плану старыхъ городовъ Мерва.

пичный «аркъ», или цитадель, около 80 ярдовъ въ квадратѣ. Его стороны параллельны сторонамъ самаго города, а двѣ изъ нихъ—сѣверная и восточная—однѣ и тѣ-же съ городскими. Войдя черезъ ворота въ южной стѣнѣ, мы вступили въ родъ двора, занятаго тщательно изукрашенными въ прежнее время зданіями, въ три этажа вышины,—дворцемъ прежнихъ владѣтелей. До сихъ поръ еще можно было разобрать арабески и другія украшенія на покрытыхъ штукатуркою стѣнахъ, а камины были еще черны отъ дыма послѣдняго огня. Недалеко отъ входа во дворецъ я замѣтилъ разрушенные остатки подземнаго водопровода. Онъ былъ выведенъ изъ кирпича аркой въ 80 дюймовъ въ вышину и 12 въ ширину, и изнутри тщательно обмазанъ твердымъ темно-коричневымъ цементомъ. Здѣсь и тамъ было много колодцевъ, теперь окончательно засыпанныхъ, служившихъ убѣжищемъ для громаднаго количества змѣй и мелкихъ пташекъ, особенно удодовъ, которыя въ нихъ находятъ защиту отъ палящаго зноя... Вокругъ краевъ этихъ колодцевъ находятся разбитыя перила, наполненныя массою щебня, поросшаго родомъ ползучаго барбариса, очень непріятнаго терновника, когда приходится проходить пространства земли, имъ покрытыя... Это Байрамъ-Али—послѣдній изъ городовъ Мерва, не считая Порсу-Калы, становища Сарыковъ. Оно названо по имени Байрамъ-Али-Хана, послѣдняго его защитника, который былъ здѣсь умерщвленъ въ 1784 году, когда городъ былъ осажденъ Бекъ-Джаномъ, иначе Эмиръ-Ма'сумомъ, владѣтелемъ Бухары...

Мы покинули Байрамъ-Али черезъ его восточныя ворота, такъ какъ двойное огороженное пространство имѣетъ два выхода. Прямо впереди и на тысячу ярдовъ къ востоку возвышается длинная линія землянаго вала, указывающаго положеніе Гяуръ-Калы, какъ называется въ настоящее время древнѣйшій изъ городовъ Мерва. Мы не пошли туда прямо а взяли направленіе на сѣверо-востокъ къ группѣ зданій, въ разстояніи около 250 ярдовъ, занимающихъ край неровности мѣстности. Здѣсь было нѣчто похожее на большую тріумфальную арку въ 40 футовъ вышины и столько-же ширины, которая была построена изъ прочнаго жженаго кирпича желтовато-бураго цвѣта и украшена продолговатыми эмалированными ярко-голубыми черепицами, которыя чередовались съ таковыми-же болѣе темнаго оттѣнка. Нигдѣ болѣе на мервскихъ развалинахъ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда подобныхъ эмалированныхъ кирпичей. Соприкасаясь съ аркой, на югъ отъ нея, находятся два крытыхъ зданія, стороны которыхъ совершенно открыты. Вокругъ нихъ идетъ небольшая балюстрада, вышиною по грудь (человѣка), сквозная, кирпичная. Эти зданія и балюстрады мѣстами украшены голубыми черепицами, какъ и тріумфальная арка. Оба зданія совершенно одинаковы и внутри каждаго стоитъ продолговатая гробница синевато-сѣраго мрамора, красиво и тщательно украшенная рѣзными надписями и арабесками, и раздѣленная на панели. Каждая гробница имѣетъ около 7 футовъ въ длину, 2 въ ширину въ головѣ и четыре въ вышину. Стороны и концы имѣютъ легкій уклонъ. Кромѣ арабесокъ и надписей, которыя вырѣзаны въ очень незначительномъ рельефѣ, поверхность гробницъ совершенно гладкая. Болѣе на востокъ отъ зданій находятся остатки, вѣроятно, обширныхъ бань, если судить по пространнымъ подземнымъ подваламъ съ кирпичными крестовыми сводами, близко походящими на таковые въ Байрамъ-Али. Сопровождавшіе меня Туркмены могли разсказать мнѣ мало отно-

сительно исторіи этихъ гробницъ, или лицъ, которыя подъ ними погребены. Они только говорили о нихъ, какъ очень святыхъ «шейхахъ», такъ какъ здѣсь слово это, которое въ Аравіи и Сиріи просто означаетъ военнаго или политическаго вождя, указываетъ на лицо, прославленное святостью. Могилы извѣстны какъ могилы «Сахаба буридалъ», буквально «обезглавленныхъ господъ» [1]), и мои разсказщики сказали мнѣ, что они были умерщвлены по религіознымъ причинамъ; но когда и почему именно, они не могли мнѣ дать ни малѣйшей идеи, хотя молились какъ будто отъ души передъ этимъ мѣстомъ упокоенія, какъ будто знали все относительно ихъ исторіи. Все мѣсто между этими старыми могилами и тріумфальной аркой совершенно покрыто осколками кирпича и изразцевъ.

Отсюда мы повернули въ восточномъ направленіи, спускаясь по довольно крутому наклону, къ очень глубокому оросительному каналу, который строился нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и который былъ продолженіемъ канала, ведшаго воду на уровнѣ сѣверо-восточнаго угла Байрамъ-Али. Когда я осматривалъ, вода еще не была доведена до этого пункта. Неглубокій каналъ находился между восточной стороной послѣдняго города и западной Гяуръ-Калы. Перейдя черезъ каналъ, мы направились къ юго-восточному углу Гяуръ-Калы. Большіе земляные валы, которыми она окружена, походятъ по объему и устройству на валы Кушидъ-Ханъ-Калы, которая, кажется, съ нея скопирована. Съ нѣкотораго разстоянія валы стараго города въ точности похожи на большую желѣзнодорожную насыпь. Мѣсто, на которомъ расположенъ городъ, значительно возвышается въ сѣверной сторонѣ, тогда какъ уровень вершины валовъ съ каждой стороны точно одинаковъ; слѣдовательно, южная линія вала значительно выше сѣверной. Въ юго-восточномъ углѣ валъ по крайней мѣрѣ 60 футовъ вышины. Пустивъ нашихъ лошадей полною рысью, мы съ трудомъ скакали вдоль большаго откоса и добрались до вершины. Въ этомъ пунктѣ поставлено «турбэ» (надгробіе) какого-то святаго человѣка пустыни, и рядомъ съ нимъ водруженъ шестъ, имѣющій кусокъ рванаго полотна, который развѣвается на его концѣ, какъ знамя. Стѣны, которыя, я говорю по догадкѣ, имѣютъ 850 ярдовъ съ востока на западъ и 650 ярдовъ съ сѣвера на югъ, обнимаютъ правильное четыреугольное пространство. Непосредственно подъ нами и занимая всю юго-западную часть вала, былъ видимъ небольшой бассейнъ, въ которомъ вода припасалась для потребленія жителей. Черезъ отверстіе вблизи сѣверо-западнаго угла вала прежде входилъ оросительный каналъ, ложе котораго еще явственно различается, и который, какъ мнѣ сказали, шелъ отъ старой плотины на Мургабѣ, Бенди-Султанъ, на разстояніи одного дня пути отъ нынѣшней сарыкской плотины Казаклы.

Почти въ центрѣ Гяуръ-Калы находится большая земляная насыпь, на вершинѣ которой слѣды стѣнъ и башенъ. Это былъ, вѣроятно, старый дворецъ или какого либо рода

[1]) Это названіе — не его переводъ —, очевидно, основано на арабскихъ словахъ صحابة , بريدة и членѣ ال, которыя, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются въ надгробныхъ надписяхъ сподвижниковъ Мухаммеда. Правильное имя собственное въ исковерканномъ сочетаніи О'Донована угадалъ *Захау* въ небольшой статьѣ, напечатанной имъ тотчасъ послѣ добровольнаго присоединенія Мерва къ Россіи въ Январѣ 1884 года:—«Ueber Merv» въ Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, XI, № 3, 147—154. *Захау* говоритъ на стр. 150, что городъ Байрамъ-Али построенъ первыми мухаммеданскими завоевателями; «unter diesen befand sich ein persönlicher Bekannter Muhammeds mit Namen Burêde, dessen Grab jetzt dort noch vorchanden ist».

оборонительное сооруженіе. «Аркъ», собственная цитадель, здѣсь, какъ и въ каждомъ другомъ древнемъ городѣ этой части свѣта, которые я осмотрѣлъ, была въ сѣверо-восточномъ углѣ и состояла изъ четыреугольнаго огороженнаго пространства, въ которомъ сѣверная и восточная стѣны однѣ и тѣ-же съ основными стѣнами (городища). Внутренняя поверхность этого редутоподобнаго сооруженія значительно выше центральной насыпи. Я объѣхалъ всѣ стѣны, отправившись сначала по южной, потомъ восточной и наконецъ сѣверной сторонѣ. Около средины сѣверной стороны до сихъ поръ существуютъ кое-какіе слѣды вала, высшаго парапета, и украшенной зубцами стѣны; но я долженъ замѣтить, что они были устроены въ гораздо болѣе позднее время, чѣмъ большая насыпь. Вся поверхность между стѣнами устлана остатками жженой черепицы и глиняной посуды, многіе изъ остатковъ которой представляютъ очень красивые цвѣта и въ нѣкоторыхъ случаяхъ призматическія краски. Я не нашелъ ни одной какой либо цѣлой посудины.

Съ валовъ этого стараго города взоръ проникалъ далеко на востокъ, по слегка волнообразной поверхности, обильно покрытой тамарисковой порослью, между тѣмъ какъ здѣсь и тамъ виднѣлись слѣды разрушенныхъ стѣнъ и зданій, разбросанныхъ мѣстами по настоящей пустынѣ. Эта Гяуръ-Кала—древнѣйшій изъ трехъ остатковъ и была, несомнѣнно, первымъ, обнесеннымъ стѣнами городомъ, построеннымъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ разрушенъ Арабами около конца VII вѣка, когда намѣстники Омара, наводнивъ Персію, двинулись на сѣверъ къ Оксусу.

Сойдя съ сѣверной стѣны, мы направили нашъ путь на сѣверо-западъ къ обширнымъ развалинамъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были старинными дворцами, судя по выработкѣ орнамента ихъ внутренностей; другія, очевидно, были религіозными постройками и нѣкоторыя—можетъ быть, амбарами. Продолжая путь далѣе въ томъже направленіи и оставивъ старый городъ султана Санджара отъ себя влѣво, мы достигли единственнаго зданія, которое на всемъ громадномъ протяженіи разваливающихся остатковъ примѣняется въ настоящее время для нѣкоторыхъ человѣческихъ цѣлей. Это — послѣдній каравансерай, въ которомъ караваны изъ Мешхеда, проходя черезъ Мервъ въ Бухару, останавливаются, прежде чѣмъ вступить въ дальнѣйшія лишенныя воды пространства. Онъ извѣстенъ какъ каравансерай Ходжи (или Муллы) Юсуфа Хамадани. Онъ состоитъ изъ двухъ огорожъ,—одна около 100 ярдовъ въ квадратѣ, другая—30 ярдовъ къ сѣверу—въ половину этой величины. Послѣдняя есть просто обнесенное стѣнами пространство, въ которомъ верблюды и другія вьючныя животныя собираются на ночь, и въ углѣ котораго есть глубокій колодецъ, снабженный бадьей и подъемнымъ колесомъ. Входъ въ каравансерай—въ сѣверной стѣнѣ главной огорожи. Направо и налѣво отъ дверей находится обширное сводчатое помѣщеніе изъ кирпича, занимающее всю длину этой стороны огорожи. Болѣе чѣмъ половина западной стороны занята небольшою мечетью, вся восточная передняя сторона которой открыта. Она называется мечетью Мухаммедъ-Хусейна Херати, который пришелъ сюда на поклоненіе и приказалъ воздвигнуть эту мечеть въ честь Юсуфа Хамаданскаго, могила котораго занимаетъ центръ главной ограды. Въ сводчатомъ помѣщеніи налѣво, т. е. на востокъ, отъ дверей находятся два громадныхъ бронзовыхъ котла, 5 футовъ въ діаметрѣ, которые

уставлены въ кирпичѣ такъ, что огонь разводится подъ ними. Въ этой громадной посудѣ приготовляется одновременно пища для участвующихъ въ караванѣ. Здѣсь были два служителя, суфи, какъ прозывали ихъ мои спутники, два чрезвычайно грязныхъ на видъ, помертвѣлыхъ человѣка, которые носили широкіе, бѣлые тюрбаны и которые, предполагалось, держать въ своихъ рукахъ различныя небольшія клѣтушки, предназначенныя для путешественниковъ. Эти люди сообщили мнѣ, что котлы пожертвованы Эминъ-Ханомъ изъ Ургенджа (Хивы), когда онъ приходилъ къ этому мѣсту на поклоненіе очень много лѣтъ тому назадъ,—какъ много, они не знали, можетъ быть сто, а можетъ быть и триста. Сводчатая кровля наверху была очень закопчена копотью отъ огня, но здѣсь и тамъ я могъ обнаружить, что поверхность кирпичей была посеребрена, или лучше сказать, покрыта свинцомъ отъ втиранія какого-то металла. Служители мнѣ сказали, что это серебреніе сдѣлано по приказу Абдаллахъ-Хана изъ Бухары, который приходилъ на поклоненіе могилѣ святаго. Правда это или нѣтъ, только я могъ ясно видѣть металлическую поверхность нѣкоторыхъ кирпичей..., и если бы мнѣ не говорили о происхожденіи ея, я рѣшительно сказалъ бы, что эта нѣсколько глазурованная поверхность образовалась при процессѣ обжиганія самаго кирпича, и даже неумышленно. Какъ бы то ни было, я передаю то, что мнѣ было разсказано смотрителями каравансерая.

Эти сводчатыя помѣщенія были очень пріятнымъ убѣжищемъ отъ солнечнаго блеска и походили на ледникъ, когда мы вступили въ нихъ послѣ быстраго галопа по ослѣпительной равнинѣ, которая отдѣляла насъ отъ валовъ Гяуръ-Калы. Могила, стоящая въ самомъ центрѣ огорожи, была очевидно первоначальнымъ зданіемъ, вокругъ котораго другія возведены въ позднѣйшее время. Она состоитъ изъ грубо сложеннаго съ плоской крышей дома, въ два этажа высоты, около 30 футовъ въ длину и 15 въ ширину. Въ него входятъ черезъ окованную дверь. Сзади него и присоединяясь къ нему съ юга находится крытая съ перилами огорожа, похожая на таковыя на могилахъ «обезглавленныхъ господъ», внутри которой стоитъ до нѣкоторой степени подобная же гробница...

... Мы направились къ остаткамъ какихъ-то земляныхъ построекъ, лежащихъ около 300 ярдовъ на западъ. Это—прямоугольное пространство, стороны котораго, такія-же какъ и въ другихъ огороженныхъ пространствахъ этого мѣста, смотрѣли на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ; каждая сторона была около 500 ярдовъ въ длину. Это, очевидно, былъ нѣкотораго рода лагерь, но слѣды укрѣпленій были теперь очень незамѣтны. Туркмены называютъ его Искендеръ-Кала и говорятъ, что здѣсь стояла армія Александра Великаго на пути его въ Индію. Таково мѣстное преданіе, но въ этихъ странахъ Александръ, или, какъ его называютъ, Искендеръ, входитъ во всѣ преданія, связанныя съ развалинами отдаленной древности...

Обслѣдовавъ старые окопы, мы повернули на югъ и приблизились къ сѣверной стѣнѣ стариннаго города Султанъ-Санджаръ. Это большое, четыреугольное мѣсто, около 600 ярдовъ по каждой сторонѣ, обнесенное многочисленными фланкирующими башнями, фособреей, или нижнимъ второстепеннымъ внѣшнимъ валомъ, какъ въ Мешхедѣ, добавочнымъ. Городъ этотъ, какъ говорятъ, былъ разрушенъ сыномъ Чингизъ-Хана, Тули'емъ, окого 1221 года. Должно

быть, онъ былъ занятъ въ болѣе поздній періодъ,—по крайней мѣрѣ, укрѣпленныя стѣны—такъ какъ во фланкирующихъ башняхъ на углахъ и воротахъ находятся артиллерійскія амбразуры. Городъ имѣетъ четверо воротъ, которыя хорошо защищены массивными башнями изъ жженаго кирпича, каковой матеріалъ широко входитъ также въ окружность стѣнъ, особенно ихъ нижнія части. За исключеніемъ мавзолея Султана, который стоитъ какъ разъ въ центрѣ, пунктѣ, гдѣ пересѣкаютъ одна другую двѣ большія дороги, идущія съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, во всѣхъ зданіяхъ, стоявшихъ внутри стѣнъ, не осталось камня на камнѣ. Одно трудно представить, какимъ образомъ было сдѣлано такое полное разрушеніе, и еще болѣе мистифицируетъ нахожденіе въ близкомъ сосѣдствѣ одной отъ другой ямъ въ 4—5 футовъ, вырытыхъ на поверхности. Мнѣ сказали, что ямы эти сдѣланы кладоискателями; ни одинъ караванъ никогда почти не проходитъ по этому мѣсту безъ того, чтобы многіе изъ него не попытали счастія, раскапывая эти ямы, въ надеждѣ случайно напасть на горшокъ съ золотомъ или драгоцѣнными камнями. Что большое количество старыхъ монетъ и сосудовъ изъ драгоцѣннаго металла находились здѣсь отъ времени до времени, меня увѣрялъ Юсуфъ-Ханъ. Полное разрушеніе основанія и разбросанный и разсыпанный матеріалъ—результатъ, вѣроятно, этихъ продолжающихся копаній. Кромѣ того, матеріалъ зданій, очевидно, снесенъ съ мѣста и употребленъ на сооруженіе болѣе поздняго города, Байрамъ-Али. Восточные люди имѣютъ, кажется, суевѣрное нерасположеніе къ перестройкѣ города на прежнемъ мѣстѣ. Въ болѣе старомъ городѣ—Гяуръ-Калѣ находятся только осколки кирпича и глиняной посуды на поверхности, а большая масса строительнаго матеріала, я думаю, употреблена на устройство города, который за нимъ слѣдовалъ—Султанъ-Санджаръ. Подобнымъ образомъ, когда послѣдній названный городъ былъ разрушенъ, матеріалъ былъ употребленъ на возведеніе самаго новаго города. Въ Байрамъ-Али зданія, разсѣянныя въ большомъ количествѣ, существуютъ до сихъ поръ, тоже какъ матеріалъ для другихъ, но остатки прежняго города не снесены, такъ какъ новый городъ въ этой мѣстности въ позднѣйшій періодъ построенъ не былъ.

Могила султана Санджара представляетъ собою мѣсто паломничества и Туркмены никогда не проходятъ безъ того, чтобы не выразить почтенія святости умершаго властелина. Самый мавзолей внушительныхъ размѣровъ,—до вершины купола во всякомъ случаѣ не менѣе 60 футовъ. Форма его очень похожа на мавзолей Фирдоуси въ Тусѣ [1]), но носитъ слѣды гораздо болѣе тщательной отдѣлки. Его наибольшій діаметръ по крайней мѣрѣ 40 футовъ. Его горизонтальная проэкція—квадратъ со скошенными углами; внутри по стѣнамъ сохранилась еще значительная часть штукатурки и бѣлаго алебастра, которымъ онъ былъ прежде покрытъ, и на которомъ находятся еще во многихъ мѣстахъ голубыя и красныя арабески по бѣлому фону. Дверь расположена въ западной сторонѣ; полъ, кажется, былъ выкопанъ въ намѣреніи удалить настилъ, такъ что входишь по

[1]) О'Донованъ сравниваетъ мавзолей Санджара вовсе не съ мавзолеемъ Фирдоуси: изъ его болѣе подробнаго описанія послѣдняго (l. c., II, 15) видно, что онъ за мавзолей Фирдоуси принимаетъ большое куполообразное зданіе, стоящее посрединѣ тусскаго городища, между тѣмъ какъ дѣйствительная могила находится ближе къ восточной стѣнѣ. См. мою статью «Могила Фирдоуси» въ Запискахъ Вост. Отдѣленія Императорскаго Археолог. Общества, томъ VI, стр. 308—313.

наклонной плоскости, идущей книзу, и ясно можно видѣть, что настоящій полъ по крайней мѣрѣ на 6 футовъ ниже первоначальнаго. Въ центрѣ стоитъ гробница приблизительно тѣхъ же размѣровъ, какъ гробницы «Сахаба буридалъ». Несомнѣнно, она первоначально была изъ камня; теперь она изъ глины, или по крайней мѣрѣ ею покрыта первоначальная... Затѣмъ мы сѣли на коней и отправились по дорогѣ, идущей къ южнымъ воротамъ. Здѣсь направо, въ 150 ярдахъ отъ куполообразнаго мавзолея, были двѣ очень большія кучи жженаго кирпича и черепицы. Это, какъ мнѣ сказали, могилы враговъ султана Санджара,—кто были эти враги, никто не могъ дать мнѣ ни малѣйшаго представленія. Группа всадниковъ остановилась въ 50 ярдахъ отъ кучъ и затѣмъ во всю прыть пустилась въ разсыпную, разряжая ружья въ ту или другую изъ кучъ. Тѣ, которые случайно не захватили своихъ ружей, въѣхали на верхъ, сошли съ коней, схватили куски кирпича и съ бѣшенствомъ бросили ихъ въ кучи, произнося проклятія и ругательства врагамъ султана. Это было чрезвычайно забавно, такъ какъ никто изъ энтузіастовъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, кто были эти умершіе люди и что они сдѣлали султану Санджару...

Выйдя черезъ южныя ворота, мы вступили въ узкую долину, которая раздѣляетъ развалины, нами покинутыя, отъ развалинъ Байрамъ-Али, которыя лежали прямо на югъ и отстояли около 500 ярдовъ. Эта узкая долина, миновавъ Султанъ-Санджаръ, круто поворачиваетъ на югъ, раздѣляя послѣдній городъ и Гяуръ-Калу. Пользуясь такимъ направленіемъ, нѣкоторые изъ Туркменовъ Векиль провели узкую нить воды въ этомъ направленіи изъ стараго рукава канала Новуръ. Вода была проведена противъ сѣверо-западнаго угла Байрамъ-Али, и полдюжины человѣкъ пробовали провести ее еще далѣе рытьемъ очень глубокой канавы... На южномъ берегу этой оросительной канавы находятся три «имамзадэ». Два, болѣе восточные, — мало крытыя зданія изъ необожженнаго кирпича, а внутри ихъ глиной обмазанныя гробницы... Эти два надгробныя зданія носятъ названіе «имамларъ». Сто ярдовъ на западъ была небольшая огорожа, въ одномъ углѣ которой крытая комната. Это—могила святаго, по имени Пехлеванъ Ахмедъ Табанджи. Онъ, какъ и два другіе лица, называются общимъ именемъ «шейховъ», подъ каковымъ, какъ я уже сказалъ, разумѣется благочестивый и святой человѣкъ. Послѣдняя знаменитость, какъ кажется, на самомъ дѣлѣ очень отличалась благочестіемъ: его могила буквально покрыта разнаго рода сувенирами, принесенными издалека пилигримами. Здѣсь были куски мрамора и земли изъ Мекки, и между прочимъ одно забавное приношеніе,—мраморное пушечное ядро, 12 дюймовъ въ діаметрѣ, по какому-то случаю разломанное на двое.

Такимъ образомъ, О'Донованъ различаетъ на площади мервскихъ руинъ: 1) Гяуръ-Калу или «Фортъ Невѣрныхъ», 2) Искендеръ-Калу или городъ Александра, 3) «Султанъ-Санджаръ» или мусульманскій, арабскій городъ, 4) городъ Байрамъ-Али, 5) дворцы за Гяуръ-Калой, 6) каравансерай Юсуфа Хамадани съ мечетью и гробницею его, 7) мавзолей Санджара, 8) гробницы «Сахаба-буридалъ», 9) могилы враговъ Санджара, 10) три «имамзадэ», — изъ нихъ одно Пехлевана Ахмеда Табанджи, 11) надгробіе въ Гяуръ-Калѣ.

Что касается историческихъ соображеній О'Донована въ приведенныхъ извлеченіяхъ, то большая часть изъ нихъ не имѣетъ подъ собою серьезнаго основанія, какъ уже замѣтилъ впрочемъ въ слѣдовавшихъ за докладомъ преніяхъ въ томъ же Обществѣ Генри Роулинсонъ относительно посѣщенія Александромъ Македонскимъ Мерва во время походовъ его на востокъ [1]).

Въ 1884 году во главѣ управленія Закаспійскою областью былъ поставленъ генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ, любитель старины и археологіи, который, собирая на мѣстѣ служенія въ теченіе многихъ лѣтъ вещественные памятники, производя раскопки и историко-археологическія наблюденія, сдѣлалъ 25 Февраля 1888 года въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества интересное сообщеніе: «Закаспійская область въ археологическомъ отношеніи» [2]).

Указывая на отдѣльныя зданія и цѣлые города, которые отъ прежнихъ временъ уцѣлѣли въ Закаспійской области донынѣ, и невольно бросаются въ глаза всякому случайному посѣтителю тѣхъ мѣстностей, г. Комаровъ отмѣчаетъ, что въ долинѣ Мерва, на правомъ берегу Мургаба, нѣкогда существовало цѣлыхъ пять древнихъ городовъ: 1) Искендеръ-Кала, 2) Султанъ Санджаръ съ мазаромъ (надгробіемъ), имѣющимъ куполъ 19 саженъ высоты, но безъ надписей, 3) Шаимъ-Кала, 4) Байрамъ-Али-Ханъ и 5) Гяуръ-Кала. Постройка послѣдняго приписывается персидскому царю Лохраспу. Это замѣчательное крѣпостное сооруженіе обнесено было валами въ 5—6 саженъ вышины протяженіемъ на 15 верстъ, подъ которымъ обнаруживается присутствіе подземныхъ галлерей изъ кирпича. Внутри вала насыпана была цитадель. Въ старомъ Мервѣ попадаются, по словамъ г. Комарова, монеты и рѣзные камни въ огромномъ количествѣ: однажды 100 казаковъ въ теченіе двухъ часовъ подобрали таковыхъ до 1500 штукъ.

Подчиненіе Туркменовъ Теке Россіи и послѣдовавшее затѣмъ вскорѣ проведеніе Закаспійской военной желѣзной дороги открыли широкій доступъ въ этотъ край ученымъ путешественникамъ и туристамъ, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, и съ этого времени въ нашихъ и заграничныхъ повременныхъ изданіяхъ стали довольно часто попадаться и популярныя статьи и спеціальныя научныя изслѣдованія о Закаспійскомъ краѣ [3]). «Перебывали тамъ инженеры, естественники, географы,—не было только археологовъ»: рѣдко кто изъ проѣзжав-

---

[1]) См. названныя Proceedings, стр. 355.

[2]) Подробный отчетъ помѣщенъ въ газетѣ «Новости», №№ 62, 65, за 1888 г. и съ плохими комментаріями появился въ переводѣ *Ed. Roller*'а въ Petermann's Mittheilungen, 1889, VII, 158—163. Отмѣтимъ между прочимъ не особенно деликатный пріемъ г. *Brunnhofer*'а, автора статьи «Ueber Russlands archäologische Aufgaben und Ziele in Centralasien» (въ Russische Revue, XX, 449—468) и по русски «Археологическія задачи и цѣли Россіи въ Центральной Азіи» (въ Русскомъ Обозрѣніи, 1891. Ноябрь). Пользуясь неоднократно сказаннымъ нѣмецкимъ переводомъ отчета г. Комарова, онъ въ большинствѣ случаевъ называетъ только переводчика, какъ будто бы трудъ принадлежалъ ему въ дѣйствительности (напр., стр. 296: «справедливо жалуется Эдуардъ Роллеръ въ *своемъ сочиненіи*: Закаспійская область въ археолог. отнош.»); это тѣмъ болѣе странно, что Brunnhofer нигдѣ не оговорился, что нѣмецкая замѣтка есть дословный переводъ отчета, помѣщеннаго въ «Новостяхъ».

[3]) Отмѣтимъ двутомный трудъ *Henry Lansdell*'а, Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Lond. 1885. Авторъ самъ въ Мервѣ не былъ и говоритъ о немъ вообще немного со словъ другихъ, но приложилъ къ труду прекрасно составленную библіографію Средней Азіи до 1884 года включительно, въ которую приняты и русскія сочиненія.

шихъ не заглядывалъ на старо-мервскія развалины и не упоминалъ о нихъ въ своихъ замѣткахъ съ большею или меньшею добросовѣстностью. Всѣ эти замѣтки, какъ относящіяся по времени почти къ году моей поѣздки въ Мервъ, понятно, не могутъ имѣть для предлагаемаго очерка, такъ сказать, историческаго значенія, почему я не буду входить въ подробный разборъ ихъ,— замѣчу лишь вообще, что достоинства и значеніе ихъ даже для большой читающей публики, не говоря о спеціалистахъ, увеличиваются по мѣрѣ того, какъ въ нихъ отводится болѣе мѣста простому безъискусственному описанію того, что туристъ видѣлъ собственными глазами, нежели ни на чемъ не основаннымъ историческимъ пріурочиваніямъ и соображеніямъ: для послѣднихъ нужны спеціальныя знанія и недостаточно туземныхъ легендъ и легендарныхъ толкованій услужливыхъ проводниковъ. Къ такимъ сноснымъ статьямъ (относительно Мерва) я отношу изъ русскихъ: Циммермана «Закаспійская желѣзная дорога» въ Русской Мысли за 1889 г. № 2 и сл. [1])—и отчасти Гр. Уваровой «Поѣздка въ Ташкентъ и Самаркандъ» въ Русской Мысли за 1890 годъ №№ 11 и 12 [2]).

Перехожу теперь къ моимъ личнымъ наблюденіямъ; для большаго удобства слѣдить за моей поѣздкой прилагаются двѣ карты (таблицы IV и V): одна общая—новаго и стараго Мерва и нижняго теченія рѣки Мургаба, представляющая копію съ карты, составленной послѣдней разграничительной русско-англійской афганской Коммиссіей и напечатанной въ VII томѣ (1885) Proceedings of the Royal Geographical Society, дополненную картою, приложенною къ статьѣ Кульберга, «Работы Афганской разграничительной Коммиссіи и наша новая граница съ Афганистаномъ» въ Извѣстіяхъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, IX (1886—1888), приложенія, 48—89; и другая карта частная—развалинъ Стараго Мерва: она составлена мною на основаніи топографической съемки Генеральнаго штаба Мервскаго оазиса въ 1884 и 1885 годахъ; на нее вновь нанесены мною нѣкоторые памятники и названія ихъ; стоящіе около нихъ номера соотвѣтствуютъ номерамъ изданныхъ въ настоящемъ трудѣ рисунковъ, сдѣланныхъ со снятыхъ мною фотографій, такъ что читающій съ легкостью можетъ найти на картѣ тотъ или другой описанный памятникъ, въ его цѣломъ видѣ или части.

[1]) Статья эта издана, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, съ иллюстраціями въ Москвѣ въ 1893 г. отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Въ глубь Азіи. Поѣздка въ Самаркандъ». Новому и Старому Мерву посвящена гл. XI, стр. 25—29, и къ ней приложенъ рисунокъ могилъ сподвижниковъ Мухаммеда (см. ниже, рис. 7).

[2]) Въ 1889 году о развалинахъ сказалъ пару словъ *Curzon*, Russia in Central Asia in 1889, стр. 135—137, съ приложеніемъ рисунковъ «Султанъ-Санджара» и каравансерая въ Байрамъ-Али; за каравансерай ошибочно принята мечеть (см. ниже, рис. 13 и 14). Когда трудъ мой былъ уже оконченъ въ рукописи, въ Ташкентѣ вышло сочиненіе *Д. И. Эварницкаго* «Путеводитель по Средней Азіи отъ Баку до Ташкента въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ». 1893. Относительно Мерва въ немъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ ни исторіи, ни археологіи: повтореніе мѣстныхъ народныхъ легендъ и объясненій и пересказъ главнымъ образомъ беллетристической статьи Е. Маркова («Въ Туркменіи» — Русское Обозрѣніе 1892 г. Іюнь). Отъ присяжнаго археолога можно было ожидать большей разборчивости въ пользованіи источниками и гораздо большей самостоятельности.

II.

Развалины въ 1890 году. Городища: Гяуръ-Кала, Султанъ-Кала съ мавзолеемъ султана Санджара и могилами «проповѣдниковъ» (или «благотворителей»), Байрамъ-Али-Ханъ-Кала. Ледники и башни. Памятники: Мухаммедъ-Ханапья, Пехлеванъ-Ахмеди-Замчи, Кызъ-Биби, Кызъ-Кала, Ходжа-Юсупъ. Шаимъ-Кала.

Развалины Стараго Мерва, нынѣ составляющія часть Мургабскаго Государева Имѣнія, находятся при станціи Закаспійской желѣзной дороги Байрамъ-Али, въ 26 верстахъ отъ нынѣшняго, новаго Мерва; онѣ тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ по мѣстностямъ, заселеннымъ частью и теперь, идутъ вдоль оросительныхъ каналовъ, частью заброшенныхъ, и въ общемъ занимаютъ громадную площадь въ 40 квадратныхъ верстъ[1]. Онѣ имѣютъ языкообразную форму, суживаясь съ СВ на ЮЗ и наиболѣе густо помѣщаются между арыками Юсупъ-ханъ-ябъ и Хейлевадъ-ябъ; съ сѣвера онѣ какъ бы замыкаются огромнымъ валомъ Гилякинъ-Чильбурчъ, который на картѣ показанъ какъ бы теряющимся въ пескахъ, а по моему мнѣнію имѣетъ послѣ перерыва продолженіе на югѣ и отчасти на западѣ. Выше за этимъ валомъ и на западъ развалины рѣдѣютъ, сплошныхъ построекъ нѣтъ, но башни, стѣны попадаются довольно далеко, что замѣтно даже изъ вагона при приближеніи къ Байрамъ-Али отъ Мерва. Болѣе на востокъ даже отдѣльныя зданія появляются рѣдко, но громадные старые каналы, нынѣ называемые Шаимъ-ябъ, Янааръ-ябъ, Таза-ябъ, и вообще ирригаціонная сѣть говорятъ за то́, что въ отдаленныя времена и здѣсь было жилье. По Шаимъ-ябу ближе къ валу Гилякинъ-Чильбурчъ тянется цѣпь кургановъ. Во всю ширину развалинъ ихъ пересѣкаетъ караванная дорога на Бухару, и все пространство покрыто остатками старыхъ городовъ, крѣпостей, стѣнъ, валовъ, домовъ, мечетей, кладбищъ, надгробій, ледниковъ, оросительныхъ каналовъ: едва ли можно думать, чтобы пространство это разомъ въ одно время было заселено когда нибудь такъ густо; несомнѣнно, что остатки поселеній принадлежатъ различнымъ эпохамъ.

Займемся разсмотрѣніемъ городищъ, которыхъ ясно различается нѣсколько, и, начавъ съ самаго восточнаго, въ порядкѣ ихъ перенесенія, вступимъ въ городъ «Гяуръ-Кала—Крѣпость Невѣрныхъ».

Это—четыреугольная площадь приблизительно въ четыре квадратныхъ версты, обведенная со всѣхъ сторонъ насыпными валами, мѣстами до 15 саженъ вышины по откосу и до 6 саженъ ширины въ основаніи; нѣкоторое представленіе о нихъ можетъ дать рисунокъ № 1, изображающій восточную сторону вала. По этимъ валамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны остатки стѣнныхъ башенъ, сложенныхъ изъ сырца въ 10 квадратныхъ вершковъ при двухъ съ половиною вершкахъ толщины[2]), которыя характеризуются утолщеніемъ валовъ, выступами, возвышеніями

[1]) *Обручевъ,* Закаспійская низменность. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи, XX, III, стр. 58.

[2]) Сырцовыя плиты такого-же почти размѣра мнѣ довелось видѣть въ кладкѣ еще только въ персидскомъ городищѣ Кахка, между Тусомъ и Мешхедомъ, въ трехъ фарсахахъ разстоянія отъ послѣдняго. *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ* въ مطلع الشمس I, 277 опредѣляетъ ихъ въ 40 сантиметровъ длины и ширины и 7 сантиметровъ толщины.

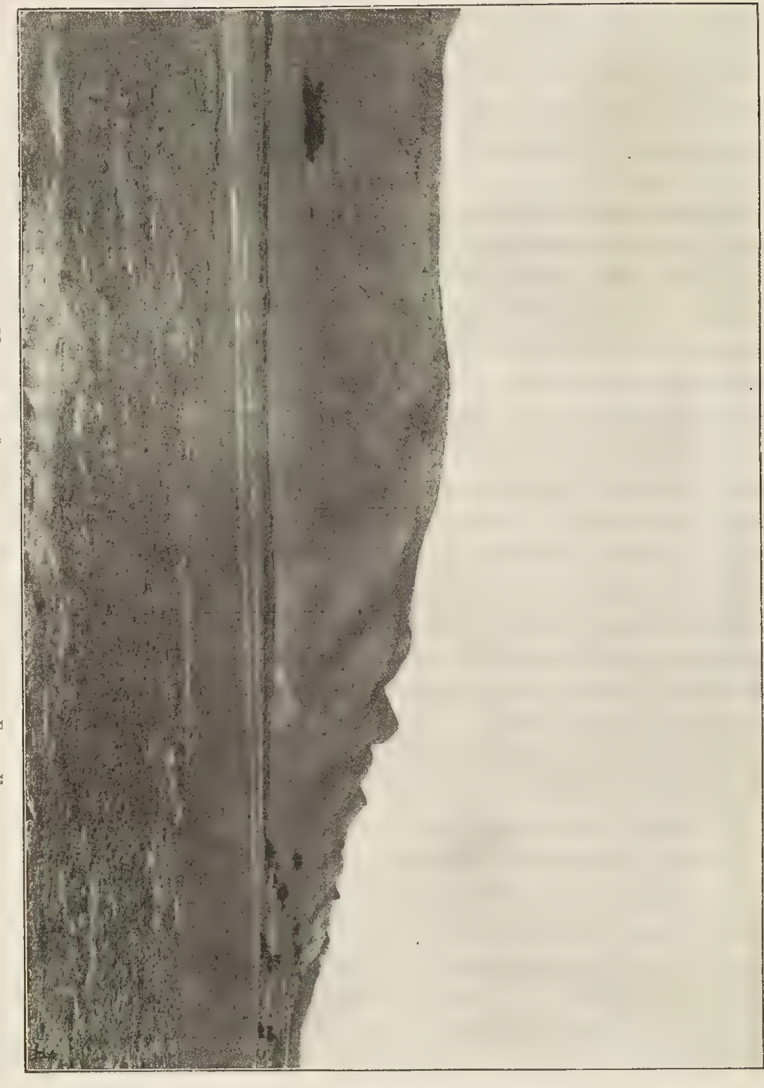


Рис. 1. Юго-восточный уголъ и восточная сторона вала Гяуръ-Калы.

и впадинами на нихъ; разстояніе башенъ не равно таковому же въ другихъ позднѣйшихъ городищахъ-крѣпостяхъ,—оно болѣе. Западная сторона вала находится въ худшемъ сравнительно состояніи сохранности, и въ двухъ мѣстахъ черезъ него внутрь городища сдѣланы отводы отъ канала, идущаго какъ разъ у подножія вала. Почти въ центрѣ сѣверной стѣны находимъ внутреннюю крѣпость (цитадель) почти правильной кольцеобразной формы; она видна только, если взобраться на валъ самаго города. Наиболѣе возвышенная часть цитадельнаго вала, которая выше городскаго саженъ на 6 по откосу, называется «Эрке-тепе—Кремлевымъ холмомъ», на вышкѣ котораго видны развалины небольшаго зданія, сложеннаго изъ сырцовыхъ плитъ сказаннаго выше размѣра, внутри котораго замѣтны слѣды штукатурки; на крышѣ этого зданія проведена неглубокая траншея раскопками, какъ мнѣ говорили, г. Комарова. Холмъ этотъ обращенъ внутрь городища. Внутри кремля сохранилось три бугра: А вышиною почти съ валъ наружный, занимáвшій средину кремля, теперь приткнутый одною стороною къ кремлевому холму; Б — у сѣверной стѣны и В — въ восточной сторонѣ вала [1]). Была ли когда нибудь цитадель эта окружена искусственными рвами, сказать трудно: кажущіяся теперь таковыми углубленія могутъ быть объяснены вліяніемъ дождей, при которыхъ вода съ силою низвергается съ крутаго вала, крутаго настолько, что восхожденіе на него представляетъ большія трудности. При обходѣ кремлеваго вала нигдѣ не замѣчается какихъ бы то ни было слѣдовъ прямаго прохода изъ города въ кремль, и на это обстоятельство я обращаю пока особое вниманіе читателя. Внутри самаго городища Гяуръ-Калы сохранилось большое множество земляныхъ возвышеній, холмовъ, бугровъ самыхъ разнобразныхъ размѣровъ и формъ; лежатъ они наиболѣе густо въ западной и особенно юго-западной и южной сторонахъ; въ углахъ сѣверо-восточномъ и юго-восточномъ холмы совсѣмъ исчезаютъ и поверхность покрыта жалкою растительностью; затѣмъ безхолменная полоса, довольно широкая, тянется отъ средины восточнаго вала на западъ, образуя какъ бы дорогу или большую улицу. Въ общемъ судить здѣсь о бывшемъ расположеніи построекъ и, такъ сказать, планѣ города по направленію холмовъ, формѣ ихъ и величинѣ, само собою разумѣется, невозможно: открытъ слишкомъ большой просторъ для воображенія и всевозможныхъ догадокъ. Столь же трудно, если не невозможно, съ достаточнымъ вѣроятіемъ опредѣлить мѣсто старыхъ городскихъ воротъ и количество ихъ. Удобнѣе всего, мнѣ показалось, искать ихъ въ срединѣ восточнаго вала: глубокая сравнительно впадина въ немъ, наибольшая толщина его въ этомъ мѣстѣ внутрь и наружу, нахожденіе осколковъ кирпича,—все дозволяетъ предполагать здѣсь сооруженіе, выступавшее за валъ по обѣ стороны; другимъ такимъ пунктомъ можетъ быть мѣсто какъ разъ вправо отъ кремля въ сѣверномъ валу.

Валы городища, кремля и все пространство, ими окаймленное, покрыто массою глиняныхъ черепковъ, кусками посуды обжога разнаго достоинства; верхній слой земли, какъ наносный, чрезвычайно рыхлъ; вмѣстѣ съ черепками часто попадаются осколки отъ глиняныхъ шаровъ или ядеръ разныхъ величинъ, которыя бросались метательными орудіями, и частички глиняныхъ трубочекъ, составлявшихъ часть сосудовъ, которые наполнялись масломъ или другимъ горючимъ веществомъ, снабжались въ трубкѣ фитилемъ, зажигались и бросались при осадѣ

[1]) Отмѣчаю ихъ каждый въ отдѣльности буквами, такъ какъ рѣчь о нихъ будетъ еще ниже.

въ городъ. Въ Императорскую Археологическую Коммиссію мною доставленъ для образца осколокъ такого ядра, поднятый на поверхности земли, формы сегмента, высотою въ $6^{1}/_{2}$ сантиметровъ, съ діаметромъ верхняго основанія въ 20 сантим. и вѣсомъ въ 5 фун. 14 золот.; на основаніи вычисленій можно заключить, что въ цѣломъ видѣ ядро должно было имѣть въ окружности большаго круга около 75 сант.; объемъ его долженъ былъ быть около 6639 куб. сант. и что настоящій осколокъ составляетъ немногимъ болѣе чѣмъ $^{1}/_{3}$ ядра, которое, стало быть, вѣсило около 15 фун.

На ряду съ такими осколками и черепками обожженный кирпичъ въ цѣломъ видѣ и въ обломкахъ попадается чрезвычайно рѣдко и то только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Относительно города Гяуръ-Калы нынѣшніе Туркмены, съ которыми мнѣ пришлось разговаривать, не имѣютъ рѣшительно никакихъ легендъ и преданій, даже объясненія названія его «крѣпостью невѣрныхъ»; въ показаніяхъ ихъ имя это лишь связывается съ мургабской плотиной «Султанъ-бендъ»: какъ невозможно стереть съ лица земли такую твердыню, какъ Гяуръ-Кала, такъ невозможно поправить плотину Султановъ, — всѣ попытки привести ее въ надлежащій должный видъ оканчивались неудачно. Легенда эта не изъ старыхъ, какъ легко усмотрѣть, и основана на опытѣ, если таковой былъ, послѣднихъ семидесяти лѣтъ.

Не пришлось мнѣ также слышать ничего о находкахъ какихъ либо древнихъ вещей въ этомъ городищѣ.

Городище, сейчасъ нами описанное, есть Gubr-Kila на картѣ Фрезера, «Кёллятъ-Гебба» у Абботта, мѣсто, откуда Конолли наблюдалъ 4 старыхъ укрѣпленныхъ города, большая крѣпость султана Санджара на картѣ персидскаго инженера, и «Фортъ Невѣрныхъ» въ докладѣ О'Донована. Теперь спрашивается: что это за городъ изъ тѣхъ Мервовъ, о которыхъ шла рѣчь въ нашемъ очеркѣ, кѣмъ и когда онъ возведенъ и когда покинутъ?

Въ Гяуръ-Калѣ безъ особеннаго труда можно узнать городъ Мервъ арабскихъ путешественниковъ и стало быть, по всей вѣроятности, городъ, унаслѣдованный Арабами отъ Персовъ-Сасанидовъ,—стоитъ только вчитаться въ слова Истахри (Ибнъ-Хаукаля) и Мукаддаси [1]. ...Городъ, стоящій какъ бы на холмѣ; цитадель равная по величинѣ городу, подъемъ въ которую чрезвычайно труденъ и возможенъ только съ особымъ проводникомъ; отсутствіе въ общемъ кирпичныхъ построекъ и то особенное явленіе, что только нѣкоторыя изъ нихъ были изъ обожженнаго кирпича...,—все это очень близко къ сказанному нами. Если это въ дѣйствительности такъ, то наша Гяуръ-Кала была такъ называемымъ «внутреннимъ городомъ» — المدينة الداخلة —, который въ свою очередь былъ окруженъ пригородами, поселками, кварталами, деревнями, которыя, всѣ вмѣстѣ взятыя, обнесены были большою стѣною, называвшеюся *ал-рай*, остатки которой существовали еще при Истахри, т. е. въ половинѣ X вѣка по Р. Х. [2]). Вотъ эту то

[1]) См. выше, стр. 18, 19, 23, 24.

[2]) Лица, происходившіе изъ этого внутренняго Мерва, получали прозвище (нисбу) *медини* — مدينى въ отличіе отъ *мервези* — مروزى, которое давалось лицамъ, родившимся въ окружающихъ внутренній городъ кварталахъ. См. *Сам'ани*, л. 397*b* s. v. المدينى. *Мерви* — مروى назывались мервскія издѣлія и въ особенности ткани. Къ вопросу о происхожденіи нисбы *мервези* не лишнимъ считаю отмѣтить, что «Мервъ Хорасанцы называютъ «М. р. в. зъ» (*Мервезъ?*)». См. *Риза-Кули-Ханъ*, فرهنگ انجمن آراى ناصرى, стр. 339*a*, и *Мухаммедъ-Таки-Ханъ*, گنج دانش, стр. 145.

стѣну *ал-рай*, я полагаю, можно усматривать въ валѣ Гилякинъ-Чильбурчъ, который, если продолжить сохранившуюся до нынѣ часть на сѣверѣ къ двумъ небольшимъ сравнительно кускамъ на югѣ и западѣ, долженъ составить правильной формы кольцо, въ центрѣ котораго какъ разъ и помѣщается Гяуръ-Кала. То обстоятельство, что валъ сгладился съ восточной и западной стороны, не оставивъ почти слѣдовъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что съ первой онъ болѣе открытъ въ сторону песковъ, которые въ этомъ краѣ разрушаютъ въ соединенiи съ вѣтромъ все хуже дождя, а со второй—потому, что въ этомъ направленiи шло перенесенiе мервскихъ городищъ и принадлежащихъ къ нимъ поселковъ. Не нужно также забывать и многократныя иноземныя вторженiя въ мервскiй край съ востока.

Если радiусъ образуемаго стѣною *ал-рай* кольца мы возьмемъ приблизительно версты въ четыре, допустимъ 1,800 саженъ, то окружность его будетъ около $22^3/_5$ верстъ, а площадь около 40 квадратныхъ верстъ. Таковъ былъ внутреннiй Мервъ съ кварталами и пригородами въ половинѣ X вѣка. Уже въ то время городской кремль былъ разрушенъ и превращенъ въ огороды и дынныя бахчи, причемъ вода, необходимая для полива, была проведена въ него, не смотря на его высокое положенiе; въ концѣ того же столѣтiя (при Мукаддаси) треть внутренняго города была въ неприглядномъ положенiи — разрушена [1]); во второй половинѣ XII столѣтiя при Сама'ни онъ существуетъ, но не заселенъ и не обитаемъ [2]). Свидѣтельство Сам'ани будетъ предѣльнымъ для нашего городища и заслуживаетъ полнаго довѣрiя, какъ принадлежащее мервскому уроженцу и жителю; на основанiи его мы можемъ утверждать, что Гяуръ-Кала оставлена не позже половины XII столѣтiя по причинамъ, кажется, естественнымъ.

У многихъ народностей Востока подмѣчена одна чрезвычайно характерная черта,—говорю это и по собственнымъ наблюденiямъ въ Персiи и части Средней Азiи: памятники, зданiя, жилища, приходящiя въ ветхость, онѣ предпочитаютъ не исправлять, а замѣнять новыми, чему въ извѣстной степени могутъ способствовать событiя политическiя, каковымъ въ данномъ случаѣ было утвержденiе Сельджуковъ въ Мервѣ, какъ въ столичномъ городѣ. Весьма естественно, что мѣстомъ строительной дѣятельности своей они избрали не руины стараго внутренняго города, а пригороды, лежавшiе за чертой его: самый городъ такимъ образомъ передвинулся вполнѣ естественно, безъ какого либо влiянiя внѣшнихъ толчковъ, и передвинулся, какъ говоритъ намъ второе городище «Султанъ-Кала», на западъ. Первоначально это было, конечно, отнюдь не передвиженiе цѣлаго города, а перенесенiе наиболѣе бойкой, жизненной части его, — базаровъ, мечетей, правительственныхъ учрежденiй, — съ одного мѣста на другое, что случилось уже въ самой Гяуръ-Калѣ при Абу-Муслимѣ, который перенесъ базары и проч. отъ «городскихъ воротъ» на каналъ Маджанъ, и которые Хусейнъ б. Тахиръ въ свою очередь хотѣлъ перенести на новый пунктъ. По этой самой причинѣ *постепеннаго* обветшанiя нашего городища толкованiю нашему нисколько не противорѣчитъ отмѣченное выше нахожденiе въ Гяуръ-

[1]) Тотъ же почти смыслъ даетъ одинъ изъ позднѣйшихъ варiантовъ (парижскаго кадекса) къ тексту Ибнъ-Хаукаля: «Въ наше время, т. е. въ 580 (1184) году, цитадель въ Мервѣ разрушена и нѣтъ положительно никакого жилья. Въ Мервѣ нѣтъ неповрежденной соборной мечети, кромѣ той, которую Абу-Муслимъ построилъ на Маджанѣ. Мнѣ говорили многiе изъ жителей Мерва, старцы, что только эту мечеть они и считаютъ за соборную, прочiя же мечети разрушены». См. Ibn Haukal, стр. 314.

[2]) Л. 354*b* s. v. القهندزى.

*

Калѣ осколковъ кирпичныхъ ядеръ: они могли попасть въ нее уже въ то время, когда она перестала быть центромъ и превратилась въ простой кварталъ.

Спрашивается теперь: если Гяуръ-Кала есть старый «внутренній» городъ Мервъ, то можно ли въ ней съ точностью распланировать памятники, зданія и кварталы, о которыхъ говорятъ арабскіе путешественники? Нѣтъ, отъ этой мысли надо совершенно отказаться, потому что свѣдѣнія ихъ, при всемъ интересѣ и неоспоримой точности, отличаются недостаточною для этой цѣли опредѣленностью выраженій. Путешественники планируютъ городъ по протекавшимъ въ немъ каналамъ и по имѣвшимся въ немъ четыремъ воротамъ, но направленіе первыхъ и мѣстонахожденіе послѣднихъ даютъ въ такой формѣ, которая допускаетъ въ настоящее время различное пониманіе и толкованіе. Напр. Истахри говоритъ, что каналъ Хурмузферрэ былъ «въ направленіи Сарахса, въ мѣстѣ, въ которое вступаетъ прямо входящій отъ Сарахса». Чрезъ какую стѣну—западную или южную—входилъ каналъ въ самый городъ, или вдоль какой изъ этихъ стѣнъ онъ протекалъ: и та, и другая почти одинаково могутъ быть направлены въ сторону Сарахса, — западная болѣе, южная менѣе? Или: «каналъ Разикъ течетъ у «городскихъ воротъ». Въ какой стѣнѣ были эти ворота? Не помогаетъ въ данномъ случаѣ и болѣе точное направленіе канала этого у Якута, который говоритъ, что около него находится могила Бурейда-ал-Аслами (=могилы асхабовъ на нашей картѣ развалинъ Стараго Мерва). Какъ онъ протекалъ мимо этой могилы,—съ запада на востокъ или съ юга на сѣверъ, и въ какую стѣну входилъ въ городъ, остается опять неизвѣстнымъ, а потому неизвѣстно и мѣсто «городскихъ воротъ». Или: одни ворота въ Мервѣ назывались Дер-Мушканъ, «изъ нихъ выходили въ Трансоксіану (въ сторону песковъ) и около нихъ находился дворецъ Мамуна». Выйти въ Трансоксіану можно одинаково хорошо черезъ ворота въ сѣверной или восточной стѣнѣ города, но дворецъ Мамуна при такомъ опредѣленіи можно искать только въ сѣверо-восточной части нынѣшней Гяуръ-Калы. Двойственность въ пониманіи приведенныхъ примѣровъ проистекаетъ единственно оттого, что путешественники арабскіе въ описаніе Мерва не ввели, какъ въ другихъ случаяхъ, болѣе понятныхъ для насъ всегда выраженій—«сѣверъ, югъ, востокъ и западъ».

Если предположить, что въ древнѣйшемъ мервскомъ городищѣ Гяуръ-Калѣ при расположеніи воротъ руководились тѣми-же соображеніями и потребностями, какъ въ позднѣйшемъ—Байрамъ-Али, то, конечно, ихъ прійдется помѣщать въ восточной сторонѣ, открытой къ Трансоксіанѣ, и западной, обращенной къ Хорасану. Изъ тѣхъ-же арабскихъ путешественниковъ мы знаемъ, что городъ дѣлился на опредѣленныя четверти, имѣвшія свои каналы: сообщеніе, имѣющее большое значеніе для планировки города, но опять таки неудобопонятное, потому что направленіе каналовъ въ самомъ городѣ не отмѣчено, и только относительно одного канала «Маджанъ» сказано, что онъ *пересѣкалъ* городъ, имѣлъ мосты, которые вели на главную улицу, а относительно другихъ, что—одинъ *входилъ* въ городъ и раздѣлялся въ цистерны, другой—*питалъ одинъ конецъ* города и предмѣстья, третій—*доставлялъ воду* извѣстнымъ кварталамъ. Изъ всего это можно только заключить, что 1) каналы были въ предѣлахъ города не одинаковой величины [1]), и 2) что они шли не въ одномъ

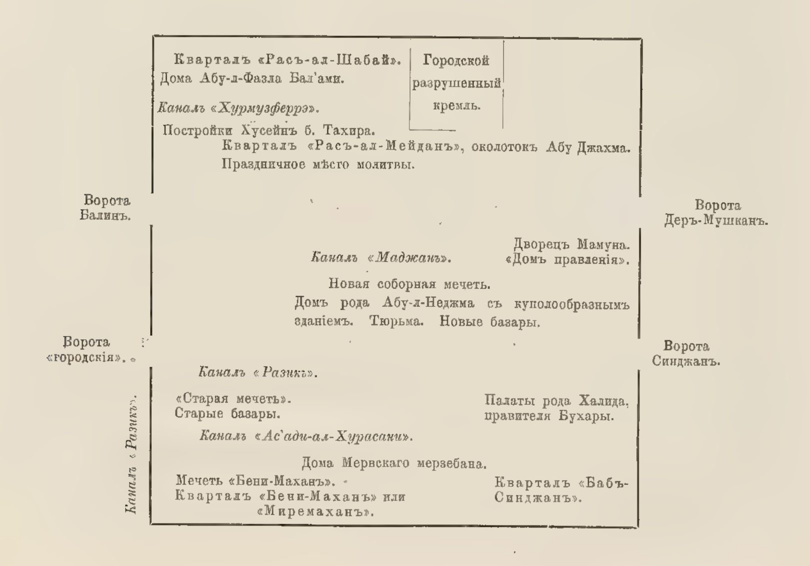
[1]) Вспомнимъ при этомъ, что Ибнъ-Хордадбехъ и Ибн-ал-Факихъ называютъ только два канала — Разикъ и Маджанъ, которые составляли украшеніе города. См. выше, стр. 13, 16.

направленіи съ извѣстными стѣнами города и не были между собою параллельны, потому что въ такомъ случаѣ раздѣлили бы городъ на пять частей, а не на четверти. Самый порядокъ, въ которомъ перечисляются мервскіе каналы у разныхъ арабскихъ путешественниковъ, различный: случайное это явленіе или у какого нибудь путешественника на чемъ либо основанное? Изъ словъ Истахри, которыми онъ опредѣляетъ положеніе въ городѣ мѣста праздничной молитвы мы можемъ однако вывести заключеніе, что каналы «Хурмузферрэ» и «Маджанъ» были смежными.

Послѣ долгихъ попытокъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій, мнѣ показалось возможнымъ уложить свѣдѣнія арабскихъ путешественниковъ въ графическія рамки.

Допустимъ, что: 1) Истахри при исчисленіи каналовъ руководился порядкомъ ихъ слѣдованія одного за другимъ, а Мукаддаси нѣтъ; 2) названіе канала «Хурмузферрэ» стояло въ зависимости отъ деревни того-же наименованія, лежавшей въ одномъ переходѣ отъ города *къ сѣверу* въ пескахъ, въ одномъ фарсахѣ влѣво отъ нынѣшняго Кишмана; въ такомъ случаѣ самый каналъ естественнѣе всего помѣщать ближе къ сѣверной стѣнѣ города и дорога отъ Сарахса должна приводить путешественника къ сѣверо-западному углу Мерва; 3) каналъ «Разикъ», который протекалъ у «городскихъ воротъ» и входилъ въ городъ, въ настоящее время соотвѣтствуетъ старому руслу канала, находящемуся между городищами Гяуръ-Калой и Султанъ-Калой.

При *такихъ* предположеніяхъ свѣдѣнія арабскихъ путешественниковъ о мервскихъ каналахъ, воротахъ и расположеніи построекъ *могутъ* принять графически такой видъ:



Если же одинаковыя названія канала и деревни «Хурмузферрэ» простое совпаденіе и дорога отъ Сарахса выходила къ юго-западному углу города, то представленную планировку слѣдуетъ начать не съ сѣверной, а южной стороны, причемъ, естественно, перемѣстятся и ворота.

Первая *возможность* кажется мнѣ ближе подходящей къ дѣйствительности.

Кромѣ построекъ, отмѣченныхъ на планѣ на основаніи Истахри и Мукаддаси, въ Мервѣ, какъ мы знаемъ изъ словъ Ибн-ал-Факиха, Ахмеда Туси и Закаріи Казвини (выше, стр. 17, 32, 53), было удивительное зданіе, называвшееся «кей-мерзебанъ», украшенное четырьмя деревянными фигурами, которыя изображали двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ; зданіе это народъ разобралъ и воспользовался его деревомъ.

Прежде чѣмъ покинуть Гяуръ-Калу, я не могу не остановиться на одной фразѣ Истахри въ самомъ началѣ его повѣствованія о Мервѣ [1]): «говорятъ, что цитадель въ Мервѣ построена Тахмурасомъ, а старинный городъ «Двурогимъ» (т. е. Александромъ Македонскимъ)». Не естественно ли, что, упоминая о «старинномъ городѣ», Истахри имѣетъ ввиду нѣчто особое, самостоятельное, независимое отъ того внутренняго города, который онъ потомъ описываетъ съ такою подробностью [2])? Другими словами: не было ли уже при Истахри такого мѣста, которое называлось «старымъ Мервомъ»? Въ такомъ именно пониманіи Истахри утверждаетъ меня свидѣтельство болѣе поздняго автора XV вѣка, Хафизи-Абру, который говоритъ о возобновленіи Мерва при Шахрохѣ, а именно: «..... у деревни 'н.д.къ — عندق — была устроена плотина, которую называли «Старымъ Мервомъ». И теперь, говорятъ, когда бываетъ сильный вѣтеръ и сноситъ песокъ, обнаруживаются слѣды стѣнъ и построекъ, такъ что можно узнать, что въ этихъ мѣстахъ было поселеніе» [3]). То обстоятельство, что Хафизи-Абру повелъ рѣчь о «Старомъ Мервѣ» тотчасъ послѣ словъ объ избыткѣ водъ, уходящихъ чрезъ Кушмейхенскія ворота къ Харезму,—безразлично, были ли эти ворота въ Гяуръ-Калѣ, или въ позднѣйшемъ городищѣ мервскомъ «Султанъ-Кала»,—заставляетъ меня думать, что онъ пріурочивалъ его во всякомъ случаѣ къ сѣверу отъ старыхъ городищъ: во-первыхъ онъ не могъ подъ «слѣдами стѣнъ и построекъ» понимать нынѣшнюю Гяуръ-Калу и ближайшія къ ней *въ то время* постройки-развалины,—онѣ и *теперь* слишкомъ велики, чтобы могла быть рѣчь о засыпкѣ ихъ пескомъ теперь, а тогда тѣмъ болѣе; во-вторыхъ, ни о какой другой плотинѣ на югъ отъ Мерва, кромѣ большой Мургабской, намъ рѣшительно ни изъ какихъ источниковъ неизвѣстно. Значитъ: плотина при деревнѣ 'н.д.къ могла сдерживать только излишекъ водъ, миновавшихъ уже городъ Мервъ, и должна была находиться отъ него въ нѣкоторомъ разстояніи на сѣверъ или сѣверо-востокъ. Деревни 'н.д.къ — عندق, какъ пишетъ Хафизи-Абру, не знаетъ ни одинъ восточный географическій словарь, но Якутъ и Сам'ани знаютъ, какъ мы видѣли выше (стр. 35), деревню съ правописаніемъ انداق — Андакъ, что, по всей вѣроятности, одно и то-же: она находилась въ двухъ фарсахахъ (около 15 верстъ) отъ Мерва.

Если все нами сказанное вѣрно, то мѣсто, носившее названіе при Хафизи-Абру «стараго Мерва», *можетъ быть* то самое, что Истахри разумѣлъ подъ словомъ «старинный городъ»,

[1]) См. выше, стр. 18.

[2]) Различаетъ, повидимому, старый городъ отъ новаго и Мукаддаси,—выше, стр. 23.

[3]) См. выше, стр. 67.

верстахъ въ пятнадцати отъ собственнаго Мерва на сѣверъ или сѣверо-востокъ, внѣ черты стѣны *ал-рай*, т. е. понынѣшнему за валомъ Гилякинъ-Чильбурчъ.

Итакъ, Гяуръ-Кала—«внутренній» Мервъ Арабовъ, по всей вѣроятности, унаслѣдованный ими отъ Персовъ сасанидской эпохи; оставленъ, т. е. пришелъ въ руины, не позже половины XII столѣтія по причинамъ естественнымъ; къ сѣверу или сѣверо-востоку отъ него, верстахъ въ пятнадцати разстоянія, за чертою нынѣшняго Гилякинъ-Чильбурча, *могли* находиться развалины, носившія уже въ то время названіе «стараго Мерва».

Перейдемъ теперь въ другое городище, называемое «Султанъ-Кала—Крѣпость Султана». Оно лежитъ на западъ параллельно только что нами описанному и настолько отъ него близко, что восточная стѣна его почти соприкасается съ западной стѣной Гяуръ-Калы,—раздѣляетъ ихъ только русло канала. Городище также представляетъ фигуру квадрата, только менѣе правильной формы, и той же величины, т. е. каждая сторона его равняется приблизительно двумъ верстамъ. Квадратъ этотъ на сѣверѣ и югѣ омыкается еще добавочными стѣнами формы неправильныхъ полукружій, изъ которыхъ сѣверное нѣсколько болѣе южнаго, такъ что съ этихъ двухъ сторонъ внутрь городища можно теперь попасть только миновавъ двѣ стѣны. Эта добавочная къ основному городищу часть на нашей картѣ развалинъ носитъ особое имя «Искендеръ-Кала», т. е. крѣпость Александра, но я такого названія на мѣстѣ отъ Туркменовъ не слышалъ: всему городищу съ его пристройкой они давали только имя, приведенное мною выше. Сѣверо-восточный уголъ квадрата отдѣленъ отъ города прямою стѣною, и образуетъ цитадель, которая называется «Шехріяръ-Аркъ», т. е. Государевымъ Кремлемъ. Общій характеръ этого городища совершенно иной: стѣны сырцовыя, мѣстами, въ особенности въ обводѣ, глинобитныя; въ сѣверной стѣнѣ, сохранившейся лучше, особенно въ той части, которая входитъ въ составъ кремля, видны какъ остатки городскихъ башенъ, такъ и внутренніе по стѣнамъ ходы. Внутренняя часть городища и сѣвернаго обвода совершенно пуста и представляетъ сплошной рядъ бугровъ, состоящихъ изъ битаго жженаго кирпича и покрытыхъ осколками его. Въ кремлѣ видны остатки стѣнъ глинобитныхъ и сырцовыхъ зданій (рис. 2), среди которыхъ на себя обращаетъ вниманіе одно (рис. 3), продолговатой формы, сложенное изъ сырца обыкновенной величины, обмазанное глиной, съ наружной стороны обдѣланное полуколонками, какъ бы гофрированное, облизанное дождемъ и вѣтромъ.

Возстановить окна и входъ въ первоначальномъ видѣ трудно, такъ какъ первыя едва ли были въ стѣнахъ, а послѣдній—пробоина въ цоколѣ,—можетъ быть, совсѣмъ недавняго происхожденія. Внутри стѣны выложены какъ бы рѣшеткой,—сырецъ клался не подрядъ, а черезъ одинъ, отчего получаются какія то гнѣздышки или печурки. Внутренность на довольно значительную высоту наполнена матеріаломъ рухнувшей кровли, сильно утоптаннымъ, со слѣдами скота, а образовавшіяся съ нѣкоторыхъ внѣшнихъ сторонъ отъ такихъ же обваловъ насыпи, закрывающія основаніе зданія, содержатъ много битаго кирпича и даже осколки изразцевъ голубаго цвѣта, изъ чего можно заключить, что наружная облицевка этого оригинальнаго зданія была изъ кирпичей и изразцевъ.

Такой стиль и такая отдѣлка въ данномъ случаѣ не единственные, — они повторяются и за предѣлами городища и мы будемъ имѣть еще случай къ нимъ возвратиться, но каково

было назначеніе этого зданія, для меня совершенно непонятно, и всѣ разспросы у мѣстныхъ жителей оказались напрасными.

Какъ разъ посрединѣ громаднаго пустыря внутренняго квадрата стоитъ единственный памятникъ, большое по размѣрамъ и формамъ куполообразное зданіе «Султанъ-Санджаръ», что можетъ означать: мечеть султана Санджара или его надгробный мавзолей (рис. 4 и 5). Зданіе въ теперешнемъ основаніи правильный квадратъ со стороною въ 12 саженъ и 2 аршина, такъ что площадь, имъ занимаемая, 1444 квадр. аршина; оно представляетъ изъ себя правильный полукубъ, на которомъ поставленъ круглый барабанъ аршинъ 14 высоты, при-

Рис. 2. Видъ на «Шехріяръ-Аркъ» Султанъ-Калы съ внутренней стѣны ея.

крытый довольно плоскимъ куполомъ аршинъ въ 5, такъ что высота всего зданія отъ наружнаго основанія будетъ свыше сорока аршинъ, или около 14 саженъ. Вокругъ барабана не въ одинаковой степени со всѣхъ сторонъ сохранились остатки довольно значительной галлереи, съ которой соединялись болѣе мелкія помѣщенія и ходы, и которая пересѣкалась амбразурами сводчатыхъ оконъ, пропускавшихъ свѣтъ внутрь зданія, и наружу выходила гладкими и узорчатыми нишами, изящными колонками и тонкими пилястрами; такія наружныя помѣщенія и ходы были расположены въ три яруса и доходили до начала самаго купола, какъ свидѣтельствуютъ глубокія разной высоты ниши верхней части барабана.

Амбразуры арокъ и нишъ по всей окружности зданія и галлереямъ—лѣпной работы изъ глины и терракоты изящной формы и разнообразныхъ рисунковъ; въ нѣкоторыхъ амбразурахъ эти украшенія перемѣшиваются съ надписями арабскимъ шрифтомъ изъ того-же матеріала, которыя въ столь плохомъ состояніи, что разборъ отдѣльныхъ словъ не представляется возможнымъ снизу: я различалъ ясно лишь нѣкоторыя уцѣлѣвшія буквы, болѣе длинныя по начертанію, каковы *алифъ* ا, *лямъ* ل, конечный *мимъ* م, которыя, сдерживаемыя бордюрами рисунка, могли, понятно, дольше сохраниться и не отпасть. Внутрь зданія ведутъ теперь два входа, обращенные на востокъ и западъ, въ 7 арш. 8 вершк. ширины

Рис. 3. Зданіе изъ сырца въ «Шехріяръ-Аркѣ» Султанъ-Калы.

и около 9 арш. высоты, а изнутри на сѣверной и южной стѣнахъ сдѣланы такой же величины глубокія ниши. Куполъ зданія покоится на спарочныхъ сводахъ, одинъ изъ другаго исходящихъ, а ключъ его правильный квадратъ, который, при разсматриваніи въ бинокль, казался мнѣ кирпичной плитой большаго размѣра. Пяты сводовъ подбиты, куполъ, равно какъ барабанъ и стѣны, дали трещины, чрезъ которыя во время дождя просачивается вода, почему и внутренняя облицевка скорымъ шагомъ идетъ къ разрушенію. Надъ окнами въ стѣнахъ остатки деревянныхъ балокъ; въ нижней части зданія два ряда правильно расположенныхъ гнѣздъ, вѣроятно, отъ балокъ, которыя поддерживали полъ. Стѣны выштукатурены

и вокругъ барабана идетъ узорчатая надпись, по шрифту арабская, голубой краской по бѣлому фону, лежащему на слоѣ глины. Краска настолько послѣзла, штукатурка пообвалилась или залита грязными потоками изъ трещинъ, что нельзя различать отдѣльныхъ частей буквъ этой надписи (рис. 6); такія же точно надписи были въ амбразурахъ оконъ, но и онѣ находятся въ столь же плачевномъ состояніи. Работа надписи произведена довольно аляповато, сразу бросается въ глаза грубостью, нисколько не гармонирующею съ общимъ характеромъ внутренняго убранства зданія, такъ что можетъ быть смѣло приписана реставраціи послѣднихъ

Рис. 4. Южная и восточная стороны мавзолея султана Санджара.

лѣтъ; на это намекали мѣстные старики, которые также прибавляли, что года 2—3 тому назадъ надпись была въ значительно лучшемъ видѣ, собирался ее фотографировать кто-то изъ бывшихъ въ Государевомъ Имѣніи, но почему то затѣя не удалась, и надпись для насъ такимъ образомъ навсегда потеряна. Внутреннія стѣны зданія, насколько можно предполагать по остаткамъ въ одной изъ нишъ терракотовыхъ буквъ, были покрыты лѣпными украшеніями и цвѣтные изразцы едва ли были въ нихъ введены: нигдѣ не замѣтно гнѣздъ, изъ которыхъ они могли бы выпасть. Если сравнить мавзолей съ одновременными ему по-

стройками—надгробіями въ Сарахсѣ, Тусѣ, Талхатанъ-Бабѣ и др., — то можно подумать, что внутренняя терракотовая отдѣлка была въ духѣ и стилѣ того времени.

Снаружи вокругъ всего зданія попадаются въ большомъ количествѣ осколки поливныхъ цвѣтныхъ плитокъ, которыя могли служить внѣшней облицевкой если не всего зданія, то,

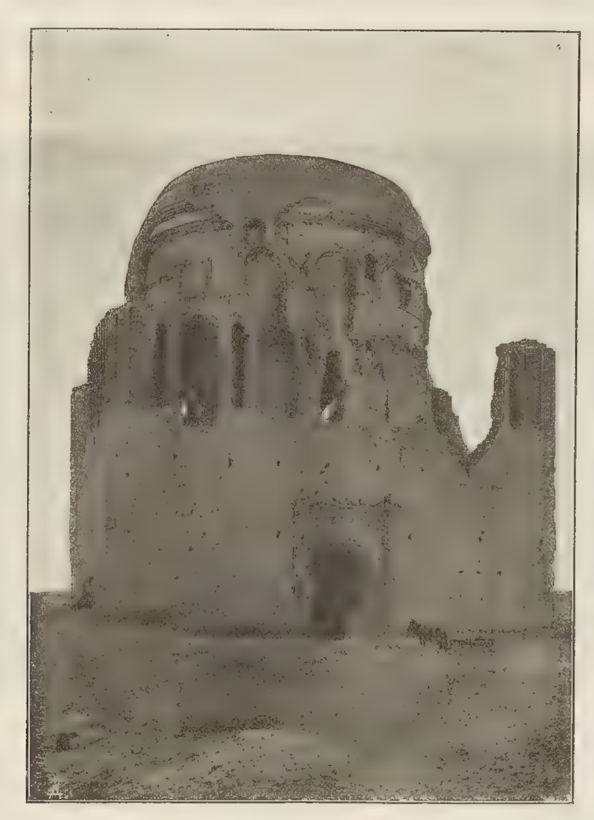


Рис. 5. Западная сторона мавзолея султана Санджара.

несомнѣнно, купола, въ которомъ отчетливо видны пазы цемента, державшаго изразцы, и, можетъ быть, нѣкоторой части барабана и куба, и входной западной двери, стоящей теперь безъ пилястръ и фронтона; по бокамъ отъ нея, по всей вѣроятности, были накладныя ниши, ясно различаемыя даже на рисункѣ.

Съ внѣшней стороны зданіе въ основаніи засыпано землею въ нѣсколько аршинъ, такъ что цоколь скрытъ и внутренняя поверхность (полъ) представляетъ такимъ образомъ значительное углубленіе, а все зданіе теряетъ нѣсколько аршинъ въ высоту, отчего, конечно, проигрываетъ. Этой насыпной земли и всякаго мусора менѣе съ сѣверной стороны и онъ удаленъ, какъ можно судить по формѣ ямы, открывающей основаніе, и рядомъ съ ней находящагося накиднаго бугра, искусственно,—можетъ быть, раскопкой. Сложено все зданіе изъ кирпича необычнаго размѣра, а именно $6^1/_2$ вершк. $\times 6^1/_2$ вершк. при 1 вершкѣ толщины, на растворѣ извести.

Рис. 6. Внутренній юго-восточный уголъ барабана въ мавзолеѣ султана Санджара со слѣдами надписи.

Внутри зданія, какъ разъ посрединѣ, въ направленіи съ сѣвера на югъ сложенъ изъ кирпича и совсѣмъ недавно обмазанъ глиной большой въ три уступа со всѣхъ сторонъ ящикъ надъ могилою, какъ говорятъ, султана Санджара, имѣющій въ основаніи нижняго яруса: 7 арш. 14 вершк. длины, 4 арш. 7 вершк. ширины и 1 арш. 11 вершк. вышины; второй уступъ поднимается на 6 вершковъ, и третій еще на 7 вершк., такъ что всего—высота ящика 2 аршина съ половиною. Въ головахъ ящика, т. е. съ сѣвера—могила мусульманская и лицо покойника обращено на западъ, — поставленъ поддерживаемый особо сложенными кирпичами длинный шестъ, на которомъ привязаны разноцвѣтные лоскутки

матерій. Все это намогильное возвышеніе сложено недавно; мнѣ говорили, что не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ его не было и на мѣстѣ его была просто яма.

Памятникъ «Султанъ-Санджаръ» пользуется большимъ уваженіемъ среди мѣстныхъ жителей и могила часто посѣщается, что могутъ свидѣтельствовать идущія отъ нея въ разныя стороны и плотно утоптанныя тропинки поклонниковъ. Когда во время моихъ опытныхъ раскопокъ въ Мервѣ была рѣчь объ одной вблизи «Султанъ-Санджара», то рабочіе мои, большею частію Туркмены, не понявъ, въ чемъ дѣло, заявили, что работъ по близости этого памятника они производить не станутъ, такъ какъ султанъ Санджаръ—святой человѣкъ и копать около него грѣшно.

Народная молва съ мавзолеемъ этимъ связываетъ различныя небылицы, а именно, что вмѣсто сказанной плиты-ключа купола вмазанъ ящикъ, въ которомъ, по словамъ однихъ, положенъ золотой гребень Санджара, а по другимъ разсказамъ—сокровища, которыя собрала его жена, построившая самый мавзолей.

У султана, говоритъ легенда, была красавица жена-пери, данная ему съ неба на трехъ условіяхъ: чтобы онъ никогда не смотрѣлъ, какъ она будетъ чесаться; чтобы онъ никогда не взглядывалъ ей ня пятки сзади, когда она будетъ ходить, и чтобы онъ никогда не обнималъ ее за талію:—при нарушеніи одного изъ этихъ условій пери должна была быть взята обратно. Прошло нѣсколько времени и султанъ жилъ съ своей необычайной женой счастливо, но его неотступно стала занимать мысль, почему ему поставлены столь странныя, тяжелыя условія. И вотъ онъ рѣшилъ подсмотрѣть, какъ его супруга будетъ чесаться. Изъ скваженки двери онъ увидѣлъ, что жена сняла съ плечъ голову, положила на столъ и начала расчесывать волосы золотымъ гребешкомъ. Нѣкоторое время спустя какъ-то ночью султанъ открылся женѣ, что онъ подсмотрѣлъ ея прическу, и спросилъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Жена разсердилась и рѣшилась его покинуть. Султанъ долго уговаривалъ ее отказаться отъ такого шага, и уговоры его подѣйствовали. Прошло опять нѣкоторое время; султанъ не стерпѣлъ, посмотрѣлъ женѣ на пятки и увидѣлъ, что она не ходитъ, а плаваетъ по воздуху, и въ своемъ открытіи онъ опять признался женѣ. Пери-красавица обидѣлась и разгнѣвалась болѣе прежняго и, не смотря на всѣ къ ней обращенныя мольбы, улетѣла на небо. Султанъ загрустилъ, собралъ духовенство и просилъ помочь ему возвратить жену. Горячія молитвы духовныхъ особъ возвратили султану его утраченное сокровище. Прошло два года и султанъ не стерпѣлъ, обнялъ жену сзади, и замѣтилъ, что она безъ костей. Почувствовавъ объятія мужа, пери разсердилась и рѣшила, что должна оставить его и на этотъ разъ безвозвратно навсегда. Какъ султанъ ни молилъ ее, она осталась непреклонна, и никакія заклинанія и молитвы не заставили ее отступить отъ даннаго самой себѣ слова. Она сказала султану при прощаніи: «если ты желаешь меня видѣть, построй мечеть выше всѣхъ мечетей съ отверстіемъ наверху: въ это отверстіе я буду показываться тебѣ каждую пятницу». Султанъ такъ и сдѣлалъ. Когда мечеть была окончена, онъ наверху въ отверстіи увидѣлъ свою жену; такія условленныя свиданія повторялись до тѣхъ поръ, пока султанъ почуялъ, что кончина его близится. Жена явилась ему въ куполѣ и бросила свою гребенку,

которая не упала, а застряла между кирпичами. Султанъ приказалъ достать эту гребенку и положить въ ящикъ, а ящикъ вмазать въ центръ купола въ завѣтное отверстіе [1]).

Такой легендѣ азіятовъ, недавнихъ хищниковъ края, внимали и видимо серьезно вѣрили русскіе и дѣлали возможныя попытки овладѣть драгоцѣннымъ ларцемъ: служившіе въ Мургабскомъ Государевомъ Имѣніи говорили мнѣ, что были любители, которые стрѣляли въ центръ купола пулями, чтобы выбить ящикъ, но безуспѣшно; отъ удаленія ящика, будто, предостерегалъ бывшій здѣсь покойный профессоръ Инженерной Академіи Карловичъ, полагавшій, что оно повлечетъ за собою паденіе самаго купола. Конецъ росказнямъ и попыткамъ насталъ самъ собою: въ концѣ Іюля мѣсяца 1890 года, когда я ѣздилъ въ Самаркандъ, вмѣсто загадочнаго квадрата, не представлявшаго, видимо, ничего неизбѣжнаго для сведенія купола, открылось отверстіе, — памятникъ не рухнулъ и никакихъ слуховъ о найденныхъ кѣмъ либо сокровищахъ въ краѣ не распространилось. Я убѣжденъ, что то была простая кирпичина, которая сама собою выпала какъ разъ на намогильный ящикъ султана Санджара, и мѣсто этого паденія было мною осмотрѣно [2]).

Природа—вѣтеръ и дождь—вмѣстѣ съ подобными сказаннымъ грубыми выходками любителей сказокъ ведутъ памятникъ къ очень быстрому разрушенію: такъ говорили мнѣ лица, живущія на мѣстѣ 2—3 года и сравнительно часто посѣщавшія его [3]).

При размѣрахъ, которые даны мною относительно высоты различныхъ частей мавзолея—полукуба, барабана и купола—поставлены цифры приблизительныя [4]): точнаго измѣренія произвести было нельзя, такъ какъ подняться на первую по крайней мѣрѣ галлерею безъ самыхъ необходимыхъ приспособленій (лѣстницъ) я не рискнулъ, но что болѣе смѣлые ходоки на это отваживаются, видно по юго-западному углу стѣнъ, гдѣ кирпичи повыпали рядами на разстояніи подъема ноги вверхъ, образовали ступеньки и сильно обтерты.

Итакъ, описанный нами памятникъ, единственный удѣлѣвшій во внутреннемъ квадратѣ Султанъ-Калы, самъ ничего намъ не говоритъ о себѣ: ни когда онъ построенъ, ни кѣмъ, ни для чего.

[1]) Легенда эта, вѣроятно, и есть одна изъ тѣхъ удивительныхъ вещей, разсказываемыхъ Туркменами про золотой вѣнецъ Санджара, которыя слышалъ Dr. Вольфъ: значитъ, она живетъ въ народныхъ устахъ давно.

[2]) *Д. И. Эварницкій*, напечатавшій «Путеводитель по Средней Азіи» въ 1893 г., на стр. 43 заявляетъ, что металлическій ящикъ желтаго цвѣта, который былъ вдѣланъ въ центрѣ купола, *похищенъ какимъ то странствовавшимъ англичаниномъ съ годъ тому назадъ* (!).

[3]) Посѣтившему послѣ меня развалины Мерва *Е. Маркову* разсказали также слѣдующее. «Въ послѣднее время мечеть жестоко пострадала отъ невѣжественной алчности армянъ,—подрядчиковъ нашей желѣзной дороги. Вмѣсто того чтобы возить Богъ знаетъ изъ какой дали и за какую цѣну нынѣшній плохой кирпичъ, они сообразили, что для нихъ будетъ гораздо выгоднѣе воспользоваться даровымъ наслѣдствомъ Султана Санджара и немилосердно стали разорять эту историческую древность. Они то уничтожили послѣдній уцѣлѣвшій минаретъ, обваливъ для этого поддерживающій его уголъ храма (?). Русское начальство, провѣдавъ о такомъ армянскомъ вандализмѣ, стало уже ставить потомъ караулы къ знаменитой мечети, которую даже варвары туркмены щадили какъ былую религіозную святыню свою». См. «Въ Туркменіи», Русское Обозрѣніе, Іюнь 1892, стр. 467.

[4]) *Д. И. Эварницкій*, «Путеводитель по Средней Азіи», стр. 41, даетъ слѣдующія измѣренія: «высота мечети $16^1/_2$ саж.; длина и ширина 12 саж. и 84 сотыхъ; толщина стѣнъ отъ основанія, не считая фундамента, до высоты семи саженъ 2 саж и 35 сотыхъ;—до высоты галлереи—$2^1/_2$ саж.; цилиндрическая часть въ пятѣ—4 арш., въ ключѣ до 60 сотыхъ; высота нишъ (какихъ?) $4^1/_2$ саж., ширина $1^1/_2$ саж., углубленіе 80 сотыхъ». Къ сожалѣнію, авторъ нигдѣ не говоритъ, точныя это измѣренія или приблизительныя, и какимъ образомъ опредѣлена высота «мечети».

Южный обводъ городища—почти сплошной могильникъ, болѣе густой въ срединной части; большинство могилъ выложены поверху обожженнымъ кирпичемъ въ елку; могилы отъ времени вскрылись, своды обрушились, склепы наполнены землею, изъ которой иногда торчатъ кости скелетовъ. На поверхности много развалинъ могильныхъ камеръ или надгробій разнообразнаго типа, среди которыхъ наиболѣе выдается одна постройка, пострадавшая сильно отъ времени, находящаяся въ состояніи весьма близкомъ къ окончательному разрушенію (рис. 7). Это двѣ камеры, стоящія одна около другой, сложенныя изъ кирпича; верхъ открытъ, входа нѣтъ, но въ каждой съ четырехъ сторонъ имѣются полукруглыя амбразуры

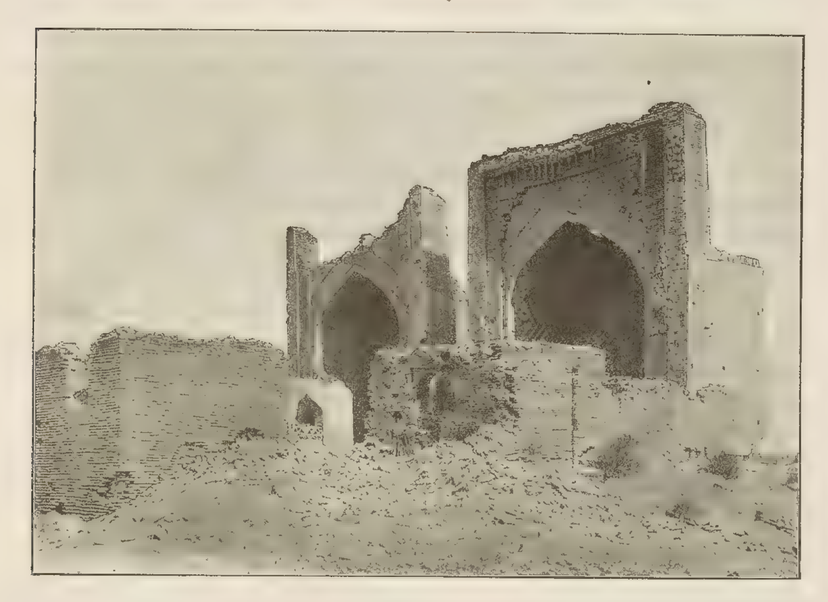


Рис. 7. Могилы «проповѣдниковъ» (или «благотворителей»).

оконъ; одна изъ камеръ по внѣшней сторонѣ стѣнъ выложена голубыми изразцовыми кубиками, которые на фонѣ кирпича образуютъ рисунокъ; на другой камерѣ эти цвѣтные кусочки повывалились и рисунокъ образуется какъ бы особою кладкою кирпича. Въ камерахъ лежатъ продолговатыя намогильныя плиты изъ мрамора сѣраго цвѣта, украшенныя по верхнему ребру узорчатымъ пояскомъ и покрытыя арабскими надписями, сдѣланными необыкновенно тонко и изящно; на верхней части плитъ въ орнаментъ—на обѣихъ плитахъ тожественный—введено арабское квадратное письмо. Плиты не одинаковой величины: правая, если стать лицомъ къ сѣверу, имѣетъ: 43 вершка длины, 10 вершковъ ширины и $11^1/_2$ вершковъ высоты; лѣвая—

46 верш. длины, 10 верш. ширины и 12 верш. высоты. Чья-то досужая рука совсѣмъ недавно отбила углы одной изъ плитъ, измельченные обломки которой тутъ же и валяются. Съ надписей сняты бумажные слѣпки, за невозможностью расположиться въ камерахъ съ фотографическимъ аппаратомъ; со слѣпковъ уже сдѣланы фотографическіе снимки, а съ послѣднихъ прилагаемые рисунки (таблицы VI и VII), на которыхъ плиты представлены въ плоскости.

Съ сѣверной стороны камеры какъ-бы защищены сводчатыми арками, которыя съ лицевой стороны, вѣроятно, были украшены изразцами, а верхушка и стороны передней стѣны, можетъ быть, имѣли даже надписи. Съ сѣвера въ арки ведутъ входы. Своды арочныхъ стѣнъ и задняя и боковая части ихъ украшены изразцовыми плитками разныхъ величинъ, вдѣланными въ кирпичъ, и разныхъ цвѣтовъ—болѣе голубаго и синяго, менѣе бѣлаго и краснаго,—которыя образуютъ разнообразные рисунки и узоры по кирпичному фону. Такого рода выкладка и облицевка, какъ извѣстно, въ большомъ ходу на мечетяхъ, воротахъ и другихъ зданіяхъ Самарканда, Бухары и различныхъ городовъ Персіи; а самыя арки съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ повторяются на другихъ старыхъ кладбищахъ мервскаго края надъ избранными могилами, см. напр. ниже надгробія Юсуфа Хамаданскаго, Талхатанъ-Бабы, и предназначались, вѣроятно, для отдохновенія пилигримовъ-поклонниковъ. Послѣдніе при посѣщеніи могилъ возлагаютъ на нихъ ввидѣ почтительныхъ приношеній куски хлѣба, а на одной я замѣтилъ обломокъ выдолбленнаго сѣраго камня, въ которомъ налита была вода.

Туркмены говорятъ, что подъ описанными плитами покоится прахъ какихъ-то проповѣдниковъ, а по другимъ преданіямъ—братъ и сестра благотворители; могиламъ приписываютъ чудодѣйственную силу: напр., во время пропажи скотины ходятъ извѣстное число разъ вокругъ могилы и вѣрятъ, что скотина послѣ этого навѣрно отыщется; приходятъ и недужные ради исцѣленія.

Насколько основательны толки народа о погребенныхъ здѣсь лицахъ, могутъ съ точностью свидѣтельствовать сами надписи, правильнымъ чтеніемъ и переводомъ которыхъ я обязанъ Бар. В. Р. Розену, за что и выражаю ему глубочайшую признательность.

На правой плитѣ (таблица VI) написано [1]):

لا اله الا الله محمد رسول الله ‖ الموت كاس و كل الناس شاربه ‖ و القبر باب و كل الناس داخله ‖ محمد محمد محمد
محمد ‖ هذا مقام كريم يتوقّع لمن ينزل بارجايه اصابة رجايه ولا يظنّ بمن يحزم الى حريمه ان يحرم اجابة دعايه يشبه البيت
العتيق فمن دخله فهو آمن يسقى من سحايب الافضال بامطار البركات و ا[م] يامن ‖ يستشفع به الى الله تعالى فى قبول ‖
السوال فلا غرو ان يشدّ السايلون مطايا الترحال الى مرو لله درّه من قبر ما اعزّه و اكرمه ومن مرقد ضمّ اعظم صاحب
رسول الله صلى الله عليه و سلم ما اشرفه و اعظمه و من مضجع برّده الله تعالى ا بمكان بريدة احد من الصحابة ‖ الكرام
الابرار الذين وجب رسوخ حبّهم فى النفوس بمنزلة النقوش فى الاحجار وهو ابو عبد الله بريدة ابن الحُصيب بن عبد الله
بن الحارث الاسلمى رضى الله عنه اسلم لمّا مرّ به النبى عليه الصل[وة] و [ا]ل[سلام] ‖ [م]هاجرا بموضع يسمّى بالغميم و قد

---

[1]) Въ прямыя скобки въ текстѣ надписей заключены недостающія, по предположенію, слова и буквы на испорченныхъ мѣстахъ плитъ.

مرّ عليه || بعد بدر و احُد و فاز بانعامه العميم و شهد حديبية و بايعه تحت الشجرة و احتبى من اغصان الرضوان (sic) هذه
البيعة اطيب الثمرة و جاور المدينة مدّة ثم فارقها الى البصرة ثم جاوزها الى خراسان ناصبا بها للدين || الحنيفى اعلام الفتح
و النصرة حتّى بلغ بلاد الترك || و قمع بها اهل البغى و الشرك ثم ترك تلك || البلاد راجعا الى مرو فقضى فيها نحبه ||
و لقى بالرضوان اربه سنة اثنتين او ثلث و ستين ☼

«Нѣтъ божества кромѣ Бога, Мухаммедъ—посланникъ божій. Смерть—чаша и всѣ люди испиваютъ её, и могила—дверь и всѣ люди входятъ въ неё. Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ.

Это мѣсто—благодатное: ожидается для того, кто останавливается у сторонъ его, исполненіе надежды его, и нельзя подумать, чтобы тому, кто направляется въ заповѣдное мѣсто это, было отказано въ пріемѣ моленія его. Оно похоже на предвѣчный храмъ (меккскій): кто входитъ въ него, тотъ безопасенъ,—онъ напоятся изъ тучъ милостей ливнями благословеній и счастія; произойдетъ заступничество предъ Богомъ Всевышнимъ относительно отвѣта на (его) мольбу,—и нѣтъ ничего удивительнаго, если просящіе осѣдлываютъ верховыхъ животныхъ путешествія въ Мервъ. Какая удивительная могила, какая она благодатная и славная! Какая удивительная усыпальница, скрывшая кости сподвижника посланника божія, — да благословитъ и спасетъ его Богъ! Какая она важная и знатная! Какое удивительное ложе, которое прохладилъ Богъ Всевышній бытіемъ въ немъ Бурейды, одного изъ сподвижниковъ благородныхъ, праведныхъ, утвержденіе любви къ которымъ въ душахъ должно быть въ (такой же) степени (крѣпко, какъ утвержденіе) рисунковъ на камняхъ; онъ — Абу-Абдаллахъ-Бурейда, сынъ ал-Хусейба, сына Абдаллаха, сына ал-Хариса ал-Аслами,—да будетъ имъ доволенъ Богъ! Онъ принялъ исламъ, когда пророкъ—молитвы надъ нимъ и миръ!—покинувъ родину, проходилъ мимо него въ мѣстѣ, называемомъ «Гамимъ», и онъ проходилъ мимо него (пророка) послѣ «Бедра и Ухуда» [1]) и получилъ отъ него милость совершенную и присутствовалъ при «Худейбійѣ» [1]) и присягнулъ ему «подъ древомъ» [1]) и собралъ съ вѣтвей благодати этой присяги наисладостный плодъ. И подвизался онъ нѣкоторое время въ Mединѣ, затѣмъ покинулъ ее (переѣхавъ) въ Басру, затѣмъ ее оставилъ (перейдя) въ Хорасанъ, водружая въ немъ для вѣры мусульманской знамена побѣды и одолѣнія, и достигъ странъ Турокъ и укротилъ въ нихъ людей неправоты и многобожія; затѣмъ покинулъ тѣ страны, возвратившись въ Мервъ, и въ немъ исполнилъ обѣтъ свой и въ милости (божіей) встрѣтилъ желаніе свое (т. е. умеръ) въ лѣто 62-е или 63-е».

На лѣвой плитѣ (таблица VII) написано:

لا اله الا الله محمد رسول الله || الموت كاس وكل الناس شاربه || و القبر باب و كل الناس داخله || محمد محمد محمد
محمد || و ما ينُقشُ على لوح الجنان و يترجم عنه باللسان ويستحكم بناؤه بشهادة الاركان شكر الله تعالى قبل الصلوة على
النبي و صحبه اهل الرحمة و الرضوان و بعد فان || صاحب هذا المرقد ساحب ذيل || المجد و الشرف ببركة مصاحبة

[1]) Объ этихъ извѣстныхъ моментахъ въ исторіи Мухаммеда см. *A. Sprenger*, Das Leben und die Lehre des Mohammad, III, 112 и сл., 170 и сл., 242 и сл.

رسول الله صلى الله عليه و سلّم على هام الفرقد الحكم بن عمرو بن مجدع بن حذيم ابن الحارث الغفارى كان حكما
على البصرة فصرف عنها || الى ولاية بعض الاعمال بخراسان الى ان || انتقل بمرو الى جوار الله تعالى فى الجنان و دفن
فى هذا الموضع بجنب صاحبه بريدة بن الحصيب الاسلمى رضى الله عنهما فطوبى لموضع شرفه هذان الجسدان الكريمان
كاذ[ه] || [برج] ذو جسدين من الفلك الا[على] || [ا]جتمع به النيّران العظيمان يحوى جهتى بيوت السعادة و انقلاب
الزايرين عنه بالحسنى و بزيادة فيا ايّها العاكفون قريب هذه الحوزة الشريفة و الطايفون حول هذه البقعة المنيف[ة] || و
القاصدون اليها رجالا و على ضوامر || من كلّ فجّ عميق و صوب سحيق تقرّبوا || الى الله تعالى بتعظيمها تزدد مراتب قربكم
و || تعرضوا لما يفيض فى ايّام الدهر على حريمها من نفحات ربّكم || وارفعوا فيها ايدى الدعا يرفع الى مصاعد القبول
وابسطوا اكفّ السوال تصلوا ببسط النوال الى غاية المسئول و نهاية المامول واعلموا ان للارواح الطاهرة إثاراً ظاهرة و انواراً
باهرة و ارواحًا طيّبة تضوّع لمن اورده نصوع الطويّة و صفاء العقيدة بالاكابر الى ما ضمّر || اجسادهم المباركة
من المقابر سيّما الصحابة || الذين هم ارجى الناس للرضوان من ربّهم و || جعل رسول الله صلى الله عليه و سلّم بُغضه
فى || بغضهم و حبّه فى حبّهم حيث قال عليه الصلوة و السلام الله الله فى اصحابى فمن احبّهم فبحبّى احبّهم و من ابغضهم
فببغضى ابغضهم اعاذنا الله تعالى من بغضهم و اساءة الظنّ بكلّهم او بعضهم و نفعنا بحبّهم اجمعين و رضى عنهم و عن
جميع المسلمين ✡

«Нѣтъ божества кромѣ Бога, Мухаммедъ—посланникъ божій. Смерть—чаша, и всѣ люди испиваютъ её, и могила—дверь и всѣ люди входятъ въ неё. Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ.

То, что вырѣзывается на скрижали сердца и о чемъ вѣщаетъ языкъ и что прочно установляется свидѣтельствомъ столповъ (вѣры)—есть вознесеніе благодарности Господу Всевышнему прежде молитвы за пророка и спутниковъ его, мужей милости и благоволенія. Покоящійся въ усыпальницѣ этой есть влачащій шлейфъ величія и славы въ благодати сподвижничества посланнику божію—да благословитъ и спасетъ его Богъ!—до вершины звѣзды Арктура ал-Хакамъ, сынъ Амра, сына Меджда', сына Хузейма, сына ал-Хариса ал-Гифари. Онъ былъ правителемъ Басры и изъ нея былъ переведенъ на управленіе нѣкоторыхъ областей въ Хорасанѣ и переселился въ Мервѣ въ сосѣдство Бога Всевышняго въ рай и погребенъ въ этомъ мѣстѣ около товарища своего, Бурейды, сына ал-Хусейба ал-Аслами,—да будетъ Богъ доволенъ ими обоими! Благо мѣсту, которое возвеличили эти два славныя тѣла: оно похоже на зодіакальный знакъ о двухъ тѣлахъ на высшемъ небѣ, въ которомъ соединились два великія свѣтила и которое обнимаетъ обѣ стороны «домовъ блаженства» [1]),—а возвращаются отъ него (т. е. отъ этого мѣста) посѣтившіе его съ благодатью и прибылью.

---

[1]) Переводъ всего этого мѣста основывается на томъ предположеніи, что въ поврежденномъ мѣстѣ надписи стояло слово برج, вставленное нами въ текстѣ въ [ ]. Въ арабской астрологіи знаки зодіака и проходящія черезъ нихъ звѣзды играютъ большую роль. Соединенію извѣстныхъ звѣздъ приписывалось извѣстное обѣщавшее счастіе или несчастіе значеніе. «Домомъ» называется тотъ зодіакальный знакъ, въ которомъ «обитаетъ» извѣстная планета. За вѣрность нашего перевода этого мѣста мы впрочемъ не можемъ ручаться.

О вы, пребывающіе около этого славнаго мѣста и ходящіе вокругъ этого высокаго участка и стремящіеся къ нему пѣшкомъ и на тощихъ (животныхъ) изъ всѣхъ глубокихъ ущелій и отдаленныхъ мѣстъ! Приблизьтесь къ Богу Всевышнему почтеніемъ его (мѣста): увеличатся степени близости вашей и вы удостоитесь принять дуновенія Господа вашего, изливающіяся во вся времена на заповѣдное мѣсто это; и воздымите въ немъ руки моленія: оно поднимется до вершины пріема; и прострите длани прошенія: въ распространеніи (Богомъ) дара вы достигнете высшей степени (вами) испрошеннаго и крайняго предѣла того, на что (вы) надѣялись; и знайте, что чистыя души (оставляютъ) слѣды явные и сіянія блестящія и ароматы благовонные, которые изливаются на тѣхъ, кого чистота души и искренность вѣры въ великихъ мужей приводитъ къ могиламъ, скрывающимъ ихъ благословенныя тѣла, особенно сподвижниковъ, которые наиболѣе изъ людей уготованы къ благоволенію Господа ихъ и ненависть къ которымъ и любовь къ которымъ посланникъ божій—да благословитъ и спасетъ его Богъ! — отожествилъ съ ненавистью къ нему самому и любовью къ нему самому, такъ какъ сказалъ—молитвы надъ нимъ и міръ!—«Бойтесь Бога относительно сподвижниковъ моихъ, ибо, кто полюбилъ ихъ, тѣхъ я возлюблю за любовь ко мнѣ и кто ихъ возненавидѣлъ, тѣхъ я возненавижу за ненависть ко мнѣ». Да упасетъ насъ Богъ Всевышній отъ ненависти къ нимъ и дурныхъ мыслей о всѣхъ ихъ вмѣстѣ и о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, и да наградитъ насъ любовію къ нимъ всѣмъ, и да будетъ доволенъ ими и всѣми мусульманами!»

Изъ этихъ надписей вытекаетъ несомнѣнно, что обѣ могилы составляли одно цѣлое, принадлежали къ одной «бук'а»— بقعة.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилъ уцѣлѣлъ круглый, куполообразный, довольно глубокій водоемъ съ большимъ спускомъ внизъ по кирпичнымъ ступенькамъ; противъ двери почти на уровнѣ земли небольшое окошечко, дно покрыто грязью и лѣсомъ, почему и неизвѣстно, выложено ли оно кирпичемъ или нѣтъ. Водоемъ сложенъ изъ кирпича на крѣпкомъ цементѣ.

Вотъ все, что болѣе или менѣе сохранилось въ южномъ обводѣ городища: въ другихъ камерахъ и на могилахъ нѣтъ ни цѣлыхъ плитъ, ни обломковъ, ни слѣдовъ какихъ бы то ни было надписей.

Что же это за городище Султанъ-Кала, какъ «Старый Мервъ»?

Оно, несомнѣнно, одинъ изъ четырехъ городовъ, о которыхъ говоритъ Конолли и который у Вольфа, на картѣ персидскаго инженера и у О'Донована носитъ названіе «города Султанъ-Санджаръ». Какъ замѣчено уже было мимоходомъ выше, это столичный городъ Сельджуковъ, образовавшійся постепенно, при существованіи еще Гяуръ-Калы, въ которомъ было много сельджукскихъ построекъ—мечетей, дворцовъ, училищъ, надгробій, библіотекъ—какъ заявляетъ арабскій Казвини (Закарія) и какъ установлено было нами и предположено на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ; нѣкоторая доля въ этихъ постройкахъ принадлежитъ также смѣнившимъ династію Сельджуковъ Харезмшахамъ [1]); городъ, стало быть, который въ теченіе трехъ дней при султанѣ Санджарѣ былъ варварски разграбляемъ Гузами и

[1]) См. выше, стр. 53, 27, 28, 33.

уничтоженъ, можно сказать, стертъ съ лица земли Монголами въ 1219 году [1]). Имъ то восхищался Якутъ, проведшій въ немъ три года и покинувшій его въ силу необходимости — онъ тщательно описалъ намъ мервскія книгохранилища и сохранилъ память о двухъ мечетяхъ, находившихся въ одной оградѣ [2]).

Стѣна вокругъ города, по словамъ персидскаго Казвини (Хамдаллаха), а за нимъ и Хаджи-Хальфы [3]), возведена была государемъ Меликъ-Шахомъ и имѣла въ окружности 12,300 шаговъ, — цифра, какъ и теперь оказывается, весьма близкая къ дѣйствительности: каждая сторона неправильнаго внутренняго квадрата Султанъ-Калы, какъ было сказано, имѣетъ около 2 верстъ, или 1000 саженъ, или 3000 шаговъ, что въ окружности составитъ 12,000 шаговъ, — излишекъ Казвини въ 300 шаговъ можетъ отойти на неправильность самаго квадрата. Сколько воротъ было въ городѣ, мы не знаемъ; извѣстно только изъ словъ Хафизи-Абру, когда онъ говоритъ о заселеніи Мерва при Шахрохѣ [4]), что одни находились у могилы Бурейды, одной изъ нами описанныхъ, и назывались «воротами знаменосца». Фразу этого писателя: новый каналъ шелъ до «Дервазеи-аламдаръ — воротъ знаменосца», *которыя принадлежатъ уже къ городу Мерву»* я понимаю такъ: .... *«къ старому городу Мерву»* сравнительно съ *новымъ* Шахроха; иначе никоимъ образомъ и понять нельзя, потому что, какъ увидимъ ниже, Шахрохъ не возобновилъ Султанъ-Калу, а возвелъ *новый* городъ, отъ нея на юго-западъ.

«Ворота знаменосца», стало быть, были южными. Сѣверными могли быть тѣ, которыя тотъ-же авторъ называетъ «воротами Кушмейхенъ», по имени деревни, лежавшей къ сѣверу въ пескахъ, если только городомъ, посрединѣ котораго черезъ эти ворота протекалъ каналъ, считать нынѣшнюю Султанъ-Калу, а не Гяуръ-Калу: болѣе вѣроятія за первымъ предположеніемъ, такъ какъ Кушмейхенскія ворота, примѣнительно къ Гяуръ-Калѣ, ни у одного изъ старыхъ арабскихъ путешественниковъ не упоминаются; вѣроятно, Хафизи-Абру, когда говоритъ о *старомъ* Мервѣ при канализаціи Мерва за время Шахроха, имѣетъ всегда ввиду нынѣшнюю Султанъ-Калу.

Наконецъ, Джувейни, описывая паденіе Мерва при Монголахъ, называетъ трое воротъ [5]) — «городскія» — دروازهٔ شهرستان , «Фирузи» — دروازهٔ فیروزی и ворота, выходившія на Маджанъ, у которыхъ былъ садъ «Махи-абадъ»; изъ нихъ первыя могутъ относиться къ древнѣйшему мервскому городищу, Гяуръ-Калѣ, если руководиться названіемъ, сохраненнымъ арабскими путешественниками; вторыя, упоминаемыя еще только Якутомъ [6]), и то вскользь, могли принадлежать къ Султанъ-Калѣ, но съ какой стороны ея они находились и по какой причинѣ такъ прозывались, на это нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній; третьи, «выходившія на Маджанъ», извѣстны и Якуту (выше, стр. 42); они были несомнѣнно въ восточной стѣнѣ города и отъ нихъ начинался большой кварталъ Махи-абадъ, похожій на отдѣльную деревню;

---

1) См. выше, стр. 29, 48 и сл.

2) См. выше, стр. 34.

3) См. выше, стр. 55, 80.

4) См. выше, стр. 66, 67.

5) См. выше, стр. 49, 51.

6) درب الفيروزية, III, 11, s. v. ساسان: выше, стр. 44.

подъ «городомъ» здѣсь нужно понимать Гяуръ-Калу, потому что на востокъ отъ стѣны нынѣшней Султанъ-Калы нѣтъ мѣста для большаго квартала: мы видѣли уже, что восточная стѣна Султанъ-Калы и западная Гяуръ-Калы почти соприкасаются и раздѣлены только русломъ стараго канала.

Способствовать нахожденію воротъ современныя намъ стѣны Султанъ-Калы отнюдь не могутъ: онѣ въ столь плохомъ состояніи, что любой большой обвалъ въ нихъ при извѣстномъ желаніи можетъ быть принятъ за мѣсто старыхъ воротъ. Гораздо интереснѣе вопросъ: гдѣ помѣщать сказанныя ворота? въ стѣнахъ ли внутренняго квадрата или въ стѣнахъ сѣвернаго и южнаго обводовъ городища? Могила Бурейды, опредѣляющая ихъ положеніе, находится въ совершенно одинаковомъ разстояніи какъ отъ перваго, такъ и отъ послѣдняго. Вопросъ этотъ сводится къ тому, что считать ли *собственнымъ* городомъ только площадь внутренняго квадрата или и обводовъ, и ясно разрѣшается, по крайней мѣрѣ относительно южнаго обвода, Якутомъ, подъ словами «Джассинъ» и «Разикъ»: здѣсь, въ южномъ обводѣ, былъ кварталъ, лежавшій *внѣ* города, о чемъ рѣчь будетъ ниже; отсюда прямо вытекаетъ, что «ворота знаменосца» были въ стѣнѣ самаго города, т. е. нынѣшней собственной Султанъ-Калы. Тогда что же представляютъ изъ себя эти обводы? По моему убѣжденію, это стѣна *ал-рай* въ миніатюрѣ: первая окружала въ старину, кромѣ самаго внутренняго города, *всѣ* его кварталы и пригороды, вторая же оберегала только *нѣкоторые*, наиболѣе къ городу близкіе, заселенные, богатые; она могла, конечно, существовать одновременно съ собственно городской, могла быть возведена подъ гнетомъ какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть, даже нашествія Гузовъ, какъ второй болѣе надежный и крѣпкій оплотъ самаго города. Во всякомъ случаѣ нѣтъ положительно никакихъ данныхъ дѣлать изъ южнаго и сѣвернаго обводовъ Султанъ-Калы самостоятельно существовавшаго города, да еще называть его «Искендеръ-Кала—Александровой крѣпостью», какъ это дѣлаетъ карта Генеральнаго Штаба, О'Донованъ, не въ мѣру увлекающійся Александромъ Македонскимъ, и г. Комаровъ, а за ними многіе туристы: повторяемъ,—это собственный городъ и его нѣсколько кварталовъ [1].

Описанное нами куполообразное зданіе по свидѣтельству историковъ есть дѣйствительно надгробный мавзолей султана Санджара; по словамъ однихъ, его построилъ самъ султанъ и назвалъ «домомъ будущей жизни» [2]; другіе говорятъ, что онъ возведенъ на средства одного изъ слугъ султана; зданіе это было раздѣлено отъ большой мечети только рѣшетчатымъ окномъ и надъ нимъ возвышался куполъ голубаго цвѣта, который виденъ издали на разстояніи одного дня [3]; есть также указанія, что могила Санджара была во дворцѣ, и что при жизни еще онъ поручилъ приближенному приготовить ему надгробную плиту [4]. И въ томъ,

---

[1]) При чтеніи послѣдняго подробнаго описателя до-монгольскаго Мерва — Якута, можно подумать, что новая, обстроившаяся при Сельджукахъ часть города—Султанъ-Кала не была и не считалась *исключительно* Мервомъ, и что до самаго появленія монголовъ въ понятіе о мервскомъ «городѣ» входила и устарѣвшая, но не покинутая окончательно Гяуръ-Кала: введя много новыхъ названій кварталовъ, рѣкъ и пр., Якутъ какъ бы удерживаетъ, примѣнительно къ своему времени, нѣкоторыя названія отдѣльныхъ частей Мерва X вѣка. Такое явленіе объясняется однако просто тѣмъ, что для своего словаря онъ бралъ готовый, но болѣе старый матеріалъ изъ «Книги родословій» Сам'ани и др.

[2]) См. выше, стр. 30.

[3]) См. выше, стр. 34.

[4]) См. выше, стр. 30, прим. 2; срав. стр. 27, прим. 4.

и въ другомъ случаѣ памятникъ относится къ XII столѣтію [1]). При раззореніи Мерва Монголами памятникъ преданъ былъ пламени, а сама могила разрыта въ поискахъ сокровищъ [2]), но онъ уцѣлѣлъ, и крѣпости его удивляется Асфизари, называя его одною изъ величайшихъ построекъ вселенной [3]).

Что касается сказаннаго сейчасъ *рѣшетчатаго окна* въ куполообразномъ зданіи надъ могилою Санджара, то *мѣста* его въ настоящее время на стѣнахъ не видно; но въ томъ, что вблизи самаго надгробія въ прежнее время находились большія постройки, нѣтъ ничего невѣроятнаго: окружающіе его осѣвшіе, убитые бугры—внушительныхъ размѣровъ, а приведенныя уже нами слова Хафизи-Абру (стр. 27, прим. 4) заставляютъ предполагать въ Мервѣ существованіе на одномъ мѣстѣ—дворца, куполообразнаго зданія съ могилою и соборной мечети.

Что касается двухъ могилъ въ южномъ обводѣ городища, то изъ надписей уже извѣстно, что онѣ принадлежатъ двумъ сподвижникамъ Мухаммеда—Бурейда б. ал-Хусейбу и ал-Хакаму Гифари. Первый переселился въ Мервъ по завѣту пророка и умеръ въ немъ въ 681 году; второй былъ назначенъ Зіядомъ въ 665 году въ Мервъ правителемъ и скончался въ 670 году [4]). Плиты во всякомъ случаѣ не современныя могиламъ, но вопросъ, кѣмъ и въ какое время онѣ возложены и кѣмъ воздвигнуты самыя надгробія съ арками, къ сожалѣнію, остается совершенно открытымъ и для догадокъ — большой просторъ [5]). Нѣкоторымъ основаніемъ для опредѣленія времени плитъ, мнѣ кажется, можетъ служить ихъ типъ, который необыкновенно близко подходитъ къ типу намогильныхъ камней, которые окружаютъ знаменитый нефритъ Тамерлана, принадлежатъ его ближайшимъ потомкамъ и родичамъ, и находятся въ Самаркандѣ подъ куполомъ «Гури-миръ». Если памятники одновременны, то наши плиты принадлежатъ къ XV вѣку, и, можетъ быть, создатель ихъ—Шахрохъ, обновитель мервскихъ пепелищъ послѣ монгольскаго нашествія. Какъ бы то ни было, плиты слишкомъ хорошо сохранились, и почеркъ ихъ надписей вовсе не старъ, чтобы можно было отнести ихъ къ болѣе отдаленному времени.

Могилы сподвижниковъ еще при Сам'ани и Якутѣ, т. е. въ XII и XIII вв., служили мѣстомъ поклоненія паломниковъ. Кладбище южнаго обвода городища въ старину было большимъ кварталомъ Мерва (Гяуръ-Калы и Султанъ-Калы), который назывался «Джассинъ»; около могилъ протекалъ каналъ Разикъ. Въ указанное сейчасъ время кварталъ уже былъ необитаемъ и лежалъ за чертою самаго города Мерва; образовавшееся изъ него кладбище называлось «Танургеранъ» [6]).

---

[1]) Интересно, что председательница Московскаго Археологическаго Общества, *гр. Уварова*, находитъ такое опредѣленіе слишкомъ рискованнымъ и думаетъ, что «детали и лѣпная работа, украшающія зданіе, врядъ ли позволятъ намъ подобное заключеніе»—«Поѣздка въ Ташкентъ и Самаркандъ» въ Русской Мысли за 1891 г., Декабрь, стр. 20. Жаль, что изъ словъ почтенной председательницы всетаки не видно, въ чемъ заключается эта рискованность.

[2]) См. выше, стр. 52, 53.

[3]) См. выше, стр. 71, 72.

[4]) См. выше, стр. 11.

[5]) *Только это* мнѣніе о плитахъ было высказано мною въ бесѣдѣ съ разными лицами на мѣстѣ, въ Байрамъ-Али, и я очень сожалѣю, что г. Е. Маркова увѣряли, будто я, «прочтя эти надписи, убѣдился, что *онѣ* не имѣютъ никакого отношенія къ Байрамъ-Али и что безъ сомнѣнія *они* были привезены впослѣдствіи (?) изъ какого нибудь завоеваннаго города (?) въ замѣну давно разрушенныхъ гробовъ основателей мервскаго ислама (?)». *Е. Марковъ.* Въ Туркменіи: Русское Обозрѣніе, Іюнь, 1892 г., стр. 461.

[6]) См. выше, стр. 35, 39, 44—слова «Джассинъ, Мервъ, Разикъ».

Развалины Султанъ-Калы и Гяуръ-Калы, вмѣстѣ взятыя, имѣлъ, вѣроятно, ввиду спутникъ Надиръ-Шаха, Ходжа-Абд-ал-Керимъ [1].

Описанное нами городище Султанъ-Кала, надо думать, измѣнилось за послѣднія 50 лѣтъ: карта персидскаго инженера упоминаетъ объ устроенномъ султаномъ Санджаромъ училищѣ, которое помѣщено какъ разъ за его надгробіемъ на сѣверъ;—теперь въ указанномъ мѣстѣ нѣтъ ничего, кромѣ кучъ кирпича, засыпанныхъ наносной землей; если даже допустить, что училище на карту нанесено не совсѣмъ точно, то и тогда мы его не найдемъ, потому что въ ближайшей окружности, и въ особенности внутри города, нѣтъ ни одной развалины, которая могла бы быть принята за остатки восточнаго медресэ.

Прежде чѣмъ перейти въ слѣдующее городище, возвратимся къ писателямъ Якуту и Сам'ани, которые дали необыкновенно полную картину мервской культурной полосы до начала XIII вѣка, отмѣтивъ расходившіеся на далекое разстояніе отъ Мерва — его кварталы, поселки, города. Ихъ пространный списокъ мервскихъ поселеній, уже приведенный нами въ другомъ мѣстѣ, мы расположимъ здѣсь въ алфавитномъ же порядкѣ *по разстоянію* отдѣльныхъ пунктовъ отъ города, отмѣчая, если таковые упомянуты у писателей, предшествовавшихъ Якуту и Сам'ани и слѣдовавшихъ за ними [2]. Эти мервскія поселенія по необходимости я дѣлю на двѣ группы: 1) мѣста, разстоянія которыхъ даны точно или приблизительно, и 2) мѣста, положеніе которыхъ осталось безъ опредѣленія. Въ большинствѣ случаевъ мы знаемъ только разстояніе отъ Мерва, безъ указанія стороны свѣта, и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ можемъ относительно ближайше опредѣлить положеніе мѣста, руководясь общими выраженіями: Якутъ и др. опредѣляютъ иногда мѣста близостью харезмскихъ песковъ или пустыни, простиравшейся отъ Сарахса къ Мерву и отъ Мерва къ Хивѣ;—такія мѣста, очевидно, будутъ находиться отъ Мерва или на югъ и юго-западъ, или на сѣверъ и сѣверовостокъ. Нѣкоторые пункты Якутъ и Сам'ани полагаютъ въ болѣе высокой, нагорной части области (اعلى البلد [3]) и низкой, низменной (اسفل),—повышеніе мѣстности идетъ постепенно отъ самаго города, идетъ на югъ и юго-востокъ [4]. Наконецъ, положеніе нѣкоторыхъ селеній извѣстно изъ разныхъ дорожниковъ отъ Мерва къ большимъ городамъ. Предѣльнымъ пунктомъ на югѣ мною взято селеніе Каринейнъ, за которымъ мѣста административно отходили къ Мерверруду.

I. Мѣста съ опредѣленнымъ разстояніемъ отъ Мерва.

1. *Кварталы, пригороды и селенія до 1 фарсаха (6—7 верстъ).*

Анбаръ (видно, если выйти изъ «городскихъ» воротъ; въ болѣе высокой части области), Бабанъ (кварталъ нижней части города), Бабъ-Ширъ (около Дервазека), Бабъ-Шуристанъ (квар-

[1]) См. выше, стр. 82.

[2]) Такой списокъ будетъ небезполезенъ для послѣдующихъ археологическихъ изысканій въ краѣ.

[3]) Въ большомъ персидскомъ географическомъ словарѣ مرات البلدان ناصرى, издающемся въ Тегеранѣ *Мухаммедъ-Хасанъ-Ханомъ*, выраженіе это передается, pass., черезъ قسمت مرتفع خاك ; у *Вюстенфельда*, Jâcût's Reisen, стр. 478—«Oberland»; у *Barbier de Meynard*, Dictionnaire géographique..., pass., «la région supérieure, les hauteurs».

[4]) Напр. мнѣ говорили, что Султанъ-бендъ выше Байрамъ-Али на 15 саженъ.

талъ), Барнабадъ (около «городскихъ» воротъ), Беджваръ (кварталъ нижней части), Бузнанъ (превратился въ городской кварталъ), Белкіянъ, Бемланъ, Бухшабъ (X в. Ибнъ-Хаукаль; начало городскаго водораздѣла), Дареканъ, Дервазекъ (около Дивекана), Дериджэ, Джассинъ (старый кварталъ—кладбище, съ могилами Бурейды и Ал-Хакама), Джубакъ (мѣсто въ городѣ), Заріянъ, Зерджинъ (большой кварталъ), Куи-Исхаки-Кусэ (кварталъ), Махи-абадъ (большой кварталъ у мервскихъ воротъ съ восточной стороны) [1]), Мирмаханъ (около Дервазека, соединялся съ внутреннимъ городомъ), Разикъ (большой кварталъ внѣ города, необитаемый, на рѣкѣ того-же имени), Резабадъ (кварталъ), Садака (предмѣстье), Сасанъ (внѣшній кварталъ), Сельма (кварталъ), Сенджанъ (у «сенджанскихъ» воротъ города), Сувейка-ал-Согдъ (кварталъ на Разикѣ), Тухаранъ-Бихъ (или Тухаранъ-Садъ, предмѣстье-кварталъ на каналѣ Маджанъ), Тувикъ (предмѣстье—первое мусульманское кладбище), Ферваджанъ, Хаузъ-Ризамъ (или Ризамъ, кварталъ), Хуббинъ, Шекланъ.

2. *Селенія до 2-хъ фарсаховъ (12—14 верстъ).*

Абданъ, Андакъ, Андерабэ (съ постройками и дворцомъ Санджара) [2]), Арва, Арсабендъ, Багъ (или Багъ-у-Берзенъ), Баджехустъ (Я.), Бахджерміянъ (около Андерабэ), Бенсареканъ (между Арсабендомъ и Навшемъ), Берзенъ (соединялся съ Бермаканомъ), Бесинэ, Буенэ, Бушанъ (въ верхней части области, около Андагана) [3]), Джулашджирдъ, Джулфаръ, Зебуе, Казэ (около Фиръянана), Махіянъ (Я.), Мулджаканъ, Мурейнъ, Навшъ (около Фенджекана), Тахшъ, Тайсафунъ, Тусанъ, Фарсабадъ, Фенджеканъ (около Бенсарекана), Фиръянанъ (около Баджехуста), Хусрабадъ, Хусравшахъ, Шабесэ, Шафсакъ, Шемихенъ (на нижней части канала Асади), Шикъ.

3. *Селенія до 3-хъ фарсаховъ (18—21 верстъ).*

Аштахастъ, Бекирдъ, Бурсанджирдъ, Гаракъ (въ нижней части области), Джаверсэ, Зулахъ, Махіянъ (С.), Маханъ (или Махуванъ), Михребендекшай, Ривеканъ (около Зулаха), Сельмананъ, Сифеденджъ (или Сикаденджъ, С.), Фенинъ, Харакъ (X в. Истахри, Мукаддаси—между дорогъ на Сарахсъ и Абивердъ), Шабринджъ (въ пескахъ) [4]), Шеваль (въ сторонѣ Фашана), Ширнахаджиръ (въ пескахъ).

4. *Селенія до 4-хъ фарсаховъ (24—28 верстъ).*

Аббадъ (то-же что Синджъ-аббадъ, Шинкъ-аббадъ, Нешкъ-аббадъ, Шихъ-ал-Аббади; X в. Мук. Сингъ-Аббади) [4]), Баджехустъ (С.), Белашджирдъ, Бузеншахъ, Галатанъ (или Гултанъ,

---

[1]) По словамъ *Джувейни*, выше, стр. 49, Махи-абадъ былъ у «воротъ, которыя выходили на каналъ Маджанъ».

[2]) Здѣсь, какъ мы видѣли, стр. 36, прим., Санджаръ остановился на пути изъ плѣна Гузовъ (за Аму) въ Мервъ; поэтому позволительно думать, что Андерабэ находилось гдѣ нибудь къ востоку отъ Мерва.

[3]) Андаганъ лежитъ въ 5 фарс. и Сам'ани, указывая для Бушана 2 фарс., совершенно основательно прибавляетъ: «говорятъ».

[4]) По *Wüstenfeld*, Jâcût's Reisen, стр. 476, въ пустынѣ къ Сарахсу.

въ высокой части области), Далгатанъ, Дерсинанъ (въ высокой части области), Джерира, Джиханъ, Зевалаканджъ (кварталъ Синджа), Зумулкъ (по сосѣдству съ Синджемъ), Казэ (около Фиръянана), Маберсамъ, Манаканъ (кварталъ Синджа), М.рур.мъ (X в. Истахри, по дорогѣ въ Хератъ, на рѣкѣ), Немекбанъ (около Синджа, Синджъ-аббада, въ предѣлахъ пустыни), Сасенджирдъ (въ пескахъ), Саусаканъ (въ пустынѣ; X в. Истахри, Мукаддаси—въ направленіи Харака), Синджъ (Я. на рѣкѣ; X в. Ист., Мук. въ одной стоянкѣ отъ Мерва между дорогъ на Сарахсъ и Мерверрудъ), Сифеденджъ (Я.), Фашанъ (или Башанъ; X в. Ист., Мук. на одинъ фарсахъ не доѣзжая Хурмузферрэ, а послѣднее у харезмскихъ песковъ), Ферахинанъ, Фиръянанъ (около Баджехуста), Шавешканъ (или Саусаканъ, въ пустынѣ).

5. *Селенія до 5 фарсаховъ (30—35 верстъ).*

Андаганъ (въ высокой части), Бедисъ, Белджанъ (около Кемсана), Бундуканъ, Бурзъ (около Кемсана), Бушанъ (въ высокой части), Бушвадекъ (въ высокой части), Гавляканъ, Дженуджирдъ (Генугирдъ, по дорогѣ въ Нишабуръ и Сарахсъ, первая станція; IX, X вв. Ибнъ-Хордадбехъ, Кодама, Мукаддаси), Джулахтуджанъ (въ высокой части), Дубзенъ (около Кемсана), Дурбиканъ, Ифширеканъ (около Нешка, въ высокой части), Кемсанъ, Кушмейхенъ (въ пескахъ; IX, X вв. Ибнъ-Хордадбехъ, Кодама, Истахри, Мукаддаси—первая станція изъ Мерва въ Амоль), Нешкъ (или Нешкъ-аббадъ), Санваджирдъ, Санканъ, Синанъ [1]), Сукунданъ (около Синджа), Тудъ (или Тузъ), Фернабадъ [1]), Фундинъ, Хурмузгандъ, Хурмузферрэ (въ пескахъ; X в. Ист., Мук. влѣво отъ Кушмейхена около одного фарсаха), Шаберабадъ, Шиджъ (по дорогѣ въ пустыню).

6. *Селенія до 6 фарсаховъ (36—42 верстъ).*

Джиренджъ (X в. Истахри, на рѣкѣ), Заганданъ (около Синджа), Заркъ (въ высокой части области; X в. Ист.), Зерземъ (около Кемсана), Нафканъ (около Кемсана, въ высокой части области), Рухханъ (или Раханъ), Хабакъ (около Джиренджа), Хартатъ (или Харта, около Шавана, въ пескахъ), Шаванъ [1]).

7. *Селенія до 7 фарсаховъ (42—49 верстъ).*

Базъ (или Фазъ; IX, X вв. Ибнъ-Хорд., Код., Мук. первая станція по дорогѣ въ Хератъ), Исфесъ (около Фаза, въ высокой части), Месусъ (или Месвесъ), Милаканъ (около Шиха), Рамашахъ (около Шиха), Хавраканъ (около Шиха), Синджъ (С.).

8. *Селенія до 8 фарсаховъ (48—56 верстъ).*

Шемиранъ.

9. *Селенія до 10 фарсаховъ (60—70 верстъ).*

Денданеканъ (по дорогѣ въ Сарахсъ, въ пустынѣ; IX, X вв. Ибнъ-Хорд., Ист., Мук. вторая станція изъ Мерва), Джиренджъ (по дорогѣ въ Хератъ), Джубанъ (или Губанъ, въ высокой части, около Джиренджа).

---

[1]) По *Wüstenfeld*, Jacût's Reisen, стр. 476, въ пустынѣ къ Сараxсу.

10. *Селенія до 15 фарсаховъ (90—105 верстъ).*

Дулабъ и Рудбаръ (между Баркдизомъ (Каринейнъ) и Джиренджемъ), Каринейнъ (IX, X вв. по Ибнъ-Хорд. 25 ф., по Ист., Мук. 4 перехода по дорогѣ въ Хератъ), Махди-абадъ (по Ибнъ-Хорд. 13 ф., по Мук. 2 перехода по дорогѣ въ Хератъ).

11. *Селенія до 20 фарсаховъ (120—140 верстъ).*

Бахирабадъ (или Яхъя-абадъ по Ибнъ-Хорд.; по Мук. 3 перехода по дорогѣ въ Бальхъ).

II. Мѣста безъ опредѣленнаго разстоянія отъ Мерва.

1. *Селенія въ высокой части области.*

Бабъ-Каранъ, Берареджанъ (на верхней части канала Маджанъ), Джурмихенъ, Кенджеканъ, Уштурджъ [1]).

2. *Селенія, положеніе которыхъ совсѣмъ неизвѣстно.*

Алинъ (на нижнемъ теченіи рѣки Хареканъ), Анкульканъ, Арзанкъ-абадъ, Багнабадъ, Бала (или Кувала), Балаканъ (названіе его сохранила сосѣдняя рѣка), Баранъ (или Дизе-Баранъ), Бенирекань, Берванджирдъ (у песковъ), Бехаръ (или Бехаринъ), Бешбакъ (или Бешбе), Бейсанъ, Биманъ (около Худджана), Бузенджирдъ (у песковъ) [1]), Бузмаканъ (Бермаканъ), Бунанъ, Бутакъ, Газакъ, Гуріянъ, Дестеджирдъ, Джалахбаканъ, Джиремезданъ, Джишебуръ, Джіясеръ (С.рикбарэ), Джубаръ, Джундефарканъ (Джунфарканъ), Джурабадъ, Джурджесаръ, Дизакъ, Динемезданъ (около Рикенджъ-Абдана), Дишанъ, Зенданъ, Зурракъ, Ибринакъ, Каляхсанъ, Лакемаланъ, Линъ, Маланъ, Мамаранъ, Масти, Михребананъ, Михриджанъ, Мугнанъ, Наренабадъ, Рикенджъ (Рикенджъ-Абданъ), Саганъ (или Джаганъ), Сахрабадъ, Седиверъ, Сирвъ, Тиліянъ, Тирканъ, Турканъ, Фелагирдъ, Феланань, Фендевинъ, Фераганъ, Ферхадджирдъ, Фиманъ, Фустуканъ, Футакъ, Халидабадъ, Хамкабадъ, Хафсабадъ (на рѣкѣ Кеваль), Хеферферъ, Хефтеджирдъ, Худджанъ, Шабай, Шабуртезэ, Шавешабадъ, Шехмиль.

Слѣдующее, третье по счету, городище лежитъ почти на югъ отъ описанной нами Султанъ-Калы. Оно двойное и каждая часть носитъ особое наименованіе, — западная прозывается крѣпостью Байрамъ-Али-Хана, а восточная крѣпостью Абдулла-Ханы; такія названія впрочемъ устанавливаетъ только карта Генеральнаго Штаба: теперь всѣ развалины именуются лишь Байрамъ-Али, откуда и станція желѣзной дороги, находящаяся какъ разъ на югъ отъ западной части, получила свое названіе. Городище это сравнительно съ предшествующими значительно меньшихъ размѣровъ, а его отдѣльныя части различнаго характера и вида. Часть Абдулла-Ханы (удержимъ пока эти названія)—правильный квадратъ со стороною саженъ въ 300 съ лишкомъ; стѣны выведены изъ обожженнаго четыреугольнаго кирпича, по размѣрамъ меньшаго, чѣмъ въ надгробіи султана Санджара, сложеннаго на глинѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

---

[1]) По *Wüstenfeld*, Jâcût's Reisen, стр. 476, въ пустынѣ къ Сарахсу, причемъ указаны разстоянія: Уштурджа—5 ф., Бузенджирда и Дестеджирда—4 ф.

кладка кирпича совсѣмъ необычная: въ одномъ ряду кирпичъ поставленъ въ отвѣсномъ положенiи на ребро, другой рядъ—правильный; слѣдующiй опять отвѣсный и т. д. Часть Байрамъ-Али-Ханъ по формѣ прямоугольникъ, плотно прилегающiй къ западной стѣнѣ Абдулла-Ханы и даже охватывающiй её, такъ что собственныхъ стѣнъ онъ имѣетъ только три: западную саженъ въ 375, и сѣверную и южную саженъ въ 250, которыя сложены изъ сырца и обмазаны глиной. Вдоль западной стѣны Абдулла-Ханы, которая какъ бы дѣлитъ все городище на двѣ части, проходилъ каналъ, составлявшiй съ этой стороны естественный ровъ его и выпускавшiй чрезъ особые ходы, находившiеся у юго-западнаго и сѣверо-западнаго угловъ

Рис. 8. Западная стѣна Абдулла-Ханы.

стѣны, воду въ искусственный ровъ, окружавшiй крѣпость съ трехъ другихъ сторонъ (рис. 8). Стѣны крѣпости, въ особенности Абдулла-Ханы, какъ сложенныя изъ болѣе прочнаго матерiала, сохранили башни, разставленныя, по моему приблизительному измѣренiю вдоль южной стѣны, въ 75 шагахъ разстоянiя одна отъ другой. Бойницы, капшеты, галлереи и другiя мѣры защиты, которыя, по отзывамъ военныхъ инженеровъ, мною слышаннымъ, свидѣтельствуютъ о строительномъ и военномъ знанiи бывшихъ здѣсь жителей, дѣлаютъ изъ Абдулла-Ханы твердыню, съ которою и сравнивать нельзя взятый покойнымъ Скобелевымъ туркменскiй лагерь Геокъ-тепэ.

Крѣпость имѣетъ въ восточной и западной стѣнѣ, не въ центрѣ а ближе къ южному углу, двое укрѣпленныхъ воротъ (рис. 9); отъ однихъ къ другимъ внутри крѣпости пролегала дорога или шла широкая улица; на той же самой линіи находились ворота и въ крѣпости Байрамъ-Али-Ханъ. Внутренность обѣихъ крѣпостей въ настоящее время прямая противоположность: Байрамъ-Али-Ханъ совершенно пуста,—никакихъ зданій, даже ихъ стараго матеріала, поверхность почти безъ бугровъ, только кое гдѣ небольшіе остатки домовыхъ сырцовыхъ стѣнъ. Абдулла-Ханы еще не очищена отъ развалинъ, и нѣкоторые памятники въ ней стоятъ, правда, готовые рухнуть почти каждый день и каждый часъ; здѣсь уцѣлѣло

Рис. 9. Ворота въ восточной стѣнѣ Абдулла-Ханы снаружи.

ихъ болѣе всего ближе къ сѣверной стѣнѣ и особенно въ углѣ сѣверо-восточномъ. Такое исчезновеніе развалинъ и, можетъ быть, разрушеніе самыхъ памятниковъ совершилось не совсѣмъ само собою и естественно: какъ строительный матеріалъ и щебень, онѣ вывезены послѣдними пришельцами, осѣвшими на развалинахъ—военной Закаспійской желѣзной дорогой и Мургабскимъ Государевымъ Имѣніемъ, которыя свои первоначальныя постройки возвели изъ матеріала, найденнаго на мѣстѣ готовымъ. Часть Байрамъ-Али-Ханъ, какъ болѣе близкая къ станціи и центру строительныхъ работъ въ Имѣніи, очищена отъ кирпича ранѣе: я еще засталъ рельсы, проложенные черезъ стѣну въ Байрамъ-Али, по которымъ ходили

вагонетки, вывозившія кирпичъ и щебень на строительныя работы Имѣнія. Къ сожалѣнію Имѣніе, предварительно вывоза развалинъ, не только не измѣрило ихъ и не описало, но даже не составило ни общаго, ни частныхъ детальныхъ рисунковъ, хотя и владѣетъ собственною фотографическою камерою.

Въ этой то части города и видѣлъ Конолли разныя зданія и между прочимъ хорошо сохранившуюся общественную баню о двухъ куполахъ.

Посмотримъ, что уцѣлѣло въ другой части городища — въ Абдулла-Ханы. Въ сѣверо-восточномъ углѣ ея ясно очерченъ тоже кирпичными съ глиняной обмазкой стѣнами городской *аркъ*-кремль, въ южной сторонѣ котораго уцѣлѣли три башни съ бойницами и входныя ворота (рис. 10). Посрединѣ кремля стоитъ двухэтажный дворецъ правителя, за которымъ помѣщаются надворныя службы, конюшни (рис. 11); во дворцѣ различаются ряды комнатъ съ внутренними оштукатуренными стѣнами, нишами, закопченными каминами, — домъ покинутъ какъ будто совсѣмъ недавно, а не стоитъ въ такомъ жалкомъ видѣ болѣе полустолѣтія. Стиль постройки совершенно персидскій; никакихъ слѣдовъ особой отдѣлки зданія незамѣтно.

Рис. 10. Южная стѣна кремля Абдулла-Ханы изнутри.

За тѣми же кремлевыми стѣнами, недалеко отъ дворца, къ восточной городской стѣнѣ

было пристроено зданіе, имѣвшее, кажется, куполообразный сводчатый входъ, который густо покрытъ копотью; внутреннія комнаты завалены и имѣютъ пробоину наружу города, сдѣланную, можетъ быть, въ новѣйшее время (рис. 12).

Среди развалинъ внутри городища лучше другихъ сохранилась мечеть съ принадлежавшими ей надворными постройками (рис. 13) и высокою стрѣльчатою аркою при входѣ съ востока (рис. 14); съ этой стороны она открыта гораздо болѣе въ основаніи, такъ что если войти въ неё съ запада, то нужно до внутренняго пола сдѣлать нѣсколько ступенекъ внизъ; рѣшительно никакихъ признаковъ надписей ни внутри, ни снаружи, равно никакихъ слѣ-

Рис. 11. Дворецъ правителя въ кремлѣ Абдулла-Ханы съ юга.

довъ внутренняго убранства, — оно было незатѣйливо: слой простой штукатурки, который теперь покрытъ персидскими стихотворными надписями путниковъ и русскими подписями, сопровождающими иногда настѣнныя скабрезности, которыя такъ любитъ полуграмотный людъ. Мечеть въ основаніи подбита, и окончательное паденіе ея вопросъ самаго недалекаго будущаго.

Передъ мечетью, какъ и полагается во дворѣ ея, бассейнъ для мусульманскихъ омовеній. Тутъ же, почти на югъ, рухнувшее медресэ—училище (рис. 15), въ которое со двора мечети велъ арочный входъ (рис. 16),—все изъ кирпича. Прочія руины не носятъ ничего

цѣльнаго; углы и стѣны разныхъ жилыхъ помѣщеній, иногда въ нѣсколько этажей [1]), подвалы, нижнія части бань, какъ всегда на востокѣ, на значительной глубинѣ въ землѣ, съ бассейнами, покрытыми непроницаемымъ для воды цементомъ, подземные водопроводы, выходящіе на поверхность открытыми колодцами, которые нынѣ — обиталище дикихъ голубей, — все это въ перемежку съ безформенными буграми цѣлаго и битаго кирпича, осколковъ стекла, черепковъ глиняной и фарфоровой посуды росписной поливы (рис. 17).

Городище это, несомнѣнно, то самое, которое посѣтилъ Габайдулла-Амировъ, когда оно было городомъ, окруженнымъ хорошими садами и деревьями, годными для строеній; обве-

Рис. 12. Зданіе въ кремлѣ Абдулла-Ханы у восточной стѣны.

деннымъ глиняною или изъ необожженнаго кирпича стѣною [2]), примѣрно въ 4 сажени вышины, 4 аршина толщины, въ окружности до 6 верстъ съ 3 воротами; въ кремлѣ существовалъ дворецъ хана, по имени Байрамъ-Алія; торговали въ трехъ каравансераяхъ изъ кирпича. Народъ жилъ въ глиняныхъ мазанкахъ [3]).

---

[1]) Совершенно обыкновенное явленіе на Востокѣ, что при постройкѣ дома (его разныхъ этажей и пристроекъ) употребляется смѣшанный матеріалъ—кирпичъ, сырецъ и глина,—нѣкоторымъ археологамъ показалось «характерною особенностью сооруженія зданій» въ Абдулла-Ханы, и, по ихъ мнѣнію, «отсюда позволительно (!!) думать, что всѣ такія постройки суть отпечатки нѣсколькихъ періодовъ времени, нѣсколькихъ народностей и нѣсколькихъ цивилизацій» (?!). *Д. И. Эварницкій*, Путеводитель, стр. 39.

[2]) Габайдулла-Амировъ имѣетъ ввиду *обѣ* части городища, а въ одной изъ нихъ стѣны дѣйствительно глиняныя.

[3]) См. выше, стр. 93.

О зданіяхъ этого городища—красивой мечети съ медресэ, прекрасномъ арсеналѣ, сводчатомъ базарѣ—говоритъ Фрезеръ, Конолли (о западной части) и О'Донованъ. Фрезеръ называетъ мечеть Тимуръ-шаховой, что едва ли справедливо: если Тимуръ-Шахомъ онъ называетъ ошибочно великаго Тамерлана, то при немъ, какъ мы уже видѣли [1], не было Мерва; если онъ разумѣетъ Тимуръ-Шаха, афганскаго государя, къ которому изъ Мерва обращались за помощію противъ Бухары, то тоже неосновательно: прикосновенность Тимуръ-Шаха къ судьбамъ Мерва была случайна и непродолжительна; да и время было не такое, чтобы затѣвать большія постройки [2].

Рис. 13. Юго-западный уголъ мечети въ Абдулла-Ханы.

Что же за городъ Мервъ исторически представляетъ собою наше двойное городище? Я нисколько не сомнѣваюсь, что это тотъ самый Мервъ, который возвелъ Шахрохъ, издавъ указъ въ 1409 году о заселеніи развалинъ и пустырей послѣ ужаснаго монгольскаго нашествія и исправивъ мургабскую плотину, безъ которой немыслимъ былъ городъ, и проведя отъ нея каналъ въ направленіи, подробно описанномъ Хафизи-Абру. Черезъ девять лѣтъ,

[1]) См. выше, стр. 53.

[2]) См. выше, стр. 86. *Schefer*, воспользовавшійся свѣдѣніемъ Фрезера для краткаго описанія Мерва въ приложеніи къ изданному имъ путешествію Насири-Хосрова, пошелъ еще далѣе и прямо назвалъ мечеть эту Тимуровою. См. Appendice, стр. 275.

т. е. къ 1418 году, уже существовалъ городъ съ мечетями, караван-сераями, садами, улицами [1]), но строительная дѣятельность продолжалась и продолжалась, вѣроятно, долго,—что дало возможность нѣкоторымъ писателямъ (Асфизари, Ахмеду Рейскому и Хаджи-Хальфѣ) [2]) приписывать созданіе *новаго* Мерва Мирза-Санджару, бывшему въ немъ правителемъ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1454 года [3]). Конечно, онъ могъ заботиться о благолѣпіи города, только нѣсколько лѣтъ призваннаго къ жизни, и особенно объ его крѣпости, такъ какъ задумывалъ самостоятельность, но самая мысль о возведеніи Мерва и ея первое и главное осуществленіе, должно во всякомъ случаѣ остаться за Шахрохомъ, а городищу нашему ближе

Рис. 14. Восточная сторона мечети въ Абдулла-Ханы.

всего было бы именоваться «Шахрохъ-Кала—городомъ Шахроха». Невѣрное свидѣтельство Асфизари и др., какъ видно, основано единственно на стихѣ Миръ-Али-Шира, допустившаго маленькую историческую неточность, увлекшись именемъ «Санджаръ», которое носилъ и знаменитый Сельджукскій султанъ, и мало извѣстный мервскій правитель.

Въ этомъ городѣ имѣли мѣсто всѣ нами вышеописанныя событія и факты при Тимуридахъ, Сефевидахъ, Узбекахъ, Бухарцахъ, вплоть до его постепеннаго паденія при послѣд-

[1]) См. выше, стр. 65—68.
[2]) См. выше, стр. 72, 76, 80.
[3]) См. выше, стр. 69, 70.

нихъ и окончательнаго перенесенія совсѣмъ на другое мѣсто при хивинскомъ владычествѣ. Историческіе источники, которыми мы при этомъ пользовались, нигдѣ положительно не говорятъ о двойномъ городѣ, какимъ мы видимъ его въ настоящее время, ни объ отдѣльныхъ наименованіяхъ каждой изъ двухъ его частей. Что первоначально существовала только восточная часть, бывшая настоящимъ городомъ, а западная есть его позднѣйшая пристройка, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію: говоритъ за это какъ странный планъ города, если городище разсматривать какъ одно цѣлое, такъ разный матеріалъ стѣнъ западной части и ея внутреннихъ построекъ. Интересно такимъ образомъ выяснить, когда и кѣмъ западная

Рис. 15. Училище при мечети въ Абдулла-Ханы.

часть построена и съ какою цѣлію. Вѣроятнѣе всего, конечно, съ цѣлію защиты. О поправленіи мервскихъ стѣнъ и особенномъ укрѣпленіи города историки обмолвливаются единственно за время шаха Аббаса Великаго, когда онъ въ 1600 году вступилъ въ Мервъ и при помощи войскъ окопалъ его глубокимъ рвомъ, исправилъ стѣны и башни и снабдилъ его орудіями и снарядами [1]). Не въ это ли время и была сдѣлана западная пристройка, т. е. обнесена стѣною площадь зданій, стоявшихъ внѣ крѣпости? Шаху Аббасу, посѣщеніемъ этимъ закрѣпившему за собою Мервъ и водворившему въ немъ по-

[1]) См. выше, стр. 78.

рядки, не существовавшіе со времени шаха Исмаила,—чеканъ монеты и шіитскую хутбу, весьма важно было, при постоянныхъ распряхъ съ Узбеками, имѣть на восточномъ рубежѣ Хорасана хорошо укрѣпленный городъ, надежный оплотъ, и ему ничто не мѣшало сдѣлать это исподволь, постепенно. Въ дальнѣйшіе тяжелые годы мервской исторіи, хотя бы времени Байрамъ-Али-Хана, разбираемая нами пристройка едва ли можетъ быть объяснена съ вѣроятіемъ: бухарскій погромъ Мерва разразился совершенно неожиданно,—еще съ Даніялъ-Би Байрамъ-Али-Ханъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ,—и удары слѣдовали такъ быстро и съ такою силою одинъ за другимъ, что у жителей не было ни вре-

Рис. 16. Арочный входъ изъ училища на дворъ мечети, въ Абдулла-Ханы.

мени, ни силъ думать о возведеніи добавочнаго укрѣпленія. Спѣшимъ оговориться: все сейчасъ сказанное—простое предположеніе, нимало не претендующее на неопровержимость.

Такого рода предположительныя соображенія о пристройкѣ втораго городища идутъ, на основаніи приведенныхъ нами историческихъ свѣдѣній, еще далѣе, вызывая вопросъ о перестройкѣ перваго городища, сводящійся, строго говоря, къ числу и расположенію въ немъ воротъ. Въ настоящее время мы имѣемъ въ Абдулла-Ханы двое воротъ, на одной линіи—въ восточной и западной стѣнѣ; а у историка Хафизи-Таниша мы читали [1]) о воротахъ въ *съ-*

[1]) См. выше, стр. 75.

верной стѣнѣ, которыя назывались «воротами Пехлевана Ахмеда»—по имени легендарнаго богатыря, погребеннаго къ сѣверу отъ городища, о гробницѣ котораго рѣчь будетъ ниже— и о «воротахъ Мухаммеда Табризскаго» — съ *западной* стороны; послѣднія — теперь на лицо: ведутъ изъ Абдулла-Ханы въ Байрамъ-Али, а сѣверныхъ нѣтъ, и въ какое время они заложены, неизвѣстно. Мы видѣли также, что и Габайдулла-Амировъ говоритъ о трехъ воротахъ, но его Мервъ—оба смежныя городища, въ которыхъ и теперь трое воротъ, но на *одной линіи*.

Что касается разнаго наименованія отдѣльныхъ частей нашего городища, то оно можетъ

Рис. 17. Развалины въ Абдулла-Ханы.

быть объяснено только народною любовью къ извѣстнымъ личностямъ: съ именемъ Абдаллахъ-Хана, этого популярнаго благотворителя, въ Средней Азіи и въ окрестностяхъ Мерва связываются многіе общественные памятники, не всегда въ дѣйствительности ему принадлежащіе; Байрамъ-Али-Ханъ—мѣстный богатырь, прославившій себя геройскими подвигами и отважной защитой города противъ Бухарцевъ. Исторически Мервъ никогда не назывался Байрамъ-Али, и весьма жаль, что Закаспійская желѣзная дорога, прошедшая здѣсь по руинамъ и мѣстамъ, которыя тысячелѣтія назывались Мервомъ, отказалась отъ этого славнаго имени и окрестила одну изъ своихъ станцій именемъ молодаго Каджара.

Такимъ образомъ, три нами описанныхъ городища съ находящимися внутри ихъ памятниками—три старыхъ Мерва, существовавшихъ съ половины VII вѣка до начала первой половины XIX столѣтія, передвигавшихся съ одного мѣста на другое, по причинамъ отчасти естественнаго роста, отчасти силы непріятеля;—три Мерва, которые описаны многими путешественниками и историческія судьбы которыхъ занесены въ лѣтописи а наиболѣе видные моменты представлены нами въ очеркѣ...

Выйдемъ теперь за предѣлы городищъ и взглянемъ на ихъ ближайшія окрестности. Всего болѣе, понятно, развалинъ относится къ позднѣйшему существованію Мерва, и гуще

Рис. 18. Полуразвалившійся домъ за стѣнами городищъ.

всего онѣ расположены вокругъ послѣдняго городища, особенно же на югъ и западъ, какъ своевременно впрочемъ было замѣчено. Если взойти на южную стѣну его и посмотрѣть на югъ и юго-западъ, то руины тянутся на всемъ пространствѣ до видимаго горизонта ввидѣ остатковъ сырцовыхъ и глинобитныхъ дворовъ, жилья, ѳросительныхъ канавъ, насыпныхъ возвышеній для посадки виноградной лозы,—остатковъ столь однообразныхъ и жалкихъ, безформенныхъ, что глазу не на чемъ остановиться; ввидѣ большаго исключенія стоятъ здѣсь дома полуразвалившіеся, сохранившіе нѣкоторый обликъ (рис. 18). Привлекаютъ вниманіе лишь огромныя постройки, въ значительномъ числѣ встрѣчающіяся въ разныхъ направленіяхъ

(рис. 19), сложенныя изъ сырца, со входами внизу и отверстіями въ разныхъ ярусахъ и значительнымъ углубленіемъ въ почву; въ стѣнахъ ихъ на разной высотѣ торчатъ толстыя жерди, употреблявшіяся при сведеніи купола—крыши. Нѣкоторыя изъ этихъ зданій, лучше сохранившіяся, имѣютъ почти пирамидальную форму,—въ другихъ верхушки обвалились и они высятся усѣченными конусами. Въ большинствѣ случаевъ зданія эти размѣщаются недалеко отъ водоносныхъ канавъ. Они, какъ пришлось мнѣ слышать, интересовали многихъ; мнѣ лично выдавали ихъ за «башни забвенія», на самомъ же дѣлѣ ничего загадочнаго въ нихъ нѣтъ, и они представляютъ обычный до сихъ поръ въ Персіи (Хорасанѣ) типъ

Рис. 19. Ледникъ къ сѣверу отъ Абдулла-Ханы.

общественныхъ ледниковъ, въ которыхъ сложенный ледъ можетъ сохраняться нѣсколько лѣтъ [1]).

---

[1]) Такой же формы громадный кирпичный ледникъ видѣлъ я на развалинахъ Хейва-Абада (см. выше, стр. 82, 83), около желѣзнодорожной станціи Кахка. *А. В. Комаровъ* опредѣляетъ высоту купола его въ 15 саженъ: Новости, 1888 г. № 62. *Д. И. Эварницкій*, Путеводитель, стр. 48, никакъ не допускаетъ, что это были ледники и принимаетъ ихъ за «холодильники, для скопленія въ нихъ дождевой воды». На это можно замѣтить, что собирать въ Мервѣ дождевую воду не было никакой нужды, и что водоемы для этой именно цѣли устраиваются далеко не такъ просто на Востокѣ, по крайней мѣрѣ въ Персіи (آب انبار).

Вблизи же городища на востокѣ постройки носили вѣроятно иной характеръ, такъ какъ строительнымъ матеріаломъ нѣкоторыхъ является обожженный кирпичъ; отчего онѣ и уцѣлѣли болѣе; недалеко отъ восточныхъ воротъ замѣчается большой бассейнъ, выложенный кирпичемъ. Не было ли тутъ загородныхъ дворцовъ и домовъ наиболѣе зажиточныхъ людей?

По мѣрѣ того, какъ, ходя по развалинамъ, удаляешься отъ городища и вступаешь въ черту старыхъ садовъ, то чаще и чаще наталкиваешься на типичные дворы съ сторожевыми сырцовыми башнями, высокими, четыреугольными, въ нѣсколько ярусовъ, съ окнами въ послѣднихъ, но безъ какихъ бы то ни было признаковъ ходовъ, внутреннихъ или внѣшнихъ, снизу

Рис. 20. Сырцовая башня за стѣнами городищъ.

наверхъ: въ нѣкоторыхъ видны слѣды ногъ по самой наружной стѣнѣ, — но неужели въ нихъ поднимались по веревкѣ (рис. 20)? Къ такой башнѣ примыкаетъ четыреугольная стѣна, въ которой помѣщалась незатѣйливая лачуга, домашнія постройки, стойла для привязи лошадей и пр. (рис. 21). Такія башни, какъ значительно возвышающіяся надъ другими руинами, видны очень далеко по всѣмъ направленіямъ. Посмотримъ, что уцѣлѣло вокругъ болѣе старыхъ городищъ.

Какъ разъ на западъ отъ Султанъ-Калы, верстахъ въ трехъ отъ нея, сохранился памятникъ, который носитъ двоякое наименованіе: то его величаютъ громко «мечетью Мухаммедъ-

Ханапья», то просто «Имамъ-Джафаръ-Садыкъ». Это (рис. 22)—продолговатое, четыреугольное зданіе, удлиненное съ сѣвера на югъ, о трехъ куполахъ: два, болѣе низкіе, обращены на сѣверную входную сторону,—третій, болѣе высокій, вершитъ собою квадратъ юго-западнаго угла; постройка—изъ обожженнаго кирпича, не имѣющая и, кажется, не имѣвшая ранѣе никакой внѣшней отдѣлки, кромѣ нишъ съ входной стороны. Черезъ маленькую деревянную дверь во второй отъ сѣверо-восточнаго угла нишѣ входишь въ родъ притвора, въ длину сѣверной стѣны, отдѣленный параллельной ей стѣной; полъ притвора, за исключеніемъ узенькаго прохода на югъ, выложенъ сплошь кирпичемъ немного ниже колѣна человѣческаго

Рис. 21. Дворъ при сырцевой башнѣ.

роста и образуетъ по обѣимъ сторонамъ входящаго возвышеніе. Во внутренней стѣнѣ притвора, какъ разъ противъ входа, дверца, ведущая въ продолговатое, лишенное свѣта помѣщеніе, отдѣленное отъ сосѣдняго съ запада внутреннею стѣною. Въ этомъ помѣщеніи находится могила, отмѣченная кирпичнымъ ящикомъ небольшихъ размѣровъ, покрытымъ толстымъ слоемъ глины и приткнутымъ къ наружной (восточной) стѣнѣ; сверху ящика вмазанъ небольшой обломокъ намогильнаго камня сѣраго цвѣта въ 10 вершк. длины и 5½ вершк. ширины, довольно мягкаго, ломкаго, напоминающаго извѣстный мешхедскій графитъ. Черезъ низенькій входъ на западъ открывается просторное, полутемное помѣщеніе, приходящееся какъ разъ

подъ болѣе высокимъ куполомъ, чрезъ проломы котораго внизъ падаетъ весьма слабый свѣтъ, слабый настолько, что для болѣе подробнаго осмотра помѣщенія я пользовался свѣчею. Посрединѣ его расположена могила съ большимъ и высокимъ намогильнымъ ящикомъ, сверху котораго также вмазанъ кусокъ рѣзнаго съ надписями камня того же цвѣта, величиною въ 1 аршинъ 6 вершковъ длины и $5^1/_2$ вершковъ ширины; открытая высота обоихъ кусковъ — 4 вершка. Въ головахъ этой могилы во внутренней стѣнѣ, ведущей въ притворъ, сдѣлано небольшое сквозное окошечко, на которомъ я замѣтилъ бѣлую чалму съ висящимъ концомъ. По поясу купола видны остатки надписи полукуфическаго почерка, которая была сдѣлана,

Рис. 22. Сѣверо-восточный уголъ мечети «Мухаммедъ-Ханапья».

какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надгробія султана Санджара, изъ кусочковъ кирпича и терракоты [1]), и также сохранившая только наиболѣе длинныя буквы; по этимъ остаткамъ можно судить, что слово الله — Богъ въ надписи встрѣчалось довольно часто. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ свѣта нельзя было фотографировать надписи хотя бы для образца.

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть, что памятникъ нашъ отнюдь не мечеть, а просто двойное надгробіе. Кромѣ этого основнаго зданія сохранился въ незначительномъ отдаленіи отъ

[1]) Такое впечатлѣніе вынесъ я при разсматриваніи надписи снизу простымъ глазомъ и въ бинокль, но *А. В. Комаровъ* сообщилъ мнѣ лично, что кусокъ этой надписи онъ имѣлъ въ рукахъ и что она *изъ дерева.*

него на сѣверъ глубокій крытый кирпичемъ водоемъ, руины продолговатой постройки вродѣ описанной нами въ Шехріяръ-аркѣ Султанъ-Калы, старыя стѣны домовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ недавно приспособлены Туркменами для жилья и разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Всѣ постройки, вмѣстѣ взятыя, производятъ впечатлѣніе чего то единаго, цѣльнаго. Въ лачугѣ живетъ старикъ Туркменъ-Мыджеурецъ, который при мнѣ молился передъ окошечкомъ большой могилы, причемъ голова его была украшена упомянутымъ тюрбаномъ. Старикъ этотъ, взявшій на себя добровольно обязанности хранителя надгробія, разсказалъ мнѣ, что 1200 лѣтъ тому назадъ жилъ Имамъ-Джафаръ-Садыкъ съ матерью Юпоръ-Биби, которые при жизни еще устроили себѣ домъ послѣдняго успокоенія: мать завѣщала похоронить себя на западъ отъ ея постояннаго жилища (гофрированнаго зданія), т. е. въ маломъ изъ двухъ помѣщеній [1]), а сынъ опредѣлилъ могилу въ большомъ помѣщеніи. Родственники такъ и сдѣлали. Куски плитъ, вмазанныя на могилахъ, онъ—Мыджеурецъ самъ выкопалъ изъ земли, когда поправлялъ канаву изъ арыка въ крытый водоемъ, идущую какъ разъ у восточной стѣны надгробія, и положилъ ихъ по чину: бо́льшій обломокъ на могилу имама, а меньшій на могилу его матери. По словамъ сторожа, надгробіе это, ввиду его значенія для народа, заслуживаетъ не только поддержки, но и пристройки жилыхъ помѣщеній, для которыхъ можно было бы воспользоваться остатками старыхъ стѣнъ: теперь совсѣмъ нѣтъ мѣста для пріема странниковъ, которые особенно душеспасительнымъ считаютъ провести на могилахъ ночь; помѣщать ихъ въ притворѣ самаго надгробія не позволяетъ уваженіе къ памяти въ немъ погребенныхъ, и странники поневолѣ идутъ на ночь къ другому мѣсту поклоненія—«Ходжа-Юсупъ» [2]). Такой страннопріимный покой обѣщалъ будто устроить извѣстный дѣятель мервскаго края, г. Алихановъ, но почему то намѣреній своихъ не осуществилъ.

Неправъ старикъ, столь ревнующій о сохранности въ Мервѣ могилы и памяти имама Джафара: шестой имамъ, Джафаръ б. Мухаммедъ-ал-Садикъ, скончавшійся въ 765 году, покоится вмѣстѣ съ отцемъ и дѣдомъ въ Мединѣ (на кладбищѣ ал-Бакы') въ одной общей могилѣ съ Хасаномъ, сыномъ Али [3]). Что ķасается матери имама, Фарвы, которая была дочерью Касимъ б. Мухаммедъ б. Абу-Бекръ-ал-Сиддика, то годъ кончины ея и мѣсто погребенія для меня неизвѣстны,—во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы могила ея была въ Мервѣ.

Неправы и тѣ, которые хоронятъ здѣсь «Мухаммедъ-Ханапыю», т. е. Мухаммедъ-ибнъ-ал-Ханафійе, сына Али, рожденнаго отъ Хаулы, происходившей изъ племени Ханифе [4]): хотя относительно мѣста его смерти, равно какъ и года, господствуетъ большое разногласіе, но ясно, что онъ умеръ въ Аравіи, а не въ Мервѣ. Ибнъ-Кутейба говоритъ, что онъ умеръ въ Таифѣ въ 700 году [5]); Масуди говоритъ, что 1) онъ умеръ въ Мединѣ въ 700 году и

---

[1]) *Д. И. Эварницкій*, Путеводитель, стр. 45, слышалъ уже, что здѣсь покоится мать святаго Дурдугуль.
[2]) См. ниже.
[3]) *Ибн-ал-Асиръ*, V, 451.
[4]) *Ибн-ал-Асиръ*, III, 334, IV, 367.
[5]) Kitâb al-Ma'ârif, ed. *Wüstenfeld*, p. 111

погребенъ на кладбищѣ ал-Бакы', 2), что онъ умеръ въ Таифѣ и 3) что онъ умеръ въ Убуллэ (портъ Басры) [1]. Разныя показанія о годѣ его смерти собраны у Навави, — у него указаны годы 72, 73, 81, 83 и даже 114 гиджры, по нашему 691, 692, 700, 702, 732 [2].

Не разрѣшаютъ загадки и обломки намогильныхъ плитъ съ надписями: въ нихъ нѣтъ ни одного собственнаго имени лица, могилу котораго онѣ могли покрывать во время оно,— сохранились въ нихъ только обрывки персидскихъ надгробныхъ виршей да и тѣ читаются не вполнѣ ввиду испорченности самыхъ обломковъ, мѣстами сильно вывѣтрившихся, обтертыхъ и околупанныхъ. Вирши эти, несомнѣнно, довольно ходячія, такъ какъ встрѣчаются и на другихъ плитахъ съ кладбищъ старо-мервскаго района, какъ напр. увидимъ ниже, при описаніи плитъ, хранящихся теперь въ складѣ Мургабскаго Государева Имѣнія, съ которыми наши имѣютъ большое сходство по типу, орнаменту и самому матеріалу. Я разобралъ на нихъ только слѣдующее.

I. На маломъ осколкѣ, на могилѣ Юпоръ-Биби: а) на поверхности арабскимъ квадратнымъ письмомъ — محمد محمد محمد محمد — «Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ, Мухаммедъ.»
Обыкновеннымъ шрифтомъ: الحكم لله — «власть—Богу.»

...... کوکب افلاك بریخت خونابه ز دیده ......

«...... Звѣзда небесная ниспала. Кровавыя слезы изъ глазъ [3])......»

...... آمد بجهان بردی و بزیر خاك نهان کر ......

«...... Пришелъ въ міръ; ты схватилъ и сокрылъ подъ прахомъ......»

b) сбоку:

...... وز گلشن فراق تو بر دیده خار ماند [4] ......

«...... Изъ цвѣтника разлуки съ тобою въ глазахъ остался шипъ......»

II. На большомъ осколкѣ, на могилѣ Имама Джафара Садика:

а) на поверхности:

...... زخانهٔ ویران .... برگوهر قیمتی ......

«...... Изъ разрушеннаго дома...... На дорогой драгоцѣнный камень......»

...... ای نمناك بریخت درد او ...... از غنچه برون آمد در خاك ماند (?) ......

«...... Влажный пролился. Боль его..... Изъ бутона вышелъ, остался (?) въ землѣ......»

b) по бокамъ: 1) лѣвому, если стать лицомъ къ сѣверу:

...... جادهٔ دل ما بر چراغ ماند [4] * کاش آن روز که در پای تو شد خار اجل دست گیتی بزدی تیغ [5] ......

[1]) Парижское изданіе, V, 267—268.

[2]) *Abou Zakariya Jahya el-Nawawi*, The biographical dictionary ed. by Wuestenfeld, p. 114.

[3]) Переводъ этой фразы внѣ связи собственно долженъ бы быть: «небесная звѣзда пролила кровавыя слезы изъ глазъ», но я раздѣлилъ предложеніе, такъ какъ предполагаю въ стихахъ риему اك بريخت, — см. на второмъ осколкѣ نمناك بريخت: внѣшняго дѣленія надписей по стихамъ или полустишіямъ сведеніемъ узора бордюра въ медальоны нѣтъ.

[4]) Обрывокъ стиха размѣра مضارع — ⏑ —|⏑ — — ⏑|⏑ — ⏑ —|⏑ — — —.

[5]) Обрывокъ стиха размѣра رمل — ⏑ ⏑|— — ⏑ ⏑|— ⏑ — ⏑|— — ⏑ —.

«..... Дорога сердца нашего осталась безъ свѣтильника.—О если-бы въ тотъ день, когда въ ногу твою вонзился шипъ рока (смерти), рука судьбы поразила бы мечемъ.....»

2) правому:

......روز ...... ان بی‌تو ندیدی چشم ای منم برسرخاک توکه خاکم بر سر (¹* رفتی و درد هجر توام (² ......

«...... День...... Безъ тебя не видѣли бы очи мои. Я стою у твоего праха—прахъ мнѣ на голову!—Ты ушелъ и боль разлуки съ тобою мнѣ......»

Одинаковые размѣры ширины и высоты обоихъ обломковъ, всюду одинаковый почеркъ, бордюръ и орнаментъ, одинаковая, повидимому, риѳма нѣкоторыхъ виршей на верхней сторонѣ, все это заставляетъ думать, что оба обломка составляли нѣкогда одно цѣлое, но какой части камня недостаетъ теперь, сказать трудно. Бока изголовья и ногъ, гдѣ можно въ другихъ случаяхъ прочесть имя погребеннаго подъ камнемъ и годъ его смерти, не сохранились [3]. Судя по почерку, плита—не ранѣе X вѣка Гиджры (XV по Р. X.).

Не разрѣшили бы загадки надгробія плиты и въ томъ случаѣ, если бы уцѣлѣли въ надписяхъ имена собственныя: случайное совсѣмъ недавнее нахожденіе ихъ въ землѣ, хотя бы и вблизи надгробія, и совершенно произвольное возложеніе ихъ на могилы заботливымъ, но неграмотнымъ Туркменомъ подрываютъ всякую вѣру въ дѣйствительную принадлежность ихъ именно нашимъ могиламъ и заставляютъ вообще относиться съ крайнею осторожностью къ надписямъ *небольшихъ удобопереносимыхъ* намогильныхъ камней, въ цѣломъ видѣ и тѣмъ паче въ обломкахъ, когда приходится къ нимъ прибѣгать или только ими довольствоваться при рѣшеніи вопросовъ историческаго характера. Туркмены по свойственному имъ простому религіозному инстинкту, и ничему болѣе, любятъ выражать почитаніе могилъ снесеніемъ на нихъ мало-мальски рѣзныхъ или съ надписями обломковъ плитъ, и весьма легко можетъ случиться, что надгробіе, почитаемое только потому, что оно сохранилось среди стараго заброшеннаго кладбища, или потому что кому либо вздумалось за нимъ ухаживать, простоявъ сотни лѣтъ безъ надгробнаго камня, вдругъ украшается таковымъ, найденнымъ вблизи или въ отдаленіи, на открытомъ, мало кѣмъ посѣщаемомъ мѣстѣ или въ землѣ, на извѣстной глубинѣ. Исключеніе, конечно, составляютъ плиты огромныхъ размѣровъ и тяжеловѣсныя, передвиженіе которыхъ сопряжено съ большими трудностями и приспособленіями, какъ напр. видѣнныя нами плиты двухъ сподвижниковъ Мухаммеда: такія, несомнѣнно, лежатъ на томъ мѣстѣ, на какое были возложены съ самаго начала.

Чтобы покончить съ надгробіемъ «Мухаммедъ-Ханапья», намъ остается высказать одно предположеніе въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ. Въ Мервѣ временъ Сельджуковъ должны были существовать двѣ могилы, одна около другой,—популярнаго и славнаго сельджукскаго государя, Альпъ-Арслана, и его отца, Джагри-Бека; на могилѣ перваго была, *какъ полагали*, громкая надпись, приглашавшая всѣхъ, видѣвшихъ величіе его, пожаловать въ Мервъ и

---

¹) Обрывокъ стиха размѣра رمل – ◡ ◡ | – – ◡ ◡ | – – ◡ ◡ | – – ◡ –.

²) Обрывокъ стиха размѣра مضارع – ◡ – | ◡ – – ◡ | ◡ – ◡ – | ◡ – –.

³) Малый обломокъ очень близокъ къ изголовью, такъ какъ на немъ вырѣзано الحکم لله — власть Богу.

узрѣть его погребеннаго въ пыли [1]). Могила эта, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, находилась въ имъ же построенномъ училищѣ [2]).

Память о могилѣ героя Альпъ-Арслана жила въ Мервѣ до весьма недавняго времени: если о ней не слышалъ искавшій ее Фрезеръ, то о ней говорили Абботту и помѣщали на сѣверъ отъ «стараго города» [3]). Въ томъ же приблизительно мѣстѣ персидскій инженеръ нанесъ на свою карту надгробіе «Шахъ-Джеханъ». Не одно ли и то-же—нашъ памятникъ, могила Альпъ-Арслана и надгробіе Шахъ-Джеханъ? Такому отожествленію не противорѣчитъ ни положеніе трехъ памятниковъ относительно старомервскихъ городищъ, ни совпаденіе историческихъ свидѣтельствъ и народныхъ преданій. Не могу впрочемъ не указать на одно обстоятельство, умаляющее долю вѣроятія такого предположенія при одномъ условіи. Если хоронить Альпъ-Арслана непремѣнно въ училищѣ, то училище это естественнѣе искать ближе къ центральной части сельджукскаго Мерва (Султанъ-Калы), а не въ трехъ съ лишкомъ верстахъ разстоянія отъ нея, тѣмъ болѣе, что эта центральная часть въ то время только начала особенно обстраиваться. Такая двойная могила дѣйствительно въ этой части находится.

Совсѣмъ недалеко отъ западной стѣны Султанъ-Калы, почти на одной линіи съ надгробіемъ султана Санджара, расположено второе мѣсто поклоненія—«зіяретъ»—гробница пехлевана (богатыря) Ахмеда Замчи, сына имама Мухаммеда, и Мизрабъ-Шаха Харезмскаго (рис. 23). На холмѣ, образовавшемся, конечно, отъ рухнувшихъ построекъ, выведена совсѣмъ недавно изъ стараго кирпича, безъ особенно крѣпкаго соединенія, ограда въ вышину приблизительно человѣческаго роста, имѣющая входъ съ южной стороны. Внутри ея посрединѣ

---

[1]) Небылица эта стала гулять по бѣлу свѣту съ легкой руки *Эрбело*, попадая изъ его «Восточной Библіотеки» I, 203, и въ разныя исторіи, напр. *Malcolm*, Histoire de la Perse, II, 73; *Dubeux*, La Perse, 344; *Deguignes*, Histoire des Huns, III, 213 и къ разнымъ путешественникамъ, напр. Фрезеру, Бёрнсу (на основаніи послѣдняго къ Риттеру и его переводчику, *Ханыкову*, Иранъ, стр. 450), Абботту, въ цитированныхъ мною выше мѣстахъ, и т. д. Всѣ принимали сообщеніе Эрбело на вѣру, и никто не подумалъ провѣрить его. Въ доступныхъ восточныхъ лѣтописяхъ, рукописныхъ и изданныхъ, между прочимъ и тѣхъ, которыми пользовался Эрбело, свѣдѣній о надписи на надгробной плитѣ Альпъ-Арслана *нигдѣ нѣтъ*. Заблужденіе, или скорѣе увлеченіе, Эрбело основано *единственно* на Нигаристанѣ *Гаффари*, въ которомъ буквально значится слѣдующее (рук. Унив. Библ. № 95, лист. 99*b*):

و این واقعهٔ غریبه درشنبهٔ سلخ ربیع الاول سنهٔ مذکوره (۴۶۵) واقع شد و در مرو مدفون گشت

بیت چه باید نازش و نالش ز اقبالی و ادباری * که تا برهم زنی دیده نه این بینی نه آن بینی

سر الب ارسلان دیدی ز رفعت رفته برگردون * بمرو آ تا بخاك اندر سر الب ارسلان بینی

т. е. «Это необыкновенное событіе (смерть Альпъ-Арслана) приключилось въ субботу въ послѣднихъ числахъ Ребія перваго упомянутаго (465 гиджры) года. И онъ былъ погребенъ въ Мервѣ. *Стихъ:*

«Къ чему хвастаться или убиваться какимъ нибудь успѣхомъ или неудачею:—едва успѣешь моргнуть глазомъ, какъ не видать ни того, ни другаго.

«Ты видѣлъ главу Альпъ-Арслана, въ величіи вознесшуюся до неба:—приходи въ Мервъ, чтобы увидѣть главу Альпъ-Арслана во прахѣ».

Всякій легко можетъ усмотрѣть, что здѣсь никакой рѣчи о надгробной надписи нѣтъ: есть обычная манера персидскаго писателя расцвѣчивать прозаическій разсказъ подходящимъ по содержанію стишкомъ. Эрбело же категорично заявилъ: «fut enterré.... avec cette epitaphe...», а Deguignes выразился уже въ такихъ словахъ: «on grava sur son tombeau...».

Такимъ образомъ, совершенно напрасно нѣкоторые путешественники искали въ Мервѣ плиту со *сказанною* надписью: невозможно найти то, чего никогда не было.

[2]) См. выше, стр. 27.

[3]) По Абботту «старый городъ» прежде всего нынѣшнее Байрамъ-Али.

лежитъ кирпичный обмазанный глиною намогильный ящикъ въ 8½ арш. длины, 1½ арш. высоты и 4 арш. ширины, подъ которымъ покоится прахъ богатыря; въ головахъ ящика (съ сѣверной стороны) воткнутъ длинный шестъ съ привязаннымъ къ верхушкѣ его бѣлымъ лоскутомъ; на ящикѣ съ сѣверной же стороны лежатъ четыре осколка тонкой (менѣе вершка) бѣлой мраморной плиты съ арабскими надписями. Направо, какъ разъ вдоль восточной стѣны ограды, расположена вторая гробница, значительно короче и ниже первой, но также съ шестомъ въ головахъ, и почти вся покрыта грудою кирпичныхъ и каменныхъ сѣраго цвѣта обломковъ, изъ которыхъ только одинъ оказался заключающимъ слѣды надписи, отбитый отъ

Рис. 23. Гробницы Пехлевана Ахмеда и Мизрабъ-Шаха.

ногъ или головы могильнаго камня. Это гробница Мизрабъ-Шаха. Въ изголовьѣ могилъ поставлена маленькая клѣтушка, полъ которой покрытъ цыновками; въ углу ея около двери лежитъ бѣлый мраморный тяжелый шаръ, ранѣе разбитый на нѣсколько частей и теперь склеенный. На юго-востокъ отъ ограды поставлена совсѣмъ новая, но изъ стараго кирпича, конусообразная мазанка, въ которой живетъ старикъ хивинецъ, именующій себя «шейхомъ» — старцемъ. Рядомъ съ мазанкой—грязный бассейнъ для воды. Старецъ, существующій доброхотными даяніями странниковъ, приходящихъ на поклоненіе гробницамъ, оказался человѣкомъ мало смыслящимъ, неграмотнымъ, и на всѣ мои вопросы, обращенные къ нему на персид-

скомъ языкѣ, отвѣчалъ стереотипною фразою: «Богу извѣстно» — بخدا معلوم است. Онъ могъ только установить принадлежность гробницъ названнымъ выше лицамъ, но кто они такіе были и когда жили—«Богу извѣстно»; сообщилъ впрочемъ еще, что мраморный шаръ принадлежалъ богатырю, но для какой цѣли онъ ему служилъ, непонятно [1]).

Легендъ въ народѣ гробницы эти не создали, а лѣтописи упорно молчатъ о богатырѣ Ахмедѣ и Мизрабъ-Шахѣ, не смотря на мои тщательные поиски въ нихъ; ненадежныя, какъ документы, надписи на мраморныхъ кускахъ не даютъ рѣшительно никакого матеріала для соображеній.

Осколки плиты съ могилы Пехлевана, несомнѣнно, составляли одно цѣлое: на всѣхъ одинъ почеркъ, одинаковая высота строкъ, отдѣленныхъ одна отъ другой полосками, и одинаковый рисунокъ тонкаго круговаго бордюра; въ нѣкоторыхъ точкахъ буквы надписи разныхъ кусковъ сходятся, что даетъ возможность судить о формѣ и размѣрахъ доски въ ея первоначальномъ цѣломъ видѣ. Она должна была имѣть $15^1/_2$ вершковъ длины и $9^1/_2$ вершковъ ширины. На ней сохранились слѣдующія *читаемыя* фразы и обрывки словъ [2]):

..... دار الس[لطنة] ..... سلطنت الخاقان ابن الخاقان معز السلطنة و الدين الغازی س[لطان حسین میرزا] ....
ابو المح[سن] بها[در] ...... فی سنة احدی و [ت]سعمایة الهجرية (sic) النبوية غفر الله ذنوبهما

«[Въ] столичномъ городѣ....... [въ] царствованіе хакана, сына хакана, прославляющаго султанскую власть и вѣру, борца за вѣру, С[ултанъ-Хусейнъ-Мирзы]...... Абуль-Мух[синъ] [-Мирза]-Беха[дуръ]...... въ годъ девятьсотъ первый отъ бѣгства пророка (1495 г. по Р. Х.). Да проститъ Господь грѣхи обоихъ ихъ».

Такое чтеніе надписи не противорѣчитъ исторіи: въ 901 году дѣйствительно властвовалъ на тронѣ Тимура Султанъ-Хусейнъ-Мирза, сынъ котораго, Абуль-Мухсинъ, былъ правителемъ Мерва [3]); но о чемъ вообще говорила плита и кто эти два лица, прощеніе грѣховъ которыхъ просятъ у Бога, я даже предполагать не рѣшаюсь. Плита по моему слишкомъ тонка и необычнаго формата для надгробнаго камня; скорѣе всего она была нѣкогда укрѣплена въ стѣнѣ [4]) или надъ входомъ какого либо зданія.

Надпись на сѣромъ осколкѣ камня на могилѣ Мизрабъ-Шаха заключаетъ начало персидскаго стиха, встрѣчающагося и на другихъ надгробныхъ плитахъ [5]): تکبیر می فرستم هردم بروح پاکت ...... —«Я буду возсылать прославленіе за твою чистую душу каждую минуту.....»

---

[1]) Въ бытность тамъ *Д. И. Эварницкаго*, Путеводитель, стр. 45, непонятное стало понятнымъ. «Мечети Ходжи-Палванъ-Ахмета даютъ около 1000 лѣтъ.... Изъ реликвій святаго показываютъ круглый (? какъ будто можетъ быть не круглый?) мраморный шаръ, которымъ святой будто бы за много верстъ бросалъ то въ бухарцевъ, то въ русскихъ, и который будто, истребивъ враговъ, самъ возвращался къ святому, пролетая по воздуху цѣлыя тысячи верстъ. Еще при жизни святаго шаръ этотъ треснулъ пополамъ, но самимъ же святымъ былъ склеенъ. Правдоподобнѣе же будетъ сказать, что этотъ шаръ нѣкогда вѣнчалъ собою какую нибудь колонну если не на мечети, то на какомъ нибудь мазарѣ».

[2]) Въ прямыя скобки заключены недостающія по моимъ предположеніямъ части словъ.

[3]) См. выше, стр. 71.

[4]) Извѣстно, что иногда въ мечетяхъ въ стѣны вдѣлывались камни, на которыхъ начертаны были приказы государя. См. напр. о такомъ камнѣ съ приказомъ султана Абу-Саида 866 г. Г. (1461), сохранявшемся въ хератской соборной мечети, у *Асфизари*, روضات الجنات, рук. Библ. Унив. № 588, *л.* 231*b*.

[5]) См. ниже, стихъ 2-й на плитѣ Б, хранящейся въ складѣ Мургабскаго Государева Имѣнія.

Такимъ образомъ, при полномъ отсутствіи руководящихъ нитей въ видѣ мѣстныхъ легендарныхъ сказаній и историческихъ данныхъ, мы лишены даже малѣйшей возможности предполагать, кому принадлежатъ наши гробницы и дѣйствительно ли это гробницы, прежде отмѣченныя какимъ либо памятникомъ—надгробіемъ, потомъ рухнувшимъ и замѣненнымъ теперешнею оградою. Фрезеру въ двадцатыхъ годахъ старые Мервцы разсказывали о гробницѣ славнаго богатыря, который бросалъ отъ 6—7 пудовъ за 70—80 верстъ; персидскій инженеръ въ 50-хъ годахъ отмѣтилъ какое то надгробіе неподалеку отъ мавзолея султана Санджара; О'Донованъ въ 80-хъ годахъ видѣлъ *одну* только могилу Пехлевана Ахмеда Табанджи, а я въ 1890 году нашелъ уже двѣ могилы, обнесенныя огорожей, а въ могилахъ богатыря Ахмеда Замчи и Мизрабъ-Шаха изъ Хивы! Но кто же они такіе? Послѣ того какъ въ разъясненіи этого вопроса оказались безсильны строго историческіе труды и чисто народныя легенды, я прибѣгъ къ помощи историческаго романа Шейха Абу-Тахира Тартуси [1]), въ которомъ изложена исторія извѣстнаго аббасидскаго пропагандиста, эмира Абу-Муслима, съ именемъ котораго такъ много связано въ древнѣйшей судьбѣ города Мерва [2]): Ахмедъ Замчи и Мизрабъ-Шахъ оказались одними изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа.

Когда Абу-Муслимъ, говоритъ разсказчикъ, былъ разбитъ Мухтаджемъ Мерверудскимъ, въ руки послѣдняго попалось въ плѣнъ 60 живыхъ его сподвижниковъ. Изъ нихъ 30 Мухтаджъ заковалъ въ цѣпи и, какъ побѣдный трофей, отправилъ къ Насръ-ибнъ-Сайяру, а 30 человѣкъ изуродовалъ, отрѣзавъ уши, носъ, языкъ, посадилъ на верблюдовъ, погналъ по пустынѣ и бросилъ ихъ на произволъ судьбы. Четверо изъ нихъ отбились въ сторону Харезма, гдѣ государемъ тогда былъ Султанъ Мухаммедъ, сынъ Дауда, сына Кайсара, сына Мамуна, сына Исмаила, сына Исхака, сына Иліяса, Харезмшахъ. У него было четыре подручныхъ, между которыми собственно и былъ раздѣленъ весь Харезмъ. Предѣлы города Даргана состояли подъ вѣдомствомъ одного изъ этихъ помощниковъ, по имени Мизрабъ-Шахъ-Джехангиръ Харезмскій, который былъ страстнымъ охотникомъ. Охотясь однажды на лань, завлекшую его слишкомъ далеко отъ города, онъ наткнулся на четырехъ стонавшихъ въ мукахъ несчастныхъ приверженцевъ Абу-Муслима, находившихся въ полномъ забытьѣ и безсознательномъ состояніи. Онъ привелъ ихъ въ чувство свѣжею, студеною водой, и они, за неимѣніемъ языка, пальцами на пескѣ и чернилами на бумагѣ изложили все случившееся съ ними. Мизрабъ приказалъ своимъ челядинцамъ отвести ихъ въ Дарганъ, а самъ, не мѣшкая, погналъ своего коня въ столичный городъ Харезмъ къ шаху. Это пришлось какъ разъ въ мѣсяцъ Мухарремъ и въ Хивѣ справляли трауръ по имаму Хусейну: базары и лавки были

---

[1]) «Повѣсть объ эмирѣ Абу-Муслимѣ въ передачѣ *Абу-Тахира Тартуси*» — قصهٔ امیر ابو مسلم بروایت ابو طاهر طرطوسی, персидская рукоп. Азіят. Музея № 280*ae*. Абу-Тахиръ-Тартуси (или Тарсуси и даже Туси) — извѣстный плодовитый составитель историческихъ романовъ; къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ ближайшихъ свѣдѣній о времени его жизни. См. *Mohl*, Le livre des rois (1876) I, préface LXXXVI и сл. *Dorn* въ Mélanges Asiatiques, VII, 174, 404. О турецкомъ переводѣ «Повѣсти объ эмирѣ Абу-Муслимѣ» см. II, 30 вѣнскаго каталога рукописей *Flügel*'а. (По предисловію вѣнской рукописи, «Повѣсть» составлена по настоятельной просьбѣ газневидскаго султана Махмуда.) Ср. также *Fleischer*, Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae Regiae Dresdensis, стр. 6, № 37.

[2]) См. выше описаніе Мерва у арабскихъ географовъ и путешественниковъ, стр. 18 и сл.

заперты, народъ, облеченный въ черныя одѣянія, вопилъ и плакалъ. Мизрабъ прямо съ дороги, въ пыли, явился къ шаху и подробно разсказалъ дивный случай. Немедленно было созвано большое засѣданіе шахскихъ совѣтниковъ, ученыхъ и мудрецовъ и была принесена книга въ стальномъ переплетѣ, которая называлась «Постановленія Исхака Керхи» — احکام اسحاق کرخی —и въ которой была предсказана судьба приверженцевъ Али. Раскрыли книгу и стали читать: въ ней какъ разъ было предугадано и описано упомянутое пораженіе Абу-Муслима около Харезма и помощь, оказанная дѣлу пропаганды харезмшахомъ Мухаммедомъ. Послѣдній, руководясь такимъ завѣтомъ, послалъ Абу-Муслиму помощь съ Мизрабъ-Шахомъ во главѣ, такъ какъ въ его владѣніяхъ найдены были 4 несчастныхъ. Вотъ съ этихъ поръ и начинается тѣсная связь Мизрабъ-Шаха съ Абу-Муслимомъ, который такъ полюбилъ его и такъ цѣнилъ впослѣдствіи, что назначилъ даже своимъ преемникомъ и руководителемъ движенія на случай, еслибы съ нимъ самимъ приключилось какое либо несчастіе. Мизрабъ-Шахъ выставляется всегда въ романѣ ревностнымъ защитникомъ мусульманъ вообще и Алидовъ въ частности и называется очень часто «богатыремъ рода Мухаммеда». Этотъ Мизрабъ въ одномъ мѣстѣ названъ племянникомъ харезмшаха по сестрѣ, а въ другомъ — его двоюроднымъ братомъ по отцу. Къ сожалѣнію, конечная судьба его, т. е. кончина и мѣсто погребенія, для насъ остается неизвѣстною, такъ какъ романъ Тартуси въ нашей рукописи не имѣетъ конца [1]).

Богатырь Ахмеди-Замчи, т. е. Ахмедъ, родомъ изъ Замджа, является на романической сценѣ сравнительно позже [2]). Первоначально онъ подвизается анонимно въ пользу Абу-Муслима противъ Насръ-ибнъ-Сайяра и послѣ каждаго единоборства скрывается никѣмъ не замѣчаемый, чтобы вновь появиться въ трудную для Абу-Муслима минуту. Послѣдній, удивляясь неоднократно его подвигамъ, приказываетъ слѣдить за нимъ. Внѣшній видъ Ахмеда при поединкахъ таковъ: пѣшій, на плечи накинута войлочная куртка, лукъ для метанія шаровъ (arcubalista), праща у колѣнки, войлочный мѣшокъ на палкѣ величиною въ 5 метровъ съ шарами; кромѣ этого у него имѣется трубочка для метанія шариковъ силою дуновенія, которою онъ одинаково ловко пользуется для борьбы съ врагами и для охоты на пернатыхъ. Во время боя всѣ эти доспѣхи онъ снимаетъ съ себя и кладетъ около; стрѣлы, которыя направляютъ въ него противники, всегда принимаетъ войлокомъ и защищается имъ какъ щитомъ. Составляя долгое время загадку для обоихъ враждующихъ лагерей, онъ однажды передъ боемъ самъ признался, что зовутъ его Ахмедъ-бенъ-Замчи, и что ему во снѣ былъ призывъ идти на защиту дѣла Абу-Муслима. Но и открывшись онъ продолжаетъ послѣ каждаго ратоборства скрываться, а Абу-Муслимъ сожалѣетъ, что не знаетъ, кто этотъ Ахмедъ, «одѣтый въ войлокъ». Тогда одинъ изъ его сподвижниковъ начинаетъ догадываться, не тотъ ли это Ахмедъ, про котораго существуетъ нижеслѣдующая легенда. Когда Зейдъ б. Михранъ былъ правителемъ Бальха, въ деревнѣ Замджъ (زمج) жилъ одинъ человѣкъ-хлѣбопекъ, по имени Мухаммедъ, который былъ въ дальнемъ родствѣ съ имамомъ Мухаммедъ-ибн-ал-Ханафіей. У него былъ сынъ, по имени Ахмедъ. Однажды отецъ, отлучившись по важному дѣлу, оста-

[1]) См. листы 273*a*, 281*a*, 281*b*, 283*b*, 396*b*, 400*b* и многіе другіе.

[2]) См. начиная съ листа 328*b*.

вилъ за себя въ лавкѣ сына. Подошелъ какой то покупатель и онъ далъ ему хлѣбъ, у котораго случайно нижняя сторона сильно подгорѣла. Покупатель—а онъ былъ хариджитъ—сказалъ: «Нижняя сторона хлѣба чернѣе, чѣмъ лицо поклонниковъ Али». Ахмедъ схватилъ хлѣбный ножъ и убилъ имъ обидчика, приговаривая: «Ахъ ты песъ эдакій! Что сдѣлалъ тебѣ дурнаго Абу-Турабъ (т. е. Али), что ты такъ поносишь его сторонниковъ?» Произошла свалка,—Ахмедъ убилъ еще нѣсколько хариджитовъ и исчезъ. Говорятъ, что онъ 18 лѣтъ скрывается въ лѣсу Замджа и оттуда не выходитъ. Не тотъ ли это Ахмедъ? Прослушавъ эту легенду, Абу-Муслимъ сказалъ, что Ахмеда нужно привлечь во всякомъ случаѣ, такъ какъ о немъ ему, Абу-Муслиму, говорилъ имамъ Мухаммедъ-Бакыръ. Наконецъ Ахмеда выслѣдили: жилъ онъ въ лѣсу въ берлогѣ изъ листьевъ, передъ которой было маленькое водовмѣстилище, прудокъ, гдѣ онъ совершалъ молитвенныя омовенія; на огнѣ отъ древесныхъ листьевъ онъ плавилъ свинецъ для бросаемыхъ имъ ядеръ и шариковъ. Когда такимъ образомъ въ убѣжище Ахмеда проникли приспѣшники Абу-Муслима, тому оставалось только признаться, что онъ скрывается отъ міра 18 лѣтъ, и только недавно увидѣлъ сонъ, призывавшій его къ дѣятельности. Разными уговорами удалось посланнымъ извлечь Ахмеда изъ лѣса и привести къ Абу-Муслиму; послѣдній хотѣлъ оказать ему почетъ мѣстомъ, но онъ настойчиво отказывался и велъ себя съ необыкновенною простотою и скромностью, служа дѣлу вѣрою и правдою и нанося ловкостью и силою своею сильный уронъ богатырямъ противнаго лагеря, такъ что Насръ-ибнъ-Сайяръ за голову такого молодца обѣщалъ 10,000 мервансихъ динаровъ. При осадѣ Мерва [1]) дружина Ахмеда первая бросила лѣстницу на крѣпостную стѣну, а самъ онъ одинъ изъ первыхъ взобрался на нее и проникъ въ городъ. Сила у Ахмеда была поразительная: камень, брошенный имъ, входилъ въ древесину и не оставлялъ послѣ себя никакого слѣда.

Таковъ богатырь Ахмеди-Замчи, родственникъ имама Мухаммедъ-инб-ал-Ханафіи (а не сынъ, какъ говорилъ шейхъ на его гробницѣ), ловкій пращникъ и метатель шаровъ, одинъ изъ которыхъ, какъ мы видѣли, и лежитъ въ изголовьѣ его могилы, ревностный, откровенный за-

[1]) По словамъ того-же Шейха Тартуси, правитель Мерва, Насръ-ибнъ-Сайяръ, для защиты города бросалъ въ противниковъ сосуды съ нефтью, а осаждавшіе, чтобы обезопасить себя отъ дѣйствія горючихъ веществъ, обматывали головы войлокомъ, который былъ пропитанъ уксусомъ и соленою водою. См. листы рук. 461*b*, 462*a* и слѣд.

Не безъинтересно будетъ здѣсь отмѣтить описаніе Шейхомъ Тартуси мервской крѣпости, упоминаемыя имъ нѣкоторыя отдѣльныя части и зданія Мерва и окружныя деревни, хотя бы при этомъ и оказались неизбѣжные въ романѣ топографическіе, такъ сказать, анахронизмы.

Изъ Кушмейхена передовыя развѣдочныя партіи Абу-Муслима ходили по разнымъ дѣламъ въ Мервъ; одна изъ нихъ, дойдя до мервскихъ воротъ, провела время на кладбищѣ; послѣ первой стражи ночи дошла до цитадели—کهندز. Крѣпость—حصار—имѣла двое воротъ — одни противъ . ас . набада (باسناباد ; на лис. 367*a* упоминается селеніе Бас..абадъ باساباد : не одно ли это и то-же: Бас . набадъ?) — и 260 башенъ, въ каждой была поставлена балиста и метательный снарядъ; вокругъ крѣпости былъ ровъ, который нельзя перейти безъ лодки. Въ крѣпости были собраны сокровища и казна Насръ б. Сайяра. Комендантомъ названъ Насръ б. Зурара, дворецъ котораго находился въ 12 метрахъ отъ соборной мечети. См. листъ 215*a* и сл.

Въ самомъ Мервѣ упоминаются: чарсу (л. 361*a*, 375*a*), площадь передъ замкомъ Насра (л. 467*a*), ворота: Знаменосца (л. 375*a*) и у конца Махана (Маджана? دروازۀ پای ماخان; срав. стр. 132), черезъ которыя бѣжалъ Насръ (л. 190*b*, 466*a*), мечеть около крѣпости и бассейнъ воды (л. 378*b*), баня въ ряду мѣнялъ (л. 361*b*; срав. у Мукаддаси, выше, стр. 23, «мечеть въ ряду мѣнялъ»). Селенія: Гиренгъ (л. 367*a*), Генугирдъ (л. 218*b*), равнина Хузанъ (л. 478*b*), Гянджабадъ или Гячабадъ (л. 506*a*, 506*b*); рабатъ Нухъ б. Мансура, по дорогѣ въ Сарахсъ (л. 416*a*), Чахи-Нухъ, въ пустынѣ въ 7 дняхъ отъ Кушмейхена, и мн. друг.

щитникъ правъ Али и его потомковъ, котораго за услуги романистъ неоднократно называетъ «хорасанскимъ вождемъ». Ахмедъ продолжаетъ благополучно здравствовать и помогать Абу-Муслиму до послѣдней тетради романа въ нашей рукописи, почему мы не можемъ ничего сказать объ его хотя бы и легендарной кончинѣ и мѣстѣ его могилы.

Такимъ образомъ вопросъ о нашей двойной могилѣ остается по прежнему открытымъ: романъ Тартуси разъяснилъ намъ только голыя легендарныя имена и еще разъ доказалъ вѣковую живучесть въ Мервѣ имени аббасидскаго пропагандиста; но жила ли память о дѣяніяхъ его самоотверженныхъ сподвижниковъ *неразлучно* съ нимъ, нимало не выясняется: весьма можетъ быть, что имена занимавшихъ насъ Ахмеда и Мизраба водворены на мѣстѣ, теперь ими занимаемомъ, только при Харезмшахахъ, среди которыхъ романъ Тартуси долженъ пользоваться большимъ успѣхомъ, такъ какъ авторомъ его въ движеніи Аббасидовъ и успѣхѣ ихъ пропаганды Харезму отведено едва-ли не первенствующее мѣсто, —только благодаря его постоянной помощи Абу-Муслимъ могъ вершить начатое.

Чисто историческія свѣдѣнія даютъ намъ полную возможность утверждать, что сказанное водвореніе легендарныхъ, въ чемъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, героевъ совершилось во всякомъ случаѣ не позже XVI вѣка: согласно исторической записи 1566 года [1]) одни изъ воротъ мервскихъ, именно сѣверныя, назывались «воротами Пехлевана Ахмеда».

Недалеко на югъ отъ могилъ этихъ героевъ расположено старое мусульманское кладбище, не столь обширное, какъ вокругъ могилъ Гифари и Аслами, съ единственнымъ уцѣлѣвшимъ на немъ надгробіемъ, которое Туркмены называютъ «Кызъ-Биби» (рис. 24). Это—небольшое кирпичное зданіе съ единственнымъ входомъ съ восточной стороны, почти квадратное, увѣнчанное довольно острымъ куполомъ, на вышкѣ котораго укрѣпленъ голубой шаръ. Когда-то снаружи оно было обмазано, а теперь во многихъ мѣстахъ обнаженъ обваливающійся кирпичъ. Въ наружной нишѣ налѣво отъ входа наложены камешки—благочестивыя приношенія прохожихъ и богомольцевъ. Внутренность надгробія полутемная, такъ какъ свѣтъ въ него проникаетъ только черезъ входъ; стѣны мѣстами оштукатурены и выбѣлены, усѣяны надписями посѣтителей и стихами по преимуществу персидскими. Какъ разъ противъ входа къ западной стѣнѣ приставлена гробница самой простой глиняной обмазки безъ малѣйшихъ признаковъ надгробной плиты. Названіе надгробія «Кызъ-Биби», что значитъ «Дѣвица-Боярышня», указываетъ на то, что мѣстные Туркмены хоронятъ здѣсь какую то женщину; хивинецъ — «шейхъ» называлъ её мнѣ сестрою имама Джафара Садика. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы признать мѣстныя показанія вѣрными или ихъ отвергнуть: на кладбищѣ могла существовать, конечно, не одна женская могила; но тотъ фактъ, что она у народа не имѣетъ собственнаго имени, а лишь почетное общее наименованіе «Дѣвицы-Боярышни», указываетъ, что женщина, которой принадлежитъ наша усыпальница, была хорошо извѣстна народу и безъ собственнаго имени. Это напоминаетъ намъ вполнѣ однородныя явленія другихъ мѣстъ Средней Азіи и Персіи: вспомнимъ «Биби-Ханумъ—Госпожу-Боярыню», супругу Тимура въ Самаркандѣ; вспомнимъ «Биби-Шахръ-Бану—Госпожу-Боярыню города» подъ Тегераномъ: она по-

---

[1]) См. выше, стр. 75 и срав. стр. 147, 148.

читается покровительницею города Тегерана и такимъ именемъ прозывается гора, на которой находится Гебрское кладбище; вспомнимъ столь же общія наименованія лѣтописей, вродѣ «Меликэ-Турканъ, Турканъ-Хатунъ»; во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ нарицательнымъ почетнымъ прозвищемъ скрывается или дѣйствительно историческое лицо, или созданное лишь народнымъ представленіемъ, но непремѣнно особа царственная, чѣмъ нибудь отличившаяся, не обыкновенная смертная.

Не имѣемъ ли мы и здѣсь въ «Кызъ-Биби» дѣла съ мнимою, народомъ созданною покровительницею Мерва? Если обратиться къ исторіи, то можно указать только на одну жен-

Рис. 24. Надгробіе «Кызъ-Биби» (сѣверо-восточный уголъ).

щину, которая прославила себя въ Мервѣ мудрою, благотворною дѣятельностью, и на которую могли быть перенесены позднѣйшія симпатіи народа, — это супругу султана Санджара, не легендарную пери съ золотымъ гребнемъ, а Турканъ-Хатунъ, которая за время трехлѣтняго плѣненія султана у Гузовъ управляла государственными дѣлами; она скончалась на годъ ранѣе мужа, т. е. въ 1156 году [1]).

[1]) *Mirchondi* Historia Seldschukidarum ed. Vullers, p. 191. При всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что *Джами* въ біографіяхъ мистиковъ сохранилъ намъ въ Мервѣ память объ одной старушкѣ-подвижницѣ, по имени «Бибекъ» (حضرت بیبك), времени Абу-Саидъ б. Абуль-Хейра, умершаго въ 440 г. Г. (1048 г. по Р. Х.). См. نفحات الانس, инд. изд. 1289 г. Г., стр. 409.

Надгробіе Кызъ-Биби никѣмъ не оберегается, и ни одинъ изъ предшествовавшихъ путешественниковъ о немъ не упоминаетъ.

Что память о какой то женщинѣ жила въ Мервѣ, неизвѣстно только, въ какой періодъ его существованія, говоритъ и то, что въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ описаннаго надгробія на югъ сохранился загадочный памятникъ, носящій названіе «Замка Дѣвицы — Кызъ-Кала» (рис. 25). Состоитъ онъ изъ двухъ большихъ, но не одинаковой величины зданій, стоящихъ рядомъ, продолговатыхъ—формы удлиненнаго четыреугольника, сложенныхъ изъ сырца средняго размѣра $7 \times 7^1/_2$ вершковъ при $1^1/_2$ вершкахъ толщины. Лицевыя стѣны отъ верха до цоколя гофрированы полуколонками, какъ въ зданіи, описанномъ нами въ Шехріяръ-Аркѣ Султанъ-Калы [1]); но назначеніе этихъ зданій, по всей вѣроятности, было иное, потому что внутренность Кызъ-Калы совершенно другаго характера. Есть основаніе думать, что они были многоэтажныя, причемъ даже въ самомъ нижнемъ цокольномъ ярусѣ были выхода̀, въ которые вели

Рис. 25. Восточная сторона бо́льшаго изъ зданій «Кызъ-Кала».

лѣстницы сверху; своды выходовъ частью сохранились, частью обрушились и загромоздили прохо̀дъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывшая ранѣе пустота обнаруживается сверху только глухимъ звуко̀мъ; своды эти, проходимые на большемъ протяженіи въ меньшемъ изъ двухъ зданій, прекрасно выштукатурены и мало по малу заполняются наноснымъ мусоромъ отъ стадъ барановъ, которыя загоняютъ сюда туркменскіе пастухи для защиты отъ жара. Памятники эти въ такомъ плохомъ состояніи теперь, что трудно, хотя бы приблизительно, возсоздать ихъ первоначальный видъ и планъ, но кажется, что на верху были небольшія сводчатыя помѣщенія, расположенныя вдоль стѣнъ съ ходами внизъ (рис. 26), и этотъ самый верхній ярусъ былъ только жилымъ; откуда былъ входъ въ зданія снаружи, трудно опредѣ-

[1]) См. выше, стр. 119, 121.

лить: существующія какъ бы ворота въ восточной стѣнѣ бо́льшаго могли быть пробиты въ недавнее время Текинцами или могли образоваться отъ обвала; съ другой стороны ихъ можно разсматривать и какъ настоящій входъ, а наружный, какъ разъ ниже входа, бугоръ мусора, лежащій не вдоль всей стѣны, а только въ этой части, могъ конечно образоваться отъ разрушенія лѣстницы, ведшей въ верхній ярусъ снаружи. Что зданія въ срединной части были нежилыя, видно ужъ изъ того, что никакихъ оконъ въ стѣнахъ не видно,—они замѣтны только на линіи цокольнаго этажа. Если сказанное нами правдоподобно и близко къ дѣйствительности, то кровли, общей всѣмъ ярусамъ, зданія не имѣли. Что касается внѣшней отдѣлки па-

Рис. 26. Внутренній сѣверо-восточный уголъ бо́льшаго изъ зданій «Кызъ-Кала».

мятниковъ, то мы здѣсь могли бы повторить все сказанное нами выше, когда рѣчь шла о такой же постройкѣ въ Шехріяръ-Аркѣ.

Если трудно возстановить первоначальный планъ «Дѣвичьяго Замка», то еще труднѣе не только рѣшить, но предположить, къ чему могли служить эти диковинныя, загадочныя громады. Нельзя приводить ихъ въ связь съ народнымъ и, вѣроятно, позднѣйшимъ наименованіемъ и смотрѣть на нихъ, какъ на терема: на что въ послѣднихъ нужны такіе обширные выхода̀? То-же самое обстоятельство мѣшаетъ искать въ нихъ одно изъ общественныхъ учрежденій Мерва, вродѣ училища, хотя бы того, которое нанесъ на свою карту персидскій инже-

неръ недалеко отъ мавзолея султана Санджара и котораго мы до сихъ поръ не нашли среди осмотрѣнныхъ нами памятниковъ, или книгохранилища: въ такомъ видѣ наши зданія были бы слишкомъ далеки отъ болѣе или менѣе обычнаго и неизмѣннаго типа такихъ построекъ на мусульманскомъ востокѣ.

Изъ бывшихъ здѣсь ранѣе путешественниковъ Фрезеръ слышалъ объ уцѣлѣвшемъ въ Мервѣ—неизвѣстно только, въ какомъ именно одномъ изъ старыхъ городищъ—«прекрасномъ арсеналѣ», правда изъ обожженнаго кирпича, а не сырца. Отожествленіе «Замка Дѣвицы» съ арсеналомъ, или вообще зданіемъ обособленнымъ, не для всѣхъ доступнымъ, предназначеннымъ для храненія какихъ либо вещей, запасовъ, всего вѣроятнѣе.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ «Замка», ближе къ «Кызъ-Биби», уцѣлѣлъ уголъ стѣны зданія такого же точно характера по внѣшности.

Оставляя въ сторонѣ неразрѣшимый пока вопросъ о старомъ назначеніи «Дѣвичьяго Замка» и ему подобныхъ построекъ, равно о времени, къ которому они могутъ быть отнесены, не могу не отмѣтить, что по стилю лицевой отдѣлки полуколонками «Кызъ-Кала» тожественна съ извѣстной Радеканской башней (ميل رادكان) въ Персіи, на которой подъ куполомъ идетъ поясъ *цвѣтныхъ изразцовъ* съ жалкими остатками *куфической* надписи [1]). Неоднократно упоминавшійся нами Мухаммедъ-Хасанъ-Ханъ, описывая подробно эту башню, замѣчаетъ, что ее можно отнести ко времени Сельджуковъ [2]).

Вотъ всѣ заслуживающія вниманія руины на западъ отъ Султанъ-Калы,—намъ остается теперь по дорогѣ, ведущей отъ надгробія Кызъ-Биби черезъ Султанъ-Калу и ея сѣверный обводъ, заглянуть въ такъ называемую «мечеть Ходжа-Юсупъ» (рис. 27).

Это во всякомъ случаѣ не мечеть, а надгробіе съ пристройками, расположенное на старомъ кладбищѣ безъ могильныхъ плитъ, на которомъ продолжаютъ хоронить и понынѣ. Нашъ памятникъ представляетъ изъ себя небольшой дворикъ, обнесенный высокой стѣной, посрединѣ котораго стоитъ надгробная камера, крытая, кирпичная, обмазанная глиной, съ четырехъ сторонъ открытая арками, въ которыхъ совсѣмъ въ недавнее время укрѣплена незатѣйливая деревянная рѣшетка почти въ ростъ человѣка. Въ этой камерѣ поставленъ надгробный кирпичный, также обмазанный глиной ящикъ, покрытый двумя, надѣтыми одинъ на другой, коленкоровыми чехлами бѣлаго и зеленаго цвѣта. Плиты на ящикѣ *нѣтъ* [3]). На изголовной стѣнѣ камеры водружены, какъ мы видѣли при описаніи другихъ могилъ, три шеста съ лоскутами.

---

[1]) Надпись эта, принимавшаяся нѣкоторыми за пехлевійскую, была срисована Безмѣновымъ для академика Дорна во время его путешествія по Персіи въ 1860 году. См. Отчетъ объ ученомъ путешествіи по Кавказу и южному берегу Каспійскаго моря академика *Б. Дорна*, стр. 65 отдѣльнаго оттиска изъ VIII кн. «Трудовъ Восточн. Отдѣленія Императорскаго Археолог. Общества». Надпись, насколько мнѣ извѣстно, осталась неизданною: Дорнъ въ своемъ «Каспіѣ» (Приложеніе къ XXVI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ), стр. 476—478, обѣщалъ посвятить надписямъ Радеканской башни (ихъ три) особое изслѣдованіе; въ верхнихъ надписяхъ онъ прочелъ годы 407 и 411 Г. (1016—1020 по Р. Х.) закладки и окончанія башни (=гробницы мучениковъ). Срав. Mélanges Asiatiques, VI, 255.

[2]) مطلع الشمس , I, 172.

[3]) Считаю необходимымъ напомнить, что О'Донованъ гробницу Ходжа-Юсупа назвалъ (выше, стр. 106) «до нѣкоторой степени подобной» описаннымъ намъ гробницамъ сподвижниковъ Мухаммеда. *Циммерманъ*, Въ глубь Азіи, стр. 28, писалъ про *каменную* гробницу Юсуфа, къ *верхней плитѣ* которой набожно прикасался сопровождавшій путешественника джигитъ. Ср. наше замѣчаніе о намогильныхъ камняхъ на стр. 156.

У сѣверо-восточнаго угла камеры находится минаретообразная пристройка, выше камеры, верхняя часть которой указываетъ на болѣе совершенный въ смыслѣ отдѣлки внѣшній видъ камеры въ былое время—узорами изъ кирпичныхъ кусочковъ; въ этотъ минаретикъ внизу ведетъ сбоку узкій входъ черезъ дверцу, и въ углубленіе садятся добровольные постники, желающіе подвигами пріобрѣсти славу если не святыхъ—*ишановъ*, то Богу угодныхъ людей; свѣтъ къ нимъ проникаетъ черезъ малое окошко, а воздухъ освѣжается трубою, выведенною въ сѣверную стѣну камеры. Сѣверную и западную стѣны двора образуютъ пристройки: съ первой, откуда и ведетъ входъ во дворъ, расположены обыкновенныя открытыя внутрь сводчатыя помѣщенія, нештукатуренныя, закопченныя, какъ бы навѣсы, въ которыхъ валяется домашній скарбъ, печка съ котломъ, какъ сказали, жертвованнымъ; а пристройка западная напоминаетъ аркады у могилъ асхабовъ: посрединѣ глубокая арка, съ попортившимся и обвалившимся сводомъ, увѣнчанная небольшимъ куполомъ, сведеннымъ при исправленіи недавнихъ лѣтъ довольно неумѣло; по бокамъ арочныя же углубленія въ два яруса, въ одномъ изъ которыхъ устроена кирпичная лѣстница для подъема наверхъ. Эти арки изнутри и снаружи покрыты слоемъ штукатурки и, вѣроятно, съ самаго основанія ихъ имѣли изящный простотою видъ. На дворѣ нѣсколько обыкновенныхъ могилъ, съ простыми глиняными воз-

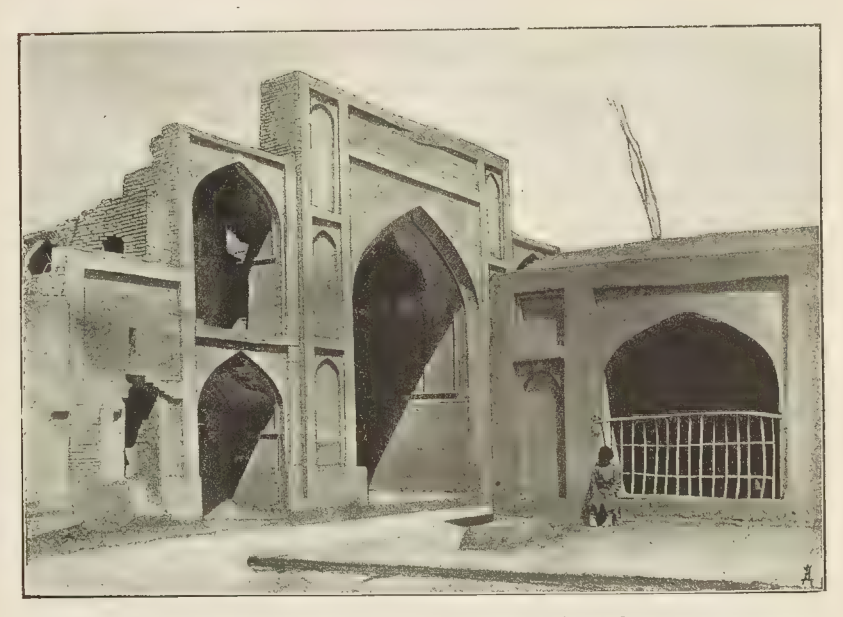


Рис. 27. Внутренняя западная сторона «мечети Ходжа-Юсупъ».

вышеніями; надъ нѣкоторыми изъ нихъ также воткнуты прутики съ лоскутками: погребены здѣсь, вѣроятно, болѣе зажиточные люди, пожелавшіе сподобиться близости праха святаго человѣка. Дворъ съ надгробіемъ и всѣми пристройками образуетъ родъ страннопріимнаго скита, куда сходятся поклонники, больные ради исцѣленія, не находящіе мѣста на могилѣ имама Джафара, какъ жаловался сторожъ ея; все содержится въ сравнительной чистотѣ живущею здѣсь туркменскою семьею. Оберегаемая подъ чехлами гробница покрываетъ прахъ Ходжа-Юсупа, какъ говоритъ вообще народъ,—Юсуфа Хамаданскаго, жившаго при султанѣ Санджарѣ, какъ сказалъ старецъ на могилѣ богатыря Ахмеда [1]). Невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Мы знаемъ, что дѣйствительно въ указанное время въ Мервѣ жилъ происходившій изъ Буруджирда (какъ неправильно пишетъ Ибн-ал-Асиръ въ изданіи Торнберга) Юсуфъ б. Айюбъ б. Юсуфъ б. ал-Хусейнъ б. Якубъ Хамаданскій, который занимался передачей преданій о пророкѣ Мухаммедѣ, велъ строгую подвижническую жизнь и скончался въ 1140 году [2]).

Абу-Якубъ-Юсуфъ б. Айюбъ б. Юсуфъ б. ал-Хусейнъ б. Вахра-ал-Хамадани, родомъ собственно изъ Бузенджирда (въ одномъ переходѣ отъ Хамадана, въ направленіи къ Савэ) родился въ 440 или 441 г. Г. (1048 или 1049 г. по Р. Х.). Въ юности, послѣ 460 года, онъ отправился въ Багдадъ и сталъ въ ряды учениковъ извѣстнаго шейха Абу-Исхака Ширази, подъ руководствомъ котораго прошелъ въ совершенствѣ многія науки, особенно же «фикхъ» (законовѣдѣніе) и схоластическую догматику, превзойдя своихъ сверстниковъ: за большія познанія и хорошій образъ жизни шейхъ выдѣлялъ его, не смотря на молодые годы, изъ среды многихъ своихъ учениковъ. Преданія о пророкѣ онъ слушалъ у судьи Абуль-Хусейнъ-Мухаммедъ б. Али б. ал-Мухтади, Абуль-Ганаимъ-Абд-ал-Самадъ б. Али б. ал-Мамуна, Абу-Джафаръ-Мухаммедъ б. Ахмедъ б. Масламы и др., въ Самаркандѣ и Исфаханѣ, и большую часть слышаннаго записалъ. Затѣмъ все это онъ оставилъ и предался строгому подвижничеству, призывая къ нему людей и направляя послѣдователей на путь правый. Въ 515 г. онъ занимался въ Багдадѣ передачей преданій и имѣвшими большой успѣхъ у народа проповѣдями, которыя онъ произносилъ въ извѣстномъ медресэ «Низамійе». Отсюда онъ перебрался на жительство въ Мервъ, гдѣ въ *рабатъ* его собиралось множество отшельниковъ, отрекшихся отъ міра во имя Божіе [3]). Нѣкоторое время онъ подвизался также въ Хератѣ и возвратился въ Мервъ только по настояніямъ его жителей; вторично переѣхалъ въ Хератъ, но подъ самый конецъ жизни задумалъ перебраться въ Мервъ и на дорогѣ, между Хератомъ и Багшуромъ, въ мѣстечкѣ Баминъ, скончался въ 535 (1140) г. и тамъ же былъ погребенъ, но по прошествіи нѣкотораго времени прахъ его перенесли въ Мервъ, гдѣ *мазаръ его существуетъ и извѣстенъ* (مزار وی در مرو ظاهر است و مشهور است). Въ «тасаввуф'ѣ»—мис-

---

[1]) См. выше, стр. 158. Муллы же, объяснявшіе памятникъ г. *Эварницкому*, Путеводитель, стр. 44, давали мечети Юсупа только 117 лѣтъ исторической жизни. На дворѣ погребены три сына и погонщикъ верблюдовъ св. Юсупа, а противъ сыновей, подъ особымъ мазаромъ жена и выше нея (гдѣ же?) самъ ходжа Юсупъ. На куполѣ мазара надѣта шапка святаго (?)...

[2]) *Ибн-ал-Асиръ*, XI, 53.

[3]) Рабатъ этотъ былъ настолько извѣстенъ, что назывался «Ка'бою Хорасана»— كعبهٔ خراسان . См. هفت اقليم , рук. Азіат. Муз. № 603*bc*, лис. 355*a*.

тицизмѣ—онъ происходитъ преемственно отъ шейха Абу-Али-Фармади; говорятъ также, что онъ бесѣдовалъ съ шейхами Абдаллахомъ Джувейни и Хасаномъ Семнани [1]).

Ходжа-Юсуфъ Хамаданскій считается однимъ изъ «старцевъ» ордена Накшбенди, такъ какъ отъ него ведетъ преемство «начало цѣпи этихъ старцевъ», его четвертый замѣститель, Ходжа-Абд-ал-Халикъ-Гудждавани, и служитъ однимъ изъ авторитетовъ суфической энциклопедіи فصل الخطاب, соч. Мухаммеда Пареса (746—822 г. Г.) [2])

Благодаря главнымъ образомъ разсказамъ этого Гудждавани, сохранившимся въ различныхъ сочиненіяхъ средне-азіятскаго происхожденія, можно составить довольно живой образъ нашего старца-подвижника [3]).

Онъ былъ высокъ ростомъ, очень тощій, съ согбенною отъ голода и подвижничества спиною; носилъ длинные ногти и длинные волосы красноватаго цвѣта, которые тщательно расчесывалъ по ночамъ и почти не рѣзалъ зимою; въ глазахъ имѣлъ порокъ, который самъ врачевалъ разными снадобьями и пластыремъ, изготовленными въ темныя ночи; страдалъ одышкой, отчего его тѣло было всегда въ испаринѣ, и сильными головными болями; имѣлъ пріятный голосъ, былъ сладкорѣчивъ и говорилъ всегда мягко и съ улыбкою,—громко никогда не смѣялся; его единственное платье, съ широкими рукавами, было изъ шерсти,—онъ самъ его шилъ, мылъ и чинилъ, когда приходило въ ветхость; носилъ маленькую чалму и на ноги надѣвалъ большею частью сандаліи; въ рукахъ имѣлъ посохъ, который перешелъ къ нему отъ Сельмана Фариси, брадобрѣя пророка. Его обычною ѣдою былъ хлѣбъ изъ ячменя или проса, растительное масло, уксусъ и соль; въ сорокъ сутокъ онъ одинъ разъ ѣлъ курицу и только по временамъ вкушалъ мяса верблюда и барана; пищу всегда готовилъ самъ,—варенаго на базарѣ никогда не ѣлъ; передъ ѣдою и послѣ нея мылъ руки; одинъ разъ въ годъ предавался сорокадневному затвору и посту. Занятіемъ его было земледѣліе и шитье обуви, и все, что давалъ ему Богъ, раздавалъ бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ, странникамъ, недужнымъ и отягченнымъ семьею; въ жизнь свою никогда не нищенствовалъ и строго запрещалъ это дѣлать своимъ послѣдователямъ. Собственности никогда не заводилъ,—все его достояніе составляли: Коранъ, гребень, зубочистка, молитвенный коврикъ, платенце. Ходилъ большею частію пѣшкомъ, на лошадь садился рѣдко, и если ѣздилъ верхомъ, то на верблюдѣ и ослѣ.

---

[1]) См. *Сам'ани*, كتاب الانساب, л. 66*b*, подъ словомъ البوزنجردى (объ его монастырѣ — خانقاه —упоминаетъ также подъ словомъ الاندقى, л. 31*b*: самъ въ немъ былъ); *Ибнъ-Халликанъ*, وفيات الاعيان изд. Вюстенфельда, № 850, каирское II, 523; *Джами*, نفحات الانس, инд. изд. 1289 г. Г., стр. 241.

[2]) Рукоп. Университ. Библ. № 545, pass.

[3]) См. напр. *Али б. ал-Хусейнъ-ал-Кашифи*, رشحات عين الحيوة, рук. Университ. Библ. № 293, л. 4*a*—5*a*; *Мирза-Максудъ-Дахбиди-Бухари*, مرات السالكين (писано съ 1256 по 1264 г. Г.), рук. Универс. Библ. № 596, л. 44*a* и сл.; въ особенности въ исторіи Самарканда *Абу-Хафса ал-Насафи* تاريخ سمرقند (которая называется иногда и полнѣе كتاب القند فى تاريخ سمرقند —напр. рук. Азіят. Муз. *abb* 574*ag*, или совсѣмъ кратко قنديه, рук. Азіят. Музея *aa* 574*ag*), рукоп. Универс. Библ. № 859, стр. 44—62 и *Миръ-Мусейебъ-Бухари*, خلاصة التواريخ (такъ на заглавномъ листѣ; составлялось съ 1261—1280 г. Г.; повидимому, автографъ, черновой, неоконченный), рук. Унив. Библ. № 854, л. 66*a*—74*b*.

Часто посѣщалъ кладбища, на которыя ступалъ босикомъ, привѣтствовалъ покойниковъ и молился за нихъ; въ Самаркандѣ усердно ходилъ къ мазару Шахъ-Зиндэ. Въ сношеніяхъ съ людьми былъ необыкновенно простъ и шелъ ко всякому правовѣрному, который приглашалъ его, «не щадя ни для кого ни куска, ни совѣта»; въ ночь на четвергъ, пятницу и праздники посѣщалъ друзей и пріятелей. Живя въ Самаркандѣ, онъ каждый новый мѣсяцъ приглашалъ къ себѣ муллъ, съ которыми велъ споры по вопросамъ шаріата. Почти всю долгую жизнь свою онъ былъ вполнѣ независимъ, и въ палаты владыкъ и вельможъ не ходилъ, но среди нихъ пользовался большою славою и почетомъ.

Въ 504 г. Г. (? 1110) султанъ Санджаръ обращался къ Ходжа-Юсуфу за благословеніемъ, что видно изъ посланія Санджара къ самаркандскимъ шейхамъ и вельможамъ, въ которомъ онъ писалъ... «слышно стало, что тотъ Богу преданный старецъ Юсуфъ Хамаданскій достигли совершенства, но у насъ нѣтъ случая къ нимъ отправиться, потому что Сулейманъ-Шахъ съ большимъ войскомъ двинулся на насъ: мы не можемъ оставить область и пойти. На расходы по монастырю дервишей посылается нами 50,000 динаровъ. Слѣдуетъ, чтобы Ходжа-Юсуфъ прочелъ для нашего дѣла суру Фатиха...».

Постоянно молился и ни подъ какимъ предлогомъ не пропускалъ молитвочтеній; по совершеніи «заповѣди», онъ читалъ тридцатую часть Корана, кромѣ обычныхъ словословій и *вирд*'овъ. Отъ дома, въ которомъ онъ жилъ въ Самаркандѣ, въ кварталѣ Гатифиръ [1]), до соборной мечети онъ прочитывалъ весь Коранъ; отъ мечети до дома Ходжа-Хасана Андаки и Ходжа-Ахмеда Ясави прочитывалъ тридцатую часть Корана и суру «Корова»; отъ мечети до пріюта дервишей было 107 шаговъ: за каждый шагъ онъ читалъ одинъ *джузвъ* Корана. Часто плакалъ отъ страха предъ Господомъ и бесѣдовалъ со слушателями о будущей жизни. Не любилъ оставаться по долгу на одномъ мѣстѣ и много путешествовалъ: онъ совершилъ 38 *хадж*'овъ въ Мекку пѣшкомъ и проживалъ въ разныхъ городахъ.

Изъ Багдада, какъ мы уже видѣли, онъ прибылъ въ Мервъ; построилъ здѣсь убогую обитель, нѣкоторое время пожилъ и въ 515 г. Г. (1121) отправился въ Мавераннахръ; въ Бухарѣ онъ пріобрѣлъ много послѣдователей и велъ съ ними бесѣды въ мечети у «Фабричнаго бассейна» (در مسجد گذر لب حوض کارخانه که از گذرهای مشهورهٔ بخاراست); отсюда перебрался въ Самаркандъ, гдѣ поселился въ упомянутомъ кварталѣ Гатифиръ, который примыкалъ непосредственно къ постройкамъ самаго города. Скончался 26-го Мухаррема 535 г. Г., имѣя отъ роду 95 лѣтъ, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ—1099 мѣсяцевъ и 26 дней. Передъ смертью онъ избралъ изъ среды своихъ учениковъ четырехъ преемниковъ — Ходжа-Абдаллаха Бараки, Ходжа-Абуль-Хасана Андаки, сопутствовавшаго ему въ путешествіяхъ въ Багдадъ и Харезмъ, Ходжа-Ахмеда Ясави и Ходжа-Абд-ал-Халика Гуджданани; завѣщалъ имъ жить въ согласіи, строгомъ соблюденіи закона и милостиво относиться къ ихъ послѣдователямъ. Совер-

[1]) Вокализація установлена по كتاب الانساب *Сам'ани*, л. 304*b*, s. v. الغاتفرى. По его словамъ, Гатифиръ — большой и красивый кварталъ въ Самаркандѣ, въ самомъ городѣ; мѣсто это называется также «Началомъ моста Гатифиръ»:..... موضع بسمرقند فى نفس البلد يقال له راس قنطرة غاتفر و هى محلة كبيرة حسنة ..... Арабское названіе راس قنطرة غاتفر вполнѣ соотвѣтствуетъ персидскому سرپل غاتفر въ قنديه, стр. 62.

шивъ полуденную молитву, онъ приказалъ приготовить теплой воды, прочесть изъ Корана извѣстныя суры; поручилъ Абдаллаху Бараки омыть его, а Ходжа-Хасану—приготовить могилу и похоронить его въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ жилъ [1]), а молитву за упокой его прочесть въ соборной мечети. Затѣмъ онъ тихо скончался; всѣ завѣщанія его были исполнены въ точности.

Ходжа-Юсуфъ Хамаданскій въ теченіе жизни 10,000 разъ прочелъ Коранъ, имѣлъ въ памяти 700 сочиненій, посвященныхъ божественному слову, законовѣдѣнію, толкованію Корана, преданіямъ о пророкѣ; бесѣдовалъ съ 213 шейхами - старцами; 8,000 идолопоклонниковъ обратилъ въ исламъ,—тѣмъ же, которыхъ онъ увѣщаніемъ заставилъ раскаяться въ грѣхахъ и наставилъ на путь истины, нѣтъ числа. Нѣкоторые приписываютъ Юсуфу сочиненія رتبة الحيات , منازل السالكين , منازل السائرين и др. [2]).

Свидѣтельство Джами объ «извѣстномъ» мазарѣ Ходжа-Юсуфа въ Мервѣ относится къ XV вѣку и заслуживаетъ всякаго довѣрія. Извѣстно, что при султанѣ Абу-Саидѣ въ 872 (1469) году Джами былъ въ Мервѣ для свиданія съ извѣстнымъ ходжей дервишскаго ордена Накшбенди, Убейдаллахъ-Ахраромъ [3]), и, несомнѣнно, могъ *лично* побывать на могилѣ Юсуфа Хамаданскаго, старца, почитаемаго вообще и накшбендійцами въ особенности.

Его могила могла быть отмѣчена на общемъ кладбищѣ вскорѣ послѣ его смерти, — за это говоритъ кирпичъ постройки, однородный съ матеріаломъ мавзолея султана Санджара, и нѣкоторое стремленіе къ узорамъ изъ кирпича, видѣннымъ уже нами какъ въ отдѣлкѣ мавзолея, такъ и современнаго ему надгробія имама Джафара; поэтому встрѣтившій меня на могилѣ Ходжа-Юсупа Туркменъ, кажется, совсѣмъ неправъ, приписывая постройку «мечети», какъ онъ выразился, Арабу, Падишаху, Абдаллаху: и тутъ повторилась указанная нами выше неосновательная приписка зданій Абдаллаху Бухарскому, какъ строителю въ этихъ краяхъ по преимуществу. Около двора надгробія сохранился копанный водоемъ.

Нельзя сказать, какимъ старымъ кладбищамъ Мерва соотвѣтствуютъ сейчасъ упомянутыя, на которыхъ мы осмотрѣли надгробія Ходжа-Юсупа и Кызъ-Биби. Что кладбищъ въ Мервѣ было нѣсколько, мы можемъ не только предполагать, судя по величинѣ города, но и утверж-

---

[1]) По словамъ Гуждавани, Ходжа-Юсуфъ скончался и погребенъ *въ Самаркандѣ*; домъ его ученики разобрали и устроили возвышеніе (آن خانەرا كشاديم و صفهٔ عمارت كرديم). Авторъ تاريخ القند , l. c., въ числѣ могилъ квартала Гатифиръ ставитъ на первомъ мѣстѣ «турбетъ» Юсуфа Хамаданскаго. (Ср. однако л. 118*a* Универс. кодекса, гдѣ авторъ говоритъ о двухъ тезкахъ: «одинъ Ходжа-Абу-Юсуфъ Хамаданскій покоится въ Самаркандѣ, въ кварталѣ Гатифиръ, а Шейхъ-Абу-Юсуфъ Хамаданскій покоится въ Мервѣ»....) Такое поразительное разногласіе تاريخ القند съ приведенными мною выше источниками въ вопросѣ о мѣстѣ смерти и погребенія Юсуфа бросилось въ глаза уже восточному писателю, именно автору خلاصة التواريخ , который старается устранить это разногласіе возможностью, что Ходжа-Юсуфъ при послѣднемъ переѣздѣ изъ Херата въ Мервъ зашелъ въ Самаркандъ и скончался; *отсюда* уже его прахъ былъ перевезенъ въ Мервъ. Это было сдѣлано однимъ изъ его учениковъ, котораго رشحات عين الحيوة , مراة السالكين и خلاصة التواريخ называютъ—Ибн-ал-Бухари.

Показанія Самʼани, мервскаго жителя, видѣвшаго «рабатъ» Юсуфа, и Джами, какъ дошедшія до насъ въ подлинникахъ, во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ болѣе довѣрія, нежели разсказы Гуждавани, сообщаемыя въ تاريخ القند .

[2]) Эти указанія о сочиненіяхъ почерпнуты только въ خلاصة التواريخ и никакими другими источниками не подтверждаются.

[3]) *Rosenzweig*, Biographische Notizen über Mewlana Abdurrahman Dschami, 17. خلاصة التواريخ , л. 212*b*.

дать, на основаніи заявленія Сам'ани въ его «Книгѣ родословій», который «одно» изъ такихъ кладбищъ, расположенное по обѣимъ сторонамъ какой-то дороги, называетъ довольно часто, но наша единственная рукопись его труда пишетъ такъ неразборчиво—مسجدان (л. 47*a*), سخدان (л. 390*a*), سجدان (л. 46*b*, 415*b*), سخلان (л. 139*a*), سحدان (л. 315*b*), даже سخذاب (листъ 436*a*) — М.с.дж.данъ, С.х.данъ,—С.дж.данъ, С.х.ланъ, С.х.данъ, С.х.забъ, что дѣйствительное названіе кладбища остается для насъ невыясненнымъ,—у Якута же, который могъ бы служить подспорьемъ для правильнаго чтенія, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ оно не называется. Извѣстно также изъ того же Сам'ани о существованіи въ Мервѣ въ кварталѣ Тувикъ древнѣйшаго кладбища, на которомъ впервые стали хоронить мусульманъ [1]).

Прежде чѣмъ окончательно покинуть площадь мервскихъ руинъ съ многочисленными, но однообразными «тепэ»-холмами и «кала»-крѣпостями самыхъ различныхъ наименованій, укажу на одно мѣсто на юго-востокъ отъ Гяуръ-Калы, называемое Шаимъ-Кала, которое принимается нѣкоторыми также за остатки города. Это—четыреугольникъ почти въ одну квадратную версту, обнесенный глинобитными плохо сохранившимися стѣнами, прилегающій западною своею стороною къ старому каналу того-же имени Шаимъ-ябъ; внутри онъ совершенно пустой и ровный,—нѣтъ ни обычнаго въ городищахъ кремля, ни слѣдовъ зданій, ни признаковъ былаго жилья ввидѣ бугровъ и возвышеній; только въ юго-западномъ углу его видны остатки обжигательныхъ печей.

Такой видъ калы заставляетъ думать, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ городищемъ, а съ большимъ, можетъ быть, военнымъ станомъ, въ которомъ приготовлялись осадные снаряды вродѣ видѣнныхъ нами на поверхности Гяуръ-Калы кирпичныхъ ядеръ, и не монгольскія-ли полчища Тули-Хана стояли здѣсь въ 616 (1219) году? Въ исторіи нѣтъ положительно никакихъ данныхъ принимать Шаимъ-Калу за городище вообще и мервское въ особенности. Названіе «Шаимъ-Кала» есть, по всей вѣроятности, исковерканное «Шахинъ-Кала» شاهين قلعه, что можетъ обозначать «крѣпость сокола», если не искать бóльшей испорченности «Шахи-Кала» شاهى قلعه — «царская крѣпость».

III.

Мѣста по Мургабу: Султанъ-бендъ, Чарвахъ, Баба-Гамберъ, Имамъ-Баба, Талхатанъ-Баба. Поѣздка въ Самаркандъ и Бухару. Опытъ раскопки въ Гяуръ-Калѣ. Надгробныя плиты, хранящіяся въ Мургабскомъ Государевомъ Имѣніи. Заключеніе.

Изъ Байрамъ-Али я отправился на осмотръ лѣваго берега Мургаба черезъ Султанъ-бендъ, отстоящій отъ перваго на 65—70 верстъ, по прямой дорогѣ изъ Мургабскаго Государева Имѣнія.

---

[1]) Л. 80*b*, s. v. التويكى. Были въ Мервѣ могилы и не на общихъ кладбищахъ. *Сам'ани*, л. 257*a*, s. v. الصايغ, отмѣчаетъ посрединѣ «внутренняго города» извѣстную, посѣщаемую поклонниками могилу Абу-Исхакъ-Ибрагимъ б. Меймунъ ал-Саига, законовѣда и передатчика преданій, убитаго въ Мервѣ Абу-Муслимомъ въ 131 (748) году.

Султанъ-бендъ—пунктъ, весьма тѣсно связанный съ исторіей стараго Мерва: здѣсь была плотина на рѣкѣ Мургабѣ, вода котораго отводилась въ громадный искусственный каналъ, развѣтвлявшійся на болѣе мелкіе, и направлялась къ городу; отсюда ясно, что какъ только въ исторіи появляется Мервъ, съ нимъ неразлучно подразумѣвается и плотина, потому что первый, не имѣвшій своей собственной воды, безъ второй невозможенъ,—исторія плотины есть исторія Мерва, исторія, между прочимъ, его процвѣтанія и упадка, богатства и обѣднѣнія. Эта плотина на своемъ вѣку видѣла много,—разрушали её и время, и вода Мургаба, и рука воинствующаго человѣка: къ ея разрушенію прибѣгали тогда, когда хорошо укрѣпленнаго города Мерва нельзя было взять силою и оставалось принуждать жителей къ сдачѣ лишеніемъ ихъ воды.

Мы видѣли уже выше обстоятельное описаніе мервскихъ каналовъ, самой плотины и вообще мервскаго водоснабженія у арабскихъ путешественниковъ и персидскаго историка,—здѣсь мы лишь вкратцѣ повторимъ самое существенное.

Плотина находилась отъ Мерва приблизительно въ разстояніи одного перехода (по Мукаддаси), въ 12 фарсахахъ (по Хафизи-Абру), и въ 50 верстахъ (по Габайдулла-Амирову); въ шести фарсахахъ отъ города, при деревнѣ Заркъ, главный каналъ дѣлился на болѣе мелкіе [1]; въ разстояніи одного фарсаха былъ устроенъ водомѣръ, а въ половинѣ фарсаха, въ селеніи Бухшабъ, былъ городской водораздѣлъ. На плотинѣ постоянно жилъ народъ, наблюдавшій за ея сохранностью, а въ XVIII столѣтіи тамъ упоминается крѣпость, командовавшая плотиною. Изъ различныхъ моментовъ ея существованія Мукаддаси во второй половинѣ X вѣка отмѣтилъ серьезный прорывъ ея водою, то-же случилось въ 1162 году; затѣмъ она была снесена послѣ монгольскаго погрома между 1219 и 1409 годами, когда была возстановлена по приказу Шахроха; въ 1566 году её разрушилъ Абдаллахъ-Ханъ, чтобы принудить Мервъ сдаться; послѣ 1785 г. плотину два раза разрушалъ и исправлялъ Шахъ-Мурадъ Бухарскій; послѣ 1799 г. разрушалъ её и Эмиръ-Хайдеръ [2]; послѣдній моментъ существованія плотины не только не отмѣченъ точно, но даже гадательно установить его не представляется возможнымъ,—во всякомъ случаѣ исправленіе ея Хивинцами, о которомъ сообщаетъ намъ Абботтъ [3]), представляется мало вѣроятнымъ: тогда уже не было Мерва на мѣстѣ Стараго Мерва и плотина была ненужна.

Одинъ изъ позднѣйшихъ авторовъ приписываетъ устройство плотины султану Санджару (XII в.) [4]), что, конечно, неосновательно: мы не имѣемъ прямыхъ указаній и заявляемъ только ввидѣ предположенія, что къ этому времени можетъ быть отнесено лишь названіе «Султанъ-бендъ—плотина Султана», но не въ томъ смыслѣ, что онъ её создалъ и построилъ,—

---

[1]) Руководясь даннымъ здѣсь разстояніемъ, общимъ протяженіемъ мервскихъ каналовъ до плотины, характеромъ мѣстности и старою ирригаціонною сѣтью, не трудно съ большимъ вѣроятіемъ отожествить старинное селеніе Заркъ съ нынѣшними развалинами Туркменъ-Калы, которыя 1) лежатъ какъ разъ на полпути отъ старомервскихъ городищъ къ Султанъ-бенду и 2) командуютъ водораздѣломъ изъ главнаго канала, нынѣ сухаго Султанъ-яба. Въ Заркѣ былъ убитъ послѣдній сасанидъ Ездиджердъ III (см. выше, стр. 9). Позже, при Шахрохѣ, здѣсь слѣдуетъ искать Бахшабъ или мѣстность, у Хафизи-Абру называемую Пятирѣчіемъ (Пенджабъ. См. выше, стр. 67).

[2]) См. выше, стр. 19, 22, 23, 24, 66, 86, 87, 90, 93.

[3]) См. выше, стр. 97.

[4]) См. выше, стр. 86.

плотина была и ранѣе,—а въ томъ, что онъ, заботясь о столичномъ городѣ Мервѣ, могъ усовершенствовать, улучшить плотинныя постройки и водяныя приспособленія, или въ крайнемъ случаѣ исправить плотину, если она была сорвана. За развитіе ирригаціоннаго дѣла при султанѣ Санджарѣ говоритъ и цифра работниковъ на рѣкѣ и каналахъ: 10,000 человѣкъ, указанные Мукаддаси, возрастаютъ до 12,000 [1]). Названіе «Султанъ-бендъ» во всякомъ случаѣ историческое: въ историко-географическихъ сочиненіяхъ, которыми я пользовался, оно встрѣчается, хотя и рѣдко,—впервые такъ называетъ нашу плотину Хондэмиръ въ исторіи Султанъ-Хусейнъ-Мирзы подъ 861 (1456) годомъ [2]); «Бянди-Султанъ» именуетъ её и Габайдулла-Амировъ (1799 или 1800 года) [3]).

Отъ старой плотины въ настоящее время уцѣлѣло немного: остатки моста ввидѣ свалившагося быка, пропуски для воды, торчащія изъ бугровъ фашины изъ хвороста, превратившагося въ наичистѣйшій уголь, обжигательныя печи и бугры, бугры кирпича и разныхъ осколковъ; по увѣренію лицъ, завѣдывавшихъ возведеніемъ новой плотины, въ постройкѣ Султанъ-бенда, матеріалѣ и кладкѣ замѣчается нѣсколько различныхъ наслоеній: кирпичъ нижнихъ слоевъ—8×8 и 2 вер. толщины, болѣе верхній—5×5 и 1 вер. и наконецъ самый обыкновенный персидскій кирпичъ.

Можно было предполагать, что въ Султанъ-бендѣ, при большихъ земляныхъ выемкахъ, обусловленныхъ возведеніемъ новой плотины и проведеніемъ новыхъ каналовъ, будутъ попадаться интересныя въ археологическомъ отношеніи старинныя вещи; на дѣлѣ это предположеніе не оправдалось: за все время работъ здѣсь ничего не было найдено, потому что плотина возводилась не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была старая, и земляныя выемки производились не изъ рушенной земли, а изъ матерой.

Переправившись въ Султанъ-бендѣ на лѣвый берегъ Мургаба по теченію и правый по моему направленію, я поѣхалъ по прекраснѣйшей почтовой дорогѣ, перерѣзанной старыми глубокими каналами, массой оросительныхъ канавъ, по полямъ, засѣяннымъ джугарой (сорго), дынями, поросшей цѣлыми лѣсами тамарикса, на югъ, къ афганской границѣ.

Не доѣзжая почтовой станціи Чарвахъ, отстоящей по тракту отъ нынѣшняго Мерва на 94 версты, минуешь небольшую площадь преимущественно глинобитныхъ развалинъ, съ самыми незначительными остатками кирпича, не особенно старыхъ, потому что мѣстами уцѣлѣла на стѣнахъ и валяется отбитая кусками штукатурка; кругомъ развалинъ виденъ какъ-бы валъ. Все это высится на краю самаго Мургаба, который идетъ здѣсь постоянно въ очень крутыхъ берегахъ; мѣстами видно старорѣчье. Трудно сказать, что здѣсь было въ старое время: остатки-ли это небольшаго форта, крѣпостцы или какого либо остановочнаго пункта на торговомъ пути? Названіе «Чарвахъ», происшедше изъ персидскаго چهار باغ— «Четыре сада», заставляетъ во всякомъ случаѣ предполагать здѣсь мѣсто съ культурою. Истори-

---

[1]) См. выше, стр. 23, 68.

[2]) См. выше, стр. 70.

[3]) См. выше, стр. 93. Нѣкоторыя историческія данныя о Султанъ-бендѣ были обнародованы мною съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи 9 Апрѣля 1891 г. въ газетѣ «Новости» подъ заглавіемъ «Изъ прошлаго Султанбенда—плотины на Мургабѣ».

ческихъ справокъ о немъ мнѣ не удалось найти никакихъ: въ большомъ персидскомъ географическомъ словарѣ подъ заглавіемъ «Насирово зерцало городовъ» — مرات البلدان ناصری, который издается въ Тегеранѣ Мухаммедъ-Хасанъ-Ханомъ (И'тимад-эс-сальтанэ) и въ которомъ собрано множество мѣстъ съ тѣмъ-же наименованіемъ, наше какъ разъ не упоминается.

Остается также невыясненнымъ, лежалъ-ли Чарвахъ на большомъ караванномъ пути изъ Мерва въ Хератъ, записанномъ Ибнъ-Хордадбехомъ, Кудамой и др., или онъ шелъ по противоположному берегу Мургаба.

Отъ Чарваха мѣстность теряетъ характеръ полной равнины и начинаются глинистыя предгорія и твердаго песчанника холмы.

На слѣдующей станціи, Чöплы-тепэ, въ 22 верстахъ отъ предшествующей, находится, какъ показываетъ самое названіе ея, небольшой холмъ, бугоръ, покрытый обычнымъ для этого края кирпичемъ и битой посудой, среди которой встрѣчаются осколки графита, «мешхедскаго» камня.

По срединѣ этого бугра ямщики хотѣли вырыть яму для склада различныхъ запасовъ; на глубинѣ пояса человѣческаго роста имъ попадался кирпичъ размѣра 6×6 и $1^1/_2$ вершка, а также цвѣтные камешки, «сибирскіе», по словамъ станціоннаго старосты, что по копѣйкамъ продаются на русскихъ ярмаркахъ на серьги и бусы. Полъ станціоннаго помѣщенія выложенъ остатками стараго кирпича.

На пути изъ Чарваха въ Чöплы-тепэ на Мургабѣ есть маленькій водопадъ Чохлокъ и какъ разъ почти въ этомъ мѣстѣ на противоположномъ берегу небольшое кладбище съ остатками шести обыкновенныхъ надгробій, носящее названіе Баба-Гамберъ (بابا قنبر), такъ какъ по туркменскому преданію здѣсь погребенъ слуга Алія—Камберъ. Я ихъ не посѣтилъ, во-первыхъ потому, что сообщеніе съ этимъ мѣстомъ не особенно удобно, при пользованіи почтовыми лошадьми,—нужно или ѣхать въ круговую черезъ Султанъ-бендъ, или, не доѣзжая Чöплы-тепэ, переправиться на правый берегъ черезъ туркменскую плотину Кызыклы-бендъ, за которой кладбище въ 4-хъ верстахъ; во-вторыхъ, по увѣренію лицъ, которые осматривали полуразвалившіяся куполообразныя надгробія, они не представляютъ ни малѣйшаго интереса ни въ архитектурномъ отношеніи, ни въ историческомъ, — надписей на надгробіяхъ нигдѣ нѣтъ, могильныхъ плитъ на кладбищѣ не сохранилось. И дѣйствительно, вотъ что пишетъ про нихъ Д. И. Эварницкій, называя надгробія, какъ и г. Комаровъ [1]), «мечетями», и полагая, что развалины эти лежатъ на мѣстѣ города (?) Аулія Баба Камберъ [2]).

«Первая изъ мечетей имѣетъ 6 саж. длины и 11 саж. ширины и состоитъ изъ пяти отдѣленій,—двухъ въ срединѣ и трехъ съ лѣвой (откуда?) стороны; въ первомъ отдѣленіи сдѣланы двѣ сквозныя арки, во-второмъ одна сквозная; она отдѣлана внутри большими кирпичами, снаружи окрашенными красной краской, имѣетъ на верху небольшой куполъ, внизу подземный ходъ и одну лѣстницу для подъема на минаретъ (?); кладка мечети состоитъ частію изъ глины, частію изъ извести. Кирпичъ имѣетъ размѣръ 6×6 и 9×9 верш. Подъ сводами этой мечети хранятся скелеты людей и огромные глинянные кувшины при нихъ.

---

1) «Новости», № 62.

2) Путеводитель, стр. 48, 49.

Вторая мечеть имѣетъ 4 сажени длины и столько-же ширины; устройство ея почти одинаково съ первой; разница состоитъ лишь въ небольшихъ кирпичныхъ колонкахъ, сдѣланныхъ по угламъ мечети, въ небольшой нишѣ внутри и кое-какихъ арабесокъ, уцѣлѣвшихъ подъ сводомъ ея. Третья и четвертая мечети имѣютъ тѣ же размѣры, что и вторая (4×4), но отличаются отъ нея болѣе простой отдѣлкой и меньшей высотой. Онѣ стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ первыхъ двухъ, но за то гораздо лучше ихъ сохранились. На развалинахъ Аулія Камберъ имѣются еще двѣ небольшихъ мечети, но онѣ совсѣмъ почти развалились и потому не могутъ подлежать даже самому поверхностному описанію».

Въ 1884 году близъ гробницъ находился, по словамъ П. М. Лессара [1]), караван-серай (робатъ).

Мѣсто Баба-Гамберъ единственный разъ упоминается въ исторіи Султанъ-Хусейнъ-Мирзы подъ 1456 годомъ и называется «станціей»— منزل [2]).

Въ 18½ верстахъ отъ Чöплы-тепэ расположена станція и военный постъ Имамъ-Баба, гдѣ имѣется большое старое мусульманское кладбище и каравансерай; первое расположено на высокомъ холмѣ, второй—у подножія его. Этотъ каравансерай (рис. 28), по опредѣленію г. Комарова [3]), вмѣщавшій тысячу пятьсотъ верблюдовъ, сложенный изъ кирпича, былъ на половину разобранъ пришедшими сюда въ 1885 г. нашими войсками и послужилъ готовымъ матеріаломъ для постройки хлѣбопекаренъ и казацкихъ домиковъ, расположенныхъ по обѣ стороны дороги, которыхъ я насчиталъ 19. Солдаты говорили мнѣ, что надъ воротами каравансерая съ южной стороны была сѣрая доска—плита, съ врѣзанными непонятными для нихъ словами, которая долгое время потомъ валялась на кладбищенскомъ бугрѣ; самые тщательные поиски, при участіи тѣхъ-же солдатъ, не привели ни къ чему: плита, которая могла-бы намъ разъяснить время постройки каравансерая, открыть имя строителя, а, можетъ быть, даже и мѣста, не нашлась. Вокругъ каравансерая шла стѣна, теперь превращенная въ груду битаго кирпича, образующаго маленькій валикъ.

Что касается кладбища, кирпичемъ котораго также пользовались для нуждъ и потребностей жилья, то на немъ уцѣлѣло только два полуразвалившихся обыкновенныхъ надгробія (рис. 29); камней и плитъ не осталось никакихъ. Нѣкоторыя могилы вскрыты, повидимому, искусственно, и въ этомъ предположеніи утверждаетъ признаніе самихъ солдатъ, что имъ, видѣвшимъ въ могилахъ кости, запрещено было ихъ раскапывать. Какъ разъ противъ кладбищенскаго бугра, черезъ дорогу, высятся на самомъ краю Мургаба два соприкасающіеся въ основаніи холма, столь-же высокіе, съ прослойками селитры, которые были предметомъ инженерныхъ изслѣдованій, какъ свидѣтельствуютъ шурфы и разсказы солдатъ о томъ, что «отсюда землю въ мѣшкахъ возили». Шурфы, сдѣланные въ разныхъ мѣстахъ, — вершинѣ, откосахъ, обнаруживаютъ на разной глубинѣ слои золы, угля, кирпичную кладку прямую и колодцеобразную. На поверхности много кирпичныхъ обломковъ, трехъ разныхъ по величинѣ

---

[1]) См. «Юго-западная Туркменія», стр. 16 въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXI (1885).

[2]) См. выше, стр. 70.

[3]) «Новости», № 62.

сортовъ, между прочими рѣдкаго болѣе стараго размѣра $10^1/_2 \times 10^1/_2$ при 2-хъ вершкахъ толщины.

Инженеръ Коншинъ, изслѣдовавшій первый отъ станціи бугоръ, говоритъ, что это—насыпной холмъ элипсоидальной формы съ длинною осью въ 150 саж. и короткою въ 30 саж.; онъ аналогиченъ, какъ и холмы близъ Аннау, съ Дигальскимъ курганомъ, изслѣдованнымъ академикомъ Абихомъ около озера Урміи въ Персіи, который, по заключенію академика, служилъ мѣстомъ сожженія и погребенія древнихъ гвебровъ (?). Разрѣзъ въ 6 саж. глубины

Рис. 28. Полуразобранный каравансерай на станціи Имамъ-Баба.

и шурфы въ 2 саж., заложенные на днѣ разрѣза, даютъ возможность изучить внутреннее строеніе кургановъ. Грунтъ ихъ состоитъ изъ рыхлой тонкоземлистой глины, цвѣта бураго, мѣстами красноватаго. Въ вертикальномъ разрѣзѣ обнаруживается рядъ горизонтальныхъ слоевъ сѣрой золы, перемѣшанной съ обугленными частичками костей, осколками гончарной посуды и отпечатками на глинѣ зеренъ ячменя, пшеницы и стеблей соломы. Эти слои чередуются съ короткими прослойками древеснаго угля чернаго цвѣта, также перемѣшаннаго съ остатками обуглившихся костей, прослойками, имѣющими общее горизонтальное направленіе и постепенно суживающимися на концахъ. На дневной поверхности замѣчается тонкая кора

кристаллической и аморфной селитры, выщелоченной дождями изъ почвы кургановъ. Процентное содержаніе селитры въ почвѣ кургановъ колеблется отъ 2 до 5% [1]).

На другомъ бугрѣ, имѣющемъ отвѣсный обвалъ на В. къ Мургабу, ровно ничего не обнаруживающій, проведена раскопками длинная галлерея колѣномъ; что тамъ при этомъ находилось, видно изъ сообщенія г. Комарова. «Въ урочищѣ Имамъ-Баба есть огромное кладбище, поверхность котораго, можно сказать, усѣяна мелкими старинными предметами: однажды послѣ дождя казаки въ часъ времени набрали 500 монетъ, разныхъ рѣзныхъ камней, бусъ и всякихъ мѣдныхъ обломковъ и все это только на поверхности. Когда-же про-

Рис. 29. Одно изъ двухъ надгробій на кладбищѣ Имамъ-Бабы.

должали копать дальше, то наткнулись на что-то вродѣ бронзоваго жезла съ украшеніемъ ввидѣ птицъ и змѣй, который тутъ-же впрочемъ разсыпался. Тутъ-же потомъ открыли правильный четыреугольникъ, сложенный изъ кирпича размѣромъ аршина 1¼, внутри пустой; а неподалеку въ сторонѣ нашли огромный горшокъ, въ которомъ тоже не оказалось ничего, кромѣ мелкой земли; а подальше еще нашли подобный-же горшокъ, и все это какъ-то въ разбросъ» [2]).

[1]) «Геологическій и физико-географическій очеркъ Закаспійскаго края», стр. 193 въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Импер. Русскаго Геогр. Общ., т. IX, 149—196.

[2]) «Новости», № 65.

Я долго бродилъ и по кладбищу, и по обоимъ буграмъ, но не нашелъ рѣшительно ни одной старинной вещи,—правда, осмотръ былъ не послѣ дождя.

Имѣемъ-ли мы въ Имамъ-Баба дѣло съ пунктомъ исторически извѣстнымъ, стариннымъ? Его названіе, очевидно, позднѣйшее и при томъ окончательно видоизмѣнившееся въ самые недавніе годы [1]), ничего не говоритъ, но это новѣйшее образованіе по аналогіи съ другими мѣстами вполнѣ понятно и естественно. Почти всюду, гдѣ только есть кладбища со старыми надгробіями, въ туркменскихъ наименованіяхъ этихъ мѣстъ является слово «бабá» (بابا), что значитъ «отецъ, почтенный старецъ»,—напр. Баба-Гамберъ, Талхатанъ-Баба, Сарахсъ-Баба, Улугъ-Баба, Имамъ-Баба и т. д., потому что подъ этими надгробіями Туркмены непремѣнно хоронятъ какого нибудь святаго, старца, и такимъ путемъ образуются общія названія мѣстъ,—Сарахсскій старецъ, Талхатанскій старецъ и т. д., причемъ въ рѣдкихъ случаяхъ старцы эти опредѣляются частнѣе,—старецъ Гамберъ, старецъ Имамъ-Бекташъ. Что это за Имамъ-Баба (Бекташъ), я положительно недоумѣвалъ: въ настоящее время въ урочищѣ кромѣ русскихъ солдатъ и почтово-станціонной прислуги никто не живетъ, туркменскихъ кочевій по близости не находится, почему и не отъ кого было услышать какихъ либо руководящихъ народныхъ преданій и легендъ.

Несомнѣнно, что въ старину здѣсь было большое жилье, разъ осталось отъ него такое большое кладбище, и интересно, куда это жилье исчезло: мы видѣли, что никакихъ развалинъ, кромѣ обширнаго каравансерая, въ Имамъ-Бабѣ нѣтъ? Оказывается, что возрожденіе края и связанное съ нимъ проложеніе путей и возведеніе разнообразныхъ зданій, при пользованіи старымъ матеріаломъ, измѣнили за шесть лѣтъ и Имамъ-Бабу.

Вотъ что писалъ о развалинахъ, «называемыхъ Имамъ», П. М. Лессаръ въ 1884 году [2]). «Здѣсь очень обширное кладбище близь гробницы двухъ святыхъ; *на могилахъ камни съ весьма красивыми персидскими надписями* [3]). Кромѣ того незатѣйливыя приношенія Туркменъ: нѣсколько чираковъ (? чуреĸовъ—хлѣбовъ), и болѣе всего куски палокъ, вѣтки, тряпки. Кромѣ

---

[1]) На картѣ къ статьѣ Лессара въ Извѣст. Географ. Общества, т. XX, называется Имамъ-Бекташъ, на картахъ военно-топографическаго отдѣла 1863 года, исправленныхъ по 1873 и 1883 годы,—Имамъ-Биккашъ, Имамъ-Бикташъ; позже—Имамъ-Баба.

[2]) «Юго-западная Туркменія», стр. 17.

[3]) Исчезшіе съ могилъ камни найти, конечно, трудно, особенно въ цѣломъ видѣ, но не невозможно: въ Закаспійскомъ краѣ я самъ видѣлъ въ нѣсколькихъ домахъ куски плитъ со старыхъ кладбищъ и слышалъ про нѣсколько случаевъ вывоза таковыхъ за предѣлы края «на память».

Въ Мервѣ, у начальника гарнизона, г. Линевича, я снялъ бумажный оттискъ съ одного увѣсистаго осколка, величиною въ 13 вершк. длины и 11 вершк. ширины, который, какъ сказалъ владѣлецъ, привезенъ, кажется, изъ Имамъ-Бабы; на немъ по арабски значится: . . . . فى شهور سنة ثمان و ثمانين و ثمانمئة . . . «въ мѣсяцы года 888 (1483)...»

Затѣмъ, изъ журнала засѣданія Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества 13 Октября 1889 г. мы узнаемъ, что Отдѣленію было доложено письмо г. Мазинга изъ Асхабада о найденной имъ въ развалинахъ Байрамъ-Али мраморной плитѣ съ надписью; плита вѣситъ около двухъ пудовъ. Г. Мазингъ, прилагая къ письму бумажный оттискъ съ нея и русскій переводъ, спрашивалъ, выслать ли плиту въ Общество. Постановлено было просить прислать фотографическій снимокъ съ нея. См. Извѣстія Географическаго Общества, т. XXV (1889), стр. 111.

Къ величайшему сожалѣнію, въ архивѣ Географическаго Общества, не смотря на долгія поиски, не удалось найти ни письма г. Мазинга, ни бумажнаго слѣпка съ его плиты, ни русскаго перевода надписи. Плита г. Мазинга, удаленная съ Байрамъ-Алинскихъ (=мервскихъ) развалинъ, гдѣ, какъ мы уже видѣли, памятники съ надписями составляютъ величайшую рѣдкость, могла представить для нашего труда не малый интересъ и значеніе, и о не нахожденіи оттиска съ нея въ архивѣ Общества приходится сожалѣть сугубо.

гробницъ святыхъ здѣсь много могилъ людей, погибшихъ отъ аламановъ. Въ прежнее время дорога изъ Мерва въ Пендэ считалась самою опасною во всей степи: и дѣйствительно, почти нѣтъ версты, гдѣ не было бы одной, двухъ могилъ; палки съ тряпками указываютъ, что это все жертвы аламановъ; большею частью пастухи, купцы. «Шагитъ», говорятъ, проѣзжая, Туркмены. Не далеко отъ могилъ близъ рѣки развалины хауза (водоема) и большаго робата Абдулла-Хана; когда то это было прекрасное зданіе, но построено оно безъ прочнаго фундамента и потому, не смотря на превосходный матеріалъ (весьма хорошо выжженный кирпичъ) и толщину стѣнъ, все въ трещинахъ и разваливается. Кромѣ того здѣсь нѣсколько болѣе древнихъ развалинъ, представляющихся въ видѣ оплывшихъ возвышенностей, изъ которыхъ лишь кое-гдѣ выступаютъ остатки стѣнъ; кирпичъ идетъ на покрытіе новѣйшихъ могилъ».

Если ближе присмотрѣться къ относительному географическому положенію нашего урочища и его топографіи,—на высокомъ холмѣ, на берегу Мургаба, почти по рединѣ между Мервомъ и Меручакомъ (стариннымъ Мерверрудомъ) [1]), то не должно показаться смѣшнымъ и мало вѣроятнымъ, если мы въ Имамъ-Бабѣ будемъ искать извѣстное селеніе Каринейнъ [2]), лежавшее отъ Мерва въ 25 фарсахахъ по Ибнъ-Хордадбеху, Кудамѣ, Хамдаллаху Казвинскому, въ 4-хъ переходахъ по Истахри, въ 4-хъ дняхъ по Идриси и въ 15 фарсахахъ по Якуту и Сам'ани [3]). Оно было расположено на высокомъ холмѣ, на берегу рѣки, имѣло крѣпкую цитатель, и жили въ немъ огнепоклонники, которые назывались *Торкунъ* [4]) и *Бихаферизи* [5]); и по свѣдѣніямъ Идриси, Каринейнъ былъ укрѣпленный, богатый городъ съ базаромъ, большою мечетью, проточною водою и садами. Мы знаемъ, что собственное названіе селенія было Б.р.к.дизъ, и только это названіе извѣстно «саманидской географіи», а Каринейнъ называли его потому, что въ административномъ отношеніи оно присоединялось то къ Мерву, то къ Мерверруду.

Вотъ это то первоначальное или собственное названіе мѣста «Б.р.к.дизъ» съ послѣдующими его измѣненіями и переходными формами, независимо отъ географическаго совпаденія, безповоротно, какъ мнѣ кажется, рѣшаетъ вопросъ о томъ, что Б.р.к.дизъ (= Каринейнъ) и

---

[1]) Отожествленіе, весьма основательное, Меручака съ Мерверрудомъ и нынѣшняго Акъ-Тепэ съ древнимъ Хузаномъ сдѣлалъ *Генри Раулинсонъ* въ Proceedings of the Royal Geographical Society, VII (1885), 580, 581.

[2]) При отожествленіи Мерверруда съ нынѣшнимъ Бала-Мургабомъ, капитанъ *F. de Laessoë* искалъ Каринейнъ въ Акъ-Тепэ и даже какомъ то холмѣ близъ Чарваха,—что, однако, мало вѣроятно. См. Proceed. of the R. Geogr. Soc., VII (1885), 589.

[3]) См. выше, стр. 14, 15, 21, 31, 41, 56.

[4]) Считаю не лишнимъ отмѣтить, что названіе это у издателя Кудамы образовалось нѣсколько произвольно и нигдѣ у *de Goeje* не объяснено. Дѣло въ томъ, что рукопись читаетъ يقال لهم تركون и издатель уже самъ установилъ чтеніе تركون, стр. ٢٠٩ и 161. *Sprenger*, Post-und Reiserouten des Orients, стр. 41, оставилъ слово безъ діакритическихъ точекъ. Если бы вмѣсто لهم читать لها, относя послѣдующее названіе къ селенію, а не жителямъ, то непонятное تركون можно было бы свободно принять за рукописное искаженіе بركدز, и тогда у Кудамы мы имѣли бы тоже указаніе, какъ и у Сам'ани, т. е. что Каринейнъ прозывалось собственно Б. р. к.дизъ.

[5]) См. выше, стр. 22. Основатель ученія ихъ, Бих-аферидъ, выступилъ въ послѣдніе дни омейядскаго владычества и думалъ согласовать культъ маговъ съ исламомъ; онъ былъ казненъ въ Нишабурѣ по приказу Абу-Муслима, а противъ послѣдователей его приняты были суровыя мѣры. См. *M. Th. Houtsma,* Bih'afrid въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, III, 33—37.

нынѣшнее Имамъ-Баба—одно и то-же. Мѣсто наше—только Б.р.к.дизъ въ IV в. Г., Б.р.к.дизъ и Каринейнъ въ VI в. Г. [1]), въ X в. Г. называется только «Баркташъ» — برکتاش , у Хондэмира [2]). Послѣднюю форму я разсматриваю какъ тюркскую *звуковую передѣлку* иранскаго Б.р.к.дизъ [3]); а эта тюркская передѣлка въ свою очередь вполнѣ естественно по звуковымъ законамъ переходитъ въ «Бакташъ» и «Бекташъ», къ которому въ недавнее время народъ прибавилъ «Имамъ», а потомъ опустилъ «Бекташъ», замѣнивъ его словомъ «Баба». Такимъ образомъ, мы стали бы совершенно напрасно искать въ Имамъ-Бабѣ могилы какого нибудь Имамъ-Бекташа (имя у Турокъ очень извѣстное): Бекташъ есть передѣлка стариннаго Б.р.к.дизъ.

Сам'ани говоритъ, что изъ селенія Каринейнъ вышло много «мужей знанія» въ старое и новое время, между прочими—Абу-Исхакъ-Ибрагимъ б. Мухассиль б. Асимъ, передатчикъ преданій, † около 350 ч. Г. (961); Абуль-Музаффаръ-Мухаммедъ б. ал-Хасанъ б. Ахмедъ б. Омаръ б. Исхакъ, передатчикъ, умершій въ Шахразурѣ въ 432 г. (1040); Абуль-Касимъ-Абдаллахъ б. ал-Хусейнъ б. Ахмедъ, передатчикъ; но, конечно, нисколько не обязательно, чтобы кто нибудь изъ нихъ именно былъ погребенъ подъ уцѣлѣвшими на кладбищѣ мазарами и скрывался подъ туркменскимъ «баба», давшимъ позднѣйшее названіе всему мѣсту.

Если нынѣшнее Имамъ-Баба есть старинный Каринейнъ, лежавшій на большой караванной, почтовой и военной дорогѣ изъ Мерва въ Хератъ, то необходимо допустить, что послѣдняя переходила съ праваго берега на лѣвый [4]); для переправы могли въ то время пользоваться мостомъ въ Джиренджѣ, лежавшемъ на обѣихъ сторонахъ Мургаба [5]), и мостомъ, который былъ на плотинѣ Султана.

Отъ Имамъ-Бабы оставалось еще три перегона до конца почтоваго тракта — Пендэ (Тахта-Базаръ) въ 93¾ версты. На первомъ изъ нихъ—въ Сары-язы существуютъ, по свидѣтельству П. М. Лессара [6]), «хорошо сохранившіяся развалины укрѣпленій близь рѣки противъ весьма обширнаго кева (заливъ), на которомъ много болѣе или менѣе древнихъ развалинъ укрѣпленій, башенъ, слѣды каналовъ и керизовъ (водопроводовъ)»; на послѣднемъ перегонѣ—извѣстныя пещеры, обстоятельно описанныя уже капитаномъ F. de Laessoë въ статьѣ «Caves and ruines at Penjdeh» [7]). Осмотрѣть ихъ, конечно, было не безъинтересно, но про-

[1]) *Вюстенфельдъ*, Jacût's Reisen, 479, напрасно видитъ въ Беркадаз'ѣ, какъ онъ читаетъ въ данномъ случаѣ и Беркдиз'ѣ — برکِدز — въ изданіи словаря Якута, IV, 370 s. v. لوکر — и Каринейнѣ два разныхъ селенія, на западномъ берегу Мургаба, раздѣленныхъ деревнею Рудбаръ,—на это не даетъ матеріала Якутъ, а Сам'ани, какъ мы видѣли, категорично выражается, что Б. р. к.дизъ и Каринейнъ—одно и то-же.

[2]) См. выше, стр. 70.

[3]) Если читать بَرْگْدز , то будетъ значить «замокъ оружія, запасовъ»; если بَرکَدز — «замокъ верблюжьяго сукна»; برکتاش — «крѣпкій камень».

[4]) Это вѣроятнѣе: мы знаемъ, что дорога эта не имѣла недостатка въ водѣ, тогда какъ теперь большая дорога изъ Пендэ по правому берегу идетъ вдали отъ рѣки и подходитъ къ ней только у Баба-Гамбера, пройдя *безводный* переходъ около 100 верстъ. *П. М. Лессаръ*, Юго-западная Туркменія, стр. 17.

[5]) См. выше, стр. 25.

[6]) Юго-западная Туркменія, стр. 18.

[7]) Proceed. of the R. Geogr. Soc., VII (1885), 583—591.

должать поѣздку было рискованно: Іюль мѣсяцъ—самое благопріятное время для заразы пендинской язвой; изъ нѣкотораго чувства самосохраненія я повернулъ обратно, тѣмъ же трактомъ направился къ Мерву и остановилъ свое вниманіе на мѣстѣ Талхатанъ-Баба, при почтовой станціи того же наименованія въ 43¾ верст. отъ нынѣшняго Мерва.

Здѣсь какъ разъ при дорогѣ расположено большое кладбище съ сохранившимися на немъ надгробіями и остатками таковыхъ. Главный и любопытный памятникъ находится на краю кладбища, ближе къ дорогѣ. Онъ состоитъ изъ довольно просторнаго двора, обнесен-

Рис. 30. Восточная сторона надгробія въ Талхатанъ-Бабѣ со двора.

наго съ сѣверной, восточной и южной сторонъ плохо сложенною кирпичною стѣною; западная сторона занята состоящимъ изъ двухъ помѣщеній зданіемъ, увѣнчаннымъ невысокимъ куполомъ (рис. 30). Помѣщеніе, занимающее средину зданія, подъ куполомъ, открыто большою аркою внутрь двора; въ немъ въ правомъ углѣ поставлена какого-то своеобразнаго устройства печка-лежанка уступами, на которыхъ лежатъ рога барана; по обѣимъ сторонамъ узорчатой ниши на стѣнѣ наведены алебастромъ квадраты, на одномъ изъ которыхъ стоитъ непонятный для меня знакъ, вродѣ арабской буквы ح, а на другомъ чернилами написаны безграмотно и неразборчиво турецкіе стихи (рис. 31). Къ этой залѣ справа (т. е. съ сѣвера)

прилегаетъ второе, темное помѣщеніе, соединяющееся открытою небольшихъ размѣровъ аркою, идущею почти отъ западной стѣны зданія; въ немъ также стоитъ печь, закоптѣлая, и разложены опять рога барановъ, всякая домашняя утварь, циновки и пр. Слѣва (т. е. съ юга) отъ средняго помѣщенія устроенъ также сообщающійся съ нимъ, крытый проходъ со двора на кладбище. Такимъ образомъ все зданіе представляется какъ-бы раздѣленнымъ на три части: бо́льшая—средина съ аркой, и двѣ другія, по бокамъ отъ нея, равныя—темная комната на сѣверъ и сквозной проходъ, выходящій на кладбище маленькою дверкою, на югъ. Полъ во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ и весь дворъ выложенъ кирпичемъ.

Рис. 31. Среднее помѣщеніе надгробія въ Талхатанъ-Бабѣ изнутри (сѣверо-западный уголъ).

Зданіе обращаетъ на себя вниманіе своеобразной кладкою кирпича по два сразу одинъ на другой, кладкою узорчатою съ выведеніемъ довольно разнообразныхъ рисунковъ, иногда при посредствѣ кирпичныхъ-же кусочковъ для мельчайшихъ узоровъ, которыми покрыты какъ внутреннія стѣны и даже куполъ изнутри, такъ и наружныя, особенно-же выходящая на кладбище (рис. 32). Сѣверная стѣна зданія начинаетъ расползаться; для удержанія ея отъ паденія поставлена подпорка изъ старыхъ-же кирпичей, сложенныхъ одинъ на другой безъ всякой связи. Наступающее разрушеніе особенно замѣтно на первой отъ сѣвера нишѣ на задней стѣнѣ, узоръ которой разошелся и образовавшіяся щели заложены битымъ кирпи-

чемъ кое-какъ. Такая особенная кладка была замѣчена мною еще въ нашемъ Сарахсѣ въ надгробіи извѣстнаго Абуль-Фазля Сарахсскаго [1]) (рис. 33).

Внутри двора, передъ описаннымъ зданіемъ, поставлены на одномъ общемъ кирпичномъ возвышеніи два намогильныхъ ящика въ два уступа, также изъ кирпича, обмазанныхъ глиной, изъ которыхъ одинъ и выше, и длиннѣе другаго. На возвышеніи наложены осколки бѣлаго мрамора, повидимому, отъ намогильныхъ плитъ, но безъ надписей; въ головахъ воткнуты высокіе шесты. Кромѣ того на дворѣ отмѣчено еще нѣсколько обыкновенныхъ могилъ, также съ шестиками; во многихъ мѣстахъ раскинуты циновки.

Рис. 32. Западная стѣна надгробія въ Талхатанъ-Бабѣ съ кладбища.

[1]) А. В. Комаровъ въ своемъ сообщеніи заявилъ, что въ этой «мечети похороненъ одинъ изъ Гулагидовъ, потомковъ Чингизъ-Хана, какъ это явствуетъ изъ надгробной надписи» (Новости, № 62). Въ мое время (1890 г.) надпись на лежащемъ въ надгробіи камнѣ оказалась настолько испорченною, обитою, околупанною, что никакому рѣшительно чтенію не поддалась, и найти въ ней какое либо имя, не только Гулагида, было нельзя; надпись надъ входомъ въ надгробіе, содержащая, по всей вѣроятности, годъ его постройки или возобновленія, и имя лица, надъ могилою котораго оно возведено, къ сожалѣнію, была закрыта какою-то деревянной переборкой—лѣсами, черезъ которую лишь мѣстами сквозили отдѣльныя буквы. Мое предположеніе, что это гробница Абуль-Фазля Сарахсскаго, основывается на трехъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Надгробіе въ простомъ народѣ зовется «Сарахсъ-*Баба*, т. е. Сарахсскій *Старецъ*», а не какой либо княжичъ, сановникъ. Въ самомъ надгробіи я, при осмотрѣ, замѣтилъ налѣпленный на стѣнѣ листъ бумаги съ хвалебной одой на персидскомъ языкѣ въ честь Абуль-Фазля, какъ явствуетъ и изъ ея заго-

На самомъ кладбищѣ уцѣлѣлъ полностію лишь одинъ мазаръ самаго зауряднаго вида—квадратный, невысокій, съ небольшимъ куполкомъ, темный, съ низенькимъ входомъ съ востока, низенькимъ настолько, что вползать внутрь пришлось чуть не на четвереньках. Въ этомъ мазарѣ лежитъ желтоватаго мрамора камень въ 2 арш. 3 вер. длины и около 6 вершковъ ширины и высоты; поверхность его покрыта рисунками цвѣтовъ и листьевъ, а на сторонахъ изголовья и ногъ вырѣзана не особенно хорошимъ почеркомъ слѣдующая арабская надпись.

Рис. 33. Надгробіе Абуль-Фазля Сарахсскаго въ русскомъ (старомъ) Сарахсѣ.

ловка мною списаннаго: (sic) قصيده در مدح حضرت قطب الاقطاب غوث الاوتاد مركز دايرة الارشاد مقتداى امام مشتهدين جامع المعقول و المنقول خواجه ابو الفضل امام سرخسى عليه الرحمة و الرضوان و مشاق اين قصيدهٔ شريف اغرب الغربا و افقر الفقرا مسمى.... خاكسار اغنى عبد الرزاق اندجانى و ملاى منكلى خان

т. е. «ода во хвалу особы полюса полюсовъ.... центра круга направленія (на истинный путь), примѣра для имамовъ-муджтахидовъ, сборника того, что усвояется умомъ и передается, Ходжа-Абуль-Фазля, имама Сарахсскаго — милость на немъ и благоволеніе!—Писалъ эту знатную оду странникъ изъ странниковъ и бѣднякъ изъ бѣдняковъ.., презрѣнный, Абд-ал-Реззакъ Андиджанскій и Мулла Менгли-Ханъ».. Значитъ и для грамотныхъ людей и муллъ, — туземцевъ или выходцевъ изъ Средней Азіи, представляется несомнѣннымъ, что это—надгробіе Абуль-Фазля. Наконецъ *Бёрнсъ* (англ. II, 57, 58, русск. III, 82, 83) въ 1832 году говоритъ въ Сарахсѣ о гробницѣ «какого то мусульманскаго святого, который жилъ за 824 года до нашего времени и назывался Абуль-Фазиль Гузнъ, какъ гласитъ гробничная надпись»...

Чтеніе надгробной надписи Бёрнсомъ мнѣ кажется весьма близкимъ къ дѣйствительности: Абуль-Фазиль-Гузнъ—

هذا المرقد المنور الامير السعيد المرحوم المغفور افتخار الامرا امير جلال الملة و الدين تركستان ابن الامير امير السعيد المغفور امير جمال الدين پاشا طيب الله ثراهما قد توفى فى السابعة من شهر شوال سنة احدى و اربعين و ثمانماية

т. е. «это лучезарная могила эмира блаженнаго, помилованнаго, прощеннаго, славы эмировъ, эмира, «величія народа и вѣры Туркестана», сына эмира, эмира блаженнаго, прощеннаго,

Рис. 34. «Улугъ-Баба», или «Каинова могила», въ персидскомъ (новомъ) Сарахсѣ.

никто иной, какъ Абуль-Фазль б.ал-Хасанъ Сарахсскій, извѣстный подвижникъ и мистикъ, «старецъ» — پیر — наставникъ Абу-Саидъ б. Абуль-Хейра († 440 г. Г.). Онъ скончался, какъ гласитъ надпись на его гробницѣ въ 414 г. Г. (1023), судя по замѣткѣ на поляхъ одной рукописи, писанной въ 1023 г. Г., и завѣщалъ друзьямъ похоронить его не на большомъ кладбищѣ, а на холмѣ. См. *Джами*, نفحات الانس , инд. издан. 1289 года Г., стр. 181. *Ethé*, Die Rubâ'îs des Abû Sâ'îd bin Abulkhair, стр. 148 (въ Sitzungsber. der könig. bayer. Akademie der Wissensch., philos.-philol. Classe. 1875, 145—168).

Абуль-Фазль былъ современникомъ другаго сарахсскаго мистика, Шейха Локмана, называемаго обыкновенно «Меджнун'омъ—Безумцемъ». Не ему ли принадлежитъ сохранившееся также въ Сарахсѣ, но на персидской сторонѣ за Хери-рудомъ, красиво отдѣланное надгробіе (рис. 34)? Надъ входомъ въ него читается имя «шейхъ-ал-ислама, величайшаго въ истинѣ, народѣ и вѣрѣ, гордости ислама и мусульманъ, прославленнаго слабыми и бѣдняками, Мухаммедъ б.Мухаммедъ *Локмана*»— شيخ الاسلام اعظم الحق و الملة و الدين فخر الاسلام و المسلمين معز الضعفا والمساكين محمد بن محمد لقمان ? Годъ, повидимому, постройки надгробія поставленъ 757 Г. (1356). Эту гробницу простонародье персидское называетъ «Улугъ-Баба—Великій старецъ», а русскіе солдаты величаютъ «Каиновою могилою».

эмира Джемал-ал-Динъ-Паши,—да наполнитъ благовоніемъ Господь землю ихъ!—онъ скончался въ седьмой день мѣсяца Шевваля года 841 (1437 по Р. Х.)» [1]).

Находящееся недалеко отъ этого другое надгробіе на половину развалилось,—кровля и нѣкоторыя стѣны рухнули.

Обходя кладбище, я только на одной могилѣ замѣтилъ небольшой камень почти чернаго цвѣта, на которомъ плохо вырѣзанными буквами сохранились слѣдующія слова: هذا مرقد مرحوم خان محمد ولد ..... т. е. «это могила покойнаго хана Мухаммеда, сына.....» Около надписи сдѣланы рисунки—шашки, ножа и копья.

Съ задней стороны кладбище огибаетъ арыкъ, которымъ наполняется расположенный у дороги водоемъ, обсаженный деревьями. На краю этого водоема поставлена глинобитная мазанка, въ которой живетъ старикъ—Туркменъ съ женою, почитаемый, кажется, за ишана, и съ большимъ усердіемъ собирающій доброхотную дань съ проѣзжающихъ. За его мазанкою стоитъ нѣсколько кибитокъ. Къ этому-то старцу, давнишнему старожилу этихъ мѣстъ, я и обратился съ разспросами относительно двухъ могилъ на дворѣ надгробія. На это старики разсказали мнѣ слѣдующее.

Шестьсотъ съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ большой купеческій караванъ верблюдовъ заблудился въ песчаной пустынѣ, и былъ близокъ погибнуть отъ жажды. Ища воды, путники случайно набрели на то мѣсто, гдѣ теперь находится надгробіе, увидѣли тамъ какого-то человѣка и спросили у него, гдѣ-бы имъ добыть воды. Человѣкъ сказалъ: «я васъ сейчасъ напою». Взялъ въ руки палку и протянулъ ее передъ собою. Люди дивились и говорили: «какъ-же ты изъ этой палки дашь намъ воды»?—«А вотъ, увидите», отвѣчалъ тотъ: «бейте по ней шашками». Дѣйствительно, когда начали бить, изъ палки пошло столько воды, что всѣ напились и утолили жажду. Купцы предложили человѣку въ награду денегъ, товаръ, какой онъ только пожелаетъ, но тотъ отказался, говоря: «мнѣ ничего не нужно, а вотъ тутъ живетъ царь Султанъ Санджаръ,—везите къ нему». Купцы поѣхали къ султану Санджару и разсказали ему о случившемся, прибавивъ, что спасъ ихъ отъ гибели, должно быть, не простой человѣкъ. Султанъ Санджаръ немедленно снарядилъ одного изъ своихъ слугъ и приказалъ ему привезти того человѣка. Посланный отправился, нашелъ пустынника, передалъ ему приказаніе султана и получилъ въ отвѣтъ: «сперва мнѣ надо съѣздить въ святой городъ помолиться». Гонецъ сталъ убѣждать его, говоря, что святой городъ далеко, а султанъ приказалъ привезти его немедленно,—но пустынникъ его не слушалъ. Въ извѣстный часъ къ пустыннику явился огромный бѣлый верблюдъ, онъ сѣлъ на него, позади себя посадилъ султанскаго посланнаго и приказалъ ему закрыть глаза. Когда гонецъ вновь открылъ ихъ, они уже очутились въ святомъ городѣ. Пустынникъ слѣзъ съ верблюда и пошелъ молиться, спутникъ-же остался ждать его. Случилось такъ, что онъ просмотрѣлъ, какъ уѣхалъ обратно пустынникъ, и опечаленный блуждалъ по святому городу, отыскивая его. Какой-то человѣкъ, узнавъ, кого онъ ищетъ, сказалъ: «не трудись напрасно и жди до пятницы: опять въ тотъ-же самый часъ пустынникъ твой пріѣдетъ сюда молиться». И дѣйствительно, въ пятницу пустынникъ пріѣхалъ и послѣ молитвы взялъ съ собою посланнаго Санджара; приказалъ ему

[1]) Исторія не сохранила намъ памяти объ этомъ достойномъ мужѣ.

закрыть глаза и черезъ полчаса доставилъ его на то самое мѣсто, откуда взялъ. Слуга вновь сталъ просить пустынника отправиться къ Санджару, но онъ и теперь отказался. Посланный возвратился съ пустыми руками и разгнѣвалъ султана, такъ что послѣдній приказалъ было предать его смертной казни, но присутствовавшіе сановники заступились и предложили сперва разспросить въ подробности, что онъ видѣлъ у пустынника. Выслушавъ докладъ посланнаго, Санджаръ рѣшилъ, что пустынникъ дѣйствительно не простой человѣкъ, и что ему, султану, слѣдуетъ отправиться къ нему лично. Между тѣмъ Талхатанъ-Баба, какъ мужъ святой, зналъ уже о предстоящемъ посѣщеніи Санджара и сталъ просить Бога: «Господи! дай мнѣ умереть: я не хочу видѣть человѣка, который всѣхъ убиваетъ и грабитъ». Когда султанъ пріѣхалъ, то нашелъ только мертвое тѣло Талхатанъ-Бабы, велѣлъ его похоронить и надъ прахомъ его построить «мечеть». Три раза ее строили, но три раза она обрушивалась. Наконецъ Талхатанъ-Баба приснился султану и сказалъ: «я не хочу лежать посрединѣ мечети,—строй ее за моею могилою». Желаніе было исполнено и мечеть благополучно стоитъ до сихъ поръ. Послѣ смерти отшельника пришелъ откуда-то его товарищъ по школѣ, чтобы умереть близъ праха друга, за что и былъ погребенъ рядомъ съ нимъ. Имени этого товарища никто не знаетъ, равно и мѣста, гдѣ онъ жилъ ранѣе. Бѣлый верблюдъ, на которомъ свершалъ свои поѣздки Талхатанъ-Баба, и чудовищные шаги котораго отмѣчены на дворѣ и въ проходѣ надгробія сѣрыми камнями, по преданію, является каждый вечеръ, ходитъ вокругъ надгробія и проглатываетъ всѣхъ мошекъ и комаровъ [1]).

Тѣ-же старики разсказали мнѣ, что на могилахъ когда-то лежали большіе камни съ надписями, въ которыхъ подробно была изложена исторія Талхатанъ-Бабы и его товарища; камни эти давно были попорчены Персами, производившими набѣги на эти мѣста, а совсѣмъ въ недавнее время увезены Армянами, которые по чьему-то приказу раскапывали талхатанскіе бугры. Два такихъ вскрытыхъ бугра я осмотрѣлъ: одинъ находится на краю кладбища, около арыка; другой—на противоположномъ концѣ, ближе къ большому надгробію и жилью ишана.

Всѣ талхатанскія надгробія пользуются среди мѣстнаго туркменскаго населенія своеобразнымъ почетомъ: съ одной стороны сюда приходятъ паломники, на дворѣ двухъ могилъ проживаютъ сумасшедшіе и больные; съ другой—превращаютъ мазары въ родъ складочныхъ амбаровъ. Помощникъ управляющаго Мургабскимъ Государевымъ Имѣніемъ разсказалъ мнѣ такой случай. Когда онъ пріѣхалъ въ Талхатанъ-Бабу и пожелалъ осмотрѣть мраморный рѣзной камень, о которомъ была рѣчь выше, то его долго не впускали въ надгробіе, потому что входъ былъ заложенъ кирпичемъ: ишанъ сказалъ, что это сдѣлано съ цѣлію помѣшать скотинѣ проникать внутрь святаго мѣста. Когда наконецъ кирпичъ былъ разобранъ, то глазамъ зрителя представилась такая груда сваленнаго лука, что мраморнаго камня изъ подъ него совсѣмъ не было видно.

---

[1]) Заботливое животное можно однако упрекнуть въ медлительности исполненія обязанностей: при такой величинѣ, оно, начиная съ 6 часовъ вечера, только къ 2 часамъ ночи успѣваетъ поглотить милліарды комаровъ, и такимъ образомъ заставляетъ жителей и пріѣзжихъ страдать 8 часовъ невыразимо.

Вотъ всѣ данныя и свѣдѣнія о Талхатанъ-Бабѣ, собранныя на мѣстѣ. Слѣдуетъ полагать, что заявленіе г. Комарова—между прочимъ, нашедшаго здѣсь при раскопкѣ статуетку греческаго типа и двѣ слезницы греческой формы—о томъ, что на кладбищѣ Талхатанъ-Бабы схоронены дѣти султана Санджара, какъ объ этомъ *гласятъ надгробныя надписи* [1]), основано или на какомъ нибудь недоразумѣніи, или на малограмотности лицъ, читавшихъ надписи; или, наконецъ, слѣдуетъ допустить, что камни съ именами сельджукскихъ принцевъ безслѣдно исчезли съ талхатанскаго кладбища.

Мѣсто Талхатанъ-Баба—довольно почтенной давности: оно упоминается уже извѣстными намъ Сам'ани (XII в.) и Якутомъ (XIII в.) въ формѣ «Далгатанъ», какъ селеніе, лежавшее отъ Мерва въ четырехъ фарсахахъ [2]),—разстояніе довольно вѣрное, если и отъ нынѣшняго Мерва оно отстоитъ, какъ сказано, на 43 версты; оно несомнѣнно существовало уже и въ XI в., такъ какъ мы имѣемъ указаніе тѣхъ-же авторовъ о смерти и погребеніи въ Далгатанѣ лица, скончавшагося въ 1095 году.

Въ концѣ XV в., послѣ возобновленія Мерва при Шахрохѣ, у писателя Асфизари, а за нимъ и у Хаджи-Хальфы, [3]), Талхатанъ— تلختان —вмѣстѣ съ Маханомъ отмѣчены, какъ значительныя мервскія волости, изъ чего мы можемъ усматривать, что монгольскіе ужасы не коснулись этого мѣста, что извѣстно въ точности относительно Махана, который процвѣталъ, когда Мервъ лежалъ въ развалинахъ.

Между Мервомъ и Талхатаномъ въ 1456 году былъ разбитъ Султанъ-Хусейнъ-Мирза своимъ тестемъ Мирзою Санджаромъ; въ 1510 году недалеко отъ Талхатана въ мѣстечкѣ Махмудъ-абадъ Шейбани-Ханъ потерпѣлъ пораженіе отъ Шахъ-Исмаила [4]).

Что касается вопроса, при чьей могилѣ поставлено главное надгробіе, по типу и орнаменту приближающееся къ зданіямъ сельджукскаго времени въ самомъ Мервѣ, то на разъясненіе его у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ: не помогаютъ ни записанная отъ Туркмена, но не туркменская, легенда, ни остатки турецкихъ стиховъ, риѳмовавшихъ на تلختان بابام , т. е. «мой Талхатанъ-Баба», написанныхъ, вѣроятно, кѣмъ либо изъ проѣзжавшихъ и на половину стершихся: въ этихъ стихахъ, состоявшихъ изъ общихъ неопредѣленныхъ восхваленій, нѣтъ никакихъ слѣдовъ имени собственнаго, равно указанія на время жизни лица, которому посвященъ панегирикъ.

Единственнымъ матеріаломъ для предположеній могутъ служить записи Сам'ани, отчасти повторенныя Якутомъ, подъ словомъ «Далгатанъ» лицъ, происходившихъ изъ этого селенія; при этомъ надобно имѣть ввиду, что въ такія записи попадали, конечно, люди, чѣмъ либо извѣстные автору «Книги родословій» или выдѣлявшіеся среди современниковъ. Изъ такихъ Талхатанцевъ между прочимъ отмѣчены: Абу-Бекръ-Мухаммедъ (или Ахмедъ) б. ал-Фадль б. Ахмедъ, который былъ однимъ изъ отшельниковъ. Онъ жилъ въ деревнѣ уединенно, собственноручно сѣялъ ячмень, собиралъ, мололъ и употреблялъ въ пищу. Народъ вѣрилъ въ него и его благословеніе. Онъ занимался передачею хадисовъ — преданій о пророкѣ — со

[1]) «Новости», № 62.
[2]) См. выше, стр. 38.
[3]) См. выше, стр. 72, 80.
[4]) См. выше, стр. 70, 73, 74.

словъ своего отца, а съ его словъ передавали многіе шейхи. Скончался въ Рамазанѣ мѣсяцѣ 488 г. Г. (1095 по Р. Х.).

Извѣстенъ также Талхатанецъ, родившійся въ 489 (или 499, 485 г. Г.—1095, 1104, 1092 г. по Р. Х.), Абу-Бекръ-Фадль-Аллахъ б. Мухаммедъ б. Ибрагимъ б. Ахмедъ б. Абдаллахъ, мужъ науки, на которую потратилъ жизнь; онъ зналъ языкъ, законъ, и собиралъ также хадисы; но скончался въ Мервѣ въ 557 (1161) году и тамъ, вѣроятно, погребенъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невозможнаго, что наше надгробіе возведено у могилы названнаго отшельника, который и при жизни пользовался любовью и уваженіемъ народа. При такихъ предположеніяхъ остается пожалѣть, что исчезли камни съ подробною исторіею Талхатанъ-Бабы и его товарища, о которыхъ говорилъ ишанъ.

Верстахъ въ пяти отъ станціи въ направленіи ССВ на Мургабѣ указали мнѣ остатки каменнаго (кирпичнаго) моста «Ташъ-Кёпри», теперь почти незамѣтные для человѣка, незнающаго хорошо мѣстности. По разсказамъ, за годъ до моего пріѣзда три мостовыхъ быка возвышались на $1^1/_2$—2 арш., а я засталъ уже эти остатки въ слѣдующемъ положеніи. На нынѣшнемъ лѣвомъ берегу рѣки, несомнѣнномъ старомъ ложѣ,—новое русло въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отклонилось отъ стараго довольно крутаго лѣваго берега на востокъ,—густо поросшемъ травою и кустарникомъ, очерчены почти сравнявшіеся съ землею два быка: около 11—12 шаговъ длины, около 1 саж. ширины, при разстояніи одного отъ другаго въ 18 шаговъ, сложенные изъ кирпича на извести. Неподалеку слѣды становища Туркменъ, которые и разобрали, вѣроятно, быки, какъ готовый матеріалъ для кладки простыхъ очаговъ и пр.

На возвышеніи стараго берега кирпичныя развалины и съ ними рядомъ обжигательная печь, также разобранныя; отъ нихъ прямо на западъ видна какъ-бы дорога по направленію къ Талхатанъ-Бабѣ, на всемъ своемъ протяженіи теперь непроходимая, такъ какъ перерѣзывается довольно глубокими арыками, черезъ которые, за отсутствіемъ мостовъ, приходилось перебираться въ бродъ на лошади. Отъ этой предполагаемой дороги на сѣверъ и югъ идетъ непрерывный, въ общемъ узкій и лишь мѣстами расширяющійся, рядъ невысокихъ холмовъ, по которымъ разбросанъ кирпичъ отъ бывшихъ здѣсь сооруженій, называемый «Ташъ-лаланъ», тянущійся почти параллельно почтовой дорогѣ до 9-й версты отъ Талхатанъ-Бабы до Оразъ-Калы и Чупанъ-тепэ, гдѣ онъ пересѣкаетъ дорогу и направляется на западъ къ развалинамъ Менарэ-Калы. Что представляетъ изъ себя Ташъ-лаланъ, сказать трудно: можетъ быть, это остатки какой нибудь стѣны, водопровода или выложенной кирпичемъ канавы и поселенія по берегамъ ея.

Противъ описаннаго моста «Ташъ-Кёпри», обойденнаго Мургабомъ и стоящаго теперь наискось къ направленію рѣки, на противоположномъ берегу въ нѣкоторомъ отдаленіи видна Туркменъ-Кала. Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ въ старину существовала одна изъ многихъ постоянныхъ переправъ черезъ Мургабъ.

Покинувъ Талхатанъ-Бабу, я направился безостановочно черезъ Геокъ-тепэ въ Мервъ, минуя на пути на далекомъ разстояніи развалины Менарэ-Калы, гдѣ недавно еще, по слухамъ, была башня вродѣ минарета, красиво облицеванная цвѣтными изразцами, разобранная Армя-

нами и Персами для постройки Новаго Мерва, холмъ Ёлбарсъ-тепэ, руины Порсу-Калы, и большую площадь «кешк»'овъ, подъ каковымъ общимъ названіемъ извѣстны у Туркменъ развалины глинобитныхъ домовъ, въ которыхъ иногда видны комнаты, ниши въ стѣнахъ и пр.

Вся эта мѣстность вокругъ Геокъ-тепэ тоже была Мервомъ, но для насъ не старымъ, Мервомъ почти въ послѣдній моментъ его существованія передъ русскимъ владычествомъ, — Мервомъ Хивы, когда старомервскія городища, вслѣдствіе бухарскихъ погромовъ и разрушенія большой Мургабской плотины, были покинуты и поселенія съ остатками непорабощенныхъ горожанъ, лишенныя необходимой въ достаточномъ количествѣ для жизни воды, придвинулись ближе къ самому Мургабу и перебрались на его лѣвый берегъ.

Чтобы дополнить скудныя свѣдѣнія и показанія туземцевъ, недавнихъ владѣтелей края, относительно осмотрѣнныхъ мною городищъ и памятниковъ, и разузнать о ихъ прежнемъ состояніи, я предпринялъ поѣздку въ Самаркандъ и Бухару,—повидаться тамъ съ потомками жителей Стараго Мерва, выведенныхъ изъ него большими партіями при Мурадъ-Би и Эмиръ-Хайдерѣ. Я надѣялся въ разсказахъ ихъ, со словъ ихъ предковъ, встрѣтить хотя бы отдаленные намеки на мѣстонахожденіе въ окрестностяхъ Мерва христіанскихъ-несторіанскихъ кладбищъ, добыть у нихъ исторію или лѣтопись ихъ прежней родины, хотя бы и за болѣе поздній періодъ ея жизни, или небезъинтересныя бумаги и документы, вродѣ запродажныхъ записей и купчихъ крѣпостей, услышать новыя названія надгробій и объясненіе загадочныхъ построекъ и почерпнуть изъ ненарокомъ брошенныхъ замѣчаній матеріалъ для опредѣленія пунктовъ предположенныхъ мною опытныхъ раскопокъ въ Мервѣ.

Надежды мои не осуществились нимало: вызванные мервцы-старики въ Самаркандѣ изъ кварталовъ и загородныхъ мѣстъ—Баги-Шемаль, Чоръ-Тутъ, Ходжа-Чорукъ, Пуль-Мегобъ, Сочекъ; въ Бухарѣ — изъ Зирабада, Кумрабада, Татаръ-Мехаллэ и др. оказались самыми полными невѣждами судебъ мервскихъ развалинъ и стояли въ этомъ отношеніи на одинаковой степени съ Текинцами. Они могли только—и то какъ то сбивчиво и исторически невѣрно—разсказать, что Байрамъ-Али 107 лѣтъ тому назадъ въ войнѣ съ Бухарцами былъ убитъ въ разстояніи одного фарсаха отъ крѣпости по направленію къ Бухарѣ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого Мервъ палъ вслѣдствіе разрушенія плотины Султана; сынъ Байрамъ-Али—Ходжи-Ханъ принужденъ былъ откочевать изъ Мерва въ три пріема: въ Самаркандъ (около 4,000 семействъ), Бухару (около 40,000), Мешхедъ, гдѣ выходцы живутъ особымъ мервскимъ кварталомъ [1]), Хератъ и др.; уходя, жители оставили Мервъ въ цвѣтущемъ состояніи, — тамъ были, какъ теперь въ Самаркандѣ, тутовые, виноградные и фруктовые сады, но потомъ все пришло въ окончательный раззоръ по причинамъ маловодія и разрушенія Туркменъ, изъ которыхъ Салорцы и ранѣе наводили страхъ на жителей Мерва....

Видѣлъ я также мервскихъ выходцевъ, живущихъ въ количествѣ 30—40 семействъ, въ селеніи Шадичэ—на пути изъ Сарахса въ Мешхедъ, но и здѣсь встрѣтилъ только одно невѣдѣніе....

---

[1]) Одинъ изъ десяти малыхъ мешхедскихъ кварталовъ; находится въ восточной части города, у «Паинъ-хыябанъ». См. подробное описаніе Мешхеда у *Мухаммедъ-Хасанъ-Хана*, مطلع الشمس , II, 239, 240.

По возвращеніи изъ Самарканда въ Байрамъ-Али, мнѣ оставалось сдѣлать и по необходимости, и по возможности небольшой опытъ раскопки: по необходимости—вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ и необходимой для нихъ воды, по возможности—потому, что площадь осмотрѣнныхъ мною городищъ была столь обширна, а вѣскихъ данныхъ для выбора на ней безусловно интересныхъ для раскопки пунктовъ, строго говоря, не было: можно было дѣйствовать только на угадъ и по счастливой случайности въ любомъ одномъ бугрѣ сдѣлать интересныя находки и обратно,—раскопать десятки бугровъ и не получить въ результатѣ ровно ничего. Чтобы обезопасить себя отъ безплоднаго копанія въ землѣ и хожденія ощупью, я рѣшилъ сосредоточиться только въ древнѣйшемъ городищѣ, Гяуръ-Калѣ, и именно въ цитадели, гдѣ всего на всего три бугра. Я началъ съ продолговатаго бугра Б, который примыкаетъ къ сѣверной стѣнѣ кремля и одновременно всего городища [1]); онъ имѣетъ по верху 31—33 сажени и свыше 12 арш. высоты; раскопка ведена была встрѣчными въ центрѣ траншеями съ запада на востокъ и юга на сѣверъ. Верхній слой рыхлый, мѣшанный съ осколками глиняной посуды и черепками на глубинѣ $^1/_2$ — $1^1/_2$ арш. далъ глиняную статуетку человѣка по грудь (рис. 35), окислившіяся мѣдныя монеты, костяную чрезвычайно тонкой работы шпильку, оканчивающуюся сжатою въ кулакъ рукою (рис. 36), круглыя глиняныя бусы и цѣлый обожженный шаръ, въ окружности 50 сант., вѣсомъ въ 9 фун. 30 золот.,—изъ тѣхъ, несомнѣнно, метательныхъ снарядовъ, о которыхъ рѣчь была выше [2]). Затѣмъ почва стала плотнѣть, по мѣрѣ углубленія траншей, и подъ конецъ стала тверда какъ камень, такъ что съ трудомъ поддавалась орудіямъ и гнула ихъ. На разной высотѣ здѣсь попадались различной формы и величины бусы глиняныя, алебастровыя, сердоликовыя; мѣдныя монеты, каменная сѣрая дощечка съ изображеніемъ на ней какого то животнаго (рис. 37), каменный молотокъ, въ большомъ количествѣ огромныхъ размѣровъ зубы животныхъ, ромбоидальныя катушки изъ глины и камня, отъ самыхъ маленькихъ до $1^1/_2$ четвертей по ребру; на глубинѣ 6 аршинъ 10 вершк. была извлечена теменная кость человѣческаго черепа; изъ большихъ предметовъ было найдено на разной высотѣ—пять большихъ глиняныхъ сосудовъ формы срѣзаннаго въ верхушкѣ и основаніи яйца, въ среднемъ около 2 аршинъ высоты и 1 аршина въ среднемъ діаметрѣ; нѣкоторые изъ нихъ были съ глиняными же крышками около 3 четв. въ діаметрѣ; всѣ сосуды, даже покрытые, были наполнены до верху плотною сѣроватою землею съ незначительною примѣсью золы и костей. Между этими корчагами на высотѣ 4 арш. 5 вершк. попался круглый глиняный тазъ въ 1 арш. 2 вершка въ діаметрѣ и 4 вершка высоты. Въ этихъ вещахъ, до сихъ поръ употребляющихся въ Персіи и называющихся خمره и تغار,

Рис. 35.

Рис. 37.

Рис. 36.

[1]) См. выше, стр. 113.
[2]) Стр. 113, 114.

чрезвычайно простыхъ, безъ какихъ либо рисунковъ и узоровъ; глина разсыпалась и слоилась.

Въ противоположномъ этому бугрѣ В у южной стѣны кремля была прорыта траншея съ сѣвера на югъ до приблизительнаго центра на 8 съ лишкомъ аршинъ глубины: выкопанъ такой же точно тазъ, около котораго лежала куча угля и золы; мелкихъ вещей — монетъ, бусъ совсѣмъ не попадалось, но въ послѣдній день раскопки найдены были двѣ глиняныя фигуры животныхъ— кажется, собаки и ежа (рис. 38, 39)[1].

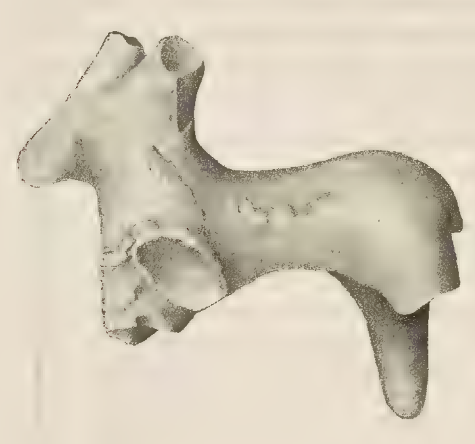


Рис. 38.

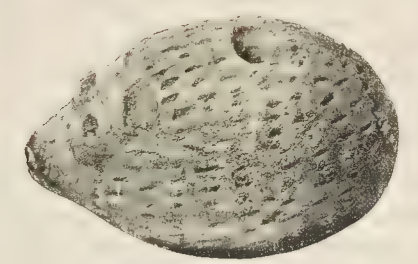


Рис. 39.

Третій опробованный бугоръ былъ—А, почти въ центрѣ кремля, наиболѣе высокій, немного ниже вала самой цитадели. При проведеніи траншеи, на поверхности земли найденъ былъ желѣзный наконечникъ стрѣлы; въ верхнемъ слоѣ встрѣчались часто мѣдныя монеты, черепки глиняной посуды и битое стекло; попался замокъ и желѣзная пластинка-скобка или петля отъ двери; затѣмъ сразу нахожденіе какихъ бы то ни было предметовъ прекратилось. Когда галлерея была доведена до 4½ арш. глубины, стѣнки ея обсохли и ихъ обмело вѣтромъ, оказалось по совершенно ясно обнаружившимся пазамъ, что производилась выемка не рушенной земли, а сплошной на всемъ протяженіи сырцевой кладки изъ плитъ отмѣченнаго выше громаднаго размѣра 10×10 верш. и 2½ верш. толщины. Для большей убѣдительности, что тутъ была не стѣна, отъ галлереи, почти перпендикулярно къ ней, сдѣланъ былъ отводъ въ 5 арш. длины, но результаты были одинаковы — на протяженіи 7 — 8 аршинъ шла кладка; вырытыя на поверхности въ нѣсколькихъ мѣстахъ ямы указывали на то-же. Такимъ образомъ пришлось прійти къ заключенію, что вся верхняя часть холма, если не весь холмъ, сложены

[1]) Представленныя на рис. 35—39 въ натуральную величину вещи, добытыя при раскопкѣ, переданы Императорскою Археологическою Коммиссіею въ Императорскій Россійскій Историческій Музей.

изъ сырцевыхъ плитъ. Туркмены говорили, что когда то на этомъ холмѣ было зданіе; иныхъ признаковъ, подтверждающихъ эту молву, кромѣ осколковъ посуды и кирпича размѣра 9×9 вершковъ и 1½ вершка толщины, не обнаруживается: слѣдовъ развалинъ и линіи стѣнъ нѣтъ.

На этомъ послѣднемъ бугрѣ опытъ раскопки былъ оконченъ, — въ общемъ онъ длился 10 дней при 18—20 рабочихъ среднимъ числомъ въ день.

Можетъ быть, раскопки были бы удачнѣе [1]), если бы отъ мѣстныхъ жителей пришлось добыть свѣдѣнія объ открытыхъ въ мервскихъ городищахъ случайныхъ археологическихъ находкахъ, но о такихъ ничего не было слышно; вообще свѣдѣній о вещественныхъ древностяхъ Закаспійскаго края мнѣ не удалось собрать никакихъ и это явленіе я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что я попалъ въ край въ неблагопріятную для археолога минуту: его только что покинулъ бывшій начальникъ, А. В. Комаровъ, зоркій археологъ и страстный коллекціонеръ, за каковаго знали его и Туркмены... [2]). За время моего пребыванія въ краѣ и разъѣздовъ я слышалъ только отъ пристава Іолъ-отана, г. Волковникова, о недавней случайной находкѣ однимъ Сарыкомъ въ Коюнъ-кую (120 верстъ отъ Іолъ-отана), при исправленіи стараго колодца, новѣйшихъ бухарскихъ монетъ, 11 серебряныхъ и 1 мѣдной; одна монета для образца была доставлена начальнику мервскаго уѣзда, кн. Бебутову. Что же касается богатыхъ кладовъ монетъ злато-серебряныхъ, найденныхъ также въ окрестностяхъ Іолъ-отана, гораздо ранѣе моего пріѣзда, то они полностію были препровождены г. приставомъ въ Асхабадъ г. начальнику края, А. В. Комарову.

Мургабское Государево Имѣніе въ Байрамъ-Али, которое на мервскихъ развалинахъ возводитъ постройки и дворцы, во время обширныхъ работъ не открыло рѣшительно никакихъ остатковъ древности; оно хранитъ только въ своихъ складахъ три надгробныхъ съ персидскими и арабскими надписями камня, вывезенныхъ, какъ мнѣ сказали очень обще, изъ іолъ-отанскихъ песковъ. Съ двухъ изъ нихъ мною сняты бумажные оттиски и надписи приводятся нѣсколькими строками ниже,—на третьемъ-же камнѣ надписи настолько сгладились, что чтенію и разбору не поддались.

Такъ какъ пунктъ, изъ котораго привезены эти плиты, ближайше мнѣ не былъ опредѣленъ, то позволительно высказать предположеніе, не идутъ-ли онѣ съ тѣхъ кладбищъ, которыя видѣлъ въ 1884 году П. М. Лессаръ, проѣзжая изъ становища (*оба*) Юсупъ-хана Векиль въ Іолотанъ, не доѣзжая Коша-Гумбеза, на которыхъ были надгробные камни, «подобные употребляемымъ въ Персіи съ вполнѣ сохранившимися надписями»? [3]).

Наши плиты—размѣра 2 арш. 5½ вер. длины, 5½ вер. ширины и 4 вер. высоты, не считая выступа около вершка въ основаніи—изъ сѣраго графита, однородныя съ видѣнными

[1]) И здѣсь г. Е. Марковъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія связывать малоуспѣшность раскопокъ съ «незначительными средствами», мнѣ отпущенными: они неизвѣстны ни г. Маркову, ни тѣмъ лицамъ, которые давали ему матеріалъ для писанія. Средства были вполнѣ достаточны и почти неизрасходованными возвращены мною Императорской Археологической Коммиссіи. *Е. Марковъ*, Въ Туркменіи. Русское Обозрѣніе, Іюнь 1892 г. стр. 461.

[2]) «Новости», № 65.

[3]) Юго-западная Туркменія, стр. 9.

нами обломками въ надгробіи Мухаммедъ-Ханапьи [1]). Плиты—несомнѣнно парныя, судя по величинѣ, орнаменту и упоминаемымъ въ нихъ именамъ собственнымъ, и возлежали когда-то на могилахъ, вѣроятно, родственниковъ; сохранность, отдѣлка этихъ плитъ, равно количество на нихъ надписей и мѣсто ихъ расположенія—не одинаковы. Плита А—съ могилы мужчины, цѣлая, съ попорченнымъ только мѣстами выступомъ въ основаніи; надписей на ней немного, и онѣ идутъ только по сторонамъ изголовья и ногъ и по выступу,—поверхность же и долевые бока сплошь покрыты изящнымъ, искусно вырѣзаннымъ рисункомъ,—мотивы этого орнамента представлены на таблицѣ VIII. Плита Б—съ могилы женщины, переломлена пополамъ, выступъ поотбитъ, одна изъ долевыхъ сторонъ уцѣлѣла только на половину; на этой плитѣ надписи преобладаютъ надъ рисункомъ и расположены на поверхности и всѣхъ боковыхъ сторонахъ,—на выступѣ ихъ не было; плита производитъ впечатлѣніе недодѣланной,—надписи не такъ выпуклы и четки, отчего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не поддаются чтенію.

На плитѣ А сохранилось слѣдующее:

а) на сторонахъ изголовья и ногъ:

وفات جناب سیادت ماب امیر الاعظم || الاکرم امیر سید علی ابن سید محمد ابن || سید محمود کاردکر در تاریخ || غرۀ جمادی الاول سنۀ سبع و || تسعمایه من هجریة النبویة علیه السلام

б) на выступѣ въ основаніи:

1. یا رب قرارگاه تو دار السلام باد * از ما بروح پاك تو هر دم سلام باد
هر چند از نعیم جهان منقطع شدی * از حقّ ترا هزار هزار احترام باد [2])

2. اکر صد سال مانی وریکی روز * ببـاید رفت ازین کاخ ...... [3])

3. کاش آن روز که در پای تو شد خار اجل * دست گیتی بزدی تیغ هلاکم بر سر
تا بدین روز جهان بی تو ندیدی چشم من [4]) * ای منم بر سر خاك توکه خاکم بر سر [5]) الموت

т. е. «кончина его свѣтлости жилища достоинства сейида эмира превеликаго, преславнаго, эмира сейида Али, сына сейида Мухаммеда, сына сейида Махмуда, мастера ножей (приключилась) въ началѣ мѣсяца Джумада перваго года 907 отъ бѣгства пророка (1501 г. по Р. Х.), да будетъ надъ нимъ миръ!

---

[1]) См. выше, стр. 153, 155.

[2]) Размѣръ مضارع – ⏑ – | ⏑ – – ⏑ ⏑ – ⏑ – | ⏑ – –.

[3]) Недостающее слово будетъ دل‌افروز,—такъ по крайней мѣрѣ читается стихъ этотъ въ персидскомъ географическомъ словарѣ *Зэйн-ал-Абидинъ-Ширвани*, подъ заглавіемъ بستان السیاحة, листъ 134*a* рукописи Публичной Библіотеки IV. 1. 26. Замѣтимъ мимоходомъ, что авторъ этотъ ввелъ въ свой словарь и хорасанское названіе Мерва—М.р.в.зъ: л. 411*a*— مروز همان شهر مرو است. Срав. стр. 114, прим. 2.

Размѣръ هزج – – ⏑ | – – – ⏑ | – – – ⏑.

[4]) Размѣръ требуетъ чтенія چشم. Ср. выше стр. 155, 156, гдѣ приведены обрывки того же стиха.

[5]) Размѣръ رمل – ⏑ ⏑ | – – ⏑ ⏑ | – – ⏑ ⏑ | – – ⏑ –.

1. О Господи! да будетъ мѣстомъ утвержденія твоего [1] «обитель мира» (т. е. рай)! Отъ насъ да будутъ (возсылаемы) каждую минуту привѣтствія твоему чистому духу!

Хотя ты и оторванъ отъ благъ міра,—отъ Истины да будетъ тебѣ тысяча тысячъ почтеній!

2. Проживешь-ли ты сто лѣтъ, или одинъ день,—прійдется удалиться изъ этого бельведера [озаряющаго сердце].

3. О если-бы въ тотъ день, когда въ ногу твою вонзился шипъ рока (смерти),—рука судьбы поразила-бы меня въ голову мечемъ гибели,

Чтобы до сегодня не смотрѣли безъ тебя на міръ очи мои!—О! я (стою) у праха твоего,—прахъ мнѣ на голову! Смерть!»

На плитѣ Б читаемъ слѣдующее [2]):

а) на сторонахъ изголовья и ногъ:

وفات مرحومه مغفوره صالحه مستوره مقبول || الشريعة شريف ماما خادجه سلطان بنت مرتضى || الاعظم افتخار .... سالك اطوار || ... محمد بن سيد محمود كاردگر || در تاريخ رجب المرجب سنة تسع و تسعمايه || رحمت ايزدى بجانش باد تمت

б) на поверхности:

الحكم لله تعالى و جلّ

1. دريغ جان جوانان گلعذار دريغ * نيك دريغ كه هر دم هزار بار دريغ
وزيد باد اجل ناگهان زكوى فراق * زباغ عمر فرو ريخت نو بهار دريغ [3])

2. از جان گداز دنيا رفتى بسوى جنت * اى آرزوى چشمم رويت بخواب ديدن
تكبير ميفرستم هردم بروح پاكت * تا وقت آنكه باشد مارا بهم رسيدن [4])

3. با هر كه عنايت تو همراهى كرد * او بر سر شاهان جهان شاهى كرد
كردى تو درين جهان بسى لطف وكرم * دانم كه دران جهان همين خواهى كرد [5]) الموت

4. بر سر تربتم اى دوست زمانى بنشين * ....
كام جانم كه چنين تلخ شد از زهر فراق * .... [6])

5. اى جان جهان كشتهٔ افلاك شدى * مهمان عزيز خاكى پاك شدى الموت
گلها همه از خاك برون مى آيد * يارم توچه گل بدى كه درخاك شدى [7]) الموت

6. همه‌را عاقبت كار همين خواهد بود [6]) كفى بالموت

---

[1]) Относится это выраженіе, конечно, къ усопшему, а не къ Господу.

[2]) Въ текстѣ надписей этой плиты точками обозначены мѣста, которыя, за испорченностью камня, разобрать не удалось.

[3]) Размѣръ مجتث — ⏑ ⏑ | — ⏑ — ⏑ | — — ⏑ ⏑ | — ⏑ — ⏑ .

[4]) Размѣръ مضارع — — ⏑ — | ⏑ — — | — — ⏑ — | ⏑ — — .

[5]) Размѣръ رباعى — ⏑⏑ ⏑⏑ — | — ⏑ — ⏑ | — ⏑ ⏑ — — .

[6]) Размѣръ رمل — ⏑⏑ ⏑⏑ | — — ⏑ ⏑ | — — ⏑ ⏑ | — — ⏑ ⏑— .

[7]) Размѣръ رباعى — ⏑ ⏑ — | — ⏑ ⏑ — | — ⏑ ⏑ ⏑— ⏑— .

т. е. «кончина помилованной, прощенной, праведной, добродѣтельной, высокому закону пріятной Мама-Хадиджэ-Султанъ, дочери Муртезы величайшаго, гордости......, шествующаго по границамъ...., Мухаммеда, сына сейида Махмуда, мастера ножей (приключилась) въ почитаемый Реджебъ мѣсяцъ годъ 909 (1503 г. по Р. Х.). Милость божія да будетъ душѣ ея! Конецъ.

Власть—Богу Всевышнему и Всеславному!

1. Увы! души розощекихъ юношей, увы!—не одно увы, но въ каждую минуту тысячу разъ увы!

Подулъ вдругъ вѣтеръ смерти изъ улицы разлуки,—и съ сада жизни осыпалъ свѣжую весну. Увы!

2. Изъ міра, плавящаго душу, ты удалилась въ рай.—О! очи мои страстно желаютъ увидѣть во снѣ лице твое.

Я буду возсылать прославленіе за твою чистую душу каждую минуту—до того времени, какъ намъ можно будетъ другъ съ другомъ соединиться.

3. Всякій, кому сопутствовала милость твоя,—сталъ владыкою надъ владыками міра.

Ты оказалъ въ этомъ мірѣ много милости и великодушія,—я знаю, что въ томъ мірѣ Ты сдѣлаешь то-же самое.

4. У моей гробницы, о другъ, посиди нѣкоторое время........

Ротъ души моей, который такъ прогоркъ отъ яда разлуки......

5. О душа міра, ты умерщвлена небесами.—Дорогая гостья, ты стала сущимъ ничтожествомъ праха.

Всѣ цвѣты выходятъ наружу изъ праха:—другъ мой! что ты была за цвѣтокъ, что ушла въ прахъ?! Смерть!

6. Для всѣхъ конецъ концовъ имѣетъ быть таковъ.—Смерти достаточно (какъ конца)».

Изъ этихъ стиховъ нѣкоторые повторены на долевыхъ сторонахъ плитъ, именно: на правой—стихи № 1 и полустишіе № 6, которое является въ формѣ полнаго стиха:

تا جهان بود چنین بود چنین خواهد بود * همه را عاقبت کار همین خواهد بود الموت

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, такъ было, такъ будетъ:—
Для всѣхъ конецъ концовъ имѣетъ быть таковъ. Смерть».

На лѣвой сторонѣ повторены стихи № 2 съ тою разницею, что въ первой строкѣ вмѣсто از جان گداز دنیا «изъ міра, плавящаго душу» написано از خاکدان دنیا «изъ навозной ямы міра».

Плиты эти, почти четырехсотлѣтней давности, въ историческомъ отношеніи не представляютъ рѣшительно никакого интереса.

Этимъ исчерпывается весь матеріалъ, подлежавшій вниманію моему во время почти трехмѣсячнаго пребыванія въ Старомъ Мервѣ и въ ближайшихъ къ нему окрестностяхъ, добровольному подчиненію которыхъ державѣ Бѣлаго Царя исполнилось въ текущемъ году

ровно десятилѣтіе. Цѣлыя городища, отдѣльныя мечети, надгробія, каравансераи, словомъ, всѣ уцѣлѣвшіе памятники древности обслѣдованы, описаны и объяснены на основаніи историческихъ, мнѣ доступныхъ, данныхъ въ связи съ народными преданіями, — объяснены съ осторожностью.

На основаніи всѣхъ этихъ изысканій да позволено мнѣ будетъ высказать нижеслѣдующее общее соображеніе примѣнительно не только къ Старому Мерву, но ко всему Закаспійскому краю и отчасти даже къ Туркестану. Моя археологическая поѣздка была уже запоздалою: водвореніе въ краѣ мира и тишины, проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, проложеніе новыхъ путей открыли въ край свободный доступъ всѣмъ желающимъ и, купно съ безпощаднымъ временемъ и природою, за шесть лѣтъ во многомъ измѣнили бывшіе тамъ остатки былой исторической жизни: одни памятники по разнымъ причинамъ совсѣмъ уничтожены, другіе—по разнымъ соображеніямъ испорчены [1]). Поэтому, предоставивъ археологическія находки счастливому случаю, но наблюдая за поступленіемъ открываемыхъ предметовъ въ соотвѣтствующія ученыя учрежденія непосредственно, прежде чѣмъ предпринимать въ краѣ раскопки въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и углубляться въ нѣдра земли, слѣдуетъ позаботиться о томъ, что уцѣлѣло еще на ея поверхности,—уберечь и сохранить для науки развалины городовъ и памятниковъ путемъ снятія рисунковъ, фотографій, бумажныхъ оттисковъ съ надписей на камняхъ, плановъ, сопровождая ихъ простымъ, по добросовѣстнымъ описаніемъ и поясненіемъ; на ряду съ этимъ необходимо возможно полное историко-географическое изученіе закаспійской старины, имѣющее высокое значеніе не только для археологіи, но и для современнаго возрожденія края, которому, какъ кажется, суждена блестящая будущность на нашемъ Востокѣ. По моему убѣжденію, въ настоящее время это единственная задача археологіи въ Закаспійскомъ краѣ, выполненіе которой избавитъ его будущихъ изслѣдователей отъ многихъ безплодныхъ работъ и соображеній, а осуществленіе этой задачи—въ рукахъ любознательныхъ путешественниковъ, неувлекающихся любителей старины, присяжныхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ начальниковъ края и его дѣятелей.

[1]) Какъ испорчена мечеть въ Аннау, въ десяти верстахъ отъ Асхабада, часть изразцовой облицевки которой, нарочито снятую, поднесли въ подарокъ именитому гостю; какъ настойчиво и безпощадно обезображиваются въ Самаркандѣ изумительнѣйшіе по богатству и художественности отдѣлки постройки Тимура и его преемниковъ, которыя до сихъ поръ не имѣютъ полнаго, не мнимо-научнаго историческаго описанія и фотографіи съ которыхъ лежатъ подъ спудомъ въ разныхъ библіотекахъ. Наибольшій вредъ этимъ памятникамъ приносятъ базарные ребятишки, которые навязчиво предлагаютъ пріѣзжающимъ въ Самаркандъ свои услуги въ качествѣ проводниковъ по городу и мѣстнымъ древностямъ; за ничтожное вознагражденіе они берутся достать какой угодно изразецъ съ какого угодно памятника. Благочестивые и суровые на видъ муллы при гробницѣ Тамерлана за рубли отбиваютъ кусочки знаменитаго нефрита, которые обдѣлываются въ перстни и носятся, какъ талисманъ, для счастья. Неужели такому разбою нельзя положить предѣла?

ADDENDUM

къ примѣчанію на стр. 66.

Когда я занимался разборомъ цифръ *дивани* въ текстѣ лондонской рукописи историко-географическаго сочиненія Хафизи-Абру и сравнивалъ ихъ при этомъ съ цифрами персидскаго счетоводства, *рукуми* или *сайяки*, у меня возникла мысль послать фотографическій снимокъ съ соотвѣтствующаго мѣста рукописи въ Персію для разсмотрѣнія и примѣрнаго прочтенія цифръ свѣдущими въ этой области людьми. Для осуществленія этого я прибѣгъ къ посредству моего бывшаго слушателя, Ю. Д. Батюшкова, состоящаго при Императорской Россійской Миссіи въ Тегеранѣ, который любезно исполнилъ мою просьбу и прислалъ мнѣ чтенія трехъ разныхъ лицъ, за что считаю своимъ долгомъ выразить ему искреннюю благодарность.

Чтенія персидскихъ мирзъ и муджтахида, руководившихся исключительно письмомъ «сайяки» и «рукуми» и сознающихся, что «въ настоящее время цифрами «дивани» не пишутъ», мѣстами и въ общемъ довольно далеки отъ предположеннаго мною значенія цифръ, а разсчетъ одного мирзы, что 12 фарсаховъ должны составить 72,000 локтей, далекъ отъ дѣйствительности.

Въ интересахъ отысканія истины, я предлагаю читателю въ дополненіе къ моей попыткѣ разбора въ одиннадцати пунктахъ цифръ «дивани» три попытки—одна изъ нихъ неполная,—полученныя мною изъ Тегерана.

	I.	II.	III.
1) [1]	1,460	1,760	1,460
2)	5,390	5,930	5,990
3)	4,000	3,000 или 3,500	4,500
4)	6,030	—	6,090
5)	10,160	210,360	210,160
6)	8,950	—	8,950
7)	3,000	—	3,500
8)	10,400	210,700	210,400
9)	4,500	—	4,510
10)	3,350	—	3,450
11)	3,350	—	3,450
Всего	60,590	—	462,460

[1]) Въ мое чтеніе вкралась опечатка: вмѣсто 3,360 слѣдуетъ 1,360.

УКАЗАТЕЛЬ

именъ собственныхъ, личныхъ и географическихъ [1].

А.

[1]) Арабскій членъ *ал-* вообще и слова—*Мирза, Миръ, Султанъ, Хаджи, Ходжа, Шахъ, Эмиръ*—передъ именами личными, при расположеніи указателя, оставлены безъ вниманія.

Б. (B лат.)

В. (V. W.)

C. (лат.)

Г. (G.)

Д.

E.

З. (Z.)

H (лат.).

И.

I. (J.)

К.

Л. (L.)

М.

Н (N).

О.

П. (P лат.)

Q.

Р. (R).

С. (S.)

Т.

У.

Ф. (F).

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

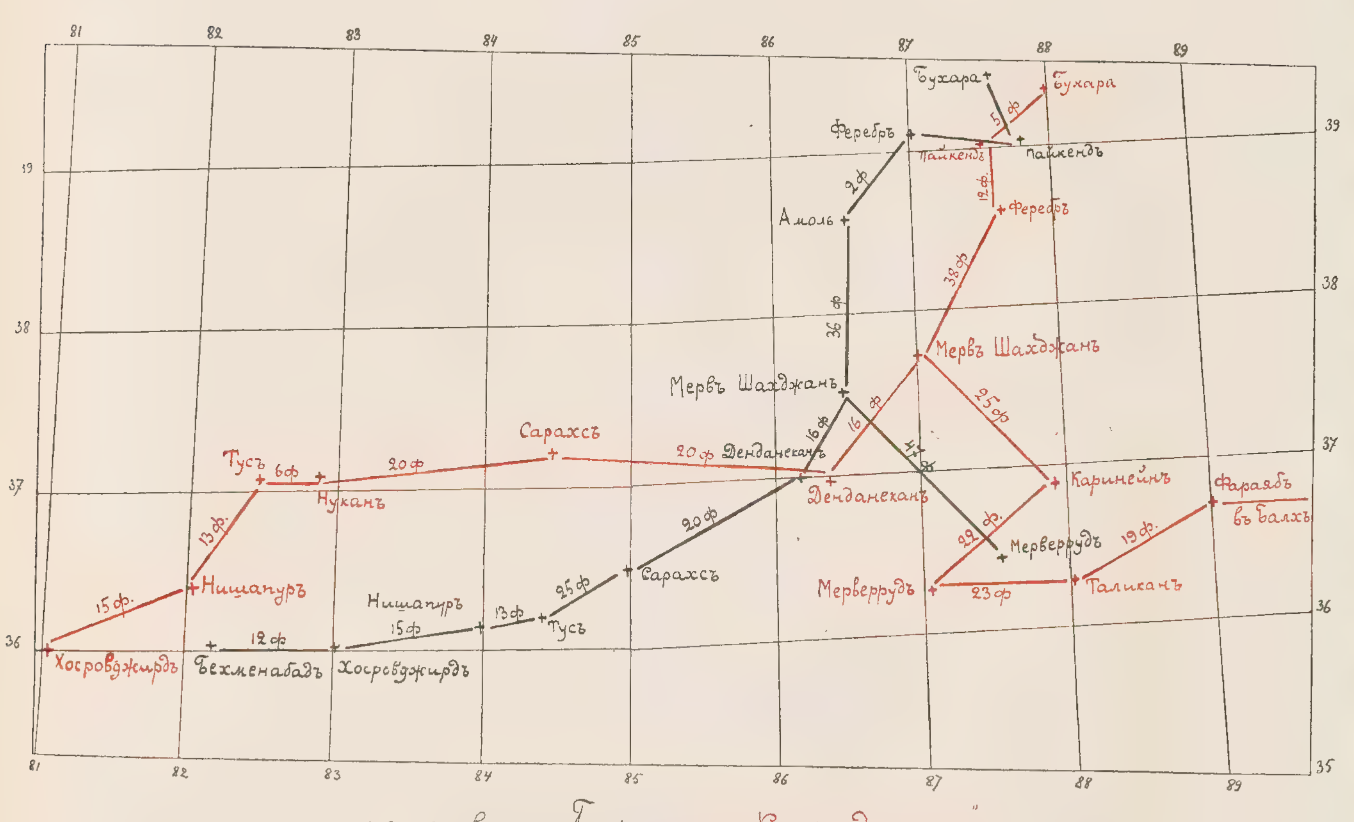
Ю.

Я.

ОПЕЧАТКИ.

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
16	3 снизу	(неясно)	تاريخ
40	10 снизу	въ Мервѣ.	въ Мервѣ, около Рикенджъ-Абдана.
46	12 сверху	стр. 10	стр. 19
66	6 сверху	3,360	1,360
88	8 снизу	исторія	Исторія
92	2 снизу	сказано что	сказано, что
101	4 снизу	Society.	Society,
199	18 сверху	по	но

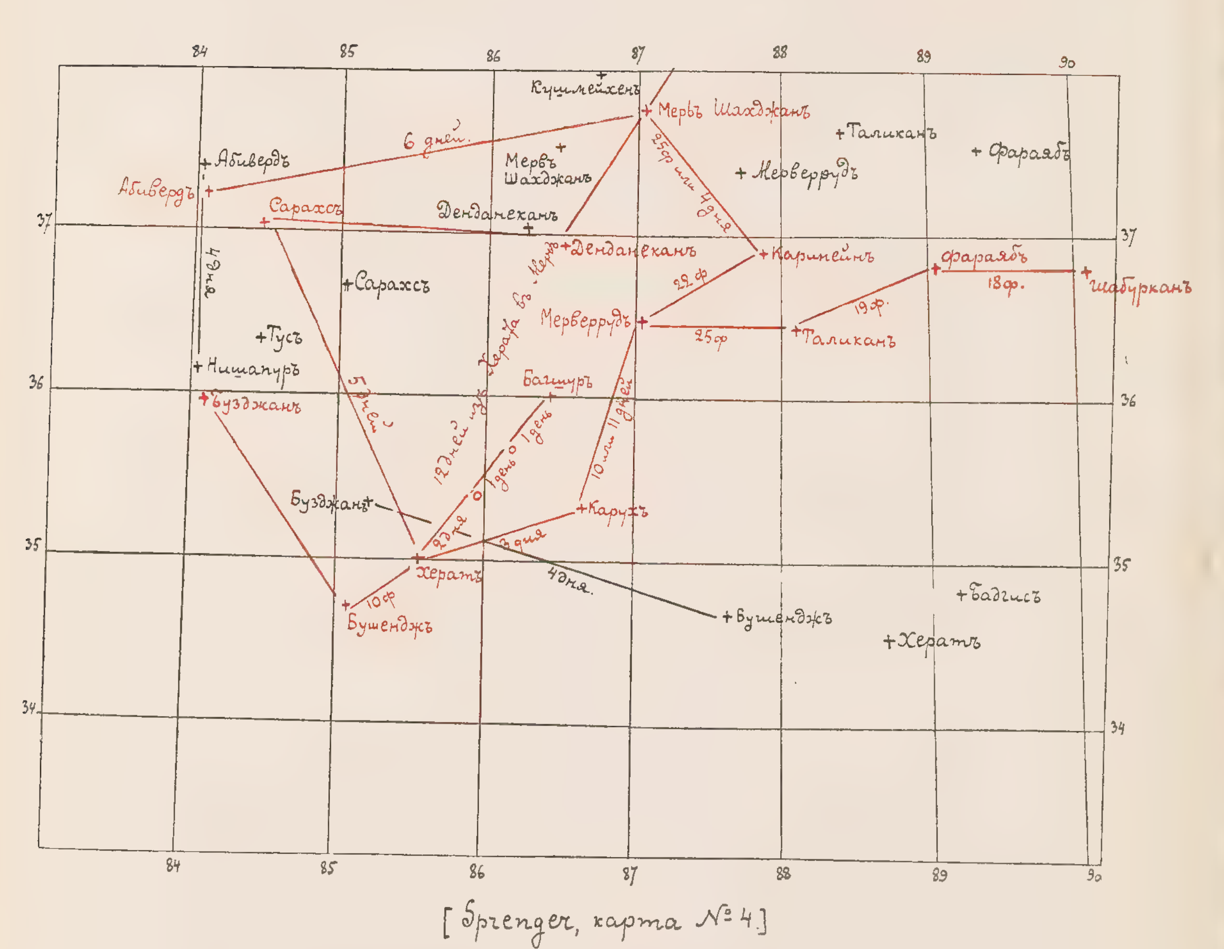
Часть почтовой дороги изъ Багдада на сѣверовостокъ



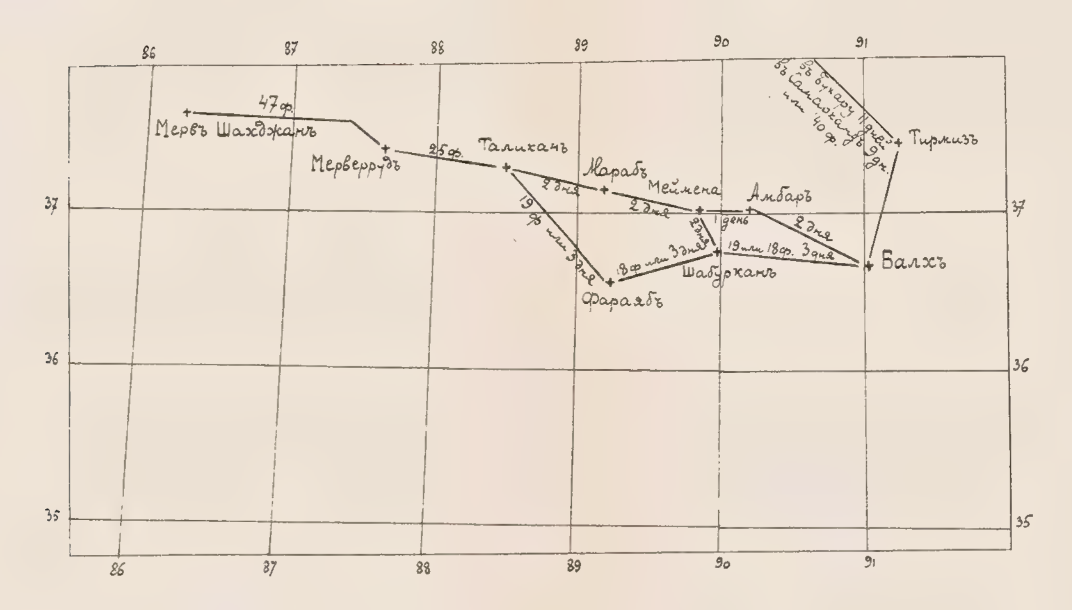
на основании Бируни и "Книги долготъ"

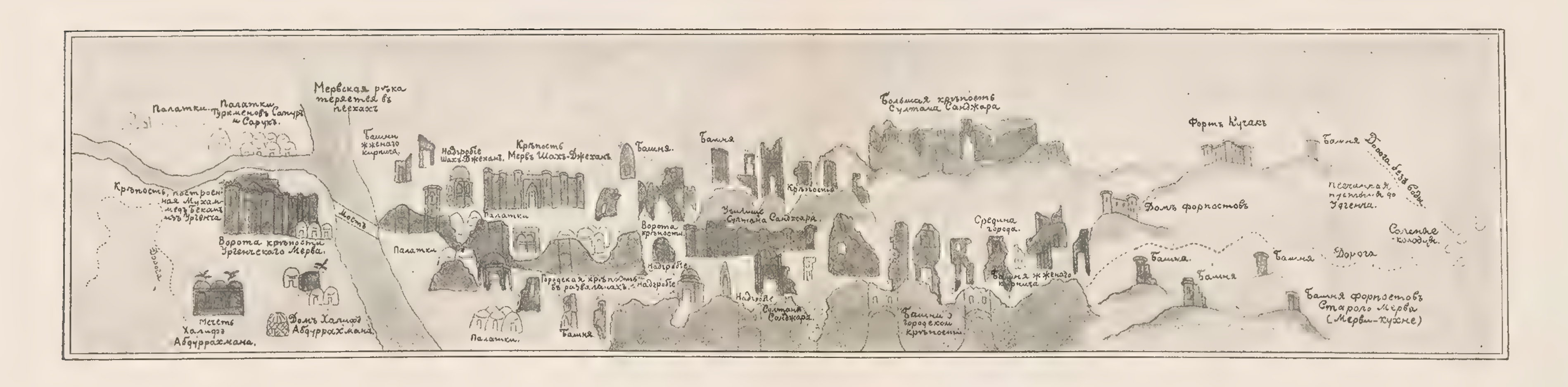
[Изъ Sprenger, Die Post- und Reiserouten des Orients; карта № 1 вдвое увеличенная.]

Таблица II.

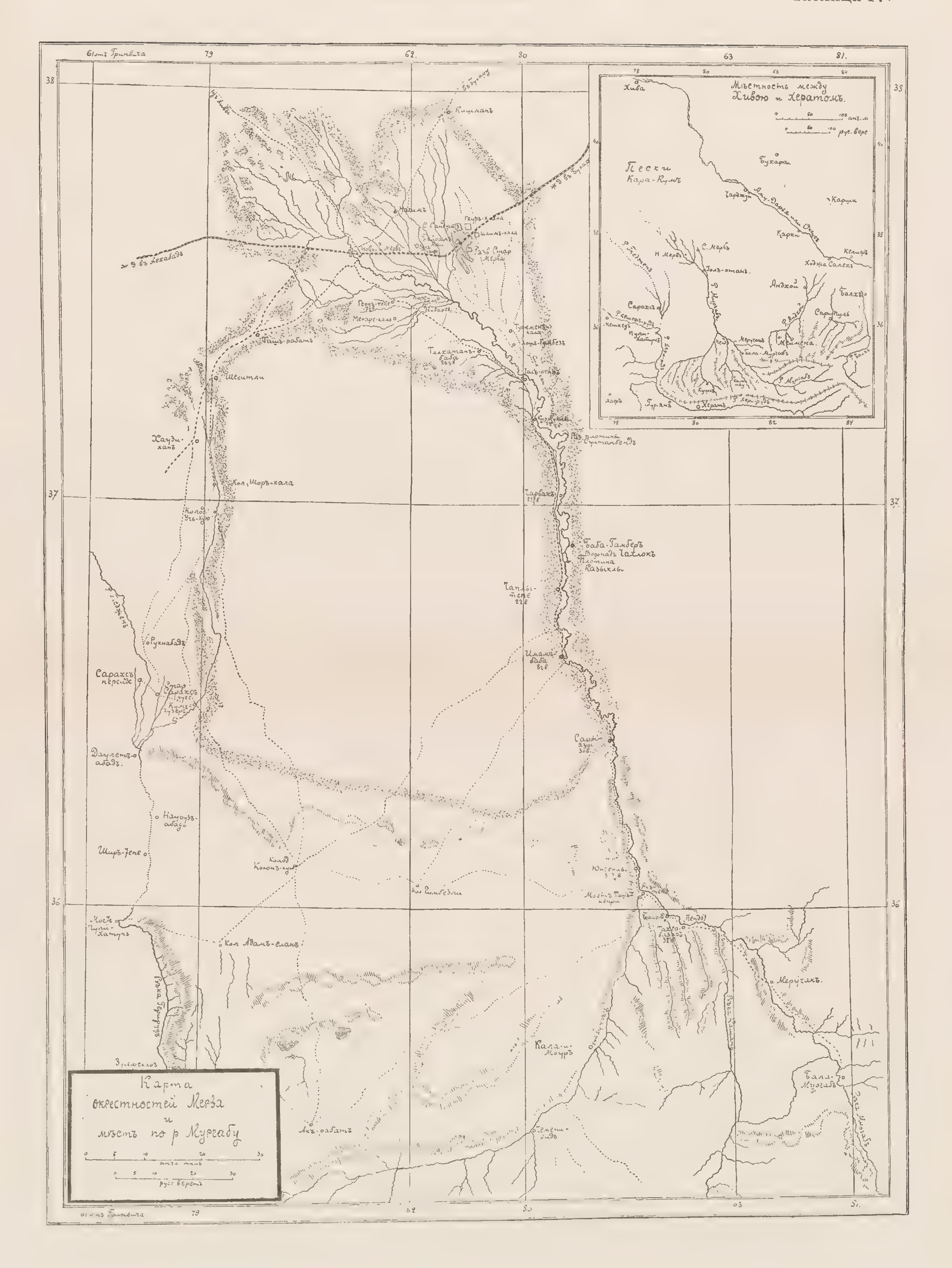


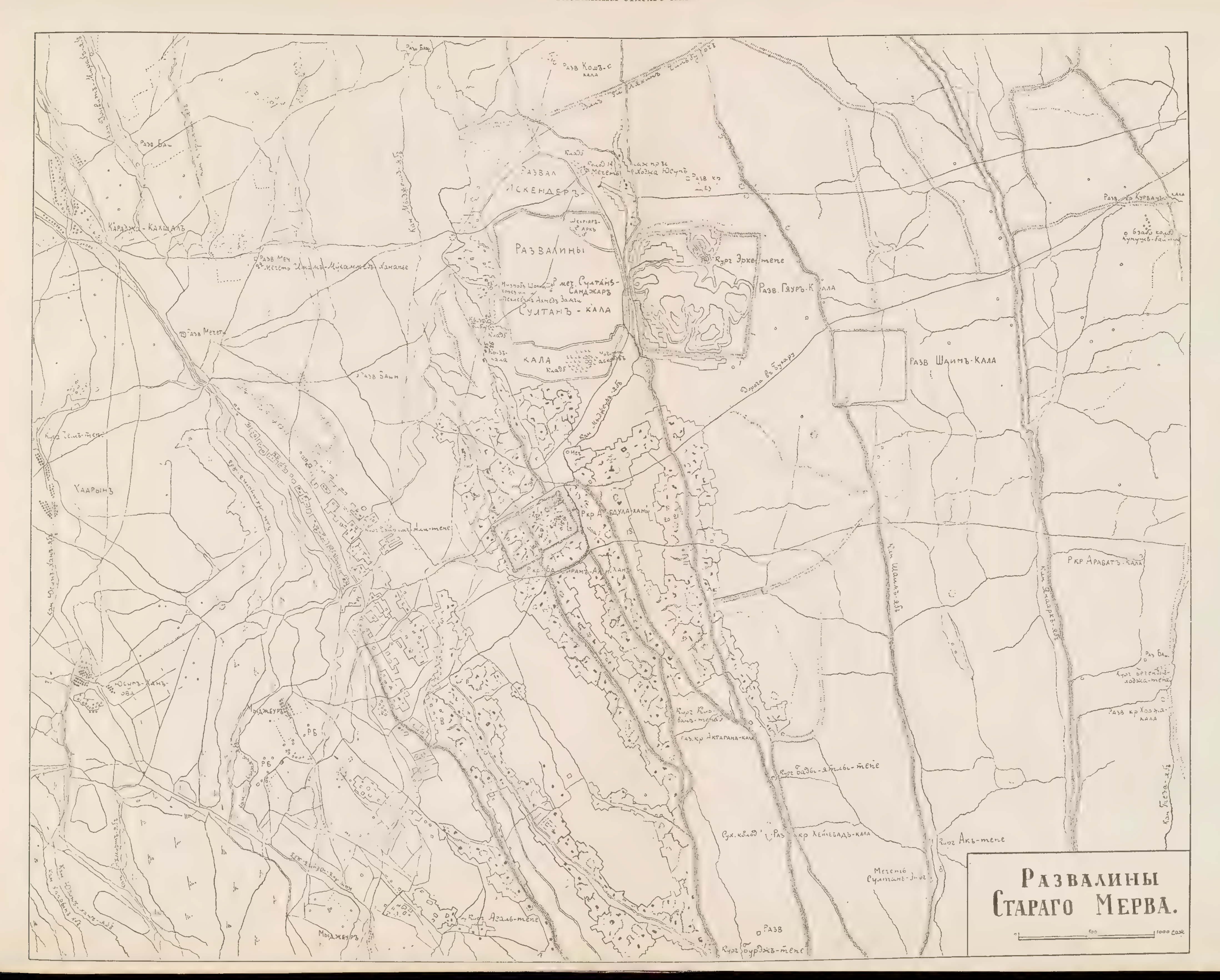
[Sprenger, карта № 4]

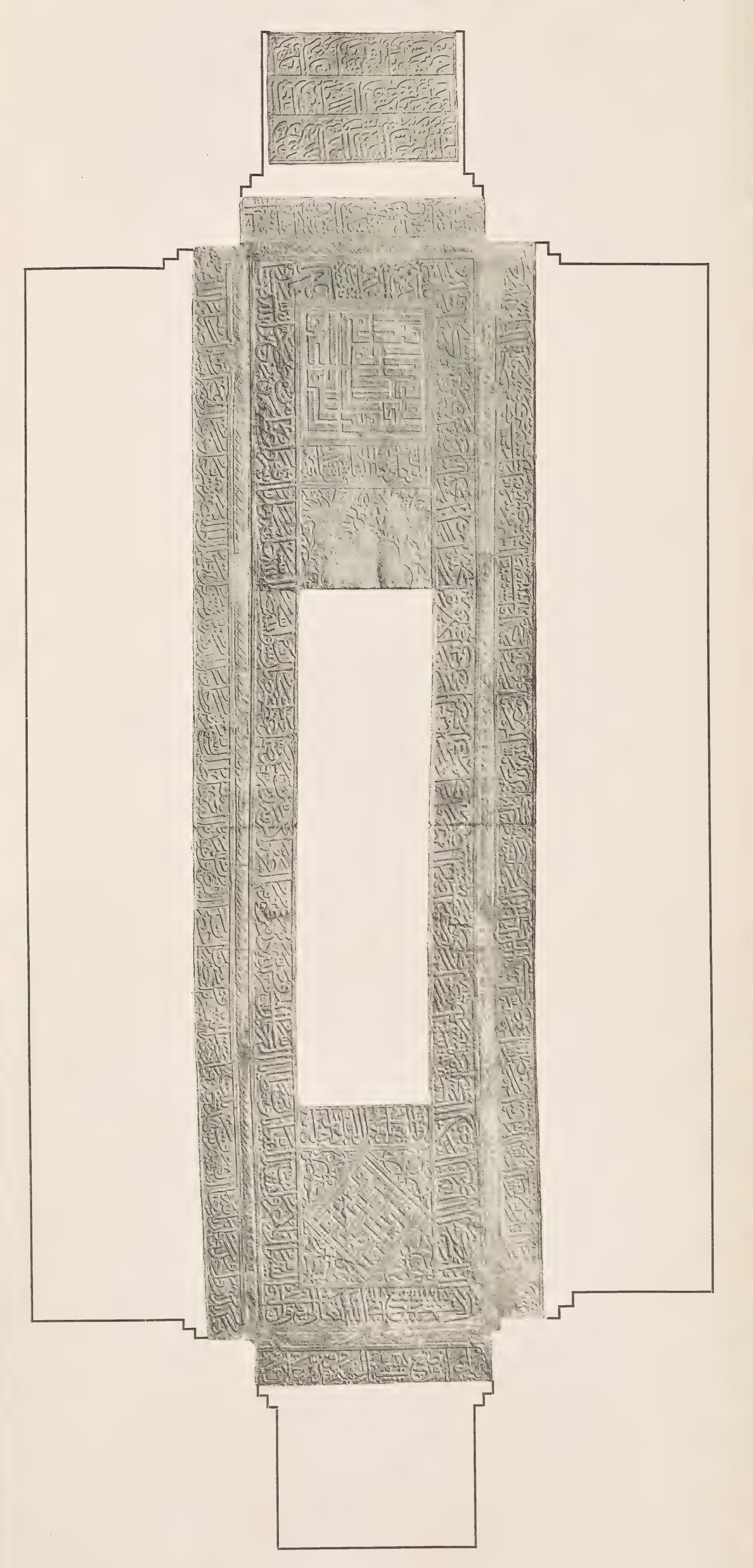




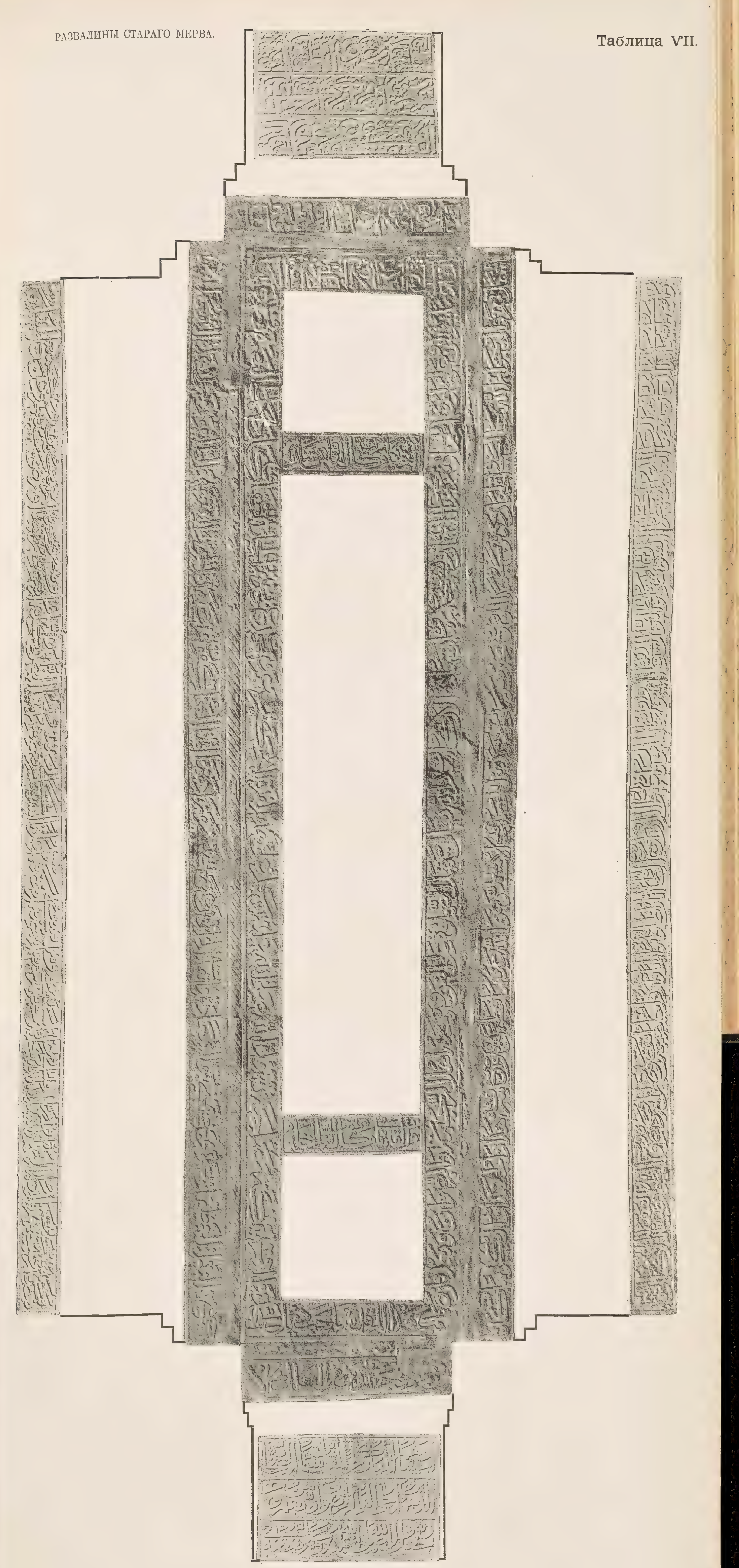
Карта мервскихъ развалинъ, составленная въ 50-хъ годахъ персидскимъ инженеромъ.


Карта
окрестностей Мерва
и
мѣстъ по р. Мургабу
Мѣстность между
Хивою и Хератомъ.
Пески
Кара-Кумъ
Хива
Бухара
Карши
Сарахсъ
Андхой
Балхъ
Меручакъ
Шесиски
Хаудикана
Кол. Шоръ-кала
Баба-Гамберъ
Имамъ-баба
Ширъ-Тепе
Кол. Адамъ-еланъ
Кала-и-Моуръ
Рѣка Герируд
Бала-Мургабъ
ж. д. въ Асхабадъ
рус. верст.


Развалины
Стараго Мерва.
Развалины
Султанъ-кала
Разв Шаимъ-кала
Разв. Гяуръ-кала
Кургъ Эркъ-тепе
Кардажъ-Кахшалъ
Ходжа Юсупъ
Кургъ Акъ-тепе
Кургъ Азаль-тепе
Мыджеуръ
1000 саж.

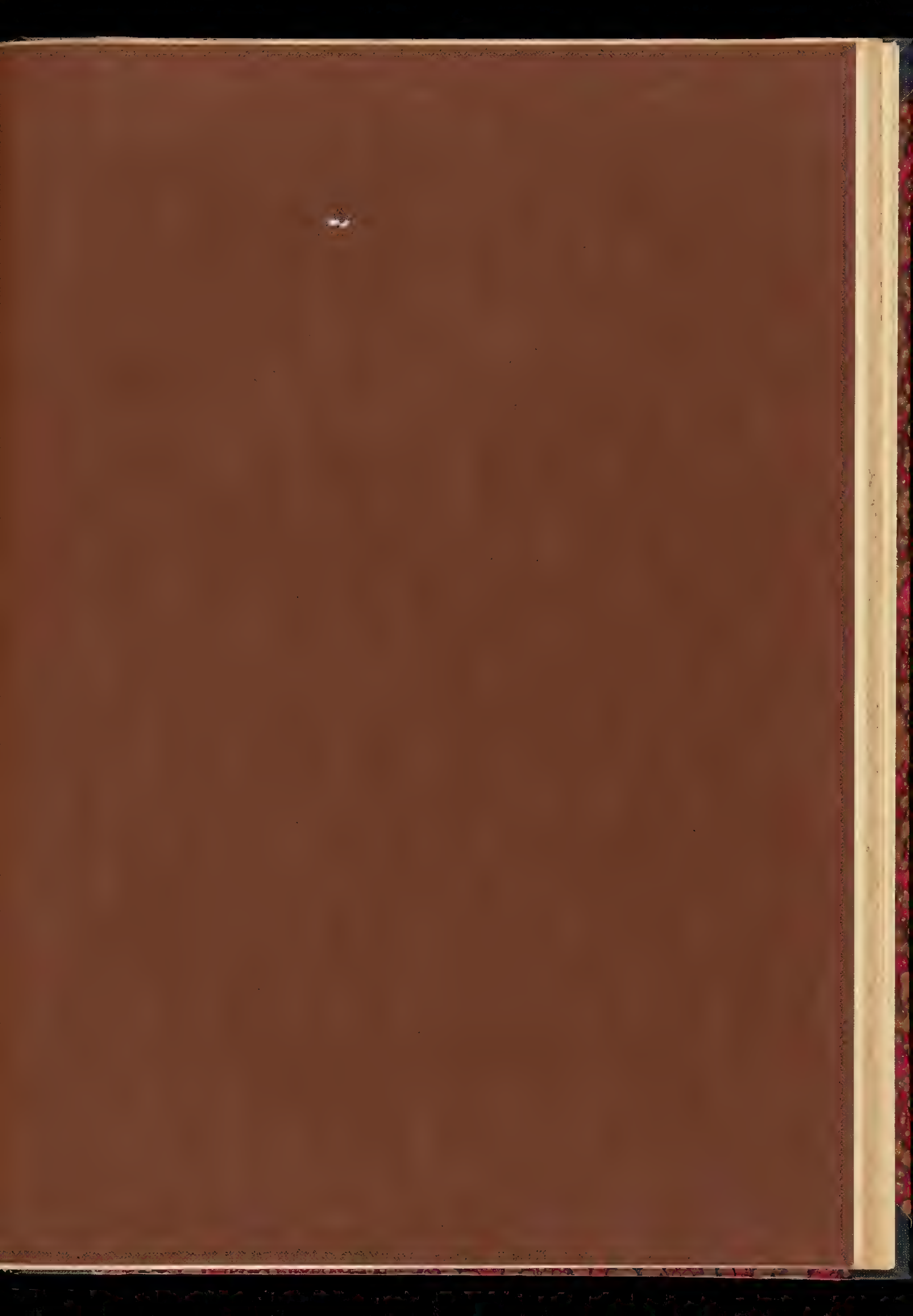


Плита на могилѣ сподвижника Мухаммеда, Абу-Абдаллахъ-Бурейды ал-Аслами.



Плита на могилѣ сподвижника Мухаммеда, ал-Хакама ал-Гифари.

Орнаментъ надгробной плиты 907 г. Гиджры (1501 г. по Р. Х.), хранящейся въ Мургабскомъ Государевомъ Имѣніи.



„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie“, publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 17. Antiquités de la Russie méridionale: Inscriptions grecques et latines, découvertes dans la Russie méridionale en 1892—1894, avec commentaires de **M-r V. Latycheff.** St.-Pétersbourg, 1895. 4°.

Sommaire.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ГРЕЧЕСКІЯ И ЛАТИНСКІЯ НАДПИСИ

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

ВЪ 1892—1894 ГОДАХЪ.

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

Академика В. В. ЛАТЫШЕВА.

СЪ 1 ТАБЛИЦЕЙ И 24 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1895.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. НАДПИСИ ИЗЪ ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО.

При раскопкахъ, производимыхъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи въ мѣстности Херсониса Таврическаго, въ 1892 и 1893 годахъ было вновь открыто довольно много епиграфическихъ памятниковъ, которые и послужатъ предметомъ объясненія на нижеслѣдующихъ страницахъ. Въ 20-хъ числахъ іюля 1892 г. я имѣлъ возможность лично посѣтить херсонисскія раскопки и при этомъ, руководимый любезными указаніями К. К. Косцюшко, списалъ или провѣрилъ всѣ найденныя до того времени надписи, собранныя во вновь устроенномъ на мѣстѣ раскопокъ музеѣ [1]). Съ надписями же, найденными послѣ означеннаго времени, я ознакомился по эстампажамъ и болѣе или менѣе подробнымъ описаніямъ, присланнымъ г. Косцюшкою въ Археологическую Коммиссію или непосредственно ко мнѣ. Въ настоящемъ собраніи, подобно предшествующему [2]), надписи будутъ расположены не по времени открытія, а по характеру содержанія [3]).

---

1. Декреты.

1. Мраморная плита, снизу обломанная, выш. 19″, шир. 18,5″, толщ. 4″. Найдена весною 1893 г. во вновь раскопанномъ храмѣ на обрывѣ сѣвернаго берега, близъ «Уваровской базилики».

---

[1]) При этомъ въ музеѣ оказалось нѣсколько такихъ надписей, которыя были найдены раньше 1892 года, но снимки которыхъ по тѣмъ или другимъ случайностямъ не попали въ мои руки при составленіи предыдущаго собранія херсонисскихъ надписей. Всѣ онѣ войдутъ въ настоящую серію.

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, издав. Имп. Археол. Коммиссіею, № 9 (1892 г.).

[3]) Считаю нужнымъ оговориться, что въ настоящее собраніе не войдетъ нѣсколько ничтожныхъ обломковъ, содержащихъ всего по 2—4 буквы. Быть можетъ когда нибудь, при личномъ осмотрѣ, удастся соединить нѣкоторые изъ нихъ съ болѣе значительными обломками тѣхъ же документовъ, отдѣльнаго же изданія они не заслуживаютъ.

Надпись вырѣзана весьма тщательно и превосходно сохранилась. Прилагаемый снимокъ сдѣланъ съ отличнаго эстампажа, присланнаго г. Косцюшко-Валюжиничемъ.

Ἀγαθᾶι τύχαι.

Π[ρό]εδροι Χερσονασειτᾶν τ[ῶ]ν ποτὶ τᾷ Ταυρικᾶι εἶπαν· Ἐπειδὴ τοὶ εὐσεβέστατοι πατέρες Ἡρακλεῶται οἰκείωι πάθει τὰν ὑπὲρ τᾶς ἁμετέρας σωτηρίας ἐποάσαντο φροντίδα πάσαι σπουδᾶι καὶ πάσᾳ φιλοστοργίᾳ κεχραμένοι γνασίωι πρεσβείαν τε ποτὶ τὸν [θε]όν ἁμῶν καὶ δεσπόταν Αὐτοκράτορα Τἶτον Αἴλι[ον] Ἁδριανὸν Ἀντωνεῖνον ἱκετεύσουσαν ἐξέπενψαν ὑπὲρ ἁμὲς ἐν οὐδενὶ ὀλιγωρή-

σαντες, τάς τε θείας ἀποκρίσεις καὶ τὰς
εὐμεναθείσας εὐεργεσίας ἠξίωσαν
δι' ἀνδρῶν ἐπισαμοτάτων Ἡρακλείδου
Μενεσθέος καὶ Προκλου Μέμνονος διαπε[ν]-
ψάμενοι δά<λ>λους ποάσασθαι εἰς τὸ φανε-
ρὰν αὐτῶν τὰν καλοκαγαθίαν γενέσθαι, ἁμὲ[ς]
πασσυδὶ ταῖς πρεπούσαις ἀμοιβαῖς ἀμείψα-
σθαι καθᾶκον ἐψαφισάμεθα· δι' ἃ δεδόχθαι τᾷ
[βουλᾷ κ]αὶ τῶι δάμωι ἐπαινέσαι μὲν ἐπὶ τούτοι[ς
τὰν πρό]γονον ἁ[μῶν . . . πό]λιν καὶ πράτ[αν
ἐν τῷ Ποντῳ? . . .

Переводъ.—Въ добрый часъ. Проедры Херсонаситовъ *живущихъ* на Таврикѣ сказали: поелику досточтимѣйшіе отцы Ираклеоты съ родственнымъ сочувствіемъ озаботились о нашемъ спасеніи, примѣнивъ все рвеніе и всю неподдѣльную любовь, и послали къ богу нашему и владыкѣ Императору Титу Элію Адріану Антонину посольство съ цѣлію молить *его* за насъ, ни въ чемъ не пренебрегши *нами*, и божественные отвѣты и милостиво дарованныя благодѣянія, переславъ чрезъ знатнѣйшихъ мужей Ираклида Менесѳеева и Прокла Мемнонова, удостоили сдѣлать извѣстными, чтобы явна была ихъ безукоризненность, — мы сочли должнымъ со всѣмъ рвеніемъ вознаградить ихъ приличными наградами; посему да постановитъ совѣтъ и народъ похвалить за это прародительскій нашъ... городъ и первый въ Понтѣ...

Этотъ декретъ въ честь гражданской общины города Ираклiи Понтiйской представляетъ значительный интересъ для исторiи Херсониса въ римскiя времена, къ сожалѣнiю столь мало намъ извѣстной. Прежде всего необходимо отмѣтить, что онъ даетъ намъ документальное подтвержденiе свидѣтельства Стравона (VII, 4, 2) о томъ, что Херсонисъ былъ колонiею Ираклiи Понтiйской. Мы видимъ, что еще во II в. по Р. Хр., нѣсколько сотъ лѣтъ спустя послѣ основанiя Херсониса, въ обоихъ городахъ живо сохранялась память объ ихъ взаимномъ родствѣ и что съ одной стороны Херсонисцы питали къ Ираклеотамъ ту εὐσέβεια, которая составляетъ отличительную черту въ отношенiяхъ греческихъ колонiй къ ихъ митрополiямъ и которая дала Дiонисiю Аликарнасскому поводъ сравнить эти отношенiя съ отношенiями дѣтей къ родителямъ [1]), — при чемъ названiе εὐσεβέστατοι πατέρες въ нашемъ документѣ представляетъ собою прекрасную иллюстрацiю къ этому сравненiю, — а съ другой стороны Ираклеоты, «съ родственнымъ сочувствiемъ» относясь къ своей колонiи, принимали всѣ мѣры для ея защиты въ трудную годину.

Обстоятельства, подавшiя поводъ Ираклеотамъ вступиться за Херсонисцевъ въ ихъ отношенiяхъ къ Риму и послать къ императору Антонину Кроткому посольство, увѣнчавшееся, какъ видно изъ декрета, полнымъ успѣхомъ, къ сожалѣнiю не изложены въ декретѣ, а имѣющiяся въ другихъ епиграфическихъ документахъ и у писателей свѣдѣнiя по исторiи Херсониса въ римскую эпоху на столько скудны, что не даютъ никакой возможности связать это посольство съ какимъ либо извѣстнымъ историческимъ фактомъ. Мы позволимъ себѣ однако сдѣлать одно сопоставленiе, которое, какъ намъ кажется, въ значительной степени выясняетъ дѣло.

Въ 1881 г. въ Херсонисѣ былъ найденъ мраморный пьедесталъ статуи съ именемъ гражданина Аристона сына Аттина и съ надписями въ 10 вѣнкахъ, вкратцѣ излагавшими заслуги,

[1]) *Р. арх.* III, 7. Ср. Плат. *Зак.* VI p. 754; Өукид. I, 34 и 38; Пол. XII, 10, 3.

за которыя Аристонъ былъ награжденъ вѣнками или статуями [1]). Въ первомъ вѣнкѣ читается «Πρεσβεύοντα ὑπὲρ τᾶς ἐλευθερίας ποτὶ τὸν θεὸν Σεβαστό[ν] ἑξαετίαν κ[αὶ] ἀποχαμόντα», а въ двухъ другихъ (5 и 8) есть упоминанія о двукратномъ удачномъ посольствѣ Аристона къ царю Римиталку, при чемъ въ первомъ случаѣ прямо прибавлено, что Аристонъ былъ отправленъ для переговоровъ о заключеніи союза. Первый издатель надписи В. Н. Юргевичъ [2]) полагалъ, что здѣсь упомянутъ воспорскій царь Тиб. Юлій Римиталкъ, царствовавшій съ 131 по 154 г. по Р. Хр., при Адріанѣ и Антонинѣ. Это мнѣніе принято и мною, какъ вполнѣ правдоподобное. Однако Т. Моммзенъ и вслѣдъ за нимъ Э. Лёви [3]) нашли, что подъ Римиталкомъ слѣдуетъ разумѣть перваго ѳракійскаго царя этого имени и что надпись относится къ ближайшему времени послѣ смерти Августа; единственнымъ, повидимому, основаніемъ этого мнѣнія было предположеніе, что титулъ θεὸς Σεβαστὸς могъ обозначать только Августа [4]). Теперь, когда изъ разсматриваемаго нами декрета оказалось, что Херсонисцы еще при жизни Антонина называли его своимъ «богомъ и владыкой», мнѣ кажется, устраняется всякое сомнѣніе въ возможности относить къ этому же императору краткое обозначеніе θεὸς Σεβαστὸς въ надписи, которая по условію помѣщенія въ вѣнкѣ должна была имѣть по возможности краткую редакцію, и такимъ образомъ является новый существенный доводъ въ пользу мнѣнія В. Н. Юргевича и моего. Если же признать надпись въ честь Аристона относящеюся къ періоду царствованія Римиталка воспорскаго, то она окажется по времени очень близкою къ вновь найденному декрету, и упоминаемые въ обоихъ документахъ историческіе факты легко можно будетъ связать между собою.

Объ отношеніяхъ Херсониса къ Риму въ императорскую эпоху мы имѣемъ въ настоящее время достаточное количество намековъ или отрывочныхъ указаній, но, къ сожалѣнію, ихъ пока очень трудно привести въ связь и прослѣдить хронологически. Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣло бы точное опредѣленіе эры г. Херсониса, такъ какъ въ нумизматикѣ этого города извѣстна цѣлая серія датированныхъ монетъ, относящихся къ императорскому періоду и заключающихъ въ своихъ изображеніяхъ и надписяхъ разные намеки на политическое положеніе города. Вопросъ объ эрѣ Херсониса неминуемо ведетъ къ многократно дебатировавшемуся на разные лады вопросу о происхожденіи извѣстной надписи о возстановленіи городскихъ стѣнъ при императорѣ Зинонѣ. Надпись эта, впервые списанная Палласомъ и затѣмъ Вакселемъ, видѣвшими ее у Габлица въ Симферополѣ, и послѣ нихъ издававшаяся многими другими учеными и путешественниками [5]), считалась несомнѣнно принадлежащею Херсонису до 1831 г., когда ея копія появилась въ сочиненіи Кузинери «Voyage dans la Macédoine» съ указаніемъ, что камень находился въ Ѳессаланикѣ, въ подвалахъ мечети Эски-джума. Съ тѣхъ поръ началось сомнѣніе въ происхожденіи надписи изъ Херсониса и неоднократно дѣлались попытки рѣшить вопросъ въ пользу того или другаго города, при чемъ знаменитый Бекъ рѣшительно склонился въ пользу

---

[1]) ***Inscr. P.*** **I, n⁰ 199.**

[2]) *Зап. Одесскаго Общ. ист. и древн.* XIII (1883 г.), стр. 2 сл.

[3]) Inschr. Griech. Bildhauer herausg. von Emm. *Loewy* (1885), стр. 237, n⁰ 337.

[4]) «Nach der durch die Photographie gebotenen Lesung θεὸν Σεβαστόν kann ich jedoch in dem Kaiser nur Augustus erblicken, nach dessen Tode somit die Inschrift fällt». Loewy l. l. p. 238. Тамъ же приведена выписка изъ письма Моммзена съ изложеніемъ его мнѣнія.

[5]) Перечень всѣхъ изданій документа см. въ статьѣ А. Л. Бертье-Делагарда въ *Зап. Од. Общ.* т. XVI, стр. 45.

Херсониса. Въ недавнее время (1886 г.) В. Н. Юргевичъ не менѣе рѣшительно доказывалъ[1]) принадлежность надписи Ѳессалоникѣ, и его доводы оказали значительное вліяніе на усиленіе нашего собственнаго сомнѣнія въ херсонисскомъ происхожденіи документа[2]); но въ самое послѣднее время А. Л. Бертье-Делагардъ въ большой спеціальной статьѣ[3]) столь внимательно и подробно разобралъ всѣ доводы и соображенія pro и contra, что результатъ его изслѣдованія — рѣшительное утвержденіе, что надпись происходитъ изъ Херсониса — долженъ быть признанъ окончательнымъ. Кромѣ того можно считать окончательно установленнымъ, что въ концѣ надписи показанъ 11-й (ΙΑ) годъ индикта, а не 14-й (ΙΔ), какъ нѣкоторые читали прежде. А такъ какъ въ царствованіе Зинона 11-й годъ индикта приходился только однажды въ 487—8 г. и въ надписи показанъ 512 годъ, то, стало быть, начало даннаго лѣтосчисленія падаетъ на 25 — 4 г. до Р. Хр. Съ этимъ выводомъ г. Бертье-Делагарда приходится согласиться, хотя тѣ жалкіе обрывки изъ исторіи Херсониса, которыми мы доселѣ обладаемъ, не даютъ даже и намека на причины введенія новаго лѣтосчисленія въ указанные годы.

Установивъ такимъ образомъ эру Херсониса, г. Бертье-Делагардъ подробно разсматриваетъ двѣ серіи херсонисскихъ датированныхъ монетъ, изъ коихъ въ одной встрѣчаются годы 70—78 херс. эры, т. е. 46 — 54 по Р. Хр., а въ другой — отъ 103 до 158, т. е. 79 — 134 по Р. Хр. (въ послѣдней серіи, впрочемъ, встрѣчаются далеко не всѣ годы отмѣченнаго промежутка), и приходитъ къ выводу, что эти монеты относятся къ періодамъ дѣйствительной свободы Херсониса, т. е. полной независимости его отъ Римлянъ.

Не вдаваясь въ подробный разборъ догадокъ и выводовъ почтеннаго автора, такъ какъ ихъ разсмотрѣніе вывело бы насъ далеко за предѣлы необходимаго комментарія къ интересующей насъ теперь надписи, мы ограничимся замѣчаніемъ, что эти выводы вполнѣ благопріятны для тѣхъ соображеній, къ которымъ даютъ поводъ два сопоставляемыхъ нами епиграфическихъ документа, т. е. надписи въ честь Аристона и вновь найденный декретъ. Въ 30-хъ годахъ II-го в. по Р. Хр. Римляне, очевидно, обращали пристальное вниманіе на то, что дѣлалось на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Припомнимъ, что Фл. Арріанъ, управлявшій въ то время Каппадокіею, составляя для Адріана свой «Перипль Понта Евксинскаго», внесъ въ него описаніе пути отъ Діоскуріады до Воспора именно на тотъ случай, чтобы императоръ, еслибы задумалъ что либо относительно Воспора послѣ смерти Котиса II (131—2 по Р. Хр.), имѣлъ возможность развивать свои соображенія на основаніи точнаго знакомства съ этимъ путемъ[4]). Отсюда справедливо заключаютъ, что Котисъ умеръ безъ прямыхъ наслѣдниковъ[5]). Его преемникъ Римиталкъ несомнѣнно былъ посаженъ на престолъ самимъ Адріаномъ[6]), но что онъ не былъ въ теченіи всего своего царствованія вполнѣ покоренъ волѣ Римлянъ, это можно заключить даже изъ краткой замѣтки Юлія Капитолина о томъ, что какое то недоразумѣніе его съ римскимъ «кураторомъ»,

---

[1]) *Зап. Од. Общ.* т. XIV, стр. 779—781.

[2]) Ср. наши замѣчанія въ *Журн. М. Н. Пр.* 1891, декабрь, стр. 402, и въ Матер. по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм., № 9 (1892), стр. 18.

[3]) «Надпись времени Императора Зенона, въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсонеса» въ *Зап. Од. Общ.* XVI (1893), стр. 45—88.

[4]) Arriani *Periplus* § 17 (ed. Hercher-Eberhard, 1885).

[5]) Ср. наши замѣчанія въ *Inscr. Pont.* II, praef. p. XLVII.

[6]) Ср. *ibid.* p. XLVIII.

т. е. вѣроятно легатомъ Виѳиніи или Каппадокіи, повлекло за собою вызовъ его въ Римъ, гдѣ онъ впрочемъ успѣлъ, повидимому, вполнѣ оправдаться предъ императоромъ Антониномъ. Къ этому-то царю, какъ свидѣтельствуетъ надпись Аристона, Херсонисцы дважды посылали посольство и оба раза вполнѣ удачно; цѣлью перваго посольства прямо названо заключеніе военнаго союза. Мы не знаемъ, какой врагъ имѣлся въ виду при этой коалиціи; но если съ одной стороны Херсонисъ былъ-бы въ то время совершенно независимъ отъ Рима, а съ другой — воспорскій царь не обнаруживалъ особенной къ нему преданности, то легко можно предположить, что два сосѣднія государства пытались соединиться для того, чтобы вполнѣ упрочить свою независимость отъ него; впрочемъ, если даже такое стремленіе и не было прямою цѣлью союза, то Римляне всетаки могли его опасаться, такъ какъ онъ могъ повлечь за собою нежелательныя для нихъ осложненія политическихъ дѣлъ въ этихъ отдаленныхъ краяхъ. Поэтому можно предположить, что Римляне пожелали такъ или иначе пресѣчь эти поползновенія и успѣли въ этомъ на столько, что Херсонисъ сталъ отъ нихъ въ прямую зависимость; помня свою недавнюю свободу, городъ едва-ли могъ сразу помириться съ этимъ новымъ положеніемъ и, повидимому, дѣлалъ неоднократныя попытки улучшить его. Объ одной изъ такихъ попытокъ, быть можетъ, свидѣтельствуетъ вышеприведенная надпись въ первомъ вѣнкѣ на пьедесталѣ Аристона: въ ней говорится, что Аристонъ шесть лѣтъ провелъ въ посольствѣ къ «богу Августу», ходатайствуя о свободѣ, и умеръ во время посольства[1]). Подъ ἐλευθερία здѣсь слѣдуетъ, конечно, разумѣть не абсолютную свободу, а права *civitatis liberae*. Если Аристону пришлось цѣлыхъ шесть лѣтъ хлопотать объ этой ἐλευθερία, то отсюда можно несомнѣнно заключить, что Римляне очень не желали даровать ее Херсонисцамъ; за смертью Аристона посольство осталось, по всей вѣроятности, безъ всякаго результата. Вотъ тутъ-то именно Херсонисцы и обратились, должно быть, къ своей митрополіи, которая, внявъ ихъ мольбамъ, въ свою очередь отправила къ императору Антонину посольство, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ: хотя во вновь найденномъ декретѣ и не сказано прямо, въ чемъ заключались «милостиво дарованныя императоромъ благодѣянія», но изъ сопоставленія съ данными, представляемыми Аристоновымъ документомъ, мнѣ кажется, необходимо заключить, что дѣло шло именно объ этой ἐλευθερία, столь желанной для Херсонисцевъ. Такимъ образомъ эти два документа до нѣкоторой степени освѣщаютъ политическое положеніе Херсониса и отношеніе его къ Римлянамъ въ первой половинѣ II в. по Р. Хр., хотя, конечно, не всѣ выставленныя нами предположенія могутъ претендовать на полную вѣроятность.

Обращаясь къ другимъ даннымъ, почерпаемымъ изъ разсматриваемаго декрета, слѣдуетъ замѣтить, что о херсонисскихъ *проедрахъ* намъ уже приходилось говорить въ статьѣ «*Эпиграфическія данныя о госуд. устройствѣ Херсониса*»[2]), и что новый документъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное тамъ предположеніе.

---

[1]) Въ первомъ собраніи поправокъ и дополненій къ моему сборнику надписей (*Зап. И. Русскаго Арх. Общ.* н. с., т. IV, стр. 151) мною приведено мнѣніе Ѳ. Ѳ. Соколова, что ἀποκαμόντα здѣсь слѣдуетъ понимать въ смыслѣ ἀποθανόντα, такъ что послѣдняя заслуга Аристона, стоившая ему жизни, поставлена на первомъ планѣ. Что смерть во время посольства выставлялась въ видѣ особой заслуги покойныхъ, это можно подтвердить примѣромъ въ Алавандской надписи, изданной Дилемъ и Кузеномъ въ *Bull. de corr. hell.* X, p. 300 sq.

[2]) *Журн. М. Н. Пр.* 1884, іюнь, отд. кл. филол. стр. 53.

Дорическій діалектъ, на которомъ изложенъ документъ, представляетъ интересную особенность, заключающуюся въ неправильномъ употребленіи звуковъ α и η въ нѣкоторыхъ словахъ: съ одной стороны α ставится тамъ, гдѣ необходимо было бы η, такъ какъ въ корнѣ даннаго слова имѣется гласный *е*, а не *а* (стр. 5 ἐποάσαντο, 15 ποάσασθαι, 12 εὐμεναθείσας, 18 καθᾶκον), а съ другой η остается иногда тамъ, гдѣ въ дорическомъ діалектѣ должна-бы быть α (стр. 12 ἠξίωσαν). Подобныя особенности встрѣчались, впрочемъ, и раньше въ херсонисскихъ документахъ и мы уже имѣли случай ихъ отмѣтить[1]). Изъ нихъ можно заключить, что Херсонисцы въ римскія времена хотя и продолжали еще говорить на дорическомъ діалектѣ, но уже потеряли ясное представленіе о происхожденіи и образованіи нѣкоторыхъ словъ и употребляли въ нихъ α вмѣсто η, такъ сказать, по наслышкѣ. Что касается до формы члена τᾶν вмѣсто τῶν въ стр. 2, то ее, мнѣ кажется, скорѣе всего можно принять за lapsus calami, объясняющійся вліяніемъ окончанія предыдущаго слова Χερσονασειτᾶν. Относительно формы γνασίῳ не беремся рѣшить, представляетъ-ли она собою также lapsus (вмѣсто γνασίᾳ), или это прилагательное употреблялось въ херсонисскомъ говорѣ съ двумя окончаніями, или, наконецъ, по ошибкѣ поставлено вмѣсто нарѣчія γνασίως.

---

2. Два обломка мраморной плиты толщиною около 0,08 м.: *а* выш. 0,54, шир. 0,37, обломанъ справа и снизу, а слѣва сохранился край съ рамкой; *б* обломанъ со всѣхъ сторонъ кромѣ нижней, гдѣ сохранилась часть рамки, наиб. выш. 0,19, шир. 0,20. Надпись вырѣзана тщательно довольно крупными буквами (выш. 0,015 — 0,02 м.) и на обоихъ обломкахъ сохранилась довольно хорошо. Найдены тамъ же, гдѣ № 1, весною 1893 года. Издаются по эстампажу. (См. стр. 8).

Характеръ письма этого документа и, повидимому, буквальное сходство его первой фразы съ начальною фразою предыдущаго декрета въ честь Иракдеотовъ дѣлаютъ несомнѣннымъ, что оба документа принадлежатъ приблизительно къ одному времени. Разсматриваемая теперь надпись представляетъ собою обычный почетный декретъ о дарованіи проксеніи, права гражданства и разныхъ привилегій нѣкоему Г. Каію Евтихіану Навклару, гражданину г. Синопы, за разныя услуги, оказанныя имъ Херсонисцамъ. Къ сожалѣнію текстъ строкъ 3—17, въ которыхъ заключалось изложеніе заслугъ Евтихіана, не можетъ быть возстановленъ вполнѣ вслѣдствіе того, что съ правой стороны отбита почти половина камня. На сколько можно судить по сохранившимся частямъ этихъ строкъ, въ нихъ не было никакихъ указаній или намековъ на историческія событія или политическое положеніе Херсониса въ данное время, а дана была только характеристика чествуемаго лица: сначала сдѣлано указаніе на всѣми признанныя высокія нравственныя качества его, затѣмъ на его прекрасное поведеніе во время пребыванія въ Херсонисѣ, далѣе на какую-то особенную недавнюю его заслугу и наконецъ, повидимому, на услуги, оказывавшіяся имъ Херсонисцамъ, пріѣзжавшимъ въ его родной городъ. Съ стр. 17 начинается подробное изложеніе дарованныхъ ему правъ и привилегій, представляющее почти буквальное сход-

---

[1] *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* IV стр. 148, прим. Ср. въ nº 2 (ниже) ἆθος въ стр. 6 и наоборотъ τῆς въ стр. 12.

а

ΠΡΟΕΔΡΟΙΧ...ΟΝΑ
ΤΑΙΤΑΥΡΙΚΑΙ
ΕΠΕΙΔΗ Γ ΚΑΙΟΣΕΥΤΥΧ
ΝΩΠΕΥΣΑΝΗΡΜΑΡΤΥΡΟ
ΚΑΛΟΚΑΓΑΘΙΑΝΠΑΡΑΤΟΙΣ
ΣΕΜΝΟΝΑΘΟΣΚΑΙΔΙΑΤΗΝΙ
ΠΕΡΙΤΑΝΠΟΛΙΝΑΜΩΝΦΙΛΟΣ
ΜΕΣΚΑΛΩΣΕΠΙΔΑΜΗΣΑΣ
ΕΝΑΓΧΟΣΔΕΕΞΛΙΡΕΤΩΦΙΛ
ΜΟΝΚ.ΚΡΑΜΕΝΟΣΑΞΙΟΝ
ΠΑΡΑΜΕΣΓΕΙΝΟΜΕΝΩΝΕ
ΘΑΙΤΗΣΠΟΛΙΟΣΑΜΩΝΚ
ΠΑΙΝΕΣΑΝΤΩΝΤΩΝΠΡΟΥ
ΤΑΝΚΑΤΑΕΝΑΕΚΛ.ΤΟΝΤΩ
ΤΑΝΠΟΛΙΝΣΠΟΥ...ΝΤΕΚ
ΑΝΘΩΝΤΟΝΑΝΔ...ΦΙΛΟΦ
ΝΟΝΔΕΔΟΧΘΑΙΤΑΒΟΥΛΑΚ
ΕΠΙΤΟΥΤΟΙΣΠΡΟΤΕΡΟΝΤ
ΝΟΝΝΑΥΚΛΑΡΟΝΣΙΝΩ
ΑΣΠΟΛΕΙΤΕΙΑΝΕΣΠ
ΚΑΙΠΟΛΕΜΩΑΣ
ΝΟΙΣΚ

Πρόεδροι Χ[ερσ]ονα[σιτᾶν τῶν ποτὶ]
τᾶι Ταυρικᾶι [εἶπαν]·
Ἐπειδὴ Γ. Κάιος Εὐτυχ[ιανὸς Ναύκλαρος Σι]-
νωπεὺς ἀνὴρ μαρτυρο[ύμενος ὑπὸ πάντων διὰ τὴν]
καλοκαγαθίαν παρὰ τοῖς [. . . . . τὸ]
σεμνὸν ἆθος καὶ διὰ τὴν. . . . .
περὶ τὰν πόλιν ἁμῶν φιλο[στοργίαν, ἃν ἔδειξε παρ'ἁ]-
μὲς καλῶς ἐπιδαμήσας. . . . .
ἔναγχος δὲ ἐξ[α]ιρέτῳ φιλ[οτιμίᾳ? . . . ποτὶ τὸν δᾶ]-
μον κ[εχ]ραμένος ἄξιον [. . . . . τῶν]
παρ' ἁμὲς γεινομένων ε[. . . . . σ]-
θαι τῆς πόλιος ἁμῶν κ[. . . . . ἐ]-
παινεσάντων τῶν πρου[. . . . . διὰ]
τὰν κατὰ ἕνα ἕκ[ασ]τον τῶ[ν ἀφικνουμένων? εἰς]
τὰν πόλιν σπου[δά]ν τε κ[αὶ φιλοτιμίαν. . . . .],
ἀνθ'ὧν τὸν ἄνδ[ρα] φιλοφ[ρόνως . . . .]
νον· δεδόχθαι τᾷ βουλᾷ κ[αὶ τῷ δάμῳ ἐπαινέσαι μὲν]
ἐπὶ τούτοις πρότερον τ[. . . . . . Γ. Κάιον Εὐτυχια]-
νὸν Ναύκλαρον Σινω[πέα, δόμεν δὲ αὐτῷ προξενί]-
α[ν], πολειτείαν, ἔσπ[λουν τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰράνᾳ]
καὶ πολέμῳ ἀσ[υλεὶ καὶ ἀσπονδεὶ αὐτῷ τε καὶ ἐκγό]-
νοις κ[αὶ χράμασι. . .

б

ΠΟΛΥΚΡΑΤΟΥΣΑΡ
ΟΥΣΝΟΜΩΝΦΥ
ΕΙΟΣΝΕΟΚΕ
ΠΥΘΟΔΟΤΟ
ΚΟΛΩΝΠΛΥ
ΣΚΟΣΔΗΜ

. . . Πολυ[κ]ρά[τ]ους ἄρ[χοντος?...
. . . ους νόμων φυ[λακ...
. . . ειος νεοκε...
. . . Πυθοδοτο...
. . . κολων πλυ...
. . . σκος δημ...

ство съ нѣсколькими уже извѣстными херсонисскими декретами римскихъ временъ. Но въ концѣ декрета, какъ видно по обломку *б*, было сдѣлано нѣсколько такихъ прибавокъ, которыя еще не встрѣчались въ ранѣе найденныхъ декретахъ и поэтому совершенно не могутъ быть возстановлены.

---

2. Надписи посвятительныя.

3. Вполнѣ сохранившееся подножіе изъ бѣлаго мрамора выш. 1′1″, шир. 2′6″, толщ. 2′4″. На верхней сторонѣ сохранились углубленія для ногъ, круглое отверстіе въ 5″, захватывающее правую часть углубленія для лѣвой ступни, и три продолговатые вырѣза, залитые свинцомъ; отсюда видно, что подножіе впослѣдствіи было употреблено въ качествѣ матеріала для какой нибудь постройки. Оно найдено въ 1892 г. въ землѣ впереди порога большой базилики съ мраморнымъ поломъ, находящейся къ югу отъ новаго собора[1]). Надпись, вырѣзанная довольно крупными буквами (выс. 0,02), вполнѣ сохранилась. Издается по эстампажу.

ΒΙΩΝΣΙΜΙΑ
ΑΝΤΙΒΙΩΝΒΙΩΝΟΣΤΟΥΣΙΜΙΑΒΑΣΙΛΕΥΣΑΣ
ΥΠΕΡΤΟΥΠΑΤΡΟΣΠΑΡΘΕΝΩΙΙΕΡΕΥΣΕΩΝ

Βίων Σιμία.
Ἀντιβίων Βίωνος τοῦ Σιμία βασιλεύσας
ὑπὲρ τοῦ πατρὸς Παρθένωι ἱερεὺς ἐών.

Переводъ. Віонъ *сынъ* Симія.—Антивіонъ *сынъ* Віона сына Симія, бывшій царемъ, за отца *поставилъ* Дѣвѣ въ бытность *ея* жрецомъ.

Отсюда видно, что на пьедесталѣ стояла статуя Віона, посвященная богинѣ Дѣвѣ его сыномъ, занимавшимъ раньше должность «царя» (уже давно извѣстную въ Херсонисѣ изъ надписей), а во время посвященія исполнявшимъ должность жреца, безъ сомнѣнія, этой же богини (ибо въ противномъ случаѣ навѣрное было бы названо имя божества, которому служилъ Антивіонъ). По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ IV—III в. до Р. Хр. Аналогичные случаи посвященій божествамъ сыновьями за отцовъ уже встрѣчались на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря: ср. *Inscr. P.* II nn° 6, 9, 345.

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что площадь вокругъ новаго монастырскаго собора оказывается мѣстомъ находки весьма важныхъ эпиграфическихъ документовъ. На ней найдены: гражданская присяга Херсонисцевъ (*Мат. по арх. Россіи* № 9, надпись n° 1), обломокъ акта о продажѣ земель (*ibid.* n° 5) и пьедесталы трехъ статуй, посвященныхъ Аѳинѣ Спасительницѣ (*ibid.* n° 6) и Дѣвѣ (разсматриваемая теперь надпись и, вѣроятно, помѣщаемая ниже подъ n° 6). Это заставляетъ предполагать, что эта площадь имѣла важное значеніе въ древнемъ городѣ. Г. Косцюшко, изслѣдовавшій во всѣхъ подробностяхъ всю мѣстность древняго Херсониса, въ своемъ рукописномъ отчетѣ за 1892 г. прямо говоритъ, что «центромъ въ древнемъ городѣ была несомнѣнно площадь, нынѣ застроенная новымъ соборомъ, главнымъ монастырскимъ корпусомъ и разными службами». Очень вѣроятно, что именно на ней находился и упоминаемый Страбономъ храмъ Дѣвы. Поэтому нельзя не пожалѣть, что при расчисткѣ ея для постройки новаго храма и монастырскихъ службъ она не была должнымъ образомъ изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. О мѣстѣ находки разсматриваемаго камня ср. *Отчетъ Импер. Археол. Коммиссіи за 1892 годъ* (Спб. 1894), стр. 14.

4. Вполнѣ сохранившаяся плита изъ песчаника, выш. 0,20 м., шир. 0,35, толщ. 0,13. На нижней сторонѣ выдолблены 2 круглыхъ углубленія, а противъ нихъ по краямъ длинныхъ сторонъ сдѣланы 4 прорѣза, по всей вѣроятности для укрѣпленія камня на какомъ нибудь постаментѣ[1]). Надпись на передней сторонѣ вполнѣ сохранилась и читается ясно (выс. буквъ 0,02). Плита, по сообщенію К. К. Косцюшко-Валюжинича, найдена въ 1892 г. въ насыпи изслѣдованнаго имъ херсонисскаго некрополя и служила, повидимому, матеріаломъ для обкладки позднѣйшихъ гробницъ[2]). Списана мною лично.

ΔΗΛΙΟΣΑΠΟΛΛΑ	Δήλιος Ἀπολλᾶ
ΠΑΡΘΕΝΩΙ	Παρθένωι
ΚΑΤΕΝΥΠΝΙΟΝ	κατ' ἐνύπνιον.

Переводъ. Дилій *сынъ* Аполлы Дѣвѣ по сновидѣнію.

По характеру письма надпись не древнѣе II в. до Р. Хр. О посвященіяхъ божествамъ, сдѣланныхъ по полученнымъ во снѣ внушеніямъ (κατ' ὄναρ, κατ' ὄνειρον), ср. Franz, Elem. epigraph. Graecae p. 335, 8; S. Reinach, Traité d'épigraphie Grecque p. 384; W. Larfeld, Griech. Epigraphik (въ Handbuch Ивана Мюллера, т. I изд. 2), p. 593.

---

5. Обломокъ бѣломраморной плиты (нижній лѣвый уголъ) выш. и шир. 0,20 м., толщ. 0,09. На немъ сохранились начала четырехъ строкъ надписи, вырѣзанной довольно крупными буквами (выш. 0,02) римской эпохи. Обломокъ найденъ въ 1891 г. на площади около новаго собора, списанъ мною въ 1892 г.

	. . . . . ὁ δεῖνα
ΖΗΘΟΙ	Ζήθο[υ ὑπὲρ Γα]-
ΖΟΥΡΙΟΥ	ζουρίου [τοῦ Μητρο]-
ΔΩΡΟΥΙΕ	δώρου ἱε[ρατεύσαντος?]
ΠΑΡΘΕΝΩ	Παρθένῳ.

Г. Косцюшко-Валюжиничъ въ рукописномъ отчетѣ предполагаетъ, что «быть можетъ Газурій сынъ Митродора, жрецъ Дѣвы, — одно лицо съ первымъ архонтомъ того же имени» (см. ниже № 9[3]). Предложенныя мною возстановленія, конечно, не могутъ претендовать на полную достовѣрность.

---

6. Пьедесталъ изъ сѣраго мрамора выш. 0,18 м., дл. 0,73, шир. 0,47, сильно обезображенный разными передѣлками, которымъ онъ подвергался, повидимому, неоднократно. На верхней сторонѣ видны углубленія для ногъ, на нижней — круглое углубленіе, а въ другихъ мѣстахъ

[1]) См. рисунокъ № 22 въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр. 26.
[2]) Объ изслѣдованіи этого некрополя см. *Отчетъ за 1892 г.*, стр. 19—27 и 101—123.
[3]) Въ *Отчетѣ И. Арх. Комм.* за 1892 г. (стр. 26, прим.) это мнѣніе выражено уже вполнѣ увѣренно.

два возвышенія. Передняя боковая сторона, на которой находится надпись, позднѣе была грубо обдѣлана въ видѣ карниза такъ, что первая строка надписи сохранилась на его выпуклости, а вторая совершенно уничтожена при выдѣлкѣ желобка этого карниза; почти посрединѣ этой стороны сдѣлано углубленіе сверху до низу, уничтожившее и часть первой строки. Сохранившіяся буквы надписи читаются еще довольно ясно (выс. 0,017). Камень найденъ при перекопкѣ площади вокругъ новаго собора въ 1890 г. Списанъ мною въ 1892 г.

ΦοΡΜΙΩΝΗΡΙοΣ ... ΕΩΓΚΑΙΒΑ
ΓΚΙ ... ΓΟΙΗ

Φορμίων Ἥριος [ἱερεὺς] ἐὼγ καὶ βα[σι-
λεύων ἀνέθηκε . . . .]

Надпись, несомнѣнно, посвятительная. Къ сожалѣнію, порча 2-й строки лишаетъ насъ возможности сказать съ увѣренностью, какому божеству была посвящена статуя, стоявшая на этомъ пьедесталѣ; судя по мѣсту находки камня, можно думать, что и онъ находился нѣкогда въ святилищѣ Дѣвы (ср. прим. къ № 3), и что посвященіе было сдѣлано именно этой богинѣ. По характеру письма и по формѣ ἐὼγ (съ ассимиляціей) надпись можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр. Примѣръ совмѣщенія жречества съ должностью «царя» уже встрѣтился въ надписи Пасіада сына Артемидорова, изданной нами въ предыдущемъ собраніи херсонисскихъ надписей[1]); въ настоящее время мы считаемъ для 2-й строки ея возстановленіе βασιλεύων ἱερεὺς ἐ[ών...] болѣе вѣроятнымъ, нежели предложенное нами βασιλεύων ἱερεὺς ἐ[πεσκεύαξεν]. Имя Ἧρις, -ιος уже извѣстно изъ надписей.

---

3. Надписи надгробныя (греческія и латинскія).

7. Надгробіе изъ песчаника, снизу обломанное, выш. 0,45 м., шир. 0,32, толщ. 0,14. Верхній лѣвый уголъ обломанъ, а справа сохранилась часть фронтона съ карнизомъ и акротеріемъ; ниже находится надпись (выс. буквъ 0,015) и подъ нею двѣ розетки. Найдено въ насыпи некрополя весною 1892 г.[2]). Надпись списана мною.

ΛΛΩΝΙΑΙ ... ΡΧΟΥ	[Ἀπο]λλωνία [Νεά]ρχου,
ΕΟΠΟΛΙΟΣΓΥΝΑ	[Ν]εοπόλιος γυνά.

Надпись не позднѣе IV—III в. до Р. Хр. Въ 1-й строкѣ мы выбрали для возстановленія Νέαρχος изъ другихъ именъ на -αρχος, какъ наиболѣе краткое, потому что, судя по 2-й строкѣ, въ испорченномъ мѣстѣ могло быть не болѣе трехъ буквъ.

---

[1]) *Мат. по арх. Россіи* № 9, стр. 25, надп. n° 7. Надпись n° 3 настоящаго собранія нельзя брать въ разсчетъ, такъ какъ въ ней исполненіе Антивіономъ должности царя по времени предшествуетъ жречеству.

[2]) Ср. *Отч. за 1892 г*, стр. 25 внизу.

8. Мраморная плита, слѣва обломанная, выш. 0,195 м., шир. 0,12, толщ. 0,075; выс. буквъ 0,015. Надпись списана мною.

ΔΡΟΣ	[Νίκαν]δρος
ΥΣΙΟΥ	[Διον]υσίου
ΟΧΟΥ	[τοῦ Ἀντι]όχου.

Надпись, повидимому, надгробная, приблизительно III в. до Р. Хр. Возстановленіе дано лишь примѣрное.

---

9. Надгробіе изъ бѣлаго мрамора, сверху обломанное такъ, что отъ рельефа, которымъ оно было украшено, сохранились только ноги фигуръ, именно (по направленію слѣва направо) ребенка, женщины въ длинной одеждѣ и мужчины, а затѣмъ лапы и хвостъ собачки; часть рельефа съ изображеніемъ мужской фигуры найдена отдѣльно; ниже рельефа на плоской поверхности камня съ правой стороны очень неглубокимъ барельефомъ изображено оружіе и доспѣхи: лукъ съ колчаномъ, поножи, шлемъ, щитъ, копье и мечъ. Подъ этимъ барельефомъ находится вполнѣ сохранившаяся надпись (выс. буквъ 0,017). Размѣры всего памятника: выш. 0,85 м., шир. 0,60, толщ. 0,12. Найденъ въ 1892 г. въ насыпи некрополя. См. *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр. 26, со снимкомъ средней части плиты съ изображеніемъ оружія и текстомъ надписи.

ΓΑΖΟΥΡΙΟΣ · ΜΗΤΡΟΔΩΡΟΥ ΠΡΩΤΑΡ
ΧΟΝΤΕΥΩΝ < ΕΤΩΝ · Ν
ΧΑΙΡΕ

Γαζούριος Μητροδώρου πρωταρ-
χοντεύων, ἐτῶν ν',
χαῖρε.

Эта обычная по формѣ[1]) надгробная надпись весьма интересна по упоминанію о должности перваго архонта, которою былъ облеченъ почившій Газурій сынъ Митродора. Еще въ 1884 г., разсматривая имѣвшіяся тогда данныя о херсонисскихъ магистратахъ[2]), мы предположили, что упоминаемое Константиномъ Багрянороднымъ въ его отрывкѣ изъ исторіи Херсониса (*De adm. imp.* 53) лицо, стоявшее во главѣ правленія въ Херсонисѣ съ титуломъ στεφανηφορῶν καὶ πρωτεύων, было безъ сомнѣнія никѣмъ инымъ, какъ первымъ архонтомъ, а также указали и на два упоминанія объ архонтахъ въ херсонисскихъ надписяхъ, но весьма сомнительныя. Надпись Газурія даетъ теперь неопровержимое свидѣтельство существованія такой должности въ Херсонисѣ въ римскія времена (къ которымъ она должна быть отнесена по характеру письма). Самое

---

[1]) Упоминаніе о лѣтахъ жизни покойниковъ уже встрѣчалось въ херсонисскихъ надгробіяхъ: см. *Inscr. P.* I, nn° 214, 215, 222.

[2]) Эпигр. данныя о госуд. устр. Херсониса Тавр. въ *Журн. М. Н. Пр.*, іюнь 1884, отд. кл. фил.

учрежденіе этой должности, по соображеніямъ, высказаннымъ нами въ указанной статьѣ, должно было произойти при измѣненіи херсонисской конституціи во времена римскихъ императоровъ. Исполненіе этой должности, вѣроятно, сначала обозначалось именно этимъ глаголомъ πρωταρχοντεύειν [1]), а съ теченіемъ времени онъ, быть можетъ, показался слишкомъ длиннымъ и былъ замѣненъ глаголомъ πρωτεύειν; что же касается до στεφανηφορεῖν, то этотъ глаголъ, какъ замѣчено нами въ упомянутой статьѣ, «не обозначаетъ особой должности, а является только почетнымъ эпитетомъ высшей власти». Изображенный на нашемъ памятникѣ полный комплектъ принадлежностей тяжелаго вооруженія, намекающій, безъ сомнѣнія, на воинскія доблести почившаго Газурія, является интересной иллюстраціей къ указаніямъ Константина Багрянороднаго на военное предводительство τοῦ πρωτεύοντος.

---

10. Вполнѣ сохранившійся мраморный надгробный памятникъ выш. 1,53 м., шир. 0,36, толщ. 0,16 (книзу слегка расширяется и утолщается). Сверху украшенъ прямымъ карнизомъ, подъ которымъ находятся двѣ розетки, а ниже ихъ крупными буквами (выс. 0,03) вырѣзано имя усопшаго; въ нижней части камня, на значительномъ разстояніи отъ первой надписи, находится вторая, метрическая, вырѣзанная болѣе мелкими буквами и довольно хорошо сохранившаяся. Самая нижняя часть камня срѣзана для вставки въ постаментъ, а повыше ея сдѣланъ плинтусъ, подобный верхнему карнизу. Камень найденъ въ 1892 г. въ некрополѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ черепицами служилъ обкладкой гробницы № 73 [2]). Издается по моей копіи и эстампажу.

ΞΑΝΘΟΣ
ΛΑΓ//ΟΡΕΙΝΟΥ
ΧΑΙΡΕ

ΞΑΝΘΟΝΕΓΩΣΤΑΛΑΚΕΥΘΩΞΕΝΕΤΟΝΠΟΤΕΠΑΤΡΙ
ΣΩΦΡΟΝΑΤΟΜΠΑΤΡΗΞΥΝΟΝΑΓΑΛΜΑΝΕΩΝ
ΤΟΝΣΟΦΟΝΕΝΜΟΥΣΑΙΣΤΟΝΑΜΕΜΦΕΑΠΑΣΙΠΟΛΕΙΤΑΙΣ
ΤΕΙΜΙΟΝΗΙΘΕΩΝΑΣΤΕΡΑΚΑΛΛΟΣΥΝΗΣ
ΒΑΣΚΑΝΟΣΟΝΚΑΤΕΠΕΦΝΕΝΑΡΗΣΠΑΤΡΗΠΡΟΜΑΧΕΥΝΤΑ
ΛΕΙΠΟΜΕΝΟΝΘΡΗΝΟΥΣΤΩΝΔΕΓΟΝΕΥΣΙΓΕΡΑΣ
ΕΙΔΑΠΟΛΑΥΣΙΝΕΧΕΙΠΛΟΥΤΩΝΠΛΕΟΝΗΕΤΟΚΕΙΕΣ
ΤΙΠΤΕΔΙΩΔΕΙΝΩΝΚΑΜΝΕΤΕΘΗΛΥΤΕΡΑΙ

Въ 1-й строкѣ верхней надписи рѣзчикъ сначала вырѣзалъ Р, а потомъ исправилъ его въ N.

---

[1]) Въ сохранившихся до нашихъ временъ литературныхъ и епиграфическихъ памятникахъ этотъ глаголъ, кажется, еще не встрѣчался (по крайней мѣрѣ мы не нашли его ни въ Thesaurus Стефана, ни въ глоссаріи Дюканжа, ни въ словаряхъ Liddell-Scott'a, Софокла и Кумануписа) и представляетъ собою λέξις ἀθησαύριστος.

[2]) См. *Отч. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр. 102.

Ξάνθος
Λαγορείνου,
χαῖρε.

Ξάνθον ἐγὼ στάλα κεύθω, ξένε, τόν ποτε πατρὶ
σώφρονα, τὸμ πάτρῃ ξυνὸν ἄγαλμα νέων,
τὸν σοφὸν ἐν Μούσαις, τὸν ἀμεμφέα πᾶσι πολείταις,
τείμιον ἠιθέων, ἀστέρα καλλοσύνης,
βάσκανος ὃν κατέπεφνεν Ἄρης πάτρῃ προμαχεῦντα,
λειπόμενον θρήνους τῶνδε γονεῦσι γέρας.
εἰ δ'ἀπόλαυσιν ἔχει Πλούτων πλέον ἠὲ τοκεῖες,
τίπτε δι' ὠδείνων κάμνετε, θηλύτεραι;

Епиграмма, совершенно правильная со стороны метрики, производитъ непріятное впечатлѣніе напыщенностью и изобиліемъ похвалъ. Эти качества вмѣстѣ съ характеромъ письма и особенностями ороографіи (ει вм. ι) дѣлаютъ несомнѣнною принадлежность ея римскимъ временамъ (приблизительно I в. по Р. Хр.). Весьма интересна мысль, высказанная въ послѣднемъ двустишіи: женщинамъ незачѣмъ переносить муки рожденія дѣтей, если послѣднія умираютъ молодыми и этимъ радуютъ только Плутона, а не родителей (которыхъ они радовали бы, если бы оставались въ живыхъ, а смертью своей повергаютъ въ печаль).

Переводъ. Ксанеъ, сынъ Лагорина, прощай. — Я, плита, скрываю *подъ собою* Ксанеа, нѣкогда благоразумнаго *по отношенію* къ отцу, общую красу молодежи въ отечествѣ, мудраго въ искусствахъ, безупречнаго относительно всѣхъ согражданъ, почтеннаго между юношами, звѣзду красоты, котораго убилъ завистливый Арей въ бою за отечество, оставившаго рыданія въ даръ за это родителямъ. Если же Плутонъ имѣетъ больше удовольствія, чѣмъ родители, то зачѣмъ вы, женщины, страждете въ родильныхъ мукахъ?

---

11. Надгробіе изъ песчаника, вполнѣ сохранившееся, но сильно вывѣтрившееся, выш. 0,65 м., шир. 0,44, толщ. 0,175. Сверху украшено карнизомъ, подъ нимъ находится надпись, а ниже рельефъ, изображающій стоящаго en face мужчину въ иматіи и справа отъ него (для зрителя) ребенка. Найдено въ 1892 г. въ некрополѣ[1]). Надпись вырѣзана довольно небрежно и сильно попорчена (выс. буквъ около 0,02).

CYPIωN·CYP▨CωΠΟΛΙC ωΝΟC·ΧΑ▨ΡΕ▨CYPI(ω)NOCXAIPC▨ *рельефъ.*	Συρίων Συρ[ί]- ωνος, χαῖρε.	Σώπολις Συρίωνος, χαῖρε.

Надгробный памятникъ двухъ родныхъ братьевъ, относящійся къ довольно позднимъ римскимъ временамъ.

---

[1]) См. *Отч. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр 25.

12. «Плита, 21″ × 17″ × 3″, съ полной надписью и значительнымъ свободнымъ мѣстомъ внизу. Буквы вырѣзаны очень неглубоко и небрежно». (Описанiе г. Косцюшко). Найдена весною 1893 г. въ томъ же храмѣ, гдѣ №№ 1 и 2.

KAITICOYKANENECIENTONENBPO
TOICINΠOΘHTON
CTEΦEECINTECΞOXONKAIENKAMA
TOICINMEΓICTON
M·AYPIACONAMAPXIA▨YTON
CEBAC

Надпись очевидно, надгробная. Авторъ хотѣлъ составить метрическую епитафiю, но, имѣя весьма смутное понятiе о метрикѣ, состряпалъ фразу, имѣющую лишь отдаленное сходство съ двумя гексаметрами. Читать слѣдуетъ такъ:

Καὶ τίς οὐκ ἂν ἐνέσιεν [τ]ὸν ἐν βροτοῖσιν ποθητὸν
στέφε(σ)σιν τε (ἐ)ξοχον καὶ ἔν καμάτοισιν μέγιστον
Μ. Αὐρ(ήλιον) Ἰάσονα Μ. Ἀρχία, [κλ]υτὸν σέβας;

По характеру письма надпись никакъ не древнѣе III в. по Р. Хр. Форма ΕΝΕΣΙΕΝ въ 1 стихѣ безъ сомнѣнiя = ΑΙΝΕΣΕΙΕΝ (opt. aor. act. гл. αἰνέω) и написана согласно утвердившемуся уже въ тѣ времена произношенiю αι = ε и ει = ι.

Переводъ. И кто не похвалилъ бы желаннаго среди смертныхъ, отличеннаго вѣнками и величайшаго въ трудахъ М. Аврелiя Iасона, *сына* М. Архiя, славно-чтимаго?

---

13. Цѣльная мраморная плитка выш. 0,09 м., шир. 0,12, толщ. 0,025. Найдена въ 1892 г. въ одной изъ гробницъ некрополя[1]). Надпись сохранилась хорошо, издается по моей копiи.

ΘΕοΓΕΝΗΣ ΑΓΑΘΩΝοΣ	Θεογένης Ἀγάθωνος.

Эта плитка подтверждаетъ предположенiе, высказанное нами при изданiи подобной же плитки съ именемъ Βοίσκος Νεομηνίου[2]), — что онѣ прикрѣплялись внутри гробницъ къ саркофагамъ или урнамъ съ прахомъ покойниковъ для обозначенiя, чей прахъ покоится въ данномъ вмѣстилищѣ, вмѣсто того, чтобы вырѣзывать или нацарапывать имя на самой урнѣ, что̀, впрочемъ, также иногда дѣлалось[3]). Этотъ обычай существовалъ въ Херсонисѣ въ теченiи долгаго

[1]) *Отч. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр. 117, n° 268.

[2]) *Матерiалы по археол. Россiи* № 9, стр. 26, n° 9.

[3]) Ср. тамъ-же стр. 30, къ n° 11. «Можно заключить, говоритъ г. Косцюшко-Валюжиничъ въ рукописномъ отчетѣ о раскопкахъ за 1892 г., что въ Херсонисѣ существовалъ обычай класть въ гробницы, быть

времени, такъ какъ плитка съ именемъ Θеогена по характеру письма значительно позднѣе Боисковой и должна быть отнесена уже къ римскимъ временамъ. Къ болѣе точному опредѣленію времени надписи можетъ служить сообщаемый г. Косцюшко-Валюжиничемъ (въ *Отчетъ Арх. Комм. за 1892 г.* l. c.) фактъ, что въ той же гробницѣ найдена бронзовая монета воспорскаго царя Котиса II (123—131 по Р. Хр.).

---

14. «Обломокъ мраморной плитки 2″ × 2″ × 1¼″ Изъ насыпи некрополя» (1893). Издается по эстампажу.

Δ \
.ΡΟΣ
ΡΙΔΑ

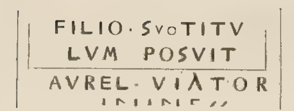
Плитка, судя по ея незначительной величинѣ и толщинѣ, была совершенно такого же характера, какъ и предыдущая, но по формѣ буквъ относится къ болѣе древнимъ временамъ (III—II в. до Р. Хр.).

---

15. Надгробіе изъ бѣлаго мрамора, снизу обломанное, выш. 0,81 м., шир. 0,41, толщ. 0,06. Сверху украшено простымъ фронтономъ съ розеткою по срединѣ, по обѣимъ сторонамъ которой поставлены буквы D и M. Подъ фронтономъ въ углубленіи весьма грубо изображена рельефомъ несоразмѣрно короткая мужская фигура en face, съ усами, но безъ бороды, въ остроконечномъ колпакѣ, короткой хламидѣ, застегнутой пряжкою на правомъ плечѣ, и въ сандаліяхъ съ толстыми подошвами; обѣ руки прижаты къ груди, въ правой рукѣ птичка, а въ лѣвой виноградный гроздъ, который клюетъ эта птичка. Подъ рельефомъ вырѣзана грубыми и неровными, но глубоко врѣзанными буквами латинская надпись, двѣ строки которой находятся внутри рамки углубленія, подъ ногами фигуры, а двѣ послѣднія — на самой рамкѣ. Камень найденъ въ 1892 г. въ некрополѣ, гдѣ служилъ обкладкою гробницы[1]).

можетъ менѣе состоятельныхъ гражданъ, плитки съ именемъ погребеннаго и его отца, и что этотъ обычай могъ продержаться нѣсколько вѣковъ, что подтверждается, хотя и въ другой формѣ, именами, вырѣзанными на каменномъ гробикѣ, наполненномъ жжеными костями и находившемся въ нишѣ катакомбы [см. указ. соч. стр. 30 № 11 и *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1891 г.* стр. 142], и наконецъ именами, нацарапанными на многихъ глиняныхъ урнахъ съ жжеными костями и выдавленными на одной свинцовой урнѣ».

[1]) См. *Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1892 г.*, стр. 102, n⁰ 77. Къ сожалѣнію помѣщенный на стр. 103 «Отчета» рисунокъ плиты не вполнѣ точенъ, такъ какъ снятъ не съ камня, а съ бумажнаго слѣпка, на которомъ не оказалось рамки и фронтона. Поэтому мы даемъ здѣсь точный снимокъ съ камня, хотя въ маломъ масштабѣ. Самая надпись вполнѣ точно воспроизведена на снимкѣ, помѣщенномъ въ «Отчетѣ».

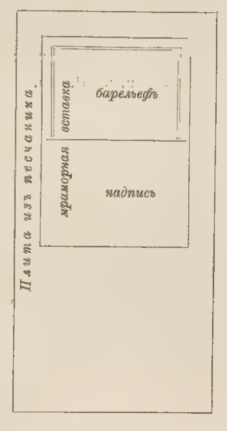


D(is) M(anibus).
Filio suo titu-
lum posuit
Aurel(ius) Vi(a)tor
. . . .

Надпись врядъ-ли древнѣе III в. по Р. Хр.

---

16. Продолговатая плита изъ песчаника, выш. 3 ф., шир. 1 ф., толщ. 9 д.; въ верхней половинѣ ея вставлена продолговатая мраморная плита выш. 1 ф. $3^1/_2$ д. и шир. 9 д., раздѣляющаяся на двѣ половины, изъ коихъ въ верхней, въ двойной рамкѣ изображенъ барельефомъ бюстъ мужчины en face съ усами и короткой окладистой бородой, въ туникѣ и плащѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ, съ буквами D и M по обѣимъ сторонамъ головы, а въ нижней половинѣ — шестистрочная надпись, вырѣзанная тщательно и красиво. Расположеніе частей памятника представляется въ прилагаемомъ схематическомъ чертежѣ. Плита найдена въ херсонисскомъ некрополѣ въ 1894 году; надпись издается по фотографіи.



(*Текстъ см. ниже*).

Итакъ мы видимъ, что наша надпись весьма обычнаго типа: подобныя ей надгробныя надписи встрѣчаются во множествѣ въ разныхъ странахъ, которыя были подвластны Римлянамъ. Но тѣмъ не менѣе памятникъ представляетъ значительный интересъ какъ въ археологическомъ отношеніи, такъ и въ историческомъ:

D M
AVR · VICTOR · MIL · LEG
· I · ITAL · VIXIT · AN · XX · X · VI
MIL · AN · XVIII VAL ·
MARCIA · VXOR · EIVS ·
ET VAL · BESSA FILIA
HEREDES · B · M · P

D(is) M(anibus).
Aur(elius) Victor mil(es) leg(ionis)
I Ital(icae), v[i]xit an(nis) XXXVI,
mil(itavit) an(nis) XVIII. Val(eria)
Marcia uxor eius
et Val(eria) Bessa filia
heredes b(eatis) m(anibus) p(osuerunt).

1) онъ является первымъ, по крайней мѣрѣ на сѣверномъ Черноморскомъ побережьѣ, примѣромъ памятника, сооруженнаго изъ дешеваго мѣстнаго камня, но украшеннаго болѣе дорогой мраморной вставкой[1]); 2) онъ даетъ новое свидѣтельство о стоянкѣ въ Херсонисѣ римскихъ воен-

[1]) Онъ даетъ право предположить, что и тѣ маленькія мраморныя плиточки съ надписями (см. Мат. по арх. Россіи № 9, стр. 26, № 9 и выше №№ 13 и 14), которыя не могли служить самостоятельными надгроб-

ныхъ командъ изъ легіоновъ, расквартированныхъ въ Нижней Мезіи, и составляетъ, такимъ образомъ, pendant къ извѣстному памятнику Аврелія Сальвіана, трубача XI Клавдіева легіона[1]). Вновь найденный памятникъ стоялъ надъ могилою Аврелія Виктора, солдата 1-го Итальянскаго легіона. Этотъ легіонъ, какъ извѣстно[2]), былъ сформированъ Нерономъ въ 66 г. по Р. Хр. подъ именемъ *phalanx Alexandri Magni*, а вскорѣ по смерти Нерона получилъ названіе *legio I Italica*. Стоялъ онъ сначала въ Галліи, а съ 69 г. въ Мезіи, при чемъ послѣ раздѣленія этой провинціи на Moesia Superior и M. Inferior помѣщенъ былъ въ послѣдней. Въ то время какъ Кассій Діонъ писалъ свою исторію (съ 211 г. по Р. Хр.), легіонъ уже не существовалъ въ видѣ самостоятельной единицы, а былъ соединенъ съ legio XI Claudia[3]). Стало быть нашъ памятникъ не можетъ быть позднѣе начала III в. по Р. Хр., а съ другой стороны имя погребеннаго воина Aurelius свидѣтельствуетъ, что онъ жилъ не ранѣе Антонина Кроткаго или М. Аврелія, со времени которыхъ это nomen широко распространилось въ Римской имперіи. Такимъ образомъ является возможность сказать съ полною увѣренностью, что нашъ памятникъ относится ко 2-й половинѣ II в. по Р. Хр.

---

17. Вполнѣ сохранившаяся надгробная плита изъ степного ноздреватаго камня, выш. 1 а. 2 в., шир. 6 в., толщ. 3 в. На верхней сторонѣ сохранились два круглыя углубленія, служившія, по всей вѣроятности, для прикрѣпленія фронтона. Надпись, по словамъ г. Косцюшко, вырѣзана крупными буквами (выс. 2″), но неглубоко и чрезвычайно небрежно; вслѣдствіе вывѣтриванія камня она очень сильно пострадала (особенно въ строкахъ 7—9), такъ что нельзя даже снять съ нея эстампажъ. Найдена въ 1893 г. «въ насыпи большаго некрополя у южной оборонительной стѣны, открытаго въ сентябрѣ 1891 г.» Копія г. Косцюшко.

D M	*D(is) M(anibus).*
AVREL	*Aurel(ius)*
VALES	*Vale(n)s*
ETAELIV	*et Aeli[us]*
IVLIVS	*Iulius*
MILITES	*milites*
CH·I·CILI	*c(ohortis) I Cili(cum?),*
QVI MILI	*qui mili(taverunt)*
AN N	*ann[is]*
XVIIII	*XVIIII.*

ными памятниками и о которыхъ мы предполагали, что онѣ вкладывались въ гробницы или урны съ прахомъ усопшихъ, — быть можетъ служили для подобной же цѣли, т. е. вставлялись въ памятники изъ простого камня. Но это предположеніе пока не имѣетъ для себя вполнѣ прочныхъ основаній.

[1]) *Inscr.* P. I, № 222.

[2]) См. W. Pfitzner, Geschichte d. Röm. Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrianus (Leipzig 1881), стр. 152 сл. и 220 сл.

[3]) Dio Cass. 55, 23, 24.

О когортахъ вспомогательныхъ войскъ въ римской арміи ср. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung, т. 2 (2 Aufl. 1884), стр. 468 сл.; Hassencamp, De cohortibus Romanorum auxiliariis, diss. Gotting. 1869; O. Schünemann, De cohort. Rom. auxiliariis, diss. Hal. 1883 (дополненіе къ диссертаціи Гассенкампа).

---

18. Небольшой фрагментъ плиты изъ прекраснаго бѣлаго мрамора, со всѣхъ сторонъ обломанный, съ отполированными поверхностями передней и задней. Буквы надписи выкрашены красной краской и сохранились отчетливо. Плитка найдена въ 1892 г. въ некрополѣ, списана мною лично.

D/\	. . . . . *da* . . . .
ILIT/	..*qui m]ilit[avit annis*..,
꞉NXL¯	*vixit a]n. XL*. . . .

Обломокъ происходитъ отъ надгробія какого-то римскаго воина. Ср. Inscr. P. I n⁰ 222 и предыдущій № 16.

---

19. Обломокъ каменной сильно поврежденной плиты выш. 9″, шир. 5″, выс. буквъ $1^1/_8$″. Копія г. Косцюшко.

L	. . . .
VIT	*qui milita]vit*
SXX	. . *anni]sXX*
TVS	. . . . *tus*
NO	. . . . . . *no*. .
Г	. . . .

Отрывокъ надгробія, подобный предыдущему.

---

20. «Обломокъ плиты изъ мѣстнаго камня, сильно поврежденный, 7″ × 7″ × 4″. Высота буквъ 2″. Найденъ въ насыпи некрополя» (1893). Копія г. Косцюшко.

NIS	. . . *an]nis* . . .
ITAV	. . . *mil]itav[it* . . .
I	. . . . *I*

---

4. Обломки разнороднаго содержанія.

21. Небольшой обломокъ мраморной плиты въ 2″ толщины; слѣва сохранился край. Буквы надписи въ 1-й строкѣ имѣли 1/2″ выс., а въ остальныхъ 1/4″; всѣ онѣ очень стерты. Списана мною въ 1892 г.

...Ι...Λ/	. . . .
ΙΡΟΔΟΤΟΣΑΡΤ	[Ἡ]ρόδοτος Ἀρτ. . . . .
ΝΟΣΑΡΙΣΤΩΝΟ	.νος Ἀρίστωνο[ς . . . . ἐπὶ]
ΧΟΝΤΩΝΤΩΝΓ	ἀρ]χόντων τ[ῶ]ν π[ερὶ. . . . γεν]-
ΟΜΕΝΑΣΥΜΝΑ	ομένας ὕμνα . . . .
ΕΩΣΕΤΟΝΔΑΝ	.έωσε τὸν δ[ᾶ]μ[ον . . . .
ΛΝΤΑΣΘΕΑΣ	. . .]ν τᾶς [θε]ᾶς. . . . .
ΥΟΥ	. . . .

О содержаніи надписи трудно догадаться по сохранившемуся отрывку. По времени она кажется не позднѣе III в. до Р. Хр.

---

22. «Осколокъ отъ мраморнаго пьедестала, 9″ × 9″ × 2″, съ частью углубленія для ногъ статуи». Сохранившіяся буквы надписи читаются на эстампажѣ вполнѣ ясно (выс. 0,015 м.). Найденъ въ 1893 г. въ городищѣ. Издается по эстампажу.

ΒΑΣΙΛΕΥΣ-ΑΣΠΟ	Βασιλεὺς Ἀσπο[ῦργος? . . . .
Ρ ΕΥΩΙ	βασιλ]εύω[ν. . .

Возстановленіе имени воспорскаго царя Аспурга въ херсонисской надписи на первый взглядъ можетъ показаться очень рискованнымъ. Но если мы примемъ во вниманіе положительное и неоднократно повторенное свидѣтельство Стравона[1]) о томъ, что Херсонисъ со временъ покоренія его Миѳридатомъ VI вплоть до его времени (т. е. до 20-хъ годовъ по Р. Хр.) оставался подъ властью царей Воспора, то явится полная возможность допустить существованіе въ Херсонисѣ памятника съ именемъ Аспурга, царствовавшаго на Воспорѣ, по существующимъ предположеніямъ, именно во времена Стравона и немного позже (съ 8 г. до Р. Хр. до 38 по Р. Хр.[2])). Къ сожалѣнію, отъ надписи сохранилась столь незначительная часть, что мы лишены возможности сказать опредѣленно, какого рода былъ этотъ памятникъ. Судя по описанію г. Косцюшко, надпись была вырѣзана на пьедесталѣ статуи; но была-ли это статуя самого Аспурга, поставленная гражданами Херсониса въ благодарность за какое либо благодѣяніе, или статуя какого

---

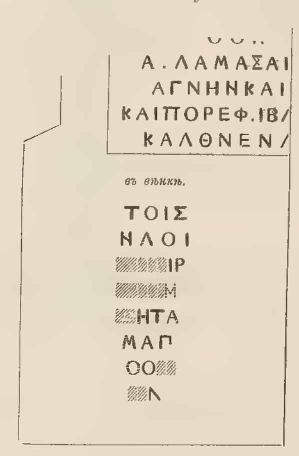
[1]) VII, 4, §§ 3, 5 и 7. Вѣрность этого свидѣтельства неоднократно заподозривалась, но безъ достаточныхъ основаній. Ср. замѣчанія А. Л. Бертье-Делагарда въ *Зап. Од. Общ.* XVI (1893), стр. 68.

[2]) См. *Inscr. P.* vol. II, praef. p. XL.

либо божества или лица, посвященная Аспургомъ, навѣрное сказать нельзя; послѣднее предположеніе представляется, впрочемъ, нѣсколько болѣе вѣроятнымъ потому, что имя Аспурга поставлено въ именительномъ падежѣ, какъ подлежащее, а въ первомъ случаѣ скорѣе можно было бы ожидать падежа винительнаго.

---

23. «Обломокъ плиты, 2 + 9″ × 7″ × 6″, съ вѣнкомъ и слѣдами мелкой надписи внутри его. Выше вѣнка часть четырехугольнаго углубленія, 2,5″ высоты и 5″ ширины, съ мелкой, сильно поврежденной надписью». (Описаніе г. Косцюшко). Слѣва и снизу сохранились края. Найденъ «при планировкѣ мѣстности для возведенія новыхъ батарей въ юго-западной части городища» (въ 1893 г.). Издается по эстампажу.



. . . .
ἀ[λ]λὰ μασα. . .
ἁγνὴν καὶ. . .
καὶ πόρε Φ[ο]ιβ. . .
καλ(ὸ)ν ἐν. . .

Верхняя надпись, очевидно, была метрическая и притомъ, какъ видно изъ расположенія строкъ, состояла изъ элегическихъ двустишій. Надпись въ вѣнкѣ, къ сожалѣнію, такъ плохо сохранилась, что на эстампажѣ можно было разобрать лишь нѣсколько буквъ. По характеру письма надпись можно отнести къ II—I вв. до Р. Хр.

---

24. Мраморная плита, со всѣхъ сторонъ обломанная, выш. 0,11 м., шир. внизу 0,13, толщ. 0,035; передняя и задняя поверхности плитки гладко отполированы; спереди сохранилась часть вѣнка и въ немъ часть надписи римской эпохи. Плитка найдена въ городищѣ. Надпись списана мною.

Ἀγα[θῇ]
τύχῃ.

Повидимому въ вѣнкѣ ничего болѣе не было написано. Ср. подобныя же надписи въ *Inscr. Pont.* II, nn⁰ 314 и 315.

---

25. «Обломокъ мраморной плиты, $2\frac{1}{2}'' \times 1\frac{3}{4}'' \times 1''$. Изъ цистерны въ городищѣ» (1893 г.). Буквы вышиною около 0,01 м. ясно видны на эстампажѣ.

ΣΕΙΣ
ΞΜΕΝ
ΤΟΥ

По незначительной величинѣ буквъ и тщательности ихъ вырѣзки можно предположить, что обломокъ происходитъ отъ какого нибудь декрета.

---

26. Обломокъ плиты, $4'' \times 5'' \times 3{,}5''$. Слѣва, повидимому, сохранился край. Буквы надписи крупныя (выс. 0,03 м.) и хорошо сохранились. Издается по эстампажу.

vac.
ΤΟΝΓ
ΗΡΑΚ

---

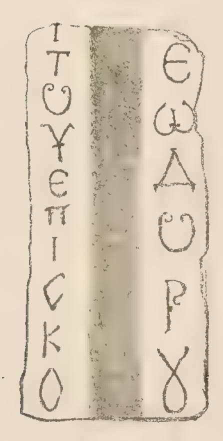
27. «Обломокъ мраморной плиты $4'' \times 3'' \times \frac{1}{2}''$. Изъ насыпи некрополя» (1893). Буквы вышиною 0,025 м. прекрасно читаются на эстампажѣ.

vac
ΕΡΟΝ
ΤΑ

---

5. Надписи византiйской эпохи.

28. Отрѣзокъ древняго двухсторонняго карниза изъ сѣраго мрамора выш. 0,22 м., шир. 0,50, толщ. 0,21. Въ византiйскiя времена поверхность той стороны, которая первоначально была верхнею, по краямъ сглажена и на сглаженныхъ мѣстахъ вырѣзана надпись κιονηδόν (въ два столбца), а средина между столбцами оставлена не сглаженною, шероховатою. Надпись вырѣзана очень тщательно, но неровными буквами: во второмъ столбцѣ онѣ крупнѣе, нежели въ первомъ. Камень найденъ въ 1889 г. въ большомъ храмѣ съ мозаичнымъ поломъ.



[. . . . ὑπὲρ] τοῦ ἐπισκό[που Θ]ε(ο)δ(ώ)ρου.

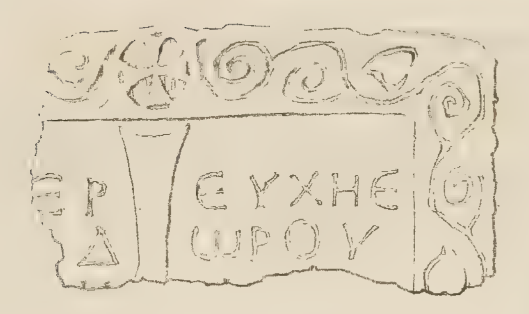
Въ числѣ херсонскихъ святителей упоминается епископъ Θеодоръ, жившiй при Императорѣ Алексѣѣ I Комнинѣ, царствовавшемъ съ 1081 по 1118 годъ[1]). Но, само собою разумѣется, нельзя сказать навѣрное, къ нему ли относится эта надгробная надпись.

---

29. «Обломокъ плиты, 12″ × 6″ × 1½″. Уцѣлѣла верхняя часть рельефно высѣченнаго креста, а сверху и съ правой стороны части плоскаго бордюра съ грубо-вырѣзанными листиками и розеткой, расположенной надъ крестомъ». (Описанiе г. Косцюшко). Найдена весною 1893 г. тамъ же, гдѣ №№ 1 и 2.

---

[1]) «In conventu episcoporum et procerum, in quo Alexio Comneno Imper. Decretum de sacris imaginibus instauratum est, inter episcopos sedebat Theodorus Chersonis, Θεόδωρος Χερσῶνος. Biblioth. Coislin pag. 104». Le Quien, Oriens christ. I, p. 1131—32.



[῾Υπ]ὲρ εὐχῆ(ς)
[Θεο]δώρου
. . . .

30. «Обломокъ карниза 11″ длины. Ширина полосы съ надписью 1,5″. Какъ видно, подобные карнизы съ надписями въ храмахъ были не рѣдки». Найденъ весною 1893 г. тамъ же, гдѣ №№ 1, 2 и 29. Буквы не особенно крупны (около 0,02 м.), но толсты и глубоко врѣзаны.

+ΥΠΕΡϹΩΤΗΡΙΑϹΚ ✠ ῾Υπὲρ σωτηρίας κ[αὶ . . . .

---

31. «Колонка въ 15″ высоты, грубо отесанная, изъ песчанаго камня». Найдена въ 1893 г. при раскопкахъ въ городищѣ. На верхней круглой поверхности колонки изображена неглубокими бороздками слѣдующая фигура (см. рис.). Заштрихованныя части ея попорчены. Вслѣдствіе этой порчи отъ надписи, вырѣзанной довольно крупными (выс. около 0,035 м.), но неровными буквами между краемъ и внутреннимъ кругомъ, сохранились лишь отрывки, не дающіе опредѣленнаго смысла. Издается по эстампажу.

✠ ΝΙΚ ... ΛΝΗ ... ΙΙΡΩΝ ... ΝΟΜ

Въ C. I. Gr. IV, № 8915 изданъ весьма похожій памятникъ христіанской епиграфики: равноконечный крестъ, расширяющійся къ концамъ, въ двойномъ кругѣ, съ неясною надписью

по сторонамъ креста и съ словами «βοήθι π[ά]ν[τ]ας τοὺς εὐχο(μ)ένους ἐν τῇ ἐκλη(σίᾳ)» между краемъ и внутреннимъ кругомъ. Памятникъ изданъ въ «Корпусѣ» по снимку Дюбуа, при которомъ не было отмѣчено мѣсто находки, и пріуроченъ предположительно къ Херсонису Таврическому; но самъ Дюбуа, издавая свою копію въ атласѣ къ «Voyage autour du Caucase» (sér. III, pl. VII, № 5), отмѣтилъ, что надпись находится въ сѣверной стѣнѣ церкви Эчміадзинскаго монастыря[1]). По аналогіи съ этой надписью можно думать, что и вновь найденный херсонисскій памятникъ содержитъ какой-либо молитвенный текстъ; но намъ не удалось возстановить его по немногимъ сохранившимся буквамъ.

---

1) Ср. Помяловскій, Сборникъ греч. и лат. надписей Кавказа, № 142.

II. ВОСПОРСКІЯ НАДПИСИ.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1892 — 94) Керченскій музей древностей отчасти при производившихся разными лицами по порученію Императорской Археологической Коммиссіи раскопкахъ, отчасти благодаря случайнымъ находкамъ или подаркамъ частныхъ лицъ, преимущественно же путемъ покупки у продавцовъ древностей[1]) или мѣстныхъ жителей пріобрѣлъ довольно значительное количество епиграфическихъ памятниковъ. Завѣдывающій музеемъ К. Е. Думбергъ въ своихъ отчетахъ Коммиссіи представлялъ тщательное и подробное описаніе всѣхъ новыхъ пріобрѣтеній и прилагалъ эстампажи всѣхъ надписей и фотографическіе снимки съ наиболѣе интересныхъ памятниковъ; нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія сообщены имъ и въ частныхъ письмахъ ко мнѣ. Всѣ эти матеріалы дали возможность представить въ нижеслѣдующихъ строкахъ подробное описаніе всѣхъ памятниковъ, которыми обогатилась въ послѣдніе годы Воспорская епиграфика. Всѣ надписи прочитаны мною по эстампажамъ и очень многія проконтролированы по фотографіямъ, по которымъ провѣрены и данныя г. Думбергомъ описанія внѣшняго вида памятниковъ.

1. Надписи языческой эпохи.

а) Обломки разнороднаго содержанія.

1. Кусокъ плиты изъ мягкаго известняка (обломанный сверху и снизу) выш. 6 в., шир. $8^3/_4$ в., толщ. $3^1/_4$ в., безъ всякихъ украшеній. Буквы надписи выш. $^5/_8$ в. врѣзаны очень глубоко и сохранили слѣды красной краски. Камень найденъ въ ноябрѣ 1892 г. на сѣверной покатости горы Митридата, близъ стараго кладбища.

ΔΙΟΝΥΣ[...]Ω[...]	Διονύσω[ι
[...]ΑΡΕΙΩΙ	Ἀ]ρείωι.

[1]) Одна изъ надписей, пріобрѣтенныхъ въ 1894 г. у продавца древностей Ермолая Запорожскаго (Τιμόθεε Ἔρωτο[ς], χαῖρε), уже издана нами въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* н. с. т. V стр. 381, n⁰ 201¹.

Надпись по характеру письма представляется не позднѣе IV в. до Р. Хр. и содержитъ въ себѣ свидѣтельство о посвященіи какого-либо дара «Діонису воинственному». Этотъ эпитетъ Діониса принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ: по показанію Брухмана[1]) онъ встрѣчается въ литературѣ только однажды (Orph. h. 30,4) и притомъ безъ собственнаго имени божества. Такимъ образомъ наша надпись даетъ весьма интересное дополненіе къ свѣдѣніямъ о культѣ Діониса, свидѣтельствуя о почитаніи его въ Пантикапэѣ спеціально въ видѣ воинствующаго бога[2]).

---

2. Обломокъ мраморной плиты (нижній правый уголъ), выш. $4\frac{1}{2}$ в., шир. $5\frac{1}{2}$ в., толщ. $\frac{3}{8}$ в. По сообщенію К. Е. Думберга, «судя по просверленнымъ въ краяхъ обломка двумъ отверстіямъ, плита была впущена въ другой, болѣе толстый камень, вѣроятно въ подножіе статуи». Надпись вырѣзана довольно крупными буквами и прекрасно сохранилась. Камень пріобрѣтенъ въ февралѣ 1893 г. у золотыхъ дѣлъ мастера М. Файна, по словамъ котораго найденъ въ одномъ изъ дворовъ близъ стараго православнаго кладбища.

	. . . .
ΛΛΩΗΩ	. . . . μεγ]άλων ὠσ-
ΛΥΡΟΜΑΤΟΥ	. . . . βασιλέως Σα]υρομάτου
ΣΥΝΠΑΡΟΝ	. . . . σ]υνπαρον-
ΣΤΟΝΤΗΣΦΙ	. . . . ς τὸν τῆς φι-
ΛΡΑΤΟΥΒΑΣΙΛΕΩΣ	. . . . π]αρὰ τοῦ βασιλέως
ΣΒΟΑΣΥΠΟΖΥΓΙΟΥΣ	. . . . βόας ὑποζυγίους
ΟΞΗΣΟΑΝΗΡΕΤΥΧΕΝ	. . . . δ]όξης ὁ ἀνὴρ ἔτυχεν.

Надпись, повидимому, имѣла значительные размѣры; къ сожалѣнію, сохранившійся обломокъ на столько незначителенъ, что читающіеся на немъ обрывки строкъ не даютъ возможности опредѣлить содержаніе документа; нельзя рѣшить также, ко времени котораго изъ царей, носившихъ имя Савромата, онъ относится.

---

3. Кусокъ плиты изъ синевато-бѣлаго мрамора, обломанный со всѣхъ сторонъ, выш. $2\frac{3}{8}$ в., шир. 4 в., толщ. $\frac{5}{8}$ в., съ остатками надписи, вырѣзанной тщательно, но неровными буквами (наиб. выс. 0,02 м.). Найденъ (случайно, при добываніи камня) въ августѣ 1894 г. на берегу Азовскаго моря, на мысѣ Зюкъ, близъ деревни Мамá, расположенной вблизи Чокракскаго озера и принадлежащей А. А. Дирину, которымъ и подаренъ въ музей.

---

[1]) Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. Collegit disposuit edidit *C. F. H. Bruchmann.* Leipz. 1893 (Supplem. къ Roscher's Ausf. Lexikon der Griech. und Röm. Mythologie).

[2]) Объ этомъ культѣ вообще ср. *F. A. Voigt* въ Roscher's Lexikon подъ слов. Διόνυσος, ст. 1088.

. . . .
. . . αχον Βαίου, Σα. . .
...῾Ηρ]άκ[λ]ιον Ἄττα, Ἄρδ[αρον? τοῦ δεῖνος...
...Δ]ημήτριον Θάμφ[λα...
...῾Η]ρακλεῖα Δημητ[ρίου...
...ου.... ον...

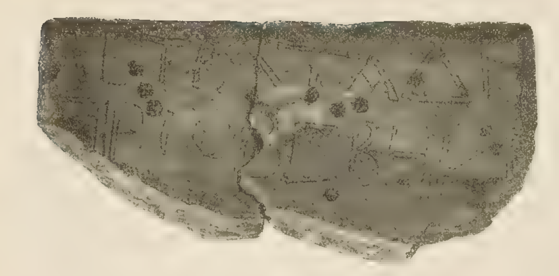
Мы имѣемъ предъ собою отрывокъ списка лицъ, названныхъ по именамъ и отчествамъ, при чемъ имена поставлены въ винительномъ падежѣ. Въ *Inscr. P.* II уже издано нѣсколько подобныхъ же списковъ, найденныхъ въ Керчи и ея окрестностяхъ (nn⁰ 55 — 59) и въ Анапѣ (nn⁰ 402 — 418); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (nn⁰ 58 и 59) имена лицъ поставлены также въ винительномъ падежѣ или въ перемежку съ именительнымъ (n⁰ 57). При изданіи этихъ списковъ намъ не удалось съ полной точностью опредѣлить, всѣ-ли они однородны и для какой цѣли были составляемы; но на основаніи встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ названій должностныхъ лицъ религіозныхъ обществъ (ѳіасовъ), которыя, какъ извѣстно, въ римскую эпоху были широко распространены на Воспорѣ и въ Танаидѣ, можно было предполагать, что это были списки членовъ этихъ общетвъ. Въ настоящее время предположеніе это вполнѣ подтвердилось нѣсколькими новыми обломками, которые были найдены въ Анапѣ въ минувшемъ году и будутъ изданы ниже. Къ этому-же виду епиграфическихъ памятниковъ можно предположительно отнести и вновь найденный обломокъ.

Что касается до записанныхъ на обломкѣ именъ, то Βαῖος встрѣчается въ миѳологіи (см. словарь Папе-Бензелера), ῾Ηράκλειος представляетъ собою довольно обычное имя и написаніе ῾Ηράκλιος въ римскія времена, къ которымъ долженъ быть отнесенъ обломокъ по характеру письма, является вполнѣ естественнымъ; относительно ῾Ηρακλεῖα въ стр. 4 скорѣе можно предположить, что оно написано вмѣсто ῾Ηρακλέα, чѣмъ думать о женскомъ имени ῾Ηράκλεια. Имя Θάμφλας встрѣчается на вновь найденныхъ въ Анапѣ обломкахъ (см. ниже).

Относительно мѣстности, въ которой найденъ обломокъ, г. Думбергъ сообщаетъ: «Старожилы говорятъ, что на мысѣ Зюкъ были остатки городскихъ стѣнъ. Разнаго рода древности, монеты, черепки и т. п. доказываютъ, что это мѣсто, имѣющее очень выгодное положеніе на высокой скалѣ, было въ древности населено. Профессоръ Ю. А. Кулаковскій и землевладѣлецъ А. А. Диринъ лѣтомъ 1894 г. производили здѣсь раскопки и нашли несомнѣнно греческія гробницы». Всѣ эти данныя очень сильно подтверждаютъ существующее предположеніе, что въ этой именно мѣстности находилось древнее селеніе ῾Ηράκλειον, упоминаемое у Стравона (XI p. 494) и Птолемэя (III, 6, 4).

---

4. Верхняя часть плиты изъ известняка, разбитая пополамъ, выш. 6 в., шир. 14 в., толщ. $2^1/_2$ в. На ней выцарапана надпись крупными (выш. $1^1/_2$ в.), но некрасивыми буквами, состоящими по большей части изъ двойныхъ штриховъ. Камень купленъ въ ноябрѣ 1892 г. у М. Файна, по словамъ котораго найденъ на Глиницѣ.



Ἄστρα τὰ δὴ | πρ(ο)βέβηκε. . .

Ср. Ом. *Ил.* X, 252: ἄστρα δὲ δὴ προβέβηκε. . . Трудно сказать, съ какою цѣлью вырѣзана на камнѣ эта реминисценція изъ Иліады; но, принимая во вниманіе характеръ буквъ, мнѣ кажется, скорѣе всего слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на ученическое упражненіе.

---

5. Обломокъ плиты изъ бѣлаго мрамора выш. $9^1/_2$ в., шир. $7^1/_3$ в., толщ. $2^3/_4$ в. На немъ сохранились остатки надписи позднихъ римскихъ временъ, сильно избитой и изгладившейся. Купленъ у продавца древностей Ермолая Запорожскаго въ августѣ 1893 г.

НТ
ΠΟΧΙΕΠ
ΡΥΛΩΝ
CΙΟΙΙΤ
ΓΑΘΗΝC
—

---

6. «Обломанный съ трехъ сторонъ кусокъ бѣлаго мрамора (отъ подножія статуи?) выш. 5 в., шир. 4 в., толщ. 4 в.» (Думбергъ). Сохранившіяся буквы имѣютъ $^3/_4$ в. вышины. Купленъ въ маѣ 1892 г. у керченскаго мѣщанина В. Шулина.

Κ/
ΙΦ
ΜΤ

б) Надгробныя надписи.

7. Обломокъ надгробія изъ твердаго известняка выш. 1 арш. 5 в., шир. $11^{3}/_{4}$ в., толщ. 3 в. Отъ рельефа, которымъ было украшено надгробіе, сохранились только четыре лошадиныя копыта; можно думать, что онъ изображалъ всадника на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ влѣво. Подъ рельефомъ была тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись въ 8 строкъ, изъ коихъ первыя 4 вырѣзаны болѣе крупными буквами (выш. 1 в.), нежели послѣднія (выш. $^{5}/_{8}$ в.). Теперь надпись сильно попорчена съ лѣвой стороны. Въ нижней части плиты находятся два знака, одинъ въ формѣ ╳, другой въ формѣ большой буквы Χ. Камень пріобрѣтенъ въ маѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΣΙ ΟΔΟΣΗΠΕΡΙΜΑ	[῾Η] σ[ύν]οδος ἡ περὶ Μά-
∠Τ/ ΛΙΗΔΙΣΤΟΝ	[σ]τ[αρον καὶ] ῞Ηδιστον
ΑΙΗΛ ΕΝΗ ΝΚΑΙΙΛΑ	[κ]αὶ ῾Η[δυγ]ένην καὶ ῾Ιλα-
ΙΑΝΑΙΤ ΙΝΛΟΙΠΩΝΘΙ	[ρίων]α καὶ τ[ῶ]ν λοιπῶν θι-
ΑϹ Ν ΜΑΚΑΡΙΟΝΕΡ	ασ[ιτῶ]ν Μακάριον ῾Ερ-
ΟΥΣΤΟΝΕΑΥΤΙ ΙΝ	[μογέν]ους τὸν ἑαυτῶν
ΣΥΝΑΓΩΓΟΝ	συναγωγόν
ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ	μνήμης χάριν.

Въ *Inscr. P.* II, nn° 60—65 и 365 и въ *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. VII (н. с.), стр. 90, n° 365[1], нами уже издано восемь надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ отъ имени религіозныхъ обществъ въ память усопшихъ ихъ членовъ; девятый подобный же памятникъ издается ниже подъ № 8. Разсматриваемое теперь надгробіе интересно тѣмъ, что поставлено надъ могилою одного изъ должностныхъ лицъ общества, носившаго названіе συναγωγός [1]). Поименованныя въ надписи лица представляютъ собою остальной служебный персоналъ общества, при чемъ должность каждаго изъ нихъ не названа, вѣроятно, для краткости. Сравнивая порядокъ, въ которомъ записаны эти лица, съ надписями, въ которыхъ должности поименованы, можно думать съ нѣкоторою вѣроятностью [2]), что Μάσταρος былъ ἱερεύς общества, ῞Ηδιστος—его φιλάγαθος, ῾Ηδυγένης—παραφιλάγαθος и ῾Ιλαρίων—γραμματεύς или πραγματᾶς. Имя Μάσταρος возстановлено на основаніи *Inscr. P.* II, nn° 174 и 175, въ которыхъ оно читается въ формѣ Μασταροῦς; возстановить нерѣдко встрѣчающееся въ воспорскихъ надписяхъ имя Μαστοῦς мы не рѣшились потому, что въ началѣ 2-й строки послѣ буквы Τ довольно ясно замѣтна косая чер-

---

[1]) Прекрасную аналогію представляетъ найденная въ 1894 г. въ одной изъ керченскихъ гробницъ и еще не изданная золотая пластинка съ надписью отъ имени религіознаго общества въ честь другаго должностнаго лица — παραφιλάγαθος διὰ βίου. О должностныхъ лицахъ обществъ см. *Inscr. P.* II, замѣчаніе къ n° 60.

[1]) Съ полною увѣренностью нельзя сказать, что именно таково было распредѣленіе должностей въ данномъ обществѣ, такъ какъ въ разныхъ надписяхъ встрѣчаются разныя должностныя лица.

точка, не могущая принадлежать буквѣ О. Остальныя имена уже встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ кромѣ Ἡδυγένης, котораго нѣтъ и въ словарѣ Папе-Бензелера. По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена ко II в. по Р. Хр.

---

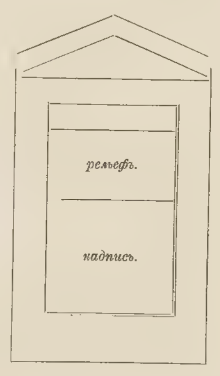
8. Обломанная снизу плита изъ сильно вывѣтрившагося мягкаго известняка безъ всякихъ украшеній, выш. 1 арш. $7^1/_3$ в., шир. $12^1/_2$ в., толщ. $4^1/_3$ в. Надпись, довольно тщательно вырѣзанная по линейкамъ (выс. буквъ около 1 в.), мѣстами совершенно вывѣтрилась. Плита подарена въ ноябрѣ 1892 г. купцомъ Букзелемъ, по словамъ котораго найдена въ Керчи (но гдѣ именно, не сказано).

Η C ᐠ N . . . OCΗΠЄΡΙΦΙ	Ἡ σ[ύ]ν[οδ]ος ἡ περὶ Φι-
. OΞCNO . . YNΑΓΩ	[λ]όξ[ε]νο[ν σ]υναγω-
. . . ΙΚ . . \ . ΛΤΟΝΦΙ	[γὸν] κ[αὶ Ἄρα?]τον φι-
ΛΑΓΑΘΟΝ‹ΛΙΦΙΛΠ	λάγαθον [κα]ι Φίλ[ισ]-
ΤΟΝΙΙΑ . . . . ΆΘΟ	τον [παραφιλάγ]αθο-
N . . . . . ΜΝΗC . ON	ν [καὶ Θεό?]μνησ[τ]ον
ΓΡΑ . . Α . . . . . . ΟΙ	γρα[μμ]α[τέα καὶ] οἱ
ΛΟ . . . . ΟΙΛCΙΤΑΙ	λο[ιποὶ θ]ιασῖται
. . . . . . Ο. . . \ΤΟΥ	[τὸν δεῖνα . . . . ά]του
. . ΡΙΝ	[μνήμης χά]ριν.

См. объясненіе къ предыдущей надписи.

---

9. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ твердаго известняка выш. 1 арш. 10 в., шир. 12 в., толщ. $3^1/_2$ в., книзу слегка расширяющееся. Вверху украшено простымъ фронтономъ, отъ акротеріевъ котораго остались только слѣды. Средина четырехугольной части камня подъ фронтономъ углублена такъ, что края камня со всѣхъ четырехъ сторонъ образуютъ широкую рамку (снизу она шире, нежели сверху и съ боковъ). Все это углубленіе раздѣлено на 3 неравныя части, изъ коихъ верхняя, самая узкая, оставлена пустою, въ средней находится рельефъ, а въ нижней—надпись. (См. прилагаемый очеркъ общаго вида камня). Рельефъ представляетъ пять стоящихъ лицомъ къ зрителю фигуръ: посрединѣ мужскую, по бокамъ двѣ женскія и двѣ дѣтскія. Мужчина одѣтъ въ короткій хитонъ и хламиду, женщины—въ хитоны и иматіи, дѣти—въ хитоны. Мужчина подаетъ правую руку стоящей влѣво отъ него женщинѣ, а лѣвую держитъ на груди; женщина вправо стоитъ въ обычной «задумчивой» позѣ. Надпись вырѣзана довольно небрежно и частію стерта (выс. буквъ $^3/_8$ в.). Камень пріобрѣтенъ въ августѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго.



ΦΑΡΝΑΚΗΣ ΟΠΛΩΝΟΣ	Φαρνάκης Ὅπλωνος
ΚΑΙΓΥΝΗΜΗΤΡΟΦΙΛΑ	καὶ γυνὴ Μητροφίλα
ΚΑΙ ΘΥΓΑΤΗΡΠΑΡΘΕΝΑ	καὶ θυγάτηρ Παρθένα
ΚΑΙΥΙΟΙΦΑΡΝΑΚΗΣΚΑΙ	καὶ υἱοὶ Φαρνάκης καὶ
ΥΨΙΓΟΝΟΣ ΧΑΙΡΕ–	Ὑψίγονος, χαίρε[τε].

Всѣ имена кромѣ Ὅπλων уже извѣстны въ воспорской епиграфикѣ. Надпись принадлежитъ, конечно, къ римскимъ временамъ.

---

10. Сверху и снизу обломанное и разбитое на 2 части надгробіе изъ твердаго известняка (дикаря), выш. 2 арш $2^1/_2$ в., шир. 1 арш. $2^1/_2$ в., толщ. $5^1/_2$ в. На немъ сохранились два рельефа грубой работы, изъ коихъ верхній представляетъ всадника (съ отбитою головой) съ лукомъ въ колчанѣ у лѣваго бока, въ хламидѣ и короткомъ хитонѣ, сидящаго на спокойно стоящемъ (обращенномъ влѣво отъ зрителя) конѣ, за которымъ виденъ до половины другой конь (находившійся на немъ всадникъ совершенно уничтоженъ); передъ первымъ конемъ стоитъ мальчикъ (нынѣ попорченный) съ сосудомъ въ рукахъ. Такая же композиція повторена и на нижнемъ, лучше сохранившемся рельефѣ, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, изъ коихъ главное состоитъ въ томъ, что лошади обращены вправо отъ зрителя. Ниже надпись, вырѣзанная по линейкамъ крупными (выш. $1^1/_4$ вершка) и довольно красивыми буквами. Плита служила крышкою разоренной гробницы на сѣверной покатости горы Митридата, недалеко отъ татарскаго кладбища; вмѣстѣ съ нею найдено (въ январѣ 1892 г.) еще 20 обломковъ, принадлежащихъ несомнѣнно тому же надгробію и составлявшихъ третій (самый верхній) рельефъ съ изображеніемъ такъ называемаго «погребальнаго пира»; къ сожалѣнію многихъ кусковъ его недостаетъ; по мнѣнію г. Думберга, вышина всего надгробія съ (недостающимъ) акротеріемъ и (отбитымъ) нижнимъ клиномъ была больше 4 аршинъ.

ΑΘΗΝΙΕΥΙΕΜΕΙΝΑΚΑΙ	Ἀθήνιε υἱὲ Μ(η)νᾶ καὶ
ΓΥΝΗΑΡΕΤΕΚΑΙΥΙΟΙ	γυνὴ Ἀρέτ(η) καὶ υἱοὶ
ΘΕΟΦΙΑΕ ΚΑΙΜΗΝΙΕ	Θεόφι(λ)ε καὶ Μήνιε,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Въ словахъ Μηνᾶ и Ἀρέτη рѣзчикъ сначала поставилъ Ε вмѣсто Η, но потомъ самъ исправилъ свою ошибку. Надпись относится къ римскимъ временамъ, но не особенно позднимъ.

---

11. Нижняя часть надгробія изъ твердаго известняка, внизу обрѣзанная для вставки въ постаментъ, выш. 14 в., шир. $12^1/_4$ в., толщ. $3^1/_2$ в. Отъ рельефа сохранилась только самая нижняя часть, по которой можно заключить, что рельефъ изображалъ сидящую въ креслѣ фигуру. Вырѣзанная подъ рельефомъ надпись римскихъ временъ сохранилась порядочно за исклю-

ченіемъ конца 3-й строки; буквы исполнены довольно тщательно, высота ихъ=$^5/_8$ в. Камень купленъ въ августѣ 1893 г. у Е. Запорожскаго.

ΠΡΩΤΟΓΕΝΗΣΚΑΙΘΕΟ	Πρωτογένης καὶ Θεο-
ΝΕΙΚΗΚΑΙΕΡΜΟΔΩΡΟΣ	νείκη καὶ Ἑρμόδωρος
ΚΑΙΦΑΡΝΑΚΗΣ▨▨ΕΞ◌	καὶ Φαρνάκης, [παῖδ]ε[ς]
ΕΡΜΗΤΟΣΧΑΙΡΕΤΕ	Ἕρμη(τ)ος, χαίρετε.

На фотографіи и на эстампажѣ въ концѣ 3-й строки замѣтны слѣды буквъ, но настолько попорченные и перепутанные между собою, что трудно уловить опредѣленныя буквы; можно предположить, что первоначально написанное здѣсь слово было затѣмъ слегка выскоблено и сверху вырѣзано другое. Въ строкѣ 4-й въ пятой буквѣ отъ начала слѣдуетъ, кажется, видѣть **Т**, исправленное изъ первоначально вырѣзанной буквы **Н**. Форма род. пад. Ἕρμητος отъ Ἑρμῆς встрѣчается въ C. I. Gr. IV, n° 8563. Подобнымъ образомъ у позднихъ писателей нерѣдко встрѣчается форма Θάλητος, какъ genet. къ Θαλῆς (см. *Pape-Benseler*, Wörterb. d. Griech. Eigenn. s. v.).

---

12. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикаря» выш. 1,06 м., шир. 0,49, толщ. 0,17, вверху украшенное тремя розетками на передней сторонѣ и одной на лѣвой боковой. Находящаяся непосредственно подъ розетками надпись вырѣзана довольно крупными (выш. 0,03) буквами, но сильно вывѣтрилась, такъ что буквы едва замѣтны на фотографіи. Куплено гр. Бобринскимъ въ 1891 г. у Е. Запорожскаго[1]).

ΑΡΜΑΛΗΣΔΗ/▨	Ἀρμά[δ]ης, Δη[μ]-
ΗΤΡ▨ΑΡΜΑΔΟΥ	ητρ[ία] Ἀρμάδου
ΓΥΝΗ.ΟΥΔΙΣΑΡΜΑ	γυνή, .ουδις Ἀρμά-
Δ◌ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΗΑΡΜΑΛΟ	δο(υ), Ἀρτεμιδώρη Ἀρμά[δ]ο(υ).

По формѣ буквъ надпись не позднѣе III в. до Р. Хр.

---

13. Разбитое на двѣ части и обломанное снизу надгробіе изъ твердаго известняка выш. 2 арш. 8 в., шир. $12^3/_8$ в., толщ. около 4 в. Вверху украшено карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями, двумя розетками между ними и щиткомъ посрединѣ фронтона. Подъ нимъ идетъ довольно широкій фризъ, украшенный пятью розетками, изъ коихъ три на передней поверхности и двѣ по бокамъ. Далѣе, въ двухъ находящихся одно надъ другимъ четырехугольныхъ (почти квадратныхъ) углубленіяхъ, раздѣленныхъ узкою полосою, довольно тщательно изваяны рельефы, нынѣ попорченные. Верхній представляетъ «погребальный пиръ»: на

[1]) Фотографическіе снимки съ этого камня и съ n° 20 были получены нами еще въ 1891 г., но не могли быть изданы своевременно вмѣстѣ съ другими въ 9 выпускѣ «Матеріаловъ по арх. Россіи». Эстампажей этихъ надписей мы не имѣли въ рукахъ.

покрытомъ подушками ложѣ съ высокимъ изголовьемъ полулежитъ одѣтый въ хитонъ мужчина, держащій въ обѣихъ рукахъ сосуды; передъ ложемъ стоитъ низенькій столикъ, уставленный сосудами, а за изголовьемъ — мальчикъ. Съ другой стороны въ креслѣ съ точеными ножками сидитъ женщина, одѣтая въ хитонъ и иматій, въ обычной задумчивой позѣ, поставивъ ноги на скамеечку. Около кресла стоитъ дѣвочка съ урною въ рукахъ.—Нижній рельефъ изображаетъ двухъ стоящихъ воиновъ въ короткихъ хитонахъ и хламидахъ, изъ коихъ одинъ (вправо для зрителя) правою рукою опирается на длинное копье и лѣвою прикрывается щитомъ продолговатой формы, а другой опирается лѣвою рукою на четырехугольную колонку, къ которой сбоку прислоненъ овальный щитъ. Подъ рельефомъ находится надпись римскихъ временъ, довольно тщательно вырѣзанная по линейкамъ, но мѣстами сильно попорченная (выс. буквъ $^5/_8$ в.). Памятникъ купленъ въ августѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΑΠ... ΛΛ..Ν ... ΥΝΗ	Ἀπ[ο]λλων[ία γ]υνὴ
ΑΓΑ... ..ΙΥΙ..ΙΑΤΤΑ	Ἀγά[θου κ]αὶ υἱ[ο]ὶ Ἄττα
... ΚΑΙΕΡΩΣΧΑΙΡΕΤΕ	[κ]αὶ Ἔρως, χαίρετε.

---

14. Обломанное сверху надгробіе изъ твердаго известняка («дикаря»), выш. 1 арш. $9^1/_2$ в., шир. 10 в., толщ. $3^1/_4$ в. Подъ совершенно отбитымъ рельефомъ (уцѣлѣлъ только подолъ длинной женской одежды) прекрасно сохранилась надпись, вырѣзанная красивыми буквами выш. $^5/_8$ в., въ углубленіяхъ которыхъ сохранились еще слѣды красной краски. Куплено въ ноябрѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΑΓΑΘΟΝ	Ἀγαθὸν
ΓΥΝΗΔΙΟΝΥΣΙΟΥ	γυνὴ Διονυσίου,
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.
ΗΔΥΒΙΕ ΗΔΥΒΙΟΥ	Ἡδύβιε Ἡδυβίου,
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

Надпись представляется намъ не позднѣе I в. по Р. Хр.

---

15. Надгробіе изъ твердаго известняка, сверху обломанное, а внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 12 в., шир. $6^1/_4$ в., толщ. $2^3/_4$ в. Въ верхней части памятника почти вполнѣ сохранился рельефъ, изображающій мужчину въ хитонѣ и иматіи, стоящаго лицомъ къ зрителю (голова отбита) и влѣво отъ него—также стоящаго en face мальчика. Фонъ рельефа былъ покрытъ голубою краскою, а на одеждахъ обѣихъ фигуръ замѣтны слѣды розовой. Надпись вырѣзана по линейкамъ (выс. буквъ $^1/_2$ в.) и кое-гдѣ вывѣтрилась. Куплено въ ноябрѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго; мѣсто находки не показано.

ΑΝΤΙΣΘΕΝΗΠΑΤΑ	Ἀντισθένη Πατα-
ΣΙΟΥΚΑΙΠΤΟΛΕΜΑΙ	σίου καὶ Πτολεμα[ῖ]ε
ΕΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ	Ἀπολλωνίου,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

По характеру письма надпись представляется не позднѣе I в. до Р. Хр. Съ именемъ Πατάσιος ср. Ποτάσιος въ *Inscr. P.* II, n° 128[1] (add.). О формѣ зват. падежа Ἀντισθένη ср. тамъ же замѣчаніе къ n° 189.

---

16. Надгробіе изъ мягкаго, сильно вывѣтрившагося известняка, сверху обломанное, выш. 1 4¾ в., шир. 11 и толщ. 2½ в. Отъ рельефа сохранилась только нижняя часть, на которой слѣва (для зрителя) виденъ подолъ длиннаго женскаго платья, а правѣе—ноги и часть одежды мужчины. По сообщенію г. Думберга «на одеждахъ замѣтны слѣды розовой, а между ногами мужчины слѣды голубой краски. Небрежно вырѣзанная надпись сильно вывѣтрилась. Выш. буквъ ⅝ вершка». Куплено въ ноябрѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΑΝΤΙΦΙΛΕ ΥΙΕ ΔΙΟ	[Ἀντ]ίφιλ[ε] υἱὲ Διο-
ΜΕ Δ ΟΥ ΚΑ ΘΥΓΑ	μ[ή]δου καὶ θυγ[ά]-
ΤΡΗΨΥΧΑΡ ΟΝ	τ[ηρ] Ψυχάρ[ι]ον,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Чтеніе надписи какъ по фотографіи, такъ и по эстампажу настолько затруднительно, что мы не можемъ ручаться за его точность.

---

17. Надгробіе изъ мягкаго вывѣтрившагося известняка, внизу обломанное, выш. 1 арш. 4½ в., шир. 9¾ в., толщ. 3 в. Вверху украшено, подъ узкимъ карнизомъ, рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками. Подъ фронтономъ въ углубленіи изображена рельефомъ стоящая en face женщина въ хитонѣ и иматіи, накинутомъ на голову, съ опущенной лѣвой рукой и положенной на грудь правой, и вправо отъ нея (для зрителя) стоящій тоже en face юноша въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ. Надпись римскихъ временъ вырѣзана довольно небрежно, но сохранилась недурно (выш. буквъ ¾ в.). Найдено въ мартѣ 1892 г. во дворѣ керченскаго мѣщанина Дем. Вербицкаго по Карантинному шоссе, рядомъ съ дачею Ѳ. И. Гросса.

ΑΡΕΣΚΟΥΣΑΑΔΕΛ	Ἀρέσκουσα ἀδελ-
ΦΗΠΙΣΤΟΥΚΑΙ	φὴ Πίστου καὶ
ΑΔΕΛΦΕΟΣΙΕ	ἀδελφε Ὅσιε,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Въ воспорской епиграфикѣ встрѣтилось уже нѣсколько случаевъ, въ которыхъ на надгробныхъ памятникахъ названы *братья* погребенныхъ лицъ[1]); причину этой особенности, мнѣ

[1]) См. *Inscr. P.* II, nn° 97, 115, 138, 372.

кажется, скорѣе всего можно видѣть въ томъ, что эти братья, оставшіеся въ живыхъ, принимали на себя расходы по погребенію почившихъ и постановкѣ имъ памятниковъ. Подобнымъ образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять и тѣ случаи, когда на памятникахъ поименованы *сыновья* погребенныхъ [1]).

---

18. Надгробіе изъ твердаго известняка («дикаря»), сверху обломанное, а внизу срѣзанное въ видѣ клина для вставки въ постаментъ, выш. 2 арш. 6 в., шир. $12^1/_4$ в., толщ. $3^1/_2$ в. Отъ рельефа сохранилась нижняя часть женской фигуры въ длинномъ одѣяніи, сидящей въ креслѣ (вправо отъ зрителя) съ подушками и точеными ножками, со скамеечкою подъ ногами, и по обѣимъ сторонамъ кресла фигуры стоящихъ дѣвочекъ въ длинныхъ одеждахъ, при чемъ стоящая направо дѣвочка держитъ въ рукахъ сосудъ. На одеждѣ женщины сохранились слѣды голубой краски. Подъ рельефомъ находится надпись римской эпохи, тщательно вырѣзанная по линейкамъ и превосходно сохранившаяся (выш. буквъ 1 в.). Внизу, на клинѣ сохранилось 6 буквъ отъ другой, очевидно болѣе древней надписи.

Камень купленъ въ маѣ 1892 г. у керченскаго мѣщанина Леонтія Демиденко, по словамъ котораго найденъ на южной покатости горы Митридата.

Ἀριαράθη<ι> Φιλο-
μήλου καὶ θυγά-
τηρ Μακαρία,
χαίρετε.

---

19. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ «дикаря» выш. 1 арш. 4 в., шир. $9^1/_4$ в., толщ. $2^3/_4$ в., съ рельефами и надписями на обѣихъ сторонахъ. Найдено тамъ же, гдѣ № 17.

---

[1]) Ibid. nn⁰ 66 (Δασχᾶς μήτηρ Θεομνήστου κτλ.), 109 (Σαβίων πατὴρ Ἀπολλωνίδου καὶ Παιρισάδου καὶ μήτηρ Χρήστη), 115.

На одной сторонѣ, лучше сохранившейся, изваяна въ углубленіи группа, состоящая изъ 3 фигуръ. Влѣво отъ зрителя женщина въ хитонѣ и иматіи, накинутомъ на голову, въ задумчивой позѣ сидитъ въ креслѣ съ подушками и точеными ножками, со скамеечкою подъ ногами. Передъ женщиною стоитъ молодой воинъ въ короткомъ хитонѣ и застегнутой на правомъ плечѣ хламидѣ, облокотившись лѣвою рукою о край стоящаго на землѣ щита и скрестивъ ноги. За кресломъ женщины стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ, съ сосудомъ въ рукахъ. Весь рельефъ отличается чистою, тщательною работою и хорошо сохранился; особенно хороша фигура сидящей женщины. Надпись вырѣзана красивыми буквами выш. $^5/_8$ вершка. Надпись на другой сторонѣ см. ниже подъ № 36.

ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΙΑΓΥΝ ΗΒΑΣΤΑΚΑΙΑΔΕΛ ΦΕΚΟΛΛΙΩΝΧΑΙΡΕ ΤΕ	Καλλισθενία γυν|ή Βάστα καὶ ἄδελ- φε Κολλίων, χαίρε- τε.

Имя Βάστας еще не встрѣчалось въ воспорскихъ надписяхъ. У Лукіана (*Pseudol.* 3) упоминается одинъ Хіосецъ, носившій это имя.

---

20. Вполнѣ сохранившееся, но разбитое посрединѣ на 2 части надгробіе изъ «дикаря» выш. 0,92 м., шир. 0,51, толщ. 0,15. Сверху украшено простымъ фронтономъ съ розеткою, а подъ нимъ въ углубленіи изображены двѣ женщины въ длинныхъ одѣяніяхъ и мужчина въ иматіи; всѣ они стоятъ en face, правыя руки мужчины и одной изъ женщинъ соединены въ пожатіи. Подъ рельефомъ вырѣзана довольно крупными (0,03) буквами римской эпохи надпись, къ сожалѣнію очень плохо сохранившаяся и едва замѣтная на фотографіи. Камень купленъ гр. Бобринскимъ въ 1891 г. у Тульмана, хранится въ «Царскомъ курганѣ».

▨ΟΣΟΥ▨ΑΡΙΕΟΥΣ ΚΑΙ-Γ▨ΝΗ·ΙΚΑΛΛΙ ▨ΑΙΡΕΤΕ	[Κ]οσοῦ[ς] Ἀριέους καὶ γ|υ\]νὴ‹ι› Καλλί- [στη?, χ]αίρετε.

Имя Κοσσοῦς или Κοσοῦς (чаще встрѣчается съ двумя σ) было весьма употребительно на Воспорѣ и въ Танаидѣ въ римскія времена. Съ формою род. п. Ἀριέους ср. Φαννέους *Inscr. P.* II, 203, Τιλλέους *ibid.* 66[1].

---

21. Надгробіе изъ твердаго известняка, внизу стесанное съ боковъ для вставки въ постаментъ, выш. 1 арш. $4^3/_4$ в., шир. $10^3/_4$ в., толщ. $2^1/_2$ в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и столькими-же розетками, изъ коихъ двѣ находятся между акро-

теріями, а третья посрединѣ фронтона. Въ углубленіи подъ фронтономъ изображены рельефомъ двѣ стоящія фигуры: справа (для зрителя) молодой воинъ, одѣтый въ короткій хитонъ и хламиду, съ копьемъ въ правой и овальнымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, а слѣва—женщина въ длинномъ хитонѣ и наброшенномъ на голову иматіи. Работа рельефа, по словамъ г. Думберга, довольно грубая, лица попорчены. Подъ рельефомъ довольно тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскихъ временъ, сохранившаяся почти цѣликомъ (выс. буквъ ½ в.). Памятникъ купленъ въ іюнѣ 1894 г. у Керченскаго мѣщанина Сп. Колковскаго.

ΜΙΚΛΑΙΝΗ ΓΥΝΗΒΑ	Μιϰλαίνη γυνὴ Βα-
ΣΙΑΕΙΔΟΥ ΚΑΙΥΙΕ	σι(λ)είδου ϰαὶ υἱὲ
ΜΟΚΚ▨ΟΥΧΑΙΡΕΤΕ	Μοϰ[χ]οῦ, χαίρετε.

Женское имя Μιϰλαίνη доселѣ не встрѣчалось на Воспорѣ, что же касается до мужскихъ именъ Βασιλείδης и Μοϰϰοῦς, то они уже извѣстны изъ ранѣе изданныхъ нами надписей [1]).

---

22. Вполнѣ сохранившееся надгробіе грубой работы изъ мягкаго известняка выш. 1 арш. 2 в., шир. 9¾ в., толщ. 4¼ в., украшенное вверху карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и двумя розетками между ними. Подъ фронтономъ въ углубленіи изображены рельефомъ стоящіе en face мужчина въ хитонѣ и женщина въ длинномъ хитонѣ и наброшенномъ на голову иматіи, подающіе другъ другу правыя руки; слѣва отъ женщины стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Лица всѣхъ трехъ фигуръ сильно попорчены. Подъ рельефомъ читается надпись римскихъ временъ, небрежно высѣченная и сильно вывѣтрившаяся. Памятникъ купленъ въ августѣ 1893 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΠΑ▨ΙΩΝΚΑΙΓΥΝΗΚΑΜ▨	Πα[σ]ίων ϰαὶ γυνὴ Καλλ[ι]-
ΣΤΡΑΤΕΙΑΧΑΙΡΕΙΤΕ	σ̣τ̣ράτεια, χ̣αίρε(ι)τε.

---

23. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ твердаго известняка («дикаря»), книзу постепенно расширяющееся, выш. 1 арш. 11¾ в., шир. 11½ в., толщ. 2¼ в. Сверху украшено фронтономъ съ тремя акротеріями, внизу срѣзано съ боковъ для вставки въ постаментъ; на фронтонѣ сохранились слѣды красной краски. Подъ фронтономъ аккуратно вырѣзана вполнѣ сохранившаяся, но немного вывѣтрившаяся надпись (выс. буквъ ½ в.). Пріобрѣтено въ ноябрѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго.

---

[1]) Относительно чтенія второго имени г. Думбергъ замѣчаетъ: «трудно сказать, какъ слѣдуетъ читать, Μοϰϰου или Μοϰμου. Кажется, что послѣднее вѣрнѣе». Намъ, при внимательномъ разсмотрѣніи фотографіи и эстампажа, показалось, что попорченную букву вполнѣ возможно принять и за Κ, и потому мы предпочли возстановить уже извѣстное имя.

ΤΙΒΗΣΟΥΟΣ	Τίβης ὁ ὑός·
ΝΑΝΑΤΙΒΕΙΟΓΥΝΗ	Νάνα Τιβείο(υ) γυνή.

По характеру письма надпись скорѣе всего можно было бы отнести къ III в. до Р. Хр., но правописаніе Τιβείο заставляетъ думать даже о IV вѣкѣ. Женское имя Νάνα уже встрѣчалось на Воспорѣ (*Inscr. P.* II, n° 115; *Мат. по арх. Россіи* № 9, стр. 48, n° 4). Имя Τίβειος (впрочемъ въ формѣ Τίβιος) неоднократно встрѣчается у Стравона и Лукіана; послѣдній охотно называетъ имъ рабовъ [1]). Согласно съ этимъ Стефанъ Византійскій свидѣтельствуетъ, что Тибіями называли рабовъ отъ мѣстечка Τίβιον во Фригіи [2]). Τίβης, быть можетъ, представляетъ побочную форму того-же имени. Τίβης ὁ ὑός, по всей вѣроятности, поставлено вмѣсто Τίβης Τιβείο(υ) ὑός для того чтобы не повторять дважды одно и то же имя (при именахъ сына и жены).

---

24. Надгробіе изъ вывѣтрившагося мягкаго известняка выш. 1 арш. $9\frac{1}{2}$ в., шир. 12 в., толщ. $2\frac{3}{4}$ в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ 2 акротеріями и 3 розетками. Въ углубленіи подъ фронтономъ изображены рельефомъ четыре стоящія лицомъ къ зрителю фигуры: справа двѣ женщины въ хитонахъ и иматіяхъ, съ покрытыми головами, подающія одна другой правыя руки, а слѣва два мальчика въ короткихъ хитонахъ и хламидахъ, тоже подающіе руки другъ другу. Все изображеніе сильно вывѣтрилось. Вырѣзанная подъ рельефомъ надпись римскихъ временъ сохранилась довольно плохо (выс. буквъ $\frac{3}{4}$ в.). Найдено тамъ же, гдѣ № 17.

ΧΟΖΑΝΙΑΚΑΙΘΥΓ..Α	Χοζανία καὶ θυγά-
ΤΗΡΧΡΗΣΤΗΙ	τηρ Χρήστη<ι>,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Судя по тому, что на рельефѣ изображены двѣ женщины, слѣдуетъ думать, что Χοζανία есть имя женское (а не vocat. мужского имени Χοζανίας). Оно впервые встрѣчается на Воспорѣ.

---

25. Разбитое на двѣ части и внизу обломанное надгробіе изъ твердаго известняка выш. 1 арш. $9\frac{1}{2}$ в., шир. $13\frac{1}{2}$ в., толщ. $3\frac{1}{2}$ в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и шестью розетками, изъ коихъ двѣ находятся между акротеріями, одна посрединѣ фронтона и три ниже его. Подъ этими тремя розетками въ углубленіи изображены рельефомъ двѣ сидящія въ креслахъ, одна противъ другой, женщины въ длинныхъ одеждахъ (лица ихъ

---

[1]) Luc. *Tim.* 22; *Gall.* 29; *de merc. cond.* 25; *Philops.* 30.

[2]) Steph. Byz. s. v. Τίβιον· τόπος Φρυγίας, ἀπὸ Τιβίου τινός. ἐκ τουτου καὶ Τιβίους τοὺς δούλους καλοῦσι.

попорчены). За креслами стоятъ съ обѣихъ сторонъ дѣвочки въ длинныхъ одеждахъ съ урнами въ рукахъ. Подъ рельефомъ находится тщательно вырѣзанная по линейкамъ и вполнѣ сохранившаяся надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 1 в.). Памятникъ купленъ въ маѣ 1894 г. у Керченскаго мѣщанина Сп. Колковскаго.

ΨΥΧΗΓΥΝΗΑΛΕΞΑΝ ΔΡΟΥΚΑΙΠΡΩ ΤΗΘΥΓΑ ΤΗΡ ΧΑΙΡΙΤΗΝ	Ψυχὴ γυνὴ Ἀλεξάν- δρου καὶ Πρώτη θυγά- τηρ, χαίρ(ει)ν.

Эти женскія имена уже встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ. Странную глагольную форму ΧΑΙΡΙΤΗΝ, мнѣ кажется, скорѣе всего слѣдуетъ объяснить смѣшеніемъ формъ imper. ΧΑΙΡΕΤΕ и infin. ΧΑΙΡΕΙΝ (ср. *Inscr. P.* II, n° 366).

---

26. Надгробіе изъ твердаго извѣстняка, сверху обломанное, выш. 1 арш. $4^1/_2$ в., шир. $15^1/_2$ в., толщ. $3^3/_4$ в. Отъ рельефа, которымъ оно было украшено, сохранилась только самая нижняя часть; по скуднымъ остаткамъ можно заключить, что рельефъ изображалъ всадника и сидящую въ креслѣ женщину. Вполнѣ сохранилась надпись подъ рельефомъ, весьма тщательно вырѣзанная по линейкамъ (выс. буквъ $^3/_4$ в.). Камень купленъ въ маѣ 1894 г. у купца Тульмана.

ΨΥΧΗ ΓΥΝΗ ΑΡΙΣΤΟΔΗ ΜΟΥ ΚΑΙ ΥΙΟΥ ΥΙΕ ΑΡΙΣΤΟΔΗΜΕ ΧΑΙΡΕΤΕ	Ψυχή, γυνὴ Ἀριστοδή- μου, καὶ υἱοῦ υἱὲ Ἀριστόδημε, χαίρετε.

Подъ памятникомъ были погребены бабушка и внукъ.

---

27. Разбитое пополамъ надгробіе изъ мягкаго известняка выш. $12^1/_2$ в., шир. 8 в., толщ. $2^3/_4$ в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ 3 акротеріями и 2 розетками. Подъ фронтономъ въ углубленіи изображенъ рельефомъ стоящій лицомъ къ зрителю мужчина въ хитонѣ и иматіи. На лицѣ его замѣтны слѣды красной краски, а на ногахъ и на фонѣ—голубой. Работа грубая. Подъ рельефомъ вырѣзана надпись крупными (выш. $^5/_8$ в.), но небрежно отдѣланными буквами. Найдено вмѣстѣ съ № 53 въ мартѣ 1892 г. во дворѣ Керченскаго мѣщанина Александра Волченко по Карантинному шоссе, рядомъ съ дворомъ Вербицкаго (см. № 17).

ΑΛΙΞΑ ΑΝΤΙ[...]ΧΟΥ (Α below) ΧΑΙΡΕ	Ἀλιξᾶ Ἀντι[μ]άχου, χαῖρε.

По замѣчанію г. Думберга «вслѣдствіе неровной поверхности второе Α въ словѣ Ἀντιμάχου вырѣзано немножко ниже всей строки». Ἀλιξᾶς вѣроятно=Ἀλεξᾶς. Надпись относится къ позднимъ римскимъ временамъ.

---

28. Разбитая на двѣ части четырехугольная плита изъ мягкаго известняка безъ всякихъ украшеній, выш. 1 арш. 2 в., шир. 13 в., толщ. $3\frac{1}{4}$ в. Посрединѣ плиты вырѣзана надпись весьма крупными (выш. $1\frac{1}{8}$ в.), но небрежными буквами. Найдена въ августѣ 1892 г. во дворѣ Дем. Вербицкаго (см. № 17).

ΑΛΚΙΦΡΩΝ	Ἀλκίφρων
ΚΟΝΩΝΟΣ	Κόνωνος.

По характеру письма надпись не позднѣе половины IV в. до Р. Хр.

---

29. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мягкаго извѣстняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1 арш. $5\frac{1}{2}$ в., шир. $10\frac{1}{4}$ в., толщ. $2\frac{3}{4}$ в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и столькими же розетками, изъ коихъ двѣ находятся между акротеріями, а третья посреди фронтона. Послѣдній поддерживается антами, между которыми въ углубленіи изображены рельефомъ двѣ спокойно стоящія фигуры, направо мужская, а налѣво женская, со сложенными на груди руками. Мужчина одѣтъ въ хитонъ и иматій до колѣнъ, женщина — въ хитонъ ποδήρης и иматій, часть котораго накинута на голову. Подъ рельефомъ вырѣзана трехстрочная надпись римскихъ временъ, сохранившаяся довольно плохо (выс. буквъ $\frac{3}{4}$ вершка). Камень купленъ въ августѣ 1893 г. у Е. Запорожскаго.

ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΗΣ	Ἀπολλωνίδης .
ΔΙΩΓΕΝΗΣ	Δι(ο)γέν[ου]ς·
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

Мы предполагаемъ во 2-й строкѣ ошибку рѣзчика (Η вм. ΟΥ) на томъ основаніи, что если бы Διογένης было имя второго покойника, то 1) оно, вѣроятно, было бы соединено съ первымъ посредствомъ *καί*, и 2) глаголъ былъ бы употребленъ во множественномъ числѣ (χαίρετε). Кромѣ того въ воспорскихъ надгробныхъ надписяхъ римскихъ временъ одни имена, безъ отчествъ, встрѣчаются весьма рѣдко.

---

30. Надгробіе изъ твердаго известняка, сверху обломанное, а внизу срѣзанное по бокамъ для вставки въ постаментъ, выш. 2 арш. 1 в., шир. 14 в., толщ. 3 в. Вверху вполнѣ сохранился рельефъ, изображающій весьма обычную на воспорскихъ надгробныхъ памятникахъ сцену: слѣва отъ зрителя женщина въ хитонѣ и иматіи, накинутомъ на голову, сидитъ въ обычной позѣ (лѣвую руку приподнявъ къ шеѣ, а правою поддерживая локоть лѣвой) въ креслѣ съ подушками и точеными ножками, со скамейкою подъ ногами; за кресломъ стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ; передъ женщиною стоитъ лицомъ къ зрителю мужчина въ хитонѣ и иматіи, а вправо отъ него, въ углу—мальчикъ. Лица всѣхъ

фигуръ попорчены. Весь фонъ и иматіи женщины и мужчины были покрыты голубою краскою, а на хитонѣ женщины сохранились слѣды фіолетовой. Подъ рельефомъ довольно тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись, прекрасно сохранившаяся (выс. буквъ около 1 в.).

Камень найденъ въ маѣ 1892 г. во дворѣ керченскаго мѣщанина Ник. Иванова, по Институтской улицѣ № 401.

ΑΠΟΛΛΩΝΙΕΙΜΗΝΑ
ΧΑΙΡΕ

Ἀπολλώνιε<ι> Μηνᾶ,
χαῖρε.

Рѣзчикъ вырѣзалъ сначала ΑΠΟΛΛΩΝΙΑΙ, а потомъ для исправленія ошибки сверху буквы Α вырѣзалъ Ε, но не уничтожилъ лишней іоты[1]). Надпись, конечно, принадлежитъ римскимъ временамъ.

---

31. Надгробіе изъ твердаго известняка (дикаря), снизу обломанное, выш. 1 арш. $8\frac{3}{4}$ в., шир. 11 в., толщ. $3\frac{3}{4}$ в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и четырьмя розетками, изъ коихъ двѣ находятся надъ фронтономъ между акротеріями и двѣ подъ фронтономъ; посрединѣ фронтоннаго треугольника изваянъ круглый щитъ. Подъ фронтономъ, въ углубленіи подъ полукруглымъ сводомъ, изображенъ горельефомъ стоящій лицомъ къ зрителю мужчина съ короткой окладистой бородой, въ остроконечномъ колпакѣ, одѣтый въ хитонъ съ рукавами и иматій, одинъ конецъ котораго опоясанъ вокругъ таліи; въ лѣвой рукѣ, опущенной внизъ, мужчина держитъ виноградную кисть, а правую протягиваетъ къ стоящему возлѣ него мальчику въ короткомъ опоясанномъ хитонѣ и беретъ у него изъ правой же руки другую виноградную кисть и какой-то продолговатый предметъ (мечъ въ ножнахъ?); въ лѣвой рукѣ, опущенной внизъ, мальчикъ держитъ цилиндрическую корзинку съ дужкою. Все изображеніе довольно хорошей работы и сохранилось въ цѣлости. Подъ изображеніемъ тщательно вырѣзана надпись римскихъ временъ, также вполнѣ сохранившаяся (выс. буквъ $\frac{3}{4}$ в.).

ΛΣΤΡΑΓΑΛΕΔΙ
ΟΦΑΝΤΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Ἀστράγαλε Δι-
οφάντου,
χαῖρε.

Слѣдуетъ отмѣтить рѣдкій случай употребленія существительнаго ἀστράγαλος въ качествѣ личнаго имени.

---

32. Надгробіе изъ твердаго известняка, обломанное сверху и снизу, выш. 1 арш. 2 в., шир. $14\frac{1}{2}$ в., толщ. $4\frac{1}{4}$ в. На камнѣ были два рельефныхъ изображенія, изъ коихъ верхнее

---

[1]) По мнѣнію г. Думберга «рѣзчикъ, написавшій сперва Ἀπολλώνιε, поправилъ потомъ ошибку и вырѣзалъ, кажется, чтобы не допустить сомнѣнія относительно рода похороненной особы, еще букву Ι»; но на фотографіи и на эстампажѣ ясно видно, что Ε вырѣзано сверху Α, а не наоборотъ.

отбито почти цѣликомъ, такъ что отъ него сохранились только нижнія части заднихъ ногъ и хвоста лошади. Нижній, вполнѣ сохранившійся рельефъ изображаетъ трехъ мальчиковъ[1]) въ короткихъ хитонахъ и хламидахъ, стоящихъ en face въ одинаковыхъ позахъ: правая рука опущена вдоль стана, а лѣвая лежитъ на рукояти меча, висящаго наискось у пояса; головы всѣхъ трехъ фигуръ испорчены. Подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ хорошо сохранившаяся надпись (выс. буквъ 1 в.). Найдено въ маѣ 1892 г. во дворѣ керченской мѣщанки Евд. Николаевой (за шлагбаумомъ, противъ дачи Мухина).

ΑΤΤΑΝΤΡΥ ΦΩΝΟϹΔΩΡΑϹ ϹΑϹΑ ΤΟΝΙΔΙΟ ΗϹΥΝΓΕΝΑΝΜΝ''	῎Ατταν Τρύ- φωνος Δωρᾶς Σάσα τὸν ἴδιο[ν) συνγενέαν μνή- [μης χάριν].

Въ стр. 4 между буквами Ν и Α, повидимому, вставлено первоначально пропущенное Ε. Съ формою *συνγενέαν* ср. *στηλίδαν Inscr. P.* I n° 118, *γυναῖκαν* и *θυγατέραν ibid.* 110, *ἱερέαν ibid.* v. II nn° 61, 62.

Надпись относится къ позднимъ римскимъ временамъ (не древнѣе III в. по Р. Хр.). По формѣ ее можно сравнить съ *Inscr.* P. II, 301 и *add.* 199[1].

---

33. Обломанное сверху надгробіе изъ твердаго известняка, выш. 1 арш. 12 в., шир. 13½ в., толщ. 3½ в. Сверху сохранилась часть рельефа, изображающаго такъ называемый «погребальный пиръ»: на высокомъ ложѣ съ прямымъ изголовьемъ и точеными ножками, покрытомъ ковромъ, полулежитъ мужчина (голова и часть груди отбита) съ круглымъ сосудомъ въ правой рукѣ. Передъ ложемъ стоитъ низенькій столикъ съ ножками, изображающими львиныя лапы, уставленный посудою. Справа отъ него стоитъ мальчикъ въ короткомъ хитонѣ, подающій возлежащему мужчинѣ сосудъ, а слѣва, въ ногахъ ложа, сидитъ въ креслѣ обычной формы, со скамеечкою подъ ногами, женщина въ длинномъ хитонѣ и наброшенномъ на голову иматіи, приложивъ лѣвую руку къ щекѣ и правою поддерживая локоть лѣвой. Подъ рельефомъ прекрасно сохранилась надпись римскихъ временъ, тщательно вырѣзанная по линейкамъ (выс. буквъ ⅞ в.). Найдено въ апрѣлѣ 1894 г. въ Керчи, въ саду Ант. де-Пасквале, по правую сторону дороги къ новому православному кладбищу.

ΒΑΚΧΙΕ ΠΑΠΑ ΧΑΙΡΕ	Βάκχιε Πάπα, χαῖρε.

---

34. Вполнѣ сохранившееся, но разбитое на 2 части надгробіе изъ вывѣтрившагося твердаго известняка (дикаря), внизу срѣзанное по бокамъ для вставки въ постаментъ, выш. 1 арш. 8 в.,

[1]) Можетъ быть фигуры изображаютъ и взрослыхъ людей, но онѣ такъ приземисты и съ такими непропорціонально большими головами, что съ перваго взгляда скорѣе представляются фигурами мальчиковъ.

шир. $13^1/_4$ в., толщ. 3 в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями (правый отбитъ) и розеткою посрединѣ; фронтонъ поддерживается двумя антами (правая отбита за исключеніемъ нижней части), между которыми въ углубленіи изображенъ рельефомъ всадникъ въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ, сидящій на шагающемъ вправо отъ зрителя конѣ, сзади котораго стоитъ мальчикъ въ короткомъ хитонѣ, съ какимъ-то неопредѣленнымъ предметомъ въ рукахъ. Все изображеніе сдѣлано небрежно и отчасти попорчено. Подъ рельефомъ надпись, сохранившаяся довольно хорошо (выс. буквъ $^3/_4$ в.).

Этотъ камень вмѣстѣ съ № 53 купленъ въ маѣ 1892 г. у мѣщанина Столярчука, по словамъ котораго оба камня найдены въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ татарскаго кладбища.

ΒΙΩΝΑΠΦΟΥ ΧΑΙΡΕ	Βίων Ἄπφου, χαῖρε.

По замѣчанію г. Думберга №№ 34 и 53 сдѣланы изъ одинаковаго плохого камня и очень сходны по работѣ и характеру буквъ, такъ что очевидно сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Отсюда г. Думбергъ заключаетъ, что Віонъ и Хариксенъ, по всей вѣроятности, были братья.

---

35. Надгробіе изъ твердаго известняка (дикаря), немного обломанное внизу, выш. 2 арш. 12 в., шир. $13^1/_4$ в., толщ. $4^3/_4$ в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и шестью розетками, изъ коихъ одна находится посрединѣ треугольника фронтона, двѣ надъ нимъ и три подъ нимъ. Ниже этихъ трехъ розетокъ въ квадратномъ углубленіи изображенъ рельефомъ мужчина въ иматіи, полулежащій на высокомъ ложѣ съ изголовьемъ и точеными ножками, покрытомъ матрацомъ и полосатымъ ковромъ; передъ ложемъ стоитъ низенькій столикъ на трехъ ножкахъ, уставленный сосудами, а за изголовьемъ—мальчикъ въ короткомъ хитонѣ съ приподнятою къ мужчинѣ правою рукою. Головы мужчины и мальчика, изголовье ложа и сосуды на столикѣ попорчены. На фонѣ углубленія, надъ мужчиною, изображено что-то въ родѣ раскрытаго циркуля. Подъ углубленіемъ надпись, вырѣзанная довольно тщательно крупными буквами римскихъ временъ (выс. $1^3/_8$ в.), а около нея неглубоко и небрежно выцарапаны острымъ инструментомъ тѣ-же самыя слова, повидимому изъ шалости.

Камень пріобрѣтенъ въ августѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго. Мѣсто находки не показано.

ΓΑΙΕ·ΝΕΙΚΙΟΥ ΓΑΙΕ ΧΑΙΡΕ ΝΕΙΚΙΟΥΧΑΙΡΕ	Γάιε Νεικίου, χαῖρε.

---

36. На другой сторонѣ камня, описаннаго выше подъ № 19 (довольно плохо сохранившейся), изваянъ стоящій лицомъ къ зрителю мужчина въ хитонѣ и иматіи и влѣво отъ него

(для зрителя) стоящій мальчикъ въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ. Подъ рельефомъ надпись, вырѣзанная неглубоко и довольно небрежно и сильно попорченная (выс. буквъ около $^1/_2$ в.).

ΓΑCΤΞΙΑΓΑΘΟΥ/////// ΧΑΙΡΕ	Γάστει Ἀγαθύ[λλου?], χαῖρε.

Оба рельефа съ надписями относятся, несомнѣнно, къ римскимъ временамъ, но трудно сказать, который изъ нихъ древнѣе. Степень сохранности не можетъ имѣть значенія въ этомъ вопросѣ, такъ какъ порча одной стороны могла произойти и отъ случайныхъ причинъ. Имя Γάστεις уже встрѣчалось на Воспорѣ; Ἀγαθύλλου возстановлено лишь примѣрно.

---

37. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ твердаго раковистаго известняка, внизу стесанное для вставки въ постаментъ, выш. 1 а. $12^1/_4$ в., шир. $14^1/_4$ в., толщ. $4^3/_4$ в. Вверху украшено узкимъ карнизомъ и рельефнымъ фронтономъ съ 3 акротеріями и 3 розетками. Подъ фронтономъ плохо сохранившійся рельефъ изображаетъ «погребальный пиръ»: на ложѣ съ высокимъ изголовьемъ и точеными ножками возлежитъ мужчина въ хитонѣ съ сосудомъ въ правой рукѣ. Передъ ложемъ низенькій столикъ съ ножками въ видѣ львиныхъ лапъ, уставленный посудою. Слѣва, въ ногахъ ложа, въ креслѣ обычной формы сидитъ женщина въ хитонѣ и наброшенномъ на голову иматіи. За ея кресломъ стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ, съ урной въ рукахъ, а съ противоположной стороны, за столикомъ — мальчикъ въ короткомъ хитонѣ, съ сосудомъ въ рукахъ. За мужчиною видна фигура другого мальчика (какъ бы стоящаго на ложѣ), также въ короткомъ хитонѣ и съ сосудомъ въ рукахъ. Подъ рельефомъ надпись римскихъ временъ, вырѣзанная довольно небрежно (выс. букв. $^7/_8$ в.). Памятникъ найденъ въ апрѣлѣ 1894 г. тамъ же, гдѣ № 33.

ΓΛΥΚΑΡΙωΝ Ι''ΥΧΑΡΙωΝΟC ΧЄΡΑΙ	Γλυκαρίων [Ψ]υχαρίωνος, χ(αῖ)ρ(ε).

Мужское имя Γλυκαρίων еще не встрѣчалось на Воспорѣ (женское Γλυκάριον имѣется въ *Inscr. P.* II, 224), тогда какъ Ψυχαρίων принадлежитъ къ числу весьма обычныхъ. Написаніе ΧЄΡΑΙ ясно свидѣтельствуетъ о произношеніи αι = ε.

---

38. Цѣликомъ сохранившееся надгробіе изъ твердаго известняка, внизу стесанное съ боковъ для вставки въ постаментъ, выш. 1 а. 7 в., шир. $9^1/_4$ в., толщ. 2 в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя же розетками, изъ коихъ двѣ находятся между акротеріями, а третья посрединѣ фронтона. Подъ фронтономъ изображена арка, поддерживаемая антами, надъ которыми изваяны двѣ рельефныя волюты. Подъ аркою въ углубленіи изображенъ рельефомъ одѣтый въ короткій хитонъ и хламиду мужчина, стоящій лицомъ къ зри-

телю на низкомъ пьедесталѣ; справа отъ него, въ полѣ углубленія, виденъ какой-то квадратный предметъ. Подъ рельефомъ находится надпись римскихъ временъ, неглубоко вырѣзанная по линейкамъ и плохо сохранившаяся (выс. буквъ $1/2$ в.). Камень подаренъ музею въ іюнѣ 1894 г. отставнымъ капитаномъ С. Л. Павловичемъ.

ΓΛΥΚΩΝ	Γλύκων
ΓΛΥΚΩΝΟϹ	Γλύκωνος·
ΧΑΙΡΕ[.]Ν	χαῖρε[ι]ν.

---

39. Обломанная снизу надгробная плита изъ мягкаго вывѣтрившагося известняка, съ округленнымъ верхнимъ концомъ, но безъ всякихъ украшеній, выш. 1 а. $1/2$ в., шир. 8 в., толщ. $2^1/_2$ в. Буквы надписи (выш. 1 в.) вырѣзаны глубоко, но небрежно и не ровно. Куплена въ 1892 г. у М. Файна, по словамъ котораго найдена близъ сада Канунникова по Аджимушкайской улицѣ.

Δαμᾶ Δα-
μᾶ, χαῖρε.

Имя Δαμᾶς уже извѣстно въ воспорской епиграфикѣ (*Inscr. P.* II, 129). Памятникъ относится къ позднимъ римскимъ временамъ.

---

40. Надгробіе изъ твердаго известняка, украшенное вверху рельефнымъ карнизомъ, выш. 1 а. $6^1/_2$ в., шир. $10^3/_4$ в., толщ. $4^3/_4$ в. Подъ карнизомъ находится тщательно вырѣзанная и хорошо читающаяся надпись съ сохранившимися въ буквахъ слѣдами красной краски. Случайно найдено около такъ называемаго Собачьяго кургана въ сентябрѣ 1893 г.

ΔΗΜΟΦΩΝ	Δημοφῶν
ΔΙΟΝΥΣΙΟ	Διονυσίο(υ).

Характеръ письма и написаніе *ο* вмѣсто *ου* указываютъ на IV в. до Р. Хр.

---

41. Обломокъ (верхняя лѣвая четверть) надгробія изъ дикаря, сохр. выш. 15 в., шир. 10 в., толщ. 4 в. Сверху украшено карнизомъ, подъ которымъ изображенъ въ углубленіи всадникъ

на спокойно стоящей лошади, обращенной вправо отъ зрителя (передняя часть лошади отбита), а за нею слѣва другая лошадь, только до половины выступающая изъ-за рамки. На карнизѣ уцѣлѣла часть надписи римской эпохи, вырѣзанной очень тщательно и прекрасно читающейся на эстампажѣ (выс. буквъ $^5/_8$ в.). Найденъ камень въ Таманской станицѣ въ маѣ 1894 г.

ΔΟΡΥΛΑΕ Θ	Δορύλαε Θ. . . .

---

42. Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ твердаго известняка, выш. $15^1/_2$ в., шир. $7^3/_4$ в., толщ. $4^1/_4$ в. (верхняя часть, какъ кажется, имѣла форму круга, какъ въ № 39). Надпись римскихъ временъ тщательно вырѣзана по линейкамъ и прекрасно сохранилась (выс. буквъ $^3/_4$ в.). Куплено въ ноябрѣ 1892 г. у М. Файна, по словамъ котораго найдено у Братской церкви.

ЄΡѠCΥЄΖΗ	Ἔρως, υἱὲ Ζή-
ΝѠΝΟCΧΑΙΡЄ	νωνος, χαῖρε.

---

43. Надгробіе изъ твердаго известняка, сверху немного обломанное, а внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1 а. $5^1/_4$ в., шир. 10 в., толщ. $3^1/_4$ в. Украшено двумя рельефными изображеніями, вполнѣ сохранившимися. Верхній рельефъ представляетъ одѣтаго въ хитонъ мужчину съ круглымъ сосудомъ въ правой рукѣ, возлежащаго на ложѣ съ высокимъ изголовьемъ и точеными ножками, покрытомъ матеріею, ниспадающею складками до пола; передъ ложемъ стоитъ столикъ на трехъ ножкахъ, уставленный сосудами. Подъ этимъ рельефомъ въ углубленіи между двумя антами изображены мужчина и женщина лицомъ къ зрителю, пожимающіе руку другъ другу; мужчина одѣтъ въ хитонъ до колѣнъ, женщина — въ хитонъ ποδήρης и иматій; лица всѣхъ трехъ фигуръ сильно попорчены. Подъ нижнимъ рельефомъ помѣщена вполнѣ сохранившаяся надпись римскихъ временъ, вырѣзанная по линейкамъ (выш. буквъ $^7/_8$ в.). Камень купленъ въ августѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΕΡΩΣ ΥΙΕ	Ἔρως, υἱὲ
ΦΙΛΟΜΟꙊΣΟΧΑΡΙΕ	Φιλομούσο(υ), χα(ῖρ)ε.

Во второй строкѣ пропущена буква Υ или по недосмотру рѣзчика, или, быть можетъ, изъ желанія подражать древнему способу письма. По недосмотру же вырѣзано ΧΑΡΙΕ вм. ΧΑΙΡΕ.

---

44. Обломанное сверху и снизу надгробіе изъ твердаго известняка, шир. $15^3/_4$ в., толщ. $4^1/_2$ в., сохр. выш. 1 арш. Надгробіе было украшено двумя рельефами, между которыми на широкой полосѣ была вырѣзана надпись. Верхній рельефъ обломанъ наискось такъ, что на правой сторонѣ сохранилось больше, чѣмъ на лѣвой (отъ зрителя). Слѣва на высокомъ креслѣ обычной формы сидитъ женщина въ длинной одеждѣ съ поставленными на скамеечку ногами (сохранились только ноги и нижняя часть туловища); еще лѣвѣе, въ самомъ углу рельефа, стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ урною въ рукахъ. Передъ женщиною изображены (въ меньшемъ масштабѣ) одинъ за другимъ два всадника на спокойно стоящихъ коняхъ, первый цѣликомъ, а отъ второго только передняя часть, выступающая изъ-за рамки рельефа; обѣ фигуры сильно попорчены. Отъ нижняго рельефа сохранилась только голова (попорченная) и грудь всадника и рука съ поднятой нагайкой. Надпись между рельефами вырѣзана крупными (выш. $1^1/_4$ в.) и тщательно исполненными буквами римской эпохи и превосходно сохранилась. Камень пріобрѣтенъ въ августѣ 1893 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΗΛΙΕ ΥΙΕ ΜΟΣΧΙ ΩΝΟΣ ΧΑΙΡΕ	Ἥλιε, υἱὲ Μοσχί- ωνος, χαῖρε.

---

45. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «полудикаря», внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1 а. $2^1/_2$ в., шир. 10 в., толщ. $3^3/_4$ в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями (два угловые сильно попорчены) и тремя розетками. Въ углубленіи подъ фронтономъ, между поддерживающими его антами, изваянъ рельефомъ мужчина въ хитонѣ и иматіи, стоящій лицомъ къ зрителю, и слѣва отъ него (для зрителя) — стоящій мальчикъ въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ. Головы обѣихъ фигуръ очень попорчены. Подъ рельефомъ хорошо сохранившаяся надпись (выш. букв. $^1/_2$ в.). Камень найденъ въ іюнѣ 1892 г. во дворѣ керченской мѣщанки Аг. Зеленой, по Аджимушкайской улицѣ.

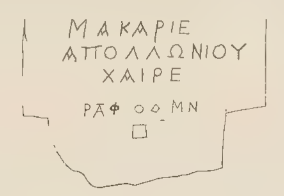
ΗΟΥΧΟϹΑΚΚΑ ΧΑΙΡЄ	Ἥ(σ)υχος Ἀκκα· χαῖρε.

Хотя на второмъ мѣстѣ первой строки совершенно ясно читается О, но мы предпочитаемъ допустить ошибку рѣзчика, чѣмъ крайне странное имя Ἥουχος.

---

46. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ твердаго известняка, срѣзанное внизу для вставки въ постаментъ, выш. 1 а. $1^1/_2$ в., шир. $8^1/_2$ в., толщ. 3 в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ 3 акротеріями (лѣвый отбитъ) и 3 розетками. Подъ фронтономъ сдѣланъ полукруглый сводъ, поддерживаемый двумя антами, между которыми изображенъ рельефомъ стоящій лицомъ къ зрителю мужчина въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ съ какимъ-то неяснымъ предметомъ въ опущенной лѣвой рукѣ. Фигура мужчины попорчена; работа грубая. Подъ рельефомъ довольно

хорошо сохранившаяся надпись (выс. буквъ $^5/_8$ в.). Подарено въ сентябрѣ 1892 г. ротмистромъ В. А. Цѣхановскимъ; мѣсто находки не показано.



Μακάριε
Ἀπολλωνίου,
χαῖρε.

Нижнія буквы и знаки, очевидно, вырѣзаны позднѣе; значеніе ихъ непонятно. Памятникъ относится къ I—II в. по Р. Хр.

---

47. Обломанное снизу надгробіе изъ мягкаго известняка, выш. 1 а. $1^1/_2$ в., шир, $9^1/_2$ в., толщ. $2^5/_8$ в. Вверху украшено карнизомъ съ двумя акротеріями по краямъ и двумя розетками по рединѣ. Подъ карнизомъ въ углубленіи изображенъ рельефомъ мужчина въ хитонѣ и иматіи, подающій правую руку стоящей влѣво отъ него (для зрителя) женщинѣ, одѣтой въ иматій. Подъ рельефомъ небрежно вырѣзана небольшими (выс. $^3/_8$ в.), но глубокими буквами надпись, относящаяся по характеру письма къ поздней римской эпохѣ. Камень купленъ въ апрѣлѣ 1894 г. у керченскаго мѣщанина Ив. Михайлова.

ΜΑΣΑΣ
ΜΑΕΩΣ
ΧΑΙΡΕ

Μάσας
Μαέως,
χαῖρε.

Оба имени уже неоднократно встрѣчались въ воспорскихъ надписяхъ.

---

48. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ твердаго известняка, выш. 1 а. $14^3/_4$ в., шир. $13^1/_2$ в., толщ. $3^1/_4$ в. Вверху украшено настоящимъ (высѣченнымъ изъ камня, а не рельефнымъ) фронтономъ съ тремя акротеріями и розеткою посрединѣ. Подъ узкимъ карнизомъ фронтона, поддерживаемымъ двумя тонкими полуколоннами съ базами и капителями, въ углубленіи изображенъ рельефомъ всадникъ на обращенномъ вправо отъ зрителя конѣ, покрытомъ чапракомъ; всадникъ одѣтъ въ короткій хитонъ и хламиду, вооруженъ лукомъ, висящимъ въ налучьѣ у лѣваго бедра, въ правой рукѣ держитъ кнутъ и поводья. За конемъ стоитъ лицомъ къ зрителю молодой воинъ въ хитонѣ съ рукавами и въ шлемѣ, вооруженный длиннымъ копьемъ (въ правой рукѣ). Лица обѣихъ фигуръ попорчены. Подъ барельефомъ находится надпись римскихъ временъ, тщательно

вырѣзанная довольно крупными (выш. $^{7}/_{8}$ в.), но неглубокими буквами, въ которыхъ сохранились еще слѣды красной краски. Памятникъ купленъ въ августѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΜΗΝΟΦΙΛΟΣΔΗΜΟ ΣΤΑΤΟΥ ΧΑΙΡΕ	Μηνόφιλος Δημο- στ(ρ)άτου· χαῖρε.

---

49. Обломанное снизу надгробіе изъ «дикаря» выш. 1 а. $5^{1}/_{2}$ в., шир. $15^{1}/_{2}$ в., толщ. $3^{3}/_{4}$ в. Сверху украшено фронтономъ съ тремя акротеріями, подъ которымъ находится гладкій карнизъ, поддерживаемый двумя рельефными капителями. На этомъ карнизѣ вырѣзана однострочная, отчасти вывѣтрившаяся надпись (выс. буквъ 1 верш.). «На фронтонѣ и въ углубленіяхъ буквъ, говоритъ г. Думбергъ, сохранились слѣды розовой краски. На остальной, гладкой части плиты, подъ карнизомъ, также замѣтны слѣды розовой краски отъ находившагося здѣсь (нынѣ совершенно стертаго) живописнаго изображенія». Камень купленъ въ октябрѣ 1892 г. у керченскаго мѣщанина Гр. Головлева. Мѣсто находки не показано.

ΟΛΓΑΣΥΣΣΑΓΑΡΙΟΣ	Ὀλγασυς Σαγάριος.

Г. Думбергъ справедливо предполагаетъ, что Ὄλγασυς = Ὀλίγασυς (пафлагонское имя, встрѣчающееся у Страв. 12, p. 553. Ср. Ὄλγασσυς — названіе горы на границѣ Пафлагоніи и Галатіи, Страв. 12, p. 562). Имя Σάγαρις неоднократно встрѣчается въ литературѣ и въ надписяхъ. Стиль памятника и характеръ буквъ надписи указываютъ на время не позднѣе III в. до Р. Хр.

---

50. Верхняя часть надгробія изъ довольно твердаго известняка, разбитая на пять кусковъ, выш. 1 а. 3 в., шир. $15^{1}/_{2}$ в., толщ. 4 в. Сверху надгробіе украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя большими акротеріями и шестью розетками, изъ коихъ одна помѣщена посрединѣ фронтона, двѣ подъ фронтономъ между акротеріями (вокругъ этихъ двухъ розетокъ сохранились слѣды темносиней краски) и три подъ фронтономъ. Ниже этихъ послѣднихъ розетокъ вырѣзана крупными буквами (выс. $1^{1}/_{2}$ в.) надпись, еще ясно читающаяся на фотографіи. Куплено въ ноябрѣ 1892 г. у золотыхъ дѣлъ мастера М. Файна, по словамъ котораго найдено на Глинищѣ.

ΙΟΥ///ϽϹΗΛΙΤΤΑϹ ΦΑΡ//ΝΑΚΗΝΕΟΚΛΕΟΥϹ ΙΜΗΓΧΑΡΙΝ	Ἰού[λι]ος Ἡλίττας Φαρ̣[ν]άκῃ Νεοκλέους [μνή]μη[ς] χάριν.

Имя Ἡλίττας уже извѣстно изъ одной недавно найденной пантикапейской надписи (см. *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. VII, стр. 91, n° 365[1]).

---

51. Надгробная плита изъ мягкаго известняка, выш. $11\frac{3}{4}$ в., шир. $8\frac{1}{4}$ в., толщ. 2 в., безъ всякихъ украшеній. На ней имѣется надпись, глубоко врѣзанная крупными, но неровными и небрежными буквами и обрамленная чертою сверху и съ боковыхъ сторонъ. Куплена у керченскаго мѣщанина Сп. Колковскаго въ маѣ 1894 г.

ΦΑΡΝΗC	Φάρνης
ΜΕΝΕ	Μενε|στρά|του.
CΤΡΑ	
ΤΟV	

По характеру письма надпись не древнѣе IV в. по Р. Хр.

---

52. Обломанное снизу надгробіе изъ мягкаго, сильно вывѣтрившагося известняка, выш. 1 арш. $1\frac{1}{2}$ в., шир. $7\frac{3}{4}$ в., толщ. $2\frac{1}{2}$ в. Сверху украшено крутымъ рельефнымъ фронтономъ съ тремя розетками. Подъ фронтономъ въ четырехугольной неглубокой рамкѣ изображены рельефомъ двѣ фигуры мальчиковъ, нынѣ сильно попорченныя. Работа чрезвычайно грубая. Подъ рельефомъ небрежно и неглубоко вырѣзана надпись, до того вывѣтрившаяся, что на фотографіи почти невозможно разглядѣть ее, а на эстампажѣ очертанія буквъ едва замѣтны. Найдено въ мартѣ 1892 г. вмѣстѣ съ № 27.

ΦΥΛΑΚΙΩΝ	Φυλακίων
ΦΥΛΑΚΙΩΝΟΣ	Φυλακίωνος,
Τ[illegible]	[χαῖρε?]
[illegible]	

---

53. Вполнѣ сохранившееся, но разбитое на двѣ половины надгробіе изъ вывѣтрившагося твердаго известняка, внизу срѣзанное двумя уступами для вставки въ постаментъ, выш. 1 арш. $12\frac{1}{2}$ в., шир. $13\frac{1}{2}$ в., толщ. 3 в. Вверху украшено узкимъ рельефнымъ карнизомъ, подъ которымъ изваяны три розетки, а ниже ихъ, въ углубленіи подъ полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ двумя антами (съ акротеріями надъ капителями), изображенъ рельефомъ всадникъ въ короткомъ хитонѣ и хламидѣ, съ налучьемъ у лѣваго бока, сидящій на бѣгущемъ вправо отъ зрителя конѣ, подъ которымъ видна собачка; сзади коня стоитъ en face воинъ въ короткомъ хитонѣ, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ. Все изображеніе попорчено, въ особенности головы обѣихъ фигуръ и коня. Работа грубая и небрежная. Подъ рельефомъ находится довольно хорошо сохранившаяся надпись (выс. буквъ $\frac{3}{4}$ в.).

О мѣстѣ и времени находки камня см. № 34.

ΧΑΡΙΞΕΝΕ ΑΠΦΟΥ ΧΑΙΡΕ	Χαρίξενε Ἄπφου, χαῖρε.

---

54. Обломокъ (верхній правый уголъ) надгробія изъ твердаго известняка, выш. 9¼ в., шир. 9 в., толщ. 2¾ в. Вверху сохранились концы двухъ строкъ надписи, а подъ ними часть углубленія для рельефа, отъ котораго, однако, не уцѣлѣло никакихъ слѣдовъ. Камень купленъ въ августѣ 1893 г. у Е. Запорожскаго.

..ΟΔΩΡΟΣ .ΙΝ.ΩΣ	[Θε?]οδωρος [Ξέ?]νωνος.

Надпись по характеру письма не позднѣе III в. до Р. Хр.

---

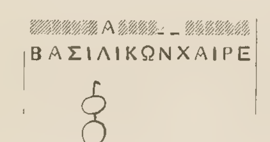
55. Разбитое на двѣ части надгробіе изъ твердаго известняка, внизу срѣзанное по бокамъ для вставки въ постаментъ, выш. 2 а. 2 в., шир. 13½ в., толщ. 3½ в. Вверху украшено высокимъ рельефнымъ фронтономъ съ щитомъ посрединѣ и двумя звѣздочками по сторонамъ. Подъ фронтономъ находятся одно надъ другимъ два углубленія съ рельефными изображеніями. Въ верхнемъ углубленіи (четырехугольномъ) изображены горельефомъ два всадника въ хитонахъ и хламидахъ, ѣдущіе одинъ за другимъ вправо отъ зрителя. У перваго виситъ сбоку налучье съ лукомъ; конь втораго всадника только на ¾ (до крупа) выступаетъ изъ-за рамки. Весь горельефъ сильно попорченъ. Ниже, въ другомъ углубленіи, сверху полукругломъ, изображенъ стоящій лицомъ къ зрителю мужчина въ иматіи. Подъ этимъ рельефомъ находится надпись, вырѣзанная весьма небрежно и сильно вывѣтрившаяся. Камень купленъ въ маѣ 1894 г. у керченскаго мѣщанина Сергѣя Головлева.

ΛΙΟΕΓΗΣ:Σ..ΚΑ..ΙΕ
ΛΠΕ.ΟΙΤΡΟΦΙΜΕ:ΛΡΕ
ΣΚΟ..Τ..ΤΗ..
ΣΤΗΣ..
ΝΙΔΔ..Ε..

Въ надписи можно прочитать съ полною увѣренностію только въ стр. 2—3 τρόφιμε [Ἀ]ρέ,σκο[ν]τ[ος]. Далѣе, быть можетъ, стояло τ[ὴν στήλην ἀνέ]στησ[εν ὁ δεῖνα], какъ въ *Inscr. P.* II, nn° 67, 182², 199¹ и *Мат. по арх. Россіи* № 9 стр. 56 n° 21.

---

56. Обломанное сверху и разбитое на двѣ части надгробіе изъ «дикаря», выш. 1 а. 9 в., шир. $9^{1}/_{2}$ в., толщ. 4 в. На сохранившемся верхнемъ обломкѣ изображенъ рельефомъ «погребальный пиръ»: на ложѣ съ высокимъ изголовьемъ, оканчивающимся львиною головою, и точеными ножками, изображенъ полулежащій мужчина (голова отбита) въ иматіи, съ сосудомъ въ лѣвой рукѣ; передъ ложемъ стоитъ низенькій столикъ на трехъ ножкахъ, уставленный сосудами; влѣво отъ столика (для зрителя) изображены двѣ стоящія лицомъ къ зрителю фигуры, дѣвочка и мальчикъ, повидимому обнявшіяся лѣвыми руками и подающія другъ другу правыя; справа отъ столика стоитъ еще мальчикъ; на его одеждѣ замѣтны слѣды голубой краски. Лица мальчиковъ и дѣвочки сильно попорчены. Отъ надписи, бывшей подъ рельефомъ, уцѣлѣла только вторая строка, а первая почти совершенно уничтожена изломомъ камня. Буквы вырѣзаны по линейкамъ, выш. $^{3}/_{4}$ в. Подъ надписью виденъ одинъ изъ загадочныхъ знаковъ, часто встрѣчающихся на воспорскихъ памятникахъ. Камень купленъ въ февралѣ 1892 г. у керченскаго мѣщанина В. Шереметьева.



. . . . . α . . [ὁ ἐκ τῶν]
βασιλικῶν, χαῖρε.

Можно предполагать, что названіе *οἱ βασιλικοί* обозначало вообще придворныхъ (ср. напр. Полив. 8, 12, 10). По формѣ выраженія ср. *Inscr. P.* II, 121: [Ἀ]μφί[σ]ων ὁ ἐκ τῶν [ε]ὐνούχων, χα[ῖ]ρε. Обозначеніе придворныхъ должностей на воспорскихъ надгробныхъ памятникахъ встрѣчалось уже неоднократно: см. *Inscr. P.* II, 65, 131, 187, 254, 363.

57. «Верхняя часть надгробія изъ мягкаго известняка, выш. $7^{1}/_{2}$ в., шир. $7^{3}/_{4}$ в., толщ. $2^{3}/_{4}$ в. По верхней части передней и боковыхъ сторонъ обломка идетъ орнаментъ, состоящій изъ раскрашенныхъ голубою, зеленою и красною краскамиововъ (Eierstabornament). Затѣмъ слѣдуетъ написанная красною краскою надпись, а подъ нею, между двумя красными линіями, написанъ орнаментъ, состоящій изъ двухъ рядовъ раскрашенныхъ попеременно голубою и зеленою красками листьевъ, между которыми видны синія (черныя?) пятна (ягоды). Верхній и нижній ряды листьевъ отдѣлены другъ отъ друга красною линіею. На верхнемъ краю обломка находится отверстіе для вставки акротерія. Надпись немного попорчена киркою. Выш. буквъ $^{5}/_{8}$ в.» (описаніе К. Е. Думберга). Камень пріобрѣтенъ въ ноябрѣ 1892 г. отъ Е. Запорожскаго.

Въ виду оригинальности и хорошей сохранности окраски мы сочли нужнымъ воспроизвести на приложенной таблицѣ рисунокъ камня (въ $^{1}/_{4}$ нат. вел.), снятый г-жею Васильевой въ январѣ 1893 г.

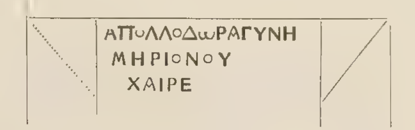
ΛΠΑΤΟΥΡΙΣΘΥΝ
ΓΥΝΗ Ο

[Ἀ]πατουρὶς [Θ]υνο(ῦ)
γυνή.

Надпись какъ по характеру письма, такъ и по правописанію ο вм. ου должна быть отнесена къ IV в. до Р. Хр. Имя 'Απατουρίς не встрѣчается въ греческихъ литературныхъ памятникахъ, хотя соотвѣтствующее мужское имя 'Απατούριος было очень употребительно. Имя Θυνός извѣстно изъ миѳологіи (см. словарь Папе-Бензелера п. сл.).

---

58. Вполнѣ сохранившееся, но разбитое на двѣ части (поперекъ рельефа) надгробіе изъ твердаго известняка, выш. 2 а. $3^1/_2$ в., шир. 14 в., толщ. 4 в., внизу срѣзанное съ боковъ для вставки въ постаментъ. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ розеткою посрединѣ и двумя акротеріями побокамъ; на фризѣ подъ фронтономъ изображенъ барельефомъ занавѣсъ, украшенный внизу бахромою[1]). На розеткѣ сохранились слѣды розовой краски, а на занавѣсѣ — слѣды розовой и голубой красокъ (попеременно), посредствомъ которыхъ занавѣсъ былъ представленъ полосатымъ. Подъ фризомъ въ 4-угольномъ углубленіи изображены рельефомъ двѣ женщины, въ хитонахъ и иматіяхъ, сидящія одна противъ другой въ обычной задумчивой позѣ въ креслахъ съ точеными ножками и подушками; подножіемъ служитъ обѣимъ одна скамеечка. Сзади видна стоящая дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ. Всѣ три фигуры отчасти попорчены. На платьѣ женщины, сидящей справа для зрителя, замѣтны слѣды фіолетовой краски, а на одеждѣ другой женщины и на фонѣ—слѣды голубой. Нижняя часть надгробія украшена по угламъ четырьмя треугольниками. Работа, по отзыву г. Думберга, «простая». Подъ рельефомъ находится надпись римскаго времени, вырѣзанная довольно грубыми и неровными буквами (выш. $^1/_2$—$^3/_4$ в.); начальныя буквы первой строки и первая буква второй отчасти попорчены, а остальныя сохранились превосходно. Камень купленъ въ ноябрѣ 1892 г. у керченскаго мѣщанина А. Худинова.



'Απολλοδώρα γυνὴ
Μηριόνου·
χαῖρε.

---

59. Надгробіе изъ мягкаго, вывѣтрившагося известняка, сверху обломанное, а внизу срѣзанное въ видѣ клина для вставки въ постаментъ, выш. 1 арш. 6 в., шир. $13^1/_4$ в., толщ. $4^1/_2$ в. Сохранился почти цѣликомъ рельефъ, изображающій въ углубленіи между двумя антами стоящую en face женщину въ хитонѣ и иматіи, облокотившуюся лѣвой рукой на колонку; верхняя половина головы женщины отбита. Влѣво отъ нея (для зрителя) стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ. На фонѣ замѣтны слѣды голубой краски. Буквы надписи, находящейся

[1]) Такое изображеніе занавѣса, если не ошибаемся, впервые встрѣчается на воспорскихъ надгробіяхъ.

подъ рельефомъ, вырѣзаны небрежно и сильно вывѣтрились (выш. $^{3}/_{4}$ в.) Камень найденъ въ мартѣ 1892 г. тамъ же, гдѣ № 17.

ΒΕ.ΕΝΙΚΗΓΥΝΗ	Βε[ρ]ενί[κ]η γυνὴ
Ε.ΜΟΚΡΑΤΟΥ	Ἑ[ρμ]οκράτου·
ΧΛΙΡΕ	χ[α]ῖρε.

Памятникъ принадлежитъ, несомнѣнно, римской эпохѣ.

---

60. Обломанное сверху надгробіе изъ мягкаго, вывѣтрившагося известняка, выш. 1 а. 1 в., шир. $10^{3}/_{4}$ в., толщ. $3^{1}/_{2}$ в.; внизу срѣзано для вставки въ постаментъ. Сверху сохранилась большая часть рельефа небрежной работы, изображающаго стоящую въ углубленіи между антами женщину en face (голова ея отбита) въ хитонѣ и иматіи; лѣвою рукою она опирается на невысокую колонку, а правая, обернутая въ иматій, лежитъ на груди; справа отъ женщины (для зрителя) стоитъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ цилиндрическимъ сосудомъ въ рукахъ. Надпись римскаго времени отчетливо видна на эстампажѣ (вел. буквъ $^{5}/_{8}$ в.). Памятникъ купленъ въ ноябрѣ 1892 г. у Е. Запорожскаго.

ΜΑΜΙΑΜΗΤΗΡ	Μαμία μήτηρ
ΜΗΝΙΟΥ ΧΑΙΡΕ	Μηνίου· χαῖρε.

---

61. Надгробіе изъ твердаго известняка, справа внизу обломанное, выш. $1^{1}/_{2}$ а., шир. $9^{1}/_{4}$ в., толщ. $3^{3}/_{4}$ в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и тремя розетками. Ниже фронтона, въ углубленіи подъ полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ антами, изображена рельефомъ женщина въ длинной одеждѣ, въ обычной задумчивой позѣ сидящая въ креслѣ съ подушками и точеными ножками, со скамеечкою подъ ногами. За кресломъ стоитъ (сильно попорченная) дѣвочка въ длинной одеждѣ, съ сосудомъ въ рукахъ. Передъ женщиной стоитъ лицомъ къ зрителю юноша, одѣтый въ хламиду, съ протянутою къ женщинѣ правою рукою; между ними видна верхняя часть низкаго столпа, на которомъ стоитъ небольшая женская фигура въ длинной одеждѣ (статуя богини?). Рельефъ довольно тщательной работы. Весь фонъ былъ покрытъ голубою краской, а на одеждахъ женшины и юноши сохранились слѣды фіолетовой краски. Надпись, довольно тщательно вырѣзанная по линейкамъ (выс. буквъ $^{1}/_{2}$ в.), мѣстами попортилась отъ времени. Камень купленъ въ ноябрѣ 1892 г. у Ерм. Запорожскаго.

ΜΑΣΦΙΟΝΓΥΝΗΙ	Μάσφιον(?) γυνὴ<ι>
ΡΟΔΟΚΛΕΟΥΣΧΑΙΡΕ	Ῥοδοκλέους· χαῖρε.

Среднія буквы женскаго имени сомнительны. Надпись не позднѣе I в. по Р. Хр.

---

62. Цѣликомъ сохранившееся надгробіе изъ бѣлаго мрамора, выш. 1 а. $1^{3}/_{4}$ в., шир. 10 в., толщ. 1 в. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками. Въ углубленіи подъ фронтономъ изображены горельефомъ двѣ женщины въ хитонахъ и иматіяхъ, стоящія en face и подающія одна другой правыя руки; въ лѣвомъ (для зрителя) углу видна дѣвочка въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Надпись подъ рельефомъ тщательно вырѣзана красивыми буквами (выш. $^{3}/_{4}$ в.) римскихъ временъ и прекрасно сохранилась. Найдено въ январѣ 1892 г. въ разоренномъ курганѣ (служащемъ теперь песочною ямою) по правую сторону отъ шоссейной дороги, ведущей на керченское новое православное кладбище.

ΜΟΥΣΑΓΥΝΗΙ ΤΙΜΟ |	Μοῦσα γυνὴ<ι> Τιμο-
ΚΡΑΤΟΥΣ ΧΑΙΡΕ |	κράτους· χαῖρε.

63. Часть надгробія изъ твердаго известняка, обломанная сверху, снизу и слѣва, выш. 1 а., шир. 10 в., толщ. $4^{1}/_{2}$ в. Сохранился нижній правый уголъ рельефнаго изображенія, именно фигура дѣвочки въ длинномъ одѣяніи, стоящей лицомъ къ зрителю, съ какимъ-то предметомъ въ видѣ длиннаго и узкаго цилиндра въ правой рукѣ; влѣво отъ дѣвочки виднѣется на низкомъ постаментѣ какой-то неопредѣленный предметъ, а еще лѣвѣе — часть скамейки съ ногами и частью одежды женщины. Подъ рельефомъ тщательно и глубоко врѣзана была весьма крупными буквами (выс. $1^{1}/_{4}$ в.) надпись, отъ которой сохранилась только правая сторона. Надгробіе подарено въ ноябрѣ 1892 г. купцомъ Букзелемъ, по словамъ котораго найдено въ Керчи.

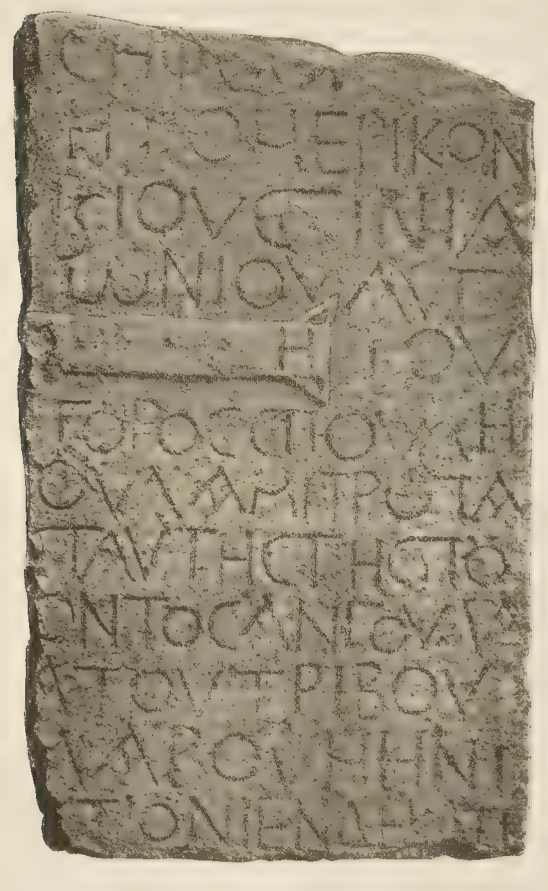
ΥΝΗΙΔΡΟΥ	[Ἡ δεῖνα γ]υνὴ<ι> Δρού-
ΧΑΙΡΕ |	[σου], χαῖρε.

Характеръ письма надписи и римское имя Друза (уже неоднократно встрѣчавшееся на Воспорѣ) являются несомнѣнными доказательствами того, что памятникъ относится къ эпохѣ римскихъ императоровъ.

2. Надписи христіанской эпохи.

64. Обломокъ плиты изъ твердаго известняка, выш. $14^{1}/_{4}$ в., шир. 9 в., толщ. около 4 в. На плитѣ былъ изображенъ рельефомъ большой четырехконечный крестъ, отъ котораго сохранилась только правая половина поперечной перекладины съ вырѣзанной на концѣ буквой Η, а по сторонамъ креста все поле плиты было занято надписью, старательно и глубоко вырѣзанной крупными буквами (выш. 0,035—0,045 см.). Плита куплена въ сентябрѣ 1893 г. въ Таманской

станицѣ по указанію ротмистра пограничной стражи В. П. Цѣхановскаго; найдена, по словамъ продавца, въ Суворовской крѣпости близъ Тамани.



. . . . σηφων . . . .
. . . : . . . .]η τὸ μερικὸν
[ἐφ' ὑπατία]ς Ἰουστινια-
[νοῦ τοῦ αἰ]ωνίου Αὐγ-
[ούσ]του
[και Αὐτοκρά]τορος σπουδῇ
[. . . . . . . τ]οῦ λαμπροτά-
[του κόμητο?]ς ταύτης τῆς πό-
[λεως, πράττ]οντος Ἀνγουλά-
[του τοῦ. . . .]άτου τριβού-
[νου καὶ ἐργο]λάβου(?), μηνὶ
[. . . . . , ἰνδικ]τι(ῶ)νι ἐνδεκάτῃ.

Обращаясь прежде всего къ внѣшнему виду плиты, слѣдуетъ замѣтить, что изображенный на ней четырехконечный крестъ, насколько можно судить по сохранившемуся остатку, имѣлъ форму обычную для времени императора Юстиніана I [1])—съ продольною полосою болѣе длинною,

[1]) Мы съ полною увѣренностью относимъ надпись ко времени Юстиніана I, такъ какъ противъ принадлежности ея ко времени Юстиніана II (685—695) кромѣ характера письма говорятъ историческія соображенія.

чѣмъ поперечная, и съ расширеніями на концахъ всѣхъ четырехъ полосъ [1]). Что касается до буквы Н на концѣ сохранившейся правой половины поперечной полосы креста, то въ дополненіе къ ней слѣдуетъ предполагать букву I на концѣ лѣвой половины. Эти двѣ буквы, составляющія начало имени ΙΗΣΟΥΣ, принадлежатъ къ числу древне-христіанскихъ символовъ подобно буквамъ Αω и пр. [2]).

Переходя къ вопросу о возстановленіи надписи, мы должны замѣтить, что имя императора Юстиніана и его титулъ въ стр. 3—6 намъ кажутся не подлежащими ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, полный титулъ этого императора встрѣчается въ надписяхъ въ болѣе длинномъ и пышномъ видѣ [3]), но отъ времени императора Юстина, непосредственнаго предшественника Юстиніана, мы имѣемъ надпись изъ г. Панія (Панидо), въ которой титулъ императора вполнѣ подходитъ къ сохранившимся остаткамъ строкъ въ нашей надписи [4]). Не такъ прочно могутъ быть установлены дополненія къ остальнымъ строкамъ документа. Общій смыслъ его дѣлаетъ несомнѣннымъ, что въ немъ шла рѣчь о какой-то постройкѣ; но въ чемъ она заключалась, къ сожалѣнію нельзя опредѣлить по сохранившимся остаткамъ 1-й и 2-й строкъ; видно только, что рѣчь идетъ о *части* постройки [5]). Въ лѣвой половинѣ строки 7-й, несомнѣнно, стояло собственное имя должностнаго лица, попеченію котораго приписана постройка; что касается до его титула, названнаго въ стр. 8, то наши скудныя свѣдѣнія о государственномъ строѣ Воспора въ эти времена не позволяютъ возстановить его съ полною увѣренностью; предлагая возстановленіе [κόμητο]ς, мы имѣли въ виду извѣстную надпись времени царя Диптуна [6]), въ которой этотъ титулъ усвоенъ,

---

[1]) Ср. *Ю. А. Кулаковскаго* Керченская христ. катакомба 491 г. (Мат. по арх. Россіи, изд. Имп. Арх. Комм. № 6, Спб. 1891), стр. 17—18, гдѣ указаны сохранившіеся образчики, изображенные у *Garrucci*, Storia dell'arte christiana.

[2]) См. объ этомъ у *Garrucci* op. c. I p. 157 sq.

[3]) C. I. Gr. IV, № 8636 (изъ Трапезунта): Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Φλ. Ἰουστινιανὸς Ἀλαμανικός, Γοτθικός, Φρανγικός, Γερμανικός, Ἀντικός, Ἀλανικός, Οὐανδαλικός, Ἀφρικός, εὐσεβής, εὐτυχής, ἔνδοξος, νικητής, τροπεοῦχος, ἀεισέβαστος, Αὐγοῦστος κτλ. — *Ibid.* № 8637 (оттуда-же): Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Φλ. Ἰουστινιανὸς εὐσεβής, νικητής, τροπαιοῦχος, μέγιστος, ἀεισέβαστος, Αὐγοῦστος κτλ. Совершенно подобный титулъ имѣетъ императоръ Зенонъ въ C. I. Gr. IV, 8621.

[4]) Издалъ Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς въ Παράρτημα τοῦ ιζ' τόμου τοῦ ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολ. Συλλόγου (1886), σ. 92 ἀρ. 12: Μη(νὶ) Νοενβ[ρίω, ἰν]δι[κτ. ., ἐφ'| ὑπατίας τοῦ δεσ|πότου ἡμῶν Φλ(αουίου)| Ἰουστίνου τοῦ αἰ|ωνίου Αὐγ(ούστου) κ(αὶ) Αὐτοκρ(άτορος) τὸ α' καὶ Φλ(αουίου) Εὐθαρὶχ τοῦ λαμπρ(οτάτου).—Ὑπατίας Φλ. Ἰουστινιανοῦ τὸ τέταρτον встрѣчается въ C. I. Gr. IV, 9276. Юстиніанъ, какъ извѣстно, былъ консуломъ пять разъ и 4-е консульство его относится именно къ 533 г., къ которому мы пріурочиваемъ надпись. Слѣдовало бы послѣ ἐφ' ὑπατίας ожидать τὸ δ', и это соображеніе можетъ подрывать правдоподобность нашего возстановленія, но другія возможныя возстановленія, какъ напр. [βασιλεύοντο]ς или [ἐπὶ βασιλεία]ς, менѣе подходятъ по числу буквъ: оба они заключаютъ въ себѣ по 11 буквъ, тогда какъ въ несохранившейся части строки 4-й ихъ было всего восемь.

[5]) Ср. Самоѳракійскую надпись C. I. Gr. IV, 8772: Καὶ τοῦτο [ἔκ]αμε καὶ [ἔ]στισε τὸ μέρος Ἰώλας κτλ. Въ стр. 2 можно предполагать одинъ изъ слѣдующихъ глаголовъ: ἐκτίσθη, ἀνεκαινίσθη, ἀνεστάθη, ἀνενεώθη и пр.

[6]) *Inscr. P.* II, № 49[1], v. 6: [καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Ὀπαδίνου τοῦ [ἐπὶ τῆς πι]νακίδος κτλ.

[7]) Слѣдуетъ замѣтить, однако, что комиты носили обыкновенно титулъ μεγαλοπρεπέστατοι. Ср. C. I. Gr. IV, 8621, 8622, 8652 (=Bull. de corr. Hell. VII, p. 261) и др. Эпитетъ ἐνδοξότατος усвояется комиту

повидимому, также городскому магистрату. Возможно, впрочемъ, разумѣть въ нашей надписи и императорскаго комита (о посылкѣ комита Іоанна на Воспоръ при Юстиніанѣ мы имѣемъ историческое свидѣтельство, которое будетъ приведено ниже), который, будучи представителемъ верховной власти на Воспорѣ, могъ быть отмѣченъ въ надписи спеціально какъ «комитъ этого города». [πράττ]οντος въ стр. 9 предположено на основаніи уже упомянутой надписи императора Зинона, C. I. Gr. IV, 8621. Имя 'Ανγουλά[του] взято изъ Onomasticon'а Де-Вита, въ которомъ Angúlatus указывается какъ cognomen, встрѣчающійся въ латинскихъ надписяхъ; далѣе въ стр. 10 слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, эпитетъ трибуна, но болѣе краткій, чѣмъ обычные ἐνδοξοτάτου, λαμπροτάτου и т. п.

Вопросъ о состояніи Воспорскаго царства въ V и VI вв. по Р. Хр. и объ отношеніяхъ его къ Византіи недавно былъ вновь разсмотрѣнъ нами и затѣмъ Ю. А. Кулаковскимъ по поводу найденной въ 1888 г. надписи Диптуна [1]). Изъ тожественнаго почти разсказа Малалы и Θеофана [2]) извѣстно, что въ первый годъ царствованія Юстиніана гуннскій царевичъ Гродъ или Горда явился въ Константинополь и принялъ христіанство, при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ. Онъ щедро одарилъ своего крестника и отослалъ его обратно въ Воспоръ блюсти интересы имперіи (εἰς τὸ φυλάττειν τὰ Ῥωμαικὰ καὶ τὴν Βόσπορον), отправивъ вмѣстѣ съ нимъ отрядъ испанцевъ подъ начальствомъ трибуна Делматія [3]). Гродъ и принявшіе христіанство Гунны стали переплавлять золотыхъ и серебряныхъ идоловъ и продавать ихъ въ Воспорѣ. Возмущенные этимъ жрецы подняли возстаніе, убили Грода и поставили вмѣсто него царемъ брата его Мугеля или Муагерія [4]). Мятежники вторглись въ Воспоръ и перебили охранявшій его отрядъ вмѣстѣ съ трибуномъ. Узнавъ объ этомъ, Юстиніанъ отправилъ въ Воспоръ сушею изъ Одисса и моремъ изъ Византіи значительныя военныя силы, въ составъ которыхъ входили и готскіе полки, подъ главнымъ начальствомъ Іоанна, комита устьевъ Евксинскаго Понта, и подъ командою воеводъ Годилы и Вадуарія. Услышавъ объ ихъ приближеніи, возставшіе Гунны бѣжали изъ Воспора и Іоаннъ утвердилъ въ немъ власть императора. Какъ бы въ дополненіе къ этому разсказу Прокопій [5]) сообщаетъ намъ, что Юстиніанъ возстановилъ въ красивомъ и прочномъ видѣ пришедшія въ ветхость стѣны Воспора и Херсона и особенно сильно укрѣпилъ Воспоръ, который подчинилъ своей власти послѣ того, какъ онъ издавна «оварварился» и находился подъ властью Гунновъ.

Наша надпись, свидѣтельствуя о постройкѣ, относящейся ко времени Юстиніана, является прекрасною иллюстраціею къ вышеизложеннымъ свидѣтельствамъ византійскихъ писателей и дополняетъ ихъ указаніемъ на то, что власть Юстиніана не ограничивалась западной стороной Воспора Киммерійскаго, но простиралась и на Таманскій полуостровъ (на которомъ найдена

въ C. I. Gr. 8650 и [8831]. Комиты отдѣльныхъ городовъ упоминаются и у писателей, напр. κόμης 'Αντιοχείας у Палладія, Vita s. Ioann. Chrys. p. 45, κόμης 'Αβύδου у Θеофана *Chron.* I p. 298 ed. de Boor.

1) *Latyschev*, Inscr. P. II, p. 293; *Кулаковскій*, Керч. христ. катак., стр. 26.

2) Malalae *Chronogr.* p. 431 (ed. Bonn.); Theophanis *Chron.* p. 175 de Boor. Эпизодъ повторенъ у Ландульфа, *Monum. Germ. hist.*, auct. ant. v. II, p. 369.

3) Національность отряда указана у Малалы, имя трибуна—у Θеофана.

4) Первое имя у Малалы, второе—у Θеофана.

5) Proc. *de aedif.* III, 7 (v. III p. 261 ed. Bonn.). О построеніи укрѣпленій въ Крыму ср. *Кеппенъ*, Крымскій сборникъ (Спб. 1837), стр. 52 сл.

надпись), и что дѣйствительно Воспоръ находился подъ непосредственной властью императора и управленіемъ его чиновниковъ.

Данное въ послѣдней строкѣ надписи указаніе индикта предоставляетъ намъ возможность съ достаточною точностью опредѣлить годъ постановки документа: въ теченіе долговременнаго царствованія Юстиніана было три года 11-го индикта, именно 533, 548 и 563 или, точнѣе, время съ 1-го сентября предшествовавшихъ годовъ по 1-е сентября каждаго изъ указанныхъ. Если мы припомнимъ, что по свидѣтельству Малалы и Ѳеофана царевичъ Гродъ явился въ Константинополь въ первый же годъ царствованія Юстиніана и затѣмъ разсказанныя выше событія, повидимому, быстро слѣдовали одно за другимъ, то будемъ имѣть полное основаніе отнести разсматриваемую надпись къ *первому* изъ указанныхъ годовъ 11-го индикта, т. е. 533-му по Р. Хр.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что разсматриваемый документъ имѣетъ хотя косвенное, но весьма немаловажное значеніе для контроля опредѣленія времени надписи царя Диптуна. Издавая эту надпись [1]), я считалъ возможнымъ отнести ее ко времени Юстиніана именно на основаніи вышеприведеннаго свидѣтельства Прокопія о произведенныхъ этимъ императоромъ на Воспорѣ постройкахъ. Профессоръ Ѳ. Г. Мищенко, почтившій второй изъ указанныхъ сборниковъ сочувственной рецензіей [2]), не нашелъ основаній пріурочивать эту надпись къ столь позднему времени, а проф. Ю. А. Кулаковскій [3]), ссылаясь на другое свидѣтельство Прокопія (*De b. Pers.* I, 12: οἱ δὲ Βοσπορῖται αὐτονομοι μὲν τὸ παλαιὸν ᾤκουν, Ἰουστίνῳ δὲ βασιλεῖ ἔναγχος προσχωρεῖν ἔγνωσαν), предположительно отнесъ ее ко времени Юстина и именно къ 522 году. Вернувшись при случаѣ къ этой надписи [4]) и резюмируя вопросъ объ ея времени послѣ возраженій гг. Мищенка и Кулаковскаго, я замѣтилъ: «Изъ этого разногласія ясно видно, что для пріуроченія этой надписи къ опредѣленному времени у насъ нѣтъ пока прочныхъ данныхъ». Въ настоящее время явилась возможность сравнить надпись Диптуна съ документомъ именно Юстиніановскаго времени — и приходится сказать, что это сравненіе не благопріятствуетъ моей первоначальной датировкѣ: какъ въ характерѣ письма, такъ и въ стилѣ обоихъ документовъ оказывается ощутительная разница, а кромѣ того мы видимъ, что при Юстиніанѣ Воспоръ былъ непосредственно подчиненъ Византіи, тогда какъ въ документѣ Диптуна нѣтъ никакихъ прямыхъ признаковъ подчиненія чуждому господству. Характеръ письма этого документа и, главнымъ образомъ, близкое сходство записаннаго въ немъ царскаго титула съ титулами царей Воспорскихъ II и III вв. по Р. Хр. побуждаютъ насъ въ настоящее время отодвинуть его къ болѣе раннимъ временамъ. Съ другой стороны надо принять во вниманіе 1), что воспорскіе цари извѣстны намъ почти до половины IV в. по Р. Хр., 2) что титулъ κομης вошелъ въ употребленіе только со времени Діоклетіана и раньше раздѣленія Римской имперіи на Западную и Восточную врядъ ли могъ дойти до такого отдаленнаго захолустья, какимъ былъ Воспоръ, и 3) что документъ, какъ

---

[1]) *Inscr. P.*, II n⁰ 39[1] и *Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimm. et Chersonesi Taur. per annos 1881—1888 repertae*, Petrop. 1890 (Прилож. къ отчету И. Арх. Комм. за 1882—88 г.) p. 23 sq., № 31.

[2]) *Кіевская Старина* 1890, іюль, стр. 136—141.

[3]) *Керч. христ. катак.* стр. 26. (Ср. *Журн. М. Н. Пр.* 1891, май, стр. 171—182).

[4]) *Зап. И. Русск. Арх. Общ.* т. V (1892), стр. 374. Ср. *Журн. М. Н. Пр.* 1891, декабрь, стр. 402. Отмѣтимъ еще, что А. Л. Бертье-Делагардъ въ своей статьѣ о надписи времени имп. Зинона въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. XVI (1893), коснувшись надписи Диптуна, замѣтилъ (стр. 82): «мнѣ кажется, что она не позже IV вѣка», но не указалъ никакихъ основаній этого мнѣнія.

видно изъ начертанныхъ на немъ крестовъ, относится къ такому времени, когда христіанская религія была если не господствующею, то по крайней мѣрѣ открыто признанною религіею на Воспорѣ и самъ царь, по всей вѣроятности, былъ уже христіаниномъ. Въ виду этихъ фактовъ надпись Диптуна никоимъ образомъ не можетъ быть древнѣе средины IV в. по Р. Хр. и съ наибольшею вѣроятностью можетъ быть отнесена къ V вѣку.

---

66. Вполнѣ сохранившаяся надгробная плита изъ мягкаго известняка почти квадратной формы (выш. 11 в., шир. $10\frac{1}{4}$ в., толщ. 5 в.). На правой боковой сторонѣ находится отверстіе для прикрѣпленія плиты. На лицевой сторонѣ въ обрамленномъ со всѣхъ сторонъ углубленіи изваянъ рельефомъ стоящій на низенькомъ постаментѣ равноконечный крестъ съ буквами A и Ѡ, а по сторонамъ его, въ четырехъ отдѣленіяхъ, довольно глубоко врѣзана надпись, нынѣ отчасти вывѣтрившаяся (выш. буквъ $\frac{7}{8}$ в.). Камень подаренъ въ ноябрѣ 1892 г. купцомъ Букзелемъ, по словамъ котораго найденъ въ Керчи (но гдѣ именно, не сказано).

Ἔτους γλψ',
μηνὶ
Δύστρου,
μνημῖον.
Εὐσεβί|ου
δ[ι]α-
κ[όν]ο[υ].

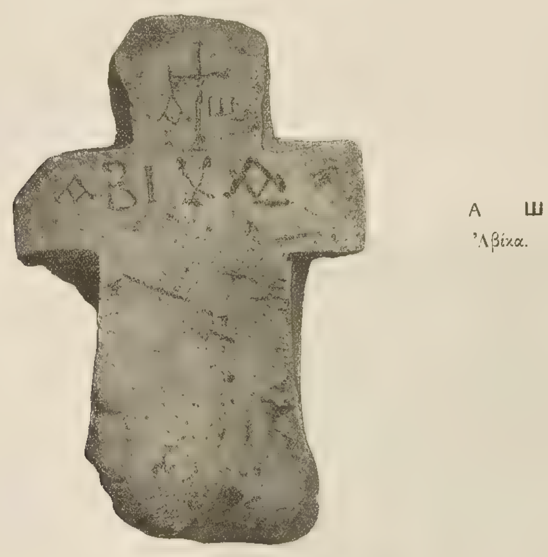
«Года 733, мѣсяца Дистра, памятникъ Евсевія діакона».

Годъ обозначенъ въ надписи, безъ сомнѣнія, по воспорскому лѣтосчисленію и, стало быть, соотвѣтствуетъ 436/7 годамъ по Р. Хр. Цифра года совершенно ясна на эстампажѣ. Такимъ образомъ этотъ камень является древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ христіанства на Воспорѣ. Исторія возникновенія и первыхъ судебъ его въ этой отдаленной области недавно изложена проф. Ю. А. Кулаковскимъ въ его изслѣдованіи о Керченской христіанской катакомбѣ 491 года, открытой въ 1890 г. (*Мат. по археол. Россіи, изд. Имп. Археол. Коммиссіей,*

№ 6, стр. 27 сл.). Въ томъ же трудѣ особый параграфъ (§ 5, стр. 17 сл.) посвященъ разсмотрѣнію формъ креста, встрѣчающихся на древнѣйшихъ христіанскихъ памятникахъ.

---

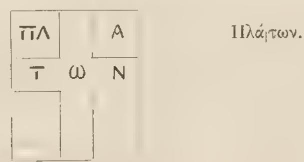
67. Вполнѣ сохранившійся четырехконечный крестъ изъ твердаго известняка (дикаря) выш. $10^1/_2$ в., шир. 7 в., толщ. 4 в. Вышина буквъ надписи—$^3/_4$ в. Найденъ въ іюлѣ 1892 г. во дворѣ крестьянина Ив. Демидова, за арестантской казармой.



Предпослѣдняя буква, вышедшая на снимкѣ похожею на Χ, несомнѣнно есть Κ. Она вполнѣ отчетливо видна на фотографическомъ снимкѣ и на эстампажѣ.

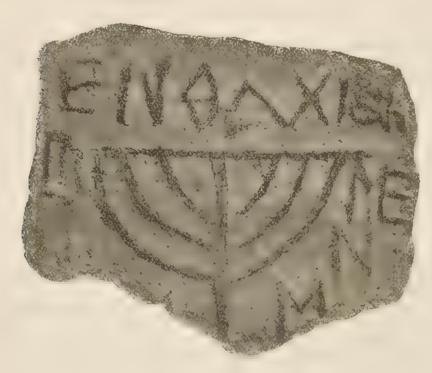
---

68. Надгробная плита изъ мягкаго известняка выш. $8^3/_4$ в., шир. $7^1/_2$ в., толщ. $2^3/_4$ в. На ней вырѣзанъ рельефный четырехконечный крестъ и надпись глубокими и крупными (выш. отъ $^3/_4$ до 1 в.) буквами, расположеніе которыхъ видно на чертежѣ. Куплена въ августѣ 1894 г. у Ерм. Запорожскаго. Копія К. Е. Думберга.



---

69. Обломокъ надгробной плиты изъ мягкаго известняка выш. $5^3/_4$ в., шир. $7^1/_4$ в., толщ. $1^3/_4$ в., обломанный, повидимому, только снизу. На немъ грубо вырѣзанъ семисвѣщникъ и греческая надпись, смыслъ которой очень трудно возстановить (выш. буквъ 1 в.). Подаренъ въ ноябрѣ 1892 г. купцомъ Букзелемъ, по словамъ котораго привезенъ съ Таманскаго полуострова.



Ἔνθα (κ)ῖ(τε)? . . .

Еврейскій надгробный памятникъ не древнѣе IV—V в. по Р. Хр.

III. ГОРГИППІЙСКІЯ НАДПИСИ.

Во 2-мъ томѣ нашего собранія греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря подъ №№ 398—420 помѣщено слишкомъ два десятка надписей, найденныхъ въ разное время въ г. Анапѣ, занимающемъ по всей вѣроятности, мѣсто древняго города Горгиппіи, или въ его окрестностяхъ. Въ послѣднее время въ Анапѣ вновь найдено нѣсколько епиграфическихъ памятниковъ, которые и издаются на нижеслѣдующихъ страницахъ. Мѣсто и время находки №№ 1, 3 и 4 съ точностью намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что изъ Анапы они были отправлены въ Екатеринодаръ, а оттуда въ 1894 году при посредствѣ профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Веселовскаго присланы въ Императорскую Археологическую Коммиссію, гдѣ и скопированы нами лично. №№ 2, 5 и 7 найдены въ Анапѣ въ 1894 г. и принадлежатъ мѣстному податному инспектору А. С. Попову; издаются они по точнымъ снимкамъ въ натуральную величину, любезно доставленнымъ намъ Н. И. Веселовскимъ; № 6 хранится въ домѣ г. Веселовскаго въ Анапѣ и издается по сообщенному имъ фотографическому снимку. Хотя послѣдніе четыре документа и не поступили въ вѣдѣніе Археологической Коммиссіи, но мы сочли полезнымъ помѣстить и ихъ въ настоящемъ собраніи во избѣжаніе излишней разбросанности изданій вновь находимыхъ памятниковъ.

1. Обломокъ плиты сѣраго мрамора выш. 0,29 м., шир. 0,36 м., толщ. 0,05. Первоначальные края нигдѣ не сохранились. Надпись вырѣзана не особенно тщательно и неровными буквами (выш. отъ 0,015 до 0,02 м.), но прекрасно сохранилась.

-ΣΑΝΔΡΟΣΝΟΥΜΗΝΙΟΥΣΙΜ

ΗΤΥΧΗΙ
ΩΣΤΙΒΕΡΙΟΥΙΟΥΛΙΟΥ
ΛΕΩϹΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ Ϲ *sic.*
ΜΑΙΟΥΕΥΣΕΒΟΥΣΕ
ΛΟΥΖ ΘΕΑΣΕΙΤΑΙϹ
ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ Κ
ΒΑΣΙΛΕΩΣΚϹ
ΗΝΙΟΝΑΤΤΑΣ
'ΝΕΟΚΛΗ
ΟΛΕΙΤΩΙ
ΓΙΝ

На обломкѣ, очевидно, сохранился конецъ одного списка и начало другаго, вырѣзаннаго болѣе небрежно и, повидимому, другою рукою. Строка 10-я выбита, какъ кажется, нарочно острымъ инструментомъ, но всетаки очертанія буквъ сохранились довольно ясно.

. . . Ἀλέ]ξανδρος Νουμηνίου, Σια . . .

[Ἀγαθ]ῆ τύχηι.
[Βασιλεύοντος βασιλέ]ως Τιβερίου Ἰουλίου [Κότυος,
υἱοῦ μεγάλου βασι]λέως Ῥησκουπόρι[δος φιλο-
καίσαρος καὶ φιλορω]μαίου εὐσεβοῦς, ἔ[τους? . . . .
. . . . . . μηνὸς Πανή]μου ζ'. Θεασεῖται ο[ἱ . . . . .
. . . . βασιλέως] Σαυρομάτου κ[. . . . . .
. . . . β]ασιλέως Κό[τυος . . . .
. . . Νουμ.]ήνιον,"Αττας . . .
. . . Νεοκλ[ῆς . . .
. . . π]ολειτῶ[ν . . .
. . . .

По содержанію строкъ 3—5, допускающихъ вполнѣ достовѣрное возстановленіе, надпись можетъ быть отнесена ко времени одного изъ двухъ Воспорскихъ царей: или Тиб. Юлія Савромата I (93—123 по Р. Хр.), бывшаго сыномъ Рискупорида I, или Тиб. Юлія Котиса III (227—233), сына Рискупорида II. Мы предпочли возстановить имя втораго во первыхъ потому, что количество пропавшихъ буквъ въ стр. 3 и 5 требуетъ возстановленія въ стр. 4-й υἱοῦ μεγάλου βασιλέως, т. е. точь въ точь такой формы, какая встрѣчается въ документѣ Котиса III—*Inscr. P.* II, № 432, тогда какъ въ документахъ Савромата I (ibid. №№ 38, 39, 358) эпитетъ μέγας отцу его не придается; во вторыхъ, въ стр. 7 и 8 нашего документа[1]) снова упоминаются имена царей Савромата и Котиса, а намъ извѣстно, что соправителемъ Котиса III въ теченіе 3-хъ лѣтъ (229—232) былъ Савроматъ III[2]). Такимъ образомъ нашъ документъ долженъ относиться къ указанному трехлѣтнему промежутку времени, въ теченіе котораго совмѣстно правили Котисъ III и Савроматъ III.

Несмотря на свою незначительную величину, этотъ обломокъ вмѣстѣ съ слѣдующимъ ниже подъ № 2 важны для насъ тѣмъ, что вполнѣ опредѣляютъ характеръ и значеніе цѣлаго ряда анапскихъ надписей, извѣстныхъ раньше: въ *Inscr. P.* II, №№ 502—418 изданы нами, подъ общимъ заглавіемъ «civium catalogi», найденные въ разное время въ Анапѣ и ея окрестностяхъ болѣе или менѣе значительные обломки, характеризующіеся одинаковыми признаками: они представляютъ списки лицъ, въ ряду которыхъ иногда встрѣчаются военные магистраты (στρατηγός въ №№ 402 и 404, λοχαγός въ № 402), жрецы (№№ 404 и 410) и гимнасіархъ (№ 403); на трехъ обломкахъ сохранились въ заголовкахъ имена царей (№№ 402, 411 и 412). Бекъ, издавая одинъ

---

[1]) Къ сожалѣнію намъ не удалось возстановить ихъ контекстъ.
[2]) См. *Inscr. P.* II, praef. p. L.

изъ этихъ списковъ, полагалъ, что въ немъ записаны ефивы, упражнявшіеся въ гимнасіи; я позволилъ себѣ (прим. къ № 402) высказать предположеніе, что каталоги скорѣе представляютъ собою списки членовъ религіозныхъ обществъ (θіасовъ), подобные танаидскимъ. Въ настоящее время это предположеніе возводится на степень несомнѣннаго факта какъ разсматриваемымъ обломкомъ, въ которомъ читается en toutes lettres слово θεασεῖται[1]), такъ и слѣдующимъ (№ 2), въ которомъ то же слово съ полною вѣроятностью возстановляется въ стр. 6 *a*, а кромѣ того въ стр. 1 съ неменьшею вѣроятностью можно предполагать названіе самаго общества—[ἡ σύν]οδος и въ стр. 3—названіе должностнаго лица συναγ[ωγός] [2]). Въ другомъ обломкѣ того же документа (№ 2 *bc*, стр. 4) мы встрѣчаемъ весьма любопытное названіе ὀρφανοφύλαξ [3]), свидѣтельствующее о томъ, что въ кругъ дѣятельности горгиппійскихъ религіозныхъ обществъ входило, между прочимъ, попеченіе о сиротахъ и для этой цѣли существовали въ обществахъ особыя должностныя лица.

---

2. Три обломка мраморной плиты, изъ коихъ *a*, выш. 0,155 м., шир. 0,165, повидимому, принадлежитъ къ началу плиты (слѣва, какъ кажется, сохранился край), а *b* + *c*, соединяющіеся вмѣстѣ, — къ концу. Принадлежность обломковъ къ одной плитѣ неоспоримо доказывается полною тожественностью внѣшнихъ признаковъ письма. Обломокъ *a* найденъ въ городской стѣнѣ Анапы, а *b* + *c* при копаніи подвала въ домѣ Касимова Христо (всѣ въ 1894 г.).

a

ΟΔΟΣΙΙ	[Ἡ σύν]οδος [ἡ περὶ . . . .]
ΘΟΥΝΕΟΚΛΕ	θου Νεοκλέ[ους . . . .]
ΑΣΚΑΙΣΥΝΑΓ	ας καὶ συναγ[ωγὸν . . . . Παν]-
ΤΑΛΕΟΝΤΟ	ταλέοντο[ς . . . . ἐπὶ τῶν]
ΙΕΡΩΝΚΑΙΦΡΟ	ἱερῶν καὶ Φρό[νιμος . . . . Ἔ]-
ΡΩΤΟΣ ΘΙΑ	ρωτος. Θια[σῖται . . . . Ἀγα]-
ΘΟΥΝΥΜΦΑΓ	θοῦ, Νυμφαγ[όρας . . . .]
— —	. . . .

---

[1]) Такое правописаніе (чрезъ ε вмѣсто ι) впервые встрѣчается на Воспорѣ. Впрочемъ, теперь можно предположить, что начало этого же слова заключается въ *Inscr. P.* II, № 57, стр. 2, въ буквахъ ΘΕΑΣ, для которыхъ мы раньше не могли подобрать вполнѣ подходящаго дополненія.

[2]) Не ручаемся за вѣрность возстановленія [ἐπὶ τῶν] ἱερῶν въ № 2 *a* стр. 4—5 (ср. *Inscr. P. II*, №№ 50, 352, 353). Здѣсь могло стоять и собственное имя Ἱέρων, какъ въ *bc*, стр. 3.

[3]) О существованіи должностныхъ лицъ съ этимъ названіемъ въ Аθинахъ свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ, *О дох.* 2,7.

b *c*	
ΠΟΥ	. . . Πόθ. . .
ΑΛΛΙΣΕ Ι Υ ΟΝΛ	. . . Κ]αλλισθ[έν]ο[υ. . . . .
ΩΝΟΣΙ ΡΩΝΟΙΚΟΙ	. . . ωνος, Ἱ[έ]ρων Οἰκο . . .
ΚΟΥΟΡΦΑΝΟΦΥΛΑΞ	. . . κ]ου· ὀρφανοφύλαξ . . .
ΧΟΡΑΓΟΥΣΜΥΡΙΣΚΟΥ	. . . Χοραγοῦς Μυρίσκου. . .
ΝΟΔΩΡΟΣΧΡΗΣΤΟΥΝ	. . . Ἀθη]νόδωρος Χρήστου, . . .
ΚΙΣΚΟΣΠΟΘΟΥΧΡΗΣ	. . . Λυ]κίσκος Πόθου, Χρησ[τίων . . .
ΞΧΡΗΣΤΙΩΝΚΟΜΙΝ	. . . . , Χρηστίων Κομιν[ίου . . .
ΩΝΟΣΧΡΥΣΟΓΟ	. . . ωνος, Χρυσόγο[νος . . .
ΙΟΥΛΙΑΝΟ	. . . Ἰουλιανὸ[ς . . .
ΓΑΘΟΥΣ	. . . Ἀ]γαθοῦς . . . .
vac.?	

Изъ записанныхъ въ этихъ обломкахъ именъ, кромѣ сомнительнаго Φρό[νιμος], еще не встрѣчались на Воспорѣ слѣдующія: Ἱέρων, Οἰκο..., Χοραγοῦς, Χρυσόγονος и Ἰουλιανός. Имя Κομίνιος читается въ *Inscr. P.* II, № 403, v. 18. Объ ὀρφανοφύλαξ см. примѣчаніе къ предыдущей надписи.

---

3. Шесть обломковъ бѣломраморной плиты толщ. 0,032 метра: *a* съ сохранившимся лѣвымъ краемъ, наиб. выш. 0,30 м., шир. 0,26 м.; *b*+*c* (соединяющіеся вмѣстѣ), обломанные со всѣхъ сторонъ, выш. 0,25 м., шир. 0,28; *d*+*e*+*f* (также соединенные) выш. 0,35 м., наиб. шир. 0,20 м. Надпись, вырѣзанная двумя разными почерками (первымъ строки 1—16, вторымъ остальныя), до сихъ поръ прекрасно сохранилась; средняя высота буквъ 0,015 м.

a	*b*+*c*	*d*, *e*, *f*
		ΛΑC (*d*)
		CKOY
		NCЄ
		ΡΝΑΚΙ
\		ΑΚΟΥΑ
ΝΤΙΠ▒Α		ΞΑCΠΟΥΡ (*e*)
ΓΟΥΑΘΗΝ		▒ΟΥΜΑΡΚΟC
MYCTIKOY		OCΠΟΘΟΥ
ΠΟΘΟCΠΟ		ΝΙΚΟΥ
ΘΑΜΦΑΛC		ΙΩΝΠΟ
ΤΗΓΟΥΜΥΡЄ	ΡΙC	ΚΑΗCΑ (*f*)
ΤΑΚΟΥΑ·ΑΛΑΝ	ΛΟCCOYΘЄ	ΑCΑ
ΚΑCΑΓΟCΗΤ▒	ЄΙCΑΚΑCΑΚΑΛ	ΑΛЄ
ΡΙΟΥЄΡΩCΠ	ΘΟΥΑΤΙΝΑΨΥΧ	ΗC
ΗΛΙΟΥΡ	ΜΦΛΙΑCΝЄΟΚ	ΑΜ
ΒΑΤΙΩΙ	ΙΟΥΛΙΑΝΟΣΜΑΡΚC	
ΕΡΩ	ΑΣΠΟΤΗΓΟΥΑΘΙ	
Ι	ΘΟΣΔΙΟΦΑΝΤC	
	ΣΙΟΥΣΕΛΓ	
	ΣΣΚΩ	
	ΑΠ	

Фрагменты могутъ быть возстановлены слѣдующимъ образомъ:

. . . . ας
. . . . σκου,
. . . ω]ν Σε-
[λεύκου? . . . . Φα]ρνακί-
[ων . . . . ὁ δεῖνα Ἀτ]ακούα,
[Ἀ]ντίπα[τρος τοῦ δεῖνος, ...]ς Ἀσπούρ-
γου, Ἀθην[όδωρος τοῦ δεῖνος, ... ὁ δεῖνα . . .]ου, Μάρκος
Μυστικοῦ, [. . . .]ος Πόθου,
Πόθος Πό[θου?, ... ὁ δεῖνα Καλλι?]νίκου,
Θάμφλας [τοῦ δεῖνος, ...]ίων Πο-
τηγοῦ, Μυρε[ῖνος τοῦ δεῖνος, Ἀ]ρισ[τίων? τοῦ δεῖνος, Νεο]κλῆς Ἀ-
τακούα, Ἀλα[νικὸς? Χ]οσσοῦ, Θε[. . . . . Ἀκ]άσα,
Κάσαγος ἢ Τ[ά]εις (?) Ἀκάσα, Καλ[λ . . . . . . , ὁ δεῖνα Οὐα]λε-
ρίου, Ἔρως Πόθου Ἀτινᾶ, Ψυχ[αρίων τοῦ δεῖνος, ...]ης
Ἡλίου, Ῥ.. μφλίας Νεοκ[λέους. . . . . , Σ]αμ-
βατίω[ν. . . . . ο]υ, Ἰουλιανὸς Μάρκο[υ, ... , ὁ δεῖνα]
Ἔρω[τος, ...]ας Ποτηγοῦ, Ἀθ[ηνόδωρος . . . .
. . . . , Πό]θος Διοφάντο[υ, ...
. . . ὁ δεῖνα . . .]σίου, Σέλε[υκος τοῦ δεῖνος . . .
. . . ς Σκω. . .
. . . απ. . .

Быть можетъ къ этой же плитѣ (къ нижней части, вырѣзанной вторымъ почеркомъ) относится слѣдующій обломокъ, привезенный также изъ Екатеринодара и списанный мною въ Археологической Коммиссіи (выш. около 0,11 м., шир. 9,10 м.):

ΩΝΟΣΠ (над Σ: d)	. . . ὁ δεῖνα . . . .]ωνος, Π. . . .
ΑΠΙΑΠΑ	. . . . . ὁ δεῖνα Π]απία, Πα . . .
ΥΣΦΑΡΝ	. . . . ο]υς Φαρ[νακίωνος? . . .
ΝΕΟΚΛΗ	. . . Ν]εοκλ[ῆς . . .

Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что обломокъ надписи, хранящійся нынѣ въ Эрмитажѣ и изданный нами въ *Inscr. P.* II, № 404, несомнѣнно вырѣзанъ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ и приблизительно въ одно время съ вновь найденными обломками: сходство формъ отдѣльныхъ буквъ и вообще всего пошиба письма въ этихъ надписяхъ можетъ сразу поразить даже не особенно внимательнаго наблюдателя; но тѣмъ не менѣе можно съ полною увѣренностью сказать, что № 404 и новые обломки *не* происходятъ отъ одного и того же камня, такъ какъ промежутки между строками въ № 404 ýже, нежели въ новыхъ обломкахъ, и вообще вся надпись вырѣзана болѣе компактно.

Изъ числа записанныхъ на обломкахъ именъ ранѣе не встрѣчались въ Горгиппіи и вообще на Воспорѣ: Ἀχάσας, Ἀλα[νικός?], Ἀτινᾶς, Θάμφλας, Κάσαγος, Μυστικός, Ποτηγός, Ῥ...μφλίας и Τάεις [1]). Впрочемъ имя Ἀτινᾶς встрѣчается въ Херсонисѣ (въ формѣ Ἀττινᾶς, *Inscr. P.* I, № 199), а Κάσαγος—въ Ольвіи (ibid. №№ 52, 71 и въ формѣ Κάσακος—№ 62); имя Θάμφλας на основаніи нашей надписи возстановлено въ обломкѣ изъ Ираклія, изданномъ выше среди воспорскихъ надписей подъ № 3, и кромѣ того можетъ быть возстановлено въ анапскомъ обломкѣ, помѣщенномъ въ *Inscr. P.* II, № 407; имя Ῥ...φλίας своимъ окончаніемъ напоминаетъ имя Γ. Σ. ΜΦΛΙ[ΟΥ], читающееся въ пантикапейской надписи *Inscr. P.* II, № 29 A, v. 14; наконецъ имя Τ[ά]εις, впрочемъ сомнительное, по окончанію аналогично съ воспорскими и анапскими Γάστεις, Δάσεις, Πάστεις, Πάτεις, Σέρεις, Χάρδεις и т. п. Замѣтимъ еще, что имя Ἀτακούας, безъ сомнѣнія, представляетъ собою параллельную форму имени Ἀττακόας, читающагося въ анапской же надписи *Inscr. P.* II, № 403. Такимъ образомъ разсмотрѣнные обломки надписи, не представляя ничего новаго для исторіи или религіозныхъ древностей Воспора, обогащаютъ имѣющійся у васъ воспорскій ономатологическій запасъ нѣсколькими новыми именами или параллельными формами къ именамъ, которыя были извѣстны уже раньше.

---

4. Три соединяющіеся вмѣстѣ обломка бѣломраморной плиты выш. 0,15 м., шир. 0,20, толщ. 0,025. Первоначальные края нигдѣ не сохранились, но въ стр. 3 и 4, повидимому, имѣются концы. Задняя сторона плиты также гладко отполирована. Надпись, вырѣзанная довольно мелкими буквами (выш. около 0,012 м.), недурно сохранилась на камнѣ.

ꞏΦΑΙΟΡΑ	. . . Νυμ]φα[γ]όρα[ς . . .
ΑΝΟΚΑϹΑΤΤΑ	. . . . ανόκας Ἄττα
ꞏΚΑΠΟΘΟϹΕΡΜΗ	[. . . . ὁ δεῖνα . . .]κα, Πόθος Ἑρμῆ,
ΠΠΟΥΙΑϹΤΕΙΜΟ *vac.*	[ὁ δεῖνα . . . . ἱ]ππου, Ἶας Τειμο-
ʹΚΩΝΑΠΟΛΛ	[θέου, ... Γλύ]κων Ἀπολλ[ω-
ΡΗϹΤΙΩΝϹ	νίου, ... , ὁ δεῖνα Χ]ρηστίωνο[ς,
ΤΡΙΟΥ	. . . . ὁ δεῖνα Δημη]τρίου . . .

Имя Ἶας (стр. 4) намъ кажется не подлежащимъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что существованіе его можетъ быть предположено и въ другихъ горгиппійскихъ надписяхъ: такъ, въ *Inscr. P.* № 402 v. 57 вмѣсто предложеннаго нами чтенія [ὁ δεῖνα...]ατησία вполнѣ возможно читать [....κρ]άτης Ἶα, а въ № 403 v. 4 чтеніе [ὁ δεῖνα Κ]ατίωνος· Ἶας Ποσίου вмѣсто [ὁ δεῖνα Κ]ατίωνος Ἰασποσίου представляется даже болѣе вѣроятнымъ 1) потому, что въ этомъ спискѣ огромное большинство лицъ записано только съ отчествами, безъ именъ дѣдовъ, и 2) потому, что послѣ [Κ]ατίωνος стоитъ точка, которая служитъ въ этомъ документѣ для раздѣленія полныхъ именъ отдѣльныхъ лицъ, но не ставится между именами и отчествами или отчествами и именами дѣдовъ.

---

[1]) Всѣ эти имена, кромѣ Μυστικός, отсутствуютъ и въ словарѣ Папе-Бензелера.

5. Обломокъ мраморной плиты выш. 0,165 м., шир. 0,075 м. Первоначальные края нигдѣ не сохранились. Надпись читается вполнѣ отчетливо (выш. буквъ 0,015 м.). Найденъ въ городскомъ валу Анапы въ 1894 г.

ϽΝΙ	. . . ων . . .
ΛΘΗΝ	. . . Ἀθην[οδωρ . . .
ΔΑΡΟϹΤ	. . . Ἄρ]δαρος [Π . . .
ΚΙΩΝΟ	. . . κ]ίωνο[ς . . .
ΟΥ·Β·Π	. . . ου β'. Π . . .
ΝΟΔΩ	Ἀθη]νοδω[ρ . . .
ΟϹΥΙΟ	. . . ος υἱὸ . . .
·ΑΤΤΛ	. . . Ἄττα . . .
⁻Ι	. . . .

6. Обломокъ мраморнаго надгробнаго памятника. Сверху плита была украшена тщательно исполненнымъ рельефомъ, отъ котораго сохранился только нижній лѣвый (отъ зрителя) уголъ: видна нижняя часть женской фигуры въ длинномъ одѣяніи, сидящей въ обычной позѣ въ креслѣ съ точеными ножками, со скамеечкою подъ ногами; за кресломъ видна фигурка дѣвочки въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ (цилиндрической формы, съ коническою крышкою), а передъ женщиною стояла мужская фигура, отъ которой сохранились только ноги до колѣнъ. Подъ рельефомъ надпись, тщательно вырѣзанная и довольно отчетливо читающаяся на фотографическомъ снимкѣ, любезно доставленномъ намъ проф. Н. И. Веселовскимъ

ΣΙΣΟΥΛΙΝΙΚΙΟΥ ΧΑΙΡΕ	Σισουλὶ Νικίου, χαῖρε.

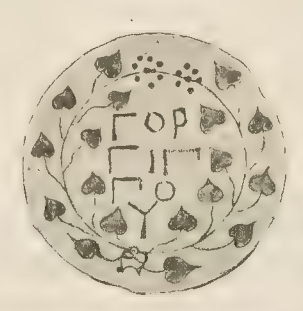
Такъ какъ женская фигура занимала, очевидно, главное мѣсто на рельефѣ, то можно предположить, что подъ памятникомъ погребена была женщина и что, стало быть, имя Σισουλίς, встрѣчающееся здѣсь повидимому впервые, есть женское[1]). Слѣдуетъ, однако, оговориться, что на воспорскихъ надгробныхъ памятникахъ при женскихъ именахъ обыкновенно ставится γυνή или θυγάτηρ съ слѣдующимъ затѣмъ именемъ мужа или отца[2]).

---

[1]) Ср. мужское имя Σίσος въ *Inscr. P.* II, № 263.

[2]) Ср. однако женскія имена съ род. пад. безъ прибавки γυνή или θυγάτηρ въ *Inscr. P.* II, №№ 68, 70, 91, 94, 244, 247, 250, 255.

7. Штемпель на кирпичѣ, найденномъ въ Анапѣ въ виноградникѣ Емцова въ 1892 году. Прилагаемый спимокъ въ натуральную величину сообщенъ проф. Н. И. Веселовскимъ.



Чтеніе «Γορ|γίπ|πο|υ» на штемпелѣ пе подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и придаетъ ему весьма важное историческое значеніе. Дѣло въ томъ, что Анапа, по весьма правдоподобному предположенію Бека и Бруна[1]), находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ городъ Γοργιππία, получившій свое названіе, по всей вѣроятности, отъ Горгиппа, одного изъ членовъ династіи Спартокидовъ (по свидѣтельству Поліэна—сына Сатира I), жившаго въ IV в. и, какъ кажется, самостоятельно управлявшаго азіатской стороной Воспорскаго царства послѣ смерти Сатира I[2]). Между вещественными памятниками, сохранившимися отъ греческихъ поселеній на берегахъ Воспора Киммéрійскаго, давно уже извѣстны кирпичи или черепицы съ надписями, заключающими въ себѣ имена мѣстныхъ правителей, какъ напр. Παιρισάδου, Εὐμήλου, βασιλέως Σπαρτόκου, ἄρχοντος Ὑγιαίνοντος и т. п.[3]). Сравнивъ съ ними вновь найденный штемпель, мы получаемъ полное право заключить, что на кирпичѣ поставлено имя того самаго правителя Горгиппа, отъ котораго получилъ названіе городъ Горгиппія, тѣмъ болѣе, что по характеру письма штемпель съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ IV в. до Р. Хр. Такимъ образомъ, онъ даетъ намъ новое и неопровержимое свидѣтельство объ одномъ изъ наименѣе извѣстныхъ членовъ династіи Спартокидовъ. Вопросъ о значеніи штемпелей съ именами правителей на кирпичахъ и черепицахъ мы надѣемся разсмотрѣть въ III томѣ издаваемаго нами сборника надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря.

---

[1]) Ср. *Inscr. Pont.* v. II, praef. p. XII.

[2]) Сохранившіяся свидѣтельства о Горгиппѣ сопоставлены и разсмотрѣны нами въ *Inscr. P.* II, praef. p. XX.

[3]) См. о нихъ замѣчанія А. В. Орѣшникова въ соч. *Chr. Giel*, Kleine Beiträge zur ant. Numismatik Südrusslands (Moskau 1886), p. 41—43.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

къ надписямъ, изданнымъ въ № 9 «Матеріаловъ по археологіи Россіи» (Спб. 1892).

Со времени выхода въ свѣтъ № 9-го «Матеріаловъ по археологіи Россіи» накопилось довольно изрядное количество разныхъ поправокъ и дополненій къ изданнымъ въ немъ греческимъ и латинскимъ надписямъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ тремъ обстоятельствамъ: 1) въ двадцатыхъ числахъ іюля 1892 г. мнѣ удалось побывать въ Херсонисѣ и лично провѣрить по камнямъ всѣ изданныя въ указанномъ выпускѣ херсонисскія надписи, при чемъ я отмѣтилъ нѣсколько неточностей въ копіяхъ, снятыхъ съ фотографій или эстампажей, и въ самыхъ описаніяхъ камней. Кромѣ того завѣдывающій херсонисскими раскопками К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, просмотрѣвъ изданное собраніе надписей, съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ нѣсколько поправокъ и дополненій, преимущественно къ сообщеніямъ о мѣстѣ, времени и обстоятельствахъ находки камней. 2) Нѣсколько поправокъ подобнаго же характера оказалось возможнымъ извлечь изъ изданныхъ въ послѣднее время «Отчетовъ Императорской Археологической Коммиссіи» за 1889—91 годы. 3) На нѣкоторыя изъ изданныхъ нами надписей обратили свое благосклонное вниманіе разные отечественные и иностранные ученые, въ статьяхъ и замѣткахъ которыхъ встрѣчаются дополненія и указанія, вполнѣ заслуживающія быть отмѣченными. Всѣ собранные такимъ образомъ матеріалы для дальнѣйшаго изученія изданныхъ нами документовъ мы расположимъ по порядку ихъ изданія въ указанномъ сборникѣ.

Къ № **1.** По словамъ г. Косцюшко-Валюжинича оба камня съ текстомъ присяги найдены съ *сѣверной* стороны новаго храма на мѣстѣ, гдѣ обнаружены остатки совершенно разрушенной базилики, но не были употреблены для настилки ея пола; нижняя часть найдена надписью вверхъ (почему она и пострадала болѣе другой), а верхняя—надписью внизъ и значительно глубже. Относительно текста мы при личной провѣркѣ констатировали слѣдующее: въ концѣ стр. 18-й приписная іота навѣрное не была вырѣзана по недостатку мѣста; въ концѣ стр. 27-й буквы ΒΑ стоятъ такъ близко къ краю, что для слѣдующей буквы Ρ, повидимому, не было мѣста, такъ же какъ и въ концѣ стр. 29 для послѣдней буквы Ι; въ концѣ стр. 28-й на камнѣ ясно видно ΕΝ, такъ что слѣдуетъ читать βλάπτεν, причемъ Ε = ΕΙ по древнему употребленію; въ стр. 35 въ

транскрипціи по опискѣ поставлено ἐξαγγελ[ῶ] вмѣсто εἰσαγγελ[ῶ]; въ концѣ стр. 39 на камнѣ читается ΤΛ▒; въ стр. 42: ΔΙΛΛΥ⁻ΑΜΕΝΩΙ и т. д.; въ нач. стр. 43-й видно ⋁ΟΝ и въ концѣ ΕΜΜL.

Въ виду выдающагося интереса и значенія херсонисской присяги я сообщилъ свою статью о ней въ нѣмецкомъ переводѣ Берлинской академіи наукъ, которая и помѣстила ее въ своихъ *Sitzungsberichte* 1892, № XXVII. Отсюда перепечаталъ текстъ надписи минускулами, съ нѣсколькими пояснительными замѣчаніями, г. Théodore Reinach въ *Revue des études Grecques* t. V (1892), p. 403—408[1]). Изъ замѣчаній издателя имѣютъ нѣкоторый интересъ указываемыя имъ аналогіи содержанія документа или отдѣльныхъ мѣстъ его съ критскими клятвами и нѣкоторыми другими надписями.

Кромѣ г. Ренака перепечаталъ нашу надпись (минускулами, съ нѣмецкимъ переводомъ en regard) г. A. Semenoff въ своей статьѣ «Zum Bürgereid der Chersonesiten» въ *Blätter f. d. Gymnasialschulwesen*, B. XXX (1894), стр. 199—204[2]). Разсмотрѣвъ вопросъ о времени надписи (при чемъ серьезно опровергается мнѣніе г. Кондолеонта, въ сущности не заслуживающее вниманія), авторъ заявляетъ, что «едва ли можно принять, что мы имѣемъ передъ собою *ежегодно* примѣняемый текстъ присяги», и старается доказать, что это была *единовременная* присяга демократовъ послѣ побѣды надъ олигархами («Unsere Formel scheint einen Sieg des Demos anzudeuten, wobei die gesammte Bürgerschaft neu vereidigt wurde»). Мысль безспорно интересная, но приводимыя въ подкрѣпленіе ея доказательства настолько слабы (отчасти даже наивны), что нисколько не поколебали моего взгляда на эту присягу, въ пользу котораго общій тонъ ея и отдѣльные пункты, по моему убѣжденію, свидѣтельствуютъ гораздо больше, нежели въ пользу предположенія, высказываемаго г. Семеновымъ. Поэтому я не вижу необходимости вдаваться въ подробный разборъ немногочисленныхъ доказательствъ г. Семенова, такъ какъ всякій понимающій дѣло читатель, познакомившись съ ними (буде пожелаетъ), безъ труда оцѣнитъ ихъ по достоинству. Къ замѣчаніямъ г. Семенова объ отдѣльныхъ пунктахъ надписи мы будемъ обращаться при разсмотрѣніи по порядку тѣхъ частей ея текста, на которыя было обращено вниманіе въ извѣстныхъ намъ статьяхъ и замѣткахъ разныхъ ученыхъ.

Проф. В. К. Ернштедтъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за октябрь 1892 г., отд. кл. фил. стр. 28, предложилъ въ стр. 9—10 документа читать οὐδὲ τᾶς ἄλλας χώρας, ἂν Χερσονασῖται νέμονται ἢ ἐνέμοντο οὐδενὶ οὐθὲν κτλ. Съ этой поправкой нельзя не согласиться, такъ какъ при ней значительно упрощается конструкція (род. падежъ τᾶς ἄλλας χώρας зависитъ отъ οὐθέν). Наше чтеніе οὐδὲ τὰς ἄλλας χώρας ἂν κτλ. возникло подъ вліяніемъ предшествующихъ винительныхъ падежей, причемъ ἂν мы принимали за gen. partitivus. На значеніе формы ἐνέμοντο обратилъ вниманіе г. Семеновъ: «Das Imperfectum ἐνέμοντο, говоритъ онъ, ist schwerlich anders zu erklären als durch die Annahme, dass die Chersonesiten im Begriffe standen, ein Land (wohl jene Ebene), das sie

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что еще раньше нашего изданія нижняя половина присяги была издана въ томъ же журналѣ (т. IV, стр. 388 сл.) г. *Кондолеонтомъ* по копіи какого-то Сакелларія, вѣроятно тайкомъ списавшаго надпись въ Херсонисѣ.

[2]) Статья представляетъ собою, вѣроятно, переводъ реферата, прочитаннаго авторомъ въ засѣданіи классическаго отдѣленія Импер. Русскаго Археол. Общества 26 февраля 1893 г. См. *Новое Время* № 6107 и *Археол. изв. и замѣтки* (изд. Моск. Арх. Общ.) 1893, стр. 148.

besessen (ἐνέμοντο), dann aber verloren hatten, wieder zu erobern». Такое объясненіе можетъ быть допущено только въ такомъ случаѣ, если принимать вмѣстѣ съ г. Семеновымъ, что наша присяга была дана только однажды; что касается до насъ, то, оставаясь при своемъ взглядѣ на присягу, мы понимаемъ ἐνέμοντο въ томъ смыслѣ, что Херсонисцы не теряли надежды *когда-нибудь*, при благопріятныхъ обстоятельствахъ возвратить отнятую у нихъ (безъ сомнѣнія Скиѳами, какъ говоритъ и г. Семеновъ) часть области, и потому присяга требуетъ, чтобы граждане относились къ ней такъ же, какъ и къ дѣйствительнымъ владѣніямъ Херсониса, не допуская дѣйствій, которыя были бы противны интересамъ города.

Далѣе г. Семеновъ говоритъ: «In den Zeilen 16—18 verspricht der Eidleistende etwaige Verschwörungen gegen den Staat anzuzeigen τοῖς δαμιοργοῖς τοῖς κατὰ πόλιν. Der Ausdruck: κατὰ πόλιν wird von Latyschew mit «städtisch» übersetzt: er nimmt an, dass es städtische Damiurgen zu Chersonesos gab, welche durch dieses Epitheton den ländlichen entgegengesetzt werden». Затѣмъ на основаніи одного весьма сомнительнаго мѣста въ надписи изъ критскаго города Дрира[1]) онъ считаетъ за лучшее понимать выраженіе κατὰ πόλιν въ смыслѣ «in der Stadt befindlichen = anwesenden». По поводу приведенной цитаты считаю нужнымъ замѣтить, что напрасно г. Семеновъ въ такомъ увѣренномъ тонѣ приписываетъ мнѣ то, чего я не только не говорилъ, но даже и не думалъ: о какихъ-то «ländliche Damiurgen» въ Херсонисѣ я впервые узналъ только изъ его статьи. Стараясь буквально держаться греческаго текста, я перевелъ выраженіе «δαμιοργοῖς τοῖς κατὰ πόλιν» посредствомъ «городскимъ даміургамъ», но при этомъ понималъ и понимаю πόλις въ смыслѣ *городской общины* (= государство), такъ что δαμιοργοί οἱ κατὰ πόλιν по моему мнѣнію значитъ «существующіе въ нашей городской общинѣ даміурги». Разъ опредѣливъ такимъ образомъ вполнѣ точно понятіе δαμιοργοί, составитель текста присяги въ другомъ мѣстѣ (стр. 46) уже не прибавляетъ этого опредѣленія за ненадобностью. Принимая же объясненіе г. Семенова, мы должны были бы допустить совершенно ненужный плеоназмъ, такъ какъ само собою вполнѣ понятно, что заявленіе можно дѣлать только присутствующимъ даміургамъ, а никакъ не отсутствующимъ. — Этихъ же злополучныхъ даміурговъ задѣлъ и г. Th. Reinach въ упомянутой статьѣ (стр. 406): «M. Latyschew incline à y voir un collège spécial de magistrats supérieurs; mais le témoignage d'Hésychius, cité dans l'article de M. Contoléon, semble plutôt indiquer que δαμιοργοί est synonyme de ἄρχοντες *lato sensu*». Такое объясненіе дѣйствительно допускается смысломъ (особенно въ стр. 20: δαμιοργησῶ); но, принимая во вниманіе, что существованіе въ Херсонисѣ даміурговъ, какъ спеціальныхъ магистратовъ, несомнѣнно доказывается нѣсколькими епиграфическими документами и поэтому Херсонисцы, безъ сомнѣнія, обыкновенно соединяли съ словомъ δαμιοργός понятіе объ опредѣленномъ типѣ должностныхъ лицъ, я считаю возможнымъ остаться при своемъ прежнемъ объясненіи, тѣмъ болѣе, что доносы о заговорахъ (стр. 17 и 46) врядъ ли можно было дѣлать какимъ угодно магистратамъ, а не призваннымъ спеціально пещись объ общественной безопасности.

Загадочное слово ΣΑΣΤΗΡΑ очень заинтриговало собою ученыхъ, обратившихъ вниманіе на херсонисскую присягу, и вызвало уже нѣсколько попытокъ объясненій. Первая по времени попытка

---

[1]) Cauer, *Delectus*², n⁰ 121.

принадлежитъ извѣстному французскому ученому г. Бреалю и приведена въ статьѣ г. Ренака въ слѣдующихъ словахъ: «M. Bréal, que j'ai consulté, veut bien me répondre que l'étymologie ne saurait être douteuse. «L' adjectif σάος, qui s'est habituellement contracté en σῶς, a fait ici la contraction en sens contraire, σᾶς. Comme σῶς a donné σώζω, σᾶς a donné σάζω dont σαστήρ est le substantif verbal; le σ se trouve pareillement dans σῶστρα, substantif pluriel neutre». D'après cela σαστήρ serait synonyme de σωτήρ et pourrait désigner un magistrat populaire, le «conservateur» des privilèges du peuple, sorte de *tribunus plebis* ou de *defensor civitatis*». Въ подстрочномъ примѣчаніи г. Ренакъ приводитъ и свое собственное объясненіе, но изъ его словъ очевидно, что онъ самъ не придаетъ ему серьезнаго значенія. И дѣйствительно, оно такъ странно, что было бы лучше, если бы авторъ сохранилъ его про себя, не сообщая urbi et orbi. Третье объясненіе сообщаетъ греческій ученый Ἀνδρέας Ν. Σκιᾶς въ Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1892, σ. 256: «По нашему мнѣнію, говоритъ онъ, смыслъ этого мѣста слѣдующій: и я самъ буду добросовѣстно служить городу въ качествѣ должностнаго лица (ὡς ἄρχων) и всякаго другаго начальника, дѣйствующаго во благо народу, буду поддерживать и т. д. Итакъ впервые явившееся слово σαστῆρα должно обозначать вообще должностное лицо или попечителя какой либо должности (τὸν ἄρχοντα ἢ τὸν ἐπιμελητὴν ἀρχῆς τινος); это значеніе мы можемъ подтвердить, производя это слово отъ σάττω, которое прекрасно можетъ значить «пещись о какой либо должности», подобно его синониму κοσμεῖν. Глаголъ σάττω имѣетъ и позднѣйшую (ὑστερογενῆ) форму σάζω, которую мы встрѣчаемъ въ словѣ συνε(σ)σάδδη Гортинскихъ XII таблицъ; ср. также διαφυλάδει, πραδδάθαι, ἀνάζω = ἀνάσσω и т. п. [слѣдуютъ ссылки на Аренса, Мейстера, Мейера и Бругмана]. Отъ σάζω произведено σαστήρ по аналогіи съ φράζω — φραστήρ, κλύζω — κλυστήρ, δαμάζω — Δαμάστης, ὑβρίζω — ὑβριστής (позднѣе ὑβριστήρ), ἁρμόζω — ἁρμοστήρ (Ксен. Ἑλλην. IV, 8, 39), ἀσπίζω — ἀσπιστήρ и т. п.» Такимъ образомъ выведенное г. Скіасомъ значеніе загадочнаго слова близко подходитъ къ предлагаемому г. Бреалемъ, съ тою лишь разницею, что по мнѣнію перваго оно обозначаетъ должностное лицо вообще, а предлагаемое вторымъ производство заставляетъ предполагать, что слово σαστήρ обозначало какого-то спеціальнаго магистрата. Г. Salomon Reinach въ своей «Chronique d'Orient» въ *Revue archéol.* 1893, т. XXII, стр. 266, отмѣтивъ объясненіе г. Скіаса, замѣтилъ: «Le malheur, c'est que le sens d'ἄρχων ne convient pas du tout au passage visé». На это замѣчаніе г. Скіасъ въ Ἐφημ. ἀρχ. 1894, σ. 127 возразилъ слѣдующимъ образомъ: «Надѣясь переубѣдить и его (т. е. Ренака) и другихъ быть можетъ противомыслящихъ, мы замѣчаемъ, что вообще древность признавала величайшею изъ политическихъ доблестей *умѣніе хорошо править и повиноваться* [слѣдуютъ ссылки на Плат. *Зак.* 12, 942 с, Соф. *Антиг.* 669, Солона у Стов. *Анѳол.* 46, 22 и Ксен. *Анав.* I, 3, 15], и вполнѣ цѣлесообразно, чтобы молодые граждане клялись, что будутъ стремиться къ этой доблести. Итакъ, если σαστήρ можетъ быть прекрасно произведено отъ σάττω (σάζω) и имѣть значеніе ἄρχων или ἐπιμιλητής, какъ и производное отъ синонимическаго глагола κοσμῶ сущ. κοσμήτης (κόσμος), а сверхъ того въ данномъ мѣстѣ клятвы Херсонисцевъ имѣется утвержденіе о хорошемъ правленіи (δαμιοργησῶ καὶ βουλευσῶ τὰ ἄριστα πόλει καὶ πολίταις), то мы полагаемъ, что не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ правильности даннаго нами объясненія». Эта самоувѣренность г. Скіаса нисколько не мѣшаетъ, однако, намъ лично вполнѣ раздѣлять мнѣніе г. Сал. Ренака о неумѣстности въ данномъ случаѣ понятія ἄρχων или ἐπιμελητής и, стало быть, о непримѣнимости объясненій гг. Бреаля и Скіаса. Дѣло въ томъ, что въ Херсонисѣ, какъ и въ другихъ греческихъ общинахъ, было много должностныхъ лицъ, носившихъ разныя

названія[1]); поэтому, если допустить, что одинъ изъ пунктовъ клятвы заключалъ въ себѣ обѣщаніе охранять существующую администрацію, то скорѣе всего слѣдовало бы ожидать, что это обѣщаніе должно распространяться на *всѣ* органы административной власти, т. е. на все существующее правительство, такъ что слово ὁ σαστήρ имѣло бы собирательное значеніе, приблизительно равное выраженію οἱ ἀεὶ ἄρχοντες; но такое равенство едва-ли допустимо. Предполагать же вмѣстѣ съ гг. Бреалемъ и Скіасомъ, что названіе σαστήρ носилъ какой либо отдѣльный органъ административной власти, невозможно потому, что нельзя представить причины, почему онъ въ клятвѣ выдѣленъ изъ среды другихъ, т. е., иначе говоря, почему граждане клянутся оберегать только одного этого неизвѣстнаго магистрата, а не всѣхъ существующихъ; это можно было бы допустить только въ такомъ случаѣ, если бы σαστήρ былъ облеченъ *верховною* властью въ государствѣ, — но такому предположенію противорѣчитъ 1) ярко демократическій колоритъ всей присяги, 2) то обстоятельство, что такой представитель верховной власти нигдѣ не упоминается въ херсонисскихъ документахъ, тогда какъ названія другихъ магистратовъ встрѣчались уже неоднократно. Далѣе, нельзя не замѣтить, что второе объясненіе г. Скіаса (въ отвѣтъ на замѣчаніе г. Ренака) совершенно не подходитъ къ данному мѣсту документа, такъ какъ въ послѣднемъ рѣчь идетъ не о *повиновеніи* предполагаемому магистрату, а объ его охраненіи. Наконецъ, оба объясненія, какъ г. Бреаля, такъ и г. Скіаса, весьма непрочно обоснованы въ этимологическомъ отношеніи, такъ какъ въ первомъ форма σαστήρ выводится изъ несуществующихъ въ греческомъ языкѣ формъ σᾶς = σῶς и σάζω = σῴζω[2]), а г. Скіасъ въ своемъ объясненіи забываетъ, что глаголъ σάττω производится отъ корня σαγ и что поэтому правильная форма производнаго существительнаго была бы σακτήρ, и не представляетъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что форма σάζω, отъ которой можно произвести σαστήρ, дѣйствительно употреблялась въ дорическомъ діалектѣ[3]). Мейстеръ, на котораго онъ ссылается[4]), прямо говоритъ, что по свидѣтельству грамматиковъ ζ заступала общегреческую группу σσ въ *эолическомъ* діалектѣ, и прибавляетъ: «An eine lautliche Entstehung von ζ aus σσ ist selbstverständlich nicht zu denken». Во всякомъ случаѣ, въ діалектѣ Мегаръ и ихъ колоній, на который прежде всего слѣдовало бы обратить вниманіе, подобныя явленія до сихъ поръ не наблюдались[5]).

Подводя итогъ всему сказанному, приходится, къ сожалѣнію, признать, что гг. Бреаль и Скіасъ почти совсѣмъ не подвинули впередъ рѣшеніе вопроса о значеніи и происхожденіи загадочнаго σαστήρ.

Къ строкамъ 25—28. Въ *Revue des études Gr.* 1893, стр. 132, приведена (въ addenda et corrigenda) замѣтка Отто Шультеса съ указаніемъ на слѣдующее мѣсто рѣчи Лисія пр. Филона (XXXI, 31): "Ἔτι δὲ ἐνθυμήθητε ποίων ἂν ὑμῖν δοκεῖ οὗτος ὅρκων φροντίσαι . . . ἢ ποῖα ἂν ἀπόρ-

---

[1]) Ср. нашу статью «Эпиграф. данныя о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ *Журн. М. Н. Пр.* 1884, іюнь, отд. кл. фил., стр. 48 сл.

[2]) Отмѣтимъ, что въ 5-й строкѣ присяги приведено слово σωτηρία въ обычной формѣ.

[3]) Кромѣ Гортинскихъ законовъ (III, 13 συνεσάδδει и III, 16 συνεσσάξαι) она встрѣчается въ глоссѣ Исихія: ὅκκα σάζει· ὅταν τύχῃ.

[4]) Die griech. Dialekte I, стр. 132.

[5]) Ср. *Fr. Köppner*, Der Dialekt Megaras und der Megar. Colonien въ 18 Supplementband d. Jahrb. f. class. Philologie (1891), стр. 531—563.

ρητα τηρῆσαι, ὅς οὐδὲ τὰ προειρημένα ποιῆσαι ἠξίωσε. «M. Schulthess (говорится въ замѣткѣ) conclut avec raison du contexte que les mots soulignés faisaient partie du serment des *bouleutes* (sur les autres fragments de ce serment cf. Gilbert, *Griech. Staatsalt.*, 2-e éd., I, p. 297) et leur compare les l. 25—27 de l'inscription de Chersonèse: καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν κτλ.»

Въ стр. 56—57 нами не было возстановлено сказуемое къ подлежащему γυναῖκες (μήτε γυν[αῖκες . . . | .]νοιεν μήτε . . .) вслѣдствіе того что, несмотря на ясность смысла, не удалось подобрать вполнѣ подходящаго глагола, но къ сожалѣнію не было сдѣлано и соотвѣтствующей оговорки въ комментаріи. На это мѣсто обратили вниманіе гг. Т. Ренакъ, Семеновъ и Скіасъ. Первый замѣчаетъ «il me semble qu'il y a place pour μήτε γυν[αῖκές μοι τεχ]νοῖεν ou en supprimant μοι» и приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ клятвенныхъ формулъ Дрирской и Итанской. Г. Семеновъ также указываетъ на Дрирскую клятву и, приведя предложенное къ ней шведскимъ ученымъ Даніельсономъ возстановленіе μήτε γυναῖκας τίκτειν κατὰ φύσιν, (ἀλλὰ θαύματα), заключаетъ: «Sehr zu bedauern ist, dass die erhaltenen Buchstabenreste unserer Inschrift eine solche Lesart nicht zulassen [1]». Наконецъ г. Скіасъ (Ἐφ. ἀρχ. 1892, σ. 257) предлагаетъ читать μήτε γυν[αῖκες εὐτε|χ]νοῖεν. Оба глагола (τεχνόω и εὐτεχνέω) по смыслу одинаково подходятъ къ данному мѣсту, но по количеству пропавшихъ буквъ скорѣе можно принять первый, конечно безъ мѣстоименія μοι, прибавка котораго вопервыхъ была бы плеоназмомъ, такъ какъ оно уже имѣется въ предыдущей фразѣ, а во вторыхъ вносила бы въ формулу нѣкоторую двусмысленность, такъ какъ могла бы подать поводъ думать, что у Херсонисцевъ существовало многоженство.

Къ № **3** (стр. 18). Толщина плиты — 0,038 м.; въ концѣ стр. 3 послѣ Y слабо замѣтна буква Λ; въ стр. 10 читается ΣΙΜΗΝΟ.

Къ № **4** (стр. 19). Толщина плиты—0,06. Камень найденъ, по словамъ г. Косцюшко, не на поверхности земли, а неглубоко въ землѣ около сѣверной стѣны новаго собора, при устройствѣ вокругъ него тротуара. На сторонѣ *А* въ концѣ строкъ 12—16, повидимому, буквъ больше не было; край камня лишь слегка сглаженъ у самаго ребра. На сторонѣ *Б* строка 1 читается такъ: ΓΕΛ ΑΙΣΤΟ.ΩΡΟΣ; стр. 3 начало: ΤΟΥ Ρ; стр. 8 начало: ΝΩΝΟΣ (слѣдуетъ возстановить [Νά]νωνος; это имя встрѣчается на херсонисскихъ монетахъ и амфорныхъ ручкахъ); въ концѣ стр. 12 читается ΙΝΙΝΔ.

Къ № **7** (стр. 25). По словамъ г. Косцюшко этотъ камень вынутъ г. Айналовымъ изъ фундамента колоннады праваго придѣла «Уваровской базилики». Описаніе плиты помѣщено въ изслѣдованіи А. Л. Бертье-Делагарда «Раскопки Херсониса» (*Матеріалы по арх. Россіи, изд. И. Арх. Комм.*, № 12, Спб. 1893), стр. 19. Авторъ сообщаетъ, между прочимъ, что средняя плита этого самаго фриза (безъ надписи), найденная тамъ же, раньше раскопокъ гр. Уварова, лейтенантомъ Шемякинымъ, хранится въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей [2]). Рисунокъ

---

[1]) Почему собственно сожалѣетъ объ этомъ г. Семеновъ, для меня остается непонятнымъ.

[2]) Упоминаніе о ней имѣется въ составленномъ *В. Н. Юргевичемъ* «Краткомъ указателѣ музея Од. Общ.» (изд. 2, 1890), стр. 80, № 11: «Часть храмоваго, мраморнаго, изящнаго фриза съ гирляндами и букраніемъ (бычій черепъ). По изящной работѣ принадлежитъ древнѣйшей эпохѣ. Изъ Херсониса».

вновь найденной плиты помѣщенъ на приложенной къ изслѣдованію г. Бертье-Делагарда табл. IV подъ № 2. Въ нашей копіи окаймляющія надпись черты надо уничтожить кромѣ правой, такъ какъ только съ правой стороны надпись доходитъ до самаго края камня, а отъ остальныхъ краевъ отстоитъ далеко и ничѣмъ не окаймлена. Г. Бертье-Делагардъ «по архитектурнымъ соображеніямъ» относитъ плиту къ I в. до Р. Хр.; но характеръ письма надписи несомнѣнно указываетъ на болѣе древнее время и скорѣе всего на эпоху, отмѣченную нами при изданіи надписи.

Къ № **8** (стр. 26). Надпись вырѣзана на кускѣ песчаника неправильной формы, найденномъ при раскопкахъ на берегу моря, по близости купальни (ср. Отч. И. Арх. Комм. за 1891 г., стр. 6). Форма буквы ω на рисункѣ передана не вполнѣ точно: на камнѣ она имѣетъ видъ Ω.

Къ № **10** (стр. 27). Проф. В. К. Ернштедтъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за сентябрь 1892 г., отд. класс. фил. стр. 147, предложилъ къ концу ст. 6 вполнѣ подходящую поправку [ἰα]ύεις. Другая его поправка къ ст. 10 опровергнута нами въ *Ж. М. Н. Пр.* за ноябрь того же года, отд. кл. фил. стр. 62.

Къ № **11** (стр. 30). Сказанное объ именахъ, нацарапанныхъ на урнахъ, слѣдуетъ исправить такъ: «на одной . . . урнѣ довольно старательно нацарапано имя ΑΠΕΛΛΑ, а на другой небрежно

ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ
ΑΡΚ....Cω

(слова эти, безъ сомнѣнія, обозначаютъ имена покойниковъ, прахъ которыхъ заключался въ этихъ урнахъ)». Ср. Отч. И. Археол. Комм. за 1891 г., стр. 142.

Къ № **12** (стр. 31). Толщина камня 0,032 м., задняя сторона отполирована. Въ концѣ 1-й строки вмѣсто L слѣдуетъ поставить ⅃I.

Къ № **13** (стр. 31). Обломокъ происходитъ не отъ пьедестала, а отъ мраморной плиты толщ. 0,06; нижній край сохранился.

Къ № **14** (стр. 32). Надпись была вырѣзана на тонкой (толщ. 0,025) мраморной плиткѣ, спереди и сзади отполированной; обломокъ склеенъ изъ 3-хъ частей, надпись вырѣзана по линейкамъ.

Къ № **15** (ibid.). Толщина камня 0,085, справа сохранился первоначальный край.

Къ № **17.** О мѣстѣ находки ср. Отч. И. Арх. Комм. за 1891 г., стр. 6.

Къ № **18** (стр. 33). На камнѣ въ стр. 4 можно разобрать: ΙΑΙΟΥΟΥΣΑΠΡΟΕΣΤ; въ концѣ стр. 6: ΜΕΝΟΣ; въ нач. стр. 7: ΔΙΩΚΩΝΑ и т. д.; въ концѣ стр. 8: ΓΩΙΣΟ-Η; въ стр. 10: – – – · –ΟΘΥΝ. Соотвѣтственно этимъ поправкамъ слѣдуетъ измѣнить и транскрипцію.

Къ № **20** (стр. 34). Толщина камня 0,085.

Къ № **21** (ibid.). Толщина плиты 0,025, сверху сохранился край, задняя поверхность отполирована. Къ тому же камню относится другой обломокъ, на которомъ сохранились буквы:

-Ι
ΣΤΟΥΖ
–

Къ № **22** (ibid.). Сохранившійся верхній край украшенъ карнизикомъ.

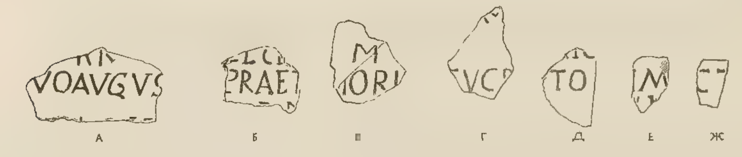
Къ № **23** (ibid.). При личномъ ознакомленіи съ обломками карниза оказалось возможнымъ соединить ихъ (кромѣ *д*) въ двѣ группы слѣдующимъ образомъ:

(б) (в) (а) (г)

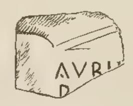
ΛΙΤΑΕΝ ΤΩ Ψ ΣΑΝΕ

Можно предполагать, что сохранившаяся на нихъ часть надписи читалась такъ: . . .κ]αὶ τὰ ἐν τῷ . . . . . . ῳ ἀνέ[θηκαν].

Къ № **24** (стр. 35). Плита, на которой вырѣзана надпись, оказалась изъ хорошаго бѣлаго мрамора съ синеватыми жилами; она имѣетъ въ толщину около 0,035 м., съ задней стороны также отполирована. Въ музеѣ оказалось *семь* обломковъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ этой же надписи, но къ сожалѣнію всѣ они, кромѣ изданнаго и еще одного довольно большаго (*б*), содержатъ всего по 2—3 буквы; тѣмъ не менѣе я нахожу полезнымъ сопоставить ихъ здѣсь на случай, не найдутся ли впослѣдствіи другія части того же памятника, очевидно имѣвшаго значительную величину. Обломки найдены въ храмѣ съ мозаичными полами.



Къ № **26** (ibid.). Несомнѣнно къ тому же памятнику принадлежитъ обломокъ отъ верхняго лѣваго угла, выш. 0,17 м., шир. 0,17, толщ. 0,035, съ сохранившимся началомъ надписи:

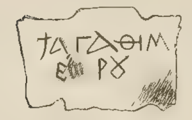


Къ № **27** (стр. 36). Десятая буква отъ начала, попорченная при изломѣ, была N. Всѣ остальныя буквы читаются совершенно ясно.

Къ № **28** (ibid.). Надпись вырѣзана не на плитѣ, а на ребрѣ бѣломраморнаго карниза. Въ музеѣ есть другой небольшой обломокъ, повидимому, отъ того же карниза, но съ надписью на другой сторонѣ; отъ надписи сохранились только буквы ΝΑΠΙ .

Къ № **29.** Правый верхній уголъ и часть лѣвой перекладины креста, показанные на рисункѣ обломанными, на самомъ дѣлѣ цѣлы, только передняя поверхность ихъ отчасти обломана. Вообще рисунокъ, снятый съ эстампажа, не вполнѣ точно передаетъ форму креста, которая на самомъ дѣлѣ болѣе правильна. Крестъ сдѣланъ изъ песчаника; найденъ онъ, по сообщенію К. К. Косцюшко, «по близости раскопанной катакомбы влѣво отъ дороги, ведущей изъ Севастополя къ монастырю».

Къ № **30** (стр. 37). Надпись вырѣзана не на плитѣ, а на обломкѣ креста изъ мѣстнаго камня; сохр. выш. 0,10, шир. 0,17, толщ. 0,12. Вотъ форма обломка съ болѣе точною копіею надписи, которая оказалась совершенно цѣлою:



Слѣдуетъ читать: Ἀγαθ(η)μέρου.

Къ № **31** (ibid.). Матеріалъ — известнякъ; справа сохранился первоначальный край.

Къ № **32** (ibid.). По сообщенію К. К. Косцюшко «куски сводика усыпальницы найдены съ западной стороны площади впереди новаго собора. Тутъ же открытъ совершенно разрушенный храмикъ съ мозаичнымъ поломъ, построенный надъ глубокими древними цистернами». Тщательное изученіе мною надписи на камнѣ дало въ результатѣ слѣдующую копію:

| ϯ ΚΕΚΙΜΗΠΕΟΕΡΜΑΚ | ΠΜΗΝΚΑΙΔΟΥΤ.ΘΥ·ΠΕΤΡΟ | ΙΟΣ ΙΡΩ·ΚΑ | ΙΚΛΗΡΙΚΟ | Σ |
| ΟΚΑΙΕΕΡΓΤΗΣ·Ι… | …ΣΕ ΚΛ…Λ·ΙΘ,Η ΤΗΣ | ϹΜΗΕΩΠΕΙΣΤ | ΗΝ·Β·Ε·Π | ΧΥΒ + |

Проф. В. К. Ернштедтъ сообщилъ намъ лично, что по его мнѣнію нѣтъ необходимости предполагать вмѣстѣ съ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ исчезновеніе куска камня между сохранившимися кусками 2-мъ и 3-мъ и вмѣсто имени Πέτρος слѣдуетъ читать Πετρ(ώ)[ν]ιος. Чтеніе ὁ καὶ εὐεργέτης по новой копіи кажется намъ не подлежащимъ сомнѣнію. Такимъ образомъ остается не разобранною только сильно попорченная часть 2-й строки на второмъ камнѣ свода.

Къ копіи надписи, изданной въ «прибавленіи» (стр. 40). Въ стр. 40 между буквами I и A слова QVANITIATEM сверху вырѣзана маленькая буква T, не замѣченная мною на эстампажѣ; рѣзчикъ, очевидно, желалъ исправить неправильно вырѣзанное слово. Къ тому же документу относится слѣдующій маленькій обломочекъ, найденный въ насыпи некрополя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той гробницы, покрышкою которой служилъ нашъ документъ:

ΑΣ
ITEEΞA
TЧEП

Текстъ надписи по нашему изданію перепечаталъ R. Cagnat въ *Revue archéologique*, 3 série, t. XXII (juillet-décembre 1893), p. 400—401, съ краткимъ резюме содержанія. — Маститый патріархъ латинскихъ епиграфическихъ штудій Теодоръ Моммзенъ, предполагающій въ свое время помѣстить нашъ документъ въ «прибавленіяхъ» къ III тому Corporis Inscr. Latinarum, сообщилъ намъ въ частномъ письмѣ, что въ концѣ строки 39-й слѣдуетъ читать *et omnibus annis (f)isco pariaverit* etc.

2. Къ Воспорскимъ надписямъ.

Къ № **15** (стр. 52). О мѣстѣ находки этого камня см. *Отч. И. Арх. Комм. за 1891 г.*, стр. 35.

Къ № **16** (стр. 53). Рисунокъ камня, впрочемъ не вполнѣ точный, помѣщенъ въ *Отч. И. Арх. Комм. за 1890 г.*, стр. 29. Проф. В. К. Ернштедтъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за ноябрь 1892 г., отд. кл. фил. стр. 64, представляя рядъ возраженій противъ сдѣланнаго мною, при любезномъ участіи покойнаго академика А. К. Наука, возстановленія этой метрической епитафіи, вмѣсто γονέων во 2 стихѣ предложилъ читать γανέων и высказалъ сомнѣніе въ вѣрности возстановленія σχίσσ' ἄπο въ томъ же стихѣ. Согласно выраженному имъ въ концѣ замѣтки желанію, чтобы я добылъ эстампажъ надписи для окончательнаго разрѣшенія остающихся еще сомнѣній, я обратился съ просьбою объ этомъ къ К. Е. Думбергу и, разсмотрѣвъ полученный отъ него эстампажъ вмѣстѣ съ проф. Ѳ. Г. Мищенкомъ, констатировалъ, что въ стихахъ 1, 3 и 4 *всѣ* буквы на камнѣ читаются болѣе или менѣе ясно и что предложенное мною чтеніе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, а въ стихѣ 2-мъ попорчено пять буквъ именно въ тѣхъ словахъ, которыя наиболѣе заинтересовали г. Ернштедта, но сохранившіеся на камнѣ остатки ихъ не подтверждаютъ ни предложеннаго г. Ернштедтомъ чтенія Γ.ΝΕΩΝ = γ[α]νέων, ни конъектуры Наука σχίσσ'ἄπο. Объ этомъ мною было заявлено въ замѣткѣ «Къ надгробію Христы, дочери Александра» въ *Ж. М. Н. Пр.* за іюнь 1893 г., отд. кл. фил. стр. 111—112 съ точнымъ снимкомъ 2-го стиха надписи.

Въ недавнее время В. К. Ернштедтъ сообщилъ намъ основанную на новомъ снимкѣ 2-го стиха конъектуру, которая окончательно и безспорно устанавливаетъ чтеніе испорченнаго мѣста, именно γ[νω]τῶν δὶς δ[ύ]ο. Прилагательное γνωτός, -ή еще у Омира употребляется, какъ существительное, въ значеніи *братъ* или *сестра*[1]); употребленіе δύο въ качествѣ несклоняемаго слова также извѣстно въ литературѣ, начиная съ Омира[2]); наконецъ, описательное выраженіе δὶς δύο вмѣсто τέσσαρες вполнѣ законно въ поэтической рѣчи. Такимъ образомъ окончательное чтеніе и переводъ епиграммы будутъ таковы:

Μελλόγαμόν με κόρην ἀπενόσφισε βάσκανος ᾽Άδης
Χρήστην καὶ γ[νω]τῶν δὶς δ[ύ]ο καὶ γενέτου,
μητρὸς ἐμῆς φθιμένης ὅς νηπίαχόν με κομίσσας
εἰς φλόγα καὶ σποδίην ἐλπίδας ἐξέχεεν[3]).

«Дѣву-невѣсту меня, Христу, унесъ завистливый Аидъ отъ четырехъ братьевъ и отъ родителя, который, воспитавъ меня съ дѣтства по кончинѣ моей матери, излилъ надежды въ пламя и пепелъ».

---

[1]) Hom. *Il.* 3, 174; 13, 697; 15, 350; 22, 234 и др.

[2]) Hom. *Il.* 10, 253; 13, 407; Herod. III, 130; VIII, 82; Thuc. III, 89 и др.

[3]) Къ этому стиху ср. ἐλπίδας ἐνθεμένη πυρὶ καὶ τάφῳ въ метрической надписи изъ Кизика, изд. въ *Athen. Mitth.* IV, p. 15. Къ 3-му стиху см. объясненіе В. К. Ернштедта въ указ. статьѣ.

Къ №№ **17—19** (стр. 54). Описаніе гробницы, въ которой найдены эти камни, см. въ *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1890 г., стр. 28—26. Тамъ же на стр. 26 помѣщенъ рисунокъ надгробія съ надписями № 17 *a* и *b*.

Къ № **20** (стр. 55). О мѣстѣ находки камня см. *ibid.* стр. 27.

Къ № **21** (стр. 56). О мѣстѣ находки см. *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1891 г., стр. 158.

Къ № **23** (стр. 57). Рисунокъ камня помѣщенъ *ibid.* стр. 48. На стр. 47 и 158 указано мѣсто находки камня.

---

3. Къ Тирасской надписи № 1 (стр. 58).

Лѣтомъ 1892 г. Археологическая Коммиссія препроводила камень въ даръ Московскому Историческому музею. А. В. Орѣшниковъ любезно сообщилъ мнѣ прекрасную фотографію съ камня, а также прилагаемый рисунокъ общаго вида его съ показаніемъ размѣровъ въ сантиметрахъ и съ добавленіемъ, что верхняя и боковыя плоскости камня обтесаны довольно гладко, а нижняя грубѣе. Онъ констатировалъ также, что вся лѣвая сторона пьедестала отломана; вслѣдствіе этого нѣтъ возможности опредѣлить, сколько именно буквъ пропало въ обѣихъ строкахъ, и можно предположить, что пропавшая часть надписи была длиннѣе предложенныхъ мною возстановленій.

По вопросу о времени надписи см. въ *«Чтеніяхъ въ обществѣ Нестора лѣтописца»* 1892, кн. 6, стр. 17, подробное изложеніе реферата, прочитаннаго профессоромъ Кіевскаго университета А. И. Сонни въ одномъ изъ засѣданій этого общества, и замѣтку его же въ *Филол. Обозр.*, т. V, отд. 1; стр. 53—55, подъ загл. «Къ вопросу о культѣ египетскихъ божествъ на сѣв. побережьѣ Чернаго моря», а также мою замѣтку *ibid.* стр. 140—142. Эти двѣ замѣтки касаются также и вопроса о возстановленіи надписи.

Танаидскую надпись № 1 (стр. 62) перепечаталъ *R. Cagnat* въ Revue arch. 3 s. t. XXII (1893), p. 402.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Вновь найденная Херсонисская надпись [1].

«Надпись вырѣзана на нижней, ровной сторонѣ мраморнаго карниза 3′ длины, 2′ ширины и ½′ толщины, при чемъ не задѣлано даже углубленіе, служившее для укрѣпленія карниза (между строками 6 и 7 слѣва), и только буквы надписи въ этомъ мѣстѣ уменьшены и сжаты. Камень найденъ (въ концѣ 1894 г.) съ наружной стороны оборонительной стѣны, по близости пристани» (сообщеніе г. Косцюшко). Высокія, но узкія и неглубоко врѣзанныя буквы надписи хорошо сохранились. Прилагаемый рисунокъ снятъ съ эстампажа, полученнаго отъ г. Косцюшко.

Исправивъ орѳографическія ошибки [2]) и дополнивъ (въ круглыхъ скобкахъ) слова, вырѣзанныя на камнѣ сокращенно, получимъ слѣдующую транскрипцію:

---

[1]) Эстампажъ этой надписи сообщенъ намъ въ то время, когда херсонисскія надписи настоящаго собранія были уже напечатаны; поэтому пришлось помѣстить этотъ документъ въ концѣ, ограничившись лишь самыми необходимыми къ нему примѣчаніями.

[2]) Орѳографическія поправки не заключены нами въ скобки, чтобы не слишкомъ пестрить ими текста.

† Ἐγένοντο αἱ πόρται τοῦ πραιτωρίου
σιδηραῖ, ἐνεκαινίσθησαν καὶ
αἱ λοιπαὶ τοῦ κάστρου ἐπὶ Ἰσακίου
μεγάλου βασιλέ(ως) καὶ αὐτοκράτορ(ος) Ῥωμαί(ων)
τοῦ Κομνηνοῦ κ(αὶ) Αἰκατερίνης τῆς εὐσεβεστάτης
Αὐγούστης διὰ Λέοντ(ος) π(ατ)ρικίου καὶ στρατηγοῦ Χερ-
σῶνος καὶ Σουγδ(αίας) τοῦ Ἀλιάτου, μη(νὸς) Ἀπρι(λίου),
ἰνδ(ικτιῶνος) ιβʹ, ἔτ(ους) ͵ςφξζ.

Переводъ. «Сдѣланы ворота преторія желѣзныя, возобновлены и прочія (ворота) города при Исакіи Комнинѣ, великомъ царѣ и самодержцѣ Римскомъ, и Екатеринѣ благочестивѣйшей Августѣ чрезъ Льва Аліата патриція и стратига Херсонскаго и Сугдейскаго, мѣсяца апрѣля, индикта 12, лѣта 6567».

Отмѣченный въ надписи годъ соотвѣтствуетъ 1059-му по Р. Хр. Какъ годъ, такъ и индиктъ обозначены совершенно правильно. Это былъ послѣдній годъ кратковременнаго царствованія Исаака I Комнина, коронованнаго 2 сентября 1057 г. и отрекшагося отъ престола въ началѣ декабря 1059 [1]). Названная рядомъ съ нимъ въ надписи «благочестивѣйшая Августа Екатерина»—это супруга Исаака, дочь болгарскаго царя Самуила [2]). Патрицій Левъ Аліатъ, занимавшій должность стратига Херсона (Корсуня) и Сугдеи, изъ другихъ источниковъ намъ не извѣстенъ.

Надпись представляетъ собою весьма интересный историческій памятникъ, бросающій просвѣтъ на весьма темную эпоху въ исторіи Корсуня и Сугдеи. Извѣстно, что со временъ императора Ѳеофила (829—842) Корсунь находился подъ непосредственною властью Византіи, образуя особую область (θέμα Χερσῶνος), состоявшую подъ управленіемъ стратига. Въ X в. Корсунь неоднократно упоминается въ нашихъ источникахъ (м. пр. въ сочиненіяхъ Константина Порфиророднаго), и его интересы ограждаются въ мирныхъ договорахъ съ русскими князьями Игоремъ и Святославомъ. Извѣстенъ походъ на Корсунь Владиміра Святаго, озарившій Русь свѣтомъ христіанства. Послѣ брака съ царевною Анною Владиміръ возвратилъ византійцамъ завоеванный Корсунь и съ тѣхъ поръ до половины XI вѣка мы не имѣли никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о положеніи и судьбахъ этого города [3]). Точно такъ же и въ исторіи Сугдеи (Сурожа русскихъ источниковъ, нынѣшняго Судака) разсматриваемый періодъ является весьма темнымъ. Нашъ глубокоуважаемый византинистъ В. Г. Васильевскій, въ недавнее время подробно изслѣдовавшій сохранившіяся свѣдѣнія объ этомъ городѣ [4]), замѣчаетъ объ этомъ времени слѣдующее: «Полное возстановленіе византійской государственной власти на полуостровѣ мы отно-

---

[1]) См. *Н. Скабалановича*, Визант. государство и церковь въ XI вѣкѣ (Спб. 1884), стр. 86.

[2]) Scyl. 642, 4; Bryenn. 19; Ioel 64, 1.

[3]) Данныя, относящіяся къ средневѣковой исторіи Корсуня, разобраны м. пр. въ статьѣ *А. А. Куника* «О запискѣ Готскаго топарха» (Зап. Имп. Ак. Наукъ т. 24, 1874 г., стр. 61—160).

[4]) «Историческія свѣдѣнія о Сурожѣ» составляютъ одну главу во введеніи къ житію св. Стефана Сурожскаго, изданному В. Г. Васильевскимъ въ *Журн. М. Н. Пр.* за май и іюнь 1889 г. и затѣмъ въ книгѣ «Русско-византійскія изслѣдованія, вып. 2» (Спб. 1893). Ср. также *Ф. К. Бруна* «Матеріалы для исторіи Сугдеи» (Черноморье, т. II, стр. 121—158).

симъ къ тому времени, когда, съ одной стороны, совершенно было низвергнуто господство Хазаръ войсками Василія Болгаробойцы въ союзѣ съ русскими подъ начальствомъ брата или родственника св. Владиміра (въ 1016 г.), а съ другой и самый Воспоръ или Керчь, прежній центръ хазарскаго владычества, сдѣлался вновь греческимъ достояніемъ... Императоръ Мануилъ Комнинъ (1143—1180) считалъ своимъ владѣніемъ Тмутаракань и городъ Росію (Ῥωσία) при устьѣ Дона, а это означало полное господство Византіи въ лежащихъ позади, ближе къ ней, таврическихъ предѣлахъ. Тогда, конечно, и Сурожъ не только числился, но и дѣйствительно сталъ находиться въ составѣ греческихъ владѣній. Но что онъ пережилъ въ промежутокъ между хазарскою властію и возстановленіемъ византійскаго владычества, объ этомъ можно только гадать, такъ какъ опредѣленныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній источники совсѣмъ не сообщаютъ». Вновь открытая надпись свидѣтельствуетъ, что въ срединѣ XI вѣка Корсунь и Сугдея находились подъ крѣпкою властью Византіи и послѣдній городъ входилъ въ составъ Херсонской ѳемы, бывшей по прежнему подъ управленіемъ стратига. Патрицій Левъ Аліатъ, занимавшій эту должность при Исаакѣ Комнинѣ, какъ мы видимъ изъ надписи, тщательно заботился объ укрѣпленіи Корсуня. Быть можетъ, мы не ошибемся, если поставимъ эту заботливость въ связь съ набѣгами печенѣговъ, сильно безпокоившими въ тѣ времена Византійскую имперію. Отношенія между Византіею и этими кочевниками давно уже послужили В. Г. Васильевскому темою для подробной спеціальной монографіи[1]). Отсылая къ ней читателей, желающихъ возобновить въ памяти эти отношенія въ 1-й половинѣ XI вѣка, мы замѣтимъ только, что послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго печенѣгами византійскимъ воеводамъ въ 1053 г. при Великомъ Прѣславѣ въ Болгаріи, императоръ Константинъ IX Мономахъ богатыми дарами купилъ у нихъ миръ, при чемъ печенѣги обязались въ теченіи тридцати лѣтъ не тревожить имперіи своими набѣгами; но уже въ 1059 г. они снова «выползли изъ своихъ норъ» и стали опустошать греческія области[2]). Очень можетъ быть, что правители областей, которыя подвергались опасности отъ набѣговъ грозныхъ сосѣдей, воспользовались договоромъ 1053 г. для того, чтобы по мѣрѣ возможности укрѣпить свои города на случай будущихъ набѣговъ, и что въ числѣ другихъ Левъ Аліатъ возобновилъ городскія ворота въ Корсунѣ.

Ближайшее по времени событіе изъ исторіи Корсуня извѣстно намъ изъ русскихъ источниковъ. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6574 = 1066 годомъ повѣствуется[3]), что русскій князь Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго, находясь въ Тмуторокани, бралъ дань съ касоговъ и другихъ народовъ; испуганные этимъ греки, разумѣется корсунскіе, послали къ нему «съ лестью» своего котопана, который вкрался въ довѣренность князя и однажды во время попойки подпустилъ въ его чашу ядъ, который скрывалъ подъ ногтемъ. Послѣ этого котопанъ возвратился въ Корсунь и, увѣренный въ дѣйствіи своего яда, объявилъ, что князь умретъ на седьмой день. Такъ и случилось: Ростиславъ, дѣйствительно, скончался 3-го февраля 1066 года; но корсунцы, безъ сомнѣнія возмущенные вѣроломствомъ котопана, побили его каменьями. Поставленный въ лѣтописи терминъ «котопанъ», очевидно, есть

---

[1]) «Византія и Печенѣги» въ *Журн. М. Н. Пр.* за ноябрь и декабрь 1872 г.

[2]) См. В. Г. Васильевскаго ук. ст., *Ж. М. Н. Пр.* 1872, ноябрь, стр. 136.

[3]) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. Археограф. Коммиссіи (Спб. 1872), стр. 162. *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс. II, 58.

не что иное какъ транскрипція греческаго титула ὁ κατεπάνω (= лат. *capitaneus*), обозначавшаго обыкновенно, какъ видно изъ приводимыхъ Дюканжемъ (Gloss. Graec. s. v.) цитатъ, верховнаго правителя области или города. Поэтому возможно предположеніе, что убійцею Ростислава былъ именно корсунскій стратигъ, быть можетъ тотъ самый Левъ Аліатъ, имя котораго сообщила намъ новая надпись.

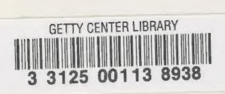
Въ заключеніе замѣтимъ, что латинское слово πόρτα въ византійскія времена получило полное право гражданства въ греческомъ языкѣ[1]) и сохраняется въ немъ доселѣ. Слово πραιτώριον также весьма часто употреблялось византійцами и притомъ въ разныхъ значеніяхъ, одно изъ которыхъ— «*Aula* seu *Palatium Praetoris* vel *Rectoris Provinciae*» по объясненію Дюканжа— вполнѣ подходитъ къ нашей надписи. Наконецъ, что касается слова *castrum*, то оно первоначально перешло въ греческій языкъ, повидимому, исключительно въ значеніи «укрѣпленіе», но затѣмъ стало употребляться и въ значеніи πόλις. Дюканжъ, приведя нѣсколько цитатъ, въ которыхъ κάστρον объясняется словами φρούριον или ὀχύρωμα[2]), замѣчаетъ затѣмъ, что въ его время греки называли κάστρα всѣ города кромѣ Константинополя, за которымъ сохраняли названіе πόλις[3]). Въ значеніи «укрѣпленнаго города» слѣдуетъ, кажется, принимать слово κάστρον и въ нашей надписи.

---

[1]) «Occurrit passim.» *Du Cange*, Gloss. med. et inf. Graec. s. v.

[2]) Gloss. med. et inf. Graec. s. v. κάστρον... «Glossae MSS. Reg. Cod. 1673 φρούριον, ὀχύρωμα, κάστρον, ἢ σωματοφυλάκιον. Lexicon MS. Cyrilli: ὀχύρωμα, κάστρον, ἀσφάλισμα, φρούριον. Suidas: Κάστρον, παρεμβολὴ ἡ ἀσφαλής. Leo in Tactic. cap. 17 § 57. ἐὰν δέ ποτε βουληθῇς φρούριον ἤτοι κάστρον, ἢ ἄκραν τινὰ καταλαβεῖν etc.... Hodie vero Graeci quasvis Urbes Κάστρα vocant, πόλιν vero solam Constantinopolim...» Cf. ibid. s. v. ΠΟΛΙΣ: «*Urbs*, Sola Constantinopolis a Graecis hodie appellatur per excellentiam, cum Urbes caeteras omnes Κάστρα vocare soleant». Въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго Корсунь и Воспоръ неоднократно называются κάστρα.

[3]) *А. А. Кочубинскій*, коснувшись значенія слова κάστρον въ объясненіяхъ къ Аккерманской греческой надписи 1440 года въ *Зап. Од. Общ.* т. XV (1889) стр. 533, замѣтилъ, однако, что въ оффиціальномъ языкѣ отмѣченное Дюканжемъ «разграниченіе въ употребленіи обоихъ терминовъ не выдерживается, и κάστρον, πόλις идутъ въ перемежку. Такъ, въ извѣстныхъ актахъ Константинопольскаго патріархата изъ XIV столѣтія читаемъ: κάστρον τῆς Μονεμβασίας и рядомъ: πόλις τῆς Μονεμβασίας [ссылка: I, 174, 170]».


GETTY CENTER LIBRARY
3 3125 00113 8938